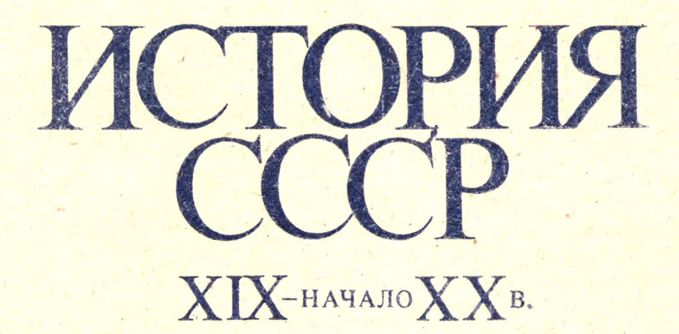
ИСТОРИЯ СССР

XIX НАЧАЛО XX

3 РОССИЯ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛ.-КОРР. АПН СССР, ПРОФЕССОРА И. А. ФЕДОСОВА

*Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебника
для студентов
высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «История»*

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1981

ББК 63.3(2)
И90

Авторы:
Вдовин В. А., Георгиев В. А., Ерофеев Н. Д., Киняпина Н. С., Левыкин К. Г., Федоров В. А., Федосов И. А. (рук. коллектива), *Цимбаев Н. И., Черменский Е. Д.*

Рецензенты:
кафедра истории СССР досоветского периода Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (зав. кафедрой — проф. *В. В. Мавродин*); доктор исторических наук *А. М. Анфимов*

История СССР (XIX — начало XX в.): Учебник/Под ред. И. А. Федо-
И90 сова. — М. Высш. школа, 1981. — 462 с.
Авт. указ. на об. титула и в предисловии.
В пер.: 2 р. 20 к.

Учебник охватывает период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы, становления и развития капитализма, перехода его в высшую стадию — империализм, крушения самодержавия в России. Подробно освещаются внутренняя и внешняя политика России, история культуры и освободительное движение народа. Специальные главы посвящены буржуазно-демократическим революциям 1905—1907 гг. и Февральской 1917 г. Книга содержит карты и иллюстрации.

И $\frac{10604-407}{001(01)-81}$ 4—81 0505020000

ББК 63.3(2)
9(С)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебник адресован студентам вторых курсов исторических факультетов университетов и педагогических институтов. Он написан в соответствии с утвержденной программой курса и состоит из четырех частей: разложение и кризис феодальной системы (начало XIX в. — конец 50-х годов XIX в.); утверждение капитализма в России (1861 — первая половина 90-х годов); период империализма (вторая половина 90-х годов XIX в. — февраль 1917 г.). Последняя часть книги посвящена истории развития культуры в XIX — начале XX в. во всех ее важнейших проявлениях.

В книге последовательно рассматриваются важнейшие исторические явления и процессы, характерные для этой эпохи: экономическое развитие от разложения феодальной системы до складывания государственно-монополистического империализма и его кризиса, эволюция социальной структуры, развитие политической государственной надстройки и отражение его во внутренней и внешней политике российского самодержавия.

Большое внимание уделяется истории классовой борьбы, общественной мысли, общественного и революционного движения на всех трех его этапах, выявлению экономических, социальных и политических предпосылок социалистической революции в нашей стране.

Учебник является прямым продолжением «Истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» — учебника, созданного коллективом авторов под руководством академика Б. А. Рыбакова (1975). С момента выхода в свет учебника «История СССР», т. 2 для исторических факультетов вузов («Россия в XIX в. Кризис феодализма. Утверждение капитализма» под ред. академика М. В. Нечкиной) прошло более сорока лет. Последнее издание этой книги вышло в 1954 г., и хотя она бесспорно сохраняет свое значение, как и ряд других пособий по истории СССР этого периода (История СССР в эпоху капитализма, 1861—1917 гг., под ред. А. Л. Сидорова, 1965; Очерки истории СССР первой и второй четвертей XIX в. С. Б. Окуня, 1957 и др.), необходимость создания учебника, отражающего современное состояние исторической науки, отвечающего сложившемуся учебному процессу, очевидна. Эту задачу и попытался выполнить коллектив кафедры истории СССР периода капитализма Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

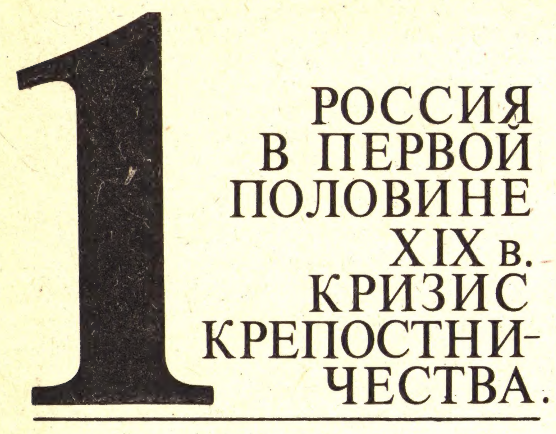
* * *

Авторами отдельных глав и параграфов являются: доц. Вдовин В. А. (глава 27); доц. Георгиев В. А. (глава 2, § 2; глава 4, § 2; главы 8, 9); к. и. н. Ерофеев Н. Д. (глава 19; глава 20, § 1, 3); проф. Киняпина Н. С. (главы 3, 14, 15); доц. Левыкин К. Г. (глава 18); проф. Фёдоров В. А. (главы 1, 5, 10, 11, 12, 16); проф. Федосов И. А. (глава 2, § 1; глава 4, § 1; главы 6, 7); к. и. н. Цимбаев Н. И. (главы 13, 17); проф. Черменский Е. Д. (глава 20, § 2, 4; главы 21, 22, 23, 24, 25, 26).

Хронологическая таблица составлена В. А. Фёдоровым; библиография — к. и. н. Р. Г. Эймонтовой; научно-вспомогательная работа выполнена Р. М. Александровой.

Иллюстративный материал подобран преимущественно из фондов Государственного исторического музея.

Схемы составлены В. А. Фёдоровым, карты подобраны им же.

1 РОССИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. КРИЗИС КРЕПОСТНИЧЕСТВА.

ГЛАВА 1
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Первая половина XIX в. в социально-экономической истории России — это время продолжающегося разложения феодальной формации и вызревания в недрах ее новых, капиталистических отношений. Разложение феодально-крепостнической системы достигает такой степени, когда старые общественные отношения начинают мешать развитию производительных сил, т. е. степени кризиса, конфликта между ними. Кризисный характер эпохи обусловливает многообразие форм переплетения, взаимодействия и борьбы прогрессивных и регрессивных тенденций, что проявляется и в социальных отношениях, классовой борьбе, общественной мысли, в политике правительства.

К началу XIX в. Россия представляла собой огромную континентальную страну, занимавшую обширную территорию Восточной Европы, Северной Азии и часть Северной Америки (Аляску). В первой половине XIX в. территория страны значительно расширилась, к середине XIX в. размеры ее достигли 18 млн.кв. км, а население составляло 74 млн. человек. Огромные пространства, большое разнообразие природных, экономических и этнических условий накладывали отпечаток и на структуру общества, и на характер экономического развития страны. Вместе с расположением феодальной системы хозяйства в колонизуемых регионах распространялись помещичье землевладение и крепостной труд.

1. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ

К началу XIX в. европейская часть России была разделена на 47 губерний и 5 областей (Астраханская, Таврическая, Кавказская, земля Войска Донского и земля Войска Черноморского). В дальнейшем численность губерний увеличилась как за счет присоединения к России новых территорий, так и выделения новых губерний из состава прежних, некоторые области (Астраханская и Таврическая) получили название губерний.

К середине века вся Россия состояла из 69 губерний и областей, каждая из которых, в свою очередь, подразделялась на уезды (на Украине и Белоруссии — поветы). В среднем на губернию приходилось по 10—12 уездов; наименьшее число уездов было в Астраханской губернии (5), наибольшее — в Курской (15). Некоторые группы губерний были объединены в генерал-губернаторства и наместничества. В европейской части России в генерал-губернаторства были объединены три литовские (Виленская, Ковенская и Гродненская) губернии с центром в Вильне и три правобережноукраинские (Киевская, Подольская и Волынская) губернии с центром в Киеве. Закавказские губернии были объединены в Кавказское наместничество с центром в Тифлисе.

В конце XVIII — первой половине XIX в. в России достаточно четко определились отдельные хозяйственные регионы, в которых те или иные отрасли народного хозяйства занимали ведущее место и тем самым определяли облик региона.

В центре европейской России вокруг Москвы сложился Центрально-промышленный район, в который входили Московская, Владимирская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская и Калужская губернии. Здесь сосредоточивались наиболее значительные промышленные и торговые центры страны, основная часть крупного и мелкого промышленного производства; неземледельческие занятия населения играли весьма существенную роль. С юга к указанному региону примыкал Центрально-чернозем-

ный земледельческий район (губернии Рязанская, Тульская, Воронежская, Тамбовская, Орловская и Курская) со слаборазвитой промышленностью, господством барщинного помещичьего хозяйства, ориентировавшегося на производство хлеба для продажи. Это был в дореформенную эпоху основной зерновой район России. И тот и другой регионы отличались высокой плотностью населения.

Северный регион включал в себя Вологодскую, Архангельскую и Олонецкую губернии с относительно редким населением, которое соединяло занятия сельским хозяйством с охотой и рыболовством. Обилие лесов, сенокосных и пастбищных угодий обусловило сохранение здесь подсечной системы земледелия в сочетании с трехпольем, способствовало развитию мясо-молочного хозяйства и лесных промыслов. Северо-Западный регион (Петербургская, Новгородская и Псковская губернии) примыкал к крупнейшему промышленному, политическому, культурному центру страны и важнейшему порту на Балтике — Петербургу. Петербург определял промышленный облик всего Северо-Западного региона. Еще в дореформенную эпоху в северо-западных губерниях России развивались в торговых целях мясо-молочное хозяйство и льноводство.

Для Прибалтийского (Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии) и Литовского (Виленская, Ковенская и Гродненская губернии) регионов характерны были интенсивное земледелие, ориентировавшееся на европейский рынок. Сельскохозяйственная продукция вывозилась через Ригу и Ревель — наиболее значительные после Петербурга балтийские порты, которые являлись и крупными промышленными центрами.

Белорусский регион составляли Минская, Витебская, Могилевская и примыкавшая к ним Смоленская губернии. Это — преимущественно земледельческий район с преобладанием барщинного помещичьего хозяйства. Основные виды товарной сельскохозяйственной продукции — рожь, гречиха, овес, картофель, ячмень, овес — в основном шли на европейский рынок.

На Правобережной Украине (Киевская, Волынская и Подольская губернии) и Левобережной Украине (Черниговская, Полтавская и Харьковская губернии) преобладали крупные помещичьи латифундии. Хозяйственный облик этих двух районов определяли зерновое производство, свекловодство, животноводство и промышленность по переработке сельскохозяйственной продукции (свеклосахарная, винокурение и др.). Южный степной регион (Бессарабская область, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губернии и область Войска Донского) с плодородными почвами и редким населением привлекал сюда всевозраставший поток переселенцев из Центральной России и Украины.

В первой половине XIX в. юг России оказался районом интенсивной колонизации и относительно свободного развития предпринимательского сельского хозяйства. Помещичье хозяйство здесь играло незначительную роль или совсем отсутствовало. Огромные земельные пространства позволяли на первых порах развивать экстенсивное сельское хозяйство — сначала животноводство (в основном мериносовое овцеводство), а впоследствии хлебопашество (производство пшеницы, подсолнечника), разведение винограда. Сельскохозяйственная продукция данного региона направлялась на европейский рынок через черноморские порты: Херсон, Николаев и особенно Одессу.

Районом интенсивной колонизации являлось также Степное Предкавказье (Ставропольская, Терская, Кубанская губернии и Черноморский округ). Обилие свободных и удобных для сельского хозяйства земель привлекало сюда большой поток переселенцев из Центральной России. Первоначально ведущей отраслью хозяйства в Степном Предкавказье, как и в степном Юге, было скотоводство, которое постепенно уступало место земледелию — в основном производству пшеницы на продажу.

В Среднее Поволжье входили Казанская, Симбирская, Самарская и Пензенская губернии. Удельные и государственные крестьяне составляли большинство населения этого многонационального региона. Относительно редкое население заволжской части и наличие еще свободных земель привлекали в этот край приток переселенцев из центра России и в первой половине XIX в. Районом интенсивной колонизации было Нижнее Поволжье (Саратовская и Астраханская губернии). Хозяйственный облик регионов Среднего и Нижнего Поволжья определяло все увеличивавшееся производство зерна на продажу. Этому в большой степени способствовала крупнейшая транспортная артерия страны — р. Волга. Хлеб Поволжья поступал преимущественно на внутренний рынок.

Обширный регион Урала и Приуралья (Вятская, Пермская, Оренбургская и Уфим-

ская губернии) отличался большим разнообразием экономико-географических особенностей. Однако облик его определяли крупные горные и металлургические заводы, основанные на принудительном труде. В этом районе находились крупнейшие земельные владения заводчиков России. Каждый крупный завод с принадлежавшими ему сотнями тысяч десятин лесных, пахотных и сенокосных угодий, со своим административным управлением представлял собой как бы автономную территорию.

Большим разнообразием в хозяйстве по уровню своего экономического и социального развития отличалось многонациональное Закавказье. Здесь промышленное производство было развито слабо. Центрами торговли и ремесла являлись старинные города Грузии, Армении, Азербайджана. В целом в Закавказье господствовали натуральное хозяйство и патриархальные отношения.

Разнообразием географических и экономических условий, обширными пространствами, редким населением отличались Сибирь и Дальний Восток. В 1795 г. удельный вес населения Сибири по отношению к населению Европейской части России составлял 3,4%, в 1863 г. — 5,3%. Больше всего была заселена и освоена южная часть Западной Сибири. Именно сюда направлялся заметно увеличившийся в первой половине XIX в. поток переселенцев. Шло заселение и южной части Восточной Сибири (особенно бассейна Ангары и Забайкалья). С середины XIX в. началось заселение и освоение Приморского края на Дальнем Востоке.

Образование хозяйственных регионов страны являлось важным показателем роста производительных сил и общественного разделения труда. Немалое значение в складывании этих районов имели естественно-географические условия, однако все большую роль в конце XVIII — первой половине XIX в. стали играть внутренние факторы, вызванные закономерностями экономического развития. Хозяйственная специализация регионов способствовала развитию товарно-денежных отношений в стране.

2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. КРЕСТЬЯНЕ И ПОМЕЩИКИ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. Россия была аграрной страной. $^9/_{10}$ ее населения составляло крестьянство, а сельское хозяйство являлось преобладающей отраслью экономики страны. Развитие сельского хозяйства в дореформенной России носило экстенсивный характер; оно происходило не столько за счет улучшения обработки почвы и внедрения новых агротехнических методов, сколько за счет расширения площади посевов. С 1802 по 1860 г. она возросла с 38 до 58 млн. десятин (на 53%), а валовые сборы хлебов — с 155 до 220 млн. четвертей (в одной четверти — 8—10 пудов). Прирост посевных площадей происходил в основном за счет осваиваемых районов Южной Украины, Бессарабии, Предкавказья и Среднего Поволжья. Урожайность хлебов в течение всей первой половины XIX в. находилась на низком уровне: обычные урожаи составляли примерно сам-2,5 — сам-3, в благоприятные годы — сам-4 — сам-6[1]. Частым явлением были неурожаи как общего, так и местного характера. Наиболее тяжелыми были неурожаи 1820—1821, 1833, 1835, 1839, 1848, 1855 и 1859 гг., вызвавшие массовый голод населения и падеж скота.

Господствующей системой земледелия было традиционное, сложившееся веками, трехполье: яровые — озимые — пар. При трехполье урожайность поддерживали не только пар и удобрения, но и чередование культур. В северных районах страны, при обилии лесных угодий и недостатке пахотных земель, существовала подсечно-огневая система земледелия в соединении с трехпольем. В южных степных районах с обширными земельными пространствами и относительно редким населением широко была распространена залежная система земледелия.

Среди сельскохозяйственных культур преобладали «серые» хлеба: рожь, овес и ячмень. В центрально-черноземных губерниях, в Среднем Поволжье и южной степной полосе значительный удельный вес составляли посевы пшеницы. С 40-х годов XIX в. расширяются посевы картофеля, который из огородной культуры становится полевой. На Украине широкое распространение получили посевы сахарной свеклы, которая шла на сахарные заводы и в винокурение.

Важнейшей отраслью сельского хозяйства являлось животноводство. В целом по стране оно носило натуральный характер: скот разводился главным образом «для домашнего употребления». Товарное животноводство имело место в Ярославской, Тверской и Воло-

---

[1] То есть одно зерно посева приносило 2,5—3 или 4—6 зерен урожая.

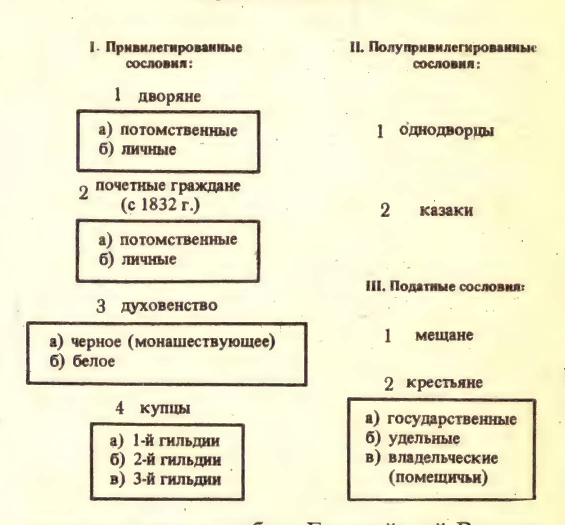
годской губерниях, в Прибалтике и в степной полосе России.

Низкий уровень сельского хозяйства в дореформенной России обусловливался в первую очередь тормозящим влиянием крепостного права, при котором «ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»[1].

Однако в первой половине XIX в. и в сфере сельского хозяйства наблюдаются определенные сдвиги. Интенсивно осваиваются юг Украины, степное Предкавказье и Заволжье. Расширяются посевы технических культур. Вводится плодосменная система земледелия с травосеянием. Внедряются различные технически более совершенные сельскохозяйственные орудия и механизмы: молотилки, веялки, сеялки, жатки, — изобретателями которых нередко являлись крестьяне. Растет применение наемного труда в земледелии. В 50-х годах в сельском хозяйстве России насчитывалось свыше 700 тыс. наемных рабочих, из них до 300 тыс. — на сезонных сельскохозяйственных работах в южных степных губерниях, 150 тыс.—в Заволжье, 120 тыс.— в Прибалтике и 130—150 тыс.— в остальных районах страны, преимущественно в губерниях с высоко развитым промысловым отходом населения. Расширяется аренда и покупка земли крестьянами. К середине XIX в. среди государственных крестьян насчитывалось 268 тыс. земельных собственников, которые приобрели свыше 1 млн. 113 тыс. десятин земли. Помещичьими крестьянами только в восьми центрально-промышленных губерниях было куплено (на имя помещиков) до 240 тыс. десятин земли.

В конце XVIII — начале XIX в. формируются очаги и центры торгового земледелия: в степной части Юга России и в Заволжье складываются районы зернового хозяйства и тонкорунного овцеводства, в Крыму и в Закавказье — центры виноградарства и шелководства, в нечерноземных губерниях — районы торгового льноводства, коноплеводства, хмелеводства, а около крупных городов и промышленных центров — торговое огородничество.

Центрально-земледельческие, степные и поволжские губернии являлись основными производителями товарного хлеба. По последним подсчетам исследователей, общая

масса товарного хлеба в Европейской России в 50-х годах XIX в. составляла около 392 млн. пудов (18% среднегодового сбора хлебов). Из этого числа 70 млн. пудов шло на экспорт, 72 млн. — на винокурение, 110 млн.— на нужды городов, 18 млн. — на армию, 72 млн. закупало негородское промысловое население преимущественно центрально-промышленных губерний. Вместе с тем в самих промышленных губерниях заметно увеличились площади под техническими сельскохозяйственными и огородными культурами. Так, производство льноволокна во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях за первую половину XIX в. возросло в 5 раз и достигло 2 млн. пудов в год. Обширные районы торгового коноплеводства создались в Калужской и Нижегородской губерниях. В одной Калужской губернии производилось до 500 тыс. пудов пеньки. Крупным центром промышленного огородничества являлся Ростовский уезд Ярославской губернии. Пойменные земли около озера Неро вблизи г. Ростова стали «колыбелью русского огородничества». Продукция ростовских огородников шла не только на внутренний, но и на внешний рынок. До 5—6 тыс. ростовских крестьян ежегодно уходили «для огородных работ» в Петербург, Москву, Ригу и другие города, где были созданы предпринимательские огородные хозяйства ростовскими же огородниками. В Богородском и Бронницком уездах Москов-

---
[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 185.

ской губернии возник район торгового хмелеводства, охватывавший 142 селения. В 40-х годах XIX в. здесь выращивалось до 10 тыс. ц хмеля, значительная часть которого отправлялась на экспорт. В Московской, Ярославской, Тверской и Нижегородской губерниях возникли центры торгового луководства, табаководства, птицеводства, мясо-молочного хозяйства.

Конечно, удельный вес предпринимательского земледелия в сельском хозяйстве был тогда еще невелик. Несложные машины и новые агротехнические приемы еще не получили сколько-нибудь значительного распространения.

ПОМЕЩИКИ И ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО. РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА. По данным восьмой ревизии (1833) в России насчитывалось 127,1 тыс. помещиков, которые вместе со своими семьями составляли около 1% населения страны. Из них владели крепостными крестьянами 109,3 тыс. помещичьих семей. Большинство — 76,2 тыс. (70%) — относились к числу мелкопоместных, у которых имелось до 21 души мужского пола крестьян. На каждую такую мелкопоместную семью приходилось в среднем по 7 душ мужского пола крестьян. Крупнопоместных владельцев насчитывалось 3726 (около 3%), но у них находилась половина (5120 тыс. душ мужского пола) крепостных крестьян (в среднем по 1350 крестьян на одно владение). Среди этих помещиков выделялись крупные магнаты — Шереметевы, Юсуповы, Воронцовы, Гагарины, Голицыны, владевшие каждый десятками тысяч крепостных крестьян, сотнями тысяч десятин земли. Как правило, крупные душе- и землевладельцы принадлежали к титулованной знати и занимали высшие посты в государстве. К десятой ревизии (1857) численность помещичьих семей, владевших крепостными, сократилась на 7,5%, в основном за счет разорения мелкопоместных владельцев.

К середине XIX в. в Центральной России дворянское землевладение несколько сократилось (за счет продажи дворянами своих земель лицам из других сословий) и одновременно значительно выросло в районах Приуралья, Среднего и Нижнего Поволжья, Степного Юга, в основном за счет крупных земельных пожалований царским сановникам. К 1858 г. дворянское землевладение увеличилось примерно на 3%. Во владении дворян в то время находилось 104,8 млн. десятин земли, или свыше 32% всех земельных угодий в Европейской России. В центральных губерниях дворянам принадлежало более половины, а в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине — свыше двух третей земельных угодий. Примерно треть земли в барщинных и до двух третей в оброчных имениях предоставлялась в надел крестьянам.

Классическое крепостное барщинное хозяйство характеризуется следующими признаками: 1) господством натурального хозяйства; 2) наделением непосредственного производителя (крестьянина) средствами производства, в первую очередь землей, и прикреплением его к земле; 3) личной зависимостью крестьянина от помещика — внеэкономическим принуждением; 4) крайне низким, рутинным состоянием техники [1].

Разложение крепостного хозяйства выражалось в нарушении этих непременных условий его существования. Вторжение товарно-денежных отношений подрывало натуральный характер крепостного хозяйства. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, — писал В. И. Ленин,—было уже предвестником распадения старого режима» [2]. Расширение барской запашки в связи с увеличением производства помещичьего хлеба на продажу приводило к сокращению крестьянских наделов в земледельческих губерниях. В промышленных губерниях «открепление» крестьян от надела выражалось в отвлечении их от земледелия к более выгодным промысловым занятиям. Все это подрывало второе условие существования крепостного хозяйства — прикрепление крестьян к земле. Под влиянием новых социально-экономических процессов, происходивших в стране, претерпевало изменения и третье условие существования крепостного хозяйства — внеэкономическое принуждение. «...Крепостное право, — писал В. И. Ленин, — при более широкой возможности развития обмена, торговых сношений все более и более разлагалось, и все более расширялся круг освобождения крестьянства» [3]. Как отмечалось выше, некоторые сдвиги были заметны в технике сельскохозяйственного производства.

Разложение крепостничества проявлялось по-разному в разных районах страны, и сам

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 184—185.
[2] Там же, с. 184.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 76.

этот процесс носил противоречивый характер: в неземледельческих губерниях крестьян переводили с барщины на оброк и внеэкономическое принуждение несколько ослаблялось, в земледельческих, наоборот, росла барщина и усиливалось внеэкономическое принуждение. Характерно, что в странах к востоку от Эльбы, к которым принадлежала и Россия, при более медленном переходе от феодализма к капитализму наряду с развитием денежной ренты наблюдались консервация и даже усиление отработочной ренты — барщины. С конца XVIII до середины XIX в. в целом по России удельный вес барщинных крестьян не только не уменьшился, но даже увеличился — с 56 до 71%. Таким образом, к моменту отмены крепостного права барщинная форма эксплуатации решительно преобладала над оброчной. Расширение барщины было обусловлено, с одной стороны, втягиванием помещичьего хозяйства в товарно-денежные отношения, ростом производства хлеба на продажу, с другой — еще недостаточным промышленным развитием страны, ее аграрным характером. Следует отметить, что отработочная рента (барщина) эпохи разложения феодально-крепостнической системы хозяйства в отличие от более раннего периода была направлена на производство товарной продукции.

Дальнейшее расширение барщинной формы эксплуатации крестьянства в дореформенной России отнюдь не является показателем ее большей «рентабельности» по сравнению с оброком. Наоборот, кризис крепостного хозяйства проявился в первую очередь как кризис барщинной системы, что находило свое выражение в неуклонном падении производительности барщинного труда. По мере превращения крестьянского хозяйства из натурального в мелкотоварное крестьянин, выступая за наиболее благоприятные условия своего хозяйствования, все более тяготился господской работой и саботировал ее. Помещики постоянно жаловались на «лень» и «нерадение мужика» на барской работе. «Взглянем на барщинскую работу. Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше, — ему не дело делать, а день убить» — писал в 1847 г. в статье «Охота пуще неволи» известный славянофил и крупный помещик А. И. Кошелев. Помещики увеличивают число барщинных дней в неделю, вводят «урочную» систему (т. е. определенные нормы дневной выработки на барщине), иногда практикуют частичную оплату барщинных работ. Однако все эти меры «стимулирования» и интенсификации барщины не могли возместить возрастающие потери от падения производительности барщинного труда.

Серьезные трудности переживали и оброчные помещичьи имения. Распространение с конца XVIII в. в нечерноземных губерниях крестьянских неземледельческих промыслов, которые вначале, еще при недостаточном их развитии, оплачивались «сравнительно сносно», явилось определяющим фактором перевода здесь крестьян на оброк и стремительного роста размеров оброка. Возросли тогда и доходы оброчных помещичьих имений. Однако дальнейшее развитие этих промыслов, породившее конкурентную борьбу между ремесленниками, а также рост фабричной промышленности, подрывавшей многие традиционные крестьянские промыслы, привели к сокращению заработков крестьян, что отразилось на падении их платежеспособности, а следовательно, и доходности помещичьих имений. Дальнейший нажим помещиков на крестьян еще более подрывал платежные возможности оброчной деревни. Начиная с 20-х годов XIX в. повсеместно растут недоимки — показатель непосильности оброков для крестьян.

Некоторые помещики стремились повысить доходность своих имений путем применения новых методов ведения сельского хозяйства: вводили многопольный севооборот, приглашали из-за границы специалистов-фермеров, выписывали дорогостоящие сельскохозяйственные машины, удобрения, новые сорта семян, улучшенные породы скота и пр. Такое «рационализаторство» было по плечу только богатым помещикам. Однако эти рационализаторские опыты в условиях крепостной России терпели неудачу и разоряли помещиков-«новаторов». Даже прославившееся своими достижениями калужское имение помещика Полторацкого Авчурино, куда другие помещики ездили ознакомиться с новыми методами ведения хозяйства, не окупало себя и могло существовать как опытное только потому, что у его владельца были другие имения, работавшие на Авчурино. Но и это «показательное» хозяйство, по словам одного из современников, «исчезло как блестящий феномен в сельскохозяйственном мире, оставив по себе грустные развалины

Русская деревня.
К. И. Кольман.
Литография. 1825

Крестьянин-отходник.
Аткинсон. Гравюра. 1803

Помещичья усадьба.
Кузьминки. Литография.
1-я пол. XIX в.

Семейный портрет.
И. Ф. Хруцкий. 1854

напрасно затраченных трудов и капитала».

Важным показателем упадка помещичьего хозяйства является рост задолженности помещиков. Помещики стали закладывать свои имения в кредитных учреждениях еще во второй половине XVIII в. Особенно быстро росло число заложенных помещиками крестьян в предреформенные десятилетия: в 1833 г. в залоге числилось 4,5 млн. душ, а в 1859 г. — 7,1 млн. (65%). Общая сумма помещичьего долга к 1859 г. составила 425,5 млн. руб. Она в два раза превосходила годовой доход в государственном бюджете. Основная масса помещиков тратила полученные ссуды непроизводительно, что свидетельствовало о росте паразитизма помещичьего класса. Щедрая финансовая помощь помещикам со стороны государства осуществлялась за счет народа, в первую очередь за счет крестьянства.

КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Крестьяне в дореформенной России делились на три основные сословные категории — помещичьи, государственные и удельные.

Помещичьи крестьяне составляли самую большую по численности категорию крестьянства. Перед отменой крепостного права их насчитывалось 23,1 млн. человек обоего пола, в том числе 1467 тыс. дворовых и 543 тыс. приписанных к частным заводам и фабрикам. Основная масса крепостных крестьян приходилась на центральные губернии страны, Литву, Белоруссию и Украину, где они составляли от 50 до 70% к остальному населению. В северных и южных степных губерниях удельный вес крепостных крестьян составлял от 2 до 12%. Совсем не было крепостных в Архангельской губернии, в Сибири их насчитывалось всего 4,3 тыс. человек обоего пола.

По формам феодальной эксплуатации помещичьи крестьяне подразделялись на оброчных и барщинных. Оброчные крестьяне сосредоточивались преимущественно в центрально-промышленных губерниях. Здесь накануне отмены крепостного права на оброке находилось 67,5% крестьян. В губерниях с развитым промысловым отходом на оброк было переведено до 80—90% крестьян. В земледельческих центрально-черноземных, средне- и нижневолжских губерниях на оброке было от 23 до 27% крестьян, а в Литве, Белоруссии и на Украине почти все помещичьи крестьяне находились на барщине (оброчные крестьяне там составляли всего 1—7%).

Разновидностью барщины являлась «месячина», получившая свое название от платы натурой в виде месячного продовольственного пайка и одежды, которые выдавались крепостным крестьянам, лишенным земельных наделов и обязанным все рабочее время находиться на барщине. Переведенный на месячину крестьянин иногда сохранял свое хозяйство (двор, сельскохозяйственный инвентарь и скот, на содержание которого он тоже получал месячину), но чаще всего жил на барском дворе и обрабатывал помещичье поле господским инвентарем. Месячина являлась одним из средств интенсификации барщины. Имение, в котором крестьяне были переведены на месячину, фактически превращалось в плантаторское хозяйство. Месячина из-за дополнительных затрат помещика на содержание крестьян-месячников и крайне низкой производительности их труда не получила сколько-нибудь значительного распространения.

Более широко помещики практиковали смешанную форму эксплуатации крестьян, т. е. сочетание барщины с оброком: например, обложение барщинных крестьян дополнительной денежной повинностью либо требование с оброчных крестьян сверх уплачиваемого ими оброка выполнения некоторых барщинных работ. Поэтому при смешанной системе феодальной эксплуатации в большинстве случаев либо барщина преобладала над оброком, либо оброк над барщиной. Вследствие этого в статистике того времени крестьяне, выполнявшие смешанную повинность, оказывались либо в числе барщинных, либо в числе оброчных. Эта форма феодальной эксплуатации была связана с проникновением в помещичью деревню товарно-денежных отношений и наибольшее распространение получила в промыслово-земледельческих губерниях, где крестьяне соединяли земледелие с промысловыми занятиями. Так, в Тверской, Ярославской, Костромской и Калужской губерниях смешанную повинность выполняли от 21 до 33% помещичьих крестьян.

Формы и размеры феодальной эксплуатации в значительной мере определялись характером крестьянского хозяйства в различных районах страны. Так, в промышленных губерниях с относительно высоким развитием промысловых занятий крестьян помещики предпочитали отпускать крестьян на оброк; в земледельческих, наоборот, они расширяли барскую запашку и стремились как можно большее число крестьян держать на барщине. С конца XVIII до середины XIX в. феодальные повинности крестьян значительно возросли: размеры барской запашки на одну душу увеличились на 65%, а размеры оброка в центрально-промышленных губерниях — в 3,5 раза, в центрально-земледельческих — в 2,5 раза.

Сокращались и крестьянские наделы, особенно в земледельческих губерниях в связи с расширением барской запашки за счет лучших крестьянских земель. Известный славянофил и публицист Ю. Ф. Самарин писал в 1856 г.: «Крестьянские поля уменьшаются до последней степени и лучшие земли отходят под господскую запашку». Часть крестьян совсем лишалась своих наделов и переводилась в дворовые. Только с 1851 по 1858 г. число дворовых в стране увеличилось с 1036 тыс. до 1467 тыс. человек, т. е. на 40%, при этом в земледельческих губерниях численность дворовых возросла в 2—3 раза. Ухудшилось и качество крестьянских надельных земель — крестьяне переселялись на менее удобные земли, лучшие из них помещики оставляли себе. Рост барской запашки сокращал время, необходимое крестьянину для надлежащей обработки своего надела. Вследствие этого урожайность на крестьянских полях падала: крепостное право подрывало производительные силы крестьянского хозяйства.

Положение государственных крестьян было несколько лучше, чем помещичьих. Они принадлежали казне и официально считались «свободными сельскими обывателями». К разряду государственных крестьян относились различные группы незакрепощенного сельского населения как коренных русских территорий, так и присоединенных земель: бывшие черносошные крестьяне, экономические (отобранные в 1764 г. у монастырей), остатки незакрепощенного крестьянства Прибалтики, Белоруссии, Украины, Закавказья, Поволжья, Сибири, деклассированные пред-

ставители других сословий. В 1796 г. государственных крестьян мужского пола насчитывалось 6034 тыс., а в 1857 г. — 9345 тыс. (около 19 млн. человек обоего пола). Основная масса государственных крестьян была сосредоточена в северных и центральных губерниях России, на Левобережной и Степной Украине, в Поволжье и Приуралье. Это—тоже феодально зависимая категория крестьянства. Здесь в роли феодала выступало само государство, предоставлявшее крестьянам в пользование определенные наделы, за которые они обязаны были выполнять фиксированные законом феодальные повинности (оброк) и, кроме того, платить общегосударственные и местные налоги. Оброк и подушная подать государственных крестьян выросли за половину века в три раза. Нормы крестьянских наделов устанавливались в размере 8 десятин на одну душу мужского пола в малоземельных и 15 десятин — в многоземельных губерниях, фактически же государственные крестьяне владели значительно меньшим количеством земли. В начале 40-х годов XIX в. из 43 губерний, в которых находились государственные крестьяне, только в семи их надел превышал 8-десятинную норму, в 30 губерниях он был ниже 5 десятин, а в 13 составлял от 1 до 3 десятин на душу. Однако в целом государственные крестьяне были обеспечены землей значительно лучше, чем помещичьи.

Государственные крестьяне нередко переходили в категорию помещичьих. Известно, что при Екатерине II и Павле I помещикам было «пожаловано» 1,4 млн. душ обоего пола государственных крестьян. Александр 1 хотя и прекратил практику раздачи казенных крестьян в частное владение, однако отнюдь не оградил их от других форм дальнейшего закрепощения: перевода на положение военных поселян, передачи в удельное ведомство. В Прибалтике, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине до 800 тыс. душ мужского пола государственных крестьян находились на так называемом «хозяйственном положении», т. е. были сданы в аренду (посессию) помещикам и крупным чиновникам. Арендаторы (посессоры) широко практиковали в своих имениях барщину и эксплуатировали сданных им в аренду государственных крестьян более жестоко, чем помещики своих крепостных.

Как бы промежуточное положение между помещичьими и государственными занимали удельные крестьяне, принадлежавшие императорской фамилии. Это бывшие дворцовые крестьяне, которые получили название удельных в 1797 г., когда был создан Департамент уделов для управления землями и крестьянами, принадлежавшими членам царствующего дома. В 1797 г. удельных крестьян насчитывалось 463 тыс. душ мужского пола, а в 1858 г. — 838 тыс. (1,7 млн. обоего пола). Удельные крестьяне находились в 27 губерниях, причем более половины их сосредоточивалось в двух поволжских губерниях — Самарской и Симбирской. Удельные крестьяне платили оброк, размеры которого за 1797—1858 гг. также выросли в три раза. Помимо этого удельные крестьяне несли и другие денежные и натуральные повинности. К середине XIX в. царская семья только в виде оброка получала годового дохода до 3 млн. руб. серебром с удельных имений.

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА. Имущественное неравенство, всегда существовавшее в крепостной деревне, при определенных экономических условиях приводило к социальному расслоению, когда создавались возможности эксплуатировать чужой труд либо в виде его найма, либо через посредство торгово-ростовщических операций. Этот процесс был связан как с общими условиями экономического развития страны — с ростом промышленности, торговли, общественным разделением труда, так и с развитием производительных сил в самом крестьянском хозяйстве, что способствовало росту прибавочного продукта и тем самым создавало возможность нарождавшемуся деревенскому богатею присваивать этот продукт.

Процесс социального расслоения деревни начался с выделения из общей массы «капитáлистых», по тогдашней терминологии, крестьян: ростовщиков, скупщиков, торговцев, предпринимателей. Численность этой деревенской верхушки была еще незначительна, но ее экономическая роль в деревне оказалась весьма велика: деревенский ростовщик-богатей нередко держал у себя в кабале целую округу. Экономически он иногда был сильнее помещика, которому принадлежал сам. Главным источником обогащения деревенской верхушки являлась торгово-ростовщическая деятельность, а объектом ее эксплуатации служила как беднейшая, так и средняя часть крестьянства. Поскольку деревенская верхушка, как правило, занимала командные посты в

управлении вотчиной (в качестве бурмистров, старост, приказчиков), она использовала для своего обогащения и средства внеэкономического принуждения. Впрочем, и сама деревенская верхушка не составляла однородной в экономическом отношении группы: здесь мы видим и мелкого ростовщика или торговца с «капиталом» в несколько сотен рублей, и крупного крепостного предпринимателя, ворочавшего сотнями тысяч рублей. Различен был и диапазон их деятельности: мелкий ростовщик обычно ограничивался своей деревней, а крупный предприниматель мог распространять свое влияние на целые уезды. Иногда крепостные предприниматели сами выступали владельцами крепостных крестьян, покупая их на имя своих помещиков. Например, фабриканты с. Иванова Грачевы, крепостные графов Шереметевых, имели свыше 400 крепостных крестьян и использовали их труд на своих фабриках. Здесь мы видим отмеченное В. И. Лениным характерное явление для эпохи становления капитализма, когда капиталист стремился «воспользоваться выгодами докапиталистических приемов хозяйства»[1].

Образование беднейшей группы крестьянства при крепостном праве было связано не только с социальными процессами, происходившими в деревне, но и с пауперизацией (обнищанием) крестьян как прямым следствием усиления их феодально-крепостнической эксплуатации, усугубляемой неурожаями, эпизоотиями и прочими стихийными бедствиями. Пауперизацию деревни не следует смешивать с процессом социального расслоения крестьянства, однако необходимо иметь в виду, что пауперизация ускоряла процесс пролетаризации — образование лишенного средств производства пролетаризированного слоя населения. Это имело немаловажное значение в формировании рынка рабочей силы для капиталистической промышленности и предпринимательского сельского хозяйства.

Социальное расслоение крестьянства — это не только выделение из его среды различных имущественных групп, но и складывание между ними новых отношений, имеющих капиталистический характер. Именно в этом заключается принципиальное, качественное различие между социальным расслоением и простым имущественным неравенством. Новые социальные явления в крепостной деревне были соединены с феодальными чертами кабалы и внеэкономического принуждения. В. И. Ленин характеризовал их как формы «зачаточного, средневекового», «деревенского капитализма»[1]. Именно в этом заключалась сложность и противоречивость процесса социального расслоения деревни в условиях крепостного права, который протекал к тому же крайне медленно. Темпы и глубина этого процесса зависели от ряда причин. Социальное расслоение крестьянства в казенной деревне было выражено сильнее, чем в помещичьей, а в помещичьей — сильнее среди оброчного крестьянства и слабее среди барщинного. Особенно интенсивно этот процесс протекал там, где была наиболее развита торгово-промысловая деятельность крестьян, главным образом в центрально-промышленных губерниях России. В земледельческих губерниях имела место лишь имущественная дифференциация со слабо выраженной тенденцией к социальному расслоению.

Однако при крепостном праве средняя группа крестьянства составляла подавляющую его часть. Разложение крестьянства как класса наступает уже в пореформенный период. Социальное расслоение крестьянства — закономерный процесс, который подрывал устои крепостного хозяйства, создавал условия для победы нового, более прогрессивного способа производства.

3. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Основным очагом, где раньше и интенсивнее формировался новый способ производства, была промышленность. К. Маркс отмечал, что капитал накапливался далеко от земледелия, в городе, при сравнительно высоком развитии рынка, торговли и промышленности[2].

МЕЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Для дореформенной России было характерно широкое распространение мелкой, преимущественно крестьянской промышленности. В 50-х годах XIX в. вся обрабатывающая промышленность давала продукции на 550 млн. руб., при этом ⅔ этой продукции (на 400 млн. руб.) приходилось на долю

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 494.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 333.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 363.

мелкой промышленности—крестьянских кустарных промыслов. Многие традиционные крестьянские промыслы, имевшие многовековую историю, наибольшее свое развитие получили в конце XVIII — первой половине XIX в., что обусловливалось ростом общественного разделения труда, углублением хозяйственной специализации отдельных регионов страны и усилением обмена между ними. Возникали и новые виды промыслов.

Наиболее широкое распространение мелкая крестьянская промышленность получила в центрально-промышленных губерниях России — в Московской, Владимирской, Калужской, Костромской, Тверской, Ярославской и Нижегородской. Здесь чуть ли не в каждом селении крестьяне сверх земледелия занимались и промыслом. Было немало деревень и целых промысловых округов, в которых неземледельческие занятия играли главную роль в крестьянском хозяйстве, а в крупных торгово-промышленных селах, обычно являвшихся центрами этих округов, земледелие вообще отсутствовало.

В конце XVIII — первой половине XIX в. сложилась промышленная география центрального района России. Такие промысловые селения, как Иваново и Тейково Владимирской губернии, Павлово, Ворсма, Богородское и Городец Нижегородской губернии, Вичуга и Середа Костромской, Великое Ярославской губерний, Кимры Тверской губернии, превращались в центры текстильной, кожевенной, металлообрабатывающей и деревообрабатывающей промышленности.

Крестьянская промышленность служила широкой базой для роста капиталистического промышленного производства: накапливались капиталы, готовились кадры обученных рабочих для крупных промышленных предприятий; в процессе разложения мелких товаропроизводителей (ремесленников) формировалась промышленная буржуазия — династии известных фабрикантов Морозовых, Гучковых, Гарелиных, Рябушинских, которые вышли из крепостных крестьян-кустарей. Развитие крестьянской промышленности преобразовывало экономический облик деревни и самый быт крестьянина. В промысловых селах интенсивнее проходил процесс социального расслоения крестьянства, отрыв его от земледелия, острее проявлялся конфликт между явлениями капиталистического характера и феодальными отношениями.

ПРОМЫСЛОВЫЙ ОТХОД. Важным фактором в складывании рынка рабочей силы для развивавшейся промышленности являлся рост промыслового отхода крестьян. В центрально-промышленных губерниях он принял массовый характер уже во второй половине XVIII в. и значительно возрос в первой половине XIX в. В 1826 г. в целом по стране число уходивших по долгосрочным паспортам (на срок от полугода до трех лет) составляло 756 тыс. человек, в середине 50-х годов XIX в. — уже 1,3 млн. Но еще большее число крестьян уходило на заработки по краткосрочным билетам (выдававшимся на срок до четырех месяцев). Так, в 50-х годах из пяти центрально-промышленных губерний (Калужской, Костромской, Московской, Тверской и Ярославской) по долгосрочным паспортам уходило 327 тыс. человек, а по билетам — 438 тыс. В промышленных губерниях на заработки в то время уходило до 30—40% взрослого мужского населения.

Отходничество не только способствовало формированию рынка рабочей силы, оно также ослабляло узы, прикреплявшие крестьянина к наделу, к помещику, разлагало устои феодально-крепостнической системы хозяйства. Промысловый отход расширял кругозор отходника и повышал его культурный уровень. Среди отходников чаще попадались грамотные и бывалые люди, которые выступали ходатаями по крестьянским делам, нередко становились вожаками крестьянских волнений. Помещики постоянно жаловались, что промысловый отход «портит» крестьян, развивает у них «дух непокорства» и критического отношения к существующим порядкам.

КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Крупная промышленность в дореформенной России росла за счет распространения капиталистической мануфактуры, возникавшей на базе мелкой промышленности, и последующего перерастания мануфактуры в фабрику.

На с. 15 приведены данные о количестве предприятий, численности и изменении социального состава рабочих в обрабатывающей промышленности России за 1799—1860 гг. Как видно из этих данных, наиболее интенсивный рост численности промышленных предприятий и рабочих происходил во второй трети XIX в. Особенно показателен рост применения вольнонаемного труда, который накануне отмены крепостного права получил уже полное преобладание над крепостным. Промышленность, базировавшаяся на крепостном труде, переживала кризис. В пер-

Годы	Предприятия	Рабочих, тыс.				Всего	В процентах	
		Крепостных			Вольно-наемных		Крепостных	Вольно-наемных
		Посессионных	Вотчинных	Итого				
1799	2 094	33,5	14,7	48,2	33,6	81,8	58,9	41,1
1825	5 261	29,4	66,7	96,1	114,5	210,6	45,6	54,4
1860	15 338	12,0	91,0	103, 0	462,0	565,0	18,2	81,8

вую очередь этот кризис проявлялся в упадке посессионных мануфактур, в резком сокращении численности рабочих на посессионных предприятиях. Падение производительности принудительного труда на этих предприятиях, давление конкуренции со стороны более производительных капиталистических мануфактур, наконец, угрожающий рост волнений среди посессионных рабочих заставили самих владельцев посессионных предприятий просить правительство об отмене посессионного права. Закон 18 июня 1840 г. разрешал фабрикантам (но не обязывал их) увольнять посессионных рабочих, которые переводились либо в городские сословия, либо в разряд государственных крестьян. В целях сохранения выгод казны и удержания владельцев от массовой ликвидации их предприятий правительство отбирало у заводчиков, прекращавших производство, землю, леса, фабричные строения, сохраняя за ними лишь машины и инструменты, купленные заводчиками на собственные средства. Несмотря на эти ограничения, 103 заводчика из 141 к 1861 г. ликвидировали свои предприятия, а число посессионных рабочих (в обрабатывающей промышленности) сократилось с 29 тыс. до 12 тыс.

Некоторый абсолютный прирост численности рабочих на вотчинных мануфактурах (хотя удельный вес их в составе рабочих других категорий за вторую треть XIX в. упал в 3 раза) объяснялся системой покровительственных мер правительства, стремившегося поддержать помещичье предпринимательство: предоставление дешевого кредита и выгодных заказов казны, передача дворянам казенных предприятий, запрещение недворянам покупать рабочих для мануфактур, объявление винокурения (наиболее доходной отрасли промышленности) дворянской монополией. В этих условиях некоторые помещики считали для себя более выгодным заводить в своих имениях фабрики и переводить крестьян с барской запашки или даже с оброка на заводскую барщину, особенно ненавистную крестьянам. Заведение вотчинных мануфактур рассматривалось помещиками как средство повысить доходность своих имений. Однако эта мера, как и попытки «рационализации» в сельском хозяйстве, не принесла ожидаемого эффекта. Кризис поразил и помещичьи промышленные предприятия.

НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА. Конец XVIII — первая треть XIX в. в истории русской промышленности характеризуется ростом капиталистической мануфактуры, вторая треть XIX в. — началом перехода от мануфактуры к фабрике. Переход от мануфактуры к фабрике связан с промышленным переворотом. Он имеет две стороны: 1) **техническую** — систематическое применение машинной техники, и 2) **социальную** — формирование промышленной буржуазии и пролетариата; обе эти стороны находятся в процессе постоянного взаимодействия. Начальная его фаза характеризуется созданием необходимой материально-технической базы, а завершающая — глубокими изменениями в социальных отношениях.

Большинство советских историков относит начало промышленного переворота в России примерно к концу 30-х — началу 40-х годов, а завершение его — к концу 70-х — началу 80-х годов XIX в. С 30-х годов XIX в. заметно возрастают темпы внедрения в промышленность машинной техники. Так, если за 1831—1840 гг. было приобретено машин на сумму 6,9 млн. руб., то в 1841—1850 гг. — на 16,6 млн., а в 1851—1860 гг. — уже на 84,5 млн. руб.

Новая машинная техника требовала перехода к наемному труду. Только рабочий, свободно продававший свою рабочую силу, заинтересованный в результатах труда и обладавший более высоким культурным уровнем, был в состоянии освоить сложные машины. Применение машин — одна из

важных причин роста наемного труда в промышленности России. Возросла и производительность труда: в середине 50-х годов один рабочий производил продукции в три раза больше, чем в начале XIX в., а на долю машинного производства приходилось уже свыше ⅔ продукции крупной промышленности в стране. Но крепостной строй задерживал темпы технической и социальной перестройки промышленности, и фабричное производство заняло господствующее положение лишь в пореформенный период.

РАБОЧИЕ И БУРЖУАЗИЯ В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ. Важным следствием и показателем развития капиталистических отношений в дореформенной России являлось формирование новых социальных групп — рабочих и буржуазии, хотя вплоть до реформы 1861 г. продолжал довольно широко применяться крепостной труд. В обрабатывающей промышленности, несмотря на сокращение с 1799 по 1860 г. удельного веса крепостного труда с 58,9 до 18,2%, абсолютная численность крепостных рабочих возросла с 48,2 тыс. до 103 тыс. человек, т. е. более чем в 2 раза, главным образом за счет роста вотчинных мануфактур. К этому числу рабочих следует добавить еще 543 тыс. ревизских душ горнозаводских рабочих, состоявших из «мастеровых» (потомственных рабочих, выполнявших основные заводские работы) и «сельских рабочих» (выполнявших вспомогательные работы на заводе и связанных с сельским хозяйством). Изнурительный, каторжный труд при скудном вознаграждении, полное бесправие — таковы были условия труда и быта крепостных рабочих на вотчинных и посессионных предприятиях в дореформенной России.

Вольнонаемные рабочие были представлены преимущественно помещичьими и государственными крестьянами, ушедшими на оброк, но находившимися в феодальной зависимости и связанными с сельским хозяйством, с деревней. Помещик мог в любой момент вернуть отпущенного на фабрику крестьянина, посадить его на барщину, перевести в дворовые, что нередко и случалось. Не мог свободно распоряжаться своей личностью и государственный крестьянин, прикрепленный к своему наделу и связанный с общиной. Сам предприниматель нередко являлся крепостным крестьянином, и на него тоже давил гнет крепостной зависимости.

Буржуазия в дореформенной России также отличалась от буржуазии эпохи капитализма: в ее составе преобладала торговая буржуазия, представленная гильдейским купечеством и «торгующими крестьянами», т. е. богатыми крестьянами, получившими специальные свидетельства на право торговли (билеты). Численность купечества всех трех гильдий, по данным Министерства финансов, за 1811—1851 гг. возросла с 125 тыс. до 180 тыс. душ мужского пола, а размеры объявленного им капитала к середине XIX в. достигали 138 млн. руб. По мнению тогдашних статистиков, реальные денежные средства купцов в 3 раза превосходили объявленные, так как купцы обычно сильно приуменьшали размеры своих капиталов во избежание увеличения их обложения. Точных данных о численности «торгующих крестьян» не имеется. Известно лишь, что число выданных крестьянам свидетельств на право торговли составляло от ⅓ до ⅗ по отношению к числу купеческих гильдейских свидетельств.

Русское гильдейское купечество имело ряд феодальных привилегий: оно освобождалось от податей, рекрутской повинности, телесных наказаний. Царизм поощрял купеческое предпринимательство, защищал его высокими покровительственными пошлинами от конкуренции иностранного капитала. Отсюда зависимость русской нарождающейся буржуазии от самодержавия, ее политическая косность и консерватизм.

Формирование промышленной буржуазии шло двумя путями: 1) либо купец становился мануфактуристом или фабрикантом, вкладывавшим свой капитал в промышленное предпринимательство, 2) либо мануфактурист и фабрикант вырастал из среды мелких товаропроизводителей, главным образом из среды разбогатевшего промыслового крестьянства. Для дореформенной эпохи характерно соединение торгового капитала с промышленным: купец, став мануфактуристом и фабрикантом, не прекращал своей торговой деятельности, а вышедший из кустарей крупный промышленник соединял промышленное предпринимательство с торговым делом. Крепостная зависимость и сословная неполноправность разбогатевших крестьян-фабрикантов сильно сковывали их торгово-промышленную деятельность. Поэтому они шли на большие материальные жертвы, чтобы выкупиться на волю, приписаться к категории мещан или к более привилегированному купеческому сословию. Так, изве-

стный фабрикант Савва Морозов выкупился на волю у своего помещика Рюмина в 20-х годах XIX в. за 17 тыс. руб., а несколько десятков фабрикантов с. Иванова заплатили владельцу этого села графу Шереметеву за свою свободу свыше 1 млн. руб. Помещики далеко не всегда соглашались отпускать на волю своих крепостных-фабрикантов даже за большой выкуп. Например, владелец крупной шелкоткацкой фабрики в с. Щелкове под Москвой Иван Кондрашев вплоть до реформы 1861 г. оставался крепостным князей Голицыных.

4. ГОРОДА. ТРАНСПОРТ. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

РОСТ ГОРОДОВ. За 1811—1863 гг. городское население в европейской части России увеличилось с 2765 тыс. до 6105 тыс. человек, т. е. в 2,2 раза, в то время как все население выросло на 60%. Следовательно, темпы роста численности городских жителей значительно превышали общий рост населения страны. Удельный вес горожан за 1811—1863 гг. повысился с 6,5 до 8%.

Число городов за 1811—1863 гг. возросло с 630 до 1032. Среди них преобладали небольшие города. В 1811 г. из 630 городов 500 насчитывали менее 5 тыс. жителей каждый, 16 — до 20 тыс. и только 19 — свыше 20 тыс. Наиболее крупными городами были Петербург и Москва. За 1811—1863 гг. число жителей Петербурга увеличилось с 336 тыс. до 540 тыс. человек, Москвы — с 270 тыс. до 462 тыс. Особенно быстро возрастало население крупных торгово-промышленных центров, речных и морских портов. Так, за указанные годы число жителей Риги возросло в 2,5 раза, Ростова-на-Дону — в 7, Самары — в 8, Одессы — в 11, Николаева — в 15 раз. Рост городского населения происходил за счет притока крестьян, отправлявшихся на заработки. Например, в 1852 г. из 337 тыс. жителей Москвы крестьяне составили 195 тыс. (58%), в 1858 г. среди 494 тыс. жителей Петербурга крестьян насчитывалось 260 тыс. (52%).

В феодально-крепостническую эпоху официальное разделение населенных пунктов на города и села основывалось исключительно по административному признаку. Многие уездные и заштатные города фактически представляли собой большие села, жители которых занимались преимущественно сельским хозяйством и отчасти торговлей. Вместе с тем было немало крупных торгово-промышленных селений, которые по характеру занятий своих жителей и даже по своему внешнему облику были настоящими городами, — это Иваново, Павлово, Кимры, Городец, Вичуга, Лысково и др. Однако они продолжали оставаться на положении сел, причем в большинстве своем помещичьих сел. Право помещиков на владение этими селами охранялось феодальным государством и тормозило процесс градообразования.

СОСТОЯНИЕ ТРАНСПОРТА. В дореформенной России основными видами транспорта были водный и гужевой. Главной транспортной артерией страны являлась Волга. В составе грузопотоков, идущих по волжской водной системе, преобладающее место занимал хлеб, который направлялся из поволжских и центрально-черноземных губерний преимущественно в центрально-промышленные губернии и в Петербург.

Волга играла крупную роль в торговых связях России со Средней Азией и Ираном. Большое транспортное значение имели Северная Двина, Западная Двина, Неман, Днепр, Днестр, Дон, по которым везли в северные, западные и черноморские порты хлеб, лен, лес, поташ, железо и другие виды сельскохозяйственной и промышленной продукции, предназначенные на экспорт. В обслуживании внутренних водных путей была занята огромная армия судорабочих, в основном бурлаков (в 30—40-е годы XIX в. до 450 тыс. человек).

В начале XIX в. были проведены каналы, соединившие различные водные системы страны. В 1803 г. был сооружен Северо-Екатерининский канал, соединивший Каму и Северную Двину, в 1804—1805 гг. — Огинский и Березинский каналы, связавшие Днепр с Вислой, Западной Двиной и Неманом. Наряду с действовавшей с начала XVIII в. Вышневолоцкой водной системой в 1808—1811 гг. были созданы Мариинская и Тихвинская системы каналов, соединившие Верхнюю Волгу с Балтийским морем. Однако пропускная способность всех этих каналов была невелика.

Во второй четверти XIX в. стало развиваться пароходное сообщение. Первый пароход появился на Неве в 1815 г., а с 1817—1821 гг. стали ходить пароходы по

Петербург. Вид на Адмиралтейство. Литография. 1825

Трубочист и дворник. Гравюра. 1828

Молочница и прачка. Гравюра. 1828

Петербург. Здание биржи. Литография. 1825

Волге и Каме. До 1825 г. по внутренним водным путям плавало 11 пароходов, а к 1850 г. — 99. Пароходство заметно усилилось в 50-х годах XIX в., чему немало способствовало основание в 1849 г. Сормовского судостроительного завода. В 1860 г. по Неве, Волге, Днепру и их притокам, а также по Каспийскому и Черному морям плавало 339 пароходов.

В первой половине XIX в. началось строительство шоссейных и железных дорог. К 1825 г. было построено всего 367 верст шоссейных дорог, а к 1860 г. — 8515 верст, из них 5456 верст было построено в 1850—1860 гг. Шоссе соединили Петербург с Варшавой, Москву с Петербургом, Варшавой, Ярославлем и Нижним Новгородом. Значительное количество шоссейных дорог было построено в Прибалтике. Однако протяженность шоссейных дорог для огромных пространств России была ничтожно мала. Первую железную дорогу между Петербургом и Царским Селом протяженностью в 25 верст построили в 1837 г. В 1839 г. в стратегических целях было начато строительство Варшавско-Венской железной дороги (окончено в 1848 г.), а в течение 1843—1851 гг. была построена Петербургско-Московская железная дорога, имевшая большое экономическое значение. В 1859 г. было завершено строительство железной дороги Петербург — Варшава, а перед самой реформой 1861 г. было начато строительство Рижско-Динабургской и Московско-Нижегородской железных дорог. Всего к 1861 г. в России насчитывалось около 1,5 тыс. верст железнодорожных линий. Этого, конечно, было недостаточно для такой громадной страны, как Россия, с ее обширными пространствами. Слабое развитие транспорта в дореформенной России тормозило развитие торговли и промышленности.

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ. В связи с ростом городов, промышленности, углублением процесса разделения труда развивался рынок. Основными товарами, обращавшимися на внутреннем рынке, были хлеб, скот и изделия крестьянских промыслов, постепенно все большее значение приобретала продукция крупной обрабатывающей промышленности, преимущественно текстильной. Большую роль во внутренней торговле дореформенной России играли ярмарки — ежегодно собиравшиеся по определенным дням торги, которые продолжались от нескольких дней до нескольких месяцев. Ярмарочная торговля характерна для феодального строя с его сравнительно узким и ограниченным внутренним рынком, обособленностью отдельных регионов и слабо развитыми путями сообщения. В 40-х годах XIX в. в России насчитывалось 4 тыс. ярмарок, из них половина приходилась на Украину. Сельские ярмарки играли важную роль в развитии крестьянской промышленности и втягивании деревни в товарно-денежные отношения. 64 ярмарки имели торговые обороты свыше 1 млн. руб. каждая. Среди них особенно выделялись Нижегородская (переведенная в 1817 г. из Макарьева в Нижний Новгород), Ирбитская в Сибири, Контрактовая в Киеве, Коренная в 30 верстах от Курска, собиравшиеся три раза в год в Харькове (Крещенская, Успенская и Покровская), и Ростовская (в Ярославской губернии). Крупнейшей ярмаркой, имевшей всероссийское значение, была Нижегородская. Она играла также огромную роль в торговле России с азиатскими странами. Торговые обороты ее быстро росли: в 1829 г. на ней

было продано товаров на 28,2 млн. руб. серебром, а в 1863 г. — на 125 млн. Ирбитская ярмарка была центром торговых связей России с Сибирью и Средней Азией. За 1817—1850 годы ее обороты возросли в 9 раз, и она занимала второе место после Нижегородской.

Однако ярмарки не были ни единственной, ни преобладающей формой внутренней торговли в дореформенной России. Уже в конце XVIII в. в наиболее крупных городах и промышленных центрах быстро росла постоянная (магазинная) торговля. Рост постоянной торговли, особенно в Центрально-промышленном районе России, стал особенно заметным в первой половине XIX в. В связи с этим здесь падала роль ярмарок, сокращались их торговые обороты. Например, обороты Ростовской ярмарки, обслуживавшей этот район, с 1817 по 1850 г. упали втрое. Вместе с тем для земледельческих губерний и национальных окраин России, наоборот, было характерно дальнейшее развитие ярмарочной торговли. Значительно возрастали торговые обороты украинских и сибирских ярмарок, в 20—40-х годах XIX в. учреждались новые ярмарки в Кишиневе, Аккермане, Тифлисе, Тюмени. Рост ярмарок на окраинах страны свидетельствовал о расширении внутреннего рынка, о включении национальных окраин в общероссийские торговые связи.

Широкое развитие получила торговля вразнос. Офени и коробейники закупали на ярмарках ткани, галантерею, мелкие предметы домашнего обихода и разъезжали с этими товарами по всей стране, проникая в самые отдаленные, глухие углы.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ. Все большее значение в экономике России приобретала внешняя торговля. Страны Европы покупали в России хлеб и сырье; развивающаяся русская промышленность нуждалась в машинах, инструментах, хлопке, красках и пр. Среднегодовой вывоз товаров из России возрос с 59 млн. в 1801—1810 гг. до 226 млн. руб. в 1856—1860 гг., т. е. в 4 раза, а ввоз за эти же годы — с 42 млн. до 206 млн. руб., или в 5 раз. Для русской внешней торговли был характерен активный торговый баланс — превышение вывоза над ввозом, который обусловливался в значительной степени протекционистской таможенной политикой правительства. Установление высоких пошлин на ввозимые товары преследовало цель защитить русскую промышленность от западноевропейской конкуренции. Имели значение и фискальные интересы правительства — увеличение поступлений в казну за счет таможенных пошлин.

В составе экспортируемых из России товаров преобладали хлеб, лен, пенька, сало, кожи, щетина, лес, т. е. главным образом продовольственные товары и сырье, составлявшие 80—90% стоимости русского экспорта. Доля промышленных товаров была невелика; за первую половину XIX в. она даже снизилась с 13 до 8%, главным образом за счет сокращения вывоза металлов и изделий из них. Хлеб приобретал все большее значение в русском экспорте, особенно в 40—50-е годы XIX в. В 1801—1805 гг. из России ежегодно вывозилось 19,9 млн. пудов хлеба, в 1836—1845 гг. — 27—29 млн. пудов, а в 1856—1860 гг. — свыше 69 млн. пудов. В составе импортируемых в Россию товаров большое место занимали ткани, бумажная пряжа, машины и инструменты, предметы роскоши. Показательно значительное увели-

Ярмарка в Н. Новгороде. Хромолитография. Сер. XIX в.

Квасник и сбитенщик. Гравюра. 1828

Рыбак и разносчик дичи. Гравюра. 1828

Разгрузка баржи с дровами. *Аткинсон.* Гравюра. 1803

чение в 1830—1850 гг. ввоза в Россию машин: стоимость ввезенных машин возросла в 12 раз (с 4,1 млн. руб. в 1831—1840 гг. до 48 млн. руб. в 1851—1860 гг.).

Преобладающее значение во внешней торговле России занимал торговый обмен с европейскими странами. На его долю приходилось свыше 9/10 объема внешнеторгового оборота России. Главным торговым партнером России была Англия. На ее долю в середине XIX в. приходилось 34% русского экспорта и импорта, в то время как на долю Германии—11%, Франции—10, Китая—7, Голландии — 6, Дании — 6, Турции — 5, США — около 3, а на долю всех остальных стран — 18%. Если для европейских стран Россия выступала в роли преимущественно поставщика сырья и покупателя промышленных товаров, то для Ирана, Средней Азии, Китая, наоборот, она являлась поставщиком промышленных товаров, главным образом тканей и металлических изделий. Из этих стран в Россию ввозили чай, шелк, хлопок, шерсть, кожи, т. е. традиционные товары восточной торговли.

На внешнюю торговлю оказывали влияние не только экономическая конъюнктура, но и факторы привходящего характера — войны, изменения в таможенной политике государств и пр. Например, отмена хлебных законов в 1846 г. в Англии способствовала резкому увеличению экспорта русского хлеба. Наполеоновские войны, включение России в континентальную блокаду против Англии в 1808—1812 гг. и особенно Крымская война 1853—1856 гг. вызвали временные спады русской внешней торговли.

Торговля России с европейскими странами велась главным образом через Балтийское море. Так, в 1802 г. в порты Балтийского моря прибыло 2786 судов, в порты Черного и Азовского морей — 706, Белого — 236. К середине XIX в. в связи с усилением вывоза помещичьего хлеба на заграничные рынки через порты Черного моря значительно возросло значение черноморской торговли. В 1850 г. в порты Балтийского моря прибыло 3423 корабля, а в порты Черного и Азовского морей — 2590. Втягивание России в мировой капиталистический рынок было одним из факторов, разлагавшим феодально-крепостнические основы ее хозяйства.

5. ИТОГИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Необходимым условием складывания капиталистического способа производства является так называемое «первоначальное накопление». Это, по определению К. Маркса, «предыстория капитала и соответствующего ему способа производства» [1]. Первоначальное накопление — явление переходного периода от феодализма к капитализму. В России этот процесс начался с XVII в. и особенно интенсивно проходил в XVIII и первой половине XIX в.

К. Маркс указывал на две стороны первоначального накопления: 1) собственно накопление капитала и концентрация средств производства в руках буржуазии; 2) появление лишенных средств производства наемных рабочих, поставленных в необходимость про-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 727.

давать свою рабочую силу. В основе первоначального накопления лежит «исторический процесс отделения производителя от средств производства»[1], т. е. процесс экспроприации непосредственного производителя (обезземеление крестьянства, потеря мелким ремесленником-товаропроизводителем своей хозяйственной самостоятельности). Вместе с тем это и процесс освобождения непосредственного производителя от феодальных пут и цехового принуждения, превращения его в свободного продавца рабочей силы.

Пути первоначального накопления в разных странах имели свои особенности, а источники накопления капитала были исключительно многообразны: сгон крестьян с земли, система колониального грабежа и государственных займов, покровительственные пошлины, откупа, работорговля и т. п.

Свои особенности первоначальное накопление имело и в России. В условиях длительного существования крепостного права в России этот процесс протекал медленно. Характерными источниками накопления капитала были: система откупов, покровительственные пошлины, внешние займы, эксплуатация колониальных окраин. Важным фактором первоначального накопления в России являлся также процесс начавшегося социального расслоения крестьянства, который на одном полюсе создавал владельца денег, капиталиста, а на другом — неимущих крестьян, эксплуатируемых этим нарождавшимся буржуа. В России иначе происходил и процесс экспроприации непосредственного производителя. При господстве крепостного права, в условиях несвободного положения крестьян и

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 727.

прикрепления их к земле, к наделу, в России не было такого массового сгона крестьян с земли, какой в свое время происходил в Англии. Однако и в России, хотя в менее выраженных размерах и в иной форме, происходило отделение непосредственного производителя от средств производства. Обезземеливание крестьян началось еще при крепостном праве, когда помещики в связи с ростом товарного хозяйства стали сокращать крестьянские наделы. Важным этапом обезземеливания крестьян была реформа 1861 г. — «первое массовое насилие над крестьянством в интересах рождающегося капитализма», как писал В. И. Ленин. Это была первая «помещичья «чистка земель» для капитализма»[1].

В дореформенной России процесс экспроприации непосредственного производителя и превращения его в наемного рабочего сильнее был выражен не в сфере сельского хозяйства, а в неземледельческих промыслах. Он выражался в разложении мелких ремесленников, из среды которых выделялись, с одной стороны, владельцы промышленных заведений, с другой — потерявшие свою хозяйственную самостоятельность и превращенные в наемных рабочих массы ремесленников. В экспроприации непосредственных производителей значительную роль играл торгово-ростовщический капитал.

Разложение феодально-крепостнической системы хозяйства, начавшееся еще в XVIII в., в 30—50-е годы XIX в. перешло в стадию глубокого кризиса феодализма. Кризис феодализма в широком смысле этого понятия имеет экономическую, социальную и политическую стороны. Сначала он проявляется в

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 254.

сфере феодальной экономики как кризис феодальных производственных отношений, когда дальнейшее развитие хозяйства на феодальной основе становится уже невозможным. То есть кризис феодализма начинается тогда, когда возможности феодального хозяйства уже полностью исчерпаны и феодальные отношения превращаются в тормоз социально-экономического развития страны. Кульминационным моментом и завершением кризиса феодализма является период революционной ситуации в России (1859—1861), когда наступает кризис политики и идеологии господствующего класса и, следовательно, кризис феодализма принимает всеобъемлющий характер, т. е. охватывает не только феодальный базис, но и его надстройку. Свое разрешение кризис феодализма в России нашел в отмене крепостного права и в ликвидации феодальных отношений, в проведении ряда буржуазных реформ.

Основным фактором, обусловившим разложение и в дальнейшем кризис феодальной системы, явилось развитие в ее недрах новых, капиталистических отношений, которые все более разлагали устои крепостного хозяйства. На разложение и кризис феодализма большое воздействие оказывали рост антикрепостнической борьбы угнетенных масс, в первую очередь крестьянства, возникновение и развитие революционного движения, начало которому положили декабристы. Глубокое воздействие на обострение кризиса феодализма оказало поражение царизма в Крымской войне.

Кризис феодализма не следует рассматривать только как проявление упадка и регресса. Регрессировало и приходило в упадок помещичье хозяйство, базировавшееся на крепостном труде. В целом же и в экономике и в социальных отношениях несомненны были важные прогрессивные сдвиги, но они происходили на базе не крепостного, а мелкотоварного и капиталистического производства. Чем сильнее разлагалась феодально-крепостническая система хозяйства, тем больше создавались условия для развития новых производственных отношений. «Экономическая структура капиталистического общества, — пишет К. Маркс, — выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»[1]. Следовательно, разложение и кризис крепостничества в конечном счете есть показатель социально-экономического прогресса, ибо прогрессивные тенденции выражались не только в развитии нового, но и в разложении старого.

Несмотря на разложение и кризис феодально-крепостнической системы в России, эта система продолжала оставаться господствующей вплоть до падения крепостного права. В. И. Ленин указывал, что крепостное право в России было «более «крепким», твердым, могучим, всесильным, «чем где бы то ни было в цивилизованном мире»[2]. Причем к концу XVIII в. оно приняло настолько грубые формы, что «ничем не отличалось от рабства»[3]. Крепостничество в России в силу определенных исторических условий долгое время могло приспособляться к новым явлениям в экономике страны (и даже использовать их для укрепления позиций феодального класса), расширять свою эконо-

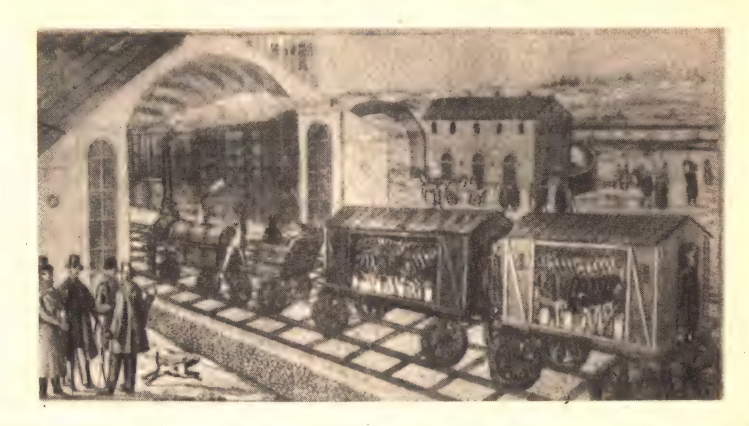
---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 727.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 16.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 70.

Разгрузка баржи
с древесным углем.
Аткинсон. Гравюра. 1803

Дилижанс

Первая железная дорога.
Москва-Петербург.
Лубочная картинка.
Сер. XIX в.

мическую базу путем распространения феодальных отношений на колонизуемые окраины России. Огромную роль в поддержании крепостного права играла и политическая надстройка — самодержавие, возникшее на основе феодальных отношений и консервировавшее феодальную структуру общества. Оно стояло на страже феодально-крепостнических порядков, так как класс дворянства являлся его основной социальной опорой.

6. НАРОДНЫЕ АНТИФЕОДАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Выражением обострявшегося конфликта между развивавшимися новыми социально-экономическими процессами и феодальным строем являлся рост массового антикрепостнического движения. Крепостное крестьянство составляло основную социальную силу, боровшуюся против феодально-крепостнических порядков.

В условиях развития капиталистического уклада и разложения феодально-крепостнической системы хозяйства, когда устаревшие патриархальные отношения являлись главным препятствием в экономическом развитии страны, феодальный гнет становится для крестьян особенно нетерпимым. Рост крестьянского движения был связан не только с усилением феодальной эксплуатации и ухудшением положения крестьянства, но и со все более настойчивым стремлением его добиться свободы хозяйственной деятельности.

Крестьянское движение заметно усиливается во второй четверти XIX в., когда феодальные отношения вступают в полосу обостряющегося кризиса. Если за первую четверть XIX в. было зарегистрировано 651 крестьянское волнение (в среднем 26 волнений за год), то за вторую — 1089 волнений (в среднем 43 волнения за год). Но особенно выделяется последнее предреформенное десятилетие (1851—1860), на которое приходится 1010 волнений (в среднем по 101 волнению за год). Крестьянские волнения приобретали всероссийский размах, нагоняя все больше страха на правящие классы. Помимо волнений и восстаний крестьянский протест против крепостничества проявлялся и в других формах: в убийствах помещиков и управляющих имениями, бегстве крестьян от помещика, подаче просьб и жалоб царю (что тогда было запрещено законом), в нерадивом исполнении барщины, неуплате оброка, потравах полей и лугов помещика, в хищении помещичьего леса и т. д.,—которые носили повсеместный и повседневный характер, нанося существенный ущерб самой экономической основе феодального хозяйства.

Борьба за свободу занимала ведущее место в крестьянском движении данного периода. При этом само понятие «полная воля» в представлении крестьян не ограничивалось только личной свободой: в его содержание крестьяне вкладывали и отмену всех феодальных повинностей, и предоставление им достаточного земельного надела, и уравнение их в правах с другими сословиями.

Любое крупное событие внутри- и внешнеполитического характера порождало слухи и толки о воле и служило дополнительным стимулом, поднимавшим крестьян на борьбу за свободу. Патриотический подъем в Отечественную войну 1812 г. пробудил в крестьянстве новые надежды на получение воли.

В сознании крестьян их раскрепощение должно было явиться логическим следствием освобождения страны от иноземного нашествия, как награда народу за его патриотический подвиг. Но вместо ожидаемой свободы происходило дальнейшее усиление крепостного гнета: помещики за счет крестьян стремились возместить понесенные в войне свои материальные потери, царские указы 1817—1823 гг. еще более укрепляли власть помещиков над крестьянами, сотни тысяч государственных крестьян были переведены на положение военных поселян.

После Отечественной войны 1812 г. в России происходит ряд крупных антикрепостнических восстаний крестьян, среди которых наиболее значительное — восстание в 1818—1820 гг. на Дону, охватившее 256 селений с 44 тыс. жителей. В антикрепостническую борьбу включались крепостные рабочие, солдаты, военные поселяне, также испытавшие тяжелый крепостнический гнет. Большой общественный резонанс вызвали восстание в 1819 г. военных поселян в Чугуеве (под Харьковом) и волнение лейб-гвардии Семеновского полка в 1820 г. (в Петербурге).

События в декабре 1825 г. (междуцарствие и восстание декабристов) вновь породили в народе слухи и толки о воле и явились толчком к усилению крестьянских волнений. 12 мая 1826 г. был издан специальный манифест «О возникшем в губерниях неповиновении крестьян». Манифест грозил суровыми наказаниями за «неповиновение» и «разглашение ложных слухов и толков о свободе».

В 1830—1831 гг. по стране прокатилась волна «холерных бунтов». Поводом к ним явились строгие карантинные меры в связи с распространявшейся холерой: в июле 1830 г. восстали горожане и матросы в Севастополе, в ноябре 1830 г. — мещане, купцы и однодворцы в Тамбове, в июне 1831 г. произошли волнения низов городского люда в Петербурге. Самым крупным явилось восстание в июле 1831 г. в новгородских военных поселениях, на усмирение которых выезжал сам Николай I. «Бунт в Новгороде, — писал он, — важнее, чем бунт в Литве (восстание в Польше), ибо последствия могут быть страшные». Восстание новгородских военных поселян было жестоко подавлено, но и правительство вынуждено было пойти на упразднение новгородских военных поселений.

1828—1832 и 1835 годы отмечены массовыми волнениями в удельной и государственной деревне в связи с увеличением повинностей, сокращением земельных наделов и притеснениями местной администрации. Еще более широкие размеры приняло движение государственных крестьян в 1841—1843 гг. в связи с проведением в государственной деревне реформы П. Д. Киселева, сопровождавшейся дальнейшим усилением податного гнета. Движение охватило более полумиллиона крестьян Приуралья, Поволжья и Центральной России. На подавление его направили крупные воинские силы, применявшие артиллерию.

В общий антикрепостнический фронт включалось и крестьянство национальных окраин России: Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины, Бессарабии, Закавказья. Особенно сильны были волнения в Прибалтике в связи с реформой 1816—1819 гг., которая хотя и дала личную свободу крестьянам, но фактически прикрепила их к земле; в Литве и Белоруссии в связи с польским восстанием 1830—1831 гг.; на Украине в связи с проведением инвентарной реформы в 1848 г., в 1812 г. в Кахетии, в 1841 г. в Гурии, в 1856—1857 гг. в Мингрелии против притеснений местных феодалов и произвола царской администрации. Антифеодальные и национально-освободительные движения нерусских народов играли немалую роль в общей борьбе народных масс против самодержавно-крепостнического строя. Несмотря на различный уровень социально-экономического развития того или иного национального региона и местные исторические, национальные и религиозные особенности, единство задач и целей борьбы объединяло народы России.

Власти с тревогой отмечали широкое распространение антикрепостнических настроений среди угнетенных масс. «Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим, — указывалось в отчете III Отделения за 1839 год. — Вообще весь дух народа направлен к одной цели — освобождению». III Отделение указывало на появление среди крестьян «рассуждающих голов», которые задумывались над причинами социального неравенства, формулировали антикрепостнические лозунги и требования. Отмечено появление среди крестьян авторов «сочинений», в которых доказывалась незаконность существования крепостного права, требовалось установление равенства всех людей «перед богом и законом». Так, в 1849 г. неизвестный ярославский крестьянин-отходник составил «поэму» ан-

тикрепостнического содержания «Вести о России». В ней со ссылками на Священное писание автор доказывал, что «человек сотворен по образу и подобию божию свободным», выдвигал требование «всеобщего равенства», учреждения таких органов власти, в которые выбирались бы люди не по своей знатности, а «с талантом». Но вместе с тем крестьянство продолжало верить в «добрые намерения» царей, надеяться на «царскую милость».

Антикрепостническое движение угнетенных масс оказывало свое воздействие на помещиков и политику правительства. Борьба крестьян сдерживала стремление помещиков к безграничному увеличению феодальных повинностей, а в некоторых случаях заставляла их идти на уступки. Даже после жестокой расправы над восставшими, когда, казалось, «порядок» был восстановлен, помещики и правительство вынуждены были смягчать крепостной гнет. Во время упорных и затяжных волнений крестьяне годами не выполняли феодальных повинностей, иногда вынуждая помещиков к продаже своих имений. Сопротивление крестьян серьезно тормозило помещичью колонизацию в Заволжье и на юге страны, в начале XIX в. заставило правительство отказаться от практики раздачи казенных крестьян помещикам, прикрепления крестьян к заводам и фабрикам. Обострение классовой борьбы в крепостной деревне в период кризиса крепостничества заставило правительство Николая I непосредственно заняться «крестьянским вопросом», для обсуждения которого было создано девять специальных секретных комитетов. Антифеодальные народные движения служили социальной базой формирования революционно-демократической идеологии, на что неоднократно указывал В. И. Ленин. Он отмечал, например, зависимость настроения В. Г. Белинского от настроений крепостных крестьян и «нашей публицистики... от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета»[1]. Революционно-демократическую теорию «русского социализма», разрабатываемую А. И. Герценом и его последователями, В. И. Ленин рассматривал как выражение стремления крестьянства к равенству, к свержению помещичьей власти и к полному уничтожению помещичьего землевладения[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 169.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 258.

ГЛАВА 2 ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В НАЧАЛЕ XIX В. (1801—1812 гг.)

1. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1801 г. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. произошел дворцовый переворот и российским императором стал старший сын Павла Александр I (1801—1825).

Как и предшествующие многочисленные дворцовые перевороты XVIII в., переворот 1801 г. не имел широкой социальной основы и преследовал единственную цель — отстранение неугодного лица от власти. Какой-либо широкой политической программы у заговорщиков не было. Однако этот переворот имел ряд особенностей. Он произошел в ту историческую эпоху, когда раскаты грома Великой французской буржуазной революции доносились еще до России, а европейские абсолютистские троны были очень шаткими и непрочными, когда французская аристократия — образец для подражания русских вельмож — лишилась своих привилегий и влачила существование на задворках европейских королевских дворов.

В страхе перед революцией Павел попытался до крайности усилить свою власть, вплоть до ее обожествления. Его внешняя политика была крайне неустойчивой. Неуравновешенность царя, чинимый им произвол, беспричинные вспышки гнева дискредитировали сам принцип самодержавия. Дворянская верхушка не могла с этим смириться. Объединяющей идеей заговора была борьба с деспотизмом и произволом власти. Однако в этот широкий лозунг вкладывалось узкосословное дворянское содержание.

Столичное дворянство восприняло переворот как утверждение своего могущества и своих привилегий. Александр I вступил на престол в ореоле любимца народа, избавителя отечества, продолжателя традиций великих предков. Это был для своего времени хорошо образованный гвардейский офицер. В гатчинских казармах своего отца он прошел хорошую армейскую выучку. Жизнь при

дворе, постоянное лавирование между двумя враждовавшими между собой группировками дворян (сторонниками бабки и отца) приучили его к двуличию, лицемерию, научили приспосабливаться к людям и обстоятельствам и использовать их в своих интересах.

Первые мероприятия нового царя получили одобрение дворянского общества. В манифесте о своем восшествии на престол Александр обещал установить законность в управлении, справедливость в суде, заботиться о благосостоянии своих подданных. Дворянство с удовлетворением встретило обещание царя править «по законам и сердцу бабки нашей Екатерины Великой». Вслед за тем Александр отменил наиболее одиозные распоряжения своего отца, устранил запреты в одежде, дал довольно широкую амнистию осужденным, возвратил опальных вельмож и чиновников, удалил любимцев Павла, разрешил ввоз иностранных книг, снял запрет на выезд за границу, декларировал уничтожение тайной экспедиции, скомпрометировавшей себя чрезмерной жесткостью, и т. д. Он восстановил Жалованную грамоту дворянству во всем ее объеме, разрешил дворянские выборы в губерниях, что представляло собой явную, хотя и незначительную, уступку тем силам, которые привели его к власти. Однако большого государственного значения все эти указы не имели и, конечно, они не могли устранить тех недостатков в управлении, которые были очевидны и для современников, и для самого царя.

НАЧАЛО РЕФОРМ. НЕГЛАСНЫЙ КОМИТЕТ. Дезорганизация центральных органов управления, падение авторитета и роли Сената, казнокрадство и взяточничество чиновников, запутанность законодательства — все это требовало широкой реформы государственного управления. Среди столичного дворянства, которое формировало общественное мнение того времени и могло влиять на деятельность правительства, можно выделить три основных течения.

Откровенно реакционное течение считало незыблемым сам принцип самодержавия и выступало против каких-либо серьезных политических и социальных реформ. В начале нового царствования эта партия почти никак себя не проявляла — слишком жива была память о предыдущем самодержце, но недооценивать ее было нельзя, тем более что она находила опору в силе традиции, косности и неразвитости дворянского класса, в природе самого абсолютизма.

Так называемая сенатская партия, или партия «стариков», состоявшая в основном из вельмож екатерининского времени, выступала за восстановление былого величия и авторитета Сената как органа, наиболее полно представлявшего интересы дворянского класса.

Либеральное течение выступало за широкие государственные реформы в «духе времени». Однако ясного представления о содержании этих реформ оно не сформировало. Свои надежды эта группировка возлагала на монарха и ту просвещенную бюрократию, которая, по ее представлению, должна была его окружать.

Александр I попытался использовать все три течения и для проведения необходимых преобразований, и для упрочения своей власти. В марте 1801 г. был создан Непременный совет — совещательный орган при императоре из 12 человек для обсуждения важнейших государственных вопросов. Он был оплотом консервативных сил и не сыграл серьезной роли в русской администрации. Представители сенатской группировки были выдвинуты на важнейшие административные посты. Основная же работа по подготовке реформы проходила в так называемом Негласном комитете, представлявшем либеральное течение, который в июне 1801 г. начал свои заседания. Это был интимный кружок молодых друзей императора, в него вошли представители высшей знати — граф П. Строганов, польский князь Д. Чарторыйский, двоюродный брат Александра М. Новосильцев и граф В. Кочубей.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС. Во внутренней политике Александра в первые годы правления можно выделить три главных вопроса: крестьянский, система образования и состояние администрации.

Воспоминания о «пугачевском бунте», постоянные, хотя и локальные, волнения крестьян, французская революция остро ставили перед правительством крестьянский вопрос. Вопрос о возможности общей реформы, т. е. освобождении крестьян, был отвергнут и в Непременном совете, и в Негласном комитете, ибо освобождение «непросвещенных» крестьян могло привести, по их представлению, к «буйству», угрожало гибелью государству.

Правительство располагало в начале ново-

го царствования рядом проектов общего характера по крестьянскому вопросу — о выкупе государством дворовых, о запрещении продавать крестьян без земли, однако все они были отвергнуты «во избежание неудовольствия дворянства и возбуждения слишком больших надежд в крестьянах». Итогом всех разговоров о вольности явилось несколько указов.

Наибольшее значение имел указ 1803 г. о свободных хлебопашцах. По этому указу помещикам разрешалось в тех случаях, когда они пожелают, отпускать своих крестьян с землей на волю за выкуп по свободному договору с крестьянами, причем это разрешение мотивировалось интересами самих помещиков, которые таким путем могли получить более высокую цену за землю, чем при продаже ее в другие руки. Отпущенные крестьяне поступали в разряд свободных хлебопашцев — особую категорию населения, занимавшую по отношению к государству среднее положение между помещичьими и государственными крестьянами. Указ о свободных хлебопашцах носил характер не общегосударственного, а частного разрешения (за 25 лет в разряд свободных хлебопашцев поступило всего 47 тыс. крестьян). Указ этот не только не нарушал сословную структуру общества, но закреплял ее введением нового сословия, находившегося в общей иерархии феодального общества. Значение его не в практических результатах, а в декларировании возможности государственного вмешательства во взаимоотношения помещиков и крестьян и наделения крестьян землей как непременного условия освобождения.

Некоторое принципиальное значение имел указ 1801 г., разрешавший недворянам (купцам, мещанам, государственным крестьянам) покупать ненаселенные земли и вести на них хозяйство с помощью наемного труда. Продиктованный нуждой правительства в деньгах и необходимостью поддержать зажиточные слои населения, этот указ символизировал начало буржуазного землевладения в России. Но практически он имел совершенно ничтожное значение — землю не покупали, так как свободных рабочих рук не было и обрабатывать ее было некому.

В отношении государственных крестьян в политике правительства появилась новая черта. С начала XIX в. оно сократило раздачу казенных крестьян в частные руки. Это было вызвано не заботой о крестьянстве, а бурным протестом крестьян против закрепощения, что могло привести к серьезным потрясениям. Правительство стало прибегать к другой практике — сдаче государственных имений в аренду на срок. И хотя эта мера не привела к улучшению положения крестьян, она ограничила перевод государственных крестьян в крепостные. В 1801 г. был издан указ о запрещении печатать в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявления о продаже крестьян без земли с раздроблением семей, что вовсе не имело реального значения, поскольку слово «продажа» заменялось словами «отдача в услужение».

Таким образом, правительство Александра I практически ничего не сделало для разрешения крестьянского вопроса: феодальная природа самой самодержавной власти препятствовала его решению. Дворянство — основной господствующий класс — было категорически против всякого изменения во взаимоотношениях помещиков и крестьян, даже скромные меры правительства казались ему «потрясением основ». Крепостное право еще давало возможность самодержавию существовать и решать насущные задачи, и оно легко оставило все проекты и разговоры, сочтя за благо ничего не трогать.

ПРОСВЕЩЕНИЕ. Важной стороной в деятельности правительства начала XIX в. были мероприятия в области просвещения. Хотя в течение XVIII в. просвещение в России достигло определенных успехов, оно оставалось на низком уровне. Не только крестьяне, мещане, купцы были в большинстве неграмотны, но и многие дворяне еле-еле умели написать свою фамилию. Усложнялось управление государством, росла торговля, промышленность. Между тем правительство не могло подобрать образованных, знающих людей даже на посты губернаторов, не говоря уже о многочисленных канцеляриях и конторах; остро ощущалась потребность в технических кадрах.

Улучшение всей системы просвещения становилось объективной необходимостью, без этого невозможно было дальнейшее развитие страны. В связи с этим в первые годы правления Александра I правительство приняло решение о создании единой системы просвещения от низшей школы до университета, на что было выделено значительно больше средств, чем в предшествующие годы.

По положению об устройстве учебных

заведений 1803 г. все они разделялись на четыре ступени: приходские школы одноклассные (при церквах), в которых обучали чтению, письму и, главное, закону божьему — для низших слоев населения; уездные училища (двухклассные) — для горожан, купцов, мещан; губернские (четырехклассные) гимназии — для дворян; университеты. По первоначальному замыслу предполагалась преемственность в программах между этими школами, что открывало бы возможность получения полного образования и низшими, но свободными слоями населения. Это объяснялось тем, что дворяне неохотно отдавали своих сыновей в общие школы, предпочитая им домашнее образование, частные пансионы и военные училища.

В России открылось пять новых университетов — Виленский (польский), Дерптский (немецкий), Казанский, Харьковский, Петербургский главный педагогический институт, преобразованный впоследствии в университет. Некоторые из этих университетов (Казанский, Харьковский) создавались на базе гимназий, уровень преподавания в них был низкий, студентов мало, но впоследствии они превратились в подлинные центры образования.

Россия была разбита на пять учебных округов во главе с попечителями. Университеты должны были не только заниматься учебной работой, но и направлять учебный процесс во всех учебных заведениях округа. В это время открылся ряд учебных заведений исключительно для дворян (на правах университетов) — Царскосельский лицей, Демидовский лицей в Ярославле. Были созданы специальные высшие школы — Московское коммерческое училище, Институт путей сообщения. Университетский устав 1804 г. предполагал автономию внутренней университетской жизни — выборность ректора и профессуры, собственный суд, невмешательство высшей администрации в дела университетов. Однако в условиях самодержавного правления, когда даже министры смотрели на министерства как на пожалованные им деревни, а материальное обеспечение профессуры было весьма скудным и целиком зависело от «властей предержащих», автономия носила чисто символический характер, но впоследствии она давала возможность наиболее образованным представителям просвещения проявлять свою инициативу.

Несмотря на все эти начинания, образование оставалось практически недоступным для простого народа. Сеть низших и средних учебных заведений оставалась, по существу, неразвитой. Многие низшие и средние школы так и не открылись. На две-три губернии приходилась одна гимназия, на 8—10 уездных городов — одно уездное училище, приходские школы целиком зависели от местных священников, которые сами часто едва умели писать и читать. С началом войны 1805 г. субсидии на просвещение резко сократились.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ. Наибольшее внимание Негласный комитет и русское правительство уделяли реформе центральной администрации, ибо сложившаяся в начале XVIII в. (еще при Петре I) административная система устарела.

Александр I пошел навстречу аристократической партии и предложил Сенату (указ 1801 г.) разработать проект реформы. Основной проект сенатской реформы подготовил вельможа екатерининского времени П. В. Завадовский, свои варианты представили и другие сенаторы — Г. Ф. Державин, А. Р. Воронцов, П. А. Зубов, Н. С. Мордвинов и пр. По их предложениям, Сенат должен был стать высшим административным, судебным и контролирующим органом, куда стекались бы все нити государственного управления. Будучи подчинен императору, Сенат вместе с тем должен был пользоваться значительной долей независимости. Вводился принцип несменяемости сенаторов (только по суду самого Сената) и безапелляционности его решений; Сенату предоставлялось право назначения на все административные должности, кроме высших должностей — министра, губернатора, на которые Сенат, однако, мог выдвинуть своих кандидатов. На утверждение царю могли идти решения Сената, только принятые единогласно. В некоторых проектах предлагалось избрание части сенаторов губернскими дворянскими собраниями.

Принятие этих предложений означало бы введение в России своеобразной аристократической конституции и было бы осуществлением тех олигархических планов дворянской аристократии, которые она вынашивала и пыталась осуществить со времен верховников.

Молодые друзья царя единодушно и решительно выступили против этих проектов, так как их осуществление якобы ограничило бы царскую власть, помешало бы царю провести необходимые реформы. Эти планы встретили

оппозицию также и со стороны реакционеров в Непременном совете. Обсуждение их показало, что реальной силы и серьезных корней в дворянстве сенатская партия не имеет. Тем не менее пышный указ 1802 г. о правах Сената отразил некоторые пожелания дворянской аристократии.

Сенат признавался верховным органом в империи — средоточием административной, судебной и контролирующей власти. Он получал право представления на противоречивость в законах, устанавливалась отчетность министров перед Сенатом. Тем не менее указ не только не ограничил «самовластье», но оставил Сенат в полной зависимости от царской власти. Первая же попытка Сената сделать представление царю по поводу указа о 12-летней службе дворян, не достигших офицерского чина, который, по мнению сенаторов, противоречил Жалованной грамоте дворянству, вызвала резкую отповедь Александра, и «правом представления» Сенат больше никогда не решался пользоваться. Не удалось Сенату осуществить и отчетность министров, ибо реальных возможностей для проверки министерских отчетов у него не было, да и практического значения такая проверка не могла иметь, так как министры подчинялись непосредственно царю.

Большое значение имела разработка в Негласном комитете министерской реформы, манифест о которой был издан в 1802 г. одновременно с указом о Сенате. Реформа центральных исполнительных органов власти назревала уже давно, старая коллегиальная система разваливалась. Екатерина II, как известно, довольно успешно провела преобразование местной власти, которое на сто лет определило структуру местной администрации, что уже само по себе поставило на очередь реформу центрального управления.

Манифест 1802 г. вводил министерское административное управление. Было создано 8 министерств: военное, морское, иностранных дел, внутренних дел, финансов, народного просвещения, юстиции, коммерции. Во главе их были поставлены министры — единоличные руководители ведомств, действовавшие через свои канцелярии. Власть министра распространялась в отведенной ему отрасли на всю территорию империи, однако подчиненные ему органы местного управления созданы не были. В отличие от коллегий министерства не получили судебных функций и были исключительно административными, т. е. управленческими органами. Все вопросы о важных мероприятиях должны были решаться на совместных заседаниях — министры выступали как единое целое перед лицом царя, что рассматривалось как гарантия от проявлений деспотизма и произвола со стороны верховной власти. Позднее, в 1811 г., по инициативе М. М. Сперанского министерства были реформированы: введено еще три министерства — полиции, путей сообщения и государственного контроля, более четко разграничены функции министерств, определен порядок делопроизводства.

Созданные министерства способствовали дальнейшей централизации управления и организации административных органов в единую систему. С их помощью император мог вмешиваться во все детали управления на такой огромной территории, как Российская империя, чиновничество было послушным орудием его воли.

Созданная система администрации имела и отрицательные стороны. Во-первых, компетенция министерств и других высших органов, которые также занимались административными вопросами,—Непременного совета и Сената—определялась недостаточно четко. Во-вторых, не были установлены пределы власти министров и характер их ответственности за свои распоряжения. Проверка отчетов министерств Сенатом, как отмечалось выше, оказалась фикцией, поскольку министры подчинялись лично императору и имели возможность всегда заручиться его согласием. В-третьих, деятельность министров практически не контролировалась, что порождало их безответственность; созданный в результате реформы Комитет министров занимался только текущими вопросами и стал органом круговой поруки министров.

Один из современников с горечью писал: «Перед кем в России будут ответственны министры? Перед государем, который уважает в них свой выбор, которого делают они участником своих ошибок и который, не признавшись в оных, не может их удалить? Перед народом, который ничто? Перед потомством, о котором они не думают? Разве только перед своей совестью, когда невзначай есть она в котором-нибудь из них?»

Утверждение министерского начала в администрации привело к огромному расширению бумажного делопроизводства — распоряжения, циркуляры, отчеты и доклады стали основным средством управления. Следствием

Высший и центральный государственный аппарат Российской империи в XIX – начале XX вв.

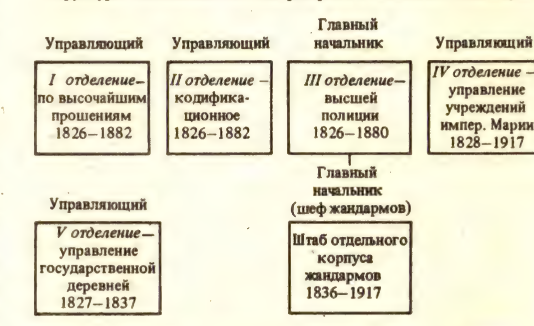
этого было расширение чиновничьих штатов, господство канцелярии и бюрократии, характерных для русской истории XIX в. Произвол, казнокрадство и взяточничество становились нормой русской жизни.

К 1803 г. острота дворянской оппозиции, вызванная деспотизмом и произволом Павла I спала. Дворянское общество было удовлетворено теми общими декларациями Александра, в которых отмечались заслуги дворянства, и вовсе не помышляло о каком-либо ограничении самодержавной власти. Наиболее авторитетные «старики» получили министерские посты, а молодые друзья стали «товарищами» министров. Негласный комитет прекратил свои заседания.

Войны с Ираном (1805—1813), с Турцией (1806—1812), с Францией (1805, 1806—1807) потребовали большого напряжения сил и материальных ресурсов. Две войны с Францией закончились поражением русской армии и заключением Тильзитского мира, вызвавшего возмущение в России. Тильзитский договор ударил не только по национальному самолюбию (100 лет Россия не знала поражений), но и по материальному благосостоянию дворянства, по всему хозяйству страны.

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ РЕФОРМ (1807—1811). В этих условиях с новой силой вспыхнуло возмущение «самовластием», направленное теперь лично против Александра. Ядром оппозиции, как и прежде, было столичное дворянство. На царя обрушились эпиграммы, угрозы, анонимные и неанонимные письма с осуждением его политики.

Структура Собственной его императорского величества канцелярии

Критиковались внешняя политика и бездарность командования, административные преобразования. Лейтмотивом этой критики был призыв к единению с дворянством, что означало в данных условиях полное подчинение дворянству, расторжение Тильзитского мира и возможность новой войны. Царь хорошо знал цену дворянского вольномыслия, но понимал, что для нового дворцового переворота у сановной знати сил хватит, тем более что в рядах оппозиции оказались и его мать, и братья, и прежние друзья. Перед верховной властью встали сложные задачи: нейтрализовать оппозицию и предупредить возможность нового переворота, завершить ранее начатые реформы, чтобы укрепить власть.

Александр вынужден был подчеркивать дружбу с Наполеоном и верность союзу с ним, что имело не только внешнеполитическое, но

и внутриполитическое значение, так как показывало оппозиции, что за спиной царя стоит могучая наполеоновская империя, казавшаяся в то время несокрушимой. Вместе с тем царь не препятствовал подъему дворянского патриотизма, вызванного позором Тильзитского мира, и тонко, осторожно направлял его против французского императора, давая понять, что Тильзит — временная и вынужденная мера.

В это время возродилась тайная политическая полиция. Еще в начале своего царствования Александр I упразднил тайную экспедицию. Вместо нее в 1805 г. был создан Комитет для разрешения дел, относящихся к высшей полиции, преобразованный в 1807 г. в Комитет по охране общей безопасности. В 1810 г. наряду с ним было создано Министерство полиции. Над всеми группировками или даже отдельными сановниками, от которых могла исходить опасность для трона, было установлено тайное наблюдение.

Учитывая печальный опыт своего отца, Александр I остерегался предпринимать какие-либо резкие акции по отношению к оппозиции, но в тех случаях, когда это было безопасно для него, он давал ей почувствовать свою самодержавную власть. В 1809 г. было издано два указа: о придворных званиях и об экзаменах на чин. Указ о придворных званиях гласил, что придворные звания являются отличием и не дают права на чин: отныне чины можно было получить, пройдя через всю иерархию гражданской или военной службы. Придворные, не служившие на государственной службе, лишались и придворных званий.

Второй указ устанавливал новый порядок продвижения по служебной лестнице — для получения чина VIII класса и выше необходимо было иметь университетский диплом или сдать экзамен примерно в объеме гимназии.

Оба указа вызвали взрыв негодования среди высшей знати. Однако это было неопасно для правительства, так как захватило лишь небольшую группу придворных и чиновников. Основная масса столичного дворянства оставалась равнодушной и скорее злорадствовала.

Эти указы диктовались государственной необходимостью — низким уровнем образования среди чиновников и засильем придворной камарильи в высшей администрации, однако практическое их значение оказалось невелико, тем более что и придворные, и чиновники вскоре научились обходить указы. Но они позволили самодержавию освободиться от неугодных придворных и, главное, еще теснее привязать бюрократию к верховной власти, поставить ее в полную зависимость от нее. К этому времени относятся и новые попытки укрепить верховную власть путем общей реформы государственного управления.

Ближайшими помощниками царя стали два, на первый взгляд, диаметрально противоположные по своим взглядам и методам деятеля — А. А. Аракчеев и М. М. Сперанский. Аракчеев — «необразованный русский дворянин», как он сам себя называл, человек жестокий, мракобес, готовый выполнить любой приказ царя. Однако он был наделен практическим умом, смёткой, административными способностями. Сперанский, человек блестящего ума и образования, изучил новейшие политические учения и чрезвычайно широко понимал функции и задачи власти. Вместе с тем он был хороший практик, прекрасно разбирался в механизме русского государственного управления и хорошо понимал всю сложность стоявших перед властью задач.

При всей противоположности этих двух деятелей у них было нечто общее, позволившее самодержавию использовать способности и одного, и другого. Во-первых, они не имели корней в дворянской аристократии и своим возвышением были обязаны не происхождению и связям, а царю; во-вторых, оба они были чиновниками, верившими в благодетельную силу самодержавия. Один слепо выполнял повеления царя, другой пытался осуществить через него довольно широкую программу преобразований. Оба они как бы символизировали образование двух направлений в русской бюрократии, сыгравших значительную роль в последующей истории России. Одно направление — бюрократия косная, реакционняя, неподвижная, основным девизом которой было «тащить и не пущать»; второе — либеральная бюрократия, понимавшая необходимость преобразований и пытавшаяся провести их сверху.

Аракчеев стал военным министром. Современники отмечали, что Александр выдвинул Аракчеева потому, что «захотел поставить рядом с собою пугало пострашнее, по причине внутреннего брожения» в России. С этой ролью Аракчеев блестяще справился. Перед ним была поставлена задача восстановить боеспособность армии, подорванную неудачными войнами с Наполеоном, укомплектовать ее с помощью рекрутских наборов,

М. М. Сперанский. Фототипия с портрета *Тропинина*

подтянуть дисциплину, особенно среди офицерского состава, реорганизовать артиллерию, наладить материальное снабжение армии продовольствием и боеприпасами. Наделенный неограниченными правами, Аракчеев с удивительным упорством, последовательностью и беспощадностью начал наводить «порядок». Его неукротимая энергия дала свои результаты. Специалисты считали, что его преобразования в армии, и особенно в артиллерии, способствовали повышению боеспособности армии, являвшейся важнейшей опорой абсолютизма.

Сперанский стал главным советником царя по административным делам, автором и редактором большинства правительственных документов по вопросам внутренней политики. Сперанский, сын священника Владимирской губернии, окончил духовную семинарию в Петербурге и был оставлен учителем красноречия, физики, а затем и философии. Самостоятельно изучив политическую и философскую литературу на немецком, французском и английском языках, он приобрел широкие знания. Сперанский служил домашним секретарем у павловских вельмож, а затем чиновником в различных канцеляриях и министерствах. В начале царствования Александра он быстро выдвинулся и начал играть видную роль в Министерстве внутренних дел. В 1802—1803 гг. он начал работать над общими планами преобразований государственного строя, которые стали известны Александру 1. С 1807 г. началось быстрое возвышение Сперанского: став основным советником царя по вопросам управления, он получил задание подготовить общий проект государственных преобразований в России. Этот проект — «План государственного преобразования» или «Введение к уложению государственных законов» — был готов уже к концу 1809 г.

Широкое недовольство правительством в различных кругах русского общества Сперанский объяснял не неудачным Тильзитским миром, и «не подорожанием сахара и кофе», а более глубокими причинами. Он считал, что настоящая система правления «не свойственна уже более состоянию общественного духа». Россия, по его мнению, находится на грани революции, но самодержавие может и должно предупредить ее.

Цель преобразований, считал Сперанский, — укрепление самодержавного правления на «непременяемом законе». Средство их осуществления — организация управления на строгом разделении власти (законодательной, исполнительной и судебной) и допущение выборных представителей от народа к законосовещательной деятельности в своеобразном парламенте — в Государственной думе.

Во главе государства, по этому проекту, должен стоять монарх, которому принадлежит вся полнота власти. При нем существует Государственный совет — совещательный орган из назначаемых монархом сановников, через который поступают к монарху все дела от нижестоящих органов и в котором обсуждаются все крупные государственные мероприятия. Таким образом, этот орган должен был придать единство всей деятельности правительства.

Государственная дума и местные думы должны быть выборными. Все имеющие право голоса и старшины государственных крестьян (по одному на 500 человек) составляют волостную думу, которая занимается местными вопросами и выбирает депутатов в окружную думу на три года. Окружная дума решает вопросы данного округа и выбирает депутатов в губернскую думу. Губернская дума из своих членов избирает депутатов в Государственную думу — высший представительный орган, призванный обсуждать предложенные ему свыше законопроекты, которые затем поступают в Государственный совет и на утверждение царю.

Принцип выборности был положен Сперанским и в организацию судебной власти: волостной, окружной и губернский суды — выборные; но высшая судебная инстанция — судебный Сенат назначается царем пожизненно из числа лиц, избранных в губернских думах.

В основу выборной системы Сперанским был положен не сословный (феодальный) принцип, а буржуазный — имущественный ценз (владение движимым и недвижимым имуществом). Все население России Сперанский делил на три сословия: дворянство, «среднее состояние» (купцы, мещане, государственные крестьяне) и «народ рабочий» (крепостные, рабочие, прислуга). Политические права получали только два первых сословия, для активного и пассивного избирательного права необходимо было обладать недвижимым имуществом, т. е. помещики играли бы здесь основную политическую роль. На крепостное право Сперанский не покушался.

Исполнительные административные органы, представленные министерствами и подчиненными им инстанциями в губерниях, округах и волостях, должны быть назначаемыми и полностью подчиняться верховной власти. Объединять и осуществлять контроль над деятельностью министров должен Правительственный Сенат.

Несмотря на то, что план Сперанского не затрагивал основ крепостного строя, он носил прогрессивный характер. Его осуществление могло бы привести к утверждению в России парламентарного строя и создавало бы условия для развития буржуазных отношений и разрушения феодальной структуры общества. Однако план этот был умозрительным, абстрактным, бюрократическим. Уповая на творческие возможности самодержавия, Сперанский не учитывал соотношения классовых сил, в котором господствующую роль играло дворянство, и природу самой самодержавной власти, которая не может добровольно пойти на свое самоограничение. Именно поэтому план Сперанского не мог быть осуществлен в условиях самодержавной, крепостнической России, хотя на словах он был одобрен царем.

1 января 1810 г. манифестом царя был учрежден Государственный совет, который заменил безгласный и неавторитетный Непременный совет. В него вошло 35 высших сановников по назначению царя. Он призван был объединить и направить по единому руслу всю правительственную деятельность. Отныне указы царя сопровождались формулой: «Вняв мнению Государственного совета» (эта формула продержалась всего 4 года). Сперанский надеялся, что в течение 1810 г. он сумеет провести в жизнь весь свой план. Однако сам Государственный совет, созданный по его планам, стал решительным противником дальнейших преобразований. Долго обсуждавшаяся реформа Сената так и не была осуществлена. Такая же участь постигла и «Государственное уложение», т. е. Свод законов, разработанный под руководством Сперанского. Реформа министерств, проведенная через Государственный совет, носила технический характер — она улучшила дееспособность министерств, делопроизводство в них. Сам Государственный совет так и не приобрел авторитета, на что надеялся Сперанский. Наиболее важным мероприятием этого времени, проведенным через Государственный совет, была финансовая реформа.

Русские финансы в результате ряда войн, которые вела в это время Россия, были в крайне расстроенном состоянии — дефицит в государственном бюджете достиг колоссальной цифры. Под руководством Сперанского была разработана серия мероприятий по улучшению финансового положения: прекращен выпуск новых ассигнаций, резко сокращены государственные расходы, предпринята продажа части казенных имений в частные руки и, наконец, главное — введены новые налоги, затронувшие все слои населения. Раздражение против этих крайне непопулярных, но необходимых мер сконцентрировалось на исполнителе — Сперанском. Что касается плана Сперанского в целом, то он даже не стал предметом обсуждения, и все попытки продолжить реформу разбивались о равнодушие Александра I. Между тем в дворянских кругах ходили самые устрашающие слухи — о подготовке отмены крепостного права и ликвидации дворянства, которые якобы планирует «зловредный попович».

Уже в 1811 г. Сперанский начал понимать безуспешность своих попыток: он просил царя освободить его от всех дел, чтобы сосредоточиться на кодификации законодательства.

Административные реформы начала века на целое столетие определили характер центрального управления и его развития. Они упорядочили административную систему, способствовали ее дальнейшей централизации и усилили верховную власть. Вместе с тем критически настроенные современники отмечали, что реформы были недостаточно продуманы, проводились бессистемно и ни одна из них не была завершена.

Классовое содержание внутренней полити-

ки самодержавия оставалось неизменным — это была политика самодержавного государства, направленная на защиту классовых интересов дворянства в целом. Александр I в начале своего царствования пытался продолжить политику «просвещенного абсолютизма» и провести социальные и административные преобразования. Однако обострение классовых противоречий свидетельствовало о том, что у самодержавия уже нет возможностей для проведения крупных преобразований в условиях данной социальной структуры, а выйти из ее рамок оно не могло. Реальным итогом политики правительства было еще большее усиление централизации и как следствие — рост бюрократии, которая наряду с дворянством становилась опорой и все более мощным рычагом власти.

Чем ближе к 1812 г., тем самодержавие становилось сдержаннее, осторожнее, тем больше шло навстречу пожеланиям дворянства. Рупором дворянства в это время стал знаменитый писатель и историк Н. М. Карамзин, выступивший в 1811 г. с запиской «О древней и новой России». В ней он подверг резкой критике все мероприятия правительства Александра I, считая их несвоевременными, несоответствовавшими «духу народа» и исторической традиции. Осуждая тиранию и деспотизм власти, выступая за просвещение и гуманность, он вместе с тем убеждал императора в том, что «самодержавие основало и воскресило Россию». В настоящее время, писал он, нужны не реформа, а «патриархальная власть» и «добродетель». Государственная мудрость, по его мнению, должна быть более «хранительной, нежели творческой», и поэтому России нужна не конституция, а 50 дельных губернаторов. Карамзин отразил настроения дворянства, требовавшего отказа от каких-либо реформ. Правительство охотно пошло навстречу этим пожеланиям. Сперанский был отстранен от государственной деятельности и в начале 1812 г. сослан. С реформами было покончено.

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1801—1812 ГГ.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ. В течение XVIII в. Россия превратилась в крупную мировую державу, занимавшую важное место в системе международных отношений, и ее внешняя политика определялась обстановкой, сложившейся в Европе к началу XIX в. К этому времени Россия обладала сильной армией, насчитывавшей около 500 тыс. человек, и развитыми дипломатическими институтами.

В конце XVIII — начале XIX в. были осуществлены значительные изменения в структуре дипломатической службы. В 1802 г. были введены должности министра и товарища министра иностранных дел, которым подчинялась Коллегия иностранных дел. Международные проблемы обсуждались на заседаниях Непременного совета, Негласного комитета, а с 1810 г. — Государственного совета. К этому времени Россия имела постоянные дипломатические отношения со многими государствами Европы, Османской империей и Соединенными Штатами Америки. Внешняя политика была той областью, где наиболее тщательно оберегались прерогативы царя. Наиболее важные дипломатические посты по-прежнему занимали представители высшей русской аристократии. В начале XIX в. усилился процесс проникновения иностранного «служилого» дворянства на русскую дипломатическую службу. Первыми министрами иностранных дел были русские аристократы: А. Р. Воронцов, Н. П. Румянцев, немец А. Я. Будберг, поляк А. Чарторыйский. В конце XVIII — начале XIX в. французский язык окончательно заменил русский в официальной дипломатической переписке.

Основное воздействие на международную обстановку начала XIX в. оказывала всевозраставшая агрессивность Франции, революционные войны которой конца XVIII в. превратились, по выражению В. И. Ленина, в несправедливые, империалистские, проводимые Наполеоном в интересах французской буржуазии и в целях укрепления своей личной власти[1].

Главным противоречием в международных отношениях начала XIX в. оставалась борьба Англии и Франции за европейскую политическую и экономическую гегемонию.

Первые дипломатические шаги правительства Александра I свидетельствовали о желании сохранить нейтралитет в этой борьбе. Но по мере расширения наполеоновской агрессии в Европе Россия была вынуждена принимать меры к ее сдерживанию. Обострение русско-французских противоречий было связано со стремлением Наполеона к установлению ев-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 5—6.

ропейской, а позднее и мировой гегемонии. Противодействие этим планам заставляло Россию стремиться к союзу с Англией, Австрией и Пруссией.

Русско-французские противоречия обострились в начале века и в восточном вопросе.

Восточный вопрос как международная проблема возник в середине XVIII в. и был связан с ослаблением некогда могущественной Османской империи, с одной стороны, и усилением колониальной экспансии западноевропейских государств — с другой. С начала XIX в. восточный вопрос на длительный исторический период стал одной из важнейших проблем внешней политики России, так как для нее первостепенное значение имело обеспечение выгодного судоходного режима на Босфоре и Дарданеллах. От этого во многом зависели как безопасность черноморских границ России, так и экономическое развитие южных окраин страны. В этой связи важную роль играли собственно русско-турецкие отношения — отношения государств, имеющих общие сухопутную и морскую границы. За влияние в Константинополе, за дружественную позицию Турции русской дипломатии приходилось вести напряженную борьбу. Составной частью восточного вопроса для России были ее взаимоотношения с народами Балканского полуострова и помощь им в борьбе за освобождение от ига Османской империи. Но в целом в начале XIX в. русская программа в восточном вопросе находилась еще в стадии становления.

УЧАСТИЕ РОССИИ В 3-Й И 4-Й АНТИНАПОЛЕОНОВСКИХ КОАЛИЦИЯХ. Нейтральную позицию в борьбе Франции и Англии Александру I удалось сохранять недолго. Усиление агрессии Наполеона, его настойчивое стремление установить гегемонию Франции в Европе, оккупация Швейцарии, Генуи, и другие захватнические акты насторожили русское правительство. Особое недовольство России вызывала усилившаяся активность Франции в Средиземноморье, в Морее, Албании, на Ионических островах, в самом Константинополе. Попытка русского правительства создать равновесие сил на Ближнем Востоке путем концентрации войск на Ионических островах встретила резкое сопротивление Наполеона. Отношения между Россией и Францией окончательно испортились после расстрела по приказу Наполеона герцога Энгиенского[1]. Началось складывание 3-й антинаполеоновской коалиции. В апреле 1805 г. была подписана русско-английская союзная конвенция, к которой осенью присоединилась и Австрия. Кроме них в состав 3-й коалиции вошли Швеция и Неаполитанское королевство. Программа союзников включала возвращение Франции в старые границы, т. е. изгнание ее из Германии, Италии, Швейцарии и Голландии, гарантию независимости захваченных Наполеоном европейских государств, провозглашение принципа легитимизма.

Летом 1805 г. начались военные действия в Европе. Армия Наполеона, сконцентрированная ранее на побережье Ла-Манша в Булонском лагере и угрожавшая вторжению на Британские острова, выступила против Австрии. Потерпев поражение при Ульме, австрийские войска были вынуждены оставить Вену. Соединение русской и австрийской армий произошло под Ольмюцем (в Чехии), где в то время находилась ставка императора. Здесь, несмотря на противодействие русского главнокомандующего М. И. Кутузова, было принято решение о генеральном сражении. Оно произошло 20 ноября (2 декабря) 1805 г. близ деревни Аустерлиц[2]. Армии двух союзнических государств потерпели поражение.

Третья коалиция распалась. Австрия подписала с победителем сепаратный мирный договор. Вся Южная Германия оказалась под властью Наполеона.

Русское правительство встало перед дилеммой новой войны или мира с Францией. Через полтора месяца после Аустерлица в январе 1806 г. состоялся ряд совещаний приближенных Александра, а также заседание специального совета при царе, в ходе которых был выработан новый внешнеполитический курс. Мнения высших сановников разделились. Одни настаивали на продолжении борьбы против Наполеона в союзе с Англией; другие предлагали вернуться к политике «свободных рук», осуществлявшейся в первые годы царствования Александра I; третьи считали возможным заключение мира с Францией на условиях раздела Европы на сферы влияния. Однако все они признавали остроту русско-французских противоречий в Европе и на Ближнем Востоке. Конкретным отражени-

---

[1] Представитель одной из ветвей Бурбонов; подозревался Наполеоном в намерении занять французский престол.

[2] Территория современной Чехословакии.

ем этих споров было одновременное ведение переговоров в Лондоне — о новом союзе против Наполеона (миссия Г. А. Строганова), и в Париже — о заключении мира. Переговоры русского поверенного в делах Убри с французским министром иностранных дел Талейраном показали, что Франция не намеревается ни на йоту поступиться своими завоеваниями или делить свое влияние с Россией. Конвенция, подписанная Убри в Париже, фактически признавала все завоевания Наполеона, в частности закрепляла его доминирующее влияние в Средиземноморье. В связи с этим она не была ратифицирована Александром.

Русское правительство взяло курс на продолжение борьбы с Наполеоном. Начались поиски новых союзников в Европе. В результате в 1806 г. сложилась четвертая антинаполеоновская коалиция из Англии, России, Швеции и Пруссии. Последняя, обеспокоенная распространением влияния Наполеона на всю Германию, начала военные действия против Франции. Они закончились для Пруссии полным поражением. Через три недели после начала войны французская армия вошла в Берлин. Россия фактически потеряла союзника и вынуждена была вести борьбу в одиночку.

Русско-французская кампания развернулась в 1807 г. на территории Восточной Пруссии. В июне 1807 г. произошло сражение под Фридландом, проигранное русским главнокомандующим Бенигсеном. Военная неудача, непомерные финансовые расходы, сложная политическая обстановка на Востоке (с 1804 г. Россия вела войну с Ираном, а с 1806 г. — с Османской империей), усиление русско-английских разногласий заставили Александра I вступить с Наполеоном в переговоры о мире.

ТИЛЬЗИТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1807 Г. Встреча императоров состоялась в Тильзите на Немане в июне 1807 г. 25 июня (7 июля) 1807 г. были подписаны соглашения о мире и дружбе и о наступательном и оборонительном союзе между Францией и Российской империей. По договору Россия не понесла территориальных потерь, напротив, она получала некоторую свободу действий на своих северо-западных границах, однако влияние ее в Центральной Европе было ослаблено. Территория союзницы России — Пруссии оказалась значительно урезанной. Она надолго потеряла ранг великой державы и не могла служить противовесом Франции. Созданное Вестфальское королевство попало в полное подчинение к Наполеону. В составе Саксонского королевства было образовано герцогство Варшавское, фактически оказавшееся под протекторатом Наполеона. Оно стало плацдармом для дальнейшего наступления Франции на Россию.

Александр вынужден был также признать суверенитет Франции над Ионическими островами, обязался вывести войска из Молдовы и Валахии, передать Наполеону бухту Котор. Таким образом, были утрачены позиции России в Средиземноморье, завоеванные в конце XVIII — начале XIX в.

Наиболее тяжелым для России был пункт об участии в направленной против Англии континентальной блокаде, к которой по условиям Тильзитского мира присоединялась Россия, т. е. она полностью разрывала торговые и политические отношения с Великобританией. Прекращение торговли с ней тяжело отразилось на экономике страны и сильно ударило по экономическим интересам дворянства и купечества.

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1808—1809 ГГ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ. Стремясь к укреплению своего положения на северо-западе и исходя из условий Тильзитского договора после того, как король Густав IV Адольф отклонил требование о разрыве с Англией и присоединении к континентальной блокаде, русские войска вступили в Финляндию. В самой Финляндии были довольно сильны прорусские настроения, так как Швеция тормозила развитие финской национальной экономики и культуры.

В ходе военных действий в марте 1808 г. капитулировала пограничная крепость Свартхольм. В апреле шведские силы были оттеснены далеко на север, русские войска вступили в столицу Финляндии — Або. Несколько позднее пал Свеаборг. Русский десант высадился на Аландах и в Готланде. В марте 1809 г. отряды под командованием П. И. Багратиона и М. Б. Барклая-де-Толли по льду Ботнического залива перешли на территорию Швеции. Король Густав IV Адольф был свергнут. В августе 1809 г. в Фридрихсгаме начались переговоры между Россией и Швецией, завершившиеся подписанием Фридрихсгамского мирного договора, по которому Финляндия (включая Аландские острова) отходила к России; Швеция обязалась расторгнуть союз с Великобританией и примкнуть к континентальной блокаде.

В результате русско-шведской войны было создано Великое княжество Финляндское, главой которого стал российский император. Финляндия вошла в состав России как автономное государство, управлявшееся по своим внутренним законам. Боргосский сейм — сословное собрание — утвердил автономное положение Финляндии в составе России. В Финляндии действовал избираемый четырехсословный сейм, в компетенцию которого входило законодательство по внутренним делам. Кроме того, Финляндия имела свою таможню, доходы княжества шли на внутренние нужды и не вливались в общеимперскую казну. В середине XIX в. княжество получило самостоятельную денежную систему, Финляндия освободилась от содержания армии и от несения других военных расходов. В 1811 г. к Финляндии была присоединена Выборгская губерния. Все это способствовало быстрому развитию капиталистических отношений в Финляндии.

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1808—1812 ГГ. Русско-французский союз носил временный, компромиссный характер. Соглашение с Наполеоном не одобряла значительная часть русского общества, патриотические чувства которого были уязвлены военным поражением. Особое недовольство выражали помещики и купцы, связанные с экспортом хлеба и другой сельскохозяйственной продукции. Недовольным оставался и Наполеон, так как Россия попрежнему стояла на его пути к мировому господству. Однако мир был еще нужен России и Франции. Не желая делить свое влияние в Европе с Россией, Наполеон предложил Александру I план раздела территории Османской империи. Однако переговоры по этому вопросу (1808) явились для Наполеона лишь дипломатическим приемом, с помощью которого он пытался удержать Россию в орбите своей политики. Соглашение достигнуто не было.

В 1808 г. Наполеон и Александр встретились в Эрфурте. Встреча происходила в иных международных условиях, чем Тильзитская. Наполеон, «увязнув» в Испании, направляя все военные и политические ресурсы для удержания в покорности порабощенной Европы, был заинтересован в союзе с Россией. Новая политическая ситуация и твердость, проявленная русским правительством в Эрфурте, способствовали заключению соглашения, в котором интересы России были соблюдены в значительно большей степени, чем в Тильзите. Признавались права России на Финляндию, Молдову и Валахию. Русская дипломатия уклонилась от обязательства активно участвовать в войнах Франции против Австрии и Англии.

После Эрфурта политические противоречия между Россией и Францией продолжали обостряться. Русское правительство болезненно реагировало на военное укрепление и территориальное расширение герцогства Варшавского, на происки французской дипломатии в Константинополе, на полное подчинение Францией германских государств. Политические разногласия усугублялись тяжестью для России континентальной блокады. Торговый дефицит в стране резко возрос и достиг в 1809 г. 157 млн. руб. Попытки исправить положение путем расширения торговли с Францией были неудачны, так как Франция не могла обеспечить выгодный рынок для русских товаров.

В этих условиях Россия, не имевшая развитого торгового флота, искала выхода в так называемой нейтральной торговле, в использовании для этой цели американских, ганзейских, греческих судов. Нейтральная торговля привела к резкому увеличению ввоза контрабандных английских товаров в Россию, на что правительство смотрело сквозь пальцы. Французское правительство было раздражено этим попустительством. С 1810 г. русско-французские отношения вступили в новую фазу, когда неизбежность будущего разрыва становилась очевидной.

На многочисленные демарши Франции с требованием прекратить нейтральную торговлю Россия отвечала отказом. Еще более обострила русско-французские отношения оккупация Наполеоном северогерманских земель в декабре 1810 г., в состав которых входило герцогство Ольденбургское — наследственное владение русской императорской фамилии. С 1811 г. как Франция, так и Россия начали деятельную подготовку к новой войне.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX В. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806—1812 ГГ. В 1799 г. между Россией и Турцией был заключен союзный договор, направленный против Франции. По этому договору Турция открывала проливы для русских военных кораблей, т. е. выход в Средиземноморье. Эскадра Ф. Ф. Ушакова ак-

тивно действовала у побережья Италии против французского экспедиционного корпуса в 1799—1800 гг. С воцарением Александра I был взят курс на укрепление русско-турецкого союза. В 1805 г. Турция и Россия подписали новый союзный договор, подтверждавший право прохода русских кораблей через Черноморские проливы, что дало возможность усилить действия эскадры адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземном море против французских экспедиционных сил на Ионических островах.

В начале XIX в. Россия последовательно выступала в поддержку народов Балканского полуострова, томившихся под игом Турции. Широкому национально-освободительному движению на Балканах положило начало сербское восстание 1804 г., руководители которого обратились за помощью к России. Славянские народы, по выражению Ф. Энгельса, видели «в России свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию» [1].

Наличие русско-турецкого договора первоначально мешало России оказать действенную помощь сербским повстанцам. Она поддерживала сербское восстание дипломатическими демаршами. Однако в 1805 г., в наиболее напряженный момент борьбы между карательной турецкой армией и повстанцами, в Галацу прибыли русские корабли, доставившие сербам пушки и боеприпасы.

В начале 1806 г. русско-турецкие отношения резко ухудшились. Турция, долго лавировавшая между Россией и Францией, после Аустерлица все более склонялась к союзу с последней. Порта закрыла проливы для русских кораблей, повела провокационную политику в Дунайских княжествах. В декабре 1806 г. началась новая русско-турецкая война (1806—1812), развязанная Турцией при подстрекательстве Франции. Турция намеревалась вновь утвердить свое влияние в Дунайских княжествах, которые к этому времени располагали автономией, покончить с национально-освободительным движением в Сербии и в других частях Османской империи. В турецком правительстве раздавались голоса о необходимости аннексии Крыма.

Русское правительство, начав войну, не ставило далеко идущих планов.

В ходе войны окрепли и расширились связи между Россией и Сербией. Сербская армия вела операции в тылу у турок. Весной 1806 г. сербы осадили Белград и в декабре 1807 г. взяли его. Летом 1807 г. между Россией и сербскими повстанцами было заключено соглашение, подписанное их вождем Карагеоргием. На основе этого соглашения Россия начала оказывать существенную материальную и военную помощь сербскому национально-освободительному движению.

На первом этапе войны Россия не могла вести широкие наступательные операции. Дунайская армия И. М. Михельсона насчитывала всего 40 тыс. человек. Последующие командующие А. А. Прозоровский и И. М. Каменский вели военные действия нерешительно, затрачивали силы на взятие и удержание крепостей, на оборону правобережья Дуная. Напряженная политическая обстановка в Европе, угроза войны с Францией требовали скорейшего подписания мира с Турцией. В марте 1811 г. командующим Дунайской армией был назначен М. И. Кутузов. Собрав разбросанные ранее по Дунайскому театру военные силы, Кутузов 22 июня (3 июля) нанес турецкой армии, которая по численности превосходила почти в 2 раза русскую, сокрушительное поражение под Рущуком, а затем окружил и взял в плен турок под Слободзеей (октябрь—ноябрь). Это вынудило Порту пойти на переговоры о мире. Несмотря на противодействие Франции, в мае 1812 г., за месяц до начала нашествия Наполеона на Россию, был подписан Бухарестский мирный договор. К России присоединялась Бессарабия, русско-турецкая граница была установлена по реке Прут. Молдова и Валахия отошли к Турции, однако они получили автономию.

Важное значение для национально-освободительного движения на Балканах имели статьи договора, касавшиеся Сербии. Ей предоставлялась широкая автономия во внутреннем управлении. Россия получила право контролировать исполнение Турцией постановления относительно Сербии. Бухарестский договор закрепил традиции дружбы и взаимопомощи между русским и сербским народами.

Бухарестский мирный договор имел большое значение для России: он обеспечил нейтралитет Турции в период Отечественной войны 1812 г. и позволил русскому командованию сосредоточить силы на отражении наполеоновской агрессии.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 32.

ГЛАВА 3
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 Г.

1. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

ЗАХВАТНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН. Крупнейшим событием русской истории начала XIX в., имевшим общеевропейское и мировое значение, была Отечественная война 1812 г.

Генерал Наполеон Бонапарт, выдвинувшийся как крупный военачальник на завершающем этапе французской революции, в 1799 г. стал консулом, в 1804 г. — императором, Наполеон задушил революцию, отменив все ее установления, хоть в чем-то ущемлявшие интересы крупной французской буржуазии. Перманентную революцию он подменил перманентной войной, причем справедливые войны времен революции превратились в захватнические империалистские войны Французской империи.

Завоевания Наполеона сопровождались разорением покоренных государств (постои войск, вербовка в армию, налоги, разрушение местной промышленности). С расширением агрессии постепенно складывалась программа создания мировой империи со столицей в Париже. В ряде войн начала XIX в. Наполеон разгромил Пруссию, Австрию, Италию, Голландию и подчинил их своей власти. На пути к мировому господству стояли Россия и Англия.

С 1810 г. Наполеон открыто начал нарушать условия Тильзитского договора. Это выразилось в захвате им Ольденбургского герцогства, признанного независимым по Тильзитскому договору. Территория герцогства Варшавского в нарушение Тильзитского договора была расширена за счет Западной Галиции, отобранной в 1809 г. у Австрии. На территории Польши строились военные склады и магазины, т. е. герцогство Варшавское превращалось в плацдарм для нападения на Россию.

ОБОСТРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ. ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ. Наполеону не удалось полностью осуществить континентальную блокаду Англии, и одним из виновников этого он считал Россию. Экономические противоречия все более обострялись. В 1810 г. Наполеон повысил пошлины на товары, импортируемые во Францию, что отрицательно сказалось на внешней торговле России. В ответ на это Александр I установил новый, невыгодный французской буржуазии тариф запретительного характера, что вызвало негодование Наполеона.

Последний начал усиленную подготовку к войне. Ни одну из своих войн Наполеон не готовил так тщательно, как войну против России: он понимал, что предстоит встреча с сильным противником. Он ассигновал 100 млн. франков на военные цели, провел дополнительную мобилизацию, увеличившую армию на 250 тыс. человек. Наполеон использовал оккупированные страны как поставщиков людских ресурсов. В общей сложности французская армия достигла 1200 тыс. человек и была самой крупной армией мира.

Император Франции и его штаб внимательно изучали театр будущих сражений, разрабатывали планы военных действий. Расчет делался на короткую наступательную войну, исход которой решали пограничные генеральные сражения. Срок всей кампании планировался не более чем на один месяц. Поражение России должно было, по замыслу Наполеона, окончательно укрепить господство Франции не только в Европе, но и в мире. В течение 1811 г. Наполеон подтянул силы к западной границе России.

В Петербурге знали о подготовке Франции к войне. В 1810 г. военное министерство, возглавляемое М. Б. Барклаем-де-Толли, разработало программу по вооружению и перевооружению русской армии, усилению защиты западных границ государства, укреплению оборонительной линии по рекам Западной Двине, Березине, Днепру. Но тяжелое финансовое положение государства не позволило полностью реализовать этот план. Лишь частично вдоль Немана, Западной Двины, Березины были построены укрепления и склады, но, сделанные наспех, они не стали преградой на пути наполеоновской армии. В 1810—1812 гг. проводилось и перевооружение русской армии. Оружие изготовлялось как на казенных чугунолитейных заводах, так и на частных заводах.

Большую сложность представляла проблема людских ресурсов, так как существовавшая в России система комплектования армии путем набора рекрутов из крепостных крестьян и 25-летний срок солдатской службы не позволяли иметь достаточное количество обученных резервов. Поэтому в ходе войны

приходилось создавать ополчение, также нуждавшееся в вооружении. Несмотря на дополнительные рекрутские наборы, Россия не смогла направить к западной границе такую большую армию, какую имел Наполеон. К началу военных действий русская армия насчитывала около 600 тыс. человек, а на западные границы было выставлено 210—220 тыс.

Наряду с военной велась дипломатическая подготовка к войне. 12 (24) февраля 1812 г. Франция заключила союзный договор с Пруссией, по которому последняя обязывалась предоставить Наполеону 20 тыс. солдат. 2 (14) марта 1812 г. было подписано аналогичное соглашение с Австрией, которая должна была выставить армию в 30 тыс. солдат. Но надежды Наполеона на полную изоляцию России не оправдались. Бухарестский русско-турецкий договор, подписанный в мае 1812 г., высвободил Дунайскую армию, которая теперь могла быть направлена к западной границе. Не удалось Франции склонить на свою сторону и Швецию. Правительство Швеции, опасаясь блокады английского флота и вторжения русских войск, пошло на соглашение с Россией. 24 марта (5 апреля) 1812 г. был подписан русско-шведский договор, гарантировавший неприкосновенность владений обоих государств, что дало возможность России часть войск с северо-западной границы передвинуть на Запад. Эти договоры сорвали планы Наполеона по изоляции России.

К июню 1812 г. французские войска были готовы к войне. У границ России стояла хорошо обученная, отмобилизованная, имевшая большой военный опыт 600-тысячная армия французов. Ядро ее составляла старая гвардия, одержавшая немало блестящих побед. Возглавлял армию легендарный полководец, человек железной воли, колоссального честолюбия, трезвого ума — Наполеон.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ И ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ СТОРОН. Русская армия в первые месяцы войны по своей численности, как отмечалось выше, значительно уступала армии противника. Стратегическое построение русских войск было произведено неудачно: они занимали пространство в 600 км, в то время как армия Наполеона была сосредоточена на территории в 300 км. 1-я армия М. Б. Барклая-де-Толли находилась в районе Россиена и Лиды на фронте протяженностью в 180 км. 2-я армия П. И. Багратиона располагалась на 50 км между Неманом и Западным Бугом. Между 1-й и 2-й армиями был разрыв в 100 км. 3-я Западная армия генерала А. П. Тормасова находилась на Волыни и была отрезана от армии Багратиона лесисто-болотистой полосой Полесья в 200 км.

В русской армии план ведения предстоящей войны начал готовиться в 1810 г. в глубокой тайне. В его составлении участвовали Александр I, Барклай-де-Толли, генерал Фуль, однако окончательно он принят не был и вырабатывался уже в ходе военных действий.

В начале войны была предпринята попытка осуществить план, предложенный прусским генералом Фулем. Его смысл сводился к следующему: в случае наступления французов на армию Барклая-де-Толли она должна была отойти к Двине, к укрепленному лагерю возле города Дриссы, где и предполагалось дать генеральное сражение. Армии Багратиона, по замыслу Фуля, предстояло действовать во фланг и тыл противника. Разделение русских войск на три армии вытекало именно из этого плана.

Наполеон выработал свой стратегический план. Он был прост: всей массой войск вклиниться между первой и второй русскими армиями, окружить каждую поодиночке и разбить в генеральных сражениях как можно ближе к западной границе.

2. ВТОРЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В РОССИЮ. БОРОДИНО

ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ. В ночь на 12 (24) июня 1812 г. без объявления войны французская армия начала переправу через реку Неман. Рано утром авангард французских войск вошел в город Ковно. Русские войска отошли, не приняв боя. Французская армия начала быстрое продвижение в глубь страны, стремясь отрезать друг от друга русские армии и разбить их поодиночке. «Теперь Багратион и Барклай-де-Толли не увидятся», — полагал император.

По плану русского командования, армия Барклая-де-Толли, прикрывавшая петербургское направление (120 тыс.), оставив Вильно, направилась к Дрисскому лагерю. Но, убедившись в слабости укрепления и невыгодности избранной позиции, командование решило оставить Дриссу и направить армию через Полоцк к Витебску на соединение со 2-й

армией. 2-я армия Багратиона (50—55 тыс.), прикрывавшая московское направление и располагавшаяся южнее, отступала через Слуцк, Бобруйск, Мстиславль. Связь между 1-й и 2-й армиями была потеряна. Только большой опыт, мастерство военачальника позволили Багратиону вырваться из ловушки, устроенной маршалом Даву, и, переправившись в районе Нового Быхова через Днепр, пройдя Мстиславль, направиться к Смоленску.

В это время Барклай-де-Толли, не зная о положении 2-й армии, с боями отошел к Витебску. Но, рассчитав силы, он решил не давать сражения, которого искал Наполеон, покинул Витебск и отступил далее к Смоленску на соединение со 2-й армией.

В Витебске Наполеону пришлось задержаться на две недели, здесь он задумался о перспективах дальнейшего похода в глубь России. Повсюду приходилось оставлять гарнизоны; обозы не поспевали за движением войск. Ослабевала дисциплина, участились случаи дезертирства. Коммуникации растягивались, силы французской армии начали таять.

Наполеон развязал против России несправедливую, захватническую войну. Со стороны России война носила отечественный характер. Не только армия, но и все население выступило на защиту своей родины. С первых месяцев война приняла народный характер.

2 июля (3 августа) 1812 г. армии Барклая-де-Толли и Багратиона соединились у Смоленска. Это означало крупный успех русской армии и неудачу Наполеона: сорвался его план разгрома поодиночке 1-й и 2-й армий. Под Смоленском шли упорные бои. 27-я дивизия Д. П. Неверовского и корпус Н. Н. Раевского героически отстаивали город, обеспечивая соединение двух армий. По крепостным стенам Смоленска почти беспрерывно била наполеоновская артиллерия, город горел. Небольшой отряд оставшихся в живых солдат дивизии Неверовского после отхода главных сил вошел в Смоленск и соединился с корпусом Раевского. В ночь на 6 августа 1812 г. русские оставили Смоленск.

Наполеоновские войска вошли в горящий, полуразрушенный город, и перед Наполеоном снова встал вопрос о дальнейших перспективах войны. Наполеоновский маршал Мюрат советовал императору не идти далее, на Москву. Будучи в Смоленске, Наполеон пытался договориться с Александром I о мире. Однако предложение Наполеона осталось без ответа.

Ближайшая задача русского командования — соединение двух армий — к этому времени была решена; преодолены были ошибки стратегического развертывания русской армии. В тяжелых условиях, ведя арьергардные бои, не имея единого командования, русская армия сохранила свои основные силы.

В момент соединения обе армии насчитывали около 120 тыс. человек. Наполеоновские войска все еще превосходили русских по численности (около 200 тыс). Часть генералов во главе с Багратионом предлагала дать сражение, используя разбросанность войск противника. Но Барклай-де-Толли, узнав о подтягивании сил наполеоновской армии, отдал приказ о продолжении движения в глубь страны.

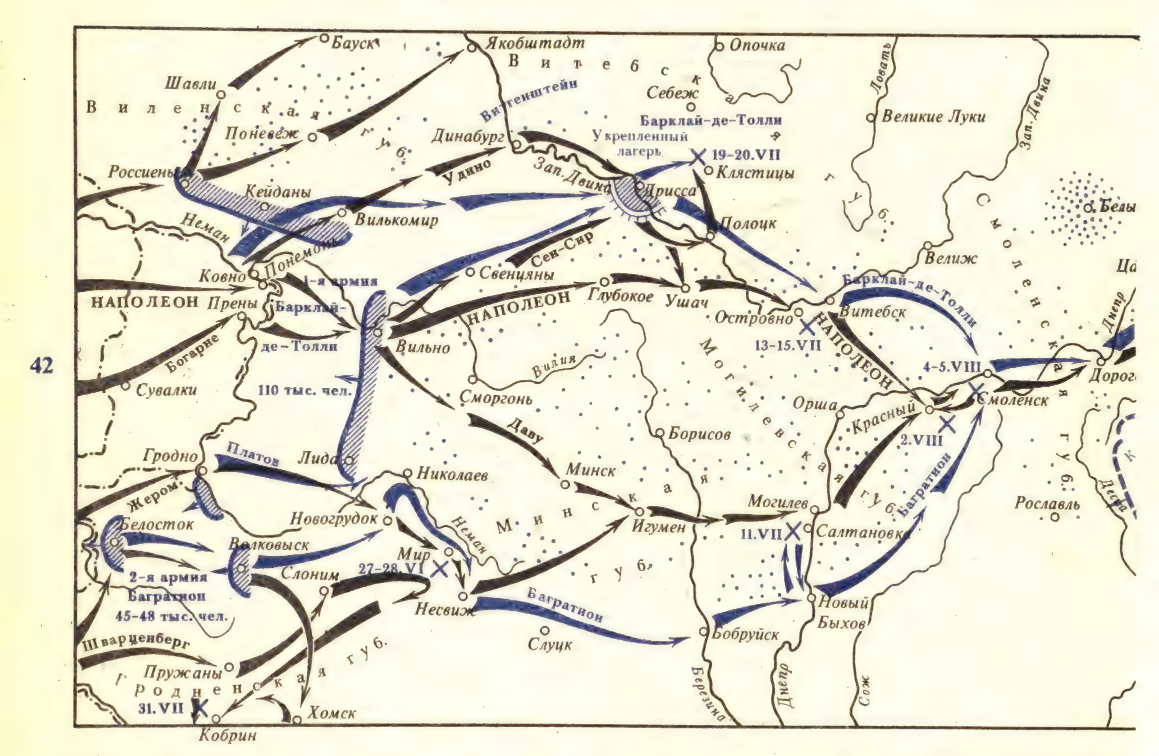
Война приняла затяжной характер. Неприятельская армия на своем пути грабила население, сжигала деревни и города. Это вызывало ожесточение у местных жителей. При приближении неприятеля они уходили в леса, ничего не оставляя врагу. Ширилось партизанское движение. «Война теперь не обыкновенная, а национальная», — писал Багратион. Отступление русской армии вызывало недовольство и в армии, и среди населения, хотя оно диктовалось сохранявшимся неравенством военных сил.

Командующий 1-й армией, военный министр Барклай-де-Толли, человек большого военно-административного опыта, был поставлен в полную зависимость от царского двора и лишен возможности проявить собственную инициативу. Большого авторитета в армии он не имел. Генерал Багратион открыто высказывал свое недовольство.

Национально-освободительный характер войны требовал назначения главнокомандующим человека, который пользовался бы всеобщим доверием и авторитетом. Таким человеком был М. И. Кутузов, возглавлявший в начале войны войска Петербургского округа и петербургское ополчение. Все знали, что император не любил Кутузова. Тем не менее выдвижение Кутузова в качестве главнокомандующего на специальном заседании Чрезвычайного комитета заставило Александра I согласиться с его кандидатурой. 8 (20) августа 1812 г. он подписал приказ о назначении М. И. Кутузова главнокомандующим. Это решение встретило одобрение всей России.

Кутузов принял командование в исключи-

ВТОРЖЕНИЕ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ В РОССИЮ
(12.VI—5.X.1812 Г.)

тельно тяжелых условиях: большая территория была захвачена неприятелем, его силы превосходили силы русских. В задачу Кутузова входило не только остановить дальнейшее продвижение французской армии, но и изгнать ее из России.

БОРОДИНО. М. И. Кутузов 17 (29) августа 1812 г. прибыл в ставку русской армии, которая располагалась в местечке Царево-Займище. Здесь Барклаем-де-Толли была избрана позиция для генерального сражения, однако Кутузов, изменив на время отступательную тактику, которую считал единственно правильной, принял решение дать генеральное сражение французской армии в 120 км от Москвы, у деревни Бородино, вблизи Можайска. Бородинская позиция позволяла на сравнительно узком фронте перерезать две основные дороги на Москву — Новую Смоленскую и Старую Смоленскую. Обе они соединялись у Можайска. Слегка холмистое Бородинское поле прорезали небольшие овраги и ручьи; с правого фланга его прикрывала речка Колоча. На господствующих курганах можно было создать опорные пункты, установить артиллерию. Пересеченный характер местности позволял скрыть от противника часть войск. Он же затруднял Наполеону возможность широкого маневра. Правый фланг позиции был почти неприступен, центр также удобен для обороны, левый фланг был более открыт. Кутузов оценивал выбранную позицию как «одну из лучших, которую только на плоских местностях найти можно». Готовясь к сражению, Кутузов делал расчет на подход 100—120 тыс. человек из резервов и ополчения, обещанных военным министерством и губернатором Москвы Ф. В. Ростопчиным. Ближайшая задача Кутузова сводилась к тому, чтобы приостановить дальнейшее продвижение противника, а затем, объединив усилия всех армий (Дунайской и 3-й Западной), развернуть активное наступление. Этот план Кутузова вытекал из военно-стратегической обстановки, которая была представлена главнокомандующему в

документах военного министерства и письмах Ростопчина. Но действительное положение, как выяснилось накануне Бородинской битвы, было иным. В Бородино прибыло не 100 тыс., а всего 10 тыс. ополченцев и 15 тыс. из резерва. Кутузову пришлось рассчитывать лишь на имеющиеся силы.

Русские войска располагались по фронту следующим образом: на правом фланге, вдоль берега реки Колочи, стояли войска 1-й армии под командованием Барклая-де-Толли (около 70% всех сил), они прикрывали дорогу на Москву. Левый фланг до деревни Утицы занимала армия Багратиона. Для укрепления этой позиции юго-западнее деревни Семеновской сооружались земляные укрепления (флеши). В центре позиции на кургане, возвышавшемся над местностью, который в ходе войны Наполеон назвал «редутом смерти», находились войска Н. Н. Раевского и артиллерийская батарея. Впереди всей позиции с левого фланга у деревни Шевардино был построен пятиугольный Шевардинский редут, который выполнял роль передового укрепления. Большое значение М. И. Кутузов придавал резервам. В тылу позиции находились сильные пехотные, кавалерийские и артиллерийские резервы.

Наполеон привел к Бородино 130—135 тыс. войск при 587 орудиях; у русских было 120 тыс. и 640 орудий. Таким образом, у Бородино силы противника оказались примерно равными. Утром 24 августа (5 сентября) около 12 часов дня французская армия подошла к Шевардинскому редуту. Русским важно было задержать здесь неприятеля на несколько часов, чтобы закончить строительство укреплений на левом фланге. Шевардинский редут мешал перегруппировке французских сил и переброске войск с Новосмоленской дороги для обхода левого фланга, занимаемого войсками Багратиона. Немногим более 10 тыс. солдат задержали здесь 35-тысячную армию Наполеона. Только угроза обходного маневра заставила русских ночью оставить укрепление. Бои за Шевардинский редут позволили русским укрепить левый фланг и задержать перегруппировку французских войск.

Бородинское сражение, продолжавшееся около 12 часов, началось ранним утром 26 августа (7 сентября). Главный удар Наполеон решил нанести по левому флангу — Багратионовым (Семеновским) флешам. Здесь сражались его лучшие генералы: Ней, Даву, Мюрат, Удино. Затем Наполеон рассчитывал, обойдя русских, нанести им удар в тыл. Для отвлечения сил и внимания русских французы начали сражение перестрелкой на правом фланге, у деревни Бородино, против полка гвардейских егерей. Небольшой отряд с боями оставил деревню Бородино и отошел за реку Колочу.

Первая атака неприятеля на Семеновские флеши была отбита. Во второй атаке французам удалось овладеть частью укреплений, но вскоре флеши были отбиты у врага. Адъютанты сообщали Наполеону об отчаянном сопротивлении русских, об отсутствии пленных. Обе стороны несли огромные потери. Получил контузию маршал Даву, были ранены генералы Компан, Дессе. Наполеон начал сосредоточивать на левом фланге новые силы. На этом участке действовала почти вся артиллерия. В результате последующих атак Семеновские флеши были захвачены неприятелем, но русским во второй раз удалось отбить укрепления. Чтобы оттянуть часть неприятельских сил от войск Багратиона,

Кутузов приказал казакам генерала М. И. Платова и корпусу Ф. П. Уварова совершить рейд на левый фланг и в тыл французов. К флешам была направлена и часть резервов главнокомандующего. Багратион вновь перешел в наступление; маршал Ней требовал новых подкреплений. Получив свежие войска, французы предприняли атаку по всему фронту и на некоторое время овладели батареей Н. Н. Раевского. Но генерал А. П. Ермолов повел войска в контратаку. Вскоре противник был выбит с батареи. Наполеон бросил в бой новые силы. В результате восьмой атаки, ценой больших потерь французы овладели флешами. Багратион, собрав остатки сил, повел их в контратаку и вскоре был смертельно ранен. Людские резервы на левом фланге были на исходе. Реальной становилась угроза захода противника с тыла. Принявший командование после ранения Багратиона генерал П. П. Коновницын был вынужден отвести войска за Семеновский овраг.

Захват флешей открывал путь к батарее Раевского, которая обстреливалась теперь с трех направлений. Сосредоточив против батареи более 35 тыс. войск и около 200 орудий, Наполеон приготовился к общей атаке. Но рейд кавалерийских полков Ф. П. Уварова и казаков М. И. Платова, их нападение на левый фланг и тыл неприятельской армии сорвали этот план. Наполеон, обеспокоенный судьбой своего левого фланга, был вынужден перебросить туда новые силы и на 2 часа задержать начатую было атаку на батарею Раевского. Только к 4 часам дня французская артиллерия овладела батареей. Однако это были сравнительно небольшие успехи, достигнутые к тому же очень дорогой ценой.

Наполеону не удалось осуществить свой первоначальный план — прорвать фронт русской армии, зайти ей в тыл, окружить и разгромить ее. Более того, французы вынуждены были оставить занятые ими пункты и отойти на исходные позиции. Русская же армия к концу сражения сохранила свои позиции.

Потери с обеих сторон были огромны: французы потеряли свыше 58 тыс., русские — 43 тыс. человек. Наполеоновские генералы требовали новых подкреплений. Но резервы были полностью использованы, а вводить в бой свой последний резерв — старую гвардию — император не решался.

В Бородинском сражении были разбиты лучшие силы французов, что стало началом конца величия Наполеона и его армии. Потери французов составили 43,3% всего состава армии. Уцелевшие после Бородинского сражения части (около 80 тыс.) были измотаны, обескровлены, пошатнулся авторитет Наполеона как непобедимого полководца.

Бородинская битва явилась моральной и политической победой русской армии. Она означала крушение стратегии и тактики французского полководца, его плана русской кампании 1812 г. Замысел же Кутузова увенчался полным успехом. Когда прибывшего в Москву раненого А. П. Ермолова спросили, что произошло у Бородина, он ответил, что «французская армия расшиблась о русскую армию».

Для Наполеона эта битва до конца его жизни оставалась тяжелым воспоминанием: «Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу,

Панорама Бородинской битвы. Литография *С. П. Шифляра*

М. И. Кутузов. *Теребенев.* Гравюра. 1813

П. И. Багратион *Саундерс.* Гравюра. Нач. XIX в.

М. Б. Барклай-де-Толли. *К. Зенф.* Гравюра. 1816

Денис Давыдов. *М. Дюбург.* Гравюра. 1814

а русские стяжали право быть непобедимыми».

ПОЖАР МОСКВЫ. Однако Кутузову не удалось преградить Наполеону путь к Москве. Без свежих подкреплений Кутузов не мог пойти на новое сражение. Взвесив данные о потерях, возможности пополнения резервами, боеприпасами и продовольствием, главнокомандующий решил отойти к Москве. 1 (13) сентября в деревне Фили (близ Москвы) на военном совете Кутузов без согласования с Александром I под личную ответственность дал приказ оставить Москву.

Население вместе с армией покидало город.

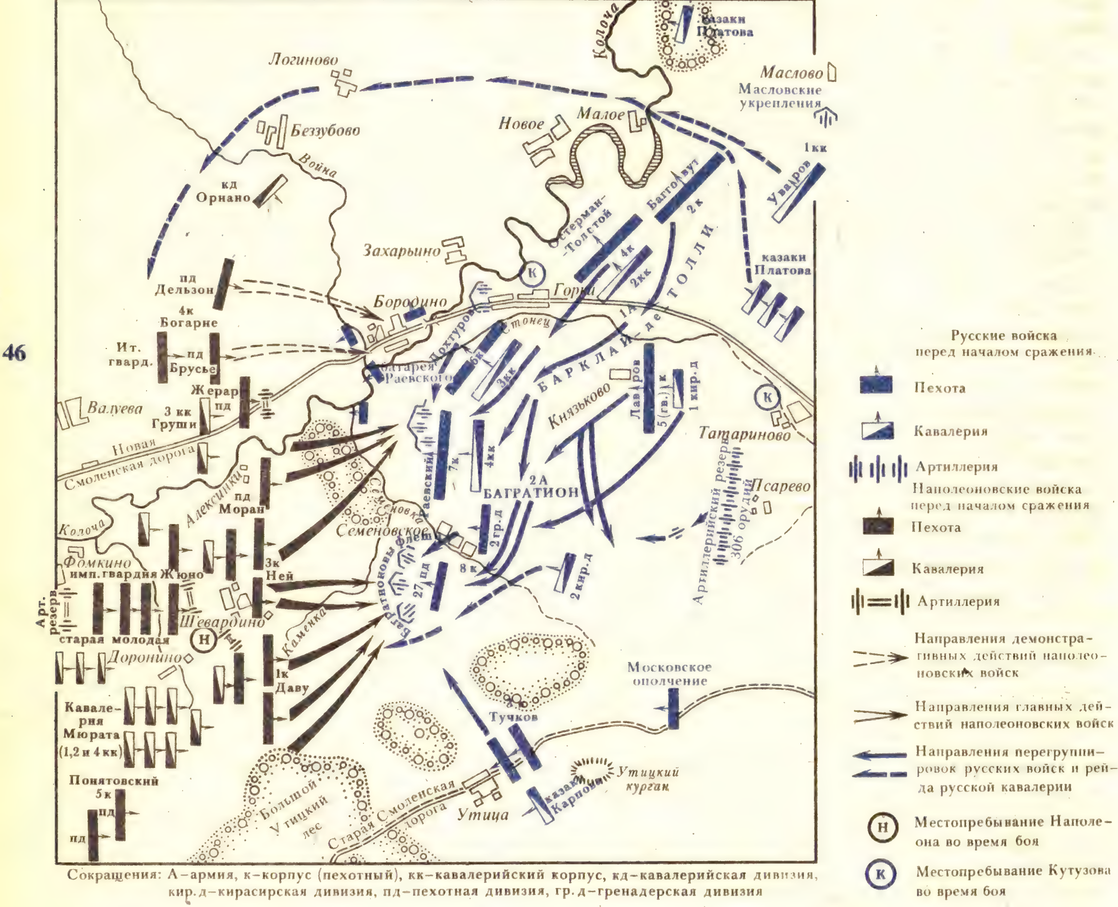
2 (14) сентября 1812 г. Наполеон подошел к Москве и остановился на Поклонной горе. Он ждал этого дня, будучи уверенным, что захват Москвы сделает бессмысленным дальнейшее сопротивление России. Более двух часов прождал Наполеон московскую депутацию с ключами от города. Вскоре ему доложили, что город пуст. Он не хотел въезжать в этот день в Москву и переночевал у Дорогомиловской заставы. «Нет, не пошла Москва моя к нему с повинной головою», — писал А. С. Пушкин.

Москва не принесла императору Франции ни мира, ни изобилия продовольствия, ни отдыха. 2 (14) сентября в различных частях города (на Красной площади, Арбате, в Замоскворечье) вспыхнули пожары. Сгорели Гостиный двор, Московский университет, Кудринский вдовий дом с 700 ранеными русскими солдатами. Вопрос о причине московских пожаров вызывал различные суждения современников и историков. Французские генералы обвиняли в поджогах русских и по приказу Наполеона расстреливали мнимых поджигателей. Другие очевидцы событий виновником пожара считали армию завоевателей. Столь же противоречивы суждения историков. Одни полагали, что жители Москвы из патриотических побуждений поджигали дома, чтобы ничего не осталось врагу; другие считали виновниками пожаров французских мародеров. Едва французские солдаты вступили в столицу, дисциплина в армии резко упала, начались грабежи, мародерство, остановить которые ни Наполеон, ни назначенные им генерал-губернатор и комендант были не в силах. В городе кончились все запасы продовольствия. Оставшиеся в Москве жители и партизаны окрестных деревень мстили захватчикам: убивали их, поджигали дома, в которых поселились французы. На оккупированной французами территории ширилось партизанское движение. Из Москвы Наполеон трижды безуспешно предлагал Александру I начать переговоры о мире. Ответа он не получил.

3. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ. РАЗГРОМ ВРАГА

ТАРУТИНСКИЙ МАНЕВР. Оставив Москву, русская армия сначала двигалась по Рязанской дороге, а затем, дойдя до Боровского моста, по приказу М. И. Кутузова перешла на правый берег Москвы-реки и повернула на запад, к Подольску, оставив арьергард войск на Рязанском направлении. Далее Кутузов пошел по Калужской дороге через Красную Пахру в Тарутино (в 70 км от Москвы). Тарутинский маневр — перевод армии с Рязанской на Калужскую дорогу — замечательный образец военного искусства. Он позволил Кутузову избежать преследования наполеоновской армии, выиграть время, подготовиться к наступательным боям, за-

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ 26 АВГУСТА (7 СЕНТЯБРЯ) 1912 Г.

Сокращения: А—армия, к—корпус (пехотный), кк—кавалерийский корпус, кд—кавалерийская дивизия, кир.д—кирасирская дивизия, пд—пехотная дивизия, гр.д—гренадерская дивизия

крыть для французской армии дорогу на юг, к Калуге и Тульским оружейным заводам. Он обеспечил также связь армии Кутузова с 3-ей армией Тормасова и Дунайской армией адмирала Чичагова.

После Бородинского сражения и оставления Москвы произошло укрупнение русских армий: 1-я и 2-я армии соединились в одну; 3-я армия и Дунайская также объединились под общим командованием Чичагова. Генерал Тормасов был переведен в главную квартиру Кутузова.

К Тарутинскому лагерю подходили подкрепления, подвозилось вооружение и продовольствие, налаживалась связь с партизанами. Важное значение на этом этапе Кутузов уделял организации ополчения. В округе Москвы сосредоточилось около 100 тыс. ополченцев.

Пребывание в Тарутино позволило добиться материального и численного превосходства над противником. Регулярная русская армия, вместе с ополченцами насчитывавшая до 220 тыс., при наличии артиллерии и конницы была значительно сильнее французской; русские к этому времени имели до 600 орудий, Наполеон — около 350. По плану Кутузова предполагались окружение и разгром французской армии между Днепром, Березиной, Западной Двиной.

В Москве французы чувствовали себя, как в осажденной крепости. Кругом бушевала на-

родная война — партизаны препятствовали подвозу продовольствия и фуража, нарушали связь с тылами, а на фланге нависла усилившаяся русская армия.

6 (18) октября 1812 г. корпус Мюрата, направленный Наполеоном к реке Чернышне для наблюдения за русской армией, был атакован Кутузовым. В результате сражения французам, потерявшим около 5 тыс., пришлось отступить. Это была первая победа русской армии, начинавшей свое наступление.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ. 7 (19) октября, после 36 дней бесплодных усилий добиться мира с Россией, Наполеон отдал приказ об отступлении из Москвы. Уходя, он распорядился взорвать Кремль. В результате взрывов сгорели Грановитая палата и другие постройки на территории Кремля. Только смелость патриотов, перерезавших зажженные фитили, и начавшийся дождь спасли древний памятник русской культуры от уничтожения. Оставив Москву, французы начали движение на юг по Калужской дороге. Они еще рассчитывали разгромить русскую армию и проложить путь в не разоренные войной губернии, где надеялись получить продовольствие и военные запасы. Русское командование, узнав об отступлении противника по Калужскому направлению, направило к Малоярославцу значительные воинские силы.

12 (24) октября произошло крупное сражение под Малоярославцем. Сражение было упорным, город несколько раз переходил из рук в руки; русские оставили его лишь после того, как заняли выгодную позицию, позволившую преградить неприятелю путь на Калугу. Утром 14 (26) октября Наполеон вынужден был отдать приказ об отступлении по разоренной Смоленской дороге. С этого времени инициатива в войне окончательно перешла к русской армии.

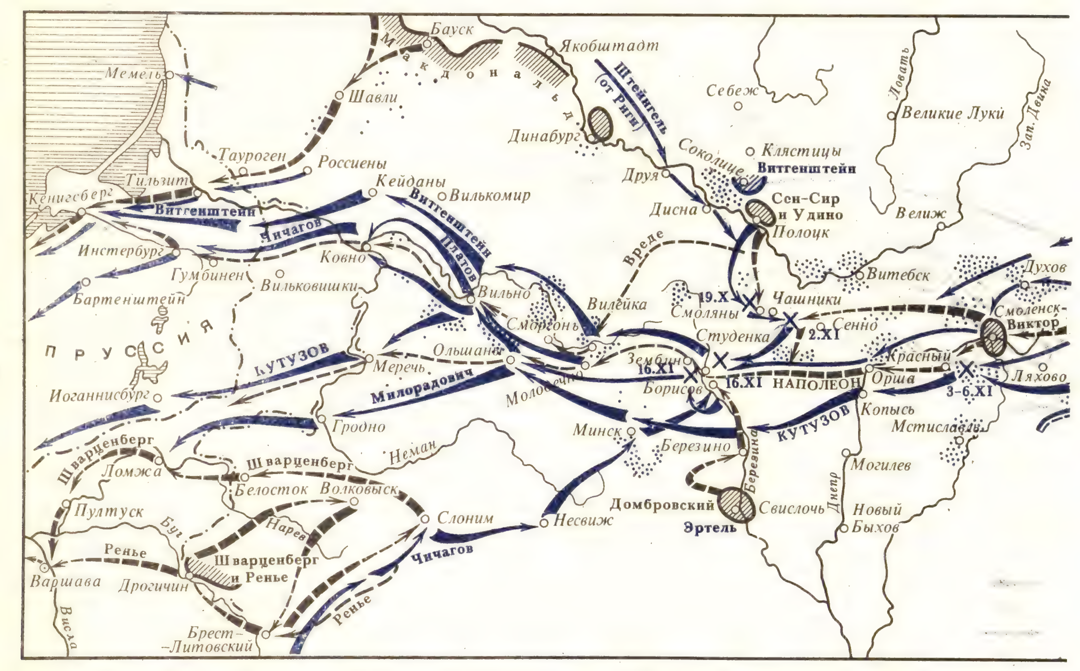
Особый размах приобрело партизанское движение. Мелкие крестьянские отряды, стихийно возникавшие с первых дней вторжения неприятеля, разрастались по мере продвижения французов в глубь страны. Наряду с крестьянскими отрядами создавались казачьи и кавалерийские отряды, сражавшиеся в тылу врага. Кутузов придавал большое значение «малой» (партизанской) войне, взаимодействию партизан с регулярной армией. Он направлял опытных кадровых офицеров руководить партизанскими отрядами. Так, первый армейский партизанский отряд, созданный полковником Ахтырского гусарского полка Денисом Давыдовым, действовал на Смоленской и Калужской дорогах. В окрестных деревнях он поднимал народ на борьбу, раздавал отнятое у французов оружие, предпринимал смелые операции против врага.

Другой руководитель партизан — А. Н. Сеславин первоначально действовал в районе Москвы. Он доставлял командованию ценные сведения о состоянии войск противника, при отступлении неприятеля разрушал мосты и плотины, вместе с другими партизанами уничтожал мародеров, грабивших русские деревни. Сами крестьяне создавали и возглавляли партизанские отряды. Знаменитыми стали отряды крестьянина Г. М. Курина, солдата Е. В. Четвертакова и др. В партизанской войне прославился отряд крестьянки Василисы Кожиной, действовавший в районе Смоленска.

После отступления из Москвы французская армия теряла маневренность и дисциплину. Громадное количество разнообразных повозок и экипажей с награбленным добром и провиантом, следовавших за армией, затрудняло ее движение. Тем не менее это была еще боеспособная армия, и русским войскам предстояли упорные бои с ней. Наполеон через Можайск, затем Бородино направился к Смоленску. Там он надеялся получить продовольствие и фураж. Но ожидания его обманули. Запасов оказалось мало: уходившее из деревень население ничего не оставляло врагу. Задержавшись на два дня, Наполеон был вынужден покинуть Смоленск. Французская армия несла большие потери от регулярной армии и партизан; солдаты были деморализованы. Наперерез неприятелю с севера двигались войска П. Х. Витгенштейна, ранее прикрывавшие Петербург, а с юга — Дунайская армия П. В. Чичагова. Силы французской армии уменьшались с каждым днем.

В середине ноября русские войска под командованием генерала М. А. Милорадовича дали крупное сражение противнику у села Красное. Русским удалось отрезать арьергардный корпус Нея (3 тыс.) от основной армии и уничтожить бóльшую его часть. Лишь у Орши уцелевшие в боях солдаты (около 800 человек) соединились с Наполеоном. Из Орши император направился к Борисову, где рассчитывал переправиться через Березину. По плану же Кутузова, трем армиям (Чичагова — с юга, Вингенштейна — с севера и армии главнокомандующего) пред-

РАЗГРОМ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ (6.X—25.XII 1812 Г.).

стояло окружить неприятеля, отрезать ему путь на запад и разгромить его. Чичагов взял Борисов, Витгенштейн — Полоцк, Кутузов гнал противника к Борисову. Угроза окружения заставила Наполеона прибегнуть к хитрости: ложной демонстрацией переправы южнее Борисова, где находилась армия Чичагова, он отвлек силы. Действительная переправа была им произведена с 14 (26) ноября по 16 (28) ноября у деревни Студянка, однако Березину перешло около 9—10 тыс., более 20 тыс. человек погибли при переправе или попали в плен.

После Березины отступление армии Наполеона превратилось в беспорядочное бегство. Бросив остатки своих войск, император Франции 6 (18) декабря тайно отправился в Париж. Границу России перешло всего около 30 тыс. — это все, что осталось от более чем 600-тысячной французской армии.

ЗНАЧЕНИЕ ВОЙНЫ 1812 Г. Войну против наполеоновской агрессии вел русский народ совместно с другими народами России, отстаивая национальную независимость и государственную самостоятельность. Война с врагом вызвала прилив патриотических чувств среди всех слоев населения: крестьян, солдат, горожан. «Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой, и, не спрашивая ничьих вкусов и правил... не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие», — писал Л. Н. Толстой, подчеркивая народный характер войны 1812 г. Борьба с наполеоновским нашествием вызвала рост народного самосознания, дала толчок к развитию всех областей русской культуры.

«Невелик промежуток между 1810 и 1820 годами, — писал А. И. Герцен, — но между ними находится 1812 год. Нравы те же, помещики, возвратившиеся из своих деревень в сожженную столицу, те же. Но что-то изменилось. Пронеслась мысль, и то, чего она коснулась своим дыханием, стало уже не тем, чем было». Подчеркивая значение этих событий, А. И. Герцен считал, что подлинная история России начинается с 1812 года, до этого времени была лишь ее предыстория.

Высоко оценивали значение Отечественной войны декабристы, считая себя детьми 1812 г.

Война 1812 г. положила начало освобождению народов Центральной и Западной Евро-

пы, она имела огромное международное значение. «Уничтожение огромной наполеоновской армии при отступлении из Москвы послужило сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе»[1], — писал Ф. Энгельс.

Дорогой ценой заплатил русский народ за освобождение Родины: в ходе войны погибло около 2 млн. человек, страна поставила свыше 1 млн. рекрутов и ополченцев. В результате нашествия были разорены многие города, крестьянское и помещичье хозяйство; в тяжелом финансовом положении оказалось государство: расходы на войну превысили 200 млн. руб., а общая сумма материальных потерь составила более 1 млрд. руб.

4. ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД 1813—1814 ГГ.

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1813 Г. Изгнание французской армии из России не означало еще окончания войны. «Дело шло сперва о собственном спасении, а потом о спасении всей Европы, следовательно, всего мира», — писал В. Г. Белинский, подчеркивая справедливый характер борьбы народов в 1812—1814 гг. против Наполеона.

1 (13) января 1813 г. русская армия перешла реку Неман и вступила в герцогство Варшавское. Началась кампания 1813 г. 15 (27) февраля 1813 г. в городе Калише между Россией и Пруссией был подписан договор о мире, дружбе, наступательном и оборонительном союзе, согласно которому обе стороны обязывались взаимно оказывать друг другу помощь в борьбе с Наполеоном. Обе державы согласились в необходимости привлечь к союзу Австрию. Калишский договор имел важное политическое и военное значение, он усиливал мощь антинаполеоновской коалиции, содействовал изоляции Франции.

Руководимая полководцем М. И. Кутузовым русская армия продвигалась вперед, освобождая польские и прусские города. Спустя одиннадцать дней после подписания Калишского договора русские войска вступили в Берлин. М. И. Кутузов в ходе войны неоднократно обращался с воззваниями к населению Германии, объясняя необходимость включиться в войну против Наполеона. Вступление русских войск в Восточную Пруссию содействовало расширению масштабов национально-освободительного движения, которое охватило не только Пруссию, но и всю Германию.

Изменение обстановки в Пруссии, а также успехи русской армии настораживали Берлинский кабинет. Король Фридрих Вильгельм III пытался задержать активные действия прусских войск и помешать их соединению с русской армией, что противоречило условиям Калишского договора и тактике М. И. Кутузова, направленной на объединение сил, укрепление армий резервами. Но русскому главнокомандующему не удалось завершить начатое дело. В апреле 1813 г. он умер в небольшом городе Силезии Бунцлау.

Возглавили русскую армию Александр I, М. Б. Барклай-де-Толли и П. Х. Витгенштейн. Отсутствие единого руководства отрицательно сказалось на армии. Между тем борьба с Наполеоном была далека от завершения. Вопрос о союзниках России еще не был решен. Вместе с Россией выступала пока лишь Пруссия. Австрия продолжала вести двойную игру, выжидая, на чью сторону склонятся весы. Она опасалась и господства Наполеона, и усиления России.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 30.

Наполеону тем временем удалось сформировать новую армию. После ряда мобилизаций он собрал почти такую же армию, какую имела Россия и Пруссия вместе, — 200 тыс. 20 апреля (4 мая) 1813 г. он нанес поражение союзникам при Люцене, где они потеряли 20 тыс. человек и отступили, оставив левый берег Эльбы. Французские войска заняли Дрезден и Бреславль. Эти успехи Наполеона заставили союзников пойти на перемирие с Францией. Оно было подписано в Плесвице 23 мая (4 июня) 1813 г. при посредничестве Австрии. Однако это перемирие не привело к установлению мира, для обеих сторон это была временная передышка.

Непримиримость Наполеона, не желавшего
50 считаться с интересами европейских государств, рост национально-освободительного движения в Пруссии, продвижение союзных армий до Эльбы, создававших угрозу вторжения на территорию Австрии в случае ее выступления на стороне Франции, — все эти обстоятельства положили конец колебаниям австрийских Габсбургов. 28 августа (9 сентября) 1813 г. Австрия вошла в состав антинаполеоновской коалиции, подписав с Россией Теплицкий договор о дружбе и оборонительном союзе. Оба государства обязывались согласованно действовать в Европе и в случае угрозы одному из них оказывать помощь корпусом в 60 тыс. человек. Россия и Австрия обязывались также не заключать мира или перемирия без взаимного соглашения. С конца лета 1813 г. положение изменилось в пользу союзников, На сторону коалиции перешли государства Рейнского союза и Швеция. Армия союзников, ведущей силой которой были русские части, теперь насчитывала около 500 тыс. человек (против 400 тыс. противника).

Международное и внутреннее положение Франции становилось все более напряженным. В стране росло недовольство деспотизмом Наполеона, падал его престиж в армии. Императора оставили некоторые из его приближенных: перешел на русскую службу генерал Жомини, изменил Наполеону Мюрат.

В такой обстановке 4—6 (16—18) октября 1813 г. у города Лейпцига произошло сражение, вошедшее в историю как «битва народов». На стороне союзников сражались русские, прусские, австрийские и шведские войска; на стороне Наполеона выступали французы, поляки, бельгийцы, голландцы, итальянцы. Всего в сражении с обеих сторон участвовало свыше 500 тыс. человек. Три дня продолжалась эта битва, закончившаяся тяжелым поражением наполеоновской армии. Главную роль в Лейпцигской битве сыграли русские и прусские войска. Они первыми вошли в Лейпциг, обратив в бегство противника. Лейпцигская битва стала кульминацией войны 1813 г. В этом сражении Наполеон потерял две трети своей армии, резервы Франции были истощены: мобилизованы все призывные возрасты. Французская армия с боями отступила к Рейну. Лейпцигское поражение не заставило императора Франции прекратить борьбу и обратиться к европейским державам с мирным предложением. Для этого потребовалась новая война, уже на территории Франции.

Освобождение Германии и дальнейшее отступление наполеоновских войск усилили противоречия в лагере союзников. Австрийское правительство, желая сохранить Францию как противовес России, настаивало на новых переговорах с Наполеоном, угрожая в противном случае выйти из коалиции. В ноябре 1813 г. по настоянию канцлера Австрии Меттерниха Наполеону было предложено возобновить переговоры. Но он медлил с ответом. Лишь в феврале 1814 г. они начались в городе Шатийон.

Вопреки намерениям Австрии, стремившейся к прекращению войны, Россия и Англия стояли за ее продолжение и одновременное ведение мирных переговоров. Они предложили Франции согласиться на границы 1792 г. Вопрос о правящей династии предлагалось решить самой Франции. Но Наполеон требовал сохранения за Францией «естественных границ» (т. е. границ по Рейну, Пиренеям и Альпам). Союзники не приняли этих условий, и 12 марта 1814 г. переговоры были прерваны.

РАЗГРОМ НАПОЛЕОНА. Позиции Наполеона в Центральной Европе к 1814 г. были утрачены: Саксония, Бавария, Вюртенберг перешли на сторону союзников; рухнуло Вестфальское королевство. Министр иностранных дел Франции Талейран еще в Эрфурте вступил в тайные переговоры с Александром I. Деспотизм Наполеона вызывал недовольство не только в завоеванных землях, но и в самой Франции. Это, в частности, проявилось при появлении союзных войск на территории Франции. Жители Парижа и даже национальная гвардия не были

настроены защищаться против войск союзников.

Народ был решающей силой на всех этапах войны 1812—1814 гг. и в России, и в Западной Европе. Но на последнем ее этапе, после Лейпцигской битвы, когда стала очевидной слабость Наполеона, европейские правительства приступили к активной разработке планов по переустройству Европы. Эти планы составлялись без учета воли народов и носили захватнический характер. Правительства использовали результаты войны в своих интересах и навязали Европе режим, не соответствовавший желаниям подданных. Однако это обстоятельство не умаляет подвига народов в войне 1812—1814 гг.

Сложная и противоречивая эпоха наполеоновских войн получила всестороннюю оценку в трудах основоположников научного коммунизма. Они дали анализ эпохи, раскрыли сущность освободительной войны и политики господствующих классов европейских государств. «Всем войнам за независимость, которые велись против Франции, — писал К. Маркс, — свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности...»[1]

17 февраля (1 марта) 1814 г. между Россией, Австрией, Пруссией и Англией был подписан так называемый Четверной трактат в Шомоне, содержавший предварительные условия мира, предложенные Наполеону. Наиболее спорные вопросы (польский, саксонский) в Шомоне не обсуждались, чтобы не усилились и без того глубокие расхождения в стане союзников. Державы договорились предоставить Франции границы 1792 г. и тем самым восстановить дореволюционное европейское равновесие.

18 (30) марта 1814 г. Париж капитулировал. Союзные армии вошли в столицу Франции и были встречены манифестацией сторонников старого порядка. В Фонтенбло Наполеон подписал отречение от престола и в конце апреля 1814 г. был отправлен на остров Эльбу. В Париже было образовано временное правительство во главе с Талейраном. В начале мая 1814 г. в столицу прибыл новый король Людовик XVIII, брат казненного французским народом Людовика XVI.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 436.

5. ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

Разгром наполеоновской армии и крах первой империи привели к новой расстановке сил на международной арене.

18 (30) мая 1814 г. между Россией, Англией, Австрией, Испанией, Пруссией, Португалией, Швецией, с одной стороны, и Францией — с другой, был подписан Парижский трактат. Согласно трактату, Франция возвращалась к границам 1792 г. (до начала революционных войн); Голландия, принимавшая участие в антинаполеоновской коалиции, расширяла свою территорию за счет насильственного включения в ее состав Бельгии; немецкие государства образовывали федерацию из 38 государств; Англия удерживала за собой остров Мальту и Ионические острова; Австрия получила земли Северной Италии — Венецию и Ломбардию, на Балканах — Иллирийские провинции, населенные славянами; династия Бурбонов восстанавливалась во Франции, Испании и королевстве обеих Сицилий; Савойская династия — в Пьемонте (Сардиния).

Характеризуя положение Европы после разгрома Наполеона, Ф. Энгельс писал: «Феодальные аристократы правили во всех кабинетах от Лондона до Неаполя, от Лиссабона до С.-Петербурга»[1]. Согласно Парижскому трактату, союзные державы, участвовавшие в войне с Наполеоном, спустя два месяца после подписания договора должны были открыть в Вене конгресс для заключения общего договора и утверждения той политической системы, которую определил Парижский договор. Установление сильной монархической власти, способной задушить революционные и национально-освободительные движения, — такова была цель правителей Европы. Но полностью восстановить прежний феодально-абсолютистский порядок оказалось невозможным. Правительство Александра I достаточно хорошо осознавало глубину изменений, вызванных Великой французской революцией и последовавшими за ней событиями. Боясь новых потрясений в Европе, могущих пошатнуть русское самодержавие, царизм первоначально был против реставрации Бурбонов. Но на этом настаивало правительство Англии.

В записке статс-секретаря по иностранным делам К. В. Нессельроде министрам иностранных дел Австрии, Великобритании,

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 574.

Пруссии от 1 (13) февраля 1814 г., составленной по указанию царя, говорилось: «Державам вовсе не следует высказываться в пользу Людовика XVIII, а предоставить французам проявить инициативу в этом вопросе». Конечно, нельзя брать на веру каждое слово Александра I, но очевидно, что русское правительство, как и другие, гораздо больше интересовало установление выгодного для них соотношения сил, нежели стремление любой ценой возвратить к власти Бурбонов.

Главным для всех европейских правительств стран-победительниц было стремление ослабить Францию, лишить ее всех завоеваний, добиться территориального передела Европы. Но в решении этого последнего вопроса в ходе подготовки и проведения Венского конгресса между победителями обнаружились острые разногласия. Англия и Австрия прилагали усилия, чтобы ослабить влияние России. Они пытались использовать оставшееся до открытия конгресса время, чтобы создать союз государств, направленный против России.

С августа 1814 г. проходили предварительные переговоры по наиболее сложным и принципиальным вопросам. Для России главным оставался польско-саксонский вопрос с решением которого в значительной степени русское правительство связывало проблему политического переустройства Европы. В инструкции, данной Александром I статс-секретарю по иностранным делам К. В. Нессельроде и другому русскому дипломату—Иоаннису Каподистрия[1], предписывалось в качестве основного требования добиваться передачи всего герцогства Варшавского России. Зная об антирусских позициях Австрии и Англии в этом вопросе, Александр I пытался привлечь на свою сторону Пруссию, пообещав ей часть территории саксонского короля, бывшего союзника Наполеона. 16 (28) сентября 1814 г. между Россией и Пруссией было подписано тайное соглашение, по которому Россия признавала передачу Саксонии Пруссии и выводила из Саксонии свои войска. Австрия выступила против расширения границ Пруссии за счет включения Саксонии. Англия же мало интересовалась саксонским вопросом. Она больше всего была озабочена усилением влияния России на Балканах и возможностью возрождения Франции. Она стремилась окружить Францию кольцом мелких государств, каждое из которых нуждалось бы в поддержке Англии.

Таким образом, ко времени открытия Венского конгресса в сентябре 1814 г. у бывших союзников по антинаполеоновской коалиции не было согласия между собой относительно возможного преобразования Европы. По первоначальному плану, поддержанному в основном всеми державами, Франция не должна была принимать участие в обсуждении вопроса о разделе завоеванной территории. Она приглашалась лишь для того, чтобы высказать свое мнение. Играя на противоречиях союзников, Талейран, по существу, добился отмены этого решения. Представитель Франции стал равноправным членом конгресса. Основные споры в Вене вызвали польский и саксонский вопросы.

Александр I настаивал на передаче всего герцогства Варшавского России на том основании, что она вынесла на своих плечах основную тяжесть войны. Представители Англии, Австрии, поддержанные Францией, возражали против этого требования русского царя. Представитель Англии пытался доказать Александру, что объединение Польши под эгидой России противоречит прежним ее соглашениям с союзниками по польскому вопросу и является опасным для мира в Европе. Иными словами, лондонский кабинет угрожал возможностью нового военного столкновения и намекал на революционную опасность, которая могла стать реальной при объединении этого «беспокойного» народа, т. е. поляков. Пытаясь изолировать Россию, представители Англии и Австрии обещали передать Пруссии всю Саксонию без содействия русского царя, если она откажется от прежних соглашений с Россией. Прусский уполномоченный на конгрессе готов был принять предложение Австрии и Англии. Но русские, а не западноевропейские войска находились на территории Саксонии, поэтому гарантия Александра в отношении Саксонии имела более реальные основания. В силу этого прусское правительство вынуждено было поддерживать Россию на конгрессе в польском и саксонском вопросах. Это привело к политике создания антирусской коалиции: 22 декабря 1814 г. (3 января 1815 г.) Англия, Австрия и Франция подписали секретное соглашение, направленное против России и Пруссии. Внезапное известие о появлении Наполеона, бежавшего с острова Эльбы во

---

[1] *Иоаннис Каподи́стрия* — грек, с 1809 по 1827 г. находился на русской дипломатической службе.

Францию в марте 1815 г., примирило враждовавшие стороны.

13 (23) марта 1815 г. участники конгресса приняли декларацию, объявлявшую Наполеона вне закона и призывавшую к войне с ним.

28 мая (9 июня) 1815 г. был подписан заключительный акт Венского конгресса, состоявший из 121 статьи. Он включал важнейшие соглашения, подготовленные в ходе работы конгресса. По договору большая часть герцогства Варшавского, за исключением Торна и Познани, отходивших к Пруссии, переходила к России. Краков был признан вольным городом. Восточная Галиция отходила к Австрии. Поляки, подданные России, Австрии и Пруссии, должны были «иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласно тому образу политического устройства, которое каждое из правительств представит». Часть территории Саксонии переходила к Пруссии, другая сохраняла самостоятельность. Границы Франции были определены в соответствии с условиями Парижского мира 1814 г.; Сардинское королевство включало отторгнутые от Франции Савойю и Ниццу; Германия сохраняла раздробленность. Из 38 немецких государств и четырех вольных городов — Гамбурга, Любека, Бремена, Франкфурта-на-Майне — был образован Германский союз, руководящая роль в котором переходила к Австрии: ее представитель становился постоянным председателем и союзного сейма; Бельгия присоединялась к Голландии; Иллирийские области (значительная часть нынешней территории Югославии) переходили к Австрии; Генуя отдавалась Сардинии, Ломбардия и Венеция — Австрии.

Венский конгресс был актом насилия по отношению к народам Европы. «Народы покупались и продавались, разделялись и соединялись, исходя только из того, что больше отвечало интересам и намерениям их правителей»[1].

Естественно, что здание, сооруженное по воле государей, скоро начало распадаться. В прочность и длительность венских соглашений не верили и его участники. Когда после окончательного разгрома Наполеона при Ватерлоо (Бельгия) 6 (18) июня 1815 г. союзники вновь вступили в Париж, они пытались закрепить ранее подписанные политические акты заключением так называемого Священного союза, который Ф. Энгельс охарактеризовал как заговор всех европейских монархов против их народов[1].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 568.

ГЛАВА 4
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В 1815—1825 ГГ.

1. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА. АРАКЧЕЕВЩИНА

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ. 1815—1825 годы — время правительственной реакции, получившей название по фамилии всесильного временщика этих лет — графа А. А. Аракчеева — аракчеевщины.

Война 1812 г. и военные кампании 1813—1814 гг. окончились великой победой русского народа. Однако он заплатил за нее дорогой ценой: губернии, на территории которых проходили военные действия, были разорены и опустошены, были сожжены Москва, Смоленск и многие другие города: разрушена промышленность, сократилась торговля.

Война имела и социальные последствия. Основная тяжесть ее упала на плечи народа — крестьянства, которое с удивительной самоотверженностью и терпением выносило все тяготы войны.

Серьезные убытки понесло и дворянство. Задолженность его государству значительно выросла и продолжала расти вплоть до реформы 1861 г.

Война усилила дезорганизацию государственного административного аппарата. Реформы, начатые в начале века, носили паллиативный характер и не были завершены. Во время войны администрацией были допущены огромные злоупотребления, хищения, казнокрадство, взяточничество, бюрократическая волокита.

Русское самодержавие использовало победу в своих интересах. Царь быстро забыл потрясения 1812 г. Во время войны его личная роль, участие в ней были весьма скромными. Только народ, поднявшийся на защиту родины, спас и страну, и династию от катастрофы. Александр I не любил вспоминать о 1812 го-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 32.

де: ни разу он не посетил полей сражений, не присутствовал на открытии памятников героям войны. Привыкший отождествлять себя и государство, он воспринял поражение Наполеона как победу над своим личным врагом.

На гребне победы, в которой русский народ и армия сыграли решающую роль, Александр I попытался играть доминирующую роль в европейской политике. Однако такая роль требовала содержания огромной армии и больших материальных средств, и дать их должна была нищая, разоренная, опустошенная после войны Россия.

Манифест царя 1816 г. по поводу победоносного окончания войны наполнен злобой к поверженному врагу, к революции и мятежному народу Франции. Победа над врагом в этом манифесте объясняется волей провидения и промыслом божьим. Царь предлагает своим подданным вынести из победы единственный урок: оставить гордыню и избрать «смирение», которое «исправит наши нравы». Манифест произвел тягостное впечатление и в Европе, и в России, он весьма показателен для всей последующей политики царя.

УПРАВЛЕНИЕ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС. После завершения войны с Наполеоном политика самодержавия принимала все более личный и династический характер. Александр I снова пытался приспособить русскую государственность к новым историческим условиям, как это было в начале его правления. В это время сошли со сцены старые екатерининские вельможи, ушли в тень бывшие молодые друзья царя, отодвинулись на вторые и третьи роли герои войны. Вес приобретают такие лица, как Аракчеев, Нессельроде, Кампенгаузен, Канкрин, Поццо-ди-Борго и др.

Многочисленные проекты этого времени посвящались проблемам разделения властей, ответственности администрации, надзора и контроля, правильного размежевания ведомств, взаимоотношений центральной и местной властей и т. п. Но даже по сравнению с проектами начала века они были весьма ограниченными. Предложения сводились к незначительным организационным перестановкам, к перестройке тех или иных звеньев администрации, к улучшению работы бюрократического аппарата. Даже попытка реформировать местное управление — ввести наместничество или генерал-губернаторство с наделением генерал-губернаторов политическими функциями и соответствующей перестройкой местного управления на принципах коллегиальности — окончилась полной неудачей. В письме к царю первый генерал-губернатор пяти губерний (Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской), в прошлом министр полиции, А. Д. Балашов писал о состоянии местного управления: «В селениях власть помещика неограничена... Недоимок миллионы. Полиция ничтожна. Дел в присутственных местах кучи без счету, решают их по выбору и произволу. Судилище и судьи вне уважения, подозреваются в мздоимстве. Волокиты отчаянно утомлены... Лучшие дворяне от выборов уклоняются... Хозяйственной части нет и признаку. Главные коренные доходы основаны на винной продаже...»

Узость и бедность проектов и неудача попыток серьезных реформ объясняются глубокими причинами. Всякая широкая политическая реформа неизбежно должна была бы затронуть принцип самодержавия, венчавшего всю политическую и социальную структуру русского общества. Прикосновение к этому принципу и монарху, и основной части господствующего класса — дворянству — казалось потрясением всех основ государственности. Самодержавие не могло смириться ни с какими органами, которые хоть сколько-нибудь умаляли бы его власть или разделяли ее.

Не меньшее внимание в правительственных кругах приковывал к себе и другой острейший вопрос современности—проблема крепостного права. Тревогу царского двора вызывал нарастающий протест против крепостного права со стороны самих крестьян, что грозило серьезными социальными последствиями. Кроме того, низкая производительность труда крепостного, нищета крестьянства как следствие крепостного права отражались на доходах государства.

С проектами решения крестьянского вопроса выступили в это время П. Д. Киселев, Н. С. Мордвинов, В. Н. Каразин, П. А. Вяземский, Н. Г. Репнин, А. А. Аракчеев и др. Для всех этих проектов характерны признание необходимости ликвидации крепостного права в будущем и призыв к осторожности в настоящем. Все они были продиктованы страхом перед возможной крестьянской революцией и не меньшим страхом перед возможными последствиями от освобождения и для помещиков, и для государства. Авторы проектов исходили из интересов помещиков,

А. А. Аракчеев. Фототипия с ориг. *Доу*. 20-е годы XIX в.

настаивали на постепенности решения крестьянского вопроса путем правительственных мероприятий, т. е. на проведении реформы сверху, при сохранении доходов и привилегий помещиков. Проекты остались без последствий: правительство не могло провести ни одного крупного мероприятия в крестьянском вопросе, даже указ о «вольных хлебопашцах» (1803) почти не получил практического применения. Причина этого — боязнь затронуть интересы дворянства и нарушить то соотношение классовых сил, которое позволяло ему удерживаться у власти.

Крестьянская реформа в прибалтийских губерниях, начатая еще в 1804 г. и завершенная в 1818 г., не ослабляла общего впечатления о беспомощности правительства в крестьянском вопросе. Это была крепостническая реформа, лишавшая крестьян земли и заменившая юридическую форму зависимости еще более тяжелой — экономической, поземельной, при сохранении в целом феодальных отношений. Самодержавие смогло ее провести в ограниченном регионе, со специфическими условиями развития, и притом отгороженном языковым барьером от русских губерний. Общественное значение этих реформ для России было невелико.

Неспособность провести ни одной серьезной реформы крупного общественного значения — такова особенность внутренней политики самодержавия после войны 1812—1815 гг. На первый план выступили административная канцелярская рутина, мелкие узаконения и распоряжения. И царем и богом в ней стал всесильный и ненавистный временщик граф А. А. Аракчеев.

АРАКЧЕЕВ И АРАКЧЕЕВЩИНА. В конце 1815 г. Аракчеев, находившийся во время военных кампаний неотлучно при Александре I, получил новое назначение — «быть докладчиком по делам Комитета министров», причем сам он был не министром, а оставался председателем военного департамента Государственного совета. Должности докладчика не было в бюрократической иерархии, и ее значение определялось близостью к императору. Сближение Аракчеева с Александром I произошло еще при Павле, а «дружба» продолжалась до смерти Александра. Несмотря на то что в минуты откровенности Александр называл Аракчеева мерзавцем, он ему доверял и давал самые ответственные поручения — сначала инспектор артиллерии, затем военный министр, наконец, по его просьбе, начальник военного департамента Государственного совета.

Пользовавшийся неограниченным доверием царя, Аракчеев сосредоточил в своих руках огромную власть. Это была власть временщика XVIII в., юридически не определенная, с неограниченной компетенцией. «Говорят, — писал Н. М. Карамзин, — что у нас теперь только один вельможа — граф Аракчеев».

По существу, Аракчеев стал не только премьер-министром, но и единственным министром, так как все остальные, за исключением министра иностранных дел, потеряли право доклада у царя и могли вести переговоры с ним только через Аракчеева.

Нет таких отрицательных качеств, которыми не наделяли бы Аракчеева его современники. Мемуары, исследования историков свидетельствуют о его жестокости и беспощадности, тщеславии, трусости, мелочности, лживости, ханжестве, льстивости, коварстве и т. п. Чем же объясняется выдвижение Аракчеева, его длительное пребывание у власти?

Аракчеев представлял тот класс, который во всей Европе терял свои привилегии, но оставался самым могущественным классом в России, олицетворявшим застой и косность. После войны, в условиях обострения классовой борьбы, дворянство особенно остро почувствовало нерасторжимую связь с самодержавием и зависимость своего благополучия от силы и крепости самодержавной власти.

Аракчеев представлял и как бы олицетворял не жидкий слой петербургской аристократии и московского барства (хотя и был пожалован

графским титулом), а массы полуграмотного мелкого и среднепоместного дворянства, которые и были основной социальной опорой самодержавия. Для нее не нужны были реформы, движение вперед — для нее необходимы были сильная власть и порядок, которые позволили бы ей бесконтрольно господствовать в своих имениях. Этот основной господствующий тон дворянских настроений Аракчеев отразил в своей деятельности.

Аракчеев никогда не выступал против реформ, готов был по поручению царя сам составлять (и составлял) их проекты (в 1818 г. он представил проект крестьянской реформы), но в них не верил. С глубоким презрением относился ко всяким «идеологам», не считал возможным и нужным какие-либо серьезные преобразования, воспринимая самодержавный строй таким, каков он есть.

Другой чертой Аракчеева было то, что он был прирожденный чиновник. Как отмечалось ранее, российская администрация перестраивалась на принципах централизации. Россия дворянская, в которой каждый помещик был царьком в своей деревне, а каждый сановник — помещиком в своем ведомстве, превращалась в Россию дворянско-бюрократическую, в которой ведущей силой становилось организованное по принципу строгой иерархии чиновничество и дворянство могло влиять на власть уже не непосредственно, а только через бюрократическую систему.

Аракчеев был как бы создан для той бюрократической системы, которая устанавливалась в России. Он маниакально любил порядок, который носил внешний, формальный характер, — установление единообразия, симметрии, монотонности. Железной рукой насаждал он этот порядок в государстве, и нарушение его вызывало со стороны всесильного временщика жестокие меры наказания.

Для Аракчеева было свято соблюдение приказа и служебной субординации: приказ начальника должен быть выполнен любой ценой, независимо от того, знает или не знает подчиненный данное дело. Вместе с тем он терпеть не мог личной инициативы, «умничания». Главное достоинство подчиненных для него — слепое выполнение приказаний.

Аракчеев, как отмечалось выше, был человеком неглупым, обладал деловой хваткой и энергией, умел быстро входить и разбираться в самых различных вопросах. Все его внимание привлекали в основном мелкие текущие дела, и в этом проявлялись не только его натура, но и особенности той политической системы, которая утверждалась в России. Все законодательство Александра I этого времени отличалось мелочностью — сам монарх был так же привержен к мелочам. Измельчание верховной власти, стремление регламентировать все стороны жизни и быта народа — характерная черта абсолютизма, особенно в периоды его заката.

Аракчеев внес свой значительный вклад в бюрократизацию государственного управления, и этим определяется его роль в государственной жизни России. Бюрократизация управления, господство канцелярии и бумажной рутины, стремление к мелочной регламентации — таковы важнейшие составные части той политической системы, которая получила название аракчеевщины.

ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ. Наиболее уродливым проявлением политического режима, установившегося в России, являлись военные поселения, устроителем и начальником которых стал Аракчеев. Мысль о них не была новой. Еще во второй половине XVIII в. некоторые идеологи дворянства мечтали о «поселенных войсках», которые освободили бы их имения от обременительных рекрутских наборов. С началом XIX в., когда войны стали перманентными и более кровопролитными, потребовалось значительно увеличить численность армии. Передовые страны, покончившие с феодальной зависимостью крестьянства, начали переходить к всеобщей воинской повинности, которая позволяла значительно увеличивать армию в период войны. Россия не могла перейти на эту систему, ибо это потребовало бы перестройки всей социальной структуры общества. Между тем содержание огромной постоянной армии стоило очень дорого, поглощало большую часть государственного бюджета и тяжело ложилось на плечи народа. В этих условиях и возникла мысль о военных поселениях, чтобы армия сама себя кормила, воспроизводила и ничего не стоила бы государству. Первые попытки организации военных поселений были сделаны в 1808—1809 гг., однако массовое их создание началось лишь с 1815 г.

Под поселенные войска отводились специальные волости, населенные государственными крестьянами. Все крестьяне в них переводились в разряд военных поселян. Кроме того, здесь же расселялись солдатские полки, к солдатам выписывались их семьи; если же их не было, солдат женили, и их жены также

становились поселянами. Военные поселяне обязаны были пожизненно отбывать военную службу и, кроме того, производить земледельческие работы, чтобы обеспечивать себя всем необходимым. Все дети с 7 лет становились кантонистами, одевались в форму и затем пожизненно несли и солдатскую, и крестьянскую службу.

Быт и служба военных поселян подчинялись военным уставам, регламентировались всевозможными распоряжениями и инструкциями, которым должны были подчиняться и семьи поселян. Подъем, полевые работы, время топки печей, уход за скотом, солдатская муштра — вся эта каторжная работа выполнялась поселянами в строго отведенное время под присмотром офицеров. Это был худший вид крепостного права — военизированное крепостное право. В течение 10 лет в разряд военных поселян было переведено 375 тыс. солдат, т. е. треть русской армии.

Внешне эти поселения могли производить благоприятное впечатление: добротные кирпичные симметрично построенные дома, образцовый порядок в доме и на улице, в мундиры одетые поселяне и их дети, опрятный скот, при ревизиях высокого начальства — поросенок на столе. Однако это была лишь внешность, постоянная потемкинская деревня, стоившая государству огромных денег. «Представьте себе, — писал один из современников, — огромный дом с мезонином, в котором мерзнут люди и пища; представьте сжатое помещение, смешение полов без разделения; представьте, что корова содержится, как ружье, а корм в поле получается за 12 верст, что капитальные леса сожжены, а на строение покупаются новые... с тягостнейшею доставкою. Но при этом не забудьте, что поселянин имеет землю по названию, а общий его образ жизни — учение и ружье».

Браки солдат находились под контролем офицеров. Один из современников так описал устройство браков в поселениях: «Полковник строит женщин в одну, а солдат в другую, противоположную линию и, называя солдата по имени, дает ему невесту, вызывая ее по имени. Брачные эти союзы никогда не согласовывались с выбором и согласием сердца...»

Военные поселения не дали того экономического эффекта, на который рассчитывали его устроители, напротив, они ежегодно стоили казне колоссальных денег. Не стали военные поселяне и особой кастой, оторванной от всего населения и противостоящей ему, — оплотом самодержавия. Наоборот, они стали очагом постоянных волнений и восстаний, которые с бесчеловечной жестокостью подавлял Аракчеев по приказу царя, заявившего, что военные поселения будут существовать, если даже нужно будет для этого уложить дорогу от Новгорода до Чудова (100 верст) трупами.

Военные поселения — это феодально-бюрократическая утопия. Созданием особой военной касты самодержавие рассчитывало расширить свою социальную базу, найти новую общественную опору и таким образом решить проблему переустройства русской жизни. Однако из этой затеи ничего не получилось, она только вызвала возмущение самых различных слоев русского общества и продемонстрировала полную беспомощность самодержавия в решении общегосударственных вопросов.

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЦЕНЗУРА. Аналогичную эволюцию проделала и политика самодержавия в области просвещения и культуры. В 1816 г. на пост министра просвещения был назначен личный друг Александра I обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын, пользовавшийся таким же доверием, как и Аракчеев, и сыгравший такую же печальную роль в России. Еще в 1814 г. под его руководством по всей России стали насаждаться отделения Библейского общества, почетным членом которого являлся и сам царь. Общество считало своей первоначальной задачей перевод Библии и распространение ее среди всех народов России. Однако в условиях бюрократической централизации и тех реакционных настроений, которые охватили российское дворянство, оно превратилось в организацию, насаждавшую мракобесие, ханжество, лицемерие и рабское послушание властям.

В 1817 г. Министерство просвещения было преобразовано в Министерство народного просвещения и духовных дел, т. е. в ведомство, занимавшееся делами всех религиозных вероисповеданий на территории России и образованием. Императорский манифест определял цель этого объединения — «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». В состав «главного правления училищ» и «ученого комитета», созданного при новом министерстве для проверки учебников, вошли реакционеры,

религиозные фанатики. Ханжество и лицемерие стали нормой поведения, средством продвижения по службе. В «Наставлении» «ученому комитету» указывалось, что его цель заключается в том, чтобы руководить народным воспитанием, достигнуть с помощью учебных книг «спасительного соответствия между верой, знанием и авторитетом государства», т. е. чтобы на основе религиозного просвещения добиться полного послушания молодежи, ее приверженности существующим порядкам. Это общее положение конкретизировалось: «Из учебников надо устранить все, что может внушить нежелание исполнять обязанности перед семьей и государством», из философии — «все, что противоречит христианскому учению»; учебник физики должен завершаться учением о божественном откровении; история и словесность должны показать, как человечество постепенно приходит к более чистому познанию бога; русский язык должен укреплять благочестие и национальный дух и др. Такова была эта обскурантистская программа, которая давала большой простор для проявления реакционной инициативы.

Первый удар обрушился на Казанский университет. В 1819 г. обследовать его и произвести в нем изменения в соответствии с духом «Наставления» было поручено М. Л. Магницкому — беспринципному карьеристу и доносчику. Сначала он служил со Сперанским и вместе с ним был выслан, но быстро сориентировался, стал активным членом Библейского общества, а затем и деятелем просвещения. В своем отчете о ревизии он пришел к выводу, что лучше всего университет «публично закрыть». На такую меру Александр не решился, но назначил Магницкого попечителем Казанского учебного округа, что и означало, по существу, погром университета.

Университетская автономия, которая и без того в условиях самодержавно-бюрократического режима не могла иметь существенного значения, была ликвидирована, 11 лучших профессоров (из 25) были уволены и заменены гимназическими учителями, конспекты лекций проверялись, из преподавания изгонялось все, что могло, по мысли попечителя, подрывать религию. В университете установили казарменную дисциплину. Провинившегося студента заключали в «комнату уединения» в лаптях и крестьянском армяке. Все остальные студенты за него должны были молиться. «Неисправимых» Магницкий отправлял в солдаты. Все эти меры надолго задержали развитие Казанского университета.

Вслед за этим был учинен погром только что созданному в 1819 г. Петербургскому университету, лучших профессоров обвинили в пропаганде «маратизма» и «робеспьеризма», отстранили от преподавания и отдали под суд. Аналогичные истории повторились в Харькове и в других учебных центрах.

В этом реакционном походе видную роль сыграла цензура. Предварительная цензура рукописей была введена в 1804 г., однако цензурный устав носил либеральный характер и рекомендовал благожелательное и снисходительное отношение к авторам. Но уже в предвоенные годы Министерство полиции получило право надзора за вышедшей литературой, что поставило фактически цензурный комитет под надзор полиции. Помимо общей цензуры была еще цензура духовная; кроме того каждое ведомство стремилось завести свою цензуру. В 1818 г. обер-прокурор Синода Голицын издал инструкцию, в которой цензорам предлагалось принять меры к недопущению мыслей, противных «принятым ныне твердым правилам», обнаруживать и пресекать вольнодумство, безбожие, своевольство, мечтательное философствование и пр.

В печати было запрещено касаться вопросов государственного устройства и конституции, крестьянского вопроса, критиковать действия любого начальства и даже печатать рецензии на игру актеров императорских театров, поскольку они находятся на «государственной» службе.

Реакционная политика в области просвещения и культуры — это также проявление аракчеевщины, т. е. того политического режима, который установился в России в 1815—1825 гг. Таково было господствующее, в основном реакционное направление внутренней политики самодержавия после войн 1812—1815 гг. Однако, как отмечалось выше, в это время еще делались попытки приступить к общей реформе как в области управления, так и в крестьянском вопросе. В 1818 г. Н. Н. Новосильцев, служивший в это время в царстве Польском, получил указание составить новый проект конституции, который и был представлен царю на утверждение под названием «Уставная грамота русскому народу». Однако проект затерялся в многочисленных царских канцеляриях, не оставив

следа в реальной законодательной деятельности правительства.

Реальный итог политики самодержавия — усиление централизации власти и ее бюрократизация, стремление регламентировать и поставить под контроль все стороны общественной жизни. Все эти черты проявлялись резко и грубо; крайнее усиление централизации приводило иногда к дезорганизации власти, но бюрократия прокладывала себе дорогу и становилась господствующей силой общества, так как она была самым действенным орудием самодержавной власти.

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА ПОСЛЕ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА. После Венского конгресса сложилась новая политическая ситуация в Европе. Побежденная Франция на время утратила положение великой державы. Англия получила преобладающее влияние на морях и в колониальных владениях. Значительно возрос международный престиж России.

Капитализм уверенно шагал по Европе, породив целую серию буржуазных революций. Особенно заметно проявился «процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе, как предпосылки капиталистического развития»[1]. Интенсивное развитие капитализма в европейских странах оказывало влияние на всю международную обстановку.

Для внешней политики феодально-крепостнической России этого времени характерны непоследовательность и противоречивость. Александр I, по оценке современников, стал арбитром Европы. Реакционная тенденция во внешней политике царизма — поддержка отживших монархических режимов и подавление революционных движений — усиливалась по мере углубления революционных процессов в Европе. «Наше самодержавие, — писал В. И. Ленин, — в течение прошлого века сделало не мало для поддержки всяческой реакции в Европе и даже для прямого военного подавления революционных движений в соседних странах»[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 162.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 52.

Вместе с тем русское правительство и сам Александр I не могли не считаться с теми изменениями, которые произошли в Европе после Великой французской революции и наполеоновских войн. Это и вносило элементы двойственности и непоследовательности в решение внешнеполитических вопросов, что нашло свое выражение даже в структуре Министерства иностранных дел после 1815 г., коллегию которого возглавляли два придерживавшихся различных взглядов человека — И. Каподистрия и К. В. Нессельроде.

СИСТЕМА СОЮЗОВ. Венская система не привела к европейскому равновесию, всеобщему миру и политической гармонии, как утверждает буржуазная историография. Напротив, она породила новые противоречия между европейскими правителями.

После 1815 г. система международных отношений в Европе была связана с деятельностью Четверного и Священного союзов, в которых Россия играла главенствующую роль. Договор о Четверном союзе был подписан 20 марта 1815 г., вскоре после окончания Венского конгресса. В него вошли Россия, Англия, Австрия и Пруссия. Союз имел своей целью поддержать реставрированный режим Бурбонов в его борьбе против революционно-демократических выступлений во Франции и добиться точного выполнения ею решений Венского конгресса. Территория Франции, которая должна была выплатить огромную контрибуцию державам-победительницам, была оккупирована.

В сентябре 1815 г. Россией, Австрией и Пруссией был подписан Акт Священного союза. Первоначально Союз не носил политического характера и не содержал конкретной программы действий. Однако под религиозной оболочкой, в туманной, полумистической декларации была сформулирована общая политическая задача—поддерживать старые монархические династии в Европе, всеми силами защищать принцип монархического легитимизма. Позднее, на конгрессе в Троппау в 1820 г., было декларировано право вмешательства членов Союза во внутренние дела других государств с целью подавления революционного движения. Священный союз стал не только идеологической, но и политической организацией.

Наиболее активными членами Священного союза были Россия и Австрия. Александр I и австрийский канцлер Меттерних считались его создателями и вдохновителями. Англия,

формально не подписавшая Акт, на деле принимала активное участие в деятельности Священного союза.

РУССКО - ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. После Венского конгресса во внешней политике России значительное место заняла Франция. Разгромленная и низведенная до уровня второстепенной державы, чья внутренняя и внешняя политика была поставлена под контроль держав-победительниц, Франция настойчиво стремилась освободиться от этой опеки. Русское правительство в целом поддерживало режим Бурбонов, однако, понимая, что полного возврата к старому быть не может, оно препятствовало ультрароялистским настроениям двора и части французского дворянства. Александр I настаивал на сохранении конституции как основы внутренней структуры реставрированного режима. Со своей стороны Франция настойчиво искала союзника в лице России. Александр I, не заключая с Францией формального договора, делал все возможное для облегчения ее участи, так как сильная Франция была необходимым элементом европейского равновесия, противовесом Австрии и Англии. Россия активно поддерживала просьбу французского правительства о досрочном выводе оккупационных войск с ее территории и о сокращении размеров контрибуций. Остальные державы настаивали на точном выполнении условий Венских соглашений. Англия и Австрия боялись усиления Франции и возможного в будущем русско-французского союза; Пруссия желала получить всю причитающуюся ей контрибуцию. Несмотря на противодействие союзников, России удалось помочь Франции вновь занять положение великой державы.

Этому был посвящен международный конгресс в Аахене в 1818 г. На этой конференции четырех союзных держав основным вопросом были проблемы Франции, которую тоже пригласили для участия в ее работе. По настоянию Александра I страны-победительницы приняли решение о выводе оккупационных войск с территории Франции и тем самым о возвращении ее на положение великой державы. Франция была принята в число участников Священного союза.

РОСТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИОННОСТИ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА. Окончание Аахенского конгресса совпало с усилением революционных движений. Разрасталась война за независимость испанских колоний в Америке. В 1820 г. началась буржуазная революция в Испании. В июле 1820 г. революция охватила Неаполитанское королевство, в 1821 г. вспыхнула революция в Пьемонте. Революции начала 20-х годов XIX в. были буржуазными по своему характеру, т. е. направленными против монархических режимов и старых феодальных порядков. Развитие революционного движения заставило консолидироваться европейские правительства.

В октябре 1820 г. открылся конгресс Священного союза в Троппау. Позднее место заседаний было перенесено в Лайбах. Затянувшийся конгресс продолжался с перерывами до мая 1821 г. Главным вопросом повестки дня была выработка мер по подавлению революционных выступлений. Союзники единодушно подписали протокол о праве вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств для борьбы с революцией. Но на конгрессе выявились и серьезные разногласия. Франция пыталась противиться распространению австрийского влияния в Италии. Однако Меттерниху удалось добиться согласия держав на подавление неаполитанской революции австрийскими войсками. Еще до принятия решения конгрессом началась австрийская карательная экспедиция. После того как в марте 1821 г. вспыхнуло восстание в Пьемонте, союзники договорились и о его подавлении. Стотысячная австрийская армия быстро расправилась с революционным народом Неаполя и Пьемонта. В этих государствах вновь были восстановлены абсолютные монархии.

В ходе конгресса союзники договорились о тех мерах, которые будут приняты в случае расширения революции в Испании и Португалии.

На конгрессе проявилось острое соперничество между Россией и Англией за преобладающее влияние в Европе, которое в дальнейшем приняло еще более напряженный характер.

Последний конгресс Священного союза состоялся в Вероне в конце 1822 г. Это был наиболее представительный форум реакционных сил. В Верону прибыл Александр 1, австрийский император Франц I, прусский король Фридрих Вильгельм III, итальянские монархи, министры иностранных дел, видные дипломаты и военачальники. Русская делегация насчитывала 29 человек.

Центральное место в работе конгресса занимал вопрос об испанской революции. В Вероне обсуждались также вопрос об отношении к восставшим латиноамериканским колониям Испании, проблемы работорговли. Впервые на обсуждение был поставлен восточный вопрос — о позиции держав по отношению к греческому восстанию, вспыхнувшему в Морее, в 1821 г.

Страх перед революцией заставил державы принять согласованное решение лишь по Испании; Франция получила мандат на подавление испанской революции, и ее войска в битве под Трокадеро нанесли поражение испанской армии. Осенью 1823 г. революция в Испании была подавлена.

Но и на этом, последнем конгрессе Священного союза вновь выявились серьезные противоречия. Англия, исходя из собственных экономических интересов, настаивала на признании восставших испанских колоний в Латинской Америке. Против этого резко возражала Австрия, Россия же заняла уклончивую позицию. Вопрос был снят до окончательного подавления революции в Испании. На конгрессе была принята общая декларация, осуждавшая греческое восстание, однако достичь согласованности и в этом вопросе не удалось.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС. Русско-турецкие отношения, несмотря на заключение в 1812 г. Бухарестского мирного договора, были напряженными. Воспользовавшись нашествием Наполеона на Россию, Турция стала нарушать условия Бухарестского договора. Турецкие войска вновь двинулись на Сербию. В 1813 г. Карагеоргий оказался вынужденным эмигрировать в Австрию, а новый сербский государь Милош Обренович принял турецкие условия перемирия. В ответ на это весной 1815 г. в Сербии вспыхнуло второе восстание. Только в 1816 г. между Турцией и Сербией благодаря дипломатическому нажиму России был подписан мирный договор, по которому султаном была признана автономия Сербии. В истории сербского государства начался новый период борьбы за окончательную независимость от Турции.

В 20-х годах XIX в. восточный вопрос получил новое развитие в связи с национально-освободительным восстанием в Греции, начавшимся в марте 1821 г. под руководством князя Ипсиланти, участника Отечественной войны 1812 г. и бывшего генерала русской службы.

Правительство Александра I первоначально пыталось действовать совместно с другими европейскими державами, предложив коллективные переговоры с Турцией по греческому вопросу. Но оно натолкнулось на противодействие Англии и Австрии, саботировавших любые начинания царского правительства по «умиротворению Греции» на выгодных для нее условиях.

Между тем восставшие терпели поражение и их положение ухудшалось. Одновременно Турция ввела войска в Дунайские княжества, нарушая тем самым русско-турецкие соглашения о Молдове и Валахии.

В этих условиях собралась Петербургская конференция, в работе которой участвовали Россия, Австрия, Пруссия и Франция. Она проходила с февраля по апрель 1825 г. Это была последняя попытка Александра I решить греческий вопрос совместно с другими европейскими державами. Русское правительство высказалось за автономию Греции, но не встретило поддержки у своих союзников. После фактического провала конференции Александр I принял решение самостоятельно действовать на Балканах. Началась концентрация русской армии на границах с Турцией.

Определенное влияние на изменение позиции правительства оказало настроение русской общественности; фактически все слои русского общества — дворянство, купечество, духовенство — высказывались за оказание активной помощи греческому народу. Рассматривая греческое восстание как часть возможной общеевропейской революции, его восторженно приветствовали члены тайных декабристских организаций. «Страна героев и богов расторгла рабские вериги», — писал А. С. Пушкин, выражая настроение передовой русской общественности в стихотворении «Восстань, о Греция, восстань!».

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ АМЕРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА. В начале XIXв. складываются экономические, культурные и политические связи России с Америкой. В 1798 г. была организована российско-американская торговая компания, осуществлявшая торговлю на Аляске и Северо-Западном побережье Америки. Еще раньше были основаны постоянные русские поселения на Аляске. В начале XIXв. образовалось русское поселение в Калифорнии (форт Росс).

С момента образования США молодая американская дипломатия поставила перед

собой задачу установления дипломатических отношений с Россией. США искали помощи России в борьбе против Англии, не желавшей мириться с потерей североамериканских колоний. В начале XIX в. русско-американские отношения развивались в дружественном направлении. В 1804 г. началась переписка между президентом Т. Джеферсоном и Александром I. В 1808 г. были установлены дипломатические отношения между Россией и США, что повлекло за собой значительное расширение экономических связей. В годы континентальной блокады американские суда стали частыми гостями на Санкт-Петербургском рейде.

В период англо-американской войны 1812—1814 гг. русское правительство, несмотря на союз с Англией, заняло доброжелательную позицию по отношению к США.

В декабре 1823 г. была провозглашена знаменитая доктрина президента США Д. Монро — «Америка для американцев». Ее главным принципом была идея: «Американские континенты в виду свободного и независимого положения... не должны впредь рассматриваться в качестве объектов для будущей колонизации любой европейской державы». Эта политическая доктрина означала противодействие европейскому вмешательству в Америку и вместе с тем распространение колониальной экспансии самих США. Доктрина Монро, направленная прежде всего против Англии, которая обладала наиболее крупными колониальными владениями в Северной Америке, не привела к ухудшению русско-американских отношений. Спорные вопросы были урегулированы подписанием конвенции между Россией и США в апреле 1824 г. о торговле, мореплавании и территориальным разграничением на северо-западе Америки.

Интерес России к установлению связей с испанскими колониями Латинской Америки и Португальской Бразилии возрос в результате установления континентальной блокады в Европе. Русское правительство было заинтересовано в расширении торговых связей с Латинской Америкой и получении оттуда колониальных товаров, поступление которых в Россию было прервано в связи с разрывом русско-английских отношений. Особенно успешно развивались русско-бразильские торговые связи.

В 1810 г. началась война за независимость испанских колоний в Латинской Америке. Эта война и отношение к ней европейских государств на длительное время стали важной международной проблемой. Русское правительство, заинтересованное в расширении внешних рынков, придерживалось дружественного нейтралитета и было готово заключить торговые соглашения с восставшими колониями, что означало бы их фактическое признание.

После Венского конгресса и восстановления Бурбонов в Испании позиция России по отношению к восставшим колониям начинает меняться, однако практически Россия на протяжении всей войны за независимость оставалась нейтральной.

ГЛАВА 5
ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

1. РАННИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕКАБРИСТОВ

ЛЕНИНСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ. Освободительное движение в России В. И. Ленин подразделял на три периода соответственно трем главным классам русского общества, представители которых участвовали в этом движении и определяли его характер: «1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время»[1].

В основу этой периодизации Лениным положен классовый критерий, ибо от того, какой класс возглавил революционную борьбу на том или ином этапе, зависели и особенности этой борьбы — организационные и тактические принципы революционеров, характер их программных требований. Важно отметить, что каждый из названных периодов освободительного движения был связан с определенной эпохой в социально-экономическом развитии страны. Дворянский целиком укладывается в дореформенную, крепостную эпоху; разночинский ограничивается пореформенной эпохой; пролетарский совпал со вступлением России в эпоху империализма. Каждая эпоха, выдвигая свои задачи революционного преобразования страны, определяла

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

и социальный состав участников движения.

История революционного движения в России, по Ленину, началась с декабристов. Именно декабристы впервые создали революционную организацию, разработали политическую программу и осуществили вооруженное выступление против самодержавно-крепостнического строя. «В 1825 г., — писал В. И. Ленин, — Россия впервые видела революционное движение против царизма...» [1] До декабристов в России происходили стихийные восстания крестьян, не освещенные осознанной политической программой, либо выступления одиночек-революционеров, наиболее выдающимся из которых был А. Н. Радищев.

Революционное движение в России возникло в период перехода от феодально-крепостнической формации к капиталистической. В. И. Ленин указывал, что период от начала Великой французской революции (1789) до франко-прусской войны (1870—1871) — это время утверждения капиталистических отношений в Европе, «эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений» [2].

Хотя крепостническая Россия и отставала в своем развитии от передовых западноевропейских стран, в ней также назревал кризис феодально-крепостнического строя, вставали задачи буржуазно-демократического преобразования страны: ликвидации крепостничества и самодержавия, сословного строя и феодально-абсолютистских учреждений. Особенностью российского исторического процесса было то, что на раннем этапе руководство борьбой за буржуазные преобразования принадлежало не буржуазии, а дворянству. Объясняется данное своеобразие тем, что русская буржуазия в эпоху крепостного права еще не сформировалась как класс и не смогла выдвинуть самостоятельные политические требования.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИДЕОЛОГИИ ДЕКАБРИСТОВ. Движение декабристов порождено объективными условиями исторического развития России, которые и стали решающим фактором в формировании декабристской освободительной идеологии. В своих показаниях на следствии, в письмах и мемуарах декабристы постоянно говорили о том, что главными причинами их «вольномыслия» были крепостное состояние («рабство») крестьян и самодержавно-полицейский произвол в стране, парализовавший экономическое, политическое и культурное развитие страны. «Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало», — показывал П. И. Пестель. «Несправедливости, насилия и угнетения помещиков, их крестьянам учиняемые, укрепляли в моем уме революционные мысли», — писал в своих показаниях П. И. Борисов. «Расстройство финансов, упадок торговли, а более всего беззаконность судов приводили сердца наши в трепет», — читаем мы в показаниях М. П. Бестужева-Рюмина. Декабристы, образованные и дальновидные люди своего времени, поняли, что самодержавие и крепостничество — главные причины отсталости России. Ликвидацию самодержавия и крепостничества они считали насущной задачей, решение которой необходимо для «спасения» России.

Большое влияние на формирование освободительных идей декабристов оказал патриотический подъем в Отечественной войне 1812 г. Они называли себя «детьми 1812 года». Победа русского народа в Отечественной войне 1812 г. способствовала росту национального самосознания народа. Вместе с тем она оказала огромное влияние на все стороны социальной, политической и культурной жизни страны, дала толчок для развития передовой общественной мысли в России.

Подъем патриотизма, сближение будущих декабристов, участников войны, с солдатами, народом, пробуждение не только национально-патриотического, но и гражданского самосознания передовой России—вот на что указывали декабристы, объясняя истоки формирования своих освободительных идей в связи с Отечественной войной 1812 г. «Наполеон вторгся в Россию, тогда народ русский ощутил свою силу, тогда пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии народной. Вот начало свободомыслия в России», — читаем мы в Своде показаний декабристов «о внутреннем состоянии государства». «Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании», — отмечал И. Д. Якушкин. «Народная война 1812 го-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.

да, — писал А. Е. Розен, — вызвала такую уверенность в народной силе и патриотической восторженности, о коих до того времени никакого понятия, никакого предчувствия не имели». В то же время декабристы видели, что народ, вынесший на своих плечах всю тяжесть войны, продолжал оставаться в крепостной зависимости, ратники ополчений снова возвращались в крепостную неволю. Вместо дальнейших политических преобразований, надежды на которые были внушены либеральными заигрываниями Александра I в первые годы его царствования, установилась аракчеевская реакция. Реакционная внутренняя политика самодержавия оскорбляла национальное чувство и гасила надежды на лучшее будущее.

Необходимо отметить, что на ранних этапах освободительного движения огромное значение имеют проблемы национального возрождения и национального самосознания. Патриотические настроения, тесно связанные с национально-освободительными движениями, довольно широко были распространены в начале XIX в. не только в России, но и во всей Европе. Борьба против феодально-абсолютистских режимов и задачи национального возрождения взаимосвязаны. Прогресс нации мог быть обеспечен только коренными политическими преобразованиями. Поэтому национально-патриотические задачи «блага» России логически приводили декабристов к утверждению идеи революционных преобразований.

Формирование декабристской идеологии и возникновение первых декабристских организаций происходило в обстановке общественно-политического подъема в России после Отечественной войны 1812 г. и распространения либерально-оппозиционных настроений в дворянской среде. Декабристы были тесно связаны с этой средой, на которую опирались в своей деятельности и которая в известной мере сама воспринимала декабристские взгляды. Существовало немало прогрессивно настроенных людей, которые хотя формально и не входили в тайные декабристские общества, но сочувствовали их взглядам. Поэтому возникновение декабризма и деятельность декабристских обществ невозможно понять вне связи с их либерально-оппозиционным окружением.

Условия формирования декабризма и его связь с либерально-оппозиционными кругами общества обусловили сложность этого движения. Среди декабристов были не только революционно настроенные, но и придерживавшиеся либеральных взглядов люди, особенно на раннем (1816—1820) этапе движения. Отсюда внутренняя противоречивость декабризма, борьба в нем умеренных и радикальных элементов. С течением времени усиливались именно радикальные тенденции, что нашло впоследствии выражение в отходе от движения умеренно настроенных членов тайных обществ, во все большем преобладании в нем убежденных республиканцев — сторонников насильственных революционных действий, в радикализации программы и тактики декабристов.

Движение декабристов проходило в русле общеевропейского и мирового революционного процесса, составляя его органическую часть. «Нынешний век, — показывал на следствии П. И. Пестель, — ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противуположностей. То же самое зрелище представляет и Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать».

Революционные события конца века, политические и военные потрясения мирового значения оказали сильное воздействие на умы декабристов. Знакомство с революционными идеями, с новыми политическими учреждениями облегчалось благодаря заграничным походам русской армии в 1813—1814 гг., в составе которой находились многие будущие декабристы.

Возрос интерес декабристов к чтению политических и философских сочинений западноевропейских и русских мыслителей, к изучению политэкономии, древней и новой истории, конституционного устройства передовых европейских стран, в первую очередь Франции и Англии, а также Североамериканских Соединенных Штатов.

Передовые западноевропейские идеи получили распространение в России именно потому, что здесь уже была подготовлена почва для их восприятия. Идейная близость декабризма и западноевропейского революционного движения обусловливалась общностью происходивших в России и в Западной Европе коренных социально-экономических

процессов и, следовательно, общностью задач революционной борьбы. Декабристы в своих программных требованиях отражали коренные исторические задачи, поставленные в то время объективными условиями перехода России от феодализма к капитализму.

«СОЮЗ СПАСЕНИЯ» (1816—1817). Первое тайное декабристское общество — «Союз спасения» — возникло в феврале 1816 г. в Петербурге по инициативе молодых гвардейских офицеров А. Н. и Н. М. Муравьевых, С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, С. П. Трубецкого и И. Д. Якушкина. Свое организационное устройство общество получило через год, когда в него вошел приехавший в конце 1816 г. в Петербург энергичный П. И. Пестель. В феврале 1817 г. был принят «Статут» (устав) общества. С этого момента общество получило новое название — «Общество истинных и верных сынов отечества». В члены общества принимались по строжайшему отбору только офицеры гвардейских полков и Генерального штаба. Это была замкнутая, малочисленная группа единомышленников, носившая заговорщический характер, насчитывавшая даже спустя год после своего основания не более 10—12 членов. Лишь в конце своего существования она достигла 30 человек.

В этой декабристской организации хотя и была определена основная цель — введение конституции и уничтожение крепостного права, но еще не были разработаны средства борьбы, отсутствовала программа политических преобразований. Признав неизбежность революции, декабристы еще не представляли себе ее формы и характер в условиях тогдашней России. Предполагалось «исторгнуть» у правительства конституцию путем открытого выступления тайного общества в момент смены царей на престоле — не присягать новому царю, если он не провозгласит конституционое правление.

В августе 1817 г. царский двор вместе с гвардией переехал в Москву для проведения торжеств в связи с пятилетием победы в Отечественной войне 1812 г. В составе гвардии в Москве оказались почти все члены декабристской организации. Квартира Александра Муравьева в Хамовнических казармах стала главным местом собраний декабристов. В это время до них дошли известия о кровавой расправе над крестьянами Новгородской губернии, сопротивлявшимися переводу их в разряд военных поселян. Кроме того, распространились слухи о том, что Александр I намеревается даровать Польше конституцию и присоединить к ней некоторые исконно русские губернии. Эти известия вызвали взрыв возмущения у декабристов. Возник план немедленного выступления, которое предполагалось начать с цареубийства (так называемый «Московский заговор» 1817 г.). Однако после жарких споров между сторонниками и противниками цареубийства большинство членов общества признало нецелесообразным исполнение задуманного намерения ввиду крайней ограниченности сил декабристов для переворота, если бы даже цареубийство и удалось осуществить. Решено было ликвидировать «Союз спасения» и приступить к созданию другой, более широкой организации.

«СОЮЗ БЛАГОДЕНСТВИЯ» (1818—1821). В январе 1818 г. в Москве возникла новая декабристская организация — «Союз благоденствия». В течение своего трехлетнего существования организационно-тактические принципы и программные положения декабристов получили дальнейшее развитие. Это была более многочисленная (около 200 членов) организация со своим уставом, который получил название по цвету переплета «Зеленая книга», с обширной программой конкретных действий. На первое место выдвигалась задача по формированию «общественного мнения», благоприятного для преобразовательных планов декабристов. Тезис об общественном мнении, которое якобы правит миром, выдвинутый еще в XVIII в. французскими просветителями, был широко распространен в европейском революционном движении конца XVIII — начала XIX в.

Создание в стране передового общественного мнения являлось для декабристов важным средством подготовки революционного переворота, который, как они полагали, должен произойти примерно через 20 лет — к 1839 г. К этому времени—считали они— передовое общественное мнение овладеет умами всех слоев общества и будут созданы необходимые условия для сравнительно безболезненного революционного переворота.

Собственно, передовое общественное мнение уже складывалось в стране. Возникновение и деятельность «Союза благоденствия» происходили в обстановке нарастания революционного брожения в России и в ряде европейских стран. В связи с этим декабри-

стами ставилась задача «овладения общественным мнением», дальнейшего его распространения и направления в духе тайного общества. По мысли декабристов, передовое общественное мнение еще до революционного переворота будет оказывать давление на правящие круги и правительство. Поэтому члены тайного общества должны стремиться занять как можно больше мест в правительственных учреждениях.

Члены «Союза благоденствия» принимали активное участие в благотворительных и просветительских обществах: создавали свои легальные и полулегальные «управы» и литературные общества, ланкастерские школы взаимного обучения; вели обширную устную и письменную пропаганду, призванную содействовать распространению передового общественного мнения. Выступления в периодической печати в защиту передовой науки и литературы, издание литературных альманахов и ученых трудов, защита обиженных и несправедливо осужденных, выкуп из крепостной неволи талантливых самоучек, помощь голодающим крестьянам (например, в Смоленской губернии), критика крепостного права, палочных наказаний в армии, аракчеевских военных поселений — вся эта деятельность преследовала в конечном счете цель «подготовить умы» к свержению самодержавно-крепостнических порядков в стране.

1820—1821 годы явились важным рубежом в движении декабристов. В эти годы ими была произведена коренная реорганизация тайного общества. Усиление внутренней и международной реакции, обострение социальных противоречий в России (восстания в армии и в военных поселениях, увеличение волнений крестьян и крепостных рабочих), подъем революционного движения в Европе (революции 1820—1821 гг. в Испании, Португалии, Неаполе и Пьемонте) настоятельно требовали активизации деятельности общества.

В январе 1820 г. в Петербурге собралось совещание Коренной управы, возглавлявшей «Союз благоденствия», на котором Пестель выступил с докладом о формах правления. Излагая «все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правления», Пестель доказывал преимущество последнего. Все участники совещания высказались за республику. В. И. Ленин оценивал это решение как начало республиканской традиции в русском революционном движении[1]. Ограничение деятельности лишь пропагандой передовых идей уже не удовлетворяло многих декабристов. Выдвигались требования более решительных действий. Примерно к 1820 г. относится начало разработки декабристами тактики военного восстания без участия в нем народных масс — «военной революции». Как дворянские революционеры и люди военных профессий, декабристы считали, что «военная революция» может быть наиболее организованным, быстрым, безболезненным и бескровным переворотом, предотвращавшим пугачевщину и анархию. На выработку этой тактики несомненно оказал влияние опыт военных революций начала 20-х годов XIX в. в южноевропейских странах. Особый интерес у декабристов вызвала испанская революция, опыт которой они внимательно изучали.

«Союз благоденствия» по своему составу был организацией, которая объединяла передовых людей, придерживавшихся различных политических взглядов. Умеренная часть общества не считала возможным идти далее пропаганды передовых идей и создания общественного мнения, которое должно было оказать влияние на правительственную политику. Радикальная группа — убежденные республиканцы во главе с Пестелем — не хотела ограничиваться просветительско-пропагандистской деятельностью и стремилась к активной борьбе с самодержавием. Разногласия между этими группировками особенно обострились в 1820 г. В это время декабристам стало известно, что правительство получило донос о существовании их тайного общества. Необходимо было искать новые пути и новые средства борьбы. В январе 1821 г. собрался московский съезд Коренной управы, который постановил считать «Союз благоденствия» распущенным. Решение московского съезда о роспуске «Союза благоденствия» рассматривалось активной частью декабристов не как отказ от революционной деятельности, а как средство его реорганизации, с тем чтобы, освободившись от умеренных, колеблющихся, случайно попавших в общество людей, перейти к активной борьбе.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 319.

2. «ЮЖНОЕ» и «СЕВЕРНОЕ» ОБЩЕСТВА ДЕКАБРИСТОВ И ИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ЮЖНОГО» И «СЕВЕРНОГО» ОБЩЕСТВ (1821—1825). В 1821—1822 гг. на основе «Союза благоденствия» почти одновременно возникли новые декабристские организации — «Южное» общество на Украине во главе с П. И. Пестелем и «Северное» в Петербурге, которое возглавил Н. М. Муравьев, а затем ведущую роль в нем занял поэт К. Ф. Рылеев. Оба общества тесно взаимодействовали друг с другом и рассматривали себя как части одной организации. Как показал Никита Муравьев, «было установлено, что член «Северного» общества, переселившийся на юг, поступал в ведение «Южного» общества, а член «Южного», переселившийся на север, — в ведение «Северного» общества».

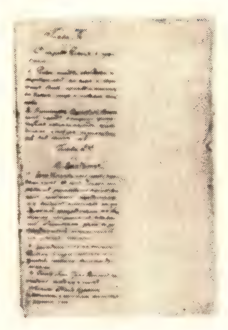
1821—1823 годы — время становления и организационного оформления обоих обществ. К 1823 г. в составе «Южного» общества имелись уже Тульчинская, Каменская и Васильковская управы. Общество возглавлялось Директорией (Коренной думой), в которую были избраны П. И. Пестель, А. П. Юшневский и глава «Северного» общества Н. М. Муравьев. Ежегодно в январе, начиная с 1822 г., собирались съезды «Южного» общества для обсуждения организационных, тактических и программных вопросов.

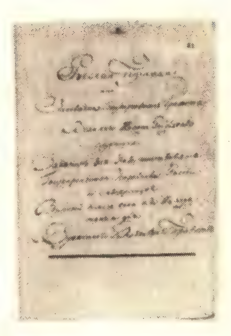
«Северное» общество организационно оформилось в 1822 г. В его руководящее ядро вошли Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев, С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский, М. С. Лунин, И. И. Пущин. «Северное» общество также имело ряд управ-отделений в гвардейских полках столицы. Во главе общества стояла Дума из трех человек — Н. Муравьева, С. Трубецкого и Е. Оболенского.

Разработка конституционных проектов и плана военного восстания составила основное содержание деятельности декабристских обществ после 1821 г. В 1821—1825 гг. созданы две политические программы революционных преобразований — «Русская правда» П. И. Пестеля и «Конституция» Н. М. Муравьева, а в 1824—1825 гг. был согласован план совместных действий обоих обществ.

«РУССКАЯ ПРАВДА» ПЕСТЕЛЯ. «Русская правда», написанная Пестелем, — первая республиканская программа в истории русского революционного движения и наиболее радикальный конституционный проект декабристов. Она провозглашала решительное уничтожение крепостного права, сословных привилегий, равенство всех граждан перед законом, установление в России республики. «Рабство должно быть решительно уничтожено, — писал Пестель, — и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми». «Русская правда» предусматривала получение крестьянами не только личной свободы, но и земли. При решении аграрного вопроса Пестель исходил из двух предпосылок: 1) земля есть общественное достояние, из которого каждый гражданин имеет право получать земельный надел; 2) вместе с тем справедливой признавалась и частная собственность на землю, ибо «труды и работы суть источники собственности». Пестель стремился согласовать эти два исключающих друг друга принципа путем деления всего земельного фонда страны на две равные части: землю общественную и землю частную. Общественная земля должна принадлежать волостному обществу — первичной административно-хозяйственной ячейке страны. Эта земля называлась волостной. Она не могла быть ни продана, ни заложена; каждый гражданин, приписанный к данной волости, имел право получить в пользование определенный надел. Общественная земля предназначалась для производства «необходимого продукта» и должна была стать гарантией «от возникновения безземельной и бездомной бедноты». В общественный земельный фонд должны были войти казенные и монастырские земли. Для пополнения этого фонда предусматривалась частичная конфискация помещичьих земель: у помещиков, имевших свыше 10 тыс. десятин земли, половина отбиралась без всякого вознаграждения; у помещиков, владевших свыше 5 тыс., но не более 10 тыс. десятин, половина отчуждалась за денежное вознаграждение или за предоставление соответствующего участка в другом месте, с тем чтобы общее количество земли в имении не превышало 5 тыс. десятин. Следовательно, проект Пестеля не уничтожал полностью помещичье землевладение, хотя и наносил серьезный удар по крупным латифундиям. Частная земля находилась в свободном товарном обращении и служила «к доставлению изобилия», т. е. должна была способство-

вать развитию частной предпринимательской инициативы в сельскохозяйственном производстве. Земли этой категории могли принадлежать и казне, и частным лицам.

«Русская правда» объявила ликвидацию феодального сословного строя: все прежние сословия уничтожались и сливались в «единое сословие — гражданское». Гражданские права получали все мужчины, достигшие 20-летнего возраста. Рекрутчина заменялась всеобщей воинской повинностью со сроком службы в 15 лет. Военные поселения ликвидировались. «Русская правда» гарантировала свободу слова, печати, собраний, занятий, передвижений, вероисповедания, неприкосновенность личности и жилища граждан, вводила новый суд, равный для всех граждан, с гласным судопроизводством и правом обвиняемого на защиту.

Пестель был горячим сторонником установления в России республиканского правления. Называя самодержавие «разъяренным зловластием», Пестель высказывался против какой бы то ни было формы монархического правления вообще, хотя бы и ограниченного конституцией. По «Русской правде», будущая революционная республика должна быть единым и нераздельным государством с сильной централизованной властью. Пестель был противником федерации, полагая, что она будет способствовать развитию сепаратистских тенденций и тем самым ослаблению государства. В административном отношении будущая революционная Россия подразделялась на 10 областей и 3 удела (Столичный, Донской и Аральский), каждая область должна была состоять из 5 округов или губерний, губернии — из 10—12 уездов, а уезды делились на волости до 2 тыс. жителей мужского пола в каждой.

Высшая законодательная власть в стране, по «Русской правде», принадлежала Народному вечу в составе 500 человек, избранных на 5 лет. Исполнительную власть предстояло осуществлять избираемой Народным вечем также на 5 лет Державной думе, состоявшей из 5 человек. Ежегодно пятая часть состава Народного веча и Державной думы переизбиралась. Председателем Державной думы (он же и президент республики) должен был избираться тот член Думы, который пребывал в ее составе последний, пятый год своего срока депутатских полномочий. Высшую контрольную («блюстительную») власть предназначалось осуществлять Верховному собору из 120 человек, в который пожизненно избирались наиболее заслуженные и авторитетные граждане страны. Распорядительную власть на местах осуществляли окружные, уездные и волостные наместные собрания, а исполнительную — окружные, уездные и волостные правления. Главами окружных и уездных наместных собраний должны были стать выборные посадники, а главой волостного собрания—волостной предводитель. Местные органы власти избирались сроком на 1 год.

Имущественный ценз при выборах Пестель отвергал. Решение Пестелем национального вопроса несло на себе печать своего времени. Провозглашая равенство граждан всех национальностей перед законом, Пестель не ставил вопроса о праве нации (она еще и не сложилась) на самоопределение, считая, что все народы России сольются в единый народ. Исключение он делал для Польши, которая получала политическую самостоятельность

Н. М. Муравьев.
П. Ф. Соколов.
Автолитография. 1817

«Конституция»
Н. Муравьева

«Русская правда»
П. Пестеля

П. И. Пестель.
Фото 70-х годов
с утраченного портрета
1813 г. работы матери
П. И. Пестеля (*Е. Пестель*)

К. Ф. Рылеев.
Миниатюра.
Посмертный портрет.
Художник неизвестен
20-е годы XIX в.

С. И. Муравьев-Апостол.
А. Скино. Литография.
50-е годы XIX в.

при условии, что она восстанет одновременно с декабристами, проведет у себя те же революционные преобразования и вступит в тесный союз с Россией.

«КОНСТИТУЦИЯ» НИКИТЫ МУРАВЬЕВА. Конституционный проект Н. М. Муравьева был построен на другой политической концепции. «Конституция» Н. Муравьева ликвидировала самодержавный государственный строй и сословную структуру общества, провозглашала всеобщее равенство граждан перед законом, защиту неприкосновенности личности и имущества, широкую свободу слова, печати, собраний, вероисповедания и передвижения, свободный выбор занятий, решительную перестройку старого судебного и административного аппарата.

В проекте «Конституции» весьма торжественно декларировалась ликвидация крепостного права. «Крепостное состояние и рабство отменяются, — писал Н. Муравьев. — Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным». Однако помещичье землевладение оставалось неприкосновенным — «земли помещиков остаются за ними». Первоначально Н. Муравьев, как и некоторые другие декабристы, предполагал освобождение крестьян без земли и лишь в последнем варианте предусматривал предоставление бывшим помещичьим крестьянам усадьбы и по 2 десятины пахотной земли на двор. В более выгодном положении оказывались военные поселяне, государственные и удельные крестьяне: они получали все те земли, которыми владели до революции.

Классовая ограниченность проекта Н. Муравьева проявлялась и в вопросе о гражданстве. Далеко не все жители страны пользовались у Н. Муравьева правами граждан. Для того чтобы стать гражданином, т. е. иметь право избирать, необходимо было обладать определенным возрастным, имущественным цензом и цензом оседлости: иметь не менее 21 года от роду, постоянное местожительство, недвижимую собственность в размере не менее 500 руб. или движимую — 1 тыс. руб. серебром, исправность платежа общественных повинностей, не находиться у кого-либо «в услужении». Для того чтобы быть избранным в центральные и местные органы власти или занимать государственные должности, вводился еще более высокий имущественный ценз: для занятия высших государственных должностей необходимо было иметь на 30 тыс. руб. серебром недвижимого или на 60 тыс. руб. движимого имущества. Высокий имущественный ценз устранял от участия в активной политической жизни страны неимущие слои населения.

Россия, по проекту Н. Муравьева, должна была стать федерацией из 14 держав и 2 областей (по второму варианту — из 13 держав и 2 областей) со своими столицами и самостоятельным управлением. Державы делились на уезды (или поветы, которых во всей федерации предполагалось 569), а уезды — на волости (по 500—1500 жителей мужского пола в каждой). Столицей федерации должен был стать Нижний Новгород, переименованный в Славянск. При определении федерального устройства страны Н. Муравьев исходил из хозяйственно-экономических особенностей ее регионов.

Н. Муравьев проводил строгое разделение власти — на законодательную, исполнительную и судебную. Высшим законодательным органом в федерации являлось двухпалатное

Народное вече, состоявшее из Верховной думы (верхней палаты) и Палаты народных представителей (нижней палаты). В Верховную думу избиралось 42 депутата (по 3 от каждой державы и по 2 от области), в Палату народных представителей — 450 депутатов (по 1 депутату от 50 тыс. жителей мужского пола). Депутаты в обе палаты избирались на шестилетний срок, при этом каждые два года $\frac{1}{3}$ депутатов переизбиралась. Законодательным органом в державе являлось Державное вече, состоявшее также из двух палат: Державной думы и Палаты выборных. Палата выборных состояла из 15—350 депутатов (1 депутат от 10 тыс. жителей мужского пола), число членов Державной думы составляло $\frac{1}{3}$ членов Палаты народных представителей. Державное вече избиралось на 4 года, при этом четвертая часть его состава ежегодно переизбиралась.

Высшая исполнительная власть в федерации принадлежала, по проекту Н. Муравьева, императору. Он являлся верховным главнокомандующим, мог вести переговоры с другими странами, назначать с согласия Верховной думы послов и консулов, судей верховных судебных мест и министерств. Император мог отсрочить введение закона, вернув его в Народное вече для вторичного рассмотрения (т. е. обладал так называемым правом «суспенсивного вето»). При вступлении на престол император должен был приносить присягу в верности и защите конституции. Император объявлялся «верховным чиновником Российского правительства» с высоким окладом «жалованья» (8 млн. руб. в год), на которое он мог содержать свой двор. Однако придворные, как находившиеся «в услужении», лишались права занимать государственные должности. Императору запрещалось покидать пределы своей страны.

Исполнительную власть в державе, по «Конституции», осуществляли державный правитель, его наместник и совет, назначаемый на 3 года Народным вечем. Распорядительная и исполнительная власть в уезде вручалась выборному тысяцкому.

По проекту Н. Муравьева, вместо старого суда вводился гласный суд с присяжными, адвокатурой, состязательностью сторон. Вводился принцип выборности и несменяемости судей. Высшим судебным органом федерации предусматривалось Верховное судилище, в державах — Державное, а в уездах — Уездное судилище. Низшей судебной инстанцией являлся волостной совестный суд. Военные поселения ликвидировались. Рекрутские наборы заменялись всеобщей воинской повинностью.

«Конституция» Н. Муравьева, как и проект П. И. Пестеля, предполагала полную ликвидацию феодально-крепостнического строя в России.

ТАЙНЫЕ ДЕКАБРИСТСКИЕ ОБЩЕСТВА В 1824—1825 ГГ. РАЗРАБОТКА ПЛАНА ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ. 1824—1825 годы — наиболее напряженный период в деятельности декабристских организаций. Быстро росло число их членов. Встал вопрос о непосредственной подготовке военного восстания.

Весной 1824 г. во время приезда в Петербург П. И. Пестеля велись переговоры об объединении обоих обществ и координации их действий в предстоящем восстании. Пестель добивался объединения «Северного» и «Южного» обществ на идейной платформе «Русской правды». Проект Пестеля вызвал бурные споры в «Северном» обществе, руководство которого выступало против предлагаемого Пестелем введения диктатуры временного революционного правительства, его аграрного проекта с «разделением земель», отстаивало идею учредительного собрания и федеративный принцип устройства будущей России. Результатом петербургских переговоров явились решение о необходимости совместного выступления обоих обществ, намечавшегося на лето 1826 г., и выработка общего конституционного проекта.

В конце 1824 г. на юг, в Киев, приехал один из «директоров» «Северного» общества С. П. Трубецкой, который вел переговоры с руководителем Васильковской управы «Южного» общества С. И. Муравьевым-Апостолом о конкретном плане совместного выступления.

Общий «план действий», разработанный декабристами, заключался в следующем. Предполагалось начать революцию в Петербурге: «яко средоточии всех властей и правлений», восстанием гвардии и флота, изгнать членов императорской фамилии «в чужие края» (за исключением императора, который должен находиться под арестом), созвать Сенат, «дабы чрез него обнародовать новый порядок вещей». На периферии, в армии и губерниях должны быть оказаны содействие и поддержка восстанию в столице. Это было «главнейшее мнение». Руководство Василь-

ковской управы «Южного» общества выдвигало и другой план революционного переворота — начать восстание не в Петербурге, а на периферии: во время царского смотра войск убить царя, после чего издать две прокламации — к войску и народу, двинуться на Киев и Москву, присоединяя к себе войска. Васильковская управа пыталась даже трижды реализовать этот план: во время царских смотров войск в 1823 г. в Бобруйске, в 1824 и в 1825 гг. в Белой Церкви,—но по настоянию Пестеля отказалась от своего замысла.

В 1825 г. в результате переговоров между представителями «Южного» и «Польского патриотического» обществ было достигнуто соглашение о поддержке выступления декабристов со стороны польских революционных сил.

В августе—сентябре 1825 г. во время летних лагерных сборов в местечке Лещине близ Житомира в состав «Южного» общества влилось «Общество соединенных славян». Начало этой организации положило основание в 1818 г. в местечке Решетиловке Полтавской губернии братьями Андреем и Петром Борисовыми «Общества первого согласия», преобразованного затем в «Общество друзей природы». Члены этого еще сравнительно небольшого кружка своей первоначальной задачей ставили «усовершенствование себя в науках, художествах и добродетели».

В 1823 г. братья Борисовы в Новоград-Волынске, где стоял их полк, познакомились с политическим ссыльным Юлианом Люблинским, человеком образованным и имевшим большой опыт конспиративной деятельности. Совместно они определили организационные принципы и основные программные положения новой организации, получившей отныне название «Общество соединенных славян». В программных документах «Общества» — «Правилах» и «Клятвенном обещании» — выдвигались требования бороться против крепостничества и всякого деспотизма, за создание республиканской демократической федерации славянских народов. Будущее общественное устройство члены «Общества соединенных славян» мыслили как всеобщее гражданское равенство. Объединившись с «Южным» обществом, «соединенные славяне» составили в нем особую Славянскую управу, в которой насчитывалось к концу 1825 г. 52 члена. В основном это были выходцы из мелких дворян, занимавшие низшие офицерские посты в армии и жившие на небольшое армейское жалованье.

В конце 1825 г. члены «Южного» общества развернули агитационную работу среди солдат с целью подготовки их к предстоящему выступлению. Агитация велась через доверенных унтер-офицеров и в особенности через бывших семеновских солдат, которых немало было распределено по полкам, стоявшим на Украине. Солдатам прямо говорилось о предстоящем восстании и «перемене правительства», в результате чего «убавят им лета их службы», прибавят жалованье, уменьшат строгость, через которую они «так мучимы бывают». Агитация встречала горячий отклик со стороны солдат, недовольных аракчеевскими порядками в армии.

3. ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ. СЛЕДСТВИЕ И СУД. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

ВОССТАНИЕ 14 ДЕКАБРЯ 1825 Г. Выступление декабристов, намеченное на лето 1826 г., было ускорено неожиданной смертью Александра I в Таганроге 19 ноября 1825 г. Декабристы решили воспользоваться благоприятным моментом смены царя — брат царя Константин отказался от престола.

Выступление назначили на 14 декабря — день, когда предстояло присягать новому царю Николаю I. Накануне 14 декабря на квартире К. Ф. Рылеева после продолжительных и горячих обсуждений был выработан окончательный план восстания. Декабристы решили вывести восставшие войска на Сенатскую площадь и принудить Сенат, помешав его присяге Николаю I, объявить введение конституционного правления. Они хотели использовать Сенат как наиболее авторитетный орган старого государственного аппарата, чтобы придать «законную» форму революционному перевороту. Предполагалось захватить Петропавловскую крепость, Зимний дворец, арестовать царскую семью. Диктатором восстания был избран С. Трубецкой.

От имени Сената декабристы рассчитывали обнародовать составленный ими «Манифест к русскому народу», в котором провозглашались «уничтожение бывшего правления», т. е. самодержавия, ликвидация крепостной зави-

Восстание на Сенатской площади. 14 декабря 1825 г. *К. И. Кольман.* Масло. 1830

симости крестьян, рекрутчины, телесных наказаний, военных поселений, отмены подушной подати и недоимок, сокращение солдатской службы с 25 до 15 лет, уравнение в правах всех сословий, введение выборности центральной и местных органов власти, суда присяжных с гласным судопроизводством, свобода слова, занятий, вероисповеданий. По разработанному декабристами плану в Петербурге предполагался затем созыв Великого собора, в состав которого должны были войти по 2 представителя каждого сословия от каждой губернии. Великому собору предстояло определить «тот образ правления, который общим мнением признается полезнейшим и для всех благодетельным», и принять соответствующую конституцию. Собрать Великий собор намечалось через три месяца после восстания, т. е. к середине марта 1826 г. До этого власть в стране вручалась временному правительству, в которое должны были войти наиболее видные декабристы, а также авторитетные и уважаемые декабристами государственные деятели — М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов.

Ранним утром 14 декабря 1825 г. декабристы уже были в своих воинских частях. К 11 часам утра первым на Сенатскую площадь прибыл лейб-гвардии Московский полк, предводительствуемый Александром и Михаилом Бестужевыми и Д. А. Щепиным-Ростовским. Полк построился в боевой четырехугольник (каре) около памятника Петру I. К часу дня к восставшим присоединились матросы гвардейского морского экипажа под командой Николая Бестужева, а вслед за ними — лейб-гвардии гренадерский полк, который привели поручики Н. А. Панов и А. Н. Сутгоф. Всего на площади собралось 3 тыс. солдат и матросов при 30 офицерах. Однако диктатор восстания С. П. Трубецкой не явился на площадь, и восстание фактически осталось без руководства.

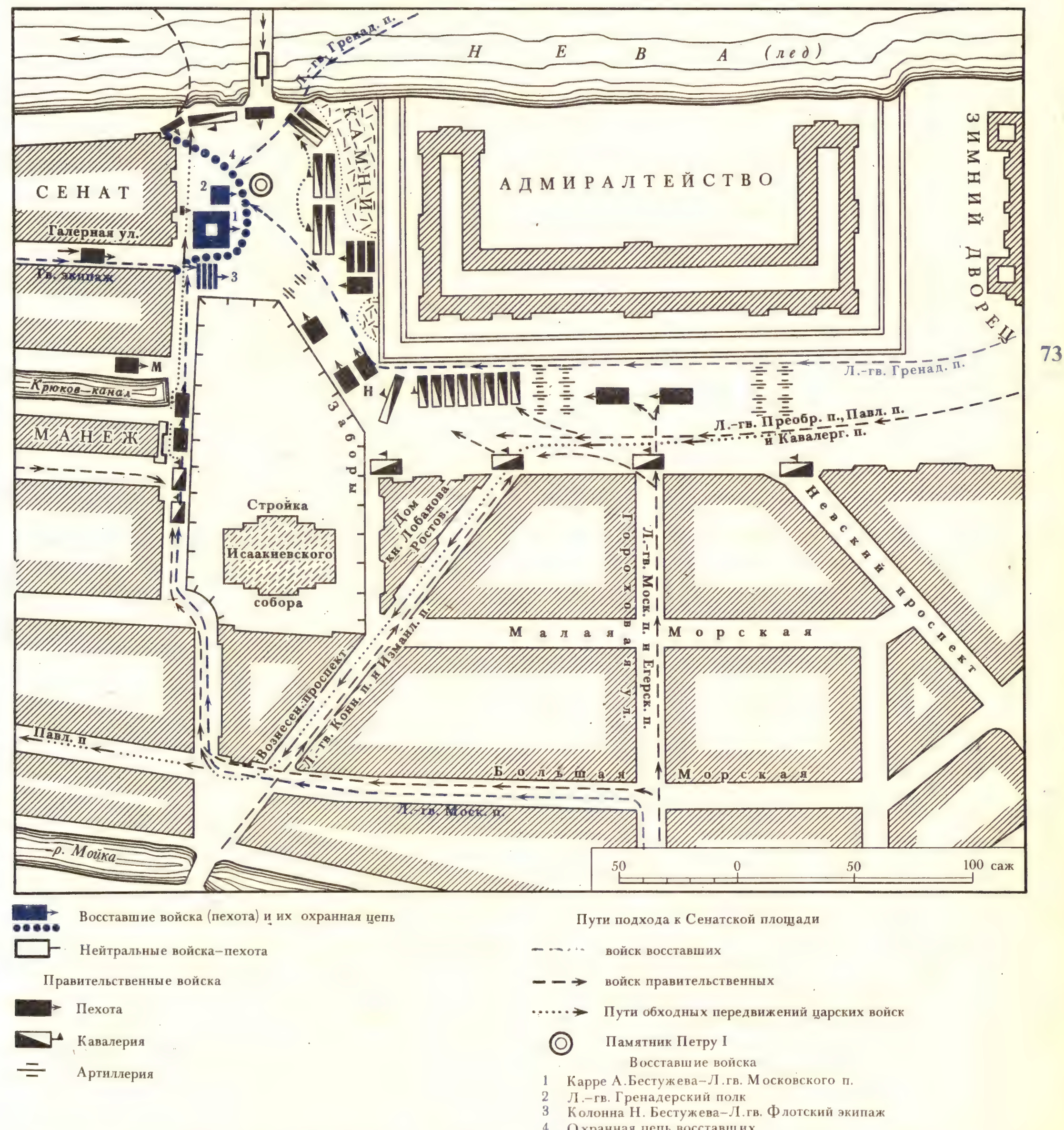
Весть о начале восстания быстро облетела весь город. Толпы народа ринулись к месту восстания. По свидетельству современников, на Сенатской площади и на прилегающих к ней улицах собралось до 30 тыс. человек, в основном простой люд Петербурга. Народные массы, выражая явное сочувствие восставшим, набрасывались на полицию, пытавшуюся их разогнать, и разоружали ее, кидали в Николая I и его свиту камни и поленья.

Командование присягнувших Николаю I войск сначала пыталось воздействовать на восставших уговорами. С этой целью генерал-губернатор Петербурга М. А. Милорадович объезжал строй восставших, но был смертельно ранен П. Г. Каховским.

Николай I стянул против восставших 9 тыс. солдат пехоты и 3 тыс. конных. Дважды конная гвардия атаковала каре восставших, но обе атаки были отбиты беглым ружейным огнем. Николай I не без основания опасался того, что правительственные войска были сочувственно настроены по отношению к восставшим. Декабристы свидетельствовали, что со стороны окружающих их полков приходили парламентеры и просили «держаться до вечера», обещая присоединиться к восставшим. Николай I, боясь, что с наступлением темноты «бунт мог сообщиться черни», отдал приказ применить артиллерию. Залпы картечи произвели сильное опустошение в рядах восставших и обратили их в бегство. Восстание было разгромлено.

ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА. Две недели спустя, 29 декабря 1825 г.,

ВОССТАНИЕ 14 ДЕКАБРЯ 1825 Г. В ПЕТЕРБУРГЕ

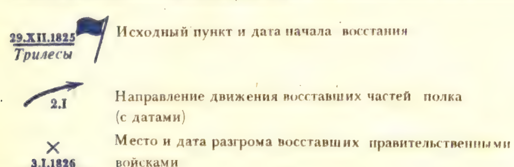

началось восстание Черниговского полка, расположенного в районе города Василькова. Его возглавил С. И. Муравьев-Апостол. Это восстание началось в тот момент, когда членам «Южного» общества стало известно о разгроме восстания в Петербурге и когда уже были арестованы П. И. Пестель и ряд других видных деятелей «Южного» общества.

Восстание началось в селе Трилесы (Киевской губернии) — здесь находилась одна из рот Черниговского полка. Отсюда С. Му-

ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА НА УКРАИНЕ (СХЕМА ДВИЖЕНИЯ ПОЛКА 29.XII. 1825—3.I.1826 Г.).

Васильков 30-31.XII
Мотовиловка 1-2.I
Фастов
Фастовец
Марьяновка 2.I
Средняя слобода
29.XII.1825
Трилесы
3.I.1826
Ковалевка 29-30.XII
Устимовка 3.I
Пологи 2-3.I

равьев-Апостол походным порядком направился в город Васильков, где стояли и другие роты этого полка. В течение трех дней он собрал под свою команду 5 рот Черниговского полка в составе 970 солдат при 8 офицерах. С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин еще ранее составили революционный «Катехизис», предназначенный для распространения в войске и народе. Этот документ, написанный в форме вопросов и ответов на основе текстов Священного писания, в доходчивой для солдат и крестьян форме доказывал необходимость уничтожения монархической власти и установления республиканского правления. «Катехизис» был прочтен восставшим солдатам, некоторые его экземпляры распространены в других полках, среди местных крестьян и даже посланы в Киев.

В течение недели С. Муравьев-Апостол совершал рейд по заснеженным полям Украины, надеясь на присоединение к нему других полков, в которых служили декабристы. На всем пути своего следования восставший Черниговский полк встречал сочувственное отношение со стороны местного крестьянства. Между тем надежда восставших на присоединение к ним других воинских частей не оправдалась. Командованию удалось изолировать Черниговский полк, отводя с его пути все те полки, на присоединение которых рассчитывал С. Муравьев-Апостол. Одновременно вокруг района действий Черниговского полка были сосредоточены крупные силы верных правительству войск. 3 января 1826 г. между деревнями Устиновка и Ковалевка правительственные войска встретили Черниговский полк и расстреляли его картечью.

В конце 1825 — начале 1826 г. имели место еще две попытки передовых офицеров поднять военное восстание. 24 декабря 1825 г. произошло выступление в Литовском пионерном батальоне, стоявшем в городе Белостоке. Его возглавляли члены «Общества военных друзей» (общество было связано с декабристской организацией — «Северным» обществом) капитан К. Г. Игельстром и поручик А. И. Вигелин, которые намеревались поднять и другие расквартированные в этой местности воинские части. Батальон отказался присягать Николаю I, но командованию удалось предотвратить начавшееся волнение в войсках. 39 членов «Общества военных друзей» и 144 солдата предстали перед военным судом.

Вторая попытка была предпринята 6 февраля 1826 г. в Бобруйске в Полтавском пехотном полку членом «Общества соединенных славян» С. И. Трусовым. Во время смотра полка Трусов с обнаженной шпагой обратился к солдатам с призывом «броситься в штыки», чтобы добыть «вольность и независимость» от царя-тирана. Трусова немедленно взяли под стражу, а уже заколебавшуюся солдатскую массу удалось быстро привести в повиновение.

СЛЕДСТВИЕ И СУД НАД ДЕКАБРИСТАМИ. К следствию по делу декабристов было привлечено 579 человек. Полгода работала следственная комиссия в Петербурге. Следственные комиссии были образованы также в Белой Церкви, Могилеве, Белостоке, Варшаве и при некоторых полках. Виновными были признаны 289 человек, из них 121 человек предан Верховному уголовному суду, который разделил их по степени вины на 11 разрядов. «Вне разрядов» Верховный уголовный суд поставил Рылеева, Пестеля, С. Муравьева-Апостола, М. Бестужева-Рюмина и Каховского: их приговорили к четвертованию, замененному повешением. 88 человек царский суд осудил на различные

сроки каторжных работ, 19 человек — к ссылке в Сибирь, 9 офицеров разжаловал в солдаты. К различным мерам наказания — от каторжных работ до разжалования в солдаты — были приговорены более 40 декабристов, которых судили другие суды. Около 120 человек понесли наказания по личному распоряжению Николая I, без суда: посажены в крепость на срок от полугода до 4 лет, разжалованы в солдаты, переведены в действующую армию на Кавказ, отданы под надзор полиции.

Особые комиссии рассматривали «дела» солдат, участвовавших в восстании: 178 солдат прогнали сквозь строй через 1000 человек от одного до двенадцати раз, 23 человека наказаны палками и розгами. Из остальных участников восстания сформировали сводный гвардейский полк в составе 4 тыс. человек, который был отправлен в действующую армию на Кавказ.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ. Классовая ограниченность декабристов, проявившаяся в их непоследовательности, колебаниях, но главное — в оторванности от народных масс, даже в боязни стихии народного восстания, в стремлении произвести революционный переворот хотя и во имя народа, но без активного участия народных масс, была одной из главных причин их поражения. «Узок круг этих революционеров, — указывал В. И. Ленин.— Страшно далеки они от народа»[1]. Но узость круга декабристов, оторванность их от народа обусловливались не только их дворянской ограниченностью. В. И. Ленин указывал и на объективные факторы данного явления. Крепостная Россия тогда была «забита и неподвижна». Широкого массового движения, на которое революционеры могли бы опереться, не было. Поэтому с протестом против самодержавия и крепостничества выступило «ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа»[2].

Восстание декабристов — кульминация и вместе с тем итог декабристского движения, которое имеет огромное историческое значение. Подготовленное десятилетием становления и развития тайных декабристских обществ, восстание 14 декабря 1825 г. явилось серьезным экзаменом его руководителям и

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 398.

участникам, их революционным возможностям. Именно этим событием В. И. Ленин датирует начало революционного движения в России. Хотя декабристы и потерпели поражение, «но их дело не пропало»[1]. В. И. Ленин отмечал большое историческое значение и тех революционных выступлений, которые терпели поражения. Говоря о «величайшем самопожертвовании» русских революционеров в 1825—1881 гг., он указывал, что «эти жертвы пали не напрасно... они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа»[2].

Декабристские традиции сыграли огромную роль в идейном воспитании новых поколений русских революционеров. «Декабристы, — писал В. И. Ленин, — разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли»[3].

Основные программные положения декабристов — ликвидация самодержавия, крепостничества, сословного строя, введение республики и другие — отражали насущные потребности времени. Взятые на вооружение и развитые новыми поколениями русских революционеров, они сохраняли свое значение на всех трех этапах русского освободительного движения, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Значителен вклад декабристов в развитие передовой русской культуры. Идеи декабристов оказали огромное воздействие на творчество А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, А. И. Полежаева. Среди самих декабристов были выдающиеся писатели и поэты, ученые и художники, крупные военные деятели. Сосланные на каторгу и в ссылку, они не изменили своим убеждениям, находились в курсе всех общественно-политических событий как в России, так и за рубежом, они внесли крупный вклад в развитие культуры и просвещения народов Сибири.

Восстание декабристов, несмотря на его поражение, оказалось сильным потрясением для

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

Николая I, его вельмож и сановников, которые, как писал В. И. Ленин, постоянно «помнили 14-ое декабря 1825 г.» [1].

ГЛАВА 6
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ (1825—1855 ГГ.)

1. ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ. НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ I

76 **НИКОЛАЙ I И ЕГО ПРОГРАММА.** Тридцатилетие царствования Николая I (1825—1855) — это период наивысшего могущества самодержавной власти в России.

Николай I вступил на престол тридцати лет. Он получил обычное для великих князей дома Романовых домашнее образование. Для преподавания права, государствоведения и политэкономии к нему были приглашены лучшие профессора того времени, однако серьезных, прочных знаний он не приобрел, ибо питал отвращение к «отвлеченным» наукам, которое сохранил на всю жизнь.

Еще в царствование Александра I, занимая различные командные должности на военной службе, он проявил себя как педантичный, жестокий и грубый человек, хваставшийся тем, что «вгонит в чахотку всех философов». Он был, по описанию современников, «солдат по призванию, солдат по образованию, по наружности и по внутренности». Военные экзерциции, парадомания всю жизнь оставались господствующей страстью Николая. «Развлечения государя со своими войсками, — писал А. Х. Бенкендорф, главный начальник III Отделения, — по собственному его признанию — единственное и истинное для него наслаждение».

Милитаризация государственного строя везде являлась следствием развития абсолютизма с его постоянной тенденцией к усилению мощи верховной власти, к политической централизации, к регламентации всех сторон общественной жизни. Эти тенденции наблюдались уже в деятельности Павла с его Гатчинскими казармами, Александра I с военными поселениями. В отличие от своего старшего брата Александра, царствовавшего в бурную эпоху внешних катаклизмов, когда приходилось лавировать и приспособляться, в Николае вырабатывалась более примитивная, прямолинейная, более цельная в своей односторонности натура. Для него армия — не только самый мощный инструмент власти, но и идеал общественной организации. На протяжении всего долгого царствования этот идеал последовательно осуществлялся.

Крепостническое дворянство, оставаясь господствующим классом и единственной социальной опорой самодержавной власти, попадало во все большую экономическую и политическую зависимость от нее. Новый же класс — буржуазия — еще не сложился, не оформился в самостоятельную социальную силу и не мог претендовать на политическую роль. Самодержавие в таких условиях приобретало большую самостоятельность, оставаясь органом господства дворянского класса в целом.

Два фактора сыграли важную роль в определении политической концепции Николая I как самодержавного монарха и его правительства. После поражения Наполеона и Венского конгресса значительно усилилась роль российского самодержавия в европейской международной политике. Самодержавие, добровольно взяв на себя функции «жандарма Европы», стало защитником всех европейских монархов от их народов. Это создавало иллюзию всемогущества российского царизма.

Довольно быстрое подавление восстания 14 декабря 1825 г., которое рассматривалось самодержавием как ответвление общеевропейского заговора, усилило позиции самодержавного правительства, самодовольство Николая I, его упоение властью. Отсюда тот воинственный тон, который проявлял русский самодержец при любом революционном выступлении в Европе. После подавления восстания декабристов Николай заявил: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока... я буду императором». Эти слова стали лейтмотивом всего его царствования.

Жестокая расправа над декабристами, в которой сам император принимал непосредственное участие в качестве следователя и судьи, положила начало тридцатилетнему походу российского самодержавия не только против революционного движения, но и про-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

тив любого проявления свободомыслия, любой даже самой умеренной критики существовавших порядков.

Сохранение и укрепление самодержавного государственного строя и той структуры общественных отношений, на которой этот строй зиждился, стало целью и основным направлением внутренней политики. Материал, выявленный в процессе следствия над декабристами, дал возможность царскому правительству увидеть серьезные недостатки в государственном устройстве. По приказу царя был составлен свод показаний «злоумышленников 14 декабря» «о внутреннем состоянии государства», в котором, по существу, намечалась широкая программа преобразований. Однако выводы из этой программы правительство сделало чрезвычайно узкие. В своем манифесте по случаю коронации, признавая необходимость «усовершенствований и улучшений», царь призывал все слои населения, и прежде всего дворянство, полностью довериться правительству и способствовать ему во всех его «благих» начинаниях. Только сама самодержавная власть может быть инициатором каких-либо улучшений и преобразований. Общество, подданные должны с доверием относиться к этим начинаниям и беспрекословно выполнять волю верховной власти. Однако в период царствования Николая I полностью раскрылось внутреннее бессилие этой власти в решении тех внутриполитических задач, которые стояли перед страной.

КОМИТЕТ 6 ДЕКАБРЯ 1826 Г. После расправы над декабристами, под впечатлением их критики российской действительности и с целью успокоения общественного мнения был создан первый секретный комитет (Комитет 6 декабря 1826 г.), перед которым Николай I поставил задачу рассмотреть бумаги Александра I, с тем чтобы «обозреть настоящее положение всех частей управления» и определить, «что ныне хорошо, чего оставить нельзя и чем заменить». Комитет возглавил председатель Государственного совета, опытный и осторожный администратор В. П. Кочубей, а одним из активных его членов стал М. М. Сперанский, конституционные «мечтания» которого давно исчезли, а его знания, работоспособность, вера в форму и законодательную деятельность правительства привлекли симпатии царя.

Комитет 6 декабря регулярно работал 4 года. Его предложения о реформе центральных органов власти исходили из идеи «разделения властей», однако не для ограничения самодержавия, а для его упрочения путем более четкого размежевания функций между различными ведомствами. Проекты реформы местной администрации свелись к усилению контроля над ней как со стороны смежных ведомств, так и со стороны центральных органов власти. Разработанный комитетом проект закона «о состояниях» носил откровенно продворянский характер: предлагалось упразднить положение петровской «Табели о рангах» о получении дворянского звания по выслуге (чего упорно добивалось родовитое дворянство еще в XVIII в.). Для того чтобы удовлетворить другие сословия, предлагалось ввести промежуточные между дворянством и крестьянством слои — именитых и почетных граждан. В отношении крестьян предлагалось ограничить продажу крепостных без земли. Сам Комитет, характеризуя эти предложения, подчеркивал, что их цель «не в полном изменении существующего порядка управления, но в его усовершенствовании, посредством некоторых частных перемен и дополнений». Тем не менее эти предложения, в которых делалась попытка совместить консервативные начала с некоторыми уступками «духу времени», показались царю слишком широкими, так как они одновременно затрагивали различные стороны общественной и государственной жизни.

Начавшаяся в 1830 г. революция во Франции и Бельгии, восстание в Польше напугали правительство и заставили его отказаться даже от таких умеренных реформ. Это была единственная попытка правительства широко подойти к нуждам государства, внести какие-то изменения общего характера. Попытка окончилась неудачей — она встретила решительное сопротивление крепостников.

2. ПЕРЕСТРОЙКА АДМИНИСТРАТИВНОГО АППАРАТА. БЮРОКРАТИЗАЦИЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ. В государственной деятельности нового правительства с самого начала особенно ярко проявилась одна черта — стремление усилить надзор и контроль над органами власти и создать в связи с этим новые звенья управления, которые создавали

бы возможность для верховной власти более действенно осуществлять регламентацию и опеку над обществом.

Во второй четверти XIX в. быстро разросся новый орган власти — Собственная его императорского величества канцелярия. Раньше это была небольшая личная канцелярия царя со сравнительно небольшим штатом чиновников. В 1826 г. было создано II Отделение этой канцелярии для кодификации законодательства и в том же году возникло III Отделение — орган высшей полиции; через несколько лет появилось IV Отделение — для руководства женскими училищами и благотворительными заведениями. В 30-е годы созданы V Отделение — для проведения ре-

формы государственных крестьян, и VI Отделение — для рассмотрения вопросов по управлению Закавказьем. Каждое отделение являлось по своей структуре и функциям как бы особым министерством, но в отдельных случаях они были гораздо влиятельнее министерств в силу своей близости к императору. Некоторые из этих отделений стояли над министерствами и контролировали их деятельность, другие дублировали министерства, часть их создавалась для решения вопросов, которые казались царю особо важными, а все вместе они представляли органы личной власти императора, призванные усилить ее влияние на все стороны общественной жизни. Рост этих отделений приводил к увеличению чиновничьего аппарата и к дальнейшей бюрократизации государственного управления.

Наряду с Собственной канцелярией численно выросла свита царя. Ее офицеры — генерал-адъютанты, флигель-адъютанты — люди, близкие ко двору и царской семье, доверенные царя, которые выполняли особо важные поручения, осуществляли его личный контроль. «Своих» людей Николай выдвигал на самые крупные и ответственные государственные посты. Это была «личная гвардия» царя, преданная ему, оторванная от общества и стоявшая над ним. В царской свите особенно много было немецких дворян из Прибалтики, чуждых русскому народу, не понимавших его нужд и интересов. Свое предпочтение немцам Николай I цинично объяснял так: «русские дворяне служат государству, а немецкие — мне».

В царствование Николая I выросли количество и роль всевозможных секретных и несекретных межведомственных комитетов и комиссий. Создаваемые для подготовки тех или иных реформ и законопроектов, непосредственно подчиненные самому царю, они во время своей деятельности приобретали административное значение, вторгались в компетенцию различных министерств, внося путаницу в административную деятельность и приводя к разложению министерской системы управления. Этому способствовало и то, что на ответственных постах царь предпочитал иметь не государственных деятелей (таких были единицы, например министр просвещения С. С. Уваров, министр финансов Е. Ф. Канкрин, министр государственных имуществ П. Д. Киселев, да и от них Николай в конце концов избавился), а аккуратных чиновников-исполнителей, не имевших собственных взглядов и программ. Последнее обстоятельство также способствовало падению роли министерств. Понизилась роль Государственного совета как законосовещательного органа, упала роль Сената как органа надзора — личная канцелярия, свита царя, комитеты узурпировали его функции и власть.

В целом верховное управление перестраивалось в направлении усиления личного влияния царя на все стороны жизни общества, дальнейшей централизации, неизбежно принимавшей все более бюрократический характер. С ростом количества чиновников, контор и канцелярий росло и бумажное делопроизводство: начальственное предписание и распоряжение становилось основным средством управления.

На таких же началах перестраивалось и местное управление. Выросли чиновничьи штаты губернского правления, которые утратили свой коллегиальный характер и были всецело подчинены губернатору. Власть губернатора расширялась, но он полностью подчинялся Министерству внутренних дел. Городское самоуправление подчинялось местной администрации. В общую систему государственной администрации все более входило и дворянское самоуправление, увеличивались штаты земской и городской полиции, выросли ее всевластие и произвол. Бюрократизация провинциальной власти вслед за бюрократизацией центрального управления — характерная черта этого времени. Чиновник стал важнейшей фигурой провинциальной жизни, оттеснив на задний план сановную знать, если только она не была не государственной службе.

Стремление усилить ответственность администрации путем мелочной регламентации дало обратные результаты. Попытка печатания Свода министерских отчетов с целью усилить контроль над администрацией, предпринятая в начале 30-х годов, была оставлена из-за боязни того, чтобы это не воспринялось как «отчет самого царя своему народу», в случае чего именно на него мог бы «обратиться суд публики» и «не всегда благовидные тайны правительства» могли бы быть «подвергнуты мелочной критике и порицанию». В результате росли произвол, безответственность чиновников, бумажная волокита, запущенность делопроизводства.

Уже в 40-х годах проявлялись негативные последствия бюрократизации управления. Рассказывалось о случае, когда царь потребовал привезти из Москвы в Петербург судебное дело, тянувшееся десятилетиями. Оно было отправлено на 40 подводах и по дороге пропало — не нашли ни дела, ни подвод. Самые плачевные результаты дала ревизия в 1842 г. петербургского надзорного суда, помещавшегося против окон царского кабинета: тысячи нерешенных дел, невыполненных распоряжений и указов, запущенность финансовой отчетности и т. д. Обвиненный в этом генерал-губернатор Петербурга оправдывался в Государственном совете тем, что «во всех здешних судах такие же беспорядки... в управе благочиния, может статься, еще хуже». Действительно, в провинции дела обстояли намного хуже.

КОДИФИКАЦИЯ. Кодификация русского законодательства, проведенная в начале нового царствования, также не привела к установлению законности и порядка, т. е. к тому, что обещал царь в своем первом манифесте. Русские правительства XVIII— начала XIX в. (Елизаветы, Екатерины II, Александра I) ставили перед собой задачу создать новое «Уложение» вместо устаревшего «Соборного уложения» 1649 г. Однако решить ее не могли — отсутствие подготовленных кадров, традиция, рутина, невозможность для самодержавия затронуть устои своей власти препятствовали этому. Николай I взял выполнение этой задачи под свой контроль. В 1826 г. с этой целью создается II Отделение собственной канцелярии царя, а непосредственное исполнение поручается М. М. Сперанскому.

Первоначально Сперанский поставил перед собой весьма серьезную задачу: собрать законы, издать их и на этой основе создать новое действующее законодательство. Однако царь ограничил ее: собрать все известные законы, издать их в хронологическом порядке и выбрать из них действующие законы. Сперанский провел огромную работу по выявлению, сбору и публикации всех законов. В 1830—1832 гг. было издано 45 томов «Полного собрания законов Российской империи», в которое вошло все законодательство, начиная с «Соборного уложения» 1649 г. до 1825 г., и 6 томов законов, принятых при Николае I (с 1825 по 1830 г.). Затем ежегодно публиковались тома принятых законов. Из этой массы законодательных актов Сперанский произвел отбор и классификацию действующих законов. В 1833 г. было опубликовано 15 томов «Свода законов», в котором законы были расположены по тематико-хронологическому принципу. Таким образом, в короткий срок была проведена колоссальная работа, сводившаяся к сбору и систематизации законов. От всякого обновления и улучшения законодательства Николай I решительно уклонялся, поэтому ничего нового в политическую и социальную структуру, в систему управления проделанная работа не внесла. Она была призвана стабилизировать и увековечить традиционную (самодержавную) структуру власти и крепостнических общественных отношений.

III ОТДЕЛЕНИЕ. Поскольку политика нового правительства приняла с самого начала репрессивный характер, особое внимание было обращено на расширение полицейского аппарата. Еще в ходе следствия над декабристами генерал А. Х. Бенкендорф представил царю свою записку о создании министерства полиции. Однако Николай I пошел по другому пути. Оставив департамент «полиции исполнительной» в составе Министерства внутренних дел и расширив штаты этой полиции, он создал специальное III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии как орган высшей политической полиции. Подчинив эту полицию лично себе, он стремился, с одной стороны, усилить свое влияние на общество и управление, а с другой — поднять авторитет этой полиции, «облагородить» полицейскую деятельность, к которой и «дворянское общество», и народ всегда относились отрицательно.

Во главе III Отделения был поставлен Бенкендорф, зарекомендовавший себя как один из самых усердных следователей по делу декабристов. Он стал наиболее доверенным

лицом царя, представлял ему ежедневные доклады и постоянно сопровождал его во всех поездках. Функции III Отделения были определены очень широко: дела высшей полиции, дела по сектам и расколам, высылка подозрительных лиц, постановления об иностранцах и поднадзорных лицах, заведование местами заключения, ведомости о всех происшествиях, статистические сведения полицейского характера, театральная цензура и др. III Отделению был придан корпус жандармов, шефом которого был также назначен Бенкендорф. Несколько позднее всю страну разделили на 5 (позже на 8) жандармских округов во главе с жандармскими генералами и значительным штатом жандармских офицеров, в задачи которых входили наблюдение и слежка за деятельностью чиновников и за частной жизнью всех «обывателей».

Сосредоточив в своих руках огромную (притом тайную) власть, действуя с помощью шпионажа, подкупа, тайных агентов, III Отделение стало, как отмечали современники, «государством в государстве», «злом, которое могло породить только зло». Являясь шпионским центром, оно покрыло сетью своей агентуры всю страну. Агенты проникали во все слои общества, вселяли страх доносами. Любой донос, даже анонимный или явно нелепый, принимался к сведению, расследовался и, как правило, приводил к тяжелым последствиям. Тысячи людей оказались под надзором. Пушкин, Лермонтов, Герцен и многие другие лучшие люди России стали жертвами этого Отделения, призванного «утирать слезы вдовам и сиротам», как лицемерно говорил царь.

3. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

ДВОРЯНСТВО. Заняв охранительную позицию в вопросе о государственной власти, отказавшись от политической реформы, самодержавие взяло на себя решение тех социальных и экономических проблем, которые давно назрели и требовали государственного вмешательства. Однако это вмешательство неизбежно принимало также охранительный характер: поддержание и охранение социальной структуры, на которой выросла и держалась самодержавная власть.

Особую заботу проявило правительство в отношении дворянства — господствующего класса и основной социальной опоры самодержавия. Дворянство оставалось самым мощным — и экономически и политически — классом. В манифесте от 13 июля 1826 г. Николай I называл дворянство «оградой престола» и призывал его к сотрудничеству и повиновению. В дальнейшем он неоднократно подчеркивал свое благоволение к этому «первейшему сословию», называл себя «первым помещиком».

Однако процесс «засорения» дворянства выходцами из других сословий, дробления дворянских имений, обеднения, задолженности в Опекунском совете и в других кредитных учреждениях зашел уже настолько далеко, что грозил потерей этим сословием тех позиций, которые делали его основной социальной базой самодержавия.

Поэтому прежде всего николаевское правительство предприняло шаги по укреплению дворянского сословия: обедневшие дворяне наделялись государственными землями, их дети бесплатно принимались в специальные дворянские военные и гражданские учебные заведения, сокращались для дворян сроки службы при производстве в чины, правительство щедро выдавало дворянам денежные ссуды на улучшение хозяйства. Пытаясь предотвратить чрезмерное дробление имений, правительство издало в 1845 г. закон о майоратах, который разрешал крупным помещикам объявлять свои имения заповедными, с тем чтобы они не дробились, а оставались собственностью данной дворянской семьи.

Меры по поддержанию дворянского сословия были предприняты в 1845 г. Еще Комитет 6 декабря 1826 г. предлагал давать дворянское звание не за выслугу по службе, не чином, а только царским пожалованием за особые заслуги. Решиться на такую меру правительство не могло — слишком бы это замкнуло дворянство и сузило базу власти; однако в 1845 г. были резко повышены чины, дававшие дворянское звание: звание потомственного дворянина теперь получали чиновники не 8-го класса, а 5-го (или полковники), а личное дворянство — не 12-го класса, а 9-го. Доступ в дворянское звание, таким образом, значительно ограничивался и вместе с тем, как рассчитывал царь, поднимал авторитет государственной службы.

Правительство предприняло меры по повышению авторитета дворянских собраний и усилению их роли в местном управлении.

Законом 1831 г. был значительно повышен имущественный ценз для участия в этих собраниях. Правом голоса теперь пользовались только потомственные дворяне не моложе 21 года, безукоризненного поведения, имевшие недвижимую собственность в данной местности и чин на государственной службе. Избирательным голосом пользовались только дворяне, имевшие в данной губернии не менее 100 душ крестьян и не менее 3000 десятин земли. Более мелкие дворяне должны были складываться до полного ценза и избирать своих представителей в голосовании. Губернские собрания получили право делать представления правительству не только о своих дворянских нуждах, но и по вопросам местного управления. Вместе с тем дворянские собрания были поставлены под еще более бдительный контроль государственных чиновников — губернаторов — и подчинены, как и все местное управление, Министерству внутренних дел. Сама служба по выборам рассматривалась как государственная, а предводители дворянства стали чиновниками высокого ранга.

Регламентация и опека—характерная черта и этих мероприятий правительства. Однако принятые царским правительством меры по укреплению дворянства, разрешению внутренних социальных и экономических проблем успеха не принесли. Крепостное хозяйство, на котором строило свое благополучие дворянство, находилось в стадии разложения, оно исчерпало свои экономические возможности и не давало простора развитию производительных сил. Меры правительства лишь задерживали этот процесс, но остановить его не могли. Перед ним неизбежно вставал главный социальный вопрос того времени — вопрос о крепостном праве.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС. Во время царствования Николая I не прекращались волнения среди крестьян, задавленных крепостным правом.

Самодержавие, утверждая свое всевластие, стремилось поставить все население в зависимость от себя. То, что половина крестьянского населения не была подвластна царю и его чиновникам, а являлась полной собственностью помещиков, противоречило этой тенденции. Законодательная мысль развивалась в направлении некоторого ослабления зависимости крестьян от помещика с усилением правительственной опеки над жизнью деревни, при этом помещики должны были выступать правительственными агентами, действовавшими на основании определенных законоположений и регламентов.

Николаевское правительство приняло ряд мер по ограничению личной зависимости крепостных от помещиков; при этом внимание обращалось на наиболее одиозные проявления крепостничества, когда оно переходило в рабовладение.

В 1827 г. было запрещено отдавать крепостных крестьян на заводы. В 1828 г. ограничено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь по своему усмотрению. С 1833 г. запрещалось продавать крестьян с публичного торга с раздроблением семей, дарить их или платить ими частные долги (с раздроблением семей и без земли). В 1841 г. дворянам, не имевшим имений, запретили покупать крестьян без земли. В 1845 г. помещики получили право отпускать дворовых на волю без земли по обоюдному договору. В 1847 г. крестьяне получили право выкупа на свободу при продаже имений с публичного торга (позднее это право было ограничено необходимостью получить согласие помещика, а затем фактически отменено). В 1848 г. крестьянам с согласия помещиков разрешили приобретать недвижимую собственность. В 1853 г. правительство издало указ, запрещавший сдачу в аренду населенных имений. Наконец, в 1845—1846 гг. были приведены в систему и определены юридически нормы наказаний крестьян помещиками. Все эти мелкие, паллиативные меры, иногда повторявшие старые, забытые законы, призванные лишь несколько регламентировать крепостное право, часто носили рекомендательный характер и ни в коей степени не решали проблему крепостного права.

Были попытки и более общего подхода к решению этой проблемы. Не доверяя общественному мнению, николаевское правительство обсуждало этот вопрос келейно, бюрократически — в секретных комитетах, состоявших из крупных чиновников и крепостников. Всего этих комитетов было создано более 10, что само по себе говорит о том, насколько остро стоял крестьянский вопрос. Определенный след в истории оставили два из них — комитеты 1835 и 1839 гг.

«Секретный комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий» 1835 г. поставил перед собой широкую, весьма осторожно сформулирован-

ную задачу — «нечувствительного возведения их (крестьян. — *Авт.*) от состояния крепостного до состояния свободы» — и наметил три этапа этого «возведения»: 1) работа крестьян на владельца ограничивалась тремя днями в неделю (т. е. восстанавливался закон Павла I 1797 г.); 2) крестьяне оставались «крепкими земле», но их работа на помещика четко фиксировалась законом; 3) крестьяне получали право свободного перехода от одного владельца к другому, но земля оставалась собственностью помещиков, крестьяне же могли ее арендовать на определенных условиях по договору с помещиком. Процесс освобождения, таким образом, растягивался на неопределенное время и должен был завершиться безземельным освобождением. Это было не решение, а лишь стремление затянуть его. Работа «Секретного комитета» закончилась безрезультатно.

В 1839 г. был создан новый комитет, в котором большую роль играл один из видных государственных деятелей этого времени — П. Д. Киселев. Это был образованный и либеральный для своего времени человек. Однако он никогда не выходил за рамки официальной идеологии. Киселев считал возможным решить крестьянскую проблему путем правительственной регламентации взаимоотношений между помещиками и крестьянами. По его предложению, правительство решило исправить «неудобные стороны» указа «о вольных хлебопашцах» 1803 г., который обязывал помещиков наделять крестьян землей в собственность при их освобождении от крепостной зависимости. Стремясь сохранить дворянское землевладение и вместе с тем считая невозможным освобождение крестьян без земли, Киселев предложил, чтобы помещики при их освобождении, оставаясь собственниками земли, обязательно наделяли крестьян определенным наделом (который они не могли уже отнять) за выкуп и строго фиксированные повинности (от которых крестьяне не могли отказаться вплоть до полного выкупа). Обязательность этого закона (закон 1803 г. носил рекомендательный характер) вызывала резкие возражения со стороны реакционных членов комитета.

Итогом работы этого комитета был указ 2 апреля 1842 г. «об обязанных крестьянах». Указ 1803 г. «о вольных хлебопашцах» не отменялся, но владельцам (которые «сами сего пожелают») разрешалось «заключать с крестьянами своими по взаимному соглашению договоры на таком основании, чтобы... помещики сохраняли принадлежащее полное право вотчинной собственности на землю... а крестьяне получали от них участки земли в пользование за установленные повинности». Таким образом, указ 1842 г. носил только рекомендательный характер, нормы надела и повинности крестьян всецело зависели от помещика, который сохранял и полную власть над «освобожденным», «обязанным» крестьянином. Практическое значение этого указа невелико — до реформы 1861 г. было освобождено несколько более 27 тыс. крестьян.

Несколько смелее правительство действовало в западнорусских губерниях, где с 1844 г. началось составление «инвентарей», вступивших в силу в Киевском генерал-губернаторстве в 1847 г. Это было описание помещичьих имений с четкой фиксацией размеров земельных наделов крестьян и выполняемых ими повинностей. Инвентарные правила, как отмечали современники, были составлены «грубо и топорно», иногда приводили к ухудшению положения крестьян в силу того, что сами помещики участвовали в их составлении, но это было уже некоторое вмешательство государства во «владельческие права» дворян. Решительность этой меры объяснялась политическими соображениями: помещиками здесь были в основном поляки, находившиеся в оппозиции к русскому правительству, последнее же стремилось заручиться поддержкой украинского и белорусского крестьянства. Однако в северо-западном крае в результате противодействия помещиков «инвентари» так и не были введены.

Единственной крупной мерой государственного значения была реформа государственных крестьян, проведенная в конце 30-х годов XIX в. Государственные крестьяне юридически являлись свободным сословием, однако они находились в полной зависимости от государства: выполняли повинности не в пользу помещиков, а в пользу государства. По 8-й ревизии 1835 г. их было 7,8 млн. человек мужского пола, т. е. они составляли 34% всего податного сельского населения. Положение их было тяжелым: падала доходность хозяйства, росли недоимки; среди этой категории крестьян нередко вспыхивали восстания. Министерство финансов, в ведении которых они находились, смотрело на них лишь с фискальной точки зрения — выбить с них как можно больше налогов. Правитель-

ство решило провести реформу государственной деревни, имея в виду поднять благосостояние крестьян, с тем чтобы те оставались исправными плательщиками налогов, а также подать пример помещикам по управлению их собственными деревнями. Правительство действовало здесь смелее, поскольку его мероприятия в этом вопросе не затрагивали непосредственных интересов дворянства. В 1835 г. было создано V Отделение императорской канцелярии, возглавил которое П. Д. Киселев. Николай называл его «начальником штаба по крестьянскому делу». Была проведена ревизия ряда губерний, которая дала обильный материал к предстоящей реформе.

В 1837 г. было учреждено Министерство государственных имуществ для управления государственными крестьянами. В губерниях создавались палаты государственных имуществ; губернии делились на округа с окружными начальниками и соответствующим штатом чиновников. Волости управлялись волостными сходами, избиравшими волостные правления и волостные судебные расправы для решения мелких судебных дел между крестьянами. Наконец, в сельских обществах избирались старшины, сотские, десятские и пр. Все выборные должности находились под бдительной опекой «казенных» чиновников. Этот громоздкий бюрократический аппарат, вся тяжесть содержания которого ложилась на плечи крестьянства, и призван был руководить жизнью государственной деревни. Государственные крестьяне рассматривались как свободные жители, обрабатывавшие государственную землю и поэтому обязанные выполнять все правительственные предписания и распоряжения.

В государственной деревне был проведен и ряд мероприятий, полезных для крестьян. Малоземельные крестьяне наделялись землей — соответствующий земельный фонд создавался путем переселения крестьян из густо населенных районов; было пересмотрено обложение податями в соответствии с местными хозяйственными условиями; учреждены «вспомогательные ссуды» для мелкого кредита крестьянам; расширена сеть запасных магазинов на случай неурожаев. Принимались также меры по созданию медицинских и ветеринарных пунктов в деревне, увеличению сети низших школ, пропаганде агрономических знаний.

Все эти мероприятия несколько улучшили положение государственных крестьян. Однако чрезмерная централизация, носившая бюрократический характер, привела к тому, что государственная деревня была наводнена потоком инструкций и распоряжений, не учитывавших местные условия; содержание огромной армии чиновников сопровождалось усилением налогового гнета и чиновничьим засильем в деревне.

В целом вся деятельность правительства по решению крестьянского вопроса дала незначительные результаты. Решиться на коренную социальную реформу правительство не могло — это грозило подрывом самодержавного строя. В силу этого царь, его правительство не могли сдвинуть с мертвой точки решение важнейшей проблемы того времени — крестьянской.

ГОРОД И ФИНАНСЫ. Законодательство николаевского правительства в отношении городского населения носило тот же характер застойности и неподвижности. Увеличение городского населения, усложнение городского хозяйства, рост буржуазных элементов в городе правительство пыталось втиснуть в традиционные сословные рамки. Законом 1832 г. вводилось новое сословие — почетные (потомственные и личные) граждане, которые получали некоторые привилегии, освобождались от рекрутской повинности, подушного оклада и телесного наказания. В этот разряд населения входили верхи горожан и низы дворянства. Созданием нового привилегированного сословия правительство стремилось оградить дворянство от наплыва в его среду недворянских элементов, дать отдушину растущим буржуазным слоям и несколько смягчить резкий контраст между «верхами» общества и «простым народом» и вместе с тем вместить буржуазные элементы в рамки старой феодальной организации.

Экономическая и финансовая политика этого времени также носила консервативный характер и всецело диктовалась интересами государственного бюджета. Министерство финансов с 1824 по 1844 г. возглавлял граф Е. Ф. Канкрин — опытный и осторожный финансист, считавший своей основной задачей поддержание выгодного торгового баланса и увеличение доходных статей бюджета. Повышением прямых и косвенных налогов, протекционистским тарифом, восстановлением питейных откупов, девальвацией упавших в цене ассигнаций (т. е. признанием частичного

банкротства государства), введением серебряного рубля как «главной монеты» (1839) и выпуском кредитных билетов, которые свободно обменивались на серебро, правительству удалось на время стабилизировать денежную систему. Однако выйти из финансового кризиса правительство так и не смогло: к концу царствования начали падать в цене кредитные билеты, внешний и внутренний государственный долг значительно вырос.

Консервативная по своим истокам политика тормозила, конечно, развитие новых процессов в экономике. Но они тем не менее пробивали себе дорогу, углубляя кризис всей социально-экономической системы. Военные нужды, необходимость сохранить экономическую независимость государства заставляли правительство проводить такие мероприятия, которые способствовали разрушению натуральности и патриархальности крепостного хозяйства. Протекционистские тарифы, продиктованные фискальными интересами казны, способствовали развитию некоторых отраслей промышленности; строительство шоссейных и железных дорог, необходимых для военных целей, было благоприятно для торговли и промышленности. В этом проявлялась глубокая внутренняя противоречивость всей социально-экономической политики самодержавия в условиях кризиса крепостнической системы.

4. ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЦЕНЗУРА

МЕРОПРИЯТИЯ В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ. Взяв на себя руководство всей общественной жизнью, правительство особое внимание уделяло просвещению и воспитанию юношества.

В мае 1826 г. был создан Комитет по устройству учебных заведений, которому вменялось в обязанность проверить все уставы учебных заведений, выработать единые принципы просвещения, определить набор дисциплин и указать книги, по которым эти предметы должны будут преподаваться. Рескриптом Николая I от 19 августа 1827 г. эта программа еще более конкретизировалась: «предметы учения и самые способы преподавания» должны быть «соображаемы с будущим предназначением обучающихся, чтобы каждый вместе со здравыми для всех общими понятиями о вере, законах и нравственности приобретал познания, наиболее для него нужные... не стремился чрез меру возвыситься над тем состоянием, в коем по обыкновенному течению было ему суждено оставаться».

В соответствии в этими рекомендациями был разработан и утвержден в 1828 г. устав низших и средних учебных заведений. Он сохранил три ступени школы, учрежденные уставом 1803 г., однако резко отделил их друг от друга по сословному составу обучающихся: приходские училища предназначались для «самых низших состояний», уездные — для городского недворянского населения, гимназии — для дворян и чиновников. Первые две ступени — приходские и уездные училища — стали учебными заведениями с законченными курсами обучения для «низших» сословий, переход из них в гимназию был крайне затруднен. Чтобы еще более оторвать гимназию от низших звеньев обучения и сократить домашнее воспитание, которое труднее поддавалось контролю, при гимназиях учреждались дворянские благородные пансионы. Для каждой школы определялись количество преподаваемых предметов и учебные книги, по которым они изучались, причем особое внимание обращалось на религиозное и «нравственное» воспитание.

Таким образом, уже в начале царствования были определены основные принципы правительственной политики в области просвещения: 1) сословность образования — с тем чтобы поддержать сословную организацию общества и затруднить процесс ее разложения; 2) строжайший правительственный контроль над преподаванием: образование должно воспитывать «скромных граждан», которые трудились бы в «видах правительства» каждый на своем поприще. Претворение этих принципов в жизнь и идеологическое обоснование принятой системы просвещения связано с именем министра просвещения С. С. Уварова, управлявшего этим министерством с 1833 по 1849 г. Он сосредоточил в своем лице большую власть — одновременно он был президентом Академии наук, возглавлял цензурное ведомство, подчинял себе многие научные общества и учреждения. Таким образом, все просвещение, наука и литература находились в его ведении. Как отмечали современники, это был образованный человек: в молодости он придерживался либеральных взглядов, но впоследствии всецело поставил себя на службу новому монарху, сформулировав идеологическую программу

царствования в печально знаменитой «теории официальной народности».

В 1835 г. было утверждено новое положение об учебных округах, которое перестраивало управление на принципах бюрократической централизации. Права попечителя значительно расширялись. Все учебные заведения округа были изъяты из подчинения университетам и по всем вопросам, в том числе научным и методическим, стали подчиняться непосредственно попечителю и подчиненному ему чиновничьему аппарату. Программы по всем предметам рассматривались и утверждались Министерством просвещения, причем постоянно шел процесс сужения низшего и среднего образования. Сокращалось преподавание математики, из учебных планов изымались предметы общеобразовательного характера — логика, статистика, т. е. все те предметы, которые не способствовали, по мысли начальства, «нравственно-религиозному» воспитанию и подготовке «послушных орудий» правительства. К концу царствования распространилась практика назначения попечителями учебных округов генерал-губернаторов, которые хотя и не были достаточно образованными, но лучше понимали «виды» правительства и послушнее их выполняли.

В этом же, 1835 г., был принят новый университетский устав, призванный «сблизить наши университеты... с коренными и спасительными началами русского управления». Университеты потеряли значительную долю своей автономии и ставились под обычное бюрократическое руководство министерства и попечителей. Они перестали быть учеными организациями и центрами учебных округов и становились только учебными заведениями, всецело подчиненными высшей бюрократии. Административными и хозяйственными делами ведал теперь не совет университета, а правление, всецело подчиненное попечителю. Университетский суд упразднялся, для наблюдения за студентами вводились должности инспектора и его помощников, которые подчинялись попечителю. Совет сохранял право выбора ректора, деканов и профессоров, однако министр получал право не утверждать избранных, если они были неугодны правительству, а назначать профессоров по своему усмотрению. Поскольку министр широко пользовался своим правом, то университетская автономия фактически сводилась на нет.

В уставе декларировалась возможность получения высшего образования всеми сословиями, однако прием в университеты постоянно ограничивался, а плата за обучение несколько раз повышалась с целью преградить приток в университеты из низов общества. Дети купцов и мещан при поступлении обязаны были представлять увольнительные от соответствующих обществ, а вольноотпущенникам запрещалось поступать в университет, если они не были приписаны к податному состоянию. В 1845 г. значительно повысилась плата за обучение в гимназиях.

Понизился уровень университетского образования. Из учебных планов были исключены такие предметы, как естественное право, философия; юридические и медицинские факультеты все более приобретали прикладной характер, они готовили чиновников и лекарей для практической работы.

Университетская жизнь регламентировалась так же, как и все другие отрасли управления: преподаватели и студенты находились под строжайшим гласным и негласным надзором, всякая попытка преподавателей выйти за рамки пресловутой теории «официальной народности» сурово пресекалась, а преподаватели отстранялись от должности или даже подвергались суровому наказанию. Дисциплинарные проступки студентов карались заключением в карцер, исключением из университета или даже отдачей в солдаты. Подавлялись всякая инициатива, творчество.

Однако приостановить процесс распространения образования даже при такой строгой регламентации оказалось невозможно. Жизнь требовала образованных чиновников, инженеров, агрономов, врачей, учителей, и правительство не могло не откликаться на эти насущные требования. Количество гимназий увеличилось в это царствование с 48 до 74, а число учащихся в них — с 7000 до 18 000. В Петербурге был восстановлен Главный педагогический институт, открыто Высшее училище правоведения для подготовки юристов, Технологический институт готовил инженеров. Был создан Строительный институт, открыты Горыгорецкий земледельческий институт, Межевой институт в Москве и др. Расширена сеть ветеринарных школ. Эти учебные заведения носили узкоутилитарный характер и все до единого находились под бдительным надзором правительственных чиновников. Сократилось количество частных учебных заведений (пансионов), которые

были поставлены под надзор чиновников. Даже домашним наставникам и учителям вменялось в обязанность сдавать соответствующий экзамен, они также считались государственными служащими.

ЦЕНЗУРА. Охранительный и репрессивный характер николаевского правительства ярко проявлялся и в его политике по отношению к печати и литературе. Одной из наиболее действенных «умственных плотин» в руках правительства была цензура, уже в предшествующее царствование проявившая себя как реакционный орган. Однако старый цензурный устав показался недостаточным. В 1826 г. был утвержден новый устав, прозванный за свою реакционность «чугунным».

Этим уставом цензуре поручалось руководить литературой — дать ей «полезное или, по крайней мере, безвредное для блага отечества направление», следить за нравственностью и воспитанием юношества, направлять общественное мнение. 230 параграфов устава детально регламентировали деятельность цензоров, предписывали запрещать «всякое произведение словесности, не только возмутительное против правительства и поставленных от него властей, но и ослабляющее должное к ним почтение». Однако выполнение этих задач оказалось цензуре не по силам. В 1828 г. был издан новый, несколько смягченный устав, который ставил перед цензурой более скромные задачи: быть «как бы таможнею... которая строго наблюдает, чтобы не были ввозимы товары запрещенные». Вместе с тем цензуре придавались полицейские функции — предписывалось сообщать «высшему начальству» о всех запрещенных сочинениях, чтобы ставить их сочинителей под надзор полиции. Однако не цензурный устав уже стал главной опасностью для русской литературы. Право на цензуру получили многие ведомства: Министерство просвещения, возглавлявшее цензуру, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, Святейший синод; создавались местные цензурные комитеты. И над всем этим возвышалось III Отделение, которое не пропускало мимо своего внимания ни одного запрещенного сочинения, ни одного автора, уличенного в крамоле. Эта множественность цензуры привела, как писал один из цензоров, к полному «ниспровержению цензурного устава» и к настоящему цензурному террору. Особое внимание обращалось на массовую литературу и периодическую печать.

В 30-е годы был закрыт ряд литературно-критических и общественно-политических журналов — «Европеец», «Московский телеграф», «Телескоп», «Литературная газета». Открыть новые журналы было чрезвычайно трудно. За напечатание «крамольной», по мнению начальства, статьи авторы, редакторы, цензоры сурово наказывались: разжалование в солдаты, высылка под надзор полиции, гауптвахта стали обычными наказаниями для литераторов. Этот реакционный поход имел тяжелые последствия для русской литературы, однако задавить ее было нельзя. Русская художественная литература, вопреки правительственной политике, приобрела огромное общественное значение именно в это время.

КОНЕЦ ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ I. Революция 1848 г. во Франции, революционные события в Пруссии и Австрии, имевшие отклики во всех европейских странах, вызвали страх и растерянность в правительственной камарилье России. Николай сделал воинственные заявления по адресу революционных событий и двинул армейский корпус в западные губернии в качестве полицейского кордона от «революционной заразы». Он заверял помещиков, что власть их над крестьянами незыблема и что он стоит на ее страже.

Революционные события нашли свое отражение и в России: участились волнения крестьян, особенно в западных губерниях, ожили революционные настроения среди молодежи Петербурга и всей страны. III Отделение и полиция работали с крайним напряжением — малейшее проявление недовольства жестоко каралось.

Новые репрессивные меры принимались против литературы. В 1848 г. был создан временный секретный цензурный комитет во главе с доверенным царя князем А. С. Меншиковым для надзора за журналами и действиями самой цензуры; вскоре он был заменен постоянным комитетом во главе с Д. П. Бутурлиным, действовавшим от имени царя. В обязанность ему вменялось рассматривать изданные сочинения и карать авторов, редакторов и цензоров за уже напечатанные произведения. Новые кары обрушились на русские университеты, которые всегда вызывали подозрения и недовольство властей. Прием в университеты был резко сокращен, плата за обучение повышена, от университетской автономии не осталось и следа. Распро-

странились слухи о полном закрытии университетов. Напуганный министр Уваров инспирировал статью в печати с робкой защитой университетов. Эта статья была признана «неприличной», так как, по заявлению Николая I, «должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе». Уваров получил отставку и был заменен еще более реакционным министром П. А. Ширинским-Шихматовым.

Законодательная деятельность правительства окончательно выродилась в политику преследований и репрессий. В последние годы правления Николая I особенно резко проявилось бессилие власти в решении тех задач, которые она перед собой ставила: ни на шаг не продвинулось решение крестьянского вопроса, разложение сословного строя и дворянства как господствующего класса неуклонно продолжалось, сужая социальную базу самодержавия. Даже экономические и финансовые вопросы правительство решить не могло; к концу царствования снова выросли дефицит в бюджете, внешний и внутренний долг, началось падение ценности кредитных билетов.

Деятельность бюрократической машины, внешне интенсивная, вырождалась в формализм, бумагомарательство, лицемерие. Знаменитый русский историк и современник этих событий С. М. Соловьев писал о николаевской системе: «Фрунтовики воссели на всех правительственных местах, и с ними воцарилось невежество, произвол, грабительство, всевозможные беспорядки. Смотр стал целью общественной и государственной жизни. Все делалось напоказ, для того чтобы державный приехал, взглянул и сказал: «Хорошо! Все в порядке!» Отсюда все потянулось напоказ, во внешность, и внутреннее развитие остановилось. Начальники выставляли Россию перед императором на смотр на больших дорогах — и здесь все было хорошо, все в порядке, а что было дальше — туда никто не заглядывал, там был черный двор».

Николаевская система, основанная на лжи и насилии, заходила в тупик. Террором и репрессиями царю удавалось глушить малейшие проявления недовольства. Однако самодержавие как надстройка феодального базиса исчерпало свои возможности. Иллюзия могущества привела самодержавное правительство к авантюристической, неподготовленной акции во внешней политике. Поражение в Крымской войне 1853—1856 гг. показало бессилие власти даже в области внешней политики, вскрыло все язвы, характерные для крепостнического строя.

ГЛАВА 7
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ИДЕЙНАЯ БОРЬБА В 30—40-Х ГОДАХ XIX В.

1. ИДЕЙНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ 20-Х — В 30-Х ГОДАХ

СПАД ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ. Подавление восстания и жестокая расправа с декабристами вырвала из русского общества наиболее передовую и энергичную его часть. Самодержавие стремилось подавить всякое вольномыслие, рассматривая его как «следы» и «последние остатки» декабристских идей. Правительственный террор затронул все слои населения, вселяя страх, уныние, оцепенение, неверие в возможность лучшего будущего и в возможность борьбы за него. «...Развитие было прервано, — писал А. И. Герцен, — все передовое, энергичное вычеркнуто из жизни, изменилось лицо общества... дрянь александровского поколения заняла первое место»; наступила «проклятая пора эзоповских речей, литературного холуйства, рабьего языка, идейного крепостничества». Разгром движения декабристов породил в известной части общества неверие в возможность преобразования России, отказ от всякой общественной деятельности.

Назревание кризиса феодальной системы ставило перед современниками новые проблемы и новые задачи. Самодержавие пыталось решить их, всемерно поддерживая и консервируя старые устои. Передовые же люди того времени понимали, что задержать общественное развитие невозможно, вредно и что новому нужно не препятствовать, а всемерно поддерживать его. Но каково будет это новое, в каком направлении должно пойти развитие России и как способствовать этому развитию — вот вопросы, на которые прогрессивной мысли того времени предстояло найти ответ.

Восстание декабристов было великим актом гражданского мужества, который вызвал к жизни новое поколение борцов, «разбуженных громом пушек на Сенатской площади». Их не устрашила и свирепая расправа

самодержавия. «С высоты своей виселицы, — писал А. И. Герцен, — эти люди пробудили душу у нового поколения; повязка спала с глаз». Вместе с тем поражение этого движения ставило перед новым поколением задачу освоить и переработать идейное наследие декабристов, осмыслить их опыт, понять ошибки и причины неудачи.

Попытки продолжить традицию декабристов и поиски новой теории, которая осветила бы путь в будущее, — таково главное содержание общественного движения и идейной жизни передового русского общества в последекабристский период.

КОНСЕРВАТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. Самодержавная власть к николаевскому времени принимала все более династический характер, замыкалась в себе, отрывалась от национальной почвы и от общества, становилась представителем и выразителем самых реакционных социальных слоев.

Ослепленный своим «всемогуществом», Николай I мечтал подчинить себе общество, руководить его идейной жизнью, управлять его настроениями. Он считал, что лучшая теория — «добрая нравственность», и дело подданных «не рассуждать», а повиноваться. Однако начальственное «не рассуждать» было уже недостаточно для того, чтобы заставить общество не только повиноваться власти, но и служить ей не за страх, а за совесть. Пресловутая формула «самодержавие, православие и народность», выдвинутая министром просвещения С. С. Уваровым, и должна была служить тем прокрустовым ложем, в которое самодержавие пыталось втиснуть идейную жизнь страны, не допуская никакого отклонения за ее рамки. Главным звеном в этой триаде являлось самодержавие, которое объявлялось основным устоем русской жизни, обеспечивавшим якобы величие и мощь России, отсюда преданность и служба ему объявлялась гражданским долгом всех подданных. Православие считалось основой духовной жизни народа, поэтому православная церковь, подчиненная светской власти, являлась опорой самодержавия. В понятие «народность» вкладывали отсутствие якобы социальной розни в России, «единство» народа и «единение» его с царем. Эта концепция не представляла собой что-либо новое: идея незыблемости самодержавия и православия, якобы вековой приверженности к ним патриархального, послушного народа — все это разрабатывалось и пропагандировалось приверженцами самодержавия еще в предшествующую эпоху и восходило к тем временам, когда абсолютизм только утверждался и нес в себе прогрессивные черты в борьбе с феодальным сепаратизмом.

Однако сведе́ние этих понятий в единую триаду и объявление их последним «якорем спасения» оказалось чем-то новым и свидетельствовало о том, что самодержавие нуждалось в идеологических подпорках. Однако для своего «спасения» оно избрало путь охранения и утверждения старых теоретических представлений, которые в данную эпоху являлись уже анахронизмом: идеология самодержавия исчерпалась предшествующим развитием. Понятие народности, введенное в эту формулу, трактовалось защитниками этой теории в традиционном духе — патриархальность народа, его послушание и приверженность к «основным устоям». Неотъемлемую часть этой теории составлял квасной патриотизм — восхваление существующих порядков и «властей предержащих». Шеф жандармов Бенкендорф выразил эту формулу просто и примитивно: «Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, — оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение». И именно в такой трактовке эта теория насаждалась в школах и университетах, в канцеляриях и гостиных, в церквах и в армии, насаждалась не только школой и верноподданнической литературой, но и кнутом, шпицрутенами, полицейским надзором и тюремным преследованием.

Пропагандистами теории «официальной народности» стали известные журналисты того времени Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч, являвшиеся к тому же нештатными осведомителями III Отделения. Их газета «Северная пчела» — полуофициоз, всячески поддерживаемый властями, — была приспособлена ко вкусам самой неприхотливой части публики и потому пользовалась значительным распространением. На этом же поприще подвизался профессор восточных языков О. И. Сенковский, журнал которого «Библиотека для чтения» был рассчитан на вкусы верхов бюрократии и влиятельных помещиков.

Правящая верхушка пыталась исторически и теоретически обосновать эту теорию, придать ей национальную окраску, вывести «устои» русской жизни из особенностей исторического развития России.

Наиболее обстоятельно эта теория была развита и обоснована в исторических трудах профессора Московского университета М. П. Погодина. Он исходил из противопоставления истории России и стран Западной Европы. В Западной Европе, считал Погодин, государственность сложилась в результате завоевания: «Завоевание, разделение, феодализм... ненависть, борьба, освобождение городов — это первая трагедия европейской трилогии. Единодержавие, аристократия, борьба среднего сословия, революция — это вторая... Борьба низших классов — будущее...» В России, напротив, государство сложилось вследствие не завоевания, а добровольного призвания, поэтому «у нас не было рабства, не было пролетариев, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиции, не было феодального тиранства». В России, писал Погодин, сложился особый тип власти, основанный на «единении» царя и народа. И даже крепостное право у Погодина, который сам был в прошлом крепостным, вызывает умиление, поскольку оно «сохраняет в себе много патриархального»: хороший помещик является «благодетелем» своих крестьян. Сохранение самобытности России — залог того, что и в будущем Россия станет развиваться не путем революций, а «мудрым попечением» самодержавной власти.

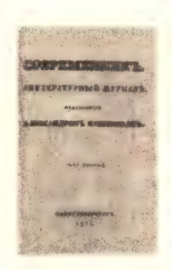
Прямее, проще и воинственнее эту же концепцию проводил профессор литературы С. П. Шевырев, который в своих писаниях резко противопоставлял «разлагающийся и гниющий» Запад, одержимый «злым заразительным недугом, окруженный атмосферою опасного дыхания», нашей «святой Руси», которая крепка «тремя коренными чувствами» — самодержавием, православием и народностью.

Несмотря на то что теория «официальной народности» поддерживалась правительственной властью, ее авторитет и влияние в обществе были невелики. А после революции 1848 г. во Франции, которая нашла широкий отклик в различных кругах русского общества, Николай отказался и от этой теории, и от ее творца, устранив его в отставку. Откровенное насилие, не прикрытое никакими словесными ухищрениями, — таков итог «идеологических» исканий самодержавия в царствование Николая I.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА. ЖУРНАЛИСТИКА. В условиях «рабьего молчания» и «идейного крепостничества» особенное значение приобрела художественная литература, которая и через рогатки цензуры могла сеять идеи добра, справедливости, имевшие огромное значение для воспитания общества. В русской литературе утверждался реализм, т. е. правдивое отображение жизни в ее наиболее ярких и типических чертах.

А. С. Пушкин.
О. А. Кипренский. Масло. 1827

«Современник». Журнал, издаваемый Пушкиным

В произведениях А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова отображалась жизнь дворянства и чиновничества, раскрывались ее отрицательные стороны, несправедливость общественного строя, основанного на угнетении и насилии. Тема «лишнего человека» как героя времени, остро звучавшая в художественной литературе, была, по существу, гневным протестом против удушливой, затхлой атмосферы, порожденной бюрократическим режимом власти.

Крупнейшим явлением общественной жизни того времени стали творчество и общественная деятельность А. С. Пушкина. «В атмосфере порабощения и преследования, — писал Герцен, — обществом овладела глубокая безнадежность, общий упадок сил... Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений, эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему».

Находясь под бдительным надзором III Отделения, вынужденный представлять свои произведения царю, который обещал быть его «личным цензором», Пушкин в это время создал наиболее крупные свои произведения. Он стал национальным русским поэтом. Главным героем пушкинских произведений является народ, поэт раскрывает его роль

в историческом процессе, его место в современном обществе, чем в немалой степени способствовал преодолению основной ошибки декабристов и передовой интеллигенции того времени — оторванности от народа. Пушкин выступал не только как писатель, но и как историк; основными темами его исторических исследований были переломные моменты в истории, наполненные борьбой нового со старым: эпоха Петра Великого, смута начала XVII в., восстание Емельяна Пугачева.

А. С. Пушкин активно участвовал в общественной жизни страны, выступал против ретроградных литературных течений, создал журнал «Современник». Пушкин стал знаменем наиболее передовой, активной, мыслящей части общества. Не было ни одного студенческого кружка, в котором не звучали бы его вольнолюбивые стихи. Запрещенные стихи Пушкина «Деревня», «Вольность», «Послание в Сибирь», «К Чаадаеву», «Андрей Шенье» и другие ходили по рукам, переписывались, были источником оппозиционных антиправительственных настроений.

Значительно большую роль, чем раньше, в идейной жизни общества начала играть журналистика, строившаяся на коммерческих началах, т. е. на основе буржуазного предпринимательства. Об этом свидетельствовал количественный рост «читающей публики». Она уже не могла обойтись без книги, без «своего» журнала, который удовлетворял бы ее потребности в знаниях, без информации о событиях внутри страны и в мире.

Наряду с реакционными журналами («Библиотека для чтения» и др.) были и такие, которые умели в рамках дозволенного цензурой знакомить читателя с передовыми идеями, с новыми философскими концепциями и теориями, с важнейшими событиями, с литературными произведениями, с новостями в области науки, искусства. На смену чисто литературным журналам и альманахам, издававшимся ограниченными тиражами и носившим зачастую салонный характер, пришли журналы, которые приобретают более широкий, энциклопедический характер; рассчитанные уже на постоянного читателя — подписчика, они включали разделы литературы, искусства, истории, философии, критики, экономики, происшествий и др.

В конце 20-х годов некоторую известность приобрел, главным образом благодаря участию А. С. Пушкина, журнал «Московский вестник», издававшийся профессорами М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым, не стоявшими еще тогда на реакционных позициях. В 1831 г. начал выходить журнал «Телескоп» под редакцией профессора Московского университета Н. И. Надеждина, читавшего курс эстетики. Журнал, рассчитанный на весьма образованного читателя, знакомил с философскими концепциями Канта, Фихте, Шеллинга.

Значительно большей популярностью пользовался журнал «Московский телеграф», издаваемый Н. А. Полевым в 1825—1833 гг. Н. А. Полевой — сын купца, талантливый самоучка и делец буржуазного склада. Его журнал был рассчитан на более широкого читателя, ко вкусам и потребностям которого издатель сумел приспособиться. Полевой не был ни «якобинцем», ни «социалистом», каким его представляли III Отделению его основные конкуренты и противники Булгарин и Греч. Он был талантливым журналистом, умевшим чутко улавливать общественное настроение и отражать его в своем журнале Он пропагандировал развитие торговли и промышленности, приветствовал частную инициативу и предпринимательскую деятельность, показывал благотворную роль третьего сословия в жизни общества. Квасной патриотизм и «горделивое полуневежество», характерные для правительства и для части общества, не захватили его. Он призывал в истории искать «не предметы пустого хвастовства, но уроки» для будущего, в настоящем видеть не только хорошее, но и «нынешние недостатки». Журнал помещал сообщения о деятельности английского парламента, о событиях французской революции без комментариев, «без всяких политических догадок и суждений»; Полевой считал: «пусть говорят дела и события».

В противовес «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, Н. А. Полевой написал и издал «Историю русского народа» в шести томах. И хотя последняя, являясь сочинением не специалиста, а дилетанта, уступала труду Карамзина по научным достоинствам, попытка представить в центре исторического процесса не самодержавную власть, а народ была весьма знаменательна и шла в русле идейных исканий, характерных для передовых слоев общества. У журнала отсутствовала четко выдержанная программа, в ряде случаев Полевой допускал ошибки, уступал квасному патриотизму, сам он не был

принципиальным и последовательным человеком, о чем говорит его последующая эволюция в сторону реакции; однако в конце 20-х — начале 30-х годов он делал полезное дело: его журнал всем своим духом противоречил официальной теории и по настоянию Уварова в 1833 г. был закрыт.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КРУЖКИ КОНЦА 20-х—НАЧ. 30-х ГГ. Несмотря на правительственные репрессии, в конце 20-х годов имели место попытки продолжить революционные традиции декабристов, выразившиеся в распространении вольнолюбивых стихов, в создании нелегальных революционных кружков, в антиправительственных разговорах. Характерно, что эти попытки происходили не в Петербурге, где правительственный пресс давил всего сильнее, а в Москве или на далекой периферии, что свидетельствовало о распространении революционных идей по всей стране. Наряду со стихотворениями А. С. Пушкина, нелегально распространялись стихи К. Ф. Рылеева, его поэма «Наливайко» и письмо к жене из Петропавловского каземата. Молодые поэты писали стихи, в которых воспевали подвиг декабристов и осуждали суровую расправу с ними.

Общественное значение приобрело нелегальное распространение в Москве стихотворений студента А. Полежаева. Героем его шуточной поэмы «Сашка» стал вольнолюбивый студент, любивший свободу, осуждавший лесть и ханжество, сословное неравенство и мечтавший о том времени, когда бремя «презренных палачей» будет свергнуто. Как отклик на восстание декабристов воспринимались его стихи «Вечерняя заря»: «Изменила судьба. Навсегда решена с самовластьем борьба и родная страна палачу отдана». Начало царствования Николая I поэт называл «пасмурными днями» (в стихотворении «Не расцвел — и отцвел в утре пасмурных дней»), а самого Николая — «ефрейтором» («И Русь, как кур, передушил ефрейтор-император»). А.Полежаев был исключен из университета и отдан в солдаты, где вскоре умер от чахотки.

Непосредственным откликом на движение декабристов были революционные кружки, которые создавались среди передовой молодежи в конце 20-х годов. Члены этих кружков разделяли революционные идеи декабристов и верили в то, что декабристские организации якобы не разгромлены, а существуют по всей России. Подобные кружки возникли в различных городах страны, например в Оренбурге, Курске и др.

Наиболее известным из кружков конца 20-х годов являлся кружок или тайное общество братьев П., М. и В. Критских, сложившийся в Москве в конце 1826 — начале 1827 г. и объединявший 6 членов. Инициаторы кружка — братья Критские были сыновьями мелкого чиновника, остальные по происхождению разночинцы, дети чиновников, студенты университета. Они пытались вести пропаганду революционных идей среди студентов, чиновников, низших офицеров и даже солдат. В их планы входило даже цареубийство и истребление всей царской семьи как необходимая предпосылка конституционных преобразований. Члены кружка стремились привлечь на свою сторону народ; так, в день коронации они разбросали на Красной площади прокламации, в которых старались «возбудить в народе ненависть к монархическому правлению», рассказать о «невинно повешенных и сосланных в Сибирь». Эти прокламации вызвали целый переполох среди полиции: в Москве были усилены караулы, на основных магистралях сосредоточены воинские части. Все участники этой группы были сурово наказаны без суда, по личному повелению царя: длительное тюремное заключение, казематы Соловецкого монастыря, а затем, через 10 лет тяжелая солдатская служба.

Начало 30-х годов ознаменовалось в России некоторым оживлением общественной жизни в связи с революционными событиями на Западе. Революция 1830 г. во Франции и отклики на нее в других государствах привлекли пристальное внимание передовых людей России. «Мы следили шаг за шагом, — писал Герцен, — за каждым словом, за каждым событием...» Особенно сильно подействовало на общество восстание 1830—1831 гг. в Польше. Герцен писал: «Вдруг, как бомба, разорвавшаяся возле, оглушила нас весть о Варшавском восстании...» Бенкендорф в своем отчете за 1831 г. докладывал царю: «...дух мятежа, распространившийся в царстве Польском... имел вообще вредное влияние и на расположение умов внутри государства... В Москве обнаружились даже преступные замыслы».

Особенно ярко общественное возбуждение начала 30-х годов проявилось в студенческой среде. «Преступные замыслы» были обнаружены в Институте путей сообщения, в Меди-

ко-хирургической академии, но ведущее место в общественном движении этих лет бесспорно принадлежало «опальному» Московскому университету, который уже с начала царствования вызывал подозрения правительства, многочисленные ревизии и кары. Студенчество университета представляло пеструю сословную массу — дети аристократов, чиновников, разночинцев. В университете возникали многочисленные кружки, в которых обсуждали вопросы литературы, науки, злободневные проблемы жизни. Особенную известность приобрели кружок Н. П. Сунгурова и кружки, связанные с именами В. Г. Белинского, Н. В. Станкевича и А. И. Герцена.

Выпускник Московского университета Н. П. Сунгуров воспользовался именем декабристов для организации тайного общества (1831). Он сообщил группе студентов, что тайное (декабристское) общество разгромлено не полностью, а, наоборот, выросло; его главная цель — введение конституционного строя в России. 25 молодых людей охотно вступили в эту организацию. Ее члены ставили своей задачей ликвидацию крепостного права. Они пропагандировали революционные идеи с целью организации восстания в Москве для захвата власти, план которого был детально разработан: захватить артиллерию и арсенал, раздать оружие народу, «возмутить фабричных людей и всю чернь московскую», разоружить полицию, «освободить всех арестантов», захватить власть, разослать приказ от имени московского генерал-губернатора о «высылке в Москву депутатов к рассмотрению конституции, разослать по всем губерниям прокламации к народу для возбуждения ненависти к государю и правительству». Захватом артиллерии и привлечением к восстанию народа сунгуровцы надеялись избежать ошибок декабристов. Это тайное общество было разгромлено в самом начале, многое в его планах было наивно, незрело, но оно свидетельствовало о живучести идей декабристов, пример которых поднимал на борьбу новые поколения борцов.

В самом начале 30-х годов в Московском университете сложилось «Литературное общество 11-го номера», названное так по номеру комнаты, в которой жили и собирались на свои литературные собрания казеннокоштные студенты (содержавшиеся на казенный счет). Это был дружеский литературный кружок, в центре которого стоял будущий критик В. Г. Белинский. Здесь студенты читали и обсуждали произведения Пушкина, ненапечатанную еще тогда комедию Грибоедова «Горе от ума», стихи Полежаева, обсуждали проблемы философии, эстетики, однако больше всего их волновали реальная русская жизнь, крепостное право, несправедливость общественных отношений. Кружок стал первой литературной школой Белинского, здесь формировались взгляды будущего революционера и писателя. В кружке Белинский прочитал свою юношескую драму «Дмитрий Калинин», в которой выражался резкий протест против крепостничества, подавления одних людей другими. Это был гимн свободной человеческой личности, готовой умереть, но не смириться с рабским положением. В 1832 г. за это «возмутительное» сочинение Белинского отчислили из университета.

Изгнанный из университета с лицемерной формулировкой «по слабости здоровья и ограниченности способностей», Белинский остался без средств к существованию, без поддержки. Он вынужден был заниматься изнурительной корректорской работой, переписывать бумаги, пробиваться частными уроками и в то же время заниматься самообразованием. В это время он вошел в новый кружок из студентов и выпускников университета, группировавшийся вокруг Н. В. Станкевича (1831—1839). Это был философский кружок, ставивший своей задачей изучение новейших философских систем — Шеллинга, Канта, Фихте и особенно Гегеля. Гегель, которого К. Маркс называл вершиной немецкой классической философии, стал кумиром прогрессивных людей, в его философской системе они

надеялись найти ответы на волнующие вопросы современности. Взгляды членов кружка были весьма умеренны: распространение просвещения, которое само собою якобы должно привести к изменению «быта общественного». Тем не менее этот кружок оказывал заметное влияние на идейную жизнь общества. Из него вышли будущие славянофилы (К. С. Аксаков), западники (Т. Н. Грановский) и революционеры (В. Г. Белинский, М. А. Бакунин). Это был такой период в общественном движении, когда идейные течения еще не размежевались, не оформились, но шла внутренняя подготовительная работа, которая поднимала общественное движение на новую ступень.

В это же время сложился кружок А. И. Герцена и Н. П. Огарева (1831), который в отличие от кружка Н. В. Станкевича имел острую политическую направленность. Еще до поступления в университет юные Герцен и Огарев, поклявшиеся в год казни декабристов отомстить за казненных, мечтали создать в университете тайное общество, надеясь, что именно из него «выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым». Целью кружка, в который входили Н. И. Сазонов, Н. М. Сатин, Н. Х. Кетчер, В. В. Пассек и другие, было революционное преобразование России. «Мы подали друг другу руки,—вспоминал Герцен,—и... пошли проповедовать свободу и борьбу во все четыре стороны нашей молодой Вселенной». Идеология кружка была весьма аморфна и политически незрела. «Идеи были смутны, — писал Герцен, — мы проповедовали декабристов и французскую революцию, конституционную монархию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе, но пуще всего проповедовали ненависть ко всякому насилию, ко всякому правительственному произволу...» Члены кружка читали политическую литературу, изучали историю Великой французской революции, следили за революционными событиями на Западе и приветствовали их. Утверждение контрреволюционной монархии во Франции, поражение Польского восстания произвели на них тяжелое впечатление. Герцен и его друзья обратились к утопическому социализму, и прежде всего к сен-симонизму, в котором увидели «целый мир новых отношений между людьми... мир здоровья, мир духа, мир красоты». Герцен и Огарев не отказывались также и от политической борь-

Н. П. Огарев. Художник неизвестен. Масло. 1-я пол. XIX в.

А. И. Герцен. *А. А. Збруев.* Масло. 30-е годы XIX в.

П. Я. Чаадаев. Художник неизвестен. Масло. 1-я пол. XIX в.

бы и оставались «детьми декабристов». Огарев писал:

«Ученики Фурье и Сен-Симона,
Мы поклялись, что посвятим всю жизнь
Народу и его освобожденью,
Основою положим социализм».

В эти же годы были заложены основы материалистических взглядов будущих революционеров, которые они называли тогда реализмом. Члены кружка мечтали о большой общественной деятельности, строили планы создания большого общественно-политического журнала, осуществить которые не удалось. В 1834 г. их арестовали за пение песен, наполненных «гнусными и злоумышленными» выражениями в адрес царя, и после длительного тюремного следствия выслали без суда: Герцена — на службу в Пермь, Вятку, а затем во Владимир, Огарева — в Пензу.

В условиях жестокой реакции и правительственных репрессий, при отсутствии массового революционного движения кружки конца 20-х — начала 30-х годов являлись той организационной формой, в которой проходили огромная идейная работа, «мучительные поиски правильной революционной теории», формировались борцы с самодержавием.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В КОНЦЕ 30-х ГОДОВ. Террором и массовыми репрессиями, жесточайшей цензурой и мелочной регламентацией всей общественной жизни самодержавию удалось справиться с тем общественным подъемом, который имел место в начале 30-х годов. Этому способствовали и спад крестьянского движения, и успешные войны с Ираном и Турцией, поднявшие международный престиж российского самодержавия. Современ-

никам казалось, что оно не было никогда таким прочным, как в этот период. Революционный подъем начала 30-х годов в Западной Европе сменился полосой упадка, торжества реакции. Для этого времени особенно характерны настроения пессимизма, отчаяния, неверие в возможность борьбы за лучшее будущее.

Эти настроения нашли яркое, хотя и одностороннее, отражение в первом «Философическом письме» П. Я. Чаадаева, опубликованном в 1836 г. в журнале «Телескоп». Друг А. С. Пушкина и декабристов, офицер в царствование Александра I, П. Я. Чаадаев тяжело переживал поражение восстания декабристов, ушел в отставку. Размышления над судьбами своей родины привели его к самым пессимистическим и глубоко ошибочным выводам. Разуверившись в возможности общественного прогресса в России, Чаадаев не видел ничего светлого ни в прошлом, ни в настоящем русского народа, не верил в возможность прогресса в будущем. «Окиньте взглядом все прожитые нами века... вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания... Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя». Чаадаев утверждал, что «мы воспринимаем всегда лишь готовые идеи», что у России нет ни своих мыслителей, ни ученых: «Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его». Причину этого Чаадаев видел в отрыве России от западноевропейских стран, в том, что «мы обратились к жалкой, глубоко презираемой... Византии за тем нравственным уставом, который должен лечь в основу нашего воспитания». В противоположность православию Чаадаев видел в католицизме источники прогресса и цивилизации и отрыв от католического мира считал главной бедой нашей истории. Письмо Чаадаева — это «безжалостный крик боли и отчаяния», «это был выстрел, раздавшийся в темную ночь», «мрачный обвинительный акт против России» (Герцен). Это письмо, как отмечал Герцен, «потрясло всю мыслящую Россию». Правительство сурово расправилось и с автором, и с издателями этого письма: журнал «Телескоп» был закрыт, редактор его Н. И. Надеждин выслан из Москвы и лишен права заниматься издательской и преподавательской деятельностью, автора объявили сумасшедшим и отдали под полицейский надзор.

Односторонность Чаадаева, его глубоко ошибочные выводы вызвали протест со стороны передовых людей того времени, и прежде всего Пушкина, Герцена. Герцен писал в своем дневнике: Чаадаев «ужасно отстал... это голос из гроба — голос из страны смерти и уничтожения. Нам странен этот голос. Истинного оправдания нет им, что они не понимают живого голоса современности». Однако этот «выстрел в ночи» заставил передовых людей того времени выйти из оцепенения («надобно было проснуться»), еще глубже посмотреть на прошлое и настоящее России, чтобы понять перспективы ее развития.

В 1837 г. русское общество понесло тяжелую утрату: погиб великий поэт А. С. Пушкин. Прогрессивные люди восприняли его смерть как национальную трагедию. «Закатилось солнце земли русской», — говорилось в единственном некрологе, проникшем в печать через рогатки цензуры. Министр просвещения лично занимался «укрощением громких воплей по случаю смерти Пушкина», просматривал все, что о нем писалось. Похороны поэта превратились в общественную демонстрацию. По свидетельствам современников, в его доме перебывало до 50 тыс. человек: «Женщины, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта». Это была не только скорбь о погибшем, но протест и осуждение правительственной камарильи и дворянской аристократии. Стихи М. Ю. Лермонтова «На смерть поэта» явились откликом на это негодование. Они ходили по рукам, переписывались и стали широко известными по всей стране, несмотря на то что, за их распространение правительство сурово наказывало.

Конец 30-х годов оказался тяжелым и для В. Г. Белинского. В 1834 г. он выступил в печати со своей статьей «Литературные мечтания», выдвинувшей его в ряды лучших критиков. В противовес уваровской народности, Белинский выдвинул принцип «народности» как важнейший критерий литературы, однако придал ему толкование, противоположное духу «официальной народности». Народность, по мысли Белинского, — это правдивое отображение в литературе жизни и духа народа, его чаяний и настроений. Возлагая свои надежды на просвещение («Теперь нам нужно ученье! ученье!)», призывая к борьбе со всем старым, обветшалым, отжив-

шим свой век, Белинский высоко поднял достоинство человеческой личности: «Гордись, гордись человек своим высоким назначением».

Однако и Белинский в конце 30-х годов пережил тяжелый идейный кризис. Не видя сил для борьбы и в то же время не умея жить без высокой идеи, Белинский обратился к философии Гегеля. Исходя из формул Гегеля: «Все разумное действительно, все действительное разумно», «Сила есть право и право есть сила», — Белинский попытался примириться с российской действительностью. Белинский не изменил своим юношеским идеалам, не стал ретроградом и певцом самодержавия, он, как отмечал Г. В. Плеханов, «мирился не с действительностью, а с печальной судьбой своего абстрактного идеала» и думал служить прогрессу иначе, чем собирался служить прежде. Однако примирение Белинского было недолгим.

Путь идейного развития А. И. Герцена был не менее сложен. Живя в ссылке, он увлекся христианским социализмом и мистицизмом, надеясь найти в раннем христианстве образец для развития. Тем не менее общее направление его взглядов развивалось, как он сам отмечал, «не в мистицизм, а в революцию, в социализм». Жизнь в ссылке, чиновничья служба обогатила Герцена опытом, знанием тяжелого положения народа, закалила его ненавистью к крепостничеству и самодержавию.

2. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ИДЕЙНАЯ БОРЬБА В 40-Х ГОДАХ XIX В.

ЗАПАДНИЧЕСТВО И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО. На рубеже 30—40-х годов происходили изменения в общественных настроениях, внешне еще мало заметные, но ощутимые. А. И. Герцен писал: «Что-то пробудилось в сознании, в совести — какое-то чувство неловкости, неудовольствия. Ужас притупился, людям надоело в полумраке темного царства». Эти изменения уловило и III Отделение. В отчете за 1840 г. отмечалось, что «общественное стремление духа» в этом году хуже, чем ранее, и хотя «ропота» еще нет, «но кроется. повсюду какое-то общее неудовольствие...».

Изменение общественных настроений выразилось прежде всего в оживлении идейной жизни общества. На рубеже 30—40-х годов сложились два течения общественной мысли — западничество и славянофильство, сыгравшие большую роль в общественном движении и в развитии русской общественной мысли. Чем глубже становился кризис крепостного строя, тем настойчивее вставал вопрос о путях дальнейшего развития России: в каком направлении оно пойдет? каковы его движущие силы? какими методами и средствами оно должно осуществляться? Именно по этим вопросам расходились западники и славянофилы. И хотя оба эти течения возникли в одних и тех же кругах дворянской интеллигенции, ответы на поставленные жизнью вопросы у них были разные.

Славянофилы (А. С. Хомяков, братья И. В. и П. В. Киреевские, братья К. С. и
И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин), исходя из концепции Шеллинга о том, что каждому «историческому» народу присущи свои особенности, которые он должен развивать, чтобы выполнить свою миссию в мире, пришли к выводу, что Россия и Запад — это два особых мира и закономерности их развития совершенно различны. Два фактора, по их мнению, определили особенности исторического пути России и ее место в мире: извечное существование общины («мира»), которую они трактовали весьма неопределенно (и как деревню, волость, княжество, и как государство), и православная религия. «Община, — писал Хомяков, — есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его — не останется ничего: из его же развития может развиться целый гражданский мир». Для общины с ее регулярным переделом земель характерен особый нравственный климат, который полно проявляется в «мирском согласии» на «мирском сходе», а в древности — на вече. «Русская земля, — делал вывод в одной из своих программных статей К. С. Аксаков, — есть изначала наиболее семейная и наиболее общественная... земля». Развитию этих качеств как нельзя лучше способствовала православная церковь, которая в отличие от рационалистического католицизма никогда не претендовала на светскую власть, всецело ограничивалась сферой веры и духа. Именно в силу этого развитие России и русского народа шло по пути «внутренней правды», т. е. нравственного совершенствования и «развития духа», в то время как на Западе — по пути «внешней правды», т. е. по пути развития формальной законности.

Славянофилы восприняли точку зрения о «добровольном призвании» как начальном моменте русской государственности: власть здесь в отличие от Запада не противостояла народу, напротив, она была желанной защитницей, «званым гостем» народа, осознавшего необходимость государства. В России не сложились и классы в западноевропейском понимании этого слова. В результате в русской истории не было борьбы, не было внутренних потрясений, революционных переворотов, которые, по их мнению, были чужды духу народа. Русский народ — народ «негосударственный», он никогда не претендовал на политические права и государственную власть — жил в своем общинном мире, развивая те высокие нравственные качества, которые ему присущи. Власть, в свою очередь, выполняя свойственные ей функции, не вмешивалась в дела «земли», мира, в необходимых случаях собирала земские соборы и опрашивала мнение «земли» по тем или другим общегосударственным вопросам. Эти две силы развивались как бы параллельно, не вмешиваясь и не мешая друг другу. Между властью и «землей» установились добрые, патриархальные отношения. Все беды, по мнению славянофилов, начались со времени Петра Великого, который «исказил» русскую историю, насаждая в стране чуждые ей европейские порядки, «насильственно оторвал» русский народ от родного «исторического основания». Отсюда и их общий теоретический вывод: необходимо исправить те «искажения» основ народной жизни, которые были допущены Петром и в послепетровский период, идти по своему, самобытному пути, развивая те начала и нравственные качества, которые присущи русскому народу.

Позитивная общественно-политическая программа славянофилов весьма умеренна. Они видели недостатки общественно-политического строя николаевской России и иногда подвергали резкой критике засилье бюрократии и ее произвол, мелочную регламентацию жизни народа и общества, несправедливость судей, взяточничество чиновников. Осуждали они и крепостное право, считая его порождением петровской эпохи и видя в нем источник возможных революционных потрясений. В одном из своих стихотворений А. С. Хомяков с горечью писал:

«В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймлена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна».

«Где рабство — там бунт и беда, защита от бунта — свобода», — писал К. С. Аксаков. Позитивное значение имели их борьба против низкопоклонства перед заграницей, характерного для дворянства, их практический вклад в изучение быта, нравов, песен народа, плодотворной была и сама постановка проблемы народа и его роли в историческом процессе.

Славянофилы являлись убежденными противниками революции. В политической области они выдвинули довольно туманную формулу государственного устройства: «Сила власти — царю, сила мнения — народу», — вкладывая в нее необходимость возрождения земских соборов, которые, не ограничивая власть, имели бы возможность свободно доводить до власти мнение «земли»; власть же обязана прислушиваться к этому мнению. Свобода слова, печати, возможность свободно выражать свои мысли — вот что, по их мнению, нужно народу. Понимали славянофилы и необходимость отмены крепостного права: они выступали за освобождение крестьян с землей, но с сохранением крестьянской общины и вотчинной власти помещиков, которые якобы были залогом патриархальных отношений в деревне и основным препятствием к распространению «язвы пролетариатства». Достигнуть такого идеального решения всех вопросов, по их мнению, возможно и необходимо не путем революции, а путем всеобъемлющей правительственной реформы.

Славянофилы утверждали, что крепостное право было введено Петром I, и осознавали опасность его сохранения—возможность крестьянского бунта. Славянофильство — либерально-дворянское течение общественной мысли, в котором понимание пороков существующей общественной и государственной системы, необходимости преобразований сочеталось с поисками идеала в прошлом, в допетровской Руси, с попытками соединить старое с новым, чтобы как можно более безболезненно, без потрясений, без нарушения привычных устоев начать новую жизнь.

Противниками славянофилов были западники. Вместе с ними выступали В. Г. Белинский и А. И. Герцен, вырабатывавшие и утверждавшие в этой дискуссии свою револю-

ционную концепцию. Западничество — также либеральная концепция, однако в ней развивались буржуазные представления о характере будущего развития России. Западническая концепция наиболее полно была развита в трудах историков Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, писателей и публицистов В. П. Боткина, В. Ф. Корша, П. В. Анненкова, И. И. Панаева и др.

Основой и движущей силой исторического процесса К. Д. Кавелин считал борьбу личности за свободу. Родовые отношения сменились семейными, которые, в свою очередь, уступили место высшей форме общественных отношений — государству. Государственное начало утвердилось только при Петре Великом, освободив личность от пут родового и семейного строя для дальнейшего свободного развития. Россия шла тем же историческим путем, что и Западная Европа, но отстала от нее и поэтому должна прибегать к заимствованиям успехов цивилизации, испытывать влияние со стороны передовых стран. Эта концепция имела ряд существенных недостатков и была идеалистической в своей основе: непонимание движущих сил исторического процесса, преувеличение роли государства и недооценка роли народа, преувеличение «подражательности» русской культуры и пр. Однако идея единства исторического пути России и Западной Европы имела в то время положительное значение. Во-первых, эта идея означала отрицание казенной идеологии, доказывавшей исконность, незыблемость и необходимость сохранения феодально-крепостнических устоев. Во-вторых, она означала признание важности, полезности и благодетельности успехов цивилизации и прогресса, необходимости широкого развития культуры и просвещения в народе. Наконец, в-третьих, западники настойчиво проводили мысль о том, что Россия и в будущем должна идти по тому пути, по которому идет Западная Европа, т. е. по пути буржуазного развития.

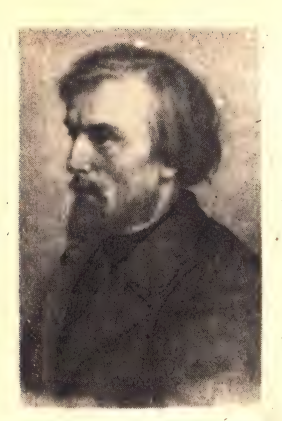
На страницах журналов «Отечественные записки» и «Современник» западники подвергли резкой критике славянофильство как теорию ретроградную, которая, по их мнению, зовет не вперед, а назад, к старым, давно отжившим обычаям и порядкам. «Необходимы средства решительные, — говорилось в одной из статей западников, — нужно изменить нравы и законодательство, организацию политическую, административную, судебную и религиозную, нужно изменить условия собственности и промышленности, отношения богатого и бедного... словом, необходим коренной переворот, и если... такой переворот не придет сверху, то он не замедлит явиться снизу». И хотя в этой статье речь шла об Ирландии, читатели воспринимали ее как программу для России. Высоко оценивали западники Петра I как великого реформатора, двинувшего Россию по пути европейского развития.

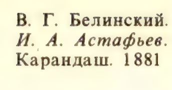
Использовали западники и университетскую кафедру. Деятельность профессора Т. Н. Грановского и особенно его публичные лекции в середине 40-х годов в Московском университете имели большое общественное значение. И хотя он говорил о западноевропейском средневековье, его критика феодальных порядков воспринималась слушателями как оценка российской действительности того времени, а рассмотрение исторического процесса в аспекте борьбы за освобождение человеческой личности — как программа развития России.

Социально-политическая программа западников, как и славянофилов, была умеренной. Идеализируя буржуазные порядки, они считали буржуазный парламентаризм в рамках конституционной монархии идеальной формой государственного устройства. Они критиковали феодальные отношения и выступали за утверждение буржуазных форм собственности. Западники были противниками крепостного права. Освобождение крестьян они мыслили с небольшим наделом земли за соответствующий выкуп помещикам. Западники являлись противниками революции, социалистических учений, необходимые преобразования они хотели бы провести путем реформы сверху, которая установит конституционный строй, способный, по их мнению, предотвратить революционные потрясения.

Споры западников и славянофилов имели большое общественное значение. Поставив важнейшие проблемы исторического развития, они будили общественную мысль, звали к деятельности, прогрессу, что являлось, по существу, осуждением казенной теории «официальной народности». Они знаменовали собой формирование буржуазно-либеральной идеологии в России.

Западническое и славянофильское течения не представляли всего общественного движения этого времени, как утверждали буржуазные историки, а были лишь частью его. Важнейшее значение в идейной борьбе этих

В. Г. Белинский.
И. А. Астафьев.
Карандаш. 1881

лет имела деятельность Белинского и Герцена.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. Г. БЕЛИНСКОГО И А. И. ГЕРЦЕНА В 40-Х ГОДАХ. К началу 40-х годов В. Г. Белинский преодолел свой идейный кризис, кончилось его «насильственное примирение», и началась энергичная борьба с «гнусной российской действительностью», которая продолжалась до последних дней его жизни. В 40-е годы Белинский стал лучшим публицистом и литературным критиком России, проводя через препоны и рогатки цензуры революционные идеи, пропагандируя «истину» и свободу. Белинский выступал с замечательными обзорами русской литературы, с блестящими статьями о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Кольцове и других русских писателях, в которых утверждал реализм как правду жизни, раскрывая идейное содержание художественных произведений, воспитывал в читателе любовь к родине, к народу, ненависть к самодержавию и всякому угнетению. «Отечественные записки» и «Современник», в которых сотрудничал Белинский, стали лучшими русскими журналами, а каждая статья Белинского, как отмечали современники, воспринималась передовыми людьми как праздник. Булгарин в своих доносах в III Отделение неоднократно писал, что Белинский проповедует революцию, «коммунизм» и «терроризм»: «Безрассудное юношество... семинаристы, дети бедных чиновников и прочие — почитают «Отечественные записки» своим Евангелием», а «первого министра» журнала Белинского — «апостолом».

Другом Белинского, его соратником в борьбе с николаевской действительностью выступал в это время А. И. Герцен. После ссылки он вышел в отставку и всецело занялся литературной деятельностью. В 40-х годах он напечатал ряд художественных произведений — «Сорока-воровка», «Кто виноват?», «Доктор Крупов» и др., в которых подвергнул беспощадной критике российскую действительность, разоблачил помещиков-крепостников, противопоставив им умный, талантливый народ. Огромное значение имели философские произведения Герцена «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы». Оценивая их, В. И. Ленин писал: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы» — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»[1].

Белинский и Герцен сыграли большую роль в борьбе против славянофилов, причем они критиковали не только теоретические основы их взглядов, но и политические выводы, которые те делали. В своих произведениях Белинский и Герцен подчеркивали единство исторического процесса России и Западной Европы и верили в будущее прогрессивное развитие всех народов мира. Белинский писал, что славянофилы «никаких корней не имеют в народе», что действовать нужно «не во имя отживших нравов, а во имя разума и здравого смысла». В борьбе против славянофильства Белинский и Герцен выступали вместе с западниками, однако в ходе этой полемики вскоре проявилось и принципиальное отличие их позиции от западнической.

В своих философских исканиях, которые были чрезвычайно важны для выработки правильной революционной теории, Белинский и Герцен, поняв философскую систему Гегеля «как алгебру революции», т. е. приняв ее диалектический метод, вместе с тем отвергли ее претензии на абсолютность,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

поняли, что философия Гегеля «только момент, хотя и великий». Они стали материалистами и подвергли идеалистическую философию беспощадной критике с материалистических позиций. И хотя они не смогли распространить материалистические взгляды на общественное развитие — остановились «перед историческим материализмом», — пропаганда и утверждение философского материализма имели революционное значение. Западники были убежденными идеалистами, даже такой передовой для своего времени человек, как Грановский, категорически отвергал материализм.

Западники были убежденными сторонниками буржуазного строя, они идеализировали его, приветствовали его наступление в России, но дальше умеренных буржуазных преобразований их мечты не шли. Белинский и Герцен понимали, что буржуазный строй более прогрессивный, по сравнению с феодальным, но они сумели разглядеть и язвы капитализма, понять антинародный эксплуататорский характер буржуазных отношений, установившихся в западноевропейских странах, и поэтому мечтали о другом, более разумном и справедливом строе. «Не годится государству быть в руках капиталистов, — писал Белинский, — а теперь прибавлю: горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма... Для них война или мир значит только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят». К такому же выводу пришел и Герцен: «Мир буржуазии истощился так скоро и не имеет в себе более возможности обновления».

Избавление от нищеты, бедствий, эксплуатации они увидели в социализме. Герцен, еще в студенческие годы увлекавшийся Сен-Симоном, в 40-х годах стал убежденным приверженцем социализма, правда, в его утопической, домарксовой форме. «В наше время, — писал он, — социализм и коммунизм...— предтечи нового мира общественного... Обновление неминуемо». Избавившись от «примирения с действительностью», к социализму пришел и Белинский: «Идея социализма... стала для меня идеей идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Все из нее, для нее и к ней». И Белинский, и Герцен не были слепыми приверженцами утопического социализма, они видели и его недостатки. Не приняли они и «мирного» характера проповеди утопических социалистов, их надежды на добрую волю власть имущих и реформы сверху.

Не отвергая возможности реформы и даже призывая к ней, они, однако, поняли, что справедливость, как писал Белинский, «утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами... а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов». Герцен восторженно писал о французской революции, отмечая ее огромное историческое значение: «Велика французская революция. Она первая возвестила миру... что мир новый народился — и старому нет места». Они поняли основную ошибку декабристов, перед подвигом которых преклонялись, — их оторванность от народа, стремление провести военный, верхушечный переворот, «без народа, но для народа». «Декабристам на Сенатской площади, — писал Герцен, — нехватало народа». Верой в народ проникнуты произведения Белинского. Народ, писал он, не «невежественная толпа», «народ — дитя... он еще слаб, но он один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях образованного общества».

Огромное значение деятельности Белинского и Герцена заключается в том, что она знаменовала приближение нового этапа освободительного движения — этапа революционно-демократического, а в их идейных исканиях формировалась революционно-демократическая идеология. Белинский в идейной борьбе 40-х годов занимал более последовательную, более непримиримую по отношению к либерализму позицию. Он был, как указывал В. И. Ленин, «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении...»[1]. Итогом всей деятельности Белинского является его «Письмо к Гоголю», которое он написал в 1847 г., будучи тяжело больным, незадолго до смерти. Критикуя Гоголя за его «Выбранные места из переписки с друзьями» как «проповедника кнута», «апостола невежества», Белинский противопоставляет его консервативным взглядам программу революционного преобразования Родины: «...не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности... видит свое спасение Россия»; «Самые важные, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя бы тех законов, которые есть». Из всего духа статьи очевидно, что важнейшей задачей современности он считал ликвидацию самодержавия, которое «вблизи не так красиво и не так безопасно». Ленин назвал это письмо Белинского «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...»[1]. Письмо во множестве списков разошлось по стране и стало знаменем борьбы против самодержавия и крепостничества, манифестом формирующейся революционной демократии. Не случайно самодержавие поторопилось приготовить Белинскому «тепленький каземат», и только смерть в начале 1848 г. «спасла» его от Петропавловской крепости.

Герцен, дворянин по происхождению, принадлежал к поколению дворянских революционеров. Он пережил больше колебаний и сомнений, однако и его взгляды развивались в направлении революционного демократизма. Не видя возможности активной борьбы с мрачной действительностью в России, тяжело переживая цензурный гнет, Герцен в 1847 г. покинул Россию, чтобы стать «свободным русским словом» за границей и еще шире развернуть революционную пропаганду.

КРУЖКИ ПЕТРАШЕВЦЕВ (1844—1849). Оживление общественных настроений, распространение в России идей утопического социализма нашло яркое выражение и организационное оформление в революционных кружках, получивших название по имени основателя одного из них М. В. Буташевича-Петрашевского — кружки петрашевцев.

Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский (1821—1866) был родом из небогатой дворянской семьи, учился в Царскосельском лицее, затем стал вольнослушателем в Московском университете, который и окончил в 1841 г. Служил переводчиком в Министерстве иностранных дел. Уже в годы учебы он обращал на себя внимание как своими способностями, так и независимостью взглядов и суждений. Примерно около 1844 г. он начал собирать у себя по пятницам своих приятелей и знакомых для обсуждения злободневных вопросов русской жизни. «Пятницы» Петрашевского приобрели большую известность в Петербурге, на них перебывало несколько сотен человек, среди которых были чиновники, офицеры, учителя, представители разночинной интеллигенции, зарабатывавшие на жизнь литературным трудом, переводами. Среди посетителей были писатели — М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, поэты — А. Н. Майков, А. Н. Плещеев и др.

Весьма притягивала молодежь библиотека, созданная Петрашевским на паях со своими товарищами, — первая коллективная библиотека в России. Он составлял ее преимущественно из книг по политэкономии, истории революций и революционного движения, произведений великих социалистов-утопистов. Петрашевский охотно давал их читать всем желающим, посылал книги своим знакомым на периферию.

Первоначально это были дружеские вечеринки, а затем на этих собраниях появились элементы организации: председатель, колокольчик, чтение заранее подготовленных рефератов. Вокруг основного кружка начали образовываться филиальные кружки — собрания у Н. А. Момбелли, Н. С. Кашкина, С. Ф. Дурова. Посетители «пятниц», уезжая на работу в провинциальные города, создавали и там аналогичные кружки. Есть сведения об их возникновении в Казани, Ревеле, Киеве, Ростове Ярославском. Появление их в большом количестве, отмечал Герцен, было «естественным ответом на глубокую внутреннюю потребность тогдашней русской жизни».

Петрашевский сознательно относился к своей деятельности как к пропаганде революционных идей, себя он называл «старейшим пропагатором социализма». У Петрашевского сложилась определенная концепция подготовки революции: сначала пропаганда, затем создание тайного общества и, наконец, революционное восстание. Именно эту концепцию он и стремился провести в жизнь.

Среди большого круга проблем, обсуждавшихся на собраниях, — философских, экономических, литературных — наибольшее внимание привлекали состояние России и конструирование общественного и политического идеала. Для большинства участников было характерно резко отрицательное, критическое отношение к российской действительности. «Отечество мое в цепях, — говорил на одном из собраний петрашевец А. В. Ханыков, — отечество мое в рабстве, религия, невежество — спутник деспотизма — затемнили, заглушили твои натуральные влечения». Ненависть петрашевцев направлялась против самодержавия и лично против царя, который

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

представлялся олицетворением произвола и беззакония: «император Николай не человек, а изверг, зверь», «богдыхан», «мерзкий человек»; жизнь в России, самый воздух «отравлены рабством и деспотизмом». Критике петрашевцев подвергались все звенья правительственного аппарата — Сенат, министерства и министры, вся бюрократическая система: «...слово чиновник — почти то же, что мошенник или грабитель, официально признанный вор». Резкой критике подвергалось законодательство: «...законы сбивчивы, бестолковы, противоречивы», царский суд — самый несправедливый суд во всем мире, «Россию, по справедливости, называют классической страной взяточничества». Негодование петрашевцев вызывали опека правительства над просвещением, наукой, литературой, полицейский произвол, приниженное положение интеллигенции. Они резко осуждали крепостное право: «Десятки миллионов страдают, тяготятся жизнью, лишены прав человечества». Критика петрашевцами общественного и политического строя России носила страстный, гневный характер и привела их к полному отрицанию этого строя.

Петрашевцы были убеждены, что «деспотизм погибнет навек», что «перемена правительства необходимо нужна для нас». Политическим идеалом петрашевцев являлось республиканское устройство с однопалатным парламентом во главе законодательной власти и выборностью на все правительственные должности. В будущей республике должны быть проведены широкие демократические преобразования: полное равенство всех перед законом, избирательные права для всего населения, свобода слова, печати, передвижения. «Только одно правление народное, — говорил Петрашевский, — правление представительное — достойно», «Всякий народ должен управляться сам собою, есть сам властелин». Широкую программу петрашевцы разработали в области судопроизводства: равенство всех перед судом, независимость суда от административной власти, несменяемость судей (только по суду), гласность судопроизводства, введение адвокатуры, участие в суде выборных народом присяжных заседателей. Революционное крыло петрашевцев выступало за ликвидацию сословного строя и сословных привилегий. Петрашевцы высказывались за федеративное устройство будущей России, при котором народам будет дана широкая автономия: «Внутреннее же управление должно основываться на законах, обычаях и нравах народа».

Все петрашевцы решительно осуждали крепостное право и освобождение крестьян считали важнейшей задачей современности. Некоторые в своих проектах освобождения крестьян исходили из возможности провести реформу еще при существующей власти, апеллировали к дворянству, пытаясь найти приемлемое для него решение вопроса. Так, в 1847 г. Петрашевский распространил в дворянском собрании Петербургской губернии свою литографированную записку, в которой для повышения ценности дворянских имений предлагал разрешить покупку имений недворянам, с тем чтобы крестьяне становились свободными. Характерно, что эта записка вызвала своей умеренностью резкую критику петрашевцев. Большинство петрашевцев выступали за полное безвозмездное (без всякого выкупа) освобождение крестьян с землей, по крайней мере с тем наделом, которым они уже владели. Таких же взглядов придерживался и сам Петрашевский, причем считал, что этот надел, данный крестьянину, «будет несравненно менее того, какой ему следовало бы по-настоящему получить».

Намечая широкие демократические преобразования, петрашевцы не думали об утверждении буржуазного строя, видели его ограниченность и несправедливость, «неправильное распределение богатств». «Социализм вообще, — считал Петрашевский, — не есть прихотливая выдумка нескольких причудливых голов, но результат развития всего человечества». Это был еще не научный социализм, а утопический; особенно большое влияние на мировоззрение петрашевцев оказало учение Фурье, которого большинство из них считало своим учителем. Общественная организация труда, справедливое распределение богатств, удовлетворение всех материальных и духовных потребностей человека — такой идеальный строй, считали они, должен прийти на смену существующему. Утопические социалисты не понимали законов общественного развития, не видели класса, способного возглавить общественный прогресс. Критикуя несправедливость буржуазного строя, они строили «фантастические планы» освобождения сразу всего человечества, надеясь, что к этому идеалу человечество подойдет мирным путем.

Однако петрашевцы видели и недостатки учения Фурье, не принимали его надежд на

мирное развитие человечества к социализму. На вечере, посвященном памяти Фурье, Петрашевский, выражая мнение большинства собравшихся, решительно заявил: «Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо приговор наш исполнить».

Каким же образом петрашевцы хотели исполнить приговор? У них были и надежды на просвещение и мирный прогресс, на реформу сверху, однако большинство их все более склонялось к революционному решению всех общественных вопросов, так как «нет примера восстановления утраченных прав без жертв кровавых и гонений», «возмущения и перевороты» улучшают государственное устройство, «споспешествуют быстрому развитию духа». Петрашевский сравнивал реформу с «медицинским пособием», но считал, что в определенных случаях нужна «хирургическая операция», т. е. революция. В отличие от своих предшественников — декабристов — петрашевцы думали не о заговоре, не о военном восстании, а о «всеобщем взрыве», о народной революции. «...Все зависит от народа, без него мы не поднимемся, не уйдем вперед». Петрашевский говорил на следствии: «Вы сдавите силу общественную, требующую развития, — она спустится ниже, пойдет в тайные общества... Огонь между тем все тлеет... внизу, и вдруг — одной искры довольно, чтоб взрыв был всеобщим». Петрашевцы приходили к выводу, что Россия накануне революции, «в ней готовится какая-то катастрофа», «подходит время переворота». В России, утверждал петрашевец Н. А. Спешнев, «революция возможна только как народное, крестьянское восстание и поводом для него будет крепостное право». Петрашевцы изучали крестьянские выступления в Западной Европе, восстание крестьян в России во главе с Е. И. Пугачевым. Они надеялись, что крепостные уже готовы к выступлению, так как «сознают тяжесть своего положения». У Спешнева сложился даже определенный план: поднять восстание на Урале, перейти с восставшими в Поволжье, «где народ помнит Пугачева», — и против этой силы никто не устоит. Свою деятельность петрашевцы рассматривали как подготовку к будущей революции: «Главная цель состоит в том, чтобы идеи и желания укоренились в массах народа, а когда будет желать целый народ, тогда против него ничего не может войско».

Петрашевцы пытались выйти за рамки кружка и перейти к более широкой пропаганде, однако условия в самодержавной России этому препятствовали. В 1845—1846 гг. они приняли активное участие в подготовке «Карманного словаря иностранных слов», вошедших в состав русского языка. Они почти бесплатно согласились помогать издателю и использовали эту помощь в пропагандистских целях. Объясняя слова «ассоциация», «конституция», «национальное собрание» и др., они пропагандировали идеи социализма, революции, необходимость глубоких преобразований. Им удалось издать два выпуска, а затем цензура спохватилась, издание было запрещено, а изданные книжки выкуплены правительством и сожжены.

Большое впечатление на них произвела революция 1848 г. во Франции. Они внимательно следили за ее перипетиями, обсуждали ее, делали выводы о возможности и близости революции в России. В 1848—1849 гг. деятельность петрашевцев была наиболее активной, а собрания — более многочисленными. В это время создаются новые кружки, начинаются переговоры о создании тайного общества у Петрашевского, Спешнева, Дурова; целью общества ставилась подготовка крестьянского восстания. Но тайное общество сложиться не успело. На собрания проник провокатор, который уже несколько месяцев следил за петрашевцами. В апреле 1849 г. кружки петрашевцев были разгромлены. И хотя следственная комиссия признала, что это «заговор идей» и что к практической деятельности они перейти не успели, приговор был самый суровый: 21 человек, в том числе Петрашевский и Достоевский, были осуждены на смертную казнь, в последнюю минуту замененную длительными сроками каторги.

Кружки петрашевцев представляли собой дальнейшее развитие общественного движения и революционной мысли в России. Петрашевцам вслед за Белинским и Герценом в значительной степени удалось преодолеть дворянскую ограниченность декабристов, их боязнь народной революции и приблизиться к правильному пониманию роли народных масс в историческом процессе. Их обращение к социализму свидетельствует о том, что идеалы буржуазной демократии стали уже узки для русских революционеров. Однако петрашевцам не удалось создать революционную организацию и полностью выйти за рамки дворянской революционности, их дея-

тельность — лишь подготовка нового этапа революционного движения в России.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО (1845—1847). Оживление общественного движения в 40-х годах нашло свое отражение и на Украине. Наиболее ярким проявлением его были творчество и деятельность великого поэта украинского народа Т. Г. Шевченко. Мировоззрение Шевченко складывалось в тесной связи с развитием русского революционного движения и общественной мысли, под непосредственным влиянием творчества Пушкина, Лермонтова, могучей проповеди прогрессивных идей Белинским и Герценом. Поэзия Шевченко отражала настроения, думы, чаяния украинского народа, его ненависть к самодержавию и крепостнической неволе. Творчество Шевченко носило революционный характер и имело не только украинское, но и общероссийское значение. Он стал кумиром передовой украинской молодежи, под влиянием его творчества складывались революционные кружки, вызревали антисамодержавные настроения и взгляды. Шевченко был, по существу, идейным вдохновителем создания «Славянского общества святых Кирилла и Мефодия», действовавшего на Украине с конца 1845 до начала 1847 г.

Идеалом политического устройства члены этого общества считали славянскую республиканскую федерацию, в рамках которой должна быть проведена широкая демократизация общественной жизни, ликвидированы крепостнические отношения, осуществлено равенство всех славянских народов, проведены принципы буржуазной демократии. На складывание политического идеала кирилло-мефодиевцев влияли, с одной стороны, русская революционная традиция, в которой идеи объединения славян в республиканскую федерацию занимали видное место еще с декабристов, а с другой — подъем национально-освободительного движения южнославянских и западнославянских народов, лозунги которого были близки передовой украинской интеллигенции.

Политическая программа кирилло-мефодиевцев облекалась в форму христианского социализма, дополнялась настроениями «казакофильского романтизма», идеями самобытности украинского народа и особого пути его исторического развития. Все это свидетельствовало о том, что буржуазный строй в его неприкрытом виде уже не удовлетворял членов этого общества, и они пытались найти новый, более прогрессивный идеал общественного устройства. Вместе с тем это говорило об ограниченности, противоречивости и непоследовательности их взглядов.

Кирилло-Мефодиевское общество не было единым: в нем отчетливо проступают формирующееся в то время революционно-демократическое направление в лице Т. Г. Шевченко, Н. И. Гулака, А. А. Навроцкого, И. Я. Посяды, отстаивавшее идею революционного слома самодержавного строя, и буржуазно-либеральное направление, примыкавшее в известной степени к славянофильскому течению, правда в ее украинофильской трактовке. Это направление, представленное в обществе историками П. А. Кулишом и Н. И. Костомаровым, отстаивало реформистский путь развития, а распространение просвещения считало главной целью своей деятельности. Создание Кирилло-Мефодиевского общества — показатель интенсивного процесса складывания украинской буржуазной нации и роста самосознания украинского народа. Самодержавие сурово расправилось с членами общества, особенно жестоко — с Шевченко: его отдали в солдаты и сослали на службу в Оренбургский гарнизон.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 Г. И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО. Революция 1848 г., отмечал Энгельс, во всех странах привела к более четкому размежеванию общественных группировок и различных идейных направлений. Умеренные либеральные группировки заняли антиреволюционные позиции и поторопились заявить свои верноподданнические чувства. Славянофил И. С. Аксаков, привлеченный в III Отделение, изложил их в своем письме Николаю I: «...старый порядок вещей в Европе столь же ложен, как и новый... Ложные начала исторической жизни Запада должны были неминуемо увенчаться безверием, анархией, пролетариатством... безумным упованием на одни человеческие силы... Не такова Русь. Православие спасло ее и внесло в ее жизнь совершенно другие начала, свято хранимые народом». Характерны пометки царя на полях этого письма: «совершенно справедливо», «святая истина».

Западников напугало восстание парижского пролетариата в июне 1848 г. Историк Б. Н. Чичерин писал: «...для меня громовым ударом были июньские дни, когда демократическая масса... вдруг выступила без всякого повода и без всякого смысла, как разнуздан-

ная толпа, готовая ниспровергнуть те самые учреждения, которые были для нее созданы. Разочаровавшись в жизненной силе демократии, я разочаровался и в теоретическом значении социализма».

Однако передовые революционные круги встретили революцию с большим воодушевлением. Долго нараставшая ненависть к самодержавно-крепостническим порядкам все чаще выливалась наружу, протест против российской действительности становился все резче и острее. Карательные органы правительства были переполнены «политическими» делами — о продаже и чтении запрещенных книг, об открытой критике существующих порядков, одобрении революции, «вольномыслии» в учебных заведениях, групповых антиправительственных выступлениях. Именно к этому времени относится активизация деятельности петрашевцев: от пропаганды и обсуждения теоретических вопросов они перешли к подготовке организации тайного революционного общества. Все известия о крестьянских волнениях встречались с большим вниманием и надеждой на то, что из них может вырасти общероссийское восстание, «общий взрыв».

Жесточайшей цензурой, усилением полицейского надзора и репрессиями правительству удалось справиться с волной общественного движения конца 40-х годов. Этому способствовало и утверждение реакционных режимов в странах Западной Европы.

Общественное движение 30—40-х годов имело важное историческое значение. Это было время «наружного рабства» и «внутреннего освобождения», время поисков правильной революционной теории. Изживались ограниченность декабристов, их боязнь народной революции, была поставлена проблема роли народа в историческом процессе и предстоящей революционной борьбе, в общественное движение все более включался разночинец. В рамках первого этапа освободительного движения, когда основной фигурой был революционер-дворянин, складывались основы новой революционно-демократической идеологии, еще не зрелой, противоречивой, недостаточно последовательной, но знаменующей наступление в недалеком будущем следующего этапа революционной борьбы — разночинского, или революционно-демократического.

ГЛАВА 8
ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАВКАЗА К РОССИИ

КАВКАЗ — УЗЕЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ. Кавказ, соединяя Европу и Азию, с древнейших времен играл существенную роль в системе международных отношений. Через него проходили важнейшие торговые пути.

Географически термин «Кавказ» объединяет территории Закавказья (т. е. расположенные за Кавказским хребтом) и Северного Кавказа. На рубеже XVIII—XIX вв. Кавказ населяли многочисленные народы, отличавшиеся друг от друга по языку, культуре, религии, уровню социально-экономического развития. Для данного региона были характерны феодальная раздробленность, наличие многочисленных мелких государственных объединений.

На большей части территории Кавказа преобладали феодальные отношения на различных стадиях их развития. В отдельных районах они переплетались с устойчивыми патриархально-родовыми отношениями. Главными занятиями народов Кавказа являлись земледелие и скотоводство. Натуральный характер хозяйства определял низкий уровень агротехники и экстенсивность скотоводства. Мануфактурного производства в Закавказье еще не существовало, домашние промыслы крестьян были связаны в основном с сельским хозяйством.

Замедленное развитие производительных сил объяснялось узостью местных рынков, замкнутостью отдельных экономических районов. На рубеже XVIII—XIX вв. Кавказ переживал один из наиболее мрачных и трагических периодов своей истории. Бесконечные войны между феодалами, опустошительные нашествия иранских и турецких завоевателей подрывали производительные силы.

Грузия состояла из Картли-Кахетинского и Имеретинского царств. В вассальной зависимости от грузинских царей находились княжества Гурия, Мингрелия, Сванетия и Абхазия. Восточное Закавказье (территория современного Азербайджана) было расчленено на восемь ханств и одиннадцать более мелких владений. Западная Армения находилась под властью Турции, Восточная Армения разделялась на Эриванское и Нахичеванское ханства. Еще большая пестрота наблюдалась на Северном Кавказе. Дагестан, Кабарда, Чечня

были расчленены на многочисленные родоплеменные объединения, неоднородные по уровню развития производительных сил. Только в горной Аварии насчитывалось номинально самостоятельных 40 «вольных обществ».

Во второй половине XVIII в. завершился процесс освоения Россией степного Предкавказья. В конце XVIII в. была сооружена Азовско-Моздокская укрепленная линия, в 1785 г. учреждено Кавказское наместничество.

В первой половине XIX в. процесс присоединения народов Кавказа к России продолжался. Можно выделить три основных его этапа.

Первый этап (1801—1815) — присоединение значительной территории Закавказья, включая большую часть Грузии, Азербайджана и части Черноморского побережья; второй (1816—1829) — присоединение Восточной Армении, района Ахалциха — Ахалкалаки, а также большей части Черноморского побережья Кавказа; третий (конец 20-х — начало 60-х годов XIX в.) — административное подчинение основных территорий Северного Кавказа. К середине 60-х годов XIX в. все народы Кавказа окончательно вошли в состав России.

Продвижение России на Кавказ в первой половине XIX в. диктовалось экономическими, политическими и стратегическими причинами: включение Кавказа в состав России открывало широкие перспективы для развития торговли через Черноморские порты, а также через Астрахань, Дербент и Кизляр на Каспии, для быстрого расширения товарооборота России с Азиатской Турцией и Ираном, ослабления влияния Англии в этом регионе. В перспективе Кавказ становился источником сырья для развивающейся русской промышленности и рынком сбыта ее товаров.

Огромную роль играли политические и военно-стратегические факторы. В начале XIX в. под властью Османской империи и Ирана находились значительные территории Закавказья: Турция владела укрепленными пунктами на Черноморском побережье Кавказа (Анапа, Сухуми, Поти и т. д.), ей принадлежали Ахалцихский и Ахалкалакский пашалыки (области, находившиеся под властью паши); иранские шахи захватили Восточную Армению, контролировали азербайджанские ханства и побережье Каспийского моря. Эти державы вынашивали замыслы полного завоевания Кавказа и покорения кавказских народов. В 1795 г. войска иранского шаха Ага-Мухаммеда вторглись на территории Грузии и Армении и подвергли их опустошительному разорению.

В этих условиях разрозненные государства Кавказа не могли надеяться на сохранение своей национальной независимости. Многие народы Кавказа стремились добровольно войти в состав Российской империи и тем самым избавиться от перспективы быть покоренными турецкими султанами и иранскими шахами. Царское правительство заключало договоры с владетелями тех или иных провинций на Кавказе и, беря их под свое покровительство, избавляло от разорительных затяжных войн. Однако в отдельных районах Кавказа возникли очаги сопротивления утверждению царской власти, которые возглавлялись крупными феодалами, дорожившими своими привилегиями и тяготевшими к Ирану и Турции, а также мусульманским духовенством.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XIX В. В конце XVIII— начале XIX в. в Грузии усилилась тенденция к объединению с Россией. Армянский народ также выражал настойчивое желание опереться в своей освободительной борьбе на Россию. Русский поход 1796 г. в Закавказье был восторженно встречен и народными массами Азербайджана. На всем протяжении пути Дербент — Шемаха — Гянджа население хлебом и солью встречало русских солдат, предоставляло им продовольствие и транспорт.

В конце XVIII в. грузинский царь Георгий XII, выражая настроение народных масс, неоднократно обращался с просьбой о присоединении Грузии к России, видя в ней единственное спасение от внутренних усобиц и иноземной агрессии.

В 1801 г. декретом Александра I к России была присоединена Восточная Грузия. Картли-Кахетинское царство (династия Багратионов) прекратило свое существование. На его территории было учреждено верховное грузинское правительство во главе с правителем Грузии, как правило, крупным царским чиновником. Вскоре должность главноуправляющего Грузии была соединена с должностью главноуправляющего Кавказа, на которую назначили генерал-лейтенанта П. Д. Цицианова.

Восточная Грузия стала опорным пунктом в борьбе за присоединение к России всего

НАРОДЫ КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Границы турецких и иранских владений к 1801 г.

Границы государств и отдельных земель к 1801 г.

Территории, признанные владением России по Гюлистанскому договору 1813 г.

Территории, присоединенные к России в 1801–1860 гг. (с указанием года присоединения)

Районы, на которые не распространялся контроль русской администрации в 1860 г.

Граница Российской империи в 1860 г.

Закавказья. В то же время возникла необходимость обеспечения надежной связи с новой провинцией, отделенной от России горами. Для установления коммуникаций с Грузией существовало два направления — восточное и западное, т. е. по Каспийскому морю и Черноморскому побережью Кавказа. С русской стороны начались переговоры с ханами Восточного Закавказья, а также с имеретинским царем Соломоном II о присоединении их территорий к России. В 1802 г. Кубинское и Талышское ханства (Восточное Закавказье) приняли покровительство России. В результате военного похода, предпринятого Цициановым, в 1804 г. к России было присоединено Гянджинское ханство.

В 1803 г. в состав России вошла Мегрелия, имевшая выход к Черноморскому побережью. После этого встал вопрос о присоединении Имеретии, которая разъединяла две вновь приобретенные провинции России — Картли-Кахетию и Мегрелию. После длительных переговоров в мае 1804 г. имеретинский царь Соломон II подписал соглашение, оформившее протекторат России над царством. Вместе с Имеретией в состав России вошла вассальная от нее Гурия. Таким образом, в 1804 г. в основном завершилось присоединение к России Грузии (за исключением территории Абхазии).

Утверждение России в Закавказье вызвало противодействие Ирана и Турции. В 1804 г. шах Фехт-Али, рассчитывая на военную помощь Англии, начал войну с Россией (1804—1813). Иранские войска через территорию Восточной Армении попытались вторгнуться в Грузию. Немногочисленная русская армия сумела остановить продвижение войска, нанеся под Эриванью поражение их военачальнику Аббас-Мирзе. Русским войскам ока-

зывали активную поддержку народы Закавказья.

В ходе летней кампании 1805 г. было отражено новое наступление Аббас-Мирзы. Не сумев взять героически оборонявшуюся крепость Шушу, иранская армия попыталась прорваться к Тифлису. Однако русские войска при помощи местных партизанских отрядов нанесли им поражение. Был ранен и едва не пленен Аббас-Мирза. Одновременно активизировались военные действия России в Северном Азербайджане.

Летом 1805 г. в состав России вошли Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства. В конце 1805 г. главноуправляющий Кавказа П. Д. Цицианов начал наступление на Бакинское ханство. В 1806 г. Баку и Дербент были заняты русскими войсками, что определило завершение в основном присоединения Восточного Закавказья и побережья Каспийского моря к России.

В 1806 г. политическая обстановка на Кавказе осложнилась начавшейся русско-турецкой войной (1806—1812). Немногочисленным войскам Кавказского корпуса приходилось вести борьбу на два фронта — против Ирана и против Турции. На первом этапе войны (1806—1807) турецкое командование готовило вторжение в Грузию через Карс. В июне 1807 г. русские войска нанесли туркам поражение на реке Арпачай, предотвратив тем самым османское наступление на Грузию. В августе 1807 г. военные действия временно прекратились в связи с заключением Слободзейского перемирия.

На втором этапе войны (ноябрь 1809 г. — июль 1810 г.) развернулась борьба за Черноморское побережье Кавказа. Русские войска взяли Поти, Анапу, Сухумскую крепость. Турки потеряли фактически все свои опорные пункты. Взятие Сухуми обеспечило окончательное присоединение Абхазии (1810) к России.

На третьем этапе войны (август 1810 г. — июль 1812 г.) при активном посредничестве английских дипломатов шах и султан пришли к соглашению о совместных действиях против России. В районе Ахалкалаки сосредоточились турецкие и иранские войска, готовые к новому завоевательному походу на Грузию. Русское командование приняло решение упредить противника: в сентябре 1810 г. турецко-иранская группировка была полностью разгромлена под Ахалкалаки, а в 1811 г. русские войска взяли крепость Ахалкалаки.

Последнее наступление иранских войск, предпринятое Аббас-Мирзой на Карабахское ханство в 1812 г., также кончилось их поражением. Иранский военачальник был разбит на реке Аракс при Асландузе. В 1812 г. подписание Бухарестского мирного договора завершило русско-турецкую войну, а в 1813 г. между Россией и Ираном был заключен Гюлистанский мирный договор. По Бухарестскому договору русские войска заняли Анапу, Поти, Ахалкалаки. Турция признала вхождение в состав России Имеретии, Мегрелии, Гурии и Абхазии. Россия удержала за собой Сухуми и крепость Редут-Кале, контролировавшие побережье Абхазии и Мегрелии. Россия прочно утвердилась на Черноморском побережье Кавказа. По Гюлистанскому мирному договору Иран признал все русские приобретения на Кавказе, включая район Восточного Закавказья и Западное побережье Каспийского моря. В состав России вошел также Дагестан.

Таким образом, в начале XIX в. Россия не только присоединила подавляющую часть территории Закавказья, но и добилась признания этого факта со стороны Турции и Ирана. В годы русско-турецкой и русско-иранской войны в совместной борьбе против турецких и иранских завоевателей окрепло боевое содружество России и народов Закавказья.

КАВКАЗ И ПОЛИТИКА РОССИИ В 20-Е ГОДЫ XIX В. ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ И ИРАНОМ. После окончания русско-турецкой и русско-иранской войн обстановка на Кавказе оставалась сложной. Англия побуждала Турцию и Иран к ревизии Бухарестского и Гюлистанского мирных договоров, ибо утверждение России на Кавказе английское правительство расценивало как прямую угрозу своим владениям в Индии. Интересы Великобритании совпадали с замыслами султана и шаха, которые, несмотря на военные поражения, не отказались от своих экспансионистских планов. Уже летом 1813 г. турецкое правительство потребовало вывода русских войск из Гурии, Мегрелии и Абхазии. Эти требования были подкреплены в 1815 г. сосредоточением турецких сил в районе Ахалциха. В 1817—1818 г. Порта настаивала на эвакуации русской армии из Восточной Грузии, Редут-Кале и Сухуми, рассчитывая вновь укрепиться в этих районах Закавказья. Одновременно Иран добивался пересмотра Гюлистанского договора, требуя возвращения Талышского и Карабахского ханств.

В 20-е годы XIX в. при шахском дворе сложилась сильная антирусская группировка. Английские офицеры деятельно обучали иранские войска. Иран получал из Англии оружие и боеприпасы.

В июне 1826 г. иранская армия под командованием Аббас-Мирзы вторглась в Карабах. Началась вторая русско-иранская война (1826—1828). Для своего наступления Аббас-Мирза выбрал тифлисское направление. Небольшой русский гарнизон крепости Шуша задержал продвижение иранской армии на 48 дней. Большую помощь русским солдатам оказывало местное население. Наравне с мужчинами в защите города принимали участие и женщины. Так и не взяв крепость, Аббас-Мирза двинулся на Тифлис. По пути его войска захватили и разграбили Елизаветполь. Однако в сентябре 1826 г. в районе крепости Гянджа русская армия наголову разбила иранские войска, которые в беспорядке отступали вплоть до реки Аракс. Народы Закавказья поднялись на борьбу против иранских завоевателей. Повсеместно образовывались армянские, грузинские и азербайджанские добровольческие отряды.

В 1827 г. началось наступление русских войск на Эривань. Появление в Араратской долине русских вызвало ликование среди армянского населения. Вместе с русскими войсками сражалось более 1 тыс. армянских добровольцев. В войне участвовало и азербайджанское конное ополчение. Эривань была взята в октябре. В это же время русские войска вошли в Южный Азербайджан и взяли Тавриз. Полное военное поражение Ирана было очевидно. Начались переговоры о мире, которые приняли затяжной характер. Только в феврале 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор, в заключении которого принял активное участие известный русский писатель и дипломат А. С. Грибоедов. По этому договору ханства Эриванское и Нахичеванское полностью вошли в состав России, границей между Россией и Ираном стала река Аракс. В марте 1828 г. на территории обоих ханств была образована Армянская область, что положило начало консолидации армянского народа. После подписания Туркманчайского мирного договора более 140 тыс. армян эмигрировали в Закавказье из Турции и Ирана.

Туркманчайский договор закрепил позиции России на Каспийском море, подтвердив ее преимущественное право располагать военноморскими силами в этом районе, и послужил основой русско-иранских отношений на длительный исторический период.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА. КАВКАЗСКИЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. В апреле 1828 г. началась русско-турецкая война (1828—1829). Несмотря на то что основные события ее развертывались на Балканах, Кавказский фронт имел также большое значение. Военные действия развернулись на Черноморском побережье и в Западной Армении. В июле 1828 г. русские войска штурмом овладели крепостью Карс. В ходе кампании 1828 г. русские войска взяли также Анапу, Поти, Ахалцих, Ардаган и Баязет. Важнейшие укрепленные пункты Турции на Черноморском побережье и в Западной Армении перешли в руки России. В 1829 г. Турция попыталась взять реванш за поражение 1828 г. и решила вторгнуться в Грузию через Боржомское ущелье. Однако в марте 1829 г. турецкая армия потерпела поражение. Новое наступление, предпринятое в июне 1829 г. в направлении Карса и Ахалциха, также закончилось для них неудачей. Русские войска быстро перешли в наступление и заняли Эрзерум. В сентябре 1829 г. был подписан Адрианопольский мирный договор, по которому за Россией закреплялась Анапа, Поти, город Ахалцих и крепость Ахалкалаки. Турция была вынуждена окончательно признать присоединение к России Грузии и Восточной Армении. Турции возвращались занятые в ходе войны Карс, Баязет, Эрзерум, а также часть Ахалцихского пашалыка.

В результате этих войн в конце 20-х годов XIX в. завершился процесс присоединения Закавказья к России. Это имело огромное значение для исторических судеб грузинского, армянского и азербайджанского народов, избавившихся от угрозы порабощения со стороны Турции и Ирана. Армянский писатель-просветитель Х. Абовян считал присоединение Армении к России «счастливым веком», «прекрасной весной» для армянского народа.

В ходе русско-турецкой и русско-иранской войн народы Закавказья плечом к плечу с русскими войсками боролись против и турецких и иранских завоевателей. Активно действовали азербайджанские, грузинские и армянские народные ополчения и добровольные дружины. Создавались армянские батальоны и азербайджанские иррегулярные отряды. В русских войсках было много гру-

зин, как офицеров, так и рядовых солдат. В эти годы укрепились боевое содружество и дружественные связи русского народа с народами Закавказья.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА НА КАВКАЗЕ. Стабилизация обстановки на Кавказе позволила русскому правительству закончить организацию внутреннего управления этого региона. Сложность взаимоотношений с народами Кавказа и напряженность международной обстановки заставляли царизм первоначально проводить осторожную политику. Система соглашений предусматривала сохранение автономии ряда государственных образований Закавказья, что создавало значительные трудности для самодержавия. Распространению на Кавказе русской бюрократической системы мешали противодействие прежних владетелей, антирусская агитация турецких и иранских эмиссаров, сила традиций. В связи с этим процесс внутреннего административного устройства Кавказа растянулся на несколько десятилетий.

В Восточной Грузии было учреждено Верховное грузинское правительство с участием местных феодалов и русской администрации. Автономия Картли-Кахетинского царства была ликвидирована, так же как и автономия Имеретии (1810). Азербайджанские ханства также потеряли свою независимость. Вместо них было образовано шесть мусульманских провинций во главе с русскими офицерами-комендантами. В 1828 г. после присоединения Эриванского и Нахичеванского ханств была создана Армянская область. К концу 20-х годов областная автономия в Закавказье была ликвидирована; во главе кавказской администрации стояли русские чиновники, подчиненные главноуправляющему на Кавказе (позднее наместнику). Этот пост занимали крупнейшие сановники царской России, пользовавшиеся особым доверием императора (в 20—50-х годах — князь П. Д. Цицианов, генерал А. П. Ермолов, фельдмаршал И. Ф. Паскевич, князь М. С. Воронцов).

В 40-х годах XIX в. было введено новое административно-территориальное деление и в связи с этим — новая административная система. В 1840 г. образовались Грузинско-Имеретинская губерния и Каспийская область. В Грузинско-Имеретинскую губернию вошла кроме Грузии территория Армянской области; Каспийская область включала территорию бывших мусульманских провинций. В 1846—1849 гг. в Закавказье были образованы губернии по образцу Центральной России — Тифлисская, Кутаисская, Шемахинская, Дербентская и Эриванская.

В конце 50-х — начале 60-х годов была ликвидирована автономия Мегрелии, Сванетии и Абхазии. Из территории последней образовался Сухумский округ.

Царизм в Закавказье, борясь с сепаратизмом местных феодалов, вместе с тем стремился привлечь их на свою сторону. Большинство членов царствующих фамилий Грузии были переведены с Кавказа и поселены в Петербурге. Сепаратистские заговоры жестоко подавлялись, земли сопротивлявшихся феодалов конфисковывались в пользу государства. Так, в Азербайджане было конфисковано ¾ земельного фонда. В Грузии и Армении царизм также стал крупным земельным собственником. Создавая из местной знати свою классовую опору, царь в 1827 г. специальным указом уравнял в привилегиях грузинских дворян с русскими. К 1859 г. в княжеском и дворянском звании было утверждено по Грузии около 30 тыс. человек. Ряд законов подтвердил их феодальные права на землю и крестьян. В Азербайджане все земли феодалов, принадлежавшие им по праву условного держания, были переданы в наследственное владение, была подтверждена и феодальная зависимость крестьян. В Армении остались незыблемыми феодальные права армянской апостольской (григорианской) церкви, а также местных помещиков. В результате этих мероприятий в середине XIX в. класс феодалов Закавказья стал верной опорой российского самодержавия.

Однако русификаторская политика царизма на Кавказе значительного успеха не имела. Народы Закавказья сохраняли свой язык. культуру, верования и обычаи, хотя официальное делопроизводство велось на русском языке.

До середины XIX в. на территории Закавказья господствовали феодальные методы эксплуатации как со стороны царизма, так и со стороны местных дворян-крепостников. Тем не менее в результате присоединения к России экономика Закавказья стала развиваться интенсивнее. Начали создаваться торговые общества, расти железорудная промышленность, возникли хлопкоочистительные заводы. Торговые обороты значительно

увеличивались — Закавказье стало крупнейшим центром транзитной торговли.

Народные массы Закавказья активно боролись против феодальной эксплуатации. Летом 1804 г. подняли восстание против царской администрации грузинские крестьяне. Еще более крупные масштабы имело восстание 1812 г.

В 1819 г. грузинское духовенство подняло крестьян на борьбу против секуляризации церковных владений. В 1830 г. разгорелось крестьянское восстание в Южной Осетии. Против произвола царской администрации боролись в 1837 г. жители Кубинской провинции. В этом же году произошли массовые волнения в Армении, в районе озера Севан. Их удалось подавить лишь в 1838 г. Выступления народных масс носили антифеодальный характер, они были порождены жестокой эксплуатацией и произволом царской администрации. Однако местным сепаратистам не удалось использовать народные движения в своих целях. Напротив, народные массы поддерживали Россию и принимали активное участие в ее войнах против турецких и иранских завоевателей.

Укреплялись и расширялись связи передовой части русского общества с народами Закавказья: Творчество и деятельность А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева-Марлинского оказали большое влияние на общественно-политическую жизнь этого региона. Кавказ, его природа и вольнолюбивые народы стали источником вдохновения для русских поэтов, писателей, общественных и революционных деятелей. Передовая общественность России с глубоким уважением относилась к народам Кавказа, активно выступала за экономическое развитие этого края. В 1829 г. А. С. Грибоедов принял участие в составлении плана хозяйственного и культурного развития Закавказья. Считая Закавказье краем, «усыновленным» Россией, Грибоедов верил в его историческое будущее. Он писал, что «при внимательном рассмотрении Закавказского края каждый удостоверился, что там природа все приготовила для человека, но люди даже не пользовались природой».

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА 1817—1864 ГГ. Стремление России утвердить свою власть на Северном Кавказе, насаждение царской администрации вызывали сопротивление горцев. Началась затянувшаяся на долгие годы Кавказская война, охватившая горные районы Северо-Западного Кавказа, Дагестана, Чечни.

Взаимоотношения между Россией и феодальными владетелями Северного Кавказа были весьма сложными. В начале XIX столетия царская администрация заключала соглашения с разрозненными осетинскими общинами об их вхождении в состав России. К этому времени большинство ингушских общин признали российское подданство. Однако власть России над Северным Кавказом оставалась еще номинальной. Вне административно-политического контроля царского правительства оставались горные районы Кавказа, отделявшие Россию от Закавказья. После присоединения Грузии подобное положение стало нетерпимо для России.

Завершение наполеоновских войн и подписание Бухарестского и Гюлистанского мирных договоров дали возможность России активизировать политику на Северном Кавказе.

Главноуправляющий Кавказом генерал А. П. Ермолов начал осуществлять планомерное продвижение в глубь Чечни и Дагестана путем прорубки просек и строительства укрепленных пунктов. В 1817—1819 гг. были построены крепости Грозная и Внезапная, что дало возможность контролировать плодородную долину реки Сунжи. Это вызвало протест дагестанских феодалов, которые в 1819—1821 гг. пытались отбросить русских от Сунжинской линии. В этой борьбе они потерпели поражение. В 20-е годы был проведен ряд карательных экспедиций против непокорных адыгов.

Наступление России на горные районы Северного Кавказа, возведение на землях горцев крепостей, мобилизации населения на строительство дорог, обременительные подати и повинности, произвол чиновников вызывали недовольство народа. Наряду с этим имел место и социальный протест народов Северного Кавказа против усиления гнета со стороны феодалов.

В конце 20-х годов среди мусульманских народов Северного Кавказа получил широкое распространение мюридизм. Мюриды проповедовали духовное совершенствование на основе мусульманской религии, безусловное слепое подчинение своим вождям и наставникам. Для них были характерны религиозный фанатизм и провозглашение газавата — священной войны против неверных. В мюридистском движении под религиозной оболочкой проявлялся и политический, и социальный

протест. Возглавляло это движение мусульманское духовенство. Движущие силы его — духовенство, часть местных феодалов и главным образом быстро феодализирующаяся верхушка горных «вольных обществ» — узденей. Народные массы поддерживали и антифеодальную, и антиколониальную тенденцию в этом движении. Таким образом, в движении слились две линии: с одной стороны, освободительная борьба горского крестьянства, с другой — стремление узденей и мусульманского духовенства, вставшего во главе движения, захватить власть и закабалить народные массы.

Движение мюридизма не распространялось на весь Северный Кавказ. Часть осетин, кабардинцы и другие народы не поддерживали его. В основном оно получило распространение в Чечне и Горном Дагестане. Первым имамом (руководителем движения) стал в 1828 г. мусульманский священник Гази-Магомед, выдвинувший идею объединения на основе ислама народов Чечни и Дагестана. Собранные им войска нападали на Сунжинскую укрепленную линию, пытались овладеть крепостью Внезапной. Одновременно Гази-Магомед вел активную борьбу против не подчинявшихся ему местных феодалов, в частности против аварских ханов.

В 1831 г. Гази-Магомед захватил Кизляр. В ответ царское правительство осуществило в 1832 г. карательную экспедицию в Чечню. В ауле Гимры Гази-Магомед был окружен и погиб в бою.

Вторым имамом Дагестана, возглавившим борьбу горцев, стал в 1832 г. Гамзат-Бек. Он завершил разгром аварских ханов и продолжал насаждать среди горцев учение мюридизма. Однако уничтожение аварских ханов стоило Гамзат-Беку жизни. В 1834 г. он пал жертвой кровной мести.

В 1834 г. имамом был провозглашен Шамиль (1799—1871), которому удалось создать достаточно прочное теократическое государство — имамат. Шамиль сосредоточил в своих руках военную, административную и духовную власть, создал сильную армию (от 10 до 20 тыс. человек). Обычное право — адат — было повсеместно заменено шариатом (сводом религиозно-этических и правовых предписаний ислама), государственным языком стал арабский. Имамат делился на округа, которые управлялись наместниками Шамиля — наибами. В центре горной гряды Северо-Восточного Кавказа в укрепленном ауле Ахульго находилась резиденция имама. При Шамиле мюридизм был полностью поставлен на службу имамату. Лозунги газавата помогли Шамилю сосредоточить в своих руках всю полноту власти — любое неподчинение сурово каралось как измена религии, вероотступничество. Шамиль возвеличивался как лицо, избранное богом на великий подвиг.

Движение горцев Чечни и Дагестана под руководством Шамиля первоначально имело антиколониальный и антифеодальный характер, скрытый, правда, под воинствующей религиозной оболочкой. Но по мере развития движения, складывания имамата и укрепления личной власти Шамиля антифеодальные тенденции ослабевали, так как в имамате формировалась новая феодальная верхушка из приближенных Шамиля, которая шла на компромисс со старой аристократией и становилась социальной опорой имамата.

Шамиль попытался завязать связи с иностранными государствами, найти у них поддержку в своей борьбе против России. Он делал декларативные заявления о верности турецкому султану, просил о помощи Великобританию. Однако протурецкая ориентация не увенчалась успехом — широкие массы Северного Кавказа относились к ней отрицательно. Англия же не могла оказать действенной помощи. В 1836 г. в Черном море была арестована и конфискована русским правительством английская шхуна «Виксен», перевозившая оружие горцам Кавказа, что вызвало острый дипломатический конфликт, после которого политика Великобритании стала более сдержанной.

В 1837 г. военные действия на Северном Кавказе возобновились, но русское наступление на Дагестан было неудачным. Заключив с Шамилем перемирие, командование вновь вернулось к старой тактике — к строительству укрепленных линий, вырубке лесов и прокладыванию дорог. Были построены новые крепости — Навагинская, Тенгаизская, Новороссийская и др. В 1839 г. наступление русских войск на Дагестан увенчалось успехом: был взят аул Ахульго. Однако раненому Шамилю с отрядом мюридов удалось прорваться в Чечню.

40-е годы XIX в. стали периодом высших успехов Шамиля: движение охватило всю Чечню, ему удалось занять ряд укреплений Черноморской береговой линии. В 1840—1843 гг. он нанес несколько пораже-

ний отдельным отрядам Кавказского корпуса, занял Аварию и вновь утвердил свою власть в значительной части Дагестана. Территория имамата увеличилась более чем в два раза, численность армии Шамиля возросла до 20 тыс. человек.

В конце 40-х — начале 50-х годов государство Шамиля начало клониться к закату. Усилились классовые противоречия внутри имамата. Наибы Шамиля и верхушка духовенства, ставшие крупными феодалами, жестоко угнетали народ, разоряли его бесчисленными податями. Феодальная эксплуатация, бесконечные военные поборы, суровые законы шариата оттолкнули горское крестьянство от мюридизма. Теряя поддержку в народе, Шамиль усиливал репрессии, что еще больше разжигало внутренний конфликт.

Ослабленный имамат не сумел оказать действенную помощь турецкой армии в годы Крымской войны. Летом 1854 г. отряды Шамиля вторглись в Кахетию, захватили Цинандали, но были вскоре разбиты русской армией и грузинским ополчением. Поражение турецкой армии на Кавказском фронте окончательно рассеяло надежды Шамиля на помощь извне.

После окончания Крымской войны внутреннее и внешнее положение имамата стало безнадежным. Усиленный Кавказский корпус, преобразованный в армию, повел решительное наступление на горные районы Северного Кавказа. Одновременно в Северном Дагестане начались народные выступления против Шамиля. В августе 1859 г. после ожесточенной битвы пало последнее убежище Шамиля — аул Гуниб. Шамиль был взят в плен. Имамат прекратил свое существование.

В 1863—1864 гг. русские войска заняли всю территорию по северному склону Кавказского хребта. В мае 1864 г. они взяли штурмом последний очаг сопротивления черкесского племени убыхов Кбааду. Длительная Кавказская война закончилась.

Присоединение народов Кавказа к России имело для них большое прогрессивное значение. Окончание феодальных смут, неприкосновенность границ, уничтожение патриархальных пережитков, рабства, кровной мести благоприятно отразились на хозяйственной жизни Кавказа. Втягивание этого района во всероссийский рынок ускорило развитие капиталистических отношений. Создались предпосылки для формирования наций на Кавказе. В лице русского народа и его передового отряда — революционного пролетариата — кавказские народы обрели защитника и руководителя в борьбе за социальное и национальное освобождение.

ГЛАВА 9
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ КОНЦА 20-Х — НАЧАЛА 50-Х ГОДОВ XIX В. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

1. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 20—50-Е ГОДЫ XIX В.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ. Международные отношения второй четверти XIX в. определялись дальнейшим развитием капитализма в Европе, нараставшим революционным движением.

Внешнюю политику император Николай I держал всецело в своих руках. Министром иностранных дел в течение всего его царствования был К. В. Нессельроде, внешнеполитические представления которого сложились в период Священного союза.

Во второй четверти XIX в. система соглашений, характерная для александровской эпохи, претерпела существенные изменения. Священный союз фактически распался в ходе греческого восстания. Однако сотрудничество трех реакционных монархических государств — России, Австрии и Пруссии — продолжалось. Этот союз должен был противостоять начавшемуся в 30—40-х годах XIX в. англо-французскому сближению. Особое значение русская дипломатия той эпохи придавала союзу с Австрией. Однако сотрудничество России с Австрией и Пруссией не было прочным и постоянным. Каждая страна решала собственные задачи, и полное согласие достигалось лишь перед лицом революционной опасности. Неоднократно Николаю I приходилось в дипломатической переписке обрушиваться на своего вероломного союзника Австрию и австрийского канцлера Меттерниха.

Сближение между Англией и Францией также не было достаточно прочным. Это порождало у русской дипломатии иллюзию

возможности соглашения с Великобританией, хотя русско-английские противоречия обострялись, так как Англия становилась основным соперником России на Ближнем Востоке: она интенсивно проникала на ближневосточные рынки, вытесняла оттуда Россию, добивалась преобладающего влияния в Константинополе, укреплялась в Средиземноморье. В связи с этим британское правительство и послушная ему пресса разжигали у английской общественности ненависть к России, пугали ее пресловутой «русской опасностью», преувеличивали ее агрессивность, скрывая своекорыстные цели английской буржуазии на Ближнем Востоке.

В отношении Франции Николай I занял враждебную позицию с момента французской буржуазной революции 1830 г.

Во второй четверти XIX столетия восточный вопрос занял центральное место во внешней политике России. Достижение наиболее выгодного режима черноморских проливов, поддержка национально-освободительного движения народов Балканского полуострова, расширение черноморской торговли, укрепление влияния в Константинополе — таковы задачи, которые пыталась решить русская дипломатия на Ближнем Востоке. Главная цель внешней политики России в Европе сводилась к борьбе против распространения там революционного движения, что заставляло Николая I стремиться к объединению всех реакционных европейских сил. Вместе с тем отношения России с западноевропейскими странами зависели в значительной степени от их позиции в восточном вопросе.

ГРЕЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1828—1829 ГГ. В 1825 г., еще при жизни Александра I, русское правительство пришло к выводу о необходимости вмешательства в греческий вопрос и оказания помощи греческим патриотам.

Существовали давние религиозные, культурные и экономические связи между Россией и Грецией. В русском народе всегда была сильна симпатия к народу Греции и греческим патриотам. Выступление на стороне греческого народа диктовалось и стремлением русского правительства укрепить свое влияние на Балканском полуострове, усилить позиции на Ближнем Востоке и обеспечить условия экономического развития юга России. Затянувшийся греко-турецкий конфликт подрывал русскую черноморскую торговлю. Помещики юга России и купечество открыто выражали свое недовольство, требуя от правительства решительных действий.

Добиваясь международной солидарности в греческом вопросе, в апреле 1826 г. Россия подписала с Англией Петербургский протокол, который гарантировал Греции автономию, свободу торговли, защиту собственности. В случае сопротивления со стороны османского правительства предусматривалась возможность вооруженного выступления в защиту Греции. Таким образом, русское правительство получило от Англии дипломатическую поддержку в этом вопросе. Петербургский протокол был победой России и первым дипломатическим успехом Николая I. В Англии он был воспринят неодобрительно, а лорд Веллингтон, подписавший протокол, вызвал нарекания коллег по кабинету. В 1827 г., когда греческие повстанцы терпели поражения от регулярных египетских частей и турецких войск, Россия, Англия и Франция подписали Лондонский трактат, подтвердивший право Греции на автономию и предусматривавший в случае неуступчивости Турции совместную военно-морскую демонстрацию союзников у Морейского побережья. В силу этого соглашения 20 октября 1827 г. союзные эскадры вошли в Наваринскую бухту, где стоял турецко-египетский флот. В результате начавшегося сражения значительная часть османского флота была уничтожена. После Наварина западные державы от военных действий против Турции фактически отказались, ограничиваясь блокадой Морейского побережья.

Русско-турецкие отношения между тем резко ухудшились. Порта продолжала категорически отказываться от каких-либо переговоров по греческому вопросу, надеясь репрессивными мерами подавить восстание. В то же время она предприняла ряд враждебных демаршей по отношению к России, в частности закрыла проливы для русских торговых кораблей. В апреле 1828 г. Россия объявила войну Османской империи.

Обе стороны не были подготовлены к военным действиям. В русской Дунайской армии в полной мере проявлялись последствия аракчеевщины. Наиболее боеспособными оказались части Отдельного кавказского корпуса, который имел богатые боевые традиции и среди офицеров и рядовых которого находилось немало представителей передовой интеллигенции, бывших декабристов.

Главный штаб делал ставку на Балканский театр военных действий, надеясь, что само появление русских войск за Дунаем заставит Порту искать мира. Эти надежды не оправдались. Дунайская армия в 1828 г. увязла в длительной осадной войне. Только в Закавказье были достигнуты некоторые успехи: заняты Карс и Баязет.

Военные действия перемежались с переговорами о мире, причем в них пытались вмешаться западные державы. В ходе переговоров полностью выявилась двойственная позиция английской дипломатии, которая фактически препятствовала успеху борьбы Греции за независимость. Турция, надеясь на скрытую поддержку западных держав, и в первую очередь Англии, по-прежнему не уступала своих позиций.

В 1829 г. военные действия развернулись на Дунайском и Кавказском фронтах. Активно действовали и греческие патриоты. В середине лета 1829 г. военное поражение Порты было предрешено. Русские войска взяли Силистрию и Эрзерум. Русская армия совершила переход через Балканы. 20 августа 1829 г. пал Адрианополь.

14 сентября 1829 г. был подписан Адрианопольский мирный договор. К России переходили острова в дельте Дуная, Черноморское побережье Кавказа от Анапы до Поти, Ахалцих и Ахалкалаки, часть армянских областей Турции. Была гарантирована широкая автономия для Греции, подтверждены автономные права Сербии и Дунайских княжеств. Провозглашалась свобода торговой навигации в проливах. Турция обязывалась выплатить контрибуцию за нанесенные русским подданным убытки. Адрианопольский договор имел важное значение для дальнейшего развития национально-освободительного движения на Балканах. В 1830 г. Греция провозгласила свою полную независимость. В том же году были закреплены наследственные права за сербским князем. Усилилось национально-освободительное движение в Болгарии. Выросли влияние России на Балканах, авторитет у южнославянских народов. Более благоприятные условия для развития получила черноморская торговля, стабилизировались русско-турецкие отношения.

ПРОБЛЕМА ПРОЛИВОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В 30—40-Е ГОДЫ XIX В. После заключения Адрианопольского мирного договора во внешней политике России особое место заняла проблема международно-правового режима черноморских проливов. Развитие южных районов России и расширение черноморской торговли стояли в прямой связи с возможностью прохода русских торговых судов через Босфор и Дарданеллы. Проливы имели также важное стратегическое значение. Возможность свободного прохода иностранных военных кораблей в Черное море представляла существенную опасность для южных границ России. На торговое и стратегическое значение проливов неоднократно указывали К. Маркс и Ф. Энгельс в своих статьях по восточному вопросу[1]. Таким образом, вопрос о режиме судоходства в проливах был одной из важных проблем во внешней политике России.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. не изменила общее направление политики России по отношению к Турции. В начале 30-х годов были предприняты попытки укрепления русско-турецких межгосударственных отношений, досрочно выведены русские войска из Дунайских княжеств, сокращены размеры контрибуции, которую Турция выплачивала России по Адрианопольскому мирному договору.

В 1832 г. возник турецко-египетский конфликт. Паша Египта Мухаммед Али, главный в то время носитель сепаратистских тенденций в Османской империи, начал военные действия против султана. Слабая турецкая армия была разгромлена египетскими войсками. Османской империи грозил распад. В этих условиях Россия, единственная из европейских держав, выступила в защиту Турции.

Когда египетская армия находилась недалеко от Константинополя, Порта обратилась за помощью к европейским кабинетам. Великие державы придерживались в тот период политики сохранения статус-кво на Ближнем Востоке и поддержки целостности Османской империи. Каждая из держав стремилась получить экономические преимущества в Турции, поэтому они поддерживали все более ослабевавшую власть султана над отдельными провинциями. Однако в 1833 г. Франция, тесно связанная с Мухаммедом Али, не спешила с ответом Порте. Английский госу-

---

[1] См.: *Энгельс Ф.* Действительно спорный пункт в Турции. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. т. 9, с. 13—14 (см. также другие статьи в этом же томе).

дарственный секретарь лорд Пальмерстон не хотел из-за сложной внутриполитической обстановки вмешиваться в восточные дела и не проявлял никакой инициативы. Одна Россия немедленно откликнулась на просьбу султана о помощи. Решение оказать Турции поддержку диктовалось, с одной стороны, общей политической линией русского правительства на сохранение устойчивости Османской империи, с другой — стремлением укрепить русско-турецкие отношения и усилить русское влияние в Константинополе. На Ближний Восток в спешном порядке был послан генерал-адъютант царя Н. Н. Муравьев для вручения ультиматума египетскому паше с требованием прекратить поход на Константинополь. Вслед за этим на Босфор прибыл 30-тысячный русский десантный отряд для защиты турецкой столицы.

Начало турецко-египетского конфликта совпало с значительным обострением противоречий европейских держав на Ближнем Востоке, экономическое закабаление Османской империи Великобританией и Францией усилилось. Если в 1825 г. английский экспорт на Ближний Восток составлял 531 704 ф.ст., то, по оценке К. Маркса, его стоимость к 40-м годам XIX в. превысила 1 млн. ф. ст. В 1850 г. английский экспорт достиг значительной суммы — 3 762 480 ф. ст.[1] За эти же годы значительно возрос экспорт в Турцию французских товаров. Франция была серьезным конкурентом Англии на турецких рынках и, опираясь на Мухаммеда Али, пыталась утвердить свое безраздельное влияние в Египте, Сирии и Ливане. Австрия, занимая третье место по ввозу в Турцию, пыталась закрепиться на Балканском полуострове, используя дунайскую торговую артерию. Русская торговля с Османской империей в значительной степени отставала от западноевропейской. В связи с этим царское правительство, всячески поощряя свою буржуазию к расширению торговли с Ближним Востоком, для укрепления своего влияния в Константинополе делало основную ставку на политические акции.

Западноевропейские державы восприняли появление русского десанта болезненно. Они использовали все свое влияние для заключения скорейшего мира между Турцией и Египтом. Английский и французский послы в Константинополе требовали вывода русских войск с берегов Босфора.

Между тем турецкое правительство, крайне напуганное египетской агрессией, предложило России заключить союзный договор о дружбе и взаимопомощи. Этот договор был подписан в 1833 г. в местечке Ункяр-Искелеси. Соглашение гарантировало помощь Турции со стороны России в случае нового турецко-египетского конфликта. Взамен Россия получала наиболее выгодный для нее режим черноморских проливов. По секретной статье султан брал на себя обязательство закрыть Босфор и Дарданеллы для военных кораблей западноевропейских держав.

Ункяр-Искелесийский договор был крупным успехом русской дипломатии на Ближнем Востоке в первой половине XIX в. Он ослабил влияние западноевропейских держав в Турции и усилил позиции русской дипломатии в Константинополе. Попытки Англии, Франции и Австрии дезавуировать Ункяр-Искелесийский договор окончились неудачей.

Используя противоречия между этими державами, русское правительство пыталось сблизиться с Австрией и опереться на нее в решении восточного вопроса. В сентябре 1833 г. между Россией и Австрией была подписана секретная Мюнхенгрецкая конвенция, в которой давалась гарантия целостности Османской империи и содержалась договоренность о согласованности действий двух держав на Ближнем Востоке. Таким образом, возможность создания единого блока западных держав против России была ослаблена.

Во второй половине 30-х годов окончательно сформировались два узла противоречий на Ближнем Востоке — противоречия между западными державами и Россией за преобладающее политическое влияние в Константинополе и англо-французские колониальные противоречия в Египте, Сирии и Ливане. Главным антагонистом России на Ближнем Востоке выступала Великобритания. Англия делала все возможное для восстановления своих пошатнувшихся позиций в Константинополе. Английская пресса начала антирусскую кампанию, запугивала общественность пресловутой «русской угрозой». Имели место дипломатические конфликты. В 1838 г. Англии удалось навязать Турции экономическое соглашение, открывавшее широкую дорогу для дальнейшей торговой экспансии Великобритании на Ближнем Востоке. К концу 30-х годов западным державам путем экономического и политического да-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 13.

вления на Порту удалось несколько ослабить русские позиции в Константинополе.

В 1839 г. начался второй турецко-египетский конфликт. Кратковременные военные действия вновь завершились полным разгромом турецкой армии. Конфликт перерос в общеевропейский кризис. Все великие державы вмешались в турецко-египетскую распрю. Усилились англо-французские противоречия: Франция поддерживала Мухаммеда Али, стремясь утвердиться в Египте и Сирии. Она выступила с программой предоставления им независимости под властью египетского паши. Другие европейские державы не были заинтересованы в создании сильного египетского государства.

В ходе кризиса ближневосточная программа царизма претерпела значительные изменения. До конца 30-х годов русское правительство предпочитало сохранять свободу рук на Ближнем Востоке и не терпело вмешательства в русско-турецкие отношения других европейских держав. Проблему проливов оно также рассматривало как вопрос взаимоотношений между двумя черноморскими державами — Россией и Турцией. В 1839 г. наметилась новая тенденция: ослабление экономических и политических позиций России в Турции заставило русское правительство искать союзников в решении восточного вопроса. Причем возможного союзника русское правительство ошибочно видело в Англии. Русско-английское сближение происходило на основе общей вражды к Франции. В ходе турецко-египетского кризиса Великобритания использовала Россию для ослабления позиций Франции в Египте и Сирии. В то же время она, поддерживаемая другими западными державами, пыталась связать руки России на Ближнем Востоке. В 1840—1841 гг. были заключены две Лондонские конвенции по восточному вопросу. Первая лондонская конвенция 1840 г. была направлена против Египта и Франции. Ее подписали Англия, Россия, Австрия и Пруссия, которые выступали гарантами целостности Турции и противниками египетской независимости. Конвенция провозглашала международный принцип закрытия проливов (для военных кораблей как России, так и для других европейских государств). В силу конвенции 1840 г. состоялась англо-австрийская экспедиция в Сирию для приведения к покорности Мухаммеда Али верховной власти султана. Эта экспедиция нанесла удар по стремлению Мухаммеда Али к независимости, подорвала французское влияние на Ближнем Востоке и помогла Англии утвердиться в Сирии и Ливане.

После окончания кризиса в 1841 г. все великие державы и Турция подписали вторую Лондонскую конвенцию, целиком касавшуюся судоходного режима Босфора и Дарданелл. Судоходство в проливах ставилось под международный контроль и провозглашался принцип закрытия проливов для военных кораблей всех европейских держав. Подписание Лондонской конвенции 1841 г. было показателем ослабления Османской империи, ее неспособности удержать проливы под своим контролем, усиления вмешательства западных держав во внутренние суверенные дела Турции.

Конвенция 1841 г., заменившая Ункяр-Искелесийский договор, лишала Россию права решать свои взаимоотношения с Турцией путем двусторонних актов и надолго изолировала флот России в черноморском бассейне. В то же время это соглашение не могло обеспечить безопасность южного побережья империи, так как в случае войны с Турцией она могла открыть их для военных кораблей западных держав. Международная гарантия режима проливов лишала Россию ее преимуществ в Турции и ослабляла ее влияние на Ближнем Востоке.

РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИИ 1830 И 1848 ГГ. В ЕВРОПЕ. Борьба царизма с освободительным движением в Европе как задача внешнеполитическая находилась в тесной связи с его реакционной внутренней политикой.

Буржуазная революция 1830 г. во Франции вызвала резкую реакцию царизма. Николай I думал о контрреволюционной интервенции, предпринимая с этой целью дипломатические демарши. Однако признание остальными европейскими государствами нового французского короля Луи Филиппа поставило Россию в политическую изоляцию в этом вопросе. Несмотря на то что позднее Россия признала новую власть во Франции, установленную революционным путем, отношения с последней были испорчены на длительный период.

В 1830 г. вспыхнула революция в Бельгии, в результате которой она провозгласила свою независимость от Нидерландского королевства. Вновь царское правительство, демонстрируя свою верность легитимистским принципам, настаивало на интервенции в Бельгию и призывало к этому другие европейские державы. Но снова оно оказалось в одиноче-

стве. Великобритания и Франция признали независимость Бельгии.

Революционные события во Франции и Бельгии и реакция на них европейских государств наглядно показали, что Священный союз с его принципом легитимизма фактически изжил себя. Русское правительство охотно прибегало к идее общеевропейского союза в случае необходимости борьбы с революционной опасностью, однако Николай I в то же время стремился сохранить полную свободу рук в решении собственных внешнеполитических задач, и в первую очередь восточного вопроса. Мюнхенгрецкая конвенция 1833 г. между Россией и Австрией, к которой присоединилась и Пруссия, наряду с восточными проблемами уделила большое внимание и европейским. Державы договорились о взаимопомощи на случай новых революционных событий на их территории, и в первую очередь на польских землях. Было принято решение о совместном вмешательстве для подавления революций, если об этом будет просить заинтересованное правительство. Эта оговорка отличала соглашение 1833 г. от декларации, принятой на конгрессе в Троппау в 1820 г., в которой провозглашалась возможность вмешательства во внутренние дела других стран без их согласия.

После 1840 г. отношения между Россией, Австрией и Пруссией, боровшейся за установление своей гегемонии в Германии, ухудшились. Накануне революционных событий 1848 г. по-прежнему тесными оставались лишь отношения России с Австрией.

1848 год в Европе стал годом великих революционных потрясений. Народы Европы вступили в решительную борьбу с феодально-абсолютистскими режимами, с властью крупной буржуазии, с иноземными поработителями. Это были буржуазно-демократические революции, в которых участвовали широкие народные массы и активно действовал европейский пролетариат.

В феврале 1848 г. началась революция во Франции. Она сразу нашла отклик в германских государствах — в Бадене, Баварии, Пруссии и некоторых других, позднее в Юго-Западной Германии. В марте 1848 г. началась революция в Венгрии, где задачи ликвидации феодально-крепостнического строя соединялись с борьбой против национального гнета Австрии. Одновременно вспыхнуло восстание в самой Вене против абсолютной власти Габсбургов и реакционной политики канцлера Меттерниха. Выступления произошли и в других частях многонациональной Австрийской империи (Галиции, Воеводине, Хорватии). Сильным было революционное движение в Италии, где народные массы и прогрессивная буржуазия выступили против феодальных порядков, раздробленности и австрийского гнета. Против феодально-мусульманского ига Турции поднялись молдавский и валашский народы. Революционная волна прокатилась по всей Европе.

Революции 1848—1849 гг. застали врасплох реакционные режимы европейских держав. Но под влиянием роста революционного движения происходили консолидация контрреволюционных сил и объединение феодально-монархических кругов с буржуазией, напуганной размахом народных выступлений и действиями пролетариата. По выражению Ф. Энгельса, буржуазия «снова бросилась в объятия только что свергнутой монархическо-феодальной реакции...»[1]. Царизм явился одним из важнейших оплотов европейской реакции в событиях 1848—1849 гг., на Николая I возлагали свои надежды все сторонники контрреволюции, разногласия были забыты. «Во время революции 1848—1849 гг.,— писали Маркс и Энгельс, — не только европейские монархи, но и европейские буржуа видели в русском вмешательстве единственное спасение против пролетариата, который только что начал пробуждаться»[2]. Против революции выступили не только феодально-абсолютистские силы, буржуазная Англия, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, приложила немало усилий для ее подавления.

Сразу же после свержения Луи Филиппа восставшими парижанами в феврале 1848 г. царское правительство начало интенсивно готовиться к военному походу в Европу. Николай I попытался создать монархическую коалицию в составе России, Пруссии и Австрии. Однако революционные перевороты в Германии и Австрии, которые произошли в начале марта 1848 г., приближение революции к русским границам заставили Николая занять более осторожную позицию. В самой России назревала сложная и опасная обстановка для царизма. Разгром июньского восстания в Париже укрепил силы контрреволю-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произведения в 2-х томах. М., 1955, т. 1, с. 95 (Введение Ф. Энгельса к «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.» К. Маркса).

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 305.

ции. В июне 1848 г. русские войска вступили в восставшие Дунайские княжества (Молдова и Валахия), совместно с турецкой армией подавили революционные выступления и восстановили старые порядки.

Контрреволюционная политика самодержавия наиболее ярко проявилась в подавлении революции в Венгрии. В апреле 1849 г. был опубликован царский манифест о походе в Венгрию. 100-тысячная русская армия под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича через Галицию вступила на восставшую венгерскую землю, чтобы спасти австрийский абсолютизм. К этому походу русская общественность отнеслась отрицательно. Офицеры и солдаты сочувствовали повстанцам,

были случаи дезертирства, перехода на сторону противника. В августе 1849 г. венгерская армия капитулировала перед превосходящими силами русско-австрийских войск.

В революции 1848—1849 гг. самодержавие выступило как одна из основных контрреволюционных сил, что способствовало еще большей изоляции царизма в международных отношениях и падению его престижа как в европейском, так и в русском общественном мнении.

2. КРЫМСКАЯ ВОЙНА (1853—1856)

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ. В конце 40-х годов XIX в. снова обострились противоречия между европейскими державами на Ближнем Востоке. Внутреннее разложение и ослабление Османской империи продолжалось. Росло национально-освободительное движение на Балканах. Ведущие капиталистические державы — Англия и Франция — все глубже осваивали ближневосточные рынки. Россия являлась основным их соперником в этом регионе. Планы царизма найти решение восточного вопроса в союзе с Великобританией оказались несостоятельными. Англия и Франция, несмотря на острые противоречия между ними в восточном вопросе, действовали совместно.

Революционные события 1848 г., которые потрясли Европу, позволили царизму активизировать свою политику по отношению к Турции. Царская дипломатия, не удовлетворенная коллективной гарантией режима черноморских проливов, зафиксированной в Лондонских конвенциях 40-х годов, вновь вернулась к политике «свободных рук» на Ближнем Востоке, добиваясь пересмотра правового режима проливов в пользу России. Англия и Франция, опасаясь усиления России, вынашивали планы ее военного поражения, чтобы осуществить свои собственные завоевательные цели на Ближнем Востоке. Турция, опираясь на их поддержку, строила свои реваншистские планы, надеясь, что успешная война против России поможет ей покончить с широким национально-освободительным движением на Балканах и вернуть утраченные внешнеполитические позиции.

Поездка Николая I в Лондон в 1844 г., предпринятая с целью достижения русско-английского единства в восточном вопросе, не увенчалась успехом. Британские министры фактически уклонялись от переговоров с Россией по этим проблемам. Англия все больше сближалась с Францией, и в дальнейшем в восточном вопросе эти державы выступали совместно.

Поводом к возникновению и развитию общеевропейского конфликта стал раздор между православной и католической церквами о праве обладания ключами от Вифлеемского храма и ремонта купола над гробом господним в Иерусалиме. Однако это было лишь прикрытием политического конфликта, сущность которого — борьба за преобладание влияния на Ближнем Востоке.

Дипломатия нового французского правителя Луи-Бонапарта (с 1852 г. император Наполеон III) всячески способствовала обострению конфликта. Луи Бонапарт мечтал о победоносной войне, которая укрепила бы его режим и открыла дорогу новым завоеваниям.

С самого начала обсуждения вопроса о святых местах в 1850 г. между Россией и Францией царское правительство заняло непримиримую позицию. Оно рассчитывало на нейтралитет Англии и активную поддержку Австрии. Эти расчеты не оправдались. Фактически уже к началу конфликта установилось англо-французское единство, выразившееся в ряде совместных политических акций на Ближнем Востоке. Австрия преследовала свои цели на Балканах и не была заинтересована в усилении России на Ближнем Востоке. Таким образом царизм накануне Крымской войны оказался в политической изоляции.

Во второй половине 1852 г. произошло дальнейшее обострение конфликта. Франция

послала в проливы свой лучший военный корабль «Шарлемань». Россия объявила частичную мобилизацию. Одновременно в Турцию отправился с чрезвычайной миссией князь А. С. Меншиков. Ему было поручено в ультимативной форме добиваться от султана восстановления всех привилегий православной церкви в Палестине и признания русского императора официальным покровителем всех православных подданных Турции. Подчеркнуто вызывающее поведение Меншикова в Константинополе, выполнявшего инструкции царя, закрыло дорогу для разрешения конфликта мирным путем. Турция, опираясь на поддержку Франции и Англии, отвергла ультимативные требования России. 21 мая (2 июня) 1853 г. Меншиков покинул Константинополь. Посол Великобритании в Константинополе лорд Стрэтфорд Редклиф также сделал все возможное для разжигания конфликта, подталкивая Турцию к войне с Россией.

В начале 50-х годов Россия представлялась современникам мощной в военно-политическом отношении державой. Сам царь и высшие сановники также опрометчиво рассчитывали на якобы неограниченные военно-экономические ресурсы страны. Между тем глубокий кризис феодально-крепостнической системы оказывал губительное воздействие на экономический и военный потенциал России. К середине XIX в. уже изжила себя рекрутская система комплектования армии, не позволявшая быстро увеличивать ее во время войны. Государству приходилось содержать очень большую армию (1 123 583 тыс. человек на 1853 г.), которая стоила очень дорого и была к тому же рассредоточена по всей территории России. Быстрая переброска ее к театру военных действий чрезвычайно затруднялась: железные дороги практически отсутствовали. Сеть грунтовых дорог, которой располагала Россия, не позволяла быстро решать оперативно-стратегические задачи маневрирования живой силой. Военная промышленность содержалась государством на уровне удовлетворения потребностей мирного времени и в условиях войны оказалась не в состоянии обеспечить войска всем необходимым.

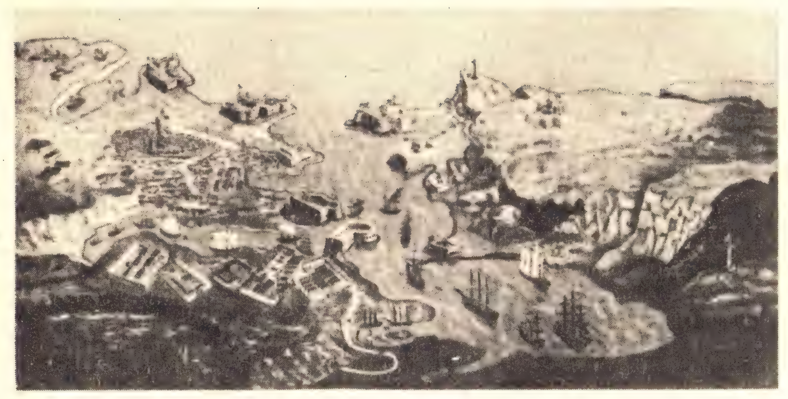
Значительное отставание от передовых западноевропейских стран наблюдалось в области вооружения армии и флота России. К 1853 г. в основном преобладали гладкоствольные ружья, лишь несколько усовершенствованные по сравнению с первой четвертью XIX в. Современные для того времени нарезные ружья стали поступать в армию лишь в конце войны. Русская артиллерия в основном была старого образца и по техническим характеристикам уступала английской и французской. В русском флоте продолжали преобладать парусные суда. Из 21 крупного военного корабля черноморской эскадры только 7 были паровыми, в то время как англо-французский флот почти целиком состоял из паровых военных судов с винтовыми двигателями. Среди высшего командования русской армии царили рутина, казнокрадство. Финансы страны были расстроены. К тому же эта война была весьма непопулярна в народе.

Крымская война носила несправедливый, захватнический характер. Каждая из сторон преследовала свои корыстные интересы. Царизм стремился к новым захватам и надеялся в ходе войны упрочить феодально-абсолютистский режим. Турция претендовала на территорию Крыма и некоторые области Закавказья. Английское и французское правительства поддерживали притязания Порты, ставя своей главной целью ослабить Россию, развязать себе руки на Ближнем Востоке и на Балканах, закрепиться на территории Закавказья.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ. В ходе Крымской войны 1853—1856 гг. можно выделить два этапа. Первый — собственно русско-турецкая кампания на Дунайском фронте, которая велась с ноября 1853 г. по апрель 1854 г. Второй (апрель 1854 г. — февраль 1856 г.) был связан с англо-французской интервенцией в Крым и широкими боевыми операциями на Кавказском фронте.

После отъезда князя Меншикова из Константинополя в апреле 1853 г. русские войска по приказу Николая I оккупировали Дунайские княжества. Русская армия концентрировалась на левом берегу Дуная, турецкая — на правом. Военные действия начались еще до объявления войны. Одновременно турецкое правительство потребовало от России очистить Молдову и Валахию. Поддерживая Турцию, английское и французское правительства ввели объединенную эскадру в Мраморное море и предоставили ей крупный финансовый заем.

8 (20) октября 1853 г. был обнародован манифест царя о войне с Турцией. Русский флот, руководимый талантливыми флото-

водцами адмиралами В. А. Корниловым и П. С. Нахимовым, начал боевые действия в Черном море. Перед ними была поставлена задача приостановить переброску турецких войск и военного снаряжения на побережье Грузии, где в непосредственной близости действовал Шамиль. Однако Нахимов понимал свою задачу значительно шире и настойчиво искал встречи с турецким флотом. 18 (30) ноября 1853 г. состоялось сражение эскадры Нахимова с турецким флотом, укрывшимся в Синопской бухте. В результате четырехчасового боя турецкий флот и береговые батареи были полностью разгромлены.

Синопская битва ускорила вступление в войну Англии и Франции. Переговоры о посредничестве прервались. В марте 1854 г. был подписан англо-франко-турецкий военный договор. В апреле 1854 г. Англия и Франция подписали дополнительное военное соглашение и объявили войну России.

Австро-Венгрия заняла по отношению к России позицию враждебного нейтралитета. В июле 1854 г. она, угрожая войной, потребовала от русского правительства немедленно очистить Дунайские княжества.

Активно готовя англо-французский экспедиционный корпус для посылки в Крым, союзники ставили своей целью захватить Севастополь — крупнейшую военно-морскую базу на Черном море, — что ослабило бы позиции России на Ближнем Востоке и в черноморском бассейне.

Летом 1854 г. происходила концентрация англо-французских сил в районе Варны. Утром 2 (14) сентября 1854 г. более 300 транспортных судов под прикрытием многочисленных боевых кораблей начали высадку англо-франко-турецкого экспедиционного корпуса в районе Евпатории. В его состав входил 28-тысячный французский отряд, где были хорошо обученные, в том числе имевшие опыт колониальной войны в Алжире части, оснащенные современными орудиями и нарезными ружьями. В состав 26-тысячной английской армии также были отобраны боеспособные части с прекрасным материальным обеспечением. 7-тысячный турецкий корпус регулярных войск был вооружен английским стрелковым оружием и имел опыт боев на Дунае. Русская армия в Крыму под командованием князя Меншикова насчитывала 34 тыс. человек.

Первое сражение на территории Крыма произошло недалеко от места высадки союзников, на реке Альме, 8 (20) сентября 1854 г. В результате боя русская армия отступила. Фактически сражение было Меншиковым проиграно. Подчиняясь его приказу, армия, пройдя через Севастополь, начала отход в глубь Крыма к Бахчисараю. Это отступление диктовалось необходимостью сохранения связи с внутренними губерниями России и защиты Крымского перешейка от противника.

Корнилов, Нахимов и талантливый военный инженер Тотлебен делали все возможное для подготовки обороны Севастополя. 2 (14) сентября по приказу Нахимова русский флот был затоплен в Севастопольской бухте, преграждая дорогу военно-морскому десанту противника. В октябре 1854 г. началась осада и героическая оборона Севастополя, продолжавшаяся в течение 11 месяцев. Гарнизон крепости, состоявший наполовину из матросов Черноморского флота, проявил подлинный героизм. Прославились в этой войне

Панорама Севастополя. Литография. 1855

П. С. Нахимов. Э. *Лилье*. Литография. 1855

В. А. Корнилов. *В. Тимм*. 1854

Севастопольские пластуны. *В. Тимм*. Автолитография. 1855

адмиралы В. А. Корнилов, П. С. Нахимов, В. И. Истомин, военный инженер Э. И. Тотлебен, артиллерийский генерал С. А. Хрулев, матросы П. Кошка, И. Шевченко, сапер Ф. Самолатов и многие другие. Защитники черноморской цитадели выдержали ряд ожесточенных бомбардировок и штурмов. Особую роль играла оборона Малахова кургана, господствовавшего над городом. Его штурм, предпринятый союзниками в апреле 1855 г., закончился для них неудачей. Севастополь продолжал мужественно обороняться. После гибели Корнилова общее командование принял на себя адмирал Нахимов.

Во время обороны Севастополя основная русская армия под командованием А. С. Меншикова, а затем генерала М. Д. Горчакова предпринимала ряд отвлекающих операций. 23 ноября (5 декабря) 1854 г. произошло сражение под Инкерманом. Однако задуманное Меншиковым наступление успеха не имело. Таким же малоэффективным оказалось наступление и на Евпаторию, предпринятое в феврале 1855 г. В августе 1855 г. произошло кровопролитное сражение на Черной речке. Русская армия, руководимая бездарным главнокомандующим Горчаковым, пыталась овладеть сильными и хорошо укрепленными французскими позициями, однако вынуждена была отступить, понеся значительные потери. Таким образом, действия полевой армии в Крыму мало помогли героической обороне Севастополя, вокруг которого постепенно сужалось кольцо противника. 28 июня (10 июля) 1855 г. был смертельно ранен адмирал Нахимов. 27 августа (8 сентября) 1855 г. начался последний штурм Севастополя. После того как пал Малахов курган, защитники города по плавучему мосту перешли с южной стороны на северную. Героическая оборона крепости завершилась.

Военные действия на Кавказском фронте велись более успешно. Осенью 1853 г. турецкая армия предприняла широкое наступление, конечной целью которого был Тифлис. Однако войска отдельного кавказского корпуса остановили это наступление.

19 ноября (1 декабря 1853 г.) совместные силы русских войск и местных кавказских ополченцев нанесли турецкой армии тяжелое поражение при Башкадыкларе. В дальнейшем боевое содружество русских войск и ополчений из местного населения окрепло. Горских повстанцев, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «перспектива присоединения к Турции, по-видимому, отнюдь не приводит... в восторг»[1]. Военные действия были перенесены на территорию Турции. Начавшаяся летом 1855 г. осада Карса завершилась его падением в ноябре 1855 г. Оценивая сложившуюся ситуацию, Ф. Энгельс писал, что падение Карса является немаловажным результатом в сравнении с занятием союзниками южной стороны Севастополя[2]. К концу 1855 г. в связи с полным истощением сил в Крыму и успехами русской армии на Кавказе Англия и Франция стали склоняться к переговорам о прекращении войны. Главная задача — подрыв русского военного могущества в черноморском бассейне — была ими выполнена. Инициатором мирных переговоров выступала Франция. Со своей стороны царское правительство ввиду чрезвычайно тяжелого экономического, военного и внешнеполитиче-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 11, с. 522.
[2] См. там же, с. 615—616.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853—1856 ГГ. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В КРЫМУ В 1854—1855 ГГ.

Евпатория
оз. Сасык
Саки
оз. Сакское
оз. Кизил-Яр
Высадка союзников 2–6 сент. 1854 г.
Ч Е Р Н О Е М О Р Е
К Р Ы М
СЕНТ-АРНО
Альма
8.IX.54
МЕНШИКОВ
МЕНШИКОВ
Бахчисарай
Кача
Бельбек
Бельбек
Сев. сторона
Северная бухта
Мекензи
Инкерман
Севастополь
24.X.54
Чоргун
4.VIII.55
Черная
Балаклава

Движение англо-французских и турецких войск после высадки 2–6 сентября 1854 г.

Места важнейших сражений (с указанием дат)

Движение русских войск под командованием А.С. Меншикова

Линия осады Севастополя к 5 октября 1854 г.

Линия передовых оборонительных сооружений защитников Севастополя к 27 августа 1855 г.

Осадные сооружения англо-французских войск

Направления атак войск союзников в день последнего штурма 27 августа 1855 г.

Контратаки русских войск

Направления отхода русских войск на Северную сторону по приказу главнокомандующего М.Д. Горчакова

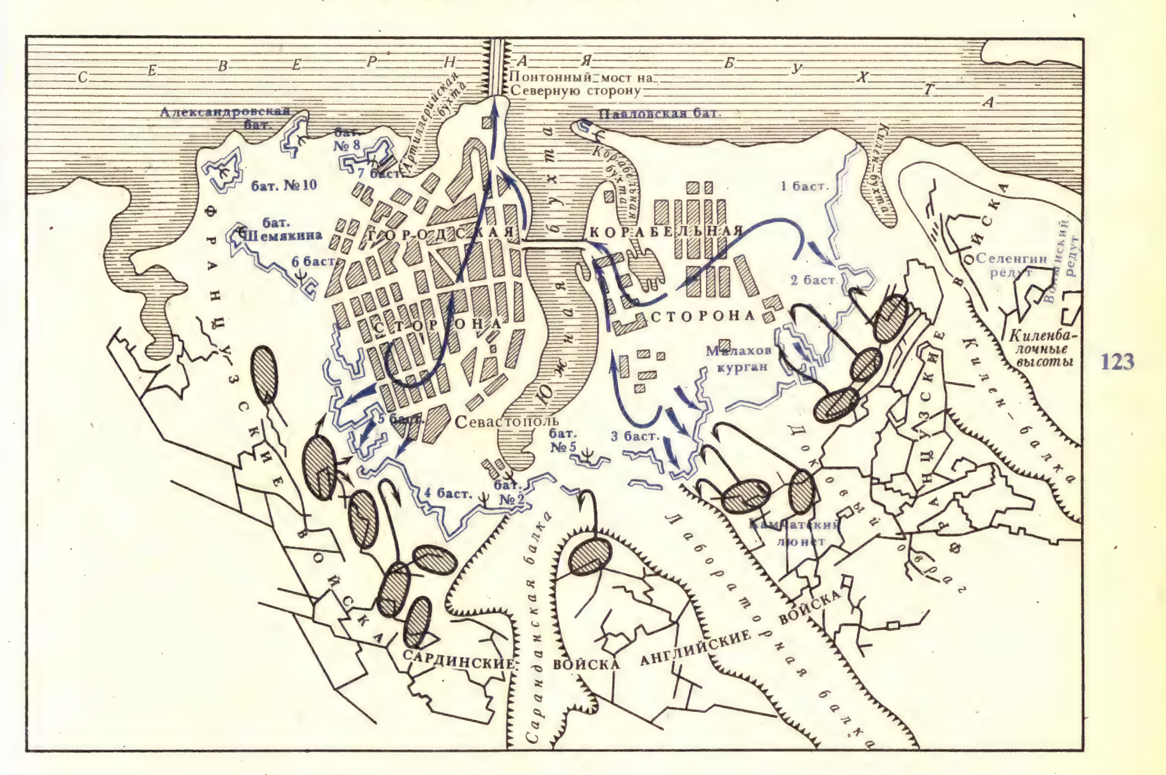
ского положения страны тоже стремилось к заключению мира.

ПАРИЖСКИЙ МИР. В феврале 1856 г. открылся Парижский конгресс, в работе которого приняли участие Россия, Франция, Англия, Австрия, Турция, Сардиния и Пруссия. Тон задавала Великобритания, которая, опираясь на Австрию, стремилась к ослаблению России в бассейне Черного моря, к подрыву ее позиций на Кавказе, настаивала на демилитаризации Аландских островов. Австрия требовала отторжения от России всей Бессарабии и втайне рассчитывала на присоединение Дунайских княжеств. Турецкая делегация также выдвигала территориальные претензии к России.

18 (30) марта 1856 г. был подписан Парижский мирный трактат. Договор касался вопросов территориального урегулирования, нового режима черноморского бассейна и проливов, судеб балканских народов. Его многоаспектность означала создание определенной системы обязательств, принятых, с одной стороны, Россией, с другой — западноевропейскими державами и Турцией, т. е. знаменовала образование так называемой Крымской системы.

Крымская система основывалась на принципе нейтрализации Черного моря, что и стало основным пунктом Парижского договора. Нейтрализация означала запрещение всем черноморским державам иметь на Чер-

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853—1856 ГГ. ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ (СЕНТЯБРЬ 1854 Г. — АВГУСТ 1855 Г.).

ном море военно-морские силы, военные арсеналы и крепости на его побережье. Это условие было наиболее тяжелым для России; оно наносило существенный удар по безопасности южных границ страны.

Нейтрализация Черного моря надолго подорвала позиции России на Балканах и Ближнем Востоке. По условиям Парижского мирного договора Россия теряла южную часть Бессарабии, которая присоединялась к Молдове, лишалась права покровительства Дунайским княжествам и Сербии. В то же время ей удалось отстоять права молдавского, валашского и сербского народов. Дунайские княжества избежали участи попасть под австрийское иго. На конгрессе был поставлен вопрос о необходимости их политического объединения. Была также сохранена фактическая независимость Сербии.

Поражение царизма в Крымской войне, обусловленное в первую очередь военной и экономической отсталостью крепостной России, оказало исключительное влияние на внутреннее положение страны. Оно углубило кризис всей феодально-крепостнической системы, расстроило финансы, еще более ухудшило положение народных масс, обострило социальные отношения, вплотную поставило вопрос о необходимости отмены крепостного права.

2 РОССИЯ В ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА

ГЛАВА 10
ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОДГОТОВКА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМЫ. ВЛИЯНИЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ. Две главные причины, по определению В. И. Ленина, обусловили падение крепостного права в России: во-первых, «сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма», во-вторых, рост антикрепостнического движения угнетенных масс, в первую очередь крепостного крестьянства, заставивший «первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*»[1].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

Развитие капиталистических отношений в дореформенной России приходило во все большее противоречие с феодально-крепостническим строем. Углубление процесса общественного разделения труда, рост промышленности, внутренней и внешней торговли разлагали феодальную систему хозяйства. «Помещики-крепостники, — писал В. И. Ленин, — не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства»[1]. Обострявшийся конфликт между новыми, капиталистическими отношениями и отжившим крепостным строем лежал в основе кризиса феодализма. Ярким выражением этого кризиса являлось обострение классовой борьбы в крепостной деревне.

Крымская война, вскрывшая, по выражению В. И. Ленина, «гнилость и бессилие крепостной России», способствовала дальнейшему углублению кризиса феодализма, придав ему всеобъемлющий характер. Он охватывал не только феодальный базис, но и его надстройку: наступил кризис политики господствующего феодального класса, который уже не мог управлять по-старому. Царское правительство, писал В. И. Ленин, «после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков»[2]; так как они являлись главной причиной экономической и военно-технической отсталости России. Русское самодержавие должно было встать на путь проведения неотложных социальных, экономических и политических реформ, чтобы предотвратить революционный взрыв в стране, укрепить социальную и экономическую базу абсолютизма.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ. В конце 50-х годов в России сложилась революционная ситуация. В. И. Ленин характеризовал ее следующими тремя главными признаками: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революционной ситуации обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.
[2] Там же, с. 140.

по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению»[1]. Это *«объективные»* признаки, независимые «от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов...»[2],—указывал В. И. Ленин. Всякой революции предшествует революционная ситуация в стране, но «не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные,* чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»[3]. Революционная ситуация в России на рубеже 50—60-х годов XIX в. не переросла в революцию в силу отсутствия в то время революционного класса, способного на организованные революционные действия. Она завершилась проведенными сверху крестьянской и другими буржуазными реформами. Однако эти реформы не были добровольным актом правительственной власти. Они были вырваны «низами» у «верхов», вынужденных под давлением массового крестьянского и общественного движения в стране пойти на уступки.

К концу 50-х годов XIX в. в России были уже налицо все объективные признаки революционной ситуации.

ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДНЫХ МАСС. В связи с разорительной Крымской войной, ростом податного гнета, усилением феодальной эксплуатации и стихийными бедствиями, действие которых усугублялось и условиями феодальной системы и тяготами войны, возросли выше обычного нужда и бедствия угнетенных масс. Рекрутские наборы в годы войны, реквизиция скота, фуража и продовольствия, рост денежных и натуральных повинностей, вызванных войной, разоряли население. Рекрутские наборы оторвали от

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.
[2] Там, же, с. 218—219.
[3] Там же, с. 219.

народного хозяйства более 10% работников. В результате реквизиций и эпизоотий численность скота сократилась на 13%. Война серьезно подорвала финансы крепостной России. За годы войны дефицит в государственном бюджете составил около 800 млн. руб. и в три раза превосходил сумму годовых поступлений в казну. Возраставший в связи с этим податной гнет становился все более непосильным для населения: налоговые недоимки возросли за годы войны более чем в полтора раза.

Война нанесла заметный ущерб промышленности и торговле. Резко сократился экспорт и импорт товаров. Вывоз хлеба упал за годы войны в 13 раз, льна — в 8 раз, пеньки — в 6 раз, сала — в 4 раза, что болезненно отразилось на состоянии помещичьего хозяйства, связанного с заграничными рынками. В эти же годы в 2,5 раза сократился ввоз хлопка, в 1,5 раза — красителей, в 10 раз — машин. Резкое сокращение ввоза этих товаров ударило по большинству промышленных предприятий Петербургской, Московской, Владимирской и других промышленных губерний, что привело к свертыванию производства и увольнению рабочих. Об ухудшении положения народных масс в годы войны писали в своих секретных отчетах и докладах царю его сановники. Так, шеф жандармов А. Ф. Орлов писал в начале 1856 г. Александру II: «Рекрутские наборы, ополчение, остановившаяся торговля умножают нужды и бедность». О возросших «тягостях посел н» писали в том же году царю в своих отчетах министр внутренних дел С. С. Ланской и министр государственных имуществ П. Д. Киселев.

Обострение нужды и бедствий народных масс было связано не только с последствиями Крымской войны. Помещики еще более усилили нажим на крестьян: повышали оброки и объем барщинных работ, в еще более широких размерах, нежели ранее, стали сокращать крестьянские наделы, проводить насильственное переселение крестьян на менее удобные земли, переводить в дворовые, ссылать в Сибирь, сдавать вне очереди в рекруты, принуждать богатых крестьян за крупные суммы денег откупаться на волю. Эти меры помещиков, метко названные А. И. Герценом как «предсмертные злодейства помещичьего права», приняли такой размах, что правительство вынуждено было издать против них ряд указов и распоряжений.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. В этой связи шел процесс нарастания антикрепостнического движения крестьянства, который начался уже в годы Крымской войны. В 1854—1855 гг. происходили массовые побеги крестьян от помещиков; поводом к ним явились царские указы о наборе в морское (1854) и сухопутное (1855) ополчения. Ушедшие от помещиков крестьяне надеялись, что, записавшись в ратники ополчения, они освободятся от крепостной зависимости, рекрутства и податей. Большим упорством отличалось движение крестьян, стремившихся записаться в «вольные казаки», в 1855 г. в Киевской губернии («Киевская козаччина»). Вскоре по окончании войны, весной—летом 1856 г., крестьяне ряда южных губерний России устремились в Крым «за волей». Поводом к этому массовому движению послужили распространившиеся слухи о якобы вышедшем указе царя, по которому «помещичьи крестьяне имеют право оставлять свои деревни и переселяться в Крым, где будут свободны от крепостного состояния». Дороги, ведущие в Крым, на сотни верст были забиты бегущими крестьянами. Воинские отряды, посланные с целью вернуть крестьян, встретили вооруженное сопротивление. Эти массовые выступления крестьян, охватывавшие уже не отдельные помещичьи имения, а целые губернии, произвели сильное впечатление на помещиков и правящие круги. Угроза новой «пугачевщины» представлялась особенно опасной тем более, что она могла быть «соединена с глубоко задуманной демократической революцией».

Обострение классовой борьбы в крепостной деревне выражалось не только в количественном росте волнений. Борьба крестьян принимала все более упорный, активный, а главное, наступательный характер. Крестьяне выступали не только за улучшение своего положения и смягчение условий крепостного права, но и за полную ликвидацию всей системы крепостничества.

Крупным событием в эти годы явилось массовое «трезвенное движение» 1858—1859 гг., направленное против винных откупов, высоких налогов на вино и спаивания населения. В движении приняли участие почти все категории угнетенного населения: государственные, помещичьи и удельные крестьяне, а также городские низы. Оно охватило 32 губернии (более половины губерний страны), в которых было зафиксировано 652 слу-

чая коллективных отказов употреблять вино и разгромов питейных заведений. Под влиянием этого движения правительство вынуждено было в 1860 г. пойти на отмену системы откупов. Однако значение этого движения выходило за рамки борьбы против откупов. Сами крестьяне рассматривали его как переход к тому, чтобы «потом приняться за расправу с помещиками».

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ. Со времени революционной ситуации 1859—1861 гг. начинается новый, разночинский, или революционно-демократический, этап освободительного движения в России. Настроения, чаяния и требования крестьянства находили свое выражение и теоретическое обобщение у нового поколения деятелей освободительного движения — революционеров-демократов. В 50-х годах XIX в. сложились два идейных центра, возглавлявших лагерь русской революционной демократии: А. И. Герцена и Н. П. Огарева — в Лондоне, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова — в Петербурге.

В 1853 г. Герцен основывает в Лондоне первую «Вольную русскую типографию». Первым изданием ее была прокламация «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству!», в которой Герцен призывал русское дворянство к немедленному освобождению крестьян, угрожая приближавшейся крестьянской революцией. Герцен верил, что из среды русского дворянства могут еще выйти новые Пестели, Рылеевы, Муравьевы-Апостолы и Бестужевы-Рюмины. С 1855 г. Герцен стал издавать «Полярную звезду», а с 1 июля 1857 г. совместно с Огаревым — газету «Колокол», которая имела исключительный успех в России. «Колокол» выступал с требованием освобождения крестьян с землей, свободы печати, отмены телесных наказаний, предавал гласности бесчинства помещиков и царских чиновников, публиковал материалы о крестьянском и революционно-демократическом движении. В. И. Ленин высоко оценивал роль созданной Герценом русской вольной прессы: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено» [1]. Герцену были присущи еще либеральные колебания, выражавшиеся в его надежде на «прогрессивное», дворянство и «просвещенное» самодержавие, которые по собственной инициативе могут справедливо решить вопрос об освобождении крестьян. Отсюда его «либеральная апелляция к «верхам» [1]. Эти колебания Герцена «между демократизмом и либерализмом», указывал В. И. Ленин, объяснялись тем, что Герцен, как и декабристы, принадлежал к поколению дворянских революционеров; покинув Россию в 1847 г., «он не видел революционного народа и не мог верить в него» [2]. Однако Герцен был революционером, горячо отстаивавшим народные, крестьянские интересы. Позже Герцен сам увидел ошибочность своих либеральных иллюзий и «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма»[3].

Огромное значение имела «могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров...*» [4]. Журнал «Современник», в котором с 1854 г. Чернышевский занял руководящее положение, превратился в трибуну пропаганды революционно-демократических идей в России. Искусно обходя все препоны и рогатки цензуры, Чернышевский проводил «идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» [5]. Вокруг Чернышевского и «Современника» сплотилась группа его единомышленников — писатели и публицисты М. Л. Михайлов, Н. А. Серно-Соловьевич, Н. В. Шелгунов, Г. З. Елисеев, деятели революционного движения в России в начале 60-х годов XIX в.

С середины 50-х годов оживляется движение студенческой молодежи. Происходят первые студенческие волнения в Москве, Петербурге, Киеве, Харькове и Казани, пока еще на академической почве и без определенных политических требований. Однако начинают возникать студенческие кружки и организации политического характера. В 1856 г. такой кружок возник среди студентов Харьковского университета. Кружок составлял прокламации и распространял нелегальные герценовские издания, руководил студенческими волнениями в университете в 1857—1858 гг. В 1859 г. по инициативе членов этого кружка

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 258—259.

[1] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 259.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 261.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 29.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

было создано Киевско-Харьковское тайное революционное общество, состоявшее из студентов Киевского и Харьковского университетов. Общество установило связи с возникшими в середине 50-х годов студенческими кружками Московского, Петербургского и Казанского университетов. В 1860 г. общество было раскрыто правительством.

К концу 50-х годов относится начало разработки планов создания революционной организации в России. Впервые набросал такой план Н. П. Огарев в 1857 г. В мае 1859 г. Чернышевский и Добролюбов уже вплотную приступили к созданию конспиративной организации, которая должна была объединить все революционные силы России с ориентацией на руководство предстоящим крестьянским восстанием. В самом начале 60-х годов, накануне обнародования закона об отмене крепостного права, Чернышевский составил прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», в которой разоблачал грабительский характер царской «воли» и призывал крестьян готовиться к организованному восстанию.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ. К этому же времени относится подъем либерально-оппозиционного движения среди тех слоев дворянства, которые осознавали необходимость социальных и политических преобразований, что свидетельствовало о нарастающем кризисе «верхов».

Они выступали с конкретными проектами преобразований. Так, в адресе, поданном в октябре 1859 г. Александру II представителями харьковского, тверского и ярославского дворянства, выдвигались требования «даровать крестьянам полную свободу, с наделением их землей в собственность, посредством немедленного выкупа», образовать хозяйственно-распорядительное управление, общее для всех сословий, основанное на выборном начале, учредить «независимую судебную власть», т. е. суд присяжных, с введением гласного и словесного судопроизводства, «дать возможность обществу путем печатной гласности доводить до сведения верховной власти недостатки и злоупотребления местного управления».

ПОДГОТОВКА РЕФОРМЫ. Кризис «верхов» ярко проявился и в политике самого самодержавия, которое вынуждено было приступить к подготовке отмены крепостного права и начать в конце 50-х годов разработку других буржуазных реформ.

Впервые о необходимости отмены крепостного права было официально заявлено Александром II в речи, произнесенной им 30 марта 1856 г. перед представителями московского дворянства. В этой речи Александр II, говоря о своем нежелании «дать свободу крестьянам», вынужден был заявить о необходимости приступить к подготовке их освобождения ввиду опасности дальнейшего сохранения крепостного права, указывая, что «лучше отменить крепостное право сверху, чем ждать, когда оно само будет отменено снизу». 3 января 1856 г. под председательством Александра II был образован Секретный комитет «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян». Составленный из ярых крепостников, Секретный комитет действовал нерешительно, однако дальнейшее нарастание крестьянского движения заставило правительство в конце 1857 г. вплотную приступить к подготовке реформы.

Первоначально правительство попыталось заставить самих помещиков проявить инициативу. 20 ноября 1857 г. был дан рескрипт (предписание) генерал-губернатору литовских губерний (Виленской, Ковенской и Гродненской) В. И. Назимову об учреждении из числа местных помещиков трех губернских комитетов и одной «общей комиссии в г. Вильне» для подготовки местных проектов «улучшения быта помещичьих крестьян». Программа правительства, которая легла в основу этого рескрипта, была разработана в Министерстве внутренних дел летом 1856 г. (автор ее товарищ министра А. И. Левшин). Она предоставляла крепостным крестьянам гражданские права, но сохраняла вотчинную власть помещика. За помещиком сохранялось право собственности на всю землю в его имении; крестьянам отводилась в пользование надельная земля, за которую они обязаны были нести в пользу помещика регламентированные законом феодальные повинности. Иначе говоря, крестьянам предоставлялась личная свобода, но сохранялись феодальные производственные отношения. Нетрудно заметить, что эта первоначальная правительственная программа, по существу, повторяла содержание указа 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах.

Вскоре, 5 декабря 1857 г., последовал аналогичный рескрипт петербургскому генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву. В течение 1858 г. подобные рескрипты были даны остальным губернаторам, и в том же году в

45 губерниях, в которых находились помещичьи крестьяне, начали действовать «губернские комитеты об улучшении быта помещичьих крестьян». С опубликованием 24 декабря 1858 г. рескриптов и началом работы губернских комитетов подготовка реформы приобрела гласность. 16 февраля 1858 г. Секретный комитет был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу. Наряду с Главным комитетом в начале марта 1858 г. был создан Земский отдел при Министерстве внутренних дел под председательством сначала А. И. Левшина, а затем Н. А. Милютина, который играл видную роль в подготовке реформы. Вопрос о ее подготовке стал широко обсуждаться в печати.

В 1856—1858 гг. часть помещиков, хозяйство которых было сильнее втянуто в сферу рыночных отношений, выступила с различными проектами отмены крепостного права. Различие этих проектов определялось экономическими интересами помещиков в зависимости от конкретных местных условий.

Интересы помещиков нечерноземных губерний с более развитыми товарными отношениями и преобладанием оброчной эксплуатации крестьян отражал проект тверского предводителя дворянства и председателя тверского губернского комитета А. М. Унковского. В своей «Записке», представленной Александру II в декабре 1857 г., Унковский предлагал освобождение крестьян с землей, без какого бы то ни было переходного состояния, с вознаграждением помещиков как за землю, отходящую в надел крестьянам, так и «за самих освобожденных крестьян». При этом выкуп земли осуществлялся самими крестьянами, а выкуп личности крестьянина возлагался на государство, т. е. на все сословия, а в основном на крестьянство же, составлявшее $^9/_{10}$ населения страны. Проект Унковского отражал стремление помещиков нечерноземной полосы к быстрейшей ликвидации крепостных отношений и к получению максимального выкупа с целью организации своего хозяйства на капиталистических началах.

Интересы помещиков черноземной полосы, где преобладало барщинное хозяйство, рассчитанное на рынок, и где земля высоко ценилась, отражал проект крупного полтавского помещика М. П. Позена, изложенный им в двух «Записках о мерах освобождения крепостных крестьян» (первая была представлена им Александру II в 1856 г. в Петербурге, а вторая — в 1857 г. в Киеве). Проект Позена выражал стремление помещиков черноземных губерний к сохранению в своих руках максимального количества земли, но вместе с тем и незаинтересованность помещиков в полном обезземелении крестьян, чтобы путем сохранения крестьянского хозяйства обеспечить себя рабочими руками.

Интересы помещиков степной полосы, относительно слабо заселенной, но с преобладанием крупного помещичьего хозяйства, отражал проект помещика Самарской губернии, известного славянофила, Ю. Ф. Самарина. В своем проекте, опубликованном в 1858 г. в журнале «Сельское благоустройство», Самарин выступал за личное освобождение крестьян с землей и предоставление им гражданских прав. Но ввиду недостатка в степной полосе рабочих рук, он считал необходимым установить после отмены крепостного права переходный период в течение 10—12 лет, во время которого сохранялись обязательная барщина и право вотчинной полиции за помещиком.

Несмотря на некоторые различия, все помещичьи проекты объединяло, по выражению В. И. Ленина, стремление «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков...»[1]. Довольно значительная часть помещиков решительно выступала вообще против отмены крепостного права. В связи с этим в губернских комитетах развернулась борьба между «либеральным» меньшинством и крепостнически настроенным большинством представителей дворянства. Иногда эта борьба принимала острый характер, однако, как указывал В. И. Ленин, «пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*»[2]

Основной водораздел борьбы проходил между либерально-крепостническим лагерем, стоявшим «на почве признания собственности и власти помещиков», и лагерем революционной демократии, выступавшим за революционное «*уничтожение* этой собственности», за «*полное свержение* этой власти»[3] и выра-

———

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.
[2] Там же, с. 174.
[3] Там же.

жавшим интересы и стремления широких масс крестьянства.

Хотя судьбы крестьянства решали помещики в губернских комитетах и центральных правительственных учреждениях, готовивших реформу, и крестьяне были устранены от участия в деле, касающемся их жизненных интересов, тем не менее ни помещики, ни правительство не могли не считаться с настроениями крестьянства, которое оказывало существенное воздействие на ход подготовки реформы. Под давлением массовых крестьянских волнений Главный комитет 4 декабря 1858 г. принял новую программу, предусматривавшую предоставление крестьянам их наделов в собственность посредством выкупа и полное освобождение выкупивших свои наделы крестьян от феодальных повинностей.

4 марта 1859 г. при Главном комитете были учреждены Редакционные комиссии для рассмотрения материалов, подготовленных губернскими комитетами, и составления проекта закона об освобождении крестьян. Одной комиссии предстояло подготовить проект «Общего положения» для всех губерний, другой — «местные положения» для отдельных районов. Фактически комиссии слились в одну, сохранив множественное наименование «Редакционные комиссии». В состав Редакционных комиссий были включены чиновники различных ведомств и эксперты из представителей поместного дворянства. Председателем комиссий стал Я. И. Ростовцев, а после его смерти в феврале 1860 г. — министр юстиции В. Н. Панин, известный своими крепостническими взглядами. Видную роль в комиссиях играл Н. А. Милютин.

Редакционные комиссии пошли несколько дальше проектов губернских комитетов. Они более последовательно проводили правительственную линию, выражавшую общеклассовые интересы помещиков. Были установлены более высокие нормы наделов, нежели те, которые предлагали местные комитеты, однако и Редакционные комиссии предусматривали сокращение размеров крестьянских наделов. Было принято решение вместо сохранения вотчинной власти помещиков, которую предлагали губернские комитеты, создать особое крестьянское «общественное управление», подчиненное не помещику, а общим административно-полицейским органам. Отвергались все проекты и предложения о безземельном освобождении крестьян. Острая борьба по всем этим вопросам проходила и внутри Редакционных комиссий, однако крепостники здесь не составляли большинства.

К концу августа 1859 г. проект «Положений о крестьянах» был в основном подготовлен. Впоследствии он подвергался изменениям в соответствии с замечаниями вызванных для его обсуждения в Петербург депутатов от губернских комитетов. В конце августа 1859 г. были вызваны 36 депутатов от 21 комитета и в феврале 1860 г. — 45 депутатов от остальных 24 комитетов. Вызванные депутаты подвергли резкой критике деятельность Редакционных комиссий. Депутаты «первого приглашения» представляли преимущественно нечерноземные губернии. Хотя большинство из них были сторонниками наделения крестьян землей, однако они считали установленные комиссиями нормы наделов слишком высокими, а повинности — заниженными. Либеральная группа этих депутатов во главе с А. М. Унковским выдвинула также требования проведения реформ в области печати, суда и администрации, что вызвало сильное недовольство Александра II. Депутаты «второго приглашения» не выдвигали никаких политических требований, но они настаивали на сохранении в руках дворянства всей земли, а также вотчинной власти над крестьянами. Редакционные комиссии пошли на некоторые уступки требованиям помещиков: в ряде уездов земледельческих губерний были понижены нормы крестьянских наделов, а в нечерноземных, преимущественно промышленных губерниях повышены размеры оброка и предусмотрена так называемая переоброчка (т. е. дальнейшее повышение оброка) через 20 лет после издания закона об освобождении крестьян.

10 октября 1860 г. Редакционные комиссии завершили свою работу и проект «Положений» поступил в Главный комитет по крестьянскому делу. Здесь он подвергся новым изменениям в пользу помещиков — дальнейшему понижению норм наделов для некоторых местностей. 28 января 1861 г. проект поступил на рассмотрение последней инстанции — Государственного совета. Здесь было сделано новое дополнение к проекту в пользу помещиков: по предложению крупного землевладельца князя П. П. Гагарина был внесен пункт о праве помещика предоставлять крестьянам (по соглашению с ними) немедленно в собственность и бесплатно («в дар») четверть надела. Предполагалось,

что перспектива получения бесплатного, хотя и мизерного, надела, при ликвидации сразу всяких обязательств по отношению к помещику, привлечет крестьян, а самому помещику даст возможность сохранить в своих руках максимум земельных угодий и обеспечит их дешевой рабочей силой.

ОБНАРОДОВАНИЕ МАНИФЕСТА И «ПОЛОЖЕНИЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г.». 16 февраля 1861 г. Государственный совет завершил обсуждение проекта «Положений». 19 февраля (день восшествия на престол в 1855 г. Александра II) они были подписаны царем и получили силу закона. В тот же день царь подписал и Манифест, возвещавший об освобождении крестьян.

Правительство прекрасно понимало, что издаваемый закон не удовлетворит крестьян и вызовет с их стороны массовый протест против его грабительских условий. Поэтому уже с конца 1860 г. оно начало мобилизовывать силы для подавления крестьянских волнений. В декабре 1860 г. — январе 1861 г. происходили особые совещания военного министра, министра двора и внутренних дел, начальника III Отделения и генерал-губернатора Петербурга о приведении в боевую готовность карательных войск и об усилении охраны правительственных зданий к предстоящему обнародованию Манифеста. Из опасения восстания простого люда в столице все было приготовлено к возможному бегству царской семьи. Были составлены подробные инструкции о дислокации и переброске войск на случай крестьянских волнений, в губернии посланы генерал-майоры царской свиты и флигель-адъютанты, наделенные широкими полномочиями по борьбе с крестьянскими волнениями. Согласно правительственным указаниям, духовенство обязывалось применять все средства религиозного воздействия на крестьян, чтобы удержать их в повиновении. Само обнародование «воли» крестьян было задержано на две недели.

«Положения 19 февраля 1861 г.» распространялись на 45 губерний Европейской России, в которых насчитывалось 22 563 тыс. душ обоего пола крепостных крестьян, в том числе 1467 тыс. дворовых и 543 тыс., приписанных к частным заводам и фабрикам.

Ликвидация феодальных отношений в деревне—не единовременный акт 1861 г., а длительный процесс, растянувшийся на несколько десятилетий. Полное освобождение крестьяне получали не сразу с момента обнародования Манифеста и «Положений 19 февраля 1861 г.» В Манифесте объявлялось, что крестьяне в течение двух лет (до 19 февраля 1863 г.) обязаны отбывать те же самые повинности, что и при крепостном праве. Отменялись лишь так называемые добавочные сборы (яйцами, маслом, льном, холстом, шерстью и т. п.), барщина ограничивалась 2 женскими и 3 мужскими днями с тягла в неделю, несколько сокращалась подводная повинность, запрещался перевод крестьян с оброка на барщину и в дворовые. Но и после 1863 г. крестьяне еще долгое время находились на положении «временнообязанных», т. е. продолжали нести регламентированные «Положениями» феодальные повинности: платить оброк или выполнять барщину. Завершающим актом в ликвидации феодальных отношений являлся перевод крестьян на выкуп.

2. ПРОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 Г.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН И КРЕСТЬЯНСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. По Манифесту крестьянин сразу получал личную свободу. Бывший крепостной, у которого ранее помещик мог отнять все его достояние, а его самого продать, подарить, заложить, теперь получал не только возможность свободно распоряжаться своей личностью, но и ряд гражданских прав: от своего имени заключать разного рода гражданские и имущественные сделки, открывать торговые и промышленные заведения, переходить в другие сословия. Все это давало больший простор крестьянскому предпринимательству, способствовало росту отхода на заработки и, следовательно, складыванию рынка рабочей силы. Однако вопрос о личном освобождении крестьян не получил еще полного, последовательного разрешения. Черты внеэкономического принуждения продолжали сохраняться. На период временнообязанного состояния крестьян за помещиком оставалось право вотчинной полиции: в полицейском отношении ему были подчинены сельские должностные лица; он мог требовать смены этих лиц, удаления из общины не угодного ему крестьянина, вмешиваться в решения сельских и волостных сходов. Сохранялись и сословная неполноправность крестьян, прикрепление их к месту жительства, к общине. Крестьянство

продолжало оставаться низшим, податным сословием, которое обязано было нести рекрутскую, подушную и разного рода другие денежные и натуральные повинности, подвергалось телесным наказаниям, от чего были освобождены привилегированные сословия (дворянство, духовенство, купечество).

В июне—июле 1861 г. в селениях бывших помещичьих крестьян появились органы крестьянского «общественного управления». За образец было взято крестьянское «самоуправление» в государственной деревне, созданное в 1837—1841 гг. реформой П. Д. Киселева. Крестьяне одной общины или бывшего помещичьего имения составляли сельское общество, несколько сельских обществ образовывали волость, насчитывавшую от 300 до 2 тыс. душ мужского пола. Домохозяева сельского общества составляли сельский сход, который избирал на 3 года сельского старосту, сборщика податей и представителей на волостной сход (одного от 10 дворов). Волостной сход избирал также на 3 года волостного старшину и волостной суд, судивший крестьян данной волости по мелким уголовным и гражданским делам. Старшина являлся главой волостного правления, в которое входили сельские старосты и сборщики податей.

Крестьянские сельские и волостные учреждения имели ограниченную компетенцию и находились в полном подчинении у местных административно-полицейских властей. Крестьянское «общественное управление» на практике являлось органом надзора за поведением крестьян и обеспечения исправного отбывания крестьянами повинностей в пользу помещика и государства. Закон 1861 г. сохранял общину, которую правительство и помещики использовали как фискально-полицейскую ячейку в пореформенной деревне.

В июне 1861 г. был создан институт мировых посредников, на который правительство возложило исполнение многочисленных административно-полицейских функций, связанных с проведением реформы в жизнь: утверждение и введение уставных грамот (определявших пореформенные повинности и поземельные отношения крестьян с помещиками), удостоверение выкупных актов при переходе крестьян на выкуп, разбор споров между крестьянами и помещиками, руководство «разверстанием» (разграничением) крестьянских и помещичьих угодий, надзор над органами крестьянского «самоуправления». Мировые посредники назначались исключительно из помещиков (местных потомственных дворян) и, как правило, из числа крупных землевладельцев. Они были подотчетны уездному съезду мировых посредников, а съезд, в свою очередь, был подотчетен губернскому по крестьянским делам присутствию, состоявшему из местных чиновников и помещиков. Мировые посредники не являлись «беспристрастными примирителями» разногласий между крестьянами и помещиками. Представляя помещиков, они прежде всего защищали помещичьи интересы, иногда даже нарушая закон. Однако среди мировых посредников находились и представители либерально-оппозиционного дворянства, критиковавшие тяжелые для крестьян условия реформы 1861 г. и требовавшие проведения ряда буржуазных преобразований в стране. Однако удельный вес их был весьма невелик, их быстро удаляли с занимаемых должностей и заменяли «людьми, не способными отказать крепостникам в объегоривании крестьян...»[1].

КРЕСТЬЯНСКИЙ НАДЕЛ. Решение аграрного вопроса занимало первенствующее место в реформе 1861 г. Закон исходил из принципа признания за помещиком права собственности на всю землю в имении, в том числе и на крестьянскую надельную. Крестьяне считались лишь пользователями надельной землей, обязанными отбывать за нее установленные «Положением» повинности (оброк или барщину). Чтобы стать собственником своей надельной земли, крестьянин должен был выкупить ее у помещика.

Наделение крестьян землей диктовалось необходимостью сохранить крестьянское хозяйство как объект эксплуатации и обеспечить социальную безопасность в стране: правительство знало, что требование предоставления земли очень громко звучало в крестьянском движении предреформенных лет. Полное обезземеление крестьян было экономически невыгодной и социально опасной мерой: лишая помещиков и государство возможности получать прежние доходы с крестьян, оно создавало многомиллионную армию безземельного пролетариата и грозило крестьянским восстанием.

Но если полное обезземеление крестьян в силу указанных соображений было невозможно, то и наделение крестьян достаточным

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 430.

количеством земли, которое поставило бы крестьянское хозяйство в независимое положение от помещичьего, было невыгодно помещику. Поэтому ставилась задача предоставить крестьянам землю в таком размере, чтобы они были привязаны к своему наделу, а вследствие недостаточности последнего — и к помещичьему хозяйству. Тем самым, как указывал В. И. Ленин, создавалась система эксплуатации крестьян, основанная как на наделении их землей (путем прикрепления их к наделу), так и на отделении их от земли (путем сокращения надела, что заставляло крестьянина идти в кабалу к своему прежнему помещику)[1].

Наделение крестьян землей носило принудительный характер. Закон запрещал крестьянам в течение 9 лет после его издания (до 1870 г.) отказываться от надела, но и по истечении этого срока право отказа от надела было обставлено такими условиями, что фактически сводилось на нет.

При определении норм надела учитывались особенности местных природных и экономических условий. Территория Европейской России подразделялась на три полосы — нечерноземную, черноземную и степную. В нечерноземной и черноземной полосах устанавливалась «высшая» и «низшая» ($^1/_3$ высшей) нормы наделов, в степной — одна, «указная» норма. С учетом особенностей губерний, даже уездов и частей уездов, размеры высшего и указного наделов устанавливались в пределах от 2,72 до 12 десятин на 1 душу мужского пола. В большинстве случаев эти нормы оказывались ниже размеров дореформенного крестьянского землепользования. Закон предусматривал отрезку от крестьянского надела, если он превышал определенную для данной местности высшую или указную норму, и прирезку, если надел не достигал низшей нормы. Законом же разрешалась отрезка в тех случаях, если у помещика оказывалось менее $^1/_3$ земли в имении по отношению к крестьянской надельной (а в степной полосе — менее $^1/_2$) или когда помещик предоставлял крестьянину бесплатно («в дар») $^1/_4$ высшего надела («дарственный надел»). Разрыв между высшей и низшей нормами сделал отрезки правилом, а прирезки — исключением. В то время как отрезка по отдельным губерниям была произведена у 40—65% крестьян, прирезка коснулась только 3—15% крестьян. Да и размер отрезки в десятки раз превышал прирезку, причем у крестьян отрезались лучшие, а прирезались худшие земли. Прирезка, в конечном счете, производилась также в помещичьих интересах: она доводила надел до определенного минимума, необходимого для сохранения крестьянского хозяйства, и в большинстве случаев была связана с увеличением повинностей. В итоге крестьянское землепользование в целом по стране сократилось более чем на $^1/_5$, при этом в земледельческих, черноземных губерниях, где преобладала барщинная система эксплуатации и земля высоко ценилась, отрезки доходили до 30—40%.

Тяжесть отрезков заключалась не только в их размерах. Как правило, отрезались наиболее ценные, а главное, необходимые для крестьян угодья, без которых невозможно было нормальное функционирование крестьянского хозяйства: луга, выгоны, водопои и т. п. Крестьянин вынужден был арендовать эти «отрезные земли» на кабальных условиях. Отрезки превратились в руках помещиков в весьма эффективное средство нажима на крестьян и явились базисом отработочной системы в пореформенное время. «*В общем и целом,* — писал В. И. Ленин, — не подлежит сомнению, что центр отработочной системы в России (среднечерноземный район) есть в то же время и центр отрезков»[1].

Землевладение крестьян было «утеснено» не только отрезками, но и чересполосицей, лишением крестьян лесных угодий (лес включался в крестьянский надел только в лесистых северо-восточных губерниях). Закон давал помещику право переносить крестьянские усадьбы на другое место, до перехода крестьян на выкуп обменивать их наделы на свои земли, если на крестьянском наделе открывались вдруг какие-нибудь полезные ископаемые или просто эта земля оказывалась необходимой для тех или иных нужд помещика. Получив надел, крестьянин еще не становился его полноправным хозяином: он не мог на ней заводить торги и ярмарки, открывать промышленные заведения. Даже перейдя на выкуп, крестьянин не имел возможности продать свой надел, а сдача последнего в аренду ограничивалась пределами данной общины.

В итоге 9860 тыс. душ мужского пола

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 222.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 222.

бывших помещичьих крестьян получили 33,7 млн. десятин, а у 100,5 тыс. помещиков осталось 69 млн. десятин земли, т. е. в два раза больше крестьянской. Реформа 1861 г. не только сохранила, но еще более увеличила помещичье землевладение за счет сокращения крестьянского. 1,3 млн. душ крестьян (724 тыс. дворовых, 461 тыс. дарственников и 137 тыс., принадлежавших мелкопоместным владельцам) фактически оказались безземельными. Надел остальных крестьян в среднем составил 3,4 десятины на душу, в то время как для нормального обеспечения необходимого жизненного уровня крестьянина за счет сельского хозяйства при тогдашней агротехнике требовалось от 6 до 8 десятин земли на душу (в зависимости от различных районов). Недостаток почти половины необходимой крестьянам земли они вынуждены были пополнять кабальной арендой, частью покупкой или сторонними заработками. Недостаток в земле возрастал по мере естественного прироста населения, он обусловливал сохранение на длительное время кабальных, полукрепостнических форм эксплуатации крестьян, искусственно повышал арендные и продажные цены на землю, являлся источником нищеты и отсталости пореформенной деревни. Вот почему аграрный вопрос принял такую остроту на рубеже XIX—XX вв. и явился «гвоздем» революции 1905—1907 гг.

ПОВИННОСТИ. До перехода на выкуп крестьяне обязаны были за предоставленные им в пользование наделы отбывать повинности в виде барщины или оброка. Закон устанавливал следующие нормы оброка: за высший надел в промышленных губерниях — 10 руб., в остальных — 8—9 руб. с 1 души мужского пола (в имениях, находившихся не далее 25 верст от Петербурга, — 12 руб.). В случае близости имений к железной дороге, судоходной реке, к торгово-промышленному центру помещик мог ходатайствовать об увеличении нормы оброка. Кроме того, закон предусматривал проведение через 20 лет «переоброчки», т. е. увеличение оброка в предвидении роста арендных и продажных цен на землю. По закону дореформенный оброк нельзя было повышать, если не увеличивался надел, однако закон не предусматривал уменьшения оброка в связи с сокращением надела. В результате вследствие отрезки от крестьянского надела происходило фактическое увеличение оброка в расчете на 1 десятину. «Какое же это улучшение быта! Оброк-то на нас оставили прежний, а землю обрезали», — горько сетовали крестьяне.

Установленные законом нормы оброка превосходили доходность земли, особенно в нечерноземных губерниях. «Непомерное обременение надела» (К. Маркс) достигалось еще и системой «градаций». Суть ее заключалась в том, что половина оброка приходилась на первую десятину надела, четверть — на вторую, а другая четверть раскладывалась на остальные десятины надела. Следовательно, чем меньше был размер надела, тем выше был размер оброка в расчете на 1 десятину, т. е. тем дороже обходился надел крестьянину. Иначе говоря, там, где дореформенный надел не доходил до высшей его нормы и помещик не мог ограбить крестьян путем отрезки от надела, в силу вступала система градаций, которая преследовала, таким образом, цель выжать из крестьян максимум повинностей за минимальный надел. Система градаций распространялась и на барщину.

Барщина за высший душевой надел устанавливалась в размере 70 рабочих дней (40 мужских и 30 женских) с тягла в год, при этом $^3/_5$ дней в летнее и $^2/_5$ в зимнее время. Величина рабочего дня составляла 12 часов летом и 9 часов зимой. Объем работ в течение дня определялся особым «урочным положением». Однако низкая производительность барщинного труда и особенно распространившийся саботаж крестьянами барщинных работ заставляли помещиков переводить крестьян на оброк и вводить более эффективную по сравнению со старой барщиной отработочную систему, которая хотя и являлась «переживанием барщинного хозяйства», но уже означала «переход к капитализму»[1]. За два года (с 1861 по 1863) удельный вес барщинных крестьян сократился с 71 до 35%.

ВЫКУП. Перевод крестьян на выкуп являлся завершающим этапом освобождения их от крепостной зависимости. «Положения 19 февраля 1861 г.» никакого окончательного срока прекращения временнообязанного положения крестьян и перевода их на выкуп не определяли. Только законом 28 декабря 1881 г. устанавливался перевод крестьян на обязательный выкуп начиная с 1 января 1883 г. К этому времени на временнообязанном положении оставалось 15% крестьян. Перевод их на выкуп завершился к 1895 г. Однако этот закон распространялся только на

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 187, 200.

29 «великороссийских» губерний. В Закавказье перевод крестьян на выкуп не был завершен даже к 1917 г. Иначе обстояло дело в 9 губерниях Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, где под влиянием польского восстания 1863 г. и широкого крестьянского движения крестьяне в количестве 2,5 млн. душ мужского пола были переведены на обязательный выкуп уже в 1863 г. Здесь были установлены и более льготные, по сравнению с остальными губерниями России, условия освобождения: возвращены отрезанные от наделов земли, снижены повинности в среднем на 20%.

Условия выкупа для основной массы крестьян были очень тяжелыми. В основу выкупа ставились феодальные повинности, а не действительная, рыночная цена земли. Иначе говоря, крестьянам приходилось платить не только за урезанный надел, но и за потерю помещиком крепостного труда. Выкупная сумма определялась путем «капитализации оброка». Суть ее заключалась в том, что ежегодно уплачиваемый крестьянином оброк приравнивался к годовому доходу в размере 6% с капитала. Вычисление этого капитала и означало определение выкупной суммы. Например, если крестьянин уплачивал оброк за душевой надел в размере 10 руб. в год, то выкупная сумма за этот надел должна была составить 166 р. 67 к.

Дело выкупа взяло на себя государство путем проведения выкупной операции. Она выражалась в том, что казна выплачивала помещикам сразу же деньгами и ценными бумагами 80% выкупной суммы, если крестьяне данного имения получали высший надел, и 75%, если им предоставлялся надел менее высшего. Остальные 20—25% (так называемый дополнительный платеж) крестьяне уплачивали непосредственно помещику — сразу или в рассрочку. Выкупная сумма, выплаченная государством помещикам (она рассматривалась как предоставленная крестьянам «ссуда»), затем взыскивалась с крестьян в размере 6% в год в течение 49 лет. Таким образом, за это время крестьянин должен был выплатить до 300% предоставленной ему «ссуды».

Проведение государством выкупа крестьянских наделов в централизованном порядке решало ряд важных социальных и экономических задач. Правительственный кредит обеспечивал помещикам гарантированную уплату выкупа и избавлял их от непосредственного столкновения с крестьянами. Выкуп оказался для государства чрезвычайно выгодной операцией. Общая выкупная сумма за крестьянские наделы была определена в 867 млн. руб., в то время как рыночная стоимость этих наделов по ценам 1863—1872 гг. составляла 648 млн. руб. С 1862 по 1907 г. бывшие помещичьи крестьяне выплатили казне 1 540 570 тыс. руб. выкупных платежей и все еще оставались ей должны, однако мощное аграрное движение крестьян в революции 1905—1907 гг. заставило царизм прекратить взимание выкупных платежей с 1 января 1907 г. Проводя выкупную операцию, казна решила и проблему возврата дореформенных долгов с помещиков. К 1861 г. 65% крепостных крестьян были заложены и перезаложены их владельцами в различных кредитных учреждениях, а сумма долга этим учреждениям составила 425 млн. руб. Этот долг был вычтен из выкупной ссуды помещикам. Таким образом, реформа 1861 г., освободив помещиков от долгов, спасла их от финансового банкротства.

Противоречивость реформы 1861 г., переплетение в ней крепостнических и капиталистических черт наиболее отчетливо проявились в вопросе о выкупе. С одной стороны, выкуп носил грабительский, крепостнический характер, с другой — он несомненно способствовал развитию капиталистических отношений в стране. «Выкуп, — писал В. И. Ленин, — есть дань, возлагаемая на общественное развитие, дань владельцам крепостнических латифундий. Выкуп есть бюрократически, полицейски обеспеченная реализация крепостнических приемов эксплуатации...»[1] Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что «выкуп дает толчок денежному хозяйству, т. е. увеличение зависимости крестьянина от рынка». «*Поскольку* крестьянин вырывался из-под власти крепостника, *постольку* он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала»[2]. Выкуп способствовал не только более интенсивному проникновению товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство, но и давал помещикам денежные средства для перевода своего хозяйства на капиталистические основы. Перевод крестьян на выкуп означал дальнейшее отделение крестьянского

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 221.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 162, 174.

хозяйства от помещичьего. Выкуп ускорял процесс социального расслоения крестьянства.

ОТВЕТ КРЕСТЬЯН НА РЕФОРМУ 1861 Г. Обнародование Манифеста и «Положений 19 февраля 1861 г.», содержание которых обмануло надежды крестьян на «полную волю», вызвало взрыв крестьянского протеста весной 1861 г. За первые пять месяцев этого года произошло 1340 массовых крестьянских волнений, всего же за год — 1859 волнений. Фактически не было ни одной губернии, в которой в большей или меньшей степени крестьяне не протестовали бы против «дарованной» им «воли». Продолжая уповать на «доброго» царя, крестьяне никак не могли поверить в то, что от него исходят такие законы, которые на два года оставляли их в прежнем подчинении помещикам, по-прежнему вынуждали их исполнять барщину и платить оброки, лишали их значительной части земли, а оставшиеся в их пользовании наделы объявляли дворянской собственностью. Крестьяне считали обнародованные законы поддельными документами, составленными помещиками и договорившимися с ними заодно чиновниками, скрывшими «настоящую», «царскую волю».

Наибольший размах крестьянское движение приняло в центрально-черноземных губерниях, в Поволжье и на Украине, где основная масса крестьян находилась на барщине и особенно острым был аграрный вопрос. Наиболее сильными оказались волнения в начале апреля 1861 г. в селах Бездна (Казанская губерния) и Кандеевка (Пензенская губерния), в которых участвовали десятки тысяч крестьян и которые закончились их кровавым усмирением — сотни крестьян были убиты и ранены.

К лету 1861 г. правительству с помощью крупных воинских подразделений, путем расстрелов и массовых сечений розгами удалось ослабить взрыв крестьянского протеста. Однако весной 1862 г. поднялась новая волна крестьянских выступлений, связанных с введением уставных грамот, в которых фиксировались конкретные условия выхода крестьян на волю в отдельных имениях. Более половины уставных грамот не были подписаны крестьянами. Отказ от принятия уставных грамот, навязываемых крестьянам силой, часто выливался в крупные волнения, которых в 1862 г. произошло 844. Упорное сопротивление уставным грамотам было вызвано не только грабительскими условиями освобождения, но и широко распространенными среди крестьян слухами о том, что им в ближайшее время царем будет дарована новая, «настоящая воля». Срок ее наступления («слушный час») ожидали к 19 февраля 1863 г. — ко времени окончания введения в действие «Положений 19 февраля 1861 г.». Сами эти «Положения» крестьяне стали рассматривать как «временные», которые по истечении двухгодичного срока со дня их обнародования будут заменены другими, предоставляющими крестьянам безвозмездно достаточное количество земли и полностью их избавляющими от опеки помещиков и местных властей.

Обострение классовой борьбы в деревне в 1861—1863 гг. оказало свое воздействие на развитие революционно-демократического движения. Возникают революционные кружки и организации, распространяются революционные воззвания и прокламации. В начале 1862 г. создается наиболее крупная после декабристов революционная организация «Земля и воля», поставившая своей основной задачей объединение всех революционных сил с крестьянством для общего натиска на самодержавие. Русские революционеры полагали, что когда минет двухлетний срок введения в действие «Положений 19 февраля 1861 г.» и крестьяне будут обмануты в своих ожиданиях «новой воли», начнется новое, еще более грозное крестьянское восстание. Помещики и правительство также допускали возможность такого восстания. Однако надежды революционной демократии и страхи верхов не оправдались. Борьба крестьянства в 1863 г. не приобрела той остроты, какая наблюдалась в 1861—1862 гг. В 1863 г. произошло 509 волнений. Наиболее массовым крестьянское движение в 1863 г. было в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине, что связано с влиянием польского восстания 1863 г.

Крестьянское движение 1861—1863 гг., несмотря на размах и массовость, выливалось в стихийные и разрозненные бунты, легко подавляемые правительством. Имело значение и то, что путем разновременного проведения реформы в помещичьей, удельной и государственной деревне, а также в национальных окраинах России правительству удалось локализовать вспышки крестьянского движения. Борьба помещичьих крестьян в 1861—1863 гг. не была поддержана удельными и государственными крестьянами. После

1863 г. крестьянское движение в России пошло на убыль. В 1864 г. произошло 156 волнений, в 1865 г. — 135, в 1866 г. — 91, в 1867 г. — 68, в 1868 г. — 60, в 1869 г. — 65, в 1870 г. — 56.

РЕФОРМА В УДЕЛЬНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНЕ. Удельные крестьяне, которых насчитывалось 900 тыс. душ мужского пола, получили личную свободу на основании указов 20 июня 1858 г. и 26 августа 1859 г. «Положение 26 июня 1863 г.» определяло поземельное устройство, повинности, проведение выкупной операции и организацию сельского и волостного управления удельных крестьян. В течение двух лет (1863—1865) удельные крестьяне были переведены на выкуп. Фактически удельные крестьяне продолжали платить тот же самый оброк, но уже в виде выкупных платежей в течение 49 лет. При проведении реформы землевладение удельных крестьян сокращалось на 3,5%, однако они получили несколько больше земли, чем помещичьи крестьяне: в среднем по 4,9 десятины на душу, т. е. в полтора раза больше среднего душевого надела помещичьих крестьян. Отрезки от наделов и тяжелые условия выкупа земли вызвали многочисленные протесты удельных крестьян, требовавших безвозмездного предоставления им всей земли, которой они пользовались до реформы. Особенно упорной была борьба в удельной деревне Поволжья, Урала, где условия реформы оказались наиболее тяжелыми: здесь отрезки от крестьянских наделов достигали 20—30% при сохранении прежних повинностей.

Подготовка реформы в государственной деревне началась в 1861 г. Государственных крестьян к этому времени насчитывалось 9644 тыс. душ мужского пола. 24 ноября 1866 г. был издан закон «О поземельном устройстве государственных крестьян». Сельские общества сохраняли земли, находившиеся в их пользовании, но не свыше 8 десятин на 1 душу мужского пола в малоземельных и 15 десятин — в многоземельных губерниях. Землепользование каждого сельского общества фиксировалось «владенными записями». Проведение реформы 1866 г. в государственной деревне также повлекло многочисленные конфликты крестьян с казной, вызванные отрезками от наделов, превышающих установленную законом норму, и увеличением повинностей. Земля по закону 1866 г. признавалась собственностью казны, и выкуп наделов был произведен только через 20 лет по закону от 12 июня 1886 г. «О преобразовании оброчной подати бывших государственных крестьян в выкупные платежи».

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИНАХ РОССИИ. Проведение крестьянской реформы в национальных окраинах России исходило из основных принципов «Положений 19 февраля 1861 г.» — предоставление личной свободы крестьянам и надельной земли за повинности с правом последующего выкупа наделов и повинностей.

В 1864—1871 гг. было отменено крепостное право в 6 губерниях Закавказья, в которых насчитывалось 506,6 тыс. душ обоего пола крепостных крестьян. 13 октября 1864 г. было издано «Положение» об отмене крепостного права в Тифлисской губернии, по которому крестьяне получали личную свободу, но земля оставалась в собственности помещиков, выделявших крестьянам определенное количество земли и усадьбу в пользование за следующие повинности: внесение 1/4 урожая с пашен и виноградников и 1/3 укоса трав с сенокосов, кроме того, уплата по 3 руб. в год за усадьбу при ее размере в 0,5 десятины. При выделении крестьянам усадьбы и наделов помещик имел право сохранить за собой не менее половины всей земли в имении. Дворовые и арендаторы землей не наделялись. Создавались аналогичные русским органы крестьянского сельского управления, но за помещиком сохранялось право вотчинной полиции. Выкуп наделов всецело зависел от воли помещика. 13 октября 1865 г. это «Положение» было распространено на Западную Грузию (Кутаисскую губернию), а 1 декабря 1866 г. — на Мегрелию. В результате реформы 1864—1866 гг. грузинские крестьяне потеряли свыше 20% своей прежней надельной земли.

В 1870 г. было отменено крепостное право в Абхазии, а в 1871 г. в Сванетии. Здесь крестьяне получали от 3 до 7 десятин земли на двор и обязаны были за это в течение 4 лет «нести службу, работу и прочие повинности» или внести выкупную плату в размере от 50 до 120 руб. для мужчин в возрасте 10—50 лет и женщин в возрасте 10—45 лет.

Крепостное право в Армении и Азербайджане было отменено «Положением 14 мая 1870 г.». В основу его были положены принципы закона 1864 г. для Грузии. Здесь

крестьяне получили в пользование по 5 десятин на 1 душу мужского пола, т. е. значительно больше, чем в Грузии, Абхазии и Сванетии.

В 1912—1913 гг. были изданы законы об обязательном переводе бывших помещичьих крестьян Закавказья на выкуп. Однако перевод на выкуп не был завершен вплоть до 1917 г., на временнообязанном положении продолжали оставаться еще 55% крестьян. Таким образом, в Закавказье дольше сохранялись феодальные отношения, сами условия отмены крепостного права здесь содержали больше крепостнических пережитков, что объясняется относительной отсталостью этого региона в социально-экономическом развитии по сравнению с центральными районами России.

Более благоприятными оказались условия крестьянской реформы в Бессарабии. Основную массу сельского населения здесь составляли царане (по-молдавски — земледельцы) — лично свободные, но сидевшие на помещичьих землях крестьяне, обязанные за эту землю выполнять в пользу ее владельцев определенные феодальные повинности. Царан насчитывалось 400 тыс. человек обоего пола (60% населения Бессарабской области). «Положение 14 июля 1868 г.» о церанах предоставляло им землю в подворное пользование в размере от 8 до 13,5 десятины на двор. За 1 десятину царане должны были уплачивать от 1 р. 20 к. до 2 р. 50 к. в год оброка. Перевод на обязательный выкуп царан был произведен на основании закона от 14 мая 1888 г. К этому времени до 60% царан уже выкупили свои наделы. Условия освобождения крестьян в Бессарабии создавали больший простор для развития капиталистических отношений.

ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 Г. Реформа 1861 г. знаменовала собой, по определению В. И. Ленина, «начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи»[1]. Она явилась переломным моментом, гранью между двумя эпохами — феодализмом и капитализмом, создав условия для утверждения капитализма как господствующей формации. Личное освобождение крестьян ликвидировало монополию помещиков на эксплуатацию крестьянского труда, способствовало более быстрому росту рынка рабочей силы для развивающегося капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Условия реформы 1861 г. обеспечивали помещикам постепенный переход от крепостнического хозяйства к капиталистическому.

Конечно, капиталистический строй утвердился не сразу после 1861 г. В. И. Ленин отмечал, что хотя в 1861 г. «крепостное право было разрушено», однако еще «вся вторая половина прошлого века была одним из этапов смены крепостнических порядков буржуазными»[1].

Буржуазная по содержанию реформа 1861 г. вместе с тем была и крепостнической; она и не могла быть иной, ибо проводили ее крепостники. Крепостнические черты реформы 1861 г. обусловили сохранение многочисленных феодально-крепостнических пережитков в социальном, экономическом и политическом строе пореформенной России. Главным крепостническим пережитком являлось сохранение помещичьего землевладения — экономической базы политического господства помещиков. Помещичьи латифундии консервировали полукрепостнические отношения в деревне в виде отработков и кабалы. Реформа 1861 г. сохранила феодальный сословный строй: сословные привилегии помещиков, сословную неравноправность и изолированность крестьянства. Сохранялась и феодальная политическая надстройка — самодержавие, выражавшее и олицетворявшее собой политическое господство помещиков. Делая шаги по пути превращения в буржуазную монархию, русское самодержавие не только приспосабливалось к капитализму, но и активно вторгалось в экономическое развитие страны, стремилось использовать новые процессы для укрепления своих позиций.

Реформа 1861 г. не разрешила задачи окончательной ликвидации феодально-крепостнических порядков в стране. Поэтому те причины, которые привели к революционной ситуации на рубеже 50—60-х годов XIX в. и падению крепостного права, продолжали действовать. Реформа 1861 г. лишь отсрочила, но не устранила революционной развязки. Крепостнический характер реформы 1861 г., ее двойственность и противоречивость придавали особую остроту социально-экономическим и политическим конфликтам в пореформенной России. «1861 год породил 1905»[2], — писал В. И. Ленин. Реформа «по-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 78; т. 25, с. 33.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 177.

родила» революцию не только тем, что сохранила крепостнические пережитки, но и тем, что, «открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму»[1], она способствовала созданию новых социальных сил, боровшихся за ликвидацию этих пережитков. «...Падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самостоятельно искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу»[2]. В пореформенной России сформировалась новая социальная сила — пролетариат, который не менее, чем крестьянство, был заинтересован в коренной ликвидации остатков крепостничества в социально-экономическом и политическом строе страны. К 1905 г. крестьянство отличалось от крестьянства крепостной эпохи. На смену забитому, патриархальному крестьянину пришел крестьянин капиталистической эпохи, побывавший в городе, на фабрике, много видевший и многому научившийся.

ГЛАВА 11
БУРЖУАЗНЫЕ РЕФОРМЫ 1863—1874 ГГ

Отмена крепостного права в России вызвала необходимость проведения других буржуазных реформ — в области местного управления, суда, образования, финансов, в военном деле. Они преследовали цель приспособить самодержавный политический строй России к потребностям капиталистического развития, сохранив его классовую, дворянско-помещичью сущность.

Разработка этих реформ началась в обстановке революционной ситуации на рубеже 50—60-х годов XIX в. Как и всякие реформы, они явились, по выражению В. И. Ленина, «побочным продуктом революционной борьбы»[3], были уступками правящих классов во главе с самодержавием общественно-политическому движению в стране в эпоху его подъема. Однако подготовка и проведение этих реформ затянулись на полтора десятилетия и происходили в то время, когда революционная волна в стране была уже отбита и самодержавие вышло из политического кризиса. Для буржуазных реформ 1863—1874 гг. характерны их незавершенность, непоследовательность и узость. Далеко не все, что проектировалось в обстановке общественно-демократического подъема, получило впоследствии свое воплощение в соответствующих законах.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 177.
[2] Там же, с. 141.
[3] Там же, с. 179.

1. РЕФОРМЫ В ОБЛАСТИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

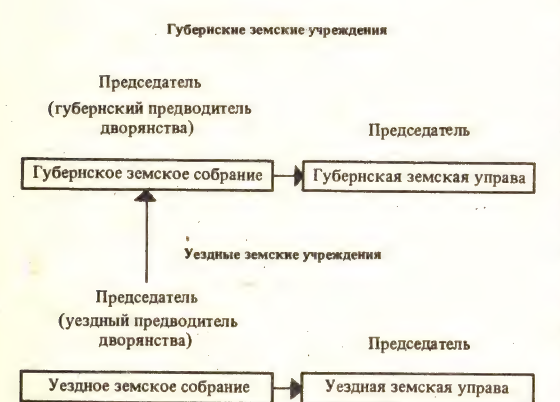
Одной из уступок, «которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска»[1], В. И. Ленин называл земскую реформу, посредством которой самодержавие стремилось ослабить общественное движение в стране, привлечь на свою сторону часть «либерального общества», укрепить свою социальную опору — дворянство[2].

В марте 1859 г. при Министерстве внутренних дел под председательством Н. А. Милютина была создана комиссия для разработки закона «О хозяйственно-распорядительном управлении в уезде». Уже заранее предусматривалось, чтобы вновь создаваемые органы местного управления не выходили за рамки чисто хозяйственных вопросов местного значения. В апреле 1860 г. Милютин представил Александру II записку о «временных правилах» местного управления, которое строилось по принципу выборности и бессословности. В апреле 1861 г. под давлением реакционных придворных кругов Н. А. Милютина и министра внутренних дел С. С. Ланского как «либералов» уволили в отставку. Новый министр внутренних дел П. А. Валуев, назначенный также и председателем комиссии для подготовки реформы местного управления, был известен своими консервативными взглядами. Однако в условиях подъема революционного движения в стране он не решился пойти на ликвидацию основных принципов земской реформы, выработанной комиссией Милютина, — выборности и бессословности. Им была изменена лишь система выборов в проектируемые земские учреждения, которая ограничивала представительство основной массы населения страны — крестьянства, совсем исключала представительство рабочих и ремесленников и давала преимущества

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 33.
[2] См. там же, с. 66.

дворянам-землевладельцам и крупной буржуазии.

Подъем общественно-демократического движения в стране заставил самодержавие пойти даже дальше тех задач, которые оно ранее ставило перед комиссией Милютина. Валуеву было поручено подготовить проект «нового учреждения Государственного совета». По этому проекту предполагалось образование при Государственном совете «съезда государственных гласных» из представителей

губернских земств и городов для предварительного обсуждения некоторых законов перед внесением их в Государственный совет. Когда революционная волна была отбита, самодержавие отказалось от своего намерения допустить «представителей населения к участию в законодательстве» и ограничилось лишь реформой местного управления.

К марту 1863 г. был выработан проект «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», который после обсуждения его в Государственном совете 1 января 1864 г. был утвержден Александром II и получил силу закона. По этому закону создаваемые земские учреждения состояли из распорядительных органов — уездных и губернских земских собраний, и исполнительных—уездных и губернских земских управ. Те и другие избирались на трехлетний срок. Члены земских собраний назывались гласными (имевшими право голоса). Количество уездных гласных по разным уездам колебалось от 10 до 96, а губернских — от 15 до 100. Губернские земские гласные избирались на уездных земских собраниях из расчета 1 губернский гласный от 6 уездных. Выборы в уездные земские собрания проводились на трех избирательных съездах (по куриям). Все избиратели делились на три курии: 1) уездных землевладельцев, 2) городских избирателей и 3) выборных от сельских обществ. В первую курию входили все землевладельцы, имевшие не менее 200 десятин земли, лица, обладавшие недвижимой собственностью на сумму свыше 15 тыс. руб. или же получавшие годовой доход свыше 6 тыс. руб., а также уполномоченные от духовенства и землевладельцев, имевших менее 200 десятин земли. Эту курию представляли преимущественно землевладельцы-дворяне и отчасти крупная торгово-промышленная буржуазия. Вторую курию составляли купцы всех трех гильдий, владельцы торговых и промышленных заведений в городах с годовым доходом свыше 6 тыс. руб., а также владельцы городских недвижимых имуществ стоимостью не менее как на 500 руб. в мелких и на 2 тыс. руб. — в крупных городах. Эта курия была представлена главным образом крупной городской буржуазией, а также дворянами — владельцами городских недвижимостей. Третья курия состояла из представителей сельских обществ, главным образом крестьян. Однако по этой курии могли баллотироваться также и местные дворяне и духовенство — тоже как представители «сельских обществ». Если по первым двум куриям выборы были прямыми, то по третьей — многостепенными: сначала сельский сход выбирал представителей на волостной сход, на котором выбирались выборщики, а затем уже уездный съезд выборщиков избирал гласных в уездное земское собрание. Многостепенность выборов по третьей курии преследовала цель провести в земства наиболее состоятельных и «благонадежных» гласных из крестьян и ограничить самостоятельность сельских сходов при выборе представителей в земства из своей среды. Важно отметить, что по первой, землевладельческой курии избиралось такое же количество гласных в земства, как и по остальным двум, что обеспечивало преобладающее положение в земствах дворянства. Вот данные о социальном составе земских учреждений за первое трехлетие их существования (1865—1867):

В уездных земских собраниях дворяне составляли 42%, крестьяне — 38, купцы — 10, духовенство —

6,5, прочие — 3%; в уездных земских управах дворян было 55,5%, крестьян — 31, купцов, духовных и прочих — 13,6%. Еще большее преобладание дворян было в губернских земских учреждениях: в губернских земских собраниях дворяне составляли 74%, крестьяне — 10,6, прочие — 15%, а в губернских земских управах дворяне составляли уже 89,5%, крестьяне — всего 1,5, прочие — 9%.

Председателями уездного и губернского земских собраний являлись уездный и губернский предводители дворянства. Председатели управ избирались на земских собраниях, при этом председателя уездной земской управы утверждал губернатор, а губернской управы — министр внутренних дел. Гласные земских собраний созывались ежегодно на сессии для рассмотрения годовых отчетов исполнительных органов — управ, для утверждения плана земского хозяйства, сметы доходов и расходов. Гласные земских собраний никакого вознаграждения за службу в земстве не получали. Земские управы действовали постоянно; члены управ получали определенное жалованье. Кроме того, земства получали право содержать на своем жалованье (по найму) земских врачей, учителей, статистиков и прочих земских служащих (которые составляли так называемый третий элемент в земстве). На содержание земских учреждений собирались земские сборы с населения. Земство получало право облагать особым сбором доходы с торгово-промышленных заведений, движимых и недвижимых имуществ. На практике основная тяжесть земских сборов была возложена на крестьянство, а основные расходы земств (80—85%) шли на содержание земских учреждений и полиции; на медицину тратилось 8% и на народное образование — 5% земских средств.

Земства лишены были каких бы то ни было политических функций. Сфера деятельности земств ограничивалась исключительно хозяйственными вопросами местного значения. В ведение земств отдавалось устройство и содержание местных путей сообщения, земской почты, земских школ, больниц, богаделен и приютов, «попечение» о местной торговле и промышленности, ветеринарная служба, взаимное страхование, местное продовольственное дело, даже постройка церквей, содержание местных тюрем и домов для умалишенных. Впрочем, исполнение земствами местных хозяйственно-административных функций рассматривалось самим правительством даже не как право, а как обязанность земств: ранее этим занималась администрация, теперь заботы о местных делах перекладывались на земства. Члены и служащие земств привлекались к судебной ответственности, если они выходили за рамки своей компетенции.

Однако и в пределах этой компетенции земства находились под контролем местной и центральной власти — губернатора и министра внутренних дел, которые имели право приостановить любое постановление земского собрания, признав его «противным законам или общим государственным пользам». Многие из постановлений земских собраний не могли вступить в силу без утверждения губернатора или министра внутренних дел. Сами земства не обладали исполнительной властью. Для выполнения своих постановлений (например, взыскания недоимок по земским сборам, требование исполнения натуральных повинностей и т. д.) земства вынуждены были обращаться за содействием к местной полиции, которая не зависела от земств.

Положением 1 января 1864 г. о земских учреждениях введение земств предусматривалось в 34 губерниях, т. е. примерно в половине губерний страны. Земская реформа не распространялась на Сибирь, Архангельскую, Астраханскую и Оренбургскую губернии, где не было или почти не было помещичьего землевладения, а также на национальные окраины России — Польшу, Литву, Кавказ, Казахстан и Среднюю Азию. Но и в тех 34 губерниях, на которые распространялось действие закона 1864 г., земские учреждения вводились не сразу. К началу 1866 г. они были введены в 19 губерниях, к 1867 г. — еще в 9, а в 1868—1879 гг. — в остальных 6 губерниях.

«...Земство, — писал В. И. Ленин, — с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством... И, сделав такую безвредную для себя уступку, правительство на другой же день после введения земства принялось систематически стеснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика *не*

могла ужиться с выборным всесословным представительством и принялась всячески травить его»[1].

Компетенция и деятельность земства все более ограничивались законодательными мерами. Уже в 1866 г. последовала серия циркуляров и «разъяснений» Министерства внутренних дел и Сената, которые предоставляли губернатору право отказывать в утверждении всякого избранного земством должностного лица, признанного губернатором «неблагонадежным», ставили земских служащих в полную зависимость от правительственных учреждений, ограничивали возможности земств облагать сборами торговые и промышленные заведения (что существенно подрывало их финансовые возможности). В 1867 г. последовали запреты земствам разных губерний сноситься друг с другом и сообщать друг другу свои решения, а также печатать без разрешения местного губернского начальства отчеты о своих собраниях. Председателей земских собраний обязывали под угрозой наказания закрывать заседания собраний, если на них обсуждались вопросы, «не согласные с законом». Циркуляры и указы 1868—1874 гг. ставили земства в еще большую зависимость от власти губернатора, стесняли свободу прений в земских собраниях, ограничивали гласность и публичность их заседаний, оттесняли земства от заведования школьным образованием.

И все же земства сыграли немалую роль в решении местных хозяйственных и культурных вопросов: в организации местного мелкого кредита путем образования крестьянских ссудо-сберегательных товариществ, в устройстве почт, дорожном строительстве, в организации медицинской помощи в деревне, народного образования. К 1880 г. на селе было создано 12 тыс. земских школ. Земские школы считались лучшими. Медицинские учреждения в деревне, хотя и малочисленные и несовершенные, целиком были образованы земством. Велика роль земств и в статистическом изучении состояния народного хозяйства, в особенности крестьянского.

В 1862 г. началась подготовка реформы городского самоуправления. В 509 городах возникли местные комиссии. Министерство внутренних дел составило сводку материалов этих комиссий и на основании ее к 1864 г. выработало проект «Городового положения». В марте 1866 г. проект был внесен на обсуждение Государственного совета, где он пролежал без движения еще два года. Подготовка городской реформы проходила в условиях усиления реакционного курса самодержавия после покушения на царя Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г. Поэтому правительство затягивало проведение реформы, а сам проект неоднократно подвергался изменениям в сторону ограничения прав городского самоуправления. Лишь 16 июня 1870 г. измененный проект «Городового положения» был утвержден Александром II и стал законом.

По этому закону в 509 городах России вводились новые, формально бессословные, органы городского самоуправления — городские думы, избираемые на четыре года. Городская дума избирала свой постоянно действующий исполнительный орган — городскую управу, состоявшую из городского головы и двух или более ее членов. Городской голова одновременно являлся председателем и городской думы и городской управы. Право избирать и быть избранным в городскую думу получали лишь обладавшие определенным имущественным цензом плательщики городских налогов — владельцы торгово-промышленных заведений, банков и городских недвижимостей. По размерам уплачиваемого ими городу налога они разделялись на три избирательных собрания: в первом участвовали наиболее крупные плательщики, уплачивавшие треть общей суммы городских налогов, во втором — средние налогоплательщики, уплачивавшие также треть городских налогов, и в третьем — мелкие налогоплательщики, уплачивавшие остальную треть общей суммы городских налогов. Каждое избирательное собрание избирало равное число членов городской думы (гласных), что обеспечивало преобладание в городских думах и управах представителей наиболее крупной буржуазии города. Рабочие, служащие, интеллигенция, составлявшие основную массу населения города, как неплательщики городских налогов устранялись от участия в городском самоуправлении. Так, в 1871 г. в Москве при численности ее населения в 602 тыс. человек право избирать и быть избранными в го одскую думу имели лишь 20,6 тыс. человек, (т. е. около 3,4%), из которых 446 человек составляли первое избирательное собрание, 2220 — второе и 18 тыс. человек — третье. Поскольку каждое собрание избирало одинаковое число гласных в ду-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 35.

му (по 50 гласных), то норма представительства у избирателей первого собрания была в 8 раз выше, чем у второго, и в 40 раз выше, чем у третьего. Так обеспечивалось преобладание в городской думе крупной буржуазии.

Городская дума подчинялась непосредственно Сенату, а не местной администрации, однако губернатор смотрел за «законостью» ее постановлений, иначе говоря, осуществлял надзор за деятельностью думы. Городской голова в крупных городах утверждался в своей должности министром внутренних дел, а в мелких — губернатором. Компетенция городского самоуправления, как и земского, была ограничена узкими рамками чисто хозяйственных вопросов: благоустройство городов, устройство рынков и базаров, попечение о местной торговле и промышленности, о здравоохранении и народном образовании, принятие санитарных и противопожарных мер. Хотя городской думе и предоставлялось право обложения имуществ и доходов частных лиц города, но оно ограничивалось законом: дума могла облагать сбором дома и прочую городскую недвижимость не выше 1% их стоимости; в таком же размере облагались сбором городская торговля и промышленность. Но из собранных средств львиная доля направлялась не на городские, а на казенные нужды: на содержание полиции и гражданского управления (на это уходило до 50—60% городских сборов). Расходы на благоустройство городов составляли до 15% городского бюджета, на образование — 13% и на медицину — всего около 1%.

Как и земства, городские думы не имели принудительной власти и для выполнения своих постановлений обязаны были прибегать к полиции, не подчиненной городской думе. Фактически власть в городах принадлежала не городскому самоуправлению, а градоначальникам и губернаторам.

«Городовое положение» 1870 г. первоначально было введено в русских городах. В 1875—1877 гг. оно распространилось и на национальные окраины, за исключением Средней Азии, а также Польши, Финляндии, где действовало прежнее городское устройство.

Несмотря на ограниченность реформы городского самоуправления, она явилась все же крупным шагом вперед, поскольку заменила прежние, феодальные, сословно-бюрократические органы управления городом новыми, основанными на буржуазном принципе имущественного ценза. Новые органы городского самоуправления сыграли немалую роль в хозяйственно-культурном развитии пореформенного города.

2. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

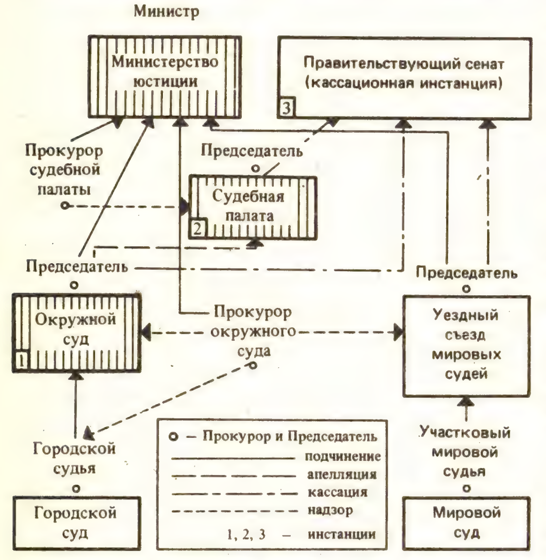
В 1861 г. Государственной канцелярии было поручено начать разработку «Основных положений преобразования судебной части в России». К подготовке судебной реформы были привлечены крупные юристы страны. Видную роль здесь играл известный юрист статс-секретарь Государственного совета С. И. Зарудный, под руководством которого к 1862 г. были выработаны основные начала нового судоустройства и судопроизводства. Они получили одобрение Александра II, были опубликованы и разосланы для отзывов в судебные учреждения, университеты, известным зарубежным юристам и легли в основу судебных уставов. Разработанный проект судебных уставов предусматривал бессословность суда и его независимость от административной власти, несменяемость судей и судебных следователей, равенство всех сословий перед законом, устный характер, состязательность и гласность судебного процесса с участием в нем присяжных заседателей и адвокатов (присяжных поверенных). Это являлось значительным шагом вперед по сравнению с феодальным сословным судом, с его безгласностью и канцелярской тайной, отсутствием защиты и бюрократической волокитой.

20 ноября 1864 г. Александр II утвердил судебные уставы. Они вводили коронный и мировой суды. Коронный суд имел две инстанции: первой являлся окружной суд (обычно в каждой губернии, которая составляла судебный округ), второй — судебная палата, объединявшая несколько судебных округов. Принимавшие участие в судебном процессе выборные присяжные заседатели устанавливали лишь виновность или невиновность подсудимого; меру наказания определяли судьи и два члена суда. Решения, принятые окружным судом с участием присяжных заседателей, считались окончательными, а без их участия могли быть обжалованы в судебной палате. Решения окружных судов и судебных палат, принятые с участием присяжных заседателей, могли быть обжалованы только в случае нарушения законного

порядка судопроизводства. Апелляции на эти решения рассматривал Сенат, который являлся высшей кассационной инстанцией, имевшей право кассации (пересмотра и отмены) судебных решений. Не разбирая дела по существу, Сенат передавал его на вторичное рассмотрение либо в другой суд, либо в тот же суд, но с другим составом членов суда и присяжных заседателей.

Для разбора мелких проступков и гражданских дел с иском до 500 рублей в уездах и

Структура судебных учреждений по Судебным уставам 1864 г.

городах учреждался мировой суд с упрощенным судопроизводством. Состав мировых судов избирался на уездных земских собраниях, а в Москве и Петербурге — в городских думах сроком на 3 года. Каждый уезд в судебном отношении составлял мировой округ, который делился на мировые участки, подведомственные мировому суду данного участка. Решения мирового суда могли быть обжалованы на уездном съезде мировых судей.

Председатели и члены судебных палат и окружных судов утверждались императором, а мировые судьи — Сенатом. После этого они по закону не подлежали ни увольнению в административном порядке, ни временному отстранению от должности; они могли быть отстранены от должности лишь в случае привлечения их к суду по обвинению в уголовном преступлении; суд в этом случае выносил решение и о смещении их с должности.

Судебные уставы 1864 г. вводили институт присяжных поверенных—адвокатуру, а также институт судебных следователей — особых чиновников судебного ведомства, которым передавалось изымаемое из ведения полиции производство предварительного следствия по уголовным делам. Председатели и члены окружных судов и судебных палат, присяжные поверенные и судебные следователи должны были иметь высшее юридическое образование, а присяжный поверенный и его помощник — сверх того пятилетний стаж судебной практики. Мировым судьей могло быть избрано лицо, обладавшее образовательным цензом не ниже среднего и прослужившее не менее трех лет на государственной службе. В присяжные заседатели избирались лица, обладавшие определенным возрастным и имущественным цензом. Присяжными заседателями не могли быть духовные лица, военные и учителя народных школ.

Надзор за законностью действий судебных учреждений осуществлялся обер-прокурором Сената, прокурорами судебных палат и окружных судов. Они подчинялись непосредственно министру юстиции.

Действие судебных уставов распространялось только на 44 губернии (немногим более половины губерний) России. Судебные уставы не распространялись на Белоруссию, Сибирь, Среднюю Азию, северные и северо-восточные окраины Европейской России. Новые судебные учреждения вводились не сразу. В 1866 г. было образовано лишь два судебных округа — в Москве и Петербурге. К 1870 г. новые суды были введены в 23 губерниях из 44, на которые распространялось действие судебных уставов 1864 г. В остальных 21 губерниях образование новых судов завершилось лишь к 1896 г. «Ни одна из реформ, предпринятых у нас в последнее время, не проводилась в исполнение с таким замедлением, как реформа судебная», — писали в 1866 г. «Отечественные записки».

Хотя судебная реформа была наиболее последовательной из буржуазных реформ, однако и она сохраняла немало черт сословно-феодальной политической системы, последующие узаконения вносили в судебную ре-

форму еще большие отступления от принципов буржуазного суда. Сохранялись духовный суд (консистория) по делам духовным и военные суды для военных. Высшие царские сановники — члены Государственного совета, сенаторы, министры, генералы — судились особым Верховным уголовным судом. Еще «Положениями 19 февраля 1861 г.» в деревне вводился сословный крестьянский волостной суд, который судил крестьян по мелким гражданским и уголовным делам на основе обычного крестьянского права, а не государственных законов. С 1866 г., когда судебные учреждения только начали вводиться, последовали различные изъятия, «дополнения» и «разъяснения», ограничивавшие сферу деятельности новых судов. В 1866 г. судебные чиновники фактически ставились в зависимость от губернаторов: они обязаны были являться к губернатору по первому вызову и «подчиняться его законным требованиям». С 1867 г. вместо следователей стали назначать «исправляющих должность следователя», на которых не распространялась несменяемость. Закон 1871 г. передал производство дознания по политическим делам жандармерии, а с 1878 г. значительная часть политических дел передавалась военным судам. В 1872 г. было создано Особое присутствие правительствующего Сената специально для рассмотрения дел по политическим преступлениям. Закон 1872 г. ограничивал публичность судебных заседаний и освещение их в печати. В 1889 г. был ликвидирован мировой суд (восстановлен в 1912 г.).

Под воздействием общественно-демократического подъема в годы революционной ситуации самодержавие вынуждено было пойти и на отмену телесных наказаний. Изданный 17 апреля 1863 г. закон отменял публичное наказание по приговорам гражданских и военных судов плетьми, шпицрутенами, «кошками», клеймение. Однако и эта мера была непоследовательной и носила сословный характер. Полностью телесные наказания не отменялись. Телесные наказания сохранились как замена лишения свободы для непривилегированных сословий — до 100 ударов розгами взамен ареста, смирительного или рабочего дома. Розги сохранялись для крестьян по приговорам волостных судов. Применялись розги к штрафным солдатам и матросам, к каторжникам, ссыльным и заключенным в арестантские отделения.

3. ФИНАНСОВЫЕ РЕФОРМЫ

Потребности капиталистического развития страны и расстройство финансов в годы Крымской войны повелительно требовали упорядочения всего финансового дела. Проведение в 60-х годах XIX в. серии финансовых реформ было направлено на централизацию финансового дела и коснулось главным образом аппарата финансового управления. Указом 1860 г. был учрежден Государственный банк, который заменил собой прежние кредитные учреждения — земский и коммерческий банки, сохранную казну и приказы общественного призрения. Государственный банк получил преимущественное право кредитования торговых и промышленных заведений. Упорядочен был государственный бюджет. Закон 1862 г. устанавливал новый порядок составления смет отдельными ведомствами. Единственным ответственным распорядителем всех доходов и расходов стал министр финансов. С этого же времени начала публиковаться во всеобщее сведение роспись доходов и расходов.

В 1864 г. был преобразован государственный контроль. Во всех губерниях учреждались отделения государственного контроля — контрольные палаты, независимые от губернаторов и прочих ведомств. Контрольные палаты ежемесячно проверяли доходы и расходы всех местных учреждений. С 1868 г. стали публиковаться годичные отчеты государственного контролера, стоявшего во главе государственного контроля.

Была отменена система откупов, при которой большая часть косвенного налога шла не в казну, а в карманы откупщиков. Старая, характерная для феодально-крепостнического государства практика отдачи на откуп частным лицам сбора с населения косвенных налогов на соль, табак, вино и пр., сопровождавшаяся многочисленными злоупотреблениями и вымогательствами откупщиков, была особенно тяжела и ненавистна народу. Под непосредственным влиянием движения народных масс против винных откупов в 1858—1859 гг. правительство вынуждено было пойти на отмену откупной системы: законом 1860 г. она с 1 января 1863 г. повсеместно отменялась и заменялась акцизной системой. Продажа вина объявлялась свободной, но облагалась особым акцизным сбором, взимаемым государственными акцизными учреждениями.

Однако все эти меры, буржуазные по своему характеру, не меняли общей сословной направленности финансовой политики правительства. Основная тяжесть налогов и сборов по-прежнему лежала на податном населении. Сохранялась старая, введенная еще Петром I, подушная подать для крестьян, мещан, ремесленников. Привилегированные сословия (дворяне, духовенство, купечество) от нее были освобождены. Бывшие помещичьи, удельные и государственные крестьяне несли на себе всю тяжесть оброчных и выкупных платежей государству — по сути дела, феодальных повинностей. Подушная подать, оброчные и выкупные платежи в 60—70-х годах XIX в. составляли свыше 25% государственных доходов, однако основную часть этих доходов (более 50%) составляли косвенные налоги, которые также выплачивало преимущественно податное население. Более 50% расходов в государственном бюджете шло на содержание армии и аппарата управления, до 35% — на уплату процентов по государственным долгам, выдачу субсидий и пр. Расходы на народное образование, медицину, призрение составляли менее $^1/_{10}$ государственного бюджета.

4. РЕФОРМЫ В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕЧАТИ

Капиталистическое развитие страны, рост промышленности, торговли, сельского хозяйства, транспорта, внедрение в эти отрасли народного хозяйства машинной техники требовали расширения народного образования. Само осуществление буржуазных реформ в сфере управления, суда, военного дела и т. д. невозможно было без увеличения числа грамотных людей и без расширения сети специальных учебных заведений. Конечно, все формы народного образования, объем и содержание преподаваемых дисциплин строго регламентировались и находились под контролем соответствующих правительственных органов. Народное образование всегда рассматривалось самодержавием как важный инструмент идеологической обработки народных масс — воспитания в них преданности «вере, царю и отечеству». Большое влияние на разработку реформ в области просвещения и печати оказал общественно-демократический подъем в стране после Крымской войны, который заставил самодержавие пойти на некоторую демократизацию высшей школы и на смягчение цензурных правил.

Подготовка реформ начального и среднего образования началась в 1861 г. и продолжалась три года. 14 июня 1864 г. было издано «Положение о начальных народных училищах». Оно разрешало открывать и содержать начальные школы как общественным учреждениям, так и частным лицам, но ставило эти учебные заведения под контроль уездных и губернских училищных советов, в состав которых входили директора училищ, представители от земств, местной администрации и духовенства. В программу начальных училищ входило преподавание чтения, письма, закона божьего, четырех правил арифметики и церковного пения. В пореформенной России существовало три типа начальных школ: учрежденные Министерством народного просвещения (министерские), земствами (земские) и церковноприходские.

19 ноября 1864 г. был утвержден новый устав гимназий. Он вводил буржуазный принцип формального равенства в среднем образовании для всех сословий и вероисповеданий. Однако из-за высокой платы за обучение гимназическое образование было доступно детям преимущественно привилегированных и состоятельных сословий. По уставу 1864 г. прежние гимназии разделялись на классические и реальные — и те и другие семиклассные. В классических гимназиях в основу было положено преподавание древних («классических») языков — латинского и греческого. В реальных гимназиях взамен древних языков увеличивался объем преподавания математики и естествознания. Окончившие классические гимназии получали право поступать в университеты без экзаменов. Окончившим реальные гимназии доступ в университеты был затруднен; они могли поступать преимущественно в высшие технические учебные заведения. Новые типы гимназий из-за недостатка денежных средств и подготовленных преподавательских кадров вводились медленно. К концу 60-х годов в гимназиях России обучалось только 24 тыс. человек, в том числе 20,8 тыс. — в классических и 3,3 тыс. — в реальных. К началу 80-х годов численность учащихся в классических гимназиях возросла до 39 тыс. человек, а в реальных — до 12,5 тыс. В гимназиях учились дети главным образом дворян и буржуазии. Так, в 1874 г. в

классических гимназиях дети дворян и чиновников составляли 59%, духовенства — 6%, городской буржуазии — 28%, крестьян — 5%, прочих — 2%; в реальных гимназиях дети дворян составляли 53%, духовенства — 3%, городской буржуазии — 33%, крестьян — 7%, прочих — 4%.

10 ноября 1862 г. был утвержден устав женских гимназий, по которому учреждались гимназии (также семилетние) для девушек, однако с более сокращенной, по сравнению с мужскими гимназиями, программой преподавания общеобразовательных дисциплин.

Численность начальных и средних школ, училищ и гимназий в России составляла в 1856 г. 8227, в 1880 г. — 22 700 и в 1896 г. — 78 700, а число учащихся в них насчитывалось в 1856 г. 450 тыс. человек, в 1880 г. — 1141 тыс. и в 1896 г. — 3801 тыс. Несмотря на сравнительно быстрый рост народного образования в пореформенной России, к концу XIX в. подавляющее большинство населения продолжало оставаться неграмотным. По переписи 1897 г. удельный вес грамотных людей составлял всего 22,3% населения страны (к 1917 г. он повысился до 31,9%).

Под непосредственным влиянием студенческих волнений в 1861 г. правительство приступило к разработке реформы высшей школы. Созданная для этой цели специальная комиссия к декабрю 1861 г. подготовила проект университетского устава, опубликованный и разосланный для отзывов во все университеты страны, губернаторам, предводителям дворянства и высшим духовным лицам; переведенный даже на европейские языки, он был послан видным иностранным ученым. Затем этот проект длительное время проходил обсуждение в различных инстанциях, после чего уже в пятой редакции он был утвержден 18 июня 1863 г. Александром II и получил силу закона.

Это был один из наиболее либеральных университетских уставов в царской России. Устав 1863 г. предоставлял университетам довольно широкую автономию. Совет университета получал право самостоятельно решать все научные, учебные и административно-финансовые вопросы: присуждать ученые степени и звания, распределять государственные средства по факультетам, разделять сами факультеты на отделения, заменять одни кафедры другими, отправлять молодых ученых для стажировки за границу. Руководство жизнью факультетов принадлежало факультетским советам. Устав предусматривал выборность ректора, проректоров, деканов и профессоров с последующим утверждением их в должности министром народного просвещения. Однако студенты по этому уставу не получали корпоративных прав и подлежали дисциплинарному суду, избираемому из состава профессоров университетским советом. В университеты не допускались женщины.

Действие университетского устава распространялось на 6 университетов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Киевский и на открытый в 1862 г. в Одессе Новороссийский университет; Дерптский и Гельсингфорский университеты имели свои уставы. Устав 1863 г. разрешал университетам иметь пять факультетов: физико-математический, медицинский, юридический, историко-филологический и факультет восточных языков. В действительности в каждом университете было не более четырех факультетов. Восточный факультет существовал только в Петербургском университете, но в нем не было медицинского. Новороссийский университет имел всего три факультета — физико-математический, юридический и историко-филологический. К концу XIX в. число университетов в России достигло 10: в 1869 г. был открыт Варшавский, а в 1888 г. в Томске — Сибирский. Численность студентов возросла с 5,5 тыс. в 1860 г. до 16,5 тыс. в 1899 г., более половины этого числа студентов приходилось на Московский и Петербургский университеты.

В 70-х годах XIX в. было положено начало высшему женскому образованию. В 1869 г. в Москве открылись Лубянские высшие женские курсы, а в 1870 г. — Владимирские курсы в Петербурге и Систематические публичные курсы по естественным наукам в Киеве. В 1872 г. при Николаевском госпитале в Петербурге открылись Высшие медицинские женские курсы и в Москве — Высшие женские курсы профессора В. И. Герье историко-филологического направления. В 1876 г. в Казани были открыты Высшие женские курсы с двумя факультетами — физико-математическим и историко-филологическим. В 1878 г. аналогичные курсы открылись в Киеве и по инициативе профессора К. Н. Бестужева-Рюмина — в Петербурге (Бестужевские курсы). Особую известность получили Бестужевские высшие женские курсы, дававшие наиболее основательное высшее образование. Высшая женская школа существовала в основном за

счет частных пожертвований и платы за обучение.

Под давлением общественно-демократического подъема после Крымской войны самодержавие сделало ряд уступок в области печати. В 1855 г. был упразднен учрежденный в 1848 г. Николаем I для усиления надзора за печатью бутурлинский комитет, а в 1857 г. поставлен вопрос о пересмотре цензурного устава 1826 г. При Министерстве внутренних дел была образована специальная комиссия под председательством Д. А. Оболенского. Вместо нового цензурного устава, введение которого считалось несвоевременным и опасным, она выработала проект «Временных правил» о цензуре, утвержденных царем 6 апреля 1865 г. Правительство проявляло особую осторожность и медлительность в проведении цензурной реформы. «Временные правила» 1865 г., действовавшие с немногими изменениями 40 лет, отменяли предварительную цензуру для оригинальных сочинений объемом не менее 10 печатных листов, а для переводных — не менее 20 листов. Центральные периодические издания могли освобождаться от предварительной цензуры по усмотрению министра внутренних дел, при этом издатель обязан был представить денежный залог от 2500 до 5 тыс. руб. Автор, редактор, издатель и даже книготорговец в случае «нарушения закона» отвечали перед судом. Освобожденные от предварительной цензуры периодические издания могли подвергаться и административному воздействию: «предостережениям» (после трех таких «предостережений» журнал или газета закрывались), денежному штрафу, временной приостановке на полгода или совершенному прекращению издания. От цензуры освобождались правительственные и научные издания. Это были весьма незначительные уступки самодержавия в области печати, причем новые правила о печати распространялись лишь на столичные города — Москву и Петербург. На провинциальную печать и массовую литературу для народа предварительная цензура сохранялась в полной мере. Сохранялась и специальная духовная цензура.

Усиление реакционного политического курса после выстрела Д. В. Каракозова отразилось в первую очередь на политике в области народного образования и печати. В апреле 1866 г. был уволен в отставку казавшийся слишком «либеральным» министр народного просвещения А. В. Головнин и на этот пост назначили известного реакционера графа Д. А. Толстого. Свою деятельность он начал с постановки вопроса о пересмотре устава гимназий. Преподавание древних языков Д. А. Толстой рассматривал как «основу всего дальнейшего научного образования», направленного на борьбу «с материализмом и нигилизмом». Ярыми защитниками «классического» образования выступали в печати известные реакционные публицисты М. Н. Катков и П. М. Леонтьев, принимавшие деятельное участие в разработке планов и программ классических гимназий.

Изданный 30 июля 1871 г. новый устав гимназий предусматривал сохранение только классических гимназий, срок обучения в которых увеличивался с 7 до 8 лет. В полтора раза расширялась, за счет сокращения других предметов, программа преподавания древних языков. В гимназиях внедрялись механическое заучивание и зубрежка, подавлялась всякая самостоятельность мысли. Усиливалось наблюдение за гимназистами как в стенах гимназии, так и вне ее, всячески поощрялись доносы, наушничество.

Устав 15 мая 1872 г. о реальных гимназиях заменял их шестиклассными реальными училищами, приспособленными «к приобретению технических познаний» для «занятий различными отраслями промышленности и торговли». Поэтому программа преподавания в них ограничивалась техническими предметами (значительно увеличился объем преподавания математики и черчения). Как в классических гимназиях, так и в реальных училищах резко уменьшалось число учебных часов по истории, географии, естествознанию и новым языкам, которые считались «второстепенными» предметами. Повышена была плата за обучение, что еще более ограничивало доступ в эти учебные заведения детям из непривилегированных сословий. Для окончивших реальные училища не только категорически запрещался доступ в университеты, но и сильно затруднялось поступление в высшие технические учебные заведения.

В 1874 г. было издано новое «Положение о начальных народных училищах», которое усиливало административное наблюдение над деятельностью губернских и уездных училищных советов и ограничивало их чисто хозяйственными вопросами. Министерство народного просвещения через директоров и инспекторов усиливало также надзор за пре-

подаванием в начальной школе и за учительскими кадрами.

С конца 60-х годов правительство издает серию законов и постановлений, увеличивавших меры административного воздействия на печать. В 1866 г. дела о печати изымались из ведения окружных судов и передавались в судебные палаты, с более верноподданническим составом судей. Законы 1868 и 1872 гг. предоставляли министру внутренних дел право запрещать розничную продажу газет, передавать дела о закрытии «неблагонадежных» органов печати не в суд, а в Комитет министров. Закон 1873 г. запрещал редакторам газет и журналов под страхом закрытия их изданий касаться острых политических вопросов, обсуждение которых в печати правительство признавало «неудобным».

5. ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ 1861—1874 ГГ. РУССКАЯ АРМИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Поражение царской России в Крымской войне, вскрывшей военно-техническую отсталость царской армии, дальнейший рост вооружений и развитие военной техники в Европе, усиление экспансии европейских держав требовали коренной реорганизации военного дела в России и заставили царизм заняться военными преобразованиями. Но реорганизация армии на новых началах во многом зависела от технико-экономического потенциала страны, в особенности от состояния промышленности и транспорта. Поэтому военные преобразования не могли быть осуществлены сразу.

В 60—70-х годах XIX в. была проведена целая серия военных реформ, начавшаяся с реформ в области военного управления и завершившаяся наиболее важной военной реформой — введением всеобщей воинской повинности, а также проведением ряда мер по перевооружению армии.

Уже в ходе Крымской войны, в 1855 г., была образована особая комиссия «для улучшения военного дела», но практически к военным преобразованиям приступили в 1861 г., когда во главе военного министерства стал Д. А. Милютин (старший брат Н. А. Милютина) — высокообразованный военный и государственный деятель, известный своими прогрессивными взглядами. Д. А. Милютин прежде всего добился сокращения срока солдатской службы с 25 до 16 лет, затем отмены телесных наказаний в армии (шпицрутенов, «кошек», кнута и плетей). В 1864 г. им была реорганизована система военного управления: образовано 15 военных округов, каждый со своим управлением, непосредственно подчиненным военному министерству. В 1867 г. в подчинение военному министерству передавались артиллерия, гвардия, инженерные войска, действующая армия (во время военных действий) и военно-учебные заведения, ранее имевшие свои управления. Тем самым достигалась централизация военного управления.

В том же году был принят новый военно-судебный устав, построенный на началах судебной реформы 1864 г. Вводились три судебные инстанции — полковой, военно-окружной и главный военный суды. На время войны учреждался главный полевой военный суд. Решения военных судов подлежали утверждению полкового и окружного военачальников.

В середине 60-х годов была проведена реформа военно-учебных заведений. Учреждались военные гимназии, близкие по программе общеобразовательных дисциплин к средней школе. Для специальной подготовки военных инженеров, артиллеристов, кавалеристов были созданы юнкерские училища. Расширялась система высшего военного образования и в специальных военных академиях — в академии Генерального штаба, в артиллерийской, инженерной, военно-медицинской, военно-юридической. Эти преобразования улучшили боевую подготовку русской армии. Однако коренная реорганизация военного дела могла быть осуществлена лишь введением новой системы комплектования армии — заменой старой рекрутчины всеобщей воинской повинностью, которая обеспечивала создание запаса обученных резервов, необходимых в военное время.

Всеобщая воинская повинность уже давно существовала в капиталистических странах Европы, в то время как в России долгое время сохранялась система рекрутских наборов в армию, введенная еще при Петре I. Но введение всеобщей воинской повинности давало эффект лишь при условии быстрой мобилизации находившихся в запасе воинских резервов, а это зависело от состояния средств сообщения. Рост железнодорожного строительства в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. в России создал необходимые условия для проведения одной из важнейших военных реформ.

Настоятельная необходимость проведения этой реформы диктовалась и сложной внешнеполитической обстановкой, особенно в связи с разгромом в 1870 г. Франции и образованием в центре Европы милитаристской Германии.

В 1870 г. военный министр Д. А. Милютин представил Александру II доклад о реорганизации армии, получил его одобрение и на основе этого доклада разработал проект воинского устава, который прошел обсуждение в Государственном совете и 1 января 1874 г. был утвержден царем.

По закону 1874 г. воинская повинность распространялась на все мужское население, достигшее 20-летнего возраста, без различия сословий. Для сухопутных войск устанавливался 6-летний срок действительной службы и 9 лет пребывания в запасе, для флота — 7 лет действительной службы и 3 года в запасе. Отслужившие сроки действительной службы и в запасе зачислялись в ополчение, в котором пребывали до 40-летнего возраста. Для армии мирного времени необходимый контингент призываемых на действительную службу был значительно меньше общего числа призывников. Так, в 1874 г. из 725 тыс. человек, подлежавших призыву, было призвано 150 тыс. человек, в 1880 г. из 809 тыс. — 212 тыс. человек и в 1900 г. из 1150 тыс. — 315 тыс. Таким образом, из числа лиц призывного возраста на действительную службу набиралось 25—30%.

От действительной службы освобождались в первую очередь имевшие льготы по семейному положению: единственный сын у родителей, единственный кормилец в семье при малолетних братьях и сестрах, а также те призывники, у которых в семье старший брат отбывает или отбыл срок действительной службы. По семейному положению освобождалось до половины призывников; около 15—20% призывников освобождалось от службы по физической непригодности. Остальные годные к службе призывники и не имевшие льгот тянули жребий. Все годные к службе, как те, на которых не пал жребий (они составляли 10—15% призывников), так и получившие льготы по семейному положению, сразу зачислялись в запас, а по истечении 15 лет — в ополчение. Давались и отсрочки от действительной службы на 2 года по имущественному положению. Сроки действительной военной службы значительно сокращались в зависимости от образовательного ценза: до 4 лет — для окончивших начальную школу, до 3 лет — городскую школу, до полутора лет — гимназию и до полугода — для имевших высшее образование. Если получивший образование поступал на действительную службу добровольно (вольноопределяющимся), то указанные сроки службы сокращались вдвое. Находившихся на службе солдат обучали грамоте. Армия играла немалую роль в распространении грамотности среди мужского населения, поскольку в то время до 80% призывавшихся на службу составляли неграмотные.

По закону 1874 г. от воинской повинности освобождались духовенство, представители некоторых религиозных сект и организаций, народы Средней Азии, Казахстана, некоторые народности Кавказа и Крайнего Севера. По отношению к русскому населению воинская повинность фактически распространялась на податные сословия, так как привилегированные сословия благодаря своему высокому образовательному цензу и другим сословным льготам фактически освобождались от воинской обязанности. «В сущности, — писал В. И. Ленин, — у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений»[1].

Сословные различия сохранялись и в самой армии. Командный состав русской пореформенной армии был преимущественно из дворян, хотя формально каждый солдат имел право дослужиться до офицерского чина. В армии царили дух кастовости среди офицерства, унижение человеческого достоинства и бесправие солдата, полная его беззащитность перед произволом офицера — «барина».

Существенные изменения произошли в вооружении армии. Была произведена замена гладкоствольного оружия нарезным и скорострельным. На вооружение поступила винтовка. Артиллерийский парк заменялся новыми системами орудий, началось строительство парового военного флота. С 1876 г. вводилась военно-конская повинность: на время войны годное для военных целей конское поголовье подлежало мобилизации с денежной компенсацией его владельцам. В связи с этим стали регулярно проводиться военно-конские переписи.

Военные реформы 1861—1874 гг. сыграли

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 393.

важную роль в повышении боеспособности русской армии. Однако результаты этих реформ сказались далеко не сразу.

В конце XIX в. в русской армии были произведены следующие изменения. По новому воинскому уставу 1888 г. устанавливались 5-летний срок действительной службы и 13-летний срок пребывания в запасе для всех родов войск, с последующим зачислением в ополчение. Годный к службе числился в ополчении до 43-летнего возраста; с 20 лет до 21 года повышался призывной возраст на действительную службу; в 2—4 раза увеличивались сроки службы для лиц, окончивших средние и высшие учебные заведения, а также для вольноопределяющихся.

6. ЗНАЧЕНИЕ БУРЖУАЗНЫХ РЕФОРМ 1863—1874 ГГ.

Буржуазные реформы 60—70-х годов XIX в., начиная с отмены крепостного права, знаменовали собой существенные изменения в политической надстройке. «Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 году, — писал В. И. Ленин, — то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, последовавших за крестьянской реформой 1861 года, — чтобы убедиться в правильности этого положения. Можно спорить о том, велик или мал, быстр или медленен был этот «шаг», но *направление*, в котором этот *шаг* последовал, так ясно и так выяснено всеми последующими событиями, что о нем едва ли может быть два мнения»[1].

Общий ход социально-экономического развития России по пути к капитализму в конечном счете обусловил настоятельную необходимость проведения буржуазных реформ, которые, в свою очередь, способствовали дальнейшему развитию капитализма в стране. Однако буржуазные по своему содержанию реформы 60—70-х годов несли в себе крепостнические черты. Проведенные сверху самодержавием, эти реформы были половинчатыми и непоследовательными. Наряду с провозглашением буржуазных принципов в управлении, суде, народном образовании и т. д., реформы ограждали сословные преимущества дворянства и фактически сохраняли бесправное положение податных сословий. Уступки, сделанные прежде всего крупной буржуазии, нисколько не нарушали дворянских привилегий. Новые органы управления, школа и печать были полностью подчинены царской администрации. Реакционные тенденции в политике самодержавия, особенно открыто проявившиеся после 1866 г., замедляли проведение буржуазных реформ, искажали их характер. Наряду с реформами, самодержавие поддерживало старые административно-полицейские методы управления и сословность во всех сферах общественно-политической жизни страны, что сделало возможным переход к реакции и проведению серии контрреформ в 80—90-х годах.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 165—166.

ГЛАВА 12
РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

После отмены крепостного права в 1861 г. капитализм в России утвердился как господствующая формация. «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»[1], — писал В. И. Ленин. Из аграрной страны Россия превращалась в аграрно-индустриальную: быстро развивалась крупная машинная индустрия, возникали новые виды промышленности, складывались новые районы капиталистического промышленного и сельскохозяйственного производства, создавалась разветвленная сеть железных дорог, формировался единый капиталистический рынок, происходили важные социальные сдвиги в стране. В. И. Ленин называл крестьянскую реформу 1861 г. «переворотом», аналогичным западноевропейским революциям, открывшим путь новой, капиталистической формации[2]. Но поскольку этот переворот произошел в России не путем революции, а путем реформы, проведенной «сверху», это обусловило сохранение в пореформенный период многочисленных пережит-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 597—598.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 71.

ков крепостничества и в экономическом, и в социальном, и в политическом строе страны.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА. Для развития капитализма в России, стране аграрной, особенно показательны те явления, которые имели место в деревне, в первую очередь в крестьянстве. Здесь необходимо выделить процесс разложения крестьянства на основе начавшегося еще при крепостном праве социального расслоения. Социальное

Следует отметить противоположное значение аренды и покупки земли для богатых и бедных дворов. Если богатые арендовали и покупали землю с целью сельскохозяйственного предпринимательства, то беднейшие крестьяне арендовали (очень редко покупали) мелкие клочки земли, чтобы прокормить семью «из нужды», 80% бедняцких хозяйств сдавали свои наделы богатеям за бесценок. Если сложить надельную, купчую и арендованную землю, то окажется, что 20% бога-

расслоение, как указывалось выше, означало выделение новых социальных типов в деревне — отдельных представителей нарождавшейся сельской буржуазии и определенного слоя обедневшего крестьянства, но при сохранении крестьянства как класса. В условиях капитализма как важный фактор его развития происходит разложение крестьянства как класса (или «раскрестьянивание» — так метко называли этот процесс сами крестьяне), т. е. распадение его на сельскую буржуазию и сельских «пролетариев с наделом» (В. И. Ленин). По данным В. И. Ленина, приводимым им в книге «Развитие капитализма в России», в 80-е годы XIX в. зажиточная группа составляла 20%, средняя — 30% и беднейшая — 50% крестьянского населения. Таким образом, 70% крестьянства представляли две его крайние группы — зажиточную и беднейшую. У зажиточной группы, составлявшей не более $^1/_5$ деревни, сосредоточивалось 32% надельной, 66% купчей и 60% арендованной земли, в то время как у беднейших дворов, представлявших более половины тогдашней деревни, было 36% надельной, 12% арендованной и 9,5% купчей земли.

тых дворов владели более чем половиной земельного фонда в деревне, а 50% бедняцких дворов — менее 20% этого фонда. Зажиточная часть деревни сосредоточивала в своих руках 62% рабочего скота, 86% улучшенных орудий, в то время как у беднейшей группы было всего 9,6% рабочего скота и 2% улучшенных орудий. При этом скот и орудия труда у богатого были лучшего качества , чем у бедного. «...Полуразоренный крестьянин при нищенском хозяйстве и опутанный со всех сторон кабалой не в состоянии приобретать и держать сколько-нибудь хорошего качества скот»[1], — писал В. И. Ленин. Богатеи, имея больше земли, скота, улучшенных орудий, часто прибегали к найму рабочей силы (до 80% наемных рабочих в деревне сосредоточивалось у ее зажиточной верхушки). Эти две крайние социальные группы в пореформенной деревне более всего были втянуты в рыночные связи: у беднейшей группы крестьянства основным товаром являлась ее рабочая сила, у зажиточной — продукт труда, созданный путем эксплуатации наемной рабочей силы.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 100—101.

Разложение крестьянства было важным условием формирования капиталистического рынка и развития капитализма в целом. Неимущее крестьянство, терявшее свою хозяйственную самостоятельность, создавало рынок рабочей силы как для предпринимательского сельского хозяйства, так и для крупной капиталистической промышленности. Вместе с тем разоренный крестьянин, живший в основном на «заработки» и приобретавший теперь предметы потребления преимущественно на рынке, способствовал росту спроса на предметы потребления. Зажиточная же деревенская верхушка, предъявлявшая все больший спрос на машины, улучшенные сельскохозяйственные орудия, удобрения и пр., способствовала росту спроса на средства производства. Накапливая капиталы за счет эксплуатации наемного труда, а также за счет торгово-ростовщических операций, богатая деревенская верхушка вкладывала эти капиталы и в промышленное предпринимательство. Таким образом, процесс разложения крестьянства играл важную роль в формировании двух антагонистических классов капиталистического общества — пролетариата и буржуазии.

Крестьянский скот. Фото

Кулак и бедняк. Литография

Жатка «Мак-Кормик». Фото

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА. ПАДЕНИЕ ОТРАБОТОЧНОЙ СИСТЕМЫ. Пореформенная эпоха характеризуется постепенным переходом помещичьего хозяйства от барщинной системы к капиталистической. Процесс капиталистической перестройки помещичьего хозяйства протекал медленно, что обусловливалось следующими причинами. «Во-первых, — писал В. И. Ленин, — не было еще налицо тех условий, которые требуются для капиталистического производства. Требовался класс людей, привыкших к работе по найму, требовалась замена крестьянского инвентаря помещичьим; требовалась организация земледелия как и всякого другого торгово-промышленного предприятия, а не как господского дела. Все эти условия могли сложиться лишь постепенно...» Во-вторых, в результате реформы 1861 г. «старая, барщинная система хозяйства была лишь подорвана, но не уничтожена окончательно»[1]. Крестьянское хозяйство еще не вполне было отделено от помещичьего: малоземелье, отрезки от крестьянского надела наиболее ценных и необходимых угодий принуждали крестьянина идти в кабалу к прежнему барину. Оставались еще и некоторые черты внеэкономического принуждения: применение принудительных мер к крестьянам (круговая порука, телесные наказания, отдача в общественные работы и пр.) при выполнении установленных законом 1861 г. повинностей в пользу помещика и государства, сословная неполноправность крестьян, наконец, сохранение до начала 80-х годов временнообязанного положения крестьян, т. е. старых форм феодальных отношений.

В этих условиях феодальная система ведения помещичьего хозяйства не могла сразу исчезнуть и замениться капиталистической. Долгое время сохранялась переходная система помещичьего хозяйства. Для пореформенной эпохи характерно сочетание двух основных форм ведения помещичьего хозяйства — отработочной и капиталистической. Первая состояла в обработке помещичьей земли окрестными крестьянами своим инвентарем

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 185—186.

за предоставление им в аренду пахотных земель и других угодий; вторая — в найме рабочих, обрабатывавших землю помещика его инвентарем. В. И. Ленин определил отработочную систему как «прямое переживание барщинного хозяйства»[1]. Только в отличие от крепостной эпохи здесь свободный крестьянин вступал в договорные отношения с владельцем земли — помещиком. Отработки — следствие малоземелья крестьян, ограбленных реформой 1861 г., и давления помещичьих латифундий. Поэтому наиболее широкое распространение отработки получили там, где отрезки от крестьянских наделов оказались наиболее значительными и крестьянское хозяйство испытывало сильное давление со стороны помещичьих латифундий, а именно—в черноземной полосе России. Вот относящиеся к 80-м годам XIX в. данные о распределении капиталистической и отработочной систем хозяйства, приведенные В. И. Лениным в книге «Развитие капитализма в России»* :

Группы губерний по преобладающей системе хозяйства у землевладельцев	Число губерний			Количество посевов всех хлебов и картофеля на частновладельческих землях, тыс. дес.
	в черноземной полосе	в нечерноземной полосе	Всего	
I. Губернии с преобладанием *капиталистической* системы	9	10	19	7 407
II. Губернии с преобладанием *смешанной* системы	3	4	7	2 222
III. Губернии с преобладанием *отработочной* системы	12	5	17	6 281
Всего	24	19	43	15 910

* См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 188.

Отсюда видно, что в 80-е годы XIX в. в целом по стране капиталистическая система ведения помещичьего хозяйства уже преобладала над отработочной. Менялся и сам характер отработок. В. И. Ленин выделил два вида отработок: «1) отработки, которые может исполнить только крестьянин-хозяин, имеющий рабочий скот и инвентарь... и 2) отработки, которые может исполнить и сельский пролетарий, не имеющий никакого инвентаря...»[1]. В. И. Ленин указывал, что «последние отработки составляют прямой переход к капитализму»[2]. Пореформенная эволюция помещичьего хозяйства выражалась в переходе от отработок первого вида к отработкам второго вида и затем к применению капиталистического найма.

Объектом эксплуатации при отработочной системе может быть только наделенный землей крестьянин, имеющий свое хозяйство, свой живой и мертвый инвентарь, но задавленный нуждой, которая и заставляет его идти в кабалу к помещику. «Зажиточное крестьянство, — писал В. И. Ленин, — естественно, не может служить основанием для системы отработков, так как только крайняя нужда заставляет крестьянина браться за наихудше оплачиваемые и разорительные для его хозяйства работы. Но и сельский пролетариат равным образом не годится для отработочной системы, хотя уже по другой причине: не имея никакого хозяйства или имея ничтожный клочок земли, сельский пролетарий не так привязан к нему, как «средний» крестьянин, и вследствие этого ему гораздо легче уйти на сторону и наняться на «вольных» условиях, т. е. за более высокую плату и без всякой кабалы»[3]. Следовательно, процесс разложения крестьянства подрывал отработочную систему и заставлял помещиков переходить к капиталистическому ведению хозяйства.

Капиталистическая перестройка помещичьего хозяйства означала не просто замену по существу принудительного труда крестьян трудом наемных рабочих и крестьянского инвентаря инвентарем помещика. Для ведения предпринимательского сельского хозяйства по-капиталистически требовались новые сельскохозяйственные орудия, машины, удобрения, замена старого трехполья новыми системами земледелия, применение более рациональных методов ведения сельского хозяйства. Такое крупное капиталистическое хозяйство нуждалось в значительных капиталовложениях, знаниях и опыте. Далеко не все помещики могли перестроить свое хозяйство на капиталистических началах. Многие помещики ликвидировали свое хозяйство, закладывали и перезакладывали в кредитных учреждениях свои имения. Количество прода-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 187.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 199.
[2] Там же, с. 200.
[3] Там же, с. 202.

ваемых с молотка помещичьих имений быстро росло. К 1870 г. помещиками было заложено 2,1 млн. десятин земли, составлявших 2,2% помещичьего землевладения, а сумма долга составила 92 млн. руб. К 1880 г. в залоге было 12,5 млн. десятин дворянских земель (15% дворянского землевладения), а долг дворян кредитным учреждениям составлял 448 млн. руб. К 1895 г. дворяне заложили уже 37,5 млн. десятин, что составляло 40,1% землевладения, а сумма их долга достигла 1029 млн. руб.

Если в 1886 г. за долги было продано 166 помещичьих имений, то в 1893 г. — 2237. Разорялось и ликвидировало свое хозяйство в первую очередь мелкое землевладельческое дворянство, которое не могло приспособиться к новым условиям капиталистического рынка. Устойчивее оказались наиболее крупные помещичьи латифундии.

Мировой аграрный кризис конца 70—80-х годов XIX в. захватил и Россию. Падение цен на хлеб на мировом рынке затормозило переход некоторых помещичьих хозяйств к новым формам хозяйствования (и даже вызвало временный возврат к отработкам), ибо затраты на инвентарь, наем рабочей силы превышали выручку за проданный хлеб. Вместе с тем аграрный кризис способствовал углублению процесса дальнейшего разорения помещичьих хозяйств, стимулировал усиленную продажу помещиками своих земель.

«ПРУССКИЙ» И «АМЕРИКАНСКИЙ» ПУТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ. В. И. Ленин указывал, что возможны два пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Первый путь — медленное перерастание помещичьего хозяйства из крепостнического в буржуазное. Помещичье землевладение здесь не разрушено революцией, а становится базой крупного «юнкерского», капиталистического в своей основе хозяйства, но не обходящегося без известной зависимости от него сельского населения. Ведущая роль в земледелии в этом случае принадлежит помещику, а основная масса крестьянства осуждена «на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы», при выделении небольшого количества «крупных крестьян». Этот путь развития капитализма в сельском хозяйстве был типичен для Пруссии, почему В. И. Ленин и назвал его *прусским*. Он оказался характерным для стран к востоку от Эльбы, в том числе и для пореформенной России.

Но капитализм в сельском хозяйстве мог развиваться и по другому пути, когда «помещичьего хозяйства нет, или оно разбивается революцией». В этом случае ведущая роль в земледелии принадлежит крестьянину, который превращается в «капиталистического фермера». Этот путь нашел наиболее яркое выражение в Соединенных Штатах Америки, почему В. И. Ленин и назвал его *американским*. В. И. Ленин указывал, что в пореформенной России «совершенно явственно обнаруживаются оба эти типа эволюции». В тех регионах России, где раньше не было, или почти не было, крепостного права и где за земледелие брался всецело или главным образом свободный крестьянин (например, в Сибири, Заволжье, Новороссии, Степном Предкавказье), развитие капитализма шло несравненно свободнее и быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре страны, и было близко к американскому типу развития. «...Земледельческий центр России и ее земледельческие окраины показывают нам, так сказать, пространственное или географическое распределение местностей, в которых преобладает аграрная эволюция того или другого типа...»,—писал В. И. Ленин. Однако, продолжал он, «основные черты той и другой эволюции явственно видны также во *всех* местностях, где существует рядом помещичье и крестьянское хозяйство... Две струи аграрной эволюции имеются, следовательно, налицо повсюду»[1].

Борьба между капитализмом прусского типа и капитализмом американского типа, как указывал В. И. Ленин, «проходит красной нитью через всю пореформенную историю России и составляет важнейшую экономическую основу нашей революции»[2] (т. е. революции 1905—1907 гг.). В 1909 г. В. И. Ленин писал, что «историческая борьба *этих видов* еще не кончена»[3].

РОСТ ТОРГОВОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ. Основная черта пореформенной эволюции сельского хозяйства в России состояла в том, что оно принимало все более торговый, предпринимательский характер. Содержанием и показателем этого процесса являлись: во-первых (и главным образом), превращение земледелия в товарное производство, при этом товаром становились не только про-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 217—218.
[2] Там же, с. 218.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 228.

дукты земледелия, но и сама земля (основное средство производства) и рабочая сила; во-вторых, четкое определение и углубление наметившейся еще ранее сельскохозяйственной специализации районов страны — выделялись регионы, специализировавшиеся на производстве товарного зерна, льна, мяса и молока, свеклы, винограда и пр. При торговом земледелии выделялся в том или ином регионе главный рыночный сельскохозяйственный продукт, а остальные отрасли сельского хозяйства подчинялись или приспосабливались к производству этого продукта.

Важнейшими факторами, обусловливавшими рост торгового земледелия, являлись: 1) рост внутреннего и внешнего рынка; 2) возрастание неземледельческого населения страны в связи с ростом городов, развитием промышленности, торговли и транспорта; 3) интенсивное железнодорожное строительство, втягивавшее в капиталистический рынок самые отдаленные и прежде отсталые регионы страны. Углубление специализации сельскохозяйственных районов способствовало росту капиталистического рынка: усиливало обмен между ними, увеличивало спрос на предметы не только промышленного, но и сельскохозяйственного производства. Специализация на каком-либо одном сельскохозяйственном продукте вызывала спрос на другие виды сельскохозяйственной продукции.

В пореформенной России можно выделить следующие специализированные районы торгового земледелия: центрально-черноземные губернии, Поволжье и Заволжье превратились в районы торгового зернового хозяйства; северные и центрально-промышленные губернии стали районами торгового льноводства и мясо-молочного хозяйства; для прибалтийских и западных губерний России характерно было высокоразвитое торговое скотоводство. Крупные районы торгового зерноводства, свекловодства, табаководства, виноградарства возникли на Украине, в Бессарабии, в Новороссии, Степном Предкавказье. Вокруг городов и промышленных центров страны сложилось промышленное огородничество.

В 80—90-х годах XIX в. происходит перемещение главных очагов зернового производства из внутренних губерний с помещичьим землевладением и крестьянским малоземельем в малонаселенные южные и восточные окраины Европейской России со слабо освоенными черноземными просторами. Этому в большой степени способствовало проведение в указанные районы железных дорог, создавших благоприятные условия для сбыта сельскохозяйственной продукции. На юге России возникали крупные капиталистические экономии, насчитывавшие каждая тысячи и десятки тысяч десятин посевной площади. В этих хозяйствах широко применялись наемный труд и различная сельскохозяйственная техника — сеялки, жнейки, сенокосилки, паровые молотилки.

Рост торгового земледелия предъявлял все больший спрос на сельскохозяйственные машины и наемный труд. С 70-х по 90-е годы XIX в. ежегодное производство железных плугов в России возросло с 14,5 тыс. до 75,5 тыс., жнеек — с 780 до 27 тыс. Если в 1875 г. в стране насчитывался 1351 локомобиль в сельском хозяйстве, то в 1901 г. — уже 12 тыс., причем 10 тыс. приходилось на юг страны. В целом ежегодная стоимость покупаемых сельскохозяйственных машин возросла за 70—90-е годы с 4 млн. до 15 млн. руб., т. е. в 3,5 раза. Количество наемных рабочих, уходивших на земледельческие работы, возросло с 60-х по 90-е годы XIX в. с 700 тыс. до 3,6 млн., т. е. в 5 раз. Южные и восточные окраины России являлись теми районами, куда главным образом направлялись сельскохозяйственные рабочие. Основными же районами выхода сельскохозяйственных рабочих были центрально-черноземные губернии и Украина, где на крестьян сильнее давили крепостнические пережитки и где наиболее острым было малоземелье и аграрное перенаселение. На сельскохозяйственные заработки уходили самые бедные слои крестьянства.

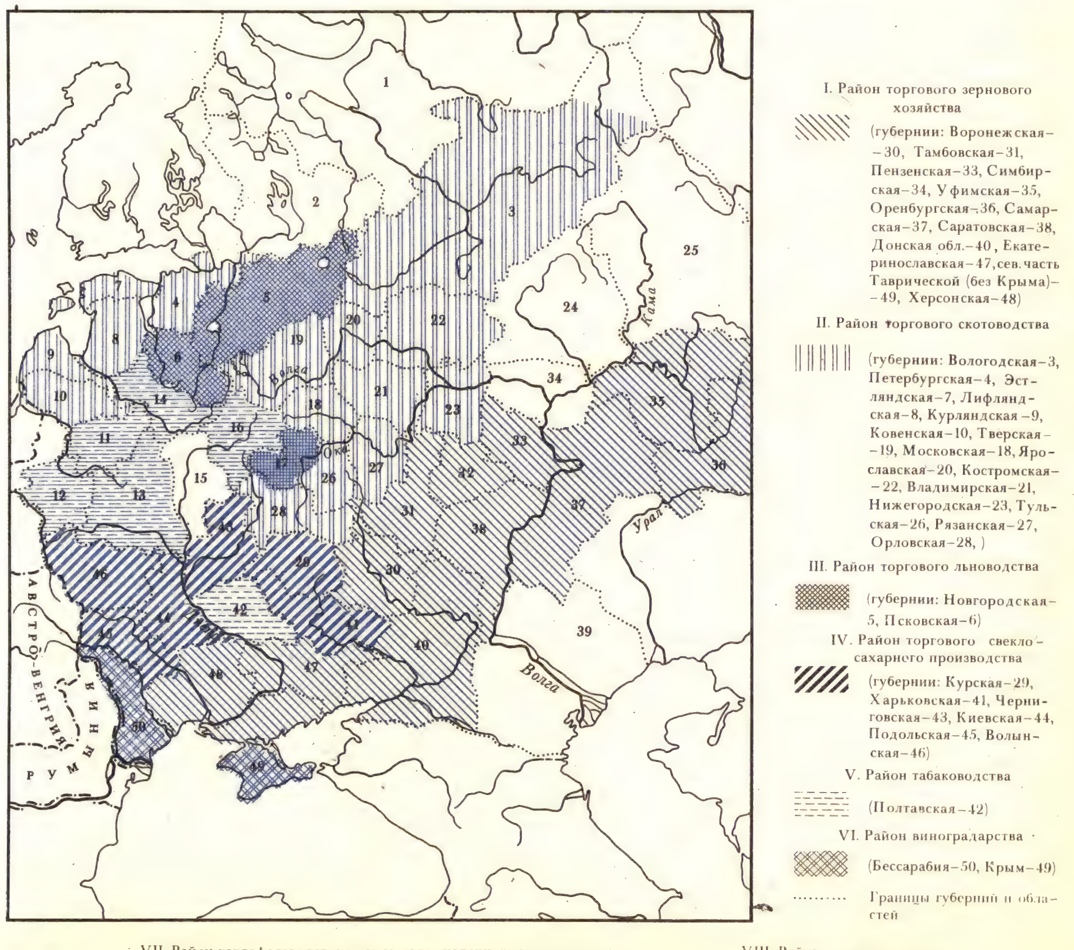
АГРАРНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ К КОНЦУ XIX В. К концу XIX в. весь земельный фонд Европейской России составлял 395 млн. десятин. Поскольку тогдашняя статистика в это число вводила свыше 100 млн. десятин неиспользованных казенных земель Крайнего Севера, В. И. Ленин определял действительный сельскохозяйственный фонд Европейской России примерно в 280 млн. десятин. Они распределялись на три основные группы: 1) 101,7 млн. десятин частновладельческой земли; 2) 138,8 млн. десятин крестьянской надельной земли; 3) 39,5 млн. десятин казенной земли.

К концу XIX в. аграрный вопрос в России приобрел особую остроту. Резко возросло крестьянское малоземелье вследствие естественного прироста населения при сохранении

в прежнем размере надельного землевладения. Численность крестьянского населения с 1861 по 1900 г. увеличилась с 23,6 млн. до 44,2 млн. душ мужского пола, а размеры наделов в расчете на душу мужского пола сократились с 5,1 до 2,7 десятины. В 90-х годах XIX в. в 50 губерниях Европейской России крестьяне вынуждены были арендовать у помещиков около 37 млн. десятин земли (что составляло 31% к их надельной земле), уплачивая в год за аренду 315 млн. руб. Массы крестьян, особенно в промышленных губерниях, уходили на фабрики и заводы, а свои наделы сдавали в аренду богатым односельчанам.

Однако частное землевладение, представленное преимущественно помещичьим землевладением, все более втягивалось в торговый оборот. Основная тенденция частного землевладения в пореформенной России заключалась в переходе от сословности к бессословности — к созданию буржуазной земельной собственности. С начала 70-х годов XIX в. до 1905 г. дворянское землевладение сократилось с 79,1 млн. до 53,2 млн. десятин, или на одну треть. Распродаваемые дворянами земли переходили преимущественно в руки купцов и сельской буржуазии, частное землевладение которых возросло за это время с 12 до 30 млн. десятин.

РАЙОННАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XIX В.

Несмотря на сокращение помещичьего землевладения, его позиции к концу XIX в. оставались еще весьма прочными. Помещики всех сословий имели к 1905 г. 85 млн. десятин земли. По расчетам В. И. Ленина, к концу XIX в. крупные земельные латифундии (размером свыше 500 десятин земли) имели в общей сложности 70 млн. десятин—по 2333 десятины на 1 владение. Почти столько же (75 млн. десятин) находилось у 10,5 млн. беднейших крестьянских хозяйств, по 7 десятин на 1 хозяйство, в то время как для нормального ведения крестьянского хозяйства требовалось как минимум 15 десятин на двор. Аренда земли на кабальных условиях свидетельствовала о том, что сохранение крепостнических латифундий консервировало отработки и кабалу. Отработки не только разоряли крестьянство, но и были главной причиной низкого уровня земледелия: урожаи на отработочных землях были в полтора-два раза ниже, нежели на землях, где хозяйство велось по-капиталистически. Только коренная ломка крепостнического землевладения могла избавить крестьянство от полукрепостнической кабалы и поднять уровень земледелия.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ. Крестьянская реформа сохраняла сельскую поземельную общину. Надельная земля отводилась как правило, не подворно, а всей общине, а затем каждому двору давался определенный участок земли во временное пользование. В конце XIX в. общинное крестьянское землевладение составляло: в центральных губерниях Европейской России — 96%, в северных и восточных ее губерниях — 98%, в южных — 80—90%. Лишь в западных губерниях преобладало подворное землевладение, которое в Белоруссии составляло 61%, в Левобережной Украине — 67 и в Правобережной — 86%.

Существовало два типа общины: простая, состоявшая из одного селения или части его (если это селение до 1861 г. принадлежало нескольким помещикам), и сложная, состоявшая из нескольких селений. Пореформенное изменение территориального состава общины выражалось в разделении сложных общин на простые и в соединении общин, составлявших части одного селения, в одно сельское общество.

Для поземельной общины характерно периодическое перераспределение земли и связанных с ней податей в соответствии с изменением состава семей и их платежеспособности. Переделялась только пахотная земля; выгоны и сенокосы оставались в общем пользовании, усадьбы — в постоянном пользовании каждого двора. До реформы 1861 г. периодические земельные переделы обычно приурочивались к очередной ревизии и наделение землей производилось по числу душ мужского пола. В пореформенную эпоху переделы земли стали производить через 6—9—12 лет, в соответствии с 2-, 3- и 4-летними циклами трехпольного севооборота. Нередко такие переделы производились через 24 года, а в ряде общин со времени крестьянской реформы земля вообще не переделялась. Наряду с общими переделами все более практиковались и частные переделы, при которых часть наделов отбиралась у дворов с «убылыми душами» и передавалась дворам с увеличившимся составом семьи. При переделах учитывалось не только количество, но и качество земли, что приводило к большой многополосице и чересполосице. В связи с этим сохранялся принудительный севооборот при одинаковом для всех дворов трехпольном хозяйстве, что консервировало отсталую агротехнику.

В пореформенную эпоху при наделении землей во время переделов все более применялся принцип состоятельности двора (и его платежеспособности), а не число наличных мужских душ. Поэтому земельные переделы теряли свой уравнительный характер. Для обеспечения исправного отбывания повинностей сохранялась круговая порука — за неисправного плательщика отвечала вся община. Община вмешивалась в семейные отношения крестьянского двора (наследование, опека, семейные разделы, назначение главы семьи — «большака», представлявшего крестьянский двор на сельском сходе и ответственного за отбывание повинностей).

Таким образом, сельская поземельная община как низовая ячейка крестьянской социальной структуры выполняла хозяйственные и фискально-полицейские функции. Народники видели в общине «особый уклад народной жизни», чуждый капитализму и предохранявший деревню от капитализма. В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» доказал, что «русское общинное крестьянство—не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его»[1]. Община не предотвра-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 165.

щала крестьянство от разорения, от закабаления бедных крестьян кулаками-мироедами.

Сельская поземельная община разлагалась. Все бо́льшая часть населения отрывалась от земледелия и уходила в город. Распадались патриархальные устои крестьянской семьи: участились семейные разделы, падала власть большака в семье. Менялись традиционные общинные порядки: исчезал институт «совета старейшин», коллективные «помочи» все более заменялись наймом, зажиточные дворы откупались от натуральных повинностей, которые перекладывались на бедных.

В. И. Ленин считал пореформенную поземельную общину «феодально-крепостнической обузой». Однако он высказывался против насильственного разрушения общины. Он выступал за освобождение общины от фискально-полицейских функций, от круговой поруки, сословной замкнутости, за поддержку общины «как демократической организации местного управления», как «товарищеского или соседского союза»[1]. «Наши требования, — писал он, — не разрушают товарищеского союза, а, напротив, создают на место архаической (de facto полукрепостной) власти общины над мужиком — власть *современного* товарищеского союза над свободно вступающими в него членами»[2].

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. За 30 пореформенных лет посевная площадь в Европейской России увеличилась на 25% (с 82,5 млн. до 103,8 млн. десятин). Рост посевной площади происходил главным образом за счет расширения пашни в центрально-черноземных, южных и поволжских губерниях: здесь он достигал 50—100% и более. Наоборот, в нечерноземных губерниях пахотная площадь сократилась в среднем на 10%. В значительной мере это было обусловлено отвлечением здесь населения от земледелия к промышленным занятиям.

За 60—90-е годы XIX в. средняя урожайность хлебов с 1 десятины возросла с 29 до 39 пудов (с 5 до 7 ц), а среднегодовой валовой сбор хлебов — с 1,9 млрд. до 3,3 млрд. пудов (с 31,2 млн. до 54,1 млн. тонн). В расчете на одну душу обоего пола в 60-х годах в среднем собиралось 20 пудов, а в 90-х — около 25 пудов хлеба. Несмотря на абсолютный и относительный (в расчете на душу населения) рост сбора хлебов, темпы его были недостаточны. Крайне низкой продолжала оставаться и урожайность хлебов. Таким образом увеличение производства хлеба в основном происходило не за счет интенсификации земледелия, а за счет расширения посевных площадей. Более быстрыми темпами возрастало производство технических культур. Сборы льна за указанный период возросли в 2,5 раза, сахарной свеклы — в 3,7 раза, картофеля — в 4 раза.

Медленным был рост животноводства. За 60—90-е годы XIX в. численность поголовья лошадей возросла с 15,5 млн. до 19,7 млн., крупного рогатого скота — с 21 млн. до 30,9 млн., овец — с 44,2 млн. до 46,3 млн., свиней — с 9,4 млн. до 13 млн. Вместе с тем произошло уменьшение количества скота, особенно рабочего, в расчете на один двор. Только за десятилетие 1891—1900 гг. в 48 губерниях Европейской России численность лошадей в расчете на один двор упала с 1,6 до 1,5. При этом количество безлошадных дворов увеличилось с 5,6 до 6,6 млн., а их удельный вес по отношению к остальным крестьянским дворам — с 27,3% до 29,2%. В то же время уменьшилось и число многолошадных дворов (с числом лошадей свыше 3 на двор)—с 2,2 млн. до 2 млн., а их удельный вес упал с 22 до 18,5%. Приводя эти данные, В. И. Ленин делал вывод: «Рост нищеты и экспроприации крестьянства не подлежит сомнению»[1].

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Развитие капитализма в промышленности проходит три главные стадии: 1) мелкотоварного производства, представленного мелкими, преимущественно крестьянскими, промыслами, 2) капиталистической мануфактуры и 3) капиталистической фабрики — крупной машинной индустрии. Эти стадии (или формы) промышленности отличаются друг от друга различным уровнем техники и экономической организацией производства. Для первой стадии промышленного развития характерно ручное производство и господство самостоятельного товаропроизводителя. Капитализма как такового на этой стадии развития промышленности еще нет. Вторая, мануфактурная стадия промышленности является капиталистическим производством, во главе которого стоит буржуа-мануфактурист. Это производство с широким разделением труда, системой раздачи работы на дом (надомник — тип наемного рабочего в ману-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 344.
[2] Там же, с. 446.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 139.

фактуре). Однако технической основой на этой стадии продолжает оставаться ручное производство со слабым применением несложных машин. Третья стадия промышленности, капиталистическая фабрика,—крупное производство, целиком базирующееся на машинной технике.

Переход от мануфактуры к фабрике, т. е. промышленный переворот, начался в России еще в дореформенную эпоху, примерно с 30—40-х годов XIX в., и завершился уже в пореформенную эпоху, примерно к концу 70-х — началу 80-х годов XIX в.

Промышленное развитие в пореформенной России носило сложный и противоречивый характер. С одной стороны, развитие капитализма сопровождалось экспроприацией мелких товаропроизводителей. Мелкое производство, основанное на ручной технике, не выдерживало конкуренции крупного, основанного на машинной технике и более производительного. С другой стороны, не только сохранялись, но параллельно росту крупной промышленности развивались и низшие формы промышленного производства — мелкотоварное и мануфактурное. В пореформенной России мелкая промышленность получила даже большее развитие, нежели в дореформенную эпоху. В 80-е годы XIX в., по данным В. И. Ленина, в России насчитывалось 4 млн. «кустарей», из которых 2 млн. являлись наемными рабочими-надомниками, подчиненными капиталистической мануфактуре.

Дальнейшее распространение мелких неземледельческих промыслов в пореформенной России, наряду с ростом крупной промышленности, объясняется рядом факторов. При преобладании крестьянского населения в России, полунатурального земледелия, сохранении учреждений и традиций старины крупная, машинная индустрия не могла окончательно вытеснить мелкую, крестьянскую промышленность. Вместе с тем развитие товарного хозяйства неизбежно приводило к выделению крестьян-промышленников. В. И. Ленин указывал на связь между разложением крестьянства и ростом мелких крестьянских промыслов: «...образование крестьянской буржуазии и сельского пролетариата увеличивало спрос на продукты мелких крестьянских промыслов, доставляя в то же время и свободные рабочие руки для этих промыслов и свободные денежные средства» [1]. Увеличение безлошадных, не занимавшихся земледелием крестьянских дворов, рост аграрного перенаселения деревни отвлекали массы крестьян от земледелия к промысловым занятиям.

В пореформенной России, писал В. И. Ленин, «...рост мелких промыслов, выражающий собой начальные шаги развития капитализма, проявлялся и проявляется двояко: во-1-х, в переселении мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселенных и в экономическом отношении наиболее развитых губерний на окраины, во-2-х, в образовании новых мелких промыслов и расширении существовавших раньше промыслов в местном населении» [2]. В первом случае из старых, промышленно развитых регионов в связи с ростом конкуренции между промысловиками и под давлением крупной машинной индустрии крестьяне-промысловики уходили в слаборазвитые, земледельческие, губернии, «где заработки высоки, а жизнь дешева». На новом месте создавались и распространялись различного рода промыслы, перенесенные из центральных губерний, обладавших вековой промышленной культурой.

Во втором случае шел процесс распространения крестьянских промыслов из традиционных его центров на окрестные селения, вовлечения в промысловую деятельность крестьян этих селений, где складывались промысловые округа, специализировавшиеся на каком-либо ведущем для них виде промысла. Таким образом, для пореформенной России характерно было значительное расширение сферы мелкого промышленного производства на новых территориях.

Наряду с этим мелкая крестьянская промышленность получила дальнейшее развитие и в центре страны. В промышленно развитых регионах падение одних видов промыслов под влиянием конкуренции со стороны машинной индустрии заставляло переходить к другим промысловым занятиям. Например, во Владимирской губернии возникновение сапожного и валяльного промыслов было обусловлено упадком ручного ткачества, вытесненного здесь крупным фабричным производством. Вместе с тем само крупное производство порождало новые виды мелких промыслов, обслуживавших нужды этого производства. Так, в той же Владимирской губернии фабричное ткачество вызвало к жизни промыслы по изготовлению челноков, деревянных деталей для ткацких станков.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 341.
[2] Там же, с. 336.

Капитализм проникал и в мелкие крестьянские промыслы. Мелкие товаропроизводители-«кустари» все более теряли свою самостоятельность, попадая в зависимость к скупщику, мануфактуристу, фабриканту. Имея свои собственные мастерские и сохраняя связь с землей, с сельским хозяйством, эти мелкие ремесленники превращались фактически в наемных рабочих у мануфактуристов и фабрикантов. Вместе с тем из среды мелких мастерских выделялись сравнительно крупные капиталистические заведения. «Составляя небольшое меньшинство в общем числе заведений, — писал о них В. И. Ленин, — они концентрируют, однако, весьма большую долю общего числа рабочих и еще большую долю общей суммы производства»[1]. Следовательно, мелкая промышленность не являлась однородной по своему характеру: она представляла собой различные переходные формы от мелкого товарного производства до капиталистической мануфактуры. Не являлась она и особой формой «народного производства», якобы чуждого капитализму, как утверждали народники. Наоборот, как доказал В. И. Ленин, мелкая, так называемая кустарная промышленность служила широкой базой для развития капиталистической промышленности.

Пореформенная промышленность России производила в основном предметы потребления, однако начиная с 80-х годов растет удельный вес производства средств производства. В первые пореформенные десятилетия промышленный облик страны определяла легкая промышленность, ведущую роль в которой занимала текстильная. Московский, Петербургский и Прибалтийский районы были главными текстильными районами России: здесь сосредоточивалось 75% ткацких станков, 80% мощности паровых машин и 85% рабочих всей текстильной промышленности страны. Другой важнейшей отраслью промышленности была горнодобывающая, которая в первые пореформенные десятилетия сосредоточивалась в основном на Урале.

В пореформенной России наряду с развитием старых, традиционных отраслей промышленности возникали новые — угольная, нефтедобывающая, химическая, машиностроение. Менялась промышленная география страны: к старым промышленным районам — Московскому, Петербургскому, Прибалтийскому, Уралу — прибавились новые: южный угольно-металлургический (Донбасс и Украина), Бакинский нефтедобывающий. Возникли крупные промышленные центры — Баку, Харьков, Юзовка, Горловка, Нарва, Лодзь. В начале 70-х годов в промышленности насчитывалось 6,3 тыс. паровых двигателей общей мощностью 115 тыс. лошадиных сил. В 1892 г. число паровых двигателей возросло до 13 тыс. (в два раза), а их суммарная мощность — до 345 тыс. лошадиных сил (в три раза). Число ткацких станков за 60—90-е годы возросло в 10 раз. Общий объем промышленного производства за 60—90-е годы увеличился в 8 раз. Особенно быстро росла горнодобывающая промышленность. С 1860 по 1895 г. выплавка чугуна увеличилась с 20,5 млн. до 88,7 млн. пудов, добыча каменного угля — с 18,3 млн. до 555,5 млн. пудов, нефти — с 500 тыс. до 377 млн. пудов. Ведущее место в производстве чугуна перешло с Урала на Юг России. Если в 1880 г. Юг давал всего 5% чугуна, а Урал — 70%, то к 1900 г. Юг давал 52% чугуна, а Урал — 27%. В 1900 г. одна домна на Урале давала в 8 раз меньше чугуна, чем одна домна на Юге; энерговооруженность (по числу лошадиных сил на 1 завод) промышленности Юга была в 25 раз выше Урала; один рабочий на Урале производил в 6 раз меньше чугуна, нежели один рабочий на Юге. Сохранившиеся крепостнические пережитки на Урале обусловливали низкую производительность труда и медленный рост производства по сравнению с более свободным капиталистическим развитием Юга России.

В 80—90-е годы возросла роль Донецкого бассейна в добыче угля и Бакинского — в добыче нефти. Если в 60-х годах на долю Донбасса приходилось 33% добываемого в стране угля (основная часть угля в то время добывалась в Польше), то к 90-м годам Донбасс давал уже 70% угля. Добыча нефти развернулась практически в 70-х годах, и уже тогда на долю Бакинского района приходилось 74% добываемой в стране нефти. К 90-м годам доля нефти Бакинского района возросла до 95%.

Значительные успехи сделало отечественное машиностроение. Крупными центрами транспортного машиностроения (паровозов, вагонов и пароходов) стали Сормово, близ Нижнего Новгорода, и Коломна; центрами сельскохозяйственного машиностроения — Харьков, Одесса, Бердянск, Александровск, Елисаветград.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 351.

Промышленность развивалась не только в городах, но и в деревне. «Фабрика шла к мужику»[1], обеспечивая себя таким образом наиболее дешевой рабочей силой. Возникали внегородские фабрично-заводские поселки, которые стягивали избыточное сельское население. В 1879 г. в Европейской России насчитывалось 103 таких крупных фабрично-заводских поселка, где было занято 356 тыс. рабочих, т. е. 47% фабрично-заводского пролетариата в крупной обрабатывающей промышленности. В 1890 г. в них сосредоточивалось уже 451 тыс. рабочих, составлявших 51,5% от общего числа (876 тыс.) рабочих крупной промышленности. В 1890 г., по подсчетам В. И. Ленина, более одной трети рабочих всех отраслей крупной промышленности находилось вне городов, при этом в горнозаводской промышленности вне городов было более половины рабочих.[2]

Развитие капиталистической промышленности сопровождалось процессом ее дальнейшей концентрации, что выражалось в увеличении числа рабочих и суммы производства в расчете на одно предприятие, т. е. в дальнейшем укрупнении предприятий. Этот процесс был характерен для всей промышленности в целом. По данным В. И. Ленина, численность промышленных предприятий со 100 и более рабочими с 1866 по 1890 г. увеличилась в полтора раза, в то же время число рабочих в них — в два раза, а общая сумма производства — в три раза. Темпы концентрации были выше в наиболее крупных предприятиях. Число крупнейших предприятий с 1000 и более рабочих за то же время выросло вдвое, численность рабочих в них — втрое, а сумма производства — впятеро[1]. Россия отличалась наиболее высоким уровнем концентрации промышленности. В 1890 г. три четверти (74,6%) фабрично-заводских и горных рабочих сосредоточивались в предприятиях, имевших 100 и более рабочих, и почти половина (570 тыс. из 1180) была сосредоточена на предприятиях, имевших свыше 500 рабочих[2]. В то же время в такой капиталистически развитой стране, как США, на предприятиях с 500 и более рабочих сосредоточивалось 33% рабочих.

Таким образом, в пореформенной России происходил не только быстрый рост крупной капиталистической промышленности, но и концентрации ее, выражавшейся как в укрупнении предприятий, так и в том, что «крупные, преимущественно паровые, фабрики, несмотря на свою незначительную численность, сосредоточивают преобладающую и все возрастающую долю числа рабочих и суммы производства всех «фабрик и заводов»[3]. Происходила концентрация фабрично-заводского производства и промышленного пролетариата в отдельных районах: создавались районы капиталистической промышленности и крупные промышленные центры.

В пореформенной России особенно быстро возрастали те отрасли производства, которые изготовляли средства производства, т. е. производство группы А (тяжелая промышленность) обгоняло рост производства груп-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 524.
[2] См. там же, т. 3, с. 521, 523.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 509.
[2] См. там же, с. 516.
[3] Там же, с. 515.

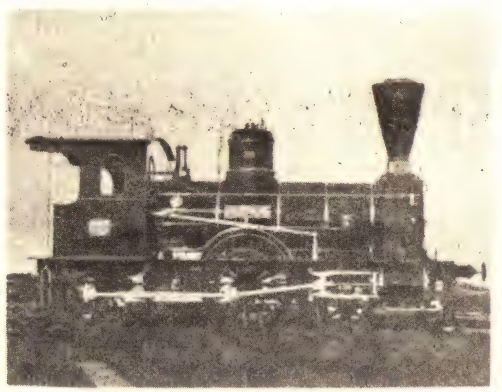
пы Б (легкой промышленности), что было характерно для развития промышленного капитализма во всех странах.

В связи с развитием капиталистической промышленности темпы роста промышленного населения превышали темпы роста сельского населения. Переход от ручного производства к механическому окончательно отрывал наемного рабочего от деревни, означал полное отделение промышленности от земледелия.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА. Важным социальным фактором развития капиталистической промышленности являлось формирование промышленного пролетариата. Он существенно отличался от предпролетариата крепостной эпохи, представленного либо крепостными рабочими посессионных и вотчинных мануфактур, либо уходившими на заработки в город крестьянами, связанными с землей и зависимыми от капризов своего барина.

Торговая марка суконной фабрики «Товарищества...»

Рабочие фарфоровой фабрики. Фото

100-й паровоз Коломенского завода. Фото

Юзовка. Фото

Крупная машинная индустрия играла громадную роль в капиталистическом преобразовании не только промышленности, но и сельского хозяйства: «во-первых, она переносит вообще в деревню тот торгово-промышленный уклад жизни, который выработался сначала в неземледельческих центрах; во-вторых, она создает подвижность населения и крупные рынки найма как сельских, так и промысловых рабочих, в-третьих, вводя машины в земледелие, крупная машинная индустрия приводит в деревню искусных промышленных работников, отличающихся наиболее высоким жизненным уровнем».[1]

Особенность промышленного развития пореформенной России заключалась также и в том, что наряду с крупной машинной индустрией, которая заняла господствующее положение в промышленном производстве, продолжали сохраняться, и даже получили свое дальнейшее развитие, низшие формы промышленности, представленные главным образом мелкими крестьянскими промыслами.

Теперь стали создаваться постоянные кадры рабочих, проживавшие со своими семьями в крупных промышленных центрах. Увеличивался удельный вес потомственных рабочих, отцы и деды которых работали на фабрике. Возрос культурный уровень рабочих. Пролетарий капиталистической эпохи — свободный продавец рабочей силы, навсегда порвавший связь с землей, с деревней.

Ядро пролетариата в пореформенную эпоху составляли наемные рабочие в крупных промышленных заведениях и на железнодорожном транспорте. Вот данные о росте численности этих рабочих (в тыс. чел.) за 1865—1890 гг.* :

Годы	В фабрично-заводской промышленности	В горной промышленности	На железных дорогах	Всего
1865	509	165	32	706
1890	840	340	252	1432

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 541.

* См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 498.

Таким образом, численность рабочих на крупных предприятиях, в горной промышленности и на транспорте за 35 лет возросла в 3 раза. Кроме них в конце 90-х годов XIX в., по данным В. И. Ленина, насчитывалось около 1 млн. строительных рабочих, 2 млн. человек, занятых в лесной промышленности и на разных «черных» работах, 2 млн. работников, занятых капиталистами на дому. Вместе с 3,5 млн. наемными рабочими в сельском хозяйстве В. И. Ленин определял общую численность наемных рабочих в конце 90-х годов в 10 млн. человек[1].

Основным источником формирования класса наемных рабочих являлось разоренное крестьянство. В связи с процессом разложения крестьянства, а также с ростом аграрного перенаселения деревня с каждым годом отпускала на заработки в город все большее количество работников. Если в 60-х годах ежегодно выдавалось около 1,3 млн. паспортов на отход, то в 90-х годах — уже свыше 7 млн. Уходившие на заработки крестьяне затем поселялись в городах на постоянное жительство и являлись, таким образом, основным источником роста городского населения.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ БУРЖУАЗИИ. Процесс формирования промышленной буржуазии начался еще в дореформенную эпоху. Этот процесс выражался в том, что из среды мелких товаропроизводителей выделялись немногочисленные представители торгового и ростовщического капитала, которые затем превращались в промышленников-предпринимателей. Накопление капитала у этой нарождавшейся буржуазии первоначально происходило не в сфере промышленного предпринимательства, а в торговле и ростовщичестве. Даже став предпринимателем, буржуа в то время расширял торговые операции. Соединение промышленного капитала с торговым — характерное явление для мануфактурной стадии развития промышленности. Предприниматель выступал здесь одновременно и в роли купца, и в роли фабриканта. Вообще в дореформенную эпоху торговый капитал преобладал над промышленным, а торговец — над промышленником. Рост промышленного капитала и промышленной буржуазии был связан с переходом от мануфактуры к крупной машинной индустрии.

Социальной базой формирования русской промышленной буржуазии служили купечество, отчасти мещанство, но преимущественно — зажиточное («капиталистое») крестьянство. Известные династии русских фабрикантов — Гучковы, Коноваловы, Кокушкины, Кондрашовы, Гарелины, Зубковы, Морозовы, Прохоровы, Рябушинские — вышли из среды крестьянства.

Русская промышленная буржуазия доминировала не во всех отраслях промышленности страны. Главной сферой ее деятельности была текстильная промышленность, а основным районом — центрально-промышленные губернии России. В нефтедобыче, горнодобывающей промышленности, машиностроении, в химической промышленности господствующее положение занимали представители иностранного капитала (французского, английского, бельгийского, немецкого), обосновавшиеся в России: Юз, Бромлей, Гужон, Нобель и др.

В 70—80-х годах XIX в. возникают организации буржуазии для защиты ее классовых интересов: в 1871 г. — «Совет съезда горнопромышленников Юга России», в 1880 г.— «Совет съезда горнопромышленников Уральской горной области», в 1888 г. — «Совет съезда мукомолов» и «Совет съезда бакинских нефтепромышленников». Русская буржуазия, зависимая от царизма, несмотря на ее возрастающую экономическую роль, имела слабые политические позиции в стране.

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТА. Громадную роль в капиталистическом развитии России играл рост транспорта, главным образом железнодорожное строительство. «Железные дороги — увенчание здания капитализма» (К. Маркс). Для России, страны с огромными пространствами, железные дороги имели большое не только народнохозяйственное, но и стратегическое значение: последствия бездорожья особенно ярко проявились в Крымскую войну.

В 1857 г. было учреждено Главное общество российских железных дорог и разработана широкая программа железнодорожного строительства, предусматривавшего прежде всего соединение хлебопроизводящих районов с судоходными реками и портами Черного и Балтийского морей. Железные дороги должны были выполнять и важную стратегическую функцию — быструю переброску войск из центра страны к ее западным гра-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 582 .

ницам и из одного пограничного района в другой.

Недостаток государственных средств заставил правительство привлечь к железнодорожному строительству частный капитал, которому были предоставлены значительные льготы, и главная из них — правительственная гарантия 5% прибыли ежегодно. В частные руки передавались и железные дороги, построенные ранее на государственные средства, ибо эксплуатация казенных дорог была убыточной. К 1871 г. почти все железные дороги находились в частных руках. Однако и эти дороги обходились казне чрезвычайно дорого. К 1880 г. долг казне частных железных дорог превысил 1 млрд. руб. С этого времени правительство вновь вернулось к казенной постройке железных дорог, а затем и к выкупу частных железных дорог. Повышение налогов с населения и громадные выкупные платежи, взимаемые с крестьян, позволили казне осуществить эту меру. К 1895 г. в казенном ведении было уже 60% железных дорог. Усилился правительственный контроль и над частными железными дорогами.

В 1861 г. в России насчитывалось 1488 верст железных дорог, в 1871 г.—10 202, в 1881 г.—21 155, в 1891 г.—28 093 и в 1900 г.—47 800. В развитии железнодорожного строительства России можно выделить два периода большого подъема: конец 60-х — начало 70-х годов и вторая половина 90-х годов. В конце 60-х — начале 70-х годов были построены такие важнейшие железные дороги, как Москва — Курск, Курск — Киев, Курск — Харьков — Одесса, Харьков — Ростов, Москва — Ярославль, Ярославль — Вологда, Москва — Тамбов, Тамбов — Саратов, Москва — Брест, Брест — Киев. В начале 70-х годов центр России был связан с северными, поволжскими и черноземными губерниями, с портами Черного и Балтийского морей, а Москва превратилась в крупнейший железнодорожный узел страны.

В конце 70-х годов началось строительство железных дорог и на окраинах Европейской России: в Закавказье, Средней Азии и Сибири. Были построены дороги от Перми до Екатеринбурга, от Самары до Уфы, Екатеринославская дорога соединила Донбасс с Кривым Рогом. В 1883—1888 гг. были построены Закавказская и Закаспийская железные дороги. В 90-х годах построили значительную часть Транссибирской железнодорожной магистрали, имевшей исключительно важное значение в дальнейшем освоении Сибири и Дальнего Востока.

Влияние железных дорог на все стороны экономики страны было громадным. Железные дороги, связав самые отдаленные районы страны, способствовали углублению их специализации, развитию внутреннего и внешнего рынка, росту подвижности населения. Рассчитанные вначале на удовлетворение в первую очередь нужд хлебного рынка, железные дороги дали сильный толчок развитию различных отраслей промышленности страны. Если в 60—70-х годах хлеб составлял 40% перевозимых по железным дорогам грузов, то в 90-х годах — не более 25%. Основными грузами в железнодорожных перевозках стали металл, машины, лес, уголь, нефть и нефтепродукты, продукция обрабатывающей промышленности. Сами железные дороги предъявляли всевозрастающий спрос на металл, уголь, лес, нефть. В 90-х годах на железные дороги шло до 36% добываемого в стране угля, 44% нефти, 40% металла. Железные дороги дали сильный толчок росту каменноугольной и лесной промышленности, добыче нефти и нефтеобработке, металлургии, транспортному машиностроению. Железные дороги предъявляли большой спрос и на рабочую силу. В конце 90-х годов на железных дорогах было занято свыше 469 тыс. рабочих.

В связи с постройкой железных дорог резко упало значение гужевого транспорта, что сказалось на темпах строительства шоссейных дорог. Если с 1800 по 1881 г. в России построили 8882 версты шоссейных дорог, то с 1861 по 1900 г. — всего 5552 версты.

Большое развитие получил паровой водный транспорт. В 1860 г. в России насчитывалось 399 речных пароходов, подавляющее большинство которых плавало в Волжском бассейне. В 1895 г. их было уже 2539. Речное пароходство получило развитие в бассейнах Дона, Днепра, Северной Двины, Печоры, на Амуре. Развивалось морское пароходство. Численность морских пароходов за 60—90-е годы возросла в 10 раз (в 1868 г. их было 51, а в 1896 г. — 522). Однако средний тоннаж их был невелик и составлял около 160 т. В 90-х годах водным и гужевым транспортом перевозилось до 30% всех грузов в стране, остальные 70% грузов почти всецело приходились на железнодорожный транспорт.

РОСТ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО РЫНКА. Для второй половины XIX в. характерен и значительный рост внутреннего и внешнего рынка. Быстро развивался хлебный рынок. В 70-х годах ежегодно на рынок поступало в среднем 680 млн. пудов хлеба, что составляло 47% к чистому (за вычетом на семена) сбору хлеба. В 90-х годах на рынок поступало уже 1040 млн. пудов, или 50% от чистого сбора хлебов. Центрально-земледельческие, поволжские и левобережно-украинские губернии продавали на рынке от 55 до 60% собранного хлеба. Из продаваемого хлеба, например, 60% его количества шло на внутренний и 40% — на внешний рынок.

Государственный банк. Фото

Торговля промышленными товарами также быстро росла. Транспорт и сама промышленность предъявляли все больший спрос на металл, уголь, нефть и нефтепродукты, машины, лесные материалы. Несмотря на быстрые темпы роста добычи угля и выплавки чугуна, они не обеспечивали потребности растущей промышленности. В 90-х годах ежегодно импортировалось 155 млн. пудов угля и 35,1 млн. пудов металла, что составляло 40% по отношению к производству этой продукции в самой России.

Крупным потребителем промышленной продукции являлась деревня, которая предъявляла спрос на ткани фабричного производства, орудия труда и утварь, кровельное железо, керосин.

Втягивание России в мировой капиталистический рынок обусловливало значительное возрастание объема ее внешней торговли. Вот данные о росте среднегодового объема (в млн. руб.) вывоза и ввоза за 1861—1900 гг.:

Годы	Вывоз	Ввоз	Оборот
1861—1865	222,5	206,7	429,2
1896—1900	698,2	607,3	1305,5

Таким образом, за 40 пореформенных лет внешнеторговый оборот России возрос в три раза. Характерен активный торговый баланс для России (превышение вывоза над ввозом), который устойчиво сохранялся в течение всего этого периода.

В структуре вывоза преобладала продукция сельского хозяйства, прежде всего хлеб. В 1861—1865 гг. ежегодно вывозилось в среднем 80 млн. пудов хлеба, в 1871—1875 гг. — 194 млн., в 1881—1885 гг. — 302 млн., в 1891—1895 гг. — 414 млн. и в 1896—1900 гг. — 444 млн., т. е. за 1861—1900 гг. объем хлебного вывоза возрос в 5,5 раза. В 60-х годах зерно составляло 31% стоимости вывозимых из России товаров, а в 90-х годах — 47%. Вся же продукция сельского хозяйства составляла в 90-е годы около 75% стоимости вывоза. Важными статьями вывоза после хлеба являлись лес и лен (примерно 13—15% стоимости вывоза). 51% вывозимых хлебов составляла пшеница. За 80—90-е годы значительно увеличился вывоз сахара — с 3,3 млн. до 12,4 млн. пудов. В то же время Россия продолжала оставаться на одном из последних мест по потреблению сахара. В 90-х годах в России на одного жителя приходилось 10,4 фунта сахара в год, в то время как в Германии — 47 и в Англии — 92 фунта.

В структуре ввоза в Россию значительное место занимали хлопок, ткани, металлы, машины, «колониальные товары» (чай, кофе и пр.). В 80—90-х годах хлопок составлял 15—22% стоимости ввоза, ткани — 8—10, машины — 10—15, металлы — 10—11, чай и кофе — 10—15%. 75—80% внешнеторгового оборота России приходилось на европейские страны, остальные 20—25% — на страны Азии и Америки. Основными внешнеторговыми партнерами России являлись Германия

В приемной концессионера. *В. В. Пукирев.* Масло. 2-я пол. XIX в.

Пассаж в Петербурге. Хромолитография. 60-е годы XIX в.

и Англия. На долю первой приходилось 25,1% внешнеторгового оборота России, второй — 21,1%.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ КРЕДИТ И БАНКИ. ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В РОССИИ. Для пореформенной эпохи характерно создание новой, соответствовавшей капиталистическому развитию экономики страны, кредитной системы. Складывалась новая сеть государственных и частных кредитных учреждений, игравших важную роль в финансировании и развитии промышленности, железнодорожного строительства, предпринимательского сельского хозяйства. В 1860 г. взамен упраздненных Заемного и Коммерческого банков, оказавшихся убыточными, был создан Государственный банк, который получил право эмиссии (выпуска) денежных знаков. К 90-м годам Государственный банк имел на местах уже 110 филиалов. Быстро развивался частный, преимущественно акционерный, коммерческий кредит. Первый акционерный коммерческий банк возник в 1864 г. в Петербурге. Вскоре подобные же банки были созданы в Москве, Харькове и Киеве. К середине 70-х годов существовало уже свыше 40 коммерческих акционерных банков с суммой капитала 350 млн. руб. К 1900 г. акционерные коммерческие банки увеличили свои капиталы до 1100 млн. руб. Некоторые из этих банков оказывались несостоятельными и терпели банкротство. Так, в 1875 г. произошел крах Московского коммерческого банка, в конце 70-х годов обанкротились такие крупные банки, как Кишиневский, Одесский, Каменецподольский, Ревельский.

Помимо названных банков в пореформенной России, особенно с 80-х годов, сильно расширяется сеть земельных, городских банков, обществ взаимного кредита, сберегательных касс. Уже в начале 80-х годов существовало более 100 обществ взаимного кредита и 280 городских банков. В 1880 г. было 75 сберегательных касс с суммой вкладов 8 млн. руб., в 1900 г. насчитывалось уже 4,5 тыс. сберегательных касс, а их общая сумма вкладов возросла до 662 млн. руб.

В развитии кредитной системы значительную роль играл иностранный капитал, вторжение которого в русскую экономику заметно усилилось с 80-х годов XIX в. К 1890 г. сумма иностранного капитала, вложенного в банковское дело и в различные отрасли промышленности России, составляла 200 млн. руб. К 1900 г. она увеличилась до 900 млн. руб. Иностранный капитал (главным образом, немецкий) играл большую роль в создании Международного коммерческого, Рижского коммерческого банков и Русского банка для внешней торговли.

Возрастали вложения иностранного капитала и в промышленность. В 60—70-е годы XIX в. иностранный капитал направлялся главным образом в строительство железных

дорог (преимущественно в форме займов). Здесь значительную роль в привлечении иностранного капитала сыграла экономическая политика царского правительства, предоставлявшего иностранным капиталистам ряд льгот. Привлекая иностранный капитал, царское правительство стремилось возместить недостаток отечественного капитала. С 80-х годов иностранный капитал все более вторгался в промышленность, в основном в тяжелую (горнодобывающую, химическую, машиностроение). К концу XIX в. в тяжелой промышленности иностранный капитал занял ключевые позиции. Преобладал иностранный капитал четырех европейских капиталистических стран — Франции, Англии, Германии и Бельгии (96%). Французские и бельгийские капиталисты особый интерес проявляли к металлургии и металлообработке, машиностроению, банковскому делу; английских капиталистов привлекали угольная промышленность и металлургия Юга России, нефтедобыча в Бакинском районе; немецкий капитал вкладывался преимущественно в машиностроение, городское хозяйство, электротехнику, в химию. В России иностранный капитал привлекали выгодный рынок сбыта и дешевая рабочая сила, что обеспечивало ему высокие прибыли. Сравнительно высокие таможенные пошлины, установленные для ввоза иностранных товаров, также способствовали ввозу капитала и учреждению в России иностранцами крупных промышленных предприятий. Иностранный капитал способствовал индустриализации страны, ускорял ее капиталистическое развитие, но за это приходилось платить дорогой ценой — высокими процентами за предоставленные кредиты, нещадной эксплуатацией рабочих.

ГОРОД В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ. Важными показателями капиталистического развития пореформенной России являлись увеличение удельного веса городского населения и изменение сословно-классовой структуры городов. С 1863 г. (первая перепись городов) до 1897 г. (первая всероссийская перепись населения) при общем росте населения страны в полтора раза (с 74 млн. до 125 млн. человек) городское увеличилось в 2,5 раза (с 6,1 млн. до 16,8 млн. человек), а удельный вес городских жителей среди населения страны возрос с 8 до 13,4%. В действительности индустриальное население страны значительно превышало городское примерно в полтора-два раза, ибо в основе официального учета городского населения лежал формально-юридический принцип, по которому городом являлся, как правило, административный центр, губернский или уездный. Поэтому такие крупные фабрично-заводские поселки, как Юзовка с 20,4 тыс. жителей, Орехово-Зуево с 25,2 тыс., Ижевск с 41 тыс. и многие другие, каковых в 1897 г. было 329, являлись по своему внешнему облику поселениями городского типа, хотя и не считались официально городами.

Официальная статистика насчитывала в 1897 г. 932 города. Сословный состав их был представлен следующим образом: дворяне — 1,05 млн. (6,2%), купцы — 0,25 млн. (1,3%), мещане — 7,7 млн. (44,3%), крестьяне — 6,7 млн. (39,8%) и почетные граждане — 0,2 млн. (1,1%). Более $^9/_{10}$ (точнее — 91,4%) городского населения составляли его непривилегированные слои.

По классовому составу население городов в 1897 г. подразделялось на крупную буржуазию, помещиков и высшие чины — 1,9 млн. человек (11,3%), зажиточных мелких хозяев — 2,2 млн. (13,1%), беднейших мелких хозяев — 3,9 млн. (23,3%), пролетариев и полупролетариев — 8,8 млн. (52,3%). Следовательно, пролетариат и буржуазия определяли социальный облик пореформенного города. Сам дворянин в пореформенном городе все более становился буржуа-предпринимателем — владельцем промышленных и торговых предприятий, доходных домов, держателем акций. Неизбежным спутником капиталистического города был городской люмпен-пролетариат — социальное дно города. Только в поволжских портовых городах насчитывалось в то время свыше 100 тыс. таких люмпен-пролетариев — без дома, без паспорта, часто даже «без имени», готовых взяться за любую, самую черную работу.

Пореформенный город рос за счет развития промышленности, транспорта, торговли, т. е. прежде всего как торгово-промышленный центр. Чем крупнее был город, тем быстрее были темпы его роста, т. е. происходил процесс концентрации населения в наиболее крупных городах. В 1863 г. в городах с населением 50 тыс. и более жителей в каждом проживало 27% городского населения, а в 1897 г. — 53%. Особое значение как крупные промышленно-торговые и культурные центры России имели Петербург и Москва. В 1897 г. в Петербурге проживало уже 1,3 млн., а в Москве — 1,04 млн. жителей. Другими крупными городами были Одесса

(406 тыс.), Рига (256 тыс.), Киев (247 тыс.). Города росли преимущественно за счет притока пришлого населения, а не естественного прироста. Так, в 1900 г. пришлое население составляло 68% жителей Петербурга и 72% жителей Москвы.

Менялся и сам облик пореформенного города. В прошлое уходила полусельская жизнь городских дворянских усадеб. Города застраивались многоэтажными доходными домами. Трудовое население, ранее жившее в маленьких домиках, стало скучиваться в каменных громадах. В 80—90-х годах в наиболее крупных городах появились электрическое освещение, трамвай и другие технические новшества. Еще более резким стал контраст между центром города, где проживало его привилегированное население, и неблагоустроенными рабочими окраинами.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ К КОНЦУ XIX В. В 1897 г., по данным первой всеобщей переписи, в России насчитывалось 125 640 тыс. жителей (без Финляндии, в которой было в то время 2556 тыс. жителей). При этом на Европейскую Россию приходилось 102,9 млн. и на Азиатскую Россию — 22,7 млн. жителей.

По сословному положению население России распределялось таким образом: 71,1% его составляли крестьяне, 10,7% — мещане, 6,6% — так называемые инородцы (национальные меньшинства отсталых национальных окраин), 2,3% — казаки, 1,5% — дворяне, 0,5% — купцы и почетные граждане, 0,5% — духовенство, 0,8% — «прочие» (в основном деклассированные элементы).

Сословное деление не отражало те социальные сдвиги, которые произошли в пореформенной России. Приведем расчеты В. И. Ленина о распределении населения по отраслям хозяйства и классовому положению, основанные на данных переписи 1897 г.

По отраслям хозяйства:

Сельскохозяйственное население		97,0 млн.	77,2%
Торгово-промышленное . .		21,7 »	17,3 »
Непроизводительное		6,9 »	5,5 »
Всего		125,6 »	100 »

По классовому положению:

Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие	ок.	3 млн.	2,4%
Зажиточные мелкие хозяева	—»—	23,1 —»—	18,4 »
Беднейшие мелкие хозяева	—»—	35,8 —»—	35,8 »
Пролетарии и полупролетарии	—»—	63,7 —»—	43,4 »
в том числе пролетарии		22 »	17,5 »
Всего	ок.	125,6 »	100 »*

* Оба вывода сделаны на основании данных, содержащихся в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 502, 505).

Эти данные показывают, что по своему социальному составу Россия конца XIX в. коренным образом отличалась от дореформенной, крепостной России. Подавляющую массу населения России конца XIX в. составляли новые, характерные для капиталистической эпохи слои — пролетарии и полупролетарии, крупная и мелкая буржуазия. Конечно, сословные различия продолжали еще сохранять существенное значение в общественной жизни капиталистической России, однако уже не они определяли расстановку и противоборство классовых сил в стране.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ. Одной из важнейших особенностей социально-экономического строя пореформенной России являлись развитая капиталистическая промышленность и отсталая деревня. «...Самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!» [1], — писал В. И. Ленин.

Хотя Россия позже других капиталистических стран Европы вступила на путь капиталистического развития, однако она быстрее проходила это развитие и вступила в стадию империализма одновременно с развитыми капиталистическими странами. Для России характерны были сравнительно высокие темпы развития капитализма, более высокий, чем даже в наиболее развитых капиталистических странах, уровень концентрации промышленного производства. Несмотря на это, Россия по уровню развития продолжала значительно отставать от капиталистических стран. «...Россия еще очень отстала, по сравнению с другими капиталистическими странами, в своем экономическом развитии» [2], — констатировал В. И. Ленин. Так, в 1895 г. в России на 1 душу населения добывалось угля в 2,5 раза меньше, чем в Германии; в 3 раза меньше, чем в США; в 4 раза меньше, чем в Бельгии; в 5 раз меньше, чем в Англии.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 417.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 502.

Россия в это время выплавляла чугуна в расчете на 1 душу населения в 2 раза меньше Франции, в 4 раза меньше Германии, в 6 раз меньше Бельгии и Англии и в 8 раз меньше США.

Существенной чертой развития капитализма в России было вторжение в русскую экономику иностранного капитала, стремившегося занять ключевые позиции в ведущих отраслях тяжелой промышленности и в банковом деле.

В. И. Ленин указывал, что иностранный капитал «чрезвычайно ускоряет» развитие капитализма в тех странах, куда он ввозится[1]. Иностранный капитал еще теснее связывал Россию с мировой империалистической системой. Россия в этой системе играла самостоятельную роль.

В. И. Ленин указывал, что развитие капитализма имеет две стороны: «...развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, — и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории»[2]. Характерной особенностью капитализма в России являлась его возможность развиваться вширь, что временно задерживало процесс его развития вглубь. «Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий, — писал В. И. Ленин, — временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь. Напр., одновременное существование самых передовых форм промышленности и полусредневековых форм земледелия представляет из себя, несомненно, противоречие. Если бы русскому капитализму некуда было расширяться за пределы территории, занятой уже в начале пореформенного периода, то это противоречие между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни... должно было бы быстро привести к полной отмене этих учреждений, к полному расчищению пути для земледельческого капитализма в России. Но возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение». Однако, подчеркивал В. И. Ленин «*такое* замедление роста капитализма равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем»[1].

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 362.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.
[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. т. 3, с. 596 (примечание).

ГЛАВА 13
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ 60—70-Х ГОДОВ XIX В. РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО

1. РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛА 60-Х ГОДОВ

НАЧАЛО РАЗНОЧИНСКОГО ЭТАПА РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. Обнародование манифеста и «Положений 19 февраля 1861 г.» не ослабило накала классовой, революционной борьбы в стране. Напротив, 1861 год стал высшей точкой революционной ситуации. Наибольший размах приобрело крестьянское движение, резко возросла активность русских революционеров. В России, по определению В. И. Ленина, сохранялось положение, при котором «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»[2].

Вера в неизбежность и близость народной революции, в реальность крестьянского восстания определяла все действия русских революционеров начала 60-х годов: перед ними по-новому встал вопрос об объединении сил, о разработке программы и тактики борьбы с самодержавием. С падением крепостного права главным, массовым деятелем освободительного движения становится разночинец. Выходцы из разных сословий русского общества, разночинцы были представителями демократической интеллигенции — учителями, врачами, литераторами, студентами. Они играли заметную роль в общественном движении 40-х и особенно 50-х годов XIX в. С 1861 г. начинается новый, разночинский, или буржуазно-демократический, этап русского освободительного движения, продол-

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

жавшийся по периодизации В. И. Ленина, приблизительно по 1895 г.

Для революционеров-разночинцев начала 60-х годов главной была проблема готовности революционных сил к участию в народной революции. Их помыслы направлялись на создание такой революционной организации, которая могла бы в нужный момент возглавить крестьянское восстание и привести его к победе над самодержавием.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1861 г. Характерной чертой общественного движения пореформенного времени являлись студенческие волнения. Разносословное по происхождению, демократическое по настроениям, студенчество было наиболее восприимчивой и отзывчивой частью общества. Выступления передового студенчества в защиту своих прав перерастали узкие корпоративные рамки, становились своеобразным проявлением солидарности с крестьянским движением. Яркую политическую окраску приобрела панихида — демонстрация, устроенная казанскими студентами в апреле 1861 г. по крестьянам, расстрелянным в селе Бездна. С речью перед студентами выступил профессор истории А. П. Щапов, предсказавший, что трагедия в Бездне «воззовет народ к восстанию и свободе», и закончивший речь требованием демократической конституции.

В середине 1861 г. правительство ввело новые «временные правила», имевшие целью ограничить доступ в университет студентам-разночинцам. Отменялось освобождение нуждавшихся студентов от платы за обучение, запрещались студенческие сходки, депутации. В ответ на меры правительства в Петербурге, Москве, Казани прошли массовые студенческие выступления. 25 сентября студенты Петербургского университета провели первую в России уличную демонстрацию. В сентябре прекратились занятия в Петербургском, Московском и Казанском университетах. Студенты проводили демонстрации и митинги, где произносили антиправительственные речи, распространяли воззвания в защиту своих прав. Аресты студенческих вожаков, уличные избиения демонстрантов, массовые исключения из университетов и наряду с этим увольнение в отставку некоторых наиболее ненавистных студентам чиновников Министерства народного просвещения дали возможность правительству подавить студенческие волнения. Однако репрессии не остановили процесса вовлечения в активную политическую борьбу новых слоев демократической молодежи. Студенческие выступления 1861 г. наглядно показали, что разночинская интеллигенция становилась ведущей силой русского освободительного движения.

ПОЗИЦИЯ А. И. ГЕРЦЕНА И Н. П. ОГАРЕВА. В первые пореформенные годы «Колокол» продолжал пользоваться большим влиянием в России. В 1861 г. издатели «Колокола» особое внимание уделяли разоблачению крепостнического характера крестьянской реформы. На основе детального разбора «Положений 19 февраля» Огарев сделал вывод: «Вообще крепостное право не отменено. Народ царем обманут!» Такова была точка зрения и всей передовой России.

Герцен на страницах «Колокола» клеймил карателей, расстреливавших крестьян. В крестьянских волнениях весной 1861 г. он видел «начальный рев» будущей бури и призывал разночинскую молодежь «заводить» нелегальные типографии для революционного воспитания народа. Осенью 1861 г., обращаясь к студенческой молодежи, изгнанной из университетов, Герцен выдвинул лозунг: «В народ! К народу!»

Для революционеров-разночинцев получили программный характер слова из статьи Огарева «Что нужно народу?», напечатанной в середине 1861 г. в «Колоколе» и в качестве прокламации широко распространившейся по России. Народу, отвечал Огарев, «нужны земля и воля». В статьях Герцена и Огарева, в программных документах, поступавших из России и публиковавшихся в «Колоколе», ставился вопрос о «необходимости органического сосредоточения сил», разрабатывались планы создания единой революционной организации в России.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОКЛАМАЦИИ. Новым фактором революционного движения стали прокламации, листки и воззвания, которые со второй половины 1861 г. распространялись в Петербурге, Москве и в ряде других городов России. Обращенные к разным слоям населения, эти документы содержали в себе как умеренные требования политических перемен, так и призывы к активным революционным действиям. Начало «прокламационной кампании» положило знаменитое воззвание «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон!». В центре прокламационной кампании стоял Н. Г. Чернышевский, именно из среды его единомышленников вышли наиболее замечательные документы «эпохи прокламаций».

В июне—октябре 1861 г. появились три номера листка «Великорусс», органа одноименного комитета. Авторы «Великорусса» обращались к «обществу», к «просвещенным людям». Резкую критику крестьянской реформы авторы листков сочетали с требованием передачи крестьянам всей земли, которой они пользовались до реформы, с выкупом «за счет нации». Политическая программа «Великорусса» заключалась в требовании конституции, суда присяжных, свободы слова и печа-

Н. Г. Чернышевский

ти, в устранении сословных привилегий и введении местного самоуправления. В случае, если правительство не выполнит этих требований, «Великорусс» предсказывал неизбежное народное восстание, отвратить которое «патриоты не будут в силах и должны будут позаботиться только о том, чтобы оно направилось благотворным для нации образом».

Идеи «Великорусса» получили большое распространение, но содержавшаяся в листках мысль об объединении всех оппозиционных самодержавию сил не была принята русскими либералами. Не увенчалась успехом и попытка авторов «Великорусса» образовать тайное революционное общество. Участие комитета «Великорусса» (П. И. Боков, В. Ф. Лугинин) в общественной борьбе ограничилось составлением прокламаций. За распространение «Великорусса» сотрудник «Современника» В. А. Обручев был осужден на каторгу.

Осенью 1861 г. в Петербурге распространялась прокламация «К молодому поколению», написанная Н. В. Шелгуновым и напечатанная в лондонской типографии Герцена. Подобно авторам «Великорусса», Шелгунов критиковал крестьянскую реформу и убеждал царя пойти на глубокие преобразования, ибо в противном случае «вспыхнет всеобщее восстание» и восставшие «придут к крайним мерам». Одновременно в прокламации содержался призыв к молодежи бороться с самодержавием, составлять «кружки единомыслящих людей», искать союза с народом и солдатами. Будущее России Шелгунов видел в развитии начал общинного землевладения и народного самоуправления. Прокламация «К молодому поколению» отражала настроения революционной части разночинской молодежи, которую вели «на великое дело, и если нужно, то и на славную смерть за спасение отчизны тени мучеников 14 декабря». Поэт М. Л. Михайлов, взявший на себя вину за написание прокламации, был осужден на каторгу, где и погиб.

Большое впечатление на современников произвела прокламация «Молодая Россия», появившаяся в мае 1861 г. Автором ее был московский студент П. Г. Заичневский, в то время находившийся под арестом за создание совместно с П. Э. Аргиропуло революционного кружка в Московском университете. «Молодая Россия» утверждала неизбежность революции «кровавой и неумолимой», которая «должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка». Будущее социально-политическое устройство страны рисовалось Заичневскому в виде республиканского союза областей, состоявших из самоуправляющихся общин. За Польшей и Литвой он признавал право на независимость. Экономической основой будущего строя должны были стать земледельческая община и общественная фабрика. Претворение в жизнь своих планов Заичневский возлагал на революционную молодежь и армию, отводя народу пассивную роль. Тактику заговора, вытекавшую из прокламации Заичневского и уводившую революционеров от организаторской работы в народных массах, осудили Чернышевский и его единомышленники.

Появление «Молодой России», оправдывавшей всякие средства борьбы с существующим строем, совпало с грандиозными пожарами в Петербурге. Против демократических сил была поднята клеветническая кампания, в поджогах обвинялись революционные элементы. Переход правительства к реакции начался задолго и независимо от петербургских пожаров, но «Молодая Россия» давала

удобный предлог для дискредитации и расправы с революционерами. Властями не было обнаружено авторство Заичневского, с тем большим ожесточением они преследовали видных деятелей революционного движения.

В июне 1862 г. были закрыты органы революционной демократии — журналы «Современник» и «Русское слово», запрещены созданные накануне реформы воскресные школы для взрослых, учреждена следственная комиссия для расследования дел о политических преступлениях. Начались аресты в Петербурге, Москве и других городах. Были арестованы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич, Д. И. Писарев, часть революционеров эмигрировала. Без всяких юридических доказательств, на основании показаний лжесвидетелей Чернышевский был осужден на каторжные работы. На каторге и в ссылке в Сибири великий русский революционер, мыслитель и писатель провел 20 лет.

«ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ». Репрессии лета 1862 г. не сломили волю русских революционеров. Работа по выявлению и объединению разрозненных столичных и провинциальных революционных кружков, начатая осенью 1861 г. в Петербурге братьями Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичами, А. А. Слепцовым, Н. Н. Обручевым, в середине и во второй половине 1862 г. продолжалась. Ее вдохновителем был Чернышевский. Петербург стал центром организации, комитеты и группы которой находились в Москве (до 400 членов), Казани, Нижнем Новгороде, в некоторых городах Украины. Были установлены связи с редакцией «Колокола». Девизом общества стали слова Огарева: «Земля и воля».

После того как в июле 1862 г. арестовали Чернышевского и Н. Серно-Соловьевича и эмигрировал А. Серно-Соловьевич, руководителями организации стали Н. И. Утин и Г. Е. Благосветлов. Осенью 1862 г. центр «Земли и воли» был преобразован в Русский центральный народный комитет. О вхождении в общество «Земля и воля» объявили комитет «Великорусса», некоторые другие организации. В конце года к обществу присоединилась русская военно-революционная организация в Польше, созданная выдающимся революционером А. А. Потебней. Собирание революционных сил в единое тайное общество отвечало главной задаче революционеров-шестидесятников: быть готовым к крестьянскому восстанию, которое ожидалось весной 1863 г. Для пропаганды своих взглядов «Земля и воля» организовала нелегальную типографию в России, использовала типографию Герцена и создала в Берне новую русскую типографию. Был издан ряд прокламаций к народу, к войску, к «образованным классам», вышло два номера листка «Свобода».

По мере приближения срока ожидавшегося восстания все более видную роль в деятельности «Земли и воли» стали играть Герцен и Огарев. Огарев разработал подробный план

Н. А. Добролюбов

действий революционеров на 1863 г. План предусматривал предъявление правительству требования созыва Земского собора, а в случае отказа — всеобщее восстание. Бессословный Земский собор, созываемый после революционного ниспровержения самодержавия, призван был, по убеждению деятелей «Земли и воли», установить в России новый общественно-политический строй. Основы будущего общественного устройства понимались различно. Н. Серно-Соловьевич говорил: «У нас такая разноголосица, что нет двух человек, согласных в принципах или цели». Ставя перед собой задачу объединения всех антиправительственных сил, «Земля и воля» не сумела преодолеть идейные разногласия в среде революционеров.

Руководители «Земли и воли» попытались координировать действия русских и польских революционеров. Осенью 1862 г. представители польского Центрального национального комитета З. Падлевский и А. Гиллер начали переговоры в Лондоне и Петербурге о возможности совместного выступления. В ходе переговоров выяснилось, что «Земля и воля» не готова к открытому выступлению, в то время как развитие событий в Польше быстро

вело к восстанию. Попытки связать дело освобождения Польши с общерусской революцией оказались неудачными. Восстание в Польше началось в январе 1863 г. В России ожидалось крестьянское восстание весной 1863 г., однако оно не произошло, а сил «Земли и воли» оказалось недостаточно для открытого революционного выступления.

Утрата надежд на крестьянскую революцию в России весной и летом 1863 г. подорвала силы общества «Земля и воля». Отдельные его деятели (А. А. Потебня и члены его офицерской организации) приняли непосредственное участие в польском восстании, а в целом со второй половины 1863 г. организация шла к упадку. К весне 1864 г. общество, так и не раскрытое правительством, самораспустилось.

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г. И РУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ. Подъем польского национально-освободительного движения в конце 50-х — начале 60-х годов был неразрывно связан с революционным движением в России. Перед деятелями польского национального движения стояли две задачи: освобождение страны и ликвидация остатков феодализма в польской деревне. Успех мог быть достигнут только при последовательном решении этой двуединой задачи.

Оживление национального движения началось в 1860 г., когда по всему Царству Польскому прошли народные патриотические манифестации. Расстрел в феврале 1861 г. патриотической процессии в Варшаве обострил положение в стране. К концу 1861 г. возникла повстанческая организация во главе с Центральным национальным комитетом. Ее руководителями стали Я. Домбровский, З. Сераковский, З. Падлевский, В. Врублевский. Все они принадлежали к левому, «красному» направлению национального движения. «Красные» думали о восстановлении независимой Польши путем восстания, наиболее радикальные из них высказывались за республиканскую и демократическую Польшу. В противовес «красным» «белые», представлявшие интересы польских помещиков и крупной буржуазии, связывали восстановление Польши с антирусской политикой западноевропейских государств.

Русские революционеры внимательно и сочувственно следили за событиями в Царстве Польском. Постоянные связи с польским национальным движением поддерживали Герцен и Огарев. На страницах вольной русской печати они последовательно проводили идею о создании независимого Польского государства. Сходных взглядов придерживались Чернышевский и сотрудники «Современника», авторы большинства документов «эпохи прокламаций», деятели «Земли и воли». До восстания 1863 г. о независимой Польше говорили и некоторые либералы — славянофилы И. С. Аксаков, Ф. В. Чижов, западник Б. Н. Чичерин.

Восстание в Царстве Польском началось в ночь с 22 на 23 января 1863 г. одновременным нападением на русские гарнизоны в разных частях страны. Поводом для выступления стало проведение рекрутского набора по спискам, куда были включены все заподозренные в «неблагонадежности» молодые люди. Возглавил восстание Центральный национальный комитет, объявивший себя Временным национальным правительством. В январе—феврале главную роль в руководстве движением играли радикальные элементы «красных». 23 января был опубликован манифест, провозгласивший национальную независимость Польши, политическое равноправие и равенство наций, освобождение крестьян от феодальных повинностей и наделение их землей.

С развитием восстания к нему примкнули «белые», которые стремились лишить его революционной направленности и создать повод для военного вмешательства Франции и Англии в польские события. Руководители внешней политики восставших, представители «белых», стояли за иностранную интервенцию против России, высказывались за восстановление Польши в границах 1772 г., включавших Литву, Белоруссию и Правобережную Украину. Шляхетское руководство восстанием оказалось не в состоянии решить национальный и аграрный вопросы. Повстанческие отряды оказались изолированными от крестьянского движения на Украине, а частично в Литве и Польше. Это обстоятельство предопределило неудачу восстания.

Царизм жестокими военными мерами боролся с восставшей Польшей. Военные власти Царства Польского и Литвы получили диктаторские полномочия. В ряде сражений повстанческая армия была разбита. Был захвачен в плен и в июне 1863 г. повешен З. Сераковский, погибли А. Потебня, К. Калиновский и другие польские, русские, литовские деятели восстания. Осенью 1863 г. пред-

ставитель умеренных «красных» Р. Траугутт объявил себя диктатором. Он рассчитывал создать всеобщее ополчение и придать восстанию общенародный характер. Но силы были неравны. Весной 1864 г. Траугутт был арестован и казнен, а летом и осенью разгромлены последние повстанческие отряды. Восстание было подавлено.

Победа царизма, ошибки и непоследовательность шляхетских руководителей движения не умаляют исторически прогрессивного значения польского восстания 1863 г. В. И. Ленин отмечал, что в то время «*шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»[1].

В борьбе с польским национально-освободительным движением царское правительство использовало не только военную силу. На Украине, в Литве, Белоруссии проводились мероприятия по ограничению польского помещичьего землевладения, увеличивались земельные наделы крестьян. В 1864 г. была проведена подготовленная Н. А. Милютиным, Ю. Ф. Самариным, князем В. А. Черкасским крестьянская реформа в Царстве Польском. Эти меры вели к изоляции шляхетского повстанческого движения, лишали его массовой социальной опоры.

Одновременно правительственная печать, русское консервативно-либеральное общественное мнение развернули шовинистическую кампанию, направленную как против польских повстанцев, так и против русских революционеров. Выразителем взглядов реакции стал редактор «Русского вестника» М. Н. Катков, прежде слывший либералом и сторонником конституции. С особым ожесточением Катков нападал на издателей «Колокола».

Герцен и Огарев последовательно защищали Польшу, хотя и выражали принципиальное несогласие с националистической программой вождей восстания, не признававших прав белорусского, литовского и украинского народов на самоопределение. Выступления против «гнусного умиротворения» Польши привели издателей «Колокола» к разрыву с либеральными общественными кругами. В условиях разгула реакции, открытого оправдания либералами правительственных репрессий против польских и русских революционеров уменьшались возможности для распространения «Колокола» в России. Герцен не изменил себе. Он продолжал отстаивать идею о необходимости единения польских и русских революционеров для борьбы против общего врага — самодержавия. В годы польского восстания Герцен, по словам В. И. Ленина, «спас честь русской демократии»[1].

Герцен не был одинок. Попытку оказать восставшей Польше помощь оружием и добровольцами предприняли Н. П. Огарев и М. А. Бакунин. В России идея общности задач русских и польских революционеров получила воплощение в «Казанском заговоре» 1863 г., когда группа поляков и русской молодежи попыталась поднять восстание в Казанской губернии. Заговор был раскрыт, его организаторы казнены.

Революционно-демократическое движение в начале 60-х годов оставило яркий след в истории России. Революционерам-шестидесятникам не удалось достичь своей цели: поднять всероссийское крестьянское восстание. В то время, подчеркивал В. И. Ленин, «народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу»[2]. Царизму удалось подавить раздробленные, единичные крестьянские выступления, отбить революционный натиск. Но деятельность Герцена и Чернышевского, Огарева и Н. Серно-Соловьевича, их идейные искания, попытки создать общероссийскую революционную организацию для подготовки крестьянской революции были продолжены следующими поколениями революционеров-разночинцев.

2. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В 60—70-Х ГОДАХ

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА СЕРЕДИНЫ 60-Х ГОДОВ. Правительственные репрессии 1861—1863 гг. лишили революционное движение виднейших его деятелей. Резко сократились возможности ведения в России активной революционной работы. Главной ареной общественной борьбы на время стала периодическая печать. Немногие демократические

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 297.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 260.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 140.

издания в трудных условиях вели борьбу с шовинизмом и мракобесием, захлестнувшими русскую журналистику.

Несмотря на арест Чернышевского и восьмимесячный перерыв, ведущим органом демократической печати оставался «Современник». С 1863 г. его редактировали Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин. Сотрудники журнала стремились продолжать традиции Добролюбова и Чернышевского, что удавалось далеко не всегда. Пропаганда общинного социализма и артельных начал сочеталась у публицистов «Современника» (Г. З. Елисеев, Ю. Г. Жуковский, М. А. Антонович) с высказываниями в пользу мирной просветительной работы.

Д. И. Писарев

Огромное влияние на демократическую молодежь оказал опубликованный в журнале роман Чернышевского «Что делать?». Среди молодежи возникают кружки и артели наподобие тех, о которых писал Чернышевский. Читателей-разночинцев привлекала вера Чернышевского в победу революции, его идеал социалистического общества будущего. Отразились в романе и утопические черты мировоззрения великого революционера, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину.

Среди части разночинской молодежи был популярен журнал Г. Е. Благосветлова «Русское слово». Программные выступления журнала обращались прежде всего к учащейся молодежи, которая рассматривалась как главная сила демократического движения. Ведущие сотрудники «Русского слова» (Д. И. Писарев, В. А. Зайцев) скептически относились к созидательным возможностям народа, не верили в близость революции. Их главное внимание было уделено отрицанию существовавшего в России политического строя и социально-экономических отношений. В середине 60-х годов между «Современником» и «Русским словом» произошла полемика («раскол в нигилистах»), отразившая идейный кризис революционно-демократического движения. После покушения Д. В. Каракозова на Александра II оба журнала были запрещены.

Д. И. ПИСАРЕВ. Талантливый публицист и критик, Писарев начал литературную деятельность еще при жизни Добролюбова, до ареста Чернышевского. В 1860 г. он стал сотрудником «Русского слова». В 1862 г. Писарев написал прокламацию, в которой восхищался деятельностью Герцена и утверждал, что «династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть». За эту прокламацию он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где пробыл до 1866 г. Литературная деятельность Писарева не прерывалась, и к середине 60-х годов он стал главным выразителем настроений демократической молодежи.

Писарев утверждал, что конечная цель деятельности каждого честного человека состоит в разрешении вопроса «о голодных и раздетых людях». Он обличал все проявления крепостничества в жизни России, рисовал идеал разумного строя, свободного от эксплуатации. Главной силой в переустройстве общества Писарев считал передовых людей, «мыслящих реалистов», вооруженных последними достижениями науки. Важную роль он отводил просвещению народных масс, в своих статьях популяризировал материализм и естествознание.

Под влиянием Писарева русская молодежь увлеченно занималась естественными науками, стремилась к распространению в народе грамотности, элементарных знаний о мире. Среди последователей Писарева, часто называвших себя «нигилистами», были сторонники как революционных, так и мирных, просветительских методов борьбы.

ЛИБЕРАЛЬНОЕ И КОНСЕРВАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЯ. Демократический подъем начала 60-х годов привел к резкому размежеванию революционного и либерального направлений русской общественной мысли. Либералы пореформенного времени, находившиеся в оппозиции к правительству, вместе с тем боялись революции — их пожелания сводились к ограничению самодержавия и проведению дальнейших буржуазных реформ.

Незначительное меньшинство русских либералов указывало на необходимость глубоких политических и экономических преобразований, последовательно буржуазных по сути. В декабре 1861 г. съезд тверских мировых посредников признал, что «законоположение 19 февраля не удовлетворило народных потребностей», и высказался за обязательный выкуп крестьянских наделов. В начале 1862 г. И. С. Аксаков в газете «День» выступил с проектом «самоупразднения» дворянства, направленным на разрушение сословной структуры, унаследованной от феодального общества. В феврале того же года тверское дворянское собрание приняло постановление, в котором констатировало несостоятельность правительства и требовало «собрания выборных от всего народа без различия сословий». Тверские либералы высказались за создание независимого суда, преобразование финансовой системы, введение полной гласности в административное управление и заявили о своем отказе от всех сословных привилегий. Правительство отвергло адрес, составленный на основе этого постановления. 13 дворян, мировых посредников, были посажены в Петропавловскую крепость. По суду Сената их приговорили к двухгодичному тюремному заключению, но вскоре освободили. Тверской адрес 1862 г. стал высшей точкой либеральной оппозиционности.

Русские либералы не были последовательны в отстаивании своих убеждений, весьма умеренных и противоречивых. Так, либерал А. И. Кошелев в своих брошюрах «Какой исход для России из нынешнего ее положения?» и «Конституция, самодержавие и Земская дума», напечатанных в 1862 г. в Лейпциге, высказывался за созыв Земской думы, совместимой на его взгляд с самодержавием, и одновременно доказывал необходимость решительной борьбы с революционным и крестьянским движением, соединение которых он считал особенно опасным. «Благомыслящая» оппозиция А. И. Кошелева, К. Д. Кавелина и других либералов на деле превращалась в поддержку правительственной расправы над революционным движением.

С начала польского восстания большинство русских либералов открыто перешло в лагерь реакции, скатилось на позиции национализма и шовинизма. Особенно показательна была эволюция Каткова, в прошлом западника и либерала, на долгие годы ставшего главным идеологом реакционного течения русской общественной мысли.

С апреля 1864 г. земские учреждения, по мере введения их в жизнь, становились главным полем деятельности либералов. В земских либеральных кругах постепенно утвердилась мысль об «увенчании здания реформ» созывом общероссийского земского представительства.

В первые пореформенные годы с притязаниями на ограничение самодержавия выступали и некоторые консервативные круги. В среде крупного поместного дворянства, мечтавшего об «исправлении ошибки 19 февраля 1861 года», возникло течение, выступавшее за узкосословную, олигархическую дворянскую конституцию. Его органом стала газета «Весть», выходившая с 1863 г. Вожди олигархического дворянства Н. А. Безобразов, В. П. Орлов-Давыдов, А. П. Платонов стремились конституционно закрепить главенствующую роль дворянства в политической и экономической жизни страны. В 1862—1865 гг. их планы не раз обсуждались на собраниях петербургского и московского дворянства, на дворянских собраниях других губерний. В январе 1865 г. московское дворянское собрание приняло адрес, содержавший требование дворянской конституции. Неопасное для царизма, олигархическое дворянское движение совершенно исчезает после выстрела Каракозова, когда правительство перешло к открытой реакции.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КРУЖКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 60-х ГОДОВ. Революционное направление общественного движения, переживавшее спад после репрессий 1862—1863 гг., тем не менее не прекратилось. В 1863 г. в Москве на базе землячества студентов-пензенцев возник нелегальный кружок, руководителем которого стал студент Н. А. Ишутин. Члены кружка считали себя учениками и последователями Чернышевского. По примеру героев романа «Что делать?», они организовывали разного рода мастерские — артели и производственные ассоциации (переплетная и швейная мастерские, школа, ассоциация извозчиков и т. п.). Их попытки придать своим начинаниям легальный характер неизменно кончались неудачей. С 1865 г. среди ишутинцев зреет мысль о необходимости активной революционной деятельности, разрабатываются планы создания революционной организации. Они устанавли-

вают связи с петербургскими революционерами, которых возглавлял И. А. Худяков.

4 апреля 1866 г. член кружка Д. В. Каракозов в Петербурге стрелял в Александра II. Покушение, произведенное им вопреки мнению товарищей, оказалось неудачным. Каракозов был казнен, ишутинский кружок разгромлен. В России началась полоса «белого террора», который, однако, не прервал революционной традиции.

В 1867 г. сложился кружок Г. А. Лопатина, члены которого (Н. Ф. Даниельсон, Н. Н. Любавин) изучали западноевропейскую социалистическую литературу, читали произведения К. Маркса. Совместно с Ф. В. Волховским Лопатин приступил к созданию общества, названного по размеру вступительных взносов «Рублевым». Члены «Рублевого общества» должны были кочевать по России, просвещать крестьян с помощью специально написанных учебников и книг. Сближение с народом должно было дать революционерам ясное представление о его нуждах, целях и средствах борьбы. Складывавшееся общество было раскрыто в начале 1868 г. Лопатина сослали. Однако многие идеи «Рублевого общества» нашли воплощение в практике революционеров 70-х годов.

Некоторое оживление революционного движения началось осенью 1868 — весной 1869 г., когда снова произошли волнения студентов в Петербурге. В марте 1869 г. большинство активных участников студенческих выступлений было арестовано. Одному из руководителей студентов С. Г. Нечаеву удалось бежать за границу, где он предстал перед Огаревым и Бакуниным как руководитель революционного комитета, якобы существовавшего в России. Беспредельная ненависть к самодержавию, большая энергия сочетались у Нечаева с политическим авантюризмом, склонностью ко лжи и провокации. Составленный им «Катехизис революционера» оправдывал все, в том числе нечистые, средства борьбы.

Весной и летом 1869 г. Нечаев совместно с Бакуниным развернул издательскую деятельность, напечатал от имени организации «Народная расправа» ряд воззваний и листков для распространения среди студенчества. Вернувшись осенью 1869 г. в Россию, он попытался создать в Москве и Петербурге ячейки «Народной расправы». Добиваясь слепого подчинения, он вынудил московскую ячейку согласиться на убийство студента И. И. Иванова, выразившего недовольство нечаевскими методами. Иванов был убит. Нечаев вновь скрылся за границу. Возникшая организация была разгромлена. Процесс по делу нечаевской организации проходил в 1871 г. Затеянный правительством с целью дискредитации революционного движения, процесс показал, что нечаевщина органически чужда русской революционной молодежи. Самого Нечаева, выданного в 1872 г. Швейцарией русскому правительству, судили и заточили в Петропавловскую крепость, где он и умер.

РУССКАЯ СЕКЦИЯ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА. Значительное влияние на поиски правильной революционной теории русскими революционерами оказало основание в 1864 г. I Интернационала. Большой интерес к деятельности Интернационала, к западноевропейскому рабочему движению проявлял Герцен. Его «Письма к старому товарищу», написанные незадолго до смерти, свидетельствовали, по выражению В. И. Ленина, о том, что «Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*...»[1].

Под влиянием деятельности Интернационала группа эмигрантов из России попыталась связать с ним русское революционное движение. Весной 1868 г. в Женеве был создан кружок в составе Н. И. Утина, В. И. Бартенева, А. Д. Трусова и др., который сначала находился под влиянием М. А. Бакунина. В 1868 г. группа начала издавать журнал «Народное дело», первый номер которого был написан почти одним Бакуниным. Его анархистская программа вызвала недовольство среди участников журнала. Бакунин ушел из редакции. Руководить изданием журнала стал Н. И. Утин.

Группа «Народного дела» много внимания уделяла борьбе против Бакунина и Нечаева. В марте 1870 г. в Женеве она создала Русскую секцию Интернационала и обратилась к К. Марксу с просьбой быть их представителем в Генеральном совете Интернационала. Маркс дал согласие, хотя программа Русской секции расходилась с теорией научного социализма. Члены Русской секции признавали общность условий жизни и революционных задач России и Европы, заявляли о своей солидарности с борьбой западноевропейского пролетариата. Одновременно они писали о необходимости революционной борьбы за некапиталистический путь развития России на

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

базе крестьянской общины, которую считали ячейкой социализма. Главной революционной силой в России, по их мнению, было крестьянство. К. Маркс считал необходимым помочь молодым революционерам выработать правильный научный взгляд на задачи революционного движения.

Русская секция Интернационала и ее печатный орган «Народное дело» сыграли определенную роль в критике взглядов и раскольнической деятельности Бакунина. Некоторые издания секции проникали в Россию, знакомили русского читателя с деятельностью Интернационала, хотя устойчивых связей с русским революционным подпольем членам секции установить не удалось.

Деятельность Русской секции была недолгой. «Народное дело» перестало выходить после сентября 1870 г. Постепенно большинство членов Русской секции покинуло Женеву. Некоторые из них (А. В. Корвин-Круковская, Е. Л. Дмитриева-Томановская) приняли активное участие в Парижской Коммуне.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС И РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ. Основоположники научного социализма проявляли постоянный интерес к России, к русскому общественному движению. Маркс и Энгельс знали русский язык, изучали русскую историю, экономику, внешнюю политику. Исследование аграрных отношений в России помогало Марксу в его работе над «Капиталом».

Первое знакомство русских общественных деятелей с отдельными сочинениями Маркса и Энгельса относится к 40-м годам XIX в. Среди первых русских читателей Маркса были М. А. Бакунин, В. П. Боткин, Н. И. Сазонов. Был знаком и переписывался с Марксом западник П. В. Анненков, на которого личность Маркса произвела огромное впечатление. Русские деятели 40-х годов были далеки от понимания марксизма, их привлекала прежде всего глубокая критика Марксом современного западноевропейского общества.

После 1861 г. интерес к учению Маркса в России возрос. В среде революционеров-шестидесятников шли споры о возможности применения марксизма в России. Большой популярностью пользовалась опубликованная в «Современнике» статья Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат Франции и Англии», в которой излагалось содержание работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Проблема пролетариата, его роль в политической и социальной борьбе в Западной Европе, спор о возможности появления пролетариата в России — все это стало одной из ведущих тем русской журналистики.

Внимание передовых русских людей к марксизму усилилось с появлением в 1867 г. I тома «Капитала». В числе первых русских, познакомившихся с ним, был К. А. Тимирязев. Деятель «Земли и воли» 60-х годов А. А. Слепцов от имени своих единомышленников писал Марксу: «Мы горячо одобряем взгляды, высказанные Вами в «К критике политической экономии» и в I томе «Капитала». Русский перевод I тома «Капитала», начатый Г. А. Лопатиным, был завершен Н. Ф. Даниельсоном. Книга увидела свет в 1872 г. Впоследствии Маркс отмечал, что в России «Капитал» читают больше чем где бы то ни было. Отражением интереса к марксизму стала полемика о «Капитале» на страницах русской легальной печати в 1877 г. Русские публицисты и буржуазные экономисты, как нападавшие на Маркса (Ю. Г. Жуковский, Б. Н. Чичерин), так и признававшие правильность его экономического учения (В. В. Берви-Флеровский, Г. З. Елисеев, Н. К. Михайловский), отрицали революционный метод Маркса и не допускали мысли о возможности применения марксизма в русских условиях. Не понимали универсальной революционности марксизма и русские народники.

Среди революционеров-народников были люди, находившиеся в близких отношениях к Марксу и Энгельсу. Личным другом Маркса был Г. А. Лопатин, одно время состоявший в Генеральном совете Интернационала. К. Маркс и Ф. Энгельс переписывались с В. И. Засулич, чувство личного уважения связывало их с П. Л. Лавровым, чьи идеи они подвергали резкой принципиальной критике.

Современники революционного народничества, Маркс и Энгельс с симпатией следили за деятельностью русских революционеров, которую они рассматривали в широком плане общеевропейского революционного движения. Борьбу с самодержавием они понимали как борьбу с оплотом реакции не только в России, но и в Европе. Они верили в скорую гибель царизма. 12 января 1878 г. Энгельс писал: «В общем, мы имеем налицо все элементы русского 1789 года, за которым неизбежно последует 1793 год... А раз уж дело дойдет до революции в России — изме-

нится лицо всей Европы».[1] Маркс и Энгельс допускали возможность положительного ответа на вопрос о некапиталистическом пути развития России. Эту возможность они обусловливали решающим обстоятельством: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»[2]. Вера Маркса и Энгельса в русскую революцию и ее могучее всемирное значение основывалось на научном анализе социально-экономических отношений в России, учитывала размах русского революционного движения.

3. РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО 70-Х ГОДОВ

В. И. ЛЕНИН О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ И ДОКТРИНЕ НАРОДНИЧЕСТВА. На протяжении разночинского этапа освободительного движения ведущим революционным направлением было народничество — движение разночинской интеллигенции, отражавшей интересы крестьянской демократии.

Работы В. И. Ленина содержат глубокий анализ теории и практики народничества. Сущность народничества В. И. Ленин определял как «представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа»[3]. В первые пореформенные десятилетия, когда капиталистический характер развития России еще недостаточно проявился и не был понят современниками, когда мелкобуржуазность крестьянского хозяйства еще не полностью обнаружилась, народничество представляло собой движение, отстаивавшее революционное для того времени требование о необходимости последовательной борьбы с крепостническими пережитками в политической и социально-экономической жизни страны.

Цель народников, по определению В. И. Ленина, сводилась к тому, чтобы «*поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества*»[4]. В. И. Ленин указывал, что «народники проповедовали всегда в своих теориях, начиная с 1861 года (а их предшественники еще раньше, до 1861 года) и затем в течение более полувека, *иной, т. е. некапиталистический*, путь для России»[1].

При всем разнообразии направлений народничества В. И. Ленин выделял три черты народнической системы воззрений: «1) *Признание капитализма в России упадком, регрессом*... 2) *Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности*... Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее, лучшее сравнительно с капитализмом; является идеализация «устоев»... 3) *Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов*»[2].

В. И. Ленин четко различал революционное, «старое народничество» 60—70-х годов и «современное русское народничество» 80—90-х годов. Революционное народничество было идеологией крестьянской демократии и занимало «передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли»[3].

С 80-х годов под влиянием развития капиталистических отношений в русской деревне началось перерождение «классического» народничества в либеральное течение. Либеральные народники отказались от революционных методов борьбы, проповедовали мирный прогресс и надеялись улучшить положение крестьянства при сохранении основ современного общества. В. И. Ленин резко критиковал либеральных народников, подчеркивал закономерный характер эволюции народничества. Но он высоко ценил движение революционных народников, чья героическая борьба с самодержавием стала примером для последующих поколений русских революционеров.

Революционное народничество прошло в своем развитии ряд периодов. Наиболее стройную форму доктрина революционного народничества приобрела к 70-м годам, когда начался новый подъем в развитии демократического движения. Характеризуя революционное народничество 70-х годов, В. И. Ленин

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 124.
[2] Там же, с. 305.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 413.
[4] Там же, с. 272.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 168.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 528—529.
[3] Там же, с. 531.

писал: «Народничество было до известной степени цельным и последовательным учением. Отрицалось господство капитализма в России; отрицалась роль фабрично-заводских рабочих, как передовых борцов всего пролетариата; отрицалось значение политической революции и буржуазной политической свободы; проповедовался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины с ее мелким сельским хозяйством» [1].

Учение революционных народников было основано на утопических, домарксовых теориях социализма. В нем, как указывал В. И. Ленин, не было «ни грана» социализма научного. Представление народников о возможности победы социализма, социально-экономической предпосылкой которой они считали переход земли в руки крестьян, было глубоко ошибочным. На деле такой переход «нисколько не уничтожил бы господства в России капиталистического способа производства, он дал бы, напротив, более широкую базу для его развития...» [2].

Раскрывая ненаучный характер народнической теории, В. И. Ленин вместе с тем выделял революционную сторону этой теории, отразившую решительный, боевой демократизм крестьянских масс. На определенном этапе исторического развития теории утопического социализма служили «знаменем самой решительной борьбы против старой, крепостнической России» [3]. В представлении народников о будущем общественном устройстве отразился «реальный факт стремления крестьян к полному равенству в политике и к полному уничтожению крепостнического землевладения» [4].

У революционных народников не было единства в понимании тактических принципов революционной борьбы, в ходе борьбы они менялись. Революционеры-шестидесятники главным путем уничтожения старого общества считали народную, крестьянскую революцию. В 70-е годы среди народников господствовало отрицательное отношение к политической борьбе. В. И. Ленин подчеркивал связь между аполитизмом народников и их верой в непосредственный социалистический переворот, основанной на идеализации общины. Он писал: «Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ» [1]. Пересмотр отношений к политической борьбе произошел в конце 70-х годов и был связан с деятельностью народовольцев. Правда, подчеркивал В. И. Ленин, «для народовольца понятие политической борьбы тождественно с понятием политического *заговора*» [2]. Методы борьбы, избранные народовольцами, не привели к успеху. Своей непосредственной цели — пробуждения народной революции — народовольцы «не достигли и не могли достигнуть» [3].

М. А. Бакунин

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 40.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 48.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 213.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 305.

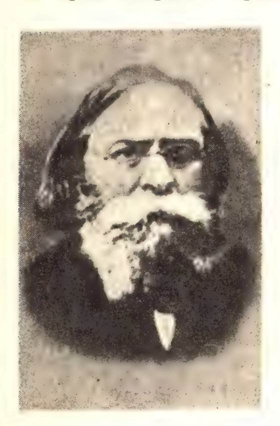
ИДЕОЛОГИЯ НАРОДНИЧЕСТВА. Основы идеологии народничества были изложены в работах Герцена и Чернышевского, написанных в 50-е годы и после падения крепостного права.

Главными теоретиками революционного народничества 70-х годов были М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев. Их имена олицетворяли разные направления в русском революционном движении, складывание которых относится к концу 60-х — началу 70-х годов.

М. А. Бакунин (1814—1876) был заметной фигурой в русском общественном движении еще 40-х годов. Он принял активное участие в революции 1848 г. в Германии. Арестованный и выданный царским властям, он несколько лет провел в крепости, затем был сослан в Сибирь. Бежав из ссылки, Бакунин в начале 60-х годов становится активным деятелем европейского революционного движения, одним

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 286.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 459.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

из идеологов международного анархизма. В Западной Европе его взгляды нашли сторонников в тех слоях рабочего класса, где были сильны мелкобуржуазные иллюзии. Попытки Бакунина захватить руководство Интернационалом, его борьба с возглавляемым Марксом Генеральным советом вносили раскол в рабочее движение. К. Маркс и Ф. Энгельс неустанно боролись с дезорганизаторской деятельностью Бакунина, вскрывали вред теории и практики бакунизма.

П. Л. Лавров

Газета «Вперед», издаваемая Лавровым

Главным в теории Бакунина было учение о государстве, которое он понимал как «исторически необходимое зло». Бакунин выступал против всякой государственной власти, считая, что грядущая революция должна привести к разрушению любых форм государственного устройства. Государству он противопоставлял «великий, спасительный принцип федерализма». Решающую роль в борьбе за переустройство мира он отводил народу, «на Западе — фабричным и городским рабочим, у нас, в России, в Польше и в большинстве славянских земель — крестьянам». Народам, полагал Бакунин, присущ инстинкт свободы, который толкает их на борьбу. Сущность социальной революции он понимал крайне упрощенно: считая основной целью революции уничтожение неравенства между людьми, он не видел классовой природы неравенства.

Наиболее полно взгляды Бакунина на задачи русского революционного движения изложены в «Прибавлении А» к книге «Государственность и анархия», изданной в 1873 г. Страстно обличая самодержавие, Бакунин предлагал русским революционерам единственный путь, в который он верил и от которого ждал спасения: «путь боевой, бунтовской». Революционная молодежь должна была взять на себя функции организатора народной революции, идти в народ, объединять наиболее активных крестьян, звать к бунту и стремиться превратить отдельные крестьянские выступления во «всенародный бунт». Бакунинская программа социальной революции в России была утопична, но его призыв «идти в народ» нашел самый широкий отклик в кругах демократической молодежи. Последователи Бакунина, «бунтари», вплоть до конца 70-х годов составляли наиболее влиятельное направление в революционном народничестве.

Полковник артиллерии, разносторонний ученый, П. Л. Лавров (1823—1900) активно участвовал в революционном движении 60-х годов. В 1866 г. он был сослан в Вологодскую губернию, откуда спустя четыре года с помощью Лопатина бежал за границу. Впервые Лавров изложил свою теорию в «Исторических письмах», которые в 1868—1869 гг. печатались на страницах легальной газеты «Неделя». Лавров выдвинул знаменитую формулу прогресса: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости». Двигателем исторического прогресса он считал «критически мыслящую личность», готовую бороться за интересы порабощенного народа. Молодежь зачитывалась «Историческими письмами». Народник Н. С. Русанов вспоминал: «Многие из нас, юноши в то время, а другие просто мальчики, не расставались с небольшой истрепанной, исчитанной, истертой в конец книжкой. Она лежала у нас под изголовьем. И на нее падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватывавшего нас безмерною жаждою жить для благородных идей и умереть для них».

В 1873—1876 гг. Лавров руководил заграничным русским журналом и газетой «Вперед». В своих программных выступлениях он доказывал, что русский народ еще не готов к социальной революции. Задачу революционеров он видел в развертывании пропагандистской работы в народе. Подготовку будущей революции следует начать с просвещения народа, с пробуждения в нем сознательного сочувствия к деятельности революционеров.

Характерное для Лаврова преувеличение роли интеллигенции, его идея о «долге» высших классов перед народом отражали, по словам В. И. Ленина, размышления демокра-

та «о расширении прав и свободы народа» [1]. Неустанная проповедь Лаврова о необходимости кропотливой подготовки революционеров и народа к революции оказала сильное воздействие на русское революционное движение, хотя «лавристы» и составляли в нем незначительное меньшинство.

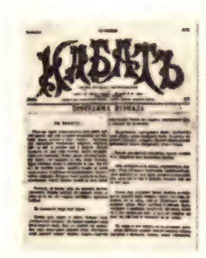
П. Н. Ткачев (1844—1885) — участник студенческого движения 60-х годов. В 1871 г. он был осужден по делу нечаевцев, в 1873 г. бежал за границу, где в 1875 г. начал издавать журнал «Набат». Ткачев стал идеологом тактики заговора в русском революционном движении. Вслед за французским революционером О. Бланки он доказывал, что с помощью заговора узкая группа революционеров может захватить власть и, опираясь на нее, начать социалистические преобразования. «Бланкизм, — писал В. И. Ленин, — есть теория, отрицающая классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства» [2].

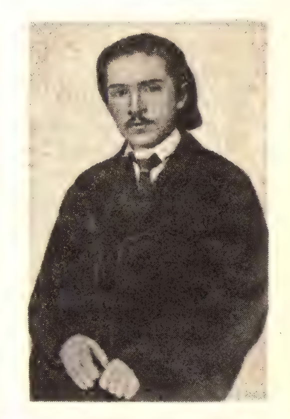
В России действия революционеров-заговорщиков облегчаются тем, считал Ткачев, что самодержавие «не имеет ничего общего с существующим социальным строем», «висит в воздухе». Задача революционеров заключается в нанесении нескольких решительных ударов по «всеми покинутому правительству» и в захвате государственной власти, после чего они должны «превратить данное консервативное государство в государство революционное». Считая, что русский крестьянин «коммунист по инстинкту, по традиции», Ткачев полагал, что осуществление идеалов социализма в России — дело нетрудное. Идеи русского бланкизма нашли практическое воплощение в деятельности «Народной воли».

НАРОДНИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НАЧАЛА 70-Х ГОДОВ. В 1869 г. в Петербурге сложился революционный кружок, члены которого (М. А. Натансон, Н. В. Чайковский), не принимая нечаевских методов, ставили перед собой задачу распространения в России кружков самообразования, где должны были формироваться будущие революционеры. Постепенно в орбиту кружка «чайковцев» вошло значительное число студенческих кружков, землячеств и коммун Петербурга, Москвы и других университетских городов. К 1871 г. кружок превратился в организацию, названную Большим обществом пропаганды. Среди деятелей общества были С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, П. А. Кропоткин, Д. А. Клеменц, А. И. Желябов, С. М. Кравчинский и другие революционеры.

Много внимания Большое общество пропаганды уделяло издательской деятельности: печатались сочинения русских и западноевропейских революционеров, печатались и распространялись листки и прокламации. В 1872 г. ряд членов общества (Н. А. Чарушин, А. И. Сердюков, С. С. Синегуб) перешли к пропаганде среди рабочих. В Петербурге возникли рабочие кружки, где читали нелегальную литературу, занимались самообразованием. Члены общества думали о том, чтобы перенести пропаганду в деревню, что отвечало их стремлению идти в народ. Программным документом организации стала составленная Кропоткиным осенью 1873 г. записка, которая призывала революционеров увеличивать число единомышленников и соединиться в одну общую организацию. К весне 1874 г., когда началось массовое хождение в народ, значительная часть членов общества была арестована, а к осени оно прекратило свое существование. Большое общество пропаганды оставило заметный след в истории русского революционного движения: атмосфера нравственной чистоты, характерная для организации, способствовала воспитанию убежденных, преданных делу революции людей.

Другой крупной народнической организацией начала 70-х годов был кружок

Журнал «Набат», издаваемый Ткачевым

П. Н. Ткачев

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 173.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 76.

А. В. Долгушина, возникший в 1872 г. в Петербурге. «Долгушенцы», организовав тайную типографию, печатали литературу для народа. По их просьбе народнический публицист В. В. Берви-Флеровский написал брошюру с изложеним «религии братства», которая пользовалась успехом у крестьян. В 1873 г. члены кружка предприняли попытку распространения в народе прокламаций, призывавших его к бунту, что соответствовало их бунтарским убеждениям. Организация была разгромлена, но деятельность «долгушинцев» свидетельствовала о растущем стремлении революционной молодежи к активной борьбе.

ХОЖДЕНИЕ В НАРОД. Весной 1874 г. революционная молодежь предприняла массовую попытку хождения в народ. Теория Бакунина, его вера в близкую революцию в России, его призывы «бунтовать народ» стали для молодежи программой действий. В движении участвовали представители всех течений революционного народничества. Лишенное организационного центра, стихийное по характеру, хождение в народ стало проявлением жертвенного порыва молодежи. С. М. Степняк-Кравчинский вспоминал: «Движение это едва ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне поразительным и всепоглощающим характером религиозных движений. Люди стремились не только к достижению определенных практических целей, но вместе с тем к удовлетворению глубокой потребности личного нравственного очищения».

Молодежь Петербурга, Москвы, других университетских центров покидала города, ехала на Дон, в Поволжье, в места, где, по ее расчетам, были живы традиции Разина и Пугачева. Пропагандой было охвачено около сорока губерний. Участники движения переходили из деревни в деревню, в беседах с крестьянами пытались призывать их к неповиновению властям, проповедовали идеи социализма. Отношение крестьян к «бродячим» пропагандистам было различным, но в целом быстро выяснилась невозможность осуществления бунтарских идей бакунизма на практике. Призывы к бунту неизменно встречали настороженное, часто враждебное отношение крестьян.

Неудачными были попытки ведения длительной, «оседлой» пропаганды, когда революционеры под видом учителей, писарей, фельдшеров надолго селились в деревне. Местные власти арестовывали таких пропагандистов. К осени 1874 г. движение было разгромлено, власти арестовали около тысячи человек. Следствие, продолжавшееся три года, завершилось знаменитым процессом «ста девяноста трех», блестящую речь на котором произнес И. Н. Мышкин. Обращаясь к судьям, он указывал на закономерность революционного движения в России, выражал глубокую веру в неизбежность «всеобщего народного восстания».

Хождение в народ было, по словам В. И. Ленина, «расцветом действенного народничества»[1]. Впервые в истории русского освободительного движения революционеры предприняли попытку прямого обращения с революционной проповедью к народу. Неудача хождения в народ не остановила их в поисках новых форм революционного воздействия на крестьянство.

КРУЖОК «МОСКВИЧЕЙ». Первая попытка создания «всероссийской социал-революционной организации» была предпринята вскоре после разгрома хождения в народ. Осенью 1874 г. уцелевшие от арестов революционеры, а также студенты и студентки, вернувшиеся из Швейцарии, где они учились, объединились в так называемый кружок «москвичей». Среди его членов были В. Н. Фигнер, С. И. Бардина, А. О. Лукашевич, И. С. Джабадари, В. С. Любатович. Свою задачу они видели в продолжении пропаганды среди народа, с тем чтобы подготовить его к всероссийскому бунту. Они понимали, что успешное решение этой задачи невозможно без создания сильной революционной организации. Не отказываясь в принципе от работы в деревне, «москвичи» сосредоточили свои усилия на пропаганде среди фабричных рабочих. Они вели работу на фабриках Москвы, Тулы, Иванова-Вознесенска, содействовали распространению в России газеты «Работник», издававшейся группой эмигрантов в Женеве. На взгляды «москвичей» сильное влияние оказала бунтарская проповедь Бакунина.

Организация не успела превратиться в общероссийскую. В апреле 1875 г. начались аресты, и к осени она была разгромлена. Членов кружка «москвичей» судили по «процессу пятидесяти», проходившему в начале 1877 г. Широкий отклик в революционной среде

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 304.

вызвали речи Софьи Бардиной и рабочего Петра Алексеева, с которыми они, используя право последнего слова, выступили на суде. Алексеев говорил о приближении времени, когда «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!». В. И. Ленин назвал речь Алексеева «великим пророчеством русского рабочего-революционера» [1]. Большинство членов организации было осуждено на каторгу и ссылку.

«ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ». Крупнейшее тайное революционное общество народников 70-х годов возникло в Петербурге в 1876 г. Члены, составившие его ядро, вели подготовку к объединению разрозненных революционных групп с осени 1875 г. Среди членов центрального петербургского кружка были А. Д. Михайлов, Д. А. Лизогуб, Г. В. Плеханов, В. А. Осинский, М. А. Натансон, О. В. Аптекман. Организация ставила перед собой задачу объединения всех революционеров для решительной борьбы с самодержавием. В течение 1876—1879 гг. в нее вошли революционные кружки Поволжья, Центральной России, Белоруссии, Польши, Украины, Кавказа и Закавказья. Название «Земля и воля» организация получила в конце 1878 г., когда стал издаваться печатный орган под тем же названием.

Впервые о своем существовании организация открыто заявила на Казанской демонстрации. 6 декабря 1876 г. в Петербурге перед Казанским собором собралось несколько сот демонстрантов, преимущественно студентов. С речью перед ними выступил Г. В. Плеханов, который сказал: «Наше знамя — их знамя; на нем написано: «Земля и воля» крестьянину и работнику. Вот оно. Да здравствует земля и воля!». Над толпой был выкинут красный флаг с надписью «Земля и воля». Полиция разогнала демонстрацию, некоторые ее участники были ранены. Плеханову удалось скрыться. За участие в демонстрации несколько десятков человек были приговорены к каторге и ссылке. В. И. Ленин говорил о Казанской демонстрации как о первой социально-революционной демонстрации в России [2].

Деятели «Земли и воли» много внимания уделяли разработке программы и тактики организации. Первоначально их программные требования заключались в передаче всей земли крестьянским общинам, в разделении Российской империи на части, «соответственно местным желаниям», в развитии самоуправления общин. Осуществить эти требования они считали возможным «только посредством насильственного переворота». Подготовку переворота они надеялись осуществить путем агитации, направленной на «возбуждение народа к бунтам и стачкам» и дезорганизацию власти. В позднейших уточнениях программы (ее последний вариант датирован маем 1878 г.) конечным идеалом землевольцев признавались анархия и коллективизм, конкретизировались задачи организаторской и дезорганизаторской деятельности — объединение революционеров как из среды интеллигенции, так и из рабочих, устройство постоянных поселений в деревнях, привлечение на свою сторону «разбойничьих шаек типа понизовой вольницы». Подчеркивалась необходимость издания собственного органа и распространения «листков зажигательного характера в возможно большем количестве». Для дезорганизации правительства революционеры должны вести работу в войсках, прежде всего среди офицерства, привлекать на свою сторону правительственных чиновников, «систематически истреблять наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства». Программа «Земли и воли» исходила из идей Бакунина, переработанных с учетом накопленного опыта борьбы.

Особое значение деятели «Земли и воли» придавали созданию боевой централизованной организации. Они последовательно проводили в жизнь уставные требования централизма, конспирации, дисциплины, взаимного товарищеского контроля, подчинения большинству меньшинства. Душой организации был Александр Михайлов, который писал: «Если у нас не будет единства взглядов на наши взаимные отношения — это будет невыносимо и пагубно. Я первый постараюсь разрушить такой шаткий, жалкий и бессильный союз в надежде на создание лучшего, при более подходящем составе». Организацию, созданную землевольцами, В. И. Ленин называл «превосходной» и указывал на нее как на образец для всех революционеров [1]. Главным в деятельности «Земли и воли» была организация поселений в деревне. Посто-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 377.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 369.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.

янные колонии революционеров возникли в Саратовской, Самарской, Воронежской, Тамбовской и других губерниях.

Работа в деревне занимала все силы революционеров, но успеха не приносила. Крестьянские массы оставались глухи к революционной пропаганде. Попытки создания «боевых» революционных организаций в деревне неизменно кончались неудачей. Попытка революционеров Я. В. Стефановича и Л. Г. Дейча поднять в 1877 г. бунт среди крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии с помощью подложной царской грамоты провалилась, нанеся вред революционному движению. Постепенно все большее значение в деятельности «Земли и воли» начинает приобретать дезорганизаторская работа. Часть революционеров отказывается от характерного для землевольцев аполитизма, переходит на позиции целенаправленной политической борьбы с самодержавием.

Первые дезорганизаторские акты «Земли и воли» носили характер мести и самообороны. В январе 1878 г. В. И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, приказавшего подвергнуть телесному наказанию находившегося в тюрьме политического заключенного. Суд присяжных оправдал Засулич. Попытка полиции арестовать ее по выходе из зала суда была отбита революционной молодежью. Процесс по делу Засулич привлек внимание русского общества к борьбе революционеров. В 1878—1879 гг. отдельные землевольцы оказывали вооруженное сопротивление при аресте, устраивали покушения на правительственных чиновников. В августе 1878 г. С. М. Кравчинский убил кинжалом на улице Петербурга шефа жандармов Н. В. Мезенцева. Постепенно часть землевольцев пришла к мысли путем террора дезорганизовать правительство и вызвать революционный взрыв. В рядах «Земли и воли» назревал серьезный кризис.

2 апреля 1879 г. землеволец А. К. Соловьев стрелял в Александра II. Покушение оказалось неудачным. Соловьев был повешен. Сторонники активной политической борьбы и методов террора (Михайлов, Морозов, Тихомиров, Ошанина) настаивали на активизации боевых действий, призывали к индивидуальному террору. Созданный ими Исполнительный комитет приступил к организации боевых террористических групп. Противники террора, «деревенщики» (Плеханов, Попов, Аптекман), считали необходимым продолжение пропагандистской работы в деревне.

Для рассмотрения вопроса о террористической борьбе было решено созвать съезд членов общества «Земля и воля». Накануне съезда сторонники политической борьбы собрались в Липецке, где приняли решение отстаивать «необходимость с оружием в руках» бороться с существующим строем. В июне 1879 г. состоялся съезд «Земли и воли» в Воронеже. Споры «политиков» и «деревенщиков» привели к выработке компромиссного решения. Съезд оставил неизменной программу «Земли и воли», но согласился с террором как одним из методов ведения политической борьбы. Участники съезда высказались за цареубийство. Последовательным противником террора на съезде выступил Плеханов. Оставшись в одиночестве, он покинул съезд и заявил о выходе из организации. Компромисс, достигнутый на съезде в Воронеже, оказался непрочным.

В августе 1879 г. в Петербурге собрался новый съезд, где произошел полный раскол «Земли и воли». «Деревенщики» составили общество «Черный передел», а «политики» — «Народную волю».

«ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ». В движении революционного народничества группа «Черного передела» не играла заметной роли. Идейная платформа новой организации в принципе не отличалась от землевольческой. Чернопередельцы издавали печатный орган «Черный передел», где предостерегали своих последователей от увлечения вопросами чисто политического свойства. Попытки деятелей «Черного передела» (Плеханов, Засулич, Аксельрод, Попов, Дейч, Аптекман) продолжать пропаганду в деревне в условиях массовых правительственных репрессий окончились неудачей. Многие видные члены «Черного передела», опасаясь ареста, вынуждены были уехать за границу, другие перешли в «Народную волю» или были арестованы. Деятельность «Черного передела» окончательно вскрыла ошибочность тактики отказа от политической борьбы.

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ». В конце 70-х годов в России начался новый демократический подъем. Участились случаи крестьянских волнений, среди крестьян стали распространяться слухи о предстоящем переделе земли. Наблюдался подъем рабочего движения, росло число стачек и участников стачечного движения. Студенчество столиц и провинци-

альных университетских центров находилось в состоянии возбуждения. Оживилось либеральное движение. В стране сложилась революционная ситуация, чему в значительной степени способствовала героическая борьба революционеров «Народной воли».

Народовольцы сразу активно включились в политическую борьбу, объявив беспощадную войну самодержавию. В январе 1880 г. орган партии журнал «Народная воля» писал: «Война начата не на жизнь, а на смерть... из этой ожесточенной схватки нет другого исхода: либо правительство сломит движение, либо революционеры низвергнут правительство».

Программные и уставные основы «Народной воли» были изложены в документах: «Программа Исполнительного комитета», «Подготовительная работа партии», «Программа рабочих членов партии «Народная воля». Народовольцы объявили себя социалистами и народниками. Они провозглашали право народа на землю, выступали за развитие общинных начал и местного самоуправления. Своими ближайшими задачами «Народная воля» считала подготовку политического переворота, свержение самодержавия и передачу власти народу. Воля народа должна быть объявлена в Учредительном собрании, которое, как представлялось народовольцам, должно и могло быть социалистическим по составу.

Практическая деятельность «Народной воли» в программе делилась на пропагандистскую и разрушительную. Вся пропаганда подчинялась популяризации среди населения идеи «демократического политического переворота как средства социальной реформы». Народовольцы придавали большое значение пропаганде в армии и среди рабочих. Ими были созданы рабочие и офицерские организации. Программа разрушительной деятельности сводилась к индивидуальному террору, который народовольцы рассматривали как главный метод борьбы с правительством.

По мере развертывания революционной борьбы народовольцев террористическая деятельность занимала все большее место в их планах, сводясь в конце концов к подготовке цареубийства. Популярность террора как средства революционной борьбы отражала разочарование в результатах деятельности в народе, падение веры в возможность вызвать в ближайшее время народное восстание. Позднее Плеханов писал: «Освобождение народа стало делом не самого народа, а небольшой группы заговорщиков. Тогдашние западноевропейские социалисты, с Марксом и Энгельсом во главе, видели в русском терроризме блестящее выражение *мощи* революционного движения в России. В действительности же терроризм был признаком *слабости* его. Русские революционеры возвели террор в систему только тогда, когда они *убедились в невозможности поднять немедленно крестьянскую массу на борьбу с государством.*

А. И. Желябов

Титаническая энергия террористов была поистине энергией отчаяния».

Народовольцами была создана сильная, боеспособная организация во главе которой стоял Исполнительный комитет. Вокруг Исполнительного комитета сложилась система местных революционных групп, рабочих кружков и офицерских организаций. Члены Исполнительного комитета были профессиональными революционерами; ведущую роль среди них играли А. Д. Михайлов, А. И. Желябов, Н. А. Морозов, Н. Е. Суханов, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко. Главные силы Исполнительного комитета были сосредоточены на подготовке цареубийства, с успешным осуществлением которого они связывали надежды на захват власти. В 1880—1881 гг. они осуществили ряд неудачных покушений на Александра II, в том числе взрыв в Зимнем дворце, который произвел рабочий-революционер Степан Халтурин. 1 марта 1881 г. руководимые С. Перовской террористы убили Александра II. Исполнительный комитет обратился к новому царю с письмом, в котором требовал созыва «представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм

государственной и общественной жизни». Письмо Исполнительного комитета высоко оценили Маркс, Энгельс, Ленин.

Царизм ответил беспощадной расправой над революционерами. Основные силы «Народной воли» были разгромлены. А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич и другие участники покушения 1 марта были повешены. Попытки Фигнер и Лопатина сохранить и возродить «Народную волю» оказались неудачными. В 1882 г. провокатор С. П. Дегаев выдал военную организацию партии. После ареста в октябре 1884 г. Лопатина «Народная воля» практически прекратила свое существование.

Несмотря на поражение и ошибки, «Народная воля» сыграла громадную роль в истории русского революционного движения. Борьба народовольцев, по словам В. И. Ленина, прямо или косвенно способствовала «последующему революционному воспитанию русского народа» [1].

ЭВОЛЮЦИЯ НАРОДНИЧЕСТВА. Революционная ситуация 1879—1881 гг. не переросла в революцию. Раскрывая причины этого, В. И. Ленин писал: «...революционеры исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами» [2].

В 80—90-е годы происходит быстрый отход народников от традиций революционной борьбы. Либеральное народничество, не игравшее в 70-е годы сколько-нибудь заметной роли, сделалось преобладающим течением. Идеологи либерального народничества В. П. Воронцов (В. В.), Н. Ф. Даниельсон (Николай), Г. З. Елисеев выступили с проповедью мирных путей общественного преобразования, с теорией «малых дел». С изменением общественных условий либеральное народничество стало течением, враждебным революционному марксизму.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 44.

ГЛАВА 14
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ 60—90-Х ГОДОВ XIX В. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 ГГ.

1. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Внешнеполитическая деятельность русского правительства во второй половине XIX в. была направлена в первую очередь на урегулирование отношений с европейскими державами, с Турцией, и на защиту интересов России в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

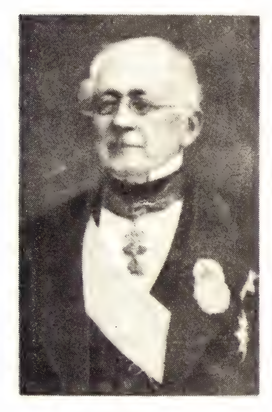
Русско-американские отношения, официально установленные в начале XIX в., во второй его половине сохраняли дружественный характер и в значительной степени рассматривались Петербургом как противовес английскому влиянию в Европе и Азии.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА. Министром иностранных дел с 1856 по 1882 г. был А. М. Горчаков, крупный дипломат, обладавший широким политическим кругозором. До назначения министром иностранных дел он прошел большую дипломатическую школу в качестве посла в Лондоне, Берлине, Риме, Вене. В условиях политической изоляции и экономической слабости страны Горчаков считал необходимым заняться прежде всего внутренними преобразованиями и отказаться от активных действий вовне.

Новая внешнеполитическая программа России была изложена в двух циркулярах Горчакова (в апреле и августе 1856 г.), в которых содержались указания на преимущественное внимание к вопросам внутреннего развития, а также на свободу в выборе союзников. Это означало прежде всего отказ от прежней политики в отношении Австрии, которая в годы Крымской войны занимала враждебную России позицию.

ИЗМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ. Поражение в Крымской войне подорвало международные позиции царизма, изменило расстановку сил в Европе, сложившуюся в итоге Венского конгресса. Распался австро-русско-прусский союз, в течение сорока лет служивший оплотом евро-

пейской реакции. Австрия, сближаясь с Англией, перешла в лагерь противников России. Сложилась так называемая «Крымская система» (англо-австро-французский блок), призванная поддерживать изоляцию России, сохранять ее слабость в районе Черного моря, лишить ее влияния на балканские народы. Россия, хотя и продолжала оставаться великой державой, утратила ведущую роль на международной арене. «Верховенство в Европе, — говорил К. Маркс, — перешло из Петербурга в Париж»[1].

А. М. Горчаков.

ДВА ЭТАПА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ. Во внешней политике России второй половины XIX в. можно выделить два этапа: первый — от окончания Крымской войны (1856) до франко-прусской войны (1870—1871) и отмены нейтрализации Черного моря (1871); второй — от начала 70-х годов до заключения русско-французского союза в 1891—1894 гг. и вступления России на рубеже XIX — начала XX вв. в империалистическую стадию.

В первый период в области внешней политики русское правительство было занято поисками союзников, необходимых для выхода из изоляции и отмены ограничительных условий Парижского мирного договора 1856 г. В эти годы Россия отказывается от активных действий в Европе и на Ближнем Востоке, пытаясь решить международные вопросы мирными средствами.

После франко-прусской войны 1870 г. начинается второй период во внешней политике России. Образование в центре Европы милитаристской Германии представляло опасность для всех государств, особенно для Франции. Это обстоятельство заставляло французское правительство добиваться сближения с Россией, чему способствовали также русско-австро-германские и англо-русские противоречия, углублявшиеся с ростом экспансии Германии и Англии. Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке, направленная на утверждение там своего господства под маской защиты «суверенных» прав султана и шаха, вступала в столкновение с интересами России.

Экономическое и политическое проникновение Австро-Венгрии на Балканы, усилившееся после франко-прусской войны, ее антиславянская политика обостряли австро-русские противоречия. Тем не менее с начала 70-х годов до середины 80-х годов XIX в. русское правительство, учитывая слабость Франции, сохраняло союзные отношения с Германией и Австро-Венгрией.

2. БОРЬБА РОССИИ ЗА ОТМЕНУ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ПАРИЖСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА 1856 Г.

ОТНОШЕНИЯ С ФРАНЦИЕЙ. Россия не могла мириться с положением, при котором ее черноморская граница оставалась незащищенной и открытой для военного нападения враждебных государств (нейтрализация не распространялась на Дарданеллы и Босфор). Поэтому главной задачей внешней политики России в 1856—1871 гг. стала ликвидация нейтрализации Черного моря, этого требовали экономические и политические интересы страны, а также интересы ее безопасности. Но решать эту задачу при изоляции и военно-технической отсталости можно было только дипломатическим путем, используя противоречия держав.

Отношения России с другими государствами в 1856—1871 гг. определялись их позицией к пересмотру статей Парижского договора о нейтрализации Черного моря. Англия и Австрия откровенно противились этим усилиям России. У Пруссии, занятой воссоединением Германии, в 50—60-е годы заинтересованность в делах Востока отодвигалась на второй план. Наиболее реальным союзником

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 1-е изд., т. X, с. 599.

оставалась Франция. Хотя она была активным участником «Крымской системы», противоречия с Австрией из-за земель в Северной Италии и с Англией в Азии и Африке расшатывали англо-австро-французский блок. Парижский кабинет, учитывая русско-австрийские противоречия на Востоке, надеялся на поддержку России в случае австро-французской войны. Россия со своей стороны за эту помощь рассчитывала на содействие Франции в решении Черноморской проблемы.

Известное «полевение» русского общества, наступившее после Крымской войны, соответствовало новому внешнеполитическому курсу России, направленному на сближение с Францией. Первым шагом в этом направлении был торжественный прием в Петербурге и Москве французского посла Морни в 1856 г., во время которого были сделаны обоюдные заверения в благожелательном расположении. Продолжением этих личных контактов стала поездка великого князя Константина Николаевича в Париж весной 1857 г. по приглашению Наполеона III. Завершающим этапом личных переговоров была встреча императоров и министров иностранных дел в Штутгарте в сентябре 1857 г. Хотя соглашения в результате этих встреч не последовало, оба императора условились по всем вопросам европейской политики предварительно договориться между собой. Монархи обязывались действовать согласованно в случае распада Турции.

Свидание в Штутгарте убедило Парижский кабинет, что в случае франко-австрийской войны Россия не будет поддерживать Австрию. Эта встреча дала некоторые практические результаты, сказавшиеся, в частности, в единстве действий двух держав на Парижской конференции 1858 г., созванной для решения вопроса о политическом устройстве Дунайских княжеств: Россия совместно с Францией, чему противились Англия и Австрия, выступила за расширение автономных прав княжеств. В результате переговоров было принято компромиссное решение, сохранявшее раздельное существование Молдовы и Валахии, но вводившее единое учреждение — Центральную комиссию по выработке общих законов. Это решение явилось шагом по пути объединения в 1859 г. княжеств в единое государство — Румынию, но под вассалитетом Турции.

Свидание в Штутгарте активизировало действия Наполеона III в Европе. В июле 1858 г. он заключил тайное соглашение с премьер-министром Сардинского королевства Кавуром, по которому Франция оказывала помощь Сардинии в освобождении Северной Италии от австрийской зависимости, получая за это Ниццу и Савойю.

Отсутствие договора с Россией (при доброжелательном отношении Англии к Австрии) мешало Наполеону III начать франко-австрийскую войну. Поэтому вторая половина 1858 г. и начало 1859 г. было временем настойчивых усилий французского императора, направленных на подписание русско-французского соглашения. Однако достигнуть полной договоренности не удалось.

19 февраля (3 марта) 1859 г. в Париже был подписан секретный русско-французский договор о нейтралитете и сотрудничестве. Россия в случае войны Франции и Сардинии с Австрией за земли Северной Италии обязывалась соблюдать благожелательный нейтралитет, выставив у границ Австрии русский наблюдательный корпус. Ответные обязательства Франции по отношению к России формулировались весьма неопределенно. Оба государства дали обещания договориться об изменениях в существующих договорах в интересах обеих сторон. Это соглашение было выгодно прежде всего Франции, так как предоставляло ей свободу действий в Европе и предотвращало возможность создания антифранцузского блока. Россия не получила конкретного обещания поддержать ее при пересмотре Парижского договора, но некоторое положительное значение русско-французское соглашение имело и для России: оно позволило ей выйти из изоляции. Сам факт договора «с первой державой» Европы поднимал престиж России и способствовал углублению англо-французских противоречий.

В апреле 1859 г. Австрия объявила войну Сардинии (Пьемонт), Франция выступила на стороне последней. Наполеон III, произвольно толкуя русско-французское соглашение, побуждал Россию объявить войну Австрии. Не добившись желаемого, он втайне от России и Сардинии в июле 1859 г. заключил с Австрией мир в Вилла-Франке, получив Ниццу и Савойю, ранее входившие в состав Сардинского королевства.

Русско-французские отношения снова ухудшились. Наполеон III после окончания войны уже меньше нуждался в поддержке России. Он был недоволен позицией нейтралитета,

занятой Россией, последнюю же не устраивало подписание мира с Австрией без ее ведома.

Однако в решении балканского вопроса Россия и Франция действовали совместно, выступая в поддержку национальных движений на Балканах. Они настаивали на выполнении Портой обязательств по уравнению прав христиан с мусульманами, содержавшихся в султанской грамоте 1856 г. (Хатт-и-Хумаюн). В конфликте между Турцией и Черногорией они поддерживали требования последней, что положительно сказалось на заключении турецко-черногорского соглашения. Россия, рассчитывая на помощь Франции на Востоке, поддержала Наполеона III в Сирии, что явилось решающим фактором, позволившим Франции получить согласие Лондона на военную экспедицию в Сирию. Но Наполеон III, добившись желаемого, «забыл» о своих обязательствах по отношению к союзнице. Франция не только не помогала России в ее стремлении восстановить влияние на христианские народы Османской империи, но противодействовала этому. Она ревниво следила за оказанием Россией материальной помощи просветительным и церковным организациям на Балканах и в Палестине. Франция не поддержала предложения А. М. Горчакова (май 1860 г.) о совместных действиях европейских держав в пользу реформ для балканских народов. Она не хотела порывать союза с Англией и вместе с Лондонским кабинетом стремилась полностью сохранить условия Парижского договора.

СБЛИЖЕНИЕ С ПРУССИЕЙ И АВСТРИЕЙ. В этих условиях Россия снова пошла на сближение с Пруссией и Австрией. Новый подъем революционного и национально-освободительного движения, охвативший Европу с начала 60-х годов XIX в., побуждал Австрию и Пруссию искать помощи у России. С этой целью по инициативе императора Австрии Франца-Иосифа в октябре 1860 г. состоялась его встреча с Александром II в Варшаве, на которую был приглашен также прусский вице-регент. Главный вопрос, обсуждавшийся на совещании, сводился к единению правительств в борьбе с революционным движением. Конкретных решений в итоге переговоров принято не было; встреча явилась своеобразной разведкой, результаты которой сказались позже. Но варшавское свидание монархов послужило симптомом начавшегося изменения во внешнеполитической ориентации Петербурга.

В начале 60-х годов в правительстве усилилась оппозиция А. М. Горчакову, не одобрявшая курс, направленный на сближение с Францией. Польское восстание 1863 г. завершило ухудшение русско-французских отношений.

ПОЛИТИКА РОССИИ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ В ГОДЫ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ. Национально-освободительное восстание в Польше, начавшееся в 1863 г., вызвало обострение международной обстановки. Австрия, боясь за свои польские владения, но заинтересованная в ослаблении России, заняла позицию нейтралитета. Пруссия, опасаясь распространения восстания на свою территорию, открыто встала на сторону царизма. В первые дни восстания в Петербург был направлен генерал Альвенслебен для выработки совместных действий против восставших. В результате переговоров 27 января (8 февраля) 1863 г. была подписана русско-прусская конвенция, предусматривавшая взаимную помощь «для восстановления порядка и спокойствия с предоставлением права отрядам, как русским, так и прусским, переходить через государственную границу в тех случаях, когда это оказалось бы нужным для преследования повстанцев». Этим соглашением Пруссия помимо локализации восстания территорией Царства Польского рассчитывала укрепить русско-прусские контакты и окончательно оторвать Россию от Франции. Конвенция достигла своей цели: она усилила антирусские настроения в Англии и Франции, ухудшила отношения России с Австрией.

21 февраля 1863 г. Наполеон III предложил Лондонскому и Венскому кабинетам выступить в Берлине с коллективной нотой по поводу русско-прусской конвенции. Но практических шагов в этом направлении предпринято не было. В марте 1863 г. английские и французские правительства, ссылаясь на Венские трактаты 1815 г., высказали пожелания Петербургскому кабинету восстановить в Польше конституцию и дать амнистию восставшим. Царское правительство отвергло эти предложения.

В апреле 1863 г. европейские державы обратились с новыми нотами: они предложили созвать в июне 1863 г. конференцию держав, подписавших трактаты 1815 г. для обсуждения польского вопроса. Судьба Поль-

ши мало интересовала правителей западноевропейских государств, они хотели использовать польский вопрос как средство давления на Россию. Петербургский кабинет отверг их демарш, заявив, что польский вопрос — внутреннее дело России. В инструкции А. М. Горчакова (сентябрь 1863 г.) русским послам за границей предлагалось прекратить все переговоры с европейскими державами о событиях в Польше.

В конце 1863 г. — начале 1864 г. царские войска подавили крупные партизанские отряды на территории Царства Польского.

События в Польше ухудшили отношения с Англией и Францией и способствовали русско-прусскому сближению. Однако А. М. Горчаков и в эти годы считал необходимым «оставить двери открытыми» для будущего соглашения с Францией.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ В ВОЙНАХ ПРУССИИ ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ. В 60—70-е годы XIX в. в Европе продолжался процесс складывания национальных государств. Пропаганда единения немцев, которую активно проводил канцлер Пруссии О. Бисмарк, встречала поддержку у населения. В 1866 г. в австро-прусской войне Австрия была разбита. Длительное австро-прусское соперничество за ведущую роль в объединении Германии кончилось. Пруссия становилась решающей силой Германии. В 1867 г. был создан Северогерманский союз, президентом которого считался прусский король. Германский союз, созданный решением Венского конгресса, при руководящей роли Австрии, перестал существовать. Это был еще один шаг по пути объединения германских государств вокруг Пруссии.

Отношение России к победе Пруссии над Австрией не было однозначным: усиление Пруссии ослабляло позиции России на Балтике, ставило под угрозу западную границу страны; вместе с тем разгром Австрии, соперницы России на Балканах, был ей выгоден. Но опасность дальнейшего усиления Пруссии в Европе превышала выгоды от временного ослабления Австрии. Для сохранения «равновесия» в Германии Россия стремилась удержать влияние Австрии в южногерманских государствах, не вошедших в Северогерманский союз. «Ясно, что поглощение Пруссией Германии совсем не в наших интересах», — писал А. М. Горчаков. Ликвидация Германского союза, созданного в 1815 г., рассматривалась русским правительством как акт незаконный, угрожавший равновесию Европы. Петербургский кабинет предложил государствам Западной Европы опротестовать единоличные действия Пруссии, поскольку они нарушали решения Венского конгресса. Франция и Англия не поддержали предложение России, мотивируя это тем, что Венский договор 1815 г. неоднократно нарушался державами и ранее. Россия одна не стала опротестовывать действия Пруссии, заняв, подобно Англии и Франции, позицию нейтралитета.

Берлинский кабинет, заинтересованный в поддержке Россией действий Пруссии, в августе 1866 г. направил в Петербург специальную миссию во главе с генералом Мантейфелем. Последний должен был убедить царское правительство в консервативности курса Пруссии и правомерности ее территориальных захватов. Правительство Пруссии, зная о стремлении России освободиться от статей Парижского договора по нейтрализации Черного моря, предложило Мантейфелю поддержать эти планы при условии, если русское правительство само поставит этот вопрос. В результате переговоров Берлинский кабинет получил устную поддержку царского правительства в его политике по воссоединению Германии под главенством Пруссии, России же была обещана помощь Пруссии в восточном вопросе.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США И РОССИЯ. 60-е годы XIX в. явились важной вехой не только в истории государств Европы, но и в жизни Соединенных Штатов Америки. Гражданская война в США (между рабовладельческим Югом и буржуазным Севером) привлекла большое внимание всех слоев русского общества. С начала войны русское правительство заняло благожелательную позицию по отношению к северянам. В июле 1863 г. оно направило через Атлантику к берегам США военную эскадру под руководством контр-адмирала С. С. Лесовского. Другая эскадра под командой контр-адмирала А. А. Попова через Тихий океан достигла Сан-Франциско. Русские суда, направленные с согласия США в Тихий океан в связи с обострением отношений с Англией и Францией, должны были крейсировать по океану, а в случае войны бороться против морской торговли и блокировать колонии Англии и Франции. Командирам эскадр предписывалось охранять территорию США от возможного нападения англо-французского флота.

Посылка русских эскадр в США явилась своеобразной демонстрацией, которая должна была отвлечь внимание европейских правительств от событий в Польше и публично продемонстрировать русско-американское единство. В июле 1864 г., когда опасность вмешательства стран Запада в дела Польши отпала, а войска северян в Америке перешли в наступление по всему фронту, русские эскадры покинули Штаты.

Благожелательная позиция России, занятая ею в годы гражданской войны, имела важное значение для победы Северных штатов над рабовладельческим Югом.

ПОЛИТИКА РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В XIX В. С развитием капитализма территория Дальнего Востока, богатая природными ресурсами и важная в стратегическом отношении, стала объектом агрессии западноевропейских государств и США. В годы Крымской войны английские корабли, пользуясь слабостью русских сторожевых постов на Тихом океане, неоднократно бомбардировали русские укрепления. В 1852 г. американская экспедиция Рингольда обследовала устья Амура, рассчитывая там обосноваться. В этих условиях задача России заключалась в прикрытии Приморья и Приамурья от враждебных действий держав Запада. Для ее решения было важно установить твердую границу с Китаем.

Россия не участвовала в закабалении Китая западноевропейскими странами в период «опиумных войн» 40—60-х годов XIX в. По просьбе Китая она выступала посредником в переговорах Пекина с Англией и Францией, помогала Китаю отклонить наиболее тяжелые требования Запада. В 40-е годы XIX в. русское правительство направило на Амур для обследования этого края несколько экспедиций. Особый успех выпал на долю капитана-лейтенанта Г. И. Невельского, доказавшего судоходность Амура на всем течении реки. Он же установил, что Сахалин не полуостров, а остров, отделенный от материка судоходным проливом. В 1850 г. на Амуре возникло поселение Петровское и был заложен город Николаевск.

В мае 1858 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, много сделавший для освоения Приамурья, подписал с уполномоченным китайского правительства в городе Айгуне (южнее Благовещенска) соглашение, по которому России возвращалась отторгнутая в XVII в. цинским Китаем территория по левому берегу Амура, а правый его берег до реки Уссури объявлялся владением Китая. Территория от реки Уссури до моря (Уссурийский край) оставалась неразграниченной. Плавание по рекам Уссури, Амуру, Сунгари разрешалось только русским и китайским судам. Таким образом, договор закрывал доступ английским, французским, американским судам в Амур.

В июне 1858 г. было подписано соглашение в Тяньцзине, по которому торговля России с Китаем могла производиться не только сухим путем (как было ранее), но и морем. В 1860 г. был заключен русско-китайский договор в Пекине, закреплявший за Россией весь Уссурийский край; в заливе Петра Великого был основан город Владивосток. В эти годы шло быстрое освоение русскими поселенцами пустынных берегов рек Амура и Уссури, там возникли новые города: Благовещенск, Хабаровск, Мариинск.

Одновременно с успехами России по освоению Амурского края были установлены дипломатические и торговые отношения с Японией. В январе 1855 г. в ходе Крымской войны между Россией и Японией был заключен договор в Симоде, закреплявший право России на владение Курильскими островами. Остров Сахалин признавался «неразделенным» между Россией и Японией, хотя с 1806 г. там были установлены русские охранные посты и он считался владением России. В 1875 г. в Петербурге был подписан новый русско-японский договор, по которому остров Сахалин признавался владением только России. Япония в качестве «компенсации» за отказ от своих необоснованных прав на южную часть Сахалина получила Курильские острова.

С 80-х годов XVIII в. на Аляске русскими купцами были основаны постоянные русские поселения, жители которых занимались добычей морского и пушного зверя, торговлей с индейцами и рыболовством. В 1799 г. при содействии русского правительства была создана Российско-американская компания, сосредоточившая в своих руках всю торговлю России на Северо-Западном побережье Америки.

С начала XIX в. конкурентами России по торговле на Тихом океане стали американцы. Во время Крымской войны правительство США, используя обострение русско-английских отношений на Ближнем Востоке, предложило России купить у нее Аляску. Петербург

7—95

отклонил это предложение. После окончания Гражданской войны в Америке (1861—1865) правительство США возобновило переговоры о продаже Аляски. Финансовые трудности, политическая изоляция, в которой оказалась Россия после Крымской войны, отдаленность территории от центральных губерний государства не позволили удержать Аляску. Кроме того, продажей Аляски русское правительство рассчитывало создать в лице США на Тихом океане противовес Англии. Руководствуясь этими соображениями, царское правительство в 1867 г. продало США русскую часть Аляски и Алеутские острова за 7,2 млн. долл. (11 млн. руб.). Так была потеряна территория в 1,5 млн. кв. км, богатая природными ресурсами, прежде всего золотом, на освоение которой русский народ в течение 100 лет положил много сил и средств.

ОТМЕНА РОССИЕЙ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ЧЕРНОГО МОРЯ. Победа Пруссии над Австрией, рост ее военного потенциала вызывали опасения в Европе. Однако французское правительство недооценивало силу Пруссии. Оно рассчитывало успешной войной приостановить новые территориальные захваты Пруссии.

В начавшейся в июле 1870 г. франко-прусской войне Россия, как и другие европейские государства, заняла позицию нейтралитета. Поражение Франции под Седаном в сентябре 1870 г. и пленение Наполеона III предопределили исход войны. Прусская армия приближалась к Парижу. Созданное во Франции после отречения Наполеона III новое правительство Тьера пошло на заключение в Версале 16 (28) февраля 1871 г. тяжелого для Франции прелиминарного договора, вызвавшего недовольство в стране. Народ восстал, и 18 марта 1871 г. в Париже была провозглашена Парижская Коммуна, оказавшая большое влияние на весь ход мировой истории.

Франко-прусская война изменила обстановку в Европе. Распалась «Крымская система», направленная против России. Русское правительство использовало это обстоятельство для отмены ограничительных условий Парижского договора. Франция — одна из участниц Крымской войны, предложившая пункты о введении нейтрализации Черного моря,—была занята войной с Пруссией и не могла оказать противодействие России. Прусское правительство еще в 1866 г. заверило Александра II в поддержке планов России в этом вопросе. Австро-Венгрия, опасавшаяся нового наступления Пруссии, не склонна была воевать с Россией. Англия избегала единоличного участия в войнах Европы. Турция без сильной европейской помощи не смела выступить против России. Более того, с поражением Франции падало ее влияние в Османской империи и рос авторитет Пруссии, что на данном этапе соответствовало планам русского правительства.

Одновременно с переговорами с Пруссией русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев в августе 1870 г. возобновил переговоры с великим визирем (начатые в августе 1866 г.) об отмене ограничений на Черном море, убеждая визиря во взаимной заинтересованности обеих держав в этом акте, ибо нейтрализация распространялась и на Турцию. Хотя определенного согласия Игнатьев не получил, но возражений со стороны Порты не последовало. Все это позволило Петербургскому кабинету считать обстановку для пересмотра условий Парижского мира благоприятной.

Решение русского правительства об отмене нейтрализации Черного моря было изложено в циркуляре А. М. Горчакова от 19 (31) октября 1870 г. и отправлено правительствам всех государств, подписавших Парижский мирный договор. Содержание документа сводилось к доказательству нарушений державами условий договора 1856 г. В циркуляре отмечалось, что в то время, как Россия разоружалась в Черном море и не имела возможности защитить свои границы от вторжения неприятеля, Турция сохраняла право держать морские силы в проливах, а Англия и Франция — в Средиземном море. Объединение Дунайских княжеств в единое государство, получившее санкцию Европы и Турции, также было отступлением от статей договора, утвердивших раздельное существование княжеств. В этих условиях, говорилось в документе, Россия более не могла считать себя связанной обязательствами трактата 1856 г. Вместе с тем в ноте указывалось, что Россия ставит вопрос лишь об отмене отдельных статей договора, касавшихся нейтрализации Черного моря, что она согласна выполнять «главные начала договора» и готова вступить в соглашение с другими государствами для его подтверждения или заключения нового договора.

Все европейские правительства были недовольны нотой России. Она недружелюбно была встречена и в Турции. Наиболее резкую критику циркуляр вызвал в Англии и Австрии. Лондонский и Венский кабинеты выразили протест против действий России, усматривая в них повод к войне. Однако русское правительсто решительно заявило, что Россия никому не угрожает: «Она возвращает права суверенитета, без чего не может нормально существовать ни одно великое государство». Хотя Пруссия, занятая войной с Францией, считала циркуляр несвоевременным актом, она заняла лояльную по отношению к России позицию. Бисмарк не поддержал враждебных действий Англии и Австрии, предложив обсудить этот вопрос на конференции держав, подписавших договор 1856 г. Конференция открылась в Лондоне в январе 1871 г. В ее заседаниях наряду с представителями европейских стран участвовал и делегат Турции. Решение России отменить нейтрализацию Черного моря не встретило возражений. Но представитель Порты, поддержанный всеми делегациями Запада, поставил вопрос о «вознаграждении» для Турции при отмене нейтрализации Черного моря — дать гарантии безопасности страны. Так, «гарантией» должна была явиться статья о режиме проливов. После длительных дискуссий было принято решение о закрытии проливов для всех военных судов. Однако султану предоставлялось право открывать проливы в мирное время для военных судов «дружественных и союзных держав в том случае, когда Порта найдет это необходимым». Эта статья соглашения была направлена против России.

Тем не менее Лондонская конференция, завершившая свою работу подписанием протокола 1 (13) марта 1871 г., была дипломатической победой России. Нейтрализация Черного моря, ущемлявшая национальные интересы и достоинство России как черноморской державы, была отменена при сохранении других статей Парижского договора. Россия получила право строить военные укрепления и держать военный флот на Черном море, что позволило создать оборонную линию южной границы государства, расширить внешнюю торговлю через проливы, более интенсивно, чем прежде, заняться хозяйственным освоением Новороссийского края. Отмена нейтрализации Черного моря также помогла восстановлению утраченного Россией в результате Крымской войны влияния на Балканах.

РОССИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ. СОЮЗ ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ. Франко-прусская война и Парижская Коммуна открыли новый период в истории Европы. С 70-х годов начинается постепенный переход домонополистического капитализма в империализм, усиливается борьба за раздел и передел мира, обостряются противоречия между государствами.

Образование милитаристской Германии представляло опасность и для России, и для Франции. Но ослабленная войной Франция не была той силой, которая могла бы остановить агрессивные действия Германии. Россия, понимая это, в 70-е годы не предпринимала шагов к союзу с Францией. Она с тревогой следила за ростом военного могущества Германии, за укреплением позиций Австро-Венгрии на Ближнем Востоке и австрогерманским сближением. Опасность новой изоляции в условиях острой борьбы с Англией в Средней Азии и австро-русских противоречий на Балканах при слабости Франции становилась для России реальным фактом. В этой обстановке Петербургский кабинет видел в союзе с Германией возможность предотвращения изоляции и средство усиления своих позиций на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Особое значение русское правительство придавало балканской проблеме, рассматривая Германию как посредницу в русско-австрийских отношениях.

Германское правительство стремилось договориться с Россией прежде всего об изоляции Франции.

В сентябре 1872 г. в Берлине состоялась встреча императоров и министров иностранных дел России, Германии и Австро-Венгрии, где хотя и была достигнута договоренность по основным вопросам будущего союза, но соглашение подписано не было из-за австро-русских противоречий на Балканах.

Следующим этапом в складывании русско-прусско-австрийского блока была встреча императора Германии Вильгельма I и министра О. Бисмарка с Александром II и А. М. Горчаковым в Петербурге в апреле—мае 1873 г. Итогом переговоров была подписанная 24 апреля (6 мая) 1873 г. русско-германская военная конвенция. Согласно конвенции, каждая из договаривающихся сторон в случае нападения третьей державы обязывалась направить 200-тысячную армию для помощи союзнице.

Спустя месяц после заключения русско-германской военной конвенции Александр II прибыл в Австрию для переговоров по вопросам европейской и восточной политики. 25 мая (6 июня) 1873 г. в Шенбрунне между двумя императорами была подписана политическая конвенция, не содержавшая в отличие от соглашения с Пруссией конкретных обязательств сторон. По условиям конвенции, при нападении третьей державы главы государств обязывались, не заключая новых союзов, условиться относительно совместных действий. Неопределенный характер русско-австрийской конвенции свидетельствовал о глубоких противоречиях обеих держав.

В октябре 1873 г. при посещении Вильгельмом Австрии в Шенбрунне был подписан «Акт присоединения Германии к русско-австрийской конвенции». Так сложилась группировка, получившая в истории название «Союз трех императоров». Правильнее ее было бы назвать династическим соглашением монархов. Создание Союза трех императоров не ликвидировало противоречий между ними. Для Германии главный смысл соглашения сводился к изоляции Франции и поддержанию ее слабости. Россия, напротив, выступала за восстановление международного престижа Франции и неоднократно спасала ее от нападения Германии. Для России союз с Германией был средством решения балканской проблемы: ослабления русско-австрийских противоречий и восстановления ведущей роли России в европейских владениях Турции. Союз должен был также помочь и в решении среднеазиатской проблемы: обезопасить Россию от возможного нападения на нее Англии, лишив последнюю континентальных союзников. Австро-Венгрия (третий партнер) соглашением с Германией надеялась получить поддержку Берлина в борьбе с австрийскими славянами, стремившимися к федерации, и помощь своим действиям на Балканах. Различное отношение держав к Франции и противоречия в балканском вопросе таили в себе непрочность этого союза.

Однако при очевидных расхождениях в планах союзников это соглашение в 70-х годах XIX в. было тем стержнем в мировой политике, вокруг которого строились взаимоотношения государств Европы и Азии.

Берлинский кабинет, считая, что сближение с Россией развязывает ему руки против Франции, пытался спровоцировать германо-французский конфликт. С этой целью в немецкой печати появились статьи, обвинявшие Францию в подготовке новой войны против Германии. В июне 1873 г. французское правительство обратилось в Петербург, Лондон, Вену с сообщением о подготовке нападения Германии на Францию и с просьбой о помощи. Сообщение вызвало единодушный протест европейских государств, опасавшихся дальнейшего усиления Германии. Берлин должен был отступить. Но в 1875 г. правительство Бисмарка вновь попыталось спровоцировать военный конфликт с Францией. Воспользовавшись тем, что в феврале 1875 г. Тюильрийский кабинет принял закон об увеличении численности французской армии, германское правительство вновь подняло кампанию, направленную против Франции. Россия и Англия заняли твердую позицию, совместно выступив в защиту Франции. На заключительном этапе германо-французского конфликта, получившего в истории название «военная тревога», в мае 1875 г. в Берлин в сопровождении Горчакова прибыл Александр II. Понимая, что авантюра Германии провалилась, Бисмарк заверил русское правительство в мирных намерениях его правительства. Франция при содействии России и Англии была спасена от вторжения Германии.

Хотя после «военной тревоги» Союз трех императоров продолжал существовать, в русско-германских отношениях росли недоверие и отчужденность. Восточный кризис 70-х годов XIX в. выявил глубину противоречий в Союзе трех императоров.

3. РОССИЯ И ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 70-Х ГОДОВ. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 ГГ.

ЦЕЛИ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ. ПОЛОЖЕНИЕ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ В СОСТАВЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ. После отмены нейтрализации Черного моря в 1871 г. Россия довольно успешно восстанавливала свое влияние на Балканах. Свою задачу русское правительство ограничило охраной подступов к Константинополю путем политического и экономического проникновения на Балканы. Освоение южных районов России, расширение внешней торговли делали Босфор и Дарданеллы одной из центральных коммерческих магистралей.

К 70-м годам XIX в. усилилась зависимость Османской империи от западноевропейского, преимущественно английского, капитала, что вызывало недовольство политикой султанского правительства в самой Турции. Усилились противоречия между ведущими державами Европы в борьбе за раздел мира. Небывалого размаха достигло национально-освободительное движение против турецкого ига. Все это сказывалось на состоянии Османской империи, ускоряя ее упадок.

В городах Болгарии, Сербии, Боснии, Герцеговины возникали революционные комитеты, осуществлявшие руководство национальным движением, предпринимались усилия по объединению славянских народов для борьбы с турецкой неволей.

Порта, используя противоречия европейских держав на Ближнем Востоке, не провела обещанные еще в 50-е годы XIX в. реформы по уравнению положения христиан с мусульманами. Христиане по-прежнему не имели прав на земельную собственность; они не призывались в армию, но были обязаны платить специальный налог (бедель) за освобождение от военной службы. В 1873 г. султан издал несколько постановлений, ограничивавших доступ христиан в Боснии и Герцеговине к образованию. Указы, урезывавшие автономию христиан — босняков и герцеговинцев, вызвали брожение в этих провинциях. Порта, в свою очередь, перешла к арестам христиан, обвиненных в заговоре. В 1874—1875 гг. турецкое правительство усилило экономическое наступление на христиан. Оно увеличило налоги с населения, не посчитавшись с неурожаями этих лет. Сборщики податей, прибегая к репрессиям и к помощи войска, выколачивали налоги у жителей Боснии и Герцеговины. Это и послужило непосредственным толчком к восстанию.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА БАЛКАНАХ. ПОЛИТИКА РОССИИ И ГОСУДАРСТВ ЗАПАДА. Национальное движение, начавшееся весной 1875 г. в Герцеговине и Боснии, вскоре охватило провинции Османской империи на Балканах и приобрело международное значение.

Русское правительство, получив в июне 1875 г. сообщение о событиях на Балканах, попыталось дипломатическими средствами урегулировать разразившийся кризис. Действуя в согласии с другими государствами, прежде всего с союзниками по коалиции трех императоров — с Австрией и Германией, русское правительство рассчитывало примирить Порту и восставших. Оно не хотело войны, ибо Россия не была к ней готова: реформы внутри страны требовали больших материальных затрат; перевооружение армии не закончилось; в стране усиливалось народническое и рабочее движение.

Однако и в этот период в отличие от других государств, предлагавших ограничиться лишь реформами в восставших провинциях Турции, Россия отстаивала введение автономии, хотя и вынуждена была идти на уступки своим союзникам.

30 декабря 1875 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши от имени трех держав — России, Германии и Австро-Венгрии — передал султану программу реформ для балканских народов. Три правительства предлагали султану ввести свободу вероисповедания для христиан, ликвидировать откупную систему взимания налогов; улучшить положение сельского населения; расходовать взимаемые с населения Боснии и Герцеговины прямые налоги только на нужды этих областей. Но в ноте не содержалось статей, которые гарантировали бы выполнение этих условий, что воспринималось восставшими как сохранение прежнего господства Турции и поэтому было ими отвергнуто. Порта также отказалась принять эту программу целиком. В частности, она не согласилась с пунктом о расходовании средств, собираемых с населения Боснии и Герцеговины на нужды края.

Правительства Европы не были единодушны, что облегчало султану возможность чинить расправу над восставшими. Англия, не доверяя России, уклонялась от активного участия в общеевропейских переговорах. Германия, формально действуя в Союзе трех императоров, интересовалась не столько событиями на Ближнем Востоке, сколько европейскими делами. Австро-Венгрия, мало заботясь о судьбе восставших, стремилась осуществить руководящую роль на Балканах. Русское правительство, единственное, которое желало потушить разгоревшееся пламя конфликта и оказать помощь восставшим, не имело сколько-нибудь определенного плана действий.

Среди политических деятелей России велись споры о тактике и выборе союзников. Наследник престола (будущий император Александр III) и посол в Константинополе Н. П. Игнатьев стояли за активные действия

на Востоке. Игнатьев был противником союза с Австро-Венгрией и предлагал разрешить конфликт двусторонними русско-турецкими переговорами. А. М. Горчаков и министр финансов М. Х. Рейтерн, боясь повторения «крымской ситуации», не решались порвать с Союзом трех императоров. Царь также стоял за дипломатическое урегулирование конфликта.

Все слои русского общества выступали за действенную помощь славянам, порицали жестокие методы турецкого управления, которые привели к восстанию, призывали порвать с Союзом трех императоров, прежде всего с Австро-Венгрией, противницей славянства. Народническая пресса на первом этапе восточного кризиса оценила движение на Балканах как «настоящую социально-революционную борьбу» и считала целесообразным направить туда революционеров для оказания помощи восставшим, выступая за полную свободу балканских народов как от турецкой, так и от всякой другой зависимости. Следует отметить, что на протяжении всего XIX в. давление русской общественности на политику правительства не было столь внушительным, как во время восточного кризиса 70-х годов XIX в.

Другим важным фактором, влиявшим на политику русского правительства, был характер национального движения в целом, и в частности апрельского восстания 1876 г. в Болгарии. Это восстание по своей организованности и масштабности было наиболее внушительным по сравнению с другими выступлениями балканских народов. Русская общественность немедленно откликнулась на восстание, справедливо усматривая его причины в национальном и социальном гнете со стороны османов. Апрельское восстание придало новые силы освободительному движению в других провинциях.

В этих условиях русское правительство вновь попыталось решить восточный вопрос с помощью своих союзников. Этой цели служила встреча в Берлине, в результате которой в мае 1876 г. между Россией, Германией и Австро-Венгрией был подписан Берлинский меморандум. По этому документу три державы соглашались оказать давление на Порту, чтобы побудить ее приступить к выполнению данных ею Европе обязательств еще в 1856 г. Три правительства предлагали султану приостановить на два месяца военные действия и начать переговоры с делегатами от Боснии и Герцеговины на основании пожеланий последних.

Меморандум был частичным повторением предложений, содержавшихся в декабрьской ноте 1875 г. Но в нем имелись и существенные отличия, внесенные по настоянию России: в ноте реформы лишь декларировались и не содержалось гарантии их проведения. В Берлинском же меморандуме указывалось, что, если бы срок перемирия истек до достижения «намеченной цели», три державы подкрепили бы свои дипломатические шаги принятием «действенных мер» для пресечения зла. Сопоставление ноты 1875 г. с Берлинским меморандумом говорит о том, что в 1876 г. Россия хотя и действовала в рамках Союза трех императоров, но выступала более активно, нежели в начале кризиса. Меморандум поддержали Франция и Италия, но отвергла Англия под тем предлогом, что он затрагивал «престиж султана». За этой «заботой» о суверенных правах султана стояло желание сохранить господствующее положение Великобритании в Османской империи. По мере углубления национально-освободительного движения на Балканах более примирительной по отношению к Порте становилась политика государств Запада и более действенной — помощь России балканским народам.

Собрав силы, османское правительство жестоко подавило восстание в Болгарии. Зверства османов были беспримерными: они вырезали стариков, женщин, детей, сжигали селения и посевы. Жестокое подавление болгарского восстания вызвало возмущение всей европейской общественности. С критикой протурецкой линии Лондонского кабинета выступила английская общественность. Поддержку восставшим оказывало все население России, славянофильские круги возглавили сбор пожертвований в пользу восставших. На Балканы направлялись русские добровольцы — солдаты, офицеры, медсестры, врачи, в их числе Н. В. Склифосовский, С. П. Боткин, писатель Г. И. Успенский, художники В. Д. Поленов, К. Е. Маковский и многие другие. Поток заявлений был столь велик, что «вербовочные присутствия», созданные при славянских комитетах, отправляли прежде всего лиц, имевших военную подготовку. В сборе средств участвовали такие видные общественные деятели, как критик В. В. Стасов, скульптор М. М. Антокольский; с публичными лекциями, деньги от

которых шли на нужды восставших, выступали ученые И. И. Мечников, Д. И. Менделеев и др.

В июне 1876 г. войну Турции объявили Сербия и Черногория; во главе сербской армии стал русский генерал М. Г. Черняев, добровольно отправившийся на Балканы.

Видя реальную опасность войны с Турцией, царское правительство стремилось избежать изоляции. С этой целью оно предложило австро-венгерскому кабинету новую встречу, которая состоялась в чешском городе Рейхштадте в июне 1876 г. Смысл рейхштадтских тайных переговоров сводился к рассмотрению возможных вариантов исхода войны Турции с балканскими народами и к выработке совместных действий в каждом из предполагаемых случаев. При победе восставших Болгария, Босния и Герцеговина получали автономию; территория Сербии, Черногории и Греции увеличивалась. Оба правительства обязывались не содействовать образованию большого славянского государства. Россия получала Южную Бессарабию, отторгнутую от нее в результате Крымской войны. Австро-Венгрия по русской записи соглашения приобретала часть турецкой Хорватии и некоторые пограничные с ней области Боснии (по австро-венгерской записи — Боснию и Герцеговину) в качестве компенсации за согласие на расширение территории славянских княжеств. В случае победы Турции над балканскими народами договаривавшиеся стороны обязывались потребовать от нее введения такого устройства для Боснии и Герцеговины, которое содержалось в ноте 1875 г. и в Берлинском меморандуме, при сохранении прежних границ и аналогичного устройства для других европейских областей Османской империи.

Впервые в Рейхштадте австро-венгерское правительство официально заявило о своих претензиях на территорию Турции. Петербургский кабинет, желая сохранить Союз трех императоров и помешать австро-английскому сговору, слухи о котором распространились в Европе, был вынужден согласиться с территориальными притязаниями Австро-Венгрии. С лета 1876 г. военное министерство России начало готовиться к войне.

В начале октября 1876 г. император Александр II провел в Ливадии несколько совещаний по вопросам, связанным с обстановкой на Балканах. В итоге обсуждения было принято решение о самостоятельных действиях России на Балканах, о необходимости создания болгарского ополчения, во главе которого предлагалось поставить русского генерала Н. Г. Столетова. Русскому послу в Турции Н. П. Игнатьеву предлагалось добиваться согласия султана на созыв конференции в Константинополе, а в случае отказа — порвать дипломатические отношения и начать войну немедленно. Такое категорическое решение было связано с сообщениями о поражении сербской армии и об угрозе взятия турками Белграда.

19 (31) октября 1876 г. русское правительство в ультимативной форме потребовало от Порты в течение 48 часов заключить с Сербией шестинедельное или двухмесячное перемирие, угрожая в противном случае войной. Султан принял условия России и согласился на созыв Константинопольской конференции. Ультиматум России спас сербскую армию от разгрома.

В конце ноября — начале декабря 1876 г. в Константинополе в здании русского посольства проходили заседания европейских делегаций по выработке условий соглашения с Турцией. По этим условиям Сербия сохраняла прежнюю автономию; Черногория получала небольшие территориальные уступки; Босния и Герцеговина объединялись в одну область, Болгария делилась на две части — восточную со столицей в Тырнове и западную со столицей в Софии.

11 декабря 1876 г., когда проект соглашения был принят европейскими державами-гарантами, на заседания конференции был приглашен турецкий делегат, которому был вручен проект будущего договора Порты с балканскими княжествами. Но пушечный залп, неожиданный для большинства делегатов, известил об обнародовании султаном конституции, утверждавшей равенство христиан с мусульманами. Провозглашенные в конституции права граждан — всеобщее равенство перед законом — формально делали излишней работу конференции, направленной на защиту прав восставших. Однако еще в течение месяца велись переговоры в Константинополе о гарантии со стороны султана в проведении обещанных им реформ. Порта, уверенная в своей силе и поддержке Англии, отказалась принять рекомендации европейских государств.

Война становилась неизбежной. Чтобы не допустить образования враждебной России

коалиции, Петербургский кабинет еще раз обратился к Австро-Венгрии, добиваясь ее нейтралитета в будущей войне. После длительных переговоров в Будапеште 3 (15) января 1877 г. была подписана тайная русско-австрийская конвенция, по которой Австро-Венгрия обязывалась соблюдать по отношению к России позицию благожелательного нейтралитета и «парализовать» путем дипломатического воздействия попытки вмешательства других держав в случае русско-турецкой войны. Это условие Будапештской конвенции имело важное значение не только для России, но и для балканских народов, так как предоставляло известные гарантии от враждебного вмешательства правительств Запада.

Однако и после подписания русско-австрийского секретного соглашения русское правительство не отказалось от поисков дипломатических путей разрешения конфликта. В результате новых переговоров с государствами Европы в Лондоне 19 (31) марта 1877 г. был подписан протокол, в котором Порте рекомендовалось провести реформы, предложенные участниками Константинопольской конференции (1876). К протоколу была приложена декларация русского правительства, в которой говорилось, что если Турция прекратит военные действия и приступит на деле к проведению реформ, то Россия начнет переговоры с турецкими уполномоченными о разоружении обеих сторон. Султан отверг Лондонский протокол, расценив его как вмешательство в дела Османской империи. Он отдал распоряжение призвать на действительную службу из запаса около 120 тыс. человек, перевести эскадру из Мраморного моря в Босфор, увеличить ассигнования на нужды армии. Это был уже прямой вызов.

12 (24) апреля 1877 г. в ставке русского командования в городе Кишиневе Александр II подписал манифест о войне с Османской империей.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА. СИЛЫ И ПЛАНЫ СТОРОН. Как уже отмечалось, царское правительство стремилось избежать войны. Военные преобразования, начатые в 60-х годах, не были завершены. Армия, с 1874 г. формировавшаяся на началах всеобщей воинской повинности, еще не имела большого обученного резерва. Стрелковое вооружение лишь на одну треть отвечало современным образцам. Высший командный состав не был подготовлен к новым условиям войны, отличался косностью взглядов и консерватизмом. Главнокомандующий русской Дунайской армией великий князь Николай Николаевич (старший), самоуверенный, не имевший военного опыта человек, и начальник Генерального штаба армии близкий к Николаю Николаевичу генерал А. А. Непокойчицкий, не способный к оперативной работе, противились введению тактики рассыпного строя, развитию инициативы солдат и офицеров, настаивали на сохранении прежнего линейного и сомкнутого строя. Однако в русской армии имелось немало офицеров, понимавших необходимость серьезных военных преобразований, — это военный министр Д. А. Милютин, генералы М. И. Драгомиров, И. В. Гурко, М. Д. Скобелев, Н. Г. Столетов, Ф. Ф. Радецкий и др. Они стояли за переход к маневренности и рассыпному строю, за самостоятельность действий солдат в бою, добивались высокой подготовки офицерского состава.

Перестройка армии велась в ходе самой войны, при упорном сопротивлении генералитета николаевской школы. Русский солдат, как всегда, отличался стойкостью, выносливостью, инициативой. Известный русский врач С. П. Боткин, находившийся в действующей армии на Балканах, писал: «Ведь надо ближе посмотреть на русского солдата, чтобы со злостью относиться к тем, которые не умеют руководить им. Ты видишь в нем и силу, и смысл, и покорность. Всякая неудача должна позором ложиться на тех, которые не сумели пользоваться этой силой; вглядываясь в наших военных, особенно старших, так редко встречаешь человека со специальными сведениями, любящего свое постоянное дело».

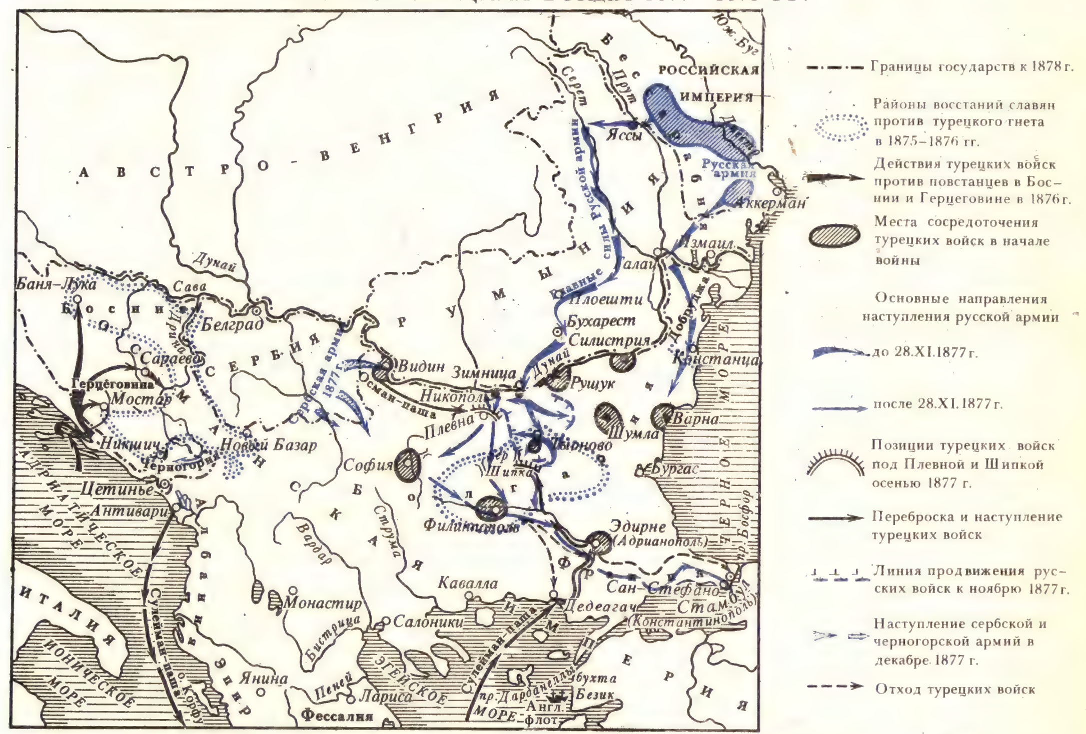
Турецкая армия, по большей части обученная английскими офицерами, была оснащена новейшим стрелковым оружием, превосходившим русское по скорострельности и дальнобойности прицельного огня, но турецкая артиллерия оказалась слабее русской. Уровень боевой подготовки турецких солдат и офицеров был низким. Турецкая армия, не готовая к наступательным операциям, предпочитала оборонительные действия. Русский флот, по численности уступавший турецкому, имел мины, которых не было у турок, что позволяло уничтожать корабли противника.

По плану русского командования, война предполагалась наступательная и быстрая,

чтобы предупредить опасность вмешательства Англии и Австро-Венгрии. Кроме того, ее затяжка грозила усилить революционное движение в стране. Русско-турецкая война, которую народ воспринимал как войну за освобождение славян, была популярна в России. При успешном ее завершении русское правительство надеялось утвердить свое влияние на Востоке, ослабить внутреннее недовольство политикой самодержавия. Балканские народы с большой надеждой встретили

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ. Военные действия развернулись одновременно на двух театрах — Балканском и Закавказском: из 450 тыс. войск турецкой армии 338 тыс. находилось на Балканах и около 70 тыс. — в Малой Азии; русское командование свыше 250 тыс. направило на Балканы и 55 тыс. — на Кавказ. Россия начала войну без союзников: Сербия, потерпев военное поражение, в феврале 1877 г. заключила мир с Турцией; Румыния вступила в войну после провозгла-

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 ГГ.

сообщение об объявлении Россией войны Турции, видя в ней избавление от османского гнета.

По плану Порты, составленному накануне разрыва дипломатических отношений с Россией, предполагалось завлечь русских в глубь страны, а затем дать им генеральное сражение. При любом исходе турецкое командование рассчитывало не пропустить русскую армию далее линии Рущук — Шумла — Варна — Силистрия. Этот план строился на системе оборонительных крепостей в расчете на изматывание сил противника и на поддержку правительств Запада.

шения своей независимости в мае 1877 г. (эту акцию румынского правительства признала лишь Россия).

Перейдя реку Прут, русские войска вступили на территорию Румынии. В мае—июне 1877 г. русская армия, совместно с болгарскими ополченцами, преодолевая сильный огонь неприятеля между Зимницей (на левом берегу) и Систовом (на правом), форсировала Дунай. Это была трудная и блестяще проведенная операция. При переправе через Дунай особенно отличились солдаты и офицеры под командованием генералов Драгомирова и Радецкого.

После форсирования Дуная русские войска были разделены на три отряда. Отряд молодого генерала И. В. Гурко вместе с болгарскими добровольцами (15 тыс. человек) получил самое сложное задание — перейти Балканы и зайти в тыл турецкой армии в районе Адрианополя. Отряд генерала Н. П. Криденера должен был занять города Никополь, Плевну, обеспечив правый фланг всей армии. Самому многочисленному Рущукскому отряду под командованием наследника престола Александра Александровича следовало овладеть крепостью Рущук и обеспечить левый фланг. Такое расположение войск рассредоточивало силы армии на значительной территории, более половины их находилось на флангах, а для наступательных действий оставался один отряд Гурко, который должен был перейти Балканы и нанести удар по Адрианополю. Выполняя план командования, Гурко овладел древней столицей Болгарии городом Тырново, после чего предстоял труднейший переход через Балканы, требовавший упорства и мужества солдат. «Местность, по которой приходилось лазить стрелкам, — писал участник похода Чичагов, — крутые в 30° подъемы, страшная жара, отсутствие воды, карабканье по глыбам камней делали путь неимоверно трудным».

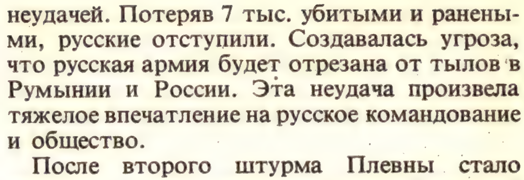

В июле 1877 г. через Хаинкиойский перевал отряд Гурко преодолел Балканы и намеревался атаковать Шипку с юга, в то время как другие части армии должны были подойти к Шипке с севера. Шипка имела исключительное значение в ходе военных действий: она связывала Северную Болгарию с Южной, через Шипку шел кратчайший путь к Адрианополю. Кроме того, Шипкинский перевал был удобен для прохода войск с артиллерией.

Боясь окружения, турки без боя очистили Шипку (июль 1877 г.). Оставив небольшой отряд на Шипке, Гурко направил свои основные силы к югу от нее, к Эски-Загру (ныне Стара-Загора), где находилась турецкая армия. Противник, воспользовавшись численным превосходством, пытался отбросить русских и болгар за Балканы. В этом сражении, как и в последующих боях, болгарские ополченцы показали себя бесстрашными воинами, преданными своей Родине. В приказе в связи с боями за Эски-Загру Гурко писал о болгарских добровольцах: «Вся русская армия может гордиться вами... Вы ядро будущей болгарской армии. Пройдут года и эта будущая болгарская армия с гордостью скажет: «Мы потомки славных защитников Эски-Загры».

Но силы были неравны. Русская армия в пять раз уступала армии противника по численности. В этих условиях русские и болгары, оставив ряд городов в Южной Болгарии, были вынуждены отойти на север, к Шипке. Вместе с армией, боясь насилия османов, отступало и болгарское население. Тем временем к Шипке двигалась 27-тысячная армия Сулеймана-паши, которой противостоял русско-болгарский отряд в 5 тыс. человек. Несмотря на пятикратное превосходство в силах, османам не удалось окружить противника и овладеть Шипкой. Подошедшая на помощь героям-шипкинцам осенью 1877 г. стрелковая бригада и дивизия Драгомирова заставила турок отступить на южные склоны

Шипкинского перевала. Началось так называемое зимнее «сидение» русских и болгарских воинов на Шипке, показавшее их мужество, стойкость и самоотверженность. В буран и стужу, замерзая в окопах из льда и снега, герои-солдаты защищали эту ключевую позицию. Оборона Шипки преградила путь туркам в Северную Болгарию, предотвратила истребление болгарского населения османами. Оборона Шипки помогла завершению боев, начатых летом 1877 г. за Плевну, и в дальнейшем — переходу через Балканы.

неудачей. Потеряв 7 тыс. убитыми и ранеными, русские отступили. Создавалась угроза, что русская армия будет отрезана от тылов в Румынии и России. Эта неудача произвела тяжелое впечатление на русское командование и общество.

После второго штурма Плевны стало очевидно, что основные силы Дунайской армии не могут немедленно перейти Балканы для поддержки отряда Гурко, как планировалось ранее. Получив подкрепление из России и достигнув договоренности с румынским

М. Д. Скобелев. Литография. 1877

Геройское отражение турок в Шипкинском проходе. *П. Шарапов.* Литография. 1877

И. В. Гурко. Литография. 1877

Встреча русских войск с болгарами в Тырново. *Д. И. Руднев.* Литография. 1877

БОРЬБА ЗА ПЛЕВНУ. Западная армия генерала Криденера после занятия Никополя направилась к Плевне — мощному укреплению, куда сходились пути от Рущука, Систова, Софии, Ловчи. Отсюда шел путь на Шипкинский перевал. Плевна, расположенная у реки Гривица, на холмах, пересеченных оврагами, была удобна для обороны и не выгодна для наступления.

К Плевне быстрым маршем подходил отряд талантливого турецкого военачальника, боевого генерала Османа-паши. Медлительность Криденера турки использовали для укрепления крепости и подтягивания новых сил. Русская разведка была поставлена плохо, сведений о численности турецкой армии не поступало. Первое столкновение одной из группировок Криденера (9 тыс.) с турками (15 тыс.) 8 (20) июля 1877 г. закончилось поражением русских. Не разобравшись в обстановке и не сделав необходимых приготовлений к новому бою, 18 (30) июля Криденер вновь атаковал Плевну своими основными силами, направив главный удар на восточные и юго-восточные укрепления города, хотя крепость была слабее защищена с юга и запада. Эта вторая атака также закончилась

князем Карлом, русское командование решило штурмовать Плевну в третий раз. Наступление было приурочено к 30 августа (11 сентября) — дню именин Александра II. Вместе с русскими в боях участвовали румынские части. Объединенная русско-румынская армия насчитывала 84,1 тыс. (из них 52,1 русских и 32 тыс. румын) и 424 орудия; у турок было 32,4 тыс. человек и 70 орудий. Общее командование в третьем штурме Плевны осуществляли румынский князь Карол (Карл) Гогенцоллерн и русский генерал П. Д. Зотов. Русско-румынское командование решило сначала подвергнуть бомбардировке позиции турок, а затем начинать штурм. Но артиллерии не удалось расстроить оборону противника. Некоторые успехи были достигнуты румынским войском перед укреплением турок у Гривицы.

В боях за крепость отличился генерал М. Д. Скобелев, человек большой храбрости и боевого опыта. Его войска, сражавшиеся на левом фланге, действуя энергично и стремительно, прорвались на южные окраины Плевны, но, не получив поддержки других частей, были вынуждены отойти на прежние позиции.

Неудача третьего штурма Плевны вызвала растерянность в русском генеральном штабе, высказывались даже предложения об отступлении за Дунай. По настоянию военного министра Д. А. Милютина было принято решение об изменении тактики: от штурма крепости перейти к ее блокаде. Из Петербурга был вызван генерал Э. И. Тотлебен, известный своим инженерным мастерством еще по обороне Севастополя. Активные военные действия были прекращены. Русские, румынские и болгарские солдаты приступили к рытью новых и укреплению старых окопов; кольцо окружения противника постепенно сжималось. В результате таких действий удалось отрезать пути подхода турецких подкреплений к Плевне. Армия Османа-паши начала голодать. Полному окружению турок в Плевне помогли успешные бои за города и селения, лежавшие на пути из Плевны в Софию. В этих сражениях снова проявил себя генерал И. В. Гурко, использовавший новую тактику: рассыпной строй, артиллерию, поощрявший инициативу и находчивость солдат.

В ходе войны командиры николаевской школы вынуждены были отказаться от старых методов ведения боя: лобовых атак, наступления колоннами, передвижения парадным шагом. Маневренность, тесная взаимосвязь частей, артиллерия постепенно завоевали признание генералитета.

В результате побед русских и болгар при Горном Дубнике и Телеше турецкое командование перешло к обороне Балканских перевалов и, по существу, прекратило попытки прорваться к осажденным. В конце ноября 1877 г. Осман-паша решил выбраться из осады и прорвать кольцо. В исходе боя турки были отброшены русско-румынскими соединениями. После этой последней неудачи Осман-паша отдал приказ о капитуляции. 10 (23) декабря 1877 г. свыше 40 тыс. солдат и офицеров сдались в плен союзным армиям.

Бои за Плевну показали высокий боевой дух русских, румынских и болгарских воинов, преимущества новой тактики ведения боя. Во время боев за Плевну русская и румынская армии потеряли до 40 тыс. воинов, османы — до 20 тыс. лучшей армии с ее военачальником Османом-пашой.

Взятие Плевны было решающей победой в ходе войны, с воодушевлением и надеждой ее восприняли балканские народы.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ БАЛКАНЫ. Против Турции вновь выступили Сербия и Черногория, ранее прекратившие активные военные действия. Попытка султана заключить сепаратный мир с балканскими народами и использовать их для борьбы с Россией потерпела провал.

Для закрепления успеха и окончания войны русское командование приняло решение перейти Балканы зимой. Дальнейшая задержка могла повлиять на престиж самодержавия, усилить внутреннее брожение в стране, активизировать враждебные действия правительств Запада. Решение о быстрейшем завершении войны вызывалось также трудностями, связанными со снабжением армии, недостаточно организованной санитарной службой, болезнями.

Переход через покрытые снегом балканские перевалы, обороняемые турками, был невероятно труден. Переправа производилась тремя группами. Генерал Гурко по Арабакскому перевалу двигался к Софии и Адрианополю. Сильная гололедица мешала движению, особенно тяжелому при спуске; ветер и снег слепили глаза, одежда леденела. Помогали поддержка и участие местного населения: болгары служили проводниками, разведчиками, расчищали дороги, снабжали продовольствием. 4 (16) января 1878 г. русская армия и болгарские ополченцы вступили в Софию.

Другая группировка под командованием генерала П. Н. Карцова переходила Балканы через Троянский перевал, войска Ф. Ф. Радецкого — в районе Шипки, где у деревни Шейново находилась 30-тысячная армия Вессель-паши. Здесь были сосредоточены войска генералов Ф. Ф. Радецкого, М. Д. Скобелева, П. Д. Святополка-Мирского и болгарские ополченцы. В жестоких боях за Шипку и Шейново русские взяли в плен почти всю турецкую армию Вессель-паши. Территория Болгарии была освобождена от захватчиков. В сражениях под Шипкой и Шейново погибло 5000 русских и болгарских солдат. Кроме того, во время обороны Шипки от морозов, голода и болезней умерло свыше 10 тыс. солдат. Величественный памятник на Шипке, сооруженный Россией и Болгарией, стал символом русско-болгарской дружбы.

Успешные действия русских и болгарских войск у Софии, на Шипке, позволили начать широкое наступление по всему фронту. В начале января 1878 г. Гурко разбил турок под

Филиппополем (город Пловдив); 8 (20) января армия Скобелева заняла Адрианополь.

КАВКАЗСКИЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. На Кавказском фронте действия русских войск были успешными. В мае 1877 г. при активной помощи населения Кавказа были взяты крепости Ардаган и Баязет, в конце августа — город Сухуми. Абхазия была очищена от войск неприятеля. С осени началась подготовка к штурму Карса, первоклассной крепости в Малой Азии. 18 (30) ноября 1877 г. после ночного штурма крепость пала. В сражении за город отличились русские и кавказские офицеры и солдаты. Дагестанский полк, участвовавший в боях, получил за взятие Карса Георгиевское знамя.

ПЕРЕМИРИЕ. Успехи России вызвали тревогу у государств Запада. В Лондоне усилились военные приготовления; английский флот был готов войти в Дарданеллы. Но султан, опасаясь, что действия англичан приведут к захвату русскими Константинополя, отказал Лондону в его просьбе войти английскому флоту в проливы. В турецкой армии росло дезертирство; усилились разногласия в турецком правительстве; ширилось национально-освободительное движение на Балканах. В этих условиях султан был вынужден предложить Александру II прекратить военные действия и вступить в переговоры.

Враждебная позиция правительств Запада заставила Петербургский кабинет — до полного разгрома османской армии — согласиться на подписание перемирия, а затем — прелиминарного договора с Портой. Перемирие было подписано в Адрианополе 19 (31) января 1878 г. По его условиям Болгария объявлялась автономным княжеством; Румыния, Сербия, Черногория, ранее получившие автономию, становились независимыми; Босния и Герцеговина провозглашались автономными областями. Россия за потери, понесенные в ходе войны, должна была получить либо контрибуцию, либо территориальное возмещение. О формах этого возмещения предполагалось договориться особо.

Условия перемирия вызвали протест ряда правительств. Австро-Венгрия заявила о нарушении условий Рейхштадтской и Будапештской конвенций, Англия усмотрела в условиях перемирия посягательства на Парижский договор и целостность Турции. Однако «заботы» о целостности Османской империи не мешали Великобритании расширить свою экспансию в районе Суэцкого канала, претендовать на территорию Египта, Кипра. В 70-х годах XIX в. Англия отказалась от политики статус-кво и разработала программу по разделу Турции. Составными ее частями были захват Египта и Кипра.

1 (13) февраля 1878 г. английские корабли вошли в Мраморное море и остановились у Принцевых островов. Австро-Венгрия произвела мобилизацию войск в Карпатах. Россия в ответ на появление английских кораблей в Дарданеллах направила свои войска к Константинополю.

САН-СТЕФАНСКИЙ ДОГОВОР. БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС. 19 февраля (3 марта) 1878 г. в местечке Сан-Стефано, в 12 км от столицы Османской империи, был подписан прелиминарный русско-турецкий договор, сформулировавший новую программу России в балканском вопросе. В отличие от прежних планов русского правительства, предусматривавших автономию балканских народов, в Сан-Стефано было выдвинуто требование их независимости. Согласно договору, Сербия, Черногория и Румыния освобождались от вассальной зависимости от Турции и получали независимость. Болгария становилась автономным княжеством. Ее связи с Портой ограничивались уплатой дани. Турецкие войска очищали ее земли, а турецкие крепости срывались. Для наблюдения за исполнением Турцией договора в княжество сроком на два года (до образования нового правительства) вводились русские войска в количестве 50 тыс. человек. Порта обязывалась провести реформы в Боснии и Герцеговине и в других землях, входивших в состав Турции, а также срыть турецкие крепости, расположенные по Дунаю. России возвращалась Южная Бессарабия, отторгнутая по условиям Парижского договора, которая вновь становилась придунайским княжеством. Румынии отходила Добруджа. Другая группа вопросов касалась изменений в Малой Азии. Там Россия получала города: Ардаган, Карс, Баязет, Батум и территорию до Саганлука. Включение этих земель в состав России содействовало торговому и промышленному развитию Закавказья и имело стратегическое значение. Кроме того, оно было известной гарантией для армян и других народов от вторжения полчищ башибузуков.

В результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. многие балканские народы по-

БАЛКАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА 1878 Г.

лучили независимость; народы, оставшиеся в составе Турции, получали ряд прав и для них открывались возможности экономического и культурного развития. Условия договора представляли несомненные выгоды для России. Они укрепляли русское влияние на Востоке, подорванное Крымской войной.

Особое значение при подготовке проекта договора русское правительство придавало созданию «Самоуправляющего княжества Болгарии с христианским правительством и земским войском, князь которого избирался населением Болгарии, утверждался Портой с согласия европейских держав». Выработка статута нового княжества должна была проводиться под наблюдением русского комиссара, что давало возможность влиять на политику болгарского княжества, ближе других расположенного к Константинополю и проливам.

После подписания Сан-Стефанского договора восточный кризис вступил в свою последнюю, заключительную стадию. Западноевропейские правительства выразили протест против условий Сан-Стефано. Особенно они негодовали по поводу создания княжества Болгарии с выходами в Черное и Эгейское моря. Англия и Австро-Венгрия не признали договора, считая его нарушением условий Парижского договора. Они потребовали созыва конгресса для обсуждения всех статей прелиминария.

В Дарданеллы направились новые английские корабли якобы для оказания помощи султану. Глава Лондонского кабинета Биконсфилд выступил в палате лордов с призывом оккупировать английскими войсками Кипр, рассматривая его как ключ к Азии. Не примирившись с поражением, разделяла воинственные настроения Лондона и Турция.

Перед Россией встала реальная угроза новой войны, к которой она не была готова. Экономические и военные ресурсы страны истощились; нарастало революционное движение — в России назревала новая революционная ситуация (1879—1881). Русское правительство было вынуждено согласиться на созыв общеевропейского конгресса. Местом его избрали Берлин, столицу государства, глава которого — Бисмарк — внешне не проявлял заинтересованности в делах Востока. Он словесно заявлял о своей роли «честного маклера».

До открытия конгресса русское правительство стремилось дипломатическими средствами расколоть англо-австрийский блок и предотвратить изоляцию России. С этой целью оно пошло на сепаратные переговоры с наиболее опасными противниками — Австро-Венгрией и Англией. Переговоры в Вене не дали положительных результатов. В Лондоне они (ценой уступок со стороны России) закончились подписанием 18 (30) мая 1878 г. секретного англо-русского соглашения. Первые его статьи касались Болгарии. Петербургский кабинет был вынужден согласиться на предложение Лондона о разделе Болгарии на Северную и Южную; Северная Болгария получала самостоятельное управление, Южная Болгария — административную автономию, губернатора из христиан, избираемого с согласия европейских правительств. В Анатолии (Малой Азии) Россия уступала Турции Баязет и Алашкерскую долину.

Английское правительство выступало в переговорах с Россией в роли «защитника» Порты и требовало от султана компенсации за это. Речь шла об острове Кипр — важной стратегической базе и транзитном центре Восточного Средиземноморья. Оккупация Кипра вела к укреплению позиций Великобритании в Азиатской Турции, на путях к Египту и Персидскому заливу и в то же время ослабляла влияние России в Малой Азии. Осуществить оккупацию Кипра Англия стремилась с согласия султана. С этой целью Лондонский кабинет предложил Порте подписать тайную англо-турецкую конвенцию, содержание которой сводилось к защите якобы владений Турции от захвата Россией. За эту «помощь» султан передавал Кипр Англии. 4 (16) июня 1878 г. конвенция, получившая в истории название Кипрской, была подписана. Вслед за этим соглашением 6 (18) июня 1878 г. Англия заключила союз с Австро-Венгрией, суть которого сводилась к совместным действиям двух держав в болгарском вопросе и к поддержке Англией планов Австро-Венгрии, стремившейся к оккупации Боснии и Герцеговины. Английская дипломатия торжествовала победу. Она привязала к колеснице своей политики не только Турцию и Австрию, но и Россию.

13 (25) июня 1878 г. в Берлине под председательством Бисмарка открылся конгресс, в работе которого участвовали государства, подписавшие Парижский трактат 1856 г. Цель конгресса для правительств Запада сводилась к тому, чтобы приумень-

шить значение победы России в русско-турецкой войне и утвердить собственное влияние на Ближнем Востоке. Одновременно с этим они добивались ослабления вновь созданных славянских государств на Балканах, прежде всего Болгарии.

С первых дней работы конгресса обнаружилась полная изоляция России. Великобритания, вопреки условиям англо-русского соглашения, возглавила антирусский блок государств. Лондон поддерживал притязания Австро-Венгрии на территорию Боснии и Герцеговины, ее планы по вытеснению России с Балкан. Бисмарк, лишь на словах выступая посредником между англо-австрийским блоком и Россией, фактически помогал Лондону и Вене. Франция, не проявлявшая после франко-прусской войны большого интереса к восточному вопросу, на конгрессе поддерживала Англию и Австро-Венгрию. Опасаясь за свои капиталы в Турции, она, по существу, не желала самостоятельности балканских государств.

Вопросом, вызвавшим наибольшую полемику, был болгарский. Речь шла не только о границе, но и о политическом статусе обеих частей Болгарии. Уменьшение территории и прав Болгарского княжества влекло за собой усиление англо-австрийского влияния и ослабление влияния России. Предложения русской делегации (Россию представляли министр иностранных дел А. М. Горчаков и посол в Лондоне П. А. Шувалов) о предоставлении широких автономных прав не только Северной, но и Южной Болгарии были отвергнуты Западной Европой и Портой. Оказавшись в изоляции, опасаясь возможной войны с объединенной Европой и Турцией в условиях революционного брожения в стране, русская делегация на конгрессе была бессильна отстоять условия Сан-Стефанского договора.

13 (25) июля 1878 г., спустя месяц после начала работы конгресса, был подписан Берлинский трактат, главные решения которого оставались в силе до балканских войн 1912—1913 гг. Конгресс в ущерб России и южным славянам изменил условия Сан-Стефанского договора. Но основное его решение подтвердилось: оставались в силе статьи о независимости Румынии, Сербии, Черногории.

Болгария по Балканскому хребту делилась на две части — северную и южную. Северная была признана вассальным от Турции княжеством со своим правительством, национальной армией, но ее территория сокращалась на $^2/_3$. Срок пребывания русской армии на территории Болгарии сокращался с 2 лет до 9 месяцев. Южная Болгария под названием «Восточная Румелия» объявлялась автономной турецкой провинцией с губернатором из христиан, назначаемым султаном. Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину (срок оккупации не указывался), держать там войска и строить железные дороги. Она становилась фактическим хозяином западной части Балканского полуострова. Вопрос о судоходстве по Дунаю также был решен в пользу Австро-Венгрии, которой поручалось руководство торговлей по этой реке. Румыния, получив дельту Дуная и Добруджу, также попала в зависимость от Австро-Венгрии.

Западным державам удалось изменить решения Сан-Стефанского прелиминария и в отношении азиатских владений Османской империи. Добившись возвращения Турции Баязета, Англия укрепляла свои пути на Средний Восток. За это «содействие» Порте султан согласился на оккупацию Великобританией острова Кипр. Хотя Батум оставался за Россией, он объявлялся «порто-франко» (свободным для беспошлинной торговли портом), что ограничивало преимущества, получаемые от владения этим черноморским портом. Россия получала также крепости Карс и Ардаган. Но проходы через Соганлукский хребет, ведущие к Эрзеруму, переходили к Турции, что затрудняло продвижение к Босфору через территорию Малой Азии.

Основные экономические и политические выгоды от частичного раздела Турции получали Англия и Австро-Венгрия. Оккупация Кипра ставила под контроль Англии ее владения в Средиземноморье; захват Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и ее контроль над судоходством по Дунаю предоставляли ей большие преимущества на Балканах.

Берлинский конгресс явился победой англо-австрийского блока, осуществленной не без содействия Германии. Однако его постановления не удовлетворяли ни победителей, ни побежденных. Общественное мнение России было недовольно решениями конгресса. Договор не удовлетворял и Порту. Позиции на Балканах были ею утрачены. Балканские народы, даже те, которые получили независимость, высказывали неудовлетворенность со-

кращением их территории и ограничением прав сравнительно с прелиминариями. Англия и Австро-Венгрия, хотя они и выиграли дипломатическое «сражение» с Россией, не чувствовали себя хозяевами Востока. Оккупация Англией Кипра, Австро-Венгрией — Боснии и Герцеговины свидетельствовала об отходе этих государств от принципа статус-кво. Эти захваты лишали Лондон и Вену того широкого доверия, которое они раньше имели у султана. Вне «критики» со стороны турецкого правительства оставалась одна Германия. Словесными заявлениями о незаинтересованности в делах Востока и посреднической ролью, которую играл Бисмарк на конгрессе, германское правительство приобрело большое влияние на политику Порты.

Решения Берлинского конгресса обостряли австро-русские противоречия на Балканах, показали шаткость Союза трех императоров и ускорили германо-австрийское сближение, наметившееся еще после франко-прусской войны.

Однако антирусская и антиславянская деятельность представителей Англии, Австро-Венгрии и Турции на конгрессе не могла зачеркнуть положительного значения войны для балканских народов. Русско-турецкая война завершила национально-освободительную борьбу этих народов их освобождением от турецкой тирании. Для населения, еще остававшегося под властью османов, были открыты пути для достижения независимости. По своим объективным результатам процессы, происходившие в 70-е годы XIX в. на Балканах, были равнозначны буржуазно-демократической революции. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая)... были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества»[1].

Балканские народы чтут память тех, кто своей кровью отстаивал их свободу. Ежегодно 19 февраля (3 марта) (день подписания Сан-Стефанского договора) болгарский народ празднует годовщину освобождения своей страны от турецкой неволи. Величественные памятники на Шипке, в Плевне, в Москве, названия улиц, площадей и бульваров, народные предания — свидетельства братской близости народов России и балканских народов.

4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ в 80—90-Е ГОДЫ XIX В

ПОЛИТИКА РОССИИ И ГОСУДАРСТВ ЗАПАДА В ЕВРОПЕ. Русско-турецкая война выявила остроту противоречий в Союзе трех императоров. Она ускорила складывание германо-австрийского союза, что в свою очередь способствовало русско-французскому сближению.

На Берлинском конгрессе Бисмарк, содействуя укреплению позиций Австро-Венгрии на Балканах, ускорял таким путем свое проникновение на Восток, что представляло опасность и для России, и для Франции. Заверения Бисмарка о незаинтересованности Германии в восточном вопросе активизировали политику Австро-Венгрии на Востоке, отвлекали ее от европейских дел, предоставляя Германии свободу действий, и способствовали австро-германскому сближению.

В октябре 1879 г. в итоге переговоров канцлера Бисмарка с министром иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши в Вене был подписан германо-австрийский договор, направленный против России и Франции. Австро-германский союз положил начало складыванию нового военного блока. Это заставляло Францию и Россию начать пересмотр своей внешнеполитической позиции.

Однако, подписав соглашение с Австро-Венгрией и опасаясь русско-французского сближения, Германия пыталась сохранить договорные отношения с Россией. Союз трех императоров продолжал существовать.

В русском правительстве в конце 70-х — начале 80-х годов не было единой внешнеполитической концепции. Сменивший в 1882 г. А. М. Горчакова на посту министра иностранных дел Н. К. Гирс не обладал широтой взглядов и способностями своего предшественника. Хотя он и не проводил самостоятельного курса, однако склонялся к мнению о необходимости сближения с Германией.

Новый император Александр III, обладавший, по собственному утверждению, «нескладным умом», не разделял прогерманских настроений своего министра. Но вера в силу монархического принципа в Германии и

---
[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

Австрии в известной степени примиряла его с правительствами этих стран. За союз с Германией кроме правительственных лиц стояли помещичьи круги, находившие сбыт своим сельскохозяйственным товарам в Германии, часть предпринимателей и петербургская знать.

Торгово-промышленная буржуазия, связанная с Европой через южные порты страны, тяготела к союзу с Францией. Из государственных и общественных деятелей России за сближение с Францией выступали военный министр Д. А. Милютин, посол в Турции Н. П. Игнатьев, публицист М. Н. Катков, начальник Генерального штаба Н. Н. Обручев и др.

Однако русское правительство в эти годы еще не думало о союзе с Францией. Зависимость Франции от Англии, ее позиция на Берлинском конгрессе заставляли Петербургский кабинет придерживаться выжидательной тактики. Путем сохранения Союза трех императоров Петербургский кабинет надеялся удержать Австро-Венгрию и Англию от агрессивных действий на Балканах, направленных против России.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЮЗА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ. По вышеуказанным соображениям русское правительство приняло предложение Бисмарка о восстановлении Союза трех императоров. В итоге переговоров в Берлине 18 (30) июня 1881 г. представители России, Германии и Австро-Венгрии подписали русско-прусско-австрийский договор о нейтралитете (соглашение 1873 г. носило консультативный характер). Согласно его условиям, союзные государства были обязаны соблюдать нейтралитет в случае, если одно из них окажется в состоянии войны с четвертой державой. Договаривавшиеся стороны брали на себя обязательство следить за тем, чтобы Турция соблюдала принципы закрытия проливов. Эта статья имела особую важность для России, поскольку давала ей некоторую гарантию от вторжения английского флота в Черное море.

Текст соглашения свидетельствует о том, что главный вопрос, заставивший Россию идти на подписание нового договора, был восточный, в частности вопрос о проливах. Для Австро-Венгрии смысл соглашения заключался в подтверждении ее прав на Боснию и Герцеговину. Германия договором с Россией стремилась избежать русско-французского единства, что в известной степени обеспечивалось статьей о нейтралитете России в случае германо-французской войны. Разные цели, взаимное недоверие между договаривавшимися сторонами свидетельствовали о непрочности соглашения.

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ (1882). В конце 70—80-х годов начался переход промышленного капитализма в его завершающую стадию — империализм. В. И. Ленин отмечал, что «период предельного развития капитализма домонополистического, капитализма с преобладанием свободной конкуренции, приходится на 1860 и 1870 годы», после чего начинается «громадный «подъем» колониальных захватов, обостряется в чрезвычайной степени борьба за территориальный раздел мира»[1].

Первыми начали эту борьбу два старых капиталистических государства — Англия и Франция, постепенно уступавшие свои позиции Германии. В 1878 г. Англия оккупирует Кипр, в 1882 г. — Египет. В результате англо-афганской войны 1878—1880 гг. Великобритания осуществляет фактический протекторат над Афганистаном. В те же годы Франция устанавливает протекторат над Тунисом, предпринимает экспедиции на Мадагаскар, в Тонкин. Италия, претендовавшая на Тунис, ищет «покровительства» Германии, которая охотно идет на сближение с ней. Подогревая франко-итальянский антагонизм, Германия надеется использовать Италию в будущей войне с Францией.

Германо-итальянское сближение, основанное на взаимном соперничестве с Францией, было закреплено австро-итальянскими переговорами, начатыми по инициативе Рима. Австро-Венгрия приняла предложение Италии о союзе, надеясь привлечь последнюю на свою сторону в случае войны с Россией. 20 мая 1882 г. в Вене был подписан тайный военный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, получивший название Тройственного союза. Договаривавшиеся стороны обязывались не участвовать в союзах против одной из них. Германия и Австро-Венгрия обязывались оказать военную помощь Италии в случае нападения на нее Франции, а Италия со своей стороны должна была помогать Германии при нападении на нее Франции. В случае нападения на одного из

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 375.

союзников двух или нескольких держав участники соглашения обязывались оказывать ей военную помощь.

Тройственный союз, направленный прежде всего против Франции, обострял обстановку в мире и являлся победой Германии. Он исключал возможность франко-итальянского союза в случае германо-французской войны, открывал путь для немецких товаров и капиталов в Италию. Тройственный союз не ликвидировал австро-германского соглашения; он существовал также параллельно с Союзом трех императоров. Во всех этих соглашениях руководящая роль принадлежала Германии. Договоры 70—80-х годов XIX в. закрепляли ее гегемонию в Европе и способствовали созданию германской колониальной системы.

В 1884 г., по истечении трехлетнего срока договора трех императоров, Берлинский кабинет предложил русскому правительству продолжить его еще на три года. 15 (27) марта 1884 г. между Россией, Австро-Венгрией и Германией в Берлине было подписано новое соглашение, повторившее основные статьи договора 1881 г. Главная причина, побудившая Россию продлить Союз трех императоров, заключалась в надежде ограничить активные действия Австро-Венгрии на Балканах, а также поддержать единство союзников по проблемам Африки и Средней Азии как противовес английской колониальной экспансии. Однако противоречия по балканским проблемам этот договор не снял. Единственным, что объединяло эти государства, являлась борьба с революционным движением.

ПОЛИТИКА РОССИИ НА БАЛКАНАХ В 80-е ГОДЫ XIX в. Расчленение Болгарии в результате решения Берлинского конгресса не уничтожило у болгар надежду на объединение. В 1879 г. в бывшей столице Болгарского княжества — городе Велико-Тырнове — Народное собрание провозгласило демократическую конституцию, предоставившую болгарам свободу слова, собраний, собственности. Князем Северной Болгарии был назначен 22-летний немецкий принц Александр Баттенберг, племянник русской императрицы Марии Александровны. Через него царизм рассчитывал оказывать влияние на политику болгарского правительства. Однако князь стремился освободиться как от контроля России, так и от конституционного ограничения своей власти. В своей политике он ориентировался на государства Запада, прежде всего на Австро-Венгрию и Германию. Опираясь на консервативные круги внутри Болгарии и Австро-Венгрии и воспользовавшись убийством Александра II в России, князь в 1881 г. распустил Народное собрание и изменил конституцию. В стране была ограничена свобода слова и собраний, установлен ценз при выборах в парламент. Болгары отождествляли действия Баттенберга с политикой русского правительства; влияние России в стране заметно упало.

Ориентацию князя на страны Западной Европы поддерживала часть болгарской буржуазии, находившаяся в зависимости от австрийского капитала. В руках последнего сосредоточивались ключевые позиции в промышленности и железнодорожном строительстве Болгарии. В австро-русской борьбе за влияние на Балканах Австро-Венгрия победила также в Сербии и Румынии, правительства которых также начали ориентироваться на Австро-Венгрию и Германию.

БОЛГАРСКИЙ КРИЗИС 1885—1886 ГГ. В 1883 г. Александр Баттенберг в связи с ростом недовольства в Болгарии его политикой восстановил Тырновскую конституцию. Однако это лишь на время стабилизировало обстановку в стране. Население Болгарии стремилось к объединению, тем более что Порта, надеясь на поддержку Австро-Венгрии, Англии и Германии, не выполняла условий Берлинского договора относительно Южной Болгарии (Восточной Румелии). Население этой провинции было лишено свободы слова, собраний, петиций; оно не имело права по своему усмотрению решать хозяйственные дела.

В сентябре 1885 г. в столице Восточной Румелии — городе Филиппополе вспыхнуло восстание, направленное против политики Порты и местной администрации. Правительство турецкого губернатора было свергнуто и провозглашено объединение Болгарии во главе с Александром Баттенбергом.

Петербургский кабинет, плохо осведомленный о событиях в Болгарии, считал это движение личной инициативой князя. Узнав о восстании в Болгарии 1885 г., царское правительство, придерживаясь решений Берлинского конгресса, рекомендовало русским представителям в этой стране не принимать участия в нем, а болгарскому военному

министру М. А. Кантакузену — оставаться в Болгарии, но не как военному министру, а в качестве дипломата при русском дипломатическом агентстве.

Между тем западные державы, которые настаивали во время Берлинского конгресса на расчленении Болгарии, спустя 7 лет, в 1885 г., когда влияние России на Балканах было ослаблено, признали объединение Болгарии.

Порта, усмотрев в сентябрьских событиях 1885 г. нарушение условий Берлинского трактата, готовилась к вводу своих войск в Восточную Румелию. Россия, желая ослабить конфликт, предложила созыв конференции по обсуждению событий в Болгарии. По настоянию Англии в начале 1886 г. Турция вступила в прямые переговоры с Болгарией. Английские дипломаты, пользуясь своим влиянием на султана, убедили последнего не вводить турецкие войска в Румелию и подписать соглашение с Александром Баттенбергом. Порта вынуждена была отступить. По болгаро-турецкому договору, подписанному в феврале 1886 г., Порта признавала объединение обеих частей Болгарии. Болгарский князь утверждался султаном в качестве генерал-губернатора Восточной Румелии сроком на 5 лет. Обе стороны обязывались договариваться о совместных действиях в случае «покушения извне на их территории». В результате этого соглашения Болгария выходила из-под контроля России и становилась союзницей Турции. Оно укрепило в Болгарии, в ущерб России, австро-английское влияние.

В августе 1886 г. группой болгарских офицеров был совершен государственный переворот, в результате которого А. Баттенберг подписал отречение от престола и покинул страну. Царская дипломатия не смогла восстановить утраченные позиции в Болгарии — русско-болгарские дипломатические отношения были временно прерваны. В 1887 г. новым князем Болгарии стал ставленник Австро-Венгрии и Германии Фердинанд Кобургский (с 1908 по 1918 г. — царь Болгарии).

В правящих кругах Болгарии укрепилась австро-германская ориентация.

Однако болгарский народ никогда не забывал, что именно Россия добилась широкой автономии и независимости для болгар и тем самым создала условия для объединения Болгарии.

УХУДШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ГЕРМАНИЕЙ И АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ. Болгарские события резко обострили русско-австрийские и германо-русские отношения. Союз трех императоров в ходе болгарского кризиса был скомпрометирован. Австро-Венгрия заняла открыто антирусскую позицию. В правящих кругах России выявились различные мнения по вопросу о союзниках, что нашло отражение и в прессе. «Московские ведомости», руководимые М. Н. Катковым, в частности, предлагали не связывать себя больше «оковами Союза трех императоров», а поддерживать добрые отношения с Францией. Император Александр III, военные круги, руководимые начальником Генерального штаба Н. Н. Обручевым, Н. П. Игнатьев, М. Н. Катков, К. П. Победоносцев были враждебно настроены к Германии и настаивали на изменении внешнеполитического курса. Н. К. Гирс, товарищ министра иностранных дел В. Н. Ламздорф, помещичьи круги, которые вели торговлю через Балтийское море, еще пытались сохранить союзные отношения с Германией. На короткое время Гирсу удалось убедить Александра III в целесообразности двусторонних русско-германских переговоров (без Австрии), которые были начаты в 1887 г. по истечении трехлетнего срока подписания Союза трех императоров.

В итоге переговоров в Берлине в июне 1887 г. был подписан русско-германский договор, получивший название «перестраховочного». По статье первой обе державы обязывались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны одной из них с третьей державой. Но это правило не касалось войны против Австрии или Франции. Германия не гарантировала свой нейтралитет при нападении России на Австрию, а Россия — в случае нападения Германии на Францию. Важное место в договоре занимал восточный вопрос. Германия по второй его статье признавала права, приобретенные Россией по Берлинскому трактату на Балканском полуострове, особенно в Болгарии. Обе державы обязывались сохранить статус-кво на Балканах. По третьей статье договора союзники признавали старый принцип закрытия проливов. Как показали дальнейшие события, Германия не придавала практического значения подписанному с Россией соглашению. Главное его назначение, с точки зрения Бисмарка, — помешать русско-французскому сближению. Договор 1887 г. не рассеял ни политических,

ни экономических противоречий двух стран.

Известно, что Германия была вторым после Англии импортером русского хлеба. Новые повышенные пошлины на сельскохозяйственные товары, введенные Германией в 1885 и 1887 гг., вызвали недовольство русских помещиков. В свою очередь, протекционистские тарифы России, по которым вводились высокие пошлины на промышленные изделия, привели к сокращению доли немецких товаров на русском рынке. Вслед за этим германское правительство закрыло берлинские банки для русских биржевиков.

В 1890 г. русско-германский договор, подписанный в 1887 г. по инициативе Германии, не был возобновлен.

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО СОЮЗА (1891—1894). Ухудшение русско-германских и австро-русских отношений, угроза нападения Германии на Францию способствовали русско-французскому сближению. Для обеих стран имели важное значение также противоречия с Англией. В болгарском вопросе Франция в отличие от Англии заняла благожелательную по отношению к России позицию. Она, как и Россия, не признала Ф. Кобургского болгарским князем и отказалась принять болгарскую делегацию, прибывшую в Париж в январе 1887 г.

Помимо политических мотивов, определивших русско-французское сближение, важное значение имели причины экономические. Французские капиталы находили широкое распространение внутри Российского государства. Основной областью приложения французских капиталов была горно-металлургическая промышленность. В 1887 г. русское правительство получило первые займы в Париже. В дальнейшем Франция сделалась главным кредитором России. Все эти разные по своей значимости факторы способствовали русско-французскому сближению.

Толчком к заключению русско-французского союза послужило возобновление в мае 1891 г. Тройственного австро-германо-итальянского союза. Сознание «общей опасности», угрожавшей как России, так и Франции, ускорило русско-французское сближение. В том же году оба правительства вступили в непосредственные переговоры о заключении союза.

Важным этапом в развитии контактов двух стран был визит французской эскадры в Кронштадт в июле 1891 г. На торжественной встрече эскадры присутствовал император Александр III, стоя выслушавший «Марсельезу» — революционную песню, ставшую гимном Франции. Об этом факте много писали в Европе. Французские моряки с большими почестями и дружелюбием были встречены в Петербурге и Москве. Русская и французская печать, широко освещавшая эту встречу, рассматривала ее как свидетельство близости двух государств, «нуждающихся в поддержке друг друга».

Одновременно с визитом в Кронштадт продолжались переговоры, начатые в Париже начальниками генеральных штабов двух государств Н. Н. Обручевым и генералом Буадефром, о заключении военной конвенции. Дипломатами России и Франции обсуждались вопросы, связанные с подписанием политического соглашения. После обсуждения текста соглашения ему была придана форма обмена письмами между министром иностранных дел России Гирсом и министром иностранных дел Франции Рибо, чем объяснялось название этого секретного документа — «Соглашение Гирса — Рибо», датированного 15 (27) августа 1891 г. В нем содержалось указание на договоренность о совместных действиях сторон в случае, если одна из них окажется под угрозой нападения. Это соглашение явилось первым документом, установившим основы будущего русско-французского союза, направленного против держав Тройственного союза. Непосредственным продолжением политического соглашения 1891 г. была подписанная в Петербурге в 1892 г. начальниками генеральных штабов двух государств военная конвенция. Инициатива ее заключения принадлежала французам, стремившимся получить от России конкретные обязательства о помощи в возможной войне с Германией. По конвенции, в случае если Франция будет атакована Германией или Италией, поддержанной Германией, Россия выступит против Германии. Если Россия будет атакована Германией или Австрией, поддержанной Германией, то Франция выступит против Германии. В случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из держав, входивших в ее состав, Россия и Франция должны были одновременно мобилизовать свои силы. Франция обязывалась направить против Германии 1300 тыс. солдат, Россия — 700—800 тыс., чтобы заставить Германию воевать на два

фронта — на западе и востоке. Конвенция носила секретный характер, а срок ее действия определялся временем существования Тройственного союза. 5 (17) августа 1892 г. военную конвенцию подписали начальники генеральных штабов России и Франции.

В октябре 1893 г. в Тулон с ответным визитом прибыла русская эскадра. Прием, оказанный русским морякам в Тулоне, Лионе, Марселе, внимание и радушие, с которыми Франция встречала посланцев России, были проявлением искреннего расположения французского народа к русскому. Память об этих встречах по сей день хранят десятки французских и русских музеев.

Визиты французских и русских военных кораблей продемонстрировали складывание новых отношений между двумя государствами.

27 декабря 1893 г. (8 января 1894 г.) — 4 (16 января) 1894 г. состоялся обмен письмами между Гирсом и французским послом в Петербурге Монтебелло, в результате которого военная конвенция приобрела обязательный характер. Ее ратификация завершила оформление русско-французского союза, который должен был стать противовесом Тройственному союзу и восстановить «равновесие в Европе».

Заключением русско-французского союза завершился целый этап в развитии международных отношений в Европе, начавшийся франко-прусской войной.

К концу XIX в. в Европе сложились два военных блока капиталистических государств.

ГЛАВА 15 ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

1. СРЕДНЯЯ АЗИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX В.

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ. В XIX в. на территории Средней Азии (до присоединения к России) сложилось три государства — Кокандское и Хивинское ханства и Бухарский эмират. Кроме того, здесь жили не создавшие своей государственности туркменские племена. Кокандское ханство, население которого составляло 2,5 млн. человек, объединяло узбеков, таджиков, киргизов. В начале XIX в. Коканд овладел самым крупным городом Средней Азии — Ташкентом с 80-тысячным населением, который до того был самостоятельным городом-государством.

К юго-западу от Кокандского ханства располагался Бухарский эмират, поддерживавший дружественные отношения с Россией. Население государства составляло около 2 млн. человек различных национальностей. Здесь находился второй по величине город Средней Азии — Самарканд с 60 тыс. жителей. Столица эмирата Бухара одновременно являлась и религиозным центром мусульманства. Высшее мусульманское духовенство фактически осуществляло государственную власть в эмирате.

Горожане занимались преимущественно производством хлопчатобумажных и шелковых тканей, часть из которых шла на продажу.

Хивинское ханство, расположенное к северу от Бухары, по нижнему течению Амударьи, было небольшим государством со слаборазвитой городской жизнью; населявшие его узбеки, туркмены, каракалпаки (700—800 тыс. человек) занимались земледелием, которое здесь, как и всюду в Средней Азии, базировалось на искусственном орошении. Техника обработки почвы была низкой. Из сельскохозяйственных культур в ханстве выращивали пшеницу, ячмень, просо, кукурузу, рис. Небольшое место по площади посева отводилось хлопчатнику; сорта хлопка были низкими, он шел, по преимуществу, на выработку грубых тканей. В оазисах Средней Азии, где располагались города, занимались садоводством. Скотоводство наиболее было развито в районах горных и степных кочевий. В Бухарском эмирате и Хивинском ханстве широкое распространение получило каракулеводство.

В политическом отношении ханства были восточно-феодальными деспотиями, правители которых единолично распоряжались жизнью и собственностью своих подданных. До присоединения к России в Средней Азии существовало рабство, главным источником которого были войны и грабительские набеги.

Рабы трудились на полях и в садах. Их использовали также в домашнем хозяйстве. Господствующее положение в ханствах занимали крупные землевладельцы — военно-феодальная аристократия и высшее мусульманское духовенство. В Средней Азии господствовали феодальные общественные отношения, но с остатками патриархально-родового строя, особенно сильными у кочевых народов — туркмен, казахов, киргизов, каракалпаков. Земля делилась на государственную, частновладельческую и вакуфную (земли духовенства). Государственная земля находилась в руках хана, который давал ее в качестве вознаграждения или предоставлял на условии несения военной службы. За пользование государственной землей платилась подать, часто доходившая до половины урожая. Владельцы частновладельческой и вакуфной земли сдавали ее участками в аренду крестьянам на основе издольщины — за определенную часть урожая.

Значительное развитие в Средней Азии получило ремесло: вырабатывались шелковые, шерстяные, хлопчатобумажные ткани, металлические изделия.

Выступая на европейских рынках как аграрное государство, Россия на рынки Средней Азии поставляла промышленные товары—металлические изделия, сукна, сахар, табак, кожу. Из Средней Азии в Россию шли шерсть, хлопок-сырец, скот, козий пух, фрукты. До конца XIX в. вывоз из Средней Азии в Россию значительно превышал ввоз туда русских изделий. Наиболее оживленными были русско-бухарские торговые связи. В 1857 г. из Бухары в Россию было привезено товаров на сумму 927 737 руб., а из Хивы — на 175 289 руб. За этот же год Россия вывезла в Бухару товаров на сумму 661 580 руб., в Хиву — на 23 053 руб.

Развитию промышленности, сельского хозяйства и торговли в Средней Азии препятствовали ее оторванность от мирового рынка, феодальная раздробленность, беспрерывные войны и междоусобные распри, во время которых сжигались селения, истреблялось или уводилось в плен население, разрушались оросительные каналы. Развитию русско-азиатской торговли, помимо названных причин, мешала также политика ханов и беков, направленная на дискриминацию русских купцов, плативших двойную и четверную сравнительно с купцами-мусульманами пошлину. Постоянных дипломатических отношений между Россией и среднеазиатскими ханствами не существовало.

РУССКО-АНГЛИЙСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В СРЕДНЕЙ АЗИИ. К середине XIX в. Средняя Азия становится ареной острой политической и экономической борьбы между Россией и Англией.

В XVIII — первой половине XIX в. народы Северного Казахстана добровольно вошли в состав России, что вызвало войну с Кокандским ханством, ранее владевшим этой территорией. Летом 1853 г. войска оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского разбили отряды кокандцев и овладели крепостью Ак-Мечеть (ныне Кзыл-Орда). По берегам Сырдарьи были воздвигнуты укрепления — так называемая Сырдарьинская военная линия. Одновременно с этим русские войска двигались в Среднюю Азию со стороны Семипалатинска. В 1854 г. на реке Алма-Ата был построен город Верный (ныне Алма-Ата), а от Семипалатинска до города Верного — так называемая Сибирская линия.

В те же годы усилилось давление на Среднюю Азию со стороны Англии. Ее владения в Северо-Западной Индии подходили к границам Средней Азии. Английские промышленные товары заполняли рынки Хивы, Бухары, Коканда, Ирана, Афганистана, что отрицательно влияло на развитие местной промышленности и русско-азиатской торговли. Средняя Азия имела для Англии не только экономическое, но и военно-стратегическое значение.

В борьбе с Россией за господство в Средней Азии Англия использовала Турцию, Афганистан, Иран. При материальной поддержке Лондона в Среднюю Азию направлялись турецкие агенты. В годы Крымской войны они открыто призывали среднеазиатских ханов к войне с Россией. Нападение 12-тысячного отряда кокандцев на укрепление «Перовский» было непосредственным результатом их действий. Неудача этого нападения рассматривалась русским правительством как поражение Англии и Турции в Средней Азии. Но эта неудача не остановила Англию. Используя противоречия между среднеазиатскими ханствами, Афганистаном и Ираном по территориальным вопросам, Англия в 1855 г. вынудила Афганистан подписать англо-афганский договор о взаимном уважении владений, что делало ее полновластным распорядителем судьбы Афганского эмирата.

В 1856 г. Англия под предлогом «защиты» Афганистана начала войну с Ираном, закончившуюся ее победой. В результате англо-иранского договора 1857 г. Англия стала посредником в конфликтах Афганистана с его соседом Ираном. Этот договор облегчал ее вмешательство во внутренние дела стран Среднего Востока. В сложившейся обстановке Россия, заинтересованная в привлечении на свою сторону Ирана, отказалась от части контрибуции, которую должна была получить согласно условиям Туркманчайского договора 1828 г.

Экономическая и политическая активность Англии на Среднем Востоке, а также потребность развивающегося капитализма в новых рынках заставляли царское правительство усилить внимание к среднеазиатским ханствам. К концу 50-х — началу 60-х годов XIX в. относятся многочисленные статьи в печати, публицистические работы, проекты, в которых проводилась мысль о выгодах русско-азиатской торговли.

ТРИ РУССКИЕ МИССИИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ. С целью изучения Средней Азии и поисков путей ослабления там английского влияния в 1858 г. на Средний Восток направляются три миссии: в Восточный Иран (Хорасан) и Герат — научная миссия под руководством ученого-востоковеда Н. В. Ханыкова, в Хиву и Бухару — дипломатическое посольство полковника Н. П. Игнатьева, в Восточный Туркестан (Кашгар) — с торговыми целями поручик Ч. Ч. Валиханов. Все три миссии при их различном официальном значении решали общую задачу — изучение политического и экономического положения государств Среднего Востока.

Н. В. Ханыкову были поручены сбор сведений о политическом состоянии Ирана и Афганистана.

«Россия не может оставатья безразличной к положению в Центральной Азии, — писал Горчаков.—Она хочет сохранить статус-кво или чтобы оно не было нарушено в пользу английского влияния». Исходя из этой задачи, было выбрано и время экспедиции: вскоре после окончания англо-иранской войны и в ходе восстания в Индии, направленного против Англии. Министерство иностранных дел предписывало Н. В. Ханыкову добиться разрешения у афганского эмира посетить Кабул и убедить его в целесообразности для интересов Афганистана сближения с Россией. Более определенно формулировалась задача в отношении Ирана, правительство которого после поражения в англо-иранской войне 1856—1857 гг. нуждалось в поддержке России. Но Петербургский кабинет, строивший после Крымской войны свою политику на решении международных конфликтов дипломатическими средствами, предписывал Ханыкову убедить шаха соблюдать англо-иранский договор 1857 г., не вмешиваться во внутренние дела Афганистана, чтобы не вызвать осложнений на Востоке. Ханыкову следовало также посетить Герат и Кандагар и установить дружественные связи с их правительствами.

Перед экспедицией помимо политических задач стояли научные и торговые цели: сбор «сведений, до разных отраслей наук и торговли относящихся». Экспедицию субсидировали государство и русские предприниматели. В состав миссии входили географы, биологи, этнографы, историки, которым предстояло изучить средства сообщения в Хорасане, месторождения полезных ископаемых, флору и фауну, торговые пути и возможности для улучшения русско-иранской торговли. В начале 1858 г. члены экспедиции прибыли в Баку, затем в Астрабад, а далее, по приглашению иранского правительства, — в Тегеран. В столице Н. В. Ханыков был принят шахом и вел с ним переговоры по торговым и политическим вопросам. Из Ирана члены экспедиции направились в Герат, где изучали природные условия Гератского оазиса, возможности торговли с Гератом, жизнь местного населения. В Герате, как и в Иране, членам миссии «были оказаны должные почести и предупредительное гостеприимство». Основные поручения правительства, связанные с выяснением возможностей расширения торговли России с Ираном и Гератом и путей укрепления русского влияния на эти страны, были выполнены.

Неудача постигла Ханыкова в Афганистане. Афганский эмир отказался принять Ханыкова под тем предлогом, что появление русского представителя «встревожило бы Англию».

В конце 1859 г. члены миссии возвратились в Петербург. Материалы, собранные ею, помогли правительству в выработке общего курса политики на Востоке. Кроме того, экспедиция принесла пользу и для науки: были изучены география края, экономическое состояние и возможности торговли России с государствами Среднего Востока.

Особое значение придавало русское правительство миссии в Хиву и Бухару. Руководитель миссии полковник Н. П. Игнатьев, выполнявший ответственные поручения в Лондоне и Китае, а позже назначенный директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел и послом в Константинополе, был известен как инициативный дипломат, сторонник наступательных действий России на Востоке. В составе миссии были дипломаты, чиновники Оренбургского управления, военные, ученые. Перед ней стояли политические и экономические задачи. Игнатьеву предписывалось добиться от ханов Хивы и Бухары согласия на присутствие там постоянных торговых агентов от России для наблюдения за ходом торговли, отмены двойных пошлин на товары с купцов-христиан и установления единого пошлинного сбора (5% от цены товара). Миссия направлялась сначала в Хиву, а затем в Бухару. В Хиву направлялась также морская флотилия; ее суда должны были спуститься из Аральского моря в Амударью, нижнее течение которой находилось во владениях Хивинского ханства.

Одной из важных задач миссии было получение согласия хана Хивы на прохождение русских судов по Амударье. Принятие ханом этого условия давало право Игнатьеву пойти на уступки правителям Средней Азии в торговых делах: снять требование о снижении пошлин на русские товары, согласиться предоставить среднеазиатским купцам право торговать на всех ярмарках и в городах Российского государства.

Сухопутный состав миссии во главе с Н. П. Игнатьевым выехал из Оренбурга в мае 1858 г. Игнатьеву предписывалось не вмешиваться в междоусобные конфликты между Кокандом, Бухарой, Хивой и Афганистаном, не осложнять отношений с Англией. Продвижение русской миссии по территории Хивы и особенно подход морской флотилии к Амударье встревожили хана. Он отказался пропустить русские суда по Амударье далее Кунграда, несмотря на заверения Игнатьева о мирном характере миссии. Морская флотилия возвратилась в Аральское море.

Члены сухопутной миссии в июле 1858 г. прибыли в Хиву, где натолкнулись на недружелюбие и подозрительность окружения ханского двора. Предложения Н. П. Игнатьева по вопросу о плавании русских судов по Амударье были отвергнуты ханом. Первоначально он обещал подписать торговое соглашение, допустить пребывание торгового агента России в Хиве, снизить торговые пошлины на русские изделия, но затем отказался от своих обязательств и даже не дал Игнатьеву прощальной аудиенции.

В конце сентября 1858 г. миссия Игнатьева прибыла в Бухару, где была встречена более дружелюбно.

В решении торговых вопросов с бухарским эмиром была достигнута договоренность о предоставлении русским купцам складов, об уменьшении наполовину таможенного обложения русских товаров.

Помимо решения торговых вопросов перед Игнатьевым стояли политические задачи: выяснить позиции Англии и, если удастся, «расстроить планы англичан» в Бухаре. Игнатьев убедился в прочности экономических позиций Англии здесь и в большом влиянии Лондона на государства Средней Азии и Среднего Востока. Однако соперничество с Кокандом и Хивой, поддерживаемыми Англией, заставляло бухарского эмира внимательно прислушиваться к предложениям Игнатьева по установлению более тесных русско-бухарских отношений.

Семимесячное пребывание в Средней Азии дало возможность участникам экспедиции выяснить расстановку политических сил, характер управления, ознакомиться с экономикой края.

Одновременно с посольствами Н. В. Ханыкова и Н. П. Игнатьева в 1858 г. русское правительство направило в Кашгар (Восточный Туркестан) миссию поручика русской службы, казаха по национальности Ч. Ч. Валиханова для изучения путей сообщения с Кашгаром, сбора сведений об этом крае, а также для выяснения степени зависимости Кашгара от Англии. Между Кашгаром и Россией давно существовали торговые связи, но они были прерваны частыми войнами между Маньчжурской династией и Кокандом.

В конце мая 1858 г. члены экспедиции вместе со среднеазиатскими купцами выехали из Семипалатинска. Осенью экипаж прибыл в Кашгар, где купцы выгодно продали привезенные товары. Находясь в городе и его окрестностях, Валиханов знакомился с краем, с его экономическим и политическим положением. Он убедился в возможности установления непосредственных (без содействия Коканда) связей России с Кашгаром. Общение с учеными края позволило Валиханову при-

обрести уникальные восточные рукописи, коллекции горных пород, гербарии, нумизматическую коллекцию, а знакомство с местными купцами раскрыло торговые связи Кашгара с соседними странами. Кроме того, Валиханов убедился в прочности позиций Англии в крае. Материалы, собранные и обработанные Валихановым, позволили составить представление о внутреннем положении Кашгара, наметить пути установления торговых связей России с Восточным Туркестаном.

2. ПОЛИТИКА РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В 60—80-Е ГОДЫ XIX В.

МОТИВЫ ПРОДВИЖЕНИЯ РОССИИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ. Общая линия правительственной политики России второй половины XIX в., направленная на дипломатическое решение спорных вопросов, была характерна до середины 60-х годов XIX в. и в отношении среднеазиатских ханств. Экспедиция Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару привела к оживлению русско-бухарских и отчасти русско-хивинских торговых связей.

Иными были отношения с Кокандом. Хан, поддерживаемый Англией, усилил набеги на пограничные земли Казахстана, вошедшие в состав России. Оренбургский и западносибирский генерал-губернаторы и директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Н. П. Игнатьев предлагали правительству приступить к решительным действиям в Средней Азии, мотивируя необходимость «твердой политики» неизбежностью борьбы с Англией. Эту точку зрения поддерживали предприниматели и купцы, заинтересованные в освоении новых рынков. В письмах и докладных записках к царю они просили «создать условия» для деятельности купечества.

Однако только в середине 60-х годов царское правительство перешло к действиям в Средней Азии. Причины, побудившие правительство изменить тактику в среднеазиатском вопросе, носили политический и экономический характер. Стремление ослабить позиции Англии на Среднем и Ближнем Востоке, не позволить создать там блок государств, направленный против России, для 60—80-х годов XIX в. было важным фактором. С 90-х годов экономические стимулы в политике России стали ведущими.

Характерно, что на «демонстрацию в Средней Азии» русское правительство решилось в период обострения русско-английских отношений в связи с польским вопросом. В феврале 1863 г. состоялось заседание Особого комитета с участием оренбургского и западносибирского генерал-губернаторов, на котором было решено соединить Сибирскую и Сырдарьинскую военные линии. Выполнение этой операции, которой предстояло завершить объединение всего Казахстана в составе России, было назначено на 1864 г.

Начался новый этап в среднеазиатской политике русского самодержавия.

БОРЬБА С КОКАНДСКИМ ХАНСТВОМ. В 1864 г. русские войска выбили кокандские воинские части из городов Аулие-Аты, Туркестана, Чимкента и тем самым сомкнули Сырдарьинскую и Сибирскую линии. Не дождавшись распоряжений из Петербурга, местное командование во главе с генералом М. Г. Черняевым в конце сентября 1864 г. начало наступление на Ташкент. Первый бой за Ташкент был неудачным для царских войск. Черняев был вынужден отойти к Чимкенту. Однако в июне 1865 г. Черняев, назначенный генерал-губернатором вновь созданной Туркестанской области, воспользовавшись борьбой между Бухарой и Кокандом из-за Ташкента, без приказа Петербурга овладел городом (русские потеряли в этом сражении лишь 25 человек убитыми). Этому успеху способствовала, конечно, междоусобная борьба между ханствами, которая тяжело отражалась на положении населения и усиливала его тяготение к России. Летом 1866 г. правительственным указом Ташкент был присоединен к России.

РУССКО-БУХАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА. Борьбой кокандского хана с русскими войсками воспользовался бухарский эмир. Осенью 1865 г. он овладел Кокандом. Захват Коканда, столицы ханства, в которое ранее входил Ташкент, привел к военному столкновению с Бухарой. Русские отряды овладели Ходжентом (ныне Ленинабад), Джизаком, Ура-Тюбе и остановились недалеко от Самарканда, самого крупного города Бухарского ханства.

Присоединение новых территорий требовало решения вопроса об административном устройстве края. До середины 60-х годов XIX в. текущие дела по Средней Азии решал Оренбургский генерал-губернатор. Образование Туркестанской области в 1865 г. не изменило положения: ее военный губернатор подчинялся Оренбургскому генерал-губернатору. Громоздкость системы управления, пассивность чиновников Туркестанской области, ждавших инструкций из Оренбурга, дублирование, а иногда и противоречивость решений требовали изменения системы управления краем. Особая Комиссия, обсуждавшая этот вопрос, пришла к заключению о целесообразности отделения области от Оренбургского генерал-губернаторства и введения самостоятельного для нее управления.

В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте, включавшее две области — Сырдарьинскую и Семиреченскую (Южный Казахстан и Средняя Азия). Генерал-губернатором края был назначен крупный администратор, облеченный весьма широкими полномочиями в решении политических, военных и торговых вопросов в Средней Азии, — генерал К. П. Кауфман.

Ранее он участвовал в Кавказской войне, был Виленским, Ковенским, Гродненским генерал-губернатором, пользовался доверием Александра II и военного министерства.

Положение в Средней Азии требовало решительных действий.

Подстрекаемый мусульманским духовенством, в надежде на союз с Хивой, Кокандом и Турцией, бухарский эмир, несмотря на военные неудачи, не прекратил борьбы с Россией. Он начал «священную войну» (газават) с русскими.

Совершались нападения на сторожевые посты, что нередко сопровождалось убийством солдат. Царское командование, в свою очередь, наказывало виновных: разрушало кишлаки, уничтожало запасы продовольствия. Однако Хива, Коканд, Турция не видели необходимости в войне с Россией; султан советовал эмиру «быть в добрых отношениях с Россией». В апреле 1868 г. бухарские войска вышли на реку Зеравшан (район Самарканда). Военное столкновение на Зеравшане кончилось бегством бухарцев, что обострило борьбу в Самарканде между духовенством, требовавшим газавата, и торгово-промышленными кругами города, стоявшими за добровольное присоединение Самарканда к России.

Когда русские войска в начале мая 1868 г. подошли к городу, его ворота были открыты. Еще ранее, в марте 1868 г., между Кауфманом и кокандским ханом Худояром был подписан русско-кокандский торговый договор, вводивший равенство в таможенных обложениях товаров обоих государств. Русским купцам в ханстве и кокандским в России гарантировалось свободное пребывание в городах; русские торговые агенты получали право находиться в Коканде.

Вслед за присоединением Самарканда русская армия направилась к Бухаре. В июне 1868 г. бухарский эмир вынужден был подписать с Россией мирный договор, по которому признавалось включение городов Ходжента, Ура-Тюбе, Джизака в состав России. Русские подданные получали право свободной торговли и учреждения торговых агентств в ханстве. Эмир обязывался выплатить 500 тыс. руб. контрибуции.

В расчеты царского правительства не входила полная ликвидация независимости ханов Коканда и Бухары. С политической и финансовой точек зрения выгоднее было сохранить за ними внутреннюю автономию при фактическом подчинении России.

УТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ В РАЙОНЕ КРАСНОВОДСКА. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ХИВЫ. Присоединение к России части территории Средней Азии было использовано Англией для разжигания антирусской пропаганды вокруг мнимой «угрозы» Индии. Английские правящие круги, усиливая нажим на государства Центральной Азии, пытались вовлечь в антирусскую борьбу Иран и Афганистан. Они снабжали оружием и деньгами афганского эмира, поощряя его к насильственному подчинению туркменских племен. Царское правительство решило помешать осуществлению этих замыслов.

В ноябре 1869 г. русские войска под командованием генерала Н. Г. Столетова высадились в Красноводском заливе и овладели окружавшими залив землями, населенными туркменами. Из занятой войсками территории был образован Зеравшанский округ, включавший Самаркандский и Котта-Курганский отделы. Был заложен город Красноводск, ставший административным центром нового округа.

Военные и дипломатические победы России привлекли к Средней Азии внимание политических деятелей и купечества. В русских пери-

одических изданиях большое место стали занимать сообщения о торговом и стратегическом значении вновь присоединенных территорий. Обращалось внимание на необходимость «не идти на уступки Англии в вопросе об этих землях». Хотя территория, о которой высказывались эти суждения, никогда не входила в состав Ирана, шах пытался предъявить на нее свои права. В результате русско-иранских переговоров река Атрек была признана пограничной, разделявшей два государства.

Высадка военного отряда в Красноводском заливе была подготовительным этапом наступления на Хивинское ханство, правитель которого призывал население к борьбе с «белым царем». Хивинцы совершали нападения на русские торговые караваны, забирали в плен русских купцов, укрывали участников набегов, что обостряло русско-хивинские отношения. Туркестанский генерал-губернатор настаивал на открытии в Хиве торговых домов для русских купцов, требовал возвратить пленных, находившихся в Хиве, не собирать налога с казахов — подданных России. Но хивинский хан не шел ни на какие уступки.

В 1872—1873 гг. велись русско-английские переговоры по афганскому вопросу, в результате которых была достигнута договоренность о расширении территории Афганистана в сторону его северных границ. Оба правительства признавали «независимость» Афганистана, что закрепляло ведущую роль Великобритании в этой стране. Афганистан превращался в нейтральную зону, которую оба государства не должны были нарушать.

После завершения дипломатических переговоров с Англией русские войска под командованием Кауфмана в феврале 1873 г. начали наступление на Хиву. Несмотря на русско-английское соглашение, поход на Хиву вызвал активное противодействие Англии. По ее указке из Бомбея, Калькутты, Кашгара направлялись послы в Константинополь для организации совместных выступлений против России; английские эмиссары разжигали антирусские настроения в Афганистане, Иране и Турции.

Но усилия Лондона не дали результатов. Хивинское войско, плохо вооруженное и малочисленное, не могло оказать сколько-нибудь сильного сопротивления русской армии. В мае 1873 г. русские войска вошли в Хиву. В августе 1873 г. между Кауфманом и Хивинским ханом Мухаммедом-Рахимом II был подписан мирный договор, по которому хан, сохраняя внутреннюю автономию, признавал вассальную зависимость от России, отказывался от прямых внешнеполитических отношений с другими государствами. В ханстве ликвидировались рабство и работорговля, освобождались невольники, которых насчитывалось до 40 тыс. человек. Границей русских владений и Хивы объявлялась Амударья, правый берег которой переходил к России. На левом берегу реки хан обязывался предоставить русским территорию для устройства пристаней, торговых складов и обеспечить их безопасность. Русские купцы освобождались от выплаты торговых пошлин и получали доступ во все города и аулы ханства. Хива облагалась военной контрибуцией в размере 2200 тыс. руб., выплата которой распределялась на 20 лет.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ К РОССИИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА. Внутреннее брожение в ханстве, вызванное произволом местных властей, продолжалось и после подписания им договора 1868 г. с Россией.

В ханстве господствовали подкуп, взяточничество, жестокие методы выколачивания налогов. Случалось, что непослушных ханскому приказу забивали палками до смерти, живыми зарывали в землю. Участились случаи бегства кокандцев в Россию, особенно массовыми они были в Южной Киргизии. Русская администрация старалась не вмешиваться во внутренние дела ханства.

Недовольство народа политикой Худояр-хана использовали в своих интересах феодальная верхушка и духовенство. Хан был вынужден покинуть ханство. Феодально-клерикальные круги, посадив на престол сына Худояр-хана Насреддина, выдвинули требование о восстановлении прежних границ ханства.

Движение приобретало широкий размах, в нем участвовали крестьяне, оно охватило не только Ферганскую долину, но и территории, близкие к Ташкенту. Но позже под влиянием феодалов и духовенства в этом движении усиливались религиозно-националистические черты.

В августе 1875 г. русские войска выступили против кокандских отрядов, расположенных в пограничной с Туркестанским краем Коканд-

ской крепости Махрам. Кокандцы, не выдержав натиска русских войск, бежали. После этого русские без сопротивления вошли в Коканд, сохранив на престоле Насреддина.

В сентябре 1875 г. между кокандским ханом и генерал-губернатором Туркестана Кауфманом в городе Маргелане был подписан новый русско-кокандский договор, по которому сокращалась территория ханства за счет присоединения Наманганского бекства к Туркестанскому генерал-губернаторству. Хан обязывался выплатить военную контрибуцию и оплатить убытки русским подданным.

Однако и после подписания договора волнения в ханстве не прекращались. Местом сосредоточения недовольных, которыми руководило мусульманское духовенство, стал город Андижан. Новый хан, как и его отец, был вынужден бежать из Коканда и искать покровительства у России. Движение ширилось. Возникла опасность, что призывы к газавату найдут поддержку в Бухаре, Хиве, Афганистане.

Получив согласие из Петербурга, генерал Колпаковский, замещавший Кауфмана, овладел ханством. 19 февраля 1876 г. был издан царский указ о включении территории Кокандского ханства под названием Ферганской области в состав Туркестанского края. Военным губернатором области был назначен М. Д. Скобелев.

К середине 70-х годов большая часть территории Средней Азии находилась в разных формах зависимости от России. Из трех ханств одно — Кокандское — было присоединено к России, два других — Бухарское и Хивинское, сохранив свою внутреннюю автономию, теряли самостоятельность в решении межгосударственных вопросов. Непокоренными оставались некоторые туркменские племена, не имевшие централизованной власти.

ПОДЧИНЕНИЕ ТУРКМЕНСКИХ ПЛЕМЕН. С выходом русских войск к Каспийскому морю в районе Красноводска встала задача соединения территорий, находившихся у Каспийского моря и населенных туркменами, с землями, расположенными у Аральского моря. Строго фиксированной границы между Афганистаном, Ираном и туркменскими племенами не существовало. Но афганский эмир и иранский шах, опираясь на поддержку Англии, претендовали на земли туркмен. Для оправдания своих действий английское правительство вновь выдвинуло обвинение о якобы русской «угрозе» Индии.

Англия установила связи со среднеазиатскими ханами, пытаясь договориться с вождями туркменских племен. В английской прессе звучали призывы к утверждению Великобритании в Иране, к завоеванию Кветты — важного транспортного узла на пути в Афганистан.

Антирусские действия Англии в Средней Азии ускорили законодательное оформление господства России над занятыми ею в Закаспии территориями. В марте 1874 г. было издано «Временное положение о военном управлении в Закаспийском крае», по которому Закаспийский военный округ от Восточного побережья Каспийского моря до западных границ Хивинского ханства включался в Кавказское наместничество.

Центром округа становился Красноводск. Местное управление осуществлялось по волостям и аулам; запрещались продажа в рабство и жестокие наказания, такие, как отсечение рук и т. д. Был упорядочен сбор налогов — взимание налогов, не утвержденных русским правительством, запрещалось. Местное население сохраняло свои обычаи и религию. Вводилась бесплатная медицинская помощь, но медицинских пунктов было мало, а суеверия, веками существовавшие, мешали осуществлению этого важного дела.

«Положение» 1874 г. впервые вводило среди туркменских племен административный порядок и регламентацию прав и обязанностей местного населения, что способствовало стабилизации обстановки в этом районе и сближению уставших от набегов хивинцев, иранцев, афганцев, бухарцев, туркмен с Россией.

Англия не хотела мириться с продвижением русских войск в этом районе. Лондонский кабинет вновь обратился к испытанному методу — объединению усилий Ирана, Турции, Афганистана, Герата. В конце 1876 г., когда стала очевидной неизбежность войны России с Турцией, в Лондоне был разработан конкретный план военных действий против России. Он предусматривал одновременные операции в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Но для «большой войны» у Англии не оказалось достаточно надежных союзников, а воевать собственными силами она не решалась.

Положение России в Средней Азии во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. было особенно сложным. Английские дипломаты через султана пытались создать агентурную сеть по всей территории Средней Азии. Появление британского флота в Дарданеллах и опасность русско-английской войны на Ближнем Востоке побудили царское правительство в апреле 1878 г. принять решение об укреплении обороноспособности русской армии в Средней Азии.

В ответ на враждебные демарши Англии Россия приняла контрмеры: был увеличен численный состав Туркестанского военного округа, в Среднюю Азию было дополнительно отправлено оружие, заготовлен запас обмундирования.

После завершения работы Берлинского конгресса (июль 1878 г.) русское правительство отдало приказ о занятии Текинского оазиса и прежде всего крепости Геок-Тепе. В августе 1879 г. русские войска выступили из крепости Чат, перешли хребет Копет-Даг и направились к Геок-Тепе. Атака русских была отбита защитниками крепости, получившими оружие от англичан.

Возникла опасность прямого вмешательства Англии, особенно после ее победы в англо-афганской войне. Командующим войсками Закаспийского военного округа был назначен М. Д. Скобелев.

В 1880 г. русские отряды начали новое наступление по направлению к Геок-Тепе. Борьба за крепость Геок-Тепе была упорной. В январе 1881 г. защитники были вынуждены прекратить сопротивление и оставить крепость. Чтобы погасить недовольство населения, была объявлена амнистия всем воевавшим против русских войск. Туркмены, возвращавшиеся в Геок-Тепе, получали землю, одежду, им оказывалась медицинская помощь.

Вскоре русские войска без сопротивления овладели селением одного из туркменских племен, теке, — Ашхабадом.

В мае 1881 г. Ахал-Текинский оазис был включен в Закаспийскую область с центром в Ашхабаде. После взятия Ахал-Текинского оазиса сохраняли свою независимость туркменские племена Тедженского, Мервского и Пянджинского оазисов. На часть этих земель претендовал иранский шах, войска которого совершали набеги на селения туркмен, разрушали ирригационные сооружения, отводили воду с полей. Англия поддерживала притязания Ирана на туркменские земли, в частности на Мерв, стремясь создать из Мерва «независимое» государство под протекторатом Афганистана или Ирана, с тем чтобы стать его фактическим хозяином. В газетных и журнальных статьях подчеркивалась роль Мерва для «защиты Индии».

Как и в других крупных городах Средней Азии, население Мерва не было единодушным в вопросе о политической ориентации. Одна его часть, преимущественно трудящаяся, стремилась к прекращению кровопролитных войн, к сближению с Россией. Другая, прежде всего родо-племенная верхушка и мусульманское духовенство, противилась ориентации на Россию. Отсутствие единства среди населения было использовано недругами России для проведения против нее подрывной деятельности. Подогревались антирусские настроения, в Мерв доставлялось английское оружие. Однако эти усилия успеха не имели. В январе 1884 г. на «Собрании народных представителей» было принято решение о добровольном присоединении Мерва к России. Город был принят в русское подданство: ему предоставлялось внутреннее самоуправление, запрещались рабство и работорговля. Мервский оазис вошел в состав России.

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. РУССКО-АФГАНСКОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ. Продвижение России в Средней Азии вызывало активное противодействие Англии. Присоединение Мерва побудило Англию под предлогом защиты интересов Афганистана, якобы ущемленных изменением статуса Мерва, открыто выступить против России. Как отмечал В. И. Ленин, «Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии...»[1]. Афганский эмир, находившийся в полной зависимости от Англии и подстрекаемый ею, предъявил претензии на туркменские земли. В район Кушки в 1885 г. были стянуты афганские войска, вступившие в борьбу с расположенными там русскими отрядами. Несмотря на численное превосходство афганцев, которыми руководили английские офицеры, русские заставили их покинуть Кушку и отступить. Афганистан предложил России начать переговоры, которые и проводились в Лондоне. В сентябре 1885 г. была достигнута русско-английская договоренность об определе-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 186.

лении северо-западной границы Афганистана, а в 1887 г. подписан окончательный протокол, по которому устанавливалась русско-афганская граница от реки Герируд на Западе до Амударьи на Востоке; иными словами, Англия признала права России на Пянджинский оазис до реки Кушки, на туркменские земли по низовьям Кушки, Мургаба и Теджена. Россия подтвердила свое обещание не вмешиваться во внутренние дела Афганистана.

Новое русско-английское соглашение 1895 г., касавшееся Памира, подтвердило присоединение к России всего Памирского нагорья к западу от Сарыкольского хребта. Англия добилась признания власти Афганистана на земли таджиков по левому берегу Пянджа.

ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Присоединение народов Средней Азии и Казахстана к России внесло важные изменения в их социально-экономическую и культурную жизнь. На присоединенных землях было введено новое административно-политическое управление. Созданное в 1867 г. Туркестанское генерал-губернаторство, самое большое по территории, включало Сырдарьинскую, Семиреченскую, Ферганскую, Самаркандскую области. Большая часть Казахстана входила в Уральскую и Тургайскую области Оренбургского генерал-губернаторства и в Акмолинскую и Семипалатинскую области Западносибирского генерал-губернаторства. В 1882 г. эти области были включены в состав вновь образованного Степного генерал-губернаторства.

Хивинское ханство и Бухарский эмират в урезанных по сравнению с 50-ми годами XIX в. границах были номинально независимыми, сохраняли прежнее управление, но контролировались царской администрацией в их внешнеторговых и политических сношениях с другими государствами. Признание независимости этих ханств вызывалось политическими и экономическими соображениями: стремлением к стабилизации обстановки в Средней Азии, нежеланием новых осложнений с Англией, необходимостью уменьшения финансовых затрат на администрацию.

Различия в управлении не носили принципиального характера, но они свидетельствовали об относительной гибкости административной системы России. Русское правительство активно вмешивалось в политическую и экономическую жизнь ханств. Оно открыло в Бухаре и Хиве отделения Государственного банка; в 80-х годах XIX в. в связи с осложнением обстановки в Средней Азии Петербург создал политическое агентство в Бухаре, которое наряду с решением политических задач оказывало содействие торгово-экономическим начинаниям русских предпринимателей в ханстве.

Вся полнота власти на присоединенных к России территориях находилась в руках генерал-губернаторов и русских администраторов. Царские власти, хотя и вынужденные считаться с интересами местного населения, вводили в Средней Азии порядки, которые прежде всего были выгодны правящим классам России. Русские чиновники контролировали выборы низших волостных и аульно-кишлачных властей, находившихся под их опекой, что обеспечивало избрание угодных царизму людей, ограничивало силу и политическое влияние местной феодально-родовой знати, не желавшей подчиняться царским порядкам.

Административная и экономическая политика самодержавия была направлена на постепенное слияние Средней Азии и Казахстана с Центральной Россией.

По временным правилам 1867 г. и положению 1886 г. многочисленные земельные налоги, которые ранее крестьяне платили феодалу и хану, были заменены государственным натуральным налогом, составлявшим 10% доходов, получаемых крестьянами с земли. Для кочевников вводился единый кибиточный сбор в размере 2 р. 75 к. с кибитки. В аграрной политике самодержавие стремилось ограничить роль вакуфного и крупного феодального землевладения, что ослабляло власть реакционного духовенства и феодальной светской знати, помогало росту буржуазного, кулацкого в своей основе, землевладения.

ОБЪЕКТИВНО-ПРОГРЕССИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ. При всей тяжести бюрократических порядков, установленных русским правительством в Средней Азии, ее присоединение к России имело важное прогрессивное значение для дальнейшего экономического, политического и культурного развития края. Ликвидация рабства и работорговли, установление общего с Россией законодательства и судопроизводства способствовали централизации Средней Азии.

прекращению тяжелых междоусобных войн, ограждали ее от внешней экспансии. В Средней Азии начался процесс капиталистического развития: в 90-е годы XIX в. была введена единая таможенная граница, включавшая и автономные ханства Хивы и Бухары, расширялись посевы хлопчатника — главной сельскохозяйственной культуры края. За шесть лет (с 1884 по 1890 г.) посевные площади, занятые хлопком в Туркестане, увеличились почти в 200 раз (с 300 десятин до 58 859), улучшилось качество хлопка, восстанавливались и строились новые ирригационные сооружения. Внимание к развитию хлопководства и других отраслей хозяйства отвечало интересам как русских предпринимателей, стремившихся иметь собственное сырье для отечественной промышленности, так и складывавшейся местной буржуазии и дехкан. С 80-х годов XIX в. началось строительство железных дорог, связавших Центральную Россию со Средней Азией. В 1883 г. стала действовать Закаспийская железная дорога от Красноводска до Самарканда, которая, по выражению В. И. Ленина, «стала «открывать» для капитала Среднюю Азию...»[1].

В Средней Азии возникали новые города, увеличилась их роль в экономической и культурной жизни края. Подобно Кавказу, Средняя Азия втягивалась в мировое товарное обращение, стирались ее местные особенности, разрушался патриархальный быт. Капитализм углублял социальную неоднородность, способствовал поляризации общества: складыванию национальной буржуазии и пролетариата.

Единство территории, отсутствие границ, отделявших метрополию от окраин, сближали народы Средней Азии и России. Под влиянием идей русских революционеров трудящиеся Средней Азии пробуждались к политической борьбе.

Значительными были успехи в культурном развитии: в 1868 г. открылась первая типография, в 1874 г. — первая публичная библиотека; в 60-х годах появились первые школы на русском и местном языках. В 70-х годах в Ташкенте и Верном (Алма-Ата) открылись мужские гимназии для подготовки учителей. Появление светских школ в отличие от духовных — мектетов и медрессе — содействовало взаимному обогащению культур и помогало единению местного и русского народов.

С присоединением к России трудящиеся Средней Азии постепенно включались в общероссийское революционное движение.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 82.

ГЛАВА 16
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ 80-Х — НАЧАЛА 90-Х ГОДОВ XIX В. В РОССИИ. КОНТРРЕФОРМЫ 1882—1893 ГГ.

1. КРИЗИС САМОДЕРЖАВИЯ НА РУБЕЖЕ 70—80-Х ГОДОВ XIX В.

РОСТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ. На рубеже 70—80-х годов в стране сложилась новая революционная ситуация. Налицо были все ее объективные признаки, указанные В. И. Лениным: резкое обострение нужды и бедствий народных масс, повышение активности «низов» и кризис политики «верхов».

К концу 70-х годов со всей полнотой обнаружились тяжелые последствия грабительской крестьянской реформы 1861 г.: малоземелье крестьян, несоответствие между малодоходными крестьянскими наделами и высокими платежами, давление помещичьих латифундий на крестьянское хозяйство (гнет кабальных отработок). За 20 лет после реформы 1861 г. недоимки по выкупным платежам бывших помещичьих крестьян возросли вдвое и составили 84% к годовой сумме платежей. Особенно велики они были в нечерноземных и поволжских губерниях, где превышали годовой оклад выкупных платежей в полтора-два раза. При взыскании недоимок применялись самые суровые меры: описание и продажа скота, инвентаря и даже домашней утвари, отобрание (на время) надела. Особенно тяжелым было положение еще не перешедших на выкуп временнообязанных крестьян: они в принудительном порядке продолжали отбывать старые феодальные повинности — барщину и оброк. Тяжелое положение народных масс в эти годы усугублялось разорительными последствиями

русско-турецкой войны 1877—1878 гг., неурожаем и голодом 1879—1880 гг., мировым экономическим кризисом конца 70-х годов, захватившим и Россию.

В связи с этим заметно обострилась классовая борьба в деревне. Если в 1875—1879 гг. произошло 152 крестьянских волнения, то в следующем пятилетии (1880—1885) — уже 325 волнений. Показателем обострения классовой борьбы в деревне в те годы служил не только рост численности волнений; оно выражалось и в других, открытых и скрытых формах крестьянского протеста — в потоке жалоб, в крестьянских слухах и пр. В эти годы повсеместное распространение получили слухи о «черном переделе» земли. С ожиданием того, что «скоро вся земля будет отобрана от помещиков и роздана крестьянам», связывалась также надежда крестьян на «освобождение от подушной подати и вообще от всех платежей». В 1879 г. министр внутренних дел Л. С. Маков издал специальный циркуляр, в котором заявлял о неосновательности надежд крестьян на передел земли. Однако эти слухи упорно держались, создавая напряженное положение в деревне. Впоследствии с опровержением крестьянских слухов о «черном переделе» земли вынужден был выступить сам Александр III. В своей речи 21 мая 1883 г. перед волостными старшинами, собранными на его коронацию, он убеждал их следовать «советам и руководству предводителей дворянства» и не верить «вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобному».

Хотя крестьянское движение конца 70-х — начала 80-х годов и не достигало размаха и силы периода первой революционной ситуации, однако оно являлось существенным фактором активности «низов», представляло для правительства серьезную социальную опасность и заставило его пойти на некоторые уступки. Так, правительство отказалось от «переоброчки» (пересмотра по прошествии 20 лет после издания «Положений 19 февраля 1861 г.» норм оброка в сторону их повышения). Циркуляром министра внутренних дел 22 мая 1881 г. временно запрещалось продавать крестьянский скот за недоимки и до 1 января 1882 г. приостановились принудительные меры взыскания с крестьян податей. 28 декабря 1881 г. было издано «Положение», которое с 1 января 1883 г. отменяло временнообязанное состояние бывших помещичьих крестьян и переводило их на обязательный выкуп. К 1881 г. на временнообязанном положении оставалось еще 15% бывших помещичьих крестьян (в некоторых губерниях их было до 30% и более). Одновременно был издан указ о понижении выкупных платежей на 1 руб. с каждого крестьянского надела в год (до этого ежегодно с каждой ревизской души взималось по 7 р. 20 к. выкупных платежей). Однако эти «пониженные» платежи оставались еще очень высокими и непосильными для деревни. В. И. Ленин писал: «...после пресловутого понижения выкупных платежей» сохранилось «несоответствие платежей с доходностью земли, т. е. прямое переживание крепостнических оброков»[1]. Был отменен налог на соль (однако вдвое повышался налог на водку, табак, сахар), приступлено к разработке законопроекта об отмене подушной подати (отменена в 1887 г.). Хотя эти меры носили паллиативный характер, однако они свидетельствовали о колебаниях правительства, вынужденного в обстановке революционной ситуации пойти на некоторые уступки в наиболее остром вопросе — аграрно-крестьянском.

Важным показателем активности «низов» и характерной особенностью второй революционной ситуации являлось рабочее движение. Если в 1861—1869 гг. в среднем ежегодно происходило около 5 рабочих стачек и волнений, в 1870—1878 гг. — 29, то на рубеже 70—80-х годов — уже 48 стачек и волнений. В конце 70-х — начале 80-х годов рабочее движение охватило такие крупные промышленные центры страны, как Москва, Петербург, Владимир, Иваново-Вознесенск, Лодзь, Харьков, Одесса, Пермь. Особое значение имели стачки 1878—1879 гг. в Петербурге, отличавшиеся наибольшей организованностью рабочих.

Существенным фактором революционной ситуации на рубеже 70—80-х годов служила деятельность революционных народников. 26 августа 1879 г. народовольцы вынесли смертный приговор Александру II. Началось отчаянное единоборство горстки героев с самодержавием. 1 марта 1881 г. народовольцам удалось привести в исполнение смертный приговор. Бомба, брошенная студентом И. И. Гриневицким, поразила царя и самого покушавшегося. Однако народовольцы вслед-

———

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 268.

ствие недостатка своих сил и слабости массового движения не смогли воспользоваться возникшим временным замешательством в правящих кругах.

Мартовские события 1881 г. явились кульминационным моментом и вместе с тем началом спада революционной ситуации 1879—1881 гг.

ПОЛИТИКА ЛАВИРОВАНИЯ. Кризис «верхов» на рубеже 70—80-х годов выразился в колебаниях правительства. С одной стороны, были обещаны реформы и уступки, которыми самодержавие стремилось привлечь либеральные круги к борьбе против «крамолы»; с другой стороны, применялись жестокие репрессии к участникам революционного движения.

8 февраля 1880 г., после покушения Степана Халтурина на царя, Александр II созвал специальное совещание для выработки мер борьбы с революционным движением. 12 февраля 1880 г. была образована Верховная распорядительная комиссия по охране государственного порядка и общественного спокойствия. Во главе ее был поставлен харьковский генерал-губернатор граф М.Т. Лорис-Меликов. Он возглавил также и Чрезвычайную следственную комиссию по делу о взрыве в Зимнем дворце, а вскоре занял пост министра внутренних дел. Это был хитрый, жестокий и изворотливый политик, расточавший посулы и обещания «благомыслящей» части общества и проводивший политику жесточайшего террора по отношению к революционерам. Н. К. Михайловский метко определил лорисмеликовщину как политику «лисьего хвоста» и «волчьей пасти». В задачу Верховной распорядительной комиссии входило «положить предел беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких злоумышленников поколебать государственный и общественный порядок», т. е. разработать репрессивные меры против революционеров. Вместе с тем ставилась задача привлечь на сторону власти умеренную («благомыслящую») часть общества. Эта комиссия проработала до 1 мая 1880 г., проведя всего 5 заседаний. Указом 6 августа 1880 г. она была закрыта. Тем же указом упразднялось III Отделение, а вместо него учреждался Департамент государственной полиции при Министерстве внутренних дел, т. е. речь шла не об упразднении, а о переименовании этого органа высшей полиции.

22 января 1881 г. Лорис-Меликов представил Александру II доклад об образовании двух временных подготовительных комиссий (финансовой и административной) из чиновников и назначенных правительством представителей земств для выработки проекта преобразования губернского управления, пересмотра земского и городового положений, а также законопроектов по отдельным экономическим и финансовым вопросам. Особое совещание, назначенное Александром II, одобрило эту меру. Заключение совещания 17 февраля 1881 г. было утверждено царем, назначившим на 4 марта 1881 г. обсуждение плана Лорис-Меликова о создании комиссии выборных от земств с правом совещательного голоса для разработки законопроектов, указанных «высочайшей волей царя». Этот план получил название «конституции Лорис-Меликова».

Обсуждение проекта Лорис-Меликова состоялось 8 марта 1881 г., т. е. уже после убийства Александра II. Здесь с резкой критикой проекта выступил граф С. Г. Строганов, заявивший, что этот проект ведет «прямо к конституции». Строганова поддержал Александр III. К. П. Победоносцев (обер-прокурор Синода и один из столпов реакции) обрушился не только на представленный Лорис-Меликовым проект, но и вообще на все реформы 60—70-х годов, особенно на крестьянскую, земскую и судебную, назвав земства и суды опасными «говорильнями». Проект Лорис-Меликова был отвергнут, точнее, был передан на рассмотрение в Особую комиссию, которая ни разу не собиралась.

29 апреля 1881 г. был обнародован написанный К. П. Победоносцевым при участии М. Н. Каткова манифест «о незыблемости самодержавия», который, по определению В. И. Ленина, «не обинуясь и прямо» заявлял о сохранении самодержавия. Лорис-Меликов вынужден был подать в отставку. Несколько позже подали в отставку слывшие «либералами» военный министр Д. А. Милютин и министр финансов А. А. Абаза. Однако поворот к реакции, наметившийся в марте—апреле 1881 г., произошел не сразу. В обстановке продолжавшегося брожения в стране правительство еще не решалось перейти к открытой реакции. «...Правительство Александра III, — писал В. И. Ленин, — даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия, не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попро-

бовать... подурачить «общество»[1]. Новый министр внутренних дел Н. П. Игнатьев (бывший до этого послом в Турции) предпринял ряд мер, чтобы прикрыть переход правительства к открытой реакции. Он опубликовал циркуляр о «неприкосновенности прав дворянства и городского сословия», начал игру в «совещания» представителей земств. Были сделаны некоторые уступки крестьянству. Все это позволило самодержавию укрепить свои позиции.

14 августа 1881 г. было утверждено «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия». По этому «Положению» любая местность могла быть объявлена на чрезвычайном положении и каждый ее житель подвергнут аресту, сослан без суда на 5 лет в любое место Российской империи, предан военному суду. Местная администрация, согласно «Положению», могла закрывать учебные заведения, торговые и промышленные предприятия, приостанавливать деятельность земств и городских дум, закрывать органы печати. Это «Положение», изданное как временное на три года, возобновлялось по истечении каждого трехлетия и действовало вплоть до 1917 г., являясь, по определению В. И. Ленина, «фактической российской конституцией»[2]. Вместе с тем Игнатьев продолжал политику заигрывания с либеральным «обществом». Он пригласил экспертов из «сведущих» лиц для обсуждения вопроса о выкупных платежах крестьян. В конце 1881 г. была учреждена Особая комиссия для составления проекта преобразования местного управления под председательством статс-секретаря М. С. Каханова. Деятельность «кахановской комиссии» в условиях усиления реакции оказалась бесплодной, и в 1885 г. ее упразднили.

27 мая 1882 г. Игнатьев представил проект созыва совещательного Земского собора к коронации Александра III в 1883 г. Однако этот проект под давлением Победоносцева и Каткова был отвергнут, сам Игнатьев 30 мая 1882 г. получил отставку. Отставка Игнатьева знаменовала собой переход самодержавия к прямой и неприкрытой реакции.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 46.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 114.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ 80-Х — НАЧАЛА 90-Х ГОДОВ. КОНТРРЕФОРМЫ 1882—1893 ГГ.

ЦЕНЗУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ. В 1882 г. во главе Министерства внутренних дел после отставки Н. П. Игнатьева встал Д. А. Толстой. Одновременно он был назначен шефом жандармов. Оба этих поста он занимал до 1889 г. Это был представитель самой оголтелой и твердокаменной реакции. Будучи в 60—70-х годах министром народного просвещения и одновременно обер-прокурором Синода, он уже стяжал себе славу ярого реакционера и обскуранта. С особой настойчивостью Д. А. Толстой начал проводить в жизнь реакционную программу, определенную и провозглашенную Победоносцевым и Катковым.

Первыми жертвами дворянской крепостнической реакции стали печать и школа. 27 августа 1882 г. были утверждены новые «временные правила» о печати, устанавливавшие строгий административный надзор за газетами и журналами. Редакции их обязаны были по требованию Министерства внутренних дел сообщать имена авторов статей, печатавшихся под псевдонимами. Усилилась «карательная цензура» — репрессивные меры против прогрессивной печати. В 1883—1884 гг. прекратили существование все радикальные и многие либеральные периодические издания; среди них органы демократической печати — «Отечественные записки» (редактор М. Е. Салтыков-Щедрин) и «Дело» (редактор Н. В. Шелгунов), известные либеральные издания «Голос» и «Земство».

20 ноября 1882 г. министр народного просвещения И. Д. Делянов издал циркуляр о средней школе, усиливавший дисциплинарные взыскания, а 5 июня 1887 г. был опубликован его позорный циркуляр о «кухаркиных детях», в котором открыто говорилось о запрещении принимать в гимназии «детей кучеров, лакеев, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей». Реальные училища были преобразованы в технические школы, окончание которых не давало права на поступление в высшие учебные заведения. 23 августа 1884 г. вводится новый университетский устав, текст которого был подготовлен Катковым. Новый устав фактически ликвидировал автономию университетов, восстановленную уставом 1863 г. Ранее выборные должности ректора,

декана, профессора стали назначаемыми, при назначении же на эти должности обращалось внимание не на одни «ученые качества и заслуги», а на политическую благонадежность. Попечитель учебного округа стал полновластным хозяином университета. Он представлял министру народного просвещения на утверждение преподавательский состав университетов, организовывал надзор за дисциплиной студентов, для которых в 1885 г. как «существенное средство надзора за студентами» вновь вводилась форменная одежда. В том же году были введены стеснительные правила сдачи университетских экзаменов. С 1887 г. при поступлении в университет необходимо было представлять характеристику о «благонадежности». Плата за обучение повышалась с 10 до 50 руб. в год — довольно значительная для того времени сумма. Из университетов были уволены известные прогрессивные профессора: социолог М. М. Ковалевский, историк В. И. Семевский, филолог Ф. Г. Мищенко, вынужден был уйти биолог И. И. Мечников. В 80-х годах фактически ликвидировалось высшее женское образование путем закрытия большинства высших женских курсов. Реакционные меры в области высшего образования вызвали серию студенческих волнений в 1887—1893 гг.

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ САМОДЕРЖАВИЯ. Для политики самодержавия в аграрно-крестьянском вопросе в 80—90-х годах было характерно сочетание реакционных мер с некоторыми уступками крестьянству. 18 мая 1882 г. учреждается Крестьянский поземельный банк (начал функционировать с 1883 г.), который выдавал ссуды на покупку земли как отдельным домохозяевам, так и сельским обществам и товариществам. Учреждение этого банка преследовало цель смягчить остроту аграрного вопроса, но главное — помочь помещикам через Крестьянский банк по выгодной цене сбывать свои земли. Как правило, через посредство этого банка продавались крестьянам помещичьи земли, причем по ценам на 30% выше рыночных. За первые 12 лет деятельности Крестьянского банка было продано 2 млн. 336 тыс. десятин земли на общую сумму 98,3 млн. руб. Законом 18 мая 1886 г. с 1 января 1887 г. (в Сибири с 1899 г.) отменялась подушная подать с податных сословий, введенная еще Петром I. Однако ее отмена сопровождалась повышением на 45% податей с государственных крестьян путем перевода их с 1886 г. на выкуп.

«Помещичья монархия Александра III, — писал В. И. Ленин, — пыталась опереться на «патриархальную» деревню и на «патриархальность» вообще в русской жизни...»[1]. Она стремилась затормозить прогрессирующий процесс разложения крестьянства, предотвратить рост сельскохозяйственного пролетариата, сохранить податную платежеспособность крестьянского двора и общину как фискально-полицейский институт. В конце 80-х — начале 90-х годов самодержавие издает серию законов, направленных на сохранение разрушавшихся под напором капитализма патриархальных устоев в деревне, в первую очередь патриархальной крестьянской семьи и общины. Распад старой, патриархальной крестьянской семьи выражался в быстром росте числа семейных разделов. По данным Министерства внутренних дел, в первые два пореформенных десятилетия происходило ежегодно в среднем по 116 тыс. семейных разделов. В начале 80-х годов их среднегодовая численность возросла до 150 тыс. 18 марта 1886 г. издается закон, по которому семейный раздел мог быть произведен только с согласия главы семьи («большака») и с разрешения не менее чем 2/3 домохозяев на сельском сходе. Однако этот закон не смог ни приостановить, ни ограничить семейные разделы, численность которых после издания закона продолжала возрастать, при этом более 9/10 разделов происходило самовольно, без санкции общины и местных властей. Не помогали и насильственные «воссоединения» разделившихся семей.

Самодержавие ограничивало право общины на периодические земельные переделы. Закон 8 июня 1893 г. позволял производить переделы полевой земли в общине не чаще как через 12 лет, при этом для назначения передела требовалось согласие 2/3 голосов на сельском сходе. Законом 14 декабря того же года «О некоторых мерах к предупреждению отчуждаемости крестьянских надельных земель» запрещалось закладывать крестьянские надельные земли, а сдача надела в аренду ограничивалась пределами своей общины. Указанные законы были направлены против участившихся залогов и продажи крестьянских надельных земель, в которых правительство видело гарантию платежеспособности

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 329.

крестьянского двора. Этими мерами правительство стремилось еще более прикрепить крестьянина к наделу, ограничить свободу его передвижения. Эти же цели преследовали и меры по ограничению досрочного выкупа наделов, фактически запрещавшие выход из общины. Однако переделы, продажи и сдача в аренду крестьянских надельных земель, забрасывание крестьянами наделов и уход в города продолжались в обход законов, которые оказались бессильными приостановить объективные процессы капиталистического развития деревни. Не могли эти правительственные меры и обеспечить податную платежеспособность крестьянского двора, о чем свидетельствуют данные официальной статистики. Так, в 1891 г. в 48 губерниях была произведена опись крестьянского имущества в 18 тыс. сел, в 2,7 тыс. из них имущество крестьян продано для погашения недоимок за бесценок. В 1895 г. 15 тыс. крестьян подверглись за недоимки аресту, десятки тысяч были отданы в принудительные работы. Производились массовые порки крестьян за недоимки.

Наряду с этим самодержавие провело ряд мер, направленных на укрепление дворянства, на поддержку дворянского землевладения и помещичьего хозяйства. С целью укрепления экономического положения дворянства 21 апреля 1885 г. учреждается Дворянский банк, который давал ссуды помещикам под залог их имений на льготных условиях. Уже в первый год своей деятельности этот банк выдал помещикам ссуды на сумму 69 млн. руб., а к концу XIX в. сумма ссуд банка помещикам превысила 1 млрд. руб. В интересах помещиков-землевладельцев 12 июня 1886 г. было издано «Положение о найме на сельские работы». Закон расширял права нанимателя-землевладельца, который мог требовать возврата ушедших до срока рабочих, производить вычеты из заработной платы «за грубость», «неповиновение», а не только за причиненный материальный ущерб, подвергать аресту и телесному наказанию. Закон 13 июля 1889 г. в целях обеспечения помещиков дешевыми рабочими руками ограничивал переселение крестьян. «Самовольного» переселенца местная администрация обязывалась выслать по этапу на старое место жительства. И все же, вопреки этому суровому закону, за десять лет после его издания численность переселенцев увеличилась в несколько раз, причем 85% среди них составляли «самовольные» переселенцы.

ЗЕМСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ. 12 июля 1889 г. было издано «Положение о земских участковых начальниках». В 40 губерниях России, на которые распространялось это «Положение» (главным образом, на губернии с помещичьим землевладением), создавалось 2200 земских участков (примерно по 4—5 на уезд) во главе с земскими начальниками. В уездах учреждался уездный съезд земских начальников, который состоял из административного и судебного присутствий. Земские начальники назначались министром внутренних дел, по представлению губернаторов и губернского предводителя дворянства, из местных потомственных дворян. Земский начальник должен был обладать определенным имущественным цензом (свыше 200 десятин земли или другим недвижимым имуществом на 7500 руб.), иметь высшее образование, трехлетний стаж службы в должности или мирового посредника, или мирового судьи, или члена губернского по крестьянским делам присутствия. При недостатке кандидатур, удовлетворявших этим требованиям, земскими начальниками могли назначаться местные потомственные дворяне со средним, а иногда и начальным образованием, состоявшие в военных или гражданских чинах, независимо от стажа службы, однако имущественный ценз для них повышался вдвое. Министр внутренних дел «в особых случаях», в обход указанных условий, мог назначать в земские начальники любого из местных дворян, а по закону 1904 г. эти условия вообще были отменены.

Введение института земских начальников — одна из наиболее реакционных контрреформ 80—90-х годов, яркое проявление продворянской политики самодержавия. Этот акт преследовал цель восстановить власть помещиков над крестьянством, утраченную ими в результате реформы 1861 г. В функции земского начальника во вверенном ему участке входили: надзор и контроль над деятельностью крестьянских сельских и волостных учреждений, всесторонняя опека не только крестьянского, но и всего податного населения других непривилегированных сословий, живущего в сельской местности. Власть земского начальника в его участке распространялась на мещан, ремесленников, местную интеллигенцию. Прерогативы земского начальника, осуществлявшего административные и судебно-полицейские функции на селе, были очень широки. Он мог подвергать

телесным наказаниям, аресту до 3 дней и штрафу до 6 руб. (крестьянских должностных лиц — аресту до 7 дней и штрафу до 5 руб.), отстранять от должности членов крестьянских сельских учреждений, отменять любое постановление сельского и волостного схода, навязывать им свое решение.

Волостные суды, ранее выбираемые крестьянами, теперь назначались земским начальником из предложенных сельским обществом кандидатов. Земский начальник мог отменить любое постановление волостного суда, а самих судей в любой момент отстранить от должности, подвергнуть аресту, штрафу, телесному наказанию. Постановления и решения земского начальника считались окончательными и не подлежавшими обжалованию. Однако земские начальники выходили за рамки даже тех широких полномочий, какие им предоставлял закон 1889 г., и творили настоящий произвол, попустительствуемый и покрываемый местными властями. Фактически существовала полная бесконтрольность действий земских начальников. Взяточничество, воровство, вымогательство, кулачные расправы — обычные «методы управления» деревней земскими начальниками.

Закон 12 июля 1889 г. с удовлетворением был встречен дворянскими реакционными кругами, которые требовали дальнейшего расширения и без того достаточно широких прерогатив земских начальников. Самими крестьянами этот закон был воспринят как возвращение крепостного права. «Среди крестьян бродит подозрение, что новые органы правительственной власти есть не что иное, как первый шаг к их вторичному закрепощению», — писал министру внутренних дел московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков. Среди крестьян распространялись слухи, что новые начальники будут сечь «специальными машинами для порки». Участились случаи сопротивления крестьян распоряжениям земских начальников.

В связи с учреждением института земских начальников в 1889 г. упразднялись уездные по крестьянским делам присутствия (учрежденные в 1874 г. взамен уездных съездов мировых посредников) и мировые суды (введенные судебными уставами 1864 г). Функции этих упраздненных учреждений были переданы земским начальникам, что значительно усилило их административно-полицейскую власть на местах.

ЗЕМСКАЯ И ГОРОДСКАЯ КОНТРРЕФОРМЫ. Следующими актами реакции явились контрреформы местного управления. Несмотря на стремление самодержавия уже с самого начала введения земств обеспечить в них преобладание дворянства, позиции дворянства в земствах под влиянием объективных условий капиталистического развития страны ослабевали. В ряде губерний обнаружился «недобор» гласных из дворян из-за сокращения числа дворян-землевладельцев. В промышленных губерниях представительство дворян в земствах сокращалось за счет усиления торгово-промышленной буржуазии и новых землевладельцев из купцов и богатых крестьян. Правительство было обеспокоено оппозиционными настроениями и конституционными притязаниями земских деятелей. Эти настроения особенно ярко проявлялись в либерально-оппозиционном земском движении на рубеже 70—80-х годов.

Правительственная реакция поэтому поставила себе задачу усилить роль дворянства в земстве за счет обеспечения этому сословию более полного и устойчивого господства в земских учреждениях, ограничить представительство и права буржуазных элементов, в особенности крестьянства, и вместе с тем еще более усилить контроль за деятельностью земств со стороны административных властей. Реакционное дворянство требовало вообще ликвидировать бессословность и выборность земств. В этом плане и был разработан проект о преобразовании земских учреждений, автором которого стал директор канцелярии Министерства внутренних дел А. Д. Пазухин. При обсуждении проекта в Государственном совете правительство не решилось пойти на удовлетворение этих притязаний наиболее реакционной части дворянства.

12 июня 1890 г. было утверждено новое «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Формально оно сохраняло принципы бессловности и выборности земств, однако эти принципы были сильно урезаны, в чем и заключался смысл земской контрреформы. Так, землевладельческая курия, по которой ранее могли баллотироваться землевладельцы всех сословий, теперь стала курией дворян-землевладельцев. Ценз для дворян уменьшался вдвое, а число гласных землевладельческой курии существенно увеличивалось; соответственно этому уменьшалось число гласных по остальным куриям —

городской и сельской. Крестьяне лишались выборного представительства: теперь они выбирали только кандидатов в земские гласные, список которых рассматривал уездный съезд земских начальников, и по представлению этого съезда губернатор утверждал гласных. Лишалось избирательных прав духовенство. Резко повышался избирательный ценз для городской курии, вследствие чего более половины избирателей по этой курии лишалось права участвовать в выборах в земства. В результате этого удельный вес дворян в уездных земских собраниях повысился с 42 до 55%, в губернских — с 82 до 90%. В уездных земских управах удельный вес дворян повысился с 55 до 72%, а в губернских — с 90 до 94%. Гласные от крестьян теперь составляли: в уездных земских собраниях — 31% (вместо прежних 37%), в губернских собраниях — 2% (вместо прежних 7%). Удельный вес гласных от буржуазии сократился с 17 до 14% в уездных земских собраниях и с 11 до 8% — в губернских. Впрочем, кардинальных изменений в социальный состав земств контрреформа 1890 г. не внесла, ибо и раньше, несмотря на наметившуюся тенденцию к «обуржуазиванию» земств, дворянство в них решительно преобладало. В. И. Ленин писал в 1913 г.: «Почти полвека существует земство дворянское, обеспечивающее безусловное преобладание *помещика* феодального (по-русски: крепостнического) типа»[1].

Обеспечивая решительное преобладание дворян в земствах, земская контрреформа пошла на дальнейшее ограничение прав этого дворянского земства. Теперь губернатор фактически полностью контролировал деятельность земских учреждений. Он мог отменить любое постановление земств, поставить на обсуждение земских собраний любой вопрос. Вводилось новое административное звено — губернское по земским делам присутствие (посредствующая инстанция между земством и губернатором), которое проверяло «законность» и «целесообразность» постановлений земских собраний.

Земская контрреформа хотя и затормозила, но все же не смогла предотвратить объективного процесса «обуржуазивания» земств. Потерпели крах надежды правительства на подавление земского либерального движения, которое продолжало нарастать.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 295.

Те же цели самодержавие преследовало и при проведении городской контрреформы. 11 июня 1892 г. было издано новое «Городовое положение», по которому значительно урезались избирательные права городского населения. От участия в городском самоуправлении теперь устранялись не только трудящиеся массы города, но и мелкая буржуазия — мелкие торговцы, приказчики и пр. Это достигалось путем значительного повышения имущественного ценза. Преимущество отдавалось дворянам-домовладельцам и крупной торговой, промышленной и финансовой буржуазии. В результате резко сократилось число самих избирателей в городские думы, например: в Петербурге — с 21 тыс. до 8 тыс. избирателей, в Москве — с 20 тыс. до 7 тыс. избирателей. Таким образом, даже в этих двух столичных городах правом участия в выборах в городское самоуправление пользовалось не более 0,7% населения. В других городах число избирателей сократилось в 5—10 раз, так что нередко количество гласных равнялось числу участвовавших в выборах. (Напомним, что более половины городов вообще не имели выборного городского самоуправления.)

Согласно «Городовому положению» 1892 г., еще более усиливалась система опеки и административного вмешательства в дела городского самоуправления. Губернатор не только контролировал, но и направлял всю деятельность городских дум и городских управ. Городские думы теперь не могли сделать и шагу без надлежащего «соизволения, разрешения и утверждения». Сами городские головы и члены городских управ теперь рассматривались как состоявшие на государственной службе чиновники, а не как «избранные» представители городского населения. Однако в дальнейшем на практике городская контрреформа, как и остальные контрреформы 80—90-х годов, не была полностью реализована: объективные социально-экономические процессы развития русского пореформенного города оказались сильнее попыток самодержавия усилить сословно-дворянский элемент в городе.

ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ КОНТРРЕФОРМ 80—90-х ГОДОВ. В. И. Ленин охарактеризовал 80-е — начало 90-х годов XIX в. в истории русского самодержавия как период «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции»[1]. Переход самодержавия в начале

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 295.

80-х годов к прямой и неприкрытой реакции оказался возможным в результате поражения революционеров в 1881 г., слабости крестьянского и рабочего движения, бессилия либеральной оппозиции. Самодержавию удалось провести серию контрреформ в сословном вопросе, в области просвещения и печати, в сфере местного управления. Главная задача, которую ставило себе самодержавие, заключалась в том, чтобы укрепить свою социальную базу — класс помещиков, позиции которого были подорваны объективными условиями социально-экономического развития пореформенной России. Другой социальной базы, на которую в то время могло бы опереться самодержавие, не было.

Однако реакции не удалось осуществить программу контрреформ в том объеме, в каком она была задумана. Попытка реакции пойти дальше по пути «исправления роковых ошибок 60-х годов» (буржуазных реформ) была сорвана начавшимся с середины 90-х годов новым подъемом революционного движения в стране. На арену революционной борьбы выступил пролетариат, поднявший народные массы на сознательную политическую борьбу.

В самих «верхах» в то время не было единства: наряду с реакционным направлением, требовавшим решительного «пересмотра» реформ 60—70-х годов, было и оппозиционное, требовавшее «уступок духу времени». Даже среди консерваторов наиболее дальновидные их представители понимали невозможность восстановления старых порядков.

В начале 90-х годов стала складываться иная социально-политическая обстановка в стране, и некоторые новые задуманные контрреформы, например судебная контрреформа, проект которой был готов уже в 1886 г., или пересмотр общего законодательства о крестьянах, вопрос о котором ставился на обсуждение высших правительственных органов в 1892 г., так и не были проведены. Более того, в обстановке революционного подъема 90-х годов правительству на практике не удалось полностью реализовать те реакционные меры, которые были изложены в законах, изданных в конце 80-х — начале 90-х годов. Реакция оказалась бессильной повернуть вспять исторический процесс.

ГЛАВА 17
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 60—80-е ГОДЫ XIX В. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ

1. ПОЛОЖЕНИЕ И БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА В 60 — 70-Е ГОДЫ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ. Процесс становления и утверждения капитализма сопровождался формированием и ростом пролетариата как класса. Разорившиеся крестьяне, наемные рабочие с наделом стали одним из важнейших источников пополнения кадров фабрично-заводского пролетариата.

Другим источником пополнения промышленного пролетариата были кустари, «домашние рабочие». Они составляли, по словам В. И. Ленина, «едва ли не самую крупную часть нашей «резервной армии» капитализма»[1]. В таких губерниях, как Тверская, Костромская, Ярославская, Калужская, численность кустарей составляла 15—20% всего населения. Со временем все большее значение приобретал еще один источник пополнения пролетариата — дети рабочих. Известный ученый-статистик Ф. Ф. Эрисман, исследовавший в 80-е годы положение рабочих Московской губернии, писал, что «прядильные и ткацкие отделения наших мануфактур выработали тип настоящего фабричного рабочего, часто родившегося на фабрике, выросшего в фабричных казармах, с ранних лет поступившего в качестве рабочего в фабричные мастерские и ни к чему, кроме фабричной работы, не приспособленного».

Пореформенная эпоха стала временем полного вытеснения мануфактурного производства крупной машинной индустрией. Рост крупной машинной индустрии вел к созданию особого класса общества — постоянных, кадровых, потомственных пролетариев, чьи интересы находились в непримиримом антагонизме с интересами предпринимателей-капиталистов. За техническим переворотом, писал В. И. Ленин, «неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в произ-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 446.

водстве лиц, полный разрыв с традицией, обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капитализмом»[1].

Уже на раннем этапе своего развития промышленный капитализм в России отличался исключительно высоким уровнем концентрации.

Условия труда и быта рабочих в России были невероятно тяжелыми. Аграрное перенаселение и наличие огромной резервной армии труда обусловливали дешевизну рабочей силы. Продолжительность рабочего дня в 1860—1870 гг. не регламентировалась и составляла в среднем 13—14 часов. В текстильной промышленности рабочий день длился 14—15 часов, а на некоторых фабриках — до 17 часов. В 1877 г. в своей знаменитой речи на суде рабочий Петр Алексеев обличал: «17-часовой дневной труд — и едва можно выработать 40 копеек! Это ужасно!» Широко распространены были сверхурочные работы, труд в праздничные и выходные дни. Представители государственной санитарной инспекции признавали, что продолжительность рабочего дня в промышленности со времени крепостного права не только не сократилась, но даже выросла.

Женщины и дети также работали по 12—14 часов. В отдельных отраслях обрабатывающей промышленности доля женского и детского труда доходила до 46%. На некоторых фабриках (табачных, бумажных) несовершеннолетние составляли до половины общего числа работавших. За свой труд дети получали половину, а порой и треть заработной платы взрослого рабочего. Высок был процент детского травматизма, нередки были смертные случаи. В высшей степени типичную картину рисовал в своей речи П. А. Алексеев: «Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем сами ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. Десяти лет, мальчишками, нас стараются проводить с хлеба долой на заработки».

В 1882 г. правительство приняло закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», который регламентировал детский труд, ограничивал продолжительность рабочего дня детей, запрещал их использование на ряде вредных производств, намечал меры по охране труда. Закон 1882 г., как и последующие правительственные меры, носил половинчатый характер, в принципе допускал детский труд. На практике фабриканты обходили и те ограничения, которые содержались в законах.

Заработная плата рабочих — главное, а часто единственное средство к существованию — была чрезвычайно низкой. В книге о положении рабочих в конце 80-х годов санитарный инспектор Е. М. Дементьев признавал, что заработная плата русского рабочего «есть минимум, обеспечивающий от голода, когда заработок дает только возможность существовать полуживотной жизнью». В 1860—1880 гг. реальная заработная плата, по подсчетам тогдашних экономистов, неуклонно снижалась, четверть века спустя после отмены крепостного права она была ниже, чем накануне реформы. Рабочие страдали от штрафов, которые достигали 25 и даже 40% заработка, им приходилось платить за казенное жилье, за продукты, которые они обязаны были брать в фабричной лавке по ценам, часто превышавшим рыночные.

Предприниматели с полным пренебрежением относились к условиям труда и быта рабочих. Фабричные помещения, оборудование, технология не отвечали элементарным санитарно-техническим нормам, техника безопасности не соблюдалась. Исследователь фабричного быта Московской губернии буржуазный экономист И. И. Янжул писал: «Недостаточное ограждение механизмов, огнеопасность многих фабричных построек, отсутствие правильного удаления отбросов и вообще недостаточность мер к устранению вредных условий производства, — все это влечет за собой сильную болезненность рабочих и частые случаи несчастий на фабриках, сколько-нибудь точной регистрации которых почти нигде не существует... Медицинская помощь на большинстве фабрик фиктивна». Подавляющее большинство рабочих не имело своего жилья, они снимали углы и койки, жили в перенаселенных фабричных бараках, в рабочих помещениях. В середине 80-х годов правительство проектировало даже издание закона о «воспрещении жилья рабочих в помещениях для работы».

НАЧАЛО СТАЧЕЧНОЙ БОРЬБЫ. Невыносимые условия жизни, полное бесправие заставляли российский пролетариат вступить

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 455.

на путь борьбы за улучшение своего положения. Первые выступления рабочих против капиталистов носили неорганизованный характер. В 60-е годы преобладали пассивные формы сопротивления. Рабочие подавали прошения администрации фабрик и царским властям, бежали с заводов. Но уже в эти годы началось стачечное движение, т. е. специфически пролетарская форма борьбы. С 1861 по 1869 г. в России произошло 63 стачки с общим числом стачечников 30 тыс. человек. Рабочие разрушали фабричное оборудование, поджигали фабрики, избивали представителей администрации. Такие стачки В. И. Ленин называл примитивными бунтами, но даже эти бунты «выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*»[1].

Новый этап рабочего движения в России начался с 70-х годов. С 1870 по 1879 г. в стране произошло 326 стачек и волнений рабочих промышленных предприятий. Оставаясь, как правило, стихийным и разрозненным, стачечное движение приобретало порой наступательный характер, рабочие оказывали сопротивление полиции, силой освобождали арестованных товарищей.

Крупным выступлением пролетариата стала стачка на Невской бумагопрядильной фабрике в Петербурге в мае 1870 г. Началась она по инициативе 63 прядильщиков, потребовавших увеличения заработной платы. Отказ администрации привел к забастовке всех 800 рабочих фабрики. Власти не смогли усмирить рабочих и передали дело в суд, рассчитывая скорой расправой пресечь «самоуправные домогательства со стороны рабочих». На суде выявилась столь мрачная картина эксплуатации рабочих на Невской бумагопрядильне, что приговоры оказались минимальными: четверо «зачинщиков» были приговорены к 7 дням ареста, а остальные активные стачечники — к 3 дням.

Александр II остался недоволен мягким приговором. На докладе о суде он написал: «Весьма слабо». В административном порядке руководители рабочих были высланы на родину — в деревню.

Стачка на Невской бумагопрядильне освещалась всей буржуазной прессой. Газета «Новое время» писала: «И у нас случилась стачка, и нас не оберег бог!» Либеральные «Русские ведомости» констатировали: «Рабочие стачки — явление еще новое в России, и в таких размерах, как стачка невских рабочих, можно сказать, небывалое. Но где бы они ни проявлялись, причина стачек всегда одна и та же — недостаточность вознаграждения рабочего фабрикантом».

Рабочее движение вызывало беспокойство в правительственных кругах. Правительство под впечатлением стачки на Невской бумагопрядильне разослало губернаторам секретный циркуляр, в котором рекомендовалось в случае стачки не доводить дело до суда, а высылать активных стачечников в отдаленные губернии.

В августе 1872 г. началась стачка на Кренгольмской мануфактуре в Нарве. Общее число стачечников, русских и эстонцев, достигло 6000. Против рабочих были посланы из Петербурга два полка. Администрация, частично удовлетворив требования рабочих, добилась прекращения стачки. «Зачинщики» на этот раз были преданы суду. 27 человек приговорили к каторжным работам, отправили в арестантские роты, в тюрьму.

Стачки происходили и в других районах Российской империи. В Центрально-промышленном районе ведущая роль принадлежала рабочим-текстильщикам, в Петербурге — металлистам, на Украине — рабочим сахарной промышленности.

В среде передовых русских рабочих рано определилось стремление к знаниям, к осмыслению причин своего тяжелого положения. Народнический публицист В. В. Берви-Флеровский, автор работы «Положение рабочего класса в России» (1869), отмечал: «Как ни велики страдания промышленной России, а все-таки это самая цивилизованная часть нашего отечества. Нигде рабочий не отличается в такой степени умственным и нравственным развитием». Отдельные рабочие были связаны с народническими кружками и организациями — с кружком «москвичей», с «Землей и волей», и «Народной волей». В Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г. наряду с народниками участвовали и передовые рабочие; трое из них, в том числе Яков Потапов, поднявший Красное знамя, были

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 30.

заточены в монастырь. Участие рабочих в Казанской демонстрации знаменовало, как подчеркивалось в одной революционной статье, «начало активного вмешательства нового, необыкновенно важного элемента в ход политической жизни России, а именно начало сознательного участия русского рабочего класса в движениях этой жизни».

В 70-е годы из среды рабочих выделились настоящие вожаки-революционеры — Петр Алексеев, Виктор Обнорский, Петр Моисеенко, Степан Халтурин, которые оставили заметный след в революционном движении. Речь П. А. Алексеева на процессе «50-ти» (1877) в виде листовки расходилась среди рабочих Москвы, Петербурга, Варшавы, Урала, Сибири, Кавказа. Спустя десятилетия, в 90-е годы, эта речь, по признанию полиции, служила «излюбленным орудием пропаганды» русских революционеров.

2. ПЕРВЫЕ РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

РОСТ КЛАССОВОГО САМОСОЗНАНИЯ РАБОЧИХ. Рабочее движение в России в своей начальной стадии развивалось под заметным влиянием народничества, которое не выделяло рабочий класс из всей массы трудящегося населения. Народники видели в рабочих крестьян, ушедших на заработки на фабрики. Но вскоре передовые рабочие начали осознавать необходимость последовательного отстаивания своих классовых интересов. По словам В. И. Ленина, сознательные рабочие-революционеры уже на заре движения, когда масса еще не пробудилась, «показали себя, как великие деятели рабочей демократии...»[1]. Плеханов, который в 70-е годы вел народническую пропаганду в среде петербургских рабочих, в своих воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении» утверждал: «Жизнь скоро устраняла предрассудки, привитые рабочим народниками. Раз затронутый пропагандой, рабочий сам додумывался до программы, соответствующей его классовому положению».

Передовые рабочие, по словам В. И. Ленина, отстранялись «от крестьянского и заговорщицкого социализма». «Такое отстранение имело смысл и было необходимо тогда, когда социализм отстранялся от рабочего движения»[1].

«ЮЖНОРОССИЙСКИЙ СОЮЗ РАБОЧИХ» (1875). Первой рабочей организацией в России стал «Южнороссийский союз рабочих», организованный в Одессе революционером-интеллигентом Е. О. Заславским. С 1873 г. Заславский вел пропагандистскую работу в кружке рабочих металлистов завода Беллино—Фендериха. В своих беседах с рабочими он говорил, что «фабриканты эксплуатируют рабочих, а правительство этому покровительствует», и призывал к активной борьбе с предпринимателями. Нелегальная литература, беседы Заславского оказывали заметное влияние на рабочих. Они пытались улучшить свое положение путем организации кооперативных предприятий. В 1875 г. рабочие механического завода Гулье—Бланшарда создали ссудно-сберегательную кассу. Подобные ассоциации, как указывал К. Маркс в «Манифесте Коммунистической партии», были типичны для первых шагов организованного рабочего движения. Вскоре эта организация превратилась в «братскую казну» рабочих ряда одесских заводов, а во главе ее стал Заславский. Постепенно организация разрасталась. Летом 1875 г. Заславский составил устав, который после обсуждения на нескольких сходках был назван Уставом «Южнороссийского союза рабочих».

Устав «Союза» воспринял некоторые положения программных документов I Интернационала. В уставе утверждалось, что «рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества». Труд должен стать основой личного и общественного благосостояния. Устав допускал возможность переворота при «полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении». Задачи «Южнороссийского союза рабочих» авторы Устава определяли в следующих трех пунктах: во-первых, «пропаганда идей освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов»; во-вторых, «объединение рабочих Южнороссийского края»; в-третьих, «будущая борьба с установившимся экономическим и политическим порядком». Формулировки Устава не отличались последовательностью и четкостью. Главным, однако, было то, что в Уставе «Союза» впервые

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 72.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 247.

в истории русского рабочего движения говорилось о борьбе рабочих против капитала, содержалось положение о борьбе с «политическим порядком».

«Южнороссийский союз рабочих» был законспирированной организацией. Устойчивое ядро ее составляли 60 рабочих, вокруг которых группировалось около двухсот человек. Высшим руководящим органом «Союза» было «Собрание депутатов», куда входили выборные рабочие от отдельных предприятий. Организация пыталась установить связи с рабочими Таганрога, Керчи, Ростова-на-Дону, Харькова. В 1875 г. члены «Союза» организовали две стачки на одесских заводах.

В декабре 1875 г. «Южнороссийский союз рабочих» был разгромлен полицией. В 1877 г. пятнадцать его участников были преданы суду, среди них его руководители Е. О. Заславский, Ф. И. Кравченко, М. П. Сквери, Н. Б. Наддачин, С. С. Наумов. Суд приговорил Заславского к 10 годам каторги; в 1878 г. он умер в тюрьме.

«СЕВЕРНЫЙ СОЮЗ РУССКИХ РАБОЧИХ» (1878—1879). Крупную роль в рабочем движении сыграл «Северный союз русских рабочих». Эта организация возникла на основе объединения разрозненных рабочих кружков Петербурга. «Северный союз» вобрал в себя, по словам Плеханова, «цвет» старых испытанных революционных рабочих. В Петербурге «Союз» насчитывал около двухсот членов и столько же сочувствующих. Он имел отделения за Невской и Нарвской заставами, на Васильевском острове, на Выборгской и Петербургской сторонах, на Обводном канале. Основу «Северного союза» составляли рабочие-металлисты — передовой отряд петербургского пролетариата. Всей деятельностью организации руководил центральный рабочий кружок, куда входили представители районных отделений.

Выдающуюся роль в создании и деятельности «Северного союза» играли рабочие-революционеры В. П. Обнорский и С. Н. Халтурин. Виктор Обнорский был одним из активных и старейших участников петербургских рабочих кружков. Он несколько лет проработал за границей, где познакомился с рабочим движением, с деятельностью I Интернационала, с программами социалистических партий. Став организатором «Северного союза», он был в то же время и автором основных программных документов организации.

Громадным авторитетом в рабочей среде пользовался Степан Халтурин. Его организаторский талант, способности революционера-конспиратора имели огромное значение при создании «Северного союза». Халтурин, связанный с народническими организациями, хорошо знал нелегальную литературу. По воспоминаниям Г. В. Плеханова, «мысль постоянно шла у него рука об руку с делом». В рабочих, писал Плеханов, Халтурин видел «самых надежных, прирожденных революционеров», которых он учил, которым доставал книги.

О своем существовании «Северный союз русских рабочих» открыто объявил в январе 1879 г., когда в нелегальной типографии была напечатана его программа «К русским рабочим», принятая на учредительном собрании членов организации 23 и 30 декабря 1878 г. В отличие от народников своей главной целью «Союз» считал «ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого». Задачи политической борьбы понимались в программе следующим образом: «Политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность убеждений и действий и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть: свобода слова, печати, право собраний и сходок». Рабочие требовали ликвидации сословных прав и преимуществ, введения обязательного и бесплатного обучения во всех учебных заведениях, ограничения рабочего времени, запрещения детского труда, отмены косвенных налогов. Авторы программы подчеркивали выдающееся значение «рабочего сословия» в общественной жизни страны. В обращении «К русским рабочим» говорилось: «Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы — плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. За вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит... успех социальной революции в России!»

Выдвижение в программе «Союза» идеи политической борьбы вызвало недовольство народников. Один из руководителей «Земли и воли», Д. А. Клеменц, в специальной статье утверждал, что в рабочей программе «вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами посвящается слишком много времени». В от-

вет Халтурин написал письмо, напечатанное в № 5 «Земли и воли». Подчеркивая, что рабочие требуют изменения «первобытной системы» жизни, Халтурин писал: «Мы... знаем... что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды, — и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены разных стеснительных «положений» и «уложений». Эта свобода все-таки очень важное условие для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса».

Понимание рабочими-революционерами значения борьбы за политическую свободу составляло их сильную сторону. Плеханов писал, что «требование политической свободы явилось в рабочей программе раньше, чем в программе революционной интеллигенции», и что «к началу 1879 г. рабочее движение переросло народническое учение на целую голову». Однако полностью освободиться от влияния народнической идеологии члены «Северного союза» не смогли. Это влияние чувствуется в формулировке конечных целей движения, где говорилось об «учреждении свободной народной федерации общин с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права», о замене поземельной собственности общинным землевладением. Народническую окраску носили лассальянские идеи о государственном кредите «рабочим ассоциациям и крестьянским общинам».

Члены «Северного союза» не ограничивались пропагандой. Когда в январе 1879 г. на Новой бумагопрядильной фабрике в Петербурге началась забастовка, «Северный союз» выпустил прокламацию, в которой призвал рабочих других фабрик и заводов поддержать забастовщиков. На призыв откликнулись ткачи фабрики Шау. «Союз» отдал забастовщикам все свои средства. Одновременной стачкой двух предприятий руководил П. А. Моисеенко, который вместе с С. Н. Халтуриным составил «общий план требований» к хозяевам о повышении заработной платы, отмене штрафов, сокращении рабочего дня.

Организаторы «Союза» стремились наладить контакты с рабочими других городов, прежде всего таких пролетарских центров, как Москва, Коломна, Сормово, Ростов-на-Дону. Они мечтали о превращении «Союза» во всероссийскую рабочую организацию. Была сделана попытка издания нелегальной рабочей газеты. В феврале 1880 г. вышел первый и единственный номер «Рабочей зари», которая звала рабочих к борьбе с правительством и капиталистами и указывала: «Сила наша в нашем единодушии, в нашей сплоченности». Типографию «Рабочей зари» вскоре обнаружила полиция, ее работников арестовали. Деятельность «Северного союза русских ра-

С. Н. Халтурин

бочих» прекратилась. Многие его активные деятели оказались в тюрьме, на каторге, в ссылке. Еще в январе 1879 г. был арестован В. П. Обнорский, приговоренный к 10 годам каторжных работ. С. Н. Халтурин стал народовольцем. Поступив работать столяром в Зимний дворец, он 5 февраля 1880 г. осуществил взрыв царской столовой. После неудачного покушения на царя Халтурин скрылся и в течение двух лет как член Исполнительного комитета «Народной воли» активно участвовал в работе организации. В марте 1882 г. за участие в убийстве одесского прокурора В. С. Стрельникова Халтурин был казнен.

Первые рабочие организации сыграли крупную роль в освободительном движении. Они первыми «выставили в своей программе требование политической свободы. После реакции 80-х годов рабочий класс неоднократно выдвигал то же требование в 90-х годах»[1]. Заслугу рабочих союзов В. И. Ленин видел в отстаивании принципа борьбы за политические права: «Когда в 1875 г. образовался «Южно-русский рабочий союз» и в 1878 г. «Северно-русский рабочий союз», то эти

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 172.

рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма»[1].

Движение 70-х годов охватывало еще узкий круг рабочих. Нарождавшаяся пролетарски-демократическая струя не могла выделиться из общего потока народничества. «Выделение ее стало возможно лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма (группа «Освобождение труда», 1883 г.) и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895—1896 годов)»[2]. Однако деятельность первых рабочих кружков подготовила подъем рабочего движения в 80-х годах XIX в.

3. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 80-Е ГОДЫ

ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОЧИХ В НАЧАЛЕ 80-Х ГОДОВ. Промышленный кризис начала 80-х годов привел к резкому ухудшению положения рабочего класса. Фабриканты предпринимали массовые увольнения рабочих, снижали, порой на 40—50%, заработную плату, широко практиковали систему штрафов и вычетов, которые начислялись по самым разным поводам: за опоздание, поломку инструмента, непосещение церкви, курение и т. д.

Выступления рабочих в условиях кризиса приобретали все более широкий размах. По словам В. И. Ленина, «промышленный кризис до такой степени сильно зарядил фабричную атмосферу электричеством, что взрывы постоянно происходили то здесь, то там»[3]. В 80-е годы рабочие уже накопили некоторый опыт организованной борьбы с предпринимателями, рабочий вопрос превратился в один из центральных вопросов общественной жизни. В 1883 г. журнал «Дело» констатировал: «Долго замалчиваемый у нас рабочий вопрос как будто вырос из земли и предстал перед нашими глазами». За пять лет, с 1880 по 1884 г., произошла 101 стачка, в которых приняли участие 99 тыс. рабочих, т. е. больше, чем за предшествующее десятилетие. В 1885—1889 гг. была 221 стачка с числом участников 223 тыс. человек. Центрами стачечного движения оставались Петербургский и Центральный промышленный районы, но в это движение включались рабочие новых промышленных районов и национальных окраин.

В 1881 г. произошла стачка на фабрике Хлудова в Смоленской губернии, для подавления которой была выслана воинская команда. Фабрику заняли войска, зачинщиков арестовали, из 2600 стачечников 800 выслали на родину по этапу. В 1881—1885 гг. бастовали рабочие Москвы, Петербурга, Иваново-Вознесенска, Серпухова, Коломны, Шуи. Высокой организованностью отличалась стачка на Вознесенской мануфактуре Дмитровского уезда Московской губернии: в декабре 1884 г. рабочие прекратили работу, протестуя против штрафов и снижения расценок. На фабрику прибыли московский губернатор и отряд казаков, однако это не изменило твердого и спокойного поведения стачечников. Угрозами и военной силой власти подавили выступление, свыше 100 рабочих заключили в тюрьму.

В 1881 г. произошла одновременная стачка на табачных фабриках в Баку. Через год в Нарве две недели бастовало свыше 3000 ткачей и прядильщиков Кренгольмской мануфактуры, к которым присоединились рабочие суконной фабрики. В 1883 г. завершилась успехом стачка 8000 рабочих Жирардовской мануфактуры под Варшавой, а год спустя стачка повторилась.

МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА. Крупной вехой в истории рабочего движения стала стачка на Никольской мануфактуре фабриканта Т. С. Морозова в Орехово-Зуеве Владимирской губернии в январе 1885 г. Морозовская мануфактура славилась особенно изощренной системой штрафов, заработная плата рабочих на ней в 1882—1884 гг. снижалась пять раз. В начале 1885 г. ее снизили в шестой раз сразу на 25%. У рабочих из каждого заработанного рубля вычиталось под видом штрафа от 30 до 50 копеек. На мануфактуре было занято около 11 000 рабочих. В стачке приняло участие 8000 человек. Руководителями рабочих были П. А. Моисеенко, прежде участвовавший в организации забастовок на Невской бумагопрядильне, Л. И. Иванов, В. С. Волков. На предварительных совещаниях 5 и 6 января, в которых участвовало до 50 тка-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 245.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 323.

чей, Моисеенко и его товарищами были выработаны план стачки и требования к администрации фабрики.

Началась стачка 7 января стихийно: рабочие разгромили фабричную лавку, квартиры администрации, фабричные помещения. Однако ее руководители (Моисеенко и др.) сумели придать стачке организованный характер. Стачечники явились к прибывшему в фабричный поселок владимирскому губернатору и Волков вручил ему «Требования по общему согласию рабочих». Администрация на уступки не пошла; по личному указанию Александра III начались массовые аресты. Арестовали свыше 600 рабочих. Произошло несколько столкновений с войсками. Особое возмущение вызвал арест Волкова, под усиленным конвоем отправленного во владимирскую тюрьму. 14 января солдаты оцепили фабричные казармы и штыками стали выгонять людей на работу. Полностью работа на мануфактуре возобновилась в конце января.

Морозовская стачка отличалась небывалым размахом, организованностью, стойкостью забастовщиков. Требования рабочих о контроле за заработной платой, о государственном регулировании условий найма на работу впервые вышли за пределы одного предприятия. Ткачи Орехова-Зуева дали пример всем рабочим России.

Морозовская стачка встревожила правящие круги. «Эта громадная стачка, — писал В. И. Ленин, — произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования»[1]. В административном порядке было выслано 800 рабочих по месту основного жительства — в деревню. Состоялось два судебных процесса. Суду было предано 33 рабочих, среди них Моисеенко, Волков, Иванов. Второй судебный процесс происходил в мае 1886 г. во Владимире. На суде вскрылись факты столь чудовищного притеснения рабочих на фабрике, что присяжные вынуждены были вынести рабочим оправдательный вердикт. На 101 вопрос о виновности обвиняемых присяжные дали 101 отрицательный ответ.

Организованностью отличалась и забастовка в Иваново-Вознесенске в сентябре 1885 г., в которой приняли участие свыше 6000 рабочих пяти крупных фабрик. В 1887 г. трижды бастовали рабочие тифлисских железнодорожных мастерских, в сентябре 1888 г. объявили забастовку ткачи нескольких фабрик города Шуи. Газета «Голос Москвы» писала в 1885 г., что Морозовскую стачку следует рассматривать «не как единичное явление, а как звено громадного движения рабочих, охватившего за последнее время русские фабрики и коснувшегося почти всех центров нашей фабричной жизни».

Рост рабочего движения заставил правительство пойти на некоторую регламентацию отношений между фабрикантами и рабочими. В июне 1885 г. был издан закон о запрещении ночной работы подросткам и женщинам. 3 июня 1886 г. был издан закон о штрафах, где отчасти учитывались требования орехово-зуевских ткачей. Закон регламентировал взимание штрафов, определял их максимальный размер в пределах трети заработной платы, штрафные деньги должны были использоваться на нужды рабочих. Запрещалось расплачиваться с рабочими вместо денег купонами, хлебом, товарами. Расширялись права фабричной инспекции, утверждению которой подлежали правила внутреннего распорядка. Рабочие получали право жаловаться на хозяина и фабричную инспекцию в созданные коллегиальные губернские присутствия по фабричным делам. Одновременно закон 3 июня 1886 г. значительно увеличил уголовную ответственность за участие в стачках и особенно за руководство ими. Этот закон, являвшийся некоторой уступкой правительства рабочим, вызвал недовольство фабрикантов. Министр финансов Н. Х. Бунге — инициатор фабричного законодательства —

П. А. Моисеенко

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 23.

вынужден был уйти в отставку. На практике же фабриканты всячески обходили закон. В работах «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (1895) и «Новый фабричный закон» (1897) В. И. Ленин подчеркивал, что значение закона 3 июня 1886 г. заключалось в том, что он был отвоеван у правительства объединенной борьбой сознательных рабочих и выявил громадную силу рабочих масс.

Г. В. Плеханов

Работа Плеханова «Наши разногласия»

4. ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА». ПЕРВЫЕ МАРКСИСТСКИЕ КРУЖКИ В РОССИИ

Г. В. ПЛЕХАНОВ. ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» (1883—1903). Выдающуюся роль в распространении марксизма в России сыграли Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918) и деятели созданной им первой русской марксистской организации — группы «Освобождение труда».

Г. В. Плеханов был одним из руководителей «Земли и воли». После выступления на Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г. он перешел на нелегальное положение, стал профессиональным революционером. Плеханов вел пропагандистскую работу среди петербургских рабочих, активно участвовал в петербургских стачках конца 70-х годов. Признанный теоретик народничества, Плеханов был принципиальным противником тактики индивидуального террора. После раскола землевольческой организации он возглавил «Черный передел». В январе 1880 г. Плеханов, преследуемый полицией, вынужден был эмигрировать в Швейцарию. За границей он глубоко изучает произведения Маркса и Энгельса, следит за западноевропейским рабочим движением. Вокруг Плеханова формируется кружок единомышленников, прежних видных народников-чернопередельцев; в него вошли В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов.

Изучение работ классиков марксизма, переосмысление опыта русского революционного движения убеждало Плеханова и его единомышленников в правильности учения Маркса и Энгельса. Позднее Плеханов вспоминал: «Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преображался в наших глазах наш собственный революционный опыт... Теория Маркса, подобно ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина».

В 1882 г. Плеханов перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии», что означало для него окончательный разрыв с народничеством. Плеханов писал: «Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического Манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык». По просьбе Плеханова, переданной через П. Л. Лаврова, Маркс и Энгельс написали предисловие к русскому изданию, где указали, что революционное движение в России является важным фактором политической жизни в Европе.

В 1883 г. в Женеве Плеханов, Аксельрод, Засулич, Дейч, Игнатов создали первую русскую социал-демократическую организацию — группу «Освобождение труда». Свои задачи, впервые сформулированные в объявлении об издании «Библиотеки современного социализма», группа видела в следующем: «1) распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки; 2) критика господствующих в среде наших революционеров учений и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с

точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России».

Разрыв группы «Освобождение труда» с народничеством имел громадное значение для русского революционного движения. Плеханов и его соратники положили начало марксистскому направлению в общественной мысли и освободительном движении России. Они много сделали для распространения марксистских произведений в России, нелегально ввозили издаваемую ими литературу через Одессу, Ригу, Минск, через румынскую границу. Члены группы перевели на русский язык работы Маркса и Энгельса: «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке», «Нищета философии», «Речь о свободе торговли», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». За пять лет в «Библиотеке современного социализма» были опубликованы 15 работ Маркса и Энгельса, произведения других деятелей европейского рабочего движения, а также Плеханова. В 1884 г. стала выходить серия «Рабочая библиотека», рассчитанная на подготовленного читателя из рабочей среды.

Важнейшей заслугой группы «Освобождение труда» стало творческое применение марксизма к условиям России. В. И. Ленин писал: «Литературные произведения этой группы, печатавшиеся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи»[1]. В работах Плеханова, поставивших его в один ряд с крупнейшими западноевропейскими теоретиками научного социализма, было дано теоретическое обоснование российской социал-демократии. Плеханов вскрыл ошибочность народнической доктрины, указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии.

Большое значение в идейной борьбе с народничеством имела работа Плеханова «Социализм и политическая борьба», вышедшая в 1883 г. В ней содержался обстоятельный разбор всех направлений народничества, была вскрыта несостоятельность характерного для народников анархического отрицания политической борьбы и противопоставления социализма политике. Плеханов подчеркивал важность политической борьбы для экономических и социальных преобразований в обществе. В работе подробно изложена концепция научного социализма по вопросам политической борьбы, обосновано значение правильной революционной теории в освободительном движении. Плеханов подчеркивал: «Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире».

Резко критиковалась в брошюре народническая теория «захвата власти» кучкой заговорщиков. Шедшему от Бланки лозунгу «диктатуры меньшинства» Плеханов противопоставил марксистское учение о диктатуре пролетариата. «Диктатура класса, — писал он, — как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев». Убедительно раскрывалась роль пролетариата как самой передовой революционной силы, главного двигателя предстоящей революции в России. В противовес народникам, которые считали, что Россия стоит накануне социалистической крестьянской революции, Плеханов делал глубоко обоснованный вывод о неизбежности буржуазно-демократического переворота в России. Выступая против народнической схемы, идеализировавшей русское крестьянство, Плеханов преувеличивал политическую отсталость крестьянских масс, что впоследствии привело его к серьезным ошибкам.

Работа «Социализм и политическая борьба», блестящая по форме и глубокая по содержанию, нанесла сильный удар по народничеству. Народники встретили ее враждебно, Лавров осудил сам факт возникновения группы «Освобождение труда». Плеханов

Димитр Благоев.

Газета «Рабочий», издаваемая Благоевым

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 95.

продолжал борьбу. Его первая крупная марксистская работа стала символом веры русского социал-демократизма, она, по словам В. И. Ленина, «показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы» [1].

В 1885 г. вышла в свет новая книга Плеханова «Наши разногласия» — первая попытка марксистского исследования экономики и социальных отношений пореформенной России. Особое внимание Плеханов уделил аргументации вывода о том, что «разложение нашей общины представляет собою бесспорный и несомненный факт». Он показал несостоятельность народнических надежд на самобытный путь социального развития России, где капиталистические отношения проникли во все сферы хозяйства и созрели все предпосылки для дальнейшего развития крупного капиталистического производства.

Развивая свои прежние суждения, Плеханов доказывал необходимость создания в России рабочей социалистической партии, опирающейся на теорию марксизма. Говоря о задачах социалистов, он писал: «Возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. На этой дороге нас ждут успех и победа; все другие ведут к поражению и бессилию». Этот вывод Плеханов неустанно пропагандировал, стремясь сделать его достоянием каждого русского революционера. В 1889 г. он выступил с блестящей речью на Парижском конгрессе II Интернационала, в которой заявил, что революционная интеллигенция должна «усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может!».

Первые марксистские работы Плеханова были достижением русской общественной мысли, они расчищали почву для возникновения социал-демократического движения в России. Ошибочные суждения Плеханова, в частности недооценка им роли крестьянства, сложились в ходе ожесточенной идейной борьбы с народниками и отражали начальный период становления русской социал-демократии.

Группа «Освобождение труда» сделала первую попытку разработки программы русских социал-демократов. Осенью 1883 г. Плеханов написал первый проект, названный «Программа социал-демократической группы «Освобождение труда», где как уступка народовольцам допускался политический террор против абсолютистского правительства. Более четкое изложение позиции русских марксистов Плеханов дал в 1885 г. во втором «Проекте программы русских социал-демократов» (издан в 1888 г.).

В «Проекте программы» излагались положения о миссии рабочего класса, о низвержении абсолютизма как первоочередной задаче русского рабочего класса. Практические требования проекта включали общедемократические преобразования (демократическая конституция, всеобщее избирательное право, свобода слова, печати, совести, собраний и ассоциаций), социальные реформы в интересах рабочих (фабричное законодательство и создание инспекции с представительством от рабочих), ликвидацию остатков крепостничества в деревне и радикальный пересмотр аграрных отношений. Позднее, анализируя плехановский «Проект программы», В. И. Ленин писал: «Ошибка этой программы состоит не в том, чтобы в ней были ошибочные принципы или ошибочные частные требования. Нет. Принципы ее верны... Ошибочность этой программы — ее абстрактность, отсутствие всякого конкретного взгляда на предмет. Это, собственно, не программа, а самое общее марксистское заявление»[1]. Одновременно В. И. Ленин подчеркивал, что нельзя ставить эту ошибку в вину составителям программы, и особо отмечал, что в этой программе за двадцать лет до русской революции признана неизбежность «радикального пересмотра» крестьянской реформы.

С возникновением группы «Освобождение труда» российская социал-демократия стала составной частью международного пролетарского движения. Члены группы сотрудничали в западноевропейской социал-демократической прессе, участвовали в международных

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 312.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 232.

социалистических конгрессах. Высоко ценил деятельность Плеханова и его соратников Энгельс, который в 1885 г. писал В. Засулич: «Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»[1].

МАРКСИСТСКИЕ КРУЖКИ В РОССИИ. Почти в одно время с группой «Освобождение труда» в самой России, в Петербурге, образовался кружок, руководителем которого был студент Петербургского университета болгарин Димитр Благоев (1856—1924)[2]. Члены кружка изучали сочинения Маркса, думали о пропаганде идей научного социализма. В 1884 г. группа Благоева приняла название «Партия русских социалистов-демократов». Была разработана программа, в которой признавался факт развития капитализма в России, фабрично-заводские рабочие назывались ядром политической силы народа. Благоевцы в принципе отвергали тактику индивидуального террора, свою задачу видели в пропаганде идей социализма в рабочей среде. Программа группы не отличалась четкостью, позднее сам Благоев характеризовал ее «как смесь марксизма с лассальянством и с остатками старых утопических взглядов, которые в то время имели огромное влияние в России».

Группа Благоева предприняла попытку издания социал-демократической газеты «Рабочий». Удалось выпустить только два номера — полиция разгромила типографию. Газета была рассчитана на рабочего читателя, она стала первой попыткой создания в России социал-демократической рабочей печати. Группа Благоева действовала в условиях постоянных полицейских преследований. В 1885 г. арестовали и выслали на родину Благоева, к 1887 г. кружок был окончательно разгромлен.

Независимо от благоевцев в 1885—1886 гг. в Петербурге действовал кружок П. В. Точисского. Выходец из дворян, Точисский поступил рабочим на завод Берда, где вскоре вокруг него сплотились единомышленники. Сложилась социал-демократическая группа, названная «Товарищество санкт-петербургских мастеровых». Группа Точисского вела пропаганду марксизма на крупных предприятиях Петербурга, изучала издания группы «Освобождение труда». Точисский утверждал, что «в России может быть пригоден для революции только пролетариат», ошибочно не доверял крестьянству и революционной интеллигенции. «Товарищество» Точисского оставило заметный след в рабочем движении в Петербурге, из него вышли выдающиеся рабочие-пропагандисты В. А. Шелгунов, Е. А. Климанов.

Некоторые члены группы Точисского в конце 80-х годов вошли в новую социал-демократическую организацию—«Социал-демократическое сообщество», созданную студентом М. И. Бруcневым на основе объединения марксистски настроенных студентов с рабочими кружками. Группа Бруснева, по словам ее организатора, ставила своей «главною и основною целью выработать из участников... рабочих кружков вполне развитых и сознательных социал-демократов, которые во многом могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов». В 1890 г. насчитывалось свыше 20 кружков, где велись занятия с рабочими; на следующий год был создан на Новой бумагопрядильне первый женский рабочий кружок.

В 1891 г. состоялось первое открытое выступление брусневцев, участвовавших в демонстрации на похоронах публициста Н. В. Шелгунова. Около ста рабочих шли в рядах демонстрантов, они несли венок с надписью: «Указателю пути к свободе и братству». Участием в политической демонстрации группа Бруснева, прежде работавшая в подполье, громко заявила о своем существовании. В том же году была проведена первая маевка, организаторами которой были рабочие-брусневцы Ф. А. Афанасьев, Н. Д. Богданов, В. И. Прошин. На маевке ораторы призывали к свержению самодержавия. Группа Бруснева была разгромлена в 1892 г. Политические выступления рабочих-брусневцев имели важное значение в истории рабочего движения в России. В. И. Ленин писал: «1891-ый год—участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маевке.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 36, с. 260.
[2] *Димитр Благоев* — основатель Коммунистической партии Болгарии.

Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения»[1].

Марксистские кружки и группы возникали не только в Петербурге, но и в других городах России. В конце 1887 — начале 1888 г. в Казани сложился марксистский кружок под руководством Н. Е. Федосеева, которого В. И. Ленин характеризовал как «...необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»[2]. В кружке Федосеева студенты Казанского университета изучали и переводили произведения Маркса и Энгельса, вели пропаганду в рабочей среде. Федосеевский кружок приступил к составлению программы, причем как несостоятельные были отвергнуты «главные положения народовольческой и народнической партии». Наряду с центральным кружком существовали низовые кружки. В один из таких кружков вступил В. И. Ленин, когда осенью 1888 г. он вернулся из ссылки в деревню Кокушкино. Летом 1889 г. Федосеева арестовали, а кружки, им организованные, разгромили.

В 80-е годы процесс утверждения марксизма в России только начинался. Это был период возникновения теории и программы русской социал-демократии. Число сторонников нового направления было невелико. «Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития»[3]. Новый период, связанный с именем В. И. Ленина, начался с середины 90-х годов.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 250.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 325.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 180.

3 РОССИЯ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

ГЛАВА 18. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА (КОНЕЦ XIX В. — 1917 Г.)

1. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТРАНСПОРТА И ТОРГОВЛИ. СКЛАДЫВАНИЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЕМ 90-х ГОДОВ. Экономика России в 90-е годы продолжала развиваться в условиях нарастающих противоречий между достаточно высоко развитым промышленно-капиталистическим производством и сохраняющими свою силу полукрепостническими общественными отношениями. Крепостнические пережитки — самодержавная бюрократическая государственность, помещичье землевладение с полуфеодальными методами эксплуатации крестьянства, сословная организация общества тормозили поступательное развитие русского капитализма.

Однако главным фактором развития экономики России явился дальнейший рост капитализма, подчинившего себе еще существовавшие докапиталистические уклады, становившегося частью единой мировой экономической системы.

Включение капиталистической России в мировой процесс выявилось уже в начале 80-х годов, когда экономический кризис, охвативший все развитые капиталистические страны Европы, тяжело отразился на экономике России. Он перерос в затяжную депрессию, которая усугубилась голодом 1891 г. Так же как и в других странах Европы, промышленный кризис в России прежде всего отразился на слабых, технически плохо оснащенных предприятиях, многие из которых прекратили свое существование. В то же время крупные капиталистические предприятия еще более усилили свое экономическое положение.

Кризис в России так же, как и во всей Европе, явился выражением противоречий капиталистической системы хозяйства. Его следствием были обострившаяся конкурентная борьба и ускорение процесса концентрации капитала, завершавшегося образованием монополий, что свидетельствовало о переходе капитализма в новую стадию — империализм. В 1893 г. в России начался промышленный подъем, в результате которого к началу XX в. окончательно сложилась система российского капитализма с ее экономическими, социальными и политическими особенностями.

Рост промышленного производства в 90-е годы имел место во всех отраслях промышленности России. Наиболее высокими темпы роста были в металлургической, машиностроительной и горнозаводской промышленности. Продукция черной металлургии за эти годы увеличилась более чем в три раза, причем прирост шел главным образом за счет новых, хорошо оснащенных металлургических заводов Юга. Это позволило России почти полностью отказаться от импорта металла. В машиностроении, где производство в годы подъема 90-х годов также увеличилось в три раза, прирост происходил большей частью за счет увеличения выпуска продукции старых заводов. Изготовление транспортных средств оставалось основным производством машиностроительных заводов России, но ассортимент выпускаемых машин значительно расширился.

Быстрые темпы роста тяжелой индустрии потребовали увеличения добычи промышленного топлива — каменного угля и нефти. Добыча нефти возросла более чем в 2,5 раза, а каменноугольная промышленность увеличила свое производство почти в 3 раза (см. гл. 12).

Бурный подъем в 90-х годах переживало железнодорожное строительство, стимулировавшееся огромными государственными вложениями. За 1890—1900 гг. протяженность железных дорог России увеличилась почти в два раза. Большое значение для экономики России имело строительство железных дорог, связавших крупные промышленные центры между собой и Центральную Россию с окраинами. Железнодорожное строительство увеличило спрос на продукцию металлургических и машиностроительных заводов.

Текстильная промышленность по абсолютным размерам производства продолжала оставаться на первом месте, но темпы ее роста уступали темпам роста тяжелой индустрии.

Итогом промышленного подъема последнего десятилетия XIX в. явилось не только общее увеличение продукции промышленности (она возросла к концу века в 2 раза), но и значительная концентрация производства, повышение производительности, техническое перевооружение предприятий и, наконец, переход промышленности России к крупным капиталистическим формам организации производства.

КРИЗИС НАЧАЛА 900-Х ГОДОВ. Экономика России, как и всякой развитой капиталистической страны, была подвержена циклическому развитию, для которого характерны периоды подъема, кризиса и депрессии. За промышленным подъемом следовал кризис начала 900-х годов, охвативший также все развитые капиталистические страны. Для России он оказался особенно тяжелым и длительным.

Первым признаком кризиса было резкое падение цен на основные виды продукции промышленных предприятий. Этому предшествовали сокращение Государственным и частными банками кредита предприятиям и повышение ставки учетного процента, вызванные европейским денежным кризисом 1899 г. Предприятия были вынуждены сами сокращать кредит под отпускаемые товары, что резко отражалось на реализации продукции. Избыток товаров стал причиной продолжительного падения цен на внутреннем рынке. Это привело к обесцениванию

Паровозостроительный завод. Фото

Подростки-разметчики. Фото

Кругобайкальская железная дорога. Фото

самих предприятий и падению курса акций. Производство сокращалось почти на всех промышленных предприятиях. По всей стране из-за отсутствия заказов закрывались многие мелкие, средние и даже некоторые крупные акционерные предприятия с основным капиталом в несколько миллионов рублей. Всего за годы кризиса закрылось около 3 тыс. средних и крупных предприятий.

Кризис в меньшей степени затронул крупные промышленные предприятия. Устойчивость им придавало комбинированное производство на большинстве этих предприятий. В условиях неравномерного снижения спроса на отдельные виды товаров эти предприятия могли варьировать производство различной продукции.

Следствием кризиса была еще более усилившаяся концентрация производства, особенно в важнейших для капиталистической экономики России отраслях промышленности — металлургической, машиностроительной и топливной. Так, в металлургической промышленности при значительном сокращении числа действующих доменных печей и численности занятых рабочих выплавка чугуна в 1902 г. по сравнению с 1899 г. даже

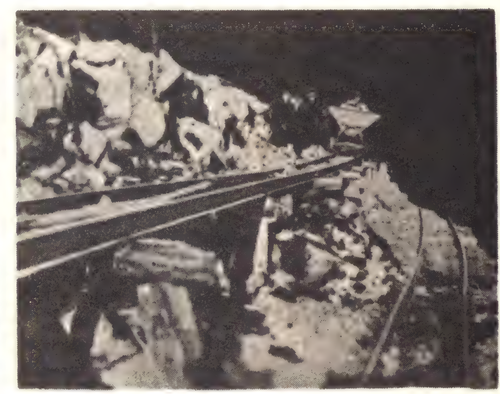
несколько увеличилась. В Донбассе закрытие большого числа копей и сокращение числа рабочих повлекло заметное падение добычи угля. Такое же положение было в нефтяной промышленности и в других отраслях индустрии.

Меньше всего кризис отразился на легкой промышленности. Основным потребителем продукции этой отрасли был внутренний массовый рынок, покупательная способность которого в 1900—1903 гг. увеличилась благодаря некоторому повышению урожайности.

ДЕПРЕССИЯ. В отличие от капиталистических стран Европы, где с 1904 г. уже начался новый восходящий цикл экономического развития, сменившийся в конце 1907 г. новым промышленным кризисом, Россия пережила длительную полосу экономической депрессии, которая характеризовалась медленным приливом нового капитала в промышленность.

Застой в промышленном развитии был связан с резким ухудшением финансового состояния страны в результате огромных затрат на ведение русско-японской войны и с дефицитом государственного бюджета. Для сохранения своей финансовой системы самодержавию пришлось прибегнуть к внешним займам.

Другим важным историческим фактором, отразившимся на экономическом состоянии страны, явилась революция 1905—1907 гг. Массовое забастовочное движение привело, конечно, к известной дезорганизации производства. Однако экономическая борьба предпринимателей против революции нанесла гораздо более значительный урон промышленности, чем стачечная борьба рабочих. Русские и иностранные капиталисты, напуганные размахом революции, не только не

решались вкладывать свой капитал в промышленность, но и сознательно свертывали производство, объявляя массовые локауты. Сельское хозяйство страны также в большей степени пострадало от репрессий царского самодержавия по отношению к крестьянам, чем от революционного выступления крестьян против помещиков.

Под воздействием этих факторов экономика России вплоть до нового промышленного подъема в 1909 г. развивалась крайне медленно.

За 1900—1908 гг. общее число рабочих увеличилось на 432 тыс. человек, а объем выпускаемой продукции — на 37%. В металлургической промышленности лишь к 1908 г. были достигнуты более высокие показатели производства, чем до начала кризиса 1900 г. Впереди шли заводы Юга России, где наблюдались признаки прогресса в техническом оснащении производства. Энерговооруженность труда на заводах Юга превышала средний показатель по стране в 3,3 раза. 40% всего чугуна производилось на заводах Юга.

К 1908 г. началось оживление промышленного производства и на Урале, стабилизировалось положение коммерческих банков, что способствовало развитию учетно-ссудных операций. Концентрация капиталов была особенно высокой в петербургских банках. Их удельный вес среди капиталов акционерных банков вырос с 38 до 57%. Они становились финансовыми империалистическими монополиями.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЕМ 1909—1913 ГГ. С конца 1909 г. полоса длительной депрессии начала сменяться промышленным подъемом. К этому времени лись в наиболее монополизированных отраслях промышленности — черной и цветной металлургии, машиностроении и топливной. В значительной степени новый промышленный подъем обусловливался ростом потребностей промышленности в металле в связи с огромными правительственными заказами на военные нужды. На улучшение экономической конъюнктуры оказали влияние высокие урожаи в 1909—1913 гг. (за исключением 1911 г.), сделавшие возможными в небывалых размерах повысить экспорт хлеба. Для хозяйства страны это было особенно важным, так как на международном хлебном рынке цены возросли в среднем на 35%. Стоимость экспорта в России увеличилась почти на 1 млрд. руб. по сравнению с концом 90-х годов.

В годы подъема значительно повысилась товарность сельского хозяйства, возросла покупательная способность населения в результате таких завоеваний первой русской революции, как отмена в 1907 г. выкупных платежей и повышение заработной платы рабочих. Торговый оборот только за четыре года (1909—1913) возрос на 2,3 млрд. руб., т. е. почти в 1,5 раза. Выросли денежные вклады и текущие счета во всей кредитной

Конка. Фото

промышленность почти достигла, а в некоторых отраслях и превысила докризисный уровень производства. Показатели темпов роста производства в некоторых отраслях в период нового промышленного подъема оказались намного выше, чем во время подъема 90-х годов. Важнейшим и определяющим фактором этого явления был сформировавшийся к этому времени в России монополистический капитал. Самые высокие темпы роста производства в 1909—1913 гг. наблюдасети: к 1913 г. они достигли 4,7 млрд. руб., т. е. увеличились по сравнению с 1900 г. на 235%. Огромный спрос на денежные капиталы впервые был удовлетворен за счет внутреннего денежного рынка. Удельный вес иностранного капитала в общей сумме основного капитала новых акционерных компаний резко уменьшился. Так, в 1909 г. он равнялся 11,8%, а в 1913 г. — 0,8%. При этом импорт иностранного капитала продолжался в прежних абсолютных размерах.

Экономическому подъему 1909—1913 гг. была присуща неравномерность изменения конъюнктуры по отдельным отраслям и районам. Эта неравномерность, характерная вообще для капиталистической экономики, в период империализма под влиянием монополий и банков особенно усиливается. Удельный вес продукции южных металлургических заводов, опекаемых финансовым капиталом, в годы подъема резко возрос: из 283 млн. пудов чугуна, выплавленного в 1913 г. в России, около 190 млн. пудов, или 67%, приходилось на заводы Юга (в 1900 г. последний показатель равнялся 52%). На уральских заводах за эти годы производство чугуна увеличилось на 10,5%, в то время как его удельный вес в отрасли значительно понизился — с 28,5% в 1900 г. до 19,7% в 1913 г. То же явление наблюдалось и в каменноугольной промышленности. Добыча угля все более сосредоточивалась в Донбассе и в районе Урала. На Урале добыча угля увеличилась в три с лишним раза при общероссийском показателе 2,3 раза, тем не менее удельный вес уральского угля в 1913 г. был незначительным — 3,3%.

На экономическую конъюнктуру влияли также искусственное замораживание производства и взвинчивание цен на внутреннем рынке, проводимые монополиями. Нефтяные монополии, не желая вкладывать капиталы на расширение производства, увеличивали свои прибыли за счет резкого повышения цен на нефтепродукты. Так, цена на сырую нефть в Баку за 1900—1913 гг. повысилась в три раза. Дивиденды нефтяных акционерных компаний были самыми высокими в стране, но сокращение добычи нефти болезненно отражалось на народном хозяйстве.

В годы промышленного подъема темпы роста производства в ряде ведущих отраслей промышленности, в том числе и в черной металлургии, были выше, чем в высокоразвитых странах Европы и в США. Объем выпускаемой продукции в машиностроении увеличился за эти годы в полтора раза, причем значительно расширился ассортимент машин и механизмов. Высокими темпами развивались пищевая и некоторые отрасли легкой промышленности. Самая развитая в России отрасль промышленности — хлопчатобумажная — легче других перенесла кризис и депрессию: прирост производства здесь был не очень высоким, но стабильным.

В годы промышленного подъема 1909—1913 гг. еще более возросла роль железных дорог во внутренних экономических связях. К 1913 г. в основном завершилось строительство железнодорожных линий, связавших центральные районы России с окраинами. Общая протяженность железных дорог составила 61,2 тыс. верст. Однако, начиная с 900-х годов, темпы железнодорожного строительства сократились. Правительство резко уменьшило средства, отпускаемые на строительство казенных железных дорог, и отменило гарантии на акционерный капитал предприятий частных железных дорог. В то же время грузооборот железных дорог постоянно увеличивался.

Значительную роль в экономике играл речной транспорт — в некоторых районах основное, а иногда и единственное средство грузоперевозок. Речной транспорт имел хорошую отечественную судостроительную базу. Более ²/₃ грузов перевозилось на паровых судах. В годы подъема наметились изменения в русском морском торговом флоте. Хотя темпы роста морского торгового флота оставались сравнительно невысокими (15,7%), в предвоенные годы он пополнялся преимущественно крупными пароходами и теплоходами дальнего плавания и большого каботажа. Усилилась роль торговых флотов Балтийского и Северного морей. В морском судоходстве высокого уровня достигла концентрация капитала. Перед первой мировой войной 45% тоннажа русского торгового флота принадлежало шести акционерным компаниям. Однако русские судоходные предприятия по-прежнему не выдерживали конкуренции с иностранными пароходными компаниями, в руках которых находилась основная масса заграничных грузоперевозок.

Общий уровень развития транспорта оставался еще низким, очень мало было шоссейных дорог и мостов. Во многих районах местные грузоперевозки весной и осенью останавливались.

Промышленный подъем 1909—1913 гг. не вызвал появления на карте России новых промышленных центров, как это было в 90-х годах. Основная часть промышленного производства и железных дорог по-прежнему сосредоточивалась в старых промышленных районах. Однако внутри этих районов произошли некоторые структурные изменения. Так, в Центральном промышленном районе резко поднялся удельный вес тяжелой промышленности — он стал крупным центром

машиностроения. В Северо-Западном районе выросли крупные предприятия текстильной и химической промышленности. В Прибалтийском районе значительно расширилось производство машиностроительной, химической, металлообрабатывающей, электротехнической промышленности. Южный район и Украина продолжали оставаться основной базой горнодобывающей, металлургической и сахарной промышленности, но и здесь появились новые машиностроительные и судостроительные предприятия. В Бакинском районе, который оставался нефтепромышленным центром страны, выросли предприятия нефтяного машиностроения и появилась единственная в окраинных районах России крупная текстильная фабрика.

Вступление России в эпоху империализма привело к возникновению новых форм в торговле, к значительной ее концентрации и усилению участия банковского капитала в торговых операциях. В 1900—1913 гг. внутренний товарооборот России вырос на 64,4% и составил 18,5 млрд. руб. Большое развитие получили торговые акционерно-паевые предприятия. Промышленные монополистические объединения — «Продамет», «Продуголь», «Медь» и др. играли все большую роль в сбыте товаров на внутреннем рынке. Торговые операции с сельскохозяйственными продуктами вели и коммерческие банки. Значительно поднялся удельный вес магазинной торговли. В крупных городах появились универсальные и специализированные магазины. Дальнейшее развитие получила биржевая форма торговли. В период домонополистического капитализма почти все российские биржи были товарными, где лишь изредка пускались в обращение ценные бумаги. С 900-х годов наметилось разделение бирж на фондовые и товарные. Последние, в свою очередь, стали специализироваться по отдельным товарам—хлебные, мясные, лесные и др. В 1906 г. создается специальная организация — Совет съездов представителей торговли и промышленности, выражавший интересы биржевых комитетов. Во главе совета стояли видные представители финансовой олигархии — В. И. Тимирязев, Н. С. Авдаков, Э. Л. Нобель и др. В 1912 г. в России действовало 85 бирж. Несмотря на значительные качественные изменения в биржевой торговле, в правовом отношении она регулировалась давно устаревшими законами.

Наряду с новыми капиталистическими формами торговли сохранялись и старые, характерные для феодально-крепостнической России. Даже в оптовой торговле большинство составляли средние и мелкие предприятия. В 900-х годах 87% товарооборота приходилось на лавки, палатки, ларьки и разносную торговлю. Широкому внедрению новых форм торговли мешали низкий уровень развития транспортной сети, недостаточность товарных складов и элеваторов. Развитие внутренней торговли тормозилось низкой покупательной способностью основной массы населения — крестьян. В 1912 г. стоимость товара, приобретаемого одним сельским жителем, была в 16,5 раз меньше стоимости товара, покупаемого горожанином.

Возрастал экспорт русских товаров за границу. В 1900—1913 гг. вывоз русских товаров за границу, несмотря на самые высокие в мире таможенные пошлины, увеличился на 212,2%. Главным экспортным товаром оставался хлеб, другие продукты сельского хозяйства, сырье. Удельный вес промышленных товаров был незначительным и не превышал 10% экспорта. Большая часть их вывозилась в Китай и Иран. Среди ввозимых в Россию товаров значительную часть составляли оборудование для промышленности и транспорта, цветные металлы, продукция химической промышленности и текстильное сырье. Немалую долю импорта занимали предметы роскоши. Главными внешнеторговыми партнерами России являлись Англия и Германия.

В 1905 г. для осуществления руководства всей внешней и внутренней торговлей было создано Министерство торговли и промышленности. Тесно связанное личными контактами с крупнейшими банковскими и промышленными монополиями, оно стало ярым защитником интересов российской финансовой олигархии.

Перед первой мировой войной Россия располагала высокоразвитой банковской системой. Центральное место в этой системе занимали Государственный банк и столичные акционерные коммерческие банки. Государственный банк России помимо его значения как центрального эмиссионного банка страны и крупнейшего денежно-кредитного учреждения являлся непосредственным органом проведения в жизнь экономической политики царского правительства. Наряду с Особой канцелярией по кредитной части Министерства финансов, Государственный банк был

важнейшим звеном государственно-капиталистического хозяйства. Он оказывал непосредственную поддержку банковским монополиям, сам занимался кредитованием промышленности и торговли через широкую сеть отделений и контор.

Вторым наиболее мощным звеном в российской кредитной системе были частные акционерные банки коммерческого кредита. По концентрации капитала акционерные коммерческие банки России превосходили банки развитых капиталистических стран. Перед первой мировой войной 89,3% всего основного капитала акционерных банков принадлежало банкам с акционерным капиталом свыше 10 млн. руб. Наиболее крупную роль играла группа петербургских банков: Русско-Азиатский, Петербургский международный, Азовско-Донской, Торгово-промышленный и Русский для внешней торговли — так называемая «большая пятерка», на долю которой приходилась почти половина всех ресурсов капитала и активов русских акционерных банков. Концентрация сопровождалась централизацией банковских капиталов путем слияния и поглощения крупными столичными банками относительно мелких провинциальных банков. Вся страна покрывалась сетью филиалов крупнейших акционерных банков. Только петербургским и московским банкам перед первой мировой войной принадлежали 719 филиалов. Активы акционерных коммерческих банков равнялись 72,3% активов всех кредитных учреждений России в 1914 г. Несмотря на очень высокий уровень концентрации и централизации капитала акционерных банков, резко возросла численность обществ взаимного кредита и городских банков. В 1913 г. в России было 1108 обществ взаимного кредита с суммой основных активов 865 млн. руб. и 317 городских банков с суммой активов 245 млн. руб.

В системе земельного кредита по-прежнему выделялись два государственных банка — Дворянский земельный и Крестьянский поземельный. Деятельность этих банков способствовала укреплению капиталистических элементов в сельском хозяйстве, повышению его товарности. Помимо государственных учреждений земельного кредита действовали 8 местных дворянских земельных банков, 10 акционерных земельных банков и 36 городских кредитных обществ. Всеми земельными банками перед первой мировой войной было выпущено закладных листов на сумму 5,4 млрд. руб. и предоставлено долгосрочных кредитов на сумму 5,3 млрд. руб. Из них почти 60% было получено помещиками. Таким образом, царское правительство продолжало использовать систему земельного банковского кредита в интересах сохранения крупного землевладения.

После русско-японской войны и революции 1905—1907 гг. финансы России оказались в тяжелом состоянии. В период с 1905 по 1909 г. государственный долг России достиг 3 млрд. руб. Стремясь сократить расходы, чтобы обеспечить бездефицитный бюджет, правительство пошло на свертывание удачно сложившейся организации государственного регулирования промышленности, почти полностью прекратило финансирование строительства железных дорог. В государственном бюджете урезывались не только расходы на экономические и культурные нужды, но и статьи расходов на вооружение. Правительство увеличивало поступления в казну за счет введения новых косвенных налогов, что прежде всего отражалось на положении трудящихся масс.

Промышленный подъем создал благоприятные условия для притока золота в Государственный банк (только за два года, 1909—1910, было получено 145 млн. руб. золотом) и увеличения вкладов в частные коммерческие банки. Хотя в 1910—1913 гг. новые займы не заключались, государственный внешний долг продолжал увеличиваться. Среднегодовые платежи по займам достигли 405 млн. руб. Большая часть государственного бюджета уходила на содержание государственно-бюрократического аппарата и на военные расходы.

РОССИЙСКИЙ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ. Решающими предпосылками перерастания домонополистического капитализма в империализм были рост крупного производства в главных отраслях индустрии, высокий уровень его концентрации, обобществление производства и централизация капитала. В России крупные промышленные предприятия существовали еще при крепостном строе (металлургические заводы Урала, керамическая и стекольная промышленность и некоторые другие). Монополизация охватила прежде всего новые отрасли промышленности (топливную в Донбассе и Баку, металлургическую на Юге), где при помощи иностранного капитала создавались

оснащенные передовой техникой предприятия. В процесс монополизации были вовлечены и крупнейшие машиностроительные заводы Центральной России, которые при активной поддержке правительства смогли за короткий срок модернизировать свое производство.

Первые монополистические объединения в России возникли в 80-х годах XIX в. в металлургической промышленности и транспортном машиностроении, связанных с выполнением крупных железнодорожных заказов. Это были временные союзы нескольких предприятий, выпускавших одинаковую продукцию. Руководящий орган объединения — Совет распределял заказы на определенные виды продукции согласно принятым квотам. Совет устанавливал цены на продукцию, оставляя, однако, право для большинства предприятий (контрагентов) самим назначать цены. За принятие заказа помимо Совета контрагенты должны были выплачивать большую неустойку и штраф. Обычно такие договоры заключались на 3—5 лет, по истечении которых эти монополистические союзы распадались в результате быстро менявшегося соотношения сил между участниками.

В транспортном машиностроении в 80—90-х годах почти десять лет существовал «Союз вагоностроительных заводов», в состав которого вошли почти все крупные предприятия России по производству подвижного состава для железных дорог. В нефтяной промышленности почти одновременно возникли монополистические объединения крупных фирм — «Союз бакинских керосинозаводчиков» и «Союз семи фирм», куда вошли предприятия, контролировавшие 97% производства нефти и нефтепродуктов.

Монополистические тенденции проявлялись и в отраслях легкой промышленности — текстильной и свеклосахарной. Объединение сахарозаводчиков было одним из первых в России.

В организационном отношении временные монополистические союзы 80—90-х годов представляли собой картели, однако большинство их выполняло, по существу, функции синдиката[1]: решало все вопросы сбыта.

Экономический кризис начала 900-х годов дал новый толчок монополизации промышленности. Начинается второй этап истории монополистического капитала (1900—1903), когда в России капиталистические монополии становятся «одной из основ всей хозяйственной жизни»[1], охватывая все отрасли тяжелой и некоторые отрасли легкой промышленности. В этот период складываются устойчивые связи между крупнейшими промышленными предприятиями и банками. В организационном отношении среди монополистических объединений преобладала форма синдиката. Монополизации способствовала и экономическая политика царского правительства, видевшего в ней средство спасения крупных предприятий от краха в годы кризиса. Ведущая роль в становлении монополистического капитала принадлежала отраслям промышленности, производившим средства производства. Участие иностранного капитала в монополизации ограничивалось финансированием отдельных контрагентов крупных синдикатов в металлургической, топливной и некоторых других отраслях промышленности. Существенным организационным отличием монополистических объединений этого периода от временных союзов было появление легальных распределительных контор синдикатов в виде акционерных обществ для продажи отдельных видов изделий.

В 1902 г. возникло небольшое торговое «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов» («Продамет») с акционерным капиталом в 900 тыс. руб. Под вывеской скромного торгового предприятия выступала крупнейшая не только в общероссийском, но и в международном масштабе монополистическая организация ведущих предприятий русской металлургической промышленности, оборот продукции которой исчислялся сотнями миллионов рублей. Устав этого общества ничем не отличался от обычных уставов тысячи других акционерных компаний. Но фактически акции «Продамета» были изъяты из биржевого обращения: они были заранее расписаны по контрагентам,

---

[1] *Картель* — форма монополистического объединения, участники которого заключают соглашение о регулировании объемов производства, условий сбыта продукции, найма рабочей силы в целях извлечения монопольной прибыли. Здесь сохраняется производственная и коммерческая самостоятельность; *синдикат* — одна из форм монополистического объединения, где распределение заказов, закупка сырья и реализация производственной продукции осуществляются через единую сбытовую контору. Сохраняется производственная, но утрачивается коммерческая самостоятельность отдельных предприятий.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 317.

которые не могли распоряжаться ими по своему усмотрению. Руководящим органом «Продамета» был Совет общества. В отличие от монополистических союзов 80—90-х годов синдикат имел исполнительный орган — Управление общества с большим аппаратом служащих. Вся территория России была поделена на 13 районов со своими конторами по распределению заказов.

Продукция заводов, перечисленная в контрагентских договорах, могла быть реализована только через синдикат. В то же время «Продамет» имел право на комиссионные операции с продукцией несиндицированных предприятий. Постепенно «Продамет» прибрал к своим рукам реализацию наиболее важных видов продукции металлургической промышленности. Синдикат объединил крупнейшие металлургические предприятия России, и, хотя их число не превышало 20% всех заводов этой отрасли, они производили более 80% всей продукции металлургической промышленности на сумму 255 млн. руб. (1910). Этот синдикат был самой мощной монополистической организацией не только в своей отрасли, но и в общегосударственном масштабе. Дальнейшее усиление монополистических тенденций в «Продамете» привело к выработке в 1909 г., помимо сепаратных контрагентских договоров, общего соглашения по распределению квот и ассортимента синдицированных продуктов, определению цен и др.

Уже в начале становления синдиката «Продамет» в его недрах возникли противоречия между интересами предприятий старых промышленных центров и южных металлургических заводов. Борьба внутри синдиката шла за квоты, за систему расчета групповых цен, за премии контрагентам, за руководство в управлении. В то же время «Продамет» вел жестокую конкурентную борьбу с другими объединениями и предприятиями, особенно с уральскими заводами, которые в 1907 г. объединились в синдикат «Кровля». Оружием «Продамета» в этой борьбе была обычная в таких случаях политика «боевых цен». В результате «Кровля» так и не достигла монопольного положения даже на рынке своей основной продукции — кровельного и сортового железа.

В 1902 г. был образован синдикат «Трубопродажа», куда вошли все предприятия трубопрокатного производства. Деятельность проволочных и гвоздильных предприятий полностью контролировалась синдикатом «Гвоздь» (1904), а после его распада — синдикатом «Проволока» (1908).

Высокого уровня монополизация достигла в нефтяной промышленности, где монополистические соглашения охватили не только весь внутренний рынок, но и экспортный. Две крупнейшие в отрасли фирмы — товарищество «Бр. Нобель» и общество «Мазут», которые представляли собой монополистические организации высшего типа, заключили в 1905 г. соглашение, монополизировавшее 77% торговли нефтепродуктами.

В каменноугольной промышленности синдикат «Общество для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна» («Продуголь», основан в 1904 г.) объединил предприятия с выработкой 75% всей добычи угля в этом районе. Возникшие позже угольные синдикаты, действовавшие на местных рынках Сибири, Польши и Урала, вскоре подпали под влияние «Продугля». Сам синдикат «Продуголь» находился в сложном положении: главные потребители каменного угля — металлургические предприятия в большинстве своем имели комбинированное производство, куда входила и добыча угля. Это ослабляло позиции «Продугля» и ставило его в зависимость от «Продамета». Однако роль угольного синдиката в экономике страны была значительной. Политика взвинчивания цен, резкое снижение добычи угля на синдицированных предприятиях приводили к топливному голоду и тяжело отражались на народном хозяйстве страны. В районе Донбасса и Криворожья действовал также синдикат «Продаруд» (1907), объединявший крупнейшие горнорудные предприятия Юга России.

В транспортном машиностроении в этот период возникли два синдиката, почти полностью монополизировавшие производство. Это «Продвагон» (1904), объединивший 13 заводов, и «Союз паровозостроительных заводов» (1906), в состав которого вошло 8 предприятий.

Процесс монополизации охватил и такую слабую отрасль машиностроения, как производство сельскохозяйственных машин. Создание синдиката «Съезд фабрикантов сельскохозяйственных машин и орудий» (1907) ознаменовалось общим повышением цен и сокращением кредитов покупателям, что тяжело отразилось прежде всего на таких потребителях, как земства и кооперативы.

Крупное монополистическое объединение в

цветной металлургии «Медь» (1907) по организационной структуре мало отличалось от подобных синдикатов в других отраслях, выступавших под именем торговых обществ. Но фактически за этим синдикатом стояла московская торговая фирма Вогау, получившая монопольное право на продажу меди. Заключив соглашение с меднопрокатными заводами, она лишила их самостоятельности в покупке меди и в продаже изделий из нее. Таким образом, фирма Вогау, представлявшая в России германский капитал, использовала синдикат для монополизации очень важной в народном хозяйстве отрасли промышленности.

Крупные монополистические объединения возникли: в цементной промышленности — синдикат «Русское товарищество торговли цементом» (1904), монополизировавший 90% производства; в резиновой промышленности — синдикат «Треугольник» (1907), куда вошли все предприятия отрасли.

Медленнее и слабее проходил процесс капиталистической монополизации в текстильной промышленности, где создавались в основном картели, которые устанавливали цены и определяли некоторые условия производства.

На транспорте наибольшего развития достигла монополизация речного судоходства. В течение трех лет, начиная с 1906 г., на всех крупных реках появились синдикатские объединения пароходных предприятий, которые монополизировали все речные сообщения в бассейне реки Волги, на Днепре и на сибирских реках. В морском судоходстве в 1903 г. возник синдикат «Объединенное общество транспортирования и страхования грузов в Персии», монополизировавший все заграничные грузоперевозки на Каспийском море. В противовес монополии товарищества «Бр. Нобель» и обществу «Мазут» владельцы наливных судов в 1907 г. создали синдикат «Союз каспийских судовладельцев наливного флота», сосредоточивший у себя 65% грузоподъемности всех наливных судов. На Черном море «Русское общество пароходства и торговли» (РОПИТ), поглотив ряд других пароходных предприятий, подчинило себе с помощью различных соглашений остальные судоходные предприятия, монополизировав почти все грузоперевозки.

К концу первого десятилетия XX в. в России не было такой отрасли промышленности и транспорта, которую не затронул бы процесс монополизации. Во многих важнейших отраслях синдикаты овладели внутренним рынком, диктовали цены и искали выход на внешний рынок. Монополистические объединения, принимавшие самые разнообразные организационные формы (скрытые и легальные), уже перед экономическим подъемом 1909 г. превратились в основной фактор хозяйственно-экономической жизни России.

В годы предвоенного экономического подъема 1909—1913 гг. продолжали возникать новые монополистические объединения в виде картелей и синдикатов, происходил интенсивный процесс централизации капитала, еще более высокого уровня достигла концентрация производства. Но характерной чертой этого времени было появление монополий высшего типа — трестов и концернов, что было результатом острой конкурентной борьбы между монополистическими объединениями в различных отраслях, связанных между собой взаимными поставками продукции. Возникают крупные комбинированные предприятия, включающие все стадии производства — от добычи сырья до сбыта готовой продукции. Новые формы приобрела тесная связь с банковским капиталом. С помощью крупнейших петербургских банков отдельные предприятия создавали у себя новые виды производства, присоединяли смежные предприятия. В. И. Ленин так определил высшую форму монополистического объединения: «*Трест — собственность* на все предприятия *единая* и абсолютная власть»[1]. Производственная, коммерческая и финансовая деятельность сосредоточивалась в одних руках. В России тресты возникали или путем слияния отдельных предприятий в одно, или на основе общего финансового руководства, при сохранении формальной самостоятельности входивших в трест предприятий; второй путь получил более широкое распространение. Трестирование, охватившее все отрасли промышленности, было более глубоким в тяжелой индустрии, где оно проходило при участии правительственных органов. На создание трестов оказала влияние ожесточенная конкурентная борьба между русским и иностранным финансовым капиталом, которая иногда заканчивалась освобождением треста от иностранной зависимости. Конкурентная борьба шла и между русскими банками за контроль над трестом.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 47.

Объединение банковского и промышленного капитала принимало форму не только трестов. Банковский контроль над трестами приводил к созданию финансово-промышленных групп. В годы предвоенного экономического подъема под руководством Русско-Азиатского и Петербургского Международного коммерческого банка возникли два таких крупнейших объединения. В группу Русско-Азиатского банка входили громадный военно-промышленный концерн во главе с объединением «Путиловский — Невский», нефтяной концерн, в составе которого находились тресты А. И. Манташева, С. Г. Лианозова и русского товарищества «Нефть». В эту группу вошли созданные Русско-Азиатским банком тресты табачный, ниточный и жировой. В сфере ее влияния находились, кроме того, крупные железнодорожные общества, предприятия машиностроительной, горнорудной, каменноугольной промышленности.

Финансово-промышленная группа Международного коммерческого банка создала огромный военно-промышленный концерн путем слияния судостроительного треста «Николаевский — Руссуд» и машиностроительного треста «Коломна — Сормово».. Все предприятия, входившие в состав концернов и трестов, номинально сохраняли самостоятельность. Однако руководство финансовой группы проводило специализацию и кооперирование производства, осуществляло тесную производственно-техническую связь.

Финансово-промышленные группы меньшего масштаба были созданы и другими петербургскими банками — учетным и ссудным, частным коммерческим, Азовско-Донским и Русским для внешней торговли.

Процесс становления высших форм монополистических объединений носил всеобъемлющий характер. Он охватил наиболее важные отрасли промышленности и осуществлялся при непосредственном участии банковского капитала. Перед первой мировой войной монополистический капитализм превратился в систему, которой принадлежали ключевые позиции в народном хозяйстве России. И все же вне сферы монополий еще находилась часть промышленности и основная масса мелких производителей. По степени монополизации ведущих отраслей тяжелой промышленности и развитости организационных форм монополий Россия шла на уровне развитых империалистических стран.

Одним из итогов сращивания банковского и промышленного капиталов было складывание в России финансовой олигархии. Типичными представителями финансовой олигархии были руководители крупнейших петербургских банков — А. И. Путилов, Б. А. Каменка, А. И. Вышнеградский, Я. И. Утин, Э. К. Грубе и др., входившие в правления многих промышленных предприятий.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА. Несмотря на известную отсталость в развитии промышленности, Россия вступила в стадию империализма одновременно с передовыми странами мира: в начале XX в. в ней утвердилось господство монополистического капитала. Наряду с общими чертами, закономерностями и противоречиями русский империализм имел свои специфические особенности, которые определялись всем ходом русской истории и, в частности, развитием домонополистического капитализма. Монополистический капитализм формировался в России в условиях сохранения полукрепостнических отношений в земледелии и полуфеодального военно-бюрократического строя — самодержавия.

Первая особенность российского империализма состояла в наличии взаимозависимости капиталистических монополий как власти капитала с монополией военно-феодальной власти в виде политической системы абсолютизма. Гнет самодержавного государства, полуфеодально-крепостническая система эксплуатации переплетались в России с новейшими формами гнета капиталистических монополий. Это обусловило острые формы классовой борьбы в стране, создавало политические и экономические предпосылки союза двух основных угнетенных классов современного общества — пролетариата и крестьянства — в борьбе против самодержавия и монополий.

В 1905—1907 гг. оформился союз помещиков и монополистической буржуазии в новой политической организации государства — в третьеиюньской монархии: монополистической буржуазии гарантировалась свобода эксплуатации рабочего класса и получения сверхприбылей, а монополисты-землевладельцы сохранили за собой свободу эксплуатации обездоленного русского крестьянства и политическую власть в государстве. Отмечая эту особенность русского империализма, В. И. Ленин подчеркивал, что «горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Нико-

лаем II, была у власти, в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала...»[1]. Он характеризовал русский империализм как империализм военно-феодальный. Этой главной особенностью определялось и своеобразие формирования российской государственно-монополистической системы капитализма.

В России, как уже отмечалось, проявление государственно-монополистических тенденций наметилось уже в начальной стадии развития монополистического капитализма. В отличие от других империалистических держав эти тенденции возникли не на базе достаточно высокоразвитой монопольно-капиталистической экономики и высших форм ее организации, а на основе активного и широкого вмешательства правительства в экономическую жизнь страны. Правительство способствовало созданию первых синдикатов в тяжелой промышленности и распределяло между предприятиями железнодорожные заказы, стремясь таким путем, т. е. насаждением капитализма «сверху», преодолеть экономическую отсталость страны и обеспечить укрепление и сохранение власти господствующего класса.

В дальнейшем развитие системы государственно-монополистического капитализма шло путем соединения экономического потенциала капиталистических монополий с военно-политической силой государства. В годы кризиса 1900—1903 гг. правительство создало государственно-капиталистический орган регулирования производства в транспортном машиностроении и металлургии — Комитет по распределению железнодорожных заказов (1902—1915). Действуя в тесном контакте с монополиями, этот орган перерастает в государственно-монополистическую организацию. На такой же основе была создана государственно-монополистическая организация в судостроительной промышленности — «Совещание по судостроению» (1908—1912), на транспорте (речном, морском и железнодорожном) — «Съезд по делам прямых сообщений» (1899—1914).

Государственно-монополистические тенденции проявлялись и в распределении военных заказов. Это влекло за собой сращивание государственного аппарата с военно-промышленными монополиями. В результате расширения государственно-монополистических тенденций происходила концентрация научно-технических сил в ведущих отраслях экономики, решались вопросы модернизации производства. Крупнейшие финансово-промышленные группы добились значительного влияния на правительственные органы, от которых зависели военные заказы.

Государственно-монополистические тенденции прослеживались и в сращивании банковских монополий с государственными финансовыми учреждениями. Их связи закреплялись личными униями. Крупнейшими российскими банками руководили бывшие высокопоставленные чиновники Министерства финансов, Министерства торговли и промышленности, Морского министерства. Государственные финансы использовались финансовой олигархией в качестве крупного источника сверхприбылей капиталистических монополий. Отмечая участие самодержавия в складывании государственно-монополистической системы экономики, следует иметь в виду, что его политика отнюдь не всегда выражала непосредственные интересы монополистических объединений, не исключала сложностей и противоречий. Правительству, например, приходилось принимать ограничительные меры против искусственного взвинчивания монополиями цен, мешавшего развитию тех или иных отраслей хозяйства.

Характерная особенность российского империализма — сравнительно невысокая степень его активности в вывозе капиталов. Инициативу во внешней экспансии капитала сохраняло в своих руках самодержавие, направляя ее главным образом на Восток и в Среднюю Азию. Для этого создавались кредитные учреждения, ссужались кабальные займы, заключались железнодорожные концессии и т. п. На долю этих мероприятий приходилось около 80% вывезенного за пределы России капитала. Своеобразие положения России в системе мирового империализма состояло в том, что она, с одной стороны, была одной из «великих грабительских держав», боровшихся за раздел и передел мира, а с другой — сама являлась объектом активных инвестиций финансового капитала наиболее богатых империалистических держав.

Для финансового капитала западноевропейских держав Россия с ее неисчерпаемыми запасами сырья и дешевой рабочей силой представляла сферу наиболее выгодного помещения капитала, необходимого для развития капиталистической промышленности. Тенденция роста импорта иностранного капи-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 384.

тала зависела и от растущих расходов государства на бюрократию, военные нужды. К 1914 г. государственный долг России достиг суммы 5,4 млрд. руб. До 35% долга по государственным и гарантированным займам использовалось непроизводительно. Причем ввоз иностранного капитала в Россию носил ярко выраженный кабально-ростовщический характер. Более 80% капитала, ввезенного в Россию, помещалось в государственные займы, что делало царизм все более зависимым от европейского денежного рынка.

В производственной сфере иностранный капитал внедрялся главным образом в тяжелую промышленность. Его сумма в акционерном капитале таких отраслей, как горнопромышленная, металлообрабатывающая и машиностроительная, была значительной и превышала российский капитал. В остальных отраслях, за исключением коммунального хозяйства, строительства и химической промышленности, доля иностранного капитала была незначительна.

В металлургии и угольной промышленности Юга России преобладали франко-бельгийские капиталы: в нефтяную промышленность Бакинского района инвестировались английские капиталы. Они же преобладали в медной промышленности Урала и Казахстана, а также в золотопромышленности. Германский капитал первенствовал в тяжелой промышленности в Польше и Прибалтике.

Инвестируемые в экономику России иностранные капиталы, как правило, реализовывались не в виде создания филиалов заграничных монополий, а вкладывались в действующие предприятия и объединения и становились неразрывной составной частью российского капитала. Таким образом, несмотря на финансовую зависимость России от иностранного капитала, русский финансовый капитал сохранял свою самостоятельность в определении направлений развития российской экономики. Однако этот фактор не уменьшал растущей зависимости государственно-монополистической и политической системы России от иностранного капитала и от политики правительств западноевропейских держав.

2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО (1895—1914 ГГ.)

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ. Высокие темпы развития капитализма в стране, достигнутые к началу XX в., дальнейшее развитие общественного разделения труда находили свое выражение и в капиталистической эволюции сельского хозяйства России. В начале XX в., особенно после революции 1905—1907 гг., основы старого полукрепостнического строя претерпели глубокие изменения. Развитие железнодорожной сети, рост промышленного пролетариата и городского населения способствовали расширению внутреннего рынка, увеличению спроса на сельскохозяйственные продукты. В 1900—1913 гг. сельскохозяйственное производство возросло на 33,8%. Повысились цены на все основные продукты сельского хозяйства. Удельный вес доходов от сельского хозяйства несколько снизился, но по-прежнему доминировал в общем народном доходе.

В России в сельскохозяйственном пользовании числилось 469,4 млн. десятин, что составляло 40,9% всей учтенной земли; из нее под пашней было 135 млн. десятин. Количество земли, находившейся в сельскохозяйственном пользовании, было весьма различно по районам. Так, в 50 губерниях Европейской России в 1905 г. группы владений распределялись по 11 районам следующим образом: из 395,2 млн. десятин на надельные земли приходилось 35,1%, на частновладельческие — 25,8, на государственные, удельные, церковные и учрежденческие — 39,1%. Лучшими землями владели помещики.

ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО. В начале века, особенно в годы революции 1905—1907 гг., продолжало сокращаться помещичье землевладение: помещичьи земли путем продажи переходили к другим сословным категориям населения. За десять лет, с 1906 по 1916 г., 9,5 млн. десятин было продано Крестьянскому банку, 8,8 млн. десятин было заложено и перезаложено в Дворянском банке. В результате продажи земли и залоговых операций помещики получили очень крупные суммы денежных вознаграждений. Однако этот процесс не привел к глобальным изменениям в социальной структуре русского землевладения. В руках помещиков продолжала оставаться значительная часть земельных владений. Помещики продали лишь $^1/_{10}$ часть своей земли. Одновременно шел процесс концентрации частного помещичьего землевладения. В частном землевладении по-прежнему был велик удельный вес крупных помещичьих латифундий: 30 тыс. помещиков владели 70 млн. десятин, а в руках 700 самых

богатых дворянских семей было сосредоточено 21 млн. десятин, т. е. в среднем на одно такое семейство приходилось по 30 тыс. десятин земли.

Значительную часть земли помещики, как и прежде, сдавали в различные формы аренды: денежную, испольную или отработочную, — что по-прежнему являлось источником получения ими высоких непроизводительных доходов. От продажи земли, залога и аренды в годы проведения столыпинской реформы помещики извлекли сумму доходов, равную приблизительно 3,3 млрд. руб. Как и прежде, лишь незначительная часть этих доходов обращалась на нужды сельскохозяйственного производства. Класс помещиков продолжал паразитировать за счет трудящегося крестьянства.

Вместе с тем для развития всего помещичьего хозяйства в целом в начале XX в. были характерны тенденция роста производства, дальнейшее повышение его товарности. Накануне революции на долю помещичьего хозяйства приходилось 47% всего товарного хлеба, производимого в России. Благоприятная рыночная конъюнктура в годы промышленного подъема накануне первой империалистической войны, а также продолжавшийся рост цен на продовольствие в годы войны стимулировали развитие помещичьих хозяйств. Это выражалось в их капиталистической реорганизации, техническом оснащении, в повышении агротехнического уровня производства и рентабельности. По этим показателям помещичье хозяйство превосходило крестьянское. Подавляющее число помещичьих хозяйств применяло наемный труд (80,6%). При этом чем крупнее было хозяйство, тем выше была концентрация наемного труда. 97% хозяйств, имевших свыше 100 десятин посева, применяли наемный труд, а хозяйства с посевами свыше 5000 десятин целиком базировались на наемном труде. Помещичье хозяйство все более приобретало характер крупного производства. Еще в начале века по всей России насчитывалось до 570 передовых помещичьих хозяйств, организованных по-капиталистически, с площадью земли примерно в 6 млн. десятин. Более чем в половине из них велось улучшенное зерновое хозяйство. В последующие годы число хозяйств, применявших более современную капиталистическую систему, увеличивалось.

В. И. Ленин, характеризуя состояние помещичьего хозяйства в рассматриваемый период, отмечал: «Несомненен прогресс помещичьего хозяйства, причем медленность этого прогресса не случайна, а неизбежна, пока сохраняются пережитки крепостничества»[1]. Приведенные выше данные, подтверждая тенденцию капиталистической эволюции помещичьего хозяйства, в то же время показывают медленное развитие этого процесса. Следует добавить, что отнюдь не все помещичьи земли обрабатывались капиталистическим способом. Значительная их часть обрабатывалась крестьянским инвентарем на условиях кабальной отработки за арендуемые крестьянами земли. В общем объеме сельскохозяйственного производства доля капиталистического хозяйства помещиков по сравнению с удельным весом всего помещичьего землевладения составляла лишь незначительную часть. Помещичье землевладение в своей массе обнаруживало в условиях империалистической стадии капитализма все больше признаков деградации. В этом смысле очень показателен тот факт, что 46,6 млн. десятин земли, т. е. более половины всех помещичьих владений, перед первой мировой войной находилось в залоге. При высокой концентрации капитала, характерной для помещичьих латифундий, в них в то же время широко была распространена полукрепостническая эксплуатация крестьян.

В сохранении полуфеодальных методов эксплуатации крестьянства были заинтересованы не только помещики, но и представители монополистического капитала, сосредоточившие в своих руках огромные земельные владения. Среди 30 тыс. помещичьих хозяйств исследователи выделили, например, 272 торгово-промышленных товарищества, в собственности которых находилось 3,6 млн. десятин, т. е. в среднем более 13 тыс. десятин на одно предприятие. Многие торгово-промышленные предприниматели-латифундисты являлись одновременно участниками монополистических союзов. Так, в числе членов монополистического союза сахарозаводчиков были представители известных дворянских фамилий Бобринских, Браницких, Потоцких и др. В то же время крупными помещиками становились, например, известные текстильные фабриканты-монополисты Рябушинский, Морозовы, Коноваловы. Они являлись собственниками десятков тысяч десятин земли, которая эксплуатировалась полукрепостниче-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 130.

ски. Обогащение верхушки монополистического капитала в России, таким образом, происходило не только за счет монополистической прибыли, но и путем феодальной эксплуатации крестьян. Не случайно поэтому помещики и монополисты-капиталисты составили общий фронт борьбы против первой русской буржуазно-демократической революции. Политическим руководителем этого фронта выступила партия помещиков и капиталистов — Союз 17 октября.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Основной производительной силой в сельском хозяйстве России в начале XX в. оставалось крестьянство. Оно составляло три четверти населения страны, на долю крестьянского хозяйства приходилось 88% валового сбора зерна и около 50% товарного хлеба. Крестьянские хозяйства давали основную сельскохозяйственную продукцию. Несмотря на сохранившиеся пережитки крепостничества, крестьянское хозяйство в начале XX в. развивалось в целом на основе капиталистических отношений.

По данным 1905 г., в общинном и подворном владении крестьян находилось 137 млн. десятин земли. Из них 64 млн. десятин, по определению В. И. Ленина, находилось «в руках 2,1 миллиона богатых землей дворов, т. е. *одной шестой* общего числа»[1]. Другая половина надельной земли находилась в руках 5/6 крестьянских дворов. Неравномерность в распределении земли создавала условия для дальнейшего классового расслоения крестьянства.

Сохраняя еще многие черты феодального класса-сословия и даже разделение на бывших владельческих, государственных, удельных и пр., российское крестьянство в результате капиталистической эволюции хозяйства все более разлагалось на два основных класса — сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Об этом прежде всего свидетельствовали основные показатели производства. На долю кулаков, составлявших 1/6 часть дворов, приходилось 38% валового сбора зерна, на долю середняков и бедняков — 50%. В то же время кулацкие хозяйства давали 34% всего товарного хлеба, бедняцкие и середняцкие — 14,7%.

Однако процесс капитализации крестьянского хозяйства и развития производительных сил в сельском хозяйстве России протекал по-прежнему медленно. Главным тормозом при низкой агротехнике являлось крестьянское малоземелье. В результате естественного роста сельского населения и дробления крестьянских хозяйств продолжал резко сокращаться размер душевого крестьянского земельного надела. В конце XIX в. он составлял в среднем 3,5 десятины на душу, а к 1905 г.—2,6 десятины. К этому времени из 85 млн. крестьян 70 млн. были безземельными или малоземельными. 16,5 млн. крестьян имели надел от 1/4 до 1 десятины, а 53,5 млн. крестьян — от 1 до 1,75 десятины на душу.

При остром малоземелье крестьяне вынуждены были прибегать к аренде помещичьей земли. Высокая арендная плата отнимала у крестьян 81,1% дохода производства. Крестьяне-бедняки, как правило, не возмещали стоимости затраченного труда. Прогрессирующе росли долги по платежам. В начале 900-х годов общий крестьянский долг равнялся сумме оклада всех годовых платежей. По расчетам Министерства финансов, долги по выкупным платежам при условии их регулярной выплаты могли быть погашены только к 1936 г.

Сохранявшиеся крепостнические пережитки в стране на рубеже XIX—XX вв. тормозили рост сельскохозяйственного производства, что усугублялось различными стихийными бедствиями. Неурожайными и голодными для большинства российских губерний оказались 1897 и 1898 годы. Неурожаи в начале XX в. захватывали не только губернии, наименее благоприятные в географическом, климатическом и почвенном отношении, но и плодородные губернии Юга и черноземной России, что свидетельствовало о кризисе аграрных отношений в целом.

Начало века, особенно 1902—1903 годы (годы широкого аграрного движения), а затем революция 1905—1907 гг. обнаружили непримиримые противоречия между крестьянами и помещиками. При наличии двух социальных войн в деревне борьба за землю против помещиков в буржуазно-демократической революции объединяла все крестьянство с рабочим классом.

СДВИГИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ. Изменившаяся общая экономическая конъюнктура в годы промышленного подъема 1909—1913 гг. способствовала заметному росту производства в сельском хозяйстве. Подъем цен на продукты сельского хозяйства на

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 63.

мировом и внутреннем рынке оказывал стимулирующее влияние на этот рост, значительно превышавший общий рост цен. В 1900—1913 гг. цены на все товары возросли на 28,7%, а на сельскохозяйственные продукты — в среднем на 41,2%.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве выражалось и в росте различных видов кооперации. Перед первой мировой войной в России насчитывалось 12 165 кредитных и ссудно-сберегательных товариществ. Число сельских кооперативов возросло почти в 18 раз по сравнению с началом века. Кредитная кооперация в какой-то степени амортизировала давление ростовщического капитала, способствовала укреплению экономического положения деревенской верхушки, которая являлась основным вкладчиком и, следовательно, получателем кредитных ссуд. Все это создавало возможности для укрепления материально-технической базы сельского хозяйства, его интенсификации. Возросли внутреннее производство и ввоз сельскохозяйственных машин. Однако в целом уровень технического оснащения крестьянских хозяйств продолжал оставаться низким. Половина крестьянских хозяйств не имела плугов, обрабатывала землю примитивными орудиями — сохами, косулями. Столь же низким оставался агротехнический уровень.

Общая площадь используемых земель существенно не менялась. Посевная площадь возрастала по отдельным районам страны в неодинаковой степени. Так, в 1901—1913 гг. в целом по стране она увеличилась на 15,6%, в то же время в Европейской России — только на 7,8%, а в Центральном промышленном районе продолжала сокращаться. Значительный прирост посевной площади происходил на Северном Кавказе и в областях Степного края.

В период империализма возросла урожайность зерновых, особенно в помещичьих хозяйствах, которые велись по-капиталистически, а также в кулацких и даже отчасти в середняцких хозяйствах. Сельское хозяйство России имело в основном зерновое направление. 25,2% посевной площади и 30,6% сбора урожая приходилось на озимую рожь, затем следовали яровая пшеница, овес и ячмень. Остальные культуры занимали значительно меньше места. По объему производства хлебов Россия стояла на первом месте в мире. Заметно возросло производство технических культур, увеличился сбор картофеля, росла площадь под сахарной свеклой. Значительно повысился сбор льноволокна, продолжавшего оставаться чисто крестьянской культурой и развивавшегося за счет интенсификации производства. Большие успехи были достигнуты в хлопководстве, особенно в Средней Азии и частично в Закавказье. Развивались виноградарство и садоводство (на Кавказе, в Бессарабии и Средней Азии). В Западной Грузии стали внедрять новую культуру — чай.

В эпоху империализма произошли сдвиги и в развитии животноводства. Возросло поголовье крупного рогатого скота, улучшилась его породистость, увеличилась молочность. Это сказалось на экспорте продуктов животноводства, который возрос почти в 2,5 раза и занимал после зерновых ведущее место в экспорте продуктов сельского хозяйства.

Все эти сдвиги в сельском хозяйстве свидетельствовали о том, что оно все более втягивалось в орбиту капиталистических отношений, становилось доходной отраслью народного хозяйства. В период империализма в сельское хозяйство внедрялся крупный капитал частных фирм и коммерческих банков в области реализации продуктов, что, однако, мало способствовало внедрению новых форм производства, а чаще консервировало старые.

Возросшие в начале XX в. производительные силы сельского хозяйства приходили в противоречие с пережитками крепостничества.

Несмотря на возраставший уход сельского населения в города и массовое переселение на окраины, аграрное перенаселение в Европейской России не только сохранилось, но и усилилось. Массы крестьян вынуждены были идти в кабалу к помещикам, что приводило к усилению гнета со стороны помещичьих латифундий, препятствовало дальнейшему развитию капитализма в сельском хозяйстве. Столыпинская реформа, на которую самодержавие возлагало столь большие надежды, еще более осложнила земельный вопрос.

Новые экономические условия вызвали сдвиги в социальной жизни деревни, которые революционизировали сельскохозяйственный пролетариат, беднейшие слои крестьянства. Революционно-демократическому движению всего крестьянства против помещичьего землевладения и самодержавия стала сопутствовать борьба беднейших слоев против кулацких элементов в деревне — усиливалась вторая социальная война внутри крестьян.

3. КОЛОНИАЛЬНАЯ СИСТЕМА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

Стремление «к расширению хозяйственной территории и даже территории вообще»[1] — характерная черта финансового монополистического капитала. Эта финансово-монополистическая экспансия капитала в отличие от истории колониальной экспансии империалистических стран Западной Европы развивалась в границах единого Российского государства. В. И. Ленин отмечал, что российский монополистический империализм распространяет экономическую аннексию на «Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие не великороссами заселенные области»[2]. В социально-экономической и политической системе российского военно-феодального империализма роль регионов для приложения капиталов и выкачивания финансовыми монополиями сверхприбылей выполняли громадные неосвоенные или малоосвоенные территории Сибири и Дальнего Востока, а также национальные районы и окраины, в различное время вошедшие в состав Российского государства. Необходимо учитывать, что понятие «национальные окраины» в системе русского военно-феодального империализма не совпадает с общепринятым понятием «колонии».

Марксистско-ленинское понимание процессов капиталистической колонизации в экономическом смысле связано, во-первых, с наличием «незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам...», и, во-вторых, с наличием «сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия...»[3]. Военно-феодальная система русского империализма в конце XIX — начале XX в. располагала такими условиями. По подсчетам В. И. Ленина, в 1914 г. площадь территории, подходившей для экономической колонизации и распространения вширь власти российского монополистического капитала, включая Сибирь, Кавказ, Хиву, Бухару, Среднюю Азию и Казахстан, составила около 17,4 млн. кв. км с населением более 33 млн. человек[4].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 381.
[2] Там же, с. 302.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 593.
[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 275.

Освоение окраин в эпоху империализма явилось продолжением процесса развития капитализма вширь (см. гл. 12). В новейшее время так же, как и в конце XIX в. колонизация происходила путем распространения капиталистических отношений как на новые территории (Сибирь, Дальний Восток), так и на территории, заселенные народами, «стоящими в стороне от мирового рынка и мирового капитализма», а также в результате «втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства»[1] (Хива, Бухара).

В Сибири и на Дальнем Востоке — районах массового переселения крестьян на свободные земли, при отсутствии здесь помещичьего землевладения капитализм развивался сравнительно быстрыми темпами.

В национальных окраинах, где господствовала местная феодальная и полуфеодальная знать (в Закавказье, в Средней Азии) и были сильны пережитки родового строя, капитализм развивался медленнее. Экономическое проникновение российского монополистического капитала на национальные окраины в начале XX в. стимулировалось развитием железнодорожного строительства. Применительно к эпохе империализма В. И. Ленин оценивал «желдороги» как «орудие угнетения *миллиарда* людей»[2]. С 1892 по 1917 г. протяженность железных дорог в Средней Азии и в Сибири увеличилась в десять раз. Вместе с этим стремительно возросли грузоперевозки. В Закавказье, например, грузооборот железных дорог в то время увеличился более чем на 81%.

Российский финансовый и промышленный капитал включил неосвоенные просторы Сибири и Дальнего Востока, национальные районы в единую систему империалистического хозяйства. На 1 января 1914 г. в Сибири, Средней Азии, Казахстане и на Кавказе, по официальным данным, насчитывалось 7145 промышленных заведений с 107,4 тыс. рабочих. По преимуществу это были предприятия первичной обработки сырья, дальнейшая переработка которого осуществлялась уже на промышленных предприятиях Центральной России.

Заселение и освоение пространств Сибири и Степного края происходило стихийно и было эффективно до тех пор, пока земли осваивае-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 85; т. 3, с. 595.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 305.

мых районов не истощались. С 1904 г. и затем в период аграрной реформы царизм во имя спасения и сохранения помещичьего землевладения в Центральной России признал свободу переселений. Царское правительство пошло на изъятие в пользу казны земель у местного населения. Вместе с тем систематически повышались государственная оброчная подать и земские денежные сборы как с местного населения коренной национальности, так и с русских переселенцев.

Переселение крестьян не только не разрешало аграрные противоречия в центральных районах России, но и создавало новые в национальных районах. Усиление гнета объединяло крестьянство всех национальностей России.

В национальных окраинах развивались и росли торгово-ростовщическая эксплуатация, неэквивалентный обмен и спекуляция, кабальный долговой кредит и прочие «законные» и незаконные махинации ростовщиков, посредников, скупщиков и перекупщиков. Эти многочисленные формы докапиталистической кабальной эксплуатации соединялись с системой монополистического финансового и промышленного капитала. По определению В. И. Ленина, финансовый капитал создавал «необыкновенно широко раскинутую и густую сеть отношений и связей, подчиняющую ему массу не только средних и мелких, но и мельчайших капиталистов и хозяйчиков...» [1]. К 1912 г. в Азиатской части России, например, действовало 154 отделения, комиссионерств и агентств банков. В 1909 г. количество операций всех банковских филиалов по учету векселей в Сибири в сравнении с 1898 г. возросло в 2,7 раза, а в Средней Азии за это время — в 3,8 раза.

Российскому финансовому империализму в начале XX в. были присущи все основные черты колониальной экспансии, но царизму и русской буржуазии не удалось посеять рознь и вражду между разными народностями и национальностями. Росло единство трудящихся масс, укреплялся союз рабочих и крестьян всех национальностей. Под руководством русских рабочих в России складывался единый фронт интернациональной борьбы против самодержавия и власти капитала, за демократию и социализм.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 407.

4. НАСЕЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РОССИИ

РОСТ И ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. Население России перед первой мировой войной составляло (без Финляндии и Привислинских губерний) 159,2 млн. человек. Со времени переписи 1897 г. оно увеличилось на 33,4%. Естественный прирост населения в 1901—1913 гг. на 1 тыс. жителей равнялся 17,2, что было значительно выше, чем в 80-е и 90-е годы предыдущего столетия. Такой высокий естественный прирост населения, характерный для большинства аграрно-промышленных стран, в основном происходил за счет некоторого снижения смертности. Однако голод и эпидемии при низком уровне народного здравоохранения продолжали уносить миллионы человеческих жизней, и смертность в России была в этот период в 2 раза выше, чем в Англии, и в 1,7 раз выше, чем в Германии. Одновременно снижалась рождаемость, что обусловливалось ухудшающимся положением крестьянства и аграрным перенаселением Европейской России, где проживало более 3/4 всего населения страны.

После издания переселенческого закона 1904 г. значительно усилился процесс переселения крестьян в восточные и южные районы России. Основная масса переселенцев оседала в Западной Сибири и в областях степного края. В 1905—1914 гг. в Сибирь переселилось более 3 млн. крестьян. Однако поток переселенцев в эти районы не внес особых изменений в структуру размещения населения в целом по стране. Сибирь и степной край по-прежнему были слабо заселены. В Европейской части России в 1913 г. проживало 76,9% всего населения империи (без Финляндии и Привислинских губерний). Но даже здесь отдельные районы резко отличались плотностью населения. Так, в 1912 г. при средней плотности населения Европейской России 28,9 жителей на 1 кв. версту в Московской, Киевской и Подольской губерниях этот показатель равнялся более 100 жителей на 1 кв. версту, в Петербургской, Курской, Рязанской и Полтавской губерниях — более 70 жителей. В то же время в отдельных европейских губерниях (Архангельской, Вологодской, Олонецкой) была весьма низкая плотность населения — около 7 жителей, а в Сибири и в степном крае — 1 человек на 1 кв. версту.

Россия представляла собой многонациональное государство, в котором проживало более ста различных крупных народностей и небольших национальных групп. По общественно-экономическому развитию они стояли на различном уровне — от самых примитивных форм патриархально-родового строя и кочевого охотничье-скотоводческого хозяйства до развитых капиталистических отношений.

Городское население России увеличилось с 16,8 млн. жителей в 1897 г. до 28,5 млн. жителей в 1914 г., т. е. почти на 70%. Происходил и относительный рост городского населения. В 1897 г. удельный вес горожан составлял 13,4% (от всего населения страны), а в 1914 г. — 17,9%. Наиболее высокими были темпы роста населения в крупных городах. В 1914 г. только в городах с населением более 100 тыс. жителей проживало 9,3 млн. человек, т. е. 32,6% всего городского населения России (без Финляндии и Привислинских губерний).

Переплетение передовых капиталистических форм хозяйства с докапиталистическими и патриархальными отражалось на социальной структуре населения. Хотя город и играл ведущую роль в общественно-экономической жизни, сельское население значительно преобладало над городским. Зажиточных сельских хозяев было больше, чем мелких капиталистов в городе. Вместе они составляли значительный слой населения страны. Россия была, как отмечал В. И. Ленин, наиболее мелкобуржуазной страной в Европе [1].

В начале XX в. происходили заметные изменения в количественном составе основных социальных групп капиталистической России. В 1,5 раза возросло по сравнению с данными на конец XIX в. количество рабочих, почти на 40% увеличилось число мелких капиталистов и на $^1/_3$ — пролетаризировавшихся и пауперизировавшихся крестьян. Однако отмеченные социальные процессы шли медленно, о чем говорили незначительные изменения удельного веса каждой из указанных групп. Так, количество рабочих в составе всего населения страны в годы империализма увеличилось на 2%, буржуазии — на 0,7%. Доля средних слоев сократилась за 16 лет лишь на 3,2% при возрастании, как было указано выше, ее абсолютных размеров на 6,2 млн. человек.

———

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 101.

РАБОЧИЙ КЛАСС. В 1900—1913 гг. произошли значительные изменения в количестве и структуре рабочего класса. Общая численность рабочего класса в 1913 г. равнялась 17,8 млн. человек. Значительно увеличился удельный вес рабочих в наиболее технически оснащенных отраслях промышленности — в машиностроении, металлургии, а также на железных дорогах. В крупных городах возросли количество и удельный вес индустриального пролетариата. Мощные капиталистические предприятия объединяли и сплачивали рабочих в крупные пролетарские коллективы. На этих предприятиях складывались значительные по своей численности кадры постоянных потомственных рабочих, навсегда порвавших связь с землей. Численность потомственных рабочих в 1913 г. составляла более половины всего рабочего класса. В 900-е годы значительно возрос удельный вес работниц — в некоторых отраслях они составляли треть всех работавших, а в текстильной промышленности — более половины. Широко использовался и детский труд.

В 1900—1913 гг. значительно возросла концентрация рабочих на крупнейших промышленных предприятиях. Наиболее высокого уровня она достигла в хлопчатобумажной и металлургической отраслях. Несколько ниже она была в машиностроительной, горнодобывающей и сахарной промышленности. В крупных промышленных городах, особенно в Петербурге, на предприятиях с числом рабочих свыше 1000 человек было занято 60% индустриальных рабочих. Концентрация рабочих на крупнейших промышленных предприятиях и в промышленных центрах сплачивала многонациональные отряды российского пролетариата в единую интернациональную силу. Это единство укреплялось в общей революционной классовой борьбе. Росту классовой сознательности пролетариата способствовал и возросший культурный уровень рабочих — среди индустриальных рабочих была более высокая грамотность.

В результате завоеваний революции 1905—1907 гг. рабочие добились существенного повышения заработной платы. Однако в связи с ростом цен на предметы массового потребления реальная зарплата была очень низкой. Условия труда на предприятиях даже в наиболее развитых отраслях промышленности оставались тяжелыми. По-прежнему была высокой продолжительность рабочего дня. Почти на всех предприятиях отсутство-

вала какая-либо охрана труда. Профессиональные болезни и трудовые травмы были повсеместным явлением. Продолжал оставаться низким уровень медицинского обслуживания. Жилищные условия, как и раньше, были очень тяжелыми.

КРЕСТЬЯНСТВО. Существенным образом менялся социальный и экономический облик деревни. Крестьянство с его хозяйством утрачивало черты, присущие ему как классу старого феодального общества. Процесс социальной и экономической дифференциации крестьянства в российской деревне имел свои особенности: сельское население, несмотря на увеличивавшийся отход крестьян в города и промышленные центры, продолжало расти и оставалось самым многочисленным классом в структуре населения.

Особенность отношений новых, нарождавшихся в деревне классов — кулачества (сельской буржуазии) и бедных слоев крестьянства (полупролетариев) — состояла в том, что кулаки предпочитали извлекать выгоду не путем вкладывания капитала в сельскохозяйственное производство, а посредством ростовщичества и кабальной торговли.

Несмотря на поступательный характер процессов капитализации, отход значительной массы крестьян в промышленность, превращение их в рабочих по найму, аграрное перенаселение в период империализма возросло. Хотя в ходе революции 1905—1907 гг. крестьянские выступления жестоко подавлялись, безвыходность положения малоземельного и обезземелившегося крестьянства с новой силой толкала его на борьбу.

БУРЖУАЗИЯ. В период империализма происходят количественные и качественные изменения в составе и положении российской буржуазии. По определению В. И. Ленина, она представляла собой «экономически самый могущественный класс капиталистической России»[1]. Экономическое лицо российской буржуазии, как и буржуазии других капиталистически развитых стран, определяли наиболее передовые формы организации капитала. Но по своей структуре верхние слои российской буржуазии отличались от западноевропейской рядом особенностей. Перед первой мировой войной выделяются два типа российских капиталистов, различные как по своему происхождению, так и по форме эксплуатации и организации капитала.

Еще в период домонополистического капитализма сложилась крупная буржуазия в ведущих промышленных центрах, которая превратила свои семейные фирмы в акционерно-паевые предприятия с узким кругом владельцев крупных паев. В этой группе буржуазии, преимущественно провинциальной, выделяются московские капиталисты, претендовавшие на роль выразителей интересов российских торгово-промышленных кругов. В период империализма крупный московский капитал постепенно становится монополистическим. Московская капиталистическая элита еще не превратилась в финансовую олигархию, не создала крупных концернов, финансово-промышленных групп. Но лидерство свое в русских торгово-промышленных кругах она не упускала.

Другой тип крупного российского капиталиста представлял узкий слой финансовой олигархии, преимущественно петербургской, который вышел не из потомственных предпринимателей, а из числа высших служащих банковских и промышленных монополий. Среди них преобладали бывшие крупные чиновники Министерства финансов, Государственного банка и других государственных учреждений. Они контролировали огромные капиталы акционерных промышленных и финансовых предприятий.

Кроме того, существовала еще одна многочисленная группа капиталистов, преимущественно провинциальных, которая действовала в основном в сфере торгового капитала. В период империализма еще более усиливается многонациональный характер российской буржуазии: в ее состав входила большая группа капиталистов иностранного происхождения и национальных окраин.

Одновременно с процессом складывания системы монополистического капитала происходил и процесс политической консолидации буржуазии. Она стремилась к расширению своего значения в политической жизни страны и в делах самодержавного государства. Однако эти политические вожделения буржуазии находили выражение лишь в приспособлении к самодержавной государственной системе, к политическому господству помещиков, к крепостническим полуфеодальным пережиткам, которые она использовала для получения сверхприбылей.

Политическая консолидация буржуазии проходила в условиях острой борьбы с пролетариатом. Под воздействием этого фактора

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 395.

возникшие в годы первой русской революции первые политические партии буржуазии выступили с контрреволюциоными программами. Однако сильной собственной политической партии русская буржуазия так и не создала. В борьбе против революции русская буржуазия объединялась с сохранившим свое политическое господство дворянством.

ПОМЕЩИКИ. В руках поместного дворянства находился огромный земельный фонд, стоимость которого на 60% превышала общую массу акционерного капитала в стране. Сохранение гигантских помещичьих латифундий являлось основным условием живучести крепостнических пережитков в экономическом и политическом строе России. В период империализма крупнейшие помещичьи хозяйства утрачивали чисто дворянский характер. Треть крупных землевладельцев была буржуазной по своему происхождению; помещичье хозяйство все более связывалось с промышленным капиталом. Поместное дворянство экономически дифференцировалось. Усиливались противоречия внутри дворянско-помещичьего лагеря. Мелкие помещики-дворяне разорялись и пополняли чиновническо-бюрократическую среду. Дворяне-латифундисты сохраняли и умножали свои богатства. Помещиками становились выходцы из других сословий.

Несмотря на то что крупное поместное дворянство составляло меньшинство среди имущих верхов, оно занимало господствующее положение на всех ступенях государственного управления и представляло собой «самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс...»[1]. Первая народная революция вынудила и поместное дворянство к созданию политических партий и организаций. Эти партии объединил созданный в 1906 г. Совет объединенного дворянства, который стал определять в основном политику правительства.

Дворянство поставляло кадры высшей бюрократии, осуществлявшей верховную власть на местах. Вместе с тем она постепенно пополнялась из других сословий, что придавало ей буржуазный характер. Этим определялась двойственность социального лица российской бюрократии. Хотя среди высших гражданских и военных чинов большинство составляли потомственные дворяне, бюрократия, выражая интересы дворянства, постепенно сближалась с финансово-промышленным миром. Чиновники часто переходили на службу в акционерные компании, банки и другие предприятия. Они становились видными деятелями российской финансовой олигархии, возглавляли крупнейшие финансово-промышленные группы. Иногда на самые высокие государственные должности назначались представители финансовой олигархии. Возникали устойчивые связи между государственным аппаратом и финансовой верхушкой монополистического капитала. В начале XX в. Россия в экономическом отношении, по оценке В. И. Ленина, достигла среднего уровня развития по сравнению с передовыми капиталистическими государствами и в ней проявились все основные противоречия, характерные для новейшей стадии развития капитализма — империализма.

Сохранение феодальных пережитков в экономике и социально-политической системе российского государства в виде военно-феодального империализма тормозило и замедляло темпы экономического развития, но вместе с тем усиливало и обостряло социальные и политические противоречия российского империализма. Создавались условия для укрепления единства всего трудового народа России в борьбе против самодержавия, за демократическое переустройство и за социализм.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 26.

ГЛАВА 19
НАЧАЛО ПРОЛЕТАРСКОГО ЭТАПА ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

1. СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА В СЕРЕДИНЕ 90-Х ГОДОВ XIX В. НАЧАЛО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

СТАЧКИ 90-х ГОДОВ. Глубокие сдвиги в экономике и социальной структуре, вызванные развитием капитализма в пореформенный период, существенно повлияли на расстановку сил в российском революционно-освободительном движении. С середины 90-х годов XIX в. главной силой этого движения

становится пролетариат. Начало пролетарскому этапу революционно-освободительной борьбы положила широкая волна стачек, охватившая Россию в 1895—1896 гг. Только за эти два года произошло около 310 забастовок, в которых участвовало более 120 тыс. рабочих.

Особое место среди них принадлежало выступлению петербургских рабочих весной—летом 1896 г. Оно было вызвано низкой заработной платой и чрезвычайно длинным рабочим днем. Поводом для него послужил отказ хозяев предприятий оплатить рабочим дни, предоставленные им для отдыха по случаю коронации Николая II. Первыми бросили работу 23 мая текстильщики «Российской мануфактуры». Несколько позже к ним присоединились рабочие ряда других текстильных предприятий. В мае — июне стачечной борьбой было охвачено 19 текстильных фабрик с 30 тыс. рабочих. В. И. Ленин назвал это выступление столичного пролетариата «знаменитой петербургской промышленной войной»[1]. Бастовавшие выдвинули общие требования: повысить заработную плату, сократить рабочий день с 13 до 10,5 часов, полностью оплатить коронационные дни.

Борьба текстильщиков нашла отклик среди металлистов Путиловского, Невского и ряда других петербургских заводов. Рабочие некоторых предприятий провинции поддержали бастующих забастовками солидарности и денежной помощью.

Выступление столичных рабочих характеризовалось невиданной до того времени стойкостью, сплоченностью, организованностью и дисциплиной. Оно произвело сильное впечатление на общество и правительство. Против бастующих были брошены полиция, жандармерия и войска. Более тысячи человек арестовали, выслали из столицы в деревню, по месту основного жительства. Но фабриканты и правительство вынуждены были пойти на некоторые уступки. 18 июня рабочие всех фабрик приступили к работе, однако официально заявили, что если обещания не будут выполнены, то они забастуют снова. 2 июня 1897 г. был издан закон, устанавливавший 11,5-часовой рабочий день в дневную смену и 10-часовой в ночную и предоставлявший рабочим отдых в праздничные дни.

Петербургская «промышленная война» знаменовала собой подъем рабочего движения на новую, более высокую ступень: впервые стачкой руководили социал-демократы. «...Сознательное и планомерное социал-демократическое вмешательство и руководство делают то, — отмечал В. И. Ленин, — что движение приобретает гигантский размах и значение против морозовской стачки. Правительство опять идет на экономические уступки. Стачечному движению по всей России положено прочное основание»[1]. С этого времени массовое рабочее движение неразрывно, идейно и организационно, связывается с социал-демократией и открывает собой «полосу подготовки народной революции»[2].

Стачечное движение рабочих в России с 1885 по 1904 г
(число участников в тыс. человек)

БОРЬБА В. И. ЛЕНИНА С ЛИБЕРАЛЬНЫМ НАРОДНИЧЕСТВОМ И «ЛЕГАЛЬНЫМ МАРКСИЗМОМ». Начало пролетарского этапа освободительного движения

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 29.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 251.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 74.

было отмечено не только усилением стачечной борьбы рабочих, но и острой идейной борьбой марксизма с народничеством и так называемым «легальным марксизмом». Без глубокого усвоения теории марксизма, решительного разрыва с чуждыми идеями пролетариат не мог полностью осознать свою историческую миссию, выполнить роль передового борца и гегемона в борьбе за демократию и социализм.

Главной помехой на начальной стадии сознательного массового рабочего движения в России являлась теория и практика мелкобуржуазного народнического социализма. Сохранение сильных пережитков крепостничества, преобладание мелкобуржуазного населения, относительно невысокий уровень развития капитализма и классовой борьбы в деревне, героическое прошлое позволяли народничеству оказывать серьезное влияние на мировоззрение и действия русских революционеров. Еще с 80-х годов в народничестве происходили глубокие изменения. Господствующие позиции в нем заняло либеральное течение. Цитаделью либерального народничества в 90-х годах был журнал «Русское богатство», возглавлявшийся одним из крупнейших теоретиков народничества Н. К. Михайловским.

Народники, будучи сторонниками субъективного метода в социологии, не признавали объективного характера законов развития общества. В центре теоретической борьбы в 90-е годы был вопрос о российском капитализме. Народники не отрицали наличие капитализма в России, но утверждали, что он не имеет естественных корней, является результатом ошибочной политики правительства. Они ограничивали российский капитализм крупной машинной индустрией, а крестьянские и кустарные хозяйства относили к особому, «некапиталистическому народному производству». По их мнению, в нашей стране не было условий для широкого развития капитализма, так как, разоряя крестьянство, он сам для себя сокращал внутренний рынок, а внешний рынок уже был захвачен более развитыми государствами. В связи с этим они делали вывод об ином пути России к социализму — не через свободное развитие капиталистических противоречий и классовую борьбу пролетариата, а через сохранение, укрепление и развитие «некапиталистического народного производства» и связанных с ним средневековых форм объединения — общин, артелей и т. д. (с помощью дешевых кредитов, земских банков, торговых складов, ликвидации крестьянского малоземелья, улучшения условий аренды, агротехники и других подобных частичных мер).

Либеральное народничество не было однородным. Представители его правого, крайне реакционного крыла — Я. В. Абрамов, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко, С. Н. Южаков и другие призывали интеллигенцию отказаться от борьбы за политическую свободу, поскольку она усилила бы только буржуазию, и целиком сосредоточиться на поисках средств улучшения экономического положения народа при самодержавном строе. Стоявшие на левом фланге либерального народничества Н. К. Михайловский и его сторонники — Н. Ф. Анненский, В. Г. Короленко, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов и другие признавали необходимость политических преобразований, но не революционным, а мирным, реформистским путем.

Революционные марксисты развернули решительную борьбу с утопическим социализмом и буржуазным реформизмом либеральных народников. Большое значение в этой борьбе имели работы Г. В. Плеханова, особенно его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданная легально в 1895 г. Плеханов мастерски изложил основные положения исторического материализма, вскрыл несостоятельность субъективной философии и социологии народников, резко критиковал их теорию «героев» и «толпы», как вредную для массового пролетарского движения. Вместе с тем выступления Плеханова против народников страдали определенным схематизмом и абстрактностью. Он не вскрывал в достаточной мере историческую обусловленность народнической идеологии, ее классовые корни, склонен был рассматривать ее лишь как теоретическое заблуждение некоторой части русской интеллигенции.

Задачу полного идейного разгрома народничества блестяще выполнил В. И. Ленин. В своих работах 90-х годов — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1895), «Развитие капитализма в России» (1899) — В. И. Ленин, используя марксистский метод исследования, дал цельную картину социально-экономического строя России как системы капитали-

стических производственных отношений, указал на тормозящую роль остатков крепостничества в развитии этих отношений, охарактеризовал экономическое положение различных классов, их истинные интересы и устремления, противоречия и антагонизмы между ними, выявил классовые корни и содержание важнейших идеологических направлений того времени. Народничество, делал вывод В. И. Ленин, есть идеология мелкобуржуазной крестьянской демократии, прикрывающаяся фразами о социализме. Ее эволюция от революционного крестьянского социализма 70-х годов к мелкобуржуазному радикализму и реформизму либерального народничества связана с развитием капиталистических отношений в деревне, с превращением крестьянских хозяйств в мелкобуржуазные, с расслоением крестьянства на буржуазию и пролетариат. Народничество, отмечал В. И. Ленин, реакционно в своем стремлении сохранить и укрепить мелкое производство в условиях капитализма. Но вместе с тем оно играет прогрессивную роль, выступая против пережитков крепостничества, от которых страдают мелкие, прежде всего крестьянские, хозяйства.

Исходя из того что мелкая буржуазия занимает при капитализме промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом и в ее требованиях притупляются интересы этих двух классов, В. И. Ленин подчеркивал непоследовательность и ограниченность прогрессивных тенденций народничества, его демократизма. Он призывал социал-демократов не забывать о противоречивой роли этого учения в конкретно-исторических условиях России, когда первоочередным вопросом является борьба с феодальными пережитками. Русские социал-демократы, указывал В. И. Ленин, должны вести бескомпромиссную войну с реакционными устремлениями народников, но в то же время принять, провести «точнее, глубже и дальше»[1] их демократические требования. Такая глубокая и всесторонняя оценка народничества теоретически обосновывала возможность блока социал-демократов с народниками в борьбе за демократические преобразования; из этой оценки неизбежно вытекала «условная и ограниченная допустимость «левоблокистской» тактики»[2]

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 531.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 98.

В борьбе с народничеством социал-демократы выступали вместе с так называемыми «легальными марксистами», лидерами которых были П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. И. Туган-Барановский. В их руках находился ряд легальных печатных органов — журналы «Новое слово», «Начало», газета «Самарский вестник» и др. Наиболее цельно и последовательно основные положения «легального марксизма» были развиты в работе Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894).

«Легальные марксисты» критиковали народничество за его представления о регрессивной роли капитализма в России, об отсутствии достаточного рынка для широкого его развития, выступали против идеализации мелкого «народного производства», общин, артелей. Они признавали, хотя и нерешительно, необходимость буржуазно-демократических свобод и значение пролетариата в борьбе за них. Благодаря временному соглашению с «легальными марксистами» В. И. Ленину, Г. В. Плеханову и некоторым другим социал-демократам удалось опубликовать ряд своих работ легально. В 1895 г.

В. И. Ленин

Обложка работы Ленина «Развитие капитализма в России»

был издан совместный сборник статей «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Однако вскоре сборник был запрещен властями, а отпечатанные экземпляры сожжены.

«Легальные марксисты» не являлись истинными марксистами. Они считали, что можно быть марксистом, не будучи социалистом. Их идеалом была Россия крупного капиталистического производства. Струве закончил вышеупомянутую работу призывом идти «на

выучку к капитализму». Защита капитализма «легальными марксистами» прикрывалась стремлением занять объективистскую, «надклассовую» позицию при анализе и оценке российской действительности. Они затушевывали классовые противоречия, свойственные капитализму, отрицательно относились к идее социалистической революции и диктатуры пролетариата. Рабочее движение они намеревались ограничить борьбой за частичные реформы в рамках капитализма. «Легальный марксизм» был одной из ранних форм ревизионизма в русской и международной социал-демократии.

В. И. Ленин первым обратил внимание на буржуазные тенденции в «легальном марксизме» и резко выступил против них. Признавая полезность соглашения с «легальными марксистами» в борьбе с народничеством, он вместе с тем считал обязательным условием такого соглашения непримиримую теоретическую полемику с ними. «...Необходимым условием такого союза, — писал Владимир Ильич, — является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии» [1]. Еще осенью 1894 г. В. И. Ленин прочитал в кружке петербургских марксистов реферат, содержащий критику книги Струве. Основные мысли этого реферата были развиты им в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894—1895).

Дальнейшая эволюция «легальных марксистов» в сторону либерализма, их настойчивые попытки развратить классовое сознание пролетариата либерально-буржуазной идеологией привели к тому, что революционные марксисты окончательно порвали с ними.

В борьбе с народничеством и «легальными марксистами» В. И. Ленин творчески развивал марксизм. Он выдвинул идею о непосредственной связи буржуазно-демократической и социалистической революции в России. Важнейшую предпосылку для перерастания первой революции во вторую В. И. Ленин видел в гегемонии пролетариата в революционно-освободительном движении. Свой первый большой труд «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» он закончил словами: «...русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**» [1].

Обосновывая историческую миссию пролетариата, В. И. Ленин указывал прежде всего на то, что этот класс, сконцентрированный на крупном капиталистическом производстве, превосходит другие эксплуатируемые слои и классы по степени сплоченности, организованности, по уровню культурного развития, его психология свободна от устаревших традиций. На передовые позиции в борьбе за демократию пролетариат выдвигается потому, что, с одной стороны, на нем всего сильнее отражается политический гнет, с другой — только он «способен *до конца* довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих» [2]. Остальные трудящиеся и эксплуатируемые массы по своему экономическому положению не способны на самостоятельную бескомпромиссную борьбу не только за социалистические, но и за демократические преобразования. Их борьба не может не нести на себе печать ограниченности и половинчатости. На плечи пролетариата, как гегемона, ложится обязанность очищать движение этих слоев от органически свойственных им колебаний и неустойчивости.

Российский пролетариат мог выполнить «лежащую на нем историческую задачу: объединить под своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом» [3] — только сплотившись в свою самостоятельную партию. В борьбе с чуждыми пролетариату идейными течениями В. И. Ленин закладывал теоретические основы марксистской партии российского пролетариата, вопрос о создании которой был поставлен как насущная, практическая задача дня начавшимся с середины 90-х годов массовым рабочим движением.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ «СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА». Теоретическая работа В. И. Ленина была неразрывно связана с его практической дея-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 17.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 312.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 454—455.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 359.

тельностью по собиранию и объединению российской социал-демократии в партию, по слиянию марксизма с рабочим движением. Осенью 1893 г. В. И. Ленин приехал в Петербург и вступил в марксистский кружок «стариков», организованный уцелевшими от ареста членами брусневской социал-демократической организации. Под его руководством кружок расширяет свою пропаганду, укрепляет связи с рабочими и переходит к новой тактике — к массовой экономической и политической агитации среди рабочих. Первый шаг в этом направлении был сделан в декабре 1894 г. В. И. Ленин при участии рабочего-революционера И. В. Бабушкина составил листовку по поводу волнений на Семянниковском заводе. Переписанный от руки в четырех экземплярах листок был распространен на заводе и вызвал сочувственный отклик среди рабочих. В феврале 1895 г. составленная социал-демократами листовка с изложением требований бастовавших портовых рабочих помогла последним добиться уступок.

Прежняя кружковая форма организации не отвечала новым задачам, встававшим перед социал-демократами. Чтобы вести систематическую массовую агитацию, руководить стачками, превратить стихийное рабочее движение в сознательную классовую борьбу против самодержавия и капиталистов, социал-демократам необходимо было объединиться, преодолеть кружковщину и кустарничество в своей работе, по-иному расставить свои силы. В ноябре 1895 г. по инициативе и под руководством В. И. Ленина петербургские социал-демократические кружки объединились в общегородской «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». «Союз» представлял централизованную организацию со строгой дисциплиной. Непосредственное руководство находилось в руках 3—5 членов центральной группы во главе с В. И. Лениным. В состав «Союза» входили три районные организации: Московско-Нарвская, Невская застава, Заречная — и 20—30 социал-демократических кружков, охватывавших 100—150 рабочих почти всех крупных заводов и фабрик столицы.

«Союз» тысячами выпускал и распространял листовки, брошюры и другие нелегальные издания, которые стали эффективным средством его руководства стачечной борьбой. Они поднимали настроение рабочих, сплачивали и воспитывали их. Большой успех имела специальная листовка по поводу грандиозной стачки в Петербурге на текстильной фабрике Торнтона в ноябре 1895 г., подготовленной и возглавляемой «Союзом». В этой листовке, распространенной по всему Петербургу, бастующие сформулировали свои требования. Во время стачки листовки выпускались почти ежедневно, а иногда и несколько раз в день.

Деятельность «Союза» встревожила правительство. В ночь на 9 декабря 1895 г. был арестован почти весь его руководящий центр. Несмотря на такой тяжелый удар, «Союз» продолжал функционировать. В. И. Ленин из тюрьмы в шифрованных записках давал руководящие советы.

Группа руководителей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Фото

И. В. Бабушкин

В листовках ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» выдвигались и экономические, и политические требования. В них подчеркивалось, что врагами рабочих являются не только капиталисты, но и самодержавие. Сильное впечатление на рабочих произвела листовка «Рабочий праздник

1 мая», выпущенная «Союзом» в 1896 г. Задача соединения экономических стачек с политическим движением ставилась В. И. Лениным и перед задуманной им газетой «Рабочее дело». Газета не увидела света: материалы ее первого номера были захвачены полицией.

В августе 1896 г. правительство нанесло еще более ощутимый удар. Были арестованы и привлечены к дознанию 128 человек, в том числе почти все руководители «Союза». С этого времени преобладающее влияние в организации переходит к «молодым» марксистам, исповедовавшим «экономизм», и она уже не могла играть своей прежней роли в рабочем движении.

Историческое значение ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» заключается в том, что он положил начало слиянию рабочего движения с социал-демократией. По своим целям и задачам, организационным принципам и практической деятельности эта организация была зачатком революционной марксистской партии в России.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РСДРП. Петербургский «Союз» дал толчок к объединению разрозненных социал-демократических кружков и в других городах страны. По его подобию создаются организации в Иваново-Вознесенске, Екатеринославе, Киеве, Москве, Одессе, Харькове и в ряде других городов. Настоятельным делом становилось объединение марксистских организаций в единую централизованную партию — именно за это неустанно боролся В. И. Ленин. Находясь в тюрьме, он составил «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» (летом 1896 г.), где сформулировал ближайшие задачи и конечную цель революционной борьбы пролетариата. Призыв к объединению содержался и в программной работе «Задачи русских социал-демократов», написанной В. И. Лениным в конце 1897 г. в ссылке. Образцом, по которому должна строиться революционная партия, он называл петербургский «Союз борьбы».

Этой организацией предпринимались и первые практические шаги по созданию всероссийской партии. Она поддерживала широкие связи с социал-демократическими организациями других городов. В. И. Ленин во время своей поездки за границу в 1895 г. установил контакт с группой «Освобождение труда». После ареста В. И. Ленина его идеи пытались осуществить оставшиеся на свободе руководители «Союза».

1—3 марта 1898 г. в Минске состоялся первый съезд РСДРП. На нем присутствовали представители петербургского, московского, киевского и екатеринославского «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», «Всеобщего еврейского союза в Литве, Польше и России» (Бунда) и группа киевской «Рабочей газеты». Съезд принял решение об образовании единой Российской социал-демократической рабочей партии. Местные организации именовались теперь комитетами РСДРП. На съезде был избран Центральный Комитет партии. Официальным органом партии объявлялась «Рабочая газета». Съезд поручил ЦК составить от его имени «Манифест». В «Манифесте» сжато, в самой общей форме провозглашалась борьба за политическую свободу и социализм как задача рабочего движения и социал-демократической партии в России. При этом ничего не говорилось о союзниках пролетариата в этой борьбе, о гегемонии и диктатуре пролетариата.

Съезд происходил в тот период, когда среди социал-демократов окончательно не были изжиты идейные и тактические разногласия, боязнь подчинить местные интересы общим задачам рабочего движения. Усиление «экономизма» еще более усугубляло обстановку в рядах социал-демократии. Все это сказалось на решениях съезда и прежде всего на одобренных им основных принципах организационного построения партии. В них не нашла достаточного отражения ленинская идея демократического централизма. Местным комитетам партии предоставлялась весьма широкая самостоятельность вплоть до права в некоторых случаях отказываться от выполнения решений ЦК. За Бундом была признана автономия в работе среди еврейского пролетариата.

Съезд не выработал программы, устава и тактики партии, не связал прочно социал-демократические организации. Тем не менее он знаменовал собой шаг вперед в российском социал-демократическом движении. Он сформулировал и открыто провозгласил от имени всей социал-демократии цели и задачи пролетарской борьбы в России и тем самым способствовал ее более тесному слиянию с рабочим движением. С этого времени идея организованной политической партии пролетариата стала «путеводной звездой и

желанной целью всех сознательных соц.-демократических деятелей»[1].

Вскоре после съезда были арестованы члены ЦК и почти все участники съезда, разгромлены социал-демократические организации в Киеве, Екатеринославе, Петербурге и некоторых других городах. Прекратилось издание общепартийного органа «Рабочая газета». Правительственные репрессии в немалой степени способствовали назреванию кризиса в социал-демократии и утверждению временного господства в ней оппортунистического течения «экономизма».

БОРЬБА В. И. ЛЕНИНА ПРОТИВ «ЭКОНОМИСТОВ». Два крыла, революционное и оппортунистическое, в русской социал-демократии выявились сразу же, «как только возникло *массовое* рабочее движение в России (1895—1896 гг.)...»[2]. Когда перед социал-демократами встал вопрос о переходе от пропаганды к агитации и о характере агитации, некоторые из них заявили, что пролетариат еще не созрел для восприятия политических лозунгов и поэтому следует вести только экономическую агитацию. В Петербурге такой точки зрения придерживались группа студентов-технологов во главе с И. В. Чернышевым (группа «молодых») и группа студентов-медиков во главе с К. М. Тахтаревым. В. И. Ленин и его сторонники давали отпор проповедникам «экономизма». Но с арестом Ленина и его единомышленников соотношение сил изменилось. К концу 90-х годов влияние «экономистов» в социал-демократии стало преобладающим.

Источником идей для «экономистов» были «легальный марксизм» и «бернштейнианство», призывавшие пролетариат не выдвигать политических требований и вести борьбу за улучшение своего положения в рамках существующих общественных отношений. Их социальную базу составляли политически неразвитые, отсталые слои рабочих, недавние выходцы из деревни, разорившиеся мелкие буржуа, находившиеся еще в значительной степени в плену мелкобуржуазных иллюзий.

В 90-е годы русская промышленность переживала период бурного развития. В это время было основано около 40% всех промышленных предприятий царской России. Главным источником пополнения быстрорастущих рядов пролетариата являлись пришельцы из деревень, ремесленники и кустари, которые, включаясь в борьбу, далеко не сразу освобождались от мелкобуржуазных предрассудков. «...*Массовое* движение рабочих, — отмечал В. И. Ленин, — не случайно, а неизбежно порождало мелкобуржуазное, оппортунистическое *крыло* в этом движении»[1]. В условиях промышленного подъема, когда выше обычного стали прибыли и спрос на рабочие руки, хозяева предприятий старались не обострять отношений с рабочими и порой удовлетворяли их требования. Такая легкость некоторых экономических побед укрепляла иллюзии о возможности с помощью лишь экономических стачек, без изменения основ экономического и политического строя добиться серьезного улучшения своего положения. «Экономисты» пытались возвести в систему настроения этой «серой» массы, «...дать им теоретическое обоснование, приспособить к ним цели и задачи, тактику и формы организации всего рабочего класса. В 90-х годах, когда русская социал-демократия только начинала свое становление, оппортунизм в России проявился «гораздо резче, определеннее, ярче, чем где бы то ни было в Европе»[2].

«Экономисты» имели свои печатные органы — газету «Рабочая мысль» и журнал «Рабочее дело». Газета издавалась в Петербурге с октября 1897 г. по декабрь 1902 г. В числе ее редакторов был К. М. Тахтарев. Журнал выходил за границей с 1899 по 1902 г. Его возглавляли видные лидеры «экономизма» Б. Н. Кричевский, А. С. Мартынов и др. «Экономисты» ограничивали классовую борьбу рабочих борьбой за экономические реформы, были против единой централизованной политической партии пролетариата, не признавали за ней руководящей роли в борьбе за демократию и социализм, пропагандировали чисто профессиональные, тред-юнионистские формы организации пролетариата — кассы, кружки, группы и т. п.

Основные взгляды «экономистов» наиболее полно были изложены в документе под названием «Credo», написанном Е. Д. Кусковой. Нет основания надеяться, заявляло «Credo», что рабочее движение в России поднимется когда-нибудь до политической борьбы. Рабочие вели и будут вести только экономическую борьбу. Всякие разговоры о самостоятельной рабочей политической пар-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 89.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 97.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 133.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 113.

тии «Credo» объявляло беспочвенными и даже вредными. Русские марксисты должны помогать пролетариату в его экономической борьбе и вместе с либералами добиваться политических преобразований.

В. И. Ленин первым понял серьезную опасность «экономизма» для судеб рабочего движения и социал-демократии в России и начал упорную борьбу с ним. «Протест российских социал-демократов», написанный им в августе 1899 г. и единодушно поддержанный на совещании 17 ссыльных социал-демократов в таежном селе Ермаковском, разоблачал либерально-буржуазную сущность «Credo» и положил начало последовательной и систематической борьбе революционных социал-демократов за создание единой централизованной марксистской партии.

2. НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ. Экономический кризис 1900—1903 гг. и массовые голодовки крестьян, ставшие с конца XIX в. хроническими, еще более ухудшили и без того тяжелое положение широких масс, усилили в них чувство протеста против жестокого гнета и бесправия, способствовали их пробуждению к активной борьбе. Брожением были охвачены все классы и слои российского общества. Росло и ширилось революционное движение. Обострение классовых отношений вносило растерянность и колебания в политику правящих верхов. Складывались все признаки очередной, третьей за полстолетие, революционной ситуации. Как и в прежних революционных ситуациях, на повестке дня стояли вопросы ликвидации самодержавия, помещичьего землевладения и других остатков крепостничества, тормозивших развитие капитализма. Но изменились исторические условия, выше стал уровень общественного развития страны. Необходимость радикального решения тех же самых вопросов была теперь более острой, назревшей и неотложной. Широкие слои общества охватывало сознание, что жить так, как раньше, больше невозможно, что нужны глубокие социальные и политические преобразования. Обозначившееся еще в период первой революционной ситуации деление политических сил на три лагеря — правительственный, либерально-буржуазный и демократический — стало более четким и оформленным. Каждый из этих лагерей имел свою социальную базу, стратегию и тактику, выдвигал и отстаивал свои программные требования.

Опорой правительственного, черносотенно-монархического лагеря являлись помещики-крепостники и чиновническая, бюрократическая верхушка. Они выступали ярыми противниками каких бы то ни было перемен, отстаивали все отжившее и реакционное. В либерально-буржуазный, оппозиционный лагерь входили крупная и средняя буржуазия, обуржуазившиеся помещики и буржуазная интеллигенция. Они объединились в начале века в такие организации, как кружок «Беседа», «Союз земцев-конституционалистов» и «Союз освобождения». Взгляды и настроения либералов находили отражение в газетах «Русские ведомости», «Наша жизнь», «Право», в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Освобождение». Либералы были идеологами буржуазии, которая не могла мириться с наиболее вопиющими остатками крепостничества, мечтала о политических свободах, но боялась революции, хотела сохранить капиталистическое помещичье хозяйство, монархию. Ее политические претензии не шли дальше дележа власти с помещиками. Либералы поэтому ограничивались мирными, легальными средствами воздействия на самодержавие, «борьбой за реформы», «борьбой за права»[1].

Пролетариат, крестьянство, городская мелкая буржуазия и радикально настроенная интеллигенция составляли демократический лагерь. Классы и социальные слои этого лагеря имели общую ближайшую цель — уничтожение всех остатков крепостничества, свержение самодержавия, установление республики, ликвидацию помещичьего землевладения. Самой последовательной силой в борьбе за эти цели являлся пролетариат. Он был центром притяжения всех остальных социальных групп демократического лагеря. Своей героической борьбой он будил, сплачивал, организовывал и вел за собой всех способных на борьбу с самодержавием. Появление на общественной арене пролетариата определяло главное отличие революционной ситуации начала XX в. от

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

предшествующих. Борьба этого класса, возглавляемого марксистской партией, сыграла роль решающего фактора, благодаря которому революционная ситуация переросла в революцию.

БОРЬБА РОССИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В НАЧАЛЕ XX в. В начале XX в. рабочее движение в России вступает в новую фазу. Расширяются его географические рамки. В борьбу включаются рабочие новых промышленных районов — Юга и Кавказа. Значительно увеличивается количество стачек и участвующих в них рабочих. Только на предприятиях обрабатывающей фабрично-заводской промышленности 1900—1904 гг. произошло 925 стачек, а число бастовавших рабочих превысило 180 тыс. Изменяется также и роль отдельных отрядов пролетариата в движении. Если в 90-х годах впереди шли текстильщики, то теперь авангардом борьбы становятся металлисты. Качественный сдвиг происходит и в самом характере движения. В предшествующий период выступления рабочих с политическими требованиями были единичны. Так, в 1898 г. лишь 8,4% стачек являлись политическими. В начале века пролетариат широко включается в политическую борьбу. В 1901 г. политические стачки составляли 22,1%, в 1902 г. — 20,4%, а в 1903 г. — 53,2%. Появились новые формы рабочего движения — политические демонстрации и митинги.

Празднование 1 Мая в Харькове в 1900 г. знаменовало начало массовых политических выступлений российского пролетариата. В этот день по призыву местного комитета РСДРП около 10 тыс. рабочих приняли участие в демонстрации под красными знаменами с лозунгами политической свободы и 8-часового рабочего дня. В 1901—1904 гг. произошло 76 первомайских демонстраций, сходок и маевок. Политическими демонстрациями откликались рабочие на важнейшие события общественной и политической жизни страны. Это средство они использовали для обличения злодеяний царизма против студентов и представителей передовой интеллигенции. За пятилетие, предшествующее первой русской революции, политические демонстрации состоялись в 60 городах и промышленных центрах России.

Особое место в рабочем движении начала XX в. принадлежит так называемой Обуховской обороне. 1 Мая 1901 г. многие рабочие Обуховского сталелитейного завода в Петербурге не вышли на работу. 26 из них были уволены. В ответ на действия администрации по призыву социал-демократов поднялись все рабочие завода. 7 мая, потребовав восстановления на работе уволенных товарищей и официального признания 1 Мая нерабочим днем, они бросили работу и вышли на прилегавший к заводу Шлиссельбургский проспект. Около сотни полицейских и эскадрон жандармов трижды пытались разогнать рабочих, однако, встреченные градом камней, они вынуждены были отступить. Только с помощью заводской стражи и двух рот пехотинцев, открывших стрельбу, оборона рабочих была сломлена. Борьба рабочих Обуховского завода опровергла широко бытовавшее тогда мнение о невозможности уличной борьбы рабочих с войсками. «Уличная борьба возможна, — писал В. И. Ленин, — безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода» [1].

О быстром росте политического сознания и революционной активности российского пролетариата наглядно свидетельствовала стачка в Ростове-на-Дону в 1902 г. 4 ноября рабочие железнодорожных мастерских прекратили работу и предъявили управляющему Владикавказской железной дороги свои требования из 26 пунктов. Рабочие требовали сокращения рабочего дня до 9 часов, повышения расценок и заработной платы, отмены штрафов, улучшения условий труда, вежливого обращения. Их поддержали рабочие многих промышленных предприятий города. В события акивно вмешался Донской комитет РСДРП. Под его воздействием экономическая стачка переросла в мощное политическое выступление. Ежедневно в балке за рабочим предместьем Темерники проходили митинги с участием 20—30 тыс. рабочих. Участники митингов жадно слушали речи социал-демократов и дружно подхватывали лозунг «Долой самодержавие!». Митинги прекратились лишь 17 ноября, после того как полиция и войска, получив подкрепления из других мест, заняли балку и перекрыли все доступы к ней. Начавшиеся аресты и административные высылки не поколебали рабочих. 26 ноября, когда руководство железной дороги и хозяева частных предприятий согласились на уступки, рабочие прекратили стачку. Оценивая значе-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 19.

ние этой стачки, В. И. Ленин отмечал, что в ней «пролетариат впервые противопоставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству»[1].

Еще более крупное значение имела в начале XX в. всеобщая стачка на Юге России в 1903 г. В этом регионе преобладали большие предприятия горнодобывающей, металлургической, металлообрабатывающей, нефтяной и сахарной промышленности. Высокой была здесь концентрация пролетариата. Его численность достигла 430 тыс. Экономический кризис 1900—1903 гг., особенно сильно поразивший тяжелую промышленность этого района, резко ухудшил положение рабочих: упали их заработки, многие лишились работы. Кризис заставил «многих и многих рабочих» убедиться в том, что «необходима революционная борьба со всем современным общественным и политическим строем...»[2]. Наибольшее количество забастовок произошло в Харьковском промышленном (11 губерний) и Киевском (10 губерний) округах — 58% всех забастовок и 44% участников. А в одном 1903 году здесь произошло 69% стачек, в которых приняло участие 56% всех бастовавших в этот год рабочих России.

1 июля 1903 г. начались стачки в Баку и Одессе. Комитеты РСДРП немедленно приняли меры для распространения движения за пределы этих городов. В течение июля—августа в борьбу включились рабочие всех промышленных центров Кавказа и Украины — Тифлиса, Батуми, Чиатуры, Екатеринослава, Киева, Николаева и др. Стачка парализовала промышленную деятельность всего Южного района и стала всеобщей. В ней приняло участие около 200 тыс. человек. Среди них были представители различных национальностей — русские, украинцы, грузины, армяне, персы, евреи и др. В авангарде движения шли рабочие крупных предприятий — более организованные и политически развитые. Особенной активностью отличались металлисты.

Бастующие пролетарии, соблюдая дисциплину, продемонстрировали упорство и волю. Как правило, рабочие поднимались на борьбу по призыву местных социал-демократических комитетов и предъявляли сформулированные ими экономические и политические требования: увеличение заработной платы, 8-часовой

———

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 251.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 16.

рабочий день, вежливое обращение со стороны администрации предприятий, установление политических свобод. Выступления рабочих выливались в различные формы. Экономические и политические стачки сочетались с демонстрациями, митингами и собраниями.

Сила натиска пролетариата была столь велика и неожиданна для местных властей, что вызвала среди них растерянность. В начале стачки они не предпринимали активных действий против бастующих и демонстрантов. Только получив подкрепление войсками, власти приступили к расправе. Рабочие оказывали мужественное сопротивление, бесстрашно шли на солдатские штыки, градом камней и палок осыпали полицейских и жандармов, садились и ложились на рельсы, чтобы воспрепятствовать возобновлению движения трамваев и поездов. Новым явлением были попытки бастующих привлечь на свою сторону или нейтрализовать войска. Со специальными листовками обращались к солдатам и матросам социал-демократические организации Екатеринослава, Киева, Одессы. Однако армия оставалась еще послушным орудием в руках правительства, и с ее помощью выступление рабочих было подавлено.

Всеобщая стачка на Юге России как бы подвела итог всей предшествующей борьбе пролетариата и наметила переход к ее высшей форме — вооруженному восстанию. На ее опыте массы убеждались в том, что добиться свободы можно лишь путем вооруженной борьбы, уничтожив прежде всего самодержавие. В. И. Ленин, указывая на этот итог стачки, писал: «Чувствуется, что мы накануне баррикад...»[1]. В ходе стачки ярко проявилась роль пролетариата как гегемона в борьбе против самодержавия и капитала. Стачка существенно углубила революционный кризис в стране. Она свидетельствовала о том, что российский рабочий класс выдвигается на авангардные позиции в международном рабочем движении и что центр мирового революционного движения перемещается в Россию.

Отголоском мощного выступления пролетариата летом 1903 г. и вместе с тем прямым предвестником назревавшей революции была декабрьская всеобщая стачка в Баку в 1904 г. Стачка началась 13 декабря по решению, принятому на собраниях рабочих, происходивших 11 и 12 декабря. В стачке участвовали

———

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 251.

рабочие нефтепромыслов, фабрик и заводов, портовики, трамвайщики и печатники. Требования бастующих были изложены в специальном воззвании, выпущенном социал-демократами. Они состояли из 34 пунктов, направленных на улучшение положения рабочих. Вместе с тем в воззвании содержался призыв не забывать «главного врага — царское самодержавие». Лозунги «Долой самодержавие! Долой царское правительство!» звучали на митингах и демонстрациях. Полицейские меры против рабочих оказывались бессильными. Хозяева предприятий вынуждены были пойти на уступки. Они согласились ввести 9-часовой, а при трехсменной работе — 8-часовой рабочий день и увеличить заработную плату. 30 декабря рабочие прекратили стачку.

ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН СОЗДАНИЯ ПАРТИИ. «ИСКРА». Беспрестанно нараставшая в начале XX в. борьба рабочих с необычайной прежде остротой поставила вопрос о необходимости создания единой, централизованной пролетарской партии, которая объединила бы борьбу в масштабе всей страны, возглавила бы ее и направила всю ее мощь на решение коренных задач пролетариата — свержение самодержавия и уничтожение власти капитала.

План создания революционной марксистской партии в России В. И. Ленин начал разрабатывать еще в сибирской ссылке. Основные положения были изложены им в статье «С чего начать?» (1901) и в работе «Что делать?» (1902). Ленин считал, что начать строительство партии нового типа следует с постановки общероссийской нелегальной политической газеты. Эта газета призвана стать главным средством идейного и организационного сплочения всех революционных социал-демократов. Газета должна пропагандировать марксизм, организовывать рабочее и демократическое движение; главная ее задача: стать коллективным пропагандистом, коллективным агитатором и коллективным организатором[1]. Такой газетой стала «Искра», первый номер которой вышел в конце декабря 1900 г.

«Искра» высоко подняла знамя борьбы за марксизм; руководствуясь только этой передовой теорией, российский пролетарит мог выполнить роль авангарда и вождя всех трудящихся в борьбе против царизма и буржуазии. На страницах газеты и в работе «Что делать?» В. И. Ленин идейно разгромил «экономизм», опошлявший марксизм, принижавший значение теории для рабочего движения, проповедовавший стихийность. Чтобы сформировать политическое сознание пролетариата, сплотить под его руководством все трудящиеся массы, страдавшие от произвола самодержавия и капитализма, «Искра» всесторонне, с позиций марксизма разоблачала систему полицейского гнета и капиталистической эксплуатации. Газета учила пролетариат поддерживать любое проявление протеста против самодержавия, с чьей бы стороны он ни исходил. Особое внимание она призывала обращать на крестьянство как естественного союзника пролетариата. Велика заслуга «Искры» в пропаганде и внедрении в рабочее движение таких форм борьбы, как политическая стачка, демонстрации и митинги.

Проект программы, выработанный редакцией газеты, стал идейной платформой сплочения в единую партию разрозненных социал-демократических организаций. Проект программы был представлен Г. В. Плехановым. По настоянию В. И. Ленина он был очищен от абстрактности, расплывчатости многих определений и формулировок и дополнен рядом положений. Ленинские поправки и дополнения особо подчеркивали пролетарский характер партии, руководящую роль рабочего класса в демократической революции. В. И. Ленин настоял на включении в программу-минимум требований демократической республики и самоопределения наций, а в программу-максимум — пункта о диктатуре пролетариата. Им была написана вся аграрная часть программы.

После выхода работы «Что делать?» (март 1902 г.), в которой В. И. Ленин излагал свое учение о пролетарской партии нового типа, и опубликования в «Искре» проекта программы партии (июнь 1902 г.) во второй половине 1902 — начале 1903 г. большинство местных социал-демократических организаций заявило о своей солидарности с «Искрой». Ядро формирующейся революционно-марксистской партии составили агенты «Искры», революционеры-профессионалы. Победа искровского направления в российской социал-демократии сделала возможным созыв общепартийного съезда.

II СЪЕЗД РСДРП. ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА. Второй съезд РСДРП проходил сначала в Брюсселе, затем в Лондо-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 11.

не с 17 (30) июля по 10 (23) августа 1903 г. В его работе участвовали представители 26 социал-демократических организаций. Состав съезда был неоднороден. 24 голоса имели твердые искровцы, 9 — неустойчивые, или «мягкие», искровцы, 8 (3 «экономиста» и 5 бундовцев) — открытые противники «Искры» и 10 — центристы (Ленин называл их «болотом»). Такая расстановка сил обусловила острую борьбу на съезде между революционным и оппортунистическим крылом по программным, тактическим и организационным вопросам. Оппортунисты выступили против положения о диктатуре пролетариата, которую В. И. Ленин и его сторонники рассматривали как важнейшее условие осуществления социалистической революции и построения социализма. Оппортунисты были противниками союза рабочего класса и крестьянства, отрицали революционность последнего. Они выступали также против ленинской программы по национальному вопросу — требования права наций на самоопределение.

На съезде была принята искровская программа. Она состояла из двух частей — программы-минимум и программы-максимум. Программа-минимум формулировала задачи партии в буржуазно-демократической революции. Она провозглашала свержение самодержавия и установление демократической республики, 8-часовой рабочий день и другие меры по улучшению условий труда и положения рабочих; уничтожение остатков крепостничества в деревне — возвращение крестьянам земель, отрезанных в 1861 г., отмену выкупных и оброчных платежей, возвращение крестьянам денежных сумм, взятых с них по этим платежам, отмену всех законов, стеснявших их в распоряжении своей землей, создание крестьянских комитетов для осуществления требований крестьян; равноправие всех наций и право их на самоопределение. В программе-максимум указывалась конечная цель партии — социалистическая революция — и средство ее осуществления и построения социализма — диктатура пролетариата. Программа, принятая на II съезде РСДРП, была единственной в то время программой пролетарской партии, в которой содержалось требование диктатуры пролетариата.

На съезде развернулась острая борьба и по организационным вопросам. Ленинский проект устава определял организационные принципы построения партии, права и обязанности ее членов. В. И. Ленин, отстаивая создание боевой, сплоченной революционной партии, предлагал следующую формулировку первого параграфа: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций»[1]. Требование личного участия в партийной работе закрывало доступ в партию неустойчивым, колеблющимся элементам.

Против проекта Ленина выступила часть «мягких» искровцев. Л. Мартов внес свой проект, предусматривавший кроме признания программы и материальной поддержки партии лишь «личное содействие» партийным организациям. Такая формулировка открывала дорогу в партию непролетарским, неустойчивым элементам. Это создавало опасность превращения пролетарской партии в рыхлую, мелкобуржуазную организацию, неспособную возглавить революционную борьбу.

На съезде победила ленинская идея построения партии на принципах демократического централизма и пролетарского интернационализма. Лишь по вопросу о членстве в партии незначительным большинством голосов была принята предложенная Мартовым оппортунистическая формулировка. При выборе руководящих органов партии (ЦК и ЦО) В. И. Ленин и его сторонники получили большинство и их стали называть большевиками, а их противников — меньшевиками.

Историческое значение II съезда РСДРП заключается в том, что на нем завершилось объединение марксистских организаций в России и была создана пролетарская партия нового типа на разработанных В. И. Лениным революционных идейно-политических принципах. «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»[2].

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX в. О нарастании революционного кризиса в начала XX в. свидетельствовало и начинавшееся под воздействием борьбы рабочих движение крестьян и демократической интеллигенции.

Крестьянство более всех страдало и от сохранявшихся остатков крепостничества, и

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 256.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.

от развивавшегося капитализма. Размер надела в связи с ростом населения в пореформенный период уменьшился с 4,8 десятины в 1861 г. до 2,6 десятины в 1905 г. Возросли прямые и косвенные налоги. В начале XX в. косвенные налоги увеличились на 26%. Крестьяне выполняли и различные натуральные повинности: квартирную — в связи с постоями войск, полиции и чиновников; дорожную — по поддержанию в порядке дорог и мостов, и ряд других. Платежи и повинности распределялись не по реальному, а по надельному землепользованию. В связи с этим они сильнее всего давили на крестьянскую бедноту. Ее платежи и повинности во много раз превышали «не только чистый денежный, но и чистый валовой доход»[1]. Кроме помещиков и государства крестьян разоряли торговцы и ростовщики. Проценты по займам были так велики, что иногда в несколько раз превышали занятую сумму. Тяжелое положение крестьянства вело к оскудению деревни. С конца XIX в. постоянным явлением становится массовый голод крестьян.

Тяжелый экономический гнет усугублялся политическим бесправием крестьянства. Оно оставалось низшим, неравноправным сословием. Крестьяне в фискальных целях были связаны круговой порукой. Против недоимщиков нередко применяли розги, а их имущество распродавалось. Крестьянское самоуправление всецело находилось в руках земских начальников и волостной администрации, состоявшей, как правило, из деревенских богатеев.

Под влиянием аграрного и промышленного кризисов, неурожая и массового голода 1901 г. недовольство в крестьянской среде в начале XX в. резко возросло. Два вида противоречий — между всем крестьянством и помещиками и между сельским пролетариатом и буржуазией — порождали две социальные войны в деревне. С 1900 по 1904 г. произошло 670 крестьянских выступлений, половина из которых приходилась на 1902 год. В этом году крестьянские волнения были зарегистрированы в 16 губерниях Европейской России.

Особенно сильное крестьянское движение развернулось в марте — начале апреля в Полтавской и Харьковской губерниях. Волнения охватили 165 селений с населением более 150 тыс. Крестьяне разгромили 36 помещичьих экономий в Полтавской и 24 — в Харьковской губерниях. Они запахивали помещичью землю, забирали хлеб, сено, скот и инвентарь не только у помещиков, но и у особо ненавистных богатых односельчан. По своему размаху и содержанию это выступление было первым крестьянским восстанием в пореформенной России. В целом оно, как и прежние крестьянские выступления, носило стихийный характер, не содержало ясных политических требований. Однако в нем имели место и некоторые элементы сознательности, что было результатом влияния рабочего движения и революционной пропаганды. В ряде случаев свои действия против помещиков крестьяне пытались обосновать ссылками на то, что так в «листках написано». Разгром того или иного помещичьего имения происходил по решению крестьянских сходов.

Выступление крестьян Полтавской и Харьковской губерний нашло отклик среди крестьян ряда губерний Украины, Центра, Поволжья и Кавказа. В Полтавскую и Харьковскую губернии правительство направило более 10 тыс. солдат. Крестьянские выступления были жестоко подавлены. По приказанию полтавского и харьковского губернаторов тысячи крестьян подверглись порке, более тысячи привлечены к суду. Крестьяне должны были выплатить 800 тыс. руб. для возмещения убытков, нанесенных помещикам.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. Борьба рабочих и крестьян активизировала мелкобуржуазную демократическую интеллигенцию — учителей, медиков, земских, торгово-промышленных и государственных служащих, — по своему происхождению, условиям труда и жизни тесно связанную с народом. Если раньше представители этой интеллигенции ограничивались созданием легальных обществ взаимопомощи, научной и просветительской деятельностью, оппозиционными выступлениями в основном по профессиональным вопросам, то в начале 900-х годов они создают свои подпольные организации, где звучат уже антиправительственные заявления. Демократическая интеллигенция вместе с рабочими участвует в политических митингах и демонстрациях, учащаются случаи ее конфликтов с земской и правительственной администрацией. Она оказывает разнообразную помощь революционному подполью. Наиболее радикально настроенные представители демокра-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 98.

тической интеллигенции переходят на позиции марксизма и вступают в ряды социал-демократии.

В начале XX в. происходит подъем революционного движения среди студенчества. В связи с потребностью капиталистической промышленности в кадрах образованных специалистов численность студентов постоянно возрастала. Так, в 1899 г. она составляла 35 тыс., в 1903 г. — около 43 тыс. Материальное положение большинства студентов было тяжелым. В высших учебных заведениях господствовал полицейский режим. От поступавших требовалась справка о политической благонадежности. Студенты находились под надзором инспекторов, связанных, как правило, с охранкой. Согласно «Временным правилам», изданным в 1899 г., студенты подлежали отдаче в солдаты за призывы к беспорядкам и участие в них. Специальным циркуляром департамента полиции запрещались студенческие вечера и концерты. Под административным надзором находились студенческие организации и сходки.

Рабочее движение, революционные пропаганда и агитация стимулировали студенческое движение. В 1899 г. студенты впервые широко использовали пролетарское средство борьбы — стачку. Начавшись в феврале, стачка продолжалась до мая, захватила все высшие учебные заведения России. В начале 900-годов студенческие выступления происходили постоянно. В феврале 1902 г. В. И. Ленин писал: «В течение трех лет университетская жизнь не может войти в колею, учебные занятия ведутся урывками...»[1] От узкопрофессиональных, академических требований студенты переходили к политическим. Этот переход ясно наметился во время второй всероссийской (февраль—март 1901 г.) стачки и завершился в период третьей всероссийской (январь—февраль 1902 г.) забастовки студентов. В манифесте, принятом II Всероссийским съездом студенческих организаций (в феврале 1902 г. в Риге), говорилось, что конечная цель студенческого движения есть политическая свобода. Съезд приветствовал совместные выступления рабочих и студентов в демонстрациях и митингах и призвал студенчество крепить в дальнейшем связи с пролетариатом в борьбе за политическую свободу.

В начале XX в. происходит процесс дифференциации студенчества по политическим направлениям. Преобладающим влиянием в студенческой среде пользовалась социал-демократия. II съезд студенческих организаций высказался за тесную связь местных студенческих организаций с комитетами РСДРП.

ОБРАЗОВАНИЕ ПАРТИИ ЭСЕРОВ. Идеологами и политическими представителями пробудившихся к борьбе мелкобуржуазных слоев являлись главным образом народники. На рубеже XIX—XX вв. активизировалось левое народническое крыло. Его представители начали именовать себя социалистами-революционерами (эсерами). Наиболее значительными эсеровскими организациями в то время были в России «Союз социалистов-революционеров», «Партия социалистов-революционеров», «Рабочая партия политического освобождения России». «Союз социалистов-революционеров» возник в 1896 г. в Саратове. С 1897 г. центром его деятельности стала Москва. «Союз» имел свои кружки в Петербурге, Ярославле, Нижнем Новгороде, Уфе и Чернигове. Программные взгляды «Союза» были изложены в брошюре «Наши задачи». С 1901 г. он стал выпускать газету «Революционная Россия».

«Партия социалистов-революционеров» организовалась летом 1900 г. на съезде представителей эсеровских групп и кружков Воронежа, Киева, Екатеринослава, Одессы, Харькова и некоторых других южных городов. Осенью того же года от имени этой организации был издан программный «Манифест». В 1899 г. в Минске из объединившихся эсеровских кружков возникла «Рабочая партия политического освобождения России». Ее сторонники были в Петербурге, Витебске, Гродно, Двинске и Екатеринославе. Народники-эмигранты также имели свои организации. По своей численности эсеровские организации были небольшими. Они объединяли, как правило, по нескольку десятков народнически настроенных интеллигентов, практически не имевших никаких связей с массами, единых идейных, программных и тактических принципов. Одни из них заявляли о верности идеям народовольцев, другие во многом соглашались с марксизмом. Большинство возлагали надежды на интеллигенцию и пролетариат. Но были среди эсеров и приверженцы работы среди крестьян. Часть эсеровских организаций усиленно пропагандировала террор. Общим для всех эсеров было признание необходимости политической

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 277.

борьбы и стремление слить пролетариат и крестьянство в одно понятие «рабочий класс». От народников к ним перешло понимание общины как зародыша социализма.

Рост революционных настроений среди крестьянства и мелкобуржуазной интеллигенции, борьба, развернутая ленинской «Искрой» за создание революционной марксистской партии, усилили объединительные тенденции среди эсеров. Объединение эсеровских организаций в партию произошло на встрече представителей этих организаций осенью 1901 г. за границей. Официальными органами партии социалистов-революционеров стали газета «Революционная Россия» и журнал «Вестник русской революции». До первого съезда (декабрь 1905 г. — январь 1906 г.) эсеры не имели общей программы и устава. Воззрения их были крайне эклектичны. В них причудливо переплетались элементы ветхозаветного народничества и ревизионистских течений в марксизме. Эсеры, по существу, не признавали прогрессивной роли капитализма в России, особенно в сельском хозяйстве; они верили в особый путь страны к социализму— через деревню. В политической области эсеры выступали за уничтожение самодержавия, установление республики, демократических свобод, созыв Учредительного собрания. Осью аграрной программы эсеров являлось требование социализации земли: отмена частной собственности на землю и передача ее в пользование общинам при условии уравнительного распределения ее между крестьянами. Социализация земли, по мнению эсеров, пробила бы брешь в капитализме и открыла бы крестьянам мирный путь к социализму, минуя капитализм. Подобные рассуждения были мелкобуржуазной утопией, ибо невозможно сохранить уравнительное землепользование при господстве товарного производства, власти денег.

В вопросах тактики эсеры первостепенное значение придавали террору. До 1905 г. члены боевой организации эсеров совершили шесть террористических актов. Наиболее крупными из них были убийства министров внутренних дел Д. С. Сипягина и В. К. Плеве. В. И. Ленин и революционные социал-демократы допускали возможность боевых соглашений с эсерами, но в то же время вели бескомпромиссную борьбу с их революционным авантюризмом, мелкобуржуазным утопизмом, беспринципностью и шаткостью в программных и тактических вопросах и пророчески предсказывали их неизбежное политическое банкротство[1].

ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ. Российская буржуазия политически развивалась медленнее, чем пролетариат. Формировавшаяся и набиравшая экономическую мощь под покровительством царизма, тесно связанная с помещичьим землевладением, отличавшаяся в целом невысоким уровнем культуры и образования, сословно замкнутая и ограниченная, она в массе своей покорно мирилась с политическим бесправием, была верноподданнической, консервативной, в течение всего пореформенного периода не проявляла никакой оппозиции самодержавию. Только в начале 900-х годов под воздействием постоянно нараставшей борьбы пролетариата в ее политических настроениях наметились сдвиги.

Царизм, беспощадно расправляясь с революционным движением, пытался вместе с тем заигрывать с рабочими. В Москве и в ряде других городов полицией на промышленных предприятиях были созданы легальные рабочие организации с некоторыми правами посредничества в отношениях между хозяевами предприятий и рабочими. Вмешательство полиции в фабрично-заводские дела возмутило предпринимателей и они, по выражению Ленина, «сейчас же встали на дыбы»[2].

Либеральное движение, активизировавшееся в начале XX в., было представлено главным образом обуржуазившимися помещиками — гласными земств и буржуазной интеллигенцией. Эта оппозиция интеллигенции базировалась на непримиримости «самодержавия с интересами общественного развития, с интересами интеллигенции вообще...»[3]. Но буржуазная интеллигенция, имевшая довольно высокий заработок, участвовавшая в прибылях и дивидендах, материально связанная с царизмом и буржуазией, не способна была подняться выше легальной оппозиции существовавшему общественно-политическому строю и вынуждена была искать возможности сделки с ним. Не являясь экономически самостоятельной социальной группой, она на могла играть и сколько-нибудь серьезной роли в политическом движении. Вместе с тем, обладая знаниями,

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 54.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 404.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 333.

умением ловко оперировать общими словами и понятиями, она внесла значительный вклад в формирование идеологии и программы российского либерализма.

Тон в буржуазно-оппозиционном движении задавали организованные в земствах либеральные помещики, имевшие большой политический опыт и крупные материальные средства. Земское движение было центром притяжения всех оппозиционных буржуазных элементов. Земства являлись постоянным и главным легальным очагом недовольства самодержавным режимом. Вся оппозиция верила в то, что земства и есть тот зародыш, из которого мирным путем может развиться конституция.

Самодержавное правительство продолжало политику по дальнейшему ограничению прав земств. Оно замахивало «свой топор над последними остатками земских учреждений»[1]: лишило земства права заведовать продовольственным делом и ветеринарией, ограничило их издательскую деятельность, запретило междуземские связи, в ряде губерний приостановило земские статистические обследования. Против наиболее активных земцев применялись административные меры наказания. В целях изгнания из земских учреждений неугодных лиц использовались ревизии этих учреждений наиболее ретивыми чиновниками. Однако эти гонения дали результат, противоположный тому, на который рассчитывало правительство. Земская оппозиция не ослабла, а усилилась. Политическая активность либеральных земств вызывалась стремлением как можно быстрее добиться от правительства уступок и таким путем предупредить революционный взрыв в стране.

В ноябре 1899 г. по инициативе князя Павла Долгорукова в Москве возник полулегальный кружок «Беседа». Он функционировал в течение 7 лет, до октября 1905 г. «Беседа» объединяла сливки земского общества — председателей и членов земских управ, видных земских гласных. Она положила начало и сыграла видную роль в консолидации сил земского либерализма, была связующим звеном между различными его оттенками. Единой и четкой программы у нее не было. Среди «собеседников» находились сторонники конституционной монархии (братья Павел и Петр Долгоруковы, Д. И. Шаховской, Ф. А. Головин и др.), славянофилы (Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, Н. А. Хомяков), выступавшие за «истинное самодержавие» с законосовещательным представительством типа Земского собора, и даже защитники неограниченного самодержавия (А. А. Бобринский, П. С. Шереметев), проявлявшие недовольство лишь засильем бюрократии.

Своим происхождением и положением «собеседники» были непосредственно связаны с правящим классом, никогда не разрывали близких отношений с представителями власти. Их тактическим принципом было «движение вперед на законном основании», воздействие на государя путем традиционных ходатайств и записок.

Левые земцы и буржуазная интеллигенция в поисках путей для более действенного «вмешательства в ход событий» решили создать нелегальный печатный орган. Им стал журнал «Освобождение», первый номер которого появился в июне 1902 г. в Штутгарте. Журнал заявил, что его цель — «борьба за всестороннее освобождение нашей родины от полицейского гнета, за свободу русской личности и русского общества». Вместе с тем он молчаливо признавал монархию единственно допустимой формой правления в России, стремился представить либеральное движение как общенациональное, бессословное и в то же время постоянно подчеркивал руководящую роль земцев в этом движении. Путь к освобождению страны журнал видел в «высочайше» пожалованных уступках. «Наш орган не будет революционным», — откровенно провозгласил в первом номере «Освобождения» П. Б. Струве, бывший «легальный марксист», согласившийся редактировать журнал и к этому времени полностью уверовавший в то, что только земские либералы могут быть основной силой в освободительном движении России.

Взгляды и принципы, проповедовавшиеся журналом, стали платформой либерально-буржуазной организации «Союз освобождения», учредительный съезд которой состоялся в январе 1904 г. в Петербурге. Эта организация являлась блоком либералов с мелкобуржуазными демократами — «экономистами» и либеральными народниками. Ее программа была весьма нечеткой и расплывчатой. Наряду с политическими требованиями, традиционными для либералов, она содержала ряд умеренных социально-экономических требований. В ней говорилось об

———

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 94.

отчуждении путем выкупа части помещичьих земель, ликвидации отрезков, чересполосицы, расширении деятельности Крестьянского банка и т. п.

В «Союз освобождения» вошли не все либерально настроенные земцы. Более умеренные из них выступали за совещательный характер будущего представительного органа, против контактов с неземскими элементами. На съезде (ноябрь 1903 г.) в Москве была образована чисто земская либеральная организация «Союз земцев-конституционалистов». В ее задачу входило проводить на земских собраниях требования о необходимости политических преобразований и в форме петиций и ходатайств доводить их до царя.

Своей вершины либерально-оппозиционное движение достигло осенью 1904 г. под влиянием тяжелых поражений царизма в русско-японской войне и роста революционного брожения в стране. 6—9 ноября в Петербурге состоялся земский съезд. Впервые земцы на своем съезде открыто заговорили о необходимости политических преобразований. Они высказались за отмену усиленной охраны, амнистию политическим заключенным, за независимый суд, уничтожение сословных, религиозных и других ограничений. Большинством голосов съезд решил, что народное представительство должно быть не законосовещательным, а законодательным. Единодушно было решено обратиться к царю с просьбой созвать народное представительство.

Постановления съезда нашли горячий отклик среди «освобожденческой» интеллигенции. В их поддержку принимались резолюции на банкетах («банкетная кампания»), организованных по поводу сорокалетия судебной реформы во многих городах. Либералы были убеждены,что перед «дружным и единым общественным мнением» верховная власть наконец-то согласится на созыв представительного органа. 2 декабря 1904 г. министр внутренних дел Д. Н. Святополк-Мирский передал решения земского съезда Николаю II. Ответом на них был указ 12 декабря 1904 г., который обещал ряд мелких реформ, но в то же время заявлял о «непременном сохранении» незыблемости самодержавия. Указ, как отмечал В. И. Ленин, являлся «прямой пощечиной либералам»[1]. В специальном правительственном сообщении земцам напоминалось, что их компетенцией служат лишь вопросы местной хозяйственной жизни, а те, кто нарушит эти рамки, будут привлекаться к ответственности «на основании действующих законов». Либерально-буржуазное движение наглядно проявило свое политическое бессилие. Сколько-нибудь серьезные преобразования в России могли быть отвоеваны только массовой революционной борьбой.

Социал-демократы стремились пробудить политическое сознание либералов, расшевелить их оппозиционный дух, толкнуть их на путь протеста и обличений полицейского произвола. Вместе с тем, когда либералы выступили с самостоятельным органом и своей политической программой, революционная социал-демократия во главу угла поставила «критику той половинчатости, которая ясно обнаружилась в политической позиции либерализма»[1].

3. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА. «САМОДЕРЖАВИЕ КОЛЕБЛЕТСЯ»

Россия вступила в XX век самодержавной, неограниченной монархией. В 1894 г. на престол взошел Николай II. Его царствованием в 1917 г. закончилась более чем трехсотлетняя династия Романовых.

Николай II был человеком неглубокого ума, слабой воли, но хитрый, упрямый и жестокий. Государственные дела вызывали у него скуку. Малоподготовленный к управлению государством, особенно в первые годы своего правления, Николай II находился под сильным влиянием матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и братьев отца, великих князей Владимира Александровича, командовавшего петербургским военным округом и императорской гвардией, и Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, людей ограниченных и реакционных. С годами Николай II все больше попадал под влияние своей жены Александры Федоровны, сторонницы крайнего абсолютизма, душевно неуравновешенной, мистически настроенной. Из лиц не царской фамилии наибольшее влияние на нового царя оказывал ярый реакционер, обер-прокурор святейшего Синода К. П. Победоносцев.

Вступив на престол, Николай II заявил о верности реакционному внутриполитическо-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 129.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 78.

му курсу своего «незабвенного покойного родителя» и назвал «бессмысленными мечтаниями» пробудившиеся в обществе робкие надежды на смягчение этого курса. Главное внимание он обратил на укрепление «опоры престола» поместного дворянства. Для выяснения и всестороннего обсуждения нужд этого сословия в 1896 г. было созвано совещание губернских предводителей дворянства, а в 1897 г. учреждено Особое совещание по делам дворянского сословия, просуществовавшее почти 5 лет. Итогом работы этих совещаний стали законодательные акты о понижении процента по ссудам должникам Дворянского банка, об устройстве дворянских касс взаимопомощи, о насаждении поместного землевладения в Сибири (В. И. Ленин откликнулся на эту меру правительства статьей «Крепостники за работой», 1901 г.), о временнозаповедных имениях.

Ревностным проводником реакционной политики и охранителем самодержавных устоев выступало Министерство внутренних дел, во главе которого в первое десятилетие правления Николая II стояли такие одиозные фигуры, как И. Н. Дурново, И. Л. Горемыкин, Д. С. Сипягин и В. К. Плеве.

Политика правительства по отношению к дворянству была непоследовательной, противоречивой, паллиативной. Симпатии царизма находились на стороне помещиков-крепостников, вздыхавших о добром для них старом, дореформенном времени. Тем не менее полностью пойти навстречу их ультрареакционным устремлениям царизм не решался. Он вынужден был хотя бы в какой-то мере считаться и с тем, что в стране уже существовали развитые буржуазные отношения и само дворянство не было единым. Все больший вес приобретали его умеренно консервативные и либеральные слои, понимавшие, что историю нельзя повернуть вспять, и требовавшие от верховной власти шагов, которые позволили бы дворянству лучше приспособиться к капиталистическому развитию страны. Царизм решительно отвергал притязания этих слоев на либерализацию политического режима, но шел на уступки их социально-экономическим требованиям.

Ярче всего эта тенденция выражалась в деятельности Министерства финансов, во главе которого с 1892 по 1903 г. стоял С. Ю. Витте. Цель Витте — подвести под самодержавие новый социально-экономический фундамент — была исторически безнадежной. Но по инициативе и под руководством этого наиболее талантливого государственного деятеля конца XIX — начала XX в. был проведен ряд мер, которые объективно способствовали дальнейшему развитию капитализма в России. В это десятилетие построили Транссибирскую железную дорогу, благодаря ей капитализм приобрел более широкие возможности для развития вширь на громадных территориях Сибири и Дальнего Востока.

В 1897 г. была осуществлена денежная реформа: введена в обращение золотая валюта. Реформа стабилизировала рубль, укрепила кредит, обеспечила устойчивые прибыли капиталистам и помещикам — экспортерам хлеба, содействовала более активному притоку в страну иностранного капитала. По настоянию Витте в марте 1899 г. состоялось специальное совещание министров под председательством царя, которое приняло решение о допуске «иностранных капиталов к промышленным в России предприятиям».

В начале XX в. под влиянием роста революционного движения в стране усилились разногласия и трения в правительственных кругах, что привело в конечном итоге к «кризису верхов».

РЕПРЕССИИ. На развертывавшееся в стране революционное движение царизм отвечал усилением своих традиционных методов борьбы с «крамолой»: реорганизовывались и совершенствовались сыскные и карательные органы, пускались в ход нагайки, розги, пули. Для арестованных не хватало обычных мест заключения. В тюрьмы превращались нередко частные дома и квартиры. Количество дел по государственным преступлениям, рассмотренных Министерством юстиции, возросло в 1903 г. по сравнению с 1894 г. в 12 раз. Обычных «транспортов» для ссылаемых в Сибирь было уже недостаточно — снаряжались экстраординарные «экспедиции». Однако репрессии, которые ранее были эффективны против небольших групп революционеров, теперь, когда на борьбу поднялись массы, оказались недостаточными. Правительство пыталось и лавировать, прибегать к заигрыванию, подкупу и развращению революционных и оппозиционных классов и социальных слоев. Суть этой политики были «обещание более или менее широких реформ, действительная готовность осуществить крохотную частичку обещанного

и требование за это отказаться от борьбы политической...»[1].

«ЗУБАТОВЩИНА». Пролетариат являлся самым опасным врагом самодержавия, поэтому такая политика раньше и прежде всего стала проводиться в отношении этого класса. Инициатива принадлежала С. В. Зубатову, начальнику московского охранного отделения. Зубатов был убежденным сторонником самодержавия и считал, что оно должно поддерживать «равновесие» в обществе, используя существующие в нем классовые противоречия для укрепления собственных позиций. Созданием под надзором полиции легальных профессиональных и просветительских рабочих организаций, мелкими экономическими уступками, частично за счет предпринимателей, Зубатов и его высокопоставленные покровители в лице московского обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова и генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича надеялись «воспитать» в рабочих преданность самодержавию, отвлечь от борьбы с ним, вырвать их из-под влияния революционеров.

В течение 1901—1903 гг. в Москве возникли общества «взаимного вспомоществования рабочих» механического производства, ткачей, табачников, парфюмеров, булочников, кондитеров и некоторых других профессий. В этот же период агенты Зубатова создали в Минске, Вильно и Одессе так называемую «независимую еврейскую рабочую партию». Осуществлению замыслов полиции способствовали некоторые представители либерально-буржуазной интеллигенции. Профессор И. Х. Озеров, доцент В. Э. Ден и другие читали на собраниях зубатовских организаций лекции о легальных организациях западноевропейских рабочих — кассах взаимопомощи, потребительских обществах, кооперативных организациях, профсоюзах и пр.

В феврале 1902 г. зубатовцами была организована с помощью охранки пятидесятитысячная манифестация московских рабочих по случаю открытия памятника Александру II в Кремле. Под давлением рабочих зубатовские организации вынуждены были вмешиваться в конфликты, возникавшие между предпринимателями и рабочими. Фабриканты, ставившие превыше всего интересы своего кошелька, потребовали ликвидации вмешательства полиции в фабрично-заводские дела. Их поддержал министр финансов С. Ю. Витте. В результате зубатовским организациям было запрещено «посредничать» в отношениях между хозяевами предприятий и рабочими. Основной функцией этих организаций стало идеологическое воздействие на рабочих в духе «теории официальной народности».

Отчетливо выявившаяся охранительная сущность зубатовских организаций и резкая критика их революционной социал-демократией привели к тому, что число рабочих в них стало сокращаться. «Независимая еврейская рабочая партия» за участие ее членов во всеобщей стачке на Юге России в 1903 г. была разогнана министром внутренних дел Плеве. Зубатов, исполнявший к этому времени уже обязанности начальника особого отдела департамента полиции, пытался возражать против таких крутых мер в отношении «независимовцев» и вынужден был уйти в отставку.

Разновидностью «зубатовщины» в Петербурге была «гапоновщина». В феврале 1904 г. Министерство внутренних дел утвердило устав общества «Собрание русских фабрично-заводских рабочих», созданного священником Г. А. Гапоном. Новое общество по своим целям не отличалось от зубатовских организаций. Оно ставило своей задачей создать среди рабочих «благоразумный и благожелательный элемент», который добивался бы улучшения своих материальных и духовных потребностей мирным, «законным» путем. Для осуществления своих замыслов Гапон не брезговал шовинизмом и антисемитизмом. Он пытался убедить рабочих в том, что революционеры в большинстве своем «нерусского происхождения» и преследуют цели «не столько противоправительственные, сколько противорусские», мешают царю осуществлять меры в интересах народных масс. Гапон учел просчеты Зубатова. С самого начала он отказался от попыток использовать в интересах самодержавия противоречия между капиталистами и рабочими. Его исходными принципами были идеи христианского социализма о классовом сотрудничестве и социальной гармонии. В уставе гапоновского общества не было никаких упоминаний о праве вмешательства в конфликты рабочих с промышленниками. Более того, устав запрещал выдавать пособия членам общества во время

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 37.

стачек. «Гапоновцы» пользовались поддержкой Министерства внутренних дел и петербургской администрации. Сам Гапон получал от полиции ежемесячное пособие в размере 100 руб. и регулярно предоставлял ей отчеты о деятельности своей организации, тщательно маскируя свои связи с ней.

Деятельность «гапоновцев» сосредоточивалась в специально организованных клубах-чайных для рабочих и сводилась в основном к проповедям, общеобразовательным лекциям, собеседованиям, литературным и музыкальным вечерам, в основе которых были идеи православия и самодержавия. К началу 1905 г. гапоновское общество насчитывало в Петербурге 11 районных организаций, объединявших свыше 10 тыс. членов.

Временные успехи «зубатовщины» и «гапоновщины», этих разновидностей российского «полицейского социализма», объясняются прежде всего тем, что они использовали в своих целях пробуждавшееся стремление рабочих к объединению, культуре и знанию, царистские и религиозные иллюзии отсталых, политически неопытных слоев пролетариата. На эти слои влияла и социальная демагогия, к которой прибегали деятели «полицейского социализма». Распространению «полицейского социализма» способствовали косвенно и «экономисты» своими проповедями о преимуществах экономической борьбы.

Рабочий вопрос не мог быть решен в рамках эксплуататорского строя, тем более самодержавного. Крах «полицейского социализма» был заранее предопределен. Нищенское положение и политическое бесправие неизбежно толкали рабочих к действиям более активным, чем те, в пределах которых пытались удержать их «зубатовцы» и «гапоновцы». Борьба революционной социал-демократии против «полицейского социализма» и различных оппортунистических течений в рабочем движении значительно ускоряла банкротство попыток правительства идейно разложить и дезорганизовать изнутри это движение. Революционеры-ленинцы И. В. Бабушкин, Н. Э. Бауман и другие, преодолевая недоверие рабочих, обманутых проповедями «зубатовцев» и «гапоновцев», вели разъяснительную работу в полицейских рабочих организациях, «устанавливали связь с массой, изловчались вести свою агитацию и вырывали рабочих из-под влияния зубатовцев»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 38.

Закончилась неудачей и правительственная политика заигрывания со студентами. 22 декабря 1901 г. были утверждены «Временные правила о студенческих учреждениях», перекликавшиеся во многом с уставами полицейских рабочих организаций. Студентам даровались права учреждать свои кассы взаимопомощи, столовые, научно-исследовательские кружки, устраивать сходки и собрания. Вместе с тем над всей студенческой самодеятельностью устанавливался строжайший надзор учебной администрации. Новые «Временные правила» являлись максимумом того, «что самодержавие может дать студентам, оставаясь самодержавием»[1], но они не только не умиротворяли студенчество, но, наоборот, еще больше революционизировали его.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС. Колебаниями и непоследовательностью характеризовалась политика самодержавия в начале XX в. и в крестьянском вопросе. Падение платежеспособности крестьянства, рост недовольства и волнений в деревне вызывали серьезную тревогу в правительственных кругах, свидетельствовали о несостоятельности прежней политики в крестьянском вопросе и необходимости ее пересмотра. Причину этого правительство усматривало лишь в неудовлетворительном правовом устройстве крестьян. В правительстве не было единого мнения о том, в каком направлении должно быть реорганизовано это устройство. Одно из этих направлений, возглавляемое министром внутренних дел В. К. Плеве, выражало настроения крайне реакционного полукрепостнического дворянства. Его представители всецело придерживались прежних приемов охранительной политики и выступали за сохранение сословной обособленности крестьянства, усиление надзора за ним со стороны центральной и местных властей, за неприкосновенность общины, неотчуждаемость наделов. На таких принципах разрабатывала основы проекта нового положения о крестьянах «Редакционная комиссия» Министерства внутренних дел, образованная в июле 1902 г. под председательством одного из крупных царских сановников — ярого реакционера А. С. Стишинского.

Другое направление возглавлял министр финансов С. Ю. Витте. Объективно представители этой группировки выступали за создание в деревне более благоприятных

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 275.

условий для развития капитализма по прусскому пути. Витте предлагал освободить крестьянина от «попечительных пут», уравнять его в правах с другими сословиями, сделать «с точки зрения гражданского права—персоною». В января 1902 г. из представителей высшей бюрократии под председательством Витте было учреждено «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Оно образовало 618 местных комитетов — 82 губернских под председательством губернаторов и 536 уездных под председательством уездных предводителей дворянства. Всего в местных комитетах числилось до 12 тыс. человек, преимущественно чиновники и помещики. Крестьяне составляли в уездных комитетах 17%, а в губернских — всего 2%. В программу работ «Особого совещания» входили вопросы, связанные с крестьянским управлением, судом, гражданским и уголовным правом, с формой землепользования.

Большинство местных комитетов высказывалось за «устранение обособленности крестьян в правах вообще, и в частности в порядке управления и суда», за свободный выход крестьян из общины, за содействие «переходу сельских общин к подворному и хуторскому владению», за создание широкого простора «для личной предприимчивости», воспитание у крестьян чувства своей собственности и уважения к чужой.

Однако в правящих верхах большим влиянием пользовалась позиция Плеве. В царском манифесте от 26 февраля 1903 г. объявлялось, что руководящими принципами при рассмотрении крестьянского законодательства должны быть сохранение сословности, неприкосновенность общинного землевладения, неотчуждаемость надельных земель. В то же время в манифесте содержались небольшие уступки сторонникам другого течения. Предлагалось, в частности, «изыскать одновременно способы к облегчению отдельным крестьянам» выхода из общины, к освобождению их от стеснительной круговой поруки. Манифест был использован В. И. Лениным для написания статьи «Самодержавие колеблется...» (1903).

ЭПОХА «ДОВЕРИЯ». Поражение царизма в русско-японской войне и дальнейший рост революционного брожения в стране усилили кризис верхов. Князь П. Д. Святополк-Мирский, сменивший на посту министра внутренних дел Плеве, убитого 15 июля 1904 г. эсером Сазоновым, понимал, что страна доведена «до вулканического состояния», «обратилась в бочку пороха». Единственную возможность избежать революционного взрыва, не дать ту «конституцию, которую потребуют», он видел в необходимости некоторого реформирования существующего порядка управления и в благожелательном и доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям. Им были возвращены из ссылки и восстановлены в правах опальные земцы, прекращены широко практиковавшиеся при Плеве ревизии земских учреждений, ослаблены репрессии против либеральной печати. Последняя восторженно заговорила о наступлении «эпохи доверия», «правительственной весне».

2 декабря 1904 г. Святополк-Мирский передал Николаю II доклад о политической обстановке в стране и «проект указа о различных вольностях, в том числе о привлечении в Государственный совет выборных от земств». Для обсуждения проекта указа было созвано особое совещание из министров и других высших сановников. На первом заседании 4 декабря большинство участников совещания признали, что «вести прежнюю политику реакции совершенно невозможно, что это приведет... к гибели». Против привлечения выборных от земств в Государственный совет выступил один К. П. Победоносцев, Николай II колебался. Он не возражал против мнения большинства, но вместе с тем назначил второе заседание, на которое были приглашены пять великих князей с целью поддержать Победоносцева и провалить проект Святополка-Мирского. В конечном итоге он собственноручно вычеркнул из проекта указа пункт о выборных представителях.

В опубликованном 12 декабря 1904 г. указе говорилось о «непременном сохранении незыблемости основных законов империи». В нем содержались обещания соблюдать законность, применять чрезвычайное законодательство исключительно в случаях действительной угрозы государственной безопасности, уравнять крестьян в правах с другими сословиями, ввести государственное страхование рабочих; были обещаны и другие незначительные реформы. Оценивая этот указ, В. И. Ленин писал: «Царь не желает изменять формы правления и не думает давать конституции». В то же время Владимир Ильич вновь подчеркнул, что самодержавие колеблется, «ведет отчаянную игру, чтобы вывернуться, отделаться грошовыми уступками, неполитическими реформами, ни к

чему не обязывающими обещаниями, которых всего больше в новом царском указе»[1]. Однако «вывернуться», предотвратить революцию царизму не удалось.

ГЛАВА 20 ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904—1905 ГГ.

1. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНЦЕ XIX В. — НАЧАЛЕ XX В.

ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ, НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ. С вступлением в стадию империализма резко усилилась неравномерность, скачкообразность экономического и политического развития капитализма. Англия и Франция по темпам своего развития отставали от более молодых капиталистических стран США, Германии и Японии. США еще в 80-х годах XIX в., а Германия в начале XX в. обогнали Англию по уровню промышленного производства.

Изменения в соотношении сил значительно обострили борьбу между великими державами за раздел еще не поделенных и передел уже поделенных колоний и сфер влияния. В завязывавшемся узле международных конфликтов и противоречий главными противоборствующими сторонами выступали Германия, начинавшая претендовать на мировую гегемонию, и Англия, стремившаяся сохранить и расширить свои громадные колониальные владения. Активную политику в районах Дальнего Востока, Тихого и Атлантического океанов начали вести США и Япония. Видную роль в развертывавшейся борьбе империалистических государств играла царская Россия. Ее противоречия с Англией, Германией и Японией являлись существенным фактором международных отношений конца XIX — начала XX в.

Готовясь к окончательному разделу и переделу мира, империалистические государства развернули гонку вооружения, в которой царизм не мог конкурировать с более развитыми капиталистическими странами. В августе 1898 г. царское правительство предложило созвать международную конференцию для заключения соглашения о том, чтобы все государства на срок, который будет указан конференцией, «заморозили свои вооружения и военные бюджеты на уровне мирного времени», и изучили возможность их сокращения в будущем. Конференция состоялась в мае—июле 1899 г. в Гааге. На ней присутствовало 26 государств. Предложения России нашли сочувствие и частичную поддержку только со стороны некоторых малых стран. Против них особенно активно выступили представители Германии. Делегаты других крупных империалистических государств вели себя более сдержанно, но, по существу, были заодно с Германией, выступали против какого бы то ни было обуздания гонки вооружений. Предложения русского правительства были отвергнуты.

С середины 90-х годов XIX в. острие внешней политики России было направлено на Дальний Восток; в Западной Европе царское правительство стремилось сохранить стабильность. В августе 1899 г. министры иностранных дел России и Франции от имени своих правительств обменялись письмами, подтверждавшими политический и военный союз между их странами. Рядом соглашений (в 1897, 1903 и 1904 гг.) русской дипломатии удалось смягчить на время остроту противоречий с Австро-Венгрией и договориться с ней о сохранении статус-кво на Балканах.

На Ближнем Востоке русское правительство также стремилось поддерживать сложившееся соотношение сил, однако предотвратить усиленное проникновение на Ближний Восток германского империализма царизму не удалось. К концу XIX в. в руках германских банкиров находилось большинство железных дорог Турции. В 1899 г. финансовые воротилы Германии получили от турецкого султана концессию на строительство железной дороги Берлин — Багдад. Пересекая Босфор, эта дорога грозила отрезать выход России из Черного моря. Все попытки царского правительства добиться от Германии признания за ним исключительных прав на проливы, даже на условиях предоставления Германии свободы действий в Турции, успеха не имели. Интересы российского империализма в Малой Азии были частично огражде-

---
[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 129, 134.

ны русско-турецким соглашением 1900 г., по которому турецкое правительство обязывалось предоставлять концессии на строительство железных дорог на Южном побережье Черного моря и в районе русско-турецкой границы исключительно только России.

На Среднем Востоке, и прежде всего в Иране, главным соперником России являлась Англия. Россия имела преобладающее влияние в северной части Ирана; английский капитал усиливал свои позиции на юге страны. Англия в конце 90-х — начале 900-х годов неоднократно предлагала России разделить Иран на сферы влияния, но царское правительство, надеясь на свои сильные позиции в этой стране, отвергло эти предложения.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА. До середины 90-х годов XIX в. дальневосточная политика России была сдержанной и взвешенной. Россия не вмешивалась во внутренние дела Китая, не принимала участия в англо-франко-китайских войнах 40—60-х годов, положивших начало закабалению Китая иностранным капиталом. По Айгунскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам с Китаем в состав России были включены Приамурье и Уссурийский край, никогда ранее не принадлежавшие Китаю. В надежде стабилизировать свое положение в районе Тихого океана царское правительство в 1867 г. продало США Аляску и Алеутские острова, а в 1875 г. уступило Японии Курильские острова.

В конце XIX в. объектом империалистических устремлений Англии, США и Японии становятся Корея и Маньчжурия — территории, непосредственно граничащие с Россией. Это не могло не вызывать беспокойства у царского правительства за свои дальневосточные окраины. В 1891 г. был решен вопрос о строительстве Сибирской железнодорожной магистрали от Челябинска до Владивостока протяженностью более 7 тыс. верст. Эта дорога имела не только стратегическое значение. Она открывала благоприятные возможности для экономического освоения громадных территорий Сибири и Дальнего Востока, для успешного развития русской торговли со странами Тихоокеанского бассейна. Строительство дороги началось в том же 1891 году сразу с двух концов — от Владивостока и от Челябинска — и должно было закончиться через 12 лет.

Понимая, что Транссибирская магистраль значительно усилит мощь России на Дальнем Востоке, Англия, США и Япония поспешили начать агрессивные действия еще до окончания ее строительства. В 1894 г. Япония развязала войну против Китая и в ряде сражений разгромила его армию и флот. По грабительскому Симоносекскому мирному договору (март 1895 г.), навязанному Японией Китаю, последний отказывался от суверенитета над Кореей, уступал Японии Ляодунский полуостров с портами Артур и Даляньвань, острова Тайвань и Пэнхуледао и должен был выплатить огромную контрибуцию (около 400 млн. руб.).

Утверждение Японии на Ляодунском полуострове и в Корее создавало прямую угрозу русским интересам на Дальнем Востоке. Россия, поддержанная Францией и Германией, потребовала от Японии отказаться от аннексии Ляодунского полуострова. Требование было подкреплено объявлением мобилизации в Приамурском округе и усилением военных эскадр Франции и Германии в Тихом океане. Япония вынуждена была уступить.

Японо-китайская война обострила борьбу империалистических держав за сферы влияния в Китае. 22 мая 1896 г. в Москве был подписан русско-китайский договор об оборонительном союзе против Японии и о постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а по договору 15 марта 1898 г. Россия получила в аренду Порт-Артур с правом превращения его в военно-морскую базу. Вслед за этим Англия захватила порт Вэйхайвэй. США в ноте государственного секретаря Хэя 6 сентября 1899 г. провозгласили доктрину «открытых дверей и равных возможностей» для торговли всех государств в Китае. Эта доктрина, представляя США в роли гаранта независимости Китая, способствовала экономическому закабалению Китая.

В ответ на колониальную экспансию империалистических держав в Китае в 1900 г. вспыхнуло народное восстание, возглавленное тайным обществом «Ихэтуань». Восставшие вошли в Пекин и осадили посольский квартал. Царское правительство под предлогом охраны КВЖД ввело в Маньчжурию свои войска. Соединенные силы империалистических государств оккупировали Пекин. По договору 25 августа (7 сентября) 1901 г. Китай обязался уплатить карателям огромную контрибуцию и казнить руководителей восста-

ния. После подавления восстания борьба между империалистическими державами за господство в Китае разгорелась с новой силой.

Еще до окончания общих пекинских переговоров царское правительство начало сепаратные переговоры с Китаем. Оно выразило готовность вывести свои войска, если Китай даст обязательство не предоставлять другим государствам никаких железнодорожных и промышленных концессий в Маньчжурии, не предложив их прежде Русско-китайскому банку. Однако эти предложения под нажимом других государств не были приняты Китаем. 17 (30) января 1902 г. был подписан союзный договор Англии с Японией, явно направленный против России, а спустя четыре дня США выступили с нотой протеста против монополии Русско-китайского банка.

Перед лицом общего англо-японо-американского фронта русское правительство 26 марта (7 апреля) 1902 г. подписало с Китаем договор о выводе своих войск из Маньчжурии в течение 18 месяцев, не упоминая о каких бы то ни было монополиях и банковских соглашениях. Эвакуация войск, правда, ставилась в зависимость от «общего спокойствия и образа действий других держав».

В правящих кругах России не было единства по вопросам внешней политики. В 1898 г. группой лиц из ближайшего окружения царя было образовано акционерное общество для эксплуатации естественных богатств Кореи и Маньчжурии. Наиболее видную роль в нем играл отставной офицер кавалергардского полка А. М. Безобразов (по имени лидера оно получило название «безобразовская клика»). Члены этой группировки использовали свои высокие политические связи для получения из Государственного банка безвозвратных ссуд под дутые предприятия в Корее и Маньчжурии. Вместе с тем они выступали в роли негласных советчиков царя по внешнеполитическим вопросам. Обвиняя официальную дипломатию в «политике уступок» по отношению к Японии и Китаю, они внушали Николаю II, что такая политика, свидетельствующая о слабости России на Дальнем Востоке, чревата опасностью войны.

Более осторожную позицию занимали С. Ю. Витте и его сторонники. Они стремились к усилению экономических позиций на Дальнем Востоке, с тем чтобы незаметно «закрыть двери» иностранному капиталу в Маньчжурию. Строя грандиозные планы «мирного завоевания» Маньчжурии посредством строительства железных дорог, создания банков и промышленных предприятий, Витте переоценил экономические возможности царской России и ее конкурентоспособность по отношению к старым колониальным государствам. Он предложил еще раз попытаться добиться от Китая гарантии «нерушимости» интересов царизма в Маньчжурии. В ноте 23 марта 1903 г. русское правительство потребовало, чтобы Китай не уступал другим державам территории в эвакуируемых местностях Маньчжурии под видом аренды, концессий и т. п. без согласия России. Англия, США и Япония тотчас же заявили протест против нарушения своих «трактатных» прав. Китайское правительство поспешило заявить, что оно будет обсуждать с Россией «любые вопросы о Маньчжурии лишь по эвакуации».

30 июля 1903 г. Япония предложила России предварительно одобренный Англией проект соглашения о Корее и Маньчжурии. Япония требовала для себя исключительного права подавать советы и оказывать «помощь» Корее, в том числе и военную. Она соглашалась признавать интересы России в Маньчжурии только в области железнодорожного транспорта. 21 января 1904 г. царское правительство направило в Токио по телеграфу ноту, в которой обязалось уважать права Японии и других держав в Маньчжурии и настаивало лишь на «неиспользовании Кореи в стратегических целях». Но телеграмма была задержана японским телеграфом на двое суток и вручена посланнику России только 25 января. А накануне, сославшись на «необъяснимую» медлительность царского правительства, Япония разорвала дипломатические отношения с Россией и в ночь на 26 января неожиданно и вероломно, без объявления войны, произвела нападение своего флота на русскую эскадру в Порт-Артуре.

2. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904—1905 ГГ.

НАЧАЛО ВОЙНЫ. Война началась в обстановке внешнеполитической изоляции России. На другой день после нападения японского флота на Порт-Артур американский президент Т. Рузвельт доверительно пи-

сал своему сыну, что был бы «в высшей степени доволен японской победой, так как Япония ведет нашу игру». В течение всей войны Англия и США щедро помогали Японии займами, углем, нефтью, стратегическим сырьем и вооружением. На английских верфях строились корабли для Японии. Русско-японская война подвергла серьезному испытанию франко-русский союз, весь смысл которого для Франции заключался в использовании вооруженных сил России против Германии. Поэтому французское правительство 28 января (9 февраля) заявило, что оно будет соблюдать нейтралитет. В противоположность Франции Германия стремилась оттянуть силы России на Дальний Восток и по возможности углубить англо-русские противоречия.

Россия оказалась неподготовленной к войне не только в дипломатическом, но и в военно-техническом отношении. Состояние русских военных сил — вооружение, боевая подготовка армии и флота — отражало экономическую, государственную и культурную отсталость России. Для генералитета были характерны отсутствие инициативы, неумение организовать взаимодействие крупных войсковых соединений. Отдельные талантливые военачальники (вице-адмирал С. О. Макаров, генерал-майор Р. И. Кондратенко) не могли преодолеть косности и бюрократизма в военном ведомстве. Между командующим Маньчжурской армией А. Н. Куропаткиным и главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии, ловким царедворцем Е. И. Алексеевым не прекращались интриги и соперничество.

Японская армия технически была оснащена лучше русской. Японские суда превосходили русские по мощности артиллерийского вооружения и скорости хода.

В основе японского плана войны лежало установление господства на море. Только уничтожение русской Тихоокеанской эскадры или по меньшей мере блокирование ее в Порт-Артурской бухте могло обеспечить высадку японских армий на Ляодунском полуострове.

В первый же день войны подвергся нападению японской эскадры крейсер «Варяг», находившийся в корейском порту Чемульпо. Командир «Варяга» капитан 1-го ранга В. Ф. Руднев принял смелое решение: прорваться с боем в Порт-Артур. «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» снялись с якоря и пошли к выходу с рейда. Японские корабли открыли огонь. Вступив в бой, «Варяг» сосредоточил свой огонь на флагманском крейсере «Азима». Вскоре на японском крейсере была повреждена кормовая башня. Были отмечены удачные попадания и в другие корабли. Неравный бой продолжался 45 минут. «Варяг», получив несколько подводных пробоин, вернулся в Чемульпо. Не желая спустить боевой флаг перед врагом, русские моряки потопили свой крейсер на рейде, а «Кореец» взорвали.

Пиратское нападение японских миноносцев в ночь на 26 января (8 февраля) временно вывело из строя броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада». Однако попытка вражеских пароходов-брандеров закрыть вход в Порт-Артур не удалась.

24 февраля (8 марта) в Порт-Артур прибыл вице-адмирал С. О. Макаров — командующий Тихоокеанским флотом. Под его командованием эскадра стала активно действовать против японского флота. Но 31 марта (13 апреля) броненосец «Петропавловск», на котором находился Макаров, совершая боевой маневр, подорвался на японской мине и затонул. Погиб и Макаров — единственный крупный флотоводец из русских адмиралов. Новый командующий эскадрой контр-адмирал В. К. Витгефт был добросовестным штабистом, но безынициативным. Он не верил в успех борьбы с японским флотом и отказался от наступательных операций на море, что позволило японцам беспрепятственно высадиться на материк и захватить в свои руки стратегическую инициативу.

Уже в начале военных действий на суше русские войска постигла крупная неудача. Высадившаяся в Корее 1-я японская армия под командованием генерала Куроки в ночь на 18 (30) апреля форсировала реку Ялу и заняла город Тюренчен, где находилась главная позиция восточного отряда генерала М. И. Засулича. Под угрозой окружения отряд в беспорядке отошел к Ляояну.

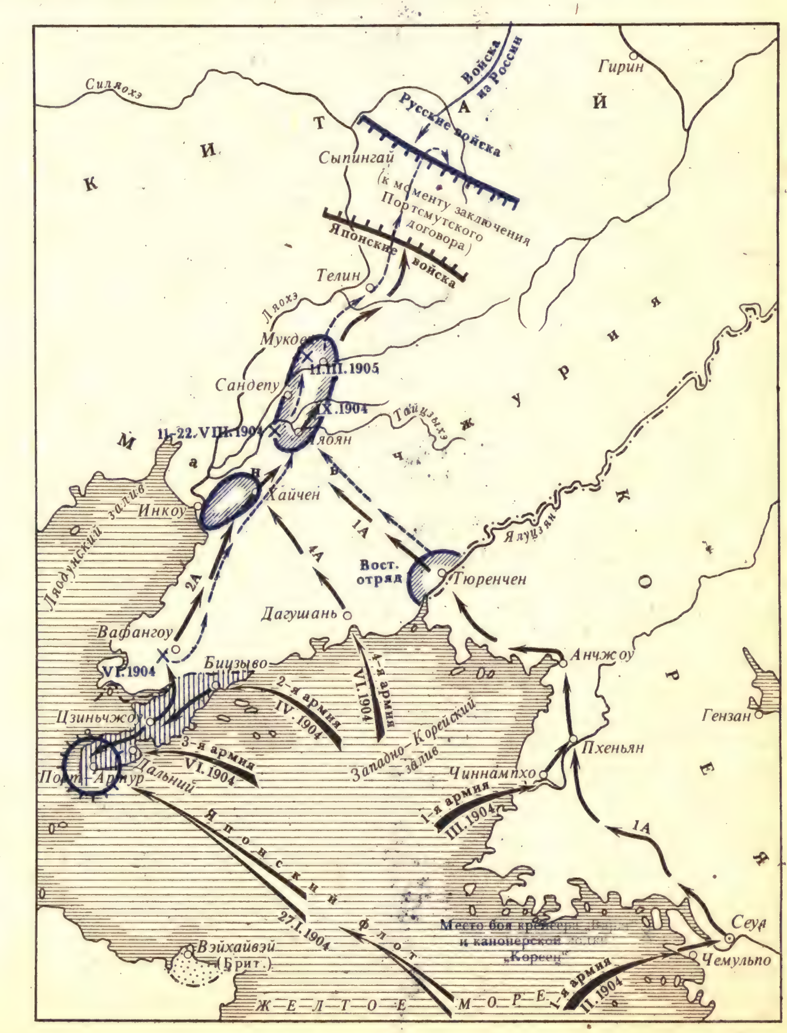
22 апреля (3 мая) на Ляодунском полуострове, у Бицзыво, стала высаживаться 2-я японская армия генерала Оку. Она перерезала железнодорожное сообщение Порт-Артура с Маньчжурией и штурмом овладела русскими укреплениями на Цзиньчжоуском перешейке, который в стратегическом отношении являлся ключом к Порт-Артуру. Потеря их предрешила участь коммерческого порта Дальний и

открывала доступ японцам к Порт-Артуру. Для осады крепости японцы создали 3-ю армию под командованием генерала Ноги, а армия Оку и высадившаяся у Дагушаня 4-я японская армия генерала Нодзу стали медленно продвигаться к Ляояну, где сосредоточивалась Маньчжурская армия генерала Куропаткина.

Царское правительство, опасаясь за судьбу Порт-Артура, приказало Куропаткину перейти в контрнаступление. Он направил на юг корпус А. Ф. Штакельберга (30 тыс.). У станции Вафангоу 1 и 2 июня произошел встречный бой корпуса Штакельберга с армией Оку. Демонстрируя наступление с фронта, Оку свои главные силы направил в обход правого фланга русского отряда. Штакельберг обнаружил полнейшую неспособность руководить боем. Угроза окружения заставила его начать поспешное отступление.

ОБОРОНА ПОРТ-АРТУРА. ЛЯОЯН. После поражения Штакельберга защита Порт-Артура была предоставлена его собственным силам. Занятие японцами в июле порта Инкоу прервало связь сухопутной армии с Порт-Артуром и морем. Японцы, овладев Волчьими горами (на подступах к Порт-Артуру), начали бомбардировку крепо-

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904—1905 ГГ.

Территория Ляодунского полуострова, арендованная Россией у Китая

Путь главных сил японского флота и нападение на Порт-Артур 27.I (8.II). 1904 г.

Места высадки японских войск (с указанием дат) и их продвижение
II.1904

Районы сосредоточения русских войск в апреле 1904 г.

Оборона Порт-Артура (13.V–20. XII. 1904 г.)

Направление отхода русских войск

Места сражений (с указанием дат)

Положение сторон на Сыпингайских позициях (до конца войны)

сти и внутреннего рейда, где стояла эскадра. Витгефт получил приказ адмирала Алексеева вывести Тихоокеанскую эскадру во Владивосток.

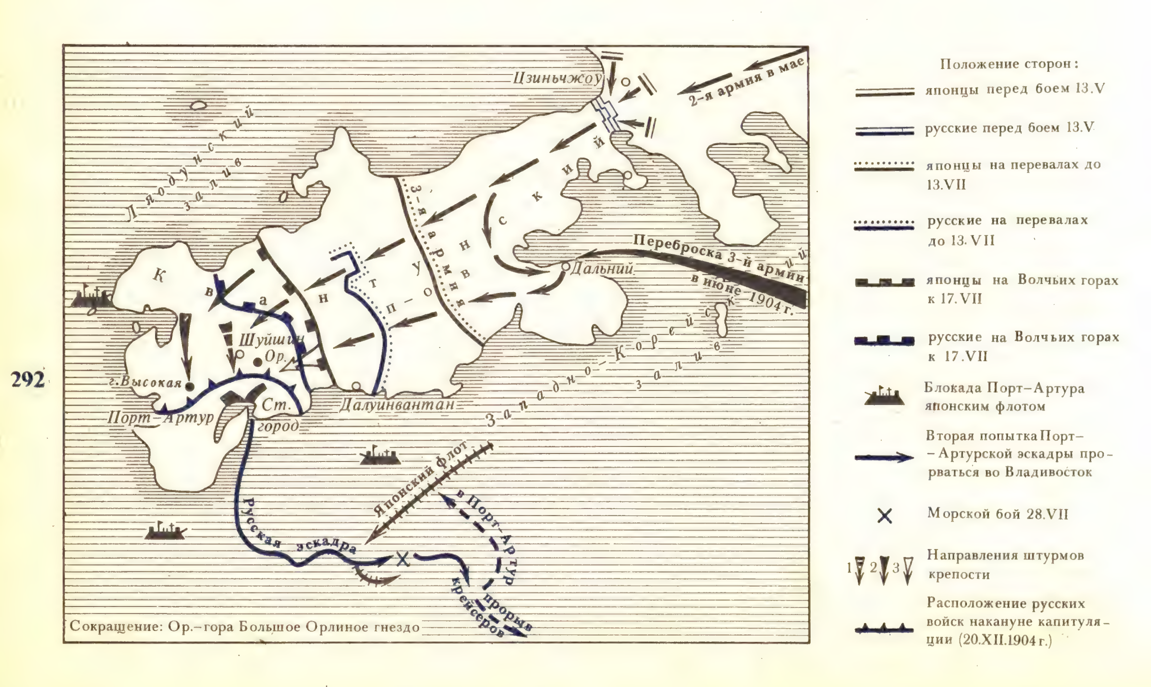
Эскадра вышла из Порт-Артура 28 июля (9 августа) в составе 6 броненосцев, 4 крейсеров и 8 миноносцев. Командующий японским флотом адмирал Того стянул к месту прорыва 5 броненосцев, 15 крейсеров и 18 миноносцев. Обнаружив русскую эскадру, японцы открыли огонь по флагманскому броненосцу «Цесаревич». В разгоревшемся бою японский флот не смог одержать победу, и Того уже поднял было сигнал к отступлению, как принявший на себя командование вследствие гибели Витгефта бездарный князь Ухтомский повернул эскадру обратно в Порт-Артур. 5 броненосцев, 1 крейсер и 3 миноносца вернулись в Порт-Артур, остальные корабли ушли в нейтральные порты, где и были разоружены.

В августе японцы пытались штурмом захватить Порт-Артур. Героические защитники крепости отбили все атаки врага. Особенно отличились морские артиллеристы, подавлявшие одну вражескую батарею за другой.

В конце июля японский главнокомандующий Ойяма начал концентрическое наступление силами трех армий — 1-й, 2-й и 4-й — с целью окружения главных русских сил в районе Ляояна, где Куропаткин решил принять сражение. 11 (24) августа 1904 г. началось сражение на передовых позициях Ляояна. 2-я и 4-я японские армии при поддержке 390 орудий пытались охватить правый фланг русской армии. Однако наступление это разбилось о несокрушимую стойкость сибирских стрелков. Оку и Нодзу заявили о невозможности продолжать атаки вследствие громадных потерь. Но Куроки тем не менее в ночь на 18 (30) августа начал переправу своей армии на правый берег реки Тайцзэхэ, в обход русского левого фланга. Русские имели здесь тройное превосходство в силах. Предпринятые японцами 20 агуста (1 сентября) фронтальные атаки против главных русских сил были отбиты с большим для них уроном.

Вследствие неблагоприятно сложившейся общей обстановки, испытывая недостаток снарядов и продовольствия, Куроки наметил отход своей армии в 6 часов утра 21 августа (2 сентября). Но Куропаткин, опасаясь за

ОБОРОНА ПОРТ-АРТУРА (17.VII—20.XII.1904 Г.)

свои фланги и боясь потерять сообщение с тылом, «опередил» Куроки, назначив на 4 часа утра 21 августа общий отход своей армии от Ляояна к Мукдену. Между тем решительные действия русских войск могли бы поставить японские армии перед катастрофой. В ходе Ляоянского сражения японцы потеряли 24 тыс. солдат и офицеров, а русские — 15 тыс. человек.

Отступление русских войск происходило в полном порядке. Японцы, понесшие огромные потери, их не преследовали. Задача охвата и разгрома русской армии под Ляояном оказалась не под силу японскому командованию. Японцы выиграли пространство, но соотношение сил не изменилось в их пользу.

Героическая оборона Порт-Артура, отвлекавшая не менее половины японских сил и средств, ставила японцев в трудное положение. Боевой состав японских войск на маньчжурском фронте в начале октября насчитывал около 170 тыс. человек, тогда как численность русской армии к этому времени достигла 210 тыс. Это неравенство сил могло измениться в случае падения Порт-Артура. Поэтому Куропаткин решил взять инициативу в свои руки и перейти в наступление. Оно началось 22 сентября (3 октября) в гористой малоизученной местности. 27 сентября (9 октября) начался встречный бой с перешедшим в контрнаступление противником. 28 сентября (10 октября) колонна Штакельберга, имевшая задачей обойти фланг японцев, наткнулась на ряд горных перевалов, не обозначенных на русских картах и сильно укрепленных японцами. Атаки русскими войсками этих перевалов были безуспешными. Японцы наступали в центре и на своем левом фланге. В ночь на 29 сентября (11 октября) они вклинились в расположение русских войск. Угроза прорыва побудила Куропаткина, не решившегося ввести в бой резервы, перейти к обороне. Русские войска заняли позиции на реке Шахэ. Японцы тоже отказались от попытки охватить русский правый фланг и прекратили наступление. Началось так называемое «шахэйское сидение».

3. ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ КЛАССОВ И ПАРТИЙ

РОСТ ОППОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ. Дальневосточная авантюристическая политика царизма была крайне непопулярна в стране. Она пользовалась поддержкой лишь части реакционных помещиков, надеявшихся получить новые земли на Востоке, верхушки финансово-промышленной и торговой буржуазии, желавшей нажиться на военных заказах и поставках, заполучить новые рынки и гавани в незамерзающих водах, а также чиновников и военных, мечтавших о карьере и славе.

Большинство же буржуазии и помещиков были настроены оппозиционно. Они не являлись принципиальными противниками экспансионистской политики царизма, но считали, что острие этой политики должно иметь другое направление. Выражая мнение этих кругов господствующих классов, журнал «Освобождение» писал в 1903 г.: «Если уж искать рынков для русской промышленности, то не на Дальнем Востоке, а на Ближнем, на Балканах, в Малой Азии, в Персии».

Однако с началом войны господствующие классы заняли шовинистическую позицию и единодушно выступили в поддержку правительства. Земства посылали царю верноподданнические адреса и жертвовали на военные нужды миллионные суммы. Журнал «Освобождение» призывал отказаться на время войны от всяких политических счетов с правительством и слиться с ним «в патриотическом воодушевлении». Лишь после того как ряд поражений обнаружил несостоятельность царизма в военном отношении, либеральная буржуазия снова стала переходить в оппозицию. После отступления русской армии от Ляояна князь Е. Н. Трубецкой опубликовал в еженедельнике «Право» статью, в которой обвинял самодержавную бюрократию в неудачах русского оружия и требовал сделать власть доступной общественному контролю.

Цели войны были чужды русскому народу. Война принесла ему лишь новые бедствия. В связи со сверхурочными военными заказами удлинился рабочий день на фабриках и заводах. Постоянно повышались цены на предметы первой необходимости, а реальная заработная плата падала. Ухудшалось и положение крестьянства. Мобилизации в армию отвлекали работников из крестьянских хозяйств. Семьи мобилизованных попадали в еще бо́льшую зависимость от помещиков, кулаков и деревенских лавочников. Война, как отмечал В. И. Ленин, показала «несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме

кучки чиновников и тузов)...»[1]. В народе росли антивоенные настроения. Уже в 1904 г. были случаи массового дезертирства среди новобранцев, неявки на мобилизационные пункты. По всей стране проходили антивоенные демонстрации рабочих и студентов.

Идейно-политические представители мелкой буржуазии — меньшевики и эсеры — не смогли занять правильную позицию в вопросе об отношении к войне. Меньшевики плелись за либеральной буржуазией. Последняя, понимая, что военные поражения ослабляют царизм и поднимают революционные настроения в стране, торопила правительство заключить мир. Мира «во что бы то ни стало» требовали и меньшевики. При этом они не связывали свое требование с лозунгом поражения царизма в войне и свержения самодержавия. «Не воспламеняясь желанием победы императорской России, — заявлял один из лидеров меньшевиков Л. Мартов, — мы менее всего жаждем победы буржуазной Японии». Мартова почти дословно повторял вождь эсеров В. М. Чернов. «Мы, — писал он, — не могли желать побед русского оружия в явно неправом деле. Но не могли желать и побед японскому оружию». Точка зрения меньшевиков и эсеров являлась ошибочной для социалистов, по своему классовому содержанию была не пролетарской, а буржуазно-демократической. Рассуждения меньшевиков и эсеров, указывал В. И. Ленин, «были достойны лишь буржуазного демократа, ставящего политические вопросы на сентиментальную почву»[2].

ПОЗИЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ. Большевики, возглавляемые В. И. Лениным, оказались единственной социалистической партией, которая подошла к вопросу о войне с позиций марксизма, выработала и осуществляла тактику, отвечавшую коренным интересам пролетариата и направленную на развитие и углубление революционного кризиса в стране. 3 февраля 1904 г., т. е. всего лишь неделю спустя после начала военных действий на Дальнем Востоке, Ленин написал специальный листок «К русскому пролетариату», где вскрыл грабительский, захватнический характер начавшейся войны, указав, что она вызвана алчными интересами господствующих классов и царизма, а рабочим и крестьянам принесет «новые бедствия», потерю сотни человеческих жизней, разорение массы семей, новые тягости и налоги». В листке содержался призыв к пролетариату выступить «с удесятеренной энергией с требованием: «Долой самодержавие!», «Пусть будет созвано народное Учредительное собрание!»[1]. Большевики выдвинули лозунг поражения царизма в войне, поскольку оно ослабит царизм и тем самым облегчит борьбу с ним.

Большевистские организации на местах, руководствуясь ленинскими указаниями, развернули работу по разъяснению империалистического, захватнического характера войны, по мобилизации масс на борьбу против войны и самодержавия. Партийные комитеты Сибири (Томский, Омский, Красноярский, Читинский и др.) неоднократно обращались к солдатам, направлявшимся на дальневосточный фронт, с призывами обратить оружие не против японцев, а против царского правительства. Под воздействием большевиков усиливавшиеся вследствие поражений царской армии антивоенные выступления и протесты все чаще проходили под лозунгами «Долой войну!», «Долой самодержавие!».

4. ПОРАЖЕНИЕ ЦАРИЗМА

ПАДЕНИЕ ПОРТ-АРТУРА. Страна стояла на грани революционной бури. Но эта буря еще не началась, и царизм надеялся ее избежать, добившись перелома в ходе войны. 2 (14) октября 1904 г. из Либавы на выручку Порт-Артуру вышла 2-я Тихоокеанская эскадра под командой адмирала З. П. Рожественского. На маньчжурский фронт посылались новые подкрепления.

Взоры всего мира были прикованы к Порт-Артуру, гарнизон которого в течение нескольких месяцев отражал яростные атаки превосходящих сил врага. Жители города проявляли изумительное мужество и героизм, находчивость и изобретательность. Впервые в мире здесь был успешно применен миномет, сконструированный русскими артиллеристами мичманом С. Н. Власьевым и инженер-капитаном Л. Н. Гобято. Японцы стремились во что бы то ни стало овладеть Порт-Артуром до прихода эскадры Рожественского, чтобы закрепить свое господство на море и перебросить стотысячную осадную армию

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 155.

[2] Там же, с. 374.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 173.

Ноги на маньчжурский фронт для решающего сражения. В сентябре—ноябре 1904 г. они предприняли три общих штурма укреплений Порт-Артура, но все их атаки были отбиты. Тогда Ноги решил бросить все силы для захвата горы Высокой, которая господствовала над всей крепостью. Овладев Высокой, японцы могли бы корректировать стрельбу своей артиллерии по русской эскадре, стоявшей на внутреннем рейде Порт-Артура. В течение трех дней противник не прекращал бомбардировки, осыпая снарядами гребень горы. Упорство, храбрость и презрение к смерти защитников Высокой вызывали удивление противника. Бой за Высокую длился девять дней. Лишь 22 ноября (3 декабря) японцы овладели Высокой, потеряв 7500 солдат и офицеров.

Тяжелой утратой для защитников города стала гибель 2 (14) декабря начальника сухопутных войск Порт-Артура генерала Р. И. Кондратенко, который был душой героической обороны крепости.

16 (28) декабря начальник Квантунского укрепленного района генерал А. М. Стессель созвал Совет обороны крепости, большинство членов которого высказались за продолжение обороны. Вопреки этому Стессель 19 (31) декабря отправил к генералу Ноги парламентеров с предложением вступить в переговоры о сдаче Порт-Артура. На следующий день был подписан акт о капитуляции крепости. Это был изменнический акт Стесселя. Даже царское правительство вынуждено было предать Стесселя военному суду.

Сдача Порт-Артура имела огромные стратегические и политические последствия. Она не только решила, по определению Ленина, главный вопрос войны — о господстве на море, но и ускорила революционный взрыв внутри страны. «Русский народ, — писал В. И. Ленин, — выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятно брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу» [1].

БИТВА ПОД МУКДЕНОМ. Падение Порт-Артура поставило царское командование перед необходимостью безотлагательно перейти в наступление, чтобы попытаться разбить японские главные силы в Маньчжурии до прибытия на фронт освободившейся армии Ноги. Но пока Куропаткин разрабатывал план наступления, его опередил Ойяма, начавший 5 (17) февраля 1905 г. демонстративное наступление на левом фланге русских с целью отвлечения их сил на восток. Куропаткин, решив, что японцы наносят главный удар с востока, перебросил часть войск на укрепление своего левого фланга, ослабив правый. 13 (25) февраля на ослабленном правом фланге русских начала обходное движение 3-я армия Ноги. Под Мукденом произошла решающая битва, в которой с обеих сторон участвовало 660 тыс. солдат и офицеров. Японские армии должны были путем двустороннего охвата выйти на русские коммуникации севернее Мукдена.

Операции японцев развивались неравномерно. Если 3-я армия Ноги, охватывавшая правый русский фланг, наступала успешно, то правое крыло японцев почти не двигалось и командующий 1-й русской армией генерал Н. П. Линевич предполагал даже контратаковать 1-ю армию Куроки. Но Куропаткин, обеспокоенный движением обходных колонн Ноги, которые угрожали сообщениям русских, не решился перейти в наступление. Выделенная Куропаткиным для противодействия Ноги сводная группа генерала А. В. Каульбарса свою задачу не выполнила. Передовые части армии Ноги 22 февраля (6 марта) приблизились к железной дороге севернее Мукдена. 1-я армия Куроки 24 февраля (8 марта) прорвала фронт 1-й русской армии и хлынула в прорыв, создавая угрозу полного окружения наших войск. Куропаткин, потерявший веру в победу, приказал 24 февраля (8 марта) начать общий отход к Телину.

Поражение под Мукденом было результатом не только ошибок царского командования. Оно явилось следствием отсталости и порочности всей военной организации России.

Мукденская битва, однако, не решила судьбу войны. Японцам не удалось окружить и уничтожить русские войска в Маньчжурии. Отойдя на позиции севернее Телина, русские армии, пополнившись и отдохнув, приготовились к новым боям. Истощение же японцев было так велико, что в течение полугода до заключения мира они не предприняли крупных операций, ограничившись высадкой небольшого десанта на Сахалин.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 158.

ЦУСИМА. Последним крупным событием русско-японской войны было морское сражение в Цусимском проливе.

Отправившаяся в октябре 1904 г. на Дальний восток 2-я Тихоокеанская эскадра З. П. Рожественского состояла из разнотипных судов с неодинаковой скоростью хода. Экипажи кораблей в значительной части состояли из новобранцев. Сам командующий эскадрой плавал еще на парусниках, с новой боевой технической почти не был знаком и относился к ней пренебрежительно. Невежественный, заносчивый и жестокий, он не пользовался авторитетом среди подчиненных.

Эскадре предстоял далекий и трудный путь вокруг Африки. В начале похода, в ночь на 9 (21) октября, эскадра Рожественского у Доггер-Банки в Северном море обстреляла английские рыболовные суда, приняв их за японские миноносцы. Англия стала грозить России войной. Воспользовавшись этим инцидентом, Вильгельм II предложил Николаю II образовать «мощную комбинацию трех наиболее сильных континентальных держав» — России, Германии и Франции — против Англии. Начавшиеся вслед за тем переговоры между Берлином и Петербургом вскоре были прерваны: под давлением Франции Англия согласилась на мирное урегулирование инцидента. Царскому правительству пришлось уплатить пострадавшим рыбакам 650 тыс. руб.

Во время стоянки эскадры на Мадагаскаре пришло известие о сдаче Порт-Артура, что лишало эскадру базы для операций на Дальнем Востоке. Рожественский в донесении царю писал: «Ввиду изменения обстановки вверенная мне эскадра не сможет завоевать море, и ей теперь остается прорыв хотя бы частью кораблей во Владивосток». Но Николай II приказал Рожественскому продолжать поход, с тем чтобы «завладеть Японским морем». Для усиления эскадры Рожественского на Дальний Восток вышла 3-я Тихоокеанская эскадра контр-адмирала Н. И. Небогатова. В ее состав входили 3 броненосца береговой обороны с устаревшими пушками. Эти тихоходные корабли называли «самотопами».

В ожидании эскадры Рожественского японский флот был отремонтирован и оснащен усовершенствованной артиллерией и приборами. При равном числе кораблей он превосходил русскую эскадру в скорострельности артиллерии, мощности фугасных снарядов и в быстроте хода.

14 (26) мая, когда эскадра Рожественского вошла в Цусимский пролив, японские корабли открыли огонь по флагманским броненосцам «Суворов» и «Ослябя» и, пользуясь преимуществом в скорости, стали охватывать головные корабли эскадры. «Ослябя» затонул, «Суворов» был сильно поврежден и потерял управление. Рожественский перешел на миноносец «Бедовый», который был настигнут японцами и захвачен. В результате артиллерийского обстрела и торпедных атак затонули броненосцы «Александр III», «Бородино», «Наварин». Некоторые корабли были потоплены своими командами, не желавшими отдавать их противнику. Отряд Небогатова, окруженный 15 (27) мая всем японским флотом, сдался в плен. Крейсер «Изумруд» не подчинился приказу о сдаче и, прорвав вражеское кольцо, ушел к берегам русского Приморья, но там затонул, разбившись о камни. Только крейсер «Алмаз» и эскадренные миноносцы «Бравый» и «Грозный» дошли до Владивостока. Погибло 5045 моряков, более 800 человек было ранено и контужено.

Оценивая стратегическое значение цусимского разгрома, Ленин писал: «Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно... Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия» [1]. Тысячи матросов и офицеров, геройски сражавшихся в неравном поединке с японским флотом, были бессмысленно и преступно загублены бездарным и трусливым командованием. Позор Цусимы, оскорблявший национальное достоинство, еще более увеличил пропасть между самодержавием и народом, вызвав новую волну возмущения.

ПОРТСМУТСКИЙ МИР. ИТОГИ ВОЙНЫ. Война вызвала предельное напряжение сил и ресурсов Японии. Ее правительство неоднократно пыталось начать мирные переговоры с Россией. Еще в июле 1904 г. французский посол в Лондоне Поль Камбон сообщил своему министру иностранных дел о готовности Японии заключить мир. Тогда же японский посланник в Англии Гаяши через посредство третьих лиц сделал аналогичное предложение русскому послу графу А. К. Бенкендорфу.

После Цусимы за прекращение войны России с Японией выступили правящие круги ряда стран. В статье «Разгром» В. И. Ленин

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 252.

указал на причины, толкавшие западных империалистов на заключение мира: «Европейская буржуазия, этот вернейший оплот царской власти, начинает тоже терять терпение. Ее пугает неизбежная перегруппировка в международных отношениях, растущее могущество молодой и свежей Японии, потеря военного союзника в Европе. Ее беспокоит судьба тех миллиардов, которые она великодушно ссудила самодержавию. Ее серьезно тревожит революция в России, слишком волнующая европейский пролетариат и грозящая всемирным революционным пожаром» [1].

«Неизбежная перегруппировка в международных отношениях» вызывалась обострением англо-германских и франко-германских противоречий. По англо-французскому соглашению 26 марта (8 апреля) 1904 г. Англия признала за Францией право протектората и даже полной аннексии Марокко. Но Германия заявила, что она будет отстаивать свободу торговли и равенство всех держав в Марокко «даже ценой риска войны». Часть французских правящих кругов во главе с министром иностранных дел Делькассе, рассчитывая на поддержку Англии, настаивала на проведении «твердого курса» по отношению к Германии. Однако большинство членов французского кабинета министров, встревоженное неблагоприятным для Франции соотношением сил в Европе в связи с поражением русского союзника на Дальнем Востоке, приняло германское требование о созыве международной конференции по марокканскому вопросу. Делькассе вышел в отставку.

Спеша закрепить успех, германская дипломатия решила возобновить прерванные в ноябре 1904 г. переговоры с Россией о военном союзе против Англии. При встрече 11 (23) июля 1905 г. с Николаем II в Бьорке Вильгельм II представил отставку Делькассе как отказ Франции от реванша и ее желание дружески договориться с Германией. Тем самым создавались якобы условия для франко-русско-германского союза. Напуганный разраставшейся революцией, царь без ведома своего министра иностранных дел подписал проект союзного договора с Германией.

В сложившихся условиях продолжение русско-японской войны уже не входило в планы германского империализма, тем более что русская революция поднимала боевой дух и среди немецких рабочих. Вильгельм II обратился к Николаю II с письмом, в котором советовал заключить мир при посредничестве Рузвельта.

Еще сильнее была заинтересована в прекращении войны Франция. Марокканский кризис[1] показал, что англо-французское соглашение не могло восстановить равновесие в Европе, нарушенное отвлечением русской армии на Дальний Восток. Поэтому французская дипломатия неоднократно предлагала посреднические услуги воюющим сторонам.

После Цусимы и Рузвельт отказался от своей тактики затягива ия войны. Чрезмерное усиление Японии не входило в планы США — сильная Япония угрожала бы интересам США в бассейне Тихого океана. США был более выгоден неустойчивый мир на Дальнем Востоке, чтобы укрепить свои позиции в Китае. Рузвельт желал, чтобы и после заключения мира у России с Японией остались «пограничные трения». Кроме того, Рузвельт понимал, что, несмотря на военные успехи, продолжение войны могло быть не под силу Японии вследствие истощения материальных и людских ресурсов. 24 мая (5 июня) по просьбе японского правительства Рузвельт телеграфировал американскому посланнику в Петербург, чтобы он от его имени убедил Николая II согласиться на мирные переговоры.

В тот же день царь созвал военное совещание для обсуждения вопроса, следует ли немедленно сделать попытку к заключению мира. Отдельные члены совещания высказывали мнение, что, «несмотря на тяжелые поражения на суше и в особенности на море, Россия не побеждена... До сих пор японцы воевали не на нашей территории. Ни один японец не ступил на русскую землю, и ни одна пядь русской земли врагу еще не уступлена». Эти соображения не смогли, однако, преодолеть страх участников совещания перед ростом революционного движения в случае продолжения войны. Царь и его окружение видели главную опасность для себя не в Японии, а в разраставшейся революции в России. 25 мая (6 июня) царь принял американского посланника и дал согласие на открытие мирных переговоров. Со стороны России главным уполномоченным русской делегации был назначен С. Ю. Витте, с япон-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 253.

[1] Имеется в виду конфликт между Францией и Германией из-за Марокко в 1905 г.

ской стороны — министр иностранных дел Комура. С целью держать переговоры под своим контролем Рузвельт настоял, чтобы они велись в США, а не в Париже или Гааге, как того хотело русское правительство. Мирная конференция происходила в американском городе Портсмуте.

Мирные переговоры начались в благоприятных для Японии условиях. Перед открытием конференции англо-американские империалисты договорились с Японией о разграничении сфер влияния на Дальнем Востоке. Личный представитель президента США — военный министр Тафт в беседе с японским премьером Кацурой в Токио 14 (26) июля 1905 г. подтвердил согласие США на захват Японией Кореи, а Япония со своей стороны признала американский суверенитет на Филиппинах. 30 июля (12 августа) был подписан новый англо-японский договор о союзе. В обмен на обязательство Японии защищать Индию Англия признавала за Японией право аннексировать Корею.

Рассчитывая на поддержку Англии и США, Япония потребовала признания за ней преобладающих экономических, политических и военных интересов в Корее, эвакуации русских войск из Маньчжурии, уступки Сахалина, аренды Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и железной дороги до Харбина. Это отдавало в руки Японии первоклассный плацдарм для нападения на Китай и русский Дальний Восток. Кроме того, Япония требовала контрибуции, ограничения русских военно-морских сил в водах Тихого океана и предоставления японским подданным неограниченных прав на рыбную ловлю вдоль берегов в русских владениях в Японском, Охотском и Беринговом морях.

Царское правительство спешило заключить мир с Японией, чтобы развязать себе руки для борьбы с революцией. К тому же русская делегация была недостаточно осведомлена о действительном положении Японии. Японские условия об уступке Порт-Артура и Южно-Маньчжурской железной дороги не вызвали разногласий на конференции. Споры разгорелись вокруг японских требований об уступке Сахалина и возмещении Россией военных издержек. Рузвельт через американского посланника в Петербурге усиленно уговаривал царя согласиться на условия японцев, пугая его, что продолжение войны будет означать потерю всей Восточной Сибири. Между тем Рузвельт из письма микадо (императора Японии) к нему отлично знал, насколько нужен был Японии скорейший мир. Только твердая позиция русской делегации заставила Японию умерить свои требования. Ввиду истощения своих ресурсов Япония боялась возобновления военных действий и поэтому вынуждена была отказаться от контрибуции и довольствоваться южной частью Сахалина.

Подписанный 23 августа (3 сентября) 1905 г. мирный договор признавал Корею сферой японских интересов. Обе стороны обязались вывести свои войска из Маньчжурии, Россия уступала Японии Порт-Артур и железную дорогу до станции Чанчунь. Во владение Японии переходила часть Сахалина к югу от 50-й параллели. Россия обязалась предоставить японцам право рыболовства вдоль русских берегов в Японском, Охотском и Беринговом морях.

В результате Портсмутского договора Россия лишилась свободного выхода в океан. С потерей Южного Сахалина под японский контроль ставилась связь с русскими владениями на крайнем северо-востоке — на Камчатке и Чукотке.

Поражение царской России нельзя объяснить превосходством экономического потенциала или военного искусства Японии. Как подчеркивал В. И. Ленин, «...Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может...»[1]. При ограниченности сырьевых и энергетических ресурсов, слабом развитии тяжелой промышленности Япония никогда не достигла бы успехов в войне без помощи Англии и США. В области стратегии японцы не дали ничего выдающегося. Их победы во многом объяснялись бездарностью и предательством царских генералов. Японцам не удалось окружить и уничтожить русские армии в Маньчжурии. Опасаясь, что конец войны может оказаться непохожим на ее начало, Япония первая обратилась к Рузвельту за мирным посредничеством.

Если Япония не могла продолжать войну из-за истощения своих ресурсов, то царская Россия потерпела поражение вследствие своей экономической, государственной и культурной отсталости. Она оказалась неподготовленной к войне на Дальнем Востоке. «Не рус-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 227.

ский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению»[1], — писал В. И. Ленин.

Война с Японией ускорила наступление революции в России.

ГЛАВА 21
РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 ГГ

1. НАЧАЛО И РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИИ ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1905 Г.

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. Внутренняя обстановка в России в канун 1905 г. была крайне напряженной. 22 декабря 1904 г. большевистская газета «Вперед» писала: «Расходилось народное море: непопулярная война с ее мобилизациями и поборами, со стыдом поражений и нескончаемым кровопролитием, тесно связанный с нею тяжкий кризис, затяжная голодовка в большинстве промышленных центров — все это переполнило чашу народного терпения. Глухое недовольство ежеминутно грозит прорваться революционным потоком».

Прологом первой русской революции явилась начавшаяся 3 января 1905 г. стачка рабочих Путиловского завода в Петербурге. Рабочие требовали 8-часового рабочего дня, установления минимума заработной платы, отмены обязательных сверхурочных работ. По призыву Петербургского комитета РСДРП выступление путиловцев поддержали рабочие других заводов и фабрик. Путиловская стачка послужила искрой, которая зажгла революционный пожар в столице. 8 января стачка в Петербурге стала всеобщей, в ней участвовало до 150 тыс. человек.

В это время священник Гапон (возглавлявший зубатовскую организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга»), используя царистские иллюзии отсталой части рабочих, выдвинул провокационный план — устроить мирное шествие к Зимнему дворцу для подачи царю петиции о нуждах рабочих.

При обсуждении проекта петиции на рабочих собраниях под влиянием большевиков в него были включены требования 8-часового рабочего дня, передачи помещичьей земли крестьянам, свободы слова, печати, союзов, равенства всех перед законом, созыва Учредительного собрания и прекращения войны с Японией. Но в целом петиция была проникнута наивной верой в царя.

Большевики разъясняли всю нелепость обращения к царю. В листовке «Ко всем петербургским рабочим» говорилось: «Такой дешевой ценой, как одна петиция... свободу не покупают. Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя, и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку — только таким путем можно завоевать свободу». Большевики предупреждали рабочих, что в них будут стрелять. Но предотвратить шествие было уже невозможно.

Утром в воскресенье 9 января рабочие вместе с женами и детьми, неся хоругви, иконы и портреты царя, направились к Зимнему дворцу. Но доступ к нему преграждали густые цепи полиции и войск. У Нарвских ворот, на Петербургской стороне и Дворцовой площади войска открыли по колоннам рабочих ружейную стрельбу. Рабочие были атакованы кавалерией, которая рубила их саблями и топтала лошадьми. Более 1200 человек было убито и около 5 тыс. ранено.

Весть о злодейском расстреле питерских рабочих вызвала взрыв возмущения в стране. Только в январе бастовало 440 тыс. промышленных рабочих, в то время как за предшествующее десятилетие бастовало лишь 430 тыс.

Исторический урок Кровавого воскресенья состоял, указывал В. И. Ленин, в «пробуждении колоссальных народных масс к политическому сознанию и к революционной борьбе»[1].

После 9 января во многих странах мира прокатились выступления протеста против кровавого злодеяния царизма. 31 января был опубликован Манифест Международного социалистического бюро «К трудящимся всех стран» с призывом оказать эффективную поддержку рабочему классу России, поднявшемуся на борьбу с царизмом. В феврале 1905 г. при бюро был создан специальный «русский фонд», в который поступали средства для помощи русской революции. Кампания солидарности с героическим российским

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 158.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 310.

пролетариатом получала дальнейшее развитие по мере нарастания революции.

МАНЕВРЫ САМОДЕРЖАВИЯ. Царское правительство, пытаясь «умиротворить» рабочих, учредило комиссию для «выяснения причин недовольства рабочих в г. Санкт-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем», в состав которой должны были войти представители от предпринимателей и рабочих. По инициативе большевиков выборщики от рабочих потребовали освободить арестованных рабочих, обеспечить свободу слова и неприкосновенность личности; эти требования были отвергнуты, и рабочие отказались от участия в комиссии, которая была распущена.

Возмущение народа было настолько сильным, что в правящих кругах возобладало течение в пользу некоторого обновления самодержавного строя. 18 февраля в рескрипте, данном на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина, царь объявил о своем намерении «отныне... привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений... при непременном сохранении незыблемости основных законов империи», т. е. самодержавия. Однако царь не спешил с осуществлением даже этой куцей реформы. Один из самых приближенных к царю генерал Д. Ф. Трепов от рескрипта Булыгину «пришел в ужас» и всеми силами пытался свести его на нет.

III СЪЕЗД РСДРП. Нараставшая народная революция требовала от партии пролетариата твердого и искусного политического руководства борьбой масс. Однако вследствие раскольнических действий меньшевиков в рядах партии не было единства. Большевики и меньшевики коренным образом расходились в оценке движущих сил революции. Меньшевики тянули партию назад, к организационной раздробленности, кружковщине, кустарничеству. Только партийный съезд мог покончить с оппортунизмом в организационных и тактических вопросах и установить единую тактику пролетариата в революции.

12—27 апреля 1905 г. в Лондоне собрался III съезд РСДРП. На нем присутствовали делегаты, представлявшие крупные промышленные центры страны—Петербург, Москву, Урал, Баку. Работой съезда руководил В. И. Ленин. Им были подготовлены основные резолюции съезда — о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, об отношении к крестьянскому движению.

III съезд считал, что хотя происходящая революция носит буржуазный характер, но в ее полной победе заинтересован прежде всего пролетариат, ибо победа революции даст ему возможность организоваться, развиваться политически и перейти к революции социалистической. Непременным условием победы революции является союз рабочего класса и крестьянства при руководящей роли пролетариата и изоляции либеральной буржуазии. Съезд признал главной задачей партии и рабочего класса переход от массовых стачек к вооруженному восстанию и подчеркнул необходимость организационно-технической подготовки восстания. После свержения самодержавия предусматривалось образование временного революционного правительства, которое должно было стать революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Эта диктатура, опирающаяся на прочный союз рабочего класса и крестьянства при гегемонии пролетариата, призвана была довести до конца буржуазно-демократическую революцию и обеспечить перерастание ее в социалистическую революцию.

В противоположность этому меньшевики отрицали своеобразие революции 1905 г. как крестьянской революции, не верили в возможность союза пролетариата с крестьянством, руководящую роль в революции отводили либеральной буржуазии и считали, что дальше решения буржуазных задач русская революция пойти не может.

В качестве тактических лозунгов, нацеленных на развязывание революционной инициативы масс и организацию их для восстания против самодержавия, III съезд РСДРП выдвинул проведение массовых политических стачек, установление революционным путем 8-часового рабочего дня, вооружение рабочих.

Съезд высказался за поддержку всех революционных требований крестьянства вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель и за немедленную организацию революционных крестьянских комитетов.

Съезд принял ряд решений по организационным вопросам. Он ввел ленинскую формулировку первого параграфа Устава партии, устранил систему двоецентрия (ЦК и ЦО) и создал единый руководящий пар-

тийный центр — Центральный Комитет, который возглавил В. И. Ленин.

В. И. Ленин в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», изданной в июле 1905 г., всесторонне обосновал идею гегемонии пролетариата в революции, разоблачил оппортунистическую тактику меньшевиков, дал ясную перспективу перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, обогатил марксизм дальнейшим развитием теории социалистической революции.

Руководствуясь решениями III съезда партии, большевистские организации в России развернули упорную борьбу за привлечение на свою сторону широких масс трудящихся, за подготовку всенародного восстания против самодержавия.

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКАЯ СТАЧКА. Огромную роль в революционизировании рабочего класса всей страны сыграла всеобщая стачка иваново-вознесенских текстильщиков, начавшаяся 12 мая и продолжавшаяся 72 дня. В ней участвовало около 70 тыс. рабочих.

13 мая на центральной площади города после многотысячного митинга был избран Совет рабочих уполномоченных в составе 151 депутата. В числе их были большевики Е. А. Дунаев, Н. А. Жиделев, Ф. Н. Самойлов. Руководители Иваново-Вознесенской большевистской организации Ф. А. Афанасьев и М. В. Фрунзе по конспиративным соображениям не вошли в Совет, но именно они направляли его деятельность.

Для обеспечения революционного порядка в городе Совет организовал рабочую милицию и боевую дружину. Руководя стачкой, Совет вел переговоры с фабрикантами и царскими властями. По постановлению Совета фабрикантам было запрещено выселять рабочих из фабричных квартир, а торговцам — повышать цены на продукты. Примечательно, что и крестьяне, рассматривая Совет как орган народной власти, обращались сюда со своими нуждами, искали помощи от притеснений помещиков и полиции. Почти ежедневно за городом, на реке Талке, собиралось несколько тысяч рабочих. Депутаты Совета информировали их о ходе забастовки. Эти собрания превращались в своеобразный «социалистический университет», где под открытым небом читались лекции по истории рабочего движения, о политических партиях и профессиональных союзах.

В. И. Ленин оценивал Иваново-Вознесенскую стачку как переход на путь активной политической борьбы против самодержавия. Эта стачка «... показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем центральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки. Теперь это брожение стало выливаться наружу, стало превращаться в восстание»[1].

ПОДЪЕМ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ. Под воздействием рабочего движения участились выступления крестьян. Уже в феврале 1905 г. имели место массовые выступления крестьян против помещиков в Курской, Орловской, Черниговской, Воронежской, Саратовской и Тифлисской губерниях. В марте произошли забастовки батраков в Прибалтике. Весной и летом 1905 г. движение распространилось на Украину, Белоруссию, Среднее Поволжье. Всего за январь—сентябрь 1905 г. было зарегистрировано 1638 крестьянских выступлений.

Подъем крестьянского движения привел к возникновению первой массовой организации в деревне — Всероссийского крестьянского союза. Пользуясь политической отсталостью крестьянства, руководство Союзом захватили правонароднические и либеральные элементы. Учредительный съезд Крестьянского союза, происходивший нелегально 31 июля — 1 августа 1905 г. в Москве, принял компромиссные решения. Он постановил, что «вся земля должна считаться общей собственностью всего народа», и в то же время признал возможным частичное вознаграждение помещиков за землю. Крестьянский съезд вынес резолюцию о созыве Учредительного собрания, но отказался включить в программу союза требование демократической республики, высказался против вооруженного восстания и рекомендовал крестьянам мирную, так называемую «приговорную» тактику (на сельских сходках крестьяне выносили «приговоры» — решения — со своими требованиями).

Через рабочих, связанных с деревней, и сельскую интеллигенцию большевики распространяли среди крестьян революционную литературу. Большевистские листовки призывали крестьян создавать свои комитеты и объединяться с рабочими в одну могучую революционную армию.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 314.

ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ «ПОТЕМКИН». Рост революционного движения рабочих и крестьян, поражение царизма в войне с Японией, а также настойчивая работа большевистской партии поколебали самую надежную опору самодержавия — его вооруженные силы. Дух свободы проник на корабли и в казармы. Сначала имели место отдельные случаи неповиновения солдат и матросов, отказ их стрелять в рабочих, а затем вспыхнули открытые волнения и вооруженные восстания в армии и на флоте.

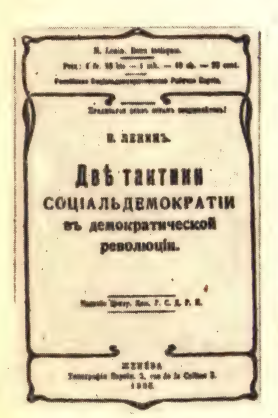
Крупнейшим событием революции было восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический». 14 июня во время обеда матросы отказались есть борщ с червивым мясом. В ответ на попытку командования расстрелять группу матросов команда по призыву организатора социал-демократической группы на «Потемкине» артиллерийского унтер-офицера Г. Н. Вакуленчука бросилась к оружию. В завязавшейся перестрелке с офицерами Вакуленчук был смертельно ранен. Матросы, овладев кораблем, избрали новый командный состав и орган политического руководства — судовую комиссию во главе с минным машинистом А. Н. Матюшенко — человеком с революционной закалкой, но не обладавшим политическим опытом.

Восставшие матросы решили идти в Одессу, где 13 июня началась всеобщая стачка рабочих. Большевики города призывали рабочих готовиться к вооруженному восстанию; меньшевики же и бундовцы стремились удержать рабочих от активных революционных действий, убеждали их ограничиться только мирной стачкой. Однако рабочие, готовые к бою, уже начали строить на улицах города баррикады.

14 июня вечером «Потемкин» вошел в одесский рейд и бросил якорь у входа в порт. Прибывший на броненосец представитель Одесского комитета РСДРП (большевистского) информировал о ходе забастовки, о настроении войск, которые нерешительно действовали против рабочих, о волнениях крестьян в уезде и предложил немедленно высадить десант для совместных действий с рабочими. Однако большинство судовой комиссии во главе с Матюшенко высказалось против высадки десанта, считая, что сначала должна восстать вся Черноморская эскадра, а затем уже можно будет высадить десант для захвата Одессы, Севастополя и других городов.

Выжидательная тактика потемкинцев помогла царским властям выиграть время для стягивания в Одессу войск. Из Севастополя в Одессу вышла эскадра в составе 5 броненосцев и 7 миноносцев с приказом «любой ценой подавить мятеж на «Потемкине». Утром 17 июня «Потемкин» при приближении эскадры снялся с якоря и смело пошел ей навстречу. Революционный броненосец с развевающимся алым стягом прорезал строй эскадры. «Да здравствует свобода!» — кричали потемкинцы. В ответ с кораблей эскадры раздалось громкое: «Ура!». Команда броненосца «Георгий Победоносец» присоединилась к «Потемкину». Командующий эскадрой, боясь восстания на остальных кораблях, поспешил увести ее обратно в Севастополь.

Одиннадцать суток развевалось на мачте «Потемкина» красное знамя революции. 20 июня «Потемкин» для пополнения запасов прибыл в порт Констанцу, но румынские власти отказались снабдить его углем и про-

Н. ЛЕНИНЪ.

Двѣ тактики
соціальдемократіи
въ демократической
революціи.

ЖЕНЕВА

Обложка работы В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции»

И. В. Фрунзе среди рабочих Иваново-Вознесенска. Фото

довольствием. Из Констанцы броненосец направился к берегам Крыма, но, обстреленный с берега, вновь ушел в Румынию, где сдался румынским властям. Впервые крупная часть царских вооруженных сил открыто перешла на сторону революции. В. И. Ленин видел в этом событии попытку «образования *ядра революционной армии*»[1]. Примеру потемкинцев в том же 1905 году последовали матросы Балтики, Владивостока, Севастополя, солдаты гарнизонов Гомеля, Минска, Варшавы.

БУРЖУАЗНО-ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. Революционные события весной и летом 1905 г. вызвали отклики и среди буржуазных слоев. Под влиянием подъема революции съезд земских и городских деятелей в мае 1905 г. обратился к царю через депутацию с адресом, призывая общими усилиями внести успокоение в народ. Земские и городские деятели умоляли царя «без замедления созвать народных представителей», которые должны будут в «согласии» с ним решить вопрос о войне и мире и установить «обновленный государственный строй». 6 июня на приеме в Петергофе депутации съезда Николай II, выигрывая время, лицемерно объявил, что его воля созвать выборных от народа «непреклонна», но тут же дал понять, что «единение» его со «всею Русью» должно отвечать «самобытным русским началам», т. е. самодержавному строю.

Броненосец «Потемкин». Фото

Команда «Потемкина». Фото

После восстания на флоте, убедившись в растерянности и бессилии правительства, либеральная буржуазия на съезде земских и городских гласных 6 июля приняла обращение к народу, в котором призывала работать вместе с земцами ради «достижения истинного народного представительства». В воззвании подчеркивалось: «Путь, нами указываемый, — путь мирный. Он должен привести страну к новому порядку без всяких потрясений и без тысяч напрасных жертв».

После съезда некоторые земства устраивали совещания с приглашенными крестьянами, пытаясь направить аграрное движение в мирное, «приговорное» русло. Но крестьяне не доверяли земствам, а к дворянству были настроены враждебно. Убедившись, что обращения от земств не имеют успеха у демократического населения, либералы стали использовать в качестве проводников своего влияния на крестьян земских служащих, сельскую интеллигенцию. С их помощью либералы пытались организовать крестьянские союзы, с тем чтобы удержать крестьян от разгрома помещичьих имений.

В начале революции начали создаваться профессиональные организации интеллигенции, находившейся под влиянием либеральной идеологии. В марте — апреле 1905 г. образовались профессионально-политические союзы — академический, писателей, инженеров, учителей, адвокатов, врачей, агрономов, статистиков, конторщиков и др. 8—9 мая 1905 г. в Москве состоялся учредительный съезд «Союза союзов», в котором участвовали делегаты 14 союзов. Председателем съезда был избран освобожденец П. Н. Милюков.

В июле 1905 г. Булыгин по распоряжению царя занимался разработкой проекта закона об учреждении Думы — высшего законосовещательного представительного органа России и положений о выборах в нее.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 337.

По мере роста массового революционного движения происходило полевение демократической интеллигенции, она выходила из повиновения либеральному руководству «Союза союзов». Третий съезд «Союза союзов» (1—3 июля 1905 г.) подавляющим большинством признал проект Булыгина «дерзким вызовом со стороны правительства всем народам России» и счел недопустимым для членов союзов ни проведение кого-либо в проектируемую думу, ни личное участие в ней. В. И. Ленин видел в этом решении *«первый шаг мелкобуржуазной интеллигенции к сближению с революционным народом»*[1].

БОЙКОТ БУЛЫГИНСКОЙ ДУМЫ. 6 августа были опубликованы — «Учреждение Государственной думы» и «Положение» о выборах в нее. Функции Думы ограничивались «предварительной разработкой и обсуждением законодательных предположений и рассмотрением росписей государственных доходов и расходов». Выборы предусматривались многостепенные; все избиратели делились на три курии: землевладельцев, горожан и крестьян. Рабочие не получали права участия в выборах. В составе губернских избирательных собраний, на которых должны были выбираться члены Думы, предусматривалось 43% выборщиков от крестьянской курии, 34% — от землевладельческой и 23% — от городской курии. Предоставление выборщикам крестьянской курии наибольшего влияния на исход выборов объяснялось следующим: правящие круги в то время полагали, что крестьянам чужда мысль об ограничении царской власти и что в самодержавии они якобы видят «естественную и единственную защиту».

Созывая Думу, царское правительство надеялось укрепить особенно среди крестьянства монархические иллюзии и тем самым ослабить революцию.

Либеральная буржуазия стремилась к сделке с царизмом. Один из лидеров «Союза освобождения» П. Н. Милюков, съезд земских и городских деятелей и другие буржуазные организации высказались за участие в Думе. Большевики провозгласили активный бойкот Думы, так как революция развивалась по восходящей линии и лозунгом дня стало вооруженное восстание; участие в Думе отвлекло бы внимание народа от главной задачи — прямого натиска на самодержавие.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 199.

На путь бойкота Думы вслед за пролетариатом вступила и мелкобуржуазная демократия в лице Всероссийского крестьянского союза и «профессионально-политических» союзов интеллигенции. Так, на основе провозглашенной большевиками тактики активного бойкота Думы складывался блок левых сил во главе с рабочим классом.

Анализируя отношение основных политических лагерей — крепостнического, либерального и демократического — к Булыгинской думе, В. И. Ленин писал: «Политическая группировка обрисовалась... за Думу, чтобы подавить революцию, — за Думу, чтобы остановить революцию, — против Думы, чтобы довести до конца победоносную революцию»[1]. Последующие события показали, что единственно правильной была тактика большевиков. Попытка царизма, поддержанного либеральной буржуазией, прекратить революцию при помощи созыва Думы провалилась: революционный вихрь смел Булыгинскую думу, прежде чем она была собрана.

2. ВЫСШИЙ ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИИ

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА. Осенью 1905 г. революционное движение продолжало нарастать и охватило всю страну. 6 октября в Москве забастовали рабочие главных мастерских Казанской железной дороги. Был избран стачечный комитет во главе с большевиком А. И. Горчилиным. 8 октября прекратилось движение поездов на всех дорогах Московского узла, кроме Николаевской.

11 октября в Петербурге состоялся пятитысячный митинг железнодорожников, на котором по предложению большевиков было решено начать забастовку. С 15 октября стачка охватила всю страну. Бастовало во всех отраслях промышленности свыше двух миллионов человек. Главными требованиями бастующих были: введение 8-часового рабочего дня, осуществление демократических свобод и созыв Учредительного собрания. В дни стачки во многих городах бездействовали водопровод, освещение, телефон, не выходили газеты. Школы, театры, магазины, учреждения были закрыты. Вся торгово-промышленная жизнь замерла. Но улицы

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 13.

были полны народа. Всюду происходили митинги и демонстрации, произносились речи с призывом к свержению самодержавия, открыто производился сбор денег на вооружение. Происходили столкновения рабочих и студентов с полицией и казаками. Петербургский генерал-губернатор Трепов приказал «патронов не жалеть и холостых залпов не давать». Но солдаты действовали вяло, возмущаясь навязанными им полицейскими функциями. Октябрьскую всеобщую забастовку Ленин оценивал как временное равновесие борющихся сил, когда «царизм уже не в силах подавить революцию. Революция еще не в силах раздавить царизма»[1]. Отчетливо проявились растерянность и колебания в «верхах». Крайние реакционеры советовали царю «назначить энергичного военного человека и всеми силами стараться раздавить крамолу», другие считали рискованным «вследствие недостаточности и расстройства войск» прибегнуть к военной диктатуре и предлагали, пока не поздно, пойти на уступки «общественному мнению» и даровать конституцию.

Возможным «укротителем» революции называли С. Ю. Витте, вернувшегося из США после подписания мира с Японией. 9 октября он подал царю доклад, в котором доказывал, что государственная власть сама должна выступить с инициативой реформ: так же как в 50-е годы минувшего века, «надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения». Этим правительство «сразу приобретет опору и получит возможность ввести движение в границы и в них удержать». Практической задачей, по мнению Витте, являлось создание условий для осуществления всеобщего избирательного права. Для успокоения рабочих необходимы были нормирование продолжительности рабочего дня, государственное страхование, учреждение примирительных камер. В целях ослабления аграрного движения он намечал продажу крестьянам казенных земель, расширение деятельности Крестьянского банка и как крайнюю меру отчуждение помещичьих земель, сдаваемых в аренду. Витте надеялся, что предлагаемая им программа реформ вызовет замешательство, раскол в революционных рядах и переход на сторону царизма либеральной буржуазии. Витте исходил из того, что «ход исторического прогресса неудержим»; «...идея гражданской свободы, — писал он, — восторжествует если не путем реформы, то путем революции».

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 28.

МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ. 17 октября после долгих колебаний Николай II принял программу Витте, назначил его председателем Совета министров и подписал манифест, который декларировал основные принципы буржуазного конституционализма. На «объединенное» правительство возлагалось выполнение «непреклонной» воли царя даровать населению «незыблемые основы гражданской свободы» на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. Было обещано привлечь к участию в Государственной думе те классы, которые были лишены избирательных прав по «Положению» 6 августа, и провозглашалось, что никакой закон не может получить силу без одобрения Думы.

Опубликование манифеста было встречено с ликованием либеральной буржуазией, которая надеялась, что отныне массовое движение войдет в мирное русло парламентской борьбы. Буржуазия получила возможность легальной организации своих сил в противовес революционным партиям. У части рабочих и демократической интеллигенции манифест вызвал конституционные иллюзии. Эти иллюзии укрепляли мелкобуржуазные партии, утверждая, что после 17 октября оковы самодержавия пали безвозвратно и перед Россией открылась «новая эра».

Манифест 17 октября позволил царизму выиграть время. Но расчеты на скорое и прочное умиротворение страны не оправдались. Большевики с самого начала не питали никаких иллюзий в отношении манифеста 17 октября. Ленин видел в уступках самодержавия лишь первую победу революции, которая «далеко еще не решает судьбы всего дела свободы»[1]. В листовках и устной агитации большевики предупреждали, что царский манифест лишь временное отступление самодержавия на новые позиции с целью выигрыша времени и перегруппировки своих сил; чтобы упрочить за народом завоеванные права и добиться новых, необходимы были вооружение народа, созыв Учредительного собрания, полная политическая амнистия. Большевики звали к продолжению всеобщей забастовки, к активной подготовке вооруженного восстания.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 27.

После получения известий о манифесте улицы городов заполнились народом, появились красные знамена, образовались шествия с пением «Марсельезы». На митингах ораторы социал-демократической партии призывали пролетариат к дальнейшей борьбе за политическое и экономическое освобождение народа.

Реакция народа на «монаршую милость» вынудила царское правительство пойти на новые уступки. 21 октября была объявлена политическая амнистия, правда в урезанном виде. В то же время царизм мобилизовал силы своих сторонников. Начались «патриотические» демонстрации с трехцветными флагами и портретами царя. Толпы хулиганов и наемных убийц громили еврейские кварталы и убивали их жителей, избивали интиллигентов и сознательных рабочих. Среди зверски убитых были большевики Ф. А. Афанасьев, Н. Э. Бауман и др. Только что дарованная «конституция» окрасилась кровью свободных граждан.

Спешно вводились в действие новые карательные законы: участие в забастовках, а тем более призыв рабочих к участию в них теперь карались тюремным заключением до четырех лет; почти вся территория страны была объявлена на военном положении или на положении усиленной или чрезвычайной охраны; царские власти все чаще прибегали к внесудебным репрессиям. В циркуляре министра внутренних дел П. Н. Дурново губернаторам говорилось: «Аресты не достигают цели, судить сотни тысяч людей невозможно... Предлагаю истреблять силой оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления сжигать их жилище».

Каррикатура на царский манифест 17 октября

Карательные экспедиции сочетались с черносотенной деятельностью духовенства, подстрекавшего темные массы к физической расправе со «смутьянами», якобы подкупленными врагами России. В проповедях с церковных амвонов прихожанам внушалась мысль о «греховности» забастовок, о необходимости остерегаться «подпольных крамольников — социал-демократов» и следовать евангельским заповедям о смирении, покорности и терпении.

ОБРАЗОВАНИЕ «ОБЪЕДИНЕННОГО» ПРАВИТЕЛЬСТВА. 19 октября был опубликован царский указ о мерах к укреплению единства в деятельности высших органов власти. Совет министров превращался в постоянно действующее, высшее правительственное учреждение с особым председателем помимо царя. На Совет возлагалось объединение деятельности всех ведомств по вопросам законодательства и высшего государственного управления. Устанавливалось, что законопроекты не могут быть внесены в Государственную думу без предварительного обсуждения их в Совете министров и никакая мера управления, имеющая общее значение, не могла быть отныне осуществлена отдельными министрами помимо Совета министров. Исключение допускалось только в отношении дел, касавшихся ведомств императорского двора и уделов, государственной обороны и внешней политики. Министры военный, морской и иностранных дел могли вносить на рассмотрение Совета те или другие вопросы по повелению царя, или когда они сами признают это необходимым, или когда дела касались других ведомств. Утверждая принцип единства действий министров в области законодательства и высшего государственного управления, правящие круги надеялись создать сильную исполнительную власть для борьбы с революционным движением.

ОБРАЗОВАНИЕ БУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ. Манифест 17 октября явился поворотным пунктом, определившим переход либеральной буржуазии на сторону контрреволюции. Лидеры формировавшихся в то время буржуазных партий Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, А. И. Гучков и князь Е. Н. Трубецкой приняли без колебаний приглашение Витте начать переговоры об образовании первого «конституционного» кабинета. Во время переговоров выяснилось, что либералы разделяли программу Витте, нацеленную на укреп-

ление царизма и подавление демократии. Но из боязни уронить себя в глазах масс они не решились открыто солидаризоваться с этой программой. Они хотели, чтобы она проводилась без их прямого участия с тем, чтобы сохранить «свободу рук» и своей демагогией дезорганизовать революционное движение.

В разгар Всероссийской политической забастовки 12—18 октября происходил учредительный съезд конституционно-демократической партии, подготовленный «Союзом освобождения» и группой земцев-конституционалистов. Учитывая победное шествие революции, либералы полевели.

Во вступительной речи на съезде Милюков уверял, что его партия будет «держать высоко тот флаг, который выкинут русским освободительным движением в его целом, т. е. стремиться к созыву Учредительного собрания на основании всеобщего прямого, равного и тайного голосования». Но приветствуя «организованное, мирное и в то же время грозное выступление русского рабочего класса», кадеты вместе с тем действовали как маклеры между самодержавием и народом: «От правительства зависит открыть широкий путь торжественному шествию народа к свободе или превратить его в кровавую бойню». Кадетская партия, говорилось в постановлении съезда, «предоставляет себе, смотря по ходу событий, принять все те меры, которые будут в ее власти, чтобы предупредить возможное столкновение».

Программа, принятая съездом кадетской партии, отличалась недоговоренностью и двуличием. Клянясь в верности лозунгу Учредительного собрания, кадеты не включили его в свою программу. В период высшего подъема революции они остерегались афишировать монархизм своей партии, поэтому вопрос о форме государственного устройства в программе оставался открытым. Только на втором съезде, в январе 1906 г., в программу был внесен пункт: «Россия должна стать конституционной и парламентарной монархией». В национальном вопросе кадеты допускали политическую автономию Польши, но за другими народами Российской империи признавали только право на культурное самоопределение. В аграрном разделе программы говорилось о принудительном отчуждении за выкуп помещичьих земель. Но в комментариях к программе «разъяснялось», что отчуждению подлежат только те земли, которые не эксплуатируются самими владельцами, а сдаются в аренду. По рабочему вопросу в программе красовались лозунги: «свобода союзов», «право стачек», «8-часовой рабочий день». Но затем шли оговорки о немедленном установлении 8-часовой нормы лишь там, где она в данное время возможна, и о постепенном введении ее на остальных производствах.

Расплывчатость программы призвана была придать кадетской партии «внеклассовый» или «национальный» характер и привлечь в ее ряды самые разнообразные слои населения: либеральных помещиков, «прогрессивных» промышленников и торговцев, лиц интеллигентных профессий, ремесленников, служащих, приказчиков, крестьян и даже рабочих. Богатые крестьяне сочувствовали программе кадетской партии и даже вступали в ее ряды. Но пустить корни в деревне кадетам не удалось из-за недостаточной, с точки зрения крестьян, широты аграрной программы пар-

Н. Э. Бауман

Похороны Н. Э. Баумана

тии. Еще меньше успеха кадетская агитация имела среди рабочих. Как признал впоследствии Милюков, «рабочий класс сам настолько связал себя с партией социал-демократов, что доступ его в ряды партии кадетов был совершенно прегражден». Классовой базой кадетской партии были обуржуазившиеся помещики, средняя буржуазия городов. Кадеты, не встречая поддержки среди рабочих и крестьян, имели успех у представителей интеллигенции — адвокатов, врачей, инженеров, учителей, чиновников. В связи с их притоком социальный состав кадетской партии становился двойственным и противоречивым. Ядро партии, состоявшее из земских деятелей, обросло, правда на время, довольно значительным слоем мелкобуржуазных попутчиков, толкавших ее влево. Вследствие пестроты классового состава в кадетских организациях царила заметная разноголосица по программным и тактическим вопросам. Ввиду этого все искусство кадетских лидеров уходило на поиски компромиссных формул, при помощи которых можно было избежать раскола партии. Отсутствие у кадетов твердой политической линии, по их собственному признанию, «вело к бессилию партии».

После 17 октября 1905 г. стали возникать партии крупного капитала. Петербургское общество заводчиков и фабрикантов организовало Прогрессивную экономическую партию. В Москве образовались Умеренно-прогрессивная и Торгово-промышленная партии. Капиталисты скоро убедились в неудобстве выступать под собственным флагом, так как само название партийной фирмы изобличало ее антинародный характер. Большинство этих партий ничем себя не проявили и быстро зачахли. Более активные элементы из них влились в «Союз 17 октября».

Инициатива создания партии октябристов принадлежала лидерам «меньшинства» земско-городских съездов — А. И. Гучкову и Д. Н. Шипову. Они выработали проект воззвания, в котором сформулировали основные положения программы новой партии. Как выяснилось впоследствии, отдельные демократические требования этой программы (например, всеобщее избирательное право) никогда не выражали истинных взглядов октябристов: они являлись скорее тем максимумом уступок, на которые готовы были пойти ради «успокоения» страны люди, напуганные революцией. Сами октябристы впоследствии уверяли, что всеобщее избирательное право — это не что иное, как «беззастенчивая реклама». После поражения революции они выбросили старую программу за борт, не заменив ее никакой новой. Не случайно к октябристам прочно пристала кличка: «Союз пропавшей грамоты».

В «Союзе 17 октября» объединились верхи русской буржуазии с крупными капиталистическими помещиками. «Типичный октябрист, — писал В. И. Ленин, — не буржуазный интеллигент, а крупный буржуа. Он — не идеолог буржуазного общества, а его непосредственный хозяин»[1].

СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ. В октябрьские дни 1905 г. с большой силой проявилась творческая энергия и инициатива масс. Сам народ освобождал политических узников, осуществлял свободу собраний, печати, союзов. Вершиной революционного творчества масс явилось создание зачатков новой высшей формы демократического государства — Советов рабочих и солдатских депутатов, а в деревне — крестьянских комитетов. «Советы, — указывал Ленин, — не выдуманы какой-нибудь партией... Они вызваны к жизни революцией в 1905 году»[2].

Всего в 1905 г. было создано 55 Советов, из них под влиянием большевиков находилось 44 Совета, под влиянием меньшевиков — 10, эсеров — 1. Советы были первой массовой боевой организацией пролетариата, созданной на выборных началах и действовавшей совершенно открыто. Выборы депутатов в Совет обычно происходили на общих собраниях рабочих. Советы избирали президиум, исполнительный комитет и различные комиссии: стачечную, помощи безработным, финансовую, митинговую, продовольственную и т. д. При Советах создавались боевые дружины. Многие Советы выпускали свои газеты — «Известия», которые печатались явочным порядком.

Одним из первых во время Октябрьской политической стачки образовался Петербургский Совет рабочих депутатов. Уже в первые дни стачки рабочие остро ощущали необходимость сосредоточить руководство борьбой в руках общегородского центра. На некоторых заводах они выбирали делегатов в общий комитет, еще не зная, существует ли такая организация.

На первом заседании Совета, происхо-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 25.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 299.

дившем 13 октября в здании Технологического института, присутствовало всего 40 представителей от фабрик и заводов, но уже к середине ноября в Совет входило 562 депутата от 147 фабрик и заводов, 34 мастерских и 16 профсоюзов. Большинство в Совете составляли металлисты — 351. С правом решающего голоса в Совет входило более 40 большевиков, в том числе Н. А. Емельянов, М. И. Калинин, Н. Г. Полетаев, В. А. Шелгунов. Председателем Исполкома Совета был избран известный в рабочих кругах адвокат по трудовым делам, беспартийный, впоследствии меньшевик Г. С. Хрусталев-Носарь.

Как уже отмечалось, в октябре 1905 г. силы революции и контрреволюции приблизительно уравновесились. Налицо было «междувластие», когда царизм был уже не в силах подавить революцию, а новая, революционная власть народа в лице Советов была еще недостаточно сильна, чтобы окончательно заменить старую власть. Для полной победы над царизмом недоставало объединения всех революционных сил в общероссийский политический центр, пользующийся безусловным доверием масс, связанный с революционными партиями. Таким центром естественно мог стать Совет рабочих депутатов Петербурга — столицы Российской империи и крупнейшего очага революционного движения в стране.

Однако Петербургский Совет оказался не на высоте положения. Руководство в нем захватили меньшевики во главе с Л. Д. Троцким. Они отрицали значение и роль Советов как штаба революционной борьбы для подготовки восстания и завоевания власти. Меньшевики рассматривали Советы как органы революционного самоуправления, а в дальнейшем — как прообраз широкой легальной рабочей партии, которая окончательно сформируется в результате Всероссийского рабочего съезда. Меньшевики стремились направить Совет на путь переговоров и соглашательства с буржуазией и царским правительством. На заседании Совета 14 октября они провели решение потребовать от городской Думы выдачи средств «на вооружение борющегося за свободу пролетариата». Меньшевики рассчитывали на то, что революция не может не толкать буржуазных гласных влево и что во всяком случае обращение к Думе будет иметь «агитационное» значение. Однако Городская дума категорически отклонила требование Совета и даже вынесла особое постановление о доверии царским войскам и полиции.

Петербургский Совет вместе с другими революционными организациями назначил на 21 октября торжественные похороны жертв расстрела демонстрации у Технологического института. Однако затем руководство Совета из боязни столкновения с полицией и войсками отменило демонстрацию, хотя правительство готово было отступить.

Все же Петербургский Совет, находясь в центре революционной борьбы, под давлением рабочих осуществил ряд важных демократических мероприятий. На первом заседании 19 октября Совет постановил немедленно распространить забастовку на еще работающие предприятия, действуя убеждением, а при необходимости и силой. 18 октября Совет принял резолюцию с требованием полной политической амнистии. 19 октября Совет постановил, что только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых будут игнорировать цензуру. 22 октября впервые в истории России петербургские газеты вышли без цензуры.

Завоевание явочным порядком свободы печати сделало возможным выход революционных газет, которые стали важнейшим оружием открытого воздействия политических партий на массы. С 27 октября в Петербурге стала выходить первая легальная ежедневная большевистская газета «Новая жизнь», которая фактически являлась центральным органом партии. Активное участие в создании «Новой жизни» и в руководстве ее работой принимал В. И. Ленин. В ней сотрудничали В. В. Воровский, А. М. Горький, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский. «Новая жизнь» пользовалась широкой популярностью среди рабочих. Она способствовала сплочению сил пролетариата, его организации и политическому воспитанию. В одном из номеров газеты был напечатан полный текст Программы РСДРП. Тираж газеты доходил до 80 тыс. экземпляров. По примеру «Новой жизни» в Москве в конце ноября — начале декабря выходили легальные большевистские газеты «Борьба» и «Вперед», сыгравшие большую роль в подготовке восстания.

Демократическая общественность видела в Петербургском Совете всероссийский штаб революционных сил и будущее правительство свободной страны. Так, например, рабочие порта на требование полиции распустить собрание ответили: «У нас есть свое правительство, пошлем в Совет, что скажет Совет, то и сделаем». В Петербургский Совет обращались и крестьяне.

Во второй половине октября на заводах и фабриках Петербурга развернулось движение за введение явочным порядком 8-часового рабочего дня. 29 октября Совет постановил приветствовать тех товарищей, которые ввели у себя на заводах 8-часовой рабочий день, и предложил всем отставшим предприятиям ввести с 31 октября революционным путем 8-часовой рабочий день.

Когда стало известно, что царское правительство намерено предать военному суду несколько сотен матросов и солдат, участвовавших в Кронштадтском восстании 26 октября, рабочие потребовали от Совета немедленного выступления, чтобы не допустить кровавой расправы. В Совет обратились также представители польских революционных организаций с призывом поддержать пролетариат Польши в его борьбе с царскими властями, объявившими 28 октября все десять губерний Привислинского края на военном положении. По решению Совета 2 ноября началась забастовка протеста против военного суда над моряками и солдатами и в знак солидарности с борющимся пролетариатом Польши.

Кампания за введение 8-часового рабочего дня встретила упорное сопротивление объединенных капиталистов, объявивших массовый локаут до тех пор, пока рабочие не выйдут на работу на прежних условиях. На заседании Совета 12 ноября одни депутаты настаивали на продолжении борьбы во что бы то ни стало, другие считали, что борьба на два фронта — против самодержавия и против капиталистов — не под силу изголодавшемуся пролетариату. Совет постановил «временно приостановить немедленное повсеместное проведение революционным путем 8-часового рабочего дня».

На следующий день, 13 ноября, на заседании Совета по вопросу о мерах борьбы с локаутом выступил В. И. Ленин. Предложенная им резолюция была принята на другой день в Исполнительном комитете Совета. В ней отмечалось, что правительство локаутом «хочет вызвать пролетариат на одиночные вспышки», оно «хочет воспользоваться тем, что рабочие других городов еще недостаточно сплотились с петербургскими, и разбить тех и других поодиночке». В постановлении говорилось далее о том, что нельзя принимать сражения в столь невыгодных условиях, необходимо приложить все усилия, чтобы объединить борьбу и всероссийского пролетариата, и революционного крестьянства, и армии, и флота.

После неудачной попытки спровоцировать питерских рабочих на преждевременное выступление царское правительство стало систематически ущемлять и ограничивать завоеванные народом в октябре 1905 г. политические свободы. Так, министр внутренних дел П. Н. Дурново запретил Всероссийский почтово-телеграфный союз, заявив, что его члены не могут оставаться на службе. В ответ на это союз почтово-телеграфных служащих объявил 15 ноября забастовку протеста. Царские власти арестовали руководителей союза.

В ответ на вызов реакции Петербургский Совет рабочих депутатов совместно с Центральным Комитетом РСДРП, Главным комитетом Всероссийского крестьянского союза и другими революционными организациями опубликовал 2 декабря манифест, призывавший население к финансовому бойкоту правительства. Манифест рекомендовал населению отказываться вносить казенные платежи, требовать уплаты золотом при всех сделках и выдаче заработной платы, изымать вклады из сберегательных касс и Государственного банка. Вместе с тем манифест предупреждал западных империалистов, что русский народ никогда не признает займов, которые царское правительство заключило, «когда явно и открыто вело войну со всем народом». В тот же день в Петербурге власти закрыли восемь демократических газет, полностью напечатавших манифест, а 3 декабря арестовали 267 членов Совета рабочих депутатов.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1905 Г.). Под воздействием борьбы пролетариата осенью 1905 г. в ряде мест стали возникать Советы крестьянских депутатов и так называемые «крестьянские республики». В это время широкую популярность приобрел Всероссийский крестьянский союз. В него в конце 1905 г. входило 470 сельских и волостных организаций, в которых насчитывалось около 200 тыс. человек. Состоявшийся в ноябре второй съезд Крестьянского союза отразил значительный сдвиг крестьянства влево. Съезд принял решение об активном бойкоте помещиков и местных властей и о подготовке всеобщей забастовки вместе с городскими рабочими. Участники съезда обратились к железнодорожным рабочим с просьбой не подвозить никаких войск в губернии, где происходили крестьянские и рабочие волнения.

Деятельность Крестьянского союза носила противоречивый характер. Он выступал против лозунга демократической республики, соглашался на частичное вознаграждение за помещичью землю, угрозу народного восстания использовал только как средство давления на царское правительство с целью заставить его прислушаться к многочисленным приговорам крестьянских сходов, но в целом в 1905—1906 гг. он играл революционную роль.

Крестьянское движение в последние месяцы 1905 г. развернулось с новой силой. За октябрь — декабрь было зарегистрировано 1590 крестьянских выступлений, почти столько же, сколько за первые девять месяцев 1905 г. (1638). Наибольший размах движение получило в Центрально-черноземном районе, Закавказье, Прибалтике, на Правобережной Украине, где особенно остро стоял аграрный вопрос. Основной целью крестьян было «выкурить» помещиков из деревни.

Выступления против кулачества — вторая социальная война — находились еще в начальной стадии. Застрельщиками и вожаками были передовые крестьяне, ходившие на заработки в города, сельскохозяйственные рабочие, рабочие сахарных заводов, бывшие солдаты и матросы, промышленные рабочие, высланные в деревни за участие в забастовках. Они передавали крестьянам опыт пролетарской борьбы, читали на сходах социал-демократическую литературу, рассказывали о забастовках и демонстрациях в городах, поднимали революционный дух крестьян. В деревне появился новый тип — сознательный молодой крестьянин, который общался с забастовщиками, читал газеты, разъяснял крестьянам значение политических требований рабочих, призывал крестьян к борьбе против помещиков.

Необходимо отметить такие формы крестьянских выступлений, как нападения на помещичьи усадьбы во главе с боевыми дружинами, вооруженный отпор полиции, казакам и войскам, убийства и избиения помещиков, удаление сельских должностных лиц и замена их выборными крестьянскими комитетами. Идея «всеобщей забастовки» была трансформирована крестьянами в духе традиционных представлений о воле — не платить ни копейки податей, не отдавать на военную службу своих сыновей, не подчиняться распоряжениям властей.

Для подавления крестьянских восстаний царское правительство посылало карательные экспедиции, которые уничтожали целые селения артиллерийским огнем, без суда и следствия расстреливали и вешали крестьян. Вместе с тем правительство Витте вынуждено было идти на уступки и пыталось играть в цезаризм, используя монархические иллюзии крестьянства. Царский манифест от 3 ноября 1905 г. возвестил об уменьшении выкупных платежей с 1 января 1906 г. наполовину, а с 1 января 1907 г. о прекращении их полностью. В тот же день последовал указ Сенату об установлении более льготных условий для выдачи ссуд из Крестьянского поземельного банка.

Крестьяне-бунтовщики. Фото

Телеграмма министра внутренних дел на имя губернатора Курской губернии с требованием принять срочные меры для пресечения бунта крестьян

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В АРМИИ И НА ФЛОТЕ. Революционный подъем нашел отражение и в настроениях солдат и матросов. Осенью 1905 г. произошли волнения и восстания солдат и матросов в Кронштадте, Владивостоке, Петербурге, Киеве, Харькове, Баку, Ашхабаде, Ташкенте. Всего с октября по декабрь, по

неполным данным, было 89 революционных выступлений в армии и на флоте, тогда как в июле — сентябре — всего 8.

Ближайшим поводом к выступлениям солдат и матросов было недовольство условиями военной службы. Восставшие предъявляли требования об улучшении пищи, о вежливом обращении, сокращении срока службы, об отмене обысков в казармах, о свободном доступе книг. Вместе с тем солдаты и матросы требовали демократических свобод, политической амнистии, освобождения их от полицейских функций.

К этому времени значительно усилилась революционная пропаганда в армии и на флоте. К концу 1905 г. было создано 27 военных организаций при комитетах РСДРП. Работу среди войск вели и те партийные организации, которые не имели «военок». Многие комитеты РСДРП издавали листовки, призывавшие солдат отказываться стрелять в восставших рабочих и крестьян и с оружием в руках переходить на сторону народа. Большевистская пропаганда имела особый успех в инженерных войсках и на флоте, которые в значительной части укомплектовывались рабочей молодежью.

Одним из самых крупных выступлений было восстание матросов и солдат 11—16 ноября в Севастополе. После объявления в Севастополе царского манифеста о свободах в городе 18 октября состоялась революционная демонстрация, но она была разогнана казаками. Вечером на Приморском бульваре собрался многолюдный митинг рабочих, солдат и матросов. Ораторы разоблачали лживый царский манифест и призывали бороться за осуществление народных требований до конца. На митинге было принято решение об освобождении потемкинцев и других политических заключенных. Участники митинга направились к тюрьме, но, когда они приблизились к ней, войска открыли огонь, в результате чего были убитые и раненые. 20 октября состоялись грандиозные похороны жертв расстрела. В траурном шествии участвовало до 40 тыс. человек. Пламенную речь у могил произнес лейтенант П. П. Шмидт. Он закончил ее торжественной клятвой: бороться до последней капли крови за демократические свободы. Эта речь создала Шмидту большой авторитет среди рабочих, они избрали его своим пожизненным депутатом в Севастопольский Совет.

Главный командир Черноморского флота вице-адмирал Г. П. Чухнин запретил военным посещение митингов, но солдаты и матросы игнорировали этот приказ. 11 ноября матросы, солдаты и рабочие, всего до 5 тыс. человек, устроили митинг на площади между морскими казармами и казармами Брестского пехотного полка. Для разгона митинга власти послали две матросские роты и учебную команду Белостокского полка. Общее командование этими отрядами было возложено на контр-адмирала С. П. Писаревского. Последний, не решаясь действовать открыто, пошел на провокацию. Он приказал роте матросов дать залп по солдатам учебной команды. Вслед за тем начальник учебной команды штабс-капитан Штейн должен был крикнуть своим солдатам: «В ружье, в нас стреляют!» — и скомандовать открыть огонь по митингующим. Это случайно услышал матрос Петров. Он зарядил винтовку и двумя выстрелами ранил Писаревского и убил Штейна. Эти выстрелы прозвучали как сигнал к восстанию. Матросы освободили арестованного Петрова, разоружили и прогнали из казарм офицеров. Затем восставшие матросы произвели выборы депутатов, которые вместе с депутатами от судов эскадры, сухопутных частей, портовых рабочих и представителей от социал-демократической организации города образовали Совет депутатов матросов, солдат и рабочих. Совет организовал патрули для охраны порядка в городе и предупреждения нападения со стороны царских властей.

На следующий день восставшие матросы вместе с портовыми рабочими отправились с красными флагами и оркестром к казармам Брестского полка. Солдаты этого полка охотно обезоружили своих офицеров и присоединились к демонстрации. Вечером 12 ноября на заседании Совета были выработаны требования восставших: освобождение всех политических заключенных, отмена смертной казни, неприкосновенность личности депутатов, полная свобода вне службы, вежливое обращение офицеров с нижними чинами. Восставшие поддержали требования созыва Учредительного собрания и 8-часового рабочего дня. В знак солидарности с восставшими портовые рабочие, железнодорожники и почтово-телеграфные служащие объявили общую политическую забастовку.

Однако в эти критические для царского военного командования дни у восставших не оказалось опытных руководителей. Меньше-

вики, преобладавшие в исполнительном органе Совета — «Матросской комиссии», удерживали восставших от наступательных действий. Под влиянием меньшевиков Совет решил держаться оборонительной тактики: предъявить военному начальству требования матросов и солдат и в зависимости от ответа выработать тот или иной план действий. Нерешительность восставших помогла Чухнину выиграть время до прибытия карательных войск, которые по приказанию царя были посланы из Ялты, Симферополя, Одессы, Екатеринослава и с Кавказа. В ночь на 13 ноября переодетые в матросскую форму офицеры Брестского полка проникли в морские казармы, где находились восставшие солдаты этого полка, и распространили среди них провокационный слух, что матросы решили перебить всех солдат. Обманутые брестцы покинули флотские казармы и принесли повинную. Это изменило соотношение сил в пользу царского командования.

Вечером 13 ноября депутаты Совета, недовольные выжидательной тактикой меньшевистского руководства, решили пригласить для руководства восстанием лейтенанта Шмидта, в котором они видели пламенного революционера, знающего военное дело, пользующегося громадным авторитетом и популярностью среди матросов и рабочих порта. Однако мировоззрение Шмидта не отличалось ясностью. Он называл себя «социалистом вне партий», хотя несомненно был убежденным революционером-демократом. Он согласился возглавить восстание.

Лейтенант П. П. Шмидт

Утром 14 ноября восстала команда крейсера «Очаков», где имелась сильная большевистская организация во главе с матросами Н. Г. Антоненко, А. И. Гладковым и С. П. Частником. Командование революционным кораблем по просьбе матросов принял на себя П. П. Шмидт. К «Очакову» присоединились броненосец «Св. Пантелеймон» (бывший «Потемкин»), миноносец «Свирепый» и некоторые другие корабли. Офицеры с этих судов были свезены на «Очаков», где и содержались под арестом в качестве заложников. В порту рабочие захватили арсенал и доставили на «Св. Пантелеймон» снятые с его орудий ударники. После этого Шмидт приказал поднять на «Очакове» сигнал «Командую флотом. Шмидт» и на «Свирепом» прошел вдоль эскадры, обращаясь к командам с призывом переходить на сторону восставших матросов. Но офицеры к этому времени удалили матросов с палубы во внутренние помещения.

15 ноября по приказу командования с береговых батарей и невосставших кораблей был открыт огонь по революционным кораблям и казармам флотских экипажей. Восставшие проявили редкое самообладание. «Очаков» открыл ответный огонь, но успел сделать всего шесть выстрелов: на нем вспыхнул пожар. Матросов, пытавшихся спастись с горевшего корабля, безжалостно расстреливали из пулеметов. Из 380 человек команды спаслись только 40—50 человек. Шмидт перешел с «Очакова» на миноносец, где и был взят в плен. В ночь на 16 ноября Брестский полк, искупая свою «вину», штурмовал морские казармы и овладел ими утром следующего дня после ожесточенного сопротивления матросов. Лейтенант Шмидт и матросы Антоненко, Гладков и Частник были расстреляны 6 марта 1906 г. на острове Березань (около Очакова). Свыше 300 человек были приговорены к каторжным работам и тюремному заключению.

ЧЕРНОСОТЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ. Для борьбы с революцией по инициативе придворных кругов, высшего духовенства и охранников были организованы черносотенные союзы. В ноябре 1905 г. в Петербурге возник «Союз русского народа». Учредителями его были А. И. Дубровин (председатель главного совета), курский помещик Н. Е. Марков, бессарабский помещик В. М. Пуришкевич и др. В основу программы «Союза» была положена теория «официальной народности»: незыблемость самодержавия, привилегированное положение православной церкви, великодержавный шови-

низм и антисемитизм. «Союз» получал субсидии и всяческую поддержку от царской администрации, и сам Николай II назвал его «надежной опорой законности и порядка в отечестве нашем», призвав население брать с него пример. Этот «страж законности» создавал боевые дружины, которые устраивали кровавые погромы, убивали из-за угла революционеров, участвовали в разгоне демонстраций и митингов. С помощью церковников и социальной демагогии черносотенцы пытались укрепить в темных массах монархические иллюзии и отвлечь их от революционной борьбы.

Однако им не удалось привлечь на свою сторону сколько-нибудь значительные слои населения. В черносотенные ряды вступал разный сброд, который шел туда с целью поживиться «темными деньгами». Сознательные рабочие и крестьяне относились к «союзникам» с полным презрением. Никакой самостоятельной силы черносотенные организации не имели. Более того, своими грабежами и зверствами они не укрепляли, а рассеивали царистские иллюзии. «Черносотенцы, — писал Ленин, — озлобляют насилиями и зверствами, в которых участвуют полиция и войска. Черносотенцы возбуждают к себе ненависть и презрение своими мошенничествами, подвохами, подкупами. Черносотенцы организуют на правительственные деньги кучки и шайки пропойц, способных действовать только с разрешения полиции и по наущению ее. Во всем этом нет и следа сколько-нибудь опасного идейного влияния на сколько-нибудь широкие слои населения»[1].

ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ. Переход царского правительства в начале декабря в наступление означал, что период временного равновесия окончился, что назревает решительная схватка между силами революции и контрреволюции. В порядок дня становилось вооруженное восстание.

Общее число стачечников в 1905 г. только на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, составило 2863 тыс. Экономические и политические стачки дополняли друг друга. В начале революции экономическая стачка заметно преобладала над политической. В первой четверти 1905 г. в экономических стачках участвовали 604 тыс. рабочих, а в политических — 206 тыс. В последней четверти 1905 г., в период высшего подъема революции, соотношение экономической и политической стачек коренным образом изменилось: на экономические стачки приходилось 430 тыс., а на политические — 847 тыс. человек. Именно волна массовых политических стачек, достигшая зенита в конце 1905 г., подняла пролетариат на восстание.

Решающую роль в мобилизации масс на восстание мог бы сыграть Петербургский Совет. Но меньшевистские руководители Совета упорно сопротивлялись перерастанию стачки в восстание. Они утверждали, что всеобщая стачка и есть то «последнее могучее средство», которое нанесет смертельный удар самодержавию. Совет почти ничего не сделал для вооружения рабочих. Перед боевыми дружинами Совет ставил только задачу самообороны, защиты от погромщиков и отвергал необходимость организационно-технической подготовки восстания. Руководство Совета не вело борьбу и за переход солдат на сторону революции.

После того как меньшевистское руководство Петербургского Совета сорвало подготовку восстания, центром подготовки всероссийского восстания стала Москва. Московский Совет рабочих депутатов, руководимый большевиками, взял на себя инициативу восстания. К началу восстания в Москве насчитывалась тысяча обученных дружинников (в ходе боев число их увеличилось до 8 тыс.). Создавая боевые дружины, московские большевики понимали, что без перехода солдат на сторону революции победа восстания невозможна. Поэтому большевики усилили агитацию среди солдат. В Московском гарнизоне начались волнения 2 декабря вспыхнуло восстание во 2-м гренадерском Ростовском полку.

6 декабря Московский Совет принял историческое воззвание ко всем рабочим, солдатам и гражданам с призывом 7 декабря начать всеобщую политическую забастовку, с тем чтобы перевести ее в вооруженное восстание. К призыву Совета присоединились конференции делегатов 29 железных дорог и почтово-телеграфный съезд, заседавший в то время в Москве.

Забастовка началась с большим подъемом. В первый же день забастовало 100 тыс. рабочих (около 400 предприятий). Прекратилось движение на всех дорогах Московского железнодорожного узла, кроме Николаевской дороги. На улицах дружинники нападали на

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 38.

городовых, жандармов, офицеров и разоружали их.

Однако ни МК РСДРП, ни Московский Совет не разработали заранее плана восстания. В первые два дня районы не получили никаких указаний о переходе от стачек и демонстраций к восстанию. Это дало возможность контрреволюции выиграть время. 8 декабря полиция и войска произвели нападение на многолюдный митинг рабочих в «Аквариуме», а на следующий день царские войска подвергли артиллерийскому обстрелу училище Фидлера на Чистых прудах, где проходило собрание дружинников.

В ответ на эти провокации в Москве началось сооружение баррикад. Восставшие стремились загородить баррикадами Садовое кольцо, чтобы отрезать центр от расположенных на окраинах казарм и, продвигаясь к центру города, захватить его в свои руки. Дружинники сочетали партизанские действия с баррикадной борьбой. Небольшими группами, в два-три человека, они внезапно нападали на жандармов и быстро исчезали через проходные дворы. Баррикады в основном являлись средством, затруднявшим продвижение войск, особенно кавалерии. Гибкая и подвижная тактика неуловимых дружинников деморализовала противника. 11 декабря восстание в Москве достигло высшей точки. Кольцо баррикад все более сужалось вокруг центра. Восставшие заняли внешнюю сторону бульваров. Ожесточенные бои в этот день происходили около типографии Сытина и Николаевского вокзала.

Московский Совет, действуя как революционная власть, запретил выход газет, за исключением своего органа — «Известий». Совет регулировал торговлю, боролся со спекуляцией, следил за сроками выдачи заработной платы, оказывал помощь остро нуждающимся безработным. С волей Совета считались предприниматели и даже официальные власти. По признанию известного московского заводчика Ю. П. Гужона, Совет, в сущности, вел с ними не переговоры, а диктовал свои условия.

В первые дни восстания войска гарнизона в борьбе против рабочих не выказывали никакого воодушевления. Московские рабочие в борьбе за колеблющееся войско не проявили должной решимости. Этим воспользовалось командование: изолировало ненадежные части и собрало силы для разгрома восстания.

С 13 декабря центр вооруженной борьбы рабочих переместился на Пресню, куда стягивались боевые дружины из тех районов города, где восстание затихло. Главной базой восстания стала Прохоровская трехгорная мануфактура.

15 декабря в Москву из Петербурга прибыл Семеновский полк, а на следующий день — Ладожский полк из Польши. Они окружили Пресню и стали ее обстреливать из тяжелых орудий. Начались пожары. Отражая натиск солдат, рабочие проявляли чудеса героизма, отваги и самопожертвования, до конца сохраняя стойкость и боевой дух. Но благодаря огромному превосходству сил и применению артиллерии царским войскам удалось сломить сопротивление Пресни. Утром 19 декабря семеновцы овладели Прохоровкой. Началась расправа с рабочими. Расстреливали за «красный платок в кармане», за то, что «не находили креста».

Московский комитет партии и Исполни-

Баррикады в Москве (на Малой Бронной). Фото

тельный Совет призвали рабочих организованно прекратить восстание, чтобы сохранить свои силы для последующих боев против царизма. Штаб пресненских боевых дружин 19 декабря отдал свой последний приказ, в котором дружинникам предлагалось прятать оружие и уходить по возможности из города. Часть дружинников была вывезена из Москвы отважным машинистом А. В. Ухтомским.

Несмотря на поражение, московские рабочие сохранили боевой дух и уверенность в новом решительном сражении против царизма. В. И. Ленин отмечал, что «пролетариат был отброшен назад, но он не выпустил из рук великого знамени революции...»[1].

Основная причина поражения восстания в Москве состояла в том, что руководство отставало от роста и размаха движения масс. У большевиков к этому времени еще не было (и не могло быть) опыта руководства массами в условиях вооруженной борьбы. Восстание началось с опозданием: был упущен благоприятный момент, когда в гарнизоне происходили волнения и можно было рассчитывать на присоединение солдат к восставшим рабочим. Директива строить баррикады пришла в районы уже после того, когда сами рабочие принялись за их постройку. После ареста 7 декабря членов МК РСДРП и президиума Московского Совета — В. Л. Шанцера (Марата) и М. И. Васильева-Южина — восстание продолжалось в отдельных районах, разобщенных между собой. У дружинников не хватало оружия.

Самой крупной ошибкой восставших была оборонительная тактика, являющаяся, по выражению К. Маркса, смертью всякого вооруженного выступления. Декабрьское восстание подтвердило положение марксизма о том, что восстание есть искусство и что его главное правило — действовать с величайшей решительностью и смело переходить в наступление. Московское восстание показало, что без активной борьбы за войско успех революции невозможен.

Царские войска, снабженные скорострельной и дальнобойной артиллерией, могли легко разгромить баррикады, сами оставаясь недосягаемыми для ружейного огня повстанцев. Московские рабочие учли это и выработали новую тактику—соединение действий подвижных мелких отрядов с сооружением баррикад, которые могли задерживать движение войск. Однако эта тактика уличной борьбы не получила еще широкого применения в декабрьском восстании.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 214.

Декабрьское восстание не превратилось в одновременное, единое всероссийское выступление пролетариата. Это дало возможность царизму по частям разгромить силы восставших. Поражению декабрьского восстания в Москве способствовала и оппортунистическая позиция меньшевиков.

Несмотря на поражение, московское восстание 1905 г. имело всемирно-историческое значение. Оно показало огромную роль общих политических стачек как главного средства мобилизации масс на вооруженную борьбу. Оценивая опыт соединения массовой политической стачки с вооруженным восстанием, Ленин писал: «Первый раз во всемирной истории была достигнута такая высота развития и такая сила революционной борьбы, что вооруженное восстание выступило в соединении с массовой стачкой, этим специфически пролетарским оружием. Ясно, что этот опыт имеет мировое значение для *всех* пролетарских революций»[1].

Декабрьское вооруженное восстание опровергло оппортунистическую концепцию о том, что время баррикадных боев прошло и что высшей формой борьбы пролетариата является всеобщая стачка. Декабрьское восстание в Москве положило начало выступлениям рабочих во многих промышленных районах страны. Вооруженные восстания произошли на Урале (Мотивилиха), в Сормове, Красноярске, Чите, Владивостоке, Новороссийске, Харькове, Александровске, Горловке, Ростове-на-Дону.

Декабрьское вооруженное восстание показало, что в ходе революции гигантски выросло политическое сознание рабочего класса, который за 11 месяцев прошел путь от мирного шествия к царскому дворцу до борьбы с оружием в руках против самодержавия, за демократическую республику. Это восстание было высшей точкой подъема первой русской революции. Оценивая его историческое значение, В. И. Ленин писал, что после декабрьского восстания народ в России «переродился. Он получил боевое крещенье. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 г. ...»[2].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 370.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 200—201.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. Революция 1905 г. явилась мощным толчком к политическому пробуждению угнетенных народов Российской империи. Рабочие и крестьяне в национальных районах наряду с общероссийскими революционными лозунгами выдвигали требования отмены всех законов, стеснявших развитие национальной культуры. За национальное освобождение выступала и передовая часть творческой интеллигенции. Иван Франко, Леся Украинка, Михаил Коцюбинский, Якуб Колас, Янка Купала в своих произведениях развивали идею дружбы народов на основе национального равноправия.

Революция 1905 г. привела к временному смягчению национального гнета. Всероссийская политическая забастовка в октябре, в которой участвовали и финские рабочие, заставила царя отменить законы, ущемлявшие конституционные права Финляндии. Временные правила о печати 24 октября 1905 г. разрешили выпуск периодической печати на языках нерусских народов.

Местные буржуазные националисты выдавали себя за поборников «национального освобождения». При этом они преследовали двоякую цель: добиться от царизма политических уступок для себя, а главное — отвлечь трудящихся своей нации от борьбы за землю, 8-часовой рабочий день и другие демократические преобразования. Чтобы подорвать складывавшийся в процессе революции союз рабочего класса и крестьянства, буржуазные националисты изображали рабочее движение на окраинах как чуждое, враждебное национальным интересам, выдавали его за чисто русское, в котором коренное население не должно принимать никакого участия.

В начале революции местные националисты по примеру русских либералов развернули петиционную кампанию в пользу политических реформ и прежде всего дарования окраинам «внутреннего самоуправления». Правительство в период подъема революции заигрывало с местными буржуазными националистами, рассчитывая с их помощью расколоть единый фронт борьбы русских и национальных трудящихся. В Польше оно обещало ввести земское и городское самоуправление. На Кавказе проектировался созыв собрания сословных представителей для обсуждения вопросов о введении земства, суда присяжных, о реформе школы и ликвидации временнообязанных отношений крестьян.

Мелкобуржуазные националистические партии — Польская партия социалистов (ППС), Белорусская социалистическая громада, Бунд, грузинские социал-федералисты, Украинский социал-демократический союз («Спилка») под флагом социализма защищали теорию «общей почвы» и классового мира внутри нации, призывали рабочих и крестьян забыть «внутренние разногласия» и ставить «общенациональные интересы» выше «классовых задач». Эти партии вносили раскол в рабочее движение, создавая партийные организации и профессиональные союзы по национальному признаку.

Большевики во главе с В. И. Лениным настойчиво боролись как против царской политики национального угнетения, так и против местного национализма, пытавшегося разжечь вражду между народами России. Большевики выступали за развитие демократической культуры всех наций, отстаивали право угнетенных народов на самоопределение, разъясняли, что социальное и национальное освобождение возможно лишь при условии единого фронта борьбы русских и национальных рабочих. Попытки буржуазных националистов отделить национальное движение от революционной борьбы рабочих и крестьян за уничтожение социального гнета успеха не имели. Ленин подчеркивал, что «в тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением...» [1].

Революционно-освободительное движение против царизма, национального гнета, политики насильственной русификации сливалось с классовой борьбой против помещиков и капиталистов в единый революционный поток. В январские дни 1905 г. рабочие Украины, Прибалтики, Финляндии, Польши, Белоруссии, Кавказа показали высокий уровень классовой сознательности и чувство братской солидарности с русскими рабочими.

Пролетариат окраин принимал активное участие и в Октябрьской политической стачке. В декабре 1905 г. манифест Московского Совета рабочих депутатов с призывом к стачке и восстанию вызвал забастовки на железных дорогах Царства Польского и Украины, попытки вооруженного восстания в Екатеринославе, восстание в Горловке (Донбасс). В огне революции крепли интернациональное сплочение и дружба русского и других наро-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 323.

дов России. Трудящиеся национальных окраин на собственном опыте убеждались в том, что их социальное и национальное освобождение неразрывно связано с успехами русской революции.

3. ОТСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

АРЬЕРГАРДНЫЕ БОИ. После разгрома декабрьских восстаний начались постепенный спад революции и усиление реакции. Однако революция еще не была подавлена. Рабочие, отступая, вели упорные арьергардные бои с царизмом и буржуазией. В 1906 г. в стачках участвовало 1108 тыс. рабочих, в 1907 г. — 740 тыс.

Весной и летом 1906 г. с новой силой разгорелось крестьянское движение, хотя оно и не достигло уровня 1905 г. В 1906 г. было зарегистрировано 2600 крестьянских выступлений. Продолжались волнения в армии и на флоте.

IV СЪЕЗД РСДРП. После декабрьского вооруженного восстания многие большевистские организации оказались разгромленными, меньшевики же в период октября — декабря 1905 г. пополнили свои ряды за счет мелкобуржуазной интеллигенции, кустарей и других попутчиков революции. В результате на IV (Объединительном) съезде РСДРП (10—25 апреля 1906 г.) в Стокгольме меньшевики оказались в большинстве. Среди делегатов с решающим голосом оказалось 46 большевиков и 62 меньшевика. Это определило оппортунистический характер важнейших решений съезда — об оценке революционного момента и классовых задач пролетариата, по аграрному вопросу, об отношении к Государственной думе и о вооруженном восстании. В состав Центрального Комитета, избранного на съезде, вошли 3 большевика и 7 меньшевиков, в редакцию Центрального Органа — только меньшевики.

Одним из главных вопросов на съезде был пересмотр аграрной программы РСДРП. Большевики еще на III съезде партии выдвинули лозунг конфискации помещичьей земли. Первая конференция большевиков в декабре 1905 г. в Таммерфорсе подтвердила это требование. Но феодально-крепостническими пережитками было опутано и крестьянское землевладение, поэтому на IV съезде РСДРП В. И. Ленин выдвинул лозунг национализации всей земли. Это помогло бы смести все остатки крепостничества и расчистить почву для свободного развития капитализма в деревне. Вместе с тем национализация земли явилась бы сильным ударом по частной собственности вообще и ускорила бы переход к социалистической революции. Ленин оценивал национализацию земли при условии полной победы демократической революции «как естественный и необходимый шаг вперед от победы буржуазного демократизма к началу настоящей борьбы за социализм»[1]. Таким образом, в одном из коренных вопросов революции — аграрном — интересы пролетариата и крестьянства совпадали. Это способствовало объединению борьбы рабочих и крестьян.

Меньшевики выступили на съезде с проектом муниципализации земли. Этот проект предусматривал сохранение собственности крестьян на надельную землю и предоставление им права брать в аренду передаваемые областным самоуправлениям помещичьи земли. Программа муниципализации была реакционной в экономическом и политическом отношениях; она консервировала пережитки крепостничества в виде сословного надельного землевладения, а лежавшая в ее основе идея областных земельных фондов притупляла у крестьян сознание необходимости полной демократизации политического строя в стране. Только аграрная программа большевиков верно определяла демократические требования крестьян и являлась в конкретных условиях России наиболее последовательной и гибкой в борьбе за победу социалистической революции. Тем не менее меньшевикам удалось провести свою программу.

На съезде произошло лишь формальное объединение. По существу, большевики и меньшевики остались двумя партиями со своими самостоятельными центрами и периферией. После съезда борьба между большевиками и меньшевиками разгорелась с новой силой.

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ. 11 декабря 1905 г., во время московского вооруженного восстания, был опубликован царский указ, который расширял избирательные права, но вместе с тем сохранял старую систему курий с добавлением к ранее установленным рабочей курии. Выборы по-прежнему оставались многостепенными, не всеобщими и не равными. Один выборщик

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 265.

приходился на 2 тыс. душ населения землевладельческой курии, на 4 тыс.—городской, на 30 тыс. — крестьянской и на 90 тыс. — рабочей курии, т. е. 1 голос помещика приравнивался к 3 голосам городской буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Исход выборов зависел от соотношения числа выборщиков от отдельных курий в губернских избирательных собраниях, где избиралось 488 членов Думы из общего числа 524 (36 членов избирались непосредственно от 26 наиболее крупных городов). Землевладельцы избирали 32%, крестьяне — 43, горожане — 22 и рабочие — 3% депутатов Думы.

Выборы в Думу происходили в марте — апреле 1906 г. Большевики проводили тактику активного бойкота выборов. Такое решение приняла Таммерфорсская конференция в декабре 1905 г., когда революция была в зените; выборы же в Думу происходили в период спада революции, когда использование легальных возможностей приобрело существенное значение. Вот почему бойкот Государственной думы в 1906 г. был, как признал впоследствии Ленин, не только неудачным, но и ошибочным[1]. Эту ошибку, впрочем, большевики быстро исправили революционным использованием I Думы и отказом от бойкота II Думы.

Предвыборная кампания буржуазных партий преследовала задачи укрепления в широких кругах населения веры в возможность мирного, парламентского развития страны.

Так, кадеты заверяли, что «маленький избирательный бюллетень» является «самым сильным средством борьбы» и что только с его помощью можно одержать «бескровную победу над умирающим режимом». Для ловли крестьянских голосов они давали фальшивые обещания в аграрном вопросе. Кадеты пытались повести за собой и рабочих, но безуспешно.

Бойкотистские настроения среди рабочих были так велики, что в Петербурге, например, половина предприятий совсем не выбирала уполномоченных, а на остальных в выборах участвовало менее 25% рабочих. Еще успешнее прошел бойкот выборов в Польше.

Крестьяне приняли активное участие в выборах. При избрании уполномоченных от волостных сходов они старались отдать предпочтение беднейшим и малоземельным, способным постоять за крестьянские интересы. Во многих случаях крестьяне выбирали только тех, у кого не было купчей земли, охотно выбирали «пострадавших за мир», побывавших в ссылке или тюрьме. В финальной стадии — в губернских избирательных собраниях — лозунгом крестьян было: «Господ не выбирать, а выбирать из своей среды». Примечательно, что и рабочие депутаты проходили благодаря поддержке крестьянских выборщиков, ибо в рабочем они видели своего брата-мужика, хорошо понимавшего крестьянские нужды.

На выборах кадетская партия получила наибольшее число мест (34%) к общему числу членов I Думы. Ее победа объяснялась тем, что революционные партии бойкотировали Думу и своих кандидатов не выставляли. Поэтому политически несознательные, не понимавшие значения бойкота демократические элементы поневоле голосовали за кадетов как за «меньшее зло». Сами кадеты признавали, что их победа на выборах была не столько голосованием за кадетскую партию, сколько голосованием против правительства Витте — Дурново.

РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА. «ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ». Стремясь создать противовес Государственной думе, царское правительство указом от 20 февраля 1906 г. преобразовало Государственный совет из совещательного органа во вторую, верхнюю палату, получившую законодательные права, равные с правами Думы. Изменен был и состав Совета. В него входили теперь лица по назначению и по выборам, причем число назначенных не могло превышать число членов по выборам. Члены его должны были назначаться пожизненно. Однако вследствие неясности закона фактически был принят порядок: список членов Государственного совета объявлялся каждый год 1 января. Лица, позволившие себе критиковать правительство, находились под угрозой исключения из списка. Таким образом, члены по назначению лишались свободы суждения.

В основу выборов в Государственный совет была положена сословно-корпоративная и высокоцензовая система, обеспечивавшая преобладание помещиков: крупные землевладельцы — почти исключительно дворяне — избирали 74 из 98 членов Совета. От православного духовенства Синодом избиралось 6 членов и столько же — от академиков и профессоров университетов. Торгово-про-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 18.

мышленная буржуазия была представлена в Совете 12 членами, а рабочие и крестьяне совсем не имели своих представителей в верхней палате. Председатель и вице-председатель Совета по-прежнему назначались императором. Государственный совет сохранил свой аристократически-чиновничий облик. Он призван был не пропускать те законопроекты, которые проходили через Государственную думу, но были неприемлемы для царизма.

Изданные 8 марта 1906 г. правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов существенно урезали бюджетные права Государственной думы. Она не могла сокращать платежи по государственному долгу, исключать или изменять доходы, которые были внесены в проект росписи на основании действующих законов или по личному распоряжению царя. В случае неутверждения в срок или отклонения бюджета в целом оставалась в силе смета предыдущего года. Правила предоставляли законодательным органам только решение вопроса о необходимой сумме государственных займов; определение же времени и условий их совершения было сохранено в ведении Комитета финансов, члены которого назначались царем.

Изменения в государственном строе были оформлены новой редакцией «Основных государственных законов Российской империи», опубликованных 23 апреля 1906 г., за три дня до открытия Государственной думы. Определение царской власти как власти неограниченной было устранено. Статья 7 гласила, что император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Думой. Законопроекты, не принятые законодательными учреждениями, считались отклоненными.

Согласно статье 87, меры, принятые правительством во время думских каникул вследствие «чрезвычайных обстоятельств», не могли вносить изменения ни в «Основные законы», ни в учреждения Государственного совета и Государственной думы, ни в «Положение о выборах»; если же в течение двух месяцев после возобновления занятий палат Совета и Думы они не вносились на их одобрение, то они теряли свою силу.

Но прерогативой императора оставались возможность пересмотра «Основных законов», высшее государственное управление, руководство внешней политикой, объявление войны и заключение мира, верховное командование вооруженными силами, объявление местности на военном или исключительном положении, право чеканки монеты, назначение и увольнение министров, помилование осужденных и общая амнистия. Особенно коварной на практике оказалась статья 87 о «чрезвычайном законодательстве»: сформулированная как исключение, она стала «бытовым явлением».

Такие «исключения» и оговорки давали возможность фактически сохранять неограниченность верховной власти царя и делали в значительной мере фиктивными конституционные гарантии.

Накануне открытия I Думы вместо Витте председателем Совета министров был назначен крайний реакционер И. Л. Горемыкин, министром внутренних дел — П. А. Столыпин, «прославивший» себя жестоким подавлением крестьянских восстаний в пору, когда был губернатором Саратова.

I ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА (АПРЕЛЬ — ИЮЛЬ 1906 Г.). 27 апреля в Зимнем дворце состоялся торжественный прием царем членов Государственной думы и Государственного совета. Николай II прочел короткую речь, в которой приветствовал членов законодательных палат как «лучших людей» России и обещал сохранить незыблемыми установления, дарованные им народу. Затем депутаты отправились в Таврический дворец, где должна была заседать Государственная дума.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЛЕНОВ
I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ПАРТИЯМ

Наименование фракций	Число депутатов	
	в начале сессии	в конце работы Думы
Октябристы	13	—
Торгово-промышленная партия	1	—
Умеренно-прогрессивная партия	2	—
Прогрессисты	—	12
Партия демократических реформ	4	14
Члены фракции «мирного обновления»	—	25
Автономисты (поляки, литовцы, латыши, украинцы, мусульмане)	63	70
Кадеты	153	161
Трудовики	107	97
Социал-демократы	—	17
Беспартийные	105	103
Итого . . .	448	499

Черносотенные партии в Думе мест не получили. Правый фланг составляли октябристы, образовавшие в середине июня фракцию «мирного обновления», близкую к кадетам. Трудовая группа состояла преимущественно из крестьян, которые на выборах называли себя «левее кадетов». Уменьшение ее численности к концу существования Думы объясняется тем, что вначале в нее входили рабочие и социал-демократы, образовавшие в дальнейшем социал-демократическую фракцию. Председателем Думы был избран кадет профессор С. А. Муромцев.

Думская тактика кадетов заключалась в том, чтобы остановить революцию посредством таких уступок народу, которые были бы приемлемы и для помещиков, и для царизма. Они стремились ввести революционно настроенных крестьянских депутатов в русло парламентской борьбы. В известной степени это им удалось. В составе трудовой группы (107) были депутаты, тяготевшие к кадетам, смотревшие на себя как на парламентеров, которые посланы в Думу, чтобы добиться земли и воли мирным путем. Они оказались в плену конституционных иллюзий вследствие политической отсталости: интересы крестьян находились в непримиримом противоречии с интересами помещиков и добиться компромисса между ними было невозможно. Это неминуемо должно было привести к освобождению трудовиков от кадетского влияния. Уже в первые дни работы Думы обнаружился раскол между кадетами и трудовиками: трудовики настаивали включить в адрес царю требование полной амнистии всем, кто боролся за свободу народа; кадеты же, напротив, лишь просили о милости и прощении политических «преступников», забыв, что сама Дума была обязана им своим существованием. Кадеты в своем проекте адреса царю считали необходимым сказать о земельной нужде крестьян в общей форме; трудовики же настояли на том, что думский адрес был дополнен заявлением о принудительном отчуждении частновладельческих земель в пользу крестьян.

Реакционное правительство Горемыкина в своей декларации в Государственную думу заявило, что разрешение аграрного вопроса на основе обязательного отчуждения помещичьей земли «безусловно недопустимо». По поводу думских пожеланий об установлении ответственности министров перед народным представительством, упразднении Государственного совета и расширении законодательных прав Думы Совет министров ответил, что они касаются коренного изменения «Основных законов», не подлежащих пересмотру по почину законодательных учреждений. Наконец, на обращение Думы к царю о даровании амнистии политическим заключенным правительство ответило отказом.

Декларация Горемыкина вызвала взрыв негодования. После бурных прений Дума по предложению трудовиков приняла резолюцию, выражающую полное недоверие правительству, с требованием замены его другим, которое пользовалось бы доверием Думы. Но министры не уходили. Дума засыпала правительство запросами о незаконных действиях властей. Всего за 72 дня работы Думы был внесен 391 запрос, из них 123 спешных, но министры не торопились с ответами.

Между тем на имя депутатов со всех концов России нескончаемым потоком шли телеграммы, приговоры, наказы о том, чтобы Дума с большей настойчивостью отстаивала интересы народа. Все это сильно влияло на настроение трудовиков. Трудовая группа предложила от имени всей Думы обратиться к народу за поддержкой, но кадетский председатель даже не поставил это предложение на голосование, как «неконституционное». Кадеты считали, что Дума должна «до последней минуты держать знамя легальности, знамя борьбы... не кулаком, не пушкой, а законом».

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В I ДУМЕ. 8 марта в Думу был внесен аграрный законопроект кадетской партии за подписью 42 депутатов, а 19 мая — проект основных положений аграрной реформы трудовой группы за подписью 104 депутатов. Сущность аграрной реформы, согласно обоим проектам, заключалась в образовании «государственного земельного запаса» (записка 42-х) или «общенародного земельного фонда» (записка 104-х) для обеспечения безземельного и малоземельного населения путем отвода ему в пользование участков в пределах трудовой или потребительской нормы. В состав земельного фонда включались казенные, удельные, монастырские и частновладельческие земли. Но по проекту трудовиков в этот фонд должны были поступить все частновладельческие земли, превышающие трудовую норму. Кадетская партия также декларировала «передачу земли в руки трудящихся», но она считала возможным допустить сохранение за помещиками

имений, которые местными земельными учреждениями будут признаны имеющими общеполезное значение.

Оба проекта коренным образом отличались и в вопросе о вознаграждении владельцев за отчуждаемые угодья. Кадетский проект обеспечивал помещикам «справедливую» оценку отчуждаемой земли «сообразно с нормальной для данной местности доходностью при условии самостоятельного ведения хозяйства». Трудовая группа признавала возможность безвозмездного отчуждения. Несмотря на утопичность «трудового» землепользования при сохранении капиталистического производства проект трудовиков отражал крестьянские интересы. Его реализация означала бы уничтожение главного источника крепостнической кабалы в деревне — помещичьих латифундий — и свободное развитие крестьянских хозяйств фермерского типа.

Аграрные прения обнаружили полное расхождение между кадетами и трудовиками.

26 мая трудовая группа внесла предложение избрать комиссию для выработки законопроекта об организации на демократических началах местных комитетов для подготовки будущей земельной реформы. Кадеты, не желавшие участия в решении земельного вопроса организованных народных сил, решительно отвергли предложение трудовиков. Бурную реакцию кадетов вызвал и эсеровский проект основного закона о земле, внесенный в Думу 6 июня за подписью 33 депутатов, принадлежавших большей частью к трудовой группе. Этот проект предусматривал немедленное и полное уничтожение частной собственности на землю и объявление ее вместе с недрами и водами собственностью всего населения России. Кадеты добились отклонения проекта 33-х без обсуждения на том основании, что он выходит «из пределов реальной земельной политики» и предлагает «глубокий социальный переворот».

Выступления кадетов против демократического решения аграрного вопроса способствовали падению их популярности. Крестьянские наказы этого периода полны возмущения вероломной тактикой кадетов, пытавшихся обмануть крестьян, как обманули их помещики в 1861 г.

Правительство поторопилось распустить Думу: в манифесте 9 июля ей ставилось в вину, что она не успокаивала народ, а лишь разжигала «смуту». Вместе с тем в ожидании неминуемых, казалось, «общих беспорядков», царь не рискнул одновременно с роспуском Думы изменить положение о выборах.

Кадеты в страхе перед новым подъемом революции решили придать протесту против разгона Думы такую форму, которая давала бы «наименее рискованный» выход возбужденному настроению масс. В обращении к населению бывшие члены Думы призывали к пассивному сопротивлению — не платить податей и не давать рекрутов правительству. Для кадетов подобное воззвание было предохранительным клапаном на случай революционного взрыва, но так как этого не случилось, то они, по выражению Ленина, стали применять «провозглашенный этим воззванием принцип пассивного сопротивления по отношению к самому же воззванию»[1].

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА МАСС В 1906 Г. В. И. Ленин характеризовал периоды I и II Думы как приостановку отступления революции и попытку отступающих перейти в новое наступление. Во второй четверти 1906 г. наблюдался крутой подъем стачечного движения (479 тыс. стачечников против 269 тыс. в первые три месяца года). Напор стачечной волны был так силен, что капиталисты в большинстве случаев вынуждены были идти на уступки.

4 марта 1906 г. были изданы временные правила, разрешавшие организовывать общества и союзы. К концу 1906 г. насчитывалось 652 профессиональных общества с числом членов свыше 245 тыс. В Петербурге, Москве и Харькове были созданы нелегальные межсоюзные объединения — центральное бюро профессиональных союзов. Под руководством большевиков профсоюзы принимали активное участие в экономических и политических выступлениях рабочего класса.

С новой силой поднялись на борьбу широкие массы крестьянства. Из 546 уездов 56 губерний и областей Европейской России и Кавказа в период мая — сентября 1906 г. крестьянским движением был охвачен 291 (53,3%) против 130 (23,8%) в январе — апреле этого же года. В докладе 5 июля царю Столыпин указывал, что «беспорядки на аграрной почве» носили характер массовых сельскохозяйственных стачек, сопровождающихся захватом земли, хлеба, сена, самовольными запашками и потравом лугов, разгромом усадеб, сопротивлением войскам и полиции и даже вооруженным нападением на отряды

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 40.

карателей, организованным отказом крестьян убирать помещичьи хлеба.

Царская администрация использовала войска против восставших крестьян. По свидетельству военного министра А. Редигера, «в течение первых 10 месяцев 1906 года войска призывались гражданскими властями 2330 раз, причем в 188 случаях приходилось применять оружие». Но иногда солдаты отказывались проливать кровь крестьян. В Полтаве 28 мая вспыхнуло восстание солдат Елецкого полка. На митинге говорили о том, что все солдаты России должны помогать народу добыть землю и свободу. Присутствующие поклялись «больше не стрелять в ... братьев-крестьян». Даже в императорской гвардии было неспокойно. 4 июня близ Петербурга состоялся митинг 4 тыс. солдат Преображенского, Семеновского и других гвардейских полков, на котором выступали социал-демократы и трудовики. Солдаты поддержали земельный проект трудовой группы.

Летом 1906 г. военная организация большевиков вела подготовку восстания в Балтийском флоте. Предполагалось начать его одновременно в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле. Выступление матросов должно было быть поддержано восстанием питерских рабочих и финской Красной гвардией.

Но восстание в Свеаборгской крепости вспыхнуло преждевременно, стихийно. Руководили им члены большевистской военной организации подпоручики А. Н. Емельянов и Е. Л. Коханский. Вечером 17 июля восставшие артиллеристы захватили четыре острова, но возможностью захватить и Комендантский остров, на котором находился штаб правительственных войск, не воспользовались: придерживаясь выжидательной тактики, они откладывали штурм до прихода эскадры. Командование сумело предотвратить восстание эскадры, и утром 20 июля после артиллерийской перестрелки каратели захватили позиции повстанцев.

Как только о событиях в Свеаборге стало известно в Кронштадте, эсеры 19 июля подняли матросов и солдат на восстание, хотя оно не было еще подготовлено. Наиболее организованно выступили минеры и саперы, захватившие форт «Константин» и некоторые другие укрепления, но под натиском превосходящих сил царских войск повстанцы вынуждены были поднять белый флаг.

После подавления восстаний на Балтийском флоте царское правительство стало на путь открытого террора против революционного движения, учредив военно-полевые суды. Эта мера вызвала полное одобрение со стороны крупной буржуазии. Лидер «Союза 17 октября» А. И. Гучков заявил, что не правительство, а революция является помехой «обновления родины», и на этом основании оправдывал введение военно-полевых судов.

II ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА (20 ФЕВРАЛЯ—3 ИЮНЯ 1907 г.). В условиях, когда волна революции еще не спала и возможен был новый ее подъем, царизм вынужден был пойти на новые выборы. Большевики отказались от бойкота выборов во II Думу, ибо опыт I Думы показал, что борьба с конституционными иллюзиями, а следовательно, и упрочение боевого союза рабочих и крестьян возможны и необходимы также внутри Думы. На выборах большевики успешно применили «левоблокистскую» тактику, направленную против правящей реакции и попыток кадетов сговориться с ней. Кадеты, ссылаясь на изменение реального соотношения сил, доказывали, что только Дума со значительным большинством, стоящим на «конституционной» почве, т. е. на почве «Основных законов» 23 апреля 1906 г., может рассчитывать на длительное существование. Обвиняя левые партии в «революционном бланкизме», кадеты всячески превозносили «мирный парламентский путь». Вместе с тем они запугивали избирателей черносотенной опасностью, т. е. опасностью победы на выборах крайних реакционеров в случае разделения голосов между либералами и левыми.

Всего во II Думу было избрано 518 депутатов. По сравнению с первыми выборами кадеты потеряли 80 мест, отвоеванных у них преимущественно левым блоком. Среди 53 «обязательных» депутатов, выбранных крестьянскими выборщиками, 70% оказалось левее кадетов. Народнические партии получили 157 мандатов (трудовики — 104, эсеры — 37 и народные социалисты — 16). Социал-демократов было избрано 65. Всего левые партии завоевали 222 мандата, или 43% ко всему числу членов Думы. Черносотенцы и октябристы получили 54 места (10%).

Открытие Думы состоялось 20 февраля 1907 г. Председателем ее был избран кадет Ф. А. Головин.

Стремясь к сделке с царизмом, кадеты решили воздержаться от инициативы и вести

законодательную работу путем использования правительственных проектов, начав с рассмотрения менее принципиальных — о реформах местного самоуправления и суда. Но Столыпин заявил о своем желании выступить с правительственной декларацией; дебаты об общей политике правительства стали неизбежными.

В декларации Совета министров, оглашенной Столыпиным в Думе 6 марта, говорилось, что правительство внесет на рассмотрение законодательных учреждений проекты о неприкосновенности личности и свободе вероисповедания, об упразднении земских начальников и волостного суда, о бессословной самоуправляющейся волости, о ненаказуемости экономических стачек, о государственном страховании рабочих и т. д. Либеральная декларация Столыпина означала вступление царизма на путь бонапартизма, т. е. лавирования и заигрывания с различными классами. Эти обещания должны были также успокоить и иностранных кредиторов России, опасавшихся, что торжество крайней реакции может привести к обострению революционного кризиса в стране.

Кадеты заранее уговорили народнические фракции во имя сохранения Думы встретить декларацию Столыпина молчанием. Они не поддержали и вотума недоверия правительству, внесенного социал-демократической фракцией.

При обсуждении в Думе острых и крупных вопросов трудовики колебались, на их решениях либо сказывалось влияние более левых фракций, либо эти решения получали кадетский отпечаток. Это объяснялось прежде всего классовым положением крестьянства, нередко колебавшегося в сторону либеральной буржуазии. Известную роль сыграла и оппортунистическая линия меньшевистского большинства социал-демократической фракции, которая отказывалась от революционных лозунгов ради сохранения единства с кадетами. Об этом свидетельствовали отсутствие в социал-демократической декларации, прочитанной в Думе И. Г. Церетели, основных классовых требований пролетариата, защита меньшевиками с думской трибуны лозунга муниципализации, попытка избежать полемики с кадетами по аграрному вопросу и т. п.

Оппортунистическая тактика соглашения с кадетами, которую проводила социал-демократическая фракция II Думы, встречала решительное осуждение подавляющего большинства партийных организаций. Большевики развернули кампанию за немедленный созыв съезда.

V СЪЕЗД РСДРП. 30 апреля 1907 г. в Лондоне открылся V съезд РСДРП. Среди делегатов с решающим голосом было 89 большевиков, 88 меньшевиков, 45 представителей социал-демократии Польши и Литвы, 26 человек представляли социал-демократию Латышского края и 55 — Бунд. Меньшевиков поддерживали бундовцы. Поляки и латыши по всем принципиальным вопросам шли с большевиками.

Главное место в работе съезда занял вопрос об отношении к буржуазным партиям. Меньшевики, ссылаясь на необходимость противопоставить усилившейся реакции объединенный фронт «оппозиционно-революционных сил», отстаивали тактику соглашения с кадетами. В. И. Ленин в докладе об отношении к буржуазным партиям разоблачил меньшевистскую теорию о «ведущей» роли либеральной буржуазии в революции. «Победа современной революции в России возможна только как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [1], — говорил он. Из этой оценки характера и движущих сил революции вытекало и отношение социал-демократии к различным непролетарским партиям.

В принятой съездом большевистской резолюции указывалось, что с черносотенными и крупнобуржуазными партиями социал-демократия должна вести самую непримиримую и беспощадную борьбу. В интересах политического воспитания народа социал-демократия должна разоблачать распространяемые либералами конституционные иллюзии и бороться против гегемонии кадетов над демократической мелкой буржуазией.

С народническими партиями резолюция съезда допускала временные соглашения в целях общего натиска против царизма, требуя разоблачения их псевдосоциалистической доктрины и их стремления затушевать различие между пролетариями и мелкими хозяйчиками.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 332.

4. ПОРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГГ.

РОСПУСК II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. Перед окончанием аграрных прений Столыпин произнес программную речь. Он обрушился на требование национализации земли, выдвинутое левыми партиями, и заявил, что правительство не позволит «обездолить» помещиков. Это заявление вызвало возмущение крестьянских депутатов и способствовало консолидации трудовой группы. Трудовики окончательно убедились, что «сберечь Думу» — это значит убить ее в глазах народа, ибо она может быть сохранена лишь ценой измены народным требованиям.

На заседании соединенной аграрной комиссии трудовой группы, народных социалистов, эсеров и социал-демократов было постановлено в виде вызова правительству внести в Думу формулу с требованием принудительного отчуждения частновладельческих земель и немедленной отмены столыпинских аграрных законов (указа 9 ноября 1906 г.), проведенных по статье 87 в период первого междудумья. Кадетам удалось не допустить голосования в Думе этой формулы, но думская аграрная комиссия 24 мая высказалась за необходимость обязательного отчуждения помещичьих земель для расширения землепользования крестьян. После этого правые группировки и реакционная правящая клика поняли, что «народные желания» идут гораздо дальше программы кадетов, что расчеты на посредничество кадетского центра не оправдались и поэтому соглашение с кадетами бесполезно.

Как подчеркивал В. И. Ленин, объективные противоречия русской революции «*оказались* настолько глубоки, что кадетского мостика через пропасть перебросить оказалось невозможно»[1]. Это предрешило судьбу Думы. В качестве предлога и оправдания роспуска Думы правительство использовало сфабрикованную охранкой фальшивку об «умысле» социал-демократических депутатов «ниспровергнуть существующий государственный строй». 1 июня Столыпин потребовал отстранения от участия в заседаниях Думы 55 социал-демократических депутатов и немедленного лишения 16 из них депутатской неприкосновенности. Не дожидаясь ответа на этот ультиматум, Николай II 3 июня 1907 г. распустил II Думу и в нарушение «Основных законов» своей властью изменил положение о выборах.

Анализируя деятельность Думы, В. И. Ленин пришел к заключению, что в обеих первых Думах «*все время* либералы тормозили борьбу крестьян, предавали их, и *только рабочие депутаты* направляли и поддерживали крестьян *против либералов*. Борьба либералов с крестьянами и социал-демократами наполняет собой всю историю I и II Думы»[1]. Ленин констатировал провал попыток кадетов быть лидером крестьянства. «Либерализм после опыта двух Дум, — писал он, — потерпел полное фиаско: ему *не удалось* «приручить мужика»[2].

ХАРАКТЕР, ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГГ. Революция 1905—1907 гг. была первой народной революцией эпохи империализма. Перед ней стояли задачи свержения самодержавия, уничтожения помещичьего землевладения и национального гнета. Будучи по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, первая русская революция была пролетарской по средствам борьбы ввиду совершенно исключительной роли в ней массовой стачки, что имело первостепенное значение для вовлечения в революционную борьбу крестьянства и подготовки всенародного вооруженного восстания против царизма. В отличие от ранних буржуазных революций гегемоном русской революции был пролетариат, а союзником его стало крестьянство, кровно заинтересованное в ликвидации пережитков крепостничества в деревне. Напротив, российская буржуазия, связанная тесными экономическими нитями с поместным землевладением, боясь решительной победы народа над царизмом, ограничивалась требованием политических уступок без каких-либо изменений основ экономического строя.

В результате в России сложилась новая расстановка борющихся сил, которую В. И. Ленин определил следующим образом: «Победа буржуазной революции у нас невозможна, *как победа буржуазии*. Это кажется парадоксальным, но это факт. Пре-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 60.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 362.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 10.

обладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата, — все эти обстоятельства придают *нашей* буржуазной революции *особый* характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции... Эта особенность обусловливает лишь контрреволюционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы *в такой* революции»[1].

Основная причина поражения первой русской революции заключалась в том, что не удалось слить в единый поток движение рабочих, крестьян и солдат. Союз пролетариата с крестьянством еще не был прочным и оформленным. Рабочий класс выступал как ведущая сила революции. Однако рабочие боролись не всегда достаточно дружно и наступательно, не вполне сознавали необходимость беспощадной вооруженной борьбы. Многие рабочие вступили в революционную борьбу только в самом конце 1905 г., когда авангард рабочего класса был уже обескровлен.

В Польше, Литве, Белоруссии и других национальных районах рабочие еще находились под известным влиянием буржуазных националистов, стремившихся отвлечь трудящихся от классовой борьбы и разжечь национальную рознь. Это осложняло объединение рабочих различных национальностей.

Крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, стихийно. Правда, в период революции 1905—1907 гг. они разгромили и сожгли более 2000 помещичьих усадеб, но стереть с лица России «позор феодального крупного землевладения» они не смогли. По выражению Ленина, крестьяне в 1905—1907 гг. «только лишь попугали царя и помещиков». У массы крестьян еще не было ясного представления о том, что избавления от гнета дворян-помещиков можно добиться путем свержения царизма, завоевания власти в союзе и под руководством рабочего класса. Поднимаясь на борьбу против помещиков, крестьяне еще не сознавали тесной связи между дворянским землевладением и царским строем и нередко оказывались в плену монархических и конституционных иллюзий.

Несознательность крестьян отразилась на поведении армии, по своему составу преимущественно крестьянской. В отдельных воинских частях были волнения и даже восстания, но они возникали обычно на экономической почве, были разрознены и стихийны. В целом армия оставалась опорой царизма в борьбе против революции.

Серьезно мешало упрочению союза рабочего класса с крестьянством отсутствие единства в рядах РСДРП. Партия была разделена на две части: большевиков и меньшевиков. И если первые вели последовательно революционную линию, то вторые своей соглашательской тактикой тормозили развитие революции, раскалывали рабочий класс, мешали вовлечению крестьянства в революционную борьбу, ослабляли гегемонию пролетариата в революции.

В подавлении революции царизму помогли иностранные империалисты, опасавшиеся влияния революции на трудящиеся массы Западной Европы и утраты своих капиталов в России. В 1906 г. французская биржа предоставила царскому правительству заем, который спас его от финансового банкротства и помог собраться с силами для удушения революции. Наконец, заключение мира с Японией развязало руки царизму для борьбы с «внутренним врагом».

Несмотря на поражение, первая русская революция по разнообразию форм борьбы, по широте размаха революционных выступлений, по огромной роли рабочего класса, который под руководством большевистской партии сумел поднять массы на всеобщую политическую стачку и вооруженное восстание, не знала себе равных. Революция подтвердила, что роль рабочего класса в общественном движении неизмеримо больше, чем его доля в общей массе населения. Высокой политической сознательностью и организованностью, инициативой и боевыми действиями пролетариат в ходе революции оказывал всевозрастающее влияние на крестьян, усиливая их натиск на помещиков. Несмотря на разрозненность своих действий, крестьяне показали, что они способны бороться под руководством рабочего класса, быть его союзником. Союз пролетариата и крестьянства, правда лишенный центрального руководства, «характеризовал весь первый период русской революции, все крупные события 1905—1907 годов»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 44.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 342.

В революционных боях 1905 г. рабочий класс России создал новую форму политической надстройки — Советы. Революция показала, что партия большевиков является единственной революционной, пролетарской партией, неразрывно связанной с массами, беззаветно преданной делу пролетариата, до конца последовательной в борьбе со всякими врагами революции.

Первая русская революция вооружила массы огромным политическим и организационным опытом, облегчившим их дальнейшую борьбу за свое освобождение. «Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году, — подчеркивал Ленин, — революция в 1917 как буржуазная, февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны» [1].

Первая русская революция явилась определяющей вехой в развитии всего мирового революционного процесса. Она не только потрясла до основания устои царского строя в России, но и усилила боевой дух рабочих Западной Европы и Америки, вооружила их новыми методами борьбы против угнетателей, пробудила к борьбе за свое освобождение народы ряда стран Востока, обогатила марксистскую революционную теорию. Центр мирового революционного движения переместился в Россию, где героический рабочий класс под руководством партии большевиков стал авангардом этого движения.

ГЛАВА 22
ТРЕТЬЕИЮНЬСКАЯ МОНАРХИЯ (1907—1914 ГГ.)

1. ТРЕТЬЕИЮНЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

НОВЫЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН. 3 июня 1907 г. был опубликован манифест о роспуске II Думы и изменении положения о выборах в нее. Новый избирательный закон явился государственным переворотом, так как он нарушал манифест 17 октября 1905 г. и «Основные законы», согласно которым никакой новый закон не мог появиться без одобрения законодательных учреждений. Новое положение о выборах устанавливало, что в губернских избирательных собраниях сперва производятся выборы обязательных депутатов: в 53 губерниях — по одному депутату от крестьян, в 49 — по одному депутату от землевладельцев, в 25 — по одному депутату от первого или второго разряда городских избирателей, в 26 — по одному депутату от первого и второго разрядов городских избирателей, в 3 — по одному депутату от казачьих станиц и в 6 — по одному депутату от рабочих. Далее губернское собрание избирало остальное положенное для губернии число депутатов.

Новое положение о выборах в общем сохранило прежнее число избирателей, но резко изменило соотношение выборщиков между куриями в пользу помещиков и крупной буржуазии. Эти классы, составлявшие менее 1% населения страны, избирали теперь $^2/_3$ всех выборщиков. Одна только землевладельческая курия получила более половины (51%) общего числа выборщиков Европейской России. Один выборщик приходился на 230 душ населения землевладельческой курии, на 1000 — первой городской курии, 15 000 — второй городской курии, 60 000 — крестьянской курии и 125 000 — рабочей курии, т. е. один голос помещика приравнивался к 4 голосам крупной буржуазии, к 68 голосам городской мелкой буржуазии, к 260 голосам крестьян и 543 голосам рабочих. По новому закону городская курия, ранее единая, была разделена на два разряда. Теперь, согласно манифесту, исходившему из того, что Государственная дума должна быть русской и по духу, новый избирательный закон значительно сократил представительство от национальных окраин. Вовсе были лишены представительства Семиреченская, Закаспийская, Самаркандская, Сырдарьинская, Ферганская, Акмолинская, Семипалатинская, Уральская, Тургайская и Якутская области под предлогом, что их население «не достигло еще достаточного развития гражданственности». Число членов Думы, избираемых поляками в 10 губерниях Привислинского края, было сокращено втрое (12 депутатов вместо 36). Кавказ вместо 29 мог избирать лишь 10 депутатов. Общее число депутатов в Государственной думе уменьшилось с 524 до 442.

РАССТАНОВКА КЛАССОВЫХ СИЛ. БОНАПАРТИЗМ. Третьеиюньская система была последней попыткой спасти монархию посредством оформления союза помещиков с

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 306.

верхами буржуазии, основанного на дележе экономических и политических привилегий между ними. Либеральная буржуазия в 1905 г. смертельно испугалась народного движения, пошла на блок с реакционерами и стала поддерживать царизм, который и попытался удержать власть путем минимальных шагов по пути превращения его в буржуазную монархию.

Третьеиюньский режим был вместе с тем и сдвигом в сторону бонапартизма, к которому господствующие классы прибегали в те моменты, когда нарушалось соответствие надстройки экономическому базису, а силы революции оказывались еще недостаточными, чтобы уничтожить существующий строй. Политика бонапартизма стала неизбежной для царизма после революции 1905—1907 гг., в условиях обострения противоречий между растущим капитализмом и полуфеодальным землевладением, в обстановке резкого размежевания классов и роста политической активности масс. Феодальная по своему происхождению и социальной основе, романовская монархия вынуждена была, по определению В. И. Ленина, «эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке» [1]. Царизм лавировал между черносотенным дворянством и либеральной буржуазией. «Избирательный закон 3 июня 1907 года, — писал по этому поводу Ленин — «строил» государственную систему управления — да и не одного только управления — на блоке крепостников-помещиков с верхушками буржуазии, причем первый социальный элемент сохранял в этом блоке гигантский перевес, и над *обоими* элементами стояла фактически неурезанная старая власть» [2].

В III Думу было избрано 144 черносотенца, 148 октябристов, 28 прогрессистов, 54 кадета, 26 буржуазных националистов, 14 трудовиков и 19 социал-демократов.

Черносотенцы различных оттенков составляли правое крыло Думы. Их программа — сохранение помещичьего хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского режима [3]. В Думе черносотенцы разделились на три фракции: правых (49 депутатов), умеренно правых (69 депутатов) и националистов (26 депутатов). Две последние фракции по инициативе Столыпина объединились в 1910 г. в Русскую национальную фракцию. Националисты вели ту же политику защиты привилегий дворянства, травли «инородцев», что и крайне правые типа В. М. Пуришкевича или Н. Е. Маркова 2-го (лидеров «Союза русского народа»), но более завуалированно.

С черносотенцами блокировались октябристы, представлявшие интересы крупной буржуазии и обуржуазившихся помещиков. В. И. Ленин писал про октябристов: «...кроме помещика эта партия обслуживает еще крупного капиталиста, старозаветного купца, буржуазию, которая так перепугалась пробуждения рабочих, а за ними и крестьян, к самостоятельной жизни, что целиком повернула к защите старых порядков» [1]. Позиция октябристов в III Думе отличалась раболепием по отношению к правительству, за ними прочно утвердилась кличка «партия последнего правительственного распоряжения».

Кадеты — главная партия либеральной буржуазии — изображали себя не только оппозицией, но и представителями демократии. В действительности кадеты боялись народного движения больше, чем реакции. Кадетский «демократизм» был мишурой, рассчитанной на обман народа. Контрреволюционность кадетов проявлялась уже в ходе первой русской революции и особенно после ее поражения. Во время поездки летом 1909 г. парламентской делегации в Англию лидер кадетов П. Н. Милюков пытался скрыть от западной общественности пропасть, отделявшую царизм от народа, и поддержать фикцию конституционного строя в России. В одной из своих речей он говорил: «Пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству».

Демократический лагерь был представлен в Думе малочисленными фракциями трудовиков и социал-демократов. Трудовики объявляли себя «надклассовой» партией, считая, что одна партия «вполне могла бы обслуживать интересы трех трудовых классов: рабочих, крестьян и интеллигенции». Их програм-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 273—274.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 320.
[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 140.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 280—281.

ма требовала принудительного отчуждения в общенародный фонд помещичьих земель без выкупа или с незначительным вознаграждением, с установлением уравнительного землепользования в пределах трудовой нормы. По мнению трудовиков, такое распределение земли уничтожит имущественное неравенство и эксплуатацию в деревне. При всей непоследовательности своей программы трудовики тем не менее выражали интересы широких масс крестьянства. В. И. Ленин выдвигал перед депутатами-социал-демократами задачу «помочь слабым мелкобуржуазным демократам, вырвать их из-под влияния либералов, сплотить лагерь демократии против контрреволюционных кадетов, а не только против правых...» [1].

В социал-демократической фракции было четверо большевиков. Все они прошли в Думу по рабочей курии: от Петербургской губернии — Н. Г. Полетаев, от Московской — М. В. Захаров, от Владимирской — С. А. Воронин, от Костромской — П. И. Сурков. Депутаты-большевики вместе с примыкавшими к ним И. П. Покровским, А. А. Войлошниковым и латышским социал-демократом А. Я. Предкальном использовали думскую трибуну для обращения к массам, разоблачения антинародной политики правительства и черносотенно-кадетской Думы, для сплочения рабочих и крестьян под революционными лозунгами. Большевики использовали думское представительство рабочего класса также в интересах сохранения и укрепления партии. Депутат петербургских рабочих Полетаев принимал непосредственное участие в создании легальных большевистских газет «Звезда» и «Правда». Напротив, меньшевистские депутаты — Н. С. Чхеидзе, Е. П. Гегечкори и другие, составляя большинство социал-демократической фракции, пытались сеять конституционные иллюзии в народе, утверждая, что для полной демократизации России нет иного пути, кроме парламентского. Поэтому в работе фракции, особенно в первое время, было много ошибок, вызвавших справедливое недовольство партийных организаций и сознательных рабочих.

В III Думе создавались правооктябристское (правые и октябристы — 292 голоса) и октябристско-кадетское (октябристы и кадеты—256 голосов) большинство, где октябристы играли роль «маятника», примыкая то к правым, то к кадетам. Оба эти большинства стояли на контрреволюционной почве, и оба были нужны царизму. Первое большинство проводило законопроекты, рассчитанные на подавление демократического движения полицейскими мерами, а второе, октябристско-кадетское большинство, одобряло «либеральные» реформы, которые были предназначены для укрепления в массах иллюзии о возможности политического обновления страны мирными, парламентскими средствами.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУМЫ. III Дума заслужила прозвище «барской», «лакейской». Она встретила овацией декларацию Столыпина 15 ноября 1907 г., хотя в ней он объявил конституцию «чужестранным цветком» и много распространялся о привязанности русского народа к «исторической самодержавной власти». Дума отвергла даже мирнообновленческую формулу, призывавшую правительство стать на путь осуществления манифеста 17 октября 1905 г. Она безоговорочно поддерживала столыпинскую политику кровавого террора и провокаций. Отвечая на запрос в Думе, Столыпин назвал систему провокаций «освещением революции изнутри» и уверял, что благодаря провокатору Е. Ф. Азефу — платному агенту полиции — террористические акты боевой организации эсеров прекратились. В тон Столыпину А. И. Гучков заявил, что в борьбе с революцией нельзя обойтись «без шпионажа, без подкупленных и продажных предателей».

Социал-демократы и трудовики неоднократно вносили запросы о прекращении истязаний политических заключенных, арестов и избиений стачечников, преследования профессиональных обществ, о прекращении карательных экспедиций и казней. Правооктябристское большинство Думы отклоняло все эти запросы левых фракций, зато безотказно ассигновывало деньги на полицию и постройку новых тюрем.

Реакционность III Думы ярко проявилась также в области рабочего законодательства. В июне 1908 г. правительство, следуя своей политике бонапартистского заигрывания, внесло в Думу законопроекты об обеспечении рабочих на случай болезни, о страховании их от несчастных случаев, о страховых присутствиях и Главном страховом совете. Почти три года Дума держала под спудом эти проекты. На заседании думской комиссии по рабочему вопросу октябрист А. Д. Протопопов заявил, что проектируемое правитель-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 285.

ством право рабочего на безвозмездное лечение за счет предпринимателя «потребует совершенно непосильных для ... промышленности затрат и исключит тем самым для нее выступление на международном рынке». Вице-директору департамента полиции С. П. Белецкому пришлось выступить в комиссии в необычной роли «защитника» рабочих от непомерной алчности и узкокорыстной позиции промышленников. Он заявил, что правительственные проекты о государственном страховании «могли бы лишить социалистическую пропаганду почвы для успеха и внести некоторое успокоение в рабочие массы». Но доверенные капиталистических монополий, введенные в заблуждение видимостью столыпинского «успокоения», продолжали «мариновать» эти проекты в комиссии, считая что страхование развращает душу рабочего.

Полное одобрение со стороны III Думы встречала аграрная, национальная и финансовая политика царизма. В разжигании национальной розни Дума шла даже впереди правительства. Она была застрельщиком похода против автономии Финляндии, создания национальных курий в западном земстве и городском самоуправлении польских губерний. Дума поддерживала царизм в его преследовании демократической культуры народов России, в политике русификации и грабежа земель у населения окраин с целью колонизации этих территорий русскими переселенцами. Дума послушно одобряла кабальные заграничные займы, предназначенные на подавление революции и новые вооружения, и государственный бюджет, строившийся на повышении косвенных налогов, в первую очередь налога на водку.

2. СТОЛЫПИНСКАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

АГРАРНЫЙ БОНАПАРТИЗМ. До 1905 г. правящие круги России проводили охранительно-попечительную, или цезаристскую, политику, выдавая самодержавие — диктатуру помещиков-крепостников — за «народного печальника», ревнителя интересов крестьянства. По определению В. И. Ленина, «самодержавие ... пыталось опереться на экономическую неподвижность России, на глубокий политический сон масс крестьянского населения». Для этого оно старалось «представить себя в глазах народных масс стоящим «над классами», охраняющим интересы широкой массы крестьян, оберегающим их от обезземеления и разорения» [1]. Основой такой политики являлась сословная обособленность крестьянства, неприкосновенность общинного строя и неотчуждаемость надельных земель.

Цезаристская политика стала невозможной после пробуждения масс в революции 1905—1907 гг., которая с исключительной остротой вскрыла непримиримость интересов крестьян и помещиков. Царское правительство вынуждено было сделать ставку, по выражению Столыпина, «не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных», о которых разбились бы волны будущей революции. Курс на создание «крепкого единоличного собственника» царское правительство проводило в конечном счете ради сохранения власти и доходов в руках российского дворянства, хотя интересы его и кулачества в некоторых случаях, например в вопросе о продажных ценах на землю, расходились. Отсюда лавирование царизма между помещиками и деревенскими богатеями. Такую перемену в политике царизма В. И. Ленин назвал аграрным бонапартизмом. Последний «...не мог бы даже родиться, а не то что продержаться вот уже два года, если бы сама община в России не развивалась капиталистически», если бы внутри ее не усиливались бы буржуазные элементы, с которыми царизм мог бы заигрывать, которым он мог бы сказать: «обогащайтесь!», «грабь общину, но поддержи меня!» [2].

Не затрагивая основ помещичьего землевладения, царское правительство отдало крестьянские общинные земли на разграбление кулакам. От прежней политики сохранения патриархального строя деревни оно перешло к насильственному разрушению общины и насаждению личной собственности на землю; прежнюю политику всяческих стеснений и прямого запрещения переселений сменило их форсирование. Активизировалась также деятельность Крестьянского поземельного банка, имевшая своей целью поддержку зажиточных хозяйств.

УКАЗ 9 НОЯБРЯ 1906 г. Столыпинская аграрная реформа, буржуазная реформа крестьянского надельного землевладения, ознаменовала поворот аграрно-политического

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 260.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 274.

курса самодержавия (названа по имени П. А. Столыпина — инициатора реформы). В основе нового аграрного законодательства лежал указ 9 ноября 1906 г., устанавливавший, что каждый домохозяин, владеющий землей на общинном праве, может требовать укрепления в его личную собственность причитающейся ему части надельной земли. Для поощрения выдела из общины, как бы в виде премии для выходящих из нее, указ предоставлял домохозяевам, имевшим больше нормы душевого надела, право укрепить за собой эти излишки по выкупной цене 1861 г., т. е. в 10—12 раз ниже рыночной, да и эта плата взималась лишь там, где за последние 24 года имели место переделы надельной земли. В остальных общинах излишки укреплялись безвозмездно. Для выдела из общины необходимо было согласие сельского схода. Если в течение 30 дней сход не давал согласия, выдел производился распоряжением земского начальника. «Укрепленец» имел право требовать, чтобы общество выделило ему вместо разрозненных полос равноценный участок к одному месту (отруб).

Проведение указа возлагалось на специальные губернские и уездные землеустроительные комиссии из чиновников, земских гласных, т. е., по сути дела, помещиков и из незначительного числа крестьян под председательством губернаторов и уездных предводителей дворянства.

РАССМОТРЕНИЕ АГРАРНОГО ЗАКОНОПРОЕКТА В ДУМЕ. Указ 9 ноября поступил на рассмотрение III Думы, где встретил полное одобрение правых и октябристов. Националист граф В. А. Бобринский восхвалял столыпинское землеустройство как освобождение крестьян от «гнета общины», которую он назвал в одном случае «крепостным правом», а в другом — «формой социализма». Октябрист В. М. Петрово-Соловово в ответ на упреки слева в том, что ликвидация общины приведет к обезземелению крестьянской массы, цинично заявил: «Слабые, не способные пробиться к жизни, всегда гибнут, как вы их не поддерживайте». Идею землеустроительной реформы разделяла и либеральная оппозиция — прогрессисты и кадеты. С образованием «нового типа экономически независимого крестьянина-собственника они связывали свои надежды на создание «недостающего теперь социального базиса русского либерализма». Прогрессист князь Е. Н. Трубецкой с энтузиазмом приветствовал «новых союзников из хозяйственных мужичков», в лице которых он видел оплот против социалистической пропаганды.

Разделяя идею столыпинской реформы, прогрессисты и кадеты предостерегали от излишней спешки и прямолинейности при ее проведении. Они высказывались за предоставление обществу права удовлетворять желающего выделиться деньгами, если выдел участка в натуре окажется неудобным. Кадеты считали также, что укрепление земли в собственность нужно проводить после выдела ее к одному месту. Они были против предоставления земским начальникам права решать своей властью споры, возникавшие при укреплении отдельными хозяевами в личную собственность общинной земли. Возражения либералов были продиктованы не сочувствием к интересам широких крестьянских масс, а боязнью, что крестьянство ответит на указ 9 ноября революцией.

По-иному относились к указу 9 ноября крестьянские депутаты без различия партийной принадлежности. Так, депутат Федоров на заседании земельной комиссии Думы 30 января 1908 г. говорил: «Пусть не думает правительство, что от этого страна усмирится и успокоится. Если мне придется одна десятина земли, все равно я буду кричать: дайте мне земли, мне есть нечего, я существовать не могу. Голодный мужик не побоится даже нынешних столыпинских качелей» (т. е. виселиц). Отвергая указ, крестьянские депутаты в то же время вовсе не отстаивали общину во что бы то ни стало: они высказывались против насильственного ее разрушения. При этом они разоблачали демагогию помещичье-буржуазных партий, уверявших, что единственный путь к подъему сельскохозяйственной культуры лежит через освобождение крестьян от «ига общины». Крестьяне указывали, что завести «культурное» хозяйство им мешала не община, а малоземелье, тяжесть выкупных платежей, полицейский произвол и сословное бесправие.

После одобрения Думой законопроект поступил в Государственный совет, где его встретила оппозиция справа. Некоторые консерваторы остались верны завету К. П. Победоносцева, считавшего, что только «одна общинная связь охранит крестьянское население от обезземеления», а Россию — «от грозящей опасности», т. е. от революции. Реакционеры счита-

ли указ 9 ноября «зловреднейшим», ибо он обезземеливает значительную часть крестьянства, а это не доведет до добра. Они ратовали за сохранение собственности общины на землю, не имея ничего против свободы выхода из общины, но без земли. При этом они ссылались на то, что сами крестьяне признают право частной собственности по отношению к усадьбе, к движимости, но не к земле, которая, по их понятию, «божья, ничья».

Оппозиция в Государственном совете оказалась малочисленной и несплоченной. Докладчик земельной комиссии заявил, что насаждение личной земельной собственности «должно воспитать в русском крестьянстве то, чего ему недоставало до сих пор, — уважение к чужой собственности». Другие ораторы утверждали, что «кулаки и мироеды — это люди стойкие, трудолюбивые и пусть к ним переходит земля «от крестьян слабых». Государственный совет принял одобренный Думой законопроект с поправкой, согласно которой личными собственниками признавались все домохозяева общины, где переделов не производилось со времени наделения землей, а не в течение последних 24 лет, как предлагала Дума.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ. Указ 9 ноября 1906 г. с некоторыми изменениями был одобрен Думой и Государственным советом, утвержден царем и стал законом 14 июня 1910 г. 29 мая 1911 г. был издан закон о землеустройстве, который должен был еще более форсировать ломку общины. По этому закону землеустройство могло проводиться независимо от того, укреплена или нет надельная земля в собственность: селение, в котором было проведено землеустройство, автоматически объявлялось перешедшим к наследственному участковому владению. Вместе с тем расширялись права и функции землеустроительных комиссий по созданию отрубов и хуторов (обособленная крестьянская усадьба на земельном участке индивидуального владения).

Новое землеустройство, ломая средневековую форму общинного землевладения и форсируя капиталистическую мобилизацию земли, создавало более благоприятные условия для роста производительных сил в деревне. Но развитие капитализма в сельском хозяйстве тормозилось сохранением землевладения и политического господства дворян-помещиков.

Общее количество общинников, перешедших к личному владению землей, достигло на 1 января 1916 г. 2479 тыс. хозяйств с 16 919 десятин, или 26% всех общинников в губерниях, охваченных действием новых законов. Наибольшее количество выделов, 53%, падало на 1908—1909 годы. В последующие годы количество укреплений резко снизилось. Это объяснялось тем, что хозяева, наиболее заинтересованные в выходе из общины, воспользовались указом 9 ноября в первые же годы его реализации. Вместе с тем снижение количества укреплений было связано с растущим сопротивлением крестьян столыпинскому «землерасстройству».

Община разрушалась с двух сторон, среди выделившихся преобладали крайние группы. Зажиточные спешили выйти из общины, чтобы увеличить свои владения путем скупки наделов бедноты и завести улучшенное хозяйство. Малоземельные выделялись из общины, чтобы развязаться с наделом и ликвидировать жалкие остатки своего хозяйства: почти половина хозяев, укрепивших свою землю по указу 9 ноября, продали ее после выхода из общины. Число продавцов превышало число покупателей. Это означало, что происходила концентрация земли в руках сельской буржуазии. Новая аграрная политика царизма ускорила процесс расслоения крестьянства.

К 1 января 1917 г. хозяйства, устроенные на началах участкового землепользования, составили 10,5% всех крестьянских хозяйств. Однако в подавляющем большинстве случаев выделы из общины не сопровождались переходом не только к хуторскому, но и к отрубному владению. Не только сами выделенные продолжали жить в деревне вместе с общинниками, но и участки их по-прежнему оставались в чересполосном владении с общинной землей. Значит, большинство «укрепленцев» продолжали пользоваться землей чересполосно с общинниками. Из материалов подворной переписи Самарского уезда, произведенной земством в 1911 г., видно, что хотя число «укрепленцев» достигло 32,1% всех наличных дворов, почти вся операция укрепления производилась только на бумаге. Из общего числа «укрепленцев» выделилось на отруба 6,5%, а настоящих хуторян оказалось 2,9%. Таким образом, более 90% хозяйств из числа укрепивших надельную землю не порвали окончательно своих связей с общиной. Их владения лежали разбросанными полосами вперемежку с полями крестьян,

оставшихся в общине, их скот пасся на общем выгоне, их избы стояли в общем «порядке» на деревенских улицах. В отношении сельскохозяйственной техники и экономики положение даже несколько ухудшилось, ибо община потеряла возможность регулировать чересполосицу.

Новое землеустройство имело двойственный, бонапартистский характер: царизм, создавая себе опору в лице «сильных и крепких» единоличников, неукоснительно оберегал и интересы помещиков. Этому балансированию между помещиками и буржуазной верхушкой села помогал Крестьянский поземельный банк. Пытаясь задержать сокращение дворянского землевладения и во всяком случае дать помещикам возможность выгодно продать свои владения, банк из года в год взвинчивал продажные цены на землю. Они поднялись со 105 руб. за десятину в 1907 г. до 136 руб. в 1914 г. Крестьяне жаловались: «Банк тяжел для мужиков, он любит дворян», «банк — петля» и т. п.

Деятельность Крестьянского банка ускорила образование буржуазной собственности за счет сужения помещичьего землевладения. Всего за 1906—1916 гг. банк приобрел у помещиков для продажи крестьянам 4614 тыс. десятин земли, за которую продавцам было уплачено около 500 млн. руб. Банк всячески поощрял создание хуторских и отрубных хозяйств. Если от сельских обществ и товариществ при выдаче ссуд требовалась значительная приплата наличными, то с отрубников брали лишь 5%, а хуторянам ссуды выдавались в размере полной стоимости земли. Таким образом, Крестьянский банк являлся важным звеном аграрной политики царизма, направленной к буржуазной перестройке деревни, при непременном соблюдении интересов «первенствующего» сословия.

С образованием многочисленного слоя богатых хуторян царское правительство связывало свои надежды на сохранение помещичьей власти в стране. Однако «преуспевающие» столыпинские хуторяне тонули в массе нищих хуторян. На хутор бедному крестьянину было легко выйти, но удержаться там было трудно. Выделяясь из общины, малоземельный хуторянин терял право на общественное пастбище, а для собственного у него не хватало земли, скот пасти было негде. На хуторе крестьяне испытывали большие трудности из-за отдаленности базара, школы, врачебного пункта, из-за бездорожья и безводья. Банк с неумолимой строгостью взыскивал с должников платежи и проценты. Каждый пятый из купивших у банка землю разорялся и терял свой участок.

Новое землеустройство ускоряло развитие капиталистических отношений в деревне. Об этом свидетельствует дальнейшая специализация земледелия и рост его интенсификации — увеличились ввоз и внутреннее производство сельскохозяйственных машин и орудий, выросла урожайность. Но реформа не обеспечила буржуазную перестройку деревни, так как сохранила экономическую основу крепостнических пережитков — помещичье землевладение. Правда, за период 1906—1916 гг. дворяне продали 10 млн. десятин земли, которая перешла в основном к богатым крестьянам. Но у дворян осталось еще 44 млн. десятин земли, и притом лучшей. Значительная часть помещичьих земель располагалась чересполосно с крестьянскими и служила орудием полукрепостнической эксплуатации крестьян путем отработок.

Сохранение помещичьего землевладения приводило к консервации отработочных, кабальных форм аренды, тормозило превращение крестьянина в свободного товаропроизводителя. Более трети крестьянских хозяйств Европейской России арендовали вненадельную землю по вздутым ценам, преобладала продовольственная аренда из нужды. Капиталистическая кредитная кооперация[1] охватывала не более $^{1}/_{10}$ населения. Кулаки часть своей земли сдавали беднякам на условиях высокой арендной платы или за отработки.

Столыпинская реформа создавала не свободного сельскохозяйственного рабочего, а сельского паупера, батрака с наделом. Капиталистический прогресс коснулся лишь верхнего слоя деревни и не затронул массы крестьянских хозяйств. Огромное большинство полей по-прежнему обрабатывалось деревянными сохой и бороной, посев и обмолот производились вручную. Минеральные удобрения к началу мировой войны применялись на 2% посевных площадей. Урожайность хлебов в России была гораздо ниже, чем в развитых капиталистических странах.

В начале XX столетия усилилось экономическое расслоение крестьянства. Это особенно проявилось в годы проведения столыпинской реформы. Кулацкие хозяйства в ито-

[1] Кооперация по сбыту сельскохозяйственной продукции и по взаимному кредитованию.

ге ее проведения составили 10,5% всех крестьянских дворов. Они сосредоточили в своих руках 35,7% надельных земель. Кулацкие хозяйства в 3—4 раза больше, чем середняцкие, использовали машины. Вместе с ростом кулацких хозяйств на другом полюсе увеличивался и класс сельских пролетариев. По подсчетам В. И. Ленина, в конце XIX в. в России насчитывалось 3,5 млн. сельских рабочих. Перед началом первой мировой войны их было 4,5 млн. человек, а если считать вместе с семьями, то количество рабочих на селе составило 9 млн. человек. Сельская беднота (полупролетариат) в это время насчитывала примерно 42 млн. человек.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА. Одним из важных компонентов новой аграрной политики царизма было массовое переселение крестьян за Урал. Форсируя переселения, правительство хотело ослабить земельный голод во внутренних губерниях, а главное — отправить миллионы обездоленных, безземельных, голодающих и бунтующих крестьян в Сибирь, подальше от помещичьих имений. Перефразируя известную поговорку, помещики злорадствовали: «Дальше едешь, тише будешь».

В первые годы после революции переселение за Урал развивалось быстрыми темпами: за четыре года (1906—1909) число переселенцев составило 1910 тыс. С 1909 г. переселение замедлилось: за семь лет (1910—1916) за Урал переселилось 1224 тыс. человек. Переселенческое ведомство совершенно не подготовилось к перевозке и устройству на новых местах огромной массы людей. Переселенцев отправляли в переполненных товарных вагонах, тысячи их гибли в пути от голода и эпидемий.

В устройстве новоселов царили беззаконие и произвол, лихоимство чиновников. Даже П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин (главноуправляющий землеустройством и земледелием, также руководил проведением реформы) в своей записке о поездке в Сибирь в 1910 г. признали, что 700 тыс. переселенцев не получили участков и арендовали землю у местных богатеев или работали в качестве батраков. Таким образом, в Сибири крестьянина-бедняка ждали те же кабала и разорение с той лишь разницей, что место барина занял старожил-кулак. В результате переселений за Уралом были созданы большие резервы дешевой рабочей силы для капиталистически развивающихся кулацких хозяйств.

Из 3 078 882 переселенцев 546 607 (или 17,7%) вернулись обратно. Многие переселенцы блуждали по Сибири, нередко погибая в степи или тайге.

Положение вернувшихся было крайне тяжелым: земля их была продана, деньги истрачены. Не имея ни земли, ни двора, вернувшиеся переселенцы шли в батраки, многие с сумой бродили по миру. Возвращение переселенцев еще более обостряло социальные антагонизмы в деревне.

Бесправные, забитые, бедные крестьяне при крайне низком уровне техники не в состоянии были освоить необъятные просторы Азиатской России.

ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН К РЕФОРМЕ. Главными средствами проведения реформы были административный нажим и неприкрытое насилие. На 1 сентября 1914 г. заявления об укреплении земли в личную собственность подали 2,7 млн. хозяев. Из них только 26,6% получили согласие сельских сходов, да и эти положительные приговоры часто вырывались у схода угрозами и грубым давлением земских начальников. В одном приговоре крестьян Киевской губернии говорилось: «Закон 9 ноября погубит крестьянское земледелие. Крестьяне это видят, чувствуют, заявляют начальству, но оно насильно принуждает подписывать согласительные приговоры, не желающих сажают за решетку и держат, пока не согласятся подписать. Отказавшихся сажают в тюрьму и этапом высылают из губернии... Слезы и горе в каждом селе. Скупят землю мужицкую кулаки деревенские и пришельцы разноплеменные; останется крестьянство безземельное и безработное, а это не доведет до добра».

Выходя из общины, крестьянин не переставал думать о барской земле и не скрывал замыслов об истреблении своих вековечных угнетателей. В одном частном письме из Курской губернии от 4 августа 1911 г. говорилось: «Начинается заметное брожение среди крестьян, которые открыто говорят: «Раньше только пожгли немножко господ, а теперь всех перережем». Помещики вооружаются с ног до головы».

В связи с пятидесятилетием отмены крепостного права и столетней годовщиной Отечественной войны 1812 г. среди крестьян во многих губерниях распространились слухи о предстоящем в 1912 г. всеобщем восстании с целью раздела земли помещиков. «Слухи

являются настолько упорными, — доносил в департамент полиции начальник Тамбовского губернского жандармского управления, — что некоторые крестьяне отказываются от укрепления земли в собственность из боязни, что тогда общество лишит их земли, которая достанется от помещиков». Своим главным врагом крестьяне, как и в 1905 г., считали помещика. За семь лет (1907—1914) из 1067 крестьянских выступлений 437, или 41%, были направлены против помещиков, тогда как против столыпинского «землерасстройства» — 262 (24%). Поджоги помещичьих усадеб приняли такие размеры, что газеты писали о «пожарной эпидемии».

Эсеры пытались представить сопротивление крестьян столыпинскому землеустройству как свидетельство «прочности общинного правосознания» в крестьянстве. В отличие от трудовиков, которые проявили равнодушие к общинному землевладению и даже высказались за разработку более справедливого, чем указ 9 ноября, закона о выделе из общины, эсеры взяли под защиту этот средневековый институт. Игнорируя факты, они расхваливали общину как «барьер» против концентрации земельной собственности, доказывали способность общины к совершенствованию сельскохозяйственной культуры. В действительности крестьяне боролись не за сохранение общины, а против полицейских методов ее ликвидации, ущемлявших интересы крестьянской массы в угоду горстке кулаков. Крестьяне выступали против указа 9 ноября как помещичьего разрешения аграрного вопроса, призванного спасти дворянские латифундии и политическое господство помещиков. В этом заключалась глубоко демократическая, прогрессивная сторона крестьянской борьбы против столыпинского «землерасстройства».

Крестьяне бойкотировали выборы в землеустроительные комиссии, отказывались покупать землю у Крестьянского банка и вносить платежи по выданным ссудам, принимали на сходах приговоры о несогласии на выдел отдельных хозяев, избивали вышедших на хутора богатеев, травили их посевы, портили воду в колодцах, поджигали их строения.

Крестьяне не допускали производства землемерных работ, прогоняли землемеров, уничтожали их инструменты и межевые знаки. Кровавые события разыгрались на этой почве в мае 1910 г. в селе Волотово Лебедянского уезда Тамбовской губернии. Здесь 24 богатых крестьянина захотели закрепить в личную собственность надельную землю и выйти на хутора. Землеустроители составили проект с таким расчетом, чтобы отрубники получили самую плодородную часть общинной земли. Землеустроительные работы производились на запаханных землях, причем были повреждены посевы общинников. Это и послужило толчком для выступления. 13 мая несколько сотен женщин и подростков прогнали вилами землемера с поля. В тот же день собравшиеся по набату крестьяне разбили окна в домах отрубников, нанесли им побои, грозили разгромить и сжечь их имущество. Прибывшему в село приставу крестьяне заявили: «Режьте нас, но отрубов у нас не будет». 15 мая в Волотово прибыл исправник с отрядом стражников. При попытке арестовать зачинщиков весь сход бросился на их выручку. Стражники открыли огонь. Шесть крестьян были убиты и десять ранены. 46 «подстрекателей» предали суду.

В течение 1910 г. имели место неоднократные поджоги вышедших на хутора. Выражение «отрубник» сделалось бранным. Выход из общины почти совсем прекратился. Некоторые отрубники заявили о своем желании вернуться в общину.

ИТОГИ РЕФОРМЫ. Аграрная реформа Столыпина, его азартная ставка на «сильных» не разрешила основных противоречий в деревне. Стремясь создать оплот для царизма в лице консервативного крестьянства, Столыпин не сумел, да и не мог, не трогая помещичьего землевладения, обеспечить для своей реформы экономических условий. Острое малоземелье заставляло бедноту попрежнему идти в кабалу к помещикам и кулакам, арендовать землю за отработки. Столыпинская реформа не создала устойчивых буржуазных отношений в сельском хозяйстве и не привела к образованию широкого рынка для промышленности. По собственному заявлению Столыпина, для успеха его земельной реформы нужны были «20 лет покоя». Под «покоем» он разумел покорность крестьян, непротивление их разграблению общинных земель мироедами.

Но «покоя» не только на 20 лет, но и на три года Столыпин не обеспечил. «У крестьян, — писал В. И. Ленин, — нет и быть не может иного выхода из того положения отчаянной нужды, нищеты, голодной смерти,

в которое их ставит правительство, как массовая борьба вместе с пролетариатом за свержение царской власти»[1]. Намереваясь расширить социальную базу царизма и предотвратить новую революцию, Столыпин своей аграрной политикой способствовал обострению политической обстановки и консолидации революционных сил в стране. В конечном счете столыпинская земельная реформа усилила классовые противоречия и тем самым углубила и расширила объективные предпосылки для укрепления союза рабочего класса с крестьянством, для сплочения того демократического блока, который сокрушил царский строй.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС. По мере того как яснее становился провал столыпинской политики «успокоения», правительство выдвинуло на первый план в своих действиях разжигание национальной розни, чтобы таким образом раздробить и ослабить натиск демократических сил народов России на монархию Романовых.

В марте 1911 г. Государственный совет отклонил законопроект о введении земства в шести западных губерниях. В отличие от «Положения» 1890 г. данный проект вместо сословных курий вводил курии национальные — русскую и польскую. По мнению правого большинства Государственного совета, проект давал значительное представительство крестьянам и мелким землевладельцам и мог привести к демократизации земства.

Правительству пришлось распустить законодательные палаты (Государственную думу и Государственный совет) на три дня, чтобы во время этих вынужденных парламентских каникул ввести в действие положение о западном земстве. Это привело к так называемому «конституционному кризису». Обе палаты признали акт правительства «незакономерным», а объяснение Столыпина — неудовлетворительным. Положение Столыпина в правящих кругах резко пошатнулось. Однако главной причиной этого был не конфликт в Думе, а то, что ему в вину ставилась непрочность и даже призрачность разрекламированного им «успокоения». Отставка Столыпина была предрешена, однако 1 сентября 1911 г. он был смертельно ранен в Киеве Д. Г. Богровым, бывшим анархистом, ставшим членом охранки, который в страхе перед возмездием решился на убийство «обервешателя».

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 77—78.

НАСТУПЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ОБЛАСТИ ИДЕОЛОГИИ. «ВЕХИ». Идейный поход против революции возглавили кадеты. В марте 1909 г. группа видных кадетских публицистов выпустила сборник статей «Вехи» под редакцией П. Б. Струве, в котором обрушилась на демократическую интеллигенцию, обвиняя ее в безрелигиозности и безгосударственности. Этот сборник не только подвел итог всей предшествующей истории русского либерализма, но и определил его идейно-политическую программу.

Из поражения революции 1905—1907 гг. веховцы сделали вывод о ненужности и «греховности» революций вообще. Утверждая, что «легион бесов вошел в гигантское тело России», что ее губит революционаризм, атеизм и материализм, веховцы предлагали «лечить» русский народ религией, мистикой. «Историческую нетерпеливость», «безрелигиозный максимализм», героизм революционеров, по мнению веховцев, следует сменить на «дисциплину послушания», «подвижничество» и «христианское смирение». Это были самые опасные апологеты восторжествовавшей реакции. Освещая своей мистической философией полицейские методы столыпинского «успокоения», веховцы елейно твердили о защите свободы личности, творчества. В своей ненависти к революции веховцы дошли до того, что благодарили «власть, которая одна своими штыками охраняет нас (либеральную буржуазию. — *Авт.*) от ярости народной».

Неудивительно, что «Вехи» с восторгом были встречены черносотенными мракобесами. Для одного из столпов клерикализма, епископа Антония Волынского, «Вехи» показались «праведником» и «подвигом». Ленин заклеймил «Вехи» как «*энциклопедию либерального ренегатства*», как «сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 168, 173.

ГЛАВА 23
РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1907—1914 ГГ.

1. СПАД РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В 1907—1910 ГГ.

РАЗГУЛ РЕАКЦИИ. После революции «царское правительство, помещики и капиталисты, — писал В. И. Ленин, — бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов» [1].

По приговору военных судов за три года (1907—1909), по неполным данным, было казнено 3,5 тыс. человек. Избиения в тюрьмах, пытки и издевательства особенно обрушились на большевиков. Жестоким репрессиям подвергались рабочая печать, профсоюзы и культурно-просветительные общества рабочих. Только за 1907—1909 гг. было закрыто 356 профессиональных союзов. Используя депрессию в промышленности и массовую безработицу, капиталисты удлиняли рабочий день, снижали расценки, возобновляли штрафы, мужской труд заменяли более дешевым трудом женщин и подростков.

БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ЗА СОХРАНЕНИЕ ПАРТИИ. Однако большевики верили в грядущую революцию. Стратегическая линия партии осталась неизменной: свержение царизма, доведение до конца буржуазно-демократической революции и переход к социалистической революции. Однако в условиях спада революционного движения тактика партии становилась иной: необходимо было сочетание нелегальной борьбы с работой в легальных организациях.

Эту тактическую линию большевики осуществляли в борьбе против оппортунистов справа и «слева» — меньшевиков-ликвидаторов, отзовистов и троцкистов.

Меньшевики, в панике отступавшие от революции, предавая ее, отказывались от революционных лозунгов социал-демократии, добивались ликвидации нелегальной партии и прекращения нелегальной революционной работы. Таким путем они рассчитывали получить от царских властей разрешение на легальное существование. Рабочие называли этих ликвидаторов «столыпинской рабочей партией». По предложению В. И. Ленина, V Общероссийская конференция РСДРП в декабре 1908 г. осудила ликвидаторов как мелкобуржуазных попутчиков пролетариата и его партии, которые на деле являлись агентурой буржуазии в рядах социал-демократии.

Большой вред делу партии и рабочего класса причиняли также отзовисты — группа бывших большевиков, возглавляемых А. А. Богдановым. Они требовали отзыва рабочих депутатов из Государственной думы и отказа от работы в профсоюзных и других легальных организациях. Подобная тактика вела к отрыву партии от масс, лишала ее легальных возможностей. Ленин разоблачил отзовистов как «ликвидаторов наизнанку». Совещание расширенной редакции «Пролетария» в 1909 г. признало, что отзовизм и так называемый ультиматизм (вариант отзовизма) представляют собой полное отрицание основ марксизма и ведут к анархистским извращениям. Совещание исключило Богданова из большевистской партии. Вскоре отзовисты объединились с ликвидаторами в Августовский антипартийный блок (1912), созданный Троцким для борьбы с большевизмом.

Троцкий утверждал, что он стоит «вне фракций» и добивается примирения и объединения большевиков и меньшевиков. На деле это означало прямую поддержку меньшевикам-ликвидаторам, которым было выгодно формально состоять в одной организации с большевиками, чтобы скрыть свою слабость и подчинить пролетарские интересы мелкобуржуазным.

В этой обстановке В. И. Ленин выдвинул тактику временного блока с меньшевиками-плехановцами на основе сохранения и укрепления нелегальной партийной организации. Ленинская тактика единого фронта с меньшевиками-партийцами, за которыми шла часть рабочих, помогла большевикам шире распространить свое влияние на легальные рабочие организации и вытеснить оттуда ликвидаторов.

БОРЬБА ЛЕНИНА ПРОТИВ БОГОСТРОИТЕЛЕЙ. В эту трудную для партии пору идейные шатания проявила также часть социал-демократической интеллигенции, среди которых были А. А. Богданов, В. А. Базаров, А. В. Луначарский. Вмес-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 72.

те с меньшевиками П. С. Юшкевичем и Н. Валентиновым (Н. В. Вольским) они выступили с ревизией теоретических основ марксизма. В частности, Луначарский под влиянием махистской философии пытался соединить марксизм с религией, придать научному социализму характер религиозного верования. В книге «Религия и социализм» (1908) Луначарский утверждал, что «строгие и холодные формулы» марксизма якобы трудны для понимания масс. С целью придать ему «большую эмоциональную широту» Луначарский предложил заняться строительством новой религии «без бога», «религии труда», которая заключалась бы в «обожествлении высших человеческих потенций». Такое религиозно-философское течение получило название «богостроительство».

Попытка соединения научного социализма с религией на деле служила интересам либеральной буржуазии, которая в период реакции хотела «подновить и оживить религию «для народа»[1]. В письме М. Горькому (в ноябре 1913 г.), которого одно время увлекала теория происхождения религии как «социального мифа», В. И. Ленин подчеркивал, что всякая, даже самая утонченная, защита и оправдание идеи бога есть оправдание реакции. Богостроители, писал он, «подкрасили, подсахарили идею клерикалов, Пуришкевичей, Николая II и гг. Струве, ибо *на деле* идея бога им помогает держать народ в рабстве. Приукрасив идею бога, Вы приукрасили цепи, коими они сковывают темных рабочих и мужиков»[2]. Политическая эволюция богостроителей, которые впоследствии вместе с отзовистами организовали антипартийную группу «Вперед» и объединились с ликвидаторами в Августовском троцкистском блоке, полностью подтвердила ленинское определение богостроительства как идеологии мелкобуржуазных попутчиков революции, «отчаявшихся и уставших»[3].

В трудных условиях реакции только

большевики-ленинцы сохранили верность принципам марксизма и неустанно боролись против всех попыток его ревизии. В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1908—1909) вскрыл классовые и идейные истоки махизма[4], доказал, что представители этой реакционной философии являются идеологами контрреволюционной буржуазии, проповедниками идеализма и мистики, злейшими врагами марксизма. Разоблачая претензии махистов подняться «выше» материализма и идеализма, Ленин показал органическую связь махистской философии с субъективно-идеалистическими взглядами Дж. Беркли, Д. Юма, И. Фихте и кантианцев.

Идейно разгромив махизм, В. И. Ленин развил дальше основные положения теории познания диалектического материализма, дал гениальное материалистическое обобщение наиболее существенных достижений науки того времени, и прежде всего естествознания.

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ. В годы реакции резко снизилось стачечное движение. В 1908 г. бастовало 176 тыс., в 1909 г. — 64 тыс., в 1910 г.—47 тыс. рабочих. Процент участников политических стачек упал в 1910 г. до 8 против 50 в 1905 г. Показателем спада рабочего движения являлся также рост в этот период оборонительных и проигранных рабочими стачек. Число участников оборонительных стачек (сопротивление уменьшению заработной платы и увеличению рабочего времени), составлявшее в 1905 г. 1%, в 1908—1910 гг. поднялось до 34% общего числа участников экономических стачек. В то же время вдвое увеличилось количество стачек, закончившихся поражением рабочих (60% вместо 29%).

Однако нельзя представлять себе годы реакции как период абсолютного застоя в революционном движении. Уровень рабочего движения в период реакции был выше, чем в предреволюционный период. В 1908—1910 гг. бастовало в среднем за год 95 тыс. человек, тогда как в 1895—1904 гг. — 43 тыс. Летом 1907 г. произошла крупная стачка текстильщиков Центрально-промышленного района. В ней участвовало свыше 60 тыс. рабочих. Осенью 1907 г. поднялась волна стачек протеста по поводу суда над социал-демократиче-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 322.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 231.

[3] См. там же, с. 227.

[4] *Махизм* — то же, что и эмпириокритицизм (от греч. empeiria — опыт и критика, т. е. критика опыта), субъективно-идеалистическое течение, выдвинутое Авенариусом и Махом. Его исходный пункт — «чистый опыт»; мир, согласно этому учению, выступает как совокупность ощущений, к нему неприложимы философские категории (материя, дух, причинность и др.). Задача научного исследования здесь сводится к простому описанию фактов. Объявив себя «философией естествознания» XX в., эмпириокритицизм выдвинул идеалистическое истолкование новейших физических открытий, несостоятельность которого раскрыл В. И. Ленин в своей книге.

скими депутатами II Государственной думы. В конце 1907 — начале 1908 г. в Баку развернулась борьба рабочих нефтяных промыслов. Из общего числа 176 тыс. стачечников в 1908 г. 47 тыс. приходилось на Баку. «Последние могикане массовой политической стачки»[1] — так оценивал В. И. Ленин героическую борьбу бакинских рабочих.

Для упрочения связи с массами большое значение имело активное участие большевиков в происходивших в 1908—1911 гг. всероссийских легальных съездах — народных университетов, в кооперативном, женском, фабрично-заводских врачей, антиалкогольном и др. Царское правительство, допустив рабочих на эти съезды, думало направить деятельность легальных рабочих обществ по линии классового сотрудничества, на путь отказа от революционной борьбы и примирения со столыпинским режимом. Но оно просчиталось. Большевики, возглавлявшие рабочее представительство на съездах, использовали их трибуну для пропаганды революционных лозунгов партии и разоблачения антинародной политики царизма и либеральной буржуазии.

2. НАЧАЛО НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

ОЖИВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ. VI (ПРАЖСКАЯ) ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП. С 1911 г. начинается новая полоса в истории России, которая, по определению В. И. Ленина, «и в экономическом, и в политическом, и в идейном отношении отличается противоположными чертами: подъем промышленности, неспособность контрреволюции к дальнейшему наступлению прежней силы или энергии и т. д., пробуждение демократии, заставившее *прятаться* настроения веховства, ренегатства, ликвидаторства»[2].

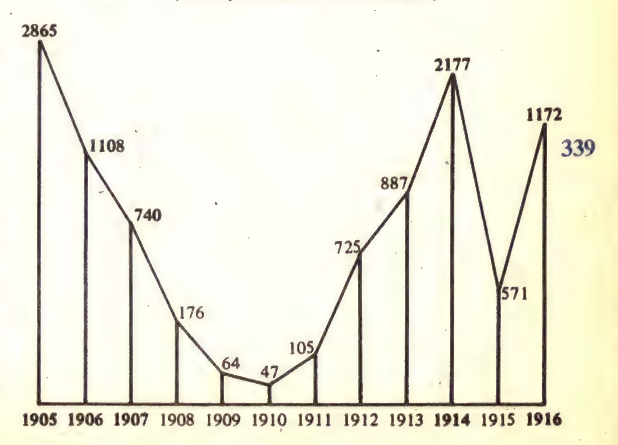
Во второй половине 1910 г. число стачечников в России возросло почти в полтора раза по сравнению с первым полугодием. Впереди шли московские рабочие, которые дали 30% всех стачечников страны. Но стачки 1910 г. носили преимущественно экономический характер. В целом они были оборонительными, и большинство их окончились поражением рабочих.

В 1911 г. число стачечников превысило 105 тыс., тогда как в предыдущем году их было около 47 тыс. В отличие от 1908—1909 гг. стачки 1911 г. в целом носили наступательный характер. Рабочие требовали повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения бытовых условий. В 1911 г. значительно возросло число политических стачечников. Если в 1910 г. их было 3777, то в 1911 г. — 8380.

Наметившееся оживление в рабочем движении нашло отголосок среди студенчества и демократической интеллигенции. Царские власти, запрещая любые студенческие организации, даже землячества и кассы взаимопомощи, оказывали поддержку реакционной части студенчества, так называемым академистам из членов черносотенного «Союза русского народа». На репрессии правительства студенты в 1911 г. ответили общей забастовкой. Несколько тысяч студентов было исключено из высших учебных заведений. В знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л. А. Кассо виднейшие профессора Московского университета (В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, П. Н. Лебедев, К. А. Тимирязев, С. А. Чаплыгин) подали в отставку.

С 1910 г. наблюдается новый подъем крестьянского движения. Если в 1909 г. было 80 крестьянских выступлений, то в 1910 г. их число достигло 147.

Стачечное движение рабочих в России с 1905 по 1916 г
(число участников в тыс. человек)

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 385 (прим.)
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 319.

В условиях начавшегося революционного подъема особенно важно было укрепить единство пролетариата и подготовить его к новой революции.

Для этого следовало прежде всего сплотить большевистские кадры, создать работоспособный партийный центр, тесно связанный с местными организациями. Большую роль в сплочении передовых рабочих вокруг большевистской партии сыграла легальная газета «Звезда», начавшая выходить в декабре 1910 г. Деятельностью «Звезды» руководил В. И. Ленин. Активное участие в ней принимали Н. Н. Батурин, В. Д. Бонч-Бруевич, К. С. Еремеев, М. С. Ольминский, Н. Г. Полетаев, В. А. Шелгунов.

С 5 по 17 января 1912 г. в Праге проходила VI Всероссийская конференция РСДРП. На ней были представлены все партийные организации, действовавшие в России, поэтому она имела значение съезда. Конференция определила тактику партии и линию партийного строительства в условиях нового революционного подъема: укрепление нелегальных партийных организаций и создание сети легальных опорных пунктов для работы в массах. Она приняла решение об издании ежедневной легальной газеты.

На конференции решено было провести предстоящую избирательную кампанию в IV Государственную думу под лозунгами: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьей земли. Конференция исключила из партии меньшевиков-ликвидаторов и избрала большевистский ЦК во главе с В. И. Лениным. На конференции был воссоздан центр для практического руководства революционной борьбой в России — Русское бюро ЦК РСДРП.

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ И МАССОВОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ. Переломным в революционном движении 1907—1914 гг. явился 1912 год, когда по всей стране высоко поднялась волна стачек протеста в связи с расстрелом рабочих на Ленских золотых приисках.

Ленские прииски были расположены по притокам Лены — Витиму и Олекме, в глубокой тайге, на расстоянии почти 2 тыс. верст от Сибирской железнодорожной магистрали. Полновластным хозяином золотопромышленности края было Ленское золотопромышленное товарищество («Лензото»). В 1912 г. ему принадлежало 423 прииска, разбросанных по обширной территории. Акционеры «Лензото» получали баснословные прибыли, а рабочие трудились и жили в невыносимых условиях. «Вольной каторгой» называли они свою работу на приисках. Рабочий день вместе со сверхурочными продолжался 10—12 часов. Заработная плата снижалась путем обсчета, обмеров и штрафов. Часть заработка выдавалась талонами, на которые покупать можно было только в лавках «Лензото», где товары низкого качества продавались по повышенным ценам. В подавляющей массе ленские рабочие были выходцами из крестьян, которых столыпинское «землерасстройство» и хронические голодовки гнали в Сибирь в поисках заработка. Но среди них были и рабочие с революционным прошлым, участники вооруженных восстаний 1905 г. В Надеждинских механических мастерских образовалась группа большевистски настроенных рабочих, которые вели революционную агитацию.

29 февраля 1912 г. на Андреевском прииске вспыхнула забастовка, поводом к которой явилась выдача рабочим недоброкачественного конского мяса. Вслед за Андреевским забастовали и другие прииски. К середине марта бастовало уже свыше 8 тыс. человек на 48 приисках. По инициативе большевиков были созданы приисковые комитеты и Центральный стачечный комитет, председателем которого стал партийный организатор большевистской группы в Надеждинских мастерских П. Н. Баташев. Центральный стачечный комитет выдвинул требования: 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы, отмена штрафов, организация медицинской помощи, улучшение продовольственного снабжения и жилищных условий, вежливое обращение, неприкосновенность депутатов.

Правление «Лензото» отклонило основные требования и решило рассчитать бастующих, прекратить выдачу им продовольствия в долг и выселить из приисковых казарм, что обрекало рабочих и их семьи на голодную смерть в тайге. Но рабочие не позволили полиции произвести выселение. Тогда царские власти вместе с администрацией «Лензото» решили расправиться с бастующими силой. «Лензото» за свой счет доставило на прииски роту солдат для подавления стачки.

Бастующие держались стойко и не поддавались на провокации и запугивания. Забастовка носила мирный и организованный характер.

Переговоры с администрацией вел Центральный стачечный комитет. На приисках были созданы кассы взаимопомощи, выдававшие пособия остро нуждающимся.

Тем временем влиятельные английские и русские акционеры «Лензото» требовали от царских властей подавить забастовку во что бы то ни стало. 30 марта директор департамента полиции предложил жандармскому ротмистру Трещенкову немедленно ликвидировать стачечный комитет. На следующий день несколько депутатов явились к товарищу прокурора Преображенскому с жалобой на незаконные действия администрации. Последний, зная о готовящемся аресте руководителей стачки, заявил, что выборных он не признает, так как, по его сведениям, они являются «подстрекателями»; пусть каждый рабочий, заявил он далее, если он чем-либо недоволен, принесет заявление от себя. Чтобы доказать, что они забастовали сознательно, без «подстрекательства», рабочие стали писать заявления, получившие впоследствии название «сознательные записки».

В ночь на 4 апреля были арестованы члены Центрального стачечного комитета. Это вызвало сильное возмущение среди рабочих. Сразу же после арестов было решено создать новое центральное бюро, более узкое и конспиративное. Председателем его был избран большевик Г. В. Черепахин, участник Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Ростове-на-Дону. На прииски были посланы связные, чтобы отговорить рабочих идти с «сознательными записками» к прокурору. Под влиянием большевиков рабочие крупнейшего Феодосиевского прииска отказались участвовать в шествии.

Тем временем эсеры повели среди рабочих агитацию за поход «всем миром» на Надеждинский прииск, где находился прокурор. Эсеровская агитация оказала влияние на многих рабочих, еще недавних крестьян. Они поверили, что таким способом можно добиться правды. Шествие началось с Андреевского прииска; по дороге к андреевцам присоединились рабочие других приисков — всего около 2,5 тыс. человек. Рабочие были настроены миролюбиво. Когда до Надеждинского прииска оставалось уже совсем немного, солдаты по приказу Трещенкова стали стрелять в рабочих. Было убито 270 и ранено 250 человек.

ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯН И СОЛДАТ. Ленский расстрел, который был, по выражению В. И. Ленина, «точнейшим отражением *всего* режима 3-июньской монархии» [1], вызвал волну протеста во всей России, выразившегося в массовых митингах, забастовках и демонстрациях. Рабочие требовали немедленного расследования и гласного суда над виновниками кровавой драмы на далекой Лене. Социал-демократическая фракция внесла запрос в Государственную думу, в котором характеризовала Ленский расстрел как «яркое выражение общей правительственной политики». Министр внутренних дел А. А. Макаров нагло заявил: «Так было и так будет впредь».

В политических стачках в связи с Ленским расстрелом приняло участие до 300 тыс. рабочих. Напуганные таким бурным проявлением пролетарской солидарности, правительство и капиталисты вынуждены были маневрировать. Предприниматели не решились оштрафовать рабочих за стачки протеста, а правительство заявило, что намерено произвести «подробное и всестороннее расследование этого прискорбного дела». На Ленские прииски была направлена комиссия во главе с членом Государственного совета сенатором С. С. Манухиным. На золотые прииски распространились новые страховые законы. Но ленские рабочие, воодушевленные всенародной поддержкой, продолжали бастовать, а в июле 1912 г. организованно покинули прииски.

1 мая 1912 г. по всей России бастовало около 400 тыс. рабочих, из них 200 тыс. — в Петербурге. «Революционное движение пролетариата в России поднялось на высшую ступень, — писал В. И. Ленин. — Если в 1905 году оно начиналось с массовых стачек и гапонады, то в 1912 году, несмотря на полицейский разгром организаций нашей партии, движение начинается с массовых стачек и *поднятия республиканского знамени!*» [2]

Вести о стачках рабочих доходили до деревни, поднимая крестьян на революционную борьбу. В 1912 г. произошло 160 крестьянских выступлений против 113 в 1911 г.

Массовый подъем рабочего движения оказал влияние и на настроение в армии. В. И. Ленин указывал, что «массовые стачки не могли не зажечь *повсюду* революционного пламени. И вспышки восстания в войсках *доказали*, что это пламя загорается, — *везде*

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 341.

[2] Там же, с. 350

есть горючий материал, — *везде* накопляется революционное настроение в массах, даже у тех рабочих и крестьян, которые задавлены муштрой казармы»[1] В начале 1912 г. в Балтийском флоте не было ни одного крупного корабля, где бы большевики не вели подпольной работы и где бы не было революционного кружка матросов. На судах были созданы кассы для приобретения нелегальной литературы и оружия.

Ленские события подняли боевой дух моряков. Рассчитывая на поддержку питерских рабочих, представители кораблей на своей сходке решили назначить восстание на 24 апреля — день выхода флота в летнее плавание. Но это выступление было предупреждено арестами.

Одновременно с балтийцами весной 1912 г. намечали поднять вооруженное восстание моряки Черноморского флота. Однако по доносу провокатора революционная организация на линкоре «Иоанн Златоуст» была раскрыта. В октябре 1912 г. состоялся суд над революционными матросами-черноморцами: 10 человек были приговорены к смертной казни, 111 — к каторжным работам.

В знак протеста против приговора черноморским морякам в Петербурге, Москве и других городах состоялись политические стачки, в которых участвовало 250 тыс. рабочих. Летом 1912 г. произошло восстание саперов в Троицких лагерях под Ташкентом. Среди солдат распространялось воззвание, призывавшее их разбить «крепости и тюрьмы» угнетателей и открыть народу дорогу к «светлой свободе» и к «правде на земле». Восстание началось 1 июля после вечерней поверки. Несколько офицеров было убито. Но восставших не поддержали остальные солдаты, находившиеся в лагере. Лишенное руководства восстание было подавлено в тот же день. По приговору военного суда 14 активных участников восстания были повешены.

IV ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. Осенью 1912 г. происходили выборы в IV Государственную думу. Царское правительство и правые партии стремились не допустить обострения внутриполитической обстановки в связи с выборами, провести их по возможности «бесшумно» и с помощью «нажима» сохранить и даже усилить свои позиции в Думе. Крайние реакционеры мечтали о такой Думе, которая сама будет «бить челом» царю об изменении «Основных законов» Российской империи и превращении Думы из законодательной в совещательное учреждение.

Буржуазная оппозиция во главе с кадетами использовала избирательную кампанию для распространения конституционных иллюзий. Кадеты считали, что на выборах будут противостоять друг другу только два лагеря — врагов «конституции» и ее защитников. Они заверяли избирателей, что победа либеральной оппозиции обеспечит мирное обновление государственного строя в России. Меньшевики выдвигали в избирательной кампании на первый план борьбу за отдельные конституционные реформы в духе либералов.

В отличие от кадетов и меньшевиков большевики считали, что на выборах будут бороться не два, а три главных лагеря: черносотенцы, либералы и демократы. Избирательная платформа большевистской партии доказывала невозможность «реформистского пути» развития России и ставила ближайшей задачей завоевание демократической республики силами пролетариата и крестьянства.

Исход выборов в Думу зависел от состава избирателей по землевладельческой курии. Между тем рост оппозиционных настроений среди помещиков в связи с провалом столыпинской политики «успокоения» ослаблял шансы черносотенцев в этой курии.

Выборы по крестьянской курии показали, что крестьяне питают неискоренимую ненависть к помещикам, однако правительство, пользуясь отсутствием единодушия и организованности среди крестьянских выборщиков, провело в члены Государственной думы от крестьянской курии кулаков, торговцев и т. п.: из 74 крестьянских депутатов трудовиков было лишь 4, но зато правых — 38, октябристов — 13, прогрессистов — 9, кадетов — 7 и буржуазных националистов — 3. Однако принадлежность депутатов-крестьян к той или иной думской фракции еще не определяла их действительных убеждений. Например, о выбранных от Волынской губернии крестьянских депутатах губернатор сообщал министру внутренних дел, что хотя они и правые, но «при разрешении вопросов, связанных с владением землей, готовы будут при голосовании примнуть к оппозиции».

Избирательная кампания по рабочей курии

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 3.

проходила под неослабным полицейским наблюдением. Предвыборная социал-демократическая агитация была запрещена, десятки и сотни передовых рабочих, особенно кандидатов в уполномоченные, подвергались обыскам, арестам и высылкам. По сравнению с выборами в III Думу активность рабочих на выборах 1912 г. была гораздо выше. За годы столыпинской реакции многие крупные заводы стали оплотом большевиков, что и сказалось на результатах выборов в IV Думу. На Путиловском заводе в Петербурге в уполномоченные было избрано 7 большевиков и 2 сочувствующих им.

Правительство пробовало повлиять на исход выборов по рабочей курии посредством их незаконной кассации выборов левых уполномоченных. В Петербурге перед самым съездом уполномоченных уездная избирательная комиссия признала недействительными выборы уполномоченных на 30 предприятиях. Это вызвало решительный отпор со стороны рабочих. По призыву Петербургского комитета РСДРП с 5 по 14 октября бастовало около 100 тыс. человек. Из солидарности бастовали и рабочие тех предприятий, где выборы уполномоченных не были отмечены. Царские власти, напуганные размахом движения, отступили, назначив новые выборы.

Петербургский комитет РСДРП издал «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», который единодушно принимался на собраниях рабочих крупнейших заводов столицы. «Наказ», в основе которого лежали решения Пражской конференции, призывал социал-демократических депутатов высоко держать революционно-интернационалистское знамя рабочего класса во враждебном ему стане черносотенной Думы. «Мы бы хотели, — говорилось в «Наказе», — чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса членов социал-демократической фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях пятого года, о русском рабочем классе как вожде народного движения, о крестьянстве как наиболее надежном союзнике рабочего класса, о либеральной буржуазии как изменнице «народной свободе».

Стойко отражали попытки царской администрации фальсифицировать выборы и рабочие в провинции. Почти повсеместно в уполномоченные и выборщики по рабочей курии прошли социал-демократы или сочувствующие им. Из 133 выборщиков 119 были социал-демократами. От шести промышленных губерний, от которых по закону полагалось по одному обязательному депутату от рабочих, были избраны члены большевистской партии: от Петербургской — А. Е. Бадаев, от Владимирской— Ф. Н. Самойлов, от Костромской — Н. Р. Шагов, от Харьковской — М. К. Муранов, от Екатеринославской — Г. И. Петровский.

Первое время большевистские депутаты IV Думы состояли вместе с ликвидаторами в общей социал-демократической фракции. Пользуясь случайным большинством всего в один голос, меньшевики всячески стремились ограничить представительство большевистских депутатов в комиссиях и их выступления с думской трибуны. Между тем меньшевики, которые прошли в Думу при поддержке либералов, были избраны от губерний, где насчитывалось 136 тыс. рабочих, а число рабочих, пославших в Думу большевиков, превышало 1 млн. По решению Поронинского совещания ЦК РСДРП с партийными работниками (октябрь 1913 г.) депутаты-большевики потребовали признания равноправия обеих частей фракции. Когда же меньшевики отклонили это требование, большевики в обращении «Ко всем рабочим» от 29 октября 1913 г. объявили об образовании своей самостоятельной фракции. На многочисленных собраниях рабочие принимали резолюции, в которых осуждали меньшевистских дезорганизаторов и заявляли о признании только большевистских депутатов истинными представителями российского пролетариата. Организация самостоятельной фракции облегчила большевикам использование думской трибуны для революционной агитации.

В целом выборы 1912 г. отразили назревание общенационального политического кризиса. Об этом свидетельствовала не только победа большевиков в рабочей курии, но и успехи социал-демократов во второй городской курии за счет кадетов. Поражение октябристов в первой городской курии показало, что третьеиюньская система не удовлетворяла даже крупную буржуазию.

По партийному составу IV Государственная дума мало отличалась от III Думы, что видно из таблицы на стр. 344.

За счет октябристов усилились черносотенцы, прогрессисты и отчасти кадеты. Но усиление правого крыла уравновешивалось

ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ
III И IV ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМ

Наименование фракций	Количество депутатов	
	III Дума (1912)	IV Дума (1-я сессия)
Правые	46	64
Националисты и умеренно-правые	91	88
Партия центра	—	32
Октябристы	131	99
Польское коло	11	9
Польско-литовско-белорусская группа	7	6
Мусульманская группа	9	6
Прогрессисты	36	47
Кадеты	52	58
Трудовики	14	10
Социал-демократы	14	14
Беспартийные	26	5
Итого . .	437	438

«полевением» буржуазных фракций. В IV Думе, как и в III, были возможны два большинства: правооктябристское—283 депутата (184 черносотенца и 99 октябристов) и октябристско-кадетское — 225 депутатов (99 октябристов, 47 прогрессистов, 58 кадетов и 21 буржуазный националист). Октябристско-кадетским большинством председателем IV Думы был избран М. В. Родзянко, который в своей вступительной речи заявил, что он всегда был и будет «убежденным сторонником представительного строя на конституционных началах». Однако под нажимом правительства октябристы уступили националистам и крайним правым председательство в важнейших думских комиссиях — военно-морской, финансовой, по запросам и народному образованию.

В декабре 1912 г. IV Дума приняла формулу, призывающую правительство вступить на путь осуществления манифеста 17 октября 1905 г. Страна «левела», и кадеты, страшась этого, усилили свою игру в демократию. В декабре 1912 г. они внесли в Думу целый ворох так называемых декларативных законопроектов — о свободе совести, печати, союзах, о неприкосновенности личности. Самым крупным из них был проект об изменении положения о выборах в Государственную думу на началах всеобщего голосования.

Внося подобные законопроекты, кадетская партия меньше всего преследовала практические цели, она хотела оживить конституционные иллюзии, возродить веру в Думу как эмблему мирного обновления страны и тем отвлечь массы от революционной борьбы. Разоблачая демагогию кадетов, «Правда» 8 февраля 1913 г. писала: «Контрреволюционные либералы (каковыми на деле являются кадеты) при современной политической сознательности рабочей и крестьянской демократии могут лицемерно болтать о всеобщем избирательном праве. Но бороться за него они не могут и не будут... Ни одна политическая группа не берет всерьез кадетского жеста насчет всеобщего избирательного права. Все отлично понимают, что это одна игра, одна бравада, что кадеты вносят этот законопроект только потому, что уверены в провале его 4-й Думой».

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА ПРОТИВ БУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА. Пытаясь расколоть революционно-освободительное движение, царское правительство проводило политику натравливания одной нации на другую. На первом плане в этой политике было разжигание антисемитизма. Царские власти организовали в Киеве провокационный процесс над М. Т. Бейлисом, обвиненным на основании фальшивых улик в убийстве в ритуальных целях русского мальчика. Однако присяжные заседатели оправдали Бейлиса.

Великодержавный шовинизм встречал поддержку со стороны русской буржуазии. Один из главных идеологов либерализма П. Б. Струве считал национальное движение «выдуманным» и «искусственным» и в то же время «крайне опасным» для «единства» общерусской культуры.

Вместе с тем усиливались националистические тенденции среди буржуазии национальных окраин России. Свои классовые притязания в конкурентной борьбе против буржуазии господствующей нации местная буржуазия прикрывала «общенациональными» лозунгами. Исходя из реакционной идеи «общности судьбы» и «гармонии классовых интересов» буржуазии и пролетариата угнетенной нации, буржуазные и мелкобуржуазные националистические партии (Бунд, «Дашнакцутюн», «Мусават» и др.) выдвинули лозунг «культурно-национальной автономии». Они требовали, в частности, разделения по национальному признаку обучения в школе.

Призывая к «классовому миру» и «единству наций», буржуазные националисты — польские народовцы, дашнаки, мусаватисты и др. — вербовали из деклассированных элементов преступные банды, которые срывали забастовки, избивали стачечников, убивали из-за угла рабочих активистов. Вместе с тем националисты использовали недовольство масс национальным гнетом, чтобы возбудить у трудящихся своей нации чувство вражды к русскому народу. Страх перед революционным движением «своих» рабочих, а также заинтересованность в общероссийском рынке толкали национальную буржуазию на путь реакционных сделок с русской буржуазией и царизмом.

В условиях нарастающего революционного подъема, выражая верноподданнические чувства и раболепствуя перед царем, буржуазные националисты в то же время ориентировались на внешние империалистические силы. Часть польских националистов во главе с Ю. Пилсудским хотела восстановления Польши под скипетром австрийских Габсбургов. Украинские националисты рассматривали Галицию как центр украинского национального возрождения. Они создали шпионский «Союз освобождения Украины», действовавший на средства австро-венгерского генерального штаба. Возникшая в 1911 г. в Баку партия «Мусават» поддерживала тесные связи с младотурками и вела пропаганду пантюркизма, требовавшего объединения под властью Турции всех тюркоязычных народов.

Большевистская партия вела борьбу на два фронта: против великодержавного шовинизма черносотенных помещиков и русской буржуазии и против местного буржуазного национализма. Важнейшее значение в этом отношении имели статьи Ленина «Критические заметки по национальному вопросу» (1913) и «О праве наций на самоопределение» (1914), в которых получили дальнейшее развитие марксистская программа и тактика партии по национальному вопросу. Ленин показал, что, борясь с помещичье-буржуазной культурой, рабочие угнетенных наций должны использовать всякую возможность общения с русскими сознательными рабочими, с их литературой и движением. В свою очередь, пролетариат господствующей нации должен отстаивать право угнетенных народов на полное равноправие и политическую самостоятельность. Только таким путем может быть обеспечено интернациональное единство рабочего класса, без которого невозможно освобождение ни самого русского пролетариата, ни угнетенных наций.

Краковское (январь 1913 г.) и Поронинское совещания ЦК РСДРП осудили оппортунистический лозунг «культурно-национальной автономии» и призвали всех рабочих России без различия национальности к самому тесному сплочению в единых пролетарских организациях. В то же время было подтверждено, что партия должна отстаивать право угнетенных наций на полное самоопределение.

В борьбе против великодержавной политики царизма и местного национализма большевики успешно использовали думскую трибуну. На заседании Государственной думы 20 мая 1913 г. Г. И. Петровский произнес речь, проект которой был написан Лениным. В ней клеймились царская политика национального гнета и идейная поддержка этой политики русскими национал-либералами. Вместе с тем разоблачалось и лицемерие местных буржуазных националистов, особенно польских народовцев, которые в Думе жаловались на национальное угнетение, а у себя дома травили евреев, литовцев, белорусов и украинцев. Эта речь вызвала многочисленные отклики в форме телеграмм и петиций, в которых содержались приветствия рабочим депутатам, поднявшим свой голос в защиту попранных прав национальных меньшинств. В разоблачении кавказских буржуазных националистов видное место принадлежало С. Г. Шаумяну. В 1913 г. он опубликовал брошюру «О национально-культурной автономии», в которой показал реакционную сущность этого лозунга. В Баку против мусаватистов выступала организация «Гуммет», работавшая под руководством Бакинского комитета РСДРП среди азербайджанского населения. Большевики Закавказья отстаивали принцип интернационализма в построении организаций рабочего класса.

Дружба рабочих всех наций России ярко обнаружилась в стачках солидарности. Ленский расстрел вызвал широкую волну стачек и демонстраций рабочих и демократического студенчества в Риге, Польше, на Украине. Празднование в 1914 г. 100-летия со дня рождения Т. Г. Шевченко вылилось во внушительную демонстрацию против национального гнета. Большевистская фракция IV Думы внесла запрос о незаконности запрещения царскими властями чествования памяти великого украинского поэта. В Петербур-

ге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Полтаве по призыву большевиков произошли стачки, митинги и демонстрации рабочих и студентов.

3. ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ. Уже в июне 1913 г. В. И. Ленин, находившийся за границей и пристально следивший за развитием революционного движения в России, пришел к выводу о наличии в ней политического кризиса общенационального масштаба[1]. Определяющей чертой этого кризиса был неуклонный рост массовых стачек. С апреля 1912 г. по май 1913 г. число забастовщиков в фабрично-заводской промышленности составило 1 млн. 92 тыс., а с июня 1913 г. по июль 1914 г. — 1 млн. 746 тыс. (увеличение на 62%). Забастовочное движение охватило районы, прежде не отличавшиеся активностью: Баку и Чиатуры, Донбасс, Центрально-промышленный район, Урал. Первое место, однако, удерживал Петербург. Рабочие столицы, составлявшие 10% от общего числа фабрично-заводских рабочих страны, дали в 1912—1913 гг. 40%, а в 1914 г. — даже больше половины (50%) всех стачечников в России. Исключительная активность питерских рабочих объяснялась значительным удельным весом среди них металлистов, сосредоточенных на машиностроительных заводах-гигантах и отличавшихся сравнительно высоким уровнем культурного развития и большим опытом классовой борьбы.

В связи с вовлечением в стачечную борьбу новых слоев рабочих по сравнению с апрелем 1912 г. — маем 1913 г. за июнь 1913 г. — июль 1914 г. несколько возрос процент участников экономических стачек (с 25 до 30%). Переплетение экономических и политических требований придавало массовым стачкам особую революционную силу. Через экономические стачки в революционное движение втягивались наиболее забитые и отсталые слои пролетариата, а рост политического сознания, в свою очередь, увеличивал накал экономической борьбы.

Наметившийся с лета 1913 г. подъем рабочего движения отличался не только большим размахом, но и изумительной стойкостью и организованностью рабочих. 102 дня бастовала тысяча рабочих завода «Новый Лесснер» в Петербурге, требуя увольнения мастера, оскорбившего одного молодого рабочего. В 1913—1914 гг. дважды, в общей сложности 130 дней, бастовал многотысячный коллектив Обуховского сталелитейного завода в знак протеста против увольнения рабочих и увеличения рабочего времени. В июле — августе 1913 г. 45 дней бастовали рабочие судостроительного завода «Наваль» в Николаеве.

Такие упорные и длительные стачки стали возможными лишь благодаря пролетарской солидарности. Во время забастовки новолесснеровцев рабочие других предприятий проводили бойкот завода «Новый Лесснер». Когда прибывшие в Николаев сормовские рабочие узнали, что им предстоит занять места уволенных николаевских судостроителей, они отказались от работы и уехали обратно. В сентябре 1913 г. из солидарности с бастующими трамвайщиками Петербурга московские рабочие объявили однодневную забастовку.

Огромная заслуга в усилении забастовочного движения принадлежала руководимой В. И. Лениным газете «Правда». Первый номер массовой рабочей газеты «Правда» вышел 22 апреля (5 мая) 1912 г. Как вспоминала Н. К. Крупская, «чуть ли не ежедневно писал Ильич в «Правду» статьи, посылал туда письма, следил за работой «Правды», вербовал для нее сотрудников»[1]. «Правда» направляла нелегальную деятельность партийных организаций всей страны. Там, где появлялась «Правда», возникали рабочие группы правдистов, а затем и нелегальные большевистские организации. Она воспитала целое поколение революционных рабочих, активных деятелей Великой Октябрьской социалистической революции. «Правда» стала всероссийской рабочей трибуной. Только за первый год своего существования она напечатала 2405 корреспонденций о стачках, за второй год — 5522. «Правда» публиковала требования бастующих и ответы администрации, отчеты о денежных сборах, сообщения об арестах и высылках стачечников, имена штрейкбрехеров и т. п.

Не только в традиционные дни массовых

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 300.

[1] *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1972, с. 203.

политических стачек — 9 января, 4 апреля, 1 Мая, — но и в выступлениях по самым различным политическим событиям отмечалась согласованность в действиях рабочих крупных городов страны. В июне 1913 г. однодневные стачки питерских рабочих по поводу суда над 52 матросами Балтийского флота, обвиненными в подготовке восстания, перекинулись в Москву, Ригу, Ревель. По всей России бастовало около 100 тыс. рабочих. Царский суд не посмел вынести по этому делу ни одного смертного приговора. Политические стачки 1—3 июля 1913 г. в ответ на преследования рабочей печати были проведены одновременно в Петербурге, Москве, Риге и Баку. Учитывая успешный опыт согласованных выступлений рабочих обеих столиц, Поронинское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками признало, что движение подходит к постановке на очередь всеобщей политической стачки.

НАЗРЕВАНИЕ КРИЗИСА ВЕРХОВ. Мощный подъем забастовочной волны, принимавшей все более политическую окраску, вызывал в буржуазных и правительственных кругах растерянность и колебания. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков сделал Совету министров представление о предании суду всех участников забастовок в общественно важных предприятиях. Для предупреждения забастовок Маклаков наряду с репрессиями считал целесообразным устроить «примирительные камеры», но при этом он полагал не вводить в них выборных от хозяев и рабочих, а составить их из одних чиновников.

Однако Совет министров нашел, что судебное преследование забастовщиков допустимо только в тех случаях, когда заранее можно ожидать обвинительного приговора для привлеченных к ответственности лиц, ибо оправдание их привело бы к еще более смелой и усиленной агитации. Совет министров пришел также к заключению, что отсутствие в составе проектируемых Министерством внутренних дел примирительных органов заинтересованных сторон — предпринимателей и рабочих — не обеспечит необходимые для успешной деятельности этих органов «авторитет и внутреннюю нравственную силу». В борьбе же с политическими стачками, которые больше всего беспокоили правительство, «примирительные камеры» будут и вовсе бессильны.

СТРАХОВАЯ КАМПАНИЯ. Еще в 1908 г. правительство внесло в Думу страховые законопроекты. Несколько лет они оставались без движения. Только в 1911 г., когда почувствовалось приближение революционной грозы, Дума приступила к их обсуждению. Большинство Думы провалило поправки социал-демократической фракции, в которых говорилось о необходимости отнесения всех расходов по страхованию на счет предпринимателей и о предоставлении управления страховыми делами рабочим. Государственная дума согласилась с точкой зрения Министерства внутренних дел, согласно которой объединения значительного числа рабочих опасны в политическом отношении. Поэтому нормальным типом больничной кассы Дума признала кассу, объединяющую в обособленную страховую группу рабочих одного предприятия. Изданные 23 июня 1912 г. страховые законы не касались страхования по инвалидности, старости и от безработицы. Рабочие подлежали страхованию от несчастных случаев и на случай болезни, причем врачебная помощь и оплата пособий за увечье производились за счет предпринимателей, оплата же пособий по болезни — за счет взносов из заработка рабочих и взносов предпринимателей. Выдачей пособий ведали больничные кассы, в управлении которыми участвовали рабочие и представители от администрации предприятий.

Начавшуюся в конце 1912 г. страховую кампанию большевики использовали для пропаганды марксистских идей, развития классового сознания пролетариата, укрепления его организованности и усиления революционной борьбы. В отличие от ликвидаторов, которые отрицали необходимость связи борьбы за полное страхование с политическими задачами пролетариата, большевики видели главную задачу страховой кампании в сплочении и объединении рабочих для борьбы против царизма и капитализма. Большевики сорвали попытку правительства и промышленников провести законы о страховании «втемную», без участия рабочих.

По призыву большевиков рабочие требовали разрешения собраний для ознакомления с изданными законами о страховании, организации общегородских больничных касс на началах полного самоуправления и распространения страховых законов на все виды и отрасли труда. Рабочие проваливали ставленников предпринимателей и ликвидаторов и проводили в правление больничных касс стойких и последовательных марксистов.

В марте 1914 г. на выборах в столичное присутствие и Главный страховой совет прошел список правдистов.

БОРЬБА ЗА ЛЕГАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧИХ. В годы реакции во многих рабочих обществах ответственные посты были захвачены ликвидаторами. Они отстаивали оппортунистический принцип «нейтральности» легальных рабочих организаций, грозивший подчинить эти организации влиянию либеральной буржуазии. Деятельность профессиональных союзов и культурно-просветительных обществ рабочих ликвидаторы стремились свести к устройству касс взаимопомощи, оказанию их членам юридической помощи, к проведению экскурсий и лекций на общеобразовательные темы. «Правда» выдвинула лозунг об изгнании ликвидаторов из правлений рабочих обществ и об избрании на руководящие посты в этих организациях сторонников партии, т. е. большевиков. Рабочие дружно поддержали призыв своей газеты. К середине 1914 г. из 13 профсоюзов рабочих Петербурга только один — союз печатников — оставался наполовину ликвидаторским. Многие легальные рабочие организации превратились в опорные пункты нелегальной деятельности партии: здесь назначались партийные явки, устраивались конспиративные собрания, раздавалась нелегальная литература, производились подписка и денежные сборы на «Правду».

Профессиональное движение быстро росло. В начале 1909 г. в России насчитывалось 63 профсоюза с 16 тыс. членов, а в 1913 г. их было уже 119 с 45 тыс. членов. По инициативе «Правды» велась подготовка всероссийского объединения профсоюзов по отраслям промышленности, но этому помешала война.

В. И. Ленин на основе объективных данных о силе разных течений в рабочем движении (результаты выборов от рабочих в Государственную думу; приветствия и резолюции рабочих собраний по поводу раскола думской социал-демократической фракции; число рабочих групп, делавших взносы в фонд большевистской печати; тиражи большевистских и ликвидаторских газет; результаты выборов во всероссийское и столичное страховые учреждения; изгнание ликвидаторов из легальных рабочих обществ) пришел к выводу о том, что в середине 1914 г. за большевистской партией шло по крайней мере $^4/_5$ сознательных рабочих России. Они поддерживали все начинания партии, горячо откликались на ее призывы стачками и демонстрациями. Ликвидаторы утратили почти все позиции в рабочем движении.

«НОВЫЙ КУРС» ПРАВИТЕЛЬСТВА. Ультраправые реакционеры в своей прессе, в конфиденциальных записках и на аудиенциях у царя неустанно проводили мысль о необходимости нового государственного переворота. 30 января 1914 г. В. Н. Коковцев, которого крайние реакционеры обвиняли в «ухаживании» за Думой, был уволен с постов председателя Совета министров и министра финансов. Вместо него премьер-министром стал И. Л. Горемыкин. Царский рескрипт, данный на имя П. Л. Барка, назначенного министром финансов, провозгласил «новую эру» экономической жизни России. В рескрипте говорилось о борьбе с «нетрезвой жизнью» и поддержке «народного труда» путем правильно поставленного и доступного кредита.

На деле «новый курс» явился лишь демагогической уловкой правящей клики, терявшей под собой всякую почву в обстановке быстро назревающей революционной ситуации. «Новый курс» в планах реакционеров должен был сыграть роль троянского коня, под прикрытием которого правительство хотело свести на нет права «народного представительства». Этой цели должно было служить ограничительное толкование прав Думы в области законодательной инициативы, запросов и особенно неприкосновенности депутатского слова, без чего существование Государственной думы теряло всякое реальное значение.

Правительство решило привлечь социал-демократического депутата Н. С. Чхеидзе к судебной ответственности за восхваление республиканского строя в речи, произнесенной с думской трибуны. Не только правые, но и либеральные депутаты были обеспокоены «митинговым» характером речей левых депутатов. Но в отличие от черносотенцев кадеты, прогрессисты и даже октябристы полагали, что пресечь «злоупотребление» свободой слова можно путем усиления председательской власти. Посягательство же правительства на неприкосновенность депутатов означало бы отмену конституционных гарантий и для думской оппозиции. Но главное, чего опасались либералы, — это то, что Дума со «связанным ртом» бесповоротно уронит себя в глазах народа.

Предложение назначить специальное заседание Думы для рассмотрения законопроекта о свободе депутатского слова было отклонено правооктябристским большинством. Такая же участь постигла и предложение кадетов не приступать к обсуждению государственной росписи доходов и расходов раньше, чем получит силу законопроект о свободе слова. Тогда обе социал-демократические фракции вместе с трудовой группой, несмотря на возражения кадетов и прогрессистов, решили перейти от обычных способов думских выступлений к обструкции. Сигналом для этого должно было стать появление на трибуне перед открытием бюджетных прений представителя правительства.

Первоначально ожидалось, что с разъяснениями по поводу бюджета выступит министр финансов. Но неожиданно на трибуну поднялся Горемыкин, пожелавший «представиться» Думе. Появление Горемыкина, олицетворявшего реакционный курс, еще более подняло значение намеченной обструкции как протеста против третьеиюньского режима в целом. Не успел новый премьер-министр произнести обычные слова обращения: «Господа члены Государственной думы», — как на левых скамьях поднялся сильный шум, стук по пюпитрам и голоса: «Довольно!» Горемыкин вынужден был несколько раз оставить трибуну, а обструкционисты один за другим по предложению Родзянко исключались на 15 заседаний. Депутаты, отказавшиеся добровольно покинуть зал заседаний, удалялись нарядом военного караула.

Таким образом, черносотенцы, октябристы и часть прогрессистов открыто выступили против демократии, а кадеты воздержались, т. е. молчаливо санкционировали изгнание левых депутатов из Думы. В противовес контрреволюционному блоку правых и либералов обрисовывался «левый блок». В. И. Ленин считал, что все происшедшее в Думе 22 апреля «разбило и убило остатки конституционных и легалистских иллюзий...»[1]. Оно обострило общенациональный политический кризис в двух отношениях: с одной стороны, привело к еще большему размежеванию демократического и либерального лагерей, а с другой — усилило растерянность, колебания и взаимные попреки черносотенцев и либералов в поощрении и ускорении революции.

Обструкция и исключение левых депутатов подняли громадную волну стачек. Рабочие устраивали митинги и принимали резолюции протеста. Исключенные депутаты получили множество телеграмм от рабочих и демократической интеллигенции. Приветствуя левых депутатов как «истинных и стойких борцов за идею народного представительства», рабочие вместе с тем осуждали позорное поведение кадетов, которые во время борьбы за свободу депутатского слова перебежали в правительственный лагерь.

В атмосфере непрекращающейся волны стачек Дума занялась обсуждением внесенного прогрессистами законопроекта об иммунитете депутатов. Большевик Г. И. Петровский обратил внимание на то, что посягательство на свободу депутатского слова есть только звено в длинной цепи покушений правительства на народные права. Рабочий депутат заклеймил лакейское поведение реакционеров в Думе. «Но мы, социал-демократы, — заявил он, — не отдадим без... боя свободы депутатского слова. И мы уверены, что в этой борьбе нас поддержит весь народ». Далее Петровский подчеркнул, что никакие преследования не остановят большевиков перед пропагандой с думской трибуны своих республиканских убеждений. Борьба большевиков за свободу депутатского слова произвела сильное впечатление на крестьянских депутатов независимо от их партийной принадлежности.

Законопроект об иммунитете депутатов был одобрен Думой, причем за него голосовали не только левые, кадеты и прогрессисты, но также октябристы, партия центра и часть националистов. Впрочем, и само правительство, устрашенное тем резонансом, который вызвали в стране обструкция и исключение левых депутатов, отступило: оно не рискнуло привлечь к суду Петровского и других большевистских депутатов, смело отстаивавших идею демократической республики, и прекратило судебное дело против Чхеидзе.

Правящая клика, ведя подкоп под основные права Думы, не решалась идти до конца. В царском рескрипте на имя Горемыкина от 7 марта 1914 г. говорилось, что работа правительства и законодательных учреждений должна быть основана на взаимном доверии. В думских кулуарах справедливо считали, что в рескрипте нашли отражение настояния министра финансов Барка положить конец слухам о возможности изменений в существую-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 130.

щем государственном строе, так как это пагубно сказывается на русских банковских и кредитных операциях за границей. На путь примирительной политики толкала и необходимость провести через Думу постановление об отпуске средств на финансирование большой программы вооружений.

Царизм при всем своем сочувствии планам черносотенцев не решался на новый государственный переворот, так как не мог бы удержаться без поддержки буржуазии. В свою очередь либеральная буржуазия, напуганная первой русской революцией, испытывала неодолимое тяготение к соглашению с царской властью. Правительство отдавало себе отчет и в том, что третьеиюньская политическая система, в основе которой лежало бонапартистское лавирование власти между «объединенным дворянством» и верхами буржуазии, — это тот минимум «правопорядка», без которого иностранные кредиторы не верили в устойчивость русских финансов и внутриполитической обстановки вообще.

Но главное заключалось в том, что пролетариат своей героической борьбой в 1905 г. «вырвал у царя манифест о конституции и раз навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений»[1].

Все это останавливало правящие круги от соблазна совершить новый государственный переворот и низвести Думу до роли совещательной ассамблеи, заставляло их балансировать между полуфеодальными и буржуазными элементами третьеиюньской политической системы.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ. Летом 1914 г. рабочее движение приблизилось по своему размаху к уровню 1905 г., превосходя его, однако, по организованности и сознательности.

28 мая дружно забастовали рабочие бакинских нефтепромыслов и заводов. Стачкой руководил Бакинский комитет РСДРП во главе с С. Г. Шаумяном. Главнейшими из требований были: 8-часовой рабочий день, празднование 1 Мая, отмена наградных, которые развращали рабочих, и установление минимума гарантированной заработной платы при ежегодном ее увеличении на 10%, ускорение строительства рабочих поселков, создание единой больничной кассы для всех нефтепромышленных рабочих, открытие школ, библиотек-читален, заключение коллективных договоров, для чего необходимо избрание Совета уполномоченных, признание профессиональных союзов и промысловых комиссий как органов представительства рабочих.

Против бастующих единым фронтом выступили нефтепромышленники и царские власти. При помощи штрейкбрехеров, банд наемных головорезов, разжигания национальной розни и провокационных слухов они пытались сломить волю рабочих, но безрезультатно. В Баку были стянуты крупные силы казаков и войск. Начались массовые облавы, аресты, высылки. Были закрыты профсоюзы. Но забастовка продолжалась. Рабочие устраивали многотысячные демонстрации и смело вступали в вооруженные столкновения с воинскими патрулями, казаками и полицией. Конфликт с нефтепромышленниками отодвинулся на второй план, и стачка все более превращалась в движение, направленное против царского строя. К 17 июня общее число бастующих в Баку достигло 50 тыс.

За героической борьбой бакинцев с напряженным вниманием и восхищением следили рабочие всей страны. Репрессии против бакинцев вызвали забастовки солидарности в Петербурге, Москве, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Харькове, Киеве, Николаеве, Риге, Сормове, Грозном и других городах России. В пользу бакинцев устраивались денежные сборы. 3 июля на Путиловском заводе собрался многотысячный митинг по поводу бакинских событий. Полиция открыла стрельбу по собравшимся рабочим. Петербургский комитет РСДРП призвал рабочих к трехдневной всеобщей забастовке протеста.

Рабочие устраивали митинги и выходили на улицы с красными флагами и революционными песнями. 4 июля бастовало 90 тыс., 8 июля — 150 тыс. рабочих. Забастовка носила исключительно политический характер. 7 июля на улицах Петербурга произошли грандиозные демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч человек. На Выборгской стороне рабочие сооружали баррикады. На помощь полиции, которая уже не могла справиться с движением, были вызваны войска. 8 июля была закрыта «Правда». По всему городу полиция производила обыски и аресты большевиков.

10 июля Петербургский комитет РСДРП призвал рабочих к организованному прекра-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 416.

щению забастовки, так как «еще не настал момент решительного выступления пролетариата»: недостаточно был подготовлен пролетариат всей страны, крестьянство и особенно армия участвовали в революционных выступлениях 1910—1914 гг. мало, неактивно. 17 июля всеобщая стачка в Петербурге прекратилась, но капиталисты с целью репрессий и «фильтрации» рабочих при обратном приеме объявили локаут. Назрело новое, еще более мощное наступление питерских рабочих.

Начавшаяся война приостановила развитие революционного кризиса в стране.

ГЛАВА 24
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1906—1914 ГГ.

АНГЛО-РУССКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1907 Г. Международные отношения в 1906—1914 гг. характеризовались дальнейшим углублением противоречий между империалистическими государствами в борьбе за передел мира, невиданным ростом шовинизма и милитаризма, окончательным расколом Европы на враждующие военно-политические блоки, столкновение которых зажгло пожар первой мировой войны.

Значительное влияние на международную обстановку, расстановку сил в межимпериалистической борьбе и внешнюю политику царизма оказали русско-японская война и революция 1905—1907 гг. Русская революция способствовала развертыванию национально-освободительной борьбы в колониальных и зависимых странах, усилению рабочего движения в метрополиях, вследствие чего возросла общая неустойчивость мировой капиталистической системы. В то же время русско-японская война и первая русская революция подорвали финансовое положение царизма и его военно-политический престиж на международной арене.

Важной особенностью международных отношений этого времени было углубление англо-германских противоречий. Немецкие империалисты требовали перераспределения в свою пользу колоний и сфер влияния, чтобы получить «место под солнцем». Германия приступила в 1900 г. к реализации большой программы военного кораблестроения, предусматривавшей удвоение в течение 15 лет тоннажа флота.

Усиление Германии заставило британскую дипломатию отказаться от своей традиционной политики «блестящей изоляции» и взять курс на сближение с Францией. В 1904 г. британское правительство заключило соглашение с Францией, что открыло дорогу и к сближению с ее союзницей — Россией. В свою очередь, Россия шла на это сближение, чтобы иметь возможность противодействовать агрессивным замыслам японской военщины в отношении русского Дальнего Востока и проникновению Австро-Венгрии и Германии на Балканы и в Турцию.

С вступлением России в эпоху империализма значительно возросло экономическое и стратегическое значение черноморских проливов, что было связано, в первую очередь, с увеличением русского хлебного экспорта, который осуществлялся преимущественно через южные порты: если в 70-х годах через балтийские порты ежегодный вывоз хлеба составлял 54%, а через черноморские — 46%, то в 1907 г. по Балтийскому морю вывозилось всего 11%, а через Босфор и Дарданеллы — 89% хлеба. Таким образом, морской путь через проливы являлся для России важнейшей торговой артерией. Между тем рост германского влияния в Турции, стремление Германии не только подчинить себе экономику Турции, но и установить свой контроль над ее вооруженными силами представляли и прямую угрозу России: господство Германии на берегах Босфора привело бы к полной зависимости от нее экономического развития всего Юга России и ставило под удар наиболее уязвимые в военном отношении и экономически важные районы страны.

Курс на сближение с Англией встретил полное одобрение буржуазно-помещичьих партий, от умеренно правых до кадетов, так как они надеялись, что это поможет устранить опасность новой войны с Японией и усилит позиции России на Балканах и в Турции.

Поворот царизма к сближению с Англией произошел не без борьбы, так как в России имелись влиятельные круги, ориентировавшиеся на Германию. Прогерманские настроения были сильны в ближайшем окружении царя, в Совете министров, в дипломатическом корпусе, в Государственном совете, в правой фракции Государственной думы, в черносотенной прессе — «Гражданине»,

«Земщине», «Русском знамени». Эти круги видели в кайзеровской Германии самый могучий бастион европейской реакции и полагали, что дружба с ней дала бы царской России больше, чем союз с Англией и Францией.

Но объективные интересы русских помещиков и буржуазии оказались сильнее политических симпатий реакционеров к Германии. Последняя заодно с Австро-Венгрией грозила превратить Балканы и Турцию в сферы своего влияния. Вот почему, когда английское правительство в мае 1906 г. предложило начать переговоры о соглашении, царское правительство дало положительный ответ. Однако переговоры происходили с большими трениями и перерывами, так как новое обострение внутриполитического кризиса в период I Государственной думы усилило в русских правящих кругах прогерманские настроения. Именно к этому времени относится открытая угроза царского правительства прибегнуть для подавления революции к помощи «немецкого бронированного кулака». В свою очередь, британское правительство не было уверено, что царизм удержится, и не исключало перехода власти в России к левым партиям. Лишь осенью 1906 г., когда положение царизма несколько стабилизировалось, английская буржуазная пресса признала ошибкой свою ставку на приход к власти кадетов и стала видеть гарантию «порядка» в России в Столыпине. С этого времени англо-русские переговоры встали на твердую почву.

Перед царским правительством в это время стояла задача нормализации русско-японских отношений, так как японские милитаристы, используя революционную обстановку в России, стремились к новым захватам на Дальнем Востоке. 15 июля 1907 г. при содействии Англии и Франции, которым было невыгодно отвлечение военных сил России на Дальний Восток, были подписаны русско-японский торговый договор и рыболовная конвенция, а через день — общеполитическое соглашение. Оно состояло из гласной конвенции, заявлявшей о сохранении обеими державами статус-кво на Дальнем Востоке, и секретного договора, устанавливавшего, что Северная Маньчжурия и Внешняя Монголия входят в сферу влияния России, а Южная Маньчжурия и Корея — в сферу влияния Японии.

18 августа 1907 г. в Петербурге было подписано соглашение между Россией и Англией о разграничении интересов в Иране, Афганистане и Тибете. До русско-японской войны и первой русской революции царизм стремился распространить свое влияние на весь Иран. Теперь царское правительство согласилось на раздел Ирана на три зоны: северную — сферу влияния России, юго-восточную — Англии и среднюю — нейтральную. Стороны обязывались не домогаться концессий в чужой сфере и не вмешиваться в экономические и политические мероприятия, которые предпримет другая сторона в своей зоне. Нейтральная зона оставалась открытым полем конкуренции для русских и английских капиталистов. Обеим державам предоставлялись равные права в отношении приобретения концессий в этой зоне. Англия и Россия договорились также о контроле над источниками доходов Ирана на случай, если бы платежи по государственным займам поступали неисправно. Обе стороны брали на себя обязанность поддерживать порядок в Иране, т. е. осуществлять жандармские функции.

Россия признавала Афганистан находящимся вне сферы своих интересов и обязалась вести политические сношения с ним лишь через посредство британского правительства. Со своей стороны Англия обязалась не допускать в Афганистане меры, «угрожающие России». В области торговли с Афганистаном был принят принцип равноправия. Признание Россией фактически английского протектората над Афганистаном ослабляло ее стратегические позиции в Средней Азии.

Обе стороны договорились о сохранении территориальной целостности и автономии Тибета. Русское и английское правительства обязались вести дела с тибетскими властями только через посредство китайского правительства и не добиваться в Тибете концессий или осуществления других прав. Однако это обязательство не распространялось на деятельность английских коммерческих агентов в Тибете.

В заседании Государственной думы 27 февраля 1908 г. лидеры буржуазно-помещичьих партий, от умеренно правых до кадетов, горячо приветствовали заявление министра иностранных дел о подписании англо-русского соглашения. Недовольны были только крайние черносотенцы. С их точки зрения, соглашение нужно было не России, а Англии. Они утверждали, что англичане, «обезвредив» на много лет Россию войной с Японией, теперь заигрывают с Россией, наме-

реваясь обессилить Германию «нашими» руками во славу своей мировой гегемонии. Черносотенцы были обеспокоены и тем, как бы союз с «западными демократиями» не усилил «разрушительные» оппозиционные силы в России в ущерб «историческим устоям». Они указывали, что Англия и Франция будто бы делают ставку на приход к власти либералов, что эти державы заинтересованы в сохранении русской «конституции», тогда как юнкерская Германия готова оказать помощь царизму в подавлении революции.

Англо-русское соглашение было резко осуждено демократической общественностью России и Англии. В резолюции V съезда РСДРП подчеркивалось, что «проектируемое соглашение английского правительства с русским явилось бы громадной моральной поддержкой для злейшего врага цивилизации». Съезд апеллировал к английской демократии, призывая ее помешать правительству Великобритании совершить это преступление по отношению к освободительному движению в России. В мае 1907 г. в английских газетах было опубликовано письмо 17 лиц (среди подписавшихся были Дж. Голсуорси и Б. Шоу), в котором осуждалось готовившееся соглашение, потому что «оно может способствовать укреплению царизма и отдалить момент освобождения русского народа».

Международное значение англо-русского соглашения не исчерпалось разграничением сфер влияния на Среднем Востоке. Этот договор привел к окончательному расколу Европы на два противоборствующих блока — Тройственное согласие, или Антанту, оформившуюся в 1904—1907 гг. (Англия, Россия, Франция), и сложившийся гораздо ранее, в 1882 г., Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия) — и, следовательно, явился важнейшей вехой на пути к первой мировой войне.

БОСНИЙСКИЙ КРИЗИС 1908—1909 ГГ. Буржуазная общественность рассматривала англо-русское соглашение в соединении с франко-русским союзом как гарантию успеха широкой экспансии российского империализма на Ближнем Востоке. Камуфляжем для этой экспансии должна была служить панславистская концепция об «исторической миссии» России как «освободительницы» славянских народов. При этом националисты и большинство октябристов представляли себе «славянское единение» в виде поглощения Россией мелких славянских народов. По мнению же национал-либералов в лице кадетов и прогрессистов, Россия могла бы выполнить свое «историческое призвание» лишь на основе «живого культурного обмена» с западными и южными славянами.

Тем временем державы Тройственного союза, воспользовавшись ослаблением царизма в результате русско-японской войны и революции 1905—1907 гг., активизировали свою политику на Балканах. В январе 1908 г. австро-венгерский министр иностранных дел барон Эренталь объявил о предстоящем проведении Австрией с согласия турецкого султана железной дороги на Митровицу, откуда уже пролегала железнодорожная линия до Салоник. Осуществление этого проекта упрочило бы влияние «лоскутной» монархии в центре Балканского полуострова и во всей его западной половине и противоречило ранее заключенным соглашениям.

Для противодействия экспансионистским планам Австро-Венгрии и стоявшей за ее спиной Германии А. П. Извольский (министр иностранных дел России в 1906—1910 гг.) выдвинул идею «размораживания» балканских вопросов, и в первую очередь вопроса о проливах [1]. На совещании министров 21 января 1908 г. он заявил, что на Балканах «могут в любой момент совершиться такие события, которые предотвратить не в нашей воле». Поэтому важно заранее отдать себе отчет, «какое положение имеет занять Россия в случае грядущих осложнений». Совещание высказывалось против «активной политики». Особенно энергично требовал избегать внешнеполитических осложнений Столыпин. Он считал, что новая мобилизация в России придала бы силы революции, из которой страна только что начинает выходить. Вслед за этим Совет государственной обороны признал, что «вследствие крайнего расстройства материальной части в армии и неблагоприятного внутреннего состояния страны необходимо ныне избегать принятия таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения».

Начавшаяся в июне 1908 г. младотурецкая революция усилила югославянское освободительное движение. В создавшихся условиях

---

[1] Вопрос о проливах был «заморожен» в формуле Лондонского договора 1871 г.: закрытие их для военных кораблей всех иностранных государств, включая Россию. Однако султану предоставлялось право открывать проливы в мирное время для военных судов «дружественных» и союзных держав.

Эренталь решил форсировать давно задуманную австрийскими правящими сферами аннексию Боснии и Герцеговины. Эти две провинции, населенные сербами и хорватами, по решению Берлинского конгресса (1878) были оккупированы австрийскими войсками, но оставались под номинальным суверенитетом Османской империи. Самочинная аннексия была бы грубым нарушением Берлинского трактата.

Правительство Австро-Венгрии полагало, что Россия, не оправившись еще после войны с Японией и революции 1905—1907 гг., не окажет серьезного сопротивления. К тому же Германия заверила Австро-Венгрию в своей поддержке на случай, если Россия окажет помощь Сербии. В записке от 1 мая 1908 г. русскому правительству Эренталь обещал благожелательную позицию Австро-Венгрии в вопросе об открытии проливов для русских военных судов, если Россия согласится признать аннексию Боснии. Извольский, учитывая военную слабость России, рассчитывал добиться пересмотра конвенции о проливах 1871 г. путем балансирования между англо-французской Антантой и Тройственным союзом. Поэтому в ответной «памятной записке» австрийскому правительству от 2 июля 1908 г. Извольский, оговорив вначале, что изменение статьи 25 Берлинского трактата и конвенции о проливах — дело всей Европы, согласился обсудить эти вопросы сепаратно.

Во время встречи Извольского с Эренталем 16 сентября 1908 г. была подтверждена ранее достигнутая договоренность о готовности Австрии предоставить России свободу рук в проливах в обмен на согласие последней на аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Однако Извольский предупредил своего партнера, что окончательное решение о ревизии Лондонского договора 1871 г. и Берлинского трактата 1878 г. должно принадлежать Европейской конференции; Австрия, не дожидаясь созыва конференции, 5 октября объявила об аннексии этих территорий.

Между тем в Париже и особенно в Лондоне Извольского не поддержали. Англия сама воспользовалась плодами младотурецкой революции для усиления своего единоличного влияния в проливах. Английское правительство воспротивилось попыткам России обеспечить себе свободный проход военного флота через проливы, отказалось включить вопрос о проливах в повестку предполагаемой конференции и отклонило русское предложение о совместном демарше против захвата Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины.

Согласие Извольского на аннексию славянских областей Австро-Венгрией вызвало бурю возмущения в различных общественных кругах России. В создавшихся условиях русской дипломатии оставалось одно: ссылаясь на возбужденное состояние общественного мнения, по возможности затягивать признание захвата Австрией Боснии и Герцеговины. Но 21 марта 1909 г. германский посол в Петербурге потребовал от Извольского ясного ответа на вопросы: готова ли Россия безоговорочно признать аннексию, добиться того же от Сербии и отказаться от созыва Европейской конференции? Как хвастливо заявил канцлер Бюлов, «германский меч был брошен на весы европейских решений».

На следующий день совещание министров под председательством царя решило подчиниться германскому ультиматуму. Дипломатическая капитуляция России была вызвана опасением новой революции в случае войны. Воюя со своим народом, царизм во внешней политике проявил неожиданное миролюбие, но оно было не результатом собственной силы, а результатом бессилия.

Боснийский кризис показал всю призрачность надежд на поддержку русских планов в отношении проливов союзниками, особенно Англией, и усилил прогерманские настроения в реакционных кругах русского общества. Внешне он закончился победой Австро-Венгрии и Германии. Но эта победа оказалась иллюзорной, так как вызвала всеобщее возбуждение в славянских землях против Габсбургской монархии. Одним из главных очагов движения за свободную Югославию стала Босния. Боснийский кризис ускорил процесс сплочения народов Балкан для совместной антифеодальной и антиимпериалистической борьбы. Лозунг «Балканы — балканским народам» стал путеводной звездой в их борьбе против австрийских и турецких угнетателей.

Не увенчалась успехом и попытка поссорить Сербию с Россией. В 1911 г. Россия приняла активное участие в создании Балканского союза, надеясь использовать его против Австро-Венгрии и Германии. Тщетными оказались и попытки Германии расколоть Антанту: перед лицом германской агрессии произошла известная консолидация Тройственного согласия. Боснийский кризис привел к росту напряженности в Европе и стал прологом в первой мировой войне.

РОССИЯ И БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ 1912—1913 ГГ. В 1910 г. пост министра иностранных дел России занял С. Д. Сазонов, считавший альфой и омегой своей политики согласие с Англией. В то же время он разделял точку зрения Столыпина о необходимости избегать всяких поводов к европейским осложнениям еще многие годы, пока не наступит «успокоение» внутри страны, поэтому он ставил перед собой задачу, как писал в своих мемуарах, «обезвредить Германию на долгий срок путем уступок в области ее экономических интересов».

Германия не оставляла попыток разрушить Тройственное согласие. Во время свидания Николая II с Вильгельмом II 22—23 октября 1910 г. в Потсдаме германское правительство предложило России не поддерживать враждебную Германии политику Великобритании взамен за отказ Берлина от поощрения агрессивных действий Австро-Венгрии на Балканах. После длительных переговоров русское правительство отказалось вставить в проект договора пункт о неучастии России во враждебных Германии союзах и предложило ограничиться соглашением об Иране и Багдадской железной дороге.

6 августа 1911 г. в Петербурге было подписано русско-германское соглашение по иранским делам: Германия обязалась не добиваться для себя в Северном Иране концессий; со своей стороны Россия не должна была препятствовать сооружению Багдадской магистрали и железной дороги от Тегерана до Ханекина. Это соглашение частично смягчило русско-германские противоречия, но своей главной цели — оторвать Россию от ее союзников — Германия не добилась.

Начавшаяся в сентябре 1911 г. итало-турецкая война возбудила у царской дипломатии надежду на возможность решения вопроса о проливах путем сепаратного соглашения с Турцией; в октябре этого же года русский посол в Константинополе по поручению Сазонова предложил Турции гарантировать неприкосновенность ее владений в Европе в обмен на открытие проливов для русских военных кораблей. Он выдвинул также идею создания Всебалканской конфедерации, включая Турцию. Однако этот проект был совершенно неприемлем для балканских стран, ибо в основе его лежало сохранение статус-кво на Балканах. Сербия, Болгария и Греция были заинтересованы в освобождении своих земель от турецкого владычества. Если нападение Италии на Турцию в Петербурге рассматривали как удобный повод для русско-турецкого сближения, то в Софии, Белграде и Афинах — как неповторимый случай для разгрома Турции соединенными силами.

Русский план открытия проливов встретил тайное противодействие империалистических держав, не исключая Англии и Франции. В западной прессе началась ожесточенная кампания против России, которую обвиняли в попытке нарушить «равновесие» на Ближнем Востоке. Убедившись в безуспешности своего плана, Сазонов предписал прекратить дальнейшие переговоры, а в интервью парижским газетам утверждал, что «Россия ни о чем не просит, не начинала никаких переговоров, не пыталась предпринимать никакого шага».

Потерпев неудачу в сепаратных переговорах с Турцией, русская дипломатия взяла на себя посредничество в переговорах Болгарии и Сербии, которые завершились в марте 1912 г. заключением между ними договора об оборонительном союзе против Австрии и наступательном союзе против Турции. Секретное приложение к договору определяло линию разграничения территориальных приобретений союзников после победы над Турцией. Территория, о будущей принадлежности которой союзники не сумели договориться, была объявлена спорной, и вопрос о ее судьбе подлежал передаче на арбитраж России.

В мае Греция заключила союзный договор с Болгарией. В сентябре 1912 г. балканские союзники начали военные действия против Турции и быстро ее разгромили. Сербы, нанеся поражение туркам, вышли к Адриатическому морю. Греки заняли Салоники. Болгары разбили турецкие войска в Восточной Фракии и двинулись на Чаталджинские позиции — последнюю преграду на пути к Константинополю.

Весть о войне была встречена с восторгом в буржуазно-помещичьих кругах России. В Петербурге и Москве организовывались славянские комитеты, устраивались дни «славянских флагов», лекции об «освободительной Миссии» России на Балканах, денежные сборы в пользу славян, добывающих себе свободу. Националистическая и национал-либеральная пресса предлагала воспользоваться победами балканских союзников, чтобы занять Босфор и Дарданеллы, причем выражала уверенность, что «Европа, удивленная и частью

сильно раздосадованная, преклонится перед совершившимся фактом».

Военное счастье было по-прежнему на стороне балканских союзников. 13 марта 1913 г. болгары штурмом овладели Адрианополем. Но царизм занимал выжидательную позицию, из которой его не могли вывести ни «славянофильское беснование» националистической прессы, ни понукания союзников, которых коробили беспредельная уступчивость и малодушие русской дипломатии. Сазонов на упреки в австрофильской политике отвечал, что он лишь исполнитель указаний царя, требующего мира во что бы то ни стало.

От страха перед «внутренней смутой» в случае войны не были свободны и панслависты. «Новое время», «Русская молва», «Утро России», «Голос Москвы» и другие газеты со славянофильским оттенком громили министерство «странных» дел за слабость и предательство по отношению к южным славянам, раздували шовинистические страсти. Но у многих панславистов выпады против официальной дипломатии были наигранными, притворными, своего рода тактическим ходом: в глубине души они страшились войны и хотели ее избежать, но полагали, что колебания и неуверенность в политике гораздо опаснее для мира, чем твердая и определенная линия поведения, что «дерзость» в Вене и Берлине растет параллельно с уступчивостью России и что страх перед войной именно к ней и может привести.

Однако зловещая тень войны надвигалась все ближе. В марте 1913 г. в германский рейхстаг был внесен законопроект об ассигновании одного миллиарда марок на новые вооружения, что мотивировалось неизбежностью столкновения между «германством» и «славянством». 17 (30) мая в Лондоне между балканскими союзниками и Турцией был подписан мирный договор. За Турцией в Европе осталась только узкая полоса земли, прилегающая к проливам. Но вопрос о разделе освобожденной территории между союзниками решен не был.

В конце войны между союзниками начались распри из-за дележа добычи. Сербия, вынужденная под давлением Австро-Венгрии отказаться от завоеванного ею побережья Адриатики, потребовала от Болгарии пересмотра союзного договора. Болгария отклонила это требование. В то же время обострились противоречия между Болгарией и Грецией из-за портов на Эгейском море — Салоник и Каваллы. Румыния потребовала от Болгарии части Добруджи в виде компенсации за свой нейтралитет во время войны. 1 июня 1913 г. в Салониках между Сербией и Грецией был заключен военный союз против Болгарии. Россия не смогла предотвратить распад Балканского союза, и это явилось крупным успехом Тройственного союза.

В ночь на 30 июня болгары открыли военные действия против Сербии и Греции, но уже через день были отброшены и стали отступать по всему фронту. Румыны переправились через Дунай и двинулись на Софию. В довершение всего на Болгарию напали турки и отняли у нее Адрианополь. Дипломатическое давление Сазонова на Турцию успеха не имело, а на меры военного характера русское правительство без поддержки союзников не решалось. Предоставленная своей участи Болгария капитулировала.

17 июля в Бухаресте открылась мирная конференция. За кулисами разгорелась борьба не только между Антантой и Тройственным союзом, но и внутри каждого из этих блоков. Пробным камнем для прочности Антанты явился вопрос о судьбе порта Кавалла. Желая оторвать Болгарию от Австро-Венгрии и не допустить преобладания Греции на Эгейском море, Россия настаивала на уступке Каваллы болгарам. С Россией в данном случае оказались солидарными Австро-Венгрия и Италия. Но Англия, Франция и неожиданно Германия выступили на стороне Греции, и Кавалла была отдана ей.

В результате войн 1912—1913 гг. балканские народы не добились полного самоопределения. Противоречия между ними, разжигаемые империалистами, даже усилились. Болгария, лишившаяся почти всех своих завоеваний и даже некоторых прежних владений, стала ориентироваться на Австро-Венгрию и Германию. Напротив, Румыния, отторгнувшая у Болгарии Южную Добруджу, повернула в сторону Антанты. Усилившаяся Сербия стала центром притяжения для югославянских подданных Австро-Венгрии. Новое государство на Балканах — Албания превратилась в зону всевозможных интриг и провокаций обоих империалистических блоков. Балканы, как никогда прежде, сделались «пороховым погребом» Европы.

МИССИЯ ЛИМАНА И НОВЫЕ КОЛЕБАНИЯ В ВЕРХАХ. Открыто провозглашенный русской дипломатией лозунг

«мир во что бы то ни стало» был учтен Германией, которая стала придерживаться все более непримиримого тона во всех вопросах, затрагивавших интересы России. В конце 1913 — начале 1914 г. царская Россия потерпела еще одно дипломатическое поражение.

В декабре 1913 г. в Константинополь прибыла германская военная миссия во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом. Она должна была обеспечить германскому милитаризму ключевые позиции в турецких вооруженных силах, подготовить плацдарм для войны против его врагов, втянуть Турцию в орбиту германского блока. Глава миссии назначался командующим 1-м армейским корпусом в Константинополе. Подчинение турецких войск в столице немецкому генералу делало Германию, в сущности, хозяйкой проливов. Неудивительно поэтому, что миссия Лимана вызвала сильнейшую тревогу в правящих и общественных кругах России. Однако все попытки русских дипломатов добиться коллективного демарша в Константинополе, совместно с Англией и Францией, успеха не принесли.

После длительных переговоров с Германией Россия вынуждена была довольствоваться мнимой уступкой: Лиман фон Сандерс вместо командования корпусом занял пост генерального инспектора турецкой армии, что отнюдь не уменьшало его прав как высшего начальника турецкой армии, а, напротив, значительно расширяло поле его деятельности.

Конфликт из-за миссии Лимана совпал с подготовкой к переговорам о новом русско-германском торговом договоре. Русские аграрии высказывали недовольство договором 1904 г., который, по их мнению, «душит русское сельское хозяйство». Царское правительство хотело добиться снижения пошлин на вывозимые в Германию сельскохозяйственные продукты и повысить собственные пошлины на промышленные изделия. В прессе развернулась шумная кампания за освобождение России от «экономического ига» Германии и завоевание «хозяйственной независимости». Напряженность в русско-германских отношениях еще более возросла.

Известную роль в активизации внешней политики России играла позиция ее союзников, которые давали понять, что они вынуждены будут подумать о новой ориентации, если Россия не определит пределы своего «миролюбия». Однако решающую роль в победе «военной партии» в России сыграло обострение внутриполитического кризиса. Реакционеры готовы были броситься в омут войны, лишь бы избежать новой революции. Ленин писал: «...реакционеры очень хорошо понимают, что если что еще может отсрочить падение монархии Романовых и задержать новую революцию в России, так это только победоносная для царя внешняя война»[1].

20 февраля 1914 г. в Государственную думу поступило представление Генерального штаба об отпуске 433 млн. руб. на оборону государства. Так называемая большая программа усиления армии должна была проводиться в жизнь с 1914 г. и закончиться в 1917 г. Кредиты на большую программу усиления обороны были спешно обсуждены и одобрены Думой 10 июня 1914 г. Это «патриотическое» постановление вызвало со стороны Николая II, вообще-то не жаловавшего «таврическую говорильню» своим вниманием, изъявление «искреннего удовольствия».

Несмотря на трения внутри Тройственного согласия, которые по временам сильно обострялись, общие интересы в борьбе с растущей экспансией германского империализма заставляли Россию, Францию и Англию укреплять военно-политические связи между собой. Франко-русские обязательства, определявшиеся политическим соглашением 1891 г. и военной конвенцией 1893 г., подтверждались и уточнялись на периодических совещаниях начальников генеральных штабов. Франция требовала от России довести до минимума сроки мобилизации и сосредоточения своих армий.

Двойственность английской дипломатии во время русско-германского конфликта из-за миссии Лимана фон Сандерса побудила Сазонова в начале 1914 г. выдвинуть идею превращения Тройственного соглашения в открытый оборонительный союз. По убеждению Сазонова, отсутствие между Россией и Англией формальных обязательств военного и общеполитического характера укрепляло уверенность Германии в том, что в случае войны Англия останется в стороне. Но английское правительство хотело до самого последнего часа сохранить в Берлине и Вене иллюзию о нейтралитете Англии, провоцируя тем самым нападение Германии на Россию и Францию. По этим соображениям реакция в

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 329.

Лондоне на зондирование Сазоновым вопроса о союзе была отрицательной.

Весной 1914 г. русская дипломатия предложила Англии заключить военно-морскую конвенцию по типу англо-французской [1]. Россия добивалась, чтобы Англия оттянула на себя возможно большую часть германского флота от русского побережья на Балтике, а в Средиземном море обеспечила преобладание Тройственного согласия и не позволила австро-итальянскому флоту проникнуть в Черное море.

Англия не спешила с переговорами. Ее интересы были обеспечены франко-русскими военными обязательствами. В сотрудничестве же с Россией на море англичане были мало заинтересованы, так как низко оценивали мощь русского Балтийского флота. Поэтому Англия потребовала за свое согласие на заключение военно-морской конвенции пересмотра англо-русского соглашения 1907 г., а именно расширения английской зоны в Иране и предоставления ей свободы рук в Тибете. Как только сведения о переговорах проникли в печать, Грей поспешил прервать их и даже отрицал в парламенте, что они велись.

Переговоры возобновились в конце июня 1914 г. и протекали уже в накаленной атмосфере июльского кризиса. Тактика английского правительства в эти дни заключалась в том, чтобы заставить Россию активно выступить против австрийской агрессии. Но Россия могла решиться на войну только при условии получения от Англии определенных гарантий военной поддержки. Английское правительство вынуждено было отказаться от тактики проволочек и согласиться подтвердить в форме военно-морской конвенции и общеполитического соглашения свою готовность действовать заодно с Россией против австро-германского блока. Это несомненно повлияло на позицию России в решающие дни июльского кризиса: на этот раз она не отступила перед германским шантажом, как это было в 1909, 1912 и 1913 гг.

Апологеты империализма уверяли, что благодаря системе военно-политических блоков в Европе установилось «равновесие сил», а это якобы может служить лучшим обеспечением международного мира. На деле же установившаяся в начале XX в. «система равновесия» сопровождалась всевозрастающим вооружением и привела к кровавой развязке.

ГЛАВА 25
РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1. НАЧАЛО ВОЙНЫ

ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ВОЙНУ. 15 (28) июня 1914 г. в городе Сараеве был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд Г. Принципом, членом конспиративной группы «Молодая Босния». «Выстрел в Сараеве» для немецких милитаристов, которые хотели начать войну до того, как будет реализована «большая программа» усиления русской армии, явился поводом для развязывания первой мировой войны. Подстрекаемое Берлином австро-венгерское правительство предъявило Сербии ультиматум, оскорблявший ее национальное достоинство и посягавший на ее суверенитет.

Австрийский ультиматум совпал по времени с массовыми забастовками питерских рабочих, сопровождавшимися уличными демонстрациями и попытками сооружения баррикад в столице. В разгар июльских революционных выступлений в Петербург прибыл французский президент Пуанкаре, чтобы подтолкнуть Россию к войне. В беседах с царем и его министрами он убеждал их быть «твердыми» и не отступать перед угрозами Австро-Венгрии и Германии. 11 июля на экстренном заседании Совета министров С. Д. Сазонов заявил, что Россия не может оставаться безучастной зрительницей уничтожения Сербии, ибо тогда она совершенно утратит значение великой державы; непрерывные уступки России истолковываются Германией как военная неподготовленность и слабость и не только не сдерживают дальнейших германских домогательств, а, наоборот, делают их все настойчивее. Совет министров присоединился к мнению Сазонова о необходимости достойного и решительного выступ-

[1] В ноябре 1912 г. путем обмена письмами между министром иностранных дел Англии Греем и французским послом в Лондоне Полем Камбоном было условлено, что Англия и Франция, готовясь к войне с Германией, будут разрабатывать свои военные планы в расчете на совместное ведение борьбы. Англия брала на себя охрану Атлантического побережья Франции, а французский флот — защиту английских интересов в Средиземном море.

ления в защиту Сербии, но вместе с тем постановил приложить все усилия для мирного улаживания австро-сербского конфликта. Даже открытие Австро-Венгрией 15 июля военных действий против Сербии Совет министров не признал за «казус белли» (формальный повод для объявления войны) и решил продолжать дипломатические попытки локализовать очаг войны.

Николай II долго колебался, прежде чем принять окончательное решение. Сазонов заявил царю, что тот готовит себе смертный приговор, ибо Россия никогда не простит ему тех унижений, которые неизбежны в случае, если он будет любой ценой избегать войны. Николай II вызвал к себе великого князя Николая Николаевича и назначил его верховным главнокомандующим. 18 (31) июля была объявлена общая мобилизация в России.

Германия в тот же день потребовала отменить мобилизацию и после того, как царское правительство отказалось выполнить это требование, 19 июля (1 августа) объявила войну России. 21 июля (3 августа) Германия вступила в войну с Францией. На следующий день в связи с нарушением немцами нейтралитета Бельгии английское правительство объявило о состоянии войны с Германией. Война сразу приобрела общеевропейский характер, а вскоре стала мировой. В нее было вовлечено 38 государств с населением свыше 1,5 млрд. человек, или $^{3}/_{4}$ населения земного шара.

Со вступлением России в войну лозунгом либеральной буржуазии стал «Все для победы!». На заседании Государственной думы 26 июля 1914 г. лидеры всех буржуазно-помещичьих фракций выступили с призывом сплотиться вокруг «своего державного вождя, ведущего Россию в священный бой с врагом славянства», отложив «внутренние споры» и «счеты» с правительством. П. Н. Милюков, формулируя цели русской буржуазии в этой войне, заявил: «Только в результате войны должно наступить окончательное разрешение нашей вековой национальной задачи: свободного выхода к морю». При этом Милюков сослался «не на старую, славянофильскую мистическую идеологию, а на громадный факт быстрого экономического развития русского Юга, не могущего более оставаться без свободного выхода к морю». Он заверил правительство, что во имя этой задачи кадетская партия отказывается на время войны от оппозиции. Вслед за тем Милюков обратился с призывом к левым партиям не выставлять на первый план «жгучие вопросы нашей внутренней жизни», ибо это может умалить «высокий духовный подъем» народа.

В начале войны возникли всероссийские союзы — Земский и Городской, поставившие своей целью привлечь широкие общественные слои к совместным с правительством мероприятиям по обороне государства. Царская бюрократия отнеслась с недоверием к этим организациям, они были разрешены «лишь на период войны», а их задачи ограничены только помощью «больным и раненым воинам».

ТЕОРИЯ И ТАКТИКА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ ПО ВОПРОСАМ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ. Почти все партии II Интернационала, зараженные оппортунизмом и национализмом, изменили принципам пролетарского интернационализма, выступив за поддержку своей буржуазии в войне. 22 июля (4 августа) 1914 г. в германском рейхстаге социал-демократическая фракция голосовала за предоставление военных кредитов правительству. Английские, французские и бельгийские социалисты вошли в состав империалистических правительств. В России думская фракция меньшевиков, боясь потерять всякое влияние в рабочем классе, голосовала вместе с большевиками против военных кредитов. Однако очень скоро в ответ на призыв председателя бюро II Интернационала Э. Вандервельде прекратить борьбу с царизмом и поддержать войну меньшевики сползли на позицию «оборончества» и «самозащиты», объявив, что со стороны России и ее союзников война является «справедливой». II Интернационал, таким образом, потерпел крах и распался.

Только партия большевиков во главе с В. И. Лениным по-прежнему высоко держала знамя социализма и интернационализма, знамя революции, указывая пролетариату путь борьбы против империалистической войны и социал-шовинизма. В. И. Ленин подчеркивал, что война есть продолжение политики господствующих классов, только иными, насильственными средствами. Характер войн определяется не тем, кто начал войну или на чьей территории находятся войска, а тем, какой класс ведет войну, какую политику

продолжает данная война, какую политическую цель преследуют правящие круги в войне.

Руководствуясь подобным критерием, марксисты различают войны справедливые и несправедливые. Большевики всегда признавали своим священным долгом защиту отечества в прогрессивных, освободительных войнах. «Отечество, нация — это категории исторические, — писал В. И. Ленин. — Если во время войны речь идет о защите демократии или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я нисколько не против такой войны и не боюсь слов «защита отечества», когда они относятся к этого рода войне или восстанию. Социалисты всегда становятся на сторону угнетенных, и, следовательно, они не могут быть противниками войн, целью которых является демократическая или социалистическая борьба против угнетения»[1]. Но первая мировая война была с обеих сторон захватнической, империалистической. В. И. Ленин разъяснял, что «*ни Россия, ни Германия и никакая другая великая держава не имеют права говорить об «оборонительной войне»*: все великие державы ведут империалистическую, капиталистическую войну, разбойничью войну, войну для угнетения малых и чужих народов, войну в интересах прибыли капиталистов, которые из ужасающих страданий масс, из пролетарской крови выколачивают чистое золото своих миллиардных доходов»[2].

В Манифесте ЦК РСДРП, опубликованном 19 октября 1914 г. в Центральном Органе партии «Социал-демократ», был провозглашен лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, в революцию против эксплуататорских классов. Первыми шагами на пути к этой великой цели должны были стать безусловный отказ от одобрения военных кредитов и выход социалистов из буржуазных правительств, полный разрыв с политикой «национального мира», создание нелегальных организаций, поддержка братания на фронтах, организация всякого рода революционных выступлений пролетариата в тылу. В. И. Ленин противопоставил социал-шовинистическому лозунгу защиты буржуазного отечества лозунг революционного пораженчества. В этом заключался подлинный интернационализм большевистской тактики, рассчитанной на братский союз рабочих всех стран в борьбе против империалистической войны, за свержение всех буржуазных правительств, за установление всеобщего демократического мира.

Центристский же лозунг Троцкого — «ни побед, ни поражений» — был маскировкой социал-шовинистического лозунга «защита отечества».

Тактика революционного пораженчества исходила из интересов развития мировой социалистической революции. В то же время она отнюдь не противоречила и правильно понятым национальным интересам. В своей статье «О национальной гордости великороссов» (1914) В. И. Ленин писал: «Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...» Но именно потому, что русские рабочие хотели видеть свою родину свободной и независимой, прокладывающей путь к социализму, они должны были бороться «всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины...»[1].

Интернационалистская тактика большевиков требовала от революционных марксистов разрыва с обанкротившимся II Интернационалом, так как сохранение единства с социал-шовинистами было равносильно союзу с буржуазией. Поэтому В. И. Ленин поставил вопрос о создании нового Интернационала.

Творчески развивая марксизм в новых исторических условиях, В. И. Ленин в трудах «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916), «Военная программа пролетарской революции» (1916) и других дал глубокий анализ империализма, его основных противоречий и доказал неизбежность его гибели. Развитие империализма через экономические и социальные кризисы и опустошительные войны ведет к обострению классовых, национальных и международных противоречий, что и определяет характер империализма как последней стадии капитализма. Империализм — это загнивающий, паразитический и умирающий капитализм. В то же время развитие производительных

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 262.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 231—232.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 107—108.

сил общества — концентрация производства и капитала, сращивание промышленного капитала с банковским, формирование системы государственно-монополистического капитализма — создает материальные предпосылки социалистической революции. Но революцию нельзя искусственно вызвать. Она вырастает из объективно назревшего общеполитического кризиса. Первая мировая война ускорила созревание во всех воюющих странах революционной ситуации, для превращения которой в революцию необходима способность передового класса подняться на штурм империализма. Партия, стоящая на позициях марксизма, должна стать во главе этого класса.

Неравномерность экономического и политического развития приводит к тому, что вызревание предпосылок социалистической революции в отдельных странах происходит неодновременно. Они возникают прежде всего там, где всего сильнее противоречия империализма и где подготовлены силы, способные разрешить эти противоречия. Таким образом, возможна победа социализма первоначально в одной стране, если даже эта страна экономически менее развита, чем другие капиталистические страны. Это была новая теория социалистической революции. Она учитывала обстановку, сложившуюся в результате развития империализма, и творчески обобщала опыт революционной борьбы международного пролетариата. Она развязывала инициативу рабочих каждой страны и указывала им путь спасения от неисчислимых бедствий, порождаемых империализмом.

Первым по такому пути пошел рабочий класс России под руководством большевистской партии, возглавляемой великим Лениным.

Уже 16—18 июля 1914 г. на петербургских заводах и фабриках появились листовки большевиков, призывавшие рабочих к активным выступлениям против военной угрозы и к международной солидарности трудящихся всех стран. В день объявления войны, по данным фабричной инспекции, в столице не работало до 40 тыс. человек. Взволнованные происходящими событиями, рабочие вышли на улицу и провели антивоенные демонстрации с красными флагами и пением революционных песен. В Москве 20 июля было устроено шествие «патриотической» манифестации по Тверской улице. Большая группа рабочих Прохоровской мануфактуры встретила ее участников у памятника Пушкину негодующими возгласами: «Долой войну!», «Не надо крови!» По официальным, явно заниженным данным, антивоенные выступления рабочих и крестьян произошли в 17 губерниях. В ряде случаев они вылились в вооруженные схватки с полицией.

Большую работу по разоблачению империалистического характера войны успели проделать до своего ареста большевистские депутаты IV Государственной думы. Они принимали участие в составлении и печатании прокламаций, выступали на подпольных собраниях. На экстренном заседании Думы 26 июля социал-демократы выступили с декларацией, в которой решительно осуждалась война и ответственность за ее развязывание возлагалась на правящие круги всех воюющих стран. В декларации отрицалась всякая возможность «единения» народа с царем, к чему призывали буржуазные фракции Думы; надежда на прекращение войны в ней связывалась с международной солидарностью рабочих.

Социал-демократические депутаты решили не голосовать за военные кредиты и для более энергичного выражения своего протеста покинули зал заседаний. 5 ноября 1914 г. большевистские депутаты были арестованы. В знак протеста против нового произвола царских властей в Петрограде, Москве, Харькове, Екатеринославе и других городах состоялись однодневные забастовки и митинги. В феврале 1915 г. большевики-депутаты были приговорены к ссылке в Сибирь.

Суд над большевистской фракцией Думы сыграл огромную роль в революционизировании рабочего класса не только России, но и всего мира. Ленинский тезис: «Необходимо направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран», — цитируемый в обвинительном акте, благодаря открытому процессу прозвучал во всем мире как призыв к пролетарской интернациональной солидарности и социалистической революции.

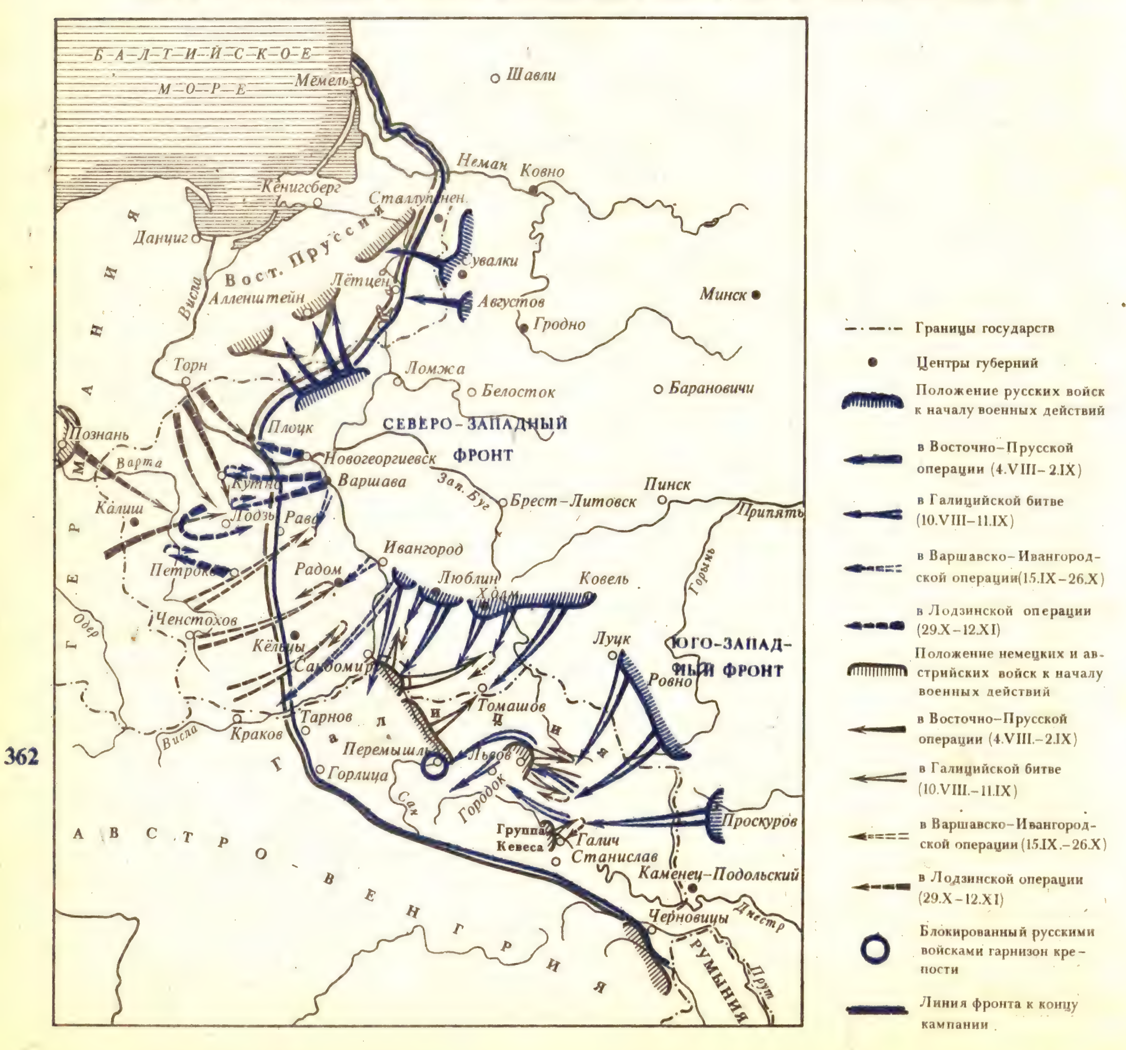
Из уцелевших в годы войны легальных рабочих организаций наиболее массовыми были больничные кассы на предприятиях. Через них большевики создавали опорные пункты для подпольной работы на заводах. В больничных кассах вели работу А. А. Андреев, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, Н. М. Шверник. В феврале 1915 г. рабо-

чая группа Главного страхового совета возобновила издание легального журнала «Вопросы страхования». В годы войны этот журнал был единственным легальным органом большевистской печати в Петрограде.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В 1914—1915 ГГ. В основе германского стратегического плана, разработанного фельдмаршалом Шлиффеном, бывшим в 1891—1905 гг. начальником имперского генерального штаба, были применение внезапного сокрушительного удара и стремление избежать войны на два фронта. Ввиду быстрой мобилизации французской армии и медленного сосредоточения русских войск предполагалось 9/10 германских сил первоначально бросить против Франции, а затем в случае победы над ней повернуть фронт против России.

Немецкие армии обрушились через Бельгию на Северную Францию, ставя своей целью захват Парижа и окружение французских войск. Германское командование, казалось, было близко к реализации своего замысла, но в решающий момент операций на Западном фронте оно вынуждено было снять два корпуса с ударного правого крыла из-за вто-

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. КАМПАНИЯ 1914 Г. НА РУССКОМ ФРОНТЕ.

ржения русских в Восточную Пруссию. По признанию французского маршала Фоша, это позволило союзникам одержать победу на Марне.

Еще перед войной русский генеральный штаб с целью отвлечения с Западного фронта части германских сил планировал одновременное наступление против Германии и Австро-Венгрии. Однако с начала войны развертывание действий русских армий, проведение военных операций были поставлены в полную зависимость от обстановки на Западном фронте. Тотчас же после объявления войны французский посол Палеолог обратился лично к Николаю II с требованием скорейшего наступления русских войск на Берлин. Иначе, заявил он, Франция рискует быть раздавленной.

Под нажимом французов русское командование отдало приказ 1-й и 2-й армиям, не закончившим еще свое развертывание, начать вторжение в Восточную Пруссию. Вначале наступление развивалось успешно. 1-я армия под командованием генерала П. К. Ренненкампфа 20 августа (2 сентября) под Гумбиненом нанесла поражение 8-й германской армии генерала Притвица. Тем временем 2-я армия генерала А. В. Самсонова перешла южную границу Восточной Пруссии в тылу армии Притвица.

Положение немецких войск в Восточной Пруссии стало критическим, и только преступное бездействие Ренненкампфа спасло германскую армию. Ссылаясь на утомление войск и необходимость подтянуть пополнения и запасы, Ренненкампф отказался от преследования противника, что позволило германскому командованию направить почти все свои силы против армии Самсонова. Два корпуса армии Самсонова были окружены и почти целиком погибли. Остальные части 2-й армии отошли к русской границе. После этого 8-я германская армия, усиленная переброшенными с Западного фронта войсками, атаковала армию Ренненкампфа и к середине сентября вытеснила русских из Восточной Пруссии. Неудача восточно-прусской операции объясняется не только неоправданной поспешностью наступления 1-й и 2-й русских армий, вызванной энергичным нажимом со стороны Франции, но и неспособностью царского военного руководства согласовывать действия двух своих армий.

Иначе сложилась обстановка на Юго-Западном фронте. Русские армии вторглись в Галицию, разбили во встречных боях противника и 3 (16) сентября 1914 г. заняли Львов. Продолжая успешное наступление, русские войска отбросили австро-венгерские армии за реку Сан. Крупнейшая австрийская крепость Перемышль была блокирована и 9 (22) марта 1915 г. капитулировала. В результате поражений боевой состав армий противника в Галиции уменьшился почти наполовину — было потеряно около 400 тыс. солдат и офицеров.

Разгром австро-венгерских войск не был полным. Однако по настоянию союзников русская Ставка приостановила преследование австрийцев и произвела рокировку 4-й, 5-й и 9-й армий с реки Сан к Средней Висле, а 2-ю армию перебросила с Нарева в район Варшавы, намереваясь наступать крупными силами на Берлин. В свою очередь, германское командование, опасаясь потери промышленной Силезии, предприняло наступление на Варшаву. В кровопролитных сражениях под Варшавой и Ивангородом, в которых участвовало с обеих сторон до 900 тыс. человек, русские войска поставили в критическое положение 9-ю германскую армию и наголову разбили 1-ю австрийскую армию. Но преследование велось нерешительно, 9-я германская армия ускользнула от окружения.

В ноябре 1914 г. 9-я германская армия, усиленная тремя дивизиями за счет новых формирований, неожиданным броском пыталась окружить 2-ю русскую армию в районе Лодзи. Но русские войска сами создали угрозу окружения главной обходящей группы немецкого генерала Шеффера, которая и была полностью разгромлена. Успешным контрнаступлением в районе Лодзи русские вновь оказали существенную поддержку западным союзникам, которые в это время вели сражение во Фландрии. Германское командование вынуждено было отказаться от попытки захвата Дюнкерка — важнейшего узла коммуникаций, связывавших Францию с Англией. Вместо быстрой победы до «осеннего листопада» германское командование должно было в конце 1914 г. перейти к обороне.

Известной компенсацией за военные неудачи для центральных держав явилось вступление в войну Турции. Еще перед войной Германия использовала противоречия в лагере Антанты, чтобы добиться экономического и политического преобладания в Турции.

2 (15) августа 1914 г. между Германией и Турцией был подписан договор о союзе. Однако Турция с согласия Германии решила оставаться нейтральной до тех пор, пока не будет завершена мобилизация. С целью выигрыша времени военный министр Энвер-паша даже вступил с Россией в переговоры о союзе.

10 (23) августа в Мраморное море вошли немецкие крейсеры «Гебен» и «Бреслау». Они были пропущены англичанами, не желавшими перехода черноморских проливов под контроль России. Английское правительство опасалось, что в случае захвата проливов Россией последняя может выйти из войны еще до полной победы над Германией. Оттоманское правительство объявило, что оно якобы купило «Гебен» и «Бреслау» у Германии. Но на кораблях остались немецкие команды, и все «отуречивание» свелось к маскараду: германский флаг был заменен турецким, а матросы надели фески. Командующим турецким флотом был назначен германский адмирал Сушон.

С прибытием германских кораблей соотношение сил в Черном море изменилось в пользу Турции. Это укрепило влияние в турецком правительстве наиболее авантюристических панисламистских кругов во главе с Энвер-пашой.

После сражения на Марне и русских побед в Галиции Германия стала торопить Турцию со вступлением в войну с целью оттянуть силы в Закавказье и заставить англичан держать большую армию в Египте. Германия предоставила Турции заем при условии вступления ее в войну сразу же после получения первого взноса. Но турецкое правительство колебалось.

Форсируя развязку войны, Энвер-паша решил поставить свою страну перед совершившимся фактом. С его ведома 16 (29) и 17 (30) октября германо-турецкий флот напал на русские суда в Черном море, обстрелял Севастополь, Феодосию, Новороссийск, Одессу. С этого дня Турция фактически вступила в войну. В декабре 3-я турецкая армия начала наступление в Сарыкамышском направлении с целью окружения и уничтожения сосредоточившейся здесь Кавказской армии, но в результате русского контрманевра сама была разбита, потеряв более 78 тыс. из общего состава армии в 90 тыс. Потери русских были в три с половиной раза меньше турецких. Победа русских под Сарыкамышем облегчила англичанам оборону Суэцкого канала. В 1916 г. русские войска овладели крепостью Эрзерум и городами Трапезунд и Эрзинджан. Турция могла быть в 1916 г. окончательно сокрушена, если бы не отказ союзников координировать свои военные действия с Россией.

После падения Перемышля русские армии начали успешное наступление в Карпатах. К весне 1915 г. они овладели многими горными проходами и готовились выйти на венгерскую равнину. Под влиянием русских побед Италия 23 мая (5 июня) 1915 г. вступила в войну на стороне Антанты.

Активные действия русских армий вынудили германское командование в 1915 г. перейти к стратегической обороне на западе и сосредоточить свои усилия на востоке с целью разгрома России и вывода ее из войны. С Западного фронта были переброшены лучшие корпуса для окружения русских войск, сражавшихся в Польше и Галиции, и нанесения им фланговых ударов. Из этих корпусов была сформирована ударная армия под командованием генерала Макензена. Если в апреле 1915 г. на Западном фронте было 100 германских дивизий, а на Восточном — 92 германские и австро-венгерские дивизии, то в августе того же года на западе сосредоточилось 90 германских дивизий, а на востоке — 105 дивизий.

В мае 11-я армия Макензена и 4-я австрийская армия начали наступление в районе Горлицы. На участке прорыва противник имел превосходство в живой силе более чем вдвое, а в тяжелой артиллерии — даже в 40 раз. 2 (15) мая после интенсивной артиллерийской подготовки неприятель прорвал русские позиции. Царское командование не сумело разобраться в обстановке и организовать контрманевр. Вместо быстрого отвода своих армий за Сан с целью перегруппировки и подготовки мощного удара во фланг или тыл наступавшего противника оно бросало по частям прибывающие подкрепления в бесплодные контратаки. Все же, несмотря на подавляющий перевес в силах и растерянность царского командования, наступление австро-германских войск развивалось медленно. Только 22 июня (5 июля) русские войска оставили Львов.

В начале июля германское командование, пытаясь взять русские армии в гигантские клещи, предприняло атаку на крепость Седлец своим левым флангом на Наревском направ-

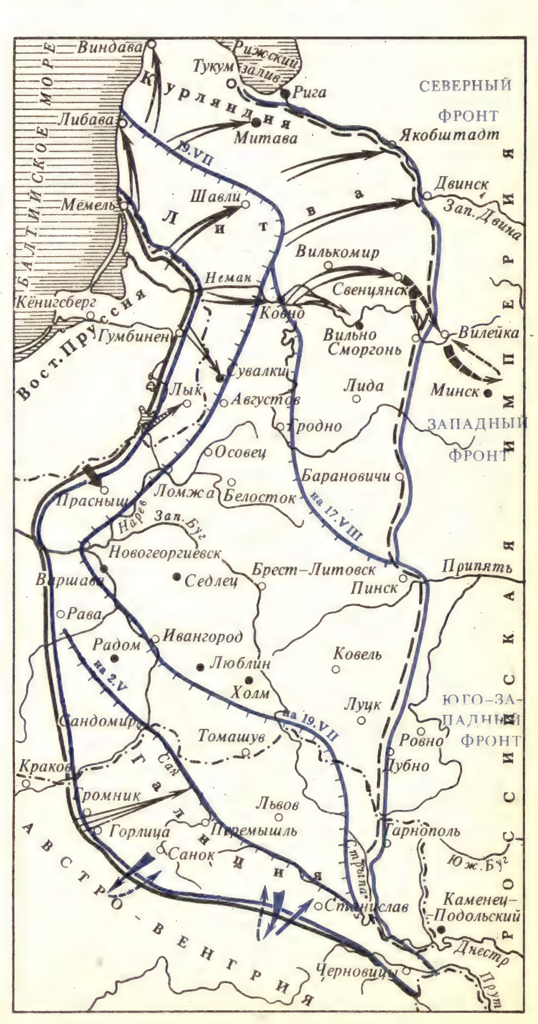
лении, у Прасныша, а правым флангом — на Люблинском направлении, между Западным Бугом и Вислой, на север.

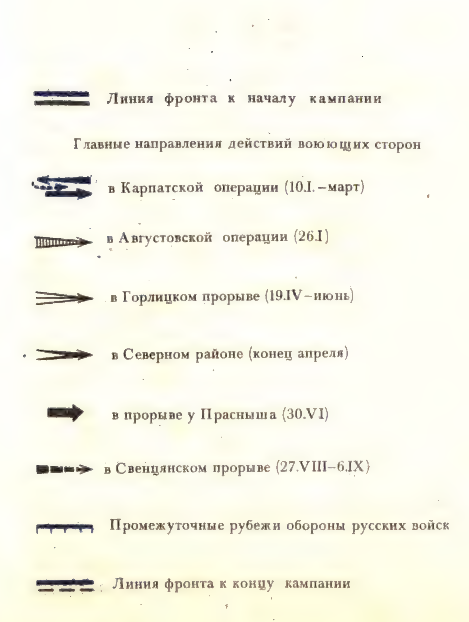
Русские войска испытывали недостаток в вооружении, и особенно в снарядах. Дневной расход снарядов был установлен из расчета одного-двух выстрелов на орудие, в то время как вражеская артиллерия засыпала русские позиции градом снарядов. Не хватало даже винтовок, нередко пополнения вливались в боевую линию безоружными с приказом подбирать винтовки убитых солдат. 22 июля (4 августа) русские войска оставили Варшаву, а затем и Новогеоргиевск и отошли на линию Рига — Ковно — Брест — Ковель.

Развивая успешное наступление, немецкие войска начали атаки на Ковенском направлении. 9 (22) августа комендант Ковенской крепости генерал Григорьев без сопротивления сдал крепость врагу. Русские армии вынуждены были отойти на линию Гродно — река Стырь.

В конце августа немцы прорвали русский фронт у Свенцян и заняли Вильно. Этим, собственно, и был исчерпан наступательный порыв германской армии. Контрударами в

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. КАМПАНИЯ 1915 Г. НА РУССКОМ ФРОНТЕ.

районе Двинска и Ровно осенью 1915 г. германское наступление было остановлено, фронт стабилизировался на линии Рига—Двинск—Барановичи—Пинск—Дубно.

Русские войска были вытеснены из Галиции, Польши, Литвы, части Прибалтики и Белоруссии, но германский стратегический план не был осуществлен: немцам не удалось окружить и уничтожить русские армии и вывести Россию из войны. Однако потери русских были велики. Плохо вооруженная русская армия должна была миллионами жертв расплачиваться за экономическую и военную отсталость своей страны, а также за бездействие союзников на Западном фронте.

«ПАТРИОТИЧЕСКОЕ» НАСТРОЕНИЕ БУРЖУАЗИИ. ОБРАЗОВАНИЕ ПРОГРЕССИВНОГО БЛОКА. Война 1914—1918 гг. в отличие от прежних войн характеризовалась огромной протяженностью театров военных действий, участием миллионных армий, массированным применением различных видов военной техники. В связи с этим базой боевого снабжения становилось все соответствующим образом организованное народное хозяйство, что требовало военно-экономической мобилизации всего тыла.

Россия оказалась неподготовленной к войне. Рассчитывая, что война будет кратковременной, царское правительство даже приблизительно не предвидело тех огромных требований, которые война предъявит к работе тыла, и собиралось вести ее за счет запасов мирного времени и производительности казенных заводов, без мобилизации частной промышленности. Но в первые же месяцы войны иссякли запасы снарядов и были установлены голодные нормы их расходования.

В мае 1915 г. по инициативе представителей финансовой олигархии при поддержке верховного главнокомандования при военном министре было образовано особое совещание по усилению артиллерийским снабжением действующей армии путем привлечения частной промышленности. В это совещание вошли А. И. Путилов, А. И. Вышнеградский и другие заправилы монополистического капитала.

Вслед за тем Всероссийский съезд представителей промышленности и торговли постановил «организовать всю неиспользованную мощь русской промышленности для удовлетворения нужд обороны государства». С этой целью были учреждены Центральный военно-промышленный комитет и районные комитеты в провинции, куда вошли видные промышленники, банковские деятели, представители технической интеллигенции. В то же время расширили свои функции союзы земств и городов, образовавшие в июле 1915 г. на паритетных началах Главный комитет по снабжению армии (Земгор). Объединяясь в военно-промышленные комитеты, расширяя круг деятельности Земского и Городского союзов и устанавливая через Особое совещание при военном министре связь с высшим командным составом, буржуазия претендовала на общее руководство военно-экономической мобилизацией страны.

Съезд представителей промышленности и торговли в мае 1915 г. высказался за экстренный созыв законодательных палат для совместной работы с правительством по снабжению армии. При этом прогрессист П. П. Рябушинский, сославшись на Англию и Францию, где в кабинет вошли, по его словам, «самые лучшие люди, в которых верит страна», заявил, что настала пора и в России выдвинуть «некоторых крупных лиц» в качестве кандидатов на пост министров. Вслед за тем конференция кадетской партии (6—8 июня 1915 г.) постановила добиваться «образования кабинета, способного обеспечить организацию тыла войны, соблюдение внутреннего мира в стране и тесное сотрудничество правительства и общества».

19 июля открылась сессия Думы. В декларации правительства говорилось о необходимости привлечения «общественных сил» к делу обороны. Правительство считало, что теперь не время «программных речей по общей политике». В дебатах по декларации лидеры буржуазных фракций упрекали власть в несоблюдении внутреннего мира. Дума приняла формулу с требованием «министерства общественного доверия».

Одним из важнейших законопроектов, внесенных правительством в Думу, был проект положения об «Особом совещании для объединения мероприятий по обороне государства». Он объединял в одном органе вопросы боевого снабжения армии, обеспечения страны топливом и продовольствием и упорядочения железнодорожных перевозок. В состав этого совещания должны были войти кроме чинов ведомств члены законодательных палат, представители главных комитетов Земского и Городского союзов и Цен-

трального военно-промышленного комитета. Распорядительная и исполнительная власть в совещании предоставлялась председательствующему в нем военному министру, а представители законодательных палат и общественных организаций получали лишь совещательный голос. Такое построение Особого совещания не давало возможность буржуазной общественности реально влиять на решения правительства. Тем не менее Дума приняла за основу правительственный проект. Было признано необходимым объединить в Особом совещании при военном министре исключительно мероприятия по боевому и материальному снабжению армии и флота. Мероприятия же по обеспечению учреждений и населения топливом, продовольствием и упорядочением перевозок Дума нашла целесообразным сосредоточить в отдельных совещаниях, созданных при Министерстве торговли и промышленности, при Главном управлении земледелия и землеустройства и при Министерстве путей сообщения.

Продолжавшийся отход русских войск, рост революционного движения вызывали опасение, что правительство не справится с положением. В Совете министров царило смятение. Министры жаловались на изоляцию правительства, которое не имеет опоры «ни снизу, ни сверху». Большинство министров пришло к заключению, что единственным выходом из политического тупика может быть только соглашение с Думой на основе определенной программы.

На совещаниях членов Думы и Государственного совета 11 и 12 августа 1915 г. было положено начало так называемому прогрессивному блоку. Платформа блока должна была стать программой правительства и обеспечить «сохранение внутреннего мира и устранение розни между национальностями и классами». В угоду правым участникам блока было решено не включать в программу социальные реформы и сохранять исключительную сдержанность в политических вопросах. Так, вместо свободы образования обществ и союзов в программу был внесен пункт о восстановлении деятельности профсоюзов и рабочей печати на основании реакционных «Временных правил» 4 марта и 26 апреля 1906 г. Было отвергнуто предложение об амнистии пяти рабочим—депутатам Думы. Центр тяжести платформы блока заключался не в программе законодательных работ, а в смене министерства, т. е. в создании «Объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы». Такая формула означала образование коалиционного, смешанного кабинета, состоявшего из «приличных» бюрократов и буржуазных лидеров и ответственного перед царем. Следовательно, «прогрессивный блок» оставлял руководящую роль в управлении государством за полуфеодальным дворянством в обмен на некоторые уступки и возможность для буржуазии приобщиться к власти. В основе самого блока лежал компромисс между двумя группировками — умеренно правыми (прогрессивные националисты и партия центра) и буржуазными (октябристы, кадеты и прогрессисты) элементами с равнением на самые умеренные — фракцию русских националистов.

Однако вне официального правительства были влиятельные реакционные круги во главе с Советом объединенного дворянства, которые отнюдь не собирались расстаться со своей политической монополией. Черносотенная пресса усилила нападки на Думу и общественные организации, обвиняя их в замысле «умалить права самодержца». Доставалось и «бессильному» и «безвольному» правительству за «заигрывание с левыми», за «прямое попустительство разрушительным планам Думы».

Успехи русского флота в Рижском заливе и войск Юго-Западного фронта у Тарнополя укрепили реакционные течения в правящих верхах. Царь принял на себя верховное командование армией. Это была попытка укрепить шатающийся трон, попытка внушить народу, что в тяжкую годину военных испытаний «сам царь стал на защиту своей страны». Это означало также прекращение колебаний власти и отказ от соглашения с думским блоком на платформе «министерства доверия».

2 сентября сессия Думы была прервана. Выслушав царский указ о роспуске Думы, депутаты громко прокричали традиционное «ура!» и тихо разошлись.

Образование парламентского блока означало, на первый взгляд, расширение оппозиционного фронта за счет «полевения» умеренно правых элементов, но в то же время оно вело к обесцвечиванию лозунгов буржуазных пар-

тий. Вместо консолидации либеральные силы растворились в бесформенно рыхлом блоке. У него, собственно, не было программы, которая стала бы альтернативой правительственному курсу и импонировала бы массам. Лишенный массовой опоры и раздираемый внутренними противоречиями, «прогрессивный блок» оказался хрупким и бесплодным. Поэтому правящая клика после непродолжительных колебаний отвергла политику уступок и соглашения с думским большинством.

2. РАБОЧИЙ КЛАСС И ВОЙНА

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ РАБОЧЕГО КЛАССА. Война внесла значительные изменения в численность и состав рабочих. Эти изменения были вызваны перестройкой промышленности для обслуживания нужд войны, отвлечением от работы в промышленности в результате мобилизации части кадровых рабочих, прошедших школу революционных боев 1905—1907 и 1910—1914 гг., и особыми условиями пополнения рабочего класса в годы войны.

За три года (1914—1916) численность рабочих, занятых в обработке металлов, увеличилась на 66,5%. В то же время уменьшилось число рабочих в текстильной промышленности, в бумажном и полиграфическом производствах. Общая численность промышленных рабочих за три военных года возросла примерно на 400 тыс. человек, из них 142 тыс. приходилось на Петроград.

Вместе со структурными сдвигами в составе рабочих в годы войны произошли значительные качественные изменения. В самом начале войны, когда рабочим не предоставлялись льготы по призыву, около 25% их было мобилизовано в армию. Общее же число промышленных рабочих, призванных на военную службу в 1914—1917 гг., составило 1 млн. человек. Вместо них на производство пришли новые люди, большей частью женщины и подростки. С 1 января 1914 г. по 1 января 1917 г. удельный вес работниц на фабриках и заводах повысился с 31 до 40%, а подростков — с 10,5 до 14%. Основным источником пополнения рабочего класса, как и раньше, было безземельное крестьянство. На заводы поступали также мелкие хозяйчики, которые хотели уклониться от военной службы. На промышленные предприятия направлялись также беженцы и военнопленные.

ЗАБАСТОВКИ. Весной 1915 г. под влиянием растущей дороговизны жизни наблюдался подъем стачечного движения. В мае произошла всеобщая забастовка в Иваново-Вознесенске. Рабочие устроили демонстрацию перед городской управой, требуя упорядочить торговлю и понизить цены на продукты. В июне в Костроме была расстреляна тысячная демонстрация рабочих Большой льняной мануфактуры.

В ночь на 9 августа в Иваново-Вознесенске были расклеены большевистские листовки, призывавшие рабочих и солдат сплотиться, чтобы повернуть оружие против настоящего врага — правительства. Полиция арестовала несколько членов Иваново-Вознесенского комитета РСДРП. В знак протеста против репрессий 10 августа вспыхнула забастовка, в которой приняли участие 25 тыс. человек, или 80% всех рабочих города. Когда 8-тысячная демонстрация рабочих двинулась к тюрьме, чтобы освободить арестованных, солдаты открыли по демонстрантам огонь; 30 рабочих было убито и 53 ранено. События в Иваново-Вознесенске вызвали массовые стачки и демонстрации протеста в Петрограде, Москве, Нижнем Новгороде, Туле, Харькове и Екатеринославе.

2 сентября началась стачка на Путиловском заводе в Петрограде, которая быстро распространилась на другие предприятия. В ней участвовало около 83 тыс. человек с 70 предприятий. Забастовка сопровождалась многочисленными митингами, демонстрациями и в отдельных случаях вооруженными столкновениями рабочих с полицией.

БОЙКОТ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМИТЕТОВ. В результате все более разгоравшегося массового стачечного движения падала производительность труда. Репрессии не достигали своей цели. Более дальновидная часть буржуазии по примеру своих западных собратьев хотела при помощи социал-шовинистов привлечь рабочих к участию в «национальной обороне». Первый Всероссийский съезд военно-промышленных комитетов в июле 1915 г. решил создать в этих комитетах рабочее представительство. Это должно было, по мнению участников съезда, пробудить в рабочих «активный и здоровый интерес к делу национальной обороны», парализовать стачечное движение и обеспечить классовый мир. Учитывая разгром большеви-

стских организаций, капиталисты надеялись провести от рабочих в военно-промышленные комитеты социал-шовинистов и, таким образом, добиться хотя бы видимости сотрудничества буржуазии с пролетариатом.

Русское бюро ЦК РСДРП приняло постановление о тактике бойкота военно-промышленных комитетов, предусматривавшее использование избирательной кампании в агитационных целях при непременном отказе рабочих от вхождения в эти комитеты. В Петрограде в выборах приняло участие более 200 тыс. рабочих от 101 предприятия. На заводских собраниях избирались выборщики по норме: один выборщик на тысячу рабочих. Выборщики на общегородском собрании должны были избрать своих представителей в Центральный и Петроградский военно-промышленные комитеты.

Петербургский комитет РСДРП выработал проект наказа выборщикам, в котором говорилось, что усилия пролетариата должны быть направлены на завоевание власти путем превращения империалистической войны в гражданскую и что участие в военно-промышленных комитетах было бы изменой революционно-интернационалистскому знамени. На собраниях сочувствие рабочих было явно на стороне большевиков. Меньшевиков, призывавших идти в комитеты в интересах «обороны» страны, прерывали криками: «Долой с завода!» Во избежание провала они стали уверять, что идут в комитеты для «организации распыленных сил пролетариата». В результате такой маскировки на некоторых заводах в выборщики прошли кандидаты блока меньшевиков и эсеров. Но на общегородском собрании выборщиков 27 сентября было принято предложение большевиков не участвовать в выборах. Собрание предупредило социал-шовинистов, что если они все же войдут в военно-промышленные комитеты, то «против них, как изменников и противников воли петроградского пролетариата, будет вестись решительная борьба».

После ареста нескольких большевиков-выборщиков были назначены вторичные выборы. На собрании выборщиков 29 ноября от имени большевиков, межрайонцев и эсеров-интернационалистов была оглашена декларация об отказе выбирать. После этого 79 человек ушли с собрания. Оставшиеся социал-шовинисты избрали 10 человек в Центральный военно-промышленный комитет (9 меньшевиков и 1 эсера) и 6 — в Петроградский областной комитет (4 меньшевика и 2 эсера).

Петроградские рабочие, игравшие ведущую роль в рабочем движении России, своим отказом сотрудничать с буржуазией в деле «обороны» оказали большое влияние на исход всей кампании по выборам в военно-промышленные комитеты. Заправилы военно-промышленных комитетов, учтя опыт избирательной кампании в столице, стремились провести выборы в областные и местные комитеты «втемную». Так, например, в Москве предвыборные собрания вообще не были разрешены. Многие рабочие не знали, куда и зачем выбирают. Понятно, что «рабочая группа», избранная в таких условиях, не отражала подлинного настроения рабочей массы. В ряде городов попытка фальсифицировать мнение рабочих путем устройства «слепых» и «немых» выборов не удалась.

Несмотря на полицейские репрессии против «пораженцев» и демагогическую тактику социал-шовинистов, подавляющее большинство рабочих отвергло участие в военно-промышленных комитетах. На 23 мая 1916 г. в 239 военно-промышленных комитетах создано было всего 39 «рабочих групп». Сознательные рабочие бойкотировали «рабочие группы», в их адрес посылались резолюции профсоюзов и других рабочих обществ с требованием сложить свои полномочия.

Попытка буржуазии отравить сознание рабочих ядом шовинизма потерпела крах — российский пролетариат, во главе которого находилась партия большевиков, обладал высоким уровнем классового сознания.

ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ. В 1916 г. стачечное движение усилилось. Всего в этом году на предприятиях, подчиненных надзору фабрично-заводской и горной инспекций, бастовало 1172 тыс. рабочих против 571 тыс. в 1915 г. По сравнению с предвоенным подъемом рабочего движения резко изменилось соотношение экономических и политических стачек. Если в 1914 г. участники экономических стачек составляли 22%, то в 1915 г. — 72% и в 1916 г. — 73%. Это объясняется резким ухудшением положения рабочих, обновлением их состава и трудностью проведения политических стачек в военное время. Эти рабочие участвовали в революционной борьбе прежде всего за улучшение материального положения. Экономические стачки являлись для них школой классовой борьбы. Мобилизация промыш-

ленности и недостаток рабочих рук создавали благоприятные условия для борьбы за повышение заработной платы. В 1915—1916 гг. полным или частичным удовлетворением требований рабочих закончилось 70% всех экономических стачек, тогда как в 1911—1914 гг. — лишь 38%. Усилившаяся во время войны концентрация пролетариата облегчала рост политической сознательности и организованности рабочих. Забастовки принимали все более массовый и упорный характер. Если в 1914 г. на одну забастовку приходилось в среднем 378 бастующих, то в 1916 г. — 711. Среднее количество потерянных рабочих дней за одну забастовку составляло в 1916 г. 3318 против 1628 в 1914 г.

Рабочие различных групп производства и разных районов неравномерно участвовали в стачечном движении. Наибольшую активность проявляли, как и в предвоенные годы, металлисты — самый сознательный отряд пролетариата. С августа 1914 г. по декабрь 1916 г. число бастующих металлистов составило 51% всех забастовщиков, тогда как текстильщики — самый многочисленный отряд российского пролетариата — составили за этот же период 28% участников стачек. У текстильщиков процент политических стачек в 1915—1916 гг. равнялся 8, а у металлистов — 56.

Текстильщики, однако, быстро подтягивались к авангарду рабочего класса. Если в 1915 г. текстильщиков бастовало всего 104 тыс., или 19% к общему числу стачечников, то в 1916 г. они дали уже 350 тыс. стачечников, или 32% всех участников стачек в стране.

Впереди в забастовочной борьбе шли рабочие Петрограда, в составе которых в годы войны увеличился удельный вес металлистов. Петроград с августа 1914 г. по декабрь 1916 г. дал 32% всех участников стачек и 75% всех политических стачечников в стране. 9 января 1916 г. по призыву Петербургского комитета большевиков в столице произошли забастовки в память жертв 1905 г. На Выборгской стороне состоялись демонстрации рабочих. Солдаты при встрече с рабочими приветствовали их криками «ура!». В начале февраля возникла забастовка в некоторых мастерских Путиловского завода. Командующий Петроградским военным округом князь Туманов пригрозил, что, если в течение трех дней работа не возобновится, завод будет закрыт и всех военнообязанных отправят на фронт. В знак протеста по призыву большевиков забастовал весь завод, свыше 21 тыс. человек. Завод был закрыт. 2 тыс. путиловцев были призваны на военную службу.

В провинции из многочисленных стачек 1916 г. наиболее значительными были забастовка рабочих судостроительного завода «Наваль» в Николаеве, продолжавшаяся около двух месяцев, всеобщая стачка шахтеров Горловско-Щербиновского района в Донбассе и забастовка рабочих Брянского завода в городе Бежице. Эти забастовки, подготовленные большевиками, проходили под их руководством. Начавшись с экономических требований, они вылились в протест против войны и царизма.

В октябре 1916 г. в Петрограде по призыву большевиков начались стачки протеста против империалистической войны и дороговизны. Два пехотных полка отказались стрелять в рабочих. В 181-м запасном полку, укомплектованном в большинстве рабочей молодежью Петрограда и солдатами, побывавшими на фронте, вспыхнуло восстание; полк был выведен из столицы.

26 октября был назначен военный суд над кронштадтскими матросами—членами военно-морской организации большевиков. Им угрожала смертная казнь. По призыву ЦК РСДРП произошли забастовки и демонстрации рабочих. Царский суд не посмел приговорить моряков к смерти. Эта связь между рабочим движением и выступлениями военных ярко свидетельствовала об общенародном значении массовых стачек рабочих.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В АРМИИ И НА ФЛОТЕ. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. Опираясь на солдат из рабочих, большевики проводили самоотверженную работу в армии и на флоте. При ЦК РСДРП была создана военная организация, установившая связь со многими частями гарнизона и Балтийского флота. В действующей армии большевистская пропаганда с наибольшим размахом велась в армиях Северного фронта, что объясняется близостью его к Петрограду и Риге. Под воздействием большевистской агитации солдаты стали понимать, что война выгодна только господствующим классам обеих воюющих сторон. Среди солдат крепла мысль о международной солидарности трудящихся без различия нацио-

нальностей. Большевики разъясняли, что мир невозможен без революции, и в качестве первого шага к выходу из войны убеждали солдат не идти в наступление. В окопах появились плакаты: «Хотим мира!», «В наступление не пойдем!»

Усилилось брожение и среди крестьян. Уже в самом начале войны по стране прокатилась волна стихийных крестьянских выступлений. Крестьяне громили помещичьи усадьбы, казенные винные лавки, полицейские участки. На Урале выступления мобилизованных крестьян переплетались с выступлениями рабочих горных заводов. Волнения новобранцев не прекращались и по пути следования на фронт. По официальным данным, половина губерний России была охвачена выступлениями мобилизованных.

Во время войны кулацкая верхушка воспользовалась уходом на фронт наиболее активной части крестьян для форсированного выдела из общины; оставшиеся в деревне крестьяне-бедняки и особенно солдатки требовали прекращения землеустройства до возвращения фронтовиков. На этой почве возникали конфликты, выливавшиеся в массовые волнения. Крестьяне сопротивлялись отмежеванию отрубных участков, уничтожали межевые знаки, громили дома и избивали отрубников, не разрешали им пользоваться общими лугами и пастбищами. В бунтующие села вводились отряды стражников и воинские команды.

Во избежание дальнейших осложнений главноуправляющий земледелием Кривошеин в 1915 г. предписал приостанавливать те землеустроительные работы, по которым не будет достигнуто полюбовное соглашение сторон. Это внесло некоторое успокоение в среду крестьян: в 1915 г. количество крестьянских выступлений уменьшилось с 265 во второй половине 1914 г. до 177 в 1915 г.

В следующем, 1916 году количество выступлений, однако, возросло до 294, причем самое видное место заняли выступления крестьян в связи с ростом дороговизны и нехваткой товаров, реквизициями хлеба, фуража, скота, лошадей. Полицейские донесения отмечали повсеместное распространение среди крестьян намерения захватить и разделить помещичьи земли после войны.

ВОССТАНИЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА. Летом 1916 г. вспыхнуло массовое восстание узбеков, казахов, киргизов и туркмен против царизма, войны и отчасти против местных феодально-байских элементов. Непосредственным поводом к восстанию явилось «высочайшее повеление» от 25 июня 1916 г. о привлечении мужского населения Кавказа, Туркестана, степных областей Сибири, из Астраханских и Ставропольских степей в возрасте от 19 до 43 лет на работы, необходимые для государственной обороны. Первая вспышка произошла в городе Ходженте Ферганской области. Восставшие — городская беднота, кустари — 4 июля осадили полицейский участок, требуя прекратить составление списков призываемых. На помощь полиции из крепости были вызваны войска, которые рассеяли толпу.

События в Ходженте явились сигналом к выступлениям во многих городах, кишлаках и аулах Средней Азии. Восставшие требовали отмены мобилизации рабочих. Ярость масс усиливалась вследствие злоупотреблений и лихоимства «туземной» администрации при составлении списков рабочих. Пользуясь отсутствием у мусульманского населения метрик, местные власти вносили в списки стариков и несовершеннолетних из числа бедняков и за взятки освобождали от призыва богатеев. Повсеместно происходили нападения на канцелярии и дома волостных управителей, кровавые схватки населения с полицией и войсками, уничтожались списки мобилизованных рабочих.

Особенно широкий размах восстание приняло в Казахстане и Киргизии, где в июле началась подготовка к вооруженному сопротивлению мобилизации рабочих. В горах устраивались мастерские по изготовлению боеприпасов и холодного оружия. Восстание началось в начале августа в Верненском уезде Семиреченской области. Повстанцы нападали на пункты стратегического значения, небольшие отряды войск и казачьи станицы. В действиях повстанцев были элементы организованности.

В сентябре центр восстания переместился в Тургайскую область. Во главе восставших стали Амангельды Иманов, в юности батрачивший у баев, и большевик Алиби Джангильдин. В Тургайской степи действовали партизанские отряды, которые нападали на карательные войска и железнодорожные станции, разрушали телеграфные линии. Восстание в Тургайской области продолжалось до революции 1917 г.

Для подавления восстания народов Средней Азии на новый Туркестанский фронт были направлены войска из других военных округов и даже из действующей армии.

3. РОССИЯ В 1916 Г. НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ 1916 Г. БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ. Крушение германского плана «молниеносной» войны, в сущности, было равносильно поражению австро-германского блока, так как его людские и материальные ресурсы были неизмеримо меньше, чем ресурсы Антанты. Всего у стран Антанты в январе 1916 г. было 365 дивизий против 268 дивизий центральноевропейских держав. Правда, на Восточном фронте австро-германские войска имели превосходство в технических средствах, но в целом — и в численности войск, и в их вооружении — государства Антанты превосходили противника. Единственное, что спасало германскую коалицию от разгрома, — это несогласованность действий держав Тройственного согласия. Последние не желали рассматривать весь театр войны как единый фронт. Военные действия в 1914—1915 гг. показали, что, несмотря на наличие двух фронтов. германскому командованию удавалось перебрасывать свои войска с одного фронта на другой и бить противника поодиночке.

При выработке плана кампании 1916 г. русское командование предусматривало нанести главный удар на Балканах. Этот план был отвергнут союзниками прежде всего потому, что успешные операции русских войск на Балканском полуострове усилили бы влияние царизма на этом стратегически важном плацдарме и приблизили бы его к Константинополю и проливам. На конференции военных представителей государств Антанты в Шантильи (Франция) в декабре 1915 г. было решено сокрушить германскую военную машину одновременными ударами на Западном и Восточном фронтах.

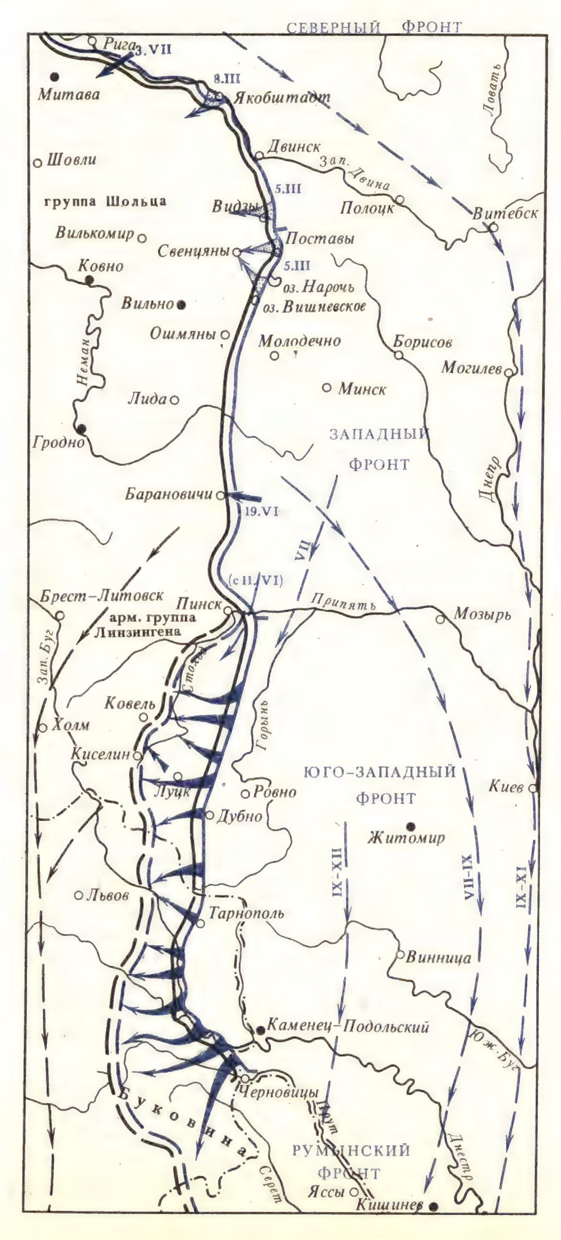
В свою очередь, германское командование, считая русские вооруженные силы уже неспособными к крупным наступательным операциям и находя бесперспективным углубляться в бескрайние просторы России, планировало главный удар нанести на Западном фронте. Но при этом немецкий генеральный штаб допустил два решающих просчета: он ошибся в оценке боевых возможностей русской армии и не учел медленности развития операций в условиях позиционной войны. В первой мировой войне наступательные средства вообще отставали в своем развитии от средств обороны. Армии зарывались в землю, создавая сильно укрепленные полосы, оплетенные густой сетью проволочных заграждений, прорвать которые при тогдашних огневых средствах было очень трудно.

8 (21) февраля 1916 г. немцы начали ожесточенные атаки у Вердена. Англичане наотрез отказались предпринять наступление на своем участке фронта ранее второй половины 1916 г. Франция настойчиво требовала помощи у России. 18 (31) марта русские войска перешли в наступление на Двинском и Виленском направлениях. Весенняя распутица и несогласованность действий корпусов помешали достичь успеха. Тем не менее германское командование временно прекратило свои атаки в районе Вердена.

Общее наступление на Восточном фронте предполагалось начать 15 (28) июня. Но итальянцы, которые под ударами австрийских войск поспешно откатывались на юг, запросили у России помощи, и русскому командованию пришлось ускорить наступление. Первоначально царская Ставка дала директиву, согласно которой армии Западного фронта должны были наносить главный удар из района Молодечно — Ошмяны на Вильно, а армии Северного и Юго-Западного фронтов — вспомогательные удары с целью отвлечения сил противника. Однако в ходе подготовки операции было решено, что Юго-Западный фронт, не дожидаясь готовности других фронтов, первым перейдет в наступление. В основе стратегического плана Главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А. А. Брусилова лежала идея нажима по всему фронту с дробящими ударами в нескольких местах. У противника было подавляющее превосходство в артиллерии, особенно тяжелой, и пулеметах. Его позиции состояли из трех сильно укрепленных полос, прорыв которых казался невозможным. Но Брусилов рассчитывал на тщательность подготовки и внезапность атаки.

21 мая (3 июня) в 4 часа утра русская артиллерия открыла ураганный огонь по всему фронту. В полдень пехота двинулась в наступление. Долговременные позиции австро-германцев были прорваны в нескольких

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. КАМПАНИЯ 1916 Г. НА РУССКОМ ФРОНТЕ.

Линия фронта к началу кампании

Главные направления действий воюющих сторон

в марте

в июне–июле

в мае–августе (выделены направления прорыва)

в августе–декабре

Линия Юго-Западного и Румынского фронтов к концу кампании

Переброска русских войск

Переброска германо-австрийских войск

местах. Это затрудняло противнику маневрирование резервами. 24 мая (6 июня) русские заняли Луцк, а 2 (15) июня овладели Черновицами. Фронт был прорван на протяжении 350 км, а глубина прорыва доходила до 70—120 км. Потери противника убитыми, ранеными и пленными составляли 1,5 млн. человек.

Брусиловский прорыв поставил Австро-Венгрию на грань катастрофы. Германское командование должно было прекратить атаки у Вердена и перебросить на восток 11 дивизий, а австрийцы с итальянского фронта — 6 дивизий, чтобы закрыть гигантскую брешь, образовавшуюся в Галиции. Это позволило англичанам и французам начать наступление на реке Сомме. В войну против Австро-Венгрии вступила Румыния.

Наступление русских армий на Юго-Западном фронте все же не дало стратегических результатов. Оно не было поддержано армиями других фронтов. Англо-французское командование не воспользовалось благоприятной обстановкой, созданной русским наступлением, для столь же решительного удара на западе. Подтянув крупные резервы и перегруппировав свои силы, австро-германское командование сумело остановить наступление русских войск, которые из-за расстройства железнодорожного транспорта не получили своевременно резервы и боеприпасы. В октябре военные действия на Восточном фронте вновь приняли позиционный характер.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РАЗРУХА. УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА ВЕРХОВ. Слабость промышленного потенциала России и неспособность царизма обеспечить регулирование военной экономики вызвали расстройство народного хозяйства. Промышленность

испытывала острый недостаток топлива и металла. Железнодорожный транспорт не справлялся с резко возросшим объемом перевозок, с эвакуацией населения и заводов из прифронтовой полосы, с доставкой сырья и топлива предприятиям и продовольствия — городам.

Общие расходы России на войну лишь до марта 1917 г. превысили 30 млрд. руб. Около трети военных расходов было произведено за счет внешних займов, а остальные пришлось покрывать за счет внутренних займов и усиленного выпуска бумажных денег. Официальный курс рубля к марту 1917 г. понизился до 55 коп., а покупательная способность — до 27 коп. Государственный долг России возрос с 8,8 млрд. руб. на 1 января 1914 г. до 33,6 млрд. на 1 января 1917 г.

Из-за недостатка рабочих рук, реквизиции для нужд армии лошадей и прекращения импорта сельскохозяйственных машин посевы продовольственных и кормовых культур за два года войны сократились на 11%. За 1914—1916 гг. валовой сбор хлебов составил 13,5 млрд. пудов. Этого было достаточно, чтобы обеспечить армию и города. Но помещики, кулаки и торговцы не продавали хлеб, рассчитывая на повышение цен. Еще хуже обстояло с сахаром и мясом. Цены на мясо в крупных городах в середине 1916 г. поднялись на 200—220% по сравнению с 1914 г. Тысячи людей ежедневно по нескольку часов простаивали в очередях. В донесениях охранки отмечалось, что очереди за продовольствием превратились в своеобразные политические клубы, которые были «равноценны по влиянию митингам и десяткам тысяч революционных прокламаций».

Военная и внутриполитическая обстановка в конце 1916 г. складывалась неблагоприятно для царизма. Блестяще начатое наступление Брусилова захлебнулось в кровопролитных боях на реке Стоход. 21 сентября царь приказал Брусилову остановить «безнадежные атаки». Разгром румынской армии привел к удлинению фронта русских армий на 500 км.

Обострение продовольственного кризиса усиливало революционные настроения на фронте и в тылу, активизировало стачечную борьбу рабочих, которая достигла своей кульминации в октябре 1916 г. В стране созрела революционная ситуация. Но, как подчеркивал В. И. Ленин, «для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому»[1].

Внешним проявлением распада царского режима была так называемая министерская чехарда. Только за шесть месяцев перед революцией сменилось три председателя Совета министров, два министра внутренних дел, два министра юстиции, два министра земледелия. Беспрерывная смена министров усиливала дезорганизацию власти. Упорные слухи об измене правящих верхов еще более роняли престиж царской власти в народе.

Одним из признаков кризиса верхов было усиление роли в управлении государством безответственных, темных сил (проявлением которых была распутинщина), дворцовой камарильи, выступавшей за проведение еще более реакционного курса внутренней политики.

Назначение в сентябре 1916 г. А. Д. Протопопова — земца-октябриста, товарища председателя IV Думы — управляющим Министерством внутренних дел было одним из последних приемов бонапартистской эквилибристики царизма, терявшего под собой всякую почву. Но, балансируя между различными социальными группами, Протопопов явно тяготел к наиболее хищническим кругам монополистической буржуазии и помещиков. Он объявил себя противником твердых цен, запрета вывоза продовольствия, реквизиций, секвестров и т. п., стеснений частной инициативы и предпринимательства.

В целом программа Протопопова была встречена сочувственно в помещичье-буржуазных кругах. Многие видные думцы приветствовали его назначение как шаг навстречу «прогрессивному блоку», членом которого считался новый министр. Но вскоре распоряжения Протопопова об отмене реквизиций привели почти к полному прекращению заготовок и обострению продовольственного кризиса в стране. В либеральной прессе началась травля его как «перебежчика» и «германофила», холопа реакции, провоцирующего народные волнения, чтобы иметь основания заключить сепаратный мир.

На открытии думской сессии (1 ноября 1916 г.) произнес свою нашумевшую речь П. Н. Милюков. Он квалифицировал всю деятельность правительства во главе с Б. В. Штюрмером как глупость или как измену и заявил, что думское большинство будет

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.

бороться с ним «всеми законными средствами до тех пор, пока оно не уйдет». Поход против Штюрмера был поддержан Ставкой и союзными послами, и 10 ноября он был уволен.

Председателем Совета министров был назначен А. Ф. Трепов, принадлежавший к той же правой группе Государственного совета, откуда вышел и его предшественник. Трепов был врагом парламентского кабинета, но считал нужным образовать деловой кабинет, однородный по своему составу и направлению, и удалить не приемлемых для Думы министров. При обсуждении декларации Трепова Дума приняла формулу «прогрессивного блока» о необходимости устранения влияния «темных сил» на государственные дела и образования кабинета, готового в своей деятельности опираться на Думу и проводить в жизнь программу ее большинства. Аналогичные резолюции приняли Государственный совет и съезд уполномоченных дворянских обществ.

Однако ни Дума, ни тем более Государственный совет и «объединенное дворянство» не помышляли о разрыве с царем. Напротив, они были проникнуты одним желанием — «спасти царя от его злейшего врага в лице темных сил». В кругу ближайших родственников царя после безуспешных попыток подействовать на него убеждением созрел план уничтожения Распутина.

Накануне революции в народе ходили слухи о близком дворцовом перевороте, цель которого — якобы не допустить Россию до позорного мира и революции. Эти слухи возникали самопроизвольно, а иногда и умышленно раздувались буржуазной оппозицией, чтобы запугать царя и заставить его пойти на уступки. Убийство Распутина в декабре 1916 г. было оценено широкой общественностью как «провозвестник» или «первая ласточка», за которой должен последовать дворцовый переворот.

Действительно, в буржуазных оппозиционных кругах разрабатывались всевозможные планы дворцового переворота, но практически, как признавал один из самых активных заговорщиков А. И. Гучков, мало что было сделано. Среди участников заговора не было единодушия. Они все время колебались, опасаясь, что насильственное отречение Николая II явится сигналом к выступлению «улицы». Боязнь народа сковывала их действия. Часть буржуазных лидеров вообще отвергала идею дворцового переворота. По убеждению Родзянко, такая «авантюра» привела бы к «смуте». Заговорщики, отмечал он, лишь грозили за спиной царя переворотом, но никакой подготовки к нему не вели. Недаром Ленин интерпретировал заговор буржуазии как стремление «только» сместить или даже «попугать» Николая II, оставив неприкосновенною старую государственную машину, полицию, армию, чиновничество»[1]. Тактика «прогрессивного блока» в канун революции сводилась к новым попыткам вразумить царя, заставить его согласиться на перемены в правительстве и назначить приемлемых для Думы министров.

Со своей стороны Николай II не решался править «железной рукой», без Государственной думы, из-за страха остаться один на один с революционными массами.

Буржуазия и царизм бились в неразрешимых противоречиях и не могли обходиться друг без друга: их объединял панический страх перед надвигающейся революцией. Именно поэтому правящие круги не решились распустить Государственную думу и изменить ее статус, а «прогрессивный блок» боялся совершить дворцовый переворот.

ГЛАВА 26
ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.

ЗАРНИЦЫ РЕВОЛЮЦИИ. Первая мировая война, обострив экономические и социальные противоречия, стала исходным пунктом общего кризиса мировой империалистической системы. По определению В. И. Ленина, «война создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства».[2]

Начало 1917 года ознаменовалось мощным подъемом рабочего движения. 9 января, в

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 40.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 197—198.

традиционный день солидарности с революционными борцами 1905 г., в Петрограде число бастующих, по официальным данным, превысило 144 тыс., тогда как во время прошлогодней забастовки 9 января остановили работу 67 тыс. человек. Рабочие устраивали на предприятиях митинги, с красными флагами и революционными песнями выходили на улицу. Стачки и демонстрации состоялись также в Москве, Харькове, Баку. Начальник петроградской охранки в своем докладе министру внутренних дел от 19 января с тревогой констатировал, что «идея всеобщей забастовки со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, какой она была и в 1905 году». Всего за январь—февраль 1917 г. только на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, бастовало 676 тыс. человек, из них участников политических стачек в январе было 66%, а в феврале — 95%.

Росло революционное настроение в действующей армии. В январе 1917 г. на Юго-Западном фронте произошло восстание 223-го пехотного Одоевского полка. Сильное брожение наблюдалось среди крестьян. Полицейские донесения отмечали, что «деревня дышит 1905 годом». Недовольство охватило демократическую интеллигенцию. Студенты Московского университета 12 января устроили уличную демонстрацию.

Боевое настроение рабочих тревожило социал-оборонцев. Под впечатлением грандиозной забастовки 9 января, учитывая, что рабочей массой охотнее всего воспринимались такие формы движения, как всеобщая забастовка и уличные демонстрации, «рабочая группа» Центрального военно-промышленного комитета решила в день открытия Думы, 14 февраля, призвать рабочих к однодневной забастовке и мирной демонстрации у Таврического дворца, чтобы потребовать от депутатов создания правительства «народного спасения». Таким путем социал-шовинисты рассчитывали окружить Государственную думу атмосферой «народного доверия» и превратить ее в центр «общенационального движения» за освобождение страны.

Большевики разоблачили эту затею как опасную провокацию, которая могла привести к повторению кровавого 9 января 1905 г. Вместо шествия к Таврическому дворцу большевики призвали рабочих к всеобщей забастовке и уличным демонстрациям под лозунгами: «Долой царскую монархию!», «Да здравствует демократическая республика!», «Долой войну!», «Да здравствует Временное революционное правительство!»

14 февраля бастовало 84 тыс. рабочих. На Невском проспекте состоялись демонстрации. Но на улицах, прилегающих к Таврическому дворцу, было тихо. Революционная волна шла мимо Думы, которая, по признанию Родзянко, была низведена до роли «чуть ли не пассивного зрителя». Все это свидетельствовало о полном крахе попыток «военно-промышленных социалистов» направить рабочее движение в русло поддержки помещичье-буржуазной Думы: оно развивалось в канун революции под идейным и организационным влиянием партии большевиков.

Во второй половине февраля Петербургский комитет РСДРП выпустил обращение «Ко всем рабочим, работницам Петрограда» с призывом к решительному выступлению против царизма. «Рабочий класс и крестьяне, — говорилось в воззвании, — одетые в серую шинель и синюю блузу, подав друг другу руки, должны повести борьбу со всей царской кликой, чтобы навсегда покончить с давящим Россию позором». Особое внимание большевики уделяли Путиловскому заводу, выступление которого обычно поднимало на борьбу весь пролетариат столицы. 18 февраля прекратила работу лафетно-штамповочная мастерская; рабочие добивались увеличения расценок на 50%. Администрация отказалась удовлетворить эти требования и уволила забастовщиков. Тогда остановились все цехи. 22 февраля по распоряжению военного начальства завод был закрыт. Конфликт на Путиловском заводе явился предвестником массовых революционных выступлений питерских рабочих, которые привели к свержению царизма.

ВОССТАНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ. 23 февраля на заводах и фабриках столицы произошли собрания в ознаменование Международного женского дня. Большевики призывали к расширению движения. Рабочие и работницы с возгласами «Хлеба!», «Долой войну!» выходили на улицу. Бастовало 90 тыс. рабочих. Царские власти были склонны рассматривать вспыхнувшие волнения как «голодный бунт» и думали успокоить рабочих «усиленной выпечкой хлеба». 24 февраля число бастующих достигло 200 тыс. Пробиваясь через полицейские заставы и цепи солдат, рабочие с пением

«Марсельезы» и возгласами «Долой царя!», «Хлеба и мира!» заполнили Невский проспект.

Помня об уроках 1905 г., большевики развернули решительную борьбу за войско. Общая численность гарнизона Петрограда в это время составляла 180 тыс. человек. Рабочие группами собирались возле казарм и патрулей и убеждали солдат не стрелять в народ. Под воздействием агитации рабочих все чаще наблюдались случаи отказа войск разгонять демонстрантов. 25 февраля забастовка приобрела всеобщий характер. У Казанского собора и на Знаменской площади (у Московского вокзала) непрерывно шли митинги. Демонстранты бесстрашно приближались к солдатам. Женщины со слезами на глазах кричали им: «Товарищи, отомкните ваши штыки, присоединяйтесь к нам!». Солдаты колебались и уклонялись от столкновения с демонстрантами. На Знаменской площади казаки дали залп по конным городовым, обратив их в бегство. Такое поведение казаков и солдат вселяло в рабочих веру в близкий переход войск на сторону революции.

Вечером 25 февраля командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов получил из Ставки приказ царя «завтра же прекратить в столице беспорядки». Войсковым начальникам было приказано открывать огонь по демонстрантам. Охранка производила повальные обыски и аресты. В ночь на 26 февраля было арестовано около 100 человек, в том числе пять членов Петербургского комитета большевиков. Царское правительство готовилось к последней, отчаянной попытке потопить в крови разгоравшееся рабочее восстание.

Утром 26 февраля рабочие направились к казармам, чтобы «снять» солдат и «вооружить революцию». Мосты охранялись густыми цепями полиции и солдат. Набережные были оцеплены юнкерами. На улицах, прилегающих к Невскому, находились дозоры из учебных команд. Но солдатские патрули разгоняли демонстрантов неохотно и в ряде случаев даже отдавали им свое оружие. Среди демонстрантов появились рабочие, вооруженные винтовками.

Политическая стачка перерастала в восстание. К полудню рабочие Выборгского, Нарвского и других индустриальных районов прорвались на Невский. На Знаменской площади начался митинг. Вдруг раздались залпы. Рабочая кровь обагрила заснеженную площадь. По всему Невскому проспекту городовые из-за засад вели стрельбу из винтовок. Поле сражения осталось за царским правительством.

Хабалов и Протопопов послали царю победные реляции. Ободренный видимостью «успокоения», Совет министров постановил прервать занятия Государственной думы до апреля 1917 г.

Между тем в настроении войск произошел перелом. 26 февраля солдаты 4-й роты запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка взялись за оружие. Восстание павловцев было началом перехода войск Петроградского гарнизона на сторону революции. Вечером этого же дня на заседании Выборгского районного комитета большевиков, который в связи с арестом членов Петербургского комитета выполнял его функции, из информации с мест выяснилось, что революционное настроение среди рабочих не уменьшилось. Делегат броневого дивизиона обещал от имени своих товарищей выступить на помощь восставшим рабочим в боевом порядке. Было решено продолжать забастовку, добиваясь перевода ее в вооруженное восстание, брататься с солдатами, захватывать склады оружия.

В ночь на 27 февраля учебная команда лейб-гвардии Волынского полка поклялась не стрелять в народ. Прибывший утром в казармы начальник команды был убит солдатами. Остальные офицеры бежали. Солдаты вышли на плац и двинулись к находившимся по соседству Преображенскому, Литовскому полкам и саперам, увлекая их за собой. Восставшие солдаты двинулись через Литейный мост на Выборгскую сторону. Здесь с утра на заводах шли митинги, на которых большевики призывали продолжать борьбу до полной победы над царизмом. Колонны рабочих, сметая полицейские заслоны, направились в центр, где соединились с солдатами и вместе с ними захватили арсенал на Литейном и разобрали имевшиеся там оружие и патроны. Слияние рабочих демонстраций с солдатским восстанием не было случайным, в этом проявилась руководящая роль пролетариата в революционной борьбе. Рабочие первыми поднялись на штурм царизма и своим примером увлекли солдатскую массу.

Вооруженные рабочие и солдаты освободили политических заключенных и заняли Петропавловскую крепость. Если вечером 26 февраля восставших солдат насчитывалось все-

го 600, то через сутки их было уже 66 700. Вечером 27 февраля Хабалов стал стягивать оставшиеся под его командованием воинские части к Дворцовой площади. Утром 28 февраля последние защитники царского режима, сложив оружие, покинули Адмиралтейство. Столица оказалась полностью в руках восставшего народа.

27 февраля был опубликован манифест ЦК большевистской партии «Ко всем гражданам России!» Манифест призывал рабочих и солдат выбирать представителей во Временное революционное правительство, перед которым ставились задачи установления республиканского строя, конфискации помещичьей земли и хлебных запасов, введения 8-часового рабочего дня и прекращения империалистической войны путем непосредственного обращения к народам всех воюющих государств.

ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. Победоносное восстание рабочих и солдат повергло членов Государственной думы в смятение. Они молча выслушали 27 февраля царский указ о перерыве думской сессии, а затем собрались на частное совещание. Открывая

собрание, Родзянко сообщил, что волнения в столице вылились сегодня в вооруженный бунт, правительство совершенно бездействует и как бы отказалось от власти и что медлить с подавлением бунта нельзя. Первоначально было предложено вручить власть пользующемуся доверием военачальнику, но в это время поступили сведения о том, что революционные войска взяли Арсенал, Петропавловскую крепость, Выборгскую тюрьму, из которой выпущены политические заключенные, и подожгли Окружной суд.

Когда из соседнего зала уже доносились крики и бряцание оружием, а думский пристав сообщил, что воинская часть, охранявшая Таврический дворец, присоединилась к восставшим, в полной сумятице было принято предложение о создании особого комитета из 12 лиц во главе с Родзянко. Первоочередной своей задачей комитет ставил водворение порядка и установление сношений с правительственными учреждениями и лицами — думцы еще не теряли надежды навести «порядок» сообща с царскими властями.

ОБРАЗОВАНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ. Уже в первые дни революции питерские рабочие по опыту 1905 г. приступили к созданию новой власти в форме Советов. В. И. Ленин подчеркивал, что «в феврале 1917 года массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, — вот кто создал эту форму пролетарской власти»[1]. Большевики горячо поддержали инициативу рабочих. В листовке, изданной 27 февраля, они, обращаясь к рабочим, писали: «Для победы нам нужна организованность, нам нужен руководящий центр движения. Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который создаст Временное революционное правительство».

В решающий момент революции большевики находились в самой гуще масс, непосредственно участвуя в уличной борьбе. Многие из

Очередь за продуктами. Фото

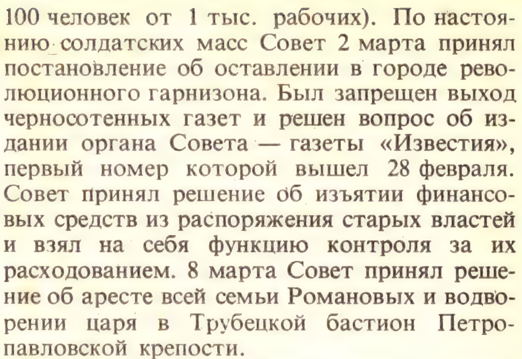
Лафетносборочный цех Путиловского завода. Фото

Демонстрация женщин 23 февраля 1917 г. Фото

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 6.

них пали смертью храбрых. В период войны большевистские организации неоднократно подвергались разгрому. Этим воспользовались лидеры мелкобуржуазных партий, чтобы стать во главе Совета. Днем 27 февраля они поспешили в Таврический дворец и, хотя не были никем уполномочены, объявили себя Временным исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов. От имени Исполкома было напечатано воззвание к рабочим и солдатам с призывом выбирать своих представителей в Совет.

Первое заседание Совета открылось вечером 27 февраля. На нем присутствовало около 50 депутатов. Большинство из них пришли с устными мандатами. Никакой проверки правильности выборов произведено не было. Кроме «рабочей группы» Центрального военно-промышленного комитета и думской фракции меньшевиков, на заседание Совета были допущены представители так называемых «литературных групп» (Н. Суханов, А. В. Пешехонов и др.). Председателем Совета был избран меньшевик Н. С. Чхеидзе, товарищами председателя — эсер А. Ф. Керенский и меньшевик М. И. Скобелев. В президиуме и Исполнительном комитете боль-

100 человек от 1 тыс. рабочих). По настоянию солдатских масс Совет 2 марта принял постановление об оставлении в городе революционного гарнизона. Был запрещен выход черносотенных газет и решен вопрос об издании органа Совета — газеты «Известия», первый номер которой вышел 28 февраля. Совет принял решение об изъятии финансовых средств из распоряжения старых властей и взял на себя функцию контроля за их расходованием. 8 марта Совет принял решение об аресте всей семьи Романовых и водворении царя в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

Но эсеро-меньшевистские лидеры Совета уверяли, что в отчаянных условиях разрухи рабочие и солдаты без поддержки буржуазии не справятся с государственным управлением. Не веря в творческие возможности народа, соглашательское руководство Петроградского Совета решило передать власть буржуазии.

Тем временем Николай II назначил генерала Н. И. Иванова командующим Петроградским военным округом с диктаторскими полномочиями. По велению царя из действующей армии в Петроград направлялись вой-

шинство также составили меньшевики и эсеры. От большевиков в Исполнительный комитет вошли П. А. Залуцкий и А. Г. Шляпников.

Под напором масс Совет действовал как революционная власть. Для дальнейшей организации революционных выступлений Совет решил образовать военную комиссию. На первом же заседании Исполкома Петроградского Совета было решено организовать рабочую милицию на фабриках и заводах (по

ска для подавления восстания. Всякие перемены в личном составе министров при данных условиях царь считал недопустимыми.

«ПРИЗНАНИЕ» ДУМСКИМ КОМИТЕТОМ РЕВОЛЮЦИИ. Стремительное развитие событий вместе с отказом царя пойти на уступки вынудило буржуазных политиков изменить свою тактику. В условиях, когда царское правительство практически прекратило всякую деятельность, Временный

комитет Государственной думы не мог ограничиться лишь посредничеством между восставшими массами и царской властью. Он был поставлен перед выбором — либо признать революцию как совершившийся факт и попытаться стать во главе движения во избежание «полной анархии», либо бесславно погибнуть вместе с царизмом. На очередь дня выдвигался вопрос о принятии Временным комитетом власти под председательством М. В. Родзянко. Поначалу Родзянко отказывался от власти, ссылаясь на то, что это было бы «прямым революционным актом», на который он, как верноподданный, никогда не пойдет. Прибытие в Таврический дворец депутации офицеров Петроградского гарнизона, которая заявила, что офицеры могут сохранить свое влияние на солдат лишь при условии, если Государственная дума возглавит движение и введет его в мирное русло, положило конец колебаниям. Этому способствовала и полученная в это время телефонограмма, что Преображенский полк будто бы отдает себя в распоряжение Думы. «Теперь нам нечего задумываться, в нашем распоряжении надежная войсковая часть», — послышалось со всех сторон.

В ночь на 28 февраля Временный комитет Государственной думы обратился к народам России с воззванием, в котором заявил, что он берет на себя инициативу «восстановления государственного и общественного порядка». Впредь до образования нового правительства Временный комитет назначил для заведования отдельными частями государственного управления комиссаров из членов Думы.

БОРЬБА ЗА ВОЙСКО. ПРИКАЗ № 1. Одним из первых шагов Временного комитета Государственной думы была попытка подчинить себе восставшие войска и использовать их для подавления «беспорядков» в столице. В ночь на 28 февраля в военную комиссию Совета рабочих депутатов явился Родзянко и объявил о назначении председателем этой комиссии и комендантом петроградского гарнизона члена Государственной думы полковника Б. А. Энгельгардта. Последний от имени Думы составил приказ войскам гарнизона: «Солдатам вернуться в свои казармы. Офицерам восстановить внутренний порядок в частях». Приказ был подписан Родзянко и сдан для печати в типографию. В таком же духе выступали на митингах Милюков, Керенский, Чхеидзе и другие члены Думы. Намекая на Совет рабочих депутатов, они твердили об опасности двоевластия и необходимости подчиняться исключительно приказаниям Временного комитета. Таким путем буржуазные лидеры хотели оторвать армию от рабочих и установить свое единовластие.

Однако требования и уговоры вернуться под команду офицеров, которые в большинстве встретили революцию враждебно, вызвали возмущение солдат. По воспоминаниям М. В. Родзянко, после его выступления во 2-м флотском экипаже один из мичманов заявил: Родзянко, как «заведомого буржуя», нужно расстрелять, что, по-видимому, матросы были не прочь исполнить. Посещение А. И. Гучковым восставших полков окончилось тем, что его автомобиль был обстрелян солдатами. После объезда казарм Гучков пришел к заключению, что «положение офицеров всюду безнадежно».

Между тем эсеро-меньшевистские лидеры Исполкома Совета всеми силами стремились к тому, чтобы офицеры вернулись в свои части и к своим обязанностям, а солдаты вновь признали бы их. В этом отношении цели Исполкома Совета вполне совпадали с целями Временного комитета. Но в данных условиях приходилось маневрировать. Чхеидзе и Керенский поспешили представить весь инцидент как личную инициативу Родзянко. Член Исполкома Богданов успокаивал депутатов тем, что приказ Родзянко якобы отменен. Совет постановил заявить протест по поводу этого приказа, а заодно выяснить отношение Временного комитета к армии и к вопросам ее организации.

Слухи о том, что офицеры, возвращавшиеся по приказу Родзянко в казармы, отбирают у солдат оружие и заставляют присягать царю, вызвали новую волну самосудов и насилий над офицерами.

Чтобы не допустить использования армии в контрреволюционных целях и обеспечить пролетарское руководство солдатским движением, большевики развернули энергичную работу по организации солдат. В ночь на 28 февраля находившиеся в Таврическом дворце члены Бюро ЦК рекомендовали солдатам, являвшимся за указаниями, немедленно возвратиться в свои части и избрать своих представителей в Совет. На следующий день в Таврический дворец стали прибывать солдатские депутаты. Большевики предложили объ-

единить рабочих и солдат в едином Совете. Меньшевики, стремясь сохранить влияние буржуазии на армию и изолировать солдат от рабочих, возражали против предложения большевиков. При этом открытые социал-шовинисты прямо заявляли, что вовлечение солдат в политическую жизнь разложит армию и сделает ее небоеспособной. Меньшевики, гримировавшиеся под «интернационалистов», уверяли, что в случае вхождения представителей от солдат в Совет пострадает его «пролетарская чистота». Все же на заседании Совета 1 марта было решено предложить солдатам немедленно избрать своих представителей в Совет. Объединение солдат с рабочими в общем Совете — закономерный результат их совместной борьбы, которая и решила судьбу царизма.

Петроградский Совет, обсудив вопрос об «угрожающем поведении Временного комитета по отношению к революционному войску», по предложению солдатских депутатов постановил обратиться к гарнизону с призывом не выдавать офицерам оружия и хранить его под контролем ротных и батальонных комитетов. Это постановление легло в основу знаменитого Приказа №1.

Поздно вечером 1 марта в военную комиссию явилась делегация солдат, которая заявила, что солдаты не могут доверять офицерам, не принявшим участия в революции, и требуют издания приказа об установлении новых отношений между офицерами и солдатами и введении выборности командного состава. Энгельгардт ответил, что Временный комитет находит издание такого приказа невозможным. Тогда представитель от солдат сказал: «Тем лучше! Сами напишем!» Содержание приказа было продиктовано группой солдатских депутатов секретарю Исполкома Совета Соколову.

Приказ № 1 вводил в армии и на флоте комитеты из представителей солдат и матросов и устанавливал, что в своих выступлениях воинские части подчиняются Советам рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам. Оружие должно находиться в распоряжении и под контролем солдатских депутатов и ни в коем случае не выдаваться офицерам. Вне службы и строя солдаты пользовались равными правами со всеми гражданами, отменялось титулование офицеров и воспрещалось грубое обращение с солдатами, в частности обращение к ним на «ты».

Петроградский гарнизон был подчинен политическому руководству Совета, что лишало офицерство и Временный комитет Государственной думы возможности использовать армию в интересах контрреволюции.

ПРОВАЛ КАРАТЕЛЬНОГО ПОХОДА НА ПЕТРОГРАД. После проигрыша битвы за Петроградский гарнизон Временный комитет Думы связывал свои надежды на «восстановление порядка» в столице с прибытием карательных войск с фронта. Однако полки и дивизии, снятые с фронта для усмирения Петрограда, еще в пути переходили на сторону восставшего народа. Когда генерал Иванов с батальоном георгиевских кавалеров поздно вечером 1 марта добрался до Царского Села, он узнал, что перешедшие на сторону революции солдаты местного гарнизона двигаются к станции, чтобы брататься с его отрядом. Неуверенный в собственных «нижних чинах», Иванов в панике отбыл в Вырицу. В ночь на 2 марта он опять двинул свой эшелон на Петроград. Но рабочие-железнодорожники перекрыли пути специально поваленным поездом, и Иванов вынужден был вернуться в Вырицу.

Тем временем восстали солдаты гарнизона города Луги. Убедившись в невозможности продвигать эшелон с карателями в Петроград и страшась их возмущения, начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев 3 марта приказал «те части, кои еще не отправлены, не грузить, а те, кои находятся в пути, задержать на больших станциях».

Таким образом, высшее военное командование отказалось от попытки организовать карательный поход на Петроград ввиду явной «ненадежности» войск.

ПЕРЕГОВОРЫ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. В первые дни революции реальная власть была в руках Петроградского Совета рабочих депутатов. В его расположении находились вокзалы, телеграф, типографии. Почва из-под ног Временного комитета Думы ускользала. «Мы в плену революции», — заявил Родзянко одному иностранному дипломату.

Такое положение не устраивало не только думцев, но и социал-соглашателей. Страх перед «максимализмом» масс толкал лидеров Совета на путь переговоров с Временным комитетом об организации правительственной власти.

На заседании Исполкома Совета 1 марта открытые социал-оборонцы высказались за введение представителей Совета в буржуазное правительство. Меньшевики-«интернационалисты» — Н. С. Чхеидзе, Ю. М. Стеклов, Н. Суханов понимали, что прямое участие в правительстве может скомпрометировать их в глазах масс. Поэтому они настаивали на образовании чисто буржуазного правительства и установлении «контроля» за его деятельностью со стороны Совета. Большевики предложили составить правительство из представителей только социалистических партий. Отвергнув это предложение, исполком постановил предоставить формирование правительства Временному комитету Государственной думы. Своих представителей в новое правительство Исполком Совета решил не посылать, но предъявить ему следующие требования: немедленное провозглашение демократической республики и созыв Учредительного собрания, полная и немедленная амнистия по всем политическим и религиозным делам, свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, организация армии на началах самоуправления, создание народной милиции, отмена всех сословных, национальных и религиозных ограничений, оставление войск Петроградского гарнизона в городе.

Лидеры Совета обошли в этих требованиях наиболее жгучие вопросы революции — о войне и мире, о земле, о 8-часовом рабочем дне — под предлогом, что постановка этих вопросов на очередь дня «отпугнет» буржуазию и она откажется от власти. Требования Совета об амнистии и политических свободах, в сущности уже завоеванных народом, не встретили возражений. Однако требование об организации армии на началах самоуправления вызвало сопротивление Временного комитета. После долгих дебатов была принята компромиссная формула: «...при сохранении строгой воинской дисциплины в строю устранение для солдат всех ограничений в пользовании всеми общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам России». Временный комитет, настаивавший на праве нового правительства сохранить монархию, отверг требование о немедленном введении республиканского образа правления. Переговоры были прерваны.

Проект правительственной программы и список лиц на посты министров были направлены на заключение Совета рабочих депутатов. На пленуме Совета 2 марта депутаты-большевики требовали, чтобы Совет объявил себя Временным революционным правительством. Эсеро-меньшевистские лидеры доказывали, что, поскольку пролетариат «распылен, неорганизован», надо «использовать» буржуазию для «окончательной победы над царизмом, для завоевания и закрепления демократизма в стране». Они заверяли, что условия вручения власти буржуазии обеспечат демократии «полнейшую свободу борьбы с этим врагом и полную победу над ним в недалеком будущем». Учитывая недоверие рабочих к буржуазии, эсеры и меньшевики выдвинули формулу об «условной поддержке» правительства и предложили из состава Совета выбрать особую комиссию для «революционного контроля» над его действиями.

Сбитый с толку демагогическими фразами соглашателей об использовании Временного правительства в интересах революции, пленум Совета одобрил предложение Исполкома о передаче власти буржуазии. В этом решении проявилось одно из самых разительных противоречий Февральской революции: Совет рабочих и солдатских депутатов, единственно правомочный орган победившего народа, добровольно согласился отдать власть буржуазии.

ПОПЫТКИ БУРЖУАЗИИ СПАСТИ МОНАРХИЮ. Николай II еще 28 февраля выехал из ставки в Царское Село, намереваясь превратить его в плацдарм для карательных отрядов, нацеленных на Петроград. Вследствие занятия революционными войсками станций Тосно и Дно литерный царский поезд проследовал в Псков, где находился штаб Северного фронта. Здесь царь получил телеграмму от Алексеева о необходимости даровать стране ответственное министерство, возложив формирование его на Родзянко. Николай II первоначально предполагал ограничиться поручением Родзянко составить министерство, ответственное перед монархом, и предложил ему выехать для доклада на одну из промежуточных станций. Однако выехать оказалось невозможно, ибо все попытки Временного комитета поставить под свое командование восставшие войска провалились. К исходу 1 марта царь согласился на назначение правительства, ответственного перед законодательными палатами. Однако

события развивались с молниеносной быстротой. Полки, направленные с фронта для усмирения революционной столицы, еще в пути братались с восставшими солдатами и рабочими.

После долгих колебаний Временный комитет пришел к убеждению, что только смена монарха сможет привести к относительному успокоению. Был составлен акт об отречении царя в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. С этим документом Родзянко должен был выехать 2 марта в Ставку, но железнодорожники отказались предоставить ему поезд без разрешения Совета рабочих депутатов. В Исполкоме же Совета заявили, что эта поездка может состояться при условии, если в проекте акта об отречении будет опущен пункт о передаче престола сыну. Тогда Временный комитет решил тайно отправить своих делегатов к царю. 2 марта А. И. Гучков и В. В. Шульгин выехали в Псков.

Но еще до приезда думских эмиссаров Николай II получил телеграммы от Алексеева и от главнокомандующих фронтами о том, что единственный выход для спасения страны и монархии — отречение царя от престола в пользу сына. После длительных уговоров была составлена телеграмма на имя Алексеева о готовности царя отречься в пользу наследника, но в это время поступило известие о выезде в Псков экстренным поездом Гучкова и Шульгина. Затеплилась надежда — не обернулись ли дела в Петрограде так, что отречение царя явится ненужным и можно будет ограничиться дарованием ответственного перед Думой министерства. Отправка телеграммы об отречении была задержана.

Прибывшие поздно вечером Гучков и Шульгин рассеяли всякие иллюзии. В беседе с царем они заявили, что рассчитывать на подавление революции вооруженной силой невозможно. «Как бы ни казалась та или другая воинская часть лояльна в руках своего начальника, — сказал Гучков, — как только она соприкоснется с Петроградским гарнизоном и подышит воздухом, которым дышит Петроград, эта часть перейдет неминуемо на сторону движения, и потому всякая борьба для Вас бесполезна». Посланцы Думы не скрыли, что у них самих почва ускользает из-под ног. По их убеждению, единственный путь спасения династии — это «передать бремя верховного управления в другие руки». Около 12 часов ночи царь подписал манифест об отречении в пользу своего брата Михаила. Затем по просьбе делегатов он подписал указы о назначении председателем Совета министров князя Г. Е. Львова и верховным главнокомандующим — великого князя Николая Николаевича.

Однако попытка спасти монархию, пожертвовав Николаем II, быстро потерпела крушение. Еще в отсутствие Гучкова и Шульгина прибывшие в Таврический дворец офицеры и некоторые члены Исполкома Совета рабочих депутатов, ссылаясь на настроение народа, убеждали Временный комитет в том, что в программу нового правительства непременно должен войти пункт о созыве Учредительного собрания, которое и установит форму правления. Временный комитет, не оставляя своих монархических происков, вынужден был маневрировать. Он согласился оставить вопрос о форме правления открытым до Учредительного собрания. После передачи из Ставки текста манифеста об отречении были разосланы телеграммы Алексееву и всем главнокомандующим фронтами, а также в Москву о неоглашении этого акта до особого распоряжения. Вслед за тем было достигнуто соглашение с Советом о составе и программе Временного правительства.

В полдень 3 марта состоялось свидание членов Временного комитета с Михаилом Романовым. За провозглашение его императором высказались только Гучков и Милюков. Последний доказывал, что «для укрепления нового порядка нужна сильная власть и что она может быть такой только тогда, когда опирается на символ власти, привычный для масс. Таким символом служит монархия. Одно Временное правительство, без опоры на этот символ, просто не доживет до открытия Учредительного собрания. Оно окажется утлой ладьей, которая потонет в океане народных волнений».

Милюков и Гучков понимали, что восстановление монархии «подействует на народное воображение, как удар хлыстом», что для удержания Михаила на троне понадобилось бы арестовать Совет, ввести осадное положение, пролить море крови. И все же они считали необходимым предпринять такую попытку. Милюков советовал великому князю в эту же ночь оставить Петроград с его революционным гарнизоном и, не теряя ни минуты, выехать в Москву, где

якобы находились еще верные царю войска. При этом Милюков не скрывал чрезвычайной опасности этого плана и прямо сказал, что не может гарантировать жизнь ни великому князю, ни министрам.

Таким образом, Милюков замышлял монархический заговор против той революции, которая привела его к власти. Другие участники совещания, например Родзянко и Шульгин, тоже хотели бы сохранить монархию, но они не видели реальной силы, при помощи которой Михаил мог бы удержаться у власти. «Для нас было ясно, — вспоминал Родзянко, — что великий князь был бы немедленно убит и с ним все сторонники его, ибо верных войск уже тогда в своем распоряжении он не имел и поэтому на вооруженную силу опираться бы не мог». Не располагая военной силой, Михаил отказался от трона.

После его отказа состояние думцев, по удачному сравнению Шульгина, «напоминало движение человека, погибающего в трясине». Милюков и Гучков решили не участвовать в правительстве. С большим трудом удалось уговорить их взять свои отставки назад и тем предотвратить «кризис власти» еще в процессе формирования Временного правительства.

3 марта была опубликована декларация о составе и программе Временного правительства. Председателем его и министром внутренних дел назначался крупный помещик князь Г. Е. Львов, убежденный монархист, видевший спасение России в «единении царя с народом». Впрочем Львов, в сущности, был номинальным главой правительства, по отзывам современников, он был «воплощением пассивности». Самой влиятельной фигурой в правительстве был министр иностранных дел П. Н. Милюков, прозванный Дарданелльским за свою ярко выраженную программу империалистической политики. Военным и морским министром был назначен лидер «Союза 17 октября» А. И. Гучков, бывший в период реакции ревностным соратником Столыпина-вешателя. Министром торговли и промышленности стал текстильный фабрикант, прогрессист А. И. Коновалов. Портфель министра финансов получил крупнейший землевладелец и сахарозаводчик М. И. Терещенко. В качестве «балалайки для обмана рабочих и крестьян»[1] в правительство вошел эсер А. Ф. Керенский, назначенный на второстепенный пост министра юстиции.

За исключением Керенского, Временное правительство состояло из представителей крупнобуржуазных партий — октябристов, кадетов и прогрессистов.

ПОБЕДНОЕ ШЕСТВИЕ РЕВОЛЮЦИИ ПО СТРАНЕ. С утра 28 февраля в Москве началась всеобщая политическая забастовка. В течение всего дня нескончаемым потоком на Красную площадь и к Городской думе двигались демонстрации рабочих, сметая с пути полицейские заслоны. На площади выступали большевики, призывавшие рабочих немедленно идти к казармам, чтобы привлечь солдат на сторону революции. К Спасским, Покровским и другим казармам с площади отправлялись рабочие. Солдаты охотно присоединялись к рабочим.

2 марта рабочие и революционные части Московского гарнизона заняли Кремль, Арсе-

Митинг солдат. Фото

Митинг на фронте. Фото

Митинг на Скобелевской площади. Фото

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 18.

нал, вокзалы, телеграф, телефонную станцию, Государственный банк. К вечеру этого дня Москва полностью оказалась в руках восставшего народа.

Московский комитет большевиков опубликовал проект наказа депутатам в Совет. В нем была изложена программа борьбы за демократическую республику, конфискацию помещичьей земли, за революционный выход из империалистической войны. От крупных предприятий, где сохранились большевистские организации, в Совет были избраны большевики либо им сочувствующие. Но в первом составе Совета преобладали депутаты от мелких и средних предприятий, где рабочие не имели достаточного опыта классовой борьбы. Они послали в Совет меньшевиков и эсеров. Из общего числа 626 депутатов большевиков было 51, а вместе с сочувствующими — 250. В президиум Совета от большевиков вошли В. П. Ногин и П. Г. Смидович. Председателем Совета был избран меньшевик А. М. Никитин. Под влиянием меньшевиков Совет рабочих депутатов признал общим органом управления Москвы буржуазный комитет общественных организаций.

Вслед за Петроградом и Москвой волна революционных выступлений прокатилась по всей стране. Всюду по получении известий о восстании в Петрограде рабочие выбирали депутатов в Совет, выходили на улицу, братались с солдатами, разоружали полицию, освобождали политзаключенных, смещали и арестовывали представителей царской администрации и создавали отряды рабочей милиции. Дружное и стремительное выступление рабочих и столь же быстрое и единодушное присоединение к ним солдат парализовали всякие происки контрреволюции.

Вначале в большинстве Советов у руководства оказывались социал-соглашатели. Такие Советы принимали решения о поддержке Временного правительства. Напротив, те Советы, в которых с момента их возникновения преобладали большевики (Иваново-Вознесенский, Екатеринбургский, Красноярский и др.), осуществляли рабочий контроль над производством, устанавливали 8-часовой рабочий день, удаляли с предприятий наиболее реакционных представителей администрации, поддерживали захват крестьянами помещичьей земли. Местные органы Временного правительства здесь почти не играли роли.

Весть о победе восстания в Петрограде вызвала массовые выступления в действующей армии и на флоте. В Кронштадте еще 27 февраля члены военной организации большевиков начали открытую агитацию за немедленное выступление. К рассвету 1 марта весь Кронштадт перешел на сторону революции.

2 марта началось восстание матросов, солдат и рабочих в главной базе Балтийского флота — Гельсингфорсе. 3 марта подняли красные флаги линкоры «Павел 1», «Андрей Первозванный» и «Слава». Восстание молниеносно охватило все корабли и войска гарнизона. Матросы обезоруживали и арестовывали офицеров.

5 марта в Кронштадте был создан Совет рабочих депутатов, а на следующий день — Совет военных депутатов, которые объединились 10 марта в Совет рабочих и солдатских депутатов. Последний сосредоточил в своих руках всю полноту военной и гражданской власти. Совету были подчинены старший

военно-морской начальник в Кронштадте, все командиры частей, городское хозяйство, промышленные предприятия. Совет ввел 8-часовой рабочий день, определил размеры заработной платы, установил контроль над производством, распределением и потреблением, организовал охрану крепости и общественного порядка в городе. Он отказался привести войска к присяге Временному правительству, заявив, что «свободному народу присяга не нужна». 14 марта Кронштадтский Совет принял резолюцию с требованием прекращения войны, опубликования тайных договоров царской России и контроля над внешней политикой Временного правительства. Кронштадтский Совет одним из первых поддержал большевистский лозунг «Вся власть Советам!».

Высшее командование фронтов задерживало известие о революции, не допускало на фронт газеты, запрещало посылку солдатских делегатов в Петроград и приезд делегаций петроградских рабочих и солдат в действующую армию. Однако сообщения о революции различными путями проникали на фронт. Солдаты устраивали демонстрации с красными флагами и революционными песнями. Во многих частях солдаты отказывались подчиняться реакционным царским офицерам, выбирали новых командиров, преимущественно из демократически настроенных прапорщиков. Под влиянием Приказа № 1 Петроградского Совета в действующей армии и тыловых формированиях стали создаваться солдатские комитеты.

Известия о революционном перевороте в столице быстро распространились и в деревне. По воспоминаниям одного крестьянина, деревня, узнав о свержении царя, «словно переродилась, повеселела, каждый чувствовал, что как-то весело стало на душе и на сердце, как будто кто свалил с плеч тяжелый, непосильный камень». Крестьяне на сходках принимали приветствия питерским рабочим и солдатам, свергшим царизм, и заявляли о своем желании действовать заодно с Петроградским Советом. Крестьяне прогоняли земских начальников, волостных старшин и избирали волостные и сельские комитеты, а также делегатов для установления постоянной связи с Советами рабочих депутатов.

В первые же дни революции крестьяне развернули борьбу за уничтожение помещичьего землевладения. В ряде губерний уже в марте состоялись уездные съезды крестьян, которые высказывались за передачу помещичьих земель без всякого выкупа в распоряжение волостных комитетов. В ответ на рост крестьянского движения Временное правительство издало 9 марта распоряжение о привлечении крестьян к судебной ответственности за участие в «аграрных беспорядках». Вместе с тем оно вынуждено было санкционировать существование крестьянских комитетов и обещало начать подготовку земельной реформы, для чего был создан Главный земельный комитет, а на местах — губернские и уездные комитеты.

После получения известий о свержении царизма к образованию Советов и уничтожению старых органов власти приступили рабочие и демократические слои населения Украины, Белоруссии, Прибалтики, Азербайджана. Медленнее развивалась Февральская революция в Средней Азии. Но и здесь по примеру Петрограда в первые же дни революции возникли Советы рабочих и солдатских депутатов. 3 марта в Ташкенте образовался Совет рабочих депутатов, а 5 марта — гарнизонный Совет солдатских депутатов, объединившиеся вскоре в Совет рабочих и солдатских депутатов. В русских поселках создавались Советы крестьянских депутатов, а среди коренного населения — Советы мусульманских рабочих депутатов и союзы трудящихся мусульман.

Временное правительство, стремясь изолировать Туркестан от влияния революционного центра и сохранить старый, военно-колониальный режим, оставило нетронутым весь аппарат царской власти во главе с генерал-губернатором Куропаткиным. Под давлением масс 31 марта на объединенном заседании Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета мусульманских депутатов и Совета крестьянских депутатов было принято постановление о смещении и аресте Куропаткина и его помощников. Здесь же был избран новый командующий войсками военного округа. Однако управление гражданскими делами края было возложено на трех комиссаров Ташкентского исполнительного комитета, в котором преобладали царские чиновники и буржуазная интеллигенция.

После победы Февральской революции в России широко развернулось национальное движение. Это движение испытывало сильное влияние буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий. Национальная буржуазия, стремясь к власти и желая привлечь на свою сторону трудящиеся массы,

изолировав их от влияния русского революционного пролетариата, выдвигала лозунги ликвидации национального гнета и широкой автономии и даже внешне отмежевывалась от империалистической политики русской буржуазии.

На Украине националистические партии — Общество украинских прогрессистов и Украинская социал-демократическая рабочая партия — создали в Киеве 4 марта Центральную раду, лидерами которой стали М. С. Грушневский, В. К. Винниченко и С. В. Петлюра. 19 марта Центральная рада организовала демонстрацию, участники которой требовали автономии для Украины.

Латышские буржуазные националисты созвали 12—13 марта в Валмиере земское собрание из волостных старшин, писарей, учителей, которое избрало Временный Видземский (Лифляндский) земский совет из представителей кулачества и буржуазной интеллигенции.

В Ташкенте в марте образовалась организация «Шуро-и-Исламия», в которую вошли представители узбекской буржуазии, феодалов и мусульманского духовенства.

Наряду с националистической струей в национальном движении было сильно интернациональное течение, которое характеризовалось недоверием к своей буржуазии и стремлением к единству с русским революционным движением. В обращении финских рабочих Гельсингфорса к русским рабочим и солдатам 19 марта подчеркивалось, что русские рабочие, свергнув царизм, не только расчистили русскому народу путь к освобождению, но освободили также и финский народ от оков деспотизма; в нем выражались искренняя признательность и обещание и впредь сохранять дружественные чувства к русским рабочим.

ДВОЕВЛАСТИЕ, ЕГО КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ. В результате Февральской революции образовалось беспрецедентное в истории переплетение двух диктатур: диктатуры буржуазии в лице Временного правительства и его местных органов и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Советов рабочих и солдатских депутатов. Главную причину двоевластия В. И. Ленин видел в мелкобуржуазном характере России. Революция пробудила к политической жизни многомиллионные массы крестьянства. Гигантская мелкобуржуазная волна, захлестнув все, подавила сознательный пролетариат не только численно, но и идейно, т. е. заразила широкие круги рабочих соглашательскими взглядами на политику [1]. Выражалось это в доверчиво-бессознательном отношении масс к капиталистам, обусловленном социально-экономическим положением мелкой буржуазии, боявшейся и довериться рабочим, и порвать с буржуазией.

Ярким проявлением мелкобуржуазных взглядов на политику было «революционное оборончество». Крутой переход от жесточайшего гнета к свободе вызвал всеобщее ликование, настроения примирения и братания. Усыпленные красивыми фразами соглашательских вождей Советов об оборонительных целях войны, массы вначале действительно поверили, что после февральского переворота война со стороны России утратила империалистический характер и теперь надо защищать Родину от иностранного нашествия. Революционным оборончеством больше всего были охвачены мелкобуржуазные слои населения, но оно проникло и в среду рабочих.

Бессознательно-доверчивое отношение масс к буржуазии подогревалось легендой о революционной роли Государственной думы в февральские дни. Как уже отмечалось, члены Думы покорно подчинялись указу царя о перерыве думской сессии и вместе с царскими властями принимали меры для подавления революции. Но как только восстание победило в Петрограде, думцы резко изменили свою тактику: они повернули к «признанию», а затем и к «прославлению» революции. Думцы поспешили изобразить февральский переворот как «национальную» революцию, «самую солнечную, самую праздничную, самую короткую и самую бескровную из всех революций», какие знает история и которую-де «осуществила вся Россия снизу доверху». Извращая факты, буржуазная пропаганда пыталась создать вокруг Думы ореол «застрельщика» и «вождя» революции.

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Февральскую революцию совершили миллионные массы рабочих, солдат, крестьян, боровшихся за мир, хлеб, землю, свободу, за свержение царизма, совершили помимо и вопреки буржуазии.

Гегемоном революции был пролетариат,

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.

выступавший в союзе с широкими массами крестьянства. Союз рабочих и крестьян под руководством большевистской партии явился той великой общественной силой, которая свергла царскую монархию и обеспечила победу революции. Всесильным ускорителем и «режиссером» революции явилась первая мировая война. Используя опыт 1905 г., рабочие и солдаты создали Советы. Это имело решающее значение в дальнейшей борьбе трудящихся за завоевание диктатуры пролетариата, за ликвидацию капитализма и построение социалистического общества.

Революция пробудила к политической жизни миллионы мелких хозяев, не разбиравшихся в политике. Эта мелкобуржуазная волна вынесла на гребень революции соглашательские партии меньшевиков и эсеров, которые добровольно отдали завоеванную рабочими и солдатами власть буржуазии. Временное правительство, существовавшее рядом с Советами, не хотело прекращения империалистической войны, оттягивало решение аграрного вопроса до Учредительного собрания, подавляя попытки крестьян отобрать у помещиков землю, продолжало царскую политику национального угнетения.

Вторая русская революция оказала могучее влияние на борьбу рабочих против империалистической войны и классового угнетения. Оценивая международное значение Февраля, В. И. Ленин говорил: «Рабочие всего мира с восторгом и надеждой смотрят на революционных рабочих и солдат России, как на передовой отряд всемирной освободительной армии рабочего класса»[1].

Февральская революция усилила антивоенное и революционное стачечное движение рабочих во всех воюющих странах. Бастующие рабочие наряду с экономическими требованиями выставляли и политические: заключение мира без аннексий и контрибуций, отмена осадного положения и цензуры, свобода союзов и собраний, освобождение политических заключенных, равное избирательное право. В Берлине рабочие приступили к выборам в Совет рабочих депутатов. Русская революция получила отголосок и на фронтах империалистической войны. На Западном фронте широкое распространение получили так называемые «десять заповедей» французского солдата. Некоторые из них, например требование уравнения в правах солдат и офицеров, воспроизводили соответствующие пункты Приказа № 1 в России. На Восточном фронте широкое распространение получило братание русских солдат с немецкими и австрийскими. Русские солдаты снабжали немцев брошюрами и газетами, разъясняли им империалистический характер войны и значение революционных событий в России. Братание усиливало стремление солдат к миру.

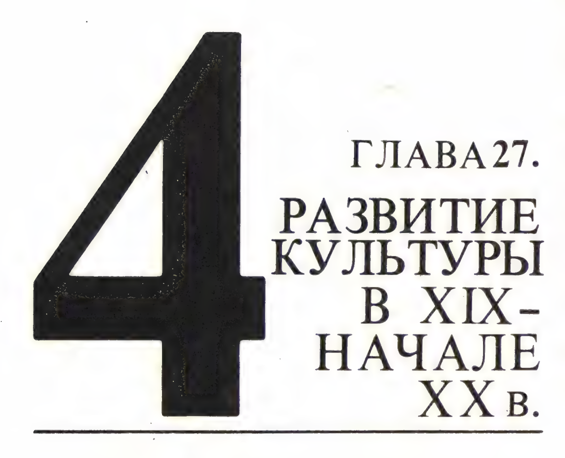
3 апреля в Россию вернулся В. И. Ленин. Встреча его в Петрограде вылилась в волнующую манифестацию в честь большевистской партии и ее вождя. С броневика, освещенного прожекторами, прозвучала вдохновенная речь В. И. Ленина, которую он закончил призывом: «Да здравствует мировая социалистическая революция!»

На другой день после приезда Ленин выступил на совещании большевиков — делегатов Всероссийской конференции Советов со своими знаменитыми Апрельскими тезисами о задачах пролетариата в данной революции. В них он изложил программу борьбы партии за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

Большевистская партия, вооруженная Апрельскими тезисами В. И. Ленина, уверенно возглавила борьбу за революционный выход из империалистической войны, за власть Советов.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 187.

ГЛАВА 27. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В классовом обществе культура носит классовый характер как по своему идейному содержанию, так и по своей практической направленности. При капитализме это выражается, как отметил В. И. Ленин, в наличии двух культур в каждой национальной культуре. В работе «Критические заметки по национальному вопросу» (1913) он сформулировал положение о двух культурах: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова».

Борьба двух культур в каждой национальной культуре — объективное условие ее развития. В процессе этой борьбы происходит сложный процесс формирования и развития национальной культуры. «В *каждой* национальной культуре, — писал Ленин, — есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры»[1].

Новые тенденции и характерные особенности, определявшие достижения русской культуры XIX в., ее своеобразие и отличие от культуры XVIII в., стали отчетливо проявляться после Отечественной войны 1812 г. Патриотический подъем в годы войны и рост национального самосознания народа оказали огромное воздействие на развитие литературы, изобразительного искусства, театра, музыки.

Идейное содержание русской культуры XIX в. формировалось под влиянием революционного движения, начало которому положило выступление дворянских революционеров в декабре 1825 г. Важными факторами, повлиявшими на развитие русской культуры XIX в., были отмена крепостного права, народническое движение и народническая идеология.

Соединение марксизма с рабочим движением и начало нового, пролетарского, этапа освободительной борьбы знаменовали собою

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121.

и крупные сдвиги в развитии русской культуры. Важным фактором не только социально-экономических, но и историко-культурных процессов явилась революция 1905—1907 гг., ставшая катализатором дальнейшего размежевания двух культур в национальной культуре.

Развитие культуры в России происходило в крайне неблагоприятных условиях. Самодержавно-крепостнический строй с его сословной политикой в области образования, угнетением народных масс тормозил этот процесс. Даже в начале XX в. подавляющее большинство населения оставалось неграмотным.

Однако вопреки этой политике развитие русской культуры на протяжении XIX — начала XX в. ознаменовалось значительным прогрессом, выдающимися открытиями и изобретениями. В этот период происходит необычайный расцвет художественной культуры России, ставшей достоянием всего человечества, создаются непреходящие эстетические ценности в области литературы, театра, музыки, живописи, скульптуры и архитектуры.

Гуманизм, идейность, народность выдвинули русское искусство на одно из ведущих мест в мире.

1. ПРОСВЕЩЕНИЕ. КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

I

ПРОСВЕЩЕНИЕ. Социально-экономическое развитие страны выдвигало задачи создания единой системы народного образования[1]. В связи с этим правительство вынуждено было приступить в начале XIX в. к реорганизации школьного дела.

Дети крестьян, купцов и ремесленников получали начальное образование в приходских (при церковных приходах) и уездных училищах. Вместо «главных училищ», введенных в царствование Екатерины II, в городах началось систематическое устройство средних учебных заведений — гимназий, где обучались дети дворян и чиновников. Во всей стране их насчитывалось до 50. Гимназия давала право поступления в университет. Женского образования в первой половине века по существу не было. В институты благородных девиц, открывшиеся в царствование Екатерины II, большей частью закрытые, принимались только лица дворянского происхождения.

Высшее образование давали университеты, количество которых увеличилось в первой половине века до 7. Кроме действовавшего — Московского, были учреждены Дерптский, Виленский, Казанский, Харьковский, Петербургский, Киевский.

Были открыты Институт инженеров путей сообщения в Петербурге, Архитектурное училище, Училище гражданских инженеров.

Дети дворян могли обучаться также в привилегированных учебных заведениях — лицеях: Императорском александровском лицее, Императорском училище правоведения, Ришельевском лицее в Одессе, Демидовском лицее в Ярославле, Нежинском лицее, Лазаревском институте восточных языков в Москве и др. В лицеях готовили высших государственных чиновников.

Однако подавляющая часть населения России оставалась неграмотной.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ И ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ДЕЛО. В начале века в издательском деле и книготорговле главную роль играли казенные типографии, которых к 1813 г. в стране насчитывалось 55. Снятие ограничений с книгопечатания и с книжной торговли способствовало росту частных предприятий, оживлению книгоиздательского дела.

30—40-е годы вошли в историю книгопечатания как «смирдинский период». А. Ф. Смирдин не только реформировал торговлю на принципах буржуазного хозяйствования, но и выступал как издатель-просветитель. Он намного увеличил тиражи изданий, удешевил стоимость книг, упростил оформление, один из первых ввел постоянную плату за литературный труд.

В эти годы наблюдается заметное оживление газетного и журнального дела. Наряду с «Санкт-Петербургскими ведомостями», издававшимися с XVIII в., возникают новые журналы и газеты. В 20-е годы в столице появляются частные газеты. Самой крупной из них была «Северная пчела», газета охранительно-монархического направления, издаваемая в 1825—1864 гг. Она была единственной

[1] О политике правительства в области народного образования и просвещения см. в главах 2, 4, 6, 11, 16.

в России частной газетой, которой разрешалось перепечатывать политическую информацию из правительственных газет, хотя и в урезанном виде.

В начале 30-х годов стала выходить первая в России «Литературная газета», в которой сотрудничали А. С. Пушкин, П. А. Вяземский. В ней впервые были напечатаны произведения Н. В. Гоголя, А. В. Кольцова, помещались переводы иностранных авторов.

В 1838 г. правительство утвердило положение об издании на местах «Губернских ведомостей». К концу 50-х годов оформилась сеть провинциальных газет.

Однако общественно-политическая роль ежедневной печати все еще оставалась невысокой. Более заметным было влияние журналов. Первым русским общественно-политическим журналом был «Вестник Европы», основанный Н. М. Карамзиным. В журнале освещались вопросы внутренней и внешней политики России, помещались литературные произведения.

Важную роль в развитии общественной мысли России начала XIX в. сыграл журнал «Сын отечества», в котором во время Отечественной войны 1812 г. помещались воззвания, патриотические стихи, воспевавшие гражданские и воинские доблести народа. Позднее здесь публиковались литературно-критические статьи декабристов и близко стоявших к ним литераторов, басни И. А. Крылова.

Цензурный устав 1826 г., прозванный «чугунным», поставил периодическую печать в тяжелые условия. Тем не менее передовые журналы, такие как издаваемый А. С. Пушкиным в 1836— 1837 гг. «Современник» (с 1846 г. перешел в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева), «Отечественные записки» (издатель А. А. Краевский), где редактором был В. Г. Белинский, боролись с охранительным направлением в русской литературе.

БИБЛИОТЕКИ. МУЗЕИ. В развитии просвещения определенную роль стали играть публичные библиотеки. В 1814 г. в Петербурге была открыта первая публичная библиотека в России, ставшая национальным книгохранилищем (ныне Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), хотя ее богатейшее книжное собрание оставалось практически недоступным массовому читателю. В первой половине XIX в. уже было 39 публичных библиотек. В 30—40-е годы на добровольные пожертвования публичные библиотеки открываются в ряде губернских и некоторых уездных городах. Появились и так называемые коммерческие (т. е. платные) библиотеки. Самой крупной из них была библиотека издателя А. Ф. Смирдина.

Просветительскую роль играли музеи. Создаваемые по инициативе научных и исторических обществ, они становятся не только местами хранения, но и центрами изучения вещественных памятников, представлявших историческую, культурную и художественную ценность. Создаются Феодосийский, Одесский, Керченский музеи древностей.

Отдельные меценаты собирают ценнейшие коллекции художественных произведений, но они известны лишь верхушке общества. Крупнейшее хранилище художественных ценностей страны — Эрмитаж в Петербурге для публичного посещения был открыт в 1852 г.

До реформы 1861 г. в России не было ни одного промышленного и сельскохозяйственного музея, но действовало немало естественнонаучных музеев, в коллекции которых входили экспонаты, характеризующие развитие промышленности и сельского хозяйства (например, в Горном музее Кадетского корпуса в Петербурге). Смотрами промышленности стали всероссийские промышленные выставки, первая из которых состоялась в 1829 г. С 20-х годов стали устраиваться и сельскохозяйственные выставки.

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ СВЯЗИ (1801—1860). В дореформенной России преобладали традиционные средства связи. Вплоть до 40-х годов (а по тракту Москва — Петербург до 1856 г.) перевозка почты осуществлялась ямщиками. В 1821 г. в Петербурге впервые в виде опыта открыли почту для доставки внутригородской корреспонденции. В 1835 г. петербургская почта была признана официально действующим учреждением. В 1844 г. были утверждены «Правила о городской почте в Москве».

В 50-х годах организуется казенная пересылка почтой периодических изданий и книг, с 1848 г. вводятся почтовые ящики. С 50-х годов XIX в. по образцу петербургской и московской почт городские почты открываются во многих крупных городах.

II

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. Утверждение капитализма в России, переход его в высшую стадию — империализм поставило

развитие культуры в новые исторические условия, создало новые потребности, выдвинуло новые задачи. Жизнь требовала ликвидации сословно-крепостнической системы народного образования и распространения грамотности среди населения, коренных изменений в среднем образовании, расширения высшего образования. Промышленности, сельскому хозяйству нужны были грамотные специалисты, и для их подготовки требовалось создать реальные училища, торговые, коммерческие, профессиональные школы, новые институты.

В 60-е годы было положено начало новому типу учебных заведений — воскресной школе для взрослых. За короткое время в Петербурге, Москве и других городах было открыто около 300 воскресных школ. Ведущую роль в них играли революционные демократы, которые использовали эти школы для революционного воспитания народных масс. В 1864 г. воскресные школы были поставлены под контроль инспекции народных училищ. Появились воскресно-вечерние и вечерние школы, число которых в 90-е годы быстро росло.

В 60-е годы появились средние женские учебные заведения, в которые допускались лица всех сословий. Возникли женские гимназии. В 70-е годы по частной инициативе начали образовываться высшие женские учебные заведения: Высшие (Бестужевские) женские курсы в Петербурге (1882), названные по имени их инициатора профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, в Москве — профессора В. И. Герье, в Казани (1876), в Киеве (1878). После 1905 г. Высшие женские курсы были созданы во многих городах страны. В 1882 г. открылся женский медицинский институт: окончившие его получали диплом, дававший право свободной практики.

В 1908 г. в Москве открылся народный университет им. А. Л. Шанявского, ставивший своей целью распространение научных знаний среди демократических слоев населения.

Для детей из низших слоев населения доступной формой образования оставались начальная школа, где обучали чтению, письму, арифметике, а также народные училища (городские, уездные, сельские), церковно-приходские школы грамоты. Право открывать начальные народные училища имели земства, городские управления, сельские общества и частные лица.

Земствами была создана разветвленная сеть начальных школ. Существовали и училища, открытые Министерством просвещения. В 1870 г. в стране действовало около 28 тыс. народных школ, в которых обучалось немногим более 830 тыс. человек.

В местностях с преобладанием нерусского населения открывались национальные школы. Взамен относительно либерального Положения о школе 1864 г. было издано реакционное Положение 1874 г., по которому начальная школа поручалась опеке дворянства, усиливалась роль духовенства по надзору за школой. Царское правительство, насаждая церковно-приходские школы, тормозило открытие земских и городских школ. Был установлен строгий правительственный надзор за деятельностью учителей, с этой целью в 1869 г. созданы должности инспекторов, а с 1874 г. — и директоров народных училищ.

Основным типом средней школы были классические гимназии с преподаванием латинского и греческого языков и реальные — без древних языков. В местах, где не было гимназий, учреждались прогимназии и средние школы с урезанной программой. В 70-е годы реальные гимназии были упразднены и заменены реальными училищами, которые давали учащимся образование, приспособленное к потребностям развивающейся промышленности. Окончившие реальные училища могли поступить только в технические и сельскохозяйственные высшие учебные заведения. Позднее реальные училища были реорганизованы в общеобразовательные учебные заведения, но с ограниченными по сравнению с гимназией правами.

О реакционности правительственной политики свидетельствует циркуляр 1887 г. — «циркуляр о кухаркиных детях», в котором предписывалось воздерживаться от приема в гимназию детей из народа — кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников. В результате с начала 80-х до середины 90-х годов уменьшилось количество учащихся в классических гимназиях, понизился процент детей недворянского происхождения.

Реакция 80-х годов сказалась и на деятельности земств по народному образованию. За 1875—1894 гг. было открыто земских школ втрое меньше, чем за предыдущие 10 лет, хотя потребность в сельских начальных школах с каждым годом увеличивалась.

Преобладающим типом высших общеобразовательных учебных заведений продолжали оставаться университеты. Вместе с ними в

стране действовали институты — Петербургский технологический, Горный, Путей сообщения, Московское высшее техническое училище, Петровско-Разумовская (ныне Тимирязевская) сельскохозяйственная академия, Рижский политехнический институт.

К началу XX в. Российская империя была страной с одним из наиболее низких уровней грамотности в Европе (17,4% по переписи 1897 г.). Прямым следствием антинародной политики царизма в области образования было то, что около $^4/_5$ детей и подростков школьного возраста были лишены возможности получить даже начальное образование. По состоянию начального образования Россия занимала одно из самых последних мест среди европейских государств. К началу 1917 г. в стране насчитывалось не более 30% грамотного населения. Грамотность населения распределялась неравномерно. Наибольший процент грамотных был в Финляндии и Прибалтийском крае, наименьший — в Средней Азии. Количество грамотных мужчин было вдвое больше, чем грамотных женщин, число грамотных горожан значительно превышало число грамотных в сельской местности.

В начале XX в. отсталость в области народного образования явилась тормозом на пути дальнейшего развития страны. Потребности развития общества и государства требовали введения всеобщего начального обучения. Однако эту важнейшую проблему правительство так и не решило. Введение всеобщего образования в стране стало возможным лишь после свершения Великой Октябрьской социалистической революции.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ДЕЛО. Во второй половине XIX в. книгоиздательство окончательно превращается в самостоятельную и важную отрасль капиталистического хозяйства, значительно улучшается полиграфическая база книгопечатания, применяются новые типы типографских машин, ускоряющих процесс печати, что приводит к резкому увеличению тиражей, улучшению качества печатной продукции. Организуются новые крупные капиталистические фирмы, ориентирующиеся на широкие читающие массы, существенно изменяется тематика выпускаемой литературы: ведущее место занимает естественнонаучная, техническая и специальная литература, растет число изданий справочной и учебной литературы.

Характерным представителем издателя буржуазного толка был М. О. Вольф. Его издательство выпускало преимущественно естественнонаучную литературу, книги для юношества, иллюстрированные издания (например, многотомную «Живописную Россию»).

Видным издателем второй половины XIX в. был К. Т. Солдатенков, связанный с передовой интеллигенцией. Солдатенков издал двенадцатитомное собрание сочинений В. Г. Белинского, в 1862 г. — роман «Отцы и дети» И. С. Тургенева и произведения других писателей-демократов.

Большая заслуга в издании и распространении революционной и общественно-политической литературы принадлежала издательству Ф. Ф. Павленкова. За 50 лет им было выпущено свыше 600 названий книг, среди них — собрание сочинений Д. И. Писарева, статьи Ф. Энгельса. Большую известность приобрела серия «Жизнь замечательных людей», куда вошло более 200 биографий деятелей науки, искусства и литературы.

В период империализма в России в издательском деле стали образовываться крупные монополистические объединения, поглощавшие неконкурентоспособные предприятия. Одним из крупных издательств в России этого периода была фирма А. Ф. Маркса, монополизировавшая издание и торговлю произведений русских классиков и выдающихся писателей. Издательство А. Ф. Маркса сыграло большую роль в распространении среди населения лучших произведений русской и мировой литературы.

Один из крупнейших издателей дореволюционной России И. Д. Сытин выпускал, главным образом, литературу для народа, доступные массовому покупателю брошюры, календари, лубочные книжки, школьные учебники, научно-популярную литературу. Большое место в изданиях Сытина занимали многотомные издания справочного характера, а также произведения классиков.

Издательство, возглавляемое А. С. Сувориным, выпускало серию «Дешевая библиотека», массовыми тиражами — сочинения русских и иностранных авторов, книги по искусству, историческую литературу и др. Суворин пользовался монопольным правом на торговлю газетами и другими изданиями на железнодорожных станциях.

Большой вклад внес в популяризацию естественнонаучных знаний издатель конца XIX в. П. П. Сойкин, один из первых в Рос-

сии начавший печатать произведения марксистской литературы. В издаваемом им легальном марксистском журнале «Научное обозрение» печатались работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова.

В 1890 г. Россия становится третьей страной в мире (после Германии и Франции) по количеству названий выпускаемой литературы.

Большую роль в просвещении народа сыграло издательство «Знание» (1898—1913), организованное на кооперативных началах. Фактическим руководителем его был А. М. Горький. С 1904 по 1913 гг. «Знание» выпустило 40 сборников, включивших новейшие для того времени произведения русских и иностранных авторов. Здесь впервые был опубликован роман М. Горького «Мать». Помимо художественных произведений, «Знание» выпускало марксистскую революционную литературу. В серии «Дешевая библиотека» было издано более 300 книг и брошюр, в их числе «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

Историческую и справочную литературу в конце XIX — начале XX в. выпускало издательство братьев А. Н. и И. Н. Гранат, основанное в 1892 г. В 1901 г. «Товарищество» Гранат начало издавать седьмое издание «Энциклопедического словаря», для которого В. И. Ленин написал статью «Карл Маркс».

В конце XIX — начале XX в., несмотря на усиление цензуры, более систематический характер приобретает издание легальной марксистской литературы. Издательством М. И. Водовозовой в Петербурге в 1899 г. была выпущена в свет первая легально напечатанная книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

Революция 1905 г. оказала сильное влияние на развитие книгопечатания. В этот период образовалось 300 новых издательств и было выпущено более 5 тыс. наименований брошюр. Основное место среди этих изданий занимали книги и брошюры политического характера.

В 1906 г. большевик В. Д. Бонч-Бруевич по заданию В. И. Ленина открыл книгоиздательство «Вперед». Издательство выпускало и распространяло книги К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, зарубежных социалистов и русских социал-демократов. После его разгрома в 1907 г. было создано издательство «Зерно» под руководством М. С. Кедрова и Н. И. Подвойского, подготовившее к изданию первое собрание сочинений В. И. Ленина в двух томах под заглавием «За двенадцать лет». Однако тираж его был конфискован полицией, а издательство закрыто.

После поражения революции 1905—1907 гг. выпуск прогрессивных книжных изданий сократился. В то же время возникли буржуазные издательства («Шиповник», «Сирин», «Альциона», «Гриф», «Мусагет»), а также откровенно реакционные издательства.

Во второй половине XIX в. периодическая печать все более ориентируется на широкие массы населения. Если в 1860 г. в России было 15 общественно-политических газет, то в 1881 г. — 83. Для обслуживания периодической печати России в 1866 г. было создано первое национальное российское телеграфное агентство (РТА). В 60-х годах появляются первые частные газеты в провинции.

В 80—90-е годы крупные издатели (И. Д. Сытин, А. С. Суворин и др.) образуют газетно-журнальные объединения, создают агентства по распространению печати. Газетное дело приносит предпринимателям огромные доходы.

В 80-е годы, годы реакции, общий идейный уровень газетных изданий заметно упал. Газетный рынок наводнился потоком серых изданий развлекательного характера и бульварной прессы. Но вместе с тем в это время появились газеты отраслевые и специальные — медицинские, технические, спортивные, юмористические, рекламные, театральные, литературные. В конце века в России имелись газетные издания на нескольких языках (польском, немецком, армянском и др.). К 1900 г. тиражи наиболее крупных ежедневных изданий достигли 100 тыс. экземпляров.

Громадную роль в распространении революционной литературы в 900-е годы сыграла ленинская нелегальная газета «Искра». С помощью сотрудников «Искры» на территории России было создано несколько подпольных типографий, которые перепечатывали поставляемую из-за границы литературу, издавали большевистские газеты, листовки, брошюры. В 900-е годы в Женеве издаются нелегальные большевистские газеты «Вперед» (1904—1905) и «Пролетарий» (1905).

В дни революции 1905 г. выходит первая легальная большевистская газета «Новая жизнь», а также газеты «Волна»,

«Вперед», «Эхо». Газету «Вперед» редактировал В. И. Ленин, в ней сотрудничали М. С. Ольминский, В. В. Воровский, А. В. Луначарский.

Одна из особенностей развития журнальной периодики конца 50—70-х годов — появление новых отраслевых журналов: «Юридический вестник» (1860), «Мировой посредник» (1862), «Русский архив» (1863), «Русская старина» (1870) и др.

Л. Н. Толстой издавал в Москве журнал «Ясная Поляна» (1862).

Огромную роль в общественной жизни России на рубеже 50—60-х годов играл журнал «Современник», возглавляемый Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым.

При «Современнике» с конца 50-х — 60-х годов под руководством Н. А. Добролюбова издавалось сатирическое приложение «Свисток». В течение 1859—1873 гг. выпускался журнал «Искра» революционно-демократического направления, основанный художником-карикатуристом Н. А. Степановым при активном участии поэта В. С. Курочкина. Журнал стал лучшим сатирическим изданием XIX в., пользовавшимся необычайной популярностью среди демократического читателя. Его тираж в 1862—1863 гг. достигал 10 тыс. экземпляров.

Передовые демократические позиции в русской журналистике отстаивал журнал «Русское слово» (1859—1866), который благодаря сотрудничеству в нем Д. И. Писарева, публициста и литературного критика, превратился в орган радикальных слоев разночинной интеллигенции.

Передовую общественную мысль в русской журналистике в конце 60—70-х годов представляли «Отечественные записки» (1868—1884), редакторами которых были Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин. К концу 70-х годов относится появление либерально-народнических журналов «Слово» (1878) и «Русская мысль» (1880).

Прогрессивной и революционной журналистике 60—70-х годов противостояли либерально-буржуазные и реакционные издания, количество которых значительно превосходило демократические.

В 80—90-е годы еще более, чем в предыдущие десятилетия, развивается специальная отраслевая журналистика. Среди общеисторических журналов одно из первых мест принадлежало ежемесячнику «Русская старина» (1870—1918), который издавался под редакцией историка либерального направления М. И. Семевского. В нем публиковались документальные материалы по истории России, дневники, записки, материалы о неизвестных и вновь найденных произведениях Пушкина, Лермонтова, Крылова и других писателей и поэтов.

В 1880 г. историком С. Н. Шубинским был основан консервативно-монархический по своему направлению ежемесячник «Исторический вестник» (1880—1917), рассчитанный на широкие слои читателей. Он ставил своей задачей в доступной форме знакомить читателей с современным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе.

С 1889 г. начинает выходить первый русский этнографический журнал «Этнографическое обозрение», а с 1891 г. — «Живая старина», сыгравшие большую роль в развитии русской этнографии. Одним из искусствоведческих журналов был «Вестник изящных искусств», издававшийся Академией художеств в Петербурге (1883—1890) под редакцией художника А. И. Сомова. В качестве приложения к журналу выходила газета «Художественные новости».

Ведущее место в русской журналистике продолжают занимать «толстые» журналы, рассчитанные на образованные слои общества: «Русская мысль» (1880—1918), «Русское богатство» (1876—1918), «Русский вестник» (1856—1906), «Север» (1888—1914), «Пантеон литературы» (1888—1895) и др. Наряду с «толстыми» журналами все большую популярность приобретали «тонкие» иллюстрированные журналы «для семейного чтения», научно-популярные журналы для детей и юношества. Наиболее долговечным журналом оказался иллюстрированный еженедельник «Нива» (издавался с 1870 г. массовым тиражом).

Революция 1905 г. вызвала оживление в русской журналистике. Наряду с выходом огромного количества новых журналов в периодике происходит дифференциация по партийному признаку: окончательное размежевание между контрреволюционной, буржуазной прессой и революционной социал-демократической, большевистской печатью. В связи с формированием политических партий в России выходят октябристские, кадетские, меньшевистские, эсеровские издания.

В годы революции значительно возросла роль большевистских изданий. Примечатель-

ным явлением журналистики в период первой русской революции было возрождение острой политической сатиры. В 1905—1906 гг. выходило более 300 сатирических журналов. В них высмеивались царское правительство и его администрация.

В годы нового революционного подъема (1910—1914) возникло наиболее крупное по значению легальное партийное издательство «Правда». Главное его издание — массовая рабочая газета «Правда» начала выходить 5 мая 1912 г. Большевистская газета «Правда», подчеркивал В. И. Ленин, стала новым этапом в истории массовой революционной газеты. Издательство «Правда» выпускало также журналы «Работница», «Просвещение».

БИБЛИОТЕКИ. МУЗЕИ. Во второй половине XIX — начале XX в. значительно увеличивается число библиотек. Появляются научные, специальные, ведомственные, а также коммерческие библиотеки. Распространенными в пореформенное время становятся так называемые «общественные» и народные библиотеки. Открывается крупнейшая публичная библиотека при Румянцевском музее в Москве (1862, ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина), основываются научные библиотеки Исторического, Политехнического музеев, появляются народные библиотеки в губернских и уездных городах. Большая роль в их создании принадлежала общественности, земствам и комитетам грамотности.

В конце XIX в. рабочими союзами и марксистскими кружками, в частности ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», были созданы нелегальные библиотеки, проводившие большую работу по пропаганде и распространению марксистских идей среди народных масс.

В годы первой русской революции на средства профессиональных союзов открываются первые рабочие профсоюзные библиотеки, увеличивается число библиотек и читальных залов для народа. К 1917 г. в России насчитывалось более 12 тыс. народных библиотек, которые существовали на частные пожертвования. Их деятельность находилась под контролем светских и духовных властей.

Вторая половина XIX— начало XX в. были периодом становления и развития музейного дела. Сеть музеев различного профиля — исторических, естественнонаучных, мемориальных, художественных, краеведческих, промышленных, сельскохозяйственных — быстро расширяется. Только за десятилетие (1870—1880) в губернских и уездных городах возникло до 80 музеев, появились национальные музеи.

Крупнейшим Военно-историческим музеем стал Артиллерийский музей, фонд которого на протяжении второй половины XIX в. комплектовался из памятников, ранее хранившихся в различных арсеналах и музеях страны. В середине 60-х годов был создан крупный Кавказский военно-исторический музей.

В 1855 г. в Петербурге был создан Инженерный музей. В 1870 г. открыт Музей оружия в Туле.

Распространение получают мемориальные военные музеи — Севастопольский (1869), Кутузовская изба в Филях (1877), Музей А. В. Суворова (1904), в 1914 г. был открыт Бородинский музей.

В 1872 г. в Москве открывается Российский исторический музей, вскоре превратившийся в первоклассное собрание материалов по истории России. Возникло большое число музеев при различных научных обществах и заведениях. Открываются первые мемориальные музеи, посвященные жизни и деятельности выдающихся ученых, писателей, артистов, композиторов и т. д., а также отдельным историческим событиям, создаются литературные и театральные музеи.

В начале XX в. в Петербурге на основе многочисленных материалов Пушкинской выставки 1899 г. был создан Пушкинский дом — самое крупное хранилище автографов и книг Пушкина и единственное специальное учреждение в России, ставшее центром научного изучения творчества поэта (теперь Институт русской литературы АН СССР).

В 1911 г. в Петербурге и Москве на частные сборы и пожертвования демократических слоев были открыты музей Л. Н. Толстого, при библиотеке Румянцевского музея — музей А. П. Чехова. В Русском музее была создана комната Ф. М. Достоевского.

В 1915 г. в Петербурге был организован музей знаменитой русской актрисы М. Г. Савиной, архив которой состоял из ее мемуаров, записок по искусству, ее переписки с И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, А. Н. Островским и другими выдающимися деятелями литературы и искусства.

Немалое значение в деле хранения и собирания материалов по истории литературы и

искусства, науки и техники приобрело частное коллекционирование. Так, в конце XIX — начале XX в. крупнейшим собирателем материалов по истории театрального искусства в России был А. А. Бахрушин. На основе его коллекции создан литературно-театральный музей, названный его именем (1894).

В 60—90-е годы для широкой публики открываются частные художественные собрания и галереи В. А. Кокорева, К. Т. Солдатенкова, Н. А. Кушелева-Безбородко, П. М. и С. М. Третьяковых. В Москве и Петербурге создаются русские национальные художественные музеи. Общенациональное значение получила художественная галерея П. М. и С. М. Третьяковых (1856), которая была передана Третьяковым П. М. в 1892 г. в дар городу Москве.

В 1898 г. в Петербурге был открыт императорский Русский музей, в 1912 г. в Москве — Музей изящных искусств. Художественные музеи возникают и в провинции.

В 1872 г. в Москве был открыт Политехнический музей, ставший одним из центров пропаганды технических и научных знаний в стране. Здесь читали лекции выдающиеся русские ученые — А. Г. Столетов, П. Н. Лебедев, Н. Е. Жуковский, К. А. Тимирязев и др. Всего к 1917 г. в России было открыто более 300 музеев.

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ СВЯЗИ. Степень и уровень развития средств связи — один из показателей культурного развития страны. В. И. Ленин относил почту и телеграф к числу «уроков, добытых крупной капиталистической культурой»[1]. Развитие капиталистических отношений предъявляло новые требования к средствам связи — оперативность, быстрота доставки. С 1858 г. вводятся в обращение первые почтовые марки.

В 1854 г. впервые выходит в европейскую телеграфную сеть русский телеграф. В 1866 г. открылась передача телеграмм из России в США по трансатлантическому кабелю. Начался новый этап международного телеграфного обмена. В 1855 г. в России впервые стал осуществляться прием частных телеграмм. В телеграфную сеть, прежде всего, включались города, имевшие наибольшее промышленное и торговое значение. К 1914 г. была налажена телеграфная связь Петербурга и Москвы с губернскими центрами и провинциальными городами. Однако пользование телеграфом для основной массы населения страны было недоступно из-за высоких телеграфных тарифов.

В 1876 г. был изобретен телефон американским ученым А. Г. Беллом. Первый оригинальный телефон (вибратор) в России был создан в 1878 г. П. М. Голубицким.

В 1881 г. начались устройство и эксплуатация городских телефонных станций. Телефонная сеть была объявлена правительственной монополией. В 1900—1906 гг. были устроены междугородные линии в центральной России, на Украине, Кавказе. Телефонная связь широко применялась военным и морским ведомствами.

Новый этап в развитии средств связи начинается с момента изобретения в 1895 г. радио А. С. Поповым (1859—1905). Почтово-телеграфное ведомство не сумело оценить перспективы применения радиосвязи, оставив великое изобретение без внимания. Собственное производство радиоаппаратуры в России началось в 1900 г., когда в Кронштадте по инициативе А. С. Попова открылась «мастерская для производства и ремонта аппаратов телеграфирования без проводов».

Строить радиостанции начали лишь в 1909 г. К 1914 г. почтово-телеграфное ведомство имело в своем распоряжении около 30 радиостанций, располагавшихся в основном на морских побережьях страны. С начала первой мировой войны строительство гражданских радиостанций практически прекратилось. Общая экономическая отсталость страны тормозила развитие отечественной радиотехники.

2. НАУКА И ТЕХНИКА

I

Развитие науки в России в первой половине XIX в. имело ряд особенностей: интенсивное накопление фактического материала, преобладание экспериментальных опытных наблюдений, тенденция к дифференциации некоторых ее отраслей. Постепенно преодолевается метафизический взгляд на природу — из науки описания фактов она превращается в науку о процессах. Развитие научной мысли протекало в острой борьбе прогрессивных ученых с представителями идеалистических теорий. Большое влияние на развитие русской

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 272.

науки в первой половине века оказала передовая общественная и философская мысль, рассматривавшая естественные науки как фундамент научного материалистического мировоззрения.

МАТЕМАТИКА. Достижения мировой математической науки в первой половине века связаны с именами выдающихся русских ученых — Н. И. Лобачевским, М. В. Остроградским, В. Я. Буняковским и др., которые одновременно были и крупными педагогами, много сделавшими для развития в стране математического образования.

Н. И. Лобачевскому (1792—1856) принадлежит заслуга создания новой системы так называемой неевклидовой геометрии, совершившей переворот во взглядах на современную математическую науку и на целые десятилетия опередившей ее развитие. Гениальные открытия Лобачевского начали находить постепенное признание лишь во второй половине 60-х годов XIX в. Много позднее, в начале XX в., они нашли чрезвычайно важное применение в исследованиях физических явлений, для решения космических проблем, теории кванта.

С именем академика М. В. Остроградского (1801—1862) связаны крупные открытия в математической физике. В области интегрального исчисления — в теории неравенств — ценные научные результаты получил академик В. Я. Буняковский (1804—1889). Достижения русских математиков находили практическое применение в промышленности, строительстве, оптике, механике, физике, астрономии.

АСТРОНОМИЯ. Вехой в развитии не только русской, но и мировой астрономической науки было основание Пулковской обсерватории (1839), оснащенной лучшими по тому времени астрономическими приборами. Ведущим направлением ее работ было составление каталогов координат звезд. Изданные каталоги послужили основой не только для практических работ (в первую очередь, в области картографии), но и расширили представления о строении Вселенной.

Выдающееся место в развитии астрономии принадлежит академику В. Я. Струве (1793—1864) — одному из создателей школы русских астрономов. Мировую известность получили его работы в области изучения двойных солнц, которые дали возможность определять физические массы звезд. Огромным вкладом в астрономию явилось открытие метода научного определения расстояний до звезд: была решена проблема, поставленная еще Коперником.

ФИЗИКА И ХИМИЯ. В центре внимания русских физиков было изучение свойств электричества и исследование физических явлений природы (геофизика).

Профессор В. В. Петров (1761—1834) открыл новую форму перехода энергии постоянного тока в тепловую и световую энергию. В 1802 г. он открыл электрическую дугу, которая стала применяться в освещении и в металлургии. Большое влияние на развитие учения об электричестве оказали открытия академика Э. Х. Ленца (1804—1865): «Правило Ленца», «Закон Джоуля—Ленца»; изобретение баллистического гальванометра и др. Исследования Ленца и Петрова проложили дорогу к решению центральной проблемы в физической науке XIX в. — открытию закона сохранения и взаимного превращения тепловой, механической, химической и электромагнитной энергии.

В 1834 г. академик Б. С. Якоби (1801—1874) сконструировал первую модель электродвигателя, заложил фундамент для развития электротехники. В 1838 г. на Неве в Петербурге проводились испытания усовершенствованного варианта электродвигателя, установленного на судне. Мировую славу принесло Якоби изобретение гальванопластики, которое нашло широкое применение в технике.

Выдающимся изобретением в области практического использования электроэнергии, нашедшим широкое применение, был электротелеграф, сконструированный в России в 1828—1832 гг. П. Л. Шиллингом (1786—1837). Дальнейшую работу над улучшением устройства телеграфных аппаратов

Н. И. Лобачевский

после смерти Шиллинга продолжал Б. С. Якоби. Изобретенный им в 1839 г. аппарат стал практически первым телеграфным записывающим аппаратом, действовавшим на подземной телеграфной линии Петербург — Царское Село.

В первые десятилетия века исследования ученых-химиков сосредоточивались, главным образом, на изучении неорганической химии. Зарождаются новые самостоятельные отрасли — фотохимия и электрохимия, обосновывается учение о катализе. В 1805—1818 гг. разрабатывается научная теория электролиза, что нашло практическое применение как в России, так и за границей.

В 1831 г. горный инженер и металлург П. П. Аносов (1799—1851) положил начало изучению структуры стали. Ему принадлежала заслуга применения микроскопа в изучении металла.

В 40-е годы начинается описание и изучение химических свойств органических веществ. Особое внимание химиков привлекают проблемы синтеза органических веществ. Знаменитым русским академиком Н. Н. Зининым (1812—1880) был получен хинин, а затем — анилин. Эти исследования подготовили базу для развития химической науки в последующие десятилетия.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ. Русские ученые в составе многочисленных экспедиций изучают водные и сухопутные районы на территории России — Северного Ледовитого океана, северной части Тихого океана, обширных территорий Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Урала, Средней Азии, Алтая и Западных Саян — и за ее пределами. Составляются карты неизвестных ранее побережий, островов в Южном и Северном полушариях. Одновременно ведутся геофизические наблюдения, отличавшиеся высокой точностью и получившие международное признание.

Важные географические исследования были проведены во время кругосветных путешествий. Первое в истории России кругосветное путешествие (1803—1806) было совершено двумя русскими кораблями под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, во время которого была уточнена карта мира, открыт ряд островов, проведена съемка побережья южной части Сахалина, составлено описание быта, нравов, хозяйства населения Камчатки и Сахалина. Всего в первой половине XIX в. было совершено около 40 кругосветных путешествий.

Впервые были нанесены на карту весь западный берег Новой Земли и Мурманское побережье. Полярные экспедиции 20—30-х годов XIX в., систематически обследовавшие побережье Северного Ледовитого океана, окончательно доказали существование Северного морского пути между Тихим и Атлантическим океанами, опровергнув гипотезу о наличии перешейка между Азией и Америкой. Адмиралом Ф. П. Литке были составлены карты, которыми в течение целого века пользовались исследователи и мореплаватели.

В январе 1821 г. русскими мореплавателями было сделано величайшее открытие XIX в.: экспедиция в составе двух военных судов «Восток» и «Мирный» под командованием Ф. Ф. Беллингсгаузена и М. П. Лазарева открыла шестую часть света — Антарктиду.

Важным событием стало создание в 1845 г. русского Географического общества, организовавшего в 1847 г. первую крупную научную экспедицию на Урал. Результатом ее работы явилась карта Северного Урала.

Русским ученым принадлежат огромные заслуги в области гидрографии и океанографии. Огромное значение имело открытие Г. И. Невельским судоходности устья Амура и Татарского пролива. Русские географы и путешественники в течение первой половины века побывали в Европе, на Ближнем Востоке, в Китае, Монголии, Индии, Афганистане, на Тибете, впервые посетили Бирму, начали изучать Африканский и Южноамериканский континенты.

БИОЛОГИЯ. Широкий размах получили исследования фауны и флоры страны. Для изучения животного и растительного мира России был создан Никитский ботанический сад в Крыму (1812), Ботанический музей и Ботанический сад (1824) в Москве, Зоологический музей(1832) при Академии наук в Москве.

Выдающиеся открытия в изучении морфологии животных, прежде всего эмбриологии, связаны с именами Х. И. Пандера и К. М. Бэра. Были установлены общие закономерности развития всех классов позвоночных животных, что явилось крупным шагом вперед в биологической науке и заложило основы современной эмбриологии. Фактические данные, почерпнутые из изучения фауны и флоры, зоологии и ботаники, наносили серьезный удар по идеалистическим представлениям в биологии.

В середине XIX в. идея эволюционного

развития находит среди русских биологов все больше сторонников. Наиболее ярко эволюционная теория, подтверждавшая идею исторического развития органического мира, обусловленного условиями окружающей среды, воплотилась в трудах профессора Московского университета, создателя «опытной зоологии» К. Ф. Рулье (1814—1858). Последователь эволюционизма — зоолог и путешественник Н. А. Северцов в 1855 г. впервые в истории зоологии создал классический труд, заложивший основы отдельной области биологии — экологии. Еще до появления книги Ч. Дарвина «О происхождении видов» (1859) он подошел к открытию учения о естественном отборе.

Работы русских естествоиспытателей подготовили общественную и научную мысль к творческому восприятию учения Ч. Дарвина, которое оказало громадное воздействие на всю мировую биологическую науку.

МЕДИЦИНА. Успехи биологии во многом способствовали развитию медицины. Русские врачи разрабатывали передовые методы лечения и диагностики (в 20-х годах). Было положено начало экспериментальной медицине и экспериментальной физиологии, основоположником которой стал профессор Московского университета А. М. Филомафитский, считавший опыт единственно правильным путем всякого научного исследования. В 1848 г. он изобрел специальный прибор для переливания крови, провел оригинальные исследования по изучению физиологии дыхания и нервной системы. В 1847 г. русские врачи стали вводить в медицинскую практику обезболивающие средства (наркоз). В том же году впервые в мире выдающийся русский хирург Н. И. Пирогов (1810—1881) применил эфирный наркоз в военно-полевых условиях.

Русские медики успешно разрабатывали теоретические вопросы. Видным теоретиком передовой медицинской науки был профессор Московского университета И. Е. Дядьковский, разрабатывавший неврогенную теорию происхождения болезней. Создаются фундаментальные труды по анатомии, учебники по хирургии, получившие широкую известность не только в России, но и за рубежом. Автором четырехтомного атласа «Топографическая анатомия», наиболее полного для того времени практического пособия, был Н. И. Пирогов. Основные положения, выдвинутые Пироговым, сохранили свое значение до настоящего времени. Однако, несмотря на заметные успехи медицины как науки, подавляющая часть населения практически была лишена всякой врачебной помощи.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ. Накопленный в первой половине XIX в. естественными науками фактический материал требовал теоретического осмысления и обобщения. Старый метафизический метод оказался несостоятельным в объяснении закономерности развития мира. Становление и развитие русской философии, ее материалистических начал проходило в острой идейной борьбе с идеализмом, религией.

Материализм того времени, особенно в науке, носил механистический характер. В нем еще были сильны элементы метафизики и эмпиризма.

С начала 30-х годов широкое распространение в России получает философия Гегеля. В кружке Н. В. Станкевича (1813—1840), объединившем в основном студенческую молодежь Московского университета, изучали сочинения этого немецкого философа. Члены кружка Станкевича, поняв диалектическую суть в учении Гегеля, поставили вопрос о роли философии как метода познания. Кружок сыграл большую роль в развитии русской философской мысли, ее революционно-демократического направления. Из кружка Станкевича впоследствии вышли выдающиеся деятели русской культуры и революционного движения Т. Н. Грановский, В. Г. Белинский, М. А. Бакунин и др.

Выдающимся представителем и основоположником революционного демократизма — передового направления в русской философии и социологии — был В. Г. Белинский (1811—1848).

В начале 40-х годов после временного увлечения философией Гегеля Белинский переходит на позиции материализма. Белинский стал основоположником русской материалистической эстетики. Рассматривая искусство как одну из форм общественного сознания, как отражение действительности в специфических художественных образах, он выдвинул ее основной принцип: правдивое и верное воспроизведение жизни, что означало отражение типическими чертами наиболее существенных сторон действительности.

Особенно заметной фигурой XIX в. был философ-материалист А. И. Герцен (1812—1870). В середине 40-х годов он создал свой главный философский труд «Письма об изучении природы» (1844—1845). Герцен, по

словам Ленина, в условиях крепостнической России «...сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени» [1].

Герцен называл диалектику Гегеля «алгеброй революции» и использовал ее для теоретического обоснования революционной борьбы. Однако диалектик-материалист в области познания природы, Герцен, как и Белинский, оставался на почве идеализма в объяснении общественного развития, в области истории.

Философские, эстетические и политические идеи Белинского и Герцена оказали большое воздействие на современную им и всю последующую общественную мысль России.

ИСТОРИЯ. Первая половина XIX в. отмечена значительными достижениями исторической науки. Появляются крупные исторические работы, археографические комиссии вводят в научный оборот много новых, неизвестных ранее исторических источников, большую часть письменных источников по истории XIV и XVI вв. — летописи, акты, грамоты.

Большой вклад в изучение русской истории внес Н. М. Карамзин (1766—1826). Его историческая концепция была консервативной (процесс исторического развития он рассматривал как движение, осуществляемое великими личностями). Однако он использовал большое количество новых исторических документов и внес по сравнению со своими предшественниками (В. Н. Татищевым и М. М. Щербатовым) много нового как в понимание общего хода русской истории, так и отдельных ее событий. Ему принадлежит двенадцатитомная «История государства Российского» (1816—1829), которая пользовалась небывалым успехом: весь ее тираж (3 тыс. экземпляров — огромный для того времени) был раскуплен в короткий срок. В дальнейшем «История» неоднократно переиздавалась.

С критикой консервативных взглядов Карамзина выступали декабристы и Пушкин.

В 30—40-е годы консервативно-монархические концепции истории развивали М. П. Погодин и Н. Г. Устрялов, придерживавшиеся теории официальной народности. Они пытались приспособить новые данные исторической науки для обоснования самодержавно-крепостнического строя, отстаивали идею самобытности русской истории, которая якобы исключала революционное движение.

В первой половине века сложилась так называемая скептическая школа (М. Т. Каченовский, П. М. Строев, Н. С. Арцыбашев). Ее требование критического подхода к изучению источников с целью выявления их подлинности способствовало развитию исторической науки, особенно исторической критики. Однако в этом своем требовании скептики доходили до того, что сомневались в подлинности всех исторических событий, освещаемых в документах.

Крупнейшим историком-медиевистом был профессор Московского университета Т. Н. Грановский (1813—1855). Он обладал ораторским талантом, его лекции всегда собирали большую аудиторию. Будучи главой московских западников, Грановский доказывал, что Россия идет по тому же пути развития, что и страны Западной Европы. Он выступал против крепостничества и деспотизма. Его лекции по истории средневековья воспринимались как «трибуна общественного протеста» (Герцен).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. В начале XIX в. одновременно в разных странах, в том числе и в России, был открыт сравнительно-исторический метод исследования языков, который дал языкознанию право считаться самостоятельной наукой.

Возникновение сравнительно-исторического языкознания в России связано с именем А. Х. Востокова (1781—1864). После многолетнего изучения памятников древнерусской и славянской письменности он напечатал «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» (1820). Эта небольшая работа была оценена как выдающееся явление в европейской лингвистике того времени.

Востоков явился основателем отечественной палеографии. Составленное им «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея» (1842) явилось результатом тщательного, подробного палеографического описания и филологического изучения памятников древнерусской и славянской письменности.

В это же время Г. П. Павский и Ф. И. Буслаев вели интенсивное изучение русского языка в сравнении с другими индоевропейскими языками. «Филологические наблюдения

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

над составом русского языка» Г. П. Павского, изданные в 1841—1842 гг., были замечательным явлением тогдашней филологической науки.

В XIX в. в России возникла новая наука — литературоведение. В начале века появляются журналы с преимущественной ориентацией на литературно-художественную критику: «Московский меркурий» (1803), «Северный вестник» (1804—1805), «Лицей» (1806), «Цветник» (1809—1810). В 1809 г. Н. М. Карамзин в «Вестнике Европы» вводит специальный отдел критики.

Литературоведение в России заявляет о своем национальном своеобразии в 40-е годы, прежде всего, трудами В. Г. Белинского. Цикл его статей о Пушкине (1843—1846) по существу явился первым курсом истории новой русской литературы, достойно венчавшим высшие достижения отечественной науки о литературе в первой половине XIX в.

Опубликование в 1800 г. «Слова о полку Игореве» вызвало огромный интерес к истории национальной литературы, побудило к поискам новых художественных сокровищ. В 1804 г. впервые появился в печати сборник былин «Древние русские стихотворения», с этого же года А. Х. Востоков приступил к собиранию памятников народного творчества.

После 1812 г. начинается еще более интенсивное изучение народной словесности. Организуются экспедиции, издаются памятники и документы русской истории, описания и каталоги рукописных собраний и т. д. Большую работу в этом направлении проводило «Санкт-Петербургское вольное общество любителей российской словесности», известное под более ранним названием «Общество соревнователей просвещения и благотворения». В течение долгого времени руководящую роль в нем играли прогрессивные писатели и особенно будущие декабристы — братья Н. А. и А. А. Бестужевы, К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. О. Корнилович. В истории изучения русского фольклора как теоретик и неутомимый организатор видное место занимал И. И. Срезневский (1812—1880). Выдающуюся роль в собирании фольклора сыграл славянофил П. В. Киреевский (1808—1856). «Песни, собранные Киреевским», являются первым собранием русского фольклора.

Археографическая комиссия, особенно энергично начавшая работать в 40-х годах, в 50-е годы приступила к широкой публикации архивных материалов, для чего было создано специальное издание — «Этнографический сборник». Первый том его вышел в 1858 г., но на 4-м томе издание прекратилось: цензура запретила публиковать материалы, относящиеся к народному быту; издание возобновилось только в 60-х годах.

II

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАУКИ. Во второй половине XIX — начале XX в. получили развитие новые отрасли естествознания: почвоведение, кристаллография, сейсмология, геохимия. Впервые были созданы научно-технические общества, принимавшие активное участие в разработке коренных научных проблем.

Одним из первых объединений представителей технической интеллигенции было Русское техническое общество (1861) — наиболее массовое научное общество в дореволюционной России. Возникли отраслевые научно-технические общества, объединения ученых и инженеров.

Важное значение в развитии науки имело распространение и утверждение дарвинизма. В 60—80-е годы ученые И. И. Мечников, А. О. Ковалевский, К. А. Тимирязев и другие не только отстаивали дарвинизм в России, но и конкретизировали это учение, внеся в него существенно новое — понятие качественных изменений.

Передовая материалистическая наука развивалась в борьбе с распространением различных идеалистических течений — махизма, субъективизма, кантианства, релятивизма, «энергетики» и т. д. Особую остроту приобрела эта борьба в эпоху империализма. Части ученых казалось, по выражению В. И. Ленина, что «материя исчезла». Однако прогрессивные ученые по-прежнему отстаивали материалистическое направление в науке, создавая предпосылки для ее восхождения на высшую, принципиально новую ступень — на позиции диалектического и исторического материализма.

МАТЕМАТИКА И МЕХАНИКА. Значительно расширяет круг исследований математическая наука: наряду с традиционными направлениями развиваются новые отрасли математики — теория интегралов, теория чисел и др. Теоретические выводы математи-

ки все теснее связываются с непосредственными задачами и нуждами техники, строительства и промышленности.

Основателем первой и самой крупной в России Петербургской математической школы был П. Л. Чебышев (1821—1894), труды которого заложили основы современной теории чисел. Выведенная им формула дальности полета была использована в отечественной артиллерии. Чебышев создал теорию наилучших приближений, нашедшую широкое применение в механике.

Крупный вклад в развитие теории вероятности внесли академик А. А. Марков (1856—1922), положивший начало новому отделу теории вероятностей (так называемые цепи Маркова), и академик А. М. Ляпунов (1857—1918), создавший новый метод для доказательства основной предельной теоремы этой теории. В конце XIX — начале XX в. А. М. Ляпунов разрабатывает теорию дифференциальных уравнений, создав основополагающие труды по проблемам теории устойчивости движения. Эта теория имела важное значение для теоретической механики, многих областей физики, в особенности теории колебаний.

В 60-е годы складываются Московская и Казанская школы математиков, уделявшие большое внимание разработке проблем геометрии.

Развитие машиностроения, строительство зданий различного назначения, железных дорог, возведение мостов обусловили развитие исследований по теории упругости и сопротивления материалов, а потребности авиации — исследований в области аэродинамики. Профессор И. А. Вышнеградский (1831—1895) разработал теорию автоматического регулирования, основоположник русской школы мостостроения Д. И. Журавский (1821—1891) создал теорию расчета мостовых ферм. Выдающемуся ученому-математику, механику и судостроителю академику А. Н. Крылову (1863—1945) принадлежат основополагающие труды по теории корабля.

АСТРОНОМИЯ. В 60—70-е годы создаются новые обсерватории (в Одессе, Ташкенте и Казани). В конце 90-х годов была перестроена и переоборудована Московская обсерватория. В ее здании разместили двойной телескоп-астрограф, предназначенный для фотографирования звезд, что выдвинуло Московскую обсерваторию в число лучших обсерваторий Европы. Астрономами Казанской обсерватории (50—80-е годы) был составлен каталог звезд «казанской» зоны, установленной Международным астрономическим обществом, разработан способ точного определения орбит двойных звезд, простой и удобный способ предвычисления солнечных затмений и изучения неровностей лунного края. Ими решалась одна из важных проблем астрономии — проблема строения и вращения Галактики, что позволило разработать метод определения движения солнечной системы в пространстве.

Прочное положение в астрономических исследованиях получает новая отрасль науки о Вселенной — астрофизика. В 60-е годы одними из первых в мире начали фотографирование пятен на солнце астрономы Виленской обсерватории, в Одесской обсерватории стали проводиться фотометрические исследования.

С именем академика Ф. А. Бредихина (1831—1904) связано появление новой отрасли астрономии — кометной астрономии. Его теория строения хвостов комет не претерпела существенных изменений до настоящего времени.

Большое значение имели работы В. К. Цераского, начатые в 1892 г., по определению температур поверхности Солнца, астрофизика Г. А. Тихова, который в 1912 г. впервые в мире ввел в практику метод изучения планет при помощи светофильтров, использующийся до сих пор.

ФИЗИКА. После открытия А. С. Поповым радио в начале XX в. формируется школа русских радиотехников, продолжавших научную работу по усовершенствованию беспроволочного телеграфа. Выходят в свет первые руководства по радиотехнике. В 1902 г. начались теоретические и экспериментальные работы по созданию аппаратов, способных передавать не только телеграфные сигналы, но и речь, музыку.

С 70-х годов русские физики активно изучают электрические и магнитные свойства вещества, имевшие большое значение для объяснения природы электричества. Они проводят успешные исследования в области аэрохимии. Профессор Московского университета А. Г. Столетов (1839—1896) исследовал явление внешнего фотоэффекта. Его работы оказали большое влияние на развитие учения о газовом разряде и получили мировую известность.

Знаменитый русский физик П. Н. Лебедев

(1866—1912) открыл действие света на твердое вещество и провел опыты по измерению светового давления, позже им было обнаружено давление света на газы. Его работы, опубликованные в 1910 г., принесли ему мировую славу. Физики получили важные научные результаты, исследуя законы распространения звука, силы, скорости, давления звука в кристаллах, древесине, твердых, жидких и рыхлых породах.

В 1873 г. Н. А. Умов (1846—1915) заложил основы учения о движении энергии.

На рубеже XIX—XX вв. начался новый этап в развитии русской физической науки. Фундаментальные исследования — открытие электрона в 1897 г., кванта в 1900 г. — положили начало электронной и атомной физике. Первые исследования, имеющие непосредственное отношение к электротехнике и квантовой физике, были сделаны в России в 1887—1889 гг. В начале XX в. началось систематическое изучение явлений радиоактивности.

С 1872 г. в России была организована регулярная служба погоды, что имело огромное значение для развития морского флота и железнодорожного сообщения. Большой материал многолетних наблюдений над погодой позволил приступить к созданию обобщающих исследований по климатологии, имевших мировое значение.

Исследования проблем происхождения земного магнетизма и теории земного магнитного поля имели громадное значение для геологической разведки полезных ископаемых, морской и воздушной навигации.

Изучение морей Черного, Мраморного, Северного, систематические океанографические наблюдения высокой точности, проведенные адмиралом С. О. Макаровым, явились важным этапом в становлении океанографии как самостоятельной науки.

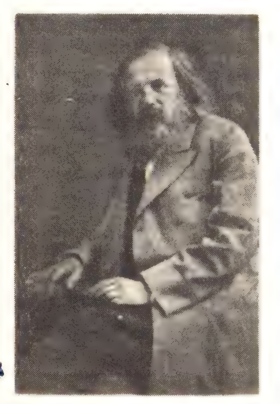
На рубеже XIX—XX вв. сформировалась сейсмология — наука, изучающая землетрясения и связанные с ними явления. Первые сейсмологические наблюдения в России начались в 50-е годы в связи с экономическим освоением сейсмически активных районов Кавказа, Средней Азии, Забайкалья и Дальнего Востока. «Отцом русской сейсмологии» явился академик Б. Б. Голицын (1862—1916). Разработанная им методика исследования внутреннего строения Земли была принята сейсмологами всего мира.

ХИМИЯ. Развитие русской химической науки второй половины XIX в. ознаменовалось величайшим открытием Д. И. Менделеева (1834—1907). Сформулированный им в 1869 г. периодический закон химических элементов гласил, что физические и химические свойства элементов находятся в зависимости от их атомного веса. Периодическая таблица Менделеева впервые в истории химии классифицировала химические элементы в единую систему. Открытие неизвестных элементов, предсказанных и описанных Менделеевым, явилось блестящим подтверждением периодического закона.

Огромные успехи были сделаны в развитии органической химии. Академик А. М. Бутлеров (1828—1886) создал новую теорию химического строения вещества, открывшую безграничные возможности для планомерного органического синтеза и явившуюся фундаментом современной органической химии. Его ученик и последователь В. В. Марковников (1837—1905) основал новую область органической химии — нефтехимию. Важные исследования в этой области в 80-х годах были проведены Н. Д. Зелинским (1861—1953).

Широкое развитие получила металлография. Огромный вклад в развитие науки о структуре металлов и сплавов внес академик Н. Н. Бекетов (1827—1911), исследовавший физико-химические свойства металлических сплавов, что и поныне имеет важнейшее значение для металлургии.

Исключительно важная роль в исследовании радиоактивных элементов принадлежит академику В. И. Вернадскому (1863—1945). Он одним из первых русских ученых осознал значение грандиозных перспектив, открывающихся перед человечеством в использовании атомной энергии.

Д. И. Менделеев

ГЕОЛОГИЯ. Чрезвычайно важными для страны были геологические исследования нефтяных и газоносных районов. Во второй половине XIX в. широко исследуются нефтяные районы Баку, Кавказа, Туркмении, Урала и Поволжья. Геологическое открытие, сделанное выдающимся исследователем нефти И. М. Губкиным (1871—1939), позволило по-новому организовать разведку нефти. Губкин составил структурные карты нефтегазоносных пластов, изучил некоторые вопросы генезиса нефти — одного из самых трудных в геологии, ряд закономерностей в формировании нефтяных месторождений.

В конце XIX — начале XX в. были составлены геологические карты нефтяных месторождений многих районов России, проведены геологические исследования месторождений ископаемых углей, составлены сводные геологические карты угленосных районов России.

ГЕОГРАФИЯ. Во второй половине XIX в. продолжались географические исследования. Путешествия П. П. Семенова-Тян-Шанского (1827—1914) положили начало изучению горных массивов Центральной Азии. Результаты его путешествий дали важные материалы о строении и происхождении рельефа этого района, установили общую картину внешних форм поверхности и геологического строения Тянь-Шаня. Эти наблюдения имели огромное значение для понимания геологической структуры и процесса формирования Азиатского материка и вулканических явлений.

Продолжая дело, начатое П. П. Семеновым, Г. Н. Потанин (1835—1920) в течение 23 лет совершил 7 крупных экспедиций на огромной территории от Каспия и Урала до Тянь-Шаня и Памира, исследовав неизвестные науке районы. В 60-е и 80-е годы исследования Средней Азии были проведены А. П. Федченко (им был открыт крупный ледник, названный его именем) и И. В. Мушкетовым.

В 70-е годы исследования Центральной Азии продолжил русский географ и путешественник Н. М. Пржевальский (1839—1888). Им были обнаружены и нанесены на карту пустыни, хребты, реки, озеро Лоб-Нор, горная система Алтын-Таг, уточнено положение уже известных географических объектов, собран огромный материал по зоологии и ботанике; ему принадлежит открытие десятков видов животных: дикий верблюд, дикая лошадь (получившая название лошади Пржевальского), тибетский медведь и др.

Геологии и физической географии Сибири и прилегающих районов посвятил свои труды знаменитый путешественник, геолог и географ В. А. Обручев (1863—1956). Его четырехтомная «История геологических исследований Сибири» и курс «Полевой геологии» явились значительным вкладом в географическую науку.

Всемирную известность приобрели путешествия Н. Н. Миклухо-Маклая (1846—1888). Его антропологические и этнографические исследования районов Юго-Восточной Азии, Австралии, островов Тихого океана, особенно Новой Гвинеи в 70-е годы имели важное значение. Миклухо-Маклай активно выступал в защиту народов, подвергавшихся колониальным грабежам и захватам, против расизма.

Активно изучались районы Сибири, Дальнего Востока, Арктики, бассейна Амура. В 1908—1910 гг. на Камчатке работала комплексная экспедиция Географического общества, издавшая карту вулканов этого района и собравшая огромный научный материал. Возрос интерес к географическим исследованиям в Арктике. В 70-е годы русские и иностранные мореплаватели стали использовать Северный морской путь. В первое десятилетие XX в. осуществляется несколько экспедиций на Север. В 1914—1915 гг. была доказана возможность прохода морских судов вокруг Азиатского материка по Северному Ледовитому океану: впервые это сумели сделать в две навигации ледоколы «Вайгач» и «Таймыр».

В 1900 г. был издан климатический атлас Российской империи.

Важнейшие обобщения в области географического синтеза были сделаны В. В. Докучаевым (1846—1903) — основателем науки географии почв. В классическом труде «Русский чернозем» (1883) он сформулировал теоретические положения почвоведения, первым выдвинул идею о почвенных зонах, на которых строится современное почвоведение, и составил первую карту почв.

БИОЛОГИЯ. Во второй половине XIX в. были организованы экспедиции для изучения фауны и флоры разных районов России и земного шара, в результате которых ученые открыли десятки неизвестных ранее зоологической науке видов и подвидов млекопитающих, птиц, рыб, насекомых. Эти открытия привлекли внимание зоологов и ботаников всего мира. Для исследования фауны морей создаются специальные стационарные учреж-

дения — морские биологические станции, первая из которых была учреждена в Одессе в 1871 г.

Проводились исследования морей Дальнего Востока, промысловой фауны Сахалина, Камчатки, Командорских островов. Труды зоологов-ихтиологов и орнитологов, в частности, главы русской орнитологической школы М. А. Мензбира, имели большое научное и хозяйственное значение.

Благодаря классическим трудам А. О. Ковалевского (1840—1901) и И. И. Мечникова (1845—1916) удалось установить общность в процессах зародышевого развития у всех многоклеточных животных, что укрепляло позиции материализма и дарвинизма в борьбе с идеализмом в естествознании. И. И. Мечников обогатил своими трудами различные отрасли физиологии, в частности, он разработал теорию фагоцитов, открыл явление фагоцитоза и тесную связь между наукой о болезнях и биологией, активно занимался проблемой старения организма.

В особую область зоологии выделяется физиология животных. Ее успехи с 60-х годов XIX в. связаны с именами И. М. Сеченова (1829—1905) и И. П. Павлова (1849—1936). Их учение, основанное на материалистическом мировоззрении, выдвигало революционные идеи о рефлекторной форме деятельности головного мозга. И. М. Сеченов (современники назвали его «отцом русской физиологии») заложил основы материалистической психологии, создал новые направления в науке: физиологию труда, питания, авиационную физиологию. Его работа «Рефлексы головного мозга» (1866) имела исключительное значение для развития учения о высшей нервной деятельности.

Работы И. П. Павлова в области физиологии животных положили начало целой эпохе в биологии и медицине. Он разработал методы изучения деятельности организма в его неразрывной связи с внешней средой, заложившие принципиально новые основания для развития психологии, медицины, педагогики, биологии и для развития новой науки — нейрофизиологии.

Основоположником эволюционной морфологии растений был профессор Петербургского университета А. Н. Бекетов (1825—1902, «отец русской ботаники»). Он разработал учение о соотносительной зависимости (корреляции) между органами и частями растений.

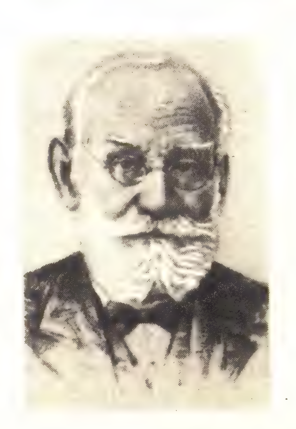
Классические исследования по изучению растений были проведены К. А. Тимирязевым (1843—1920) — основоположником русской научной школы физиологии растений. Он раскрыл энергетические закономерности фотосинтеза растений, как процесса использования света растениями для накопления энергии.

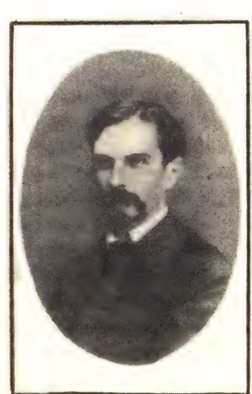
К экспериментально-морфологическому направлению в ботанике принадлежат труды русского ученого И. В. Мичурина (1855—1935).

МЕДИЦИНА. Огромное влияние на развитие медицины второй половины XIX в. оказали достижения отечественной микробиологии и эпидемиологии. Были открыты новые микробы-возбудители, отдельные формы инфекционных и эпидемических заболеваний, для борьбы с которыми начали приготовлять сыворотки. Экспериментальным путем была исследована биология возбудителей чумы, скарлатины.

Учение об иммунитете И. И. Мечникова

И. М. Сеченов

И. П. Павлов

К. А. Тимирязев

сохранило свое значение до наших дней. В развитии отечественной микробиологии и эпидемиологии немалую роль сыграли мужество и самоотверженность русских ученых, которые для выяснения природы инфекционного заболевания и проверки действия выработанных средств нередко жертвовали собственной жизнью и здоровьем, прививая себе кровь заразных больных (Н. Ф. Гамалея, Г. Н. Минх и др.).

С. П. Боткин (1832—1889) одним из первых ввел лабораторные и экспериментальные методы исследования в клинике внутренних болезней — в области патологии, физиологии. Он сделал подлинные открытия в медицине, доказав инфекционное происхождение многих болезней. Боткин был организатором эпидемиологического общества. По его инициативе в Петербурге вводится медицинское обслуживание на дому беднейшего населения города. В губернских городах и провинции создается врачебная санитарная служба.

В организации врачебной помощи сельскому населению много сделала земская медицина. Земская медицинская помощь, в основном бесплатная, была крупным завоеванием отечественной культуры периода капитализма.

В 50-е годы Н. В. Склифосовский (1836—1904) и другие русские хирурги начали применять антисептический метод, что значительно снизило смертность при операциях. Это было крупным завоеванием хирургии. Вместе с обезболиванием оно дало возможность перейти от операции на конечностях и поверхности тела к операциям внутренних органов больного. В 80-х годах впервые в мировой практике разрабатывается и внедряется метод местного обезболивания.

Несмотря на успехи медицины и гигиены, заболеваемость и смертность в царской России оставались очень высокими; их причины — в социально-экономических условиях, в нищете народа.

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ. В связи с обострением классовой борьбы в период подготовки и проведения крестьянской реформы происходит поляризация идеалистических и материалистических направлений во всех областях науки.

Передовую линию в философии по-прежнему занимает материалистическое направление. Революционные демократы во главе с Н. Г. Чернышевским, распространяя материализм на область человеческой истории, вплотную подходят к историческому материализму. Философские и социологические взгляды революционных демократов, отражая настроения народных масс, тесно связаны с конкретными задачами освободительного движения.

Центральной фигурой передовой общественной и философской мысли 60-х годов был Н. Г. Чернышевский (1828—1889), который внес много нового в разработку вопросов социологии, философии, политической экономии, эстетики, был одним из создателей (вместе с Герценым) теории русского общинного социализма. Социализм Чернышевского был ближе всего к научному социализму. В отличие от западных социалистов-утопистов, у которых социализм носил характер этического учения, у Чернышевского он находит более прочное социально-экономическое обоснование. Социализм связывается в учении Чернышевского с революцией, с участием в ней народных масс, понимается как неизбежный результат развития общества. Чернышевский сделал вывод о том, что каждое философское учение выражает интересы той или иной политической группировки или класса, и стремился выработать революционную теорию, которая отвечала бы потребностям народа. Благодаря принципу партийности, Чернышевский научно подошел к определению двух линий в философии — материализма и идеализма. В ряде статей («Постепенное развитие древних философских учений с развитием языческих верований», «Антропологический принцип в философии» — 1860, «Характер человеческого знания» — 1885 и др.) с позиций партийности он защищал материализм и критиковал идеалистические системы и взгляды Канта, Гегеля, позитивистов, современных ему идеалистов.

Выдающимся теоретиком-материалистом был революционер-демократ Н. А. Добролюбов (1836—1861). Вместе с Чернышевским он боролся за революционно-демократическое переустройство страны, за социализм. К революционно-демократическому направлению 60-х годов примыкал Д. И. Писарев (1840—1868), критиковавший идеалистическое направление и религию.

В 70-е годы в русской общественной мысли широкое распространение получили философские и социологические концепции народничества, основой которых являлся субъективный идеализм, позитивизм и метафизика. В социологии народники исходили из признания самобытности экономического развития

России, отличного от стран Запада, благодаря которой возможен некапиталистический путь развития к социализму через крестьянскую общину. Идеология революционного народничества объясняется неразвитостью общественных отношений, в силу чего народники не сумели выработать цельного философского учения и дали ему неправильное толкование.

В 80—90-е годы, когда народническая идеология переживала кризис, возрождаются реакционные идеалистические течения. Они направляют свою борьбу, главным образом, против марксистской философии и идей социализма. Идеализм развивался в русле тех же направлений, что и в 50—60-хгг.: религиозного идеализма, гегельянства и позитивизма.

С возникновением рабочего класса и пролетарского движения в России распространяется философия марксизма. В конце 90-х годов марксизм, соединившись с рабочим движением, становится господствующим учением. Огромная заслуга в критике народничества и идеализма, в пропаганде марксизма принадлежит Г. В. Плеханову (1856—1918).

Высшим достижением марксистской философской и общественно-политической мысли были работы В. И. Ленина (1870—1924), открывшего новый этап в развитии учения Маркса применительно к условиям эпохи империализма и пролетарских революций. Ленин обогатил философию марксизма рядом важных теоретических положений. В 1909 г. вышла в свет его книга «Материализм и эмпириокритицизм», в которой анализировалось развитие естествознания конца XIX — начала XX в., были развиты положения диалектического и исторического материализма: материалистическая теория отражения, учение об объективной истине, определение категорий материи, пространства и времени, причинности и др. Принципиально важное значение имеет положение Ленина о партийности в философии, требующее от марксистов последовательно бороться против любой разновидности идеализма и метафизики.

В системе эстетических воззрений В. И. Ленина центральное место занимает учение о партийности литературы и искусства. В статье «Партийная организация и партийная литература» (1905) Ленин показал, что партийность художественного творчества проявляется в активной позиции художника, в сознательной защите социалистических идеалов. Огромный вклад Ленин внес в разработку и совершенствование материалистической диалектики, называя ее «душой марксизма».

Велика роль Ленина в разработке исторического материализма — величайшего завоевания марксистской философии, научного фундамента для понимания закономерностей общественного развития и революционной борьбы за социальное преобразование общества. Глубоко изучая экономические, политические и духовные процессы современного общества, Ленин развил все стороны марксистской социологии.

Огромная заслуга Ленина состоит в том, что он, учитывая изменение исторических условий, развил марксистскую теорию социалистической революции, учение о классах и классовой борьбе, о диктатуре пролетариата и ее формах, о роли народных масс в истории, о роли партии рабочего класса.

Теоретическая деятельность В. И. Ленина тесно связана с революционной борьбой рабочего класса. Разработанные В. И. Лениным идеи, особенно его теория социалистической революции, дали в руки рабочего класса и его партии важное средство борьбы с капитализмом. Овладев массами, эти идеи стали могучим оружием революционного преобразования общества.

Ленинизм — высшая ступень развития философии, выдающееся достижение русской и мировой культуры.

ИСТОРИЯ. Во второй половине XIX в. господствующее положение в исторической науке занимала государственная (или юридическая) школа, представители которой (К. Д. Кавелин. Б. Н. Чичерин и др.) уделяли преимущественное внимание изучению истории государства и законодательного материала. Они исходили из идеалистического представления о руководящей роли государственного начала в общественном процессе, которая обусловливалась специфическими природными условиями (громадным пространством и т. д.). Возникновение и отмену крепостного права в России они объясняли организующей деятельностью государства.

Крупнейшим историком этого направления был С. М. Соловьев (1820—1879). Его «История России с древнейших времен» в 29-ти томах (1851—1879) по обилию включенного в нее фактического материала сохранила свое значение до наших дней. В основе концепции Соловьева лежит идея о внутренней органической закономерности русского исторического

процесса, обусловленного объективными, преимущественно географическими, факторами. Взглядам Соловьева было присуще идеалистическое представление о надклассовой природе государственной власти. Государство, по Соловьеву, имеет самодовлеющий характер, оно выполняет свои функции независимо от интересов классов и сословий, являясь воплощением истории народа. Государство — прямое отражение народной жизни, а не продукт классовых противоречий. Массовые народные движения Соловьев воспринимает как проявление анархии, как антигосударственное, антинародное дело. Политическим идеалом С. М. Соловьева была сильная государственная власть, способная установить буржуазный правопорядок. Соловьев признавал историческую обусловленность и прогрессивность петровских реформ, являлся противником норманской теории.

Роль Соловьева в русской исторической науке исключительно велика. Его взгляды явились значительным шагом вперед по сравнению со взглядами предшествовавших ему дворянских и буржуазных историков. Соловьев оказал огромное влияние на последующее развитие исторической науки.

Ряд принципиально новых положений внес в историческую науку В. О. Ключевский (1841—1911). Его исследования «Боярская дума древней Руси», «Происхождение крепостного права в России», «Курс русской истории» и другие посвящены общим вопросам русской истории, истории крестьянства, проблемам возникновения и отмены крепостного права, общине. Опираясь на изучение социально-экономических процессов в русской истории, что было новым явлением в русской историографии, Ключевский подверг критике многие положения государственной школы. Положение о развитии законодательных форм под воздействием социально-экономических отношений явилось значительным шагом вперед в развитии буржуазно-исторической мысли. Ключевский значительно расширил круг проблематики исторических исследований, особое значение придавая таким дисциплинам, как историография и источниковедение.

Вместе с тем историческая концепция Ключевского была противоречивой, что приводило к утрате целостного взгляда на историческое развитие и не давало возможности выявить основные причины и закономерности общественного развития.

В конце XIX — начале XX в. с вступлением России в стадию империализма буржуазная историческая наука переживает кризис. Главной причиной этого была несостоятельность ее идейно-философских принципов.

Наиболее ярко идейный кризис буржуазной историографии обнаруживается в работе «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милюкова — представителя государственной школы и в книге А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории».

Определенные достижения буржуазной исторической науки связаны с исследованиями Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова, критиковавших ряд положений государственной школы, доказывавших наличие в русской истории феодального периода, однотипного с западноевропейским феодализмом.

С позиций «легального марксизма» выступали М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве. Их теоретические обобщения по социально-экономическому развитию пореформенной России содержали много неверных выводов и были направлены против марксистского учения о развитии и смене общественно-экономических формаций, против развития классовой борьбы, социалистической революции.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. Во второй половине XIX в. продолжается процесс развития сравнительно-исторического метода в языкознании, выдвигаются новые научные проблемы, создаются новые научные школы.

А. А. Потебня (1835—1891) один из первых в домарксистском языкознании приблизился к материалистическому пониманию происхождения человеческого мышления, вплотную подошел к таким проблемам общего языкознания, как соотношение языка и языкового знака, внутренней формы слова и т. д. По оценке советского языковеда академика В. В. Виноградова, Потебня «совершил переворот в грамматических теориях, которыми до тех пор пробавлялась наука о русском языке».

Исключительное место занимает лексикографическая деятельность В. И. Даля (1801—1872) — человека необычайной судьбы и разносторонних дарований. Морской офицер, талантливый врач — хирург и окулист, автор учебников по ботанике и зоологии, писатель, он за составление «Толкового словаря живого великорусского языка», над которым работал около 50 лет, был удостоен

в 1863 г. звания почетного академика. Словарь содержит около 200 000 слов и более 30 000 пословиц и поговорок.

Новый комплексный метод изучения языка был предложен А. А. Шахматовым (1864—1920), исследовавшим язык с его диалектами в их историческом развитии и в связи с историей народа.

С именами русских языковедов Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крущевского и В. А. Богородицкого связана разработка в России фундаментальных вопросов общего языкознания и зарождения общей лингвистики как науки.

Русская литературоведческая мысль во второй половине XIX в. была представлена мифологическим, культурно-историческим, сравнительно-историческим и психологическим направлениями. Литературная наука обогащается историко-критическим методом изучения всего того, что было написано рукою поэта, писателя (включая черновики, варианты, письма). Идея непрерывности и преемственности литературного развития, национального своеобразия и самобытности была одной из основополагающих в методе культурно-исторической школы. Учитывая то положительное, что было внесено в науку о литературе представителями мифологической и культурно-исторической школ, внося коррективы в распространенные на Западе «эволюционные» теории развития литературы, в России возникла и формировалась школа сравнительно-исторического литературоведения, выдающимся представителем которой был А. Н. Веселовский (1838—1909). Рассматривая исторические формы искусства как отражающие объективный мир, Веселовский выступал сторонником материалистической теории искусства.

Основы подлинно научного литературоведения заложила ленинская методология. В. И. Ленин разработал теорию отражения, учение о роли мировоззрения в художественном творчестве, об основных категориях содержания искусства, концепцию русского освободительного движения. Конкретными образцами и методологически ключевыми для диалектико-материалистической трактовки социальной обусловленности искусства и для борьбы с вульгарным социологизмом стали статьи Ленина о Л. Н. Толстом[1] и «Памяти Герцена» (1912). В них подчеркнуто объективное значение творчества писателей в классовой борьбе, дан образец критического исследования литературы в ее связях с эпохой.

С 60-х годов меняются методы собирания и формы публикации фольклора. Организуются экспедиции, цель которых — комплексное фольклорно-этнографическое изучение страны. Накопление фактического материала содействовало теоретической разработке фольклора, а теоретическое изучение стимулировало дальнейший рост и качество собирания. По количеству и качеству фольклорных изданий 60—70-е годы могут быть названы золотым веком в истории русского фольклора.

ПЕДАГОГИКА. Большое влияние на организацию педагогического образования в середине XIX в. оказал великий русский педагог К. Д. Ушинский (1824—1871). Заложив основу педагогики как науки в России, он создал стройную педагогическую теорию воспитания и обучения. Ушинский боролся против эмпиризма в педагогической науке. Добиваясь единства теории и практики, требуя освободить народное образование от правительственной опеки, он подчеркивал, что идея народности должна лежать в основе педагогической системы. Заложенная Ушинским база для обучения и образования позволила создать лучшие в дореволюционной России учебники для народной школы. Ушинский был автором многих книг («Детский мир», «Родное слово»), по которым в течение полувека обучались дети.

Будучи основоположником народной школы в России, он разработал систему подготовки народных учителей в учительских семинариях. Идеи и взгляды Ушинского оказали огромное воздействие на становление и развитие педагогической мысли в России.

В 60-е годы в России развернулась педагогическая деятельность Л. Н. Толстого, выступившего с острой критикой существовавшей тогда школы. Толстой был сторонником теории свободного развития ребенка. В 1861 г. в Ясной Поляне он открыл экспериментальную школу, в которой занятия строились в форме свободных бесед ученика с учителем.

Одним из прогрессивных деятелей педагогики в России в 70—80-е годы был отец В. И. Ленина — И. Н. Ульянов (1831—1886). Будучи инспектором народных училищ, он

---

[1] «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (1908), «Л. Н. Толстой» (1910), «Л. Н. Толстой и его эпоха» (1911) и др.

заботился о расширении сети школ, росте учащихся в них, выступил инициатором создания женских школ, а также школ для детей нерусских народностей, проявлял заботу о подготовке учительских кадров. И. Н. Ульянов открыл в 1869 г. при Симбирском уездном училище педагогические курсы, которыми сам руководил, а в 1872 г. — учительскую семинарию в селе Порецком. Горячо отстаивая идею специального педагогического образования, он добился значительных результатов в подготовке учительских кадров и расширении сети школьного образования в Симбирской губернии. Он проводил большую просветительскую работу среди народов Поволжья.

ТЕХНИКА. Во второй половине XIX в. были достигнуты крупные успехи в электротехнике. В 1876 г. русский изобретатель П. Н. Яблочков (1847—1894) изобрел первую практически пригодную дуговую электрическую лампочку («свечу Яблочкова»). Она нашла применение в освещении площадей, улиц, театров, концертных залов и т. д. В 80—90-е годы электротехника в России развивается быстрыми темпами. В 1882 г. была изобретена электросварка, в 80-е годы решена проблема передачи электрической энергии на расстояние. В 1888 г. русский электротехник М. О. Доливо-Добровольский (1861—1919) изобрел систему трехфазного переменного тока, была построена первая в России электростанция, работавшая на этом токе. С 70-х годов впервые в России стало применяться электричество на железнодорожном транспорте.

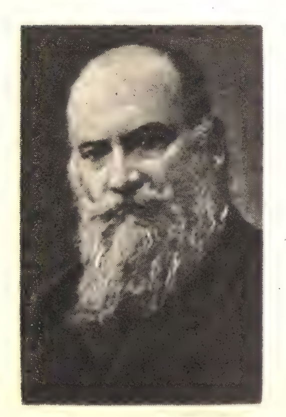
В конце XIX — начале XX в. начался переход от парового двигателя к электродвигателю, появляются электрические грузоподъемные машины и краны, начинает применяться электротяга на элеваторах, рудниках.

В 1876 г. А. Ф. Можайский (1825—1890) создал модель самолета, а в 1881 г. он на собственные средства построил самолет, который поднялся в воздух.

Первые научные расчеты самолетостроения принадлежат Н. Е. Жуковскому (1847—1921). В 1902 г. под его руководством была сооружена одна из первых в Европе аэродинамическая труба, в 1904 г. создан первый в Европе аэродинамический институт. Жуковский создал экспериментальную и теоретическую аэродинамику, развитие которой неразрывно связано с прогрессом самолетостроения, заложил основы аэродинамического расчета самолета, его прочности.

В начале XX в. возникли первые самолетостроительные предприятия в Петербурге, Москве, Риге. В 1910 г. авиационные предприятия России выпустили первые самолеты. К концу 1914 г. их было 200. В истории русского самолетостроения одной из наиболее ярких страниц является создание большого четырехмоторного самолета «Илья Муромец». По общему уровню техника самолетостроения в России была достаточно высокой, но в условиях того времени ее возможности не могли быть полностью использованы, что явилось причиной количественного и качественного отставания русского самолетостроения.

Один из первых проектов ракетного двигателя был разработан в 1881 г. народовольцем Н. И. Кибальчичем, находившимся в то время в тюрьме и вскоре казненным. Практического развития идеи Кибальчича не получили. О его проекте реактивного летательного аппарата стало известно лишь после Октябрьской революции.

Н. Е. Жуковский

К. Э. Циолковский

Над идеей создания реактивного двигателя много лет работал К. Э. Циолковский (1857—1935) — создатель основ теории ракетного движения и теоретической космонавтики. Он впервые обосновал идею использования ракеты для «исследования мировых пространств» и доказал целесообразность сооружения «космических поездов», в которых космический корабль несут несколько ракет. Его работа «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1903) и другие научные труды не потеряли своего значения до сих пор.

3. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

I

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСКУССТВЕ. В начале XIX в. в искусстве и литературе существовали три художественных направления: классицизм, сентиментализм и романтизм.

Определяющей чертой классицизма было обращение к античности, которая признавалась высшей нормой эстетического совершенства. Культ формы, гармония целого и частей, логическая ясность, простота и завершенность — характерные особенности классицизма. Принципы эстетики классицизма во многом обусловливались сословным характером дворянской культуры. Ориентируясь на возвышенное, требуя «облагораживания» и идеализации жизни, эстетические принципы классицизма противоречили общей тенденции русской жизни, демократизации художественной культуры. Жесткая художественная нормативность, обращение к далекому прошлому были несовместимы с новыми эстетическими представлениями, формировавшимися в условиях ломки феодальной системы и развития капиталистических отношений. Строгое соблюдение канонических правил при создании художественных произведений, игнорирование явлений конкретной жизни приводило классицизм к абстрактному рационализму и схематизму в искусстве.

В 20-х годах классицизм как «универсальный стиль эпохи» начинает переживать кризис, а к началу 30-х годов утрачивает свое значение.

Родоначальником сентиментализма в России был Н. М. Карамзин. Демократическое по своей направленности искусство сентиментализма обращалось к чувствам человека, стремилось к раскрытию его внутреннего мира. Не героическая личность, а простой человек становится героем сентиментальных произведений. Однако ограниченность сентиментализма как художественного метода обнаруживалась в том, что, с сочувствием относясь к простым людям, он идеализировал «естественную простоту», жизнь крестьян, якобы не испорченных цивилизацией. Сентиментализм игнорировал социальные противоречия. Его критика действительности ограничивалась нравственной стороной вопроса, поэтому это направление оказалось нежизнеспособным.

В начале XIX в. в русском искусстве, прежде всего в литературе, утверждается романтизм, который наивысшего расцвета достиг в середине 20-х годов. Это течение, возникшее под влиянием европейского романтизма, в России имело свою национальную основу, определившую его специфические черты. Как и на Западе, романтизм в России вырастал на почве недовольства окружающей действительностью, глубокого расхождения между светлым идеалом и мрачной атмосферой всеобщей подавленности и угнетения в крепостнической стране. Романтическое направление обогатило искусство новыми художественными возможностями.

В 30—40-е годы в литературе и искусстве утверждаются реалистические тенденции. С этого времени реализм, основоположниками которого были Пушкин и Гоголь, становится господствующим направлением во всех областях искусства. Его определяющие черты — показ жизни с ее общественными и социальными противоречиями, изображение «типических характеров в типических обстоятельствах» (Энгельс), демократизм и гуманизм.

К 50-м годам XIX в. формируется как направление в литературе и искусстве критический реализм, расцвет которого падает на вторую половину века.

ЛИТЕРАТУРА. Ведущим жанром литературы первых десятилетий века была поэзия. В произведениях декабристов — в «Думах» К. Ф. Рылеева, в стихах А. И. Одоевского, В. Ф. Раевского, В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева-Марлинского — и других представителей романтизма звучал пафос высокой гражданственности, поднимались патриотические темы родины и служения

обществу. Тираноборческие и свободолюбивые мотивы — характерная черта декабристской литературы. Декабристы были авторами многих революционных стихов, которые распространялись тайно, в рукописных списках.

В русле гражданского романтизма развивалось творчество И. И. Козлова, А. А. Дельвига, Н. М. Языкова. Духовный мир человека и его сокровенные чувства воспевал В. А. Жуковский (1783—1852). Лирика поэта-романтика К. Н. Батюшкова (1787—1855) отличалась светлым оптимистическим мироощущением и воспеванием земных радостей. В. Белинский, видевший в Жуковском и Батюшкове предшественников Пушкина, писал: «Что Жуковский сделал для содержания русской поэзии, то Батюшков сделал для ее формы; первый вдохнул в нее душу живую, второй дал ей красоту идеальной формы».

После разгрома декабристов, с наступлением реакции, когда разочарование охватило значительную часть русского общества, в литературе усилились настроения пессимизма. Появились произведения, где дух бунтарства сочетался с трагическим мироощущением (например, в творчестве А. И. Полежаева). Распространение получили произведения, в которых преобладали элегические мотивы. Наиболее ярко это выразилось в поэзии Е. А. Баратынского (1800—1844). Философско-психологическую линию в русском романтизме с попытками осмыслить противоречия бытия и личности развивали Ф. И. Тютчев (1803—1873) и В. Ф. Одоевский (1803—1869).

Одновременно в литературе 20—30-х годов растет оппозиционность существующим порядкам. В лучших романтических произведениях развивались элементы демократизма, они приобретали антикрепостническую направленность. Вершиной романтизма в русской литературе было раннее творчество А. С. Пушкина (1799—1837). Огромную популярность получили его свободолюбивые революционные стихи «Вольность», «Деревня», «К Чаадаеву» и др. Их знала наизусть вся передовая интеллигенция России.

Однако в романтизме стала явно проявляться охранительная тенденция, выразителями которой были его эпигоны. В произведениях Н. Кукольника и Н. Полевого романтизм приобретает реакционную окраску. Поборниками официальной триединой формулы «православия, самодержавия и народности» в литературе стали Ф. Булгарин, Н. Греч, О. Сенковский.

В становлении реализма важное место занимает творчество И. А. Крылова (1769—1844) и А. С. Грибоедова (1795—1829). Басни И. А. Крылова, проникнутые народным духом, воплотили русский национальный характер, народное понимание жизни. Разговорная, сочная речь Крылова, насыщенная народными поговорками и пословицами, вызывала восхищение Грибоедова, Пушкина, Гоголя.

В комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», формально следовавшей требованиям классицизма, нашли отражение наиболее острые социально-политические вопросы русской жизни. Идейная направленность комедии с ее пафосом борьбы с деспотизмом, за национальную самобытную культуру была созвучна освободительным идеям декабристов.

Победа реализма в литературе связана с именем гениального А. С. Пушкина, которому принадлежит выдающаяся роль в развитии русской национальной культуры. Он является создателем русского литературного языка. Поэзия Пушкина воплотила огромный духовный опыт человечества и стала непреходящей ценностью в развитии мировой культуры.

Антикрепостническими устремлениями пронизана поэзия М. Ю. Лермонтова (1814—1841). Творчество Лермонтова развивалось в мрачные годы реакции, в обстановке всеобщей подавленности и «рабьего молчания». Его стихи, в которых звучал горький упрек современному молодому поколению в бездействии, будили мысль, звали к борьбе. Стихотворение «На смерть поэта» сделало имя Лермонтова известным всей читающей России. Творчеству Лермонтова свойственна романтическая направленность и в то же время его отличает глубокий психологический реализм («Герой нашего времени»).

Продолжателем Пушкина в развитии русского языка и становлении реализма был Н. В. Гоголь (1809—1852), обличавший общественное зло самодержавно-помещичьей России. В 30—40-е годы Гоголь создал лучшие свои реалистические произведения — комедию «Ревизор» и поэму «Мертвые души». Воссоздание правды жизни в произведениях Гоголя сопровождалось беспощадным разоблачением самодержавных российских порядков, попыткой противопоставить им

высокие духовные ценности, утвердить нравственные и эстетические идеалы.

В начале 40-х годов реалистическое направление получило воплощение в творчестве писателей так называемой «натуральной школы». Произведения писателей «натуральной школы», разных по мировоззрению и художественной манере, объединяли демократизм и социально-критическая направленность. «Натурально», т. е. правдиво и безыскусственно, изображалась тяжелая жизнь крестьянства, быт и нравы поместного дворянства. Особое развитие получила начатая Гоголем тема «маленького человека». Защита бесправной и угнетенной личности, попранной крепостнической действительностью, — историческая заслуга «натуральной школы».

Большую роль в развитии литературы начинает играть критика. Основоположником революционно-демократической эстетики стал В. Г. Белинский (1811—1848). Он выдвинул новые принципы критики, способствовавшие познанию общих закономерностей литературного процесса и исключавшие субъективные оценки. Главными чертами ее были правда жизни, идейность и народность.

В конце 40-х — начале 50-х годов русская литература, несмотря на новый натиск реакции, продолжала развивать свои лучшие традиции. В 1852 г. отдельным изданием вышли в свет «Записки охотника» И. С. Тургенева (1818—1883). Прогрессивная Россия расценила книгу как протест против крепостного права. «Записки» стали событием не только в литературной, но и в общественной жизни. Расцвет творчества И. С. Тургенева приходится на 50—70-е годы. В социально-психологических романах писатель создал образы новых героев эпохи разночинцев.

ТЕАТР. В начале XIX в. основное место в репертуаре драматического театра занимала трагедия, построенная по законам классицизма. С большим успехом шли трагедии В. А. Озерова, написанные на историческом материале. Создается немало пьес и в комедийном жанре, развивавших идейно-художественные принципы Д. И. Фонвизина. Ярким представителем сатирической комедии был И. А. Крылов. Его пьесы «Модная лавка» и «Урок дочкам» — едкая сатира на галломанию дворянства.

После поражения восстания 14 декабря 1825 г. правительство установило жесткий контроль над театром. Лучшие произведения 20—40-х годов не могли увидеть свет рампы или искажались цензурой. В 1840 г. были запрещены частные театры.

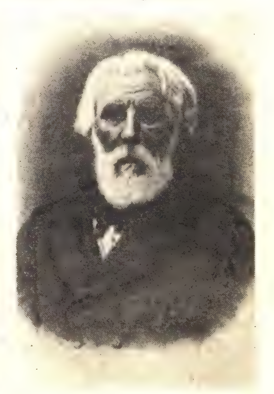
В репертуаре 30—40-х годов господствующее положение занимали переводные мелодрамы и водевили, привлекавшие в основном внимание купечества, мещанства, разночинцев.

На русской сцене в это время выступало немало выдающихся артистов, стремившихся к исполнению героических образов, сильных личностей, обличавших общество деспотизма и насилия, корыстолюбия и лжи. К их числу принадлежал актер-трагик П. С. Мочалов. Исполнение им роли Гамлета в обстановке реакции 30-х годов стало крупнейшим событием в художественной жизни русского театра. В образе Чацкого он воплотил драму людей декабристского поколения.

Весьма впечатляла зрителей сценическая манера игры актера Александринского театра в Петербурге В. А. Каратыгина. «Царицей русской сцены» называли выдающуюся трагическую актрису Е. С. Семенову, с успехом выступавшую в многочисленных драмах.

М. Ю. Лермонтов

Н. В. Гоголь,

И. С. Тургенев

Крупным событием общественно-культурной жизни России 30-х годов стала постановка пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор» в Петербурге. «В «Ревизоре», — писал Гоголь, — я решился собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости... и одним разом посмеяться над всеми».

В 40-е годы И. С. Тургенев выступил и как драматург. Его пьесы «Нахлебник», «Холостяк», «Месяц в деревне» и другие заложили основу нового жанра — лирико-психологической драмы.

Реалистическая и демократическая тенденции в развитии русского театра настойчиво пробивают себе дорогу и в начале 40-х годов становятся ведущими. Это отразилось и на манере актерского исполнения.

Выдающимся актером, теоретиком и педагогом, основоположником реализма на русской сцене был М. С. Щепкин (1788—1863). Выступая реформатором актерского мастерства, он отвергал старую школу и манеру исполнения, боролся с театральными штампами и схематизмом, стремился придать сценическим образам жизненность, правдивый и глубокий смысл, впервые в сценическом искусстве подчеркивал социальную природу образа. Демократические устремления М. С. Щепкина обусловили его интерес к миру простого человека, к показу его духовного богатства, готовности к самопожертвованию, вызывая сочувствие и сострадание к нему. Лучшими ролями М. С. Щепкина были роли Фамусова, Городничего. Творчество М. С. Щепкина стало основой русской школы реалистического искусства. Его принципы были развиты актерами Александринского театра (открыт в 1832 г.).

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. Развитие музыкальной культуры первой половины XIX в. опиралось на традиции конца прошлого века. Большое развитие получила камерно-вокальная музыка, где ведущее место занимал лирический романс. Лучшие романсы, созданные А. А. Алябьевым, П. П. Булаховым, Н. А. Титовым, А. Е. Варламовым, А. Л. Гурилевым, живут и в наши дни. Национальный русский романс играл большую роль в становлении музыкальной культуры первой половины XIX в. Он явился той музыкальной формой, на основе которой создавалась русская опера.

В начале века оперный репертуар русских театров состоял, главным образом, из произведений французских и итальянских композиторов. Русская опера развивается как жанр преимущественно сказочного, былинного и комического характера. Лучшие оперы первой трети XIX в. принадлежат композитору А. Н. Верстовскому—крупнейшему представителю романтического направления. Известна его опера «Аскольдова могила».

В балете преобладают мифологические, сказочно-фантастические и комические сюжеты. В театрах Москвы ставятся балеты К. А. Кавоса, А. А. Алябьева. Расцвет романтического балета в России, отличавшегося красочностью постановок и фееричностью, связан с именем Дидло.

Вершиной развития русского музыкального искусства первой половины XIX в. явилось творчество М. И. Глинки (1804—1857) — основоположника русской классической музыки. С его именем связан расцвет реализма в музыке. Создав национальную русскую оперу, симфонию, романс, классические образцы камерно-инструментальной музыки, он заложил основы для дальнейшего развития музы-

Н. А. Некрасов

Ф. М. Достоевский

Л. Н. Толстой

кального искусства. Новаторство Глинки в том, что он сделал народ центральной фигурой своих произведений, положил народную музыку в основу своего творчества. Героико-народная патриотическая опера «Иван Сусанин» и эпическая волшебная сказка «Руслан и Людмила» явились вехами развития русской оперы по пути высокой идейности, народности, реализма.

В 50-е годы создает свои оперы и романсы А. С. Даргомыжский.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО. Классицизм в живописи, для которого характерны библейские и мифологические сюжеты, утрачивает в начале XIX в. ведущую роль в изобразительном искусстве. Творческие достижения этого периода связаны с романтическим направлением. Обостренное внимание романтизма к личности человека, к его внутреннему миру обусловило развитие портретного жанра.

Ярким представителем романтизма в России был О. А. Кипренский (1782—1836). Его поэтически взволнованные портреты раскрывали богатый духовный мир человека (портреты В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и др.). Под знаком романтизма развивается и пейзажная живопись: выдающимся пейзажистом-романтиком был С. Ф. Щедрин (1791—1830).

В 30-х годах в изобразительном искусстве возрастает роль бытового жанра, в котором проявляются элементы демократизма и реализма. Это характерно для портретного творчества В. А. Тропинина (1776—1857): художник показывает человека в непринужденной, будничной обстановке, связывая с окружающим его бытом и намечая социальную характеристику («Кружевница», «Гитарист», портрет А. С. Пушкина). Еще большей естественной простотой, жизненностью отличаются жанровые картины и портреты А. Г. Венецианова (1780—1847) («На пашне», «Захарка»). Смелое новаторство Венецианова состояло в том, что в условиях крепостной России он один из первых русских художников обратился к изображению простых людей, сделал человека низшего сословия главным героем своих картин. Искусство В. А. Тропинина и А. Г. Венецианова — важная веха на пути становления реалистического направления в области портрета и бытовой живописи.

Влияние романтизма испытал и К. П. Брюллов (1799—1852). В его разнообразных по жанру произведениях (историческая и бытовая живопись, портрет, пейзаж) отразились идейные и художественные искания передовой интеллигенции. В исторической живописи К. П. Брюллова нашли отражение традиции классицизма («Последний день Помпеи»).

Крупнейшим художником был А. А. Иванов (1806—1858). Над картиной «Явление Христа народу» он работал более 20 лет (1837—1857). В ней нашла отражение главная тема того времени — раскрепощение человеческой личности. Библейский сюжет осмысливался художником в психологическом, моральном и философском планах как огромное историческое событие в жизни народа. Идейный пафос картины — в торжестве духовного прозрения и возрождения народа.

В 40-е годы началось творчество П. А. Федотова (1815—1852), ставшего родоначальником критического реализма в изобразительном искусстве. Созданные художником образы («Свежий кавалер», «Утро чиновника, получившего первый крестик», «Сватовство

А. Г. Венецианов. На пашне. Масло

О. А. Кипренский. Автопортрет. Масло

майора», «Разборчивая невеста», «Завтрак аристократа», «Вдовушка») по силе выразительности не уступают сатирическим героям Гоголя и порой перерастают в гротеск. П. А. Федотов впервые поднял сатирическую обличительную тему до большого общественного звучания, явился создателем психологической драмы в живописи. Вся жанровая живопись 60—90-х годов развивалась под влиянием его творчества.

СКУЛЬПТУРА И АРХИТЕКТУРА. Большую роль в развитии изобразительного искусства XIX в. сыграла русская скульптура. На рубеже XVIII—XIX в. переживает высокий подъем монументальная скульптура, представленная творчеством Ф. Ф. Щедрина, М. И. Козловского, И. П. Мартоса. Она развивалась под знаком классицизма. Монументальная скульптура была тесно связана с градостроительными задачами начала века.

В 1818 г. по проекту И. П. Мартоса был воздвигнут первый в Москве на Красной площади памятник Минину и Пожарскому. Несмотря на соблюдение автором традиционных канонов, в монументе отчетливо видна тенденция к реалистической трактовке образов. Скульпторы И. И. Теребенев, С. С. Пименов и В. И. Демут-Малиновский оформляли архитектурные сооружения в Петербурге (Казанский собор, Адмиралтейство, Горный Институт, арка Главного штаба и др.). В 30—40-е годы XIX в. значение монументально-прикладной скульптуры падает, ее место занимает станковая скульптура, в которой усиливается тенденция к реализму.

Принципиально новым для скульптуры того времени была трактовка героев Отечественной войны 1812 г. как реальных исторических личностей. Эта особенность отличает памятники М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли, созданные Б. И. Орловским. И. П. Витали принадлежат скульптурные портреты-бюсты А. С. Пушкина, К. П. Брюллова, монументальные скульптуры фонтанов на Театральной площади в Москве.

Почти двадцать лет труда (1833—1850) отдал главному своему произведению — четырем скульптурным группам, установленным на Аничковом мосту в Петербурге, П. К. Клодт (1805—1867). Их отличают ясность композиции, строгость и четкость пропорций, пластическое совершенство. Подобные группы, установленные в Берлине, Неаполе, принесли славу П. К. Клодту и всемирную известность русскому искусству.

Замечательным скульптором был декабрист Ф. П. Толстой — создатель многих барельефов и серии медалей, посвященных Отечественной войне 1812 г.

Первая половина XIX в. отмечена интенсивным обновлением городов. Размах строительства в Петербурге, Москве и провинции был вызван, с одной стороны, ростом капиталистических отношений и хозяйственных связей, а с другой — потребностями в сооружении казенных, общественных и административных зданий. Наивысшего расцвета в первые десятилетия века достиг классицизм в архитектуре, где он вообще занимал более прочные позиции, чем в других видах искусства. Характерные для позднего классицизма ясность, строгость, простота и торжественная монументальность, цельность и органичность стиля нашли яркое воплощение в произведениях архитекторов А. Д. Захарова, А. Н. Воронихина, Тома де Томона, К. И. Росси, Д. И. Жилярди, А. Г. Григорьева, В. П. Стасова и др.

К. П. Брюллов. Автопортрет. Масло

А. А. Иванов. Этюд к картине «Явление Христа народу»

В первой трети XIX в. окончательно складывается система ансамблевой застройки городов, наиболее ярко воплотившаяся в планировке и сооружениях Петербурга. В центре Петербурга в единый комплекс оформляются дворцы, связанные с ними постройки и сама Дворцовая площадь. На Сенатской площади сооружаются здания Сената и Синода (архитектор К. И. Росси) и Исаакиевского собора (архитектор А. Монферран). В конце 20—30-х годов в Петербурге в стиле классицизма К. И. Росси строит Михайловский дворец с площадью Искусств, ансамбль Главного штаба, Александринский театр с прилегающей улицей Росси, павильоны Аничкова дворца и здание Публичной библиотеки.

В эти же годы усиленно застраивается Москва. Главными представителями классицизма в Москве были архитекторы О. И. Бове, Д. И. Жилярди, А. Г. Григорьев, произведения которых в немалой степени определяли архитектурный вид послепожарной Москвы. Архитектор О. Бове оформляет архитектурный фасад Торговых рядов, Д. Жилярди перестраивает старое, пострадавшее от пожара 1812 г., здание Московского университета. В результате было создано новое монументальное сооружение, которое со зданием Манежа (1824—1825) архитектора О. Бове и А. Бетанкура составило прикремлевский архитектурный ансамбль. Д. Жилярди и архитектору А. Григорьеву принадлежит и другое замечательное произведение в стиле ампир — здание Опекунского совета. В 1821—1824 гг. по проекту архитектора А. А. Михайлова, переработанному О. Бове, был выстроен Большой театр.

В первой половине века стала остро ощущаться потребность в строительстве жилых помещений. Архитектором Тома де Томоном разрабатываются специальные образцовые проекты каменных жилых домов с двумя этажами. Однако в первой половине века таких домов строилось сравнительно мало. Подавляющее большинство населения провинциальных городов проживало в деревянных одноэтажных домах.

В конце 30-х годов в развитии архитектуры появляются первые признаки кризиса, что проявилось в утрате гармоничности и единства архитектурного стиля. Простые и строгие формы классицизма все более подменяются претенциозным украшательством. Ампир усложняется декоративностью, в нем появляются чуждые ему элементы других стилей — ренессансного, готического, псевдорусского. Отрицательное воздействие на развитие зодчества оказали стилизаторские тенденции в поисках национального стиля, отражавшие стремление самодержавия утвердить реакционную теорию официальной народности в архитектуре. Ярким примером зарождения нового архитектурного стиля был так называемый «русско-византийский стиль», не имеющий ничего общего с национальным народным стилем. Представителем этого направления в архитектуре был К. А. Тон, построивший Большой Кремлевский дворец (1839—1849), Оружейную палату Московского Кремля (1844—1851).

С 40-х годов в русской архитектуре все более проявляются элементы эклектики.

II

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ. Во второй половине XIX в. критический реализм как художественный метод отображения дей-

ствительности стал ведущим направлением во всех видах и жанрах искусства. Характерные черты русского искусства и литературы этого времени—реализм, высокая гражданственность, народность, демократизм и гуманизм, обращение к большим моральным и философским проблемам. Вместе с критикой социального строя русская художественная культура утверждала положительные идеалы и образы.

Развитие художественной культуры России в это время проходило в условиях острой борьбы передовых направлений с консервативными, реакционными и либеральными. Огромное воздействие на искусство и литературу оказывала передовая общественная мысль, принципы революционно-демократической эстетики Белинского, Чернышевского и Добролюбова.

В середине 90-х годов наступает качественно новый этап в развитии русской художественной культуры, хронологически совпадавший с третьим этапом русского освободительного движения — пролетарским. Россия становится родиной ленинизма — высшего достижения русской и мировой культуры. Это определило своеобразие развития русского искусства в данный период, отмеченный поисками нового содержания и новых изобразительных средств.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА. В середине 50-х годов русская литература значительно обогащается новыми формами в прозе, драматургии и поэзии, шире становится ее тематика. Роман великого русского революционера-демократа, писателя, критика и публициста Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) стал «учебником жизни». На его образах воспитывались поколения революционеров. Признанным главой революционно-демократической поэзии стал русский поэт-демократ Н. А. Некрасов (1821—1877). Гражданственность некрасовской «музы» сказалась на развитии всей русской поэзии: поэты-революционеры отдали свое творчество служению родине и народу.

Поэтам революционно-демократического направления противостояла группа поэтов и критиков, выступавших с проповедью «чистого искусства». Однако художественная практика поэтов «чистого искусства» выходила за пределы их теории. Лирика А. А. Фета, А. Н. Майкова и Я. П. Полонского с их гуманизмом, интересом к духовной жизни и интимным переживаниям человека, преклонением перед красотой природы оказала значительное влияние на русскую поэзию.

Огромный вклад в отечественную и мировую культуру внесли выдающиеся мастера реализма, великие русские писатели — И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский (1821—1881), М. Е. Салтыков-Щедрин (1826—1889), И. А. Гончаров (1812—1891), Л. Н. Толстой (1828—1910), А. П. Чехов (1860—1904). Их произведения — широкая панорама общественной и социальной жизни русского общества.

Мастером реалистической прозы был И. А. Гончаров. Как беспощадный приговор крепостничеству, помещичьему паразитизму прозвучал его роман «Обломов».

На эти же годы приходится творчество писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, направленное против самодержавно-крепостнического строя в России.

В произведениях Ф. М. Достоевского отразились глубокие противоречия буржуазного общества, социальные и нравственные вопро-

А. Д. Захаров. Здание Адмиралтейства

К. И. Росси. Арка Главного штаба

П. К. Клодт. Фрагмент Аничкова моста

Ф. П. Толстой. Народное ополчение 1812 г. Барельеф

М. М. Антокольский. Петр I

сы современной ему жизни. В первой своей повести «Бедные люди», привлекшей горячие симпатии русского общества, Достоевский обратился к судьбе задавленного нуждой и бесправием маленького человека. Его остропсихологические, социально-философские романы «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» стали достоянием мировой литературы.

С творчеством великого русского писателя Л. Н. Толстого связана целая эпоха в литературе. Творчество Толстого, писал В. И. Ленин, было шагом «вперед в художественном развитии всего человечества»[1]. Художник-гуманист, он создал произведения, которые по широте охвата отображаемой действительности, мастерству и глубине анализа социальной жизни пореформенной России, проникновению в духовный мир человека, по художественным достоинствам поставили его как писателя на одно из первых мест в мире. Произведения Толстого — не только неповторимый мир художественных картин и образов, но и беспощадный приговор буржуазно-помещичьей России, всему общественному строю. «Срыванье всех и всяческих масок» с официальной России, по выражению В. И. Ленина, составляет существенную сторону творчества Толстого, в котором сочеталась постановка коренных социальных проблем с вопросами философии и искусства, с напряженными и мучительными нравственными исканиями. Ставший на позиции патриархального крестьянства, искавший спасение человечества в нравственном самоусовершенствовании, Толстой с 80-х годов противопоставляет миру зла и насилия теорию «непротивления», в чем проявилась слабость его мировоззрения.

В 80-х годах начинает свой творческий путь А. П. Чехов, обогативший реализм новыми художественными открытиями. В его произведениях — рассказах, повестях и пьесах звучал протест против мещанского обывательского существования, «мелочей жизни», засасывающих человека и губящих в нем все живое и талантливое. Чехов выступил новатором в литературе, создав новые формы короткого рассказа и драмы.

В конце XIX в. появляются новые талантливые писатели-реалисты: Д. Н. Мамин-Сибиряк (1852—1912), рисовавший в своих очерках и романах процесс капиталистического развития в городах и деревнях Урала, В. М. Гаршин (1855—1888), творчество которого наиболее ярко отразило трагизм положения русской интеллигенции 80-х годов, В. Г. Короленко (1853—1921), произведения которого, полные веры в духовные силы народа, звали к борьбе за свободу и социальную справедливость.

В середине 90-х годов XIX в. в обстановке кризиса буржуазной культуры и острой идейной борьбы рождались течения, отражавшие новую общественно-историческую эпоху — эпоху империализма и социалистических революций. Переломный характер ее определил своеобразие художественной литературы. По-прежнему главенствующая роль в литературной жизни принадлежала реализму, опиравшемуся на богатые традиции XIX в. Под влиянием новых исторических условий изменялись содержание и формы реализма, он приобретал новые эстетические черты, принципы художественного анализа, обогащался новой тематикой.

В русле демократического движения в духе новых требований развивалось творчество талантливых писателей-реалистов начала XX в. А. И. Куприна (1870—1938), И. А. Бунина (1870—1953), Л. Н. Андреева (1871—1919), В. В. Вересаева (1867—1945), А. С. Серафимовича (1863—1949), А. Н. Толстого (1882—1945). Они осмысливали мир буржуазных отношений с его острыми социальными и классовыми противоречиями.

Наивысшие достижения литературы начала XX в. были связаны с именем А. М. Горького (1868—1936), основоположника нового художественного метода — социалистического реализма, оказавшего огромное воздействие на развитие всей художественной культуры. В 1900 г. Горький написал знаменитую «Песнь о Буревестнике», которую современники восприняли как призыв к революции. В произведениях Горького впервые в русской литературе появляются образы передовых рабочих и революционеров, твердо убежденных в том, что «хозяин тот, кто работает».

Большое влияние на развитие литературы начала XX в. оказала революция 1905—1907 гг. Откликом на нее явился роман М. Горького «Мать», который высоко оценил В. И. Ленин как «полезную и своевременную книгу», которую «рабочие прочтут с большой пользой для себя»[1]. Горький и дру-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 19.

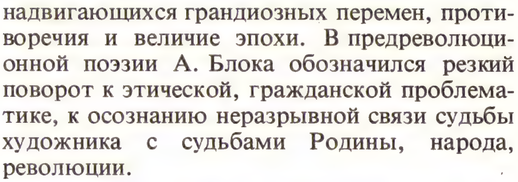
[1] *Горький М.* Собр. соч. в 30-ти т., т. 17, с. 7.

гие пролетарские писатели увидели в рабочем классе силу, способную совершить революцию и стать во главе социалистического общества.

В начале 900-х годов с ростом пролетарского движения формируется революционно-пролетарская поэзия. Авторами революционных стихов, звавших рабочих на борьбу за свободу и социальную справедливость, были рабочие-интеллигенты, кровно связанные с жизнью своего класса, — Л. П. Радин, И. А. Воинов, И. И. Садофьев, Д. Бедный.

Одновременно с развитием демократической и формированием социалистической литературы, в обстановке углубляющегося кризиса буржуазной культуры конца XIX — начала XX в., в русской литературе распространяются антиреалистические, модернистские направления, появляются декадентские течения. Отказ от общественного назначения искусства, борьба с реализмом стали характерными чертами модных в буржуазной среде символизма, акмеизма и других течений. Различные по своим идеологическим принципам и установкам, они несмотря на отрицание буржуазной культуры сами являлись ее продуктом.

Нарастание революционного подъема в начале XX в. ускорило размежевание представителей различных направлений в искусстве. Часть символистов, ощущая значительность предстоящих перемен, сочувственно встретила не только буржуазную, но и пролетарскую революцию в России. Ее сторону безоговорочно приняли В. Я. Брюсов (1873—1924) и А. А. Блок (1880—1921). В лучших произведениях А. Блока, получившего в начале XX в. славу первого поэта России, отразились отрицание буржуазного мира, предчувствие

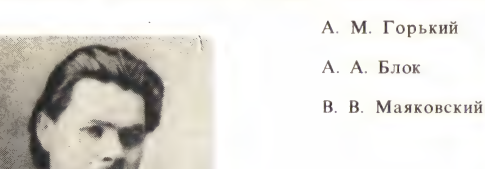

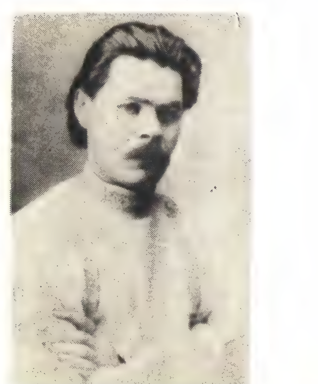
надвигающихся грандиозных перемен, противоречия и величие эпохи. В предреволюционной поэзии А. Блока обозначился резкий поворот к этической, гражданской проблематике, к осознанию неразрывной связи судьбы художника с судьбами Родины, народа, революции.

В середине второго десятилетия XX в. возникло литературное течение — футуризм. Проникнутая анархо-бунтарскими настроениями, крайне противоречивая по своему идейному содержанию, поэзия футуризма противостояла и символизму, и реализму. Носившие в целом антибуржуазный характер произведения представителей футуризма, защищавшие «естественного» человека, нивелируемого буржуазным обществом, на практике оборачивались проповедью индивидуализма и отрицанием достижений культуры.

Поражение революции 1905—1907 годов породило среди части интеллигенции пессимизм и неверие в возможность демократического переустройства общества. В годы реакции в литературу широким потоком хлынули произведения, предававшие забвению высокие гуманистические идеалы и традиции классической русской литературы. Часть писателей и поэтов уходили от социальной тематики или обращались к низменным инстинктам человека. Кризис буржуазной культуры проявился в эти годы с особой силой. Идейным вдохновителем реакционного направления в литературе стал кадетский сборник «Вехи».

Огромную борьбу за идейную чистоту демократической литературы в годы реакции вел А. М. Горький. В годы революционного подъема 1910—1914 гг. крепла и развивалась

А. М. Горький

А. А. Блок

В. В. Маяковский

массовая пролетарская литература, пробуждавшая у рабочего класса революционные настроения. На страницах большевистских газет «Правда» и «Звезда» появлялись стихи пролетарских поэтов. Большую популярность у массового читателя завоевали сатирические стихи и басни Д. Бедного (1883—1945).

Большое влияние на развитие русской поэзии предреволюционных лет оказало творчество В. В. Маяковского. Пафос художественного новаторства, под знаком которого начался его творческий путь, был связан с идеей создания нового революционного искусства.

ТЕАТР. В 50—80-е годы главное место в репертуаре занимают пьесы, отражавшие современную жизнь с ее социальными противоречиями и конфликтами. Этот новый этап развития русского театра связан с именем А. Н. Островского (1823—1886), который выступил как новатор-драматург и организатор театрального дела, воспитатель актеров, теоретик сценического искусства. Большой заслугой Островского было создание обширного национального репертуара, ставшего русской классикой. Пьесы Островского раскрывают глубокие социальные и духовные драмы людей, процесс распада дворянского хозяйства, утверждения буржуазного уклада.

Творческая судьба Островского связана с Малым театром в Москве, который по праву называют театром Островского. Просветительная роль театра получила большое общественное признание. Это был любимый театр передовой интеллигенции. На его сцене проявилось дарование выдающихся актеров: П. М. Садовского, С. В. Васильева, Л. Н. Никулиной-Косицкой, Г. Н. Федотовой, М. Н. Ермоловой, М. П. Садовского, А. П. Ленского, О. О. Садовской, А. И. Южина (Сумбатова).

В 80—90-е годы на сцене Малого театра ставятся классические драматические произведения Л. Н. Толстого — «Власть тьмы», «Плоды просвещения».

На сцене Александринского театра в Петербурге развернулась творческая деятельность П. А. Стрепетовой, М. Г. Савиной, В. Н. Давыдова, К. А. Варламова. Их искусство составило яркую страницу в истории русского театра. Созданные ими образы обогатили сценический реализм.

Быстро развивается и провинциальный театр, также выдвинувший ряд талантливых актеров.

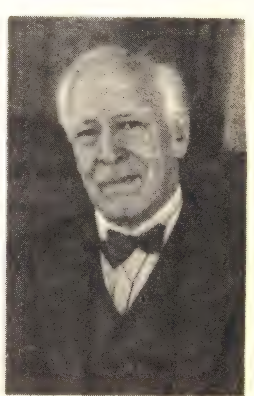
Подлинное новаторство и новые сценические формы несла в себе драматургия А. П. Чехова. За внешней событийной стороной драматического произведения, за репликами, жестами, интонациями героев таится огромное напряжение, внутреннее действие пьесы при отсутствии борьбы-интриги.

Шагом вперед в развитии драматургии стали пьесы великого пролетарского писателя А. М. Горького. Его общественно-политические драматические произведения «Мещане», «На дне», «Дети солнца», «Враги» заложили основы социалистического реализма в театре. Пьесы Горького, пронизанные пафосом отрицания старого мира, утверждали нового героя, борца, сознательного и активного творца истории.

Крупным драматургом, пьесы которого занимали видное место в репертуаре 1905—1910 гг., был Л. Н. Андреев. Его пьесы, отличающиеся субъективизмом и схематизмом, выражали резкое неприятие капита-

А. Н. Островский

А. П. Чехов

К. С. Станиславский

листической действительности и одновременно пессимистическое неверие в возможность социального и нравственного прогресса.

В конце XIX — начале XX в. развивается режиссерское и актерское искусство, особенно в деятельности К. С. Станиславского (1863—1938) и В. И. Немировича-Данченко (1858—1943). Обобщив огромный опыт своих предшественников, они выступили как реформаторы в области репертуара, режиссуры и актерского мастерства, создали новое направление в театральном искусстве. Станиславский открыл и сформулировал законы жизненно правдивого поведения актера на сцене. Созданная им система учила раскрывать внутренний мир человека в убедительно художественной форме, помогала актеру овладевать техническим мастерством (работа над голосом, пластикой и так называемым «вживанием в образ»). Театром, воплотившим новые принципы режиссуры в сценическом искусстве, стал Московский художественный театр. Его открытие (14 октября 1898 г.) явилось большим событием в художественно-театральной жизни страны.

Ведущее место в репертуаре МХТ заняли пьесы А. П. Чехова, с именем которого связаны славные страницы творческой биографии театра, сумевшего понять новаторские стороны чеховской драматургии. Поставленные МХТ «Чайка», «Дядя Ваня», «Вишневый сад», «Три сестры» открыли новые пути для русского и мирового театра XX столетия. Изображение чайки стало эмблемой театра.

МХТ воспитал немало выдающихся актеров нового типа, воспринявших метод К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, — З. И. Лилину, И. М. Москвина, М. М. Тарханова, В. И. Качалова, О. Л. Книппер-Чехову, М. Ф. Андрееву и др.

Успеху театральных постановок способствовали сотрудничавшие в театре замечательные художники — В. А. Симов, оформивший более 120 спектаклей, А. Н. Бенуа и К. А. Сомов.

Большой вклад в театральное искусство начала XX в. внесла В. Ф. Комиссаржевская. Она была не только выдающимся мастером сцены, создавшим незабываемые образы, но и руководителем Драматического театра (открылся в Петербурге в 1904 г.), который отражал революционные устремления передовой демократической интеллигенции. Здесь были осуществлены постановки пьес Горького, Чехова, Ибсена.

Виднейшим режиссером начала XX в. был В. Э. Мейерхольд (1874—1940) — создатель так называемого «условного театра».

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. В 50—60-е годы окончательно складывается русская национальная школа в музыке. Она продолжала развивать традиции, заложенные М. И. Глинкой. Реализм, демократизм, гражданственность, высокие общественные идеалы — таковы принципы русской музыкальной школы. Наиболее полно их воплотила «могучая кучка» — группа, объединившая передовую музыкальную интеллигенцию. В это творческое содружество входили глава кружка М. А. Балакирев (1837—1910), Ц. А. Кюи (1835—1918), М. П. Мусоргский (1839—1881), А. П. Бородин (1833—1887), Н. А. Римский-Корсаков (1844—1908). Идейным руководителем «могучей кучки» был художественный и музыкальный критик В. В. Стасов (1824—1906).

Выдающееся место в истории русской музыкальной культуры второй полови-

М. Н. Ермолова.
В. А. Серов. Масло

Ф. И. Шаляпин в роли
Бориса Годунова.
А. Я. Головин. Масло

ны XIX в. принадлежит П. И. Чайковскому (1840—1893). Реалистическая и демократическая по своему существу, полная лиризма и психологизма его музыка отстаивала право человека на свободу и счастье.

Во второй половине XIX в. переживает расцвет русская национальная опера. К национально-исторической тематике обращены народно-музыкальные драмы М. П. Мусоргского «Борис Годунов» и «Хованщина», героико-эпическая опера А. П. Бородина «Князь Игорь». Опера «Снегурочка» и опера-былина «Садко» Н. А. Римского-Корсакова написаны на сюжеты народно-сказочного и легендарного характера. Классическими образцами лирического и лирико-психологического жанра в опере являются оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» и «Пиковая дама».

В конце 70-х — начале 90-х годов были поставлены балеты П. И. Чайковского «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик», в которых великий композитор впервые в истории балетной музыки соединил принципы симфонического развития с танцевальным действием, создав классические образцы русского академического балета.

Наряду с оперой развивается симфоническая музыка. Выдающимися мастерами и новаторами этого жанра были А. Н. Скрябин (1871—1915), М. А. Балакирев, А. П. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков. Симфонии Римского-Корсакова тяготели к сказочной фантастике и изображению родной природы. В эпическом полотне «Богатырской симфонии» Бородина воспевались величие и сила русского народа. Симфоническая музыка Чайковского стала вершиной русской и мировой музыкальной культуры.

Большими успехами отмечена камерно-инструментальная музыка, представленная романсами А. С. Даргомыжского, М. П. Мусоргского, А. Г. Рубинштейна и Н. А. Римского-Корсакова. В 80-е годы камерно-вокальная музыка получила классическое оформление в творчестве П. И. Чайковского.

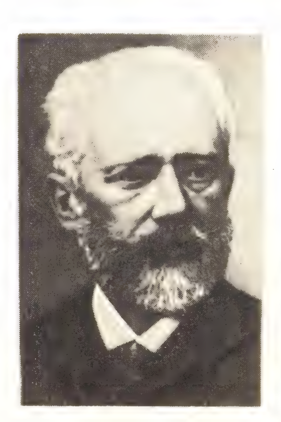
В эти годы значительные изменения происходят в системе музыкального образования и просвещения. В 1859 г. по инициативе А. Г. Рубинштейна создается Русское музыкальное общество, поставившее своей задачей «сделать хорошую музыку доступной большим массам публики». В 1862 г. в Петербурге (директор А. Г. Рубинштейн), а затем в 1866 г. в Москве (директор Н. Г. Рубинштейн) открываются первые русские консерватории.

Начавшийся в конце XIX в. кризис буржуазной культуры отразился и на развитии русской музыки. Элементы модернизма и декаданса вносят в русскую музыку черты крайнего индивидуализма, формализма, эстетства.

Вместе с тем музыкальная жизнь России конца XIX — начала XX в. продолжает интенсивно развиваться. Открываются новые музыкальные учебные заведения, просветительные учреждения. В 1906 г. музыкально-общественным деятелем и композитором С. И. Танеевым были основаны народная консерватория и музыкально-научное общество.

На рубеже XX в. раскрывается разнообразная и плодотворная деятельность многих замечательных русских композиторов — С. И. Танеева, С. М. Ляпунова, А. С. Аренского, А. К. Глазунова; вступают в жизнь представители молодого поколения компо-

зиторов — С. В. Рахманинов (1873—1943), И. Ф. Стравинский, Р. М. Глиэр, Б. Ф. Асафьев. Творчество многих их них развернулось уже после Октябрьской революции.

В это время началась творческая деятельность Ф. И. Шаляпина, А. В. Неждановой, Л. В. Собинова, прославивших русскую музыкальную культуру во всем мире.

Расширяются связи между русской и зарубежной музыкальными культурами. Крупным событием не только музыкальной жизни России, но и мировой художественной культуры начала XX в. были организованные в Париже театральным и художественным деятелем С. П. Дягилевым так называемые «Русские сезоны» 1907—1913 гг. с целью популяризации русского оперного и балетного искусства.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО. В 50—60-е годы в русском изобразительном искусстве завершается процесс формирования национальной школы. Реализм становится ее основным направлением.

Обличение отрицательных социальных сторон русской действительности, защита униженных и угнетенных — главная черта творчества В. Г. Перова (1833—1882).

В ноябре 1870 г. по инициативе И. Н. Крамского, Г. Г. Мясоедова, В. Г. Перова, Н. Н. Ге основывается «Товарищество передвижных художественных выставок», которое регулярно, начиная с 1871 г., в различных городах России демонстрировало произведения художников. Первая выставка «передвижников» принесла их участникам признание широких слоев демократической общественности. Их картины утверждали одно из основных положений революционно-демократической эстетики: произведение искусства должно выносить приговор действительности. Передвижничество — целая полоса в развитии русского искусства. Почти все самые крупные достижения 70—80-х годов в области живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, скульптуры связаны с передвижничеством. Большое внимание передвижники уделяли постановке этико-моральных и философских проблем; тема долга и гражданского служения общественным интересам была центральной.

В творчестве В. Е. Маковского (1846—1920) сюжеты революционно-освободительного движения (картины «Осужденный», «Узник», «Вечеринка») были прямым откликом на политические события и судебные процессы. Картины Н. А. Ярошенко (1846—1898) «Заключенный», «Курсистка», «Студент» создали яркие образы передовой молодежи, участвовавшей в народническом движении. Его полотно «У Литовского замка», показанное на передвижной выставке в день убийства Александра II, современники восприняли как отклик на героический поступок Веры Засулич в защиту политических заключенных; картина была запрещена цензурой. Впервые в истории русского изобразительного искусства передвижники в своих картинах ставят тему труда. После картины К. А. Савицкого (1844—1905) «Ремонтные работы на железной дороге» создаются полотна «Косцы» Г. Г. Мясоедова (1834—1911), «Кочегар» Н. А. Ярошенко (1846—1898) и др.

Большое число портретов деятелей литературы, искусства, науки принадлежит И. Н. Крамскому (1837—1887) и мастеру в области психологической картины Н. А. Ярошенко. Успешно развивалась передвижниками историческая живопись.

М. И. Глинка. *И. Е. Репин.* Масло.

П. И. Чайковский

М. П. Мусоргский. *И. Е. Репин.* Масло

Н. А. Римский-Корсаков. *В. А. Серов.* Масло

Острым драматизмом и психологизмом отличались картины Н. Н. Ге (1831—1894) («Петр I допрашивает царевича Алексея», «Что есть истина?», «Тайная вечеря» и др.). Представителем эпической линии в русском реалистическом пейзаже был И. И. Шишкин (1832—1898). Для его изобразительного метода характерно тщательное изучение натуры, всех ее особенностей. Не случайно картины Шишкина И. Н. Крамской оценил как «верстовой столб русского пейзажа». Лирические пейзажи А. К. Саврасова (1830—1897) тонко передают переходные состояния природы, за которыми видны человеческие переживания, образ родного края («Лосиный остров в Сокольниках», «Грачи прилетели», «Проселок», «Рожь»). Крупным пейзажистом-маринистом романтического направления был И. К. Айвазовский (1817—1900). Его изображение морской стихии («Черное море», «Девятый вал»), батальные картины, посвященные подвигам русских матросов («Чесменский бой», «Наваринский бой»), написаны с большим мастерством. Романтической и эпической интерпретацией природы отличаются полотна А. И. Куинджи (1841—1910). Крупный вклад в развитие реалистической живописи в 80—90-е годы внес И. И. Левитан (1860—1900), пейзажи которого («Март», «Озеро. Русь») явились итогом развития реалистического пейзажа передвижников. Ценный вклад в русскую пейзажную живопись внес В. Д. Поленов (1844—1927).

Наивысший расцвет передвижничество достигло в творчестве И. Е. Репина (1844—1930), В. И. Сурикова (1848—1916), В. М. Васнецова (1848—1926). Автор монументальных полотен, великий русский художник И. Е. Репин отобразил самые жгучие проблемы социальной жизни пореформенной России. Первая крупная работа Репина «Бурлаки на Волге» принесла художнику всемирную славу: забитая, угнетенная масса людей и вместе с тем духовная стойкость и красота народа — так была воспринята эта картина современниками. Картина «Крестный ход в Курской губернии» — обвинение несправедливому социальному и политическому строю. Исторические картины «Царевна Софья в Новодевичьем монастыре», «Иван Грозный и сын его Иван» современники воспринимали как протест против деспотизма и царского произвола. В 70—80-е годы И. Репин создал яркие образы борцов с самодержавием, большое количество портретов, отличающихся глубиной социальной и психологической характеристики. В. И. Суриков впервые в истории русского изобразительного искусства обратился к далекому прошлому России («Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова» и др.). Картины В. М. Васнецова написаны на эпические, сказочные и исторические сюжеты («После побоища Игоря Святославича с половцами», «Аленушка», «Богатыри»). В 1883—1885 гг. Васнецов создает выдающееся панно-роспись «Каменный век» для исторического музея в Москве. Он стал новатором театрально-декорационного искусства. По его эскизам были осуществлены замечательные постановки оперы Римского-Корсакова «Снегурочка».

Новым словом о войне в русском изобразительном искусстве были картины выдающегося мастера-реалиста батальной живописи В. В. Верещагина (1842—1904), воспевавшего стойкость и мужество солдат, их тяжелый труд. К числу лучших его произведений отно-

сятся «Апофеоз войны», «Торжествуют», «На Шипке все спокойно» и др.

Реализм был по-прежнему одним из основных направлений в искусстве. Представители так называемого «позднего» передвижничества — С. А. Коровин, Н. А. Касаткин, С. В. Иванов, А. Е. Архипов — поднимают новые темы, привнесенные в искусство эпохой империализма: труд и быт рабочего класса, крестьянства, их борьба за свое освобождение. Произведения этих художников отражали появление сил, способных внести коренные изменения в жизнь общества. А. Е. Архипов создал одну из самых острых своих социальных картин «Прачки». Наивысших достижений добиваются в этот период И. Е. Репин и В. И. Суриков.

В 1903 г. Репин создал замечательное портретное полотно «Заседание Государственного совета». В. И. Суриков написал монументальные полотна «Взятие снежного городка», «Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы». Завершением его народно-героической и патриотической эпопеи была картина «Степан Разин».

В конце 90-х — начале 900-х годов усиливается влияние модерна. Это проявилось в монументальных росписях Владимирского собора в Киеве, выполненных В. М. Васнецовым, в ранних работах М. В. Нестерова (1862—1942), М. А. Врубеля (1856—1910). Для модерна характерны необычайно широкая и свободная техника живописи и декоративность.

Поэтизация обыденного и повседневного, открытие красоты в простом особенно ярко проявились в творчестве К. А. Коровина и В. А. Серова в начале 900-х годов и нашли полное воплощение в русском импрессионизме, фиксирующем мгновенные, непредвзятые, «случайные» впечатления натуры. Поэтически воспринимая красоту окружающего мира, К. А. Коровин (1861—1939), работая для театра, создал новый тип красочных, зрелищных декораций, которые глубоко выявляли идею произведения.

Кульминации импрессионизм достиг в творчестве И. Э. Грабаря (1871—1960) — «Хризантемы», «Сентябрьский снег», «Февральская лазурь» и др.

Одной из существенных тенденций в развитии русской живописи конца XIX — начала XX в. было обращение к поискам национальной самобытной красоты. М. В. Нестеров пытался разрешить сложные мировоззренческие, социальные и политические вопросы в религиозных исканиях («Пустынник», «Видение отроку Варфоломею», «Святая Русь»). Картины Н. К. Рериха (1874—1947) воссоздавали атмосферу древней Руси («Заморские гости», «Город строят», «Идолы»).

В символистских по форме картинах М. А. Врубеля необычайно остро проявилось отрицание буржуазной действительности. В своем творчестве он отразил мучительные поиски и переживания части интеллигенции, видевшей выход из противоречий действительности во внутренней, духовной жизни человека.

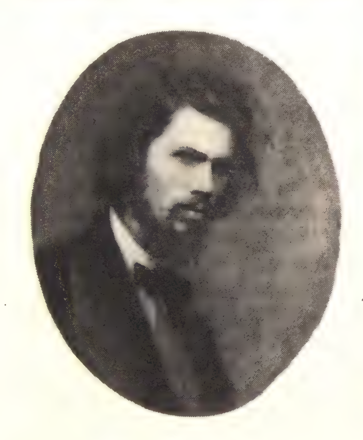
Заметную роль в развитии русского искусства сыграло художественное объединение «Мир искусства» (1898—1924), возникшее в Петербурге. Идейной основой его были ярковыраженное эстетство и идеалистическая философия. Оно пропагандировало модный в начале века лозунг «свободного», независимого искусства. Не принимая антиэстетиче-

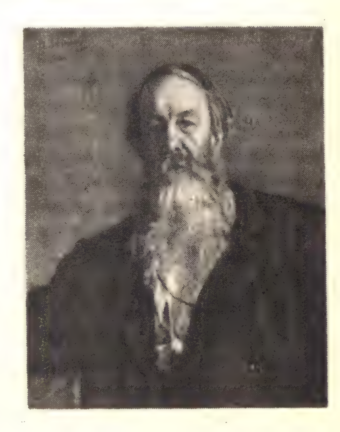
П. А. Федотов. Сватовство майора. Масло

В. Г. Перов. Вынос иконы. Масло

И. Н. Крамской. Автопортрет. Масло

И. Е. Репин. В. В. Стасов. Масло

скую буржуазную действительность, мирискусники обосновывали вечные ценности — культ истинной чистой красоты, некий вневременной идеал, способный, по их мнению, не только возродить пришедшее в кризисное состояние современное искусство, но и преобразовать жизнь.

Мирискусникам, особенно К. А. Сомову, А. Н. Бенуа, принадлежит большая заслуга в развитии художественной графики и книжной иллюстрации. Изящный линейный рисунок, большой вкус, изысканность — таковы черты графики «Мира искусства». Значительный вклад объединение внесло в развитие театрально-декорационного искусства.

Другим крупным художественным объединением, оказавшим заметное влияние на развитие русского искусства, был «Союз русских художников». В 1901 г. в Союзе объединились бывшие передвижники и члены «Мира искусства», творчество которых отличалось демократической направленностью.

СКУЛЬПТУРА И АРХИТЕКТУРА. Крупнейшим скульптором второй половины XIX в. был М. М. Антокольский (1843—1902), создавший серию исторических произведений — «Иван Грозный», «Петр I», «Нестор-летописец», «Ярослав Мудрый», «Ермак».

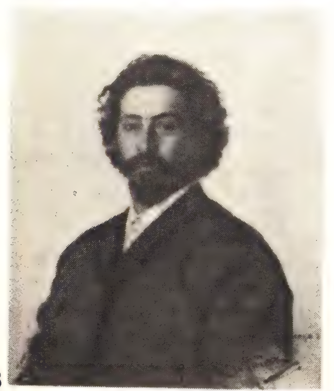
В конце XIX — начале XX в. началось творчество А. С. Голубкиной (1864—1927), ученицы великого О. Родена. Участница революционного движения, она первой в русской скульптуре создала образ пролетария, вступившего на путь борьбы за освобождение («Железный», «Рабочий», «Идущий человек»).

В начале XX в. получило известность творчество скульптора С. Т. Коненкова (1874—1971). Его мастерски исполненные работы, раскрывающие тему труда, стремление к свободе, навеяны первой русской революцией. Как гимн человеческому творчеству воспринимается скульптурный портрет А. П. Чехова. Жизнелюбием проникнута знаменитая «Ника» Коненкова. В предреволюционные годы большое место в его творчестве заняли произведения, связанные со славянской мифологией, русской народной сказкой, традициями античного искусства.

50—80-е годы отмечены новыми явлениями в русской архитектуре. Утверждение капитализма требовало строительства зданий различного назначения: фабрик, заводов, мостов, вокзалов, банков. В эти годы возводятся многоэтажные жилые дома. В строительстве все большее применение находят чугун, различные металлические конструкции, а с конца 70-х годов — бетон, цемент, песок, заменяющие кирпич и камень.

До конца 90-х годов в архитектуре господствует эклектика, которая характеризуется окончательной утратой единства стиля, механическим сочетанием архитектурных стилей различных эпох и направлений — от византийского и древнерусского до ампира в постройках любого назначения: будь то частный особняк или общественное здание. Выразительность архитектурного образа создавалась за счет внешней декорации, привлечения для оформления фасадов и интерьеров самых разнообразных стилистических мотивов.

Возрождение архитектуры многие зодчие видели в обращении к русскому национальному искусству и древнерусскому зодчеству. Так, архитектор А. В. Никитин в 50-х годах построил в Москве так называемую Погодин-

скую избу, где использовал элементы деревянной крестьянской архитектуры. В 70-х годах тенденция, ориентировавшаяся на народное деревянное зодчество, проявляется в творчестве В. А. Гартмана и И. П. Ропета (Петрова). «Ропетовский» русский стиль — один из вариантов так называемого псевдорусского стиля — получил широкое распространение в 70—80-х годах в строительстве деревянных особняков, дач, небольших городских домов. В псевдорусском стиле построены Верхние торговые ряды в Москве на Красной Площади, здания Городской думы и Исторического музея.

В конце XIX — начале XX в. зодчие ищут архитектурную форму, которая отвечала бы функциональному назначению сооружения. С этой целью организуются выставки, знакомящие посетителей с достижениями отечественной и иностранной архитектуры, открываются общества содействия архитектурному образованию и т. д.

В архитектуре появился новый стиль — модерн, с широким применением достижений новейшей строительной техники: введением отделочных материалов в архитектуру, фасадов и интерьеров. Широко начали использовать каркасные системы железобетонных конструкций в строительстве многоэтажных сооружений, практиковались оригинальные конструкции лестниц, балконов, нависающих карнизов, крупных витражей, разнообразные формы окон и т. д. Модерн широко использовал декоративную живопись и скульптуру. В практике архитектурных сооружений создаются живописные панно, наружу, на фасад здания, выносятся изразцы.

Поиски нового были характерны и для неорусского стиля в архитектуре, ориентировавшегося на древнерусское и народное искусство, освоение наследия национального зодчества. Неорусский стиль, особенностью которого был контраст внешнего облика здания с его реальным назначением, оказал немалое влияние на развитие русской дореволюционной архитектуры и даже на архитектуру последующих десятилетий.

Несостоятельность и искусственность модерна определили поворот к неоклассицизму с его цельностью и продуманностью замысла, законченностью и изысканностью форм. Однако коренного перелома в русскую архитектуру неоклассицизм не принес. Лучшими произведениями неоклассицизма были архитектурные сооружения и проекты И. В. Жолтовского (здание Госбанка в Москве).

КИНЕМАТОГРАФ. В конце XIX в. появляется кинематограф. Показ фильмов в России состоялся в 1896 г. В 1903—1904 гг. в стране появляются кинотеатры («биоскопы» и «иллюзионы»), в которых демонстрировались фильмы иностранного, в основном французского, производства.

Собственное производство фильмов в России возникло в 1907—1908 гг. (фирмы А. Дранкова и А. Ханжонкова). В 1908 г. была выпущена первая русская игровая картина «Стенька Разин». К 1914 г. в стране уже действовало около 30 отечественных фирм, выпустивших свыше 300 картин. В 1916 г. насчитывалось около 4 тыс. кинотеатров с общей ежедневной посещаемостью 2 млн. зрителей.

Кинематограф стал популярным среди различных слоев городского населения. Художественный уровень демонстрировавшихся картин был чрезвычайно низким, в репертуаре кино преобладали инсценировки беллетри-

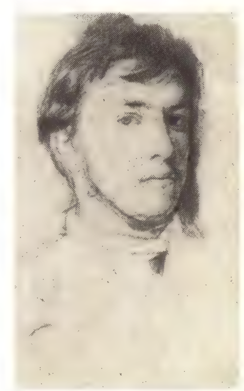
И. Е. Репин. Автопортрет. Масло

В. И. Суриков. Утро стрелецкой казни. Масло

И. И. Левитан. Над вечным покоем. Масло

В. А. Серов. Автопортрет Карандаш

стики, модных романов, отрывки из театральных постановок и т. п.

К концу войны в условиях общей хозяйственной разрухи размах кинопродукции резко снизился.

4. КУЛЬТУРА НАРОДОВ РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Материальная и духовная культура многих народов и национальных меньшинств создавалась в условиях социального и национально-колониального гнета. Однако вопреки политике самодержавия нерусские народы, вошедшие в состав России, испытывали благотворное влияние передовой русской культуры — революционных идей, материалистической философии, реалистического искусства и литературы.

В рамках единого многонационального государства происходил многосторонний процесс взаимообогащения, взаимодействия и укрепления связей между русским, украинским, белорусским, молдавским народами с народами Закавказья, Прибалтики и Средней Азии. Каждая нация, большая или малая народность вносили свой вклад в сокровищницу материальной и духовной культуры России; они дали своих выдающихся деятелей науки, мыслителей, поэтов и писателей, композиторов и художников, произведения которых стали достоянием культуры всех народов России.

Подлинные возможности для всестороннего и свободного развития национальных культур народы России получили после Великой Октябрьской социалистической революции.

КУЛЬТУРА УКРАИНСКОГО НАРОДА. Украина была одной из самых развитых областей России. Уже в первой половине века здесь значительно выросло образование и просвещение. Крупными учебными и научными центрами были университеты в Киеве, Одессе, Харькове, а также Киевская академия, астрономические обсерватории в Харькове, Николаеве, Киеве. Медицинское общество, действовавшее с 1849 г., координировало медицинские исследования на Украине.

Среди интеллигенции проявлялся большой интерес к народному поэтическому творчеству. На Украине и в России в 20—30-е годы были опубликованы первые сборники украинских народных песен.

В первой половине века «Временной комиссией для разбора древних актов» было разыскано, собрано и опубликовано много ценных исторических документов. В трудах историка М. А. Максимовича, посвященных истории запорожского казачества и возникновению древнерусского государства, отвергалась поддерживаемая западными историками норманская теория о происхождении государственности у восточных славян.

В первой трети века продолжалось творчество известного поэта и зачинателя украинской драматургии И. П. Котляревского (1769—1838), автора знаменитой сатирической поэмы«Энеида», — своеобразной энциклопедии украинской жизни рубежа XVIII—XIX вв., в которой переданы национальный характер, быт, нравы всех слоев общества. Большое распространение получили прозаические жанры. Жизнь крестьянина, его быт, народные предания отразились в повестях Г. Ф. Квитка-Основьяненко, жанр басни развивали талантливые писатели П. П. Гулак-Артемовский, Е. П. Гребенка.

Вершиной в развитии национальной художественной культуры является творчество гениального народного поэта Украины, художника, революционера-демократа Т. Г. Шевченко (1814—1861) — основоположника новой украинской литературы и создателя национального литературного языка. Литературная деятельность Шевченко развивалась в русле общероссийского демократического и революционного движения. Т. Г. Шевченко стал родоначальником критического реализма в литературе и искусстве Украины. Его поэзия, проза, сатира (сборник стихов «Кобзарь», поэмы «Катерина», «Гайдамаки» и др.) обличали социальную несправедливость, звали к революционному преобразованию общества, пробуждали национальное и классовое самосознание народа.

Тенденции правдивого воспроизведения национальной жизни, народного быта, типов крестьян, все глубже проникавшие в изобразительное искусство, нашли яркое воплощение в художественном творчестве Т. Г. Шевченко. Его портреты, офорты, жанровые картины, пейзажи, раскрывавшие суровую правду жизни и выносившие приговор крепостнической действительности, стали первыми образцами критического реализма в украинском изобразительном искусстве.

В первой половине XIX в. при усадьбах крупных помещиков продолжали существовать крепостные театры. В 1819 г. зарождается профессиональный украинский театр. На сцене Полтавского театра впервые была поставлена пьеса И. П. Котляревского «Наталка Полтавка».

На основе богатого народного творчества развивалось самобытное национальное музыкальное искусство Украины. Во второй половине века были изданы сборники народных песен, записанные композитором Н. В. Лысенко (1842—1912). В 1810 г. в Одессе был открыт первый оперный театр.

С 60-х годов значительно расширяется сеть учебных заведений: открываются новые начальные и средние учебные заведения, специальные средние учебные заведения, реальные и технические училища, высшие учебные заведения.

Научная деятельность концентрируется в университетах и институтах, обсерваториях, научных кабинетах и лабораториях, где совместно работали выдающиеся русские и украинские ученые. Многие оригинальные работы украинских ученых обогатили отечественную и мировую науку. Математик Д. А. Граве был создателем первой крупной алгебраической школы на Украине. Новые открытия в области астрономии и звездной астрологии были сделаны в Одесской обсерватории. Профессор Новороссийского университета химик А. А. Вериго организовал в 1880 г. первую в России лабораторию для исследования пищевых продуктов; он же разработал оригинальные методы получения органических веществ. Физические исследования проводились на кафедрах Киевского, Харьковского, Новороссийского университетов. В конце XIX в. при Новороссийском университете были организованы физический институт, в 1910 г. — первая в России радиологическая лаборатория.

Активную роль в объединении научных сил Украины и организации исследовательских работ сыграли открытые в 60—90-е годы Общество естествоиспытателей в Харькове и Киеве, Математическое и Медицинское общества, Бактериологический институт в Харькове и др.

М. А. Врубель. Демон. Масло

Л. С. Бакст. Эскиз костюма

В. М. Васнецов. Здание Государственной Третьяковской галереи

Ф. О. Шехтель. Здание Ярославского вокзала

Ведущее положение в украинской художественной культуре второй половины XIX — начала XX в. занимала литература, которая в 60—90-е годы, продолжая традиции Т. Г. Шевченко и русских революционных демократов, развивалась по пути критического реализма. В творчестве виднейших реалистов — Марко Вовчок (М. А. Вилинская-Маркович), А. П. Свидницкого, И. С. Нечуй-Левицкого, Панаса Мирного и других — отразилась общественная жизнь Украины этого времени.

Дальнейшее развитие критического реализма в литературе 70-х — начала 900-х годов связано с именем выдающегося писателя, поэта и ученого И. Я. Франко (1856—1916), создателя первого в украинской литературе образа рабочего. Произведения писателя положили начало формированию в национальной литературе социалистического реализма. В конце XIX — начале XX в. в литературу вошла группа выдающихся писателей-реалистов революционного направления, находившихся под влиянием марксизма, — П. А. Грабовский, Леся Украинка (Л. П. Косач-Квитка), М. М. Коцюбинский.

Оживлению музыкальной жизни Украины способствовали создание Отделений Русского музыкального общества в Киеве (1863), Харькове (1871), Одессе (1884) и открытие в этих городах постоянной русской оперы. В 60—80-е годы — период становления национальной профессиональной музыки — были поставлены первые национальные оперы: С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем», П. П. Сокальского «Майская ночь» и «Осада Дубно». Основоположником национальной музыки был великий украинский композитор Н. В. Лысенко. Разносторонний музыкальный деятель-композитор, дирижер, пианист, педагог, он был создателем классических образцов украинской музыки почти во всех ее жанрах (оперы, романса, инструментальной музыки и т. д.). Вершиной творчества композитора стала написанная в 1890 г. опера «Тарас Бульба».

Во второй половине XIX в. был создан украинский национальный драматический театр, утверждавший принципы народности и реализма. В 1882 г. драматургами и театральными деятелями М. Л. Кропивницким и М. П. Старицким была организована первая на Украине профессиональная театральная труппа, которая осуществляла постановки драматических, оперных и музыкальных спектаклей. Основу репертуара составляли произведения отечественных драматургов. Большую известность приобрели пьесы представителей критического реализма И. К. Карпенко-Карого (Тобилевича), М. Л. Кропивницкого, Л. Украинки и др.

В 60—80-е годы в изобразительном искусстве Украины формируется национальная школа, в становлении которой большую роль сыграло товарищество передвижников. Замечательным мастером жанровой картины был передвижник К. К. Костанди. Лучшие произведения К. А. Трутовского, П. Д. Мартыновича, С. И. Васильковского, С. И. Светославского и других отмечены любовью к народу и природе, обращены к социальной и национальной тематике. Большой вклад в развитие украинского реалистического пейзажа внес И. П. Похитонов, использовавший технические приемы пленэрной живописи. Крупным мастером батального жанра и графики в начале XX в. стал Н. С. Самокиш. Графика и иллюстрация развивались в творчестве П. Д. Мартыновича и А. Г. Сластиона.

Во второй половине века создаются специальные художественные учебные заведения. В 70-х годах открываются рисовальные школы в Киеве и Одессе. В развитии архитектуры и строительной техники в пореформенный период на Украине наблюдаются процессы, характерные для всего русского зодчества второй половины XIX — начала XX в.

КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА. В первой половине XIX в. дальнейшее развитие получает культура народа Белоруссии — родственного русскому и украинскому народам. В начале XIX в. было открыто небольшое количество школ и училищ (в основном монастырских и иезуитских), в том числе русских. Преподавание велось на польском и русском языках. Периодической печати на родном языке не было. С 30-х годов в Белоруссии появляются официальные газеты на русском языке — Витебские, Минские и Могилевские губернские ведомости.

В 1840 г. в местечке Горки Могилевской губернии была создана «Горы-Горецкая земледельческая школа», преобразованная в 1848 г. в Земледельческий институт — первое в России высшее сельскохозяйственное учебное заведение.

Театрально-драматическое искусство представляли народный кукольный театр и крепостные театральные труппы. С постановкой пьес В. И. Дунина-Марцинкевича — крупнейшего просветителя Белоруссии — зарождается белорусский профессиональный драматический театр.

Музыкальная культура Белоруссии в первой половине века представлена народной музыкой, разнообразными песнями (хоровыми, обрядовыми, игровыми, плясовыми, лирическими и др.). Начали собирать и записывать народные мелодии. Первый нотный образец белорусской народной песни «Купала на Ивана» был издан в 1817 г.

В тесном общении с художественной культурой России белорусские живописцы развивают жанры реалистического портрета, пейзажа, натюрморта и бытовой картины. Влияние русского зодчества испытывала архитектура. В стиле классицизма в Минске и других городах были построены общественные и жилые здания.

С середины XIX в. все большую роль в жизни белорусского народа начинают играть деятели национально-освободительного и революционно-демократического направления. Выдающимся белорусским революционером-демократом был публицист К. С. Калиновский — последователь Н. Г. Чернышевского.

С началом общественного и политического подъема в годы революции 1905—1907 гг. расширяется сеть начального, среднего и среднего специального образования. Передовая демократическая интеллигенция выступала за создание национальной белорусской школы. В 1906 г. по инициативе поэтов Я. Коласа (К. М. Мицкевича) и Тетки (А. С. Пашкевич) был написан первый учебник белорусского языка. В это время создаются первые высшие учебные заведения Белоруссии — учительские институты. В первое десятилетие XX в. начали работать Минская опытная болотная станция, сельскохозяйственная опытная станция, станция лекарственных растений.

В белорусской литературе развивается реалистическое направление. Писатель, поэт и драматург В. И. Дунин-Марцинкевич создал правдивые произведения, изображавшие жизнь и труд крестьян и обличавшие бюрократию и буржуазию. Под непосредственным влиянием русской революционно-демократической литературы начинает формироваться критический реализм, ставший господствующим направлением в конце XIX в. Его представляли К. С. Калиновский (руководитель крестьянского восстания в 1863 г.) и поэт-демократ Ф. Богушевич.

Новый этап в развитии белорусской литературы связан в годы революции 1905—1907 гг. с именами Я. Купалы, Я. Коласа, Тетки (А. С. Пашкевич), раскрывавших в своих произведениях чаяния и надежды белорусского народа, стремление его к национальному и социальному освобождению, утверждавших принципы народности, реализма и гуманизма.

Главным направлением в изобразительном искусстве становится критический реализм (С. К. Зарянко, В. К. Бялыницкий-Бируля и др.). Основное внимание в пейзаже уделяется изображению родной природы, в бытовой картине — социальной тематике, в портрете — изображению общественных и демократических деятелей.

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ. В 10—20-е годы XIX в. в уездных городах **Эстонии** открываются начальные школы волостные, уездные и приходские, преподавание в которых велось на немецком (преимущественно) и русском языках. В Дерпте учреждается первая гимназия. В 1802 г. был основан Дерптский университет — крупнейший научный центр Прибалтики, при нем оборудована астрономическая обсерватория и создан ботанический сад.

Развитие эстонской науки опиралось на богатые научные традиции Прибалтики. Здесь издавна развивались философия, история, многие естественные дисциплины. Мировое признание получили научные астрономические исследования директора Дерптской обсерватории В. Я. Струве. Большую научную работу проводило научное Эстонское общество, организованное в 1838 г.

Зачинателем художественной литературы Эстонии стал демократ-просветитель, фольклорист Ф. Р. Фельман (1798—1850). Он начал собирать материал для знаменитого национального эпоса эстонского народа «Калевипоэг». Работу по собиранию материала для «Калевипоэга» продолжил и закончил эстонский писатель и просветитель Ф. Р. Крейцвальд (1803—1882), который осуществил его издание, ставшее достоянием мировой литературы.

Развивается эстонское изобразительное искусство. При Дерптском университете

была создана рисовальная школа, которая испытывала заметное влияние классицизма и романтизма. В живописи все чаще изображается жизнь простого народа с его повседневными заботами.

Определяющей чертой развития эстонской культуры второй половины XIX — начала XX в. было усиление национально-освободительных и социальных мотивов. Представители передовой эстонской интеллигенции боролись за демократизацию страны, уничтожение остатков феодализма.

Значительно увеличивается сеть учебных заведений: растет число начальных школ, открываются средние учебные заведения — реальные училища, мужские гимназии. Кадры учителей готовили семинарии. Преподавание на родном языке велось только в начальных школах и низших специальных профессиональных училищах, в средней школе — на немецком и русском языках. Лишь в начале XX в. обучение стало проводиться на эстонском языке. На эстонском языке издаются газеты и журналы.

Дальнейшее развитие получили естественные науки. Крупные исследования были проведены в математике, физике, химии, медицине. Важнейшим научным центром, где работали видные ученые России и Эстонии, оставался Дерптский университет, в котором в начале XX в. обучалось более 1,5 тыс. студентов.

Растет количество названий периодической печати. Радикальные и демократические слои эстонской интеллигенции объединялись вокруг газеты «Сакала». В начале XX в. появляются издания пролетарской печати, издаются подпольные листки, прокламации, большевистские газеты, журналы, альманахи, революционные сочинения, произведения К. Маркса. С 1912 по 1914 г. в Нарве печаталась ведущая большевистская газета Эстонии «Кийр» («Искра»).

Главой демократического направления стал К. Р. Якобсон (1841—1882) — просветитель-демократ, публицист и литератор. Демократические и патриотические настроения передовой эстонской интеллигенции выразило творчество поэтессы Л. Койдулы — автора первых эстонских драматических произведений. Романы и повести большого социального содержания, в которых разрабатывались проблемы, связанные с жизнью крестьянства, создал писатель Э. Вильде. Его произведения положили начало критическому реализму в эстонской литературе.

В **Литве** в начале XIX в. существовали начальные школы при костелах и монастырях, общеобразовательные и несколько средних специальных школ, в том числе духовных. Обучение велось на литовском и польском языках. Большую роль в распространении просвещения и научных знаний сыграл Виленский университет — крупнейший научный центр России. По учебному и научному уровню он не уступал прославленным университетам Европы. При университете действовали одна из лучших астрономических обсерваторий того времени, первый в России зоологический музей, один из крупнейших в Европе ботанический сад, несколько медицинских и агрономических институтов, клиники, аптеки, богатая библиотека.

В литературе и искусстве проявлялись антикрепостнические настроения. Многие поэтические произведения, например, стихи А. Страздаса (1760—1833), стали популярными народными песнями. Рост национального самосознания вызвал интерес к изучению литовского фольклора. В 1825 г. был издан первый сборник литовских народных песен.

В Вильно действовал оперный театр, на сцене которого ставились балетные и оперные спектакли западноевропейских композиторов. В начале века возник первый публичный театр в Вильно, где выступали профессиональные драматические труппы.

Благодаря усилиям литовской интеллигенции в 1907 г. было открыто Литовское научное общество. На базе закрытого Виленского университета были созданы Духовная и Медико-хирургическая академии, Ветеринарный институт, астрономическая обсерватория, ботанический сад. Запрещенная в 1864 г. периодическая печать возродилась только в конце века. Сочинения литовских писателей и поэтов нелегально печатались в Восточной Пруссии.

Газеты «Колокол» и «Литовский крестьянин» демократического направления защищали интересы народа, выступали за национальную независимость и свободу. Крупным представителем демократической печати был публицист и критик, поэт и сатирик Винцас Кудирка.

В конце XIX в. на смену романтизму и сентиментализму в литовской литературе приходит критический реализм. Крупнейшим представителем его была Юлия Жемайте, изображавшая жизнь литовского крестьян-

ства. Красота родного края воспета в стихах популярного поэта конца XIX в. Майрониса (Й. Мачюлиса). Одним из первых писателей в литовской литературе, раскрывавших в своих произведениях жизнь рабочего класса, был Й. Билюнас (1879—1907).

Декадентским тенденциям в литовской литературе, особенно проявившимся в годы реакции 1907—1909 гг., противостояла новая пролетарская литература в лице талантливого поэта Юлиуса Янониса (1896—1917).

Во второй половине XIX в. создаются оперная, симфоническая музыка, популярным становится хоровое исполнение. Многочисленные хоровые коллективы возникают не только в сельских и городских районах Литвы, но и за ее пределами, при литовских культурных обществах Петербурга, Одессы, Риги, Варшавы и др. Первая национальная литовская опера, написанная М. Петраускасом, была поставлена в 1906 г. Создаются первые национальные симфонические, фортепьянные и другие произведения. Основателями классической литовской музыки были С. С. Шимкус, Ю. Груодис.

Литовское изобразительное искусство развивалось, взаимодействуя с художественной культурой России. В духе реализма были написаны многие полотна литовских художников, выставлявшиеся на национальных выставках в 1907—1914 гг. Выдающимся литовским музыкантом и художником был М. К. Чюрленис (1875—1911), в творчестве которого сочетались символика и поэтика народного фольклора.

В **Латвии** в начале XIX в. открываются приходские и волостные начальные школы. Росло число школ в городах для немецкого населения и зажиточных латышей. Кадры учителей готовили две семинарии, где преподавание велось на немецком языке.

Успешно развивалась наука. С конца XVIII в. в Митаве (Елгаве) действовала Академия Петрина. Исследования проводились в области физики и химии, началось геологическое и минералогическое изучение природных богатств Латвии. В 1803 г. было основано первое в России Рижское химико-фармацевтическое общество, одновременно стал выходить первый отечественный фармацевтический журнал.

Самостоятельной национальной литературы еще не было. Издателями-немцами печатались книги духовного и светского содержания. Начало национальной письменной поэзии связано с творчеством Ю. Алунана.

Во второй половине века дальнейшее развитие получили просвещение и образование, общественные и естественные науки, художественная культура Латвии. В 60—80-е годы здесь было открыто большое количество школ, в том числе русские мужская и женская гимназии, учительские семинарии. Обучение в школах проводилось на латышском, немецком и русском языках.

Центром научно-технической мысли являлся Рижский политехникум, где разрабатывались фундаментальные научные проблемы физики, химии и других наук, закладывались основы латышской буржуазной историографии. Передовая общественная мысль Латвии формировалась под воздействием русских революционных демократов.

В середине XIX в. зарождается национальная латышская литература. Лучшие произведения пронизаны демократическими и освободительными идеями, носят антикрепостнический характер. Большой вклад в развитие реализма внесли А. Пумпур и братья Матис и Рейнис Каудзит. В это же время были написаны и первые латышские драматические произведения.

На рубеже XIX — начала XX в. под влиянием идей социализма и рабочего движения в Латвии зарождаются пролетарская литература и марксистская литературная критика. Замечательным пролетарским поэтом латышского народа, воспевшим его революционную борьбу, был Янис Райнис (1865—1929). Крупнейшими представителями пролетарской литературы, развивавшими критический реализм в латышской прозе и драматургии, были А. Упит (1877—1970), отразивший в своих произведениях существенные черты жизни буржуазной Латвии начала века, и Я. Браун.

Лучшие работы художников и скульпторов национальной латышской школы 60—90-х годов (К. Гун, Ю. Федер и др.) отличали демократическая направленность, защита угнетенного народа, близость к передвижничеству. В середине века развиваются латышская профессиональная музыка, особенно хоровая, национальный театр. С 80-х годов на театральных сценах ставятся оперы, музыкально-драматические спектакли. В 1913 г. был основан национальный театр «Латышская опера».

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ. Добровольное вхождение **Грузии** в состав России в 1801 г. положительно сказалось на

развитии науки, литературы, архитектуры, изобразительного и народно-прикладного искусства. В Грузии в это время имелась значительная сеть учебных заведений: начальные школы, Тифлисская и Телавская семинарии.

В начале XIX в. появляется периодическая печать, в 1819 г. выходит в свет первая газета на грузинском языке.

Для науки и общественной мысли характерно было распространение просветительских идей. Материалистическое направление отстаивало передовую науку, боролось с религией и идеализмом. Появляются работы по истории Грузии.

Господствующим литературным направлением в 30—40-е годы в Грузии был романтизм, зачинателем которого стал А. Г. Чавчавадзе (1786—1846) — крупнейший грузинский писатель, общественный деятель и переводчик. Поэт-романтик Н. М. Бараташвили (1817—1845) обогатил поэзию Грузии новыми формами и содержанием, его творчество оказало значительное влияние на грузинскую литературу XIX в.

Интенсивно развивалось музыкальное искусство. Своеобразные национальные черты сохраняли самобытное народно-прикладное искусство, керамика, ювелирное дело, искусство чеканки по металлу, вышивка по шелку и бархату. Национальные традиции хранил и народный театр.

В изобразительном искусстве Грузии начала XIX в. появляются новые черты, сближавшие его с изобразительным искусством России и Западной Европы: создаются первые произведения станковой живописи, реалистический портрет, пейзаж, бытовые картины. В архитектуре жилых городских зданий Грузии нередко сочетались черты классицизма и традиционные элементы национального зодчества.

Грузинская культура второй половины XIX в. развивалась под влиянием национально-освободительного движения, вызванного усилением социального и колониального гнета, антинародной политикой царизма. Грузинские революционные демократы-«шестидесятники» И. Г. Чавчавадзе (1837—1907), А. Р. Церетели (1840—1915), Н. Я. Николадзе (1843—1928), Г. Е. Церетели (1842—1900) были последователями Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова.

Во второй половине XIX — начале XX в. возникли новые органы демократической периодической печати: журнал «Цискари», газеты «Дроеба» («Время»), журнал (затем газета) «Иверия». В начале XX в. в Грузии появилась пролетарская периодическая печать. В 1901 г. выходит в свет нелегальная газета искровского направления «Брдзола» («Борьба»). В 1905 г. вышла легальная большевистская газета «Кавказский рабочий листок». Увеличивается сеть школ. В 1908 г. в Тифлисе создаются частные высшие женские курсы.

Развивается деятельность научных учреждений, основанных в первой половине века, — ботанического сада, магнитно-метеорологической обсерватории, ставших впоследствии общекавказскими научными центрами. Научная работа ведется в отделениях русского географического общества и Геологического комитета. В 1853 г. в Тифлисе создается краеведческий этнографический музей.

Огромное влияние на развитие литературы и искусства Грузии оказали «шестидесятники», вождем которых был И. Г. Чавчавадзе. Крупный писатель-реалист и поэт, он был автором многих статей по экономическим, социальным, историческим и философским вопросам. В творчестве поэта А. Р. Церетели и прозаика Г. Е. Церетели, критика и публициста Н. Я. Николадзе отразились социальные и национальные устремления прогрессивной интеллигенции, освободительный дух народа. Со времени деятельности «шестидесятников» критический реализм стал господствующим направлением.

В 80—900-е годы развернулась творческая деятельность поэта Важа Пшавелы (1861—1915).

Центром музыкального просвещения и образования не только Грузии, но и всего Закавказья, становится Тифлис. В 1851 г. открывается Тифлисский оперный театр. На его сцене с 1880 г. русской оперной труппой ставятся оперы Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова и др.

В 70—80-е годы открываются новые музыкальные учебные заведения. Оживляется концертная деятельность. С организацией в 1883 г. в Тифлисе отделения Русского музыкального общества регулярно проводятся симфонические концерты. В 1882—1883 гг. написана первая грузинская опера «Коварная Тамара» (композитор М. А. Баланчивадзе). В 1905 г. было организовано грузинское филармоническое общество, поставившее ряд опер русских и западноевропейских композиторов на грузинском языке.

Изобразительное искусство Грузии развивалось в тесной связи с передовым направлением русского искусства — передвижничеством. В портретах, пейзажах, бытовых картинах главное место занимала социальная тематика. Первым грузинским скульптором был Я. И. Николадзе, работавший в области портретной и мемориальной скульптуры. Заметный след в развитии национального изобразительного искусства оставил талантливый живописец-самоучка Н. А. Пиросманашвили.

В 1879 г. в Тифлисе по инициативе И. Г. Чавчавадзе и А. Р. Церетели был создан профессиональный театр, ставивший пьесы отечественных драматургов, русскую и зарубежную театральную классику. Видным представителем реализма в драматургии был Г. Д. Эристави (1811—1864) — основоположник нового национального театра Грузии.

Возрождалась древняя культура народа **Армении**. В 1815 г. в Астрахани начала издаваться первая армянская газета (еженедельная) «Восточные известия». На армянском языке издавались книги в Ереване, Москве, Астрахани, Тбилиси, Баку.

Развивались просвещение, образование, наука. Кадры армянской интеллигенции готовили открытый в 1815 г. в Москве Лазаревский институт восточных языков (основанный на средства богатой армянской семьи Лазаревых) и Нерсесянское училище, открытое в 1824 г. в Тифлисе. В начале XIX в. появляются исторические работы, с особой остротой поднимавшие проблемы освобождения родины от иранского и турецкого ига.

Представителем демократического направления был Хачатур Абовян (1805—1848) — основоположник новой армянской литературы, армянского литературного языка. Его исторический роман «Раны Армении» о героической борьбе народа против иранского ига — яркое свидетельство роста национального самосознания народа в период русско-иранской войны 1826—1828 гг.

Широкое распространение получает ашугская народная поэзия. Богатые традиции имеет музыкальная культура Армении.

В живописи ведущее место занимает реалистический портрет. Появляются первые профессиональные художники Армении, окончившие учебные художественные заведения в России.

В 60—70-е годы в армянской культуре происходят значительные сдвиги. Открываются церковно-приходские школы и частные женские школы.

Появляются новые органы периодической печати. Издаются труды историков либерально-буржуазного направления, освещавшие вопросы истории феодального периода Армении. Работы историков М. Орманяна, Н. Г. Адонца сохранили свое значение до настоящего времени. В общественной и философской мысли Армении второй половины XIX в. крупную роль играло творчество М. Налбандяна (1829—1866).

В конце XIX в. получает распространение марксизм. Пропагандируют марксизм выдающиеся армянские революционеры С. Г. Шаумян, С. С. Спандарян и др. Первой легальной большевистской газетой на армянском языке была «Кайц» («Искра»).

Вершиной критического реализма в армянской литературе было творчество великого армянского романиста и драматурга А. М. Ширванзаде (1858—1935). Выдающимися представителями армянской поэзии конца XIX — начала XX в. были И. М. Иоаннисян, О. Т. Туманян, А. С. Исаакян, творчество которых пронизано верой в национальное возрождение родной земли.

Формируется национальный армянский театр, основателем которого был писатель-драматург Г. М. Сундукян (1825—1912). Его творчество оказало огромное влияние на все дальнейшее развитие театрального искусства Армении. В 60—70-е годы появляется профессиональный армянский театр в Ереване, Баку, Шуше, Гандже и других городах.

Усиливается интерес к национальной народной музыке: собирается и обрабатывается музыкальный фольклор, издается ряд ценных песенных сборников.

Делаются первые шаги по созданию национального музыкального театра. В 1868 г. композитор Т. Г. Чухаджан написал первую армянскую национальную оперу «Аршак II». В 80-е годы на основе обработки народных мелодий создаются классические образцы армянской вокальной музыки. Основу национальной симфонической музыки заложили произведения композитора-классика А. А. Спендиарова (1871—1928).

Изобразительное искусство Армении испытало воздействие различных художественных направлений. Развиваются портретное искусство, пейзаж, бытовая и историческая картины. Многие армянские художники работали в Тифлисе, Москве, в других городах России и

за границей. Зарождается армянская скульптура. Автором первого памятника в Армении Х. Абовяну (1913) был А. М. Тер-Марукян. В начале XX в. началась творческая деятельность М. С. Сарьяна (1880—1972) — одного из первых советских художников Армении. Главная тема его произведений — жизнь и природа родного края.

В **Азербайджане** в первой половине XIX в. дети получали образование в религиозных школах — мектебах и медресе (при мечетях и монастырях), где обучались языку фарси (персидскому), родной литературе, исламу. С вхождением Азербайджана в состав России открываются первые начальные русские светские школы (их было очень мало), посещать которые могли только дети обеспеченных слоев населения. В 30-е годы в Азербайджане появляется периодическая печать.

Крупным просветителем Азербайджана был А. К. Бакиханов (1794—1847) — видный ученый, педагог, историк, писатель и философ. Он написал труд по истории северного Азербайджана «Райский цветник» — первый исторический обзор событий в стране с древнейших времен до 1813 г. В Тифлисе азербайджанским поэтом-мыслителем М. Ш. Вазехом в 40-е годы был организован философский кружок «Школа мудрости», пропагандировавший науку и просвещение.

В произведениях азербайджанского фольклора и стихах народных певцов-ашугов, сказках, песнях выражались думы и чаяния народа, его духовная жизнь.

В 60-е годы расширяется сеть общеобразовательных и специальных учебных заведений. В Баку и других городах открываются начальные школы, мужские и женские гимназии, реальные училища, в которых обучение велось на русском языке. В 1870 г. были созданы городские начальные технические и ремесленные училища. Позднее, в конце 80-х годов, были открыты школы на родном языке.

В начале XX в. в Азербайджане были организованы Бакинское отделение Русского технического общества, Общество врачей в Баку, химические лаборатории при нефтеперерабатывающих заводах, первые опытные сельскохозяйственные станции.

Философские, исторические и экономические науки развивались под влиянием просветительских идей. Начало демократической печати положила газета «Экинчи» («Пахарь», 1875—1877), издаваемая просветителем Г. Зардаби. Выходили также газеты и журналы либерально-буржуазного направления.

Под влиянием рабочего движения среди передовой интеллигенции в 80—90-е годы распространяется марксизм. Большевистские листовки, нелегальные и легальные газеты (газеты «Гуммет», «Энергия» — 1904—1905, «Известия Совета рабочих депутатов» и др.) формировали революционное сознание в среде рабочего класса.

Создаются крупные произведения романтического и реалистического направлений — в прозе, поэзии и драматургии. Крупнейшим азербайджанским писателем-просветителем был М. Ф. Ахундов (1812—1878) — основатель азербайджанской драматургии. В комедиях и сатирических произведениях «азербайджанского Мольера», как называли Ахундова, высмеивались косность и невежество, звучали призывы к освобождению от религиозного деспотизма. Видным поэтом-сатириком второй половины века был поэт С. А. Ширвани. Дальнейшее развитие в 80—90-е годы азербайджанская литература получила в произведениях Н. Ф. Везирова, С. С. Ахундова и др.

В начале 70-х годов создается профессиональный театр; на родном языке ставятся пьесы отечественных драматургов, а также произведения русской и мировой классики.

В начале XX в. господствующим направлением в азербайджанской литературе стал реализм. Революционные события 1905—1907 гг. в России нашли отклик в произведениях многих писателей, а также на страницах популярного сатирического журнала «Молла Насреддин», выступавшего в защиту национально-освободительного движения народов Востока. В журнале сотрудничал выдающийся революционный поэт-сатирик А. Сабир (1862—1911), создавший школу подлинно народной сатиры.

В начале XX в. формируется национальная музыкальная школа, закладываются основы современной музыкальной культуры Азербайджана. Композитор У. А. Гаджибеков, используя традиционные формы национальной музыки, создает в 1908 г. первую национальную оперу «Лейли и Меджнун». Он развивал жанр музыкальной комедии, опиравшейся на народные мелодии и содержавшей элементы сатиры. Большой известностью пользовалась его оперетта «Аршин мал алан» (1913).

КУЛЬТУРА МОЛДАВИИ. В конце 20-х

годов XIX в. в городах Молдавии были открыты уездные училища, а в 1833 г. в Кишиневе — первая мужская гимназия. Дети крестьян получали образование в церковноприходских школах. В 1842 г. в Кишиневе было учреждено первое в Молдавии специальное учебное заведение — Бессарабское училище садоводства.

С 1829 г. издается первая молдавская газета «Албина ромыняскэ».

В острой борьбе материализма с идеализмом развивалась философия. Виднейшими философами-материалистами (хотя и непоследовательными) были К. Стамати и В. Лашков. Видные представители народничества в Молдавии Н. Кодряну-Зубку, З. Ралли-Арборе, В. Крэсеску (некоторые из них принимали активное участие в революционном движении России и Европы) пропагандировали идеи социальной революции. Выдающийся революционный народник Н. Зубку-Кодряну первым познакомил передовую интеллигенцию Молдавии с учением К. Маркса, Ф. Энгельса.

Продолжалось накопление естественнонаучных знаний. Молдавские ученые Т. Стамати, К. Вырнав в основном придерживались материалистического направления в естествознании.

Активную роль в развитии художественной литературы, пропаганде передовых идей, консолидации прогрессивных сил, а также в укреплении культурных связей с Россией во второй половине XIX — начале XX в. играли журналы «Литературная беседа» и «Контемпоранул», на страницах которого печатались лучшие произведения писателей, поэтов, критиков и публицистов. Молдавский журнал «Современник» впервые опубликовал переводы некоторых работ К. Маркса и Ф. Энгельса.

Ведущие направления в науке — отрасли, связанные с сельскохозяйственным производством. Изучаются животный и растительный мир края. Видным биологом и агрономом Молдавии был Н. К. Могилянский. В 80-е годы в Кишиневе открываются метеорологическая обсерватория, научная работа в которой осуществлялась под руководством Петербургской физической обсерватории.

Положительную роль в пропаганде и популяризации научных работ сыграло Бессарабское общество естествоиспытателей и любителей естествознания.

Одной из ведущих областей духовной культуры Молдавии была литература. Социальные проблемы ставил в своем творчестве видный писатель, публицист, историк, филолог Б. П. Хашдеу. Значительный вклад в развитие отечественной реалистической прозы внес И. Крянгэ. Вершиной национальной литературы стало творчество поэта-патриота М. Эминеску (1850—1889). Поэзия Эминеску, крупнейшего представителя позднего романтизма, обогатила не только молдавскую, румынскую, но и мировую литературу. Его стихи переведены на многие европейские языки.

Социальной направленностью отличались басни А. Донича. В 1816 г. основоположником драматургии в Молдавии Г. Асаки был поставлен первый спектакль на молдавском языке. В Яссах для обучения молодежи актерскому мастерству Асаки организовал драматическую студию (1836).

Видное место в художественной культуре Молдавии занимала музыка, народно-прикладное искусство.

В тесных связях с художественной культурой России и Украины развивались музыка, драматическое и изобразительное искусство, архитектура. Талантливая молодежь обучалась в консерваториях и других музыкальных учебных заведениях Петербурга и Москвы. В 1900 г. в Кишиневе было открыто музыкальное училище. Распространению русской и европейской музыки содействовало организованное в Кишиневе в 1899 г. отделение русского музыкального общества.

В рамках реалистического направления развивалась живопись. Большое влияние на становление изобразительного искусства Молдавии конца XIX — начала XX в. оказало передвижничество.

КУЛЬТУРА НАРОДОВ КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ. Добровольное присоединение **Казахстана** к России, начавшееся еще в XVIII в., положительно сказалось на развитии культуры казахского народа. Характерная особенность культуры Казахстана на протяжении всего XIX в. — использование и сохранение богатых традиций духовной и материальной культуры прошлого. Казахская литература не имела своей письменности. Она была представлена устным поэтическим творчеством профессиональных певцов-сказителей — акынов. Многие лирические и сатирические стихи, песни и бытовые поэмы акынов имели острую социальную направленность, отмечены высоким мастерством. Известны казахские акы-

ны, М. Утемисов, Ш. Жарылгасов, С. Аранов.

На основе вековых традиций развивалось самобытное творчество казахских скульпторов, танцевальное, музыкальное и декоративно-прикладное искусство.

Во второй половине XIX в. казахская культура переживает подъем: развиваются общественная мысль, просвещение, наука, искусство. Появляются труды по истории, географии, этнографии, первые педагогические сочинения. Вклад в изучение природы, фольклора и истории Казахстана внесли многие русские ученые. В ряде районов Казахстана, присоединение которого завершилось в 60-е годы, были открыты первые светские русско-казахские школы.

Более десяти начальных школ для детей-казахов было открыто по инициативе известного педагога И. Алтынсарина. Он создал казахский алфавит на основе русского, стал автором казахской хрестоматии для чтения. Велика заслуга Алтынсарина как переводчика и зачинателя казахской художественной прозы.

Выходят в свет первые учебники на казахском языке.

В конце века в городах Верном (ныне Алма-Ата), Семипалатинске, Оренбурге организуются первые научно-просветительные учреждения, историко-краеведческие и этнографические музеи, собираются археологические и исторические материалы, открываются местные отделения Русского географического общества, создаются метеорологические станции.

Особое значение для культуры казахского народа имела периодическая печать. В 80—90-е годы издаются первые казахские газеты на родном языке — «Газета Туркменского края», «Газета Степного края». С появлением новых городов и русских поселений оживляется строительство.

Выдающимся просветителем казахского народа был историк, ученый, этнограф, собиратель фольклора Ч. Ч. Валиханов. Сведения по географии, этнографии, истории и культуре, собранные Валихановым во время путешествий в Кашгарии, Средней Азии, Западном Китае, явились ценным вкладом не только в географическую науку, но и в русское востоковедение.

В литературе успешно развиваются традиционные жанры: поэзия, проза, сатира, разрабатываются и вводятся новые литературные жанры и формы. Переводятся произведения великих русских и иностранных писателей и поэтов. Родоначальником критического реализма в казахской литературе был поэт-демократ Абай Кунанбаев (1845—1904).

Демократическому направлению в литературе, представители которого (поэт-демократ С. Торайгыров и др.) в основном группировались вокруг первого казахского журнала «Айкап», противостояло националистическое направление.

По-прежнему большое место занимает устное поэтическое творчество; большой популярностью пользовались песенные состязания поэтов-акынов. Знаменитым акыном казахских степей стал Джамбул Джабаев (1846—1945). Произведения казахского фольклора при участии русских ученых собираются и записываются. Они публикуются на страницах периодической печати, в научных изданиях университетов и обществ.

Ко времени присоединения Средней Азии к России грамотность среди местного населения была чрезвычайно низкой. Только в первые десятилетия XX в. в нескольких городах было открыто десять четырехклассных начальных школ. Передовая русская культура способствовала развитию общественной мысли, науки, искусства и литературы в Средней Азии. В 70—80-е годы на территории края организуются первые научные учреждения (гидрометеорологические станции в Ходженте, Пенджикенте и др.). Научные исследования по изучению природных условий, климата, фауны и флоры, экономики, истории проводились многими русскими учеными. Ими была составлена первая геологическая карта Туркестанского края.

Ведущее место в литературе **Таджикистана** второй половины XIX в. заняла просветительская литература. Главою таджикского просветительства был ученый-энциклопедист Ахмад Дониш (1827—1897), объединивший вокруг себя передовую интеллигенцию Бухары. Горячий сторонник изучения русского языка, пропагандист науки, он выступал против средневековой схоластики и догматизма, выдвинул программу политического переустройства государственной системы по типу европейских стран. Дониш явился родоначальником просветительского направления общественно-политической мысли в Средней Азии.

Последователи Дониша — Р. Возех, Ш. Шахин — поддерживали реалистическую

и демократическую линию. Эти традиции развивали и крупные таджикские писатели начала XX в. — С. Айни (1878—1954), Т. Асири, М. Сирадж.

Конец XIX в. характеризовался дальнейшим развитием народной музыки, сформировавшейся в IX—XVIII вв. Ее представители — Ота Джалол, Ота Гиес, Леви Бабаханов и др.

Издавна в Таджикистане действовал народный театр кукол, а также театр «масхарабозов» (представления комедийно-сатирического характера). В конце XIX в. был создан профессиональный театр «Созанда».

В изобразительном искусстве видное место занимали рукописные миниатюры, а также роспись яичной темперой по дереву, глине. В архитектуре использовались формы, сложившиеся в XII—XVII вв.

В 70-е годы на территории Туркестанского генерал-губернаторства открываются первые светские школы (до этого были только церковные), в 1875 и 1879 гг. в Ташкенте — мужская гимназия и учительская семинария.

В конце XIX в. возникает сеть школ, сыгравших положительную роль в распространении грамотности среди населения **Узбекистана.** Однако по переписи 1897 г. 98% местного населения оставалось неграмотным.

В 70-е годы в Узбекистане создаются научные учреждения: с 1873 г. работает астрономическая обсерватория в Ташкенте, начинают вести наблюдения первые метеорологические и сейсмическая станции, открываются краеведческие и этнографические музеи. Начинаются географические, геологические, ботанические и статистические исследования Туркестана.

В типографиях и литографиях, открытых в Ташкенте (1868), Самарканде, Фергане и других городах, печатались классические произведения литературы Востока, переводные книги русских писателей, что позволило узбекскому читателю познакомиться с достижениями русской культуры. В 1870 г. вышла в свет первая местная газета на узбекском языке — Туркестанская газета, которая, помимо сообщений о текущих событиях, помещала материалы по вопросам литературы, искусства, истории, философии.

В 80—90-е годы в Средней Азии создается новая прогрессивная демократическая литература. Поэты-демократы З. Фуркат, У. С. Завки и А. Отар явились зачинателями реалистического направления в традиционных формах (газели, эпистолярная лирика, сатира). Революционно-демократические устремления узбекского народа выражал поэт М. Мукими.

В конце XIX в. против демократической части узбекской интеллигенции, стремившейся к национальному возрождению, выступил джадидизм — буржуазно-националистическое движение, выдвинувшее в своей программе некоторые либеральные реформы, но в основе своей стоявшее на антинародных позициях.

Крупнейшими писателями узбекского народа конца XIX – начала XX в., ставшими основателями советской узбекской литературы, были поэт Хамза Хакимзаде и основатель национальной драматургии и прозаик Айни Садриддин.

В архитектуре Бухары, Самарканда и Хивы в течение столетий сохранялись традиционные типы построек XII—XV вв. Для изобразительного искусства Востока, где религия (ислам) запрещала изображение человека, характерна растительная и геометрическая орнаментация. Развивался созданный еще в древности узбекский театр «Кызыкчи».

По уровню грамотности **Туркмения** была одной из отсталых в Средней Азии (всего 0,7% в 1897 г.). В религиозных школах обучалась незначительная часть детей баев и местных богачей. Положение не могли изменить и открытые в 80—90-е годы русско-туркменские школы. До Октябрьской революции туркменский народ не имел своей периодической печати. Здесь выходили только официальные газеты на русском языке.

После вхождения Туркмении в состав России с помощью русских ученых изучаются климатические, геологические, почвенные условия края, фауна и флора. Ее природные богатства, возможности их использования привлекли ученых-гидрологов. В конце 70-х — начале 80-х годов появляются первые проекты орошения засушливых земель в Туркмении.

Создаются первые научные специальные учреждения: ботаническая станция, опытное поле в Асхабаде, школа садоводства. Первые наблюдения ведут метеорологические станции. Большую научную работу проводят местные отделения Русского географического общества.

Туркменская литература в своем развитии опиралась на народное поэтическое творчество. Продолжая традиционные жанры — поэтическую переписку, любовную лирику,

литература наполняется социальным содержанием, в ней сильнее зазвучали патриотические мотивы. В сатирических произведениях обличался паразитизм господствующих классов. Выразителями народной общественно-политической, философской и эстетической мысли были поэты А. Х. Молламурт, Байрам-Шахир, Кёрмолла.

Киргизия до Октябрьской революции не имела своей письменности. После вхождения в состав России (60—70-е годы) киргизский народ получил возможность установить тесную связь с передовой русской культурой. Киргизия включилась в хозяйственную и культурную жизнь России. В 70-е годы в Караколе (ныне Пржевальск) были созданы первые русские светские школы, а позднее, в 80-е годы, — русско-киргизские школы. Однако их число было невелико. В них обучались дети баев и зажиточных киргизов. К концу XIX в. грамотность в Киргизии составляла менее одного процента.

Духовную жизнь народа отражала поэзия акынов. Широкую известность получило творчество поэтов-демократов Токтогула Салгтыканова (1864—1933), родоначальника советской киргизской литературы и современника Токтогула — Барпы Алыкулова (1884—1949). Акыны-демократы Киргизии стали подлинными просветителями своего народа. Особое место в устной поэзии Киргизии занимал героический эпос народа — «Манас».

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ, СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СИБИРИ. Внутренние районы Российской империи издавна населяли татары, башкиры, чуваши, мордва, коми, мари, удмурты и др. Их судьбы тесно связаны с исторической судьбой русского народа. В XIX в. эти народы находились на разных ступенях общественного развития. Одни из них (эскимосы, ненцы, чукчи, эвенки, коряки и др.) жили в условиях первобытнообщинного строя, другие — татары, башкиры, мордва — в условиях разложения феодального строя и формирования новых капиталистических отношений. Процесс сближения культуры народов России с культурой русского народа ускорился в связи с развитием капитализма, который порывал с национальной замкнутостью и проникал в отдаленные районы России.

Многие народы были отсталыми в царской России. Они испытывали социальный гнет со стороны своих помещиков, купцов, духовенства, буржуазии, а также подвергались эксплуатации со стороны царской администрации. Родной язык преследовался. В национальных районах было мало школ, почти не было больниц, библиотек, театров и других культурных учреждений. Некоторые народы вплоть до Октябрьской революции не имели собственной письменности.

Пособниками царизма были национальная знать, баи, помещики, буржуазия, особенно духовенство. Они защищали отжившие общественные отношения, родовые и патриархально-феодальные порядки, выступали против свободомыслия, науки и просвещения. Духовенство, опираясь на религиозные догматы (ислам и другие религии), насаждало религиозность, поддерживало среди населения суеверия и невежество. Господствующие классы малых народов пытались внедрить в сознание трудящихся масс буржуазно-националистическую идеологию, выступали против революционного движения русского и собственных народов.

Развитию национальных культур, созданию национальных кадров способствовала передовая русская культура в лице ученых, педагогов, общественных и политических деятелей, просветителей, художников, артистов. Под влиянием русского освободительного и революционного движения, идей марксизма на территории многих национальных районов (Татарии, Чувашии, Башкирии, Дагестана, Удмуртии и т. д.) развивалась деятельность национальных революционеров. Рука об руку с русскими революционерами (чаще всего ссыльными) они поднимали на борьбу против феодально-помещичьих и буржуазных порядков трудящихся национальных районов России. С конца 80-х годов в Поволжье и Приуралье, на Северном Кавказе, в Удмуртии и многих других районах распространялись сначала народнические, а затем марксистские идеи.

В начале XX в. на территории Северного Кавказа, Дагестана, Осетии и других районов Кавказа возникли социал-демократические группы, которые вели пропаганду научного социализма среди горского населения. Борьбу против царизма возглавили выдающиеся большевики Дагестана и Чечено-Ингушетии К. М. Агасиев, У. Д. Буйнакский и Г. С. Ахриев. Большую работу среди местного населения Севера, Сибири проводили политические ссыльные-революционеры. В 80-е годы в Якутии отбывал ссылку

В. Г. Короленко, написавший произведения, полные сочувствия к судьбе якутского народа. Огромное влияние на развитие малых народов оказали революционные события в России 1905—1907 гг.

Культура этих народов, развивавшаяся под влиянием передовой русской культуры, выдвинула своих замечательных представителей. Первыми мыслителями Татарии были демократы писатель Каюм Насыри и поэт М. Умитбаев, Дагестана — просветители М. Алибеков и Г. Саидов, Бурятии — ученый Доржи Банзаров. Видными просветителями марийского народа были ученый-этнограф Т. С. Семенов и просветитель-демократ В. П. Васильев. Развитию национального самосознания способствовал видный чувашский просветитель И. Я. Яковлев (1848—1930). Им были заложены основы для развития национальной литературы, разработан алфавит на родном языке, изданы многие книги для чувашского народа.

Выдающимися представителями общественной мысли, передовой идеологии и национальной культуры татарского народа были революционеры-демократы — народный поэт Габдулла Тукай (1886—1913), драматург Галиаскар Камал (1878—1933). Крупный вклад в развитие татарской и башкирской литературы внес поэт и драматург Мажит Гафури (1880—1934).

Первая русская революция дала новый стимул развитию национальных литератур. В 1906—1907 гг. представителями демократической интеллигенции издавалась первая чувашская газета «Хыпар» («Вести»), где печатались революционные стихи, сатирические и другие художественные произведения поэта-революционера Тайра Тимки (Т. С. Семенова), драматурга и сатирика М. Ф. Акимова и др. Вершиной дореволюционной чувашской поэзии явилась поэма «Нарспи» классика национальной литературы К. В. Иванова (1890—1915).

В начале XX в. зарождается национальная марийская литература. Под руководством В. П. Васильева на родном языке издается ежегодник «Марла Календарь» (марийский календарь) — издание просветительского характера, помещавшее, помимо статей по общественно-политическим вопросам, публицистические и художественные произведения. Первым крупным писателем марийского народа был С. Г. Григорьев-Чавайн — основоположник национальной художественной литературы.

В период первой русской революции 1905—1907 гг. появляется письменная якутская литература; первым якутским ученым-языковедом А. С. Новгородовым на базе русской графики создается якутский алфавит. В конце XIX — начале XX в. были изданы сборники лучших произведений фольклора, народной литературы и словари якутского языка («Верхоянский сборник», 1890, «Образцы народной литературы якутов» в 3-х томах, 1907—1918, «Словарь якутского языка», 1907, т. I). В 1907—1909 гг. в Якутии издаются газеты «Якутский край», «Якутская жизнь», в 1912—1919 гг. — журнал «Голос якута», где сотрудничали первые якутские литераторы.

Видными представителями якутской литературы были поэт, языковед и собиратель фольклора А. Е. Кулаковский и драматург, поэт и писатель А. И. Софронов. Первый якутский комедиограф — писатель Н. Д. Неустроев критиковал социальные основы якутского общества, местных богачей, шаманов, колониальные порядки царских властей, с сочувствием рисовал жизнь якутского трудового народа.

Замечательным народным поэтом Дагестана был Сулейман Стальский (1869—1937) — один из крупнейших представителей народного поэтического творчества. Оценивая роль Стальского в развитии фольклора, М. Горький назвал его «Гомером XX века».

Многим народам, не имевшим своей письменности (народам Севера, Северного Кавказа и др.), устное поэтическое творчество заменяло письменную литературу. Из поколения в поколение передавались сказки, мифы, сказания, исторические песни, былины, легенды, загадки, а также рассказы о героических подвигах народных богатырей, защитников от чужеземных поработителей. Эпосом адыгейцев, абхазцев, осетинов, черкесов являются «Нартские сказания». Среди народов юга Сибири и Хакассии с древнейших времен бытовал героический эпос — «Алтын Арыг», «Албынжи» и т. д.

В начале XX в. у некоторых народов появляются зачатки профессионального театрального искусства. В 1906 г. состоялся первый публичный спектакль на татарском языке. В 1913 г. силами учащихся Симбирской чувашской учительской школы была осуществлена постановка оперы «Иван Сусанин». Декорации к опере с большим мастерством выполнил поэт и талантливый художник К. В. Иванов. Учеником вели-

кого русского режиссера и актера К. С. Станиславского был народный артист Чувашской АССР Е. А. Токмаков (1884—1969).

В конце XIX в. у некоторых народов зарождается профессиональное изобразительное искусство. Так, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества в классе известного русского скульптора С. М. Волнухина получил образование выдающийся деятель культуры мордовский скульптор С. Д. Эрьзя (Нефедов, 1876—1959).

* * *

Развитие культуры в XIX — начале XX в. в конечном итоге определялось теми экономическими, социальными и политическими процессами, которые происходили в жизни России.

Наука, литература, искусство развивались под влиянием нараставшего революционного движения в стране, начавшегося с восстания декабристов и завершившегося в Октябре 1917 г. под руководством партии большевиков победой социалистической революции. Это и определило идейно-художественное своеобразие передовой литературы и искусства, отразивших величайшие сдвиги в развитии человеческого общества.

В течение указанного периода шел неуклонный процесс демократизации культуры. Лучшие представители творческой интеллигенции ощущали тесную духовную связь с народом, правдиво отражали его жизнь и поднимали в своих произведениях важнейшие общественные и социальные вопросы. Для них были характерны любовь к родной земле, вера в великое будущее народа, осознание своего высокого общественного призвания.

Одна из самых главных тем литературы и искусства — тема родины и народа — красной нитью проходит через лучшие произведения писателей, поэтов, музыкантов, художников, которые обращались к сложным и великим событиям истории, ставшим переломными в судьбах народа. Героические и освободительные идеи обогащали все виды и жанры искусства.

Смелость в постановке больших общественных вопросов и реализм в их отображении — характерная черта классической литературы и искусства XIX — начала XX в., достигших необычайного расцвета.

Искусство не только наполнилось новым содержанием, оно приобрело и совершенство эстетической формы; в ярких типических образах правдиво и широко отразилось многообразие общественной и социальной жизни России с ее сложностями и противоречиями.

Глубина и значительность идейного содержания, связь с передовыми общественными течениями, критика и отрицание устоев несправедливого общественного устройства, гуманизм, народность, патриотизм, высокая духовность, любовь и уважение к человеку выдвинули русскую литературу и искусство на одно из ведущих мест в мире, определили их всемирно-историческое значение.

Лучшие произведения художественной литературы переводились на иностранные языки. Уже при жизни Пушкина его творчество получило признание за пределами родной страны. Широчайшую известность и признание в мире приобрели произведения Тургенева, во многих европейских странах издавались книги Некрасова, Достоевского, Толстого, Горького, Чехова. Оперы Глинки, Чайковского исполнялись на сценах многих театров, весь мир обошли опера Мусоргского «Борис Годунов» и постановки русского балета.

Открытиями и изобретениями выдающегося значения ознаменовалось развитие русской науки и техники. На десятилетия опередили свое время труды Н. И. Лобачевского. Выдающиеся результаты были получены отечественными физиками. Их работы в первой половине XIX в. в области электричества способствовали обоснованию электромагнитной теории света, полной и точной формулировке закона сохранения и превращения энергии — одного из трех великих открытий XIX в. Величайшим завоеванием науки XIX в. было открытие Д. И. Менделеевым периодического закона химических элементов, который Ф. Энгельс охарактеризовал как одно из подтверждений законов материалистической диалектики. Теория химического строения вещества, созданная А. М. Бутлеровым, заложила основы современной органической химии.

Целый ряд замечательных открытий был сделан в биологии и физиологии. В начале XX в. К. Э. Циолковский обосновал теорию покорения космического пространства человеком. Достижения русских ученых, и в первую очередь величайшие открытия в области естествознания, способствовали утвержде-

нию материалистического направления в науке. Отечественное естествознание создавало существенные предпосылки и закладывало основы для восхождения научного творчества на высшую, принципиально новую ступень, на позиции диалектического и исторического материализма, которыми русская наука, основываясь на учении марксизма-ленинизма, прочно овладевает уже в советскую эпоху.

Замечательные представители русской науки и техники были настоящими энтузиастами своего дела, пламенными патриотами, посвятившими свою деятельность развитию производительных сил страны. Они стремились поставить научные изыскания и теоретические выводы на службу народному хозяйству, были инициаторами многих исследований по изучению богатств страны, фауны и флоры, ее климата, почв. Исследования в области математики, механики, химии и других наук находили применение в различных областях промышленности. Многие изобретения, прославившие русский технический гений, появились в нашей стране намного раньше, чем за рубежом. Россия является родиной величайшего технического изобретения — радио.

Достижения русских ученых, обогативших мировую науку, получили высокое признание международной научной общественности. Русские ученые избирались почетными членами иностранных научных обществ, академий, университетов, им присуждались высшие международные награды; они были участниками многих международных научных конгрессов, съездов.

Членом почти всех академий мира и почетным членом около ста научных учреждений был избран Д. И. Менделеев. Членом многих зарубежных академий был математик П. Л. Чебышев; К. А. Тимирязев, член Лондонского королевского общества, был также почетным доктором университетов в Глазго, Кембридже и Женеве, членом-корреспондентом Эдинбургского ботанического общества.

Всемирную известность и признание получила деятельность П. П. Семенова-Тян-Шанского, почетного члена многих географических и общественных учреждений Европы. Немало географических объектов названы его именем.

Имена ряда русских исследователей носят моря, острова, полуострова земного шара.

В 1879 г. Лондонское географическое общество присудило Н. М. Пржевальскому золотую медаль в знак признания его выдающихся заслуг перед географической наукой. Ему были присуждены награды и ряда других иностранных географических обществ.

Выдающиеся достижения русской науки были отмечены Нобелевской премией. В 1904 г. лауреатом этой премии стал физиолог И. П. Павлов, в 1908 г. — И. И. Мечников. Выдающемуся ученому А. Н. Крылову, первому из иностранцев в Англии была вручена золотая медаль (1895). За работу в области математики С. В. Ковалевской присудили премии Шведская и Парижская академии наук.

Изобретения, образцы русской промышленности неоднократно получали международные награды. Однако в условиях царской России изобретения новаторов медленно внедрялись в производство. Глубокий разрыв между передовыми научными исследованиями и проектами и их внедрением — характерная черта технического развития России. Главная причина того, что многие замечательные открытия и изобретения не могли быть осуществлены на родине и нередко впервые использовались за рубежом (такова судьба электрической лампочки — знаменитой свечи П. Н. Яблочкова, первого в мире трамвая на электрической тяге по схеме русского инженера Ф. А. Пироцкого и др.), коренилась не столько в слабой материально-технической базе, сколько в политическом строе России.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции были созданы благоприятные условия для развития науки и техники на благо народа. Деятельность многих выдающихся ученых, писателей, художников по-настоящему развернулась и расцвела после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Они внесли большой вклад в становление советской культуры. Лучшие прогрессивные достижения культуры XIX — начала XX в. наследует и развивает социалистическая культура.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1801—1825 — Царствование Александра I.

1801, 12 сентября — Присоединение Грузии к России.

1802, 8 сентября — Манифест об учреждении министерств в России.

1803, 20 февраля — Указ о «вольных хлебопашцах».

1803—1806 — Кругосветное путешествие русских мореплавателей под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского.

1805—1807 — Война России в союзе с Англией, Австрией и Пруссией против Франции.

1804—1813 — Война России с Ираном.

1806—1812 — Война России с Турцией.

1807, 25 июня (7 июля) — Мирный и союзный договор России и Франции в Тильзите.

1808—1809 — Война России со Швецией. Присоединение к России Финляндии и Аландских островов.

1810, 1 января — Учреждение Государственного совета.

1812, 16 мая — Мирный договор с Турцией в Бухаресте.

1812, 12(24) июня — Начало Отечественной войны.

1812, 22 июля (3 августа) — Сражение под Смоленском.

1812, 26 августа (6 сентября) — Бородинское сражение.

1812, 7 (19) октября — Отступление Наполеона из Москвы.

1812, 12 (24) октября — Сражение под Малоярославцем.

1812, 14—16 (26—28) ноября — Сражение при Березине.

1812, 21 декабря (4 января 1813) — Изгнание французских войск из пределов России.

1813, 1 января (12) — Переход русских войск через Неман.

1813, 16—19 (28—31) октября — Сражение при Лейпциге («Битва народов»).

1813, 5 (19) ноября — Гюлистанский мир.

1814, 19 (31) марта — Вступление союзных войск в Париж.

1814—1815 — Венский конгресс.

1815, 8(20) июля — Установление конституции Царства Польского.

1815, 14 (26) сентября — Договор о «Священном союзе» России, Австрии и Пруссии.

1816—1817 — Первая тайная политическая организация декабристов «Союз спасения».

1816—1819 — Положения об эстляндских, лифляндских и курляндских крестьянах.

1816—1817 — Введение военных поселений в России.

1818—1821 — Тайная революционная организация декабристов «Союз благоденствия».

1819, 22 июня — 18 августа — Восстание военных поселян в Чугуеве.

1820, 16—18 октября — Волнения в Семеновском полку.

1821—1825 — «Северное» и «Южное» тайные общества декабристов.

1823 — Возникновение «Общества соединенных славян».
1825, 14 декабря — Восстание декабристов в Петербурге.
1825, 29 декабря — 1826, 3 января — Восстание Черниговского полка.
1825—1855 — Царствование Николая I.
1826, 10 июня — Новый устав о цензуре.
1826, 3 июля — Учреждение III Отделения собственной е. и. в. канцелярии.
1826—1828 — Война России с Ираном.
1828, 10 (22) февраля — Туркманчайский мирный договор России с Ираном.
1828—1829 — Война России с Турцией.
1829, 2(14) сентября — Мирный договор с Турцией в Адрианополе.
1830—1831 — Массовые («холерные») бунты в России.
1830, 17 (29) ноября — 1831, октябрь — Польское восстание.
1832 — Создание сословия потомственных и личных «почетных граждан».
1833, 26 июня (8 июля) — Ункяр-Искелессийский договор России с Турцией.
1834—1859 — Имамат Шамиля на Северном Кавказе.
1836 — Опубликование «Философического письма» П. Я. Чаадаева.
1837, 30 октября — Открытие железной дороги Петербург — Павловск — Царское Село.
1839—1843 — Проведение денежной реформы.
1842, 2 апреля — Указ об «обязанных крестьянах».
1845—1849 — Кружок М. В. Буташевича-Петрашевского.
1846—1847 — Кирилло-Мефодиевское общество на Украине.
1847—1848 — Проведение инвентарной реформы на Правобережной Украине и в Белоруссии.
1848, 7 ноября — Указ о праве крестьян выкупаться на волю с торгов.
1851 — Открыта железная дорога Москва — Петербург.
1853—1856 — Крымская война.
1854, сентябрь — 1855, август — Оборона Севастополя.
1854—1855 — Крестьянские волнения в связи с призывом в морское и сухопутное ополчения.
1855 — Выход в свет первого номера «Полярной звезды» А. И. Герцена и Н. П. Огарева.
1855—1881 — Царствование Александра II.
1856, 18 (30) марта — Парижский мир.
1857, 3 января — Открытие Секретного комитета по крестьянскому делу.
1856 — Основание в Москве П. М. Третьяковым музея русского искусства.
1857, 1 июля — Выход в свет первого номера газеты «Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарева.
1859—1861 — Революционная ситуация в России.
1858, 4 марта — Учреждение редакционных комиссий для выработки проекта «Положения» о крестьянах.
1861, 19 февраля — Подписание Манифеста и «Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».
1861—1863 — Подъем крестьянского движения в связи с реформой 1861 г.
1861—1862 — Кружок «Великорусс».
1861—1863 — Общество «Земля и воля».
1862, 1866 — Открытие Петербургской и Московской консерваторий.
1863, январь — Восстание в Польше.
1863, 17 апреля — Указ об отмене телесных наказаний.
1863, 18 июня — Новый университетский устав.
1863, 20 июня — Положение о поземельном устройстве удельных крестьян.
1864, 1 января — «Положение о губернских и уездных земских учреждениях».
1864, 19 февраля (2 марта) — Указы об административном и поземельном устройстве крестьян в Польше.
1864, 14 июля — Крестьянская реформа в Тифлисской губернии.
1864, 20 ноября — Судебные уставы.
1865, 6 апреля — Временные правила о печати.
1866 — Закрытие журналов «Современник» и «Русское слово».
1866, 18 января и 24 декабря — Положения о поземельном и административном устройстве государственных крестьян.
1870, май — Стачка на Невской бумагопрядильне.
1870, 16 июня — Городовое положение.
1870 — Основание «Товарищества передвижных художественных выставок».
1871, 1 (13) марта — Лондонская конференция держав, отмена ограничительных статей Парижского мира 1856 г.
1872 — Выход в свет I тома «Капитала» К. Маркса на русском языке.
1872, август—сентябрь — Стачка на Кренгольмской мануфактуре.
1873, апрель — Договор между Россией, Германией и Австро-Венгрией.
1874, 1 января — Устав о воинской повинности.
1874, 25 мая — Положение о начальных народных училищах.
1874 — Начало «хождения в народ».
1875 — «Южнороссийский союз рабочих» (Одесса).
1876 — Возникновение революционной народнической организации «Земля и воля».
1877—1878 — Русско-турецкая война. Освобождение Болгарии.
1878, 18 февраля (3 марта) — Мирный договор России с Турцией в Сан-Стефано.
1878, 1 (13) июня — 1 (13) июля — Берлинский конгресс.
1878 — «Северный союз русских рабочих».
1879—1881 — Революционная ситуация в России.
1879, июнь — Липецкий и Воронежский съезды «Земли и воли».
1879, август — Раскол «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел».
1881, 1 марта — Убийство Александра II народовольцами.

1881—1894 — Царствование Александра III.
1881, 20 апреля — Манифест о незыблемости самодержавия.
1881, 6 (18) июня — Договор России с Австрией и Германией.
1881, 14 августа — «Положение о мерах сохранения государственного порядка и общественного спокойствия».
1881, 28 декабря — Положение и указ об обязательном выкупе крестьянских наделов и о понижении выкупных платежей.
1883 — Возникновение группы «Освобождение труда» в Женеве.
1882, 18 мая — Указы об учреждении Крестьянского земельного банка и постепенной отмене подушной подати.
1883 — Возникновение «Партии русских социал-демократов» (группы Д. Благоева).
1884, 23 августа — Реакционный университетский устав.
1885, 7—18 января — Стачка на Морозовской мануфактуре в Орехово-Зуеве.
1885, 3 июня — Учреждение Дворянского поземельного банка.
1886, 18 марта — Закон об ограничении семейных разделов.
1886, 3 июня — Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих.
1886, 12 июня — Положение о найме на сельскохозяйственные работы.
1887, 1 марта — Попытка покушения на царя Александра III.
1887 — Начало революционной деятельности В. И. Ленина.
1889 — Возникновение марксистской группы М. И. Бруснева в Петербурге.
1889 — Возникновение марксистской группы Н. Е. Федосеева в Казани.
1889, 12 июля — Положение о земских начальниках.
1890, 12 июня — новое «Положение о земских учреждениях».
1891—1905 — Строительство Сибирской железной дороги.
1891, 1 мая — Первая маевка в России.
1892, 11 июня — Новое «Городовое положение».
1894—1917 — Царствование Николая II.
1895 — Создание В. И. Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».
1895 — Изобретение А. С. Поповым электрической связи без проводов (радиосвязи).
1897, 3 января — Введение золотого обращения (денежная реформа С. Ю. Витте).
1897, 28 января — Первая всеобщая перепись населения в России.
1898, 1—3 марта — Первый съезд РСДРП в Минске.
1898, 14 октября — Открытие Художественного театра в Москве.
1899, март — Выход из печати книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».
1900, февраль — Возвращение В. И. Ленина из Сибирской ссылки.
1900, 16 июля — Отъезд В. И. Ленина за границу.
1900—1903 — Ленинская газета «Искра».
1901, 7 мая — Забастовка на Обуховском заводе в Петербурге («Обуховская оборона»).
1902, 9 марта — Массовая политическая демонстрация в Батуме.
1902, 2—26 ноября — Всеобщая стачка в Ростове.
1902 — Образование партии социалистов-революционеров (эсеров).
1903, июль — Всеобщая стачка на Юге России.
1903, 17 июля — 10 августа — Второй съезд РСДРП (в Брюсселе, затем в Лондоне).
1904—1905 — Русско-японская война.
1904, июль — Русско-германский торговый договор.
1904, 17 июля — 20 декабря — Оборона Порт-Артура.
1904, 13—31 декабря — Всеобщая стачка в Баку.
1905, 9 января — Кровавое воскресенье, начало первой буржуазно-демократической революции в России.
1905, 6—25 февраля — Сражение под Мукденом.
1905, 12—27 апреля — Третий съезд РСДРП в Лондоне.
1905, 14—15 мая — Морское сражение у острова Цусима.
1905, 14—24 июня — Восстание на броненосце «Потемкин».
1905, 12 мая — 1 июня — Всеобщая стачка в Иваново-Вознесенске. Образование первого Совета рабочих депутатов.
1905, 31 июля — 1 августа — Первый съезд Всероссийского крестьянского союза в Москве.
1905, 23 августа (5 сентября) — Портсмутский мирный договор с Японией.
1905, 7 октября — Начало Всероссийской политической стачки.
1905, 12—18 октября — Учредительный съезд конституционно-демократической (кадетской) партии в Москве.
1905 — Манифест 17 октября («Об усовершенствовании государственного порядка») Николая II.
1905, 9—19 декабря — Вооруженное восстание в Москве.
1906, 27 апреля — 8 июля — I Государственная дума.
1906, 9 ноября — Указ о выходе крестьян из общины (начало Столыпинской аграрной реформы).
1907, 20 февраля — 2 июня — II Государственная дума.
1907, 30 апреля — 19 мая — Пятый (Лондонский) съезд РСДРП.
1907, 3 июня — Третьеиюньский государственный переворот: разгон второй Государственной думы, новый избирательный закон. Конец революции 1905—1907 гг.
1907, 1 ноября — 1912, 9 июня — III Государственная дума.
1908—1909 — Боснийский кризис.
1910, 14 июня — Закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении».

1910, 6(19) августа — Потсдамское соглашение между Россией и Германией.

1912, 4 апреля — Ленский расстрел.

1912, 5 мая — Первый номер большевистской легальной газеты «Правда».

1912, 15 ноября — 1917, 6(19) октября — IV Государственная дума.

1912, 9 сентября — 1913, 30 мая — Первая Балканская война.

1913, 29 июня — 10 августа — Вторая Балканская война.

1914, июль — Всеобщая стачка и баррикадные бои в Петербурге.

1914, 19 июля (1 августа) — Объявление Германией войны России. Начало первой мировой войны.

1914, 24 июля (6 августа) — Объявление Австро-Венгрией войны России.

1914, 4 августа — 2 сентября — Восточно-прусская операция.

1914, 20 октября (2 ноября) — Вступление Турции в войну с Россией.

1915, март—апрель — Соглашение России с Англией и Францией о Черноморских проливах.

1915, август — Возникновение «Прогрессивного блока» (блока буржуазных партий в IV Государственной думе).

1916, 22 мая — 31 июля — Наступление русских войск на Юго-Западном фронте (Брусиловский прорыв).

1916, 27 августа — Вступление Румынии в войну.

1917, 23 февраля — Демонстрация петроградских работниц и рабочих против голода, войны и царизма.

1917, 25 февраля — Всеобщая политическая забастовка в Петрограде.

1917, 26 февраля — Начало перехода войск на сторону революции.

1917, 27 февраля — Вторая буржуазно-демократическая революция в России: свержение самодержавия, образование Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, образование Комитета Государственной думы.

1917, 2 марта — Образование Временного буржуазного правительства. Отречение Нпколая II от престола.

1917, 3 апреля — Возвращение В. И. Ленина в Петроград из эмиграции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Литература и источники ко всему курсу

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов). — Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—346. — Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПб., 1894 — Там же, с. 347—534. — От какого наследства мы отказываемся? — Полн. собр. соч., т. 2, с. 505—550. — Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3. — Гонители земства и Аннибалы либерализма. — Полн. собр. соч., т. 5, с. 21—72. — Аграрная программа русской социал-демократии. — Полн. собр. соч., т. 6, с. 303—348. — Аграрный вопрос в России к концу XIX в. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 57—137. — Памяти Герцена. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 255—262. — Роль сословий и классов в освободительном движении. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 397—399. — Из прошлого рабочей печати в России. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 93—101. — О национальной гордости великороссов. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 106—110.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, в 5-ти т. 2-е изд. М., 1979, т. 1—2.

Андреева Н. Ф., Машкова М. В. Русская периодическая печать. (Общие и отраслевые библиогр. указатели, 1703—1975). Аннотир. указатель. М., 1977. — История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965. — История исторической науки в СССР: Советский период, Октябрь 1917—1967 гг. Библиография. М., 1980. — История СССР. Аннотир. перечень рус. библиографий, изд. до 1965 г. 2-е изд. М., 1966. — *Кауфман М. М.* Русские биографические и биобиблиографические словари. М., 1955. — *Лисовский Н. М.* Библиография русской периодической печати 1703—1900 гг. (Материалы для истории рус. журналистики). Пг., 1915. — *Межов В. И.* Русская историческая библиография: Указатель книг и статей по рус. и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800—1854 включительно. СПб., 1892—1893, т. 1—3 (изд. не было закончено). — *Межов В. И.* Русская историческая библиография за 1865—1876 гг. включительно. СПб., 1882—1890, т. 1—8. — Русская периодическая печать (1702—1894): Справочник. М., 1959. Справочники по истории дореволюционной России: Библиогр. указатель. 2-е изд., пересмотр. и доп. М., 1978. — *Шапиро А. Л.* Библиография истории СССР. М., 1968.

Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. М., 1970. — Историография истории СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 2-е изд., испр. и доп. М., 1971. — *Сахаров А. М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1874—1909, т. 1—15. — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (1649—1825 гг.). СПб., 1830, т. 1—45; собр. 2-е (1825—1881 гг.). СПб., 1830—1884, т. 1—55; собр. 3-е (1881—1913 гг.). СПб., 1885—1916, т. 1—33. — Хрестоматия по истории СССР, 1861—1917: Пособие для учителей Сост. С. С. Дмитриев, Р. Г. Эймонтова. М., 1970.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. — Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в./Отв. ред. Н. С. Киняпина. М., 1978. — *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд., испр. и доп. М., 1968. — История Азербайджана, в 3-х т. Баку, 1958 — 1960, т. 1—2. — История Белорусской ССР. Минск, 1977. — История Грузии, в 3-х т. 1962—1973, т. 1—2. — История дипломатии, в 5-ти т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1959—1965, т. 1—3. — История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней, в 5-ти т. Алма-Ата, 1979, т. 2—3. — История Киргизской ССР, в 2-х т. Фрунзе, 1968; т. I. С древнейших времен до Февральской революции 1917 г. — История Коммунистической партии Советского Союза, 5-е изд., доп. М., 1980. — История Латвийской ССР. 2-е изд., перераб. и доп. Рига, 1971. — История Литовской ССР. С древнейших времен до наших дней. Вильнюс, 1978. — История Молдавской ССР, в 2-х т. 2-е изд., перераб. и доп. Кишинев, 1965; т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. — История Сибири с древнейших времен до наших дней, в 5-ти т. Л., 1968—1969, т. 2—3. — История СССР, 2-е изд., перераб. и доп. М., 1964—1965; т. 1. С древнейших времен до 1861 г.; т. 2. 1861—1917. — История СССР. 3-е изд., испр. и доп. М., 1954; т. 2. Россия в XIX в. Кризис феодализма. Утверждение капитализма. — История СССР с древнейших времен до наших дней, в 2-х сериях, в 12-ти т. М., 1967—1968, т. 4—6. — История таджикского народа. М., 1964; т. 2, кн. 2. Поздний феодализм (XVII в. — 1917 г.). — История Туркменистана. Ашхабад, 1966. — История Узбекской ССР, в 4-х т. Ташкент, 1967—1968, т. 1—2. — История Украинской ССР, в 2-х т. Киев, 1969; т. 1. С древнейших времен до 1917 г. — История Эстонской ССР, в 3-х т. Таллин, 1961—1974, т. 1—3. — *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок, XVIII — нач. XX в. Опыт количеств. анализа. М., 1974. — *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. Избр. труды. М., 1961. — *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России, 1861—1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. — Краткая история рабочего движения в России (1861—1917 гг.). М., 1961. — *Лаверычев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России, 1861—1900. М., 1974. — *Парсамян В. А.* История армянского народа. Ереван, 1972; кн. 1. 1801—1900 гг. — *Корнилов А. А.* История России в XIX веке. М., 1918, т. 1—3. — *Першин П. Н.* Аграрная революция в России, в 2-х кн. М., 1966; кн. 1. От реформы к революции. — *Туган-Барановский М.* Русская фаб-

рика в прошлом и настоящем. 7-е изд. М., 1938; т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX в.

Литература и источники к части 1-й

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского м-ва иностр. дел. Серия 1, 1801—1815 гг. М., 1960—1972, т. 1—8; — то же. Серия 2, 1815—1830 гг. М., 1974—1979, т. 1—3 (изд. продолжается). — *Федоров В. А.* Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период капитализма). Первая половина XIX века. М., 1974. — *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.—Л., 1946—1958, т. 1—2. — *Дьяков В. А.* Освободительное движение в России 1825—1861 гг. М., 1979. — *Киняпина Н. С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. — ее же. Политика русского самодержавия в области промышленности (20—50-е годы XIX в.) М., 1968. — *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. — *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX в. Л., 1956. — *его же.* Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX в. Л., 1957. — *Федоров В. А.* Крестьянское движение в Центральной России, 1800—1860. М., 1980. — *Полиевктов М. А.* Николай I: Биография и обзор царствования. М., 1918. — *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I: Ист. очерки. 3-е изд., с доп. СПб., 1900. — *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888, т. 2. — *Соловьев С. М.* Император Александр I: Политика — дипломатия. СПб., 1877.

К гл. 1: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902, т. 1. — Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959. — *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. — *Федоров В. А.* Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974.

К гл. 2: *Ленин В. И.* Несчастный мир. — Полн. собр. соч., т. 35, с. 382—383. — Главная задача наших дней. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 78—82. —

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. — Основные законодательные акты, касающиеся высших государственных учреждений в России XVIII и первой четверти XIX столетий. М., 1909. — *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М., 1966. — *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л., 1957. — *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807 гг.). М., 1962.

К гл. 3: *Ленин В. И.* О брошюре Юниуса. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 1—16 (с. 5—6). — *Ленин В. И.* Заметки из истории войн Наполеона с Германией. — Ленинский сборник XI, с. 49—50.

Давыдов Д. В. Сочинения. М., 1962. (См. «Дневник партизанских действий 1812 г.» и др.). — *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). СПб., 1882. — *Ермолов А. П.* Записки. М., 1865—1868, ч. 1—2 (с прил.). — М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1950—1956, т. 1—5. — Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сб. документов. М., 1962. — Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. документов. М., 1962. — Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сб. документов. М., 1964.

Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1968. — *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. 2-е изд., испр. и доп. М., 1974. — *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859—1860, т. 1—3. — Отечественная война и русское общество. М., 1911—1912, т. 1—7.

К гл. 4: *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972.

К гл. 5: Воспоминания Бестужевых. М.—Л., 1951. — Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931—1933, т. 1—2. — Восстание декабристов. Документы. М.—Л., 1925—1980, т. 1—17 (изд. продолжается). — *Горбачевский И. И.* Записки, письма. М., 1963. — Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. — Движение декабристов. Библиография, 1928—1959/Сост. Р. Г. Эймонтова. Под общ. ред. М. В. Нечкиной. М., 1960. — *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. (В прил.: Проект конституции Н. М. Муравьева.). — *Ланда С. М.* Дух революционных преобразований, 1816—1825. М., 1975. — *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955, т. 1—2. — *Нечкина М. В.* День 14 декабря 1825 года. М., 1975. — *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

К гл. 6: *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература, 1826—1855 гг. СПб., 1909.

К гл. 7: *Плеханов Г. В.* Соч. М.—Л., 1926; т. 23. История русской общественной мысли в XIX в. Кн. 1. Западники и славянофилы.

Анненков П. В. Замечательное десятилетие, 1838—1848.— В кн.: *Анненков Л. В.* Литературные воспоминания. М.—Л., 1960. — В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. — Белинский и его корреспонденты. М., 1948. — *Герцен А. И.* Дневник 1842—1845. — Былое и думы. — Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954—1957; т. 2, 8—11. — А. И. Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956. — Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897, т. 1—2. — Дело петрашевцев. М.—Л., 1937—1951, т. 1—3. — *Кошелев А. И.* Записки (1812—1883 гг.). Берлин, 1884. — *Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы. — Полн. собр. соч., в 15-ти т. М., 1947, т. 3. — *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. Москва 40-х годов. М., 1929.

Летопись жизни и творчества А. И. Герцена, 1812—1850. М., 1974.

Нечаева В. С. В. Г. Белинский: Жизнь и творчество, 1842—1848. М., 1967. — *Федосов И. А.* Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М., 1958. — *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов. СПб., 1906.

К гл. 8: *Маркс К., Энгельс Ф.* Национальности в Турции. — Соч. 1-е изд., т. IX, с. 371—378. — *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 255—320. — *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 113—150.

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею: Архив главного управления наместника Кавказского. Тифлис, 1868—1888, т. 1—12. — *Смирнов Н. А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

К гл. 9: *Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. т. 7, с. 5—110. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Британская политика. — Дизраэли. — Эмигранты. — Мадзини в Лондоне. — Турция. — Соч. 2-е изд., т. 9, с. 1—10. — *Маркс К.* Лорд Пальмерстон. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 357—425. — *Энгельс Ф.* Действительно спорный пункт в Турции. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 11—15. — *Энгельс Ф.* Турецкий вопрос. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 20—26. — *Энгельс Ф.* Что будет с европейской Турцией? — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 31—36. — *Ленин В. И.* Под чужим флагом. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 131—154.

Героическая оборона Севастополя в 1854—1855 гг. — Ист. архив, 1955, № 6. — П. С. Нахимов. Документы и материалы. М., 1954. — *Пирогов Н. И.* Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. — *Тотлебен Э.* Описание обороны Севастополя. СПб., 1863—1872, ч. 1—2.

Адмирал Нахимов. Статьи и очерки. М., 1954. — *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. М., 1975. — *Ибрагимбейли Х. М.* Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. и международные отношения. М., 1971. — *Семенов Л. С.* Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975. — *Тарле Е. В.* Крымская война. Соч. М., 1959, т. 8—9.

Богданович М. И. Восточная война 1853—1856 гг. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1877, т. 1—4. — *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. — *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1912, т. 1—2 и прил. — *Татищев С. С.* Внешняя политика имп. Николая I. СПб., 1887.

Литература и источники к части 2-й

Вдовин В. А. Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период капитализма). Вторая половина XIX века. М., 1975. — *Феоктистов Е. М.* Воспоминания. За кулисами политики и литературы, 1848—1896. Л., 1929. — *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе, 1861—1880 гг. М., 1978. — История рабочего класса России, 1861—1900. М., 1972. — *Киняпина Н. С.* Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974. — *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. — *Татищев С. С.* Император Александр II. СПб., 1907, т. 1—2.

К гл. 10: *Маркс К.* Вопрос об отмене крепостного права в России. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 605—608. — *Маркс К.* Об освобождении крестьян в России. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 692—701. — *Ленин В. И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма. — Полн. собр. соч., т. 5, с. 21—72. — *Ленин В. И.* Пятидесятилетие падения крепостного права. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 139—142. — *Ленин В. И.* По поводу юбилея. — Там же, с. 161—170. — *Ленин В. И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. — Там же, с. 171—180.

* * *

«Голоса из России». Сб. А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. 1—9. Факсимильное изд. в 3-х вып. М., 1974—1976. Вып. 4 — Коммент. и указатели. — Дело Н. Г. Чернышевского. Сб. документов. Саратов, 1968. — Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. Л., 1961. — «Колокол». Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография, 1857—1867. Лондон — Женева. Факсимильное изд. М., 1962—1964, вып. 1—11. — Крестьянская реформа в России 1861 г. Сб. законодательных актов. М., 1954. — Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права. Донесения свитских генералов и флигель-адъютантов, губернских прокуроров и уездных стряпчих. М.—Л., 1949, ч. 1—2. — Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы, 1861—1862. М.—Л., 1950. — «Полярная звезда». Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В 8-ми кн., 1855—1869. Вольная русская типография. Лондон — Женева. Факсимильное изд. Кн. 9. Приложения. М., 1968. — *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары. Пг., 1915—1916, т. 3—4. — *Чернышевский Н. Г.* Барским крестьянам от их доброжелателей поклон. — Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 16 (доп.), с. 947—953. — *Чернышевский Н. Г.* Устройство быта помещичьих крестьян. Труден ли выкуп земли? — Полн. собр. соч., т. 5. — Чернышевский Н. Г. Письма без адреса. — Полн. собр. соч., т. 10. — Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958—1959, т. 1—2. — *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания. М., 1968, т. 1—2.

Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. 3-е изд. М., 1968. — *Зайончковский П. А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. — *Китаев В. А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50—

60-х гг. XIX в. М., 1972. — *Кружков В. С.* Н. А. Добролюбов. Жизнь — деятельность — мировоззрение. М., 1976. — *Линков Я. И.* Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 1860-х гг. М., 1964. — *Литвак Б. Г.* Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр, 1861—1895. М., 1972. — *Найденов М. Е.* Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955. — *Нечкина М. В.* Встреча двух поколений. М., 1980. — *Порох И. В.* Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963. — Революционная ситуация в России в середине XIX в. Коллективная монография/Под ред. акад. *М. В. Нечкиной.* М., 1978. — *Рудницкая Е. Л.* Н. П. Огарев в русском революционном движении. М., 1969. — *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII—XIX вв. и Вольная печать. М., 1973.

Иванюков И. И. Падение крепостного права в России. СПб., 1882. — *Корнилов А. А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905. — *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II (1855—1881). Исторические очерки. М., 1909. — *Лемке М. К.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. — *Янсон Ю. Ю.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах СПб., 1881.

К гл. 11: *Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961, т. 1—2. — *Кони А. Ф.* Собр. соч. в 8-ми т. М., 1966, т. 1—2. — *Милютин Д. А.* Дневник. М., 1947—1950. т. 1—4.

Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957. — *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. 10-е изд., посмертн., доп. СПб., 1907. — *Лемке М. К.* Эпоха цензурных реформ, 1859—1865 гг. СПб., 1904.

К гл. 12: *Берви-Флеровский Н. Н.* Избр. экономические произведения. М., 1958; в 2-х т.; т. 1. Положение рабочего класса в России. — *Энгельгардт А. Н.* Из деревни: 12 писем, 1872—1887. М., 1960. — *Янжул И. И.* Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. — *Нифонтов А. С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. — *Рындзюнский П. Г.* Утверждение капитализма в России. 1850—1880-е гг. М., 1978. — *Тихонов Б. В.* Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978.

Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897. — *Погожев А. В.* Учет численности и состава рабочих России. Материалы по статистике труда. СПб., 1906. — *Сабуров П.* Материалы для истории русских финансов, 1866—1897. СПб., 1899.

К гл. 13: *Ленин В. И.* От какого наследства мы отказываемся? — Полн. собр. соч., т. 2, с. 505—550. — *Ленин В. И.* Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. — Полн. собр. соч., т. 12, с. 39—48. — *Ленин В. И.* О народничестве. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 304—308.

Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения 1873—1875 гг. Л., 1970. — *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов по личным воспоминаниям. 2-е изд., испр. и доп. Пг., 1924. — Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. — *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966. — *Лавров П. А.* Философия и социология. Избр. произведения. 1965, т. 1—2. — *Морозов Н. А.* Повести моей жизни: Мемуары. М., 1965, т. 1—2. — Народническая экономическая литература: Избр. произведения. М., 1958. — Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Сб. документов и материалов, в 2-х т. М.—Л., 1964—1965, т. 1—2. — *Степняк-Кравчинский С. М.* Подпольная Россия. М., 1960. — *Ткачев П. Н.* Соч., в 2-х т. М., 1975—1976, т. 1—2. — *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания, в 2-х т. М., 1964, т. 1—2.

Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. — *Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начала 80-х годов XIX в. М., 1979. — *Виленская Э. С.* Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965. — *Волк С. С.* Народная воля, 1879—1882. М.—Л., 1966. — *Итенберг Б. С.* Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964. — *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60—70-е гг. XIX в. М., 1958. — *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966. — *Смирнов А. Ф.* Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963. — *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х гг. М., 1969. — *Ткаченко П. С.* Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876—1879 гг.). М., 1961. — *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871—1880 гг. Саратов, 1976. — *Филиппов Р. В.* Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863—1874). Петрозаводск, 1967. — *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.

К гл. 14: *Анучин Д. Г.* Берлинский конгресс 1878 г. (Дневник, веденный на месте Д. Г. Анучиным). СПб., 1912. — *Верещагин В. В.* На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. М., 1902. — *Игнатьев Н. П.* Сан-Стефано. Записки. Пг., 1916, т. 1—2. — *Ламздорф В. Н.* Дневник (1886—1890). М.—Л., 1926. — Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х т. М., 1961—1967, т. 1—3. — Россия и национально-освободительная борьба на Балканах, 1875—1878. Сб. документов. М., 1978.

Виноградов В. И. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. — *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и подвиг освободителей. София, 1979. — *Гросул В. Я.* Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М., 1980. — *Жигарев С. А.* Русская политика в восточном вопросе. М., 1896, т. 1—2. — *Никитин С. А.*

Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-х гг. XIX в. М., 1970. — Русско-турецкая война 1877—1878 гг./Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.

К гл. 15: Присоединение Туркмении к России. Сб. архивных документов. Ашхабад, 1960.

Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966. — *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965. — *Шоинбаев Т. Ж.* Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973.

К гл. 16: *Ленин В. И.* Новый фабричный закон. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 263—314.

Белоконский И. В. В годы бесправия. М., 1930. — *Милютин Д. А.* Дневник. М., 1950; т. 4, 1881—1882. — *Победоносцев К. П.* Письма к Александру III. [М.], 1925—1926, т. 1—2. — *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966, т. 1—2.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

К гл. 17: *Герасимов В. Г.* Жизнь русского рабочего. Воспоминания. М., 1978. — *Плеханов Г. В.* Русский рабочий в революционном движении (по личным воспоминаниям). М., 1940. — *Федосеев Н. Е.* Статьи и письма. М., 1958.

Корольчук Э. А. «Северный союз русских рабочих» и рабочее движение 70-х гг. XIX в. в Петербурге. М., 1971. — *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России, 1883—1894 гг. М., 1959. — *Казакевич Р. А.* Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х — начала 90-х гг. (Кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева). Л., 1960. — *Шуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975.

Литература и источники к части 3-й

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (Популярный очерк). — Полн. собр. соч., т. 27, с. 299—426. — *Ленин В. И.* Тетради по империализму. — Полн. собр. соч., т. 28. — *Ленин В. И.* О статистике стачек в России. — Полн. собр. соч., т. 19, с. 377—406. — *Ленин В. И.* Землевладение в Европейской России. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 263—266. — *Ленин В. И.* Политические партии в России. — Там же, с. 275—287. — *Ленин В. И.* Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы. — Там же, с. 380—386.

Витте С. Ю. Воспоминания, в 3-х т. М., 1960, т. 1—3. — *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1959, т. 1—2. — *Извольский А. П.* Воспоминания. Пг.—М., 1924 (пер. с англ.). — Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878—1917. Серия 2, 1900—1913. М.—Л., 1938—1940, т. 18—20; серия 3, 1914—1917. М.—Л., 1931—1938, т. 1—10, (изд. не закончено). — *Мицкевич С. И.* Революционная Москва, 1888—1905. М., 1940. — *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907—1916 гг. М., 1924, т. 1.

Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. — *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. — *Давидович А. А.* Самодержавие в эпоху империализма (Классовая сущность эволюции абсолютизма в России). М., 1975. — *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967. — Об особенностях империализма в России. Материалы науч. сессии. М., 1963. — Пролетариат во главе освободительного движения в России (1895—1917 гг.). М., 1971. — *Сидельников С. М.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. — *Сидоров А. Л.* Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970. — *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. — *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977. — *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977. — *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1975; т. 1. Ленинские аграрные программы в трех русских революциях. — *Черменский Е. Д.* История СССР. Период империализма. 3-е изд., испр. и доп. М., 1974.

К гл. 18: *Ленин В. И.* Заработки рабочих и прибыль капиталистов в России. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 24—25. — *Ленин В. И.* Концентрация производства в России. — Там же, с. 41—42. — *Ленин В. И.* Рабочий день и рабочий год в Московской губернии. — Там же, с. 30—38. — *Ленин В. И.* Поправляется или беднеет крестьянство? — Полн. собр. соч., т. 23, с. 163—165. — *Ленин В. И.* Землеустройство и деревенская беднота. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 5—7. — *Ленин В. И.* Земельный вопрос в России. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 238—240. — *Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 151—199.

Монополии в металлургической промышленности России, 1900—1917. Документы и материалы. М.—Л., 1963. — Общий обзор главных отраслей черной и горнозаводской промышленности. Пг., 1915. — Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905, т. 1—2. — Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март — октябрь 1917 г. Документы и материалы. М.—Л., 1957—1967, ч. 1—3.

Ананьич Б. В. Россия и международный капитал, 1897—1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. — *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX — начало XX века). М., 1969. — *Бовыкин В. И.* Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. — *Вяткин М. П.* Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг. М.—Л., 1965. — *Вяткин М. П.* Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962. — *Горюш-*

кин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976.— *Дубровский С. М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. — *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России (Конец XIX — начало XX в.). М., 1979. — *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978. — *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976. — *Лившин Я. И.* Монополии в экономике России (Экон. организация и политика монополистич. капитала). М., 1961. — *Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. Землевладение, землепользование, система хозяйства. М., 1971. — *Погребинский А. П.* Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968.

К гл. 19: *Ленин В. И.* Рабочая партия и крестьянство. — Полн. собр. соч., т. 4, с. 429—437. — С чего начать? — Полн. собр. соч., т. 5, с. 1—13. — Новое побоище. — Там же, с. 14—19. — Ценное признание. — Там же, с. 73—80. — Уроки кризиса. — Там же, с. 81—86. — Проект нового закона о стачках. — Полн. собр. соч., т. 6, с. 399—408. — Самодержавие колеблется... — Полн. собр. соч., т. 7, с. 123—128. — К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы. — Полн. собр. соч., т. 7, стр. 129—203. — II съезд РСДРП. 17 (30) июля— 10 (23) августа 1903 г. — Там же, с. 259—312. — Земская кампания и план «Искры». — Полн. собр. соч., т. 9, с. 75—98. — Самодержавие и пролетариат. — Там же, с. 126—136.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России, 1900—1903 гг. Сб. документов, в 3-х т. М., 1969—1970, т. 1—3. — Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями, 1903—1905 гг. Сб. документов, в 3-х т. М., 1974—1977, г. 1—3. — Рабочее движение в России в 1901—1904 гг. Сб. документов. Л., 1975.

Волин М. Ленинская «Искра». (1900—1903 гг.). М., 1964. — *Костин А. Ф.* Создание партии большевиков — поворотный пункт в истории русского и мирового рабочего движения. М., 1967. — *Ушаков А. В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России, 1895—1904. М., 1976.

К гл. 20: *Ленин В. И.* Самодержавие и пролетариат. — Полн. собр. соч., т. 9. с. 126—136. — Падение Порт-Артура. — Там же, с. 151 — 159. — Царский мир. — Там же, с. 230. — Разгром. — Полн. собр. соч., т. 10, с. 251—255.

Русско-японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925; — Дневник полковника С. А. Рашевского (Порт-Артур, 1904). М.—Л., 1954. — Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг. СПб., 1906.

История русско-японской войны, 1904—1905 гг. М., 1977. — *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907. 2-е изд. М.—Л., 1955.

К гл. 21: *Ленин В. И.* О революции 1905—1907 гг. Сборник. М., 1955. — Революция в России. — Полн. собр. соч., т. 9, с. 178. — Начало революции в России. — Там же, с. 201—204. — Пролетариат и крестьянство. — Там же, с. 341—346. — Европейский капитал и самодержавие. — Там же, с. 372—379. — Аграрная программа либералов. — Полн. собр. соч., т. 10, с. 44—52. — Демократические задачи революционного пролетариата. — Там же, с. 270—277. — Первые шаги буржуазного предательства. — Там же, с. 291—297. — «Революционеры» в белых перчатках. — Там же, с. 298—303. — Борьба пролетариата и холопство буржуазии. — Там же, с. 310—316. — Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти. — Полн. собр. соч., т. 11, с. 149—158. — Бойкот булыгинской Думы и восстание. — Там же, с. 166—174. — «Единение царя с народом и народа с царем». — Там же, с. 179—188. — В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства? — Там же, с. 196—208. — Уроки московских событий. — Там же, с. 376—385. — Первая победа революции. — Полн. собр. соч., т. 12, с. 27—35. — Победа кадетов и задачи рабочей партии. — Там же, с. 271—352. — Крестьянская или «Трудовая» группа и РСДРП. — Полн. собр. соч., т. 13, с. 95—98. — Роспуск Думы и задачи пролетариата. — Там же, с. 305—327. — Уроки московского восстания. — Там же, с. 369—377. — Опыт классификации русских политических партий. — Полн. собр. соч., т. 14, с. 21—27. — Революция и контрреволюция. — Полн. собр. соч., т. 16, с. 118—127. — Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Там же, с. 193—413. — К оценке русской революции. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 37—51. — Уроки революции. — Полн. собр. соч., т. 19, с. 416—424. — Доклад о революции 1905 года. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 306—328.

Аграрный вопрос в Совете министров (1906). М.—Л., 1924. — *Васильев-Южин М. И.* В огне первой революции. М., 1955. — Законодательные акты переходного времени, 1904—1908 гг. Сб. законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России. 3-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1909. — Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1956, ч. 1—3. — Первая русская... Сб. воспоминаний активных участников революции 1905—1907 гг. М., 1975. — Первая русская революция и ее историческое значение. Сб. документов и материалов. М., 1975. — Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. М.—Л., 1955—1965. — Революция 1905—1907 гг. Документы и материалы. М., 1975. — Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г. Документы и материалы. М., 1957.

Демочкин Н. Н. Советы 1905 года — органы революционной власти. М., 1963. — *Ерман Л. К.* Интел-

лигенция в первой русской революции. М., 1966. *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. — *Кириллов В. С.* Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905—1907). М., 1976. — *Климов П. И.* Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905—1907 гг. М., 1960. — Революция 1905—1907 гг. М., 1975. — Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение. Сб. статей. М., 1955—1956, ч. 1—2. — *Сенчакова Л. Т.* Боевая рать революции. Очерк о боевых организациях РСДРП и рабочих дружинах 1905—1907 гг. М., 1975. — *Сидельников С. М.* Образование и деятельность I Государственной думы. М., 1962. — *Спиридонов И. В.* Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М., 1955. — *Томилов С. А.* Броненосец «Потемкин». Одесса, 1975. — *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1970. — *Шустер У. А.* Петербургские рабочие в 1905— 1907 гг. Л., 1976. — *Яковлев Н. Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 г. М., 1957. — *Яковлев Н. Н.* Народ и партия в первой русской революции. М., 1965.

К гл. 22: *Ленин В. И.* Политические заметки. — Полн. собр. соч., т. 16, с. 414—420. — Третья Дума.— Полн. собр. соч., т. 16, с. 139—149. — О «природе» русской революции. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 9—13. — Об оценке текущего момента. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 271—284. — Аграрные прения в III Думе. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 308—322. — На дорогу. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 354—365. — О «Вехах». — Полн. собр. соч., т. 19, с. 167—175. — Последнее слово русского либерализма. — Полн. собр. соч., т. 19, с. 176—183. — За что бороться? — Полн. собр соч., т. 19, с. 211—217. — Начало демонстраций. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 72—75. — Что делается в деревне? — Полн. собр. соч., т. 20, с. 76—78. — О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 186—207. — О значении кризиса. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 223—227. — Столыпин и революция. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 324—333. — Политические партии за 5 лет третьей Думы. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 167—172. — Политические партии в России. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 275—287. — Последний клапан. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 16—21. — К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 260—277.

Государственная дума. Стен. отчеты. СПб., 1908—1912; СПб., 1910; СПб., 1910—1911; СПб., 1911—1912. — *Калинычев Ф. И.* Государственная дума в России. Сб. документов и материалов. М., 1957.

Аврех А. Я. Столыпин и Третья дума. М., 1968. — *Добротвор Н. М.* Рабочие депутаты в III Государственной думе. Горький, 1957. — *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963. — *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. — *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.

К гл. 23: *Ленин В. И.* VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП, 5—17 (18—30) января 1912 г.— Полн. собр. соч., т. 21, с. 121—156. — Избирательная платформа РСДРП. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 176—182. — Революционный подъем. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 339—346. — Извещение и резолюции Краковского совещания Центрального Комитета РСДРП с партийными работниками. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 249—270. — Развитие революционной стачки и уличных демонстраций. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 281—287. — Итоги выборов. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 319—344. — Стачки металлистов в 1912 году. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 380—393. — Объективные данные о силе разных течений в рабочем движении. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 244—250.

Бадаев А. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. 8-е изд. М., 1954. — *Баташев П. Н.* Ленский расстрел. Воспоминания председателя Бюро стачечного комитета. 2-е изд. М., 1936. — Большевистская фракция IV Государственной думы. Сб. материалов и документов. Л., 1938. — В годы подполья, 1910 г. — февраль 1917 г. Сб. воспоминаний. М., 1964. — *Лебедев М. И.* Воспоминания о ленских событиях 1912 г. 2-е изд. М., 1962. — Ленские прииски. Сб. документов. М., 1937. — *Ольминский М.* Из эпохи «Звезды» и «Правды» (Статьи 1911—1914 гг.) М., 1956. — Партия большевиков в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.). Документы и материалы. М., 1962. — Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. Документы и материалы. Л., 1958. — Страницы славной истории. Воспоминания о «Правде», 1912—1917 гг. М., 1962.

Аксенов Ю. С. Ленские события 1912. М., 1960. — *Арутюнов Г. А.* Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910—1914 гг. М., 1975. — Большевистская печать и рабочий класс России в годы революционного подъема 1910—1914. М., 1965. — *Володарская А. М.* Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса, 1913—1914. М., 1960. — *Крузе Э. Э.* Петербургские рабочие в 1912—1914 гг. М.—Л., 1961. — *Лавров П. А.* Рабочее движение на Украине в период нового революционного подъема, 1910—1914 гг. Киев, 1966.

К гл. 24: *Ленин В. И.* Горючий материал в мировой политике. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 174—183. — Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 186—196. — События на Балканах и в Персии. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 221—232. — Балканские народы и европейская дипломатия. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 142—143. — Новая глава всемирной истории. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 155—156. — Пробуждение Азии. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 145—146.

Бюлов Б. Воспоминания. М.—Л., 1935. — Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Сб. секретных дипломатических документов быв. имп. рос. М-ва иностр. дел. М., 1922.

Астафьев И. И. Русско-германские дипломатические отношения, 1905—1911. М., 1972. — *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906—1910. М., 1961. — *Бовыкин В. И.* Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912—1914 гг. М., 1961. — *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908—1909 гг. М., 1964. — *Зайончковский А. М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам. М., 1926. — *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908—1914 гг.). М., 1962.

К гл. 25: *Ленин В. И.* Задачи революционной социал-демократии в европейской войне. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 1—7. — Война и Российская социал-демократия. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 13—23. — Под чужим флагом. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 131—154. — Крах II Интернационала. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 209—265. — О поражении своего правительства в империалистской войне. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 286—291. — Социализм и война (Отношение РСДРП к войне). — Полн. собр. соч., т. 26, с. 307—350. —О лозунге Соединенных Штатов Европы. — Там же, с. 351—355. — Поражение России и революционный кризис. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 26—30. — Военная программа пролетарской революции. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 131—143. — О сепаратном мире. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 184—192. — Поворот в мировой политике. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 339—348.

Большевики в годы империалистической войны, 1914 — февр. 1917. Сб. документов местных большевистских организаций. М., 1939. — *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. 5-е изд. М., 1963. — Буржуазия накануне Февральской революции. М.—Л., 1927. — *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. 2-е изд. М., 1925. — *Лемке М.* 250 дней в царской ставке. Пг., 1920. — Монархия перед крушением, 1914—1917. Бумаги Николая II и др. документы. М.—Л., 1927. — *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. (Пер. с франц.). М.—Пг., 1923. — Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. Документы и материалы. Л., 1958. — Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны, 1914 — февраль 1917. Сб. документов. М., 1966. — Рабочее движение на Украине в период мировой империалистической войны. Июль 1914 г. — февр. 1917. Сб. документов и материалов. Киев, 1966.

Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917). М., 1962. — *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914—1917 гг. М., 1962. — *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. — *Емец В. А.* Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977. — *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914—1918 гг. 3-е изд., в 3-х т. М., 1938—1939, т. 1—3. — История первой мировой войны, 1914—1918 /Под ред. И. И. Ростунова. М., 1975, т. 1—2. — *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции. М., 1979. — *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. — *Чаадаева О. Н.* Армия накануне Февральской революции. М.—Л., 1935. — *Шестаков С. В.* Большевики во главе рабочего движения России в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917). М., 1961.

К гл. 26: *Ленин В. И.* Набросок тезисов 4(17) марта 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 1—6. — Письма из далека. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 9—59. — Революция в России и задачи рабочих всех стран. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 67—71. — О задачах пролетариата в данной революции. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—118. — О двоевластии. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 145—148. — Письма о тактике. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 131—144. — Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской революции). — Полн. собр. соч., т. 31, с. 149—186. — Политические партии в России и задачи пролетариата. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 191—206.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. М., 1957; т. 1, 27 февр. — 6 мая 1917 г. — *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. М., 1964. — *Верховский А. И.* На трудном перевале. М. 1959. — *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., — Пг., 1923. — Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. — 1917 год в деревне (Воспоминания крестьян). М., 1967.

Блок А. А. Последние дни императорской власти. — Собр. соч. в 8-ми т. М.—Л., 1962, т. 6.— *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. — *Минц И. И.* История Великого Октября, в 3-х т. 2-е изд. М., 1977; т. 1. Свержение самодержавия. — Партия большевиков в Февральской революции 1917 г. М., 1971. — Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977. — *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 г. Душанбе, 1975. — *Черменский Е. Д.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России: Пособие для учителя. М., 1959. — *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

К гл. 27: Ленин и культура. Хроника событий. Дооктябрьский период. М., 1976. — *Ленин В. И.* О литературе и искусстве. Сб. 6-е изд. М., 1979. — В. И. Ленин, КПСС об интеллигенции. М., 1979. — В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы. 3-е изд., доп. М., 1969. В. И. Ленин о Толстом. Сборник. М., 1978.

Боборыкин П. Д. Воспоминания, в 2-х т. М., 1965, т. 1—2. — *Никитенко А. В.* Дневник, в 3-х т. М., 1955—1956, т. 1—3. — *Панаева* (*Головачева*) *А. Я.* Воспоминания. М., 1972.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — Соч. М., 1963, т. 2, ч. 1, с. 169—433 (разд. VII и IX). — *Кошман Л. В.* История русской культуры XIX — начала XX в. М., 1971. — *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. — Очерки истории русской культуры второй половины XIX в. М., 1976. — *Познанский В. В.* Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX в. М., 1975. — *Фадеев А. В.* Идейные связи и культурная жизнь народов дореформенной России. М., 1966.

Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М., 1974. (См. также изд. 1961 г.; Воспоминания и письма). — Ленинградский университет в воспоминаниях современников, в 3-х т. Л., 1963; т. 1. Петербургский университет, 1819—1895 (изд. не закончено). — Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956. — Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. — Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864 — 1904, т. 1—17. — *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. М., 1960.

Берг Л. С. История русских географических открытий. 2-е изд., доп. М., 1962. — *Ганелин Ш. И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. 2-е изд., испр. и доп. М., 1954. — *Есин Б. И.* Русская дореволюционная газета, 1702—1917 гг. М., 1971. — История Академии наук СССР, в 3-х т. М.—Л., 1964, т. 2 (1803—1917). — История Московского университета, в 2-х т. М., 1955, т. 1, 1755—1917. — История Ленинградского университета, 1819—1969. Очерки. Л., 1969. — История техники. М., 1962. — Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. В 4-х кн. М., 1961—1965. — *Муратов М. В.* Книжное дело в России в XIX и XX вв.: Очерк истории книгоиздательства и книготорговли, 1800—1917 гг. М.—Л., 1931. — Развитие естествознания в России (XVIII — начало XX в.). М., 1977. — *Тимирязев К. А.* Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов. — Соч. М., 1939, т. 8, с. 137—177.

История русской литературы XIX в. Библиогр. указатель. М.—Л., 1962. — История русской литературы конца XIX — начала XX в.. Библиогр. указатель. М.—Л., 1963. — Русские писатели. Биобиблиографический словарь/Сост. *А. П. Спасибенко* и *Н. М. Гайденков*. М., 1971 (разд. «Писатели XIX в.», с. 143—725).

Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. — *Горький М.* Литературные портреты. М., 1967. — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964, т. 1—2. — *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1950. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 1—2. — Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, в 2-х т. М., 1978, т. 1—2. — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, в 2-х т. М., 1969, т. 1—2. — Хрестоматия по истории русской журналистики XIX в. 2-е изд., перераб. М., 1969. — А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1960. — *Чуковский К. И.* Из воспоминаний. М., 1959. — Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1962.

Мейлах Б. С. Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — нач. XX в. 4-е изд., доп. Л., 1970.

Благой Д. Д. От Пушкина до Маяковского. Закономерности развития русской литературы XIX — начала XX в. М., 1963. — В изм. и доп. виде текст вошел в книгу: *Благой Д. Д.* От Кантемира до наших дней. 2-е изд. М., 1979, т. 1, с. 9—25, 100—189. — *Бурсов Б.* Национальное своеобразие русской литературы. 2-е изд., доработ. Л., 1967. — *Груздев И. А.* Горький и его время, 1868—1896. 3-е изд., доп. М., 1962. *Кулешов В. И.* История русской критики XVIII—XIX вв. 2-е изд., испр. и доп. М., 1978. — *Ломунов К. Н.* Лев Толстой в современном мире. М., 1975. — *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы, 3-е изд. М., 1977. — Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950—1965, т. 1—2. — *Петров С. М.* Русский исторический роман XIX в. М., 1964. — *Пруцков Н. И.* Русская литература XIX в. и революционная Россия. Социологические и историко-литературные очерки. Л., 1971. — Русская литература конца XIX — начала XX в. Девяностые годы. М., 1968. — Русская литература конца XIX — начала XX в., 1901—1907. М., 1971. — Русская литература конца XIX — начала XX в., 1908—1917. М., 1972. — Русское народное поэтическое творчество. М.—Л., 1955—1956, т. 2, кн. 1—2 (Сер. XVIII — нач. XX в.). — *Талиашвили Г. А.* Русско-грузинские литературные взаимоотношения (XVIII—XIX вв.). Тбилиси, 1967. — *Турков А. М.* А. П. Чехов и его время. М., 1980. — *Фридлендер Г.* Достоевский и мировая литература. М., 1979. — *Черепнин Л. В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.

Бенуа А. Мои воспоминания. В 5-ти кн. (В 2-х т.). М., 1980, т. 1—2. — *Боткина А. П.* П. М. Третьяков в жизни и искусстве. 2-е изд. М., 1960. — Воспоминания о Рахманинове. 4-е изд., доп. М., 1974, [т.] 1—2. — Воспоминания о П. И. Чайковском. 3-е изд., испр. М., 1979. — Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1976. — Глинка в воспоминаниях современников. М., 1955. — *Глинка М. И.* Записки. М., 1953. — *Жихарев С. П.* Записки современника. М.—Л., 1955. — Вера Федоровна Комиссаржевская. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы. Л.—М., 1964. — *Крамской И. Н.* Письма. Статьи. М., 1965—1966, т. 1—2. — *Минченков Я. Д.* Воспоминания о передвижниках. 5-е изд. Л., 1964. — *Мочалов П. С.* Заметки о театре, письма, стихи, пьесы. Современники о П. С. Мочалове. М., 1953. — *Нестеров М. В.* Давние дни. Встречи и воспоминания. 2-е изд., доп. М., 1959. — *Репин И. Е.* Далекое близкое. 7-е изд. М., 1964. — Русская прогрессивная художественная критика второй половины XIX — начала XX в. Хрестоматия. М., 1977. — *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. М., 1972. — *Стасов В. В.* Избр. соч. В 3-х т. Живопись. Скульптура. Музыка. М., 1952, т. 1—3. — Федор Иванович Шаляпин. В 3-х т. 3-е изд., испр. и доп. М., 1976—1979,

т. 1—3. — *Щепкина-Куперник Т. Л.* Ермолова. М., 1972.

Алешина Л. С., Ракова М. М., Горина Т. Н. Русское искусство XIX — начала XX в. М., 1972. (Памятники мирового искусства.) — *Афанасьев Б. В.* Русская музыка. XIX и начало XX в. 2-е изд. Л., 1979. — *Верещагина А. Г.* Художник, время, история. Очерки русской исторической живописи XVIII — начала XX в. М., 1973. — *Гозенпуд А. А.* Русский оперный театр XIX в. [В 3-х т.] Л., 1969—1973. — *Грабарь И.* Репин. Монография, в 2-х т. М., 1963—1964, т. 1—2. — *Данилов С. С.* Русский драматический театр XIX в. Л.—М., 1957—1974, т. 1—2. — История русского искусства, в 13-ти т./Под общ. ред. акад. И. Э. Грабаря и др. М., 1963—1969, т. 8—10. — История русской музыки. М., 1957—1960, т. 1—3. — История русского драматического театра, в 7-ми т. М., 1977—1980, т. 2—5 (изд. продолжается).

Русская художественная культура конца XIX — начала XX в. М., 1968—1977, кн. 1—3. — *Сарабьянов Д.* Народно-освободительные идеи русской живописи второй половины XIX в. М., 1955.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор
Н. А. ФЕДОРОВА

Художественный редактор
Н. Е. ИЛЬЕНКО

Художник
Е. И. ИЛЬЕНКО

Технический редактор
Т. Д. ГАРИНА

Корректор
М. М. САПОЖНИКОВА

ИСТОРИЯ СССР
XIX — НАЧАЛО XX В.
Под редакцией
И. А. ФЕДОСОВА

ИБ № 2716

Изд. № Ист -260. Сдано в набор 04.02.81. Подп. в печать 22.10.81. А-01278. Формат $70 \times 90^1/_{16}$. Бум. тип. № 3. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем 33,93 усл. печ. л. 68,15 усл. кр.-отт. 47,27 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Зак. 95. Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Высшая школа», Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014. Ярославль, ул. Свободы, 97.

1 РОССИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. КРИЗИС КРЕПОСТНИЧЕСТВА.

2 РОССИЯ В ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА

3 РОССИЯ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

4

ИСТОРИЯ СССР
XIX-
НАЧАЛО
XX